Великая российская революция 1917

100 лет изучения

Российское историческое общество
Институт российской истории Российской академии наук
Государственный исторический музей
Федеральное архивное агентство

Великая российская революция 1917

100 лет изучения

Материалы Международной научной конференции
(Москва, 9—11 октября 2017 г.)

Москва
2017

УДК 941(47)
ББК 63.3(2)
В27

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-01-14061)
и Фонда «История Отечества»

Ответственный редактор
Ю.А. Петров

Редакционная коллегия:

А.Н. Артизов, С.В. Журавлев, А.К. Левыкин, С.Е. Нарышкин, Д.Б. Павлов

В27 Великая российская революция, 1917: сто лет изучения [Текст] : материалы Международ. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров ; Рос. ист. о-во ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук ; Гос. ист. музей ; Федеральное арх. агентство . – М. : [ИРИ РАН] , 2017 . – 808 с.

ISBN 978-5-8055-0335-2

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции, приуроченной к столетию Великой российской революции 1917 года. Основное внимание уделено экономическому положению России накануне и в годы революции, политическому кризису и трансформации властных институтов, деятельности партий и общественных организаций, национальным движениям, культурной и духовной жизни российского общества, проблемам историографии революции и исторической памяти о ней, темам «российская революция и мир» и «события революции в собраниях и коллекциях музеев и архивов». Среди авторов – ученые из академических учреждений и вузов Москвы, С.-Петербурга и других регионов России, сотрудники ведущих отечественных музеев и архивохранилищ, иностранные исследователи из 20 стран ближнего и дальнего зарубежья.

ISBN 978-5-8055-0335-2

© Российское историческое общество, 2017
© Институт российской истории РАН, 2017
© Государственный исторический музей, 2017
© Федеральное архивное агентство, 2017
© Коллектив авторов, 2017

Содержание

От редколлегии 9
Приветствия участникам конференции 11
С.Е. Нарышкин, Председатель Российского исторического общества, доктор экономических наук 11
М.А. Эскиндаров, Ректор Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук 12

Раздел 1. Общие проблемы изучения революции
Ю.А. Петров. Великая российская революция: современные историографические тренды 17
В.П. Булдаков. Мировая война, европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 г. 21
А.П. Ненароков. История Великой российской революции: парадоксы современной историографии 31
А. Рабинович. Петроградские большевики и Всероссийское Учредительное собрание 35
Харуки Вада. Февральская революция: новая концепция японских историков 43
Р.Г. Пихоя. Две революции: 1917 года и 1991 года. Общее и особенное 50

Раздел 2. Революция и экономическое положение России
А.С. Грузинов. Динамика валовых показателей российской экономики накануне 1917 г.: спад или подъем? 61
В.В. Кондрашин. Крестьянство и революция 66
С.В. Леонов. Проблема «объективных и субъективных» предпосылок Великой российской революции: новый взгляд 73
А.С. Соколов. Государственное регулирование российской экономики: продовольственная монополия, март – октябрь 1917 г. (по материалам Рязанской губернии) 80
П.В. Лизунов. Петроградская фондовая биржа в период Великой российской революции 1917 года 85
А.А. Бессолицын. Акционерно-паевые предприятия России: экономическая и социальная трансформация в период февраля — ноября 1917 г. 91
М.Г. Николаев. Революционные преобразования в банковской сфере в художественных свидетельствах 97

Раздел 3. Политический кризис и трансформация властных институтов
В.Я. Гросул. Осенне-зимний кризис 1916 г. 107
В.С. Христофоров. Российская контрразведка против коррупции и олигархии (1916—1917) 119
К.А. Соловьев. Прогрессивный блок в январе — феврале 1917 г. 124
И.В. Лукоянов. Февральская революция 1917 года: почему она произошла? 129
Ф.А. Гайда. Временное правительство: старое и новое в практике государственного управления 136

А.Б. Николаев. Из истории сотрудничества Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в решающие дни Февральской революции 1917 года 143
Д. Орловски. Эндшпиль революции: «провальные» учреждения сентября — октября 1917 г. 148
А.В. Мамаев. Трансформация городского самоуправления при Временном правительстве (март — октябрь 1917 г.) 155
А.С. Сенин. Донбасс в 1917 г. 160
В.Г. Зарубин. К вопросу о статусе Крыма в 1917 г. 167
Дж. Хоскинг. Возможные альтернативы: генерал Болдырев и Директория 173
Н.Ф. Бугай. Военно-пролетарская диктатура как социальная технология управления развитием революционного процесса (на примере Великой российской революции 1917 года) 183
Т.Г. Архипова. Организация и деятельность государственного аппарата России в первые месяцы советской власти в отечественной историографии 190
В. Деннингхаус. Как Наркомнац из инструмента революции превратился в «лавочку», которая «только тем и занимается, что разные народы на Северном полюсе и в тундрах выдумывает»: Трансформация Наркомнаца РСФСР в 1917—1924 гг. 197

Раздел 4. Партии и общественные организации

А.С. Туманова. Реформы в повестке дня Временного правительства и организованной общественности весной 1917 г. 209
А.А. Иванов. Конкуренты большевиков справа: Монархическая организация В.М. Пуришкевича в 1917 г. 213
Н.Б. Хайлова. Либералы-центристы в 1917 г.: реальные политики или утописты? 219
В.В. Шелохаев. Либералы и социалисты: сотрудничество и противостояние 226
К.Н. Морозов. Шансы, потенциал и причины неудачи эсеровской демократической альтернативы в 1917 г. 238
А.В. Шубин. Левая многопартийная альтернатива в 1917 г. 243
А.Ю. Морозова. «Нынешняя революция есть продолжение... революции 1905 г.»: А.А. Богданов о революции 1917 года 249
В.Ф. Солдатенко. Партийно-политическая борьба революционных лет (1917—1920) в Украине: к выработке комплексной оценки исторического опыта 255
А. Скшипек. Польские политические организации в России, март 1917 — февраль 1918 г. 263
В.Г. Кокоулин. Политические партии и группы Западной Сибири в революционных процессах 1917 г. 268
С.В. Беспалов. П.Б. Струве о природе и значении революции 1917 года 278
В.И. Козодой. Новые источники к политической биографии Александра Ивановича Гучкова 283

Раздел 5. Революция и национальные движения

С.М. Исхаков. 1917 год в России и мусульманское движение в историографии 293
К.С. Дроздов. Проекты национально-политического самоопределения украинцев и белорусов и их реализация на территории бывшей Российской империи в 1917—1918 гг.: сравнительно-исторический анализ 298
Т. Вихавайнен. Образ финляндской революции в России 305

А.Ю. Бахтурина. Прибалтийские губернии в политике Временного правительства в 1917 г. 311
К. Брюггеманн. Демократическая революция в Эстляндской губернии, 1917—1919 гг.: от всеимперского энтузиазма до национальной независимости 315
А.П. Касперавичюс. Октябрьская революция в России и Литва: непосредственное влияние и оценки с исторической перспективы 320
Н.И. Суханова. Революционный процесс 1917 года на Северном Кавказе: общероссийские и региональные факторы 325
О.А. Жанситов. Русская революция и национально-политические процессы на Северном Кавказе (опыт научного осмысления проблемы) 331
О.Г. Буховец. Национальная политика Российской империи и СССР: о противоречиях и их последствиях 337
А.Е. Локшин. 100 лет эмансипации евреев в России 343
Ш.Д. Батырбаева. Национальная политика советской власти по преодолению последствий восстания 1916 года в северном Кыргызстане: 100 лет изучения 351
Д.А. Аманжолова. Революция 1917 года и проблемы политической консолидации народов Казахстана и Средней Азии 358
С.М. Назария. Общественно-политическая эволюция Бессарабии в ноябре — декабре 1917 г. и ее крах в результате румынской интервенции 365
Р.А. Циунчук. Революция и новая политическая роль бывших депутатов Думы в национальных государствах на постимперском пространстве 372

Раздел 6. Революция, культура, духовная жизнь

Н. Катцер. «Пыль и дым». «Революция» и писатели 379
Ю.В. Аксютин. Великая русская революция глазами творческой интеллигенции 385
А.Е. Иванов. Высшая школа России в 1917 г. 392
Т.Ю. Красовицкая. История как политический ресурс «идеального отечества» в революционном популизме февраля — октября 1917 г. 398
Т.А. Филиппова. «Темные силы» в революционном интерьере: Динамика образов вражды в русской журнальной сатире, 1917—1918 406
А.В. Голубев. 1917 год в историко-культурном контексте 414
Т.Г. Леонтьева. Революция. Духовенство. Приход 420
В.В. Керов. От выражения «молитвенного восторга» до осуждения «гнусного злодейства»: Старообрядчество в 1917 г. 426
В.Г. Вовина-Лебедева. Отражение революции в переписке А.А. Шахматова 432

Раздел 7. Революция, общество, человек

В.Б. Жиромская. Военно-политические кризисы и население России, февраль 1917 — июнь 1918 г. 441
Н.А. Иванова. Социальная стратификация и революция 1917 года 447
S. Merl. The Peasants and the October Revolution 453
C. Scheide. What gave the revolutions 1917 to female workers and peasant women? Visions, challenges, and changes for the society 460
В.Б. Аксенов. «Революционный психоз»: Массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917 г. 465

А.Н. Егоров. Общественно-политические настроения в российской провинции накануне революционных потрясений 1917 г. (по материалам Вологодской губернии) 474
В.Н. Суряев. Февральская революция 1917 года в восприятии русского офицерства 480
Г.Н. Ульянова. Призрение, благотворительность и социальное обеспечение в 1917—1918 гг. в политике Временного правительства и Совнаркома 487
А.Б. Асташов. Военные власти и рабочие казенных оборонных заводов в 1914—1917 гг.: опыт социального партнерства 496
Т.М. Смирнова. «Бывшие люди» послереволюционной России: основные итоги, проблемы и перспективы изучения 502
О.Г. Пуговкина. «Бывшие люди» в Туркестане: от Февраля к Октябрю 1917 года 508
С.Н. Базанов. Демобилизация действующей армии в ноябре 1917 — апреле 1918 г. ... 515
А.В. Венков. Роль казаков в Российской революции 1917 года: историографический обзор 524

Раздел 8. Российская революция и мир

Е.Ю. Сергеев. Февраль и Октябрь 1917 года в общественном мнении Запада (на примере Великобритании) 533
А.В. Семенова. Великая французская революция и Великая российская революция 1917 года: опыт сравнительного изучения в отечественной исторической науке 538
Т. Кондратьева. Великая октябрьская и Великая французская революции в историографическом дискурсе 543
P. Dukes. The Russian Revolution and Scotland: Aberdeen and Northern Scotland 548
Е.Г. Кострикова. Влияние революционных событий в России на положение русского военного контингента на Салоникском фронте 551
Чжан Цзяньхуа. От негативного к позитивному: Изменение образа китайского рабочего и Китая в послеоктябрьской России 556
Ван Гуйсян. Влияние Октябрьской революции 1917 года на китайскую революцию и образование КНР 560
С.В. Листиков. Американские дипломаты и наблюдатели в революционной России 562
Н.Е. Быстрова. Россия на «дипломатическом фронте» после Октября 1917 года 568
А. Босяцки. Наследие русской революции за пределами России. Политико-правовые аспекты 575

Раздел 9. Революция: проблемы историографии и исторической памяти

Р.Р. Хайрутдинов. Изучение Великой российской революции как научная и идейно-политическая традиция: от «социалистического переворота» до «цивилизационного срыва» 583
О.В. Волобуев. Великая российская революция: проблема периодизации 588
Д. Вульф. Война и революция в Евразийской России: взгляд из Северо-Восточной Азии 594
Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе. Новый взгляд на 1917 год: Международный проект «Великая война и революция в России» 597
А. Косески. Историческая память о революции 1917 года в России 599

Хуан Лифу, Чжао Сюйли. Октябрьская революция и изучение истории России в Китае (1917—2017) 604
В.В. Вострикова. Российские либеральные политики и идеологи о революции 1917 года 611
И. Гилязов. События 1917 г. в оценках историографии Татарстана 619
С.И. Алиева. Азербайджан и Северный Кавказ в период русской революции 1917 года: историография 624
И. Багирова. Азербайджан во время революции 1917 года: компаративный анализ советской и современной историографии 629
З.Г. Сактаганова. Октябрь 1917 года и Казахстан: историографический дискурс 636
В.П. Любин. Итальянская историография революции в России 1917 года 642
В.И. Мусаев. Историография 1917 года в Балтии и Финляндии 649
Н.В. Усманов. События 1917 г. в Башкирии в трудах ее историков 654
А.В. Сидоров. Советская историческая наука и публичная история в первое постреволюционное десятилетие 661
Л.А. Сидорова. Первые советские историки-марксисты: революционные идеалы и профессиональная деятельность 667
В.В. Тихонов. Революционный миф и политика памяти в СССР в эпоху «оттепели» 673
П.П. Марченя. Февраль и Октябрь 1917 года в исторической памяти и политическом календаре России 678
А.А. Талызина. 1917 год глазами современного российского школьника 683

Раздел 10. Революция 1917 года в собраниях и коллекциях музеев и архивов

С.Л. Спиридонов. Изменение подходов к музейной интерпретации истории Российской революции 1917—1922 годов (на примере экспозиционной практики Музея политической истории России) 693
А.А. Бойко. Отражение революционной ситуации в художественном кинематографе 1917 г. (на основе фонда афиш ГМПИР) 701
И.П. Петухов. Левые эсеры в органах государственной власти в Петрограде после октября 1917 г. 707
И.В. Белозерова. Разложение российской армии в 1917 г. глазами очевидца (по материалам ОПИ ГИМ) 711
А.В. Лялин. Революционные события 1917 г. в документах историков (по личным фондам историков из собрания ОПИ ГИМ) 717
Н.К. Миско, А.И. Свинаренко. Российская православная церковь в эпоху революции 1917 года в дневниках Ю.В. Арсеньева 723
Е.В. Неберекутина. 1917 год в дневнике историка М.М. Богословского 727
Е.Е. Николаева. Октябрь 1917 года в Москве по дневникам барона Жозефа де Бая (из собрания ОПИ ГИМ) 732
А.А. Петров. Документы епископа Камчатского Нестора (Анисимова) периода революции 1917 года в фонде Московского отделения Православного Камчатского братства в собрании ОПИ ГИМ 740
Ф.А. Петров. Первый премьер демократической России князь Г.Е. Львов и судьба его потомков в СССР 747
Т.А. Цапина. Русские военнопленные Первой мировой войны и Февральская революция 1917 года по материалам ОПИ ГИМ 755

И.Г. Шевелев. События 1917 г. на фронте по дневниковым записям поручика 168-го Миргородского полка Георгия Александровича Перротте 761
В.В. Пономарева. Институт московского дворянства в 1917 г. по материалам фондов Отдела письменных источников Исторического музея 766
А.А. Чернобаев. Документальные публикации в журнале «Исторический архив»: К 100-летию Великой российской революции 770
А.Г. Калмыков, О.Г. Никонова. На охране «правильного прошлого»: Из истории идеологических чисток коллекции ленинградского Государственного музея Революции 776
М.В. Зеленов, Н.Ю. Пивоваров. Партия у власти: Аппарат ЦК РСДРП (б)-РКП (б) в октябре 1917 — апреле 1922 г. (структура, функции, штаты, сохранность документов) 782
А.В. Репников. «Россию *подмени*ли...»: (Русские монархисты накануне и после крушения самодержавия) 788
О.А. Шашкова. Истпарт и формирование в СССР концепции Революции 1917 года 797

Сведения об авторах 804

От редколлегии

В предлагаемом вниманию читателя сборнике публикуются статьи, подготовленные авторами на основе докладов на Международной научной конференции «Великая российская революция: сто лет изучения». Организаторами конференции, прошедшей 9—11 октября 2017 г. в Москве, выступили Институт российской истории РАН, Государственный исторический музей и Федеральное архивное агентство (Росархив), которых объединяет многолетнее плодотворное сотрудничество в организации и проведении крупных международных научных форумов*. Конференция прошла под эгидой Российского исторического общества и явилась одним из центральных научных мероприятий, посвященных 100-летнему юбилею Великой российской революции.

На двух пленарных заседаниях и в рамках девяти секций конференции состоялась презентация свыше 150 докладов. Их авторами выступили сотрудники академических институтов, вузов, музеев и архивов Москвы, С.-Петербурга, Архангельска, Воронежа, Казани, Нальчика, Новосибирска, Орла, Ростова-на-Дону, Рязани, Симферополя, Твери, Уфы. Конференция вызвала живой отклик и за рубежом, в ней приняли участие ученые из 20 стран «дальнего» и «ближнего» зарубежья: Азербайджана, Беларуси, Великобритании, Германии, Италии, Канады, Казахстана, Китая, Республики Корея, Литвы, Молдовы, Польши, США, Узбекистана, Украины, Финляндии, Франции, Швейцарии, Эстонии и Японии. Подавляющее большинство участников, выступивших с докладами, представили их в виде статей, публикуемых в данном сборнике. Благодаря этому предлагаемая книга в полной мере отражает содержание и итоги работы международного научного форума.

Конференция открылась пленарным заседанием под председательством директора ИРИ РАН Ю.А. Петрова. С приветствиями к ее участникам выступили председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин, ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации М.А. Эскиндаров, руководитель Росархива А.Н. Артизов, директор Государственного исторического музея А.К. Левыкин, вице-президент РАН академик Н.А. Макаров, ректор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации академик А.В. Торкунов, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) академик А.О. Чубарьян, президент Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова академик С.П. Карпов, заместитель председателя Совета РФФИ В.Н. Фридлянов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Финляндии в России Микко Хаутала, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербии в Российской Федерации проф. Славенко Терзич и др.

---

* См.: Освободительные походы русской армии 1813—1814 гг. в истории России и Европы: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 25—26 марта 2014 г.) / отв. ред.: А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014; Россия в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг.: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сент. — 3 окт. 2014 г.) / отв. ред.: А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014; и др.

Основное внимание докладчиков было уделено историографическому осмыслению событий столетней давности, выяснению перспектив их дальнейшего исследования. Участники конференции рассматривали Великую российскую революцию в качестве определяющего фактора политической, социальной, экономической и духовной жизни страны, ее влияние на распад единого Российского государства и изменение международного статуса страны. Важным элементом состоявшихся дискуссий стала тема восприятия российских событий за рубежом, воздействия Великой российской революции на мировое развитие в XX в. В рамках заключительного пленарного заседания конференции состоялась презентация коллективного труда по истории революции 1917 года*.

Организационный комитет конференции и редколлегия данного сборника выражают искреннюю признательность Российскому фонду фундаментальных исследований (РФФИ) и фонду «История Отечества» за финансовую поддержку в проведении конференции и издании ее материалов.

* Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017. 2 т.

Приветствия участникам конференции

С.Е. Нарышкин,
Председатель Российского исторического общества,
доктор экономических наук

Добрый день, уважаемые коллеги и друзья!

С большим удовольствием приветствую всех участников и гостей международной научной конференции, которая посвящена Великой российской революции 1917 года.

XX век был богат на события глобального характера, но среди них русская революция 1917 года занимает совершенно особое место. И память о ней сегодня всё еще волнует многих людей на Земле. Вновь и вновь мы обращаемся к осмыслению этого поистине тектонического сдвига в судьбах и России, и многих стран мира.

Здесь собрались ученые, историки, которые представляют 23 страны. Хочу сказать, что Институт российской истории РАН под руководством Юрия Александровича Петрова остается одним из ведущих интеллектуальных центров, который глубоко занимается осмыслением причин, ну а главное — значения и уроков Великой российской революции.

Большим подарком для всех любителей отечественной истории стало недавнее издание новой энциклопедии, которая называется «Россия в 1917 году», и коллективной монографии, также посвященной событиям 1917 года. Я хотел бы поздравить коллег с окончанием этих двух очень серьезных и глубоких проектов.

Напомню, что еще несколько лет назад сотрудники Института российской истории РАН приняли активное участие в разработке нового историко-культурного стандарта. Эта работа имела не только научное, но и большое социальное или даже социально-политическое значение. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории для преподавания в средней школе стала результатом такого, я бы сказал, своеобразного «общественного договора». Помню, как на первых порах предлагались самые разные варианты будущего стандарта. Но члены рабочей группы не замыкались в своей среде, участвовали и в профессиональных, и в общественных обсуждениях, результатом чего стал емкий, сбалансированный и соответствующий современным научным представлениям текст концепции. Именно в ней, а затем и на страницах трех новых линеек учебников было впервые использовано понятие — Великая российская революция 1917—1922 годов.

Опыт уже проведенных нами юбилейных мероприятий, реализованных проектов подтверждает, что эта концепция обладает большим потенциалом. Убедительно звучит утверждение о том, что революция — это длительный и многоэтапный процесс, начавшийся в 1917 году и завершившийся с окончанием Гражданской войны в России. Сегодня перед историками по-прежнему стоит задача донести результаты этой академической дискуссии до широких слоев нашего общества.

И в оставшиеся месяцы юбилейного года, и в грядущем году Российское историческое общество и сформированный им оргкомитет продолжат вести эту востребованную просветительскую работу.

В ближайшее время нас ожидает еще около 50 образовательных, научных и культурных мероприятий, посвященных 100-летию Великой российской революции.

Основные из них (в том числе и сегодняшняя конференция) уже получили поддержку со стороны фонда «История Отечества».

Я не сомневаюсь, что результаты юбилейного года продемонстрируют эффективность объединения академических и общественных усилий, направленных на повышение уровня общероссийской исторической культуры.

Я всем вам желаю успешной работы, новых творческих идей и благодарю за внимание. Спасибо!

М.А. Эскиндаров,
Ректор Финансового университета при Правительстве РФ,
доктор экономических наук

Уважаемые участники конференции!

Рад приветствовать вас, известных специалистов в области российской истории, в знаменательный для вас день проведения столь важной научно-теоретической конференции, посвященной 100-летию российских революций 1917 года.

В своем кратком приветствии в ваш адрес мне хотелось бы обратить внимание на некоторые весьма важные, с моей точки зрения, вопросы. Беря на себя такую смелость, я исхожу из того, что имею на это право. И не только потому, что меня попросило это сделать руководство вашего института, но и потому, что я всю свою жизнь начиная с детских лет интересовался историей, в особенности историей нашей страны — России. Прочитал немало исторической литературы и продолжаю это делать почти ежедневно сейчас.

Из многих важных тем, которые можно было бы затронуть, я выбрал лишь две из-за краткости жанра приветствия.

Первая из них связана с темой сегодняшней конференции, а вторая — с ролью исторической литературы в патриотическом воспитании школьников, студентов и в целом граждан нашей страны.

Говоря о первой теме, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в истории любой страны, и, в том числе, нашей России, случаются события, которые являются поворотными в ее исторической судьбе. К числу таких событий, безусловно, относятся революции, прежде всего, социальные. Однако далеко не в каждой стране происходят события, которые имеют всемирно-историческое значение, являются поворотным пунктом в мировой истории, меняют не только ход истории, но и ее содержание.

Таких событий, в сущности, не так много, и мы имеем все основания сказать сегодня, что российские революции 1917 года занимают весьма важное место в ряду именно таких событий. Сказанное относится в первую очередь к Октябрьской революции, о значении которой и для мировой, и для отечественной истории написаны буквально горы литературы, как научной, так и всякой другой, сняты многочислен-

ные фильмы, поставлены спектакли и пр. И это не только произведения положительного звучания, но и резко критические. Немало трудов создано и учеными вашего академического института. На один из них в связи с темой вашей конференции я сошлюсь ниже.

Нам многие годы казалось, что в российских событиях 1917 года все достаточно ясно и не может подвергаться сомнению. Однако в последнее время появилась новая теория, сторонники которой есть и вашем институте — Институте российской истории РАН. По этой теории Февральская, Октябрьская революции 1917 года, а также Гражданская война — это три этапа одного процесса, название которому Великая Российская революция. Такая трактовка, надо признать, весьма необычна, требующая, как мне представляется, основательного осмысления и доказательства. Надеюсь, что на сегодняшней вашей конференции об этом также пойдет речь.

В связи с обсуждаемой темой я хотел сослаться на достаточно основательный труд «История России», созданный коллективом из пяти достаточно известных ученых вашего института, изданный в 2016 г. московским издательством АСТ. Книга состоит из почти 1800 страниц, основательно насыщенных фактами, но местами спорная, на мой взгляд, с точки зрения теории. В доказательство я затрону лишь сюжет о российских революциях 1917 года и их последствиях.

В подтверждение такого вывода сошлюсь на две цитаты, не комментируя их подробно.

Первая цитата: «В марте 1917 г. произошло событие, которое радикально изменило весь ход отечественной истории, перевернуло весь социальный, экономический и политический порядок вещей в стране. Крушение монархии во всех отношениях — переломная веха в судьбе страны и народа. По сути дела, тогда не просто произошла смена власти, а гибель огромной культурно-цивилизационной системы» (с. 1325).

Спорным, в моем представлении, является заключительное предложение этой цитаты, в которой говорится о гибели огромной культурно-цивилизационной системы. С моей точки зрения, даже социальные революции (при всей их сокрушительной мощи) не приводят к гибели культурно-цивилизационной системы. Это, разумеется, не исключает, что революции оказывают на эти системы всеохватывающее глубокое воздействие.

Вторая цитата: «Если монархическая Россия формировалась и существовала многие столетия, то коммунистическая империя через три четверти века полностью сгнила и рассыпалась. Иного и быть не могло. Хотя “Страна Советов” и превратилась в бесформенные руины, но ходульные идеологические тезисы той поры еще затуманивают сознание. И немалое число людей и в начале XXI в. убеждены, что старая Россия, страна, история которой завершилась в 1917 г., не достойна никакого уважения. Легенда о “темном царстве” пережила ее сочинителей» (с. 1326).

В связи с этой цитатой замечу лишь, что воздействие коммунистических идей на российское общество и государство, опыт советского социализма, как положительный, так и отрицательный, требует, я убежден, более основательного научно-теоретического осмысления, а не только эмоционального изложения, что характерно, с моей точки зрения, для приведенной цитаты.

Уважаемые коллеги! Я привел эти цитаты не только для того, чтобы еще раз обратить ваше внимание на непреходящую актуальность таких важных исторических событий, как российские революции 1917 года, но и для того, чтобы показать, как с течением времени меняются оценки таких фундаментальных исторических событий, как социальные революции. О них спорили, спорят и будут спорить еще не одно столетие. Поистине, история — это политика, опрокинутая в прошлое.

В этой связи мне хотелось бы подчеркнуть огромное значение доказательной базы исторической науки, в частности, и социальных наук в целом, особенно в части теории, что разумеется, весьма непросто. В отличие от естественных и точных наук, которым нужна основательная экспериментальная база и которые поэтому относят к фундаментальным наукам, общественные и гуманитарные науки к таковым не относят. А зря, на мой взгляд. Всякая наука, если она, конечно, подлинная, фундаментальна по своей сути.

В своем приветствии в ваш адрес мне хотелось бы обратить внимание еще на один важный вопрос — о роли отечественной истории в патриотическом воспитании наших школьников, студентов и граждан страны вообще.

Не секрет, что современные средства обучения, в том числе Интернет, Википедия и другие, не только значительно расширили горизонты познания, но и каналы влияния, в том числе зарубежного. В результате уровень патриотического воспитания в нашей стране, на мой взгляд, значительно снизился. Во всяком случае трудности такого воспитания заметно возросли.

Учитывая, что роль отечественной истории в этом деле исключительно велика, хотелось бы обратиться к вам с идеей, смысл которой состоит в том, что именно Институт российской истории должен задавать алгоритм, формировать концепцию, идеологию патриотического воспитания в нашей стране с опорой на максимально достоверное историческое знание. Нельзя воспитать подлинных патриотов, если целенаправленно сознательно акцентировать темные страницы нашей истории, которых, к слову сказать, более чем достаточно в истории любой страны, и принижать (если не чернить) героические страницы, которых опять-таки также немало в истории любой страны.

Заканчивая свое приветствие, хочу от всей души пожелать большого успеха в работе вашей конференции, а также в работе коллектива Института российской истории.

Раздел 1
Общие проблемы изучения революции

Ю.А. Петров

Великая российская революция: современные историографические тренды

Столетие революции закономерно вызвало повышенный интерес со стороны профессионального сообщества историков и российского общества в целом к общественно-политическим и социально-экономическим процессам, которые породили социальный взрыв 1917 года в России. В годы Первой мировой войны повсеместно в воюющих странах на фоне обнищания населения, кризиса прежних властных институтов и ценностей наблюдалась резкая радикализация общественных настроений. Популярными становились идеи социального переустройства мира. Россия оказалось в эпицентре этой эпохи «великих потрясений». Здесь наблюдалось особенно сложное переплетение военных и революционных процессов, обусловивших масштаб, глубину и ожесточенность событий.

Российская революция 1917 года и начавшийся в ее результате «советский эксперимент» по силе воздействия на общемировые процессы признаны одними из важнейших событий XX в., как в свое время и Великая французская революция во многом изменила вектор развития западной цивилизации в XIX в. Для современного российского общества актуальность истории революции обусловлена, прежде всего, объективно возросшей потребностью после длительного периода идеологического, политического и историографического мифотворчества революции перейти к объективному осмыслению ее как исторически закономерного звена непрерывного исторического развития России.

В постсоветский период коренным образом изменилось восприятие революции в исторической памяти населения России. События 1917 г. продолжают оцениваться как одно из решающих событий национальной и мировой истории XX в., но все более приходит осознание того, что революция и спровоцированная ею Гражданская война принесли величайшие бедствия народу России (распад государства, экономический коллапс, громадная потеря населения от военных конфликтов и эпидемий и др.). Изменилась и позиция власти, по инициативе которой день Октябрьской революции (7 ноября) перестал быть государственным праздником. Вместе с тем, надо отметить, что современное государство не навязывает профессиональным ученым трактовок и оценок революции, как то было в советский период. Напротив, экспертные заключения науки являются основой для принятия государственных решений в области исторической политики. Президент Российской Федерации В.В. Путин в декабре 2016 г. поручил Российскому Историческому обществу в связи со 100-летием революции сформировать Оргкомитет и подготовить план мероприятий, оставив за профессиональной организацией историков полную свободу трактовок событий той эпохи.

Важным достижением научного сообщества стало утверждение представления о революции как о сложном и многофакторном процессе, а не одномоментном событии. На современном этапе многие российские и зарубежные ученые приходят к выводу о трактовке событий 1917—1922 гг. как единой Великой российской революции, прошедшей в своем развитии несколько этапов, включая Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну. Одной из основных тенденций современной историографии является отказ рассматривать революцию 1917 года как резкий и радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. Теперь революция воспринимается как часть системного кризиса импе-

рии, вызванного мировой войной и завершившегося только с окончанием Гражданской войны.

Данный подход позволяет преодолеть сохраняющуюся в историографии и общественном сознании дихотомию восхваляющего мифотворчества («революция — локомотив истории») и идеологически и политически ангажированного негативизма («революция — абсолютное зло»). При этом революционные события в современной исторической науке рассматриваются в качестве фактора, определившего все стороны политической, социальной, экономической и культурной жизни страны. Об этом, в частности, свидетельствует недавно вышедшая коллективная монография, подготовленная Институтом российской истории РАН[1].

Подчеркнем, что если в советское время отечественная и зарубежные трактовки революции в целом противостояли друг другу, то в постсоветскую эпоху наметилось формирование диалогичного, но единого историографического пространства. В последние годы отечественным и зарубежным исследователям по ряду дискуссионных проблем российских революций удалось преодолеть идеологическое и политическое противостояние, выработать более взвешенные оценки, что, в свою очередь, позволило вести историографический диалог в рамках крупных совместных научных форумов.

Следует отметить характерное для современных исследователей стремление раздвинуть хронологию революционных событий в России, анализировать их в более широком историческом контексте. Становится нормой рассматривать проблему в продолжительных хронологических рамках «эпохи великих потрясений» 1914—1921 гг. Кроме того, центр тяжести изучения революции все отчетливее смещается от событий 1917 г. в Петрограде и Москве к анализу революционных процессов в регионах России, в том числе в национальных районах.

Особое внимание уделяется роли Первой мировой войны в нарастании революционных процессов в стране. Сегодня война оценивается не в качестве прелюдии «Великого Октября», но как эпохальное событие, приведшее к социально-экономической и политической трансформации Евразии и значительной части остального мира. В связи со 100-летием начала войны в свет вышли обобщающие работы, в которых в едином контексте рассмотрены экономическое положение страны, социальные процессы и политический кризис военных лет[2].

Первая мировая, ставшая и первой тотальной войной в истории человечества, потребовала мобилизации людских, финансовых ресурсов, производственных мощностей и перестройки системы управления народным хозяйством. Перевод части промышленности на военные рельсы привел к падению выпуска гражданской продукции и ее вздорожанию — с неизбежно негативным социальным откликом. Война стала громадным испытанием, которое Россия до 1917 г. в целом выдерживала. Уровень жизни населения страны в целом снизился, но не критически. В исследованиях последних лет отсутствует распространенный ранее жесткий детерминизм по формуле «революция есть прямое следствие неудачной войны». Несмотря на все тяготы войны, к началу 1917 г. военно-стратегическое положение России благодаря мобилизации тыла улучшилось, и ее поражение далеко не было предопределено[3]. Экономический фактор нельзя поэтому считать достаточным для объяснения того, почему именно в России в ходе войны произошла революция (в других странах — после завершения войны).

Во всяком случае, может считаться преодоленным известный ленинский постулат о «пауперизации масс» как главной предпосылке нарастания революционного кризиса в имперской России. В мирное время Российская империя, несмотря на многообразие, разнонаправленность и масштабность социальных конфликтов, спо-

собна была их «переварить». Однако в экстремальных условиях войны это оказалось невозможным. В сознании российских рабочих и крестьян в 1917 г. желание покончить с войной соединилось со стремлением сокрушить прежнюю государственную машину и уничтожить систему частнособственнических отношений.

Эти настроения стали питательной средой для роста протестных настроений и повышения социальной напряженности. При этом нарастание протестных движений стало в известной мере также и результатом получения относительно большей свободы, ослабления контроля, увеличения социальной мобильности и усиления общей социально-экономической и социально-политической дезорганизации, вызванной прежде всего обстановкой мировой войны. В последнее время в российской историографии все активнее ставится вопрос, что причины революции надо искать в противоречиях, порожденных стремительным характером модернизации страны, в трудностях перехода от традиционного общества к современному, которые в силу ряда причин оказались для России непреодолимыми. Основной акцент при этом делается на анализе того, насколько правящая элита справлялась с вызовами времени, с так называемым кризисом развития и понимала необходимость реформ. Согласно такому подходу революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом. Рост кризисных явлений не вел фатально к революции, однако действительно создавал предпосылки, реализовавшиеся в силу поражений на фронте, трудностей военного времени, а также противостояния нарождавшегося гражданского общества и авторитарной власти.

Социальное напряжение, усилившееся трудностями военного времени, вылилось в события Февраля 1917 года. Одним из центральных остается в историографии вопрос, были ли события Февраля 1917 года результатом стихийного народного выступления или заранее подготовленного заговора «верхов»? Доминирующим в исторической литературе остается признание стихийного характера начала революции. Февральская революция стала триумфом бунтующей массы над ослабевшей властью, терявшей авторитет и даже веру в самое себя. События того времени вызвали стихию «красной смуты»[4].

Вместе с тем, в последние годы получила распространение «конспирологическая» концепция, согласно которой падение империи интерпретируется как результат заговора внешних (германских или британских) либо внутренних сил — революционеров, масонов, генералов и т.д. Имеет хождение версия, согласно которой революция якобы не имела серьезных внутренних оснований, а была подготовлена и совершена сначала «безответственными либералами», а затем перехватившими у них власть большевиками на иностранные деньги. Конспирологический подход претендует на новизну, но на самом деле является достаточно архаичным, подменяя осмысление глобальных событий поиском таинственных злодеев. Большинство современных российских и зарубежных исследователей отвергают эту концепцию, которая явно противоречит накопленному исторической наукой массиву данных о событиях столетней давности. Важным вопросом современной историографии революции остается поэтому проблема исторической памяти, изучение механизмов актуализации образа революции и практики его использования в политических целях.

В изучении Октябрьской революции особое внимание российского общества вызывает вопрос о роли Германии в финансировании политической деятельности большевиков. «Пораженческая» позиция Ленина и его сторонников объективно была выгодна Германии и в условиях продолжающейся войны воспринималась как предательская. Однако Ленин, как революционер-интернационалист, не был платным агентом Германии, использовав помощь военного противника в собственных целях. Революция в России

рассматривалась большевиками как «фитиль», от которого должен вспыхнуть пожар мировой революции. Поэтому неверен получивший распространение в современной России давний тезис о том, что революция в России была сделана по германскому плану и на немецкие деньги. Во всяком случае эффективность этих затрат была весьма невелика. Во время Первой мировой войны Германия, заметим, потратила в десятки, если не сотни раз больше на Румынию и Италию, чем на Россию, с целью удержать их в своем альянсе, не дать уйти к Антанте. Но эти вливания не дали желаемого результата.

Не менее актуально исследование влияния событий 1917 г. на процесс самоопределения бывших национальных окраин и распад Российского государства. Отметим, что в случае с «национальным» ракурсом революции до сих пор остро стоит вопрос о том, являлись ли революционные события на Украине, в Закавказье, в Прибалтике и т.д. частью общероссийской революции, или их следует рассматривать как особые «национальные» революции. Историки большинства постсоветских стран склонны их «национализировать», отрывая от общеимперского контекста. Напротив, российские ученые изучают революционные события на всем пространстве бывшей империи как важнейший фактор складывания новой советской государственности.

После Февраля 1917 года наметилось расширение требований национальных политических элит, начавших активно выступать за политическую самостоятельность своих регионов. По сути, революция стала главным фактором распада единого Российского государства. В значительной степени тон в национально-сепаратистском движении задавала украинская Центральная рада.

При этом в деятельности национальных организаций так называемых малых народов преобладали вопросы культурного строительства (особенно у мусульман) и местной автономии. Мусульмане ожидали Учредительное собрание, возлагая надежды на новое государственное устройство. После его роспуска стало ясно, что Советская власть, вопреки своим официальным заявлениям и лозунгам, нарушила свободу самоопределения народов. Тем не менее, несмотря на усилия разных политических сил радикализировать российских мусульман в 1917 г., большинство их, испытывая сильное влияние религиозных установок, придерживалось позиций социального непротивления. При этом мусульмане пытались сорганизоваться, чтобы не погибнуть в Гражданской войне, в которую их втягивали противоборствующие силы.

Постепенно в массовых движениях нарастали бунтарские и охлократические тенденции. В этих условиях в октябре 1917 г. большевики смогли перехватить власть с помощью радикально настроенных солдат, не желавших участвовать в войне. Опираясь на их поддержку, большевики осуществили разгон Учредительного собрания. Приход большевиков к власти вызвал рост социальной агрессивности.

Важно подчеркнуть, что традиционное представление о «триумфальном шествии Советской власти» не подтверждается исследованиями последних лет. Период с осени 1917 до весны 1918 г. стал не столько триумфальным шествием, сколько новым витком политической борьбы, которая пока не перешла в фазу масштабного вооруженного противостояния. Власть на местах устанавливали не столько большевизированные Советы, сколько вооруженные солдатские массы. Фактически приход большевиков к власти стал началом Гражданской войны в России.

Непомерно высокая цена, которую заплатила Россия в XX в. за революционный эксперимент, во многом стала следствием того, что элиты страны (культурная, политическая) не справились с задачей эволюционного перехода традиционного патриархального общества к цивилизации модерна. Жесткие, травмирующие действия пришедших к власти большевиков были этически неприемлемыми для значительной

части населения страны, однако исторически обусловленными ответами на реальные, назревшие вопросы российской действительности.

Великая российская революция 1917 года на долгие десятилетия предопределила развитие России, да и всего мира. Идеология социалистического мироустройства, под флагом которой большевики пришли в власти в октябре 1917 г., оказала серьезное воздействие на страны Запада, где с 1920-х годов под влиянием советской России начался переход от классической модели капитализма свободной конкуренции к строительству социального государства. На Востоке события российской революции вызвали мощную волну леворадикальных движений, приведших в ряде стран к установлению советской модели общественного устройства.

В исторической литературе давно утвердилось понятие «долгий XIX век», который в отличие от астрономического, начался в 1789 г. с Великой французской революции, а завершился с началом Первой мировой войны. Исторический XX век для человечества оказался, напротив, короче, поскольку его досрочное окончание в 1991 г. оказалось связано с распадом того государства, которое было порождено Великой российской революцией.

Связанные с ней узловые проблемы истории России XX в. неизменно актуализируются и по-своему прочитываются на каждом новом этапе исследования. Осмысление событий, которые привели к масштабному «советскому эксперименту», остается насущной задачей и современных историков, как российских, так и зарубежных.

[1] См.: Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017. 2 т.

[2] См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014; Россия в Первой мировой войне, 1914—1918: энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2014. 3 т.

[3] См.: The Cambridge History of Russia / Ed. by D. Lieven. Cambridge, 2006. Vol. II: Imperial Russia, 1689—1917. P. 659, 662.

[4] Подробнее см.: *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

В.П. Булдаков

Мировая война, европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 г.

Нынешняя историографическая ситуация применительно к проблемам истории революции 1917 года не кажется мне оптимистичной. Тем не менее, хотелось бы обратить внимание на заметную подвижку: революция непосредственно связывается с Первой мировой войной — сказалось соседство 100-летних коммемораций. Конечно, мысль не новая: еще В.И. Ленин указывал на эту связь, хотя и в особом контексте. Вместе с тем, до сих пор причины мировой войны — почти по Ленину — выводятся из империалистической геополитики. Но этот фактор действовал достаточно давно, войну ждали, но в ее возможность отказывались верить — было известно, что ее материальные тяготы намного превзойдут возможные «выгоды».

К тому же, росли пацифистские настроения, не говоря уже о существовании социалистического Интернационала. С другой стороны, опыт кровопролитнейших балканских войн, казалось, должен был остудить самые горячие головы. Этого не случилось. Произошло то, что довольно скоро было названо «коллективным сумасшествием Европы».

Сегодня очевидно, что сказался фактор «самообольщения прогрессом». Людям казалось, что история движется по восходящей экспоненте, отката назад быть не может. А тем временем несколько десятилетий относительно спокойного, бесконфликтного развития европейских стран обернулись нарастанием смутного напряжения и в политических элитах, и в массах.

Экономисты доказывали, что военные столкновения в Европе невозможны из-за необычайно тесных межгосударственных хозяйственных и финансовых связей. А тем временем среди обывателей усиливалось нетерпеливое ожидание грядущего «чуда»: устранение «последнего препятствия» на пути к окончательному торжеству справедливости и прогресса.

Появилось ощущение, что все предшествующее было лишь преддверием «настоящей» жизни. В Германии заговорили о войне в контексте «омоложения», «очистительной ванны», «выведения шлаков из организма»[1]. Нечто подобное утверждалось повсеместно, порой со ссылками на Ф.М. Достоевского. «Я не считал Германию агрессивнее других; я прекрасно видел, что градус агрессивности на подъеме, но находил те же показатели у других; и у других видел ту же волю и готовность делать историю, что и у Германии», — писал Т. Манн[2], большой почитатель Достоевского, заочно полемизируя при этом с французским пацифистом Р. Ролланом. Современные исследователи подметили, что интеллектуальная продукция июля — августа 1914 г. обнаруживает почти маниакальную воинственность европейских интеллектуалов, писателей, артистов, ученых[3]. Тогдашние духовные элиты Европы, призванные продолжать и поддерживать гуманистическую традицию, поступали прямо противоположным образом.

Насилие — производное от страхов имманентной депрограммированности — таится в самой природе человека. К сожалению, историки пока еще не умеют описывать механизмы, заставляющие «цивилизованные» людские сообщества периодически «терять рассудок». А потому доводы о том, что люди сами — даже того не желая и не замечая — творят свою историю, уступают место всевозможным конспирологическим домыслам[4].

Сегодня причины, ввергшие европейский мир в круговорот иллюзий, мифов, утопий, неотреагированной агрессивности, стали различимыми: демографический бум привел к «омоложению» европейского населения; промышленный прогресс убеждал во «всесилии» человека; миграционные потоки снизили возможности управления общественными процессами; средства массовой информации резко усилили иллюзорный компонент сознания. Возросла агрессивность и непредсказуемость поведения масс.

Тогдашняя информационная революция подталкивала европейские народы к гибельным решениям. Сегодня понятно: в результате «демократизации» *mass media* информационное пространство теряет привычную смысловую и ценностную упорядоченность — плоды человеческого гения опускаются на один уровень с архаичными пережитками и потаенными страхами. Действительно, впервые в истории кабинетные ученые заговорили не только с политиками, но и с «профанами». На этом фоне разговоры и слухи о чем-то пугающе инфернальном приближали тотальную катастрофу.

К этому времени в Европе перспективы массовых рабочих выступлений казались сомнительными. Однако в 1910—1914 гг. произошло около 40 покушений на государственных и военных деятелей. Европа переживала «эмоциональный перегрев», получавший террористическое выражение. Даже в социалистическом движении стала

заметной патриотическая и милитаристская струя. Вскоре после начала войны один немецкий социал-демократ утверждал, что именно патриотический подъем стал причиной мировой войны, которую он назвал мировой революцией[5].

Соотношение между войной и революцией, патриотизмом и интернационализмом в умах современников изменилось. «Я люблю мое отечество во времени — этот в бурях и грозах рожденный двадцатый век, — писал в предвоенные годы Л. Троцкий. — Он таит в себе безграничные возможности. Его территория — мир»[6]. Однако старые лозунги II Интернационала, связанные с представлением, что «пролетарии не имеют отечества», похоже, подхватить оказалось некому.

Символично, что 31 июля 1914 г. в день убийства Ж. Жореса «Юманите» опубликовала последнюю его статью, в которой он писал, что самая большая опасность в настоящую минуту «даже не в реальных намерениях государственных канцелярий... и даже не в реальной воле народов». Он отмечал, что «опасность — в растущем возбуждении, в распространяющейся тревоге, в безотчетных поступках, подсказанных страхом, мучительной неуверенностью, длительным смятением»[7]. Война виделась не только как развязка межимпериалистических противоречий, но и как психологическая разрядка, вызванная неопределенностью не столько внешней, но и внутренней обстановки.

Впрочем, Жорес в социалистическом движении стоял особняком — его убийство потрясло левых политиков, но не вызвало во Франции ожидаемого всеобщего возмущения. 29-летний убийца утверждал, что поскольку «Отечество в опасности», «нужно беспощадно карать внутренних врагов»[8]. И горькой иронией выглядит тот факт, что уже в начале войны лицо Жореса появилось на пропагандистских почтовых открытках в окружении ярых патриотов. А в 1919 г. присяжные оправдали его убийцу, очевидно, так же исходя из «патриотических» установок.

Так называемое патриотическое сознание куда древнее чувств общечеловеческой или классовой общности. В этих условиях ресентиментный протест (латентно накопившаяся неотреагированная агрессивность) легко мог направиться на соседние народы. Так и случилось: Европа сорвалась в войну. Что касается России, то она действительно была, по выражению В.И. Ленина, «беременна революцией».

Понятия война и революция смешались. Народы готовы были накинуться друг на друга, пребывая в убеждении, что несут миру всеобщий «революционный» прогресс. Томас Манн передавал суть «идей 1914 года» так: «После Испании, Франции, Англии пришла наша очередь отметить своей печатью и повести за собой мир... Мир должен обновиться под знаком немецкой эры»[9]. Даже через 20 лет после окончания войны германский историк В. Шюсслер с восторгом вспоминал о «великой немецкой революции, которая началась в 1914 г. и которая сделает нас окончательными победителями в мировой войне»[10].

Однако обращаясь к «своей» революции, российские исследователи, похоже, все еще остаются в поле притяжения доктрины «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране». Возможно, это происходит от ощущения себя «жертвой» — то ли власти, то ли самой истории. Между тем революция 1917 года была и *эндогенной*, и *экзогенной*. Российские культурные элиты были вписаны в европейский культурный ландшафт. Правда, достаточно своеобразно — хотелось «не отставать». Последствия не могли не сказаться. Пылкие неофиты в известные времена социально опасны. Но если западная агрессивность была связана главным образом с «прогрессом» урбанизации[11], то в России получала преимущество невидимая агрессия сопротивления ей, поднявшаяся из недр крестьянского традиционализма. Европа устремлялась к войне, Россия — к революции. И этому было свое объяснение.

В свое время Плехановым было замечено, что европейские болячки порождают на русской почве целые эпидемии. Причины он видел в «обезьянничании» русской интеллигенции, хватающейся за самые последние европейские новинки. И дело не только в теориях, и не только в марксизме, вторжению которого в Россию помог сам Плеханов. Широкую известность приобрел Ф. Ницше. Не приходится пояснять, что вкупе с Марксом его сочинения могли составить в головах читателей поистине гремучую смесь.

Вместе с тем, нельзя забывать, что на русский язык переводился не только З. Фрейд, но и К.-Г. Юнг, — появились вольные и невольные их поклонники. В России знали и европейских футуристов с их призывами к тотальному разрушению старой «застойной» и «мертвеющей» культуры[12]. Итальянские футуристы не случайно связывали косность европейского мира с его сытой телесностью и призывали активизировать агрессивное начало в человеке. В европейской культуре такого рода «заскоки» — дело довольно обычное. В России подобные призывы воспринимались буквально. Однако русские футуристы не последовали за итальянскими, воспевавшими войну. Напротив, они прокляли ее и стали на сторону революции.

В предвоенной России были известны все европейские литературные новинки. Громадную популярность приобрела так называемая научная фантастика. И речь идет не только и о поныне популярных Жюле Верне или Герберте Уэллсе. В начале XX в. была переведена масса фантастический романов, отмеченных духом неприкрытой агрессии. А среди работ Уэллса были известны не только «Человек-невидимка» и «Война миров», но и «Война в двадцатом веке». Публиковались и менее удачные в литературном отношении его «страшилки» вроде «Черного страха». Сегодня уже мало кто вспоминает о написанной в 1913 г. книге «Освобожденный мир». В ней фантазия Уэллса словно объединила две европейские войны, отодвинув начало конфликта к середине XX в. Он писал, что «с точки зрения здравого и обоснованного социального порядка, трудно понять и проследить мотивы, толкнувшие человечество на войну», в которой использовалось страшное оружие — «атомические бомбы»[13]. Но главное — он увидел в войне «столкновение культур». Разумеется, противопоставление им «европейской» и «прусской культур» было сильно преувеличено (нечто подобное делал и Т. Манн). Самый дух войны таился в «рационалистической» идеологии Просвещения, доведенной до абсурда.

А тем временем активно разыгрывали сценарии будущей войны немецкие и французские фантасты. Буквально накануне войны увидела свет книга лейтенанта Г. Фробениуса «Роковой час Германской империи», в которой доказывалось, что «Франция охвачена ненавистью к Германии» и что «весной 1915 г. в Германию вторгнутся такие могучие армии, каких ни Европа, ни даже весь свет еще не видали». Характерно, что автор полагал, что в ходе войны Россия распадется на «мелкие штаты»[14]. Однако по части нагнетания предвоенных страхов всех превзошел французский автор П. Жиффар, выступивший с фантастическим романом «Адская война». Словно в насмешку эту войну вызвала случайность: пожар во время «конференции мира в Гааге»[15]. Масса подобных книг входила в привычный круг чтения российского образованного общества.

В условиях продолжавшейся войны в сознании масс в России, как и в Германии, реактивировались и получили преобладание императивы неполитического (в европейском понимании) архаичного типа. И это было по-своему закономерно. Очень многие деятели культуры пророчили «развязку». Но к любым «пророчествам» турбулентных периодов истории следовало бы относиться критично. Однако само увеличение их числа свидетельствует о накоплении критической массы внутренних страхов, которые способны материализовать самые «дурные» ожидания. По-простому это называется «накаркать». Таковы обычные законы социальной психики *критических* моментов истории.

Советская историография старалась «не замечать» бунтарства предреволюционного и революционного времени, не говоря уже о массовых девиациях: в классовой борьбе пролетариата с буржуазией им не находилось места. Между тем, еще в 1911 г. В.О. Ключевский отмечал, что с помощью бюрократии Россия европеизировалась в ущерб «проявлениям народной свободы». «Средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоев общества», по его мнению, подготовляли народ «к бунту, а не свободе», — заключал он[16]. Впрочем, в предвоенные годы даже Жорес, вроде бы не являвшийся сторонником революционного образа действий, интересовался М. Бакуниным и даже заявлял, что разделяет его идеи[17].

Увы, в наши дни об этом словно забыли. Былая марксистская «стерильность» сомкнулась с постмодернистской «политкорректностью». На этом фоне упоминать об эмоционально-ситуационных актах социальной агрессии как-то неловко. Между тем, «бабьи бунты» стали заметны уже в начале войны. По некоторым данным, в 1915 г. было зарегистрировано 684 «голодных бунта», а с января по май 1916 г. — 510 выступлений на этой почве[18]. Падение самодержавия связано со стихийными выступлениями столичных работниц, не говоря уже о случаях диких расправ женщин с флотскими офицерами[19]. Череда продовольственных, «базарных», «пьяных» и этнических погромов протянулась через весь 1917 г. В значительной степени они провоцировались женщинами, которые всякий раз привносили в них повышенную эмоциональность, доходящую до социальной истерии.

Конечно, элементы бунта могут обнаружиться в любом — даже современном — массовом выступлении. Но в 1917 г. в России бунт словно бежал *впереди* революции, расчищая дорогу большевикам и всевозможным максималистам.

Даже в относительно упорядоченной среде проявились вспышки отчаянного бунтарства. Психика русских рабочих, остававшихся в массе своей людьми традиционного сельского общества, была основательно деформирована городской средой. До революции в стихах пролетарских поэтов было заметно не только преобладание пессимистических эмоций, но и стремление к агрессивному преодолению своего униженного положения[20]. В 1917 г. элементы городского бунта и погрома усилились. Случалось, что рабочие требовали повышения жалования на 200—400%, угрожая предпринимателям самосудом[21]. Их действия порой были отмечены актами позорящей стигматизации, характерной для сельских обществ[22].

Тем временем, начиная с марта 1917 г. событиям стал навязываться имидж «пролетарской» революции. Над русской революцией словно витала тень Маркса. Но это была вовсе не та «пролетарская сознательность», о которой мечтал Ленин. Едва ли не все люди наемного труда принялись отождествлять себя с пролетариями[23]. В июне 1917 г. даже крестьяне отдаленных местностей в своих наказах использовали социал-демократическую фразеологию[24]. Конечно, это была демонстративная риторика, обычно подхваченная у какого-нибудь заезжего демагога. Пролетарий предстал не столько реальным «гегемоном революции», сколько символическим «страдальцем» от старого режима. Даже полицейские в порядке революционной мимикрии готовы были причислить себя к «угнетенному классу»[25]. Однако после большевистской революции реальные рабочие не случайно сопротивлялись «пролетарской» государственности.

Даже высокую «организованность» русского пролетариата можно связать с остаточной общинной психологией вчерашних крестьян. Неслучайно быстрее отраслевых профсоюзов возникали мелкие «цеховые» рабочие организации, сливавшиеся в фабрично-заводские комитеты. Между прочим, последние не только поставляли большевикам красногвардейцев, но и старались договориться с предпринимателями ради сохранения

производства[26]. В любом случае ход событий определялся психологией *выживания*, а не идеалами «пролетарского социализма». Недовольство властью не носило идейного характера, несмотря на привычную «антибуржуйскую» риторику. Пролетарские забастовки не случайно продолжались на протяжении всего нэповского периода[27].

Крестьяне с их давней мечтой о «черном переделе» менее всего были подготовлены к представительной демократии. Теперь им казалось, что новая «всемогущая» власть может моментально осуществить их «справедливые» пожелания. По мере разочарования в городской демократии стала нарастать «общинная революция», в ходе которой крестьяне в первую очередь постарались ликвидировать столыпинские новации[28]. «Сложность» демократических институтов и процедур вызывала у крестьян растущее раздражение. Они упорно не принимали всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права[29]. По их мнению, «справедливое» решение достигается на основе общинной традиции — открытым единогласным голосованием. «В комитеты мы не верим. И даже в Учредительное собрание не верим», — писал в июле 1917 г. о настроениях масс писатель М. Пришвин[30]. Именно крестьянская среда дала наибольшее количество диких самосудных акций.

Солдатское движение подчинялось логике разложения армии, не желающей воевать. Знаменитый приказ № 1 Петроградского Совета был скорее следствием, нежели причиной этого процесса. В 1917 г. солдаты также руководствовались этикой общинной деревни: вся армия должна быть перестроена соответственно их пожеланиям; «барской» дисциплины не должно быть; все тяготы службы следовало распределить «поровну»[31]. Поведение воюющего народа фактически стало определяться императивами «мирного» выживания. Трудно представить себе более нелепую ситуацию. Но еще более вздорным смотрится поведение верхов, толкавших солдатскую массу в наступление, которому предписывалось стать победоносным.

В прошлом было принято считать, что агрессивность солдат неуклонно нарастала. Действительно, даже в популярных журналах появлялись фотографии солдатского самосуда над ворами. На груди у преступников красовались плакатики: «Я вор. Украл 130 руб.»; «Каптинармус вор»[32]. На деле солдаты были далеко не столь непримиримо революционны[33]. Определяющей чертой их поведения стало нежелание оставаться в окопах. Продолжать войну в атмосфере официальных заявлений о стремлении к «миру без аннексий и контрибуций» было психологически невозможно.

В этих условиях крикливые «миротворцы» закономерно брали верх[34]. Их влияние было заметно и в местных Советах. Постепенно солдаты (особенно отпускники или дезертиры) стали оказывать подстрекательское воздействие на деревню. В конечном счете, именно радикальные представители солдатской массы стали главной опорой большевиков.

Влияние на российскую революционность традиционалистской архаики наиболее ощутимо в связи с так называемыми национальными революциями. Впрочем, бунтарское неистовство проявило себя уже в немецких погромах в Москве, взаимной резне в Туркестане[35]. В 1917 г. официальный интернационализм не стал противоядием от привычных имперских страхов: возродилось представление о «сепаратизме окраин». На деле хаос революции породил массовый этноизоляционизм — стихийное стремление отгородиться от «красной смуты» границами национальной автономии или государственности[36].

Русская революция представала двуликим Янусом: внешне она выглядела продолжением демократических революций, а внутри себя несла черты разинщины и пугачевщины. Фактически события 1917 г. включали в себя целый спектр «революций»: рабочую, солдатскую, крестьянскую, «национальные», «церковные», не говоря

уже о характерных гендерных (не просто феминистских и суфражистских) подвижках. Эти движения следовало бы изучать на микроуровне (изнутри) с использованием герменевтических практик. Только таким образов можно преодолеть нынешнее давление мифов, рожденных недоумевающими политиками 100 лет назад.

События 1917 г. в России имели два истока: эндогенный революционный процесс с преобладанием сил социальной деструкции, лишь внешне окрашенные политическим телеологизмом, и европейский кризис с его империалистическими и социалистическими интенциями. Очень немногие мыслители того времени готовы были это усвоить. Тем не менее, прозрения прошлого и опыт социальных движений XX в. позволяют представить микронарративы 1917 г. частью системного кризиса империи, включавшего в себя этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный компоненты. Они составили полный цикл синергетической «смерти — возрождения» сложноорганизованной системы. И этому процессу соответствовали вполне определенные субъективные усилия. Сначала это было связано с диссипативными элементами, оторвавшимися от своей естественной социальной среды; причем число этих «свободных радикалов» быстро возрастало. Их усилия были преумножены всевозможными маргиналами, число которых также росло в связи с распадением старой сословной структуры и процессом классообразования. С этим был связан феномен «экстремального роста малых возмущений». В итоге дух протеста пронизывал среду носителей традиционного сознания. И тогда культурные слои России словно перевернулись: нижний накрыл верхний. Произошло вытеснение европейских компонентов массового сознания и возобладание традиционной ментальности.

Это была проблема не просто революции. Это было проблема культуры в широком смысле слова. Известно, что у нас до сих пор преобладает «деревенский» взгляд на культуру, как некое элитарное творчество. При всем многообразии существующих определений культуры, историку стоит взять на вооружение самое «простое», принадлежащее великому (не только религиозному) мыслителю П. Флоренскому. Во всяком случае, в 1917 г. культура стала тем, чем назвал ее именно он, — «совокупностью энергий», *творческих* энергий, меняющих привычные контуры мира[37]. Насилие, включая спонтанное, тоже *часть* этой культуры, смыслы коллизий которой вскрываются только в пространстве метаистории.

Искреннее и естественно к большевикам шли одни футуристы в поэзии и авангардисты в живописи — таковы были Хлебников, Маяковский, Каменский... — с одной стороны; Кандинский, Малевич, Шагал... — с другой. Для них само *творчество было революцией* — выбора не оставалось. Для А. Блока переход на сторону революции был настолько мучительным, что он вообразил, что «Двенадцать» — самое гениальное его произведение. Когда приходится делать такой выбор, то создается впечатление о своем выходе из тусклой и мерзкой обыденности в некую новую реальность. Возможно, так и было. Искренне занесло влево разве что Андрея Белого, но он всегда витал в мире воображаемого. А если вчитаться в дневники менее известного поэта и прозаика Рюрика Ивнева, то придется ужаснуться тому, до каких пределов «раздвоенности души» мог дойти человек в России 1917—1918 гг., сделав, в конце концов, выбор в пользу большевиков, — в чем-то совершенно противоестественный. В ряде случаев самый дух и поэтика творчества диктовали предопределенность выбора. Так, И. Бунина невозможно представить себя в роли советского писателя и поэта. Зато М. Горького, при всех его «несвоевременных мыслях», — можно.

В.И. Ленин, как известно, был технократом, порой наивным, готовый ухватиться за любую техническую новинку в интересах грядущего социализма. Но облик ново-

го государства определялся вовсе не устремленностью в будущее большевистских лидеров, а незримым давлением традиционалистской массы, к которому им поначалу пришлось приспосабливаться.

Историки обычно жалуются на засилье мифов, бесконечно порождаемых массовым сознанием. Однако они сами постоянно конструируют наукообразные представления, зачастую связанными с утопиями прошлого[38]. Понятно, что это связано с давлением позитивизма XIX в. Однако в своих революционных практиках большевики, оставаясь доктринерами, постоянно выходили за его пределы. Вероятно, историкам революции предстоит сделать нечто подобное.

Сегодня очевидно, что прежние подходы к истории революции, исходящие из ложных теорий или политических эмоций (часто это одно и то же), не оправдали себя. Очевидно, что следует идти от естественных нарративов прошлого — от социокультурной, повседневной и бытовой истории, связанных психологией и воображением масс. На этот счет уже имеется фактологический задел. В любом случае следует отойти от так называемого презентизма — навязывания прошлому логики и психологии сегодняшних дней, не говоря уже о политических пристрастиях.

Мне кажется, что мы допускаем большую ошибку (или это просто историографическая привычка), продолжая втискивать русскую революцию в европейские понятия. В общем, это остаточная часть величайших заблуждений величайшей эпохи Просвещения. Инерция подходов столетней давности (это относится не только к большевистскому, но и антибольшевистскому образу мысли) привела к тому, что революция и культура рассматриваются изолированно друг от друга. Вопрос о том, что революция 1917 года была *продуктом* изломов европейской и русской культуры, растущим разрывом Модерна верхов и традиционализма низов, практически даже не ставится. Социальной психике и особенно культуре отводится второстепенное место. Между тем, попытки найти корни революции внутри «человека бунтующего» были предприняты вскоре после революции[39]. Конечно, можно сказать, что в последнее время заметен растущий интерес к историко-антропологическим сюжетам. Но здесь сказывается поветрие постмодернизма, старающегося спутать карты сторонникам привычных научных школ в угоду безграничному субъективизму. Действует нетерпеливая логика «легких объяснений», позволяющая убежать от страхов самопознания. И вновь эта тенденция вновь нарастает с помощью *mass media*.

Между тем, уже в дореволюционный период обозначился весьма значимый в познавательном отношении метанарратив, связанный с морально-правовым нигилизмом высших слоев[40]. Падение самодержавия было связано не столько с устремленностью к будущему, сколько отторжением от «проклятого прошлого», связанного с правящей династией. Отсюда и беллетристический пафос революции, столь заметный по газетным поэтическим и прозаическим публикациям. Они складываются в еще один метанарратив, по своему отражающий эмоциональную тональность тех или иных социумов[41]. Наряду с этим колоссальное значение приобрели всевозможные слухи[42]. Если проследить за их динамикой на протяжении 1917 г., то создастся впечатление хроники заранее объявленной революции.

Несомненно, русский человек «избыточно» эмоционален, что связано с господством патерналистской культуры, элиминировавшей рациональный и прагматичный компоненты массового сознания[43]. И это порождало не только «смуту в умах», но и картину исторически неизбежного.

Спектр эмоций, представленных слухами, определялся обычным для революции состоянием: между *надеждой* и *страхом* перед будущим. В силу тогдашнего инфор-

мационного бума, подкрепляемого мощными миграционными процессами, слухи приобретали поистине тотальный характер. Но этого подавляющая часть историков просто не замечает.

Порой сказывается «логика» советских объяснений. К примеру, историки не могут договориться относительно материального положения трудящихся в предреволюционной России — то ли оно ухудшалось, то ли было стабильным. Отсюда выводятся и историографические «открытия», не говоря уже о политических пристрастиях. Между тем, перед революцией первостепенное значение имели не реальные доходы, а представления о том, какими они должны быть согласно «справедливости». К тому же, люди обычно реагируют не на тренды, выявленные задним числом экономистами и социологами, а на повседневные перепады своего благосостояния.

При таком исследовательском настрое коллизии культуры (под которой по-прежнему подразумевают преимущественно литературу и искусство) рассматриваются либо изолированно от социальных реалий, либо как относительно автономный феномен. Между тем, синергетика революционного хаоса, смешивая реальное и воображаемое, приводила к тому, что люди искусства превращались в своего рода заложников текущих культурно-эмоциональных потоков. Революция ищет и создает новые элиты, которые, однако, отнюдь не заинтересованы в обнажении ее естества. В этом нет ничего удивительного. «Все мы... робко ползаем по поверхности мира, не решаясь взрезать и перевернуть этот верхний пласт и окунуться в первозданный хаос», — писал Марк Шагал[44].

В исторической ретроспективе революция неотделима от русской культурной традиции. И не только Л. Толстой был, если верить Ленину, был пресловутым «зеркалом русской революции». Вся русская литература с ее рационалистически мыслящими и бесконечно морализирующими «властителями умов» планомерно подготовляла ее. Всякая культура с ее имманентным гуманистическим потенциалом не может не противостоять авторитарно-бюрократическому Левиафану. В России культура, вполне независимо от ее конкретных творцов, становилась «культурой взрыва» (Ю. Лотман), культурой самой революции, включавшей, разумеется, и ее контрреволюционный компонент. К началу XX в. условия для взрыва оказались наиболее подходящими. «Никогда еще не ощущалось столь разительного противоречия между ожиданиями, внушенными теорией прогресса и реальной историей», — отмечают исследователи[45]. Увы, в свое время опасность такой ситуации не осознавали.

В определенной степени повторилась ситуация Великой французской революции. Королевская власть уступила место отнюдь не «народному суверенитету». Революционная эпоха стала «высшей точкой диктатуры литераторов»[46]. Реальное смешалось с воображаемым, порождая «новую-старую» символику. Впрочем, в России господство революционных доктринеров оказалось кратковременным. В ауре их идей скрывались и идеалисты, взывающие к светлому будущему, и погромщики, готовые к тотальному искоренению всех «чужих». Так расчищалось пространство не для «светлого будущего», а для торжества обновленной государственности.

События 1917 г. в России имели два истока: эндогенный революционный процесс, в котором преобладали силы социальной деструкции, лишь внешне окрашенные политическим телеологизмом, и европейский кризис с его империалистическими и социалистическими императивами. Очень немногие мыслители того времени это уловили. Тем не менее, прозрения прошлого и опыт социальных движений XX в. позволяют разглядеть динамику системного кризиса империи, апогеем которого стало утверждение большевизма.

В 1917 г. «цивилизованная» политика была захлестнута стихией стохастических (вероятностных) и синергийных (самоорганизационных) движений. Наступило вре-

мя, когда страхи и предчувствия грядущей катастрофы превращаются в своего рода пророчества. Социальная революция складывалось из нелинейных «закономерностей», с которыми так не желает считаться наше сознание. Чем сложнее явление, тем больше соблазн свести его к элементарным причинно-следственным зависимостям. Отсюда и пресловутая конспирология, которая разъедает нашу историческую память.

О том, что революция завершится возвращением к традиции, в какие прогрессистские одежды она бы не рядилась, говорили многие. Это явление невозможно понять соответственно вкусам современности. Возможно, для его понимания требуется «другая организация разума и желаний, о которых мы можем пока мечтать»[47]. Итог величайшего российско-мирового системного кризиса протекал по законам самовоссоздания «порядка из хаоса». А он определялся малозаметным, но решающим фактором — психикой «маленького человека», вынужденного решать проблему выживания не по предписаниям «ученых мужей», а заглядывая в «утраченное» прошлое.

1 *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015. С. 10—15.
2 *Манн Т.* Размышления аполитичного. М., 2015. С. 170.
3 *Hamilton R. F.* On the Origins of the Catastrophe // The Origins of World War I / Ed. by R.F. Hamilton, H. Herwig. Cambridge, 2003. P. 502.
4 См.: *Кагарлицкий Б.* Наваждение. Симптомы одной болезни: конспирология и политтехнология // Русская жизнь. 2008. № 6 (23).
5 *Манн Т.* Указ. соч. С. 418.
6 *Троцкий Л.Д.* Сочинения. М.; Л. 1926. Т. XX: Культура старого мира. С. 267.
7 *Жорес Ж.* Против войны и колониальной политики. М., 1961. С. 235.
8 *Павлович М.П. (Вельтман М.).* Смерть Жореса: (из дневника эмигранта). Пг., [1916]. С. 31.
9 Цит. по: *Руткевич А.М.* Идеи 1914 года. М., 2012. С. 43.
10 *Корнелисен К.* Фронтовое поколение немецких историков и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 278.
11 См.: *Такман Б.* Европа перед катастрофой, 1890—1914. М., 2016. Переводчики почему-то отказались от оригинального названия книги — «Башня гордыни». Между тем именно кичливость европейской цивилизации привела к войне, ставшей поистине самоубийственной.
12 См.: Манифесты итальянского футуризма. Собрание манифестов Маринетта, Биччьони, Карра, Руссоло, Балла, Северини, Прателла, [Валентины де] Сен-Пуан. Перевод Вадима Шершеневича. М., 1914.
13 *Уэллс Г.Дж.* Освобожденный мир: повесть о человечестве. [М., 1914]. С. 88, 221. Книга вышла и в других (также в весьма вольных) переводах и с цензурными купюрами. См.: *Уэльс.* Меч мира. Пг., 1915; *Уэльс Г.Дж.* Война против войны. М., 1915.
14 *Фробениус Г.* Роковой час Германской империи. М., 1915. С. 62, 79.
15 См.: *Жиффар П.* Адская война: фантастический роман: с 180 ил. худож. А. Робида. СПб., [1913].
16 *Ключевский В.О.* Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 315.
17 *Павлович М.П. (Вельтман М.).* Указ. соч. С. 22.
18 *Канищев В.В.* Русский бунт — бессмысленный и беспощадный: погромное движение в городах России в 1917—1918 гг. Тамбов, 1995. С. 47.
19 *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 33—38, 52, 54, 69, 119.
20 *Его же.* Поэтические завихрения «Красной смуты», 1917—1920 // Историк и Художник. М., 2013. С. 367—393.
21 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. Л., 1991. Т. 1: 27 февраля — 31 марта 1917 года. С. 354, 356, 367, 418, 449.
22 *Булдаков В.П.* Красная смута. С. 147, 148, 150, 168.
23 Борьба за массы в трех революциях в России. М., 1981. С. 71—72, 88, 221, 225—226; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 462, 489, 527, 529—530, 557, 576, 602—604, 620.
24 *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, N.Y. etc., 2007. P. 190.
25 *Николаев А.Б.* Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. Vol. 5, no. 1. P. 39.
26 *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 446, 522—523, 531, 629—630.
27 *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920—1930 гг. М., 2012. С. 210, 215, 226, 229.

[28] См.: *Люкшин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М, 2006.
[29] *Гаврилова О.А.* Земство и революция. 1917 год в Петроградской губернии. СПб., 2009. С. 56.
[30] *Пришвин М.М.* Дневники. М., 1990. С. 82.
[31] *Булдаков В.П.* Красная смута. С. 220—225.
[32] Огонек. 1917. № 24 (25 июня (8 июля)). С. 379.
[33] В свое время известный историк А. Уайлдман признал, что некоторые его прежние представления о солдатской революционности были несколько наивными в методологическом отношении. См.: *Wildman A.* From the editor // The Russian Review. 1994, april. Vol. 53, no. 2. P. VI.
[34] *Анин Д.С.* Революция 1917 года глазами ее руководителей. Roma, 1971. С. 194.
[35] См.: Туркестанское восстание 1916 г. Факты и интерпретации: материалы междунар. науч. конф., Москва, 23—24 мая 2016 г. М., 2016.
[36] *Булдаков В.П.* Хаос и этнос: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 331, 399, 474, 1024.
[37] *Флоренский П.* У водоразделов мысли: черты конкретной метафизики. М., 2013. Т. 2. С. 68.
[38] См.: *Булдаков В.П.* Историк и миф: перверсии современного исторического воображения // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 54—65.
[39] *Bouldakov V.* Pévolution ou révolte? Nouvelles perspectives cent ans plus tard // Vingtième siècle: Revue d'histoire. 2017, Juilet — septembre. No. 135. P. 159—160.
[40] См.: *Булдаков В.П.* Пир во время чумы?: деморализация российского общества в предреволюционную эпоху: причины и следствия (1914—1916 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2014. Т. 13, вып. 8: История. С. 101—111.
[41] *Его же.* Революция и эмоции: к реинтерпретации политических событий 1914—1917 гг. // Эпоха войн и революций, 1914—1922 гг. СПб., 2017.
[42] *Аксенов В.Б.* : 1) Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история, 2004: ежегодник. М., 2005 ; 2) Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914—1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4.
[43] *Булдаков В.П.* Россия, 1914—1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914 — 1918. М., 2014. С. 11—22.
[44] *Шагал М.* Моя жизнь. СПб., 2016. С. 109.
[45] *Панарин А. С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. С. 76.
[46] *Моррас Ш.* Будущее интеллигенции. М., 2003. С. 20—21.
[47] *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне: двенадцать лекций. Изд. 2-е, испр. М., 2008. С. 296.

А.П. Ненароков

История Великой российской революции: парадоксы современной историографии

Обращение к проблемам историографии на конференциях, таких как проводимая ныне, грозит привычным повествованием о достигнутых успехах, в котором дружественно-корпоративная комплиментарность в адрес одних непременно будет соседствовать с уничижительной критикой в адрес других. В качестве альтернативы предлагаю, не ставя под сомнения *сознательно обезличенные* мною заслуживающие внимания достижения современного этапа изучения истории Великой российской революции, сосредоточиться исключительно на парадоксах, характерных для нынешней историографической ситуации в данном вопросе. Понятно, что речь идет о парадоксах в широком смысле слова, трактуемых как нечто расходящееся с ожиданиями. Известно, что выявление именно такого рода парадоксов зачастую стимулирует новые исследования. Хотелось бы надеяться, что и нам прямо или опосредованно этот подход поможет выйти на новые перспективные суждения о тематике и организационных принципах решения предстоящих исследовательских, публикаторских и историко-просветительских задач.

Одной из наиболее примечательных особенностей современного периода изучения истории российской революции является ничем и никем, наконец, не регламентируемый доступ ко всему спектру существующей литературы, как исследовательской, так и документальной, публицистической и мемуарной. Нет необходимости напоминать о тех представителях общественной мысли России, чьи имена и труды были возвращены из забвения за последнюю четверть века. Естественно, что за счет оценок, выводов и наблюдений непосредственных участников событий, исследований нескольких поколений отечественных, включая и представителей всех волн эмиграции, а также зарубежных историков различных школ и направлений, наши представления о прошлом существенно расширились. Они включают теперь, с одной стороны, последовательное отрицание любой революции, неприятие революционных событий 1917 г. в России; негативное отношение к социалистам всех мастей и демонстративную неприязнь к кадетам — «благородным иностранцам в России» и «излишне рефлектирующей» интеллигенции; признание Февральской революции «настоящей», а стремление «вернуть России царя» проявлением «незрячей любви» к родине. И с другой стороны — от веры в поступательное движение человечества, исторический смысл которого был определен Марксом как борьба за совершенствование существующей формы людских взаимоотношений, до неприятия ленинских представлений о возможных перспективах социалистической революции в России и мире.

Наличие в современной российской историографии столь полярных представлений — естественно. Все они сложились и обрели концептуальные формы под воздействием первой мировой войны, российской революции 1917 года и последующих событий XX и начала XXI в. Парадоксальность современной историографической ситуации в изучении Великой российской революции не в этом, а, прежде всего, в том, что почти все *исследования последних лет за редким исключением все еще исповедуют изначальную конфронтационность базовых подходов*, словно мы по-прежнему находимся на развилке столетней давности.

Даже понимание того, что события февраля и октября 1917 года — это события одной революции, казалось бы, ставшее в современной историографии общим местом[1], вновь отступает перед квалификацией собственно октябрьских событий в качестве особой «социалистической революции».

Отказавшись от символического «залпа» революционного крейсера, «штурма» Зимнего, триумфального шествия советской власти по Краткому курсу истории ВКП (б) и т.д., мы все еще молчаливо устраняемся от признания или опровержения солженицынского утверждения: «“Октябрьская революция” — это миф, созданный победившим большевизмом и полностью усвоенный прогрессистами Запада»[2]. Видно, страсть к мифологии — сродни «особенностям национальной рыбалки»[3]. Она неизлечима, даже если в качестве своеобразной «инструкции по медицинскому применению» рекомендовать вслед за Карамзиным для профилактики пользовать лишь тот набор мифов, основой которых выступает «идея высшей, принятой народом, справедливости». Несмотря на все почтение к Карамзину, хотел бы обратить внимание на некую ущербность подобной формулировки «идеи высшей справедливости», хотя бы потому, что по своей категоричности и апелляции к т.н. «всенародному одобрению» она напоминает приговоры к «высшей мере социальной справедливости» времен большого террора.

И еще об одном утверждении оппонентов Солженицына. По их мнению, даже если исходить из катастрофичности событий 1917 г. для России, «октябрьская революция», как явление-процесс, подобно другим «величайшим катастрофам российской истории», не может быть никак названа мифом по определению. Вместе с тем,

вполне понимая неизбежность излишней политизированности трактовок подобного рода явлений-процессов, они предлагают числить их по разряду «старательно выписанных идеологических прописей».

Пусть так!

Но *разве не является мифом «старательно выписанная идеологическая пропись», служащая определенной политической трактовке реально осуществленного в прошлом явления-процесса*? А ведь Солженицын говорил об октябрьской революции как о мифе именно в этом смысле. При этом ему, известному противнику любых революционных потрясений, признание — «то, что называется “Российская революция 1917 года” — есть революция Февральская»[4] — совсем не мешало считать катастрофой и ее саму.

Первым мысль о том, что «“Российская революция 1917 года” — есть революция Февральская», высказал в присутствии В.И. Ленина Ираклий Церетели, выступая 5 января 1918 г. на первом и единственном заседании Учредительного собрания. Словно обращаясь непосредственно к автору заявления о победе в октябре 1917 г. «третьей русской революции», положившей начало «новой полосе в истории России», которая «в своем конечном итоге» должна «привести к победе социализма»[5], Церетели подчеркнул: «Революция в России одна, она началась в февральские дни. Она переживает в настоящий момент смертельный кризис»[6].

Между тем, даже сам факт подобного выступления в ныне действующих отечественных школьных учебниках блистательно отсутствует. А ведь только разгон Учредительного собрания завершил легитимизацию новой власти, положив тем самым начало второму, так называемому большевистскому (или, как его именовала часть российской эмиграции, «большевицкому») этапу Великой российской революции. Без этого октябрьские события 1917 г. так и именовались бы «переворотом».

Большевистский этап Великой российской революции стал этапом ее дальнейшей радикализации. Этапом чрезвычайки, обострения междоусобицы, стремления «разжечь в деревне ту же гражданскую войну», которая шла в городах, — комбеды, расказачивание, красный террор. Этапом «военного коммунизма» по утверждению большевистских идеологов, и «всероссийского погрома» по словам их противников.

Споры о крайней дате этого большевистского этапа, от которой в итоге зависят хронологические рамки Великой российской революции, ведутся в литературе до сих пор. Но это уже вне темы моего выступления. Замечу лишь одно: естественно, мы не можем исключить из своей истории большевистский этап революции, но оценивать его должны трезво, как и весь период советской истории. Без заполошного стремления оправдать все в прошлом из-за новых ошибок и новых, не менее тяжелых и античеловеческих последствий от них в настоящем. И вместе с тем, без истерического стремления представить сегодняшние беды непременным следствием той трагедии, которая выпала на долю народа, попавшего, по словам А.Н. Потресова, как подопытный кролик под нож социального эксперимента[7].

Когда-то один из патриархов российской социал-демократии П.Б. Аксельрод заметил по этому поводу: «понять и объяснить для меня вовсе не равнозначно оправданию или санкционированию»[8]. Приятно отметить, что лучшим работам современной историографии Великой российской революции присуще это стремление. Еще приятнее, что в последнее время это утверждается и новыми, невозможными ранее формами популяризации исследовательских и публикаторских достижений, способствующими пониманию и объяснению прошлого. Прежде всего, это появившиеся в Рунете разного рода электронные издания, посвященные событиям Великой россий-

ской революции. Из них я бы выделил «1917-й без ятей и сепий: свободная история» издательства «Яндекс». К изданиям подобного рода примыкают и лучшие публикации журналов «Наше наследие», «Исторический архив», «Россия XXI», «Родина», «Дилетант», «Историк» и т.д.

Что касается других парадоксов современной историографии Великой российской революции, придется ограничиться простым перечислением наиболее значимых из них.

Безусловно, парадоксальным, на мой взгляд, является то, что дистанция между публикацией огромного массива документальных данных (как из отечественных, так и зарубежных архивов) и реальным введением их в научный оборот все еще продолжает расти из года в год. Причин тому предостаточно. Но важнейшей из них остается сохранение определенного вакуума в представлениях о действующих лицах российской революции. Мы все еще мало знаем о развитии их взглядов на происходившее, смене оценок и лозунгов, их отношения к проблемам морали и этики в политике, о предлагавшихся ими моделях поведения. Для преодоления данного состояния предстоит решить ряд важных организационных проблем, в том числе — определить и поддержать серийные публикации, сформировать специальные рабочие группы, утвердить их исследовательские и издательские планы.

Такого же внимания требует и выход на первый план проблем социально-политической культуры и психологии масс, веры и доверия в социальных отношениях и политике. Долгое время они «казались малозначительными и несущественными», а сегодня активно разрабатываются специалистами гражданской и политической истории, социологии, политологии, философии, филологии, культурологии, этнологии, юристами и даже медиками[9]. При этом парадоксальным выглядит почти абсолютное игнорирование даже того положительного опыта междисциплинарных исследований, который был накоплен ранее. Из-за этого многие блестящие работы наших коллег-смежников остаются вне внимания не только общества, но и историков профессионалов.

Столь же парадоксальным является и потеря должных контактов с университетскими исследовательскими центрами при сохранении сети проблемных Научных советов РАН, в прошлом успешно работавших. К примеру: разработка истории Великой российской революции на современном этапе настоятельно требует непременного не только межуниверситетского, но и международного объединения в исследовании проблем национальной политики советской власти. К сожалению, именно в этом отношении за последние годы мы существенно отошли от большинства выводов конца 1980-х — начала 1990-х годов, породив новые ошибочные политически мифы.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но достижения современной историографии Великой российской революции не влияют сколь-нибудь положительным образом на процесс продолжающейся радикализации современного российского общества. А он, к сожалению, все чаще и чаще возвращает нас в обстановку, казалось бы, давно канувших в прошлое времен. В той коннотации, которое, в свете нашего исторического опыта, имеет привычное для юридической практики других стран словосочетание «иностранный агент», объявление таковыми Международного историко-просветительного и правозащитного общества «Мемориал» и его Научно-информационного и просветительского центра в Санкт-Петербурге ставит под сомнение все, что ими сделано. А это — документальные публикации, семинары, конференции, богатейшие исследовательские и поисковые программы. И, наконец, создание электронной базы данных на 2 млн. 614 тыс. 978 жертв политического террора в СССР[10], без кото-

рой трудно представить большинство современных исследований по истории Великой российской революции. На мой взгляд, учитывая это, профессионалы историки должны перестать использовать в публичных диспутах юридическую казуистику, подменяя ею научную аргументацию.

Магия историографии в том, что, погружая тебя в мысли, чувства и переживания тех, кто был в числе действующих лиц анализируемых событий, равно и тех, кто изучал их до тебя или вместе с тобой — твоих предшественников и твоих современников, она открывает каждому из нас путь к самопознанию — личностному и общественному. И мы обязаны уважать всех, кто вносил и вносит свой вклад в это.

1 В частности Георгий Хосроевич Шахназаров уже в 2001 г. писал: «Наша историография утверждала, что Россия пережила в 1917 году две революции — в феврале буржуазную и в октябре социалистическую. В действительности это была одна революция, развивавшаяся по классическим канонам. [...] В русской революции, как и в других великих революциях до и после нее проявился закон неуклонной радикализации политических и социальных требований». См.: *Шахназаров Г.Х.* Postshock, или Роковое расставание с прошлым. М., 2001. С. 44—45.

2 *Солженицын А.И.* Написано кровью: интервью журналу «Шпигель» // Известия. 2007. 24 июля.

3 См. одноименный фильм (1998 г.) режиссера А. Рогожкина.

4 *Солженицын А.И.* Указ. соч.

5 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2.

6 См.: *Дан Ф.И.* Два пути: избранное: в 2 ч. / Ф.И. Дан, И.Г. Церетели. М., 2010. Ч. 2 / И.Г. Церетели. С. 155.

7 *Потресов А.Н.* Избранное. М., 2000. С. 322.

8 См.: *Ненароков А.П* История одного письма: политическое завещание Павла Аксельрода / послесл. Г.А. Явлинский. М., 2008. С. 55.

9 См.: *Журавлев Валерий.* Революционные эпохи в контексте личного интереса: к столетию Великой российской революции // Россия XXI. 2017. № 3. С. 127.

10 Жертвы политического террора в СССР / руководитель проекта Я.З. Рачинский, научный руководитель А.Б. Рогинский; программное обеспечение В.А. Крахотин. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Компакт-диск.

А. Рабинович

Петроградские большевики и Всероссийское Учредительное собрание

В течение прошлого столетия три основных препятствия подрывали попытки дать разъяснения разных аспектов большевистской политики в 1917 г., таких, как позиция партии по отношению к Учредительному собранию. Одним из препятствий была неспособность должным образом учитывать влияние фундаментальных различий о статусе и развитии революции, существовавших между ведущими лидерами большевиков. В Петрограде 1917 г. большевистское руководство включало мощное радикальное левое крыло во главе с Лениным, а затем и Троцким, и влиятельное умеренное крыло, возглавляемое Львом Каменевым. Каменев и его сторонники отвергали главный аргумент Ленина о том, что «буржуазно-демократическая» революция в России завершилась и что вся Европа созрела для социалистической революции. С февраля по октябрь 1917 г., когда революция в России разрасталась, Каменев выступал за создание исключительно социалистического правительства — широкой коалиции, состоящей из всех крупных социалисти-

ческих партий, которое удерживало бы власть только до создания демократической республики широким представительным Учредительным собранием. Между этими крайностями были другие независимые большевистские лидеры, которые, разделяя теоретические предположения Ленина о возможности ранней социалистической революции в России, часто не соглашались с ним по тактическим вопросам.

Вторым препятствием была склонность к игнорированию фундаментальных изменений в структуре партии в 1917 г., самым главным из которых было ее быстрое превращение из небольшой централизованной заговорщической организации в царскую эпоху в большую, децентрализованную, относительно демократическую партию после Февральской революции. Третье препятствие тесно связано со вторым. Отсутствие попыток оценить влияние этой новой организационной структуры — главное, терпимость партии к инакомыслию, а также ее тщательно выстраиваемые связи на заводах, фабриках и в воинских частях — на ее успех в разработке программ, стратегии и тактики, настроенных на колебания меняющегося народного настроения.

* * *

Во время борьбы за власть с февраля по октябрь 1917 г. основным большевистским лозунгом, продвигаемым как ленинистами, так и умеренными большевиками, был созыв широко представительного Учредительного собрания для разработки новой политической системы России. Но между их взглядами была значительная разница. Для ленинистов работа Учредительного собрания не была конечной точкой. Для них главной задачей оставалась консолидация радикальной социалистической власти под эгидой советов, которая бы привела к началу всемирной социалистической революции. Напротив, для умеренных эта цель казалась рискованно преждевременной. Для них временная замена Временного правительства многопартийным социалистическим кабинетом и быстрый созыв Учредительного собрания для создания представительной демократической республики оставались сами по себе достойным завершением.

Эти фундаментальные разногласия по поводу революционных целей, которые разделили левых ленинистов и умеренных большевиков накануне Красного Октября, оставались такими же сильными, как и в периоды сразу же после прихода к власти. После провозглашения советской власти II Всероссийским съездом Советов Ленин, удовлетворенный статус-кво и опасающийся итогов выборов в Учредительное собрание, обдумывал их отсрочку, если вообще не отказ от них. Его отговорили от этого, отчасти потому, что это означало бы отказ от значительного обязательства, воплощенного в дооктябрьской большевистской политической программе. Умеренные, с другой стороны, оставались твердо приверженными формированию *временного* социалистического коалиционного правительства в ожидании скорейшего созыва представительного Учредительного собрания, которое установило бы более долгосрочный надежный политический курс России.

Накануне завершения работы Второго Всероссийского съезда Советов контролируемый умеренными социалистами Центральный комитет Всероссийского союза железнодорожных рабочих (Викжел) пригрозил закрыть железные дороги страны, если исключительно большевистское правительство, одобренное съездом, не будет значительно расширено. Эта угроза имела серьезные политические и экономические последствия для Ленина и нового большевистского правительства. Для партии умеренных это, казалось, обеспечивало благоприятную возможность вновь обновить стремления к достижению менее радикальных целей. Ленин и Троцкий в то время были поглощены серьезными военными угрозами к удержанию их у власти[1]. В резуль-

тате верхушка умеренных — Каменев, Милютин, Ногин, Рыков и Зиновьев — имела большую свободу действий для формирования решений ЦК[2]. Под их руководством делегация партии на переговорах с руководством Викжеля, проводимых под руководством Каменева, выступила за примирительный курс. В действительности, делегация приблизилась к соглашению об удалении Ленина и Троцкого из кабинета министров и замене существующего исключительно большевистского правительства (Совнаркома) «однородным» правительством коалиции во главе с Виктором Черновым вплоть до созыва Учредительного собрания[3]. Ленин был предупрежден о том, что было в действии, вовремя, чтобы предотвратить этот исход. После борьбы за этот вопрос верхушка умеренных была вынуждена покинуть Центральный комитет и правительство[4].

* * *

Выборы во Всероссийское Учредительное Собрание проводились по плану в течение трех дней 12—14 ноября. Им предшествовали короткие, но свободные и мощные предвыборные кампании, в которых участвовали все основные политические партии России.

Как же тогда произошли выборы? С преобладающим числом среди крестьян в сельской местности эсеры получили наибольшее количество голосов на национальном уровне. В союзе с другими умеренными социалистическими и либеральными группами (всего 62% от общего числа) они имели хорошие возможности, чтобы контролировать Собрание. Но в Петрограде и Петроградской области результаты значительно различались. Участие избирателей там было чрезвычайно высоким; набралось около 942 333 граждан, или почти 80% избирателей, имеющих право голоса. Привлекая сильную поддержку в центральных, более богатых районах столицы, кадеты заняли второе место с 26% голосов. За ними последовали эсеры с 16% и меньшевики с неутешительными 5%. Значительными победителями на выборах в Петрограде были большевики с 424 027, или 45% голосов. Партия особенно победила среди рабочих заводов, гарнизонных войск, моряков Балтийского флота и солдат на стратегически важном Северном фронте. Как мы увидим, это преобладание на местном уровне обещало иметь решающее стратегическое значение в почти неизбежном столкновении между советами и Учредительным собранием.

* * *

После выборов Центральный Комитет большевиков постепенно разработал трехстороннюю политику в отношении Учредительного собрания. Во-первых, он начал общенациональную кампанию, направленную на то, чтобы отозвать и заменить достаточно оппозиционных делегатов, и чтобы отменить результаты всеобщих выборов. Это не удалось. Во-вторых, центральное большевистское руководство стремилось подорвать попытки кадетов, эсеров, меньшевиков и других групп и институтов, враждебных большевистской советской власти, руководить подготовкой к Учредительному собранию и выстраивать поддержку для этого. В целях достижения этой цели руководство партии стремилось контролировать все вопросы, связанные с созывом и деятельностью Собрания, а также преследовало и сдерживало конкурирующие партии и группы (особенно кадетов). В-третьих, она провела широкую пропагандистскую кампанию, направленную на то, чтобы продемонстрировать превосходство советской власти над властью Учредительного собрания и подготовить партийные организации и низшие классы Петрограда для скорейшего возможного роспуска Учредительного собрания.

Неудивительно, что эта политика была проклятием для умеренных большевиков. После Красного Октября умеренные большевики понесли поражение в своих попыт-

ках способствовать создание временного широкого, демократического, социалистического, единого правительства. (В то время они также пытались и не смогли привлечь большевистский Совнарком к многопартийной ЦИК[5].) Впоследствии углубляющийся политический конфликт и экономический хаос усилили их уверенность в том, что Ленин и Троцкий вели партию, революцию и страну к разрушению. Очевидно, что к концу ноября четыре ведущих умеренных (Каменев, Милютин, Ногин и Рыков) попросили восстановить себя в Центральном Комитете, чтобы выразить свою глубокую озабоченность по поводу враждебности партии к Учредительному собранию. Их просьбы были отклонены[6]. Тем не менее, у них все еще были карты для игры. Большое число умеренных лидеров были избраны делегатами Учредительного собрания по спискам избирателей, сформированным в конце сентября, когда их влияние находилось на пике. То, как делегация в целом рассматривала бы Учредительное собрание в сложившихся обстоятельствах, было невозможно предсказать. Но умеренные были воодушевлены своей прежней сильной численностью на национальном уровне. Например, в сентябре значительная часть большой большевистской делегации на Демократической государственной конференции голосовала вместе с умеренными большевиками против радикального революционного курса, на котором уже тогда настаивал Ленин[7].

Многие аспекты кампании умеренных по поддержанию неприкосновенности Учредительного собрания внутри партии в это время остаются неясными и по сей день. Однако очевидно, что в начале декабря партийные делегаты на Учредительное собрание уже в Петрограде провели первоначальную организационную встречу, на которой Ленин изложил свою неизменную враждебность по отношению к нему. Несмотря на его позицию, эта частичная делегация избрала временное бюро, контролируемое умеренными. Под руководством этого бюро делегация установила независимый курс, основанном на том принципе, что Учредительное собрание должно стать главным арбитром политической судьбы России. Игнорируя директиву ЦК, что на данный момент основной состав большевиков-делегатов на Учредительное собрание не следует приглашать в Петроград, делегация одобрила отправку отсутствующих делегатов сразу. Кроме того, делегация проголосовала за призыв к немедленному созыву съезда или конференции для определения подхода партии к Учредительному собранию. И он уполномочил бюро приступить к подготовке законопроектов для рассмотрения Учредительным собранием.

Это резкое расхождение между политикой, проводимой партийными делегатами на Учредительное собрание, и политикой, проводимой Лениным и Центральным комитетом большевиков, было основным предметом обсуждения на заседании ЦК 11 декабря[8]. На нем было решено, что позиция Центрального Комитета на Учредительном собрании, содержащаяся в «Тезисах об Учредительном собрании», подготовленных Лениным, будет представлена делегации для принятия на следующий день (12 декабря). Согласно этим тезисам, существующая республика Советов была значительно более высшей формой демократии, чем буржуазная республика и Учредительное собрание. Единственный способ разрешения кризиса, вызванного противоречиями между общими результатами выборов в Учредительное собрание и желаниями народа, заключался в недвусмысленном признании советской власти Учредительным собранием. Кроме того, Центральный Комитет принял решение контролировать выборы нового временного бюро. По-видимому, предложение умеренных о созыве партийного съезда или конференции даже не обсуждалось.

Информация о заседании делегации 12 декабря скудна. В повестке дня, подготовленной Центральным Комитетом, указано, что делегация заслушает отчет от него

(несомненно, выговор), рассмотрит тезисы Ленина и изберет новое бюро — именно в таком порядке[9]. Согласно сообщению, направленному в бюро, встреча должна была состояться в Смольном (в партийном штабе), а не в Таврическом дворце (месте проведения Учредительного собрания), по-видимому, чтобы увеличить число участвующих членов Центрального Комитета. На этой встрече Ленин лично представил свои тезисы, и они были приняты. Все, что известно о результатах выборов в новое бюро, заключается в том, что его председателем стал кандидат ЦК Александр Шляпников[10]. В ретроспективе это была лебединая песня умеренных большевиков как внутрипартийной фракции.

В начале января, накануне созыва Учредительного собрания, Ленин подготовил еще одно заявление об Учредительном собрании — «Декларацию прав трудящихся». Эта декларация была направлена на установление решительной конфронтации между Советами и Учредительным собранием как можно быстрее, тем самым уменьшая возможность его способности консолидировать власть. В документе провозглашалось, что Россия была и останется республикой советов, а руководящая власть во всей стране принадлежит *исключительно* советам[11]. В сопровождающем постановлении указывалось, что попытки любого лица или учреждения, в том числе Учредительного собрания, выполнять любую функцию государственного управления будут рассматриваться как контрреволюционный акт и будут подавляться всеми возможными средствами, включая использование вооруженной силы[12]. В целом послание было недвусмысленным: Учредительное собрание либо сдаст свою власть и уйдет со сцены, либо оно будет вынуждено сделать это.

После выборов в Учредительное собрание вся российская оппозиция усердно работала над достижением своих целей на историческом форуме. Но, естественно, больше, чем любая другая, партия эсеров посвятила огромное количество времени и сил на подготовку к Учредительному собранию. Они подготовили, обсудили, переработали и вторично заслушали законопроекты. Не меньше большевиков они признали критическое значение решающих действий с самого начала. С этой целью они сформировали Комитет на первый день, который подготовил декларацию принципов для немедленного принятия Учредительным собранием. Эта декларация формально одобряла свержение царской политической и правовой системы; отрицала монархическую систему навсегда; провозглашала Россию демократической, федеративной республикой и определяла, что до принятия новых основных законов вся государственная власть принадлежит Учредительному собранию. К тому же эсеры подготовили проект краткого программного манифеста, который заранее был повсеместно распространен[13]. Этот манифест придавал большое значение мерам, которые они подготовили для быстрого принятия. Пункт манифеста о мире предусматривал назначение делегации высокого уровня для проведения мирных переговоров со всеми воюющими сторонами. Цель этих обсуждений заключалась в том, чтобы установить всеобщий мир без победителей или побежденных как можно скорее. Пункт по национальностям обеспечивал самоопределение меньшинств в рамках федеративной российской демократической республики. Что касается сельскохозяйственной реформы, которая, естественно, имела центральное значение для эсеров, в манифесте указывалось, что до осенней уборки урожая все частные земли будут перераспределены агентствами земельной реформы на основании принципа равенства землепользования рабочим крестьянством без компенсации владельцам. В промышленном секторе были предусмотрены меры по государственному регулированию и контролю промышленности с максимально широким участием рабочих организаций. Со временем трудящиеся люди должны были руководить производством. В манифесте также предусматривался закон, направленный на

перенос бремени погашения военных долгов с трудящихся на имущие классы; установление восьмичасового рабочего дня, минимальной заработной платы, всех форм социального страхования и проведение решительных усилий по борьбе с безработицей и предоставление всем гражданам предметов первой необходимости.

* * *

Несмотря на то, что эсеры уделяли много времени и сил, бросая большевикам политический вызов, они не уделяли никакого внимания вопросам безопасности. Всероссийский союз защиты Учредительного собрания[14] и Военная комиссия эсеров пытались подготовиться к военной защите Учредительного собрания. Однако политическое руководство эсеров одержимо опасалось возмездия правительства и отказалось от их помощи. Под давлением перехода от подготовки резолюций к вопросам защиты лидеры эсеров ответили, что поскольку Учредительное собрание было выбрано всенародно для создания новой политической системы и новой жизни для России, ее безопасность была ответственностью народа[15]. Кроме того, по-видимому, некоторые лидеры эсеров рассматривали Учредительное собрание настолько неприкосновенным, что просто не могли представить себе нападения на него.

Большевики не ограничивались такими запретами. Значительная роль в обеспечении защиты советской власти в Петрограде в период Учредительного собрания перешла к руководству Петроградского совета, который в свою очередь обратился к районным советам, красногвардейцам, некоторым элементам Петроградского гарнизона и морякам Балтийского флота за военной поддержкой. Незадолго до открытия Учредительного собрания Петроград был переведен на военное положение, и граждане были предупреждены против проведения уличных митингов и демонстраций в поддержку Учредительного собрания, особенно возле Таврического дворца, где должно было проводиться Учредительное собрание. Защита советского правительства была поставлена под контроль чрезвычайного военного штаба под командованием наркома по военным делам Николая Подвойского. На ключевых перекрестках, ведущих к Таврическому дворцу, были установлены бревенчатые барьеры, а утром 5 января незадолго до запланированного открытия Учредительного собрания окопалась и приготовилась к борьбе пестрая толпа сил лоялистов, периодически подкрепляемая прибывшими моряками. Им не пришлось долго ждать. Большие, часто кровавые конфронтации, длившиеся в течение дня и раннего вечера, разражались, как только первые десятки тысяч невооруженных сторонников Учредительного собрания, несущие красные знамена и исполнявшие революционные песни, подошли к баррикадам, блокировавшим проход к Таврическому дворцу.

Между тем, в конце дня Учредительное собрание началось со словесной драки между эсерами и большевиками из-за того, кто официально откроет историческое заседание. Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета большевик Яков Свердлов выиграл эту перепалку и имел сомнительную честь призвать Собрание к порядку. Воспользовавшись своим положением как временный председатель, он представил ленинскую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Как только он закончил, как сообщается, по указанию Ленина левые разразились исполнением *Интернационала*. Даже правые эсеры, очевидно, почувствовали себя обязанными сделать вид, что подпевают[16]. Как и следовало ожидать, Чернов выиграл право председательствовать во Всероссийском Учредительном собрании, после чего он смог выложить тщательно разработанную программу эсеров.

В отсутствии Троцкого, который находился в пути из Брест-Литовска, и Ленина, который предпочитал оставаться на заднем плане, дирижируя из-за кулис и не участ-

вуя в официальных заседаниях, отвечать Чернову выпало 30-летнему Николаю Бухарину. В долгих и пылких замечаниях он настаивал на том, что России требуется не гражданский мир, насаждаемый правительством национального единства, которое поддерживается Учредительным собранием, а скорее исключительно советская диктатура рабочих и крестьян, как это предусмотрено в декларации Свердлова. Далее эсер Николай Пумпянский изложил повестку дня, разработанную Комитетом первого дня. Его основная идея заключалась в том, чтобы до перерыва сессии Учредительного собрания предпринять предварительные шаги по основным вопросам дня, начиная с вопросов о мире, земле и форме государственного устройства. Левый эсер, народный комиссар юстиции Исаак Штейнберг ответил Пумпянскому требованием, чтобы Учредительное собрание прекратило тратить время и одобрило Декларацию Свердлова.

После Штейнберга на трибуну поднялся грузинский меньшевик Ираклий Церетели. С изысканными манерами, четко выражающий мысли, ветеран российского социал-демократического движения с самых ранних дней, Церетели был чтим как жертва печально-известной атаки Столыпина на Вторую Государственную Думу в июне 1907 г. В 1917 г. он, возможно, был наиболее авторитетной фигурой в умеренно-социалистическом руководстве Советов; он был самым влиятельным сторонником сотрудничества с либералами и твердой оппозиции большевизму. Во многом благодаря тому, что он славился беспристрастием и враждебностью к большевикам, он считался одним из главных врагов Советской власти. Его появление на трибуне вызвало неистовство в левом секторе и на галерке[17].

Церетели не был запуган беспорядками. Похоже, он даже черпал вдохновение в них. Высмеивая само предложение, что Учредительному собранию следует слепо одобрить советскую власть, он настаивал на том, чтобы для начала делегаты должны все же услышать хотя бы один аргумент, свидетельствовавший о том, что советская политика дала положительные результаты. Находясь у власти более двух месяцев, большевики все еще пытались возложить ответственность за все проблемы на саботаж буржуазии и делали все возможное, чтобы заглушить оправданную критику. Игнорируя оглушительные и возмущенные выкрики левых, Церетели смело обрушился с критикой на то, что он считал серьезными провалами советской политики. «Вы, которые обещали хлеба всему населению, можете ли вы, положа руку на сердце, сказать, что Петроград гарантирован от голода в ближайшие недели?» — вопрошал он. «Вы дали землю народу, — заметил он, — но те вести, которые приходят из деревни... вселяют в вас уверенность, что именно беднейшее крестьянство обзавелось землей... завоеванной революцией?» «И... в области внешних отношений, довольны ли вы положением дела?» — допытывался он. «Если внешние силы, на которые вы рассчитываете, что придет на помощь русской революции, не материализуется, не поставлено ли дело так, что погибнет на долгие годы не только дело социализма в России, но и дело укрепления и утверждения элементарных начал демократизма в России?» Смелая и влиятельная речь Церетели получила высокую оценку даже у его противников. Возможно, Ленин был среди них. В условиях враждебного климата, сложившегося вслед за Учредительным собранием, Ленин передал Церетели через посредников совет вернуться в безопасную Грузию[18].

В другой работе я подробно описал эти заседания[19]. Достаточно отметить здесь, что не ранее чем через несколько часов на голосование были поставлены Декларация Свердлова и предложение по повестке дня эсеров. Результат, еще одна победа эсеров, отражало распад делегатов на главные соперничающие стороны. После долгого перерыва среди ночи, сначала большевики, а несколько часов спустя и левые эсеры вышли из зала. Остальные делегаты быстро приняли всю программу эсеров, прежде чем

были вынуждены разойтись. Закрытие Учредительного собрания было быстро поддержано ЦИК, а чуть позже III Всероссийским съездом Советов. Судьба Всероссийского Учредительного собрания была окончательно решена.

* * *

В заключение позвольте мне добавить только два-три момента. Первый момент связан с исторической значимостью внутренней партийной структуры большевиков в определении ее успешных революционных стратегий в 1917 г. Нет никаких сомнений в том, что роль, которую играли умеренные в формировании большевистской деятельности в период с февраля по октябрь 1917 г., была критически важной и все еще недостаточно оценена[20]. Неспособность умеренных к достижению своих целей во время переговоров в Викжеле, за которыми последовала их безуспешная попытка повлиять на негативную политику партии в отношении Учредительного собрания, ознаменовала конец их коллективной власти в партии. Все больше и больше, когда кризис Гражданской войны в России углублялся, и когда большевистские кадры резко сокращались, преобладающими призывами становились повиновение высшему руководству и централизация принятия решений в партии и правительстве.

Во-вторых, как объяснить тот факт, что Всероссийское Учредительное собрание, которое на протяжении десятилетий было важной целью либеральных и социалистических партий России, пришло к такому быстрому и постыдному концу. Безусловно, проблема безопасности, которая частично отвечает на этот вопрос. Большевики в своем распоряжении имели сильное сосредоточение вооруженных сил, в то время как эсеры пренебрегали военной поддержкой. Однако более фундаментальным фактором является то, что во времена Учредительного собрания в январе 1918 г. оставались довольны сильны надежды народа на достижение лучшей жизни через революционную советскую власть, которая обеспечила победу большевиков в октябре 1917 г. и на последующих выборах в Учредительное собрание в Петроград.

И последнее. С точки зрения целого столетия рост и падение Учредительного собрания предстает как критически важный этап «Великой русской революции 1917—1921 годов». Отныне проигравшие в борьбе за власть Всероссийского Учредительного собрания были вынуждены бороться с советской властью из подполья как «контрреволюционеры» или с периферии России как различные элементы политически консервативной Белой Армии, скромно поддерживаемой иностранными державами. Время покажет, что для большевиков эти последние факторы станут решающими.

1 Эти угрозы включали внутреннюю атаку на новое советское правительство по стороны Всероссийского Комитета спасения Родины 29 октября и неудачный штурм южного пригорода казачьими войсками генерала Петра Краснова на следующий день.

2 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б), август 1917 — февраль 1918 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Москва, 1958. С. 122—123, 269—270.

3 См.: *Рабинович А.* Большевики у власти: первый год советской эпохи в Петрограде. Москва, 2007. С. 57—63.

4 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) ... С. 126—129; *Рабинович А.* Большевики у власти ... С. 68—78.

5 См.: *Рабинович А.* Большевики у власти ... С. 80—87.

6 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) ... С. 154. См. также: Известия ЦК КПСС. 1989. №. 1. С. 236. Каменев в то время был отправлен вместе с Троцким в Брест-Литовск.

7 В тот день представители партии со всей России отклонили курс Ленина и проголосовали 75 против 50 в пользу участия в Предпарламенте (Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) ... С. 261—262; *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Москва; Ленинград, 1925. Т. 3, ч. 1. С. 301—302, 359, 441—442).

8 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) ... С. 160—161; Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 236.

[9] Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б) ... С. 161.
[10] *Allen B.* Alexander Shliapnikov, 1885—1937. Leiden; Boston, 2015. P. 106.
[11] Декреты советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории СССР АН СССР. Москва, 1957. Т. 1. С. 321—323.
[12] Там же. С. 323—324.
[13] Партия социалистов-революционеров, 1917—1925: документы и материалы / ред. Е.Д. Ерофеев. Москва, 2000. Т. 3, ч. 2. С. 271—274.
[14] Всероссийский союз защиты Учредительного собрания был сформирован в ноябре кадетами, эсерами и другими умеренными социалистическими группами как национальный центр по усилению народной поддержки Учредительного собрания и обеспечения его безопасности.
[15] *Соколов Борис.* Защита всероссийского учредительного собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 33—34, 58.
[16] *Святитский Н.* 5—6 января 1918 года: из воспоминания бывшего эсера // Новый мир. 1928. № 2. С. 225.
[17] Всероссийское учредительное собрание / под ред. М.Н. Покровского, Я.А. Яковлева. Москва; Ленинград, 1930. С. 36.
[18] *Денике Ю.П.* И.Г. Церетели // Новый журнал. 1959. № 57. С. 284.
[19] *Рабинович А.* Большевики у власти ... С. 179—196.
[20] Я пишу о роли умеренных большевиков в следующей работе: *Рабинович А.* Умеренные большевики в Октябре 1917 года // Исторические записки. 2008. [Т.] 11 (129). С. 330—346.

Харуки Вада

Февральская революция: новая концепция японских историков

1. Несколько слов о японской историографии

У нас в Японии настоящее научное изучение истории России началось только после 1956 г. Молодые историки прочитали интересные доклады о российской революции в заседаниях Японского общества исследователей истории России (ЯОИИ). Можно назвать три доклада: Вада «Февральская революция и большевики: диапазон отношений революционных элит и масс к Совету рабочих депутатов» (апрель — май 1959 г.); Цуеси Хасэгава «Двоевластие и большевики» (февраль 1964 г.) и Хисаси Нагао «Колебание большевиков в течение Февральской революции и ленинские “Апрельские тезисы”» (март 1965 г.). Мы все уважали советского историка Эдуарда Бурджалова, автора известной статьи, опубликованной в апрельском номере (1956 г.) журнала «Вопросы истории». Среди нас, я думаю, не нужно объяснить, кто такой Хасэгава. Его книга “The February Revolution: Petrograd, 1917”, опубликованная в США в 1981 г., уже является классикой для специалистов всех стран. Покойный Нагао опубликовал книгу «История Российской Октябрьской революции» в Токио в 1973 г. Он объяснил Октябрьскую революцию как поддержанную многими Советами рабочих депутатов, принявших резолюции за Советскую власть.

В 1968 г. ЯОИИ опубликовал сборник статей, посвященный пятидесятилетию российской революции. Для этого тома я написал большую статью «Февральская революция». Хотя и будучи учеником Э. Бурджалова, я обратил внимание на течение левого либерализма, тайную политическую ассоциацию масонского характера и Центральный военно-промышленный комитет вместе с его «Рабочей группой». В этой первой статье я высказал соображение, что левые либералы А.И. Коновалов и др. заставляли

«Рабочую группу» идти вперед к революционному выступлению в начале 1917 г. Поэтому я предложил датировать начало Февральской революции 14 февраля, когда «Рабочая группа» призвала рабочих к шествию к Государственной Думе.

Через почти 50 лет, то есть в 2017 г., я написал книгу «Февральская революция: 1917 год в Петрограде»[1]. Она выйдет в ноябре. 2017-й г. богат на публикации по теме революции. Почетный профессор Токийского университета, мой бывший аспирант Нориэ Исии также написал книгу «Российская революция». Хотя я еще не познакомился с ее содержанием, я верю, что монография Исии даст нам новый прозрение. Весной 2017 г. была опубликована работа талантливого молодого историка Есиро Икэда. Это маленькая, но важная книга «Российская революция: восемь месяцев катастрофы». Икеда учился на семинарах у меня и профессора Исии.

В этом тексте я намерен изложить мою новую концепцию российской революции и затем объяснить кратко новую концепцию Икэда.

2. Причины Российской революции

Российская революция 1917 года являлась великой борьбой россиян против самодержавия и мировой войны.

Самодержавие, дожившее до трехсотлетия династии, оказалось окончательно нежизнеспособным в тотальной войне. Настоящий кризис верховной власти выразился в ненормальных отношениях между царем, царицей и Распутиным. Супруга царя написала ему 4 декабря 1916 г.: «Я глубоко убеждена, что близятся великие и прекрасные дни твоего царствования и существовании России. Только сохраняя бодрость духа, не поддавайся влиянию сплетен и писем... Покажи всем, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена. Миновало время великой снисходительности и мягкости... теперь наступает твое царство воли и мощи! Они будут принуждены склониться перед тобой и слушаться твоих приказов, и работать так, как и с кем ты назначишь»[2]. Царица только что заставила царя сохранить Протопопова в качестве министра внутренних дел. Она торжествовала.

А тем временем мировая война стала невыносимым горем для всего народа России.

В конце 1916 г. страна столкнулась с трудностями в пополнении вооруженных сил людским составом. В.И. Гурко, Б.А. Энгельгардт и другие 26 членов Особого совещания по обороне государства обратились к царю с запиской, в которой указали, что уже скоро, через пять месяцев, придется вести войну, расходуя запасные батальоны, без возможности их пополнения. Они также писали, что в стране все более остро ощущается недостаток рабочих рук во всех важнейших отраслях народного труда. В записке было предложено пять мер, но среди них не было настоящего способа разрешения проблемы[3]. Это означает, что Россия уже перестала быть способной продолжать войну.

В начале октября 1916 г. солдаты на фронте начали открыто отказываться идти в атаку. В ночь с 1-го на 2-е в 48-м Сибирском стрелковом полку начались брожения, слышались выкрики, что в наступление они не пойдут. 3-го октября, когда атака началась, часть солдат 47-го и 48-го полков отказалась идти в бой. В связи с этим три стрелка были преданы военно-полевому суду и расстреляны по его решению[4]. Отказ солдат идти в атаку продолжался и дальше. В ноябре солдаты 1-й и 3-й рот 326-го Белгорайского полка в окопах закричали: «Не пойдем», «Защищать позиции будем до последней капли крови, а в атаку не пойдем». За этот отказ 197 человек были преданы Общему корпусному суду[5]. Вопреки всем карательным мерам, солдаты начали бороться против мировой войны.

3. Три попытки преодоления кризиса

Кризис власти и государства остро ощущался наверху. Поэтому попытка преодолеть кризис началась сверху. Первой попыткой стала «дворцовая революция». Классической моделью дворцовой революции было цареубийство. Но в этот раз организаторы намеревались убить Распутина, устрашить и выгнать царицу из царского дворца и освободить царя от их влияния. Распутин был убит 18 декабря князем Феликсом Юсуповым, великим князем Дмитрием Павловичем и правым депутатом Пуришкевичем. Эта акция не могла изменить верховную власть. Царица, не упавшая духом, стала более агрессивной.

Второй попыткой должен был стать «государственный переворот». Центральной его фигурой был Александр Гучков. Его поощряли Николай Некрасов и Михаил Терещенко. Вместе с ними Гучков составил план переворота: обеспечение надежных офицеров и воинских подразделений; захват поезда Николая II на пути между Царском Селом и ставкой; вынуждение царя отречься в пользу наследника; назначение великого князя Михаила регентом; соответствующие манифесты. Князь Д.Л. Вяземский, который состоял уполномоченным отряда Красного Креста, стал важным сотрудником для Гучкова. Подготовка шла усердно[6].

Но неожиданное обстоятельство помешало осуществлению их замыслу. Гучков был в Кисловодске на лечении с 13 октября по 20 декабря[7], а князь Вяземский в конце 1916 г. был тяжело ранен на фронте пулей в грудь навылет, и даже в конце февраля 1917 г. он еще не вполне оправился от этой раны[8]. Поэтому попытка Гучкова окончилась безрезультатно. Потом Терещенко попытался вновь вернуться к этой затее вместе с генералом Крымовым, но их затее, приуроченной к началу марта, тоже не суждено было осуществиться[9].

Третьей попыткой стала «буржуазно-гражданская революция». Центральными фигурами этого движения были А. Коновалов, Н. Некрасов и А. Керенский. Письменное свидетельство их согласия не найдено до сих пор, но без предположения о том, что они согласовывали свои действия, невозможно объяснить развития событий. Все трое были членами масонской ложи «Великий Восток народов России»[10] и депутатами Государственной Думы. В начале ноября 1916 г. они приступили к организации революции, поощряя Рабочую группу ЦВПК к выступлению во имя спасения страны[11]. В секретариате Рабочей группы в этом деле ключевую роль играл меньшевик Е. Маевский. Он был участником революции 1905 года и членом авторского коллектива меньшевистского пятитомника «Общественное движение в России в начале XIX века»[12].

4. Февральские выступления народных масс Петрограда

До сих пор историки единогласно считали, что началом Февральской революции является 23 февраля. Я же с 1968 г. полагал, что Февральская революция началась 14 февраля 1917 г.

В январе Рабочая группа ЦВПК приняла решение призвать массу рабочих «к открытию Гос. Думы, т.е. 14 февраля выйти все до одного на улицу и двинуться к Таврическому дворцу». Они не скрывали, что намерены повторить затею попа Гапона «шествие к Зимнему Дворцу»[13]. Это значило начать революцию. Но этот призыв не дал результата, потому что власти арестовали заранее почти всех членов Рабочей группы и в тот же день установили жестокий режим против демонстрации рабочих. Еще одно обстоятельство помешало выступлению 14 февраля. Это противостояние левых пар-

тий и групп. Они не думали, что момент решительных акций пришел, и считали призыв к выступлению 14 февраля ловушкой власти[14]. Только студенты нескольких институтов провели демонстрации на Невском проспекте[15].

Неудавшийся призыв к шествию к Таврическому Дворцу и все события вокруг этого оставили чувство глубокой неудовлетворенности у передовых рабочих Выборгского района. Через 9 дней, 23 февраля они горячо отреагировали на призывы женщин-работниц текстильных фабрик, начали забастовку, намереваясь идти к центру города.

Выступления рабочих на другой день быстро охватили и другие районы. А 25 февраля весь город уже был охвачен всеобщей забастовкой. Участились столкновения рабочих и студентов с полицией и войсками. 26 февраля командующий Петроградским военным округом приказал войскам стрелять в демонстрантов. Первой восстала четвертая рота Преображенского полка, но ее выступление было сразу подавлено. Утром 27 февраля учебная команда Волынского полка, брошенная на расстрел безоружной массы, взяла инициативу восстания, и весь полк восстал. Сразу присоединились три полка из соседских казарм. Таким образом, рабочая революция перерастала в рабоче-солдатскую революцию. Заключенные из двух тюрем были сразу освобождены.

5. Совет рабочих и солдатских депутатов и Временный Комитет Государственной Думы

В течение февральских революционных дней остатки Рабочей группы и их союзники, деятели рабочего кооператива, старались создать Совет рабочих депутатов. И 27 февраля члены Рабочей группы, освобожденные из Крестов, спешили в Таврический Дворец, где вместе с деятелями кооператива и Н.Д. Соколовым издали обращение с призывом к созданию Совет рабочих депутатов. Но по содержанию обращения это был призыв создать Совет рабочих-солдатских депутатов. Я в этом вижу роль, сыгранную быв. большевиком Н.Д. Соколовым.

1 марта первое общее собрание, в котором участвовали солдатские депутаты, приняло резолюцию о первоочередных мерах для демократизации армии. Эта резолюция была превращена в «Приказ № 1»[16]. Временное правительство отменило 12 марта смертную казнь в гражданских судах и в военно-полевых судах. Это было большой победой для солдатских масс.

Тем временем, в Государственной Думе, распущенной утром 27 февраля, вечером того же дня был создан Временный Комитет Государственной Думы (ВКГД). Он приступил к взятию власти только после полуночи. С утра 1 марта Комитет проделал большую работу по подчинению себе министерств и железной дороги. Однако Родзянко и Гучков постарались получить царские декреты о назначении Г. Львова премьер-министром и генерала Л.Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом, и затем заставить царя Николая отречься в пользу наследника Алексея и назначить вел. князя Михаила регентом[17]. Это является восстановленной попыткой «государственного переворота». Они хотели сохранить монархию как фактор порядка. Но Николай, поначалу согласившись на отречение в пользу сына, окончательно высказал свою волю отречься в пользу Михаила. На этом моменте люди революционной фракции консолидировали усилия в пользу отмены монархии. Милюков пишет в своих воспоминаниях, что Керенский и Некрасов настаивали в разговорах с ним на введении республиканской формы правления[18]. Встреча вел. князя Михаила с министрами и членами ВКГД стала театром решительной битвы между Некрасо-

вым — Керенским — Коноваловым и Гучковым — Милюковым, дилемм «революция или государственный переворот», «республика или конституционная монархия».

В итоге Февральская революция, как буржуазно-гражданская революция, победила. Самодержавие было свергнуто. Временное правительство было создано на основе соглашения с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

6. Противоречие Февральской революции

Династия Романовых ушла, но мировая война продолжалась. Здесь лежало противоречие Февральской революции.

6 марта Временное Правительство опубликовало воззвание к гражданам, в котором выяснилась его позиция в отношении войны. «Правительство верит, что дух высокого патриотизма, проявившийся в борьбе народа со старой властью, окрылит и доблестных солдат наших на поле брани. Правительство, со своей стороны, приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца. Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные союзниками соглашения»[19].

Буржуазные либералы, консервативные, умеренные или революционные, все хотели продолжать войну.

14 марта Совет рабочих и солдатских депутатов принял свое обращение «К народам всего мира».

«Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств — как внутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой. Но мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего полусамодержавного порядка... откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров... и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество»[20].

Этот обращение отражало устремления, выкрики солдат на фронте в 1916 г. и выражало желание солдатских масс в резонной и умеренной форме.

Буржуазная-гражданская революция и рабочая-солдатская революция объединились в процессе свержения самодержавия, но Временное правительство должно было изучать эту проблему серьезно и думать о том, как примирить две позиции.

Только малочисленные дальновидные либералы, такие, как управляющий делами Временного правительства В. Набоков и член Юридического совещания Борис Нольде, с первых дней существования нового правительства уже признали невозможность продолжать войну, но они не успели убедить в этом министров и членов ЦК кадетской партии[21].

Вот моя картина Февральской революции. Для того, чтобы выяснить историческое место этой революции, мне надо продолжить мое размышления.

7. Дальнейшее развитие революции

В конце концов Временное правительство не смогло прекратить войну. Эта неудача оказалась смертельной для него. Народные массы, рабочие и солдаты желали немедленного мира и демократизации армии. Они стали все более поддержать идею Советской власти в противоположность Временному правительству.

Октябрьская революция была провозглашена воззванием, принятым 25 октября Вторым Всероссийским съездом Советов. Вот задачи революции, провозглашенные в нем: 1) немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах; 2) безвозмездная передача помещичьих земель в распоряжение крестьянских комитетов; 3) права солдата, полная демократизация армии; 4) рабочий контроль над производством; 5) своевременный созыв Учредительного собрания[22]. Никакая новая, социалистическая задача здесь не была поставлена.

26 октября съезд Советов принял Декрет о мире, предложенный Лениным. Это был момент настоящего энтузиазма депутатов и зрителей. Люди встали и пели «Интернационал». Джон Рид прекрасно изложил эту атмосферу в своей известной книге. Старик-солдат заплакал как ребенок. Молодой рабочий воскликнул радостно: «Война кончена! Война кончена!». В это время было создано правительство большевиков с В.И. Лениным во главе. Этому правительству было поручено выполнить задачи, обозначенные во воззвании.

Итак, Октябрьская революция являлась продолжением и завершением задач Февральской революции. Октябрьская революция была прежде всего революцией за мир против войны и армии. 15 декабря на заседании Совета народных комиссаров были приняты два декрета, определивших весь ход демократизации армии. Декрет об уравнении всех военнослужащих в правах полностью упразднял все воинские чины и звания. Декрет о выборном начале и об организации власти в армии вводил выборность всех офицеров и командиров[23]. Демократизация армии завершилась к концу декабря. Это означает полную дезорганизацию старой армии. Утопия «мир» является утопией XX в., утопией эпохи мировых войн. Российская революция в ее первом и втором актах реализовала эту утопию, но она не могла создать реальный мир.

Ленинское правительство 6 января 1918 г. постановило, что Учредительное собрание распускается. Этой акцией была провозглашена Ленинская третья революция. Третья революция была социалистической. Ленин намеревался продвинуться к осуществлению социалистической утопии XIX в. через гражданскую войну при помощи сильной власти (однопартийная диктатура), сильной армии (Красная армия) и германского «военного социализма». Для него этот путь был надежным шагом вперед из ада мировой войны. Все-таки, его система оказалась самой подходящей к эпохе мировых войн.

Теперь мы знаем результат Ленинской революции. Социалистическая утопия потеряла свое обаяние для людей. Но утопия «мир», обозначенная Февральской и Октябрьской революциями, продолжала жить в истории человечества. Мне хочется указать на «мирную конституцию» послевоенной Японии и могучее антивоенное движение граждан во время Вьетнамской войны как продолжение утопии Российской революции.

8. Новая постановка вопроса у молодого ученого Икэда

В заключение мне хочется сказать немного о замечательной книге представителя нового поколения японских историков-руссистов. Книга Икэда «Российская революция»[24], изданная в Токио в январе 2017 г., имеет характерный подзаголовок: «восемь месяцев катастрофы». Икэда полагает, что в 1917 г. в России произошли две революции: Февральская и Октябрьская.

Путь России от февраля до октября характеризуется им как ход катастрофы. Временное правительство, революционная власть либералов и умеренных социалистов, не могло создать устойчивую, работоспособную демократическую республику. Он

старается изучить историю Временного правительства в целом. Работа Икэда является хорошим подступом к изучению деятельности Временного правительства.

1 *Вада Харуки*. Нигацу какумэи = (Февральская революция) // Росия какумэи но кэнкю = (Исследования Российской революции). Токио, 1968. С. 321—454. См.: Haruki Wada, The Russian February Revolution of 1917, *Annals of the Institute of Social Science*, No. 15, 1974, pp. 72—94; *Вада Харуки*. Февральская революция 1917 года // Россия как проблема всемирной истории. М., 1999. С. 27—50.

2 Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. IV. С. 154.

3 Весь текст этой записки: *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 97—105. Об этой записке см.: Semen Lyanders, *The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution*, Oxford, 2014, pp. 56—57.

4 Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны: сборник документов. М., 1966, С. 204—205, 424.

5 Там же. С. 247—253.

6 Основной источник о затее А. Гучкова: Александр Иванович Гучков рассказывает ... М., 1993.

7 *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в года первой мировой войны. Л., 1967. С. 301. Также см.: Утро России. 1916. 18 дек. С. 4.

8 *Васильчиков И.С.* То, что мне вспомнилось... М., 2002. С. 124. Автор — муж сестры Д. Вяземского.

9 Терещенко М.И. о ген. Крымове // День. 1917. 2 сент. С. 2.

10 В основном я опираюсь на работу В.И. Старцева: *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. Санкт-Петербург, 2004.

11 С.В. Куликов в своей статье считал руководителей ЦВПК с Гучковым во главе вдохновителями революционных акций Рабочего группы (*Куликов С.В.* Центральный Военно-промышленный Комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года // Российская история. 2012. № 1). Эта замечательная работа русского историка, но он не отличил Коновалова от Гучкова. Линии этих двух людей являются разными.

12 Ценнейшим материалом всего этого дела была брошюра «Канун революции» (Петроград, 1918), редактором которой был Евгений Маевский.

13 Письмо к рабочим всех фабрик и заводов г. Петрограда // Канун революции. Пг., 1918. С. 94—100. В нем мы находим следующие строки. «Одиннадцать лет тому назад Рабочий Петербург, спаянный наивной детской верой в царя, двинулся к Зимнему Дворцу искать правды.... Теперь мы выросли, теперь мы не пойдем уж к Зимнему Дворцу... Как и в Кровавое Воскресенье, мы должны спаять себя братской клятвой... к открытию Гос. Думы, выйти все до одного на улицу и двинуться к Тавическому Дворцу... Мы пойдем с властными требованиями, чтобы наши желания, наш голос услышала вся страна, услышали миллионы народа, одетого в солдатские шинели».

14 Меньшевики-интернационалисты (Инициативная группа), партия большевиков, межрайонцы, левые эсэры — все они были против призыва Рабочей группы.

15 В Петрограде накануне Февральской революции // Красная летопись. 1927. № 1. С. 42.

16 *Соколов Н.Д.* Как родился приказ № 1 // Огонек. 1917. № 11.

17 Заявление А. Гучкова: Nicholas de Basily, Diplomat of Imperial Russia, 1903—1917: Memoirs. Hoover Institution Press, 1973, pp. 129—130.

18 *Милюков П.Н.* Воспоминания. New York, 1955. Т. 2. С. 315. Гучков заметил, что в квартире вел. князя Михаила Коновалов энергетически требовал от вел. князя отказ от престола: Nicholas de Basily, op. cit., p. 143.

19 Революционное движение в России после свержения самодержавия: документы и материалы. М., 1957. С. 425.

20 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Санкт-Петербург, 1993. С. 323—324.

21 *Набоков В.* Временное Правительство // Архив русской революции. Берлин, 1921. I. С. 41—42.

22 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 8.

23 Там же. С. 242—245.

24 *Икэда Есиро.* Росия какумэи = (Российская революция): хакеку но 8 кагэцу = (восемь месяцев катастрофы). Токио, 2017. 232 с.

Р.Г. Пихоя

Две революции: 1917 года и 1991 года. Общее и особенное

В XX в. наша страна пережила две революции — в 1917 г. и в 1991 г. В каждом случае радикально изменялись формы политической организации государства, экономические основы, социальный строй. Предметом моей статьи стала проблема «общего и особенного» в этих революциях.

Первый вопрос, на который следует ответить, должен быть сформулирован следующим образом: насколько правомерно сравнивать события 1917 г. и 1991 г., не только разделенные тремя четвертями столетия, но и изменениями, которые произошли за этот срок в стране.

Второй — что же позволяет утверждать, что на рубеже 80—90-х годов XX в. в России произошла вторая великая революция, в чем сходства и в чем различия между этими событиями.

Начну поэтому с того, что постараюсь обосновать некоторые постоянные и переменные характеристики объекта изучения — России в XX в.

Территория. Этот фактор всегда важен для понимания особенностей развития страны в самом широком смысле. Площадь территории СССР к концу 1980-х годов составляла 22 млн. 402 200 кв. км, Российской империи — 21 млн. 800 974 кв. км. В XX в. в Европе находилось около четверти территории страны, остальные 75% — в Азии. И в Российской империи, и в СССР Россия занимала $^3/_4$ территории страны. Неизменными оставались природно-климатические условия.

Население. Советский Союз, как и дореволюционная Россия, оставался страной с низкой плотностью населения, к тому же крайне неравномерно расселившимся по территории страны. В Европейской России плотность населения составляла в 1914 г. 25,9 человек на кв. версту, а в СССР в 1976 г. — 34 человека на кв. км, а на Дальнем Востоке и Сибири — соответственно 1 и 2 человека. В стране существовали серьезные отличия как на региональном, так и на этническом, культурном уровнях, по экономическому потенциалу, специфике местных традиций.

И в Российской империи, и в Советском Союзе русские составляли около половины населения. Перепись 1897 г. зафиксировала, что русский язык является родным для 44,3% населения империи. По переписи 1989 г. русских было 50,8% от населения страны.

Централизованное управление. Российскую империю, и СССР объединяло наличие строго вертикальной системы управления: в первом случае — монархия, в втором — наличие однопартийной системы организации власти. В Конституции СССР 1936 г. было записано, что коммунистическая партия представляет «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». В Конституции СССР 1977 г. это положение было усилено — 6-я статья утверждала, что «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

Номенклатурный принцип управления СССР ставил во главе всей пирамиды управления страной Генерального секретаря ЦК КПСС.

Патернализм. Отмечу еще одну особенность — надежду на государя, главу страну. Его сакрализация, в разных формах присутствовавшая на протяжении оте-

чественной истории и своеобразно воплощавшаяся в убеждении, что верховная власть — справедлива, нравственна, защитница народа, жила в народе, воплощаясь то в социальных утопиях[1], то в «письмах во власть» — от райкомов до ЦК КПСС[2]. Эта вера в конечную справедливость верховной власти, социальный патернализм, многократно спасавший и власть, и отождествлявшиеся с ней формы государственности, имела и опасную составляющую. Десакрализация верховной власти, часто персонифицированной с главой страны, способна была обрушить всю пирамиду власти и государственного управления, как и произошло в 1917 г. и в 1991 г.

Отличия. Они очень значительны. Отмечу только некоторые, важные для данной темы.

Крестьянство и сельское хозяйство. Царская Россия была страной крестьянской[3]. В эпоху индустриализации во всех странах, охваченных этим процессом, численность сельского населения значительно сократилась. Но в СССР после проведения всеобщей коллективизации крестьяне-земледельцы превратились в зависимых от государства колхозников и сельскохозяйственных рабочих совхозов, полностью лишившись признаваемой государством личной хозяйственной самодеятельности.

Эти социальные перемены имели политические следствия. В революции 1917 года крестьянство стало важнейшей действующей силой — и в деревне, где шел стихийный передел земли и ликвидировалось помещичье землевладение, и когда солдаты — вчерашние крестьяне, отказавшись воевать, опрокинули государственную власть. В событиях конца 1980-х — начала 1990-х годов сельское население было скорее наблюдателем политических событий. Не зафиксировано никаких сведений о попытках крестьян выступать как самостоятельная политическая сила в период перестройки[4].

Другим очевидным отличием между сельским хозяйством дореволюционной России и позднего СССР было существенно различное влияние на экономику страны. Царская Россия в 1913 г. Россия вывезла за границу хлеба в зерне и муке на 589,9 млн. руб.[5] В СССР, который стал страной с преобладанием промышленности в экономике, с 1961 г. удельный вес импорта продовольствия постоянно возрастал: в 1973 г. было закуплено 13,2% зерна от его производства в СССР, в 1975 г. — 23,9%, 1981 г. — 41,4%.

Изменения демографических характеристик населения. Радикально изменился образовательный уровень населения страны. В 1913 г. в Европейской России грамотными были 22,9%[6]. К концу 1980-х годов практически 100% населения СССР было грамотно. На 1000 человек населения страны старше 15 лет имели высшее или незаконченное высшее образование 125, среднее специальное — 182[7]. Население постарело. Если в 1913 г. 64,5% жителей страны было моложе 30 лет, то в 1989 г. — 44,3%[8].

Новым социальным явлением стал выход на арену политической жизни интеллигенции — инженеров промышленности, ученых из отраслевых и академических НИИ, преподавателей высшей школы, государственного аппарата. Именно эта группа населения, объединенная скорее по уровню образования, чем по производственному признаку, рекрутировала наиболее радикальных деятелей преобразований.

Промышленность. Нет нужды говорить о принципиальных отличиях экономики по преимуществу аграрной царской России от индустриального Советского Союза. Отмечу лишь, что исследования последних десятилетий свидетельствуют о «позитивных элементах в финансово-экономической политике предвоенных и военных

лет» России начала XX в. и связывают революционные события с противоречиями модернизационного процесса[9]. В отличие от этого, последним десятилетиям советского периода свойственен рост проблем в экономике. По данным ЦСУ СССР, с начала 1970-х годов неуклонно падала производительность труда, среднегодовые темпы прироста основных показателей экономического и социального развития, ни один из показателей плана 11-й пятилетки (1980—1985 гг.) не был выполнен[10].

Идеологический характер советской государственности. И, пожалуй — главное отличие. Отказ от практики мировой революции вовсе не означал отказа от идеи неизбежного торжества коммунизма во всем мире в теории, достаточно посмотреть Конституции страны вплоть до последней — 1977 г. Следствием такой установки стало, во-первых, беспрецедентная в мировой юриспруденции конструкция советской власти, которая «дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов»[11].

Во-вторых, управляемость государства в условиях намеренно спутанных функций исполнительной и представительной властей при декларативном сохранении принципа «Вся власть Советам!» ограничивалась реальной властью аппарата коммунистической партии, связывавшего тугими нитями номенклатуры весь аппарат управления.

КПСС была массовой партий, насчитывавшей в своих рядах на 1 января 1990 г. 19 миллионов 228 тысяч коммунистов, состоявших на учете в 443 тысячах первичных партийных организаций по всей стране[12].

В-третьих, вследствие своей прозелитской функции, декларируемого утверждения об универсальности коммунистической идеи, собственно национальная природа государства заменялась уверениями в интернациональном братстве более 100 народов, живущих в СССР, и формировании нового советского человека.

В-четвертых, в послевоенном СССР стал формироваться практически неисследованный нами тип «национального коммуниста», связанного своим происхождением, языком, культурой, традициями с местными элитами. Внешнее подчинение вовсе не предполагало единомыслия с московскими товарищами.

Определив объект исследования — Россию, сохранявшую элементы преемственности и изменчивости на протяжении XX в., перейдем к главному — выявлению специфики общего и особенного в революциях начала и конца XX в. в России.

Бунт покупателей. В конце 1980-х годов в жизни крупнейших городов России появилось невиданное прежде явление — изголодавшиеся по табаку, водке, а потом и по более необходимым продуктам питания — от хлеба до молока граждане стали перекрывать центральные улицы в крупнейших промышленных центрах страны — Перми, Свердловске, Челябинске, Ленинграде. В магазинах пропали стиральные порошки, зубная паста, табак, соль, спички[13]. Аппарат ЦК КПСС констатировал: «неуверенность в стабильности потребительского рынка привела к расширению круга дефицитных товаров. Так, из 1101 ассортиментной группы товаров народного потребления, по которым в 1989 г. велось наблюдение, дефицитными были 1044, в том числе из 221 продукта питания — 211; из 493 тканей и предметов гардероба — 465; из 387 товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения — 368»[14].

Социологическая группа ЦК КПСС, изучавшая в сентябре 1989 г. мнение населения о проблемах, вызывающих наибольшее беспокойство и неудовлетворенность[15], установила, что недовольство плохим обеспечением продуктами питания высказали 83,4% жителей городов страны[16].

Политические следствия из такого положения сформулировал, выступая на Политбюро, первый секретарь Ленинградского обкома партии Б.В. Гидаспов: «Я утром еду на работу, смотрю на хвосты в сто, тысячу человек. И думаю: вот трахнет кто-нибудь по витрине — и в Ленинграде начнется контрреволюция. И мы не спасем страну»[17].

Во многом Гидаспов был прав.

«Отдельные недоработки» и «временные трудности», на первый взгляд, не имеющие отношения к политике, превращались в недоверие к власти, а платой за невыполненные обязательства руководства страны стало то, что народ переставал считать действовавшую политическую власть, своих вождей — властью законной.

«Табачные», «водочные» и молочные бунты 1989—1990 гг. — в одном ряду с «хлебными бунтами» начала 1917 г. Последнее — не повод для иронии. Это механизм отторжения жителей страны (именно так!) от действовавшей власти.

Крушение государственной идеологии советского пути к коммунизму. Идея прогрессивного развития, унаследованная марксистами, сведенная до примитивной формулы: индустриализация, коллективизация, культурная революция плюс электрификация всей страны.

«Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», — провозгласил на XXII съезде ключевой тезис новой Программы КПСС Н.С. Хрущев.

Шли годы, ушла надежда на «светлое будущее», важная часть политической доктрины советской системы, часть традиционных социально-утопических представлений. Пропаганда «коммунистического образования» с последовательной бессмысленностью продолжала повторять то, что было записано в 1961 г. Социальный оптимизм вытеснялся политическим цинизмом.

Никакие диссиденты с «Радио “Свобода”» и «Голоса Америки» оптом не смогли бы нанести бóльший урон идеологически организованному государству, чем это делали официальные пропагандисты.

В политике нет ничего страшнее несбывшейся веры и ожиданий. Они обрушиваются разочарованием и отторжением прежних символов веры.

На смену надежд на «светлое будущее» пришли рассказы о «потерянном рае» прошлого, свидетельством чему стало появление писателей-«деревенщиков». И в то же время рос интерес к Западу. В общественном мнении встречаются, с одной стороны, иллюзорные представления о счастливом прошлом, «нормальном пути» развития России, остановленном революцией, с другой стороны — не менее иллюзорные представления о Западе, Америке, «где не был никогда». До поры эти представления не противоречили друг другу. Они были едины в одном: это был интеллектуальный побег из коммунистического мировоззрения.

«Слухи ходят по домам...». Исследователями революции 1917 года подробно изучено влияние слухов, бытовавших в стране[18], на падение авторитета самодержца, эффект «чужого правительства». Отмечу, что ряд слухов запускали сами государственные органы, в частности, в ходе антинемецкой кампании 1914—1915 гг. о якобы шпионских историях о подполковнике С.Н. Мясоедове и министре В.А. Сухомлинове для того, чтобы оправдать неудачи в войне[19]. Эти слухи, запускавшиеся с благой целью укрепления режима, начинали жить своей, отдельной от их создателей жизнью, преобразуясь в солдатскую убежденность, что все генералы русской армии с нерусскими фамилиями — предатели, в слухи в обществе и армии, что царица и Распутин передают немцам сведения о планах русских войск. Это разрушало не только доверие к власти, но и основы ее легитимности, порождало самооправдание в антиправительственных действиях[20].

Похожие процессы произошли и в позднем СССР. В ходе борьбы за власть, за пост Генерального секретаря ЦК КПСС с явной подачи КГБ СССР поплыли слухи о коррупции в ближайшем окружении тогдашнего генсека Л.И. Брежнева. По всей стране рассказывали истории о любовниках Галины Брежневой, о краденых бриллиантах[21]. В это же время пополз слух о бегстве за границу сына члена Политбюро ЦК КПСС А.П. Кириленко, о банкетах, якобы устроенных в Эрмитаже первым секретарем Ленинградского обкома Г.В. Романовым...

Пресса с санкции партийного руководства[22] с удовольствием стала печатать, а читатели с интересом читать данные о связях преступников в торговле и промышленности с их покровителями в органах государственной власти. Началось следствие против первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунова, министра внутренних дел СССР Н.А. Щелокова, зятя Брежнева зам. министра МВД Ю.М. Чурбанова. В республиках Средней Азии было инициировано так называемое «хлопковое дело».

Оставлю в стороне правомерность их юридической позиции. Я пишу о слухах. А в политическом остатке оказалась утрата морального права на власть у руководства страны. Не могу не согласиться с мнением В.П. Булдакова, что «империя — не просто власть, но и общее информационное пространство. Если оно рушится, если доверие к правительству исчезло, дни императора сочтены»[23].

Свои Распутины были и в позднем СССР.

«Разогнать эту номенклатуру», или Трещины в пирамиде власти. Основа управления в СССР, как уже отмечалось выше, — номенклатура. Но что происходило в самом аппарате КПСС в конце 1980-х годов?

Обратимся к статистике.

Из числа секретарей райкомов, окружкомов и горкомов, поистине основы, фундамента партийного аппарата, за период 1986—1989 гг. сменилось 82,2%. В аппаратах тех же райкомов, горкомов, окружкомов сменилось 123,1% заведующих отделами.

Сменилось 90,8 % секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик[24].

Нетрудно увидеть, что номенклатурная основа власти зашаталась, утратила стабильность.

«О некоторых приемах, с помощью которых правительство довершило революционное просвещение народа». Так А. Токвиль, мудрый исследователь Французской революции, назвал одну из глав своей книги. Это как нельзя кстати относится к деятельности руководства СССР в конце 1980-х годов.

Руководству КПСС в середине 1980-х годов принадлежала идея создания своего рода «новой легитимности» для власти. Эта цель должна была быть достигнута за счет расширения избирательных прав граждан. Предполагалось, что секретари обкомов и крайкомов будут избраны руководителями местных Советов. Это должно было заодно очистить номенклатуру от ее наиболее одиозных и недееспособных представителей. Высшее звено руководства страны будет избрано в новый (хотя и именовавшийся возрожденным) высший орган управления страной — Съезд народных депутатов СССР.

Для того, чтобы вся эта операция прошла успешно и «советский парламентаризм» не поколебал политических устоев СССР, решающую роль должна была сыграть партия. Однако КПСС этого периода уже переставала быть той дисциплинированной, управляемой сверху партией.

Альтернативность выборов дала неслыханный со времен 1917 года результат — ***легализацию оппозиции***. Вся оппозиция различных мастей и оттенков политического

спектра объединялась по принципу — «против кого дружим». Дружили против руководства КПСС, снося по пути и собственно КПСС[25].

Непосредственным результатом политической реформы, выборов Съезда народных депутатов СССР и Съездов союзных республик стала подготовка к оформлению выхода из СССР.

Воистину был прав Алексис де Токвиль, писавший, что «самый опасный момент для плохого правительства наступает тогда, когда оно начинает меняться, когда оно начинает реформироваться».

Непартийные революции. Россия к 1917 г. имела партийные структуры, своих теоретиков, бóльший или меньший опыт парламентской деятельности в составе Государственной думы[26]. Партии для России были явлением сравнительно новым. Процесс создания партий в России приходится на относительно позднее время — конец XIX — начало XX в.[27], они легализовались, и то отчасти, только после манифеста Николая II от 17 октября 1905 г. Однако в условиях самодержавной власти эти партии, разной степени оппозиционности, были рáвно неприемлемы власти[28]. Партии не укоренялись в повседневной политической практике, фактически все оказались не готовыми к революционным событиям 1917 г. В бурном потоке событий весны — лета 1917 г. утрачивали способность бороться за власть те партии, которые пытались сохранять свои идейные установки[29].

Особое место в партийном строительстве заняли многочисленные национальные партии, влияние которых распространялось по преимуществу на национальные окраины страны[30]. Их история — это история стремления обосновать и организовать выход из Российской империи.

С уверенностью можно сказать, что в событиях конца 1980-х — начала 1990-х годов политические партии не имели никакого сколько-нибудь серьезного влияния на события в стране. Бесспорным исключением была КПСС. Но она не была партией в полном смысле слова. При первой возможности внутри этой партии стали формироваться политические направления, движения, позиции.

В политической жизни всё было проще. Была КПСС, отождествляемая с аппаратом партии, и массовое политическое движение — именно движение «Демократическая Россия», а не партия, то, что позже станут называть «сетевой структурой». Она была последовательным оппонентом аппарату КПСС.

Членство КПСС уже перестало быть «политическим маркером». 22 марта 1990 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС при подведении итогов выборов на Съезд народных депутатов РСФСР выяснилось, что 86% избранных — коммунисты. Однако тут же было замечено, что значительная часть их — сторонники «Демократической России»[31]. Лидеры движения — Г.Х. Попов, Н.И. Травкин, Б.Н. Ельцин, С.Б. Станкевич, Ю.Н. Афанасьев — имели существенно разные взгляды. Отсутствие конкретики и абстрактность лозунгов («Долой КПСС», «За рыночные реформы», «Вся власть Советам»), своей неопределенностью и радикальностью вполне сопоставимы с лозунгами Октября 1917 года.

Иное положение было в союзных республиках. В дальнейшем именно большинство руководителей республиканских организаций КПСС, как и их сторонники из числа «национальных коммунистов» (на Украине — Л.М. Кравчук, в Казахстане — Н.А. Назарбаев, в Литве — А. Бразаускас, в Узбекистане — И.А. Каримов, как и их коллеги в других республиках) восприняли сепаратистские лозунги и «переформатировали» свои организации в национальные партии, главным требованием которых стало создание самостоятельных государств.

И здесь трудно не увидеть аналогию с событиями 1917 г. — события в России оказывались катализатором для автономистского движения на окраинах.

О месте насилия в революции конца 1980-х — начала 1990-х годов. «Общим местом» в оценке современников и исследователей революции 1917 года стали указания на насилие, ставшее неотъемлемой частью революционных событий, переросших в гражданскую войну. Научное исследование феномена насилия в революции было предпринято П.А. Сорокиным[32] и продолжено в настоящее время В.П. Булдаковым[33].

По мнению В.П. Булдакова, имперское устройство страны по природе своей архаично, «что предполагает наличие реликтовых форм самоорганизации»[34]. Он полагает, что существует «относительная неизменность психоментальных реакций Homo rossicus», составной частью которых является «психоз смуты»[35].

Рассматривая события конца 1980-х, отмечу, во-первых, что возрастная структура населения России к концу века изменилась. Население постарело. Если в 1917 г. события в стране определяли 20—30-летние, то в конце 80-х — 30—40-летние. Это были по бóльшей степени состоявшие люди, с высоким уровнем образования. Условно говоря, революция конца 1980-х была «революцией инженеров». Отмечу активное вовлечение женщин в политическую борьбу конца 1980-х — начала 1990-х годов.

Заслуживает изучения *роль армии в событиях конца 1980-х — начале 1990-х годов.* Армия только вышла из афганской войны. При неясности политических задач, которые советское руководство ставило перед военными[36], армия свои задачи выполнила. Однако на родине военных не могло не задевать отношение власти. Руководство КПСС, принимавшее решение о вводе войск в Афганистан, отмежевывалось от ответственности. Офицерский корпус утрачивал доверие к власти, особенно после событий в Тбилиси в 1989 г. и Вильнюсе в 1991 г., справедливо опасался «оказаться крайними» в политической борьбе, что ясно обозначилось во время августовского путча 1991 г. Армия устранилась от участия в политической борьбе, не допустила принятия «приказа № 1», сохранила управляемость.

Все эти обстоятельства определили отсутствие фактора насилия в ходе событий конца 1980-х — начала 1990-х годов. Добавлю, что страшный образ гражданской войны был живой частью исторической памяти населения. Это был «предельный ограничитель» в политической борьбе для всех ее участников, особенно ясно проявившийся в событиях 19—22 августа 1991 г.

Наконец, на рубеже 1980—1990-х годов были сохранены ряд институтов государства и, прежде всего, правоохранительные органы, что исключило возможность «легального насилия», свойственного началу революции 1917 года. И, в-четвертых, все это заставляет усомниться в справедливости вывода о психологической склонности Homo rossicus к смуте.

Вооруженные конфликты возникали только на окраинах СССР, там, где ослабление центральной власти выпускало на поверхность застарелые этнические конфликты, имевшие, как правило, историю, уходящую в далекое прошлое.

Темпы революции. Вопрос, которым много занимались в советское время, — это периодизация революции 1917 года. Для революции конца 1980-х — начала 1990-х годов периодизация практически не разработана. Не будет преувеличением считать, что основные события революции начала века укладываются в 1917 год.

Намного сложнее со второй революцией. Логика системного кризиса оказывалась сильнее политических расчетов и руководства страны. Возвращаясь к проблеме периодизации революции конца 1980-х — начала 1990-х годов, отмечу, что

1987-й год — год, когда начались радикальные реформы политической и экономической системы — стал «точкой невозврата» в разрушении СССР. Другими рубежами стали 1989—1990 гг., когда в союзных республиках в результате альтернативных выборов возникли новые органы власти, противостоявшие «союзному центру», и конец августа 1991 г., который фактически покончил с существованием СССР, что юридически было закреплено «Беловежскими соглашениями» декабря 1991 г. На этом заканчивается революция в СССР. Российская революция завершится только в конце 1993 г. с ликвидацией Советов как формы организации политической власти.

Из этого следует, что темпы революционного процесса в конце XX в. были более медленными, что сказалось на последствиях революции.

Подведу итоги. Революции начала и конца XX в. имеют много общего. Это утрата легитимности власти в глазах общества, неэффективность государственного управления, неспособность решать острейшие социальные проблемы, свойственные каждому из периодов истории страны, национально-сепаратистские тенденции. Их объединяют то, что следствием этих революций стало изменение политического строя, отношений собственности, системы социальных ценностей. Но были и существенные отличия. Прежде всего, это несравненно более низкий уровень насилия в событиях конца 1980-х — начала 1990-х годов и отсутствие гражданской войны как продолжения.

1 Упомяну блестящее, сохраняющее в полной мере актуальность исследование К.В. Чистова. См.: *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. 341 с.

2 Эта тема еще ждет исследования. В качестве первых опытов укажу на исследования, выполненные под руководством А.К. Соколова. См.: Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М., 1997; Общество и власть, 1930-е годы: повествование в документах. М., 1998.

3 Россия. 1913 год: статистико-документальный справочник / под ред. А.М. Анфимова, А.П. Корелина. СПб., 1995. С. 219—220.

4 Отдельная и отнюдь не «деревенская» по происхождению история — ввести частную собственность на землю, попытки возродить индивидуальное крестьянское хозяйство, создать фермерские хозяйства. Задачи, актуальные для начала XX в., в конце XX в. оказались всего лишь живучими политическими утопиями.

5 Россия. 1913 год: статистико-документальный справочник. С. 214.

6 Там же. С. 327.

7 Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Minneapolis: Статкомитет СНГ, East View Publications. 1993. Т. 7: Национальный состав населения, ч. 5. С. 6—59; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Алматы, 1992. Т. II. С. 183—184.

8 Пересчитано по: URL: gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.xls; Статистический ежегодник России. 1913 г. Г. 10-й. Издание Центр. стат. ком. СПб., 1914.

9 *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 4—5.

10 Народное хозяйство СССР в 1985 году: стат. ежегодник. М., 1986. С. 38, 42, 93. В этой статье я не рассматриваю важную тему формирования элементов новой экономики, основанное на индивидуальной трудовой деятельности, кооперации, акционировании, появившихся с середины 1980-х годов.

11 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 304—305, 307, 316, 553; Т. 36. С. 196; Т. 37. С. 500.

12 Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 5, 15.

13 См., напр.: Московская правда. 1990. 31 окт.

14 Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 201.

15 Именно так — «Мнения населения о проблемах, вызывающих наибольшее беспокойство и неудовлетворенность» — была сформулирована цель исследования для социологической группы ЦК КПСС.

16 Количество недовольных продовольственным снабжением на селе было не намного меньше. Их было 78,7%.

17 Цит. по: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945—1991. М., 1998. С. 608. Примечательно, что первый секретарь «родины Октября» использует терминологию, бывшую в употреблении в январе — феврале 1917 г., — хвосты — очереди за продуктами.

[18] *Колоницкий Б.И.* К изучению механизмов десакрализации монархии: (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны // Историк и революция. СПб., 1999; *Аксенов В.Б.* Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914—1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137—145.

[19] *Шацилло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 103—116.

[20] *Аксенов В.Б.* Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» // Российская история. 2017. № 2. С. 17—32.

[21] Подробнее см.: *Соловьев В., Клепикова Е.* Юрий Андропов: тайный ход в Кремль. М., 1994. С. 248—250. Любопытно, что накануне Великой французской революции распространялись слухи о королеве Марии-Антуанетте, накануне 1917 г. — об императрице Александре Федоровне.

[22] См., в частности: Российский государственный архив новейшей истории. Выписка из протокола № 133 заседания Секретариата ЦК КПСС от 23 ноября 1983 г. «О публикации в советской печати сообщения о результатах рассмотрения Верховным судом РСФСР уголовного дела на крупных взяточников из числа работников торга “Гастроном” Главного управления торговли Мосгорисполкома».

[23] *Булдаков В.П.* Этнос и хаос: этнические конфликты в России, 1917—1918. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф. 2010. С. 146.

[24] Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. С. 18.

[25] Примером тому служит политический «Ноев ковчег» — Межрегиональная депутатская группа, образованная на Первом съезде народных депутатов СССР, куда вошли и диссиденты с большим стажем, примером чему стал академик А.Д. Сахаров, и недовольные представители различных уровней номенклатуры — Б.Н. Ельцин, ректор Московской высшей партийной школы В.Н. Шостаковский, экономисты-рыночники Г.Х. Попов, А.М. Емельянов, сторонники радикального изменения национального устройства СССР, вроде депутата от Эстонии В.А. Пальма, монархисты, социал-демократы, анархисты и иже с ними.

[26] *Шелохаев В.В.* Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г.: (историогр. итоги и исследовательские процессы) // Российская история. 2017. № 2. С. 32—41; Анархисты: документы и материалы / [сост., авт. предисл., введ. и коммент. В.В. Кривенький; отв. ред. В.В. Шелохаев]. М., РОССПЭН, 1998; *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции / Ин-т рос. истории РАН. М.: РОССПЭН, 2015; Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917—1925 гг.: в 3 т. М., РОССПЭН, 2000. Т. 1; *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002; и др.

[27] Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 69—83.

[28] *Иванов А.* «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 42—59.

[29] *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. С. 325—327.

[30] Политические партии России: история и современность. С. 83

[31] Архив Президента Российской Федерации. Рабочая запись заседания политбюро, 22 марта 1990 г.

[32] *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 266—296

[33] *Булдаков В.П.* : 1) Революция, насилие и архаизация массового сознания в гражданской войне: провинциальная специфика // Белая гвардия: альманах. М., 2002. № 6: Антибольшевистское повстанческое движение. С. 4—11 ; 2) Quo vadis?: кризисы в России: пути переосмысления. М.: РОССПЭН, 2007. (Россия. В поисках себя...) ; 3) Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010 ; 4) Хаос и этнос ; 5) Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920—1930. М., 2012.

[34] *Булдаков В.П.* : 1) Quo vadis? С. 75—76 ; 2) Этнос и хаос. С. 12.

[35] *Его же.* Quo vadis? С. 76—77.

[36] Подробнее см.: *Христофоров В.С.* Афганистан. Военно-политическое присутствие СССР, 1979—1989 гг. М., 2016.

Раздел 2
Революция и экономическое положение России

А.С. Грузинов

Динамика валовых показателей российской экономики накануне 1917 г.: спад или подъем?

В 1917 г. в российской экономике произошел спад валового внутреннего продукта (ВВП)[1], по разным оценкам, на 11—15%. Во время двух мировых войн такая же глубина падения национального дохода происходила почти во всех крупнейших западных экономиках. В мирные же годы, на протяжении конца XIX — XX в., для них были характерны менее чувствительные кризисы — за исключением прежде всего одной из крупнейших экономических катастроф — «Великой депрессии» в США, со спадом в 1930—1932 гг. в среднем около 11% в год[2]. Однако сравнительно редко подобные экономические кризисы заканчивались революциями. Что свидетельствует о том, что одних только экономических трудностей недостаточно для генезиса революции, хотя очевидно, что они служат серьезной проверкой на прочность.

Если наличие экономического коллапса российской экономики к концу 1917 г. в исторической литературе, как правило, не подвергается сомнению, то по вопросу об экономическом кризисе накануне февраля 1917 г. оценки специалистов менее однозначны. Для советской историографии[3], в целом, характерно представление о том, что кризисные явления в российской экономике проявились уже до февральских событий 1917 г. и в течение 1917 г. многократно усилились. Однако в постсоветской исторической литературе, не только в публицистической (с характерным конспирологическим акцентом на «рукотворность» революций), но и в научной, в частности, историко-экономической, всё более популярна точка зрения о том, что влияние экономического фактора на генезис «Февральской революции» преувеличено, и зачастую чуть ли не отрицается наличие экономического кризиса накануне 1917 г.[4] И целый ряд фактов, на первый взгляд, свидетельствуют о том, что 1916 г. скорее являлся периодом подъема российской экономики, прерванного революционными событиями начала 1917 г. Как, например: рост в 1916 г. по отношению к 1913 г. валового продукта в российской промышленности, небывалый взлет ее военного сектора и связанное с этим преодоление кризиса производства боеприпасов, рост производительности труда и реальной заработной платы, наименьшее падение ВВП в России в годы войны по сравнению ведущими европейскими странами и проч.

В этой связи встает вопрос, характерен ли экономический коллапс 1917 г. для общей динамики, трендов развития российской экономики в годы Первой мировой войны или скорее является аномалией, вызванной революционными событиями и неэффективным управлением экономическими процессами новыми «элитами», пришедшими к власти в феврале 1917 г.? То есть не революция ли породила экономический кризис, а не наоборот? В данной статье представлена попытка найти ответы на данные вопросы на основе краткого анализа погодовой динамики валовых показателей российской экономики в 1913—1917 гг.

Л.А. Мендельсон называл характерные в годы Первой мировой войны для крупнейших европейских держав экономические кризисы «военно-инфляционными»[5]. Их важнейшим проявлением признавалось «недопроизводство», противопоставляемое циклическим кризисам перепроизводства в мирные годы. Сокращение произ-

водства, происходившее в годы войны в большинстве воюющих держав, отразилось на их национальном доходе. Из имеющихся в исторической литературе «реконструкций» российского валового продукта в годы войны наиболее актуальны индексы П. Гэтрелла и А.М. Маркевича и М. Харрисона, так как подсчеты С.Н. Прокоповича устарели, В.Е. Варзар базируется только на двух секторах (промышленности и сельском хозяйстве)[6], а в последней версии «проекта Э. Мэддисона» по периоду войны используются данные А.М. Маркевича и М. Харрисона. Подчеркнем, тем не менее, что все упомянутые подсчеты констатируют уже в 1916 г. спад, сопоставимый с 1917 г., а по оценкам Прокоповича и Гэтрелла — даже превышающими его. В том числе, по Прокоповичу годовой спад в 1916 г. составил 12% и 5% в 1917 г., по Варзару — 8% и 12%, по Маркевичу и Харрисону — 9% и 12%[7] (по валовым показателям, 11% и 12% — при расчете на душу населения), по Гэтреллу — 16% и 15%, по Мэддисону — 11% и 12%[8].

Ключевое отличие подсчетов Гэтрелла и Маркевича и Харрисона — в более полном учете последними сектора услуг, то есть учтена не только торговля, но и в частности связь, а главное — «военные услуги». Однако расчет ими динамики сектора «других гражданских отраслей»/«услуг» не подкреплен статистическими данными, «военные» же «услуги» определены исходя из численности вооруженных сил. Что, по-видимому, оправдано с точки зрения возможностей для долгосрочных сопоставлений, но, на наш взгляд, искажает представление о ресурсной базе мероприятий по мобилизации экономики[9]. Без учета «военных услуг», в подсчетах Гэтрелла и Маркевича и Харрисона разница в оценках глубины падения национального дохода в 1916 г. составит не 12,7% относительно 1913 г., а лишь 4,4%, а по 1917 г. — не 14,4%, а 7,15%.

По другим секторам подсчеты существенно отличаются лишь при оценке динамики транспорта: у Маркевича и Харрисона данный сектор в 1916 г. продолжает расти, у Гэтрелла же, напротив, — продолжает падать. Существенным недостатком обоих подсчетов является их базирование на данных о железнодорожных перевозках (у Гэтрелла расчет основан на доходности дорог, у Маркевича и Харрисона — на объемах перевозок), при недоучете водных[10] (к началу войны их доля составляла около $^1/_5$ от общего объема перевозок) и гужевых. Рост железнодорожных перевозок не был подкреплен соответствующим увеличением подвижного состава: численность вагонов и паровозов росла в 1914—1915 гг., но в 1916 г. упала на $^1/_5$ [11]. О кризисе на транспорте свидетельствуют также данные о выполнении назначенных перевозок донецкого топлива — доля недогрузов выросла с 4% в 1913 г. до 30% в 1916 г. и 40% в 1917 г.[12]

Из других секторов рост в 1916 г. обнаруживает только мелкая промышленность, причем по обоим подсчетам. Однако он не нивелировал спада первых лет войны и, кроме того, был выявлен советскими статистиками на основе лишь отрывочных показателей и «экспертных оценок»[13]. Для всех же остальных секторов (крупной промышленности, сельского хозяйства, строительства, «других гражданских отраслей»/«услуг»; доля первых трех производственных секторов составляла около $^2/_3$ НД), по обоим подсчетам, уже для 1916 г. характерно падение валовых показателей. В сельском хозяйстве (38—54% НД) спад в 1916 г. составил около 18%, при сохранении, в целом, статус-кво в 1917 г. Основу спада составляет снижение урожайности зерновых (вектор динамики которой практически всегда совпадал на рубеже веков с динамикой НД), которое объяснимо как климатическим фактором (чередованием лет с высокой или низкой урожайностью, притом 1913 и 1915 гг. отличались рекордно высокой для XIX—XX вв. урожайностью зерновых), так и деградацией в ходе войны материальной производственной базы (резкого упадка потребления сельскохозяйственного инвентаря, минеральных удобрений, мобилизации тягловой силы, наемных рабочих, сокращения

посевных площадей и проч.). Спад данного сектора экономики был смягчен многократным сокращением хлебного экспорта, поглощавшего накануне войны около 15% валового сбора хлебов[14]. В результате, по оценкам историков-аграрников, полученного в 1916 г. урожая теоретически хватало для прокормления населения (включая армию, численность которой достигала 6—7% населения). Однако с учетом многократного роста государственных закупок продовольствия, бюджетного дефицита, проблем с эквивалентным товарообменом с сельским производителем, транспортных трудностей — резкое снижение производительности аграрного сектора создавало предпосылки для продовольственного кризиса и введения продразверстки уже в 1916 г.

В этой связи тем более важна динамика сектора крупной промышленности (особенно с учетом его переориентации к 1917 г., на $^2/_3$—$^3/_4$, на обслуживание оборонных заказов), демонстрирующего, по обоим подсчетам, отрицательную динамику не только в 1917 г., но и сравнимую — в 1916 г. Впрочем, с учетом альтернативных подсчетов данного показателя — выявляется, в среднем по 10-ти подсчетам, мизерное годовое падение в 1916 г. (1%, при 104,4% к 1913 г., в 1917 г. — соответственно 28% и 75,1%)[15]. Среди альтернативных подсчетов отчетливо прослеживается две группы индексов. Первые основываются на промышленной переписи 1918 г. и дают сравнительно завышенные показатели динамики промышленного производства в годы войны. Происходит это, на наш взгляд, прежде всего из-за территориальной неполноценности переписи и недоучета в этой связи данных стагнирующих отраслей добывающей промышленности. Возможно, также сказывался недоучет переписью сведений по закрывшимся в годы войны предприятиям. Показательны в этой связи оценки по данным переписи 1918 г. роста производительности труда к 1917 г., базирующиеся на завышенной доли машиностроения, металлообработки и химической отраслей (около 46—55% валовой продукции промышленности в 1916 г., при около $^1/_5$, по другим источникам, накануне войны)[16]. Игнорируется спад в производительности труда, фиксируемый той же переписью, за редким исключением, во всех остальных отраслях промышленности, а также резкое снижение квалификации рабочих в годы войны в связи с мобилизацией рабочих на фронт, массовым привлечением труда женщин, малолетних, военнопленных[17]. Расчетам, основывающимся в основном на данных переписи, «противостоят» индексы физического объема производства, согласно большей части которых прослеживается падение показателей валовой выработки уже в 1916 г.

Нельзя не отметить и структурную (отраслевую) деформацию промышленности: рост подотраслей, относящихся к производству вооружения и боеприпасов, и стагнацию или спад топливно-металлургического комплекса — ключевого для функционирования всего народного хозяйства. Показательно введение уже в 1916 г., ввиду острейшего дефицита (около $^1/_3$ оборонных потребностей, не включая спрос «свободного рынка»), обязательной разверстки черных металлов, а также падение добычи железных руд в 1914—1916 гг. на 30—40% по сравнению с 1913 г. Несмотря на дефицит, накануне 1917 г. для металлургии (как и для производства кокса, текстильной промышленности и других отраслей) характерен недогруз производственных мощностей, происходивший, во многом, по причине нехватки топлива. Его дефицит заметен на примере данных о потреблении донецкого угля, главной топливной базы промышленности: если его отпуск для нужд железных дорог с 1913 по 1916 г. вырос почти вдвое, для металлургической промышленности — на 15%, то для всех прочих категории потребителей он снизился на ¼[18]. Притом российская угольная промышленность лишилась импортного каменного угля (около $^1/_5$ его потребления накануне войны), такая же доля (относительно внутрироссийской добычи) приходилась на захваченный в годы войны домбровский бассейн.

Обновление основного капитала промышленности в годы войны замедлилось (при явном оживлении акционерного учредительства в 1916 г.)[19], вопрос же о снабжении ее новым оборудованием остается дискуссионным: «оптимистичные» расчеты С.Г. Струмилина касательно пополнения в 1914—1917 гг. оборудованием на 1 млрд. руб. — подвергаются критике, ввиду необоснованности вычленения им цифр по производству оборудования как ¼ от всей продукции машиностроения[20]. Большая часть промышленного оборудования до войны импортировалась, в годы же войны его импорт снизился вдвое. В целом, российский импорт, по физическому объему, сократился к 1917 г. на $^2/_3$ (к примеру, в Англии — лишь на 17%), поэтому восполнять недостаток промышленного оборудования, сырья и проч. из-за границы возможно было лишь в незначительной части.

При дискуссионности вопроса о динамике российской промышленности в годы войны и некотором оптимизме части современной историографии касательно сравнений динамики спада в других воюющих странах и значительного роста военного сектора отечественной промышленности — нельзя не учитывать ее изначальное отставание относительно ведущих западных держав. В результате, несмотря на достигнутые в годы войны успехи в области оборонной промышленности, Россия, по технической оснащенности основными боевыми средствами, заметно уступала ведущим западным державам[21], несмотря на значительную долю зарубежных поставок. Притом России предстояло вооружить наибольшую по численности в мире армию, первенствуя, в частности, по абсолютному числу мобилизованных[22]. С учетом наименьшей, среди ведущих держав, доли России в общемировом промышленном производстве[23], это демонстрирует, насколько более сложная задача стояла перед российской промышленностью. Например, если взять индекс отношения доли в мировом производстве к числу мобилизованных, то в России он окажется в 4 раза меньше, чем во Франции; в 7 раз меньше, чем в Германии, 9 — Англии, 50 раз — США.

Эту задачу приходилось решать за счет перевода с 1915 г. отечественной промышленности на военные рельсы, достигшего пика уже в 1916 г., а также за счет дорогостоящего импорта, что негативно сказывалось на росте внешней задолженности страны. Финансирование войны — острая тема для всех воюющих держав, и бремя военных расходов для российского бюджета было далеко не наибольшими[24]. Однако Россия изначально находилась в невыгодном положении, будучи чуть ли не единственной из крупнейших мировых держав с внешней задолженностью, причем крупнейшей в мире, а также страной с отрицательным платежным балансом.

Позаимствования из внешних источников в 1917 г. были сокращены (при происходившем уже до революционных событий сокращении золотого запаса, резком ухудшении торгового и платежного балансов, падении обменного курса рубля), но даже тогда Россия оставалась одним из крупнейших получателей международных займов военных лет и — со значительным отрывом — крупнейшим в мире внешним «чистым» должником на момент окончания войны[25], что ограничивало возможности новых внешних займов. В условиях бедности России капиталами[26], прогрессирующей инфляции со всё большими трудностями сталкивалось и размещение долгосрочных внутренних займов[27], в 1917 г. по сравнению с предреволюционным годом также сократившихся. В сложившейся ситуации выход был найден в наращивании выпуска краткосрочных облигаций государственного казначейства (который, впрочем, в 1917 г. незначительно превзошел рост 1916 г.), а также в бумажно-денежной эмиссии: количество кредитных билетов в обращении уже к 1 ноября 1917 г. почти вдвое превзошло совокупный их выпуск предыдущих военных лет. Впрочем, уже в 1916 г. Россия[28] была лидером среди ведущих воюющих держав по ее размерам[29].

Переход к эмиссионному финансированию подстегнул резкий скачок цен, пиковые значения прироста которых пришлись на 1917—1918 гг.[30] Была ли альтернатива такому развитию событий в условиях сокращения производства и при ограниченных возможностях для долгосрочных займов? По мнению Ю.П. Бокарева, альтернатива заключалась в «пересмотре части союзнических обязательств... переходе к оборонительной стратегии на фронте, сокращении армии и военных расходов»[31]. Но возможен ли был столь резкий поворот, с учетом того, что даже при текущей численности армии и уровне ее финансирования часть российской территории уже была захвачена противником? В итоге, при Временном правительстве лишь был приостановлен рост численности армии, доли военного сектора обрабатывающей промышленности, сократились правительственные закупки продовольствия[32]. Но этого оказалось недостаточно.

Таким образом, мы далеки от мысли снимать с Временного правительства ответственность за экономический коллапс 1917 г. Однако, на наш взгляд, динамика российской экономики в годы войны, при сравнительном изначальном ее отставании, делала подобное развитие событий весьма вероятным и при ином сценарии февральских событий.

1 Термины «ВВП» и «национальный доход» (НД) в данной статье зачастую употребляются в качестве синонимов, ввиду невозможности, по состоянию источников, их «исторической» реконструкции соответственно классическим «формулам».

2 Подсчитано по: URL: http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data.htm (дата обращения: 01.09.2017).

3 Следует упомянуть прежде всего классические исследования Б.Л. Кафенгауза, А.Л. Сидорова, И.И. Минца: *Минц И.И.* История Великого Октября. М., 1967. Т. 1; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994; и др.

4 См., например, историографический обзор в книге: *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика, 1914—1917. М., 2015.

5 *Мендельсон Л.А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. М., 1964. Т. 3. С. 283.

6 Как и ряд других подобных расчетов.

7 Данные цифры — среднее по трем подсчетам по различным территориальным границам.

8 Подсчитано по: *Прокопович С.Н.* Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 173; *Gatrell P.* Russia's First World War: a social and economic history. Harlow, 2011. P. 248; *Маркевич А.М., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913—1928 гг. М., 2013. С. 18, 24, 102. Данные по «проекту Э. Мэддисона» (2013) взяты из: URL: http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data.htm (дата обращения: 01.09.2017). Рукопись В.Е. Варзара 1928—1940 гг. не опубликована, данные по ней почерпнуты из следующих изданий: *Маслов П.П.* Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М., 1955. С. 459; *Смирнов С.В.* Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861—2012. М., 2012. С. 74.

9 Среди существующих подсчетов российского «ВВП» в годы Первой мировой войны — исследование Маркевича и Харрисона, по нашему мнению, наиболее фундированно. Однако оно также не лишено ряда существенных недостатков, в том числе касающихся межстрановых сравнений. Более подробно об этом — см. в моей статье «Экономический коллапс в 1917 г.: последствие длительной войны или результат революции?» в сборнике: «Экономическая история, 2016/17: ежегодник» (М., 2017), где также подробнее представлены цифровые данные по теме настоящей статьи.

10 У Маркевича и Харрисона водные перевозки учтены только за 1913 и 1917 гг., что увеличивает глубину спада в перевозках в сравнении с 1916 г.

11 См.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России ... С. 607.

12 *Шелякин П.* Война и угольная промышленность // Война и топливо, 1914—1917 гг. М.; Л., 1930. С. 53, 58. Схожие данные см.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России ... С. 602.

13 *Гухман Б.А.* На рубеже // Плановое хозяйство. 1929. № 5. С. 191.

14 *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978. С. 41.

15 См.: *Грузинов А.С.* Российская индустрия в 1917 г.: динамика и структура производства // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / отв. ред. Ю.А. Петров: в 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 226—228.

16 *Его же.* Российская индустрия в 1917 г. С. 245.

17 При увеличении с 1913 по 1916 г. численности рабочих, занятых в промышленности, на 17,5% (см.: *Минц Л.Е.* Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С. 39), даже для минимального роста производительности труда был необходим рост валовой выработки, превышающий данную цифру. Одна-

ко, помимо расчетов Н.Я. Воробьева, участника переписи 1918 г., по другим 8 подсчетам схожий прирост валовой выработки находим только у Б.А. Гухмана.

18 *Шелякин П.* Указ. соч. С. 68.

19 См.: *Струмилин С.Г.* Очерки советской экономики: ресурсы и перспективы. М.; Л., 1930. С. 101; *Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России, XIX — начало XX в. Л., 1973. С. 309.

20 См., например: *Поликарпов В.В.* Указ. соч. С. 109—113.

21 См., например: *Грузинов А.С.* Российская индустрия в 1917 г. С. 235. При всей приблизительности данных цифр, они все же демонстрируют общие тенденции.

22 Россия и СССР в войнах XX в. М., 2001. С. 106.

23 *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 23.

24 См.: Россия в мировой войне 1914—1918 года: (в цифрах). М., 1925. С. 63—64.

25 См.: Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913—1925 гг. / под ред. Н.Д. Кондратьева. М., 1926. С. 162—163.

26 *Петров Ю.А.* Финансовое положение до февраля 1917 г. // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. Ч. 3: Экономика России в условиях войны, гл. 5. С. 384. Впрочем Ю.А. Петров отмечает, что резервы внутреннего денежного рынка были еще далеко не исчерпаны, ссылаясь, в частности, на прирост вкладов в банках в 1916 г. в 5,3 млрд. руб.

27 См., например: *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960. С. 159—165.

28 Наряду с Англией (если учитывать не только банкноты Банка Англии, но и казначейские билеты) где, в отличие от России, параллельно рос золотой запас.

29 Подсчитано по: Мировое хозяйство ... С. 148—150.

30 Подсчитано по: *Gatrell P.* Op. cit. P. 146.

31 Русский рубль. Два века истории, XIX—XX вв. М., 1994. С. 185.

32 См.: *Gatrell P.* Op. cit. P. 165, 245, 250.

В.В. Кондрашин

Крестьянство и революция

В центре внимания настоящей статьи — участие крестьянства России в революционных событиях 1917 г. Кратко остановимся на историографии проблемы, наиболее значимых, по мнению автора статьи, работах исследователей, посвященных различным аспектам данной проблемы.

Крестьянство и революция как неразрывные части одного целого очень убедительно отражены в историографии в трудах В.П. Данилова и его английского коллеги Теодора Шанина. Именно они в 1990-е годы выдвинули концепцию крестьянской революции как особого феномена России в первые десятилетия XX в.[1] Эта революция, по их мнению, стала основой всех революционных потрясений страны, придала им особый колорит и предопределила их конечный итог. В частности, 1917-й год реанимировал лозунги крестьянской революции, сформулированные в 1905—1907 гг., и стал кульминацией развернувшейся новой крестьянской общинной революции[2].

На эту тему опубликованы сборники документов и защищены докторские диссертации. Некоторые из них не потеряли своей значимости и до настоящего времени[3]. В частности, в сборнике документов, посвященном крестьянскому движению в Тамбовской губернии в 1917 г., охарактеризовано стихийное движение крестьян против помещичьего и частновладельческого землевладения в губернии в 1917 г.[4] Показано, что в Тамбовской губернии, так же, как и в ряде других губерний, еще до захвата власти большевиками крестьяне ликвидировали помещичье и частновла-

дельческое землевладение, а их программа нашла отражение в собранных эсерами крестьянских наказах Первому съезду Советов[5].

Значительный интерес, на наш взгляд, по рассматриваемой проблеме представляют работы В.И. Кострикина о крестьянских земельных комитетах в 1917 г.[6] В них на значительной и достоверной источниковой базе показано, что именно крестьянские комитеты стали главным орудием осуществления на местах в 1917 г. аграрно-крестьянской общинной революции: ликвидации помещичьего и частного землевладения.

В этом же ряду следует назвать труды самарских историков П.С. Кабытова, Н.Н. Кабытовой, Е.И. Медведева, Н.А. Курскова, наиболее глубоко и всесторонне охарактеризовавших крестьянскую политическую самодеятельность в Среднем Поволжье в 1917 г., взаимодействие крестьянских организаций с властью (земствами, советами и т.д.)[7].

В последние десятилетия российскими исследователями сделано немало в изучении психологии и мировоззрения крестьян в период Великой российской революции. Наибольших успехов в этом направлении, на наш взгляд, достигли В.П. Булдаков, О.А. Сухова, О.С. Поршнева, В.Л. Телицын, Д.И. Люкшин[8]. В своих работах они проанализировали влияние на крестьянское сознание Первой мировой войны, революционных событий первых десятилетий XX в. Авторы справедливо отметили, что под их воздействием, а также и в результате деятельности политических партий и индустриальной модернизации страны крестьяне стали интересоваться политикой и участвовать в политической борьбе за свои крестьянские интересы. В то же время на их поведение, психологию оказывало большое воздействие традиционные общинные ценности. Отсюда борьба в 1917 г. против частной собственности на землю, «столыпинских крестьян» и т.п.

В контексте заявленной темы в центре внимания исследователей оказался и такой аспект, как аграрная и продовольственная политика Временного правительства и большевиков в 1917 г. По нашему мнению, несмотря на элемент идеологизации, до сих пор заслуживают внимания и положительной оценки с точки зрения научности труды П.В. Волобуева, А.Л. Сидорова, Т.М. Китаниной, Т.В. Осиповой[9]. В них собраны достоверные факты о реальном состоянии сельского хозяйства России в 1917 г., а также показана несостоятельность аграрной и продовольственной политики Временного правительства, не сумевшего в кратчайшие сроки и радикально решить вопрос о земле в интересах подавляющего большинства крестьян[10].

Из современных работ в данном ключе и с использованием новых и разнообразных источников следует отметить публикации Н.Е. Хитриной, посвященные аграрной политике Временного правительства в 1917 г.[11]

Тема итогов крестьянской общинной революции 1917 года наиболее полно, на наш взгляд, отражена в статье В.П. Данилова, опубликованной еще в 1979 г.[12] В ней дана детальная характеристика количественных показателей «черного передела», реальных статистических данных о количестве земли, перешедшей в руки крестьян в результате ликвидации помещичьего и частного землевладения. До настоящего времени это единственная публикация подобного рода.

В связи с 100-летним юбилеем Великой российской революции в рамках целевого конкурса Российского фонда фундаментальных исследований реализован проект «Российское крестьянство в эпоху революций и гражданской войны: регионально-национальный аспект» под руководством В.А. Юрченкова и автора настоящей статьи.

На материалах Поволжья и бывших территорий казачьих войск в изданиях проекта охарактеризованы региональные особенности общинной революции 1917 года, показано участие крестьянства в политической борьбе, создании новых органов революционной власти в деревне. Кроме того, в них показано положение российской

деревни в годы Первой мировой войны, ее влияние на сознание крестьян в 1917 г.[13] В частности, акцентировано внимание на важнейшей роли в общинной революции и «аграрных беспорядках» солдат-фронтовиков и местных провинциальных гарнизонов, которые, как правило, возглавляли крестьянское движение в конкретных селениях или отказывались выполнять распоряжение комиссаров и представителей Временного правительства по подавлению крестьянского движения. Данный вывод подтверждается и другими региональными публикациями на указанную тему[14].

Изучение проблемы на региональном уровне позволило сконструировать объективную картину участия крестьянства и казачества в революции 1917 года. В результате историография обогатилась детально-проработанными фактами и оценками, которые позволяют расширить поле исследования других проблем: аграрных реформ и революций, местного самоуправления, репрессий, национальной политики.

Последний аспект, на наш взгляд, недостаточно изучен. В частности, нуждается в более глубоком анализе участие в революции крестьян-мусульман, а в более широком контексте выявление национально-региональных особенностей крестьянского движения в 1917 г. На данный момент наиболее полно они отражены лишь в монографии С.М. Исхакова[15].

Исходя из анализа опубликованной литературы на тему крестьянство и революция в 1917 году, можно заключить, что эту тему следует изучать прежде всего на региональном уровне. Также назрела необходимость и обобщающего труда, в котором бы указанная проблема была рассмотрена всесторонне в масштабах всей России. По нашему мнению, эта цель может быть достигнута при условии глубокого и всестороннего изучения всего комплекса источников центральных и региональных архивов, а также при опоре на уже имеющиеся достижения отечественной исторической науки.

На данный момент на основе анализа имеющихся в нашем распоряжении фактов можно следующим образом охарактеризовать проблему «крестьянство и революция», то есть участие крестьянства России в Великой российской революции. При этом автор статьи ни в коей мере не претендует на категоричность и завершенность суждений, поскольку проблема нуждается в дальнейшем изучении, особенно на региональном материале и с учетом национальных и религиозных особенностей крестьянства России в рассматриваемый период.

Итак, тезисно остановимся на наиболее важных, на наш взгляд, аспектах проблемы и событиях 1917 г. в российской деревне.

Для того, чтобы понять, чем было обусловлено участие крестьян в революции 1917 года, следует обратиться к анализу состояния земельного фонда страны и его распределения по категориям земель и землевладельцев в 1917 г., накануне революции.

Крестьянские надельные земли в общей массе земель не превышали одной трети. Остальные принадлежали частным лицам (в том числе крестьянам), казачеству, церкви, банкам, казне и пр. Поскольку именно общинное крестьянство являлось преобладающей массой сельского населения (особенно в Европейской России), то можно констатировать факт недостатка земли в его фактическом владении и пользовании. С другой стороны, наличие значительной массы частновладельческой земли (не менее 25%) свидетельствовало о ее концентрации в руках частных лиц и рыночной ориентации сельского хозяйства России в рассматриваемый период[16].

Данная тенденция была особенно заметна в Европейской части России. Например, по уточненным сведениям ЦСУ РСФСР на территории 20 губерний в 1917 г. общая площадь крестьянских надельных земель равнялась 52 млн дес. Им противостояли 37,2 млн дес. частновладельческих земель, 36,8 млн дес. разных

учреждений и 82,6 млн дес. казны и уделов[17]. То есть, налицо был факт значительного перевеса частновладельческой земли над надельной крестьянской. Сам по себе он еще не о чем не говорил, если бы не было значительной социальной дифференциации по владению землей внутри самого крестьянства, создававшей условия для недовольства малоземельем.

В 1917 г. в Европейской части России 83,7% крестьянских хозяйств имело посевы от 0 до 6 десятин. Причем среди них преобладали многочисленные семьи, с 4 членами и выше. Более ¼ крестьянских хозяйств не имели лошади и около $^1/_5$ — коров, приблизительно половина всех дворов имели по одной лошади и по одной корове. Сумма безлошадных и однолошадных, бескоровных и однокоровных дворов составляла не менее 75% общего числа хозяйств. Все эти хозяйства находились на грани выживания[18].

В крестьянском землепользовании в 1917 г. были значительные региональные особенности. Например, в Сибири, где не было помещичьего землевладения и земли принадлежали государству (казне), правящему монарху (кабинетские земли) и сибирскому казачьему войску, крестьяне были наделены гораздо большим наделом земли (15 дес.), чем крестьяне Европейской части России. Но к 1917 г. они все еще не имели свободного доступа к лесам и другим угодьям. Сложилась ситуация, когда в Сибири, богатой лесом, крестьяне страдали от его недостатка. Она обострилась и по причине недостатка земли у переселенцев, поток которых не иссякал в Сибирь во все годы Первой мировой войны[19].

Примерно схожей ситуация с обеспечением землей и доступам к ресурсам была и на Севере России, в Вологодской и Архангельской губерниях[20].

На экономическую ситуацию в деревне оказала негативное влияние Первая мировая война, особенно в губерниях Европейской России. Выросло число безлошадных, бескоровных хозяйств и маломощных с одной лошадью и коровой. Если в 1917 г. все количество лошадей в России дало уменьшение на 1,2%, то количество хозяйств в то же время увеличилось на 5,6%, то есть рост поголовья лошадей значительно отставал от роста числа хозяйств. До войны на 100 хозяйств приходилось 114 рабочих лошадей, в 1917 г. их стало 107. По 14 губерниям и частям губерний количество хозяйств без тягла увеличилось на 17,6%. Если до войны такие хозяйства среди крестьян составляли 28,7%, то к 1917 г. они составляли уже 33,3%[21].

В то же время к 1917 г. экономически окрепли зажиточные (кулацкие) крестьянские хозяйства, в том числе так называемые столыпинские крестьяне, то есть выделившиеся из общины на хутора и отруба. Они существенно увеличили запашки, скупая за бесценок земельные наделы разорившегося крестьян, а также наживаясь на высоких ценах на хлеб и мясо в условиях военного времени. К началу революции общая численность хуторских и отрубных хозяйств составила около 1610 тыс. (примерно 10,5% всех хозяйств), они занимали площадь 16 млн. дес. — в среднем по 10,9 га на хозяйство[22].

В целом, к началу революции в России сложилась напряженная ситуация с обеспеченностью землей и другими угодьями значительной массы крестьянства, особенно в европейской части страны.

Крестьяне восприняли революцию как конец старым земельным порядкам и законам, стоявшим на страже интересов помещиков и крупных землевладельцев. Они ждали от новой власти немедленного решения главной своей проблемы — справедливого разрешения земельного вопроса, и пока этого не происходило, крестьянство само приступило к его решению.

Уже в марте 1917 г. по всей стране начались крестьянские выступления, направленные на фактический захват всей частновладельческой земли. Произошло возрождение института общины, как организующей силы крестьянского движения.

В ходе крестьянских выступлений была ликвидирована прежняя сословная система власти. Крестьянам хватило двух месяцев, чтобы создать свою «крестьянскую власть» под разными названиями: комитеты народной власти, союзы, советы и др. С апреля 1917 г. за ними утвердилось название временных исполнительных комитетов. Они были созданы не менее чем в 15 тыс. волостей России. Основной задачей крестьянских комитетом стало решение земельного вопроса в интересах крестьян, причем безотлагательно, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, к чему призывала их новая власть.

В марте — мае 1917 г. под формальным предлогом засева всех земель в условиях военного времени крестьянские комитеты изменили арендные отношения в частновладельческих хозяйства, прежде всего в крупных помещичьих. Была прекращена выплата аренды или установлен ее минимальный размер. На учет и в ведение крестьянских комитетов были взяты помещичьи земли, леса, луга и выгоны, рабочий скот, сельскохозяйственные машины и инвентарь.

С наступлением сенокосной поры широкий размах приобрела борьба за луга. По решению крестьянских волостных комитетов все луговые земли частных владельцев передавались крестьянам, отменялись все арендные сделки на луга, за частными владельцами оставалась та часть лугов, которая была необходима для обеспечения их скота сеном.

Весной 1917 г. в крестьянском движении преобладали мирные формы. Даже прямые захваты помещичьих земель и лесов в большинстве случаев не сопровождались погромами. Временное правительство было бессильно остановить крестьянское движение, хотя и пыталось воздействовать на него угрозой и реальным применением силы.

Высшей формой политической организации крестьянства в 1917 г. стали крестьянские съезды. Наиболее массово они прошли по всей стране в марте — мае 1917 г. Инициатива их проведения исходила от кооперации — самой многочисленной и авторитетной организации российского крестьянства, окрепшей в годы войны. Также ее поддержала партия эсеров, позиционировавшая себя защитницей крестьян и проводником их интересов во властных структурах. Только в Европейской части России весной 1917 г. состоялось 29 губернских и 67 уездных съездов крестьян, в которых приняли участие тысячи крестьян[23].

Съезды имели определенную региональную специфику, но суть их решений сводилась к одному — скорейшему разрешению в России аграрного вопроса в интересах трудящегося крестьянства, к фактической передаче земли в руки крестьян до созыва Учредительного собрания. Повсеместным на съездах был лозунг ликвидации частной собственности на землю и бесплатного перехода к крестьянам помещичьих, частновладельческих и церковно-монастырских земель, о запрещении всякого рода земельных сделок, выдвигался лозунг уравнительного распределения земли. Также на съездах принимались решения об отмене столыпинских законов об образовании хуторов и отрубов, о создании крестьянских органов власти на местах и передачи в их руки земельных преобразований, переселенческого дела и т.д.

Весной 1917 г. появилась новая форма крестьянской организации — Советы. Их популярность росла в деревне в связи с особой ролью Советов в февральских событиях 1917 г. и активной деятельностью в Петрограде Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. К 15 июля 1917 г. Советы крестьянских депутатов были организованы в 50 губерниях и 371 уезде. В них вошло большинство организаций Крестьянского союза, который фактически прекратил свою деятельность

из-за потери поддержки со стороны крестьян. Этот факт стал очевидным после провала состоявшегося в Москве 31 июля — 6 августа 1917 г. съезда Всероссийского крестьянского союза, откуда ушло более половины его делегатов, обвинив руководителей съезда в подрыве крестьянского единства[24].

В 1917 г. фазы крестьянского движения определялись циклом сельскохозяйственных работ, которые в период их пика сдерживали революционный напор. Так было летом в период уборочной кампании. Но в конце августа 1917 г. крестьянское движение вновь активизировалось и осенью достигло своей кульминации, перейдя в фазу всеобщего крестьянского восстания. Особую решимость ему придали решения Первого Всероссийского крестьянского съезда и региональных съездов, однозначно высказавшихся за передачу земли крестьянам. Также осенью крестьянам стал очевиден факт бездействия и слабости Временного правительства, затянувшего решение вопроса о земле. Свою роль сыграл и солдатский фактор: переход на сторону крестьянства местных гарнизонов и активное участие в аграрных беспорядках солдат-фронтовиков, массами возвращавшихся домой осенью 1917 г. По этой причине у Временного правительства не было сил для борьбы с крестьянским движением. И крестьяне это отлично понимали.

Крестьянское восстание осенью 1917 г. стало одним из крупнейших проявлений общенационального кризиса в стране, кризиса существующей власти. Основным его содержанием были захваты и разгромы помещичьих и крупных частновладельческих имений, нередко с применением насилия в отношении их хозяев и обслуживающего персонала. Наиболее активное участие в них принимали беднейшие слои деревни и середняки. Они же решительно выступали против крестьянского частного землевладения, столыпинских крестьян — выделенцев из общины.

Имеющаяся в распоряжении исследователей статистика свидетельствует, что если в июле — августе 1917 г. в губерниях европейской части страны произошло 2214 крестьянских выступлений против 1718 выступлений в мае — июне, то с 1 сентября по 20 октября их было свыше 5 тысяч. Основная масса выступлений приходилась на районы помещичьего землевладения — черноземный центр, Среднее Поволжье и Украину, а также Белоруссию, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую и Московскую губернии[25].

Осенью 1917 г. в подавляющем большинстве регионов России было ликвидировано крестьянское частное землевладение. Погромы хуторян, отрубников, крестьян-собственников особо широкий размах приняли в Поволжье и Центрально-Земледельческом районе. Попытки столыпинских крестьян и помещиков противостоять крестьянским захватам с помощью объединения в союзы земельных собственников и самообороны оказались безуспешными ввиду неравенства сил. Также не были успешны и их призывы к Временному правительству и губернской власти о подавлении аграрных беспорядков воинской силой (присылке войск и введении военного положения). У действующей власти не было надежных частей, чтобы погасить пожар крестьянской революции, в которой участвовало подавляющее большинство крестьян, в том числе и одетых в солдатские шинели.

К моменту большевистской революции в Петрограде земельный вопрос в России был решен так, как этого желало общинное крестьянство. Об этом оно заявило в полный голос на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в ноябре 1917 г. Крестьяне проголосовали за землю, то есть за те партии, которые согласились с итогами их крестьянской революции и готовы были подтвердить данный факт в Учредительном собрании[26].

В дальнейшем после захвата власти большевиками Советская власть утвердит итоги крестьянской общинной революции декретом о земле и Основным законом о социализации земли от 27 января (9 февраля) 1918 г. При этом следует учесть, что только в районах бывшего помещичьего землевладения, как правило, в Европейской части России, произойдет успокоение деревни в вопросе о земле. В Сибири, на Северном Кавказе и Украине он будет решаться в ходе ожесточенной гражданской войны, в которой столкнутся интересы различных групп сельского населения данных регионов (крестьян и казаков, русских и инородцев и т.д.).

В 1917 г. крестьянство России выступило активной политической силой, оказавшей огромное влияние на ход революционных событий и последующей за ними Гражданской войны.

[1] См.: *Данилов В.П., Шанин Т.* Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России, 1902—1902 гг.»: (вместо предисловия) // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. («Антоновщина»): документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 5—6.

[2] О проекте см. подробнее: *Данилов В.П.* Крестьянская революция в России, 1902—1922 гг. // Крестьяне и власть: сб. статей. Москва; Тамбов, 1996. С. 4—23.

[3] См.: *Есиков С.А.* : 1) Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900—1921 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Тамбов, 1998 ; 2) Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900—1921 гг.). Тамбов: ТГТУ, 1998.

[4] Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917—1918): документы и материалы. М., 2003. (Крестьянская революция в России, 1902—1922 гг.: документы и материалы).

[5] См.: *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939: документы и материалы: в 4 т. М., 1998. Т. 1: 1918—1922; Крестьянское движение в Поволжье, 1919—1922 гг.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. (Крестьянская революция в России, 1902—1922 гг.: документы и материалы); Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине, 1918—1921: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. (Крестьянская революция в России, 1902—1922 гг.: документы и материалы).

[6] *Кострикин В.И.* Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975.

[7] См.: *Кабытов П.С., Курсков Н.А.* Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах» (1917—1918 гг.). Самара, 2002; То же. Изд. 2-е, испр. и доп. Самара, 2005; *Кабытов П.С., Курсков Н.А.* Самарское земство и земельные комитеты в 1917 году // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный вып. 2002. № 1 (23). С. 27—50; *Кабытова Н.Н.* : 1) Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002 ; 2) Закон и справедливость в «черном переделе» 1917 г. // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск, 2003 ; 3) Социальные и национальные особенности земельного передела 1917 года в Среднем Поволжье // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М., 2005. С. 135—140 ; 4) Земства и власть Самарской губернии в 1917 году // *Кабытов П.С., Курсков Н.А.* От Земского собрания к Губернской Думе: материалы науч.-практ. конф. Самара, 2005 ; 5) Социопсихологические аспекты аграрного движения в Поволжье в 1917 году // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 274—280; *Медведев Е.И.* : 1) Аграрные преобразования в самарской деревне в 1917—1918 гг. Куйбышев, 1958 ; 2) Установление и упрочение советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958 ; 3) Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970.

[8] См.: *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010; *Сухова О.А.* : 1) «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века: (по материалам Среднего Поволжья). Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2007 ; 2) Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Телицын В.Л.* «Бессмысленный и беспощадный»?: феномен крестьянского бунтарства, 1917—1921 гг. М., 2003; *Люкшин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; и др.

[9] См.: *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства, М., 1962; *Китанина Т.М.* : 1) Война, хлеб и революция: (продовольственный вопрос в России, 1914 — октябрь 1917 г.). Л., 1985 ; 2) Россия в Первой мировой войне 1914—1917 гг., СПб., 2003. Ч. 1; *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

[10] История советского крестьянства: в 5 т. М.: Наука, 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти, 1917—1927. С. 26—87.

[11] См.: *Хитрина Н.Е.* Аграрная политика временного правительства в 1917 году. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001; и др.

[12] *Данилов В.П.* Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский декрет «О земле» в действии. М., 1979.

[13] Российское крестьянство в эпоху революций и гражданской войны: регионально-национальный аспект / отв. ред. В.В. Кондрашин, В.А. Юрченков; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, 2017. 880 с.; Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально-региональный аспект / отв. ред. В.В. Кондрашин, В.А. Юрченков. Москва; Саранск, 2017. 1048 с.

[14] См.: Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны, 1914 — март 1918: в 2 кн. Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 2014. Кн. 2: 1917 — март 1918 / отв. сост. В.В. Кондрашин. 596 с.; *Белова И.Б.* «Народное право» в действии: российская деревня в условиях революционных перемен 1917 г.: (по материалам Калужской и Орловской губерний) // 1917 год в российской провинции: сб. науч. ст. Междунар. науч.- практ. конф., посвящ. 100-летию Великой российской революции / под общ. ред. О.А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. С. 12—18.

[15] См.: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2004. 592 с.

[16] *Бонди Б.* Земельный вопрос // Новый экономист. 1917. № 32. С. 5; *Данилов В.П.* Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции. С. 274.

[17] *Данилов В.П.* Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции. С. 276.

[18] *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 106—107.

[19] *Горюшкин Л.М.* Крестьянское движение в Сибири в 1917 году. Новосибирск, 1975. С. 23, 26.

[20] *Саблин В.А.* Правовые основы расширения надельного землепользования в северной деревне Европейской России в 1917—1920-е гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 261.

[21] *Сидоров А.Л.* Указ. соч. С. 460, 463.

[22] *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция: (продовольственный вопрос в России, 1914 — октябрь 1917 г.). С. 61; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 32.

[23] *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 19.

[24] *Лавров В.М.* «Крестьянский парламент России»: (Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов в 1917—1918 годах). М., 1996. С. 70.

[25] *Осипова Т.В.* : 1) Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1974. С. 225—226 ; 2) Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 52.

[26] *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. С. 224—226.

С.В. Леонов

Проблема «объективных и субъективных» предпосылок Великой российской революции: новый взгляд

Рассматриваемый вопрос затрагивает сущностные основы Февраля 1917 года. Он разделяет тех историков, кто признает его революцией, имеющей как объективные, так и субъективные причины, с теми, кто рассматривает его как случайное явление, верхушечный переворот, осуществленный некими «внешними» силами (жидомасонами, либералами, немцами и т.д.). Еще в конце XX в. вторая точка зрения считалась маргинальной, среди исследователей наблюдался едва ли не консенсус[1]. Но в новом столетии споры о предпосылках революции

вновь активизировались и даже политизировались. Дело доходит до массового психоза и попыток запрета фильма о Николае II.

Приблизиться к разрешению этой «вечной» проблемы поможет сопоставление царской России с другими странами, прежде всего — с Германией. В этих двух державах в ходе Первой мировой войны произошли революции, открывшие эпохи невиданных катаклизмов и социальных экспериментов. Обе империи обладали некоторыми чертами сходства. Советская, а отчасти и постсоветская историография даже определяли их в одну группу — стран «второго эшелона развития капитализма».

Идеологизированные дискуссии, которые велись почти всю советскую эпоху о типологии российского капитализма, остались незавершенными. Тем не менее, накопленный (главным образом западной историографией) материал подтверждает: вопреки позднесоветским клише о «среднеразвитом капитализме», уровни экономического развития двух стран качественно разнились. К 1914 г. Германия уже перешла к индустриальному обществу. Она являлась не только второй по величине экономикой в мире (с ВВП в 280 млрд. долл.), но и одной из наиболее развитых стран. По ключевым параметрам экономического развития — ВВП на душу населения и по индексу индустриализации (выпуску промышленной продукции) на душу населения — в Европе она уступала лишь Великобритании и Бельгии.

Россия еще далеко не завершила этот переход и была аграрно-индустриальной страной. Благодаря многочисленности населения (примерно $^1/_3$ населения Европы), масштабам сельского хозяйства и высоким темпам роста она заняла 3-е место в мире по размерам ВВП (265,1 млрд. долл.). Однако по уровню экономического развития она оставалась относительно отсталой. В 1913 г. ее ВВП на душу населения (1488 долл.) был в 2,5 раза меньшим, чем в Германии (3648 долл.). Индекс индустриализации на душу населения (уровень Великобритании 1900 г. принят за 100) составлял в России 20, а в Германии — 85; доля городского населения — 15% и 60%[2].

Показатели, достигнутые Россией к Первой мировой войне, были свойственны Германии еще в 1850-х годах[3]. Таким образом, по ключевым параметрам социально-экономического развития Россия отставала от Германии примерно на 60 лет. Более того, по этим параметрам (в том числе по душевым показателям ВВП и индексу индустриализации) Россия уступала Италии (2564 долл. и 26), Австро-Венгрии (1986 долл. и 32), Испании (2053 долл. и 22) и наиболее близка была к Японии (1387 долл. и 20). ВВП на душу населения в России был даже ниже, чем в отсталых балканских странах: Румынии (1660 долл. на 1910 г.), Греции (1592 долл.) и Болгарии (1534 долл.), несмотря на то, что империя превосходила их по уровню индустриализации на душу населения[4]. (Это, как подметил еще И.Ф. Гиндин, объяснялось отсталостью отечественного сельского хозяйства[5].)

Признанию относительной слаборазвитости царской России мешают не только инерция советского историографического наследия и живучесть мессианских традиций. Ситуацию запутывает и определенная двойственность характеристик ее экономики. — Она имела отдельные элементы, присущие развитым странам: большой абсолютный размер ВВП, значительную промышленность и одну из пяти наиболее устойчивых валют мира[6]. Однако в целом Россия относилась к бедным, развивающимся странам, к так называемому третьему эшелону капитализма, с низким подушевым ВВП и отсталой структурой экономики. Ее отличал огромный вес деревни (85% населения, 51% чистого национального продукта) и преобладание у крестьян общинного землевладения. Тяжелая индустрия составляла до 47% объема промышленного произ-

водства. Производительность труда промышленных рабочих в 3,5 раза уступала американским. Повышенную роль в экономике играли государство и иностранный капитал[7].

Социальную структуру страны отличали переходный (от сословий к классам) и неустойчивый характер; многочисленные пережитки традиционного общества; многонациональность, многоконфессиональность; а также острейшие противоречия: социокультурный и экономический раскол между «низами» и «верхами» общества (в т.ч. между крестьянами и помещиками, рабочими и предпринимателями); противоречия между крестьянами: «общинниками» и «частниками»; политический раскол между образованным обществом и властью; растущие противоречия между центром и некоторыми национальными окраинами и народами. В России доминировало крестьянское, преимущественно общинное население. Немногочисленный, «полукрестьянский» рабочий класс[8] был агрессивен по отношению к предпринимателям и к власти. Буржуазия была еще слаба и непопулярна, причем как в народных массах, так и у верховной власти.

Поскольку политическая модернизация Германской империи отставала от экономической, в стране тоже отчасти сохранялась сословность, повышенная роль дворянства, чиновничества и приниженность политического значения предпринимателей. Феноменальное влияние, особенно в рабочей среде имела социал-демократическая партия Германии (более 1 млн. членов и 34,8% голосов на выборах 1912 г.). В политико-административной сфере сохранялись отдельные пережитки былой раздробленности. Однако в целом это было пусть и несколько специфичное, но уже индустриальное общество. Если в России доля средних слоев ориентировочно составляла 5,5% населения, то в Германии — не менее 20% (15% — новые средние слои)[9].

Особенности Российской империи в условиях «недореформированного» госаппарата, зарождавшихся парламентских традиций и несформированности общенационального сознания предъявляли высокие требования к политике верховной власти, побуждая ее к лавированию, учету различных, зачастую противоположных социальных интересов, поиску компромиссов и своевременным, выверенным решениям. Однако даже в мирное время власть с этим не справлялась. Накануне войны в стране вновь поднималась революционная волна, по некоторым параметрам более мощная, чем перед революцией 1905 г.[10]

Вопреки распространенным у нас стереотипам, нагрузки Первой мировой войны оказались для России существенно менее тяжелыми, чем для Германии. Число мобилизованных в армию составляло 15,8 млн. человек (встречающаяся цифра в 19 млн. является ошибочной), а фактическая доля мобилизованных — менее 10%. В Германской империи доля мобилизованных составила не менее 19,7% населения[11], вдвое выше, чем в России.

Безвозвратные демографические потери русской армии (убитые и умершие от ран, болезней и в плену), согласно наиболее достоверным, на наш взгляд, подсчетам Н.Н. Головина и отчасти Б.Ц. Урланиса, составили примерно 1,9 млн. человек, а численность пленных — 2,4 млн. (возможно, 2,5 млн.) человек[12]. Германские потери подавляющая часть исследователей оценивает в 2 млн. погибших. По отношению к численности населения они были почти втрое выше российских: около 3% и около 1,1%. Даже доля военнопленных (1 млн. человек) в населении оказалась чуть больше, чем в России: 1,5% и 1,3—1,4%.

По удельному весу мобилизованных Германия занимала 7-е, а Россия — 12-е место среди воюющих держав, а по числу погибших на 1000 населения Германия находилась на 5-м, а Россия — на 12-м месте, «пропустив вперед» Турцию, Австро-Венгрию, Италию, Великобританию, Новую Зеландию и т.д. По доле погибших Россия занима-

ла последнее место среди ведущих участников Первой мировой войны за исключением лишь США![13] Таким образом, тяжесть людских потерь была для России намного меньшей, чем для Германии и даже для большинства ведущих участников той войны!

В долларах 1913 г., Первая мировая война обошлась России в 7,7 млрд. прямых расходов, включая 2,3 млрд. займов, полученных у союзников. (В 1915 г. за счет внешних займов российское государство покрыло в 1915 г. $^1/_5$ своих расходов, в 1916 г. — практически $^1/_4$, а в 1917 — до $^1/_3$![14]) Германия израсходовала почти в 2,6 раза больше — 19,9 млрд. долл. Причем эта сумма включала не менее 1,3 млрд. займов, выданных союзникам. Война стоила России 13,1% народного богатства, Германии — 24,7%, а из расчета на душу населения — 44 и 292,6 долл. (!). Среднегодовой расход на войну составлял соответственно 24,1% и 31,6% народного дохода. Бремя войны для экономики России оказалось намного менее тяжким, по сравнению не только с Германией, но даже и с большинством воевавших стран[15].

В противоположность Германии, промышленное производство в царской России в 1916 г., по сравнению с 1913 г., увеличилось на 9,4%, а по другим оценкам, — на 21,5%![16] Из других воюющих держав экономическим ростом могли похвастаться лишь Англия, США и Италия! К 1917 г. золотой запас России вырос вдвое, до 3,6 млрд. руб. За войну было построено более 10 тыс. км железных дорог. С 1913 по 1916 г. погрузка вагонов в день и пробег их увеличились в 1,6 раза! Если в Германии сбор зерновых начал быстро падать уже с 1914 г., то в России — лишь с 1916 г. По сравнению с 1913 г., в России этот спад составил 18%, а в Германии — 27,3% (в 1917 г. — соответственно 23% и 50,5%)[17].

Между тем, по расчетам П. Гэтрелла, в 1916 г. ВВП Германии (где промышленное производство упало на 36—38%, а сельскохозяйственное — на 35%) оказался меньше довоенного всего на 19,3%, а ВВП России (где росла промышленность, а в сельском хозяйстве был умеренный спад) — на 21,2%! Это объяснялось как явным завышением масштабов нашего спада, так и тем, что по Германии использовались оценки А. Мэдисона, одни из самых «оптимистических» для нее. Взвешенная, позднейшая оценка индекса немецкого ВВП А. Ритчла и М. Споерера фиксирует его падение на 24,2%[18]. А. Маркевич и М. Харрисон, пересчитав динамику ВВП России, пришли к выводу, что спад начался лишь в конце 1916 г. и не превысил 10%, по сравнению с 1913 г. Даже в 1917 г. падение ВВП на душу населения у нас составило 18%, в то время как в среднем по 8 странам континентальной Европы — 23%![19]

Таким образом, хотя ВВП начал сокращаться к концу 1916 г., масштабный кризис в стране разразился лишь после Февраля 1917 года. Даже в 1917 г. спад составил 21,8%, в то время как в Германии — 26,5%! Беспрецедентные размеры он обрел лишь после Октябрьской революции. — В 1918 г. в Советской России национальный доход сократился практически вдвое, по сравнению с 1913 г., в то время как в проигравшей войну и переживавшей революцию Германии всего на 29%[20].

Положение населения в царской России было куда лучше, чем в Германии. Резкого падения уровня жизни до 1917 г. не было. Напротив, у крестьян в годы войны появились деньги, они стали лучше питаться. У рабочих реальные зарплаты в целом росли, а по минимальным оценкам, лишь немногим уступали довоенному уровню[21]. Денежные вклады населения в государственных сберкассах с 1914 и до начала 1917 г. выросли в 2,2 раза: с 1685 млн. до 3769 млн. руб. Голода в стране не было, и даже карточная система в городах только начинала вводиться. Излишки хлеба составляли: в 1914 г. — 278,5 млн., в 1915 г. — 290,3 млн., в 1916 г. — 197 млн. пудов. Численность населения, — в отличие от Германии и большинства воюющих держав, — росла. Смертность гражданского населения сохранялась примерно на довоенном уровне вплоть до 1918 г.![22]

Вместе с тем, неверно утверждать, как это стало модно в последнее время, что нарастания кризиса и соответственно — экономических предпосылок революции у нас не было. «Тотальная», длительная война порождала для людей огромные лишения. 1 млн. семей оказались без мужей и отцов. В 1916 г. в России началось падение сельскохозяйственного производства и ВВП в целом. Население страдало от разгонявшейся инфляции (к Февралю 1917 года официальный курс рубля составил 55 копеек от довоенного), учащавшихся перебоев с транспортом и топливом. В деревне не хватало рабочих рук, потребительских товаров, сельскохозяйственного инвентаря и лошадей. Для горожан самой острой проблемой стали перебои с продовольствием, порождавшие длинные очереди («хвосты») за хлебом, мясом и учащавшиеся продовольственные бунты. В целом же, хотя люди говорили о подступавшей «разрухе», для воюющих держав континентальной Европы подобное состояние тыла было естественным и далеко не худшим состоянием.

В Германии в 1916 г. реальная зарплата сократилась примерно вдвое, а население откровенно голодало. Уже с 1915 г. там была введена карточная система на основные виды питания, а с конца 1916 г. — всеобщая трудовая повинность для мужчин от 16 до 60 лет. С весны 1917 г. суточная норма выдачи муки на человека была сокращена до 170 г! Пищевой рацион с 3,5 тыс. калорий до войны упал до 1,5—1,6 тыс. Из-за болезней, вызванных недоеданием, женская смертность, по сравнению с 1913 г., в 1916 г. возросла на 11,5 %, в 1917 г. — на 30,4 %. От голода и недоедания умерло до 760 тыс. человек[23].

Однако не в голодающей Германии, а в менее затронутой кризисом России уже с 1915 г. в наибольшей мере стало расти революционное движение. Несмотря на меньшую численность рабочих, уже в 1916 г., даже согласно традиционным данным (возможно, заниженным в 1,5 раза), по количеству стачечников она опережала Германию в 8,4 раза: 1086 тыс. и 129 тыс.; а по числу потерянных из-за этого дней — в 19,5 раз: 4769,7 тыс. и 245 тыс.![24] В феврале 1917 г. Россия стала первой из воевавших стран, где произошла революция. Германия же, где царил «гениально организованный голод», до своей революции продержалась еще год и 8 месяцев, — то есть до 40% всей продолжительности войны!

Все вышеизложенное ставит под сомнение традиционные объяснения Февральской революции. Представляется, что не только и не столько ухудшение экономического положения, тяготы войны, сколько слабость, колебания власти, вызвавшие ее невиданную дискредитацию, стали главными революционизирующим фактором.

Тотальная война наглядно выявила значимость индустриального потенциала, уровня экономического развития стран. Стадиальное отставание России от передовых держав породило множество проблем. Однако, при всей его значимости, данный фактор нельзя абсолютизировать. На более отсталую и истощенную еще Балканскими войнами Османскую империю нагрузки войны оказались намного выше, чем на Россию. Там было мобилизовано 55% мужчин трудоспособного возраста, у нас — по максимальным данным — 39%; там погибло на 1000 человек населения — 37, у нас — 11 человек[25]. Тем не менее Турция смогла воевать почти 4 года, а Россия — 3 года и 3 месяца, причем уже менее чем через 2,5 года пережила революцию.

В России проблемы относительно слаборазвитой страны, не «переварившей» еще последствия первой революции, усугублялись тем, что верховная власть демонстрировала «ограниченную дееспособность». По меньшей мере до 1916 г. она не смогла преодолеть острейший кризис боевого снабжения армии. С огромным опозданием был взят курс на массовую мобилизацию частной промышленности, а единого руководящего центра военного снабжения создано не было. Власти фактически были расколоты на военные и гражданские. С августа 1915 г. царь уехал в Ставку, оставив страну (тыл) на непопулярную царицу-немку с придворной камарильей и Распути-

ным, а сам оказался фактически в изоляции. Запрет на продажу водки лишил мужское население традиционной «социальной анестезии» и нанес сильнейший удар по финансам. На выручку от нее в 1914 г. страна могла воевать более двух месяцев.

Во время «тотальной» войны, когда усилилась централизация и были заложены основы мобилизационной модели экономики, потребность в сильной власти стала жизненно необходимой. Во имя победы в войне, на условиях минимального компромисса, с ней готова была примириться и общественность. «Император же, — как подметил К. Маннергейм, — хотел править лично, без помощи нации»[26]. Уже с осени 1915 г. он вступил с общественностью (игравшей значимую роль в мобилизации экономики и в формировании массовых настроений) в конфронтацию. Однако он не смог предложить ни четкого курса, ни политического лидерства и ставил интересы своей семьи выше государственных. Началась небывалая министерская и губернаторская «чехарда». На ключевых постах все чаще оказывались совершенно неспособные, случайные люди. Потребность не только в сильной, но хоть в сколько-нибудь внятной, «нормальной» власти не была удовлетворена ни на новых (думских), ни на традиционных (самодержавных) началах.

«Революция только наполовину создается из революционного напора революционеров, — писал В.В. Шульгин. — Другая ее половина, а может быть три четверти, состоит в ощущении властью своего собственного бессилия. У нас, у многих, это ощущение было вполне. Ибо все в России делалось “по приказу его императорского величества”. Это был электрический ток, приводящий в жизнь все провода. И именно этот ток обессиливался и замирал, уничтоженный безволием»[27]. Это деморализующе воздействовало на общество, подрывало доверие к государству, целям войны, вызывало озлобленность и уныние. «Ощущение, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшими, а в худшем — предателями, было всеобщим»[28]. После войны Д. Ллойд Джордж, возражая У. Черчиллю, который полагал, что русский корабль лишь немного не дотянул до входа «в гавань», писал: «Русский ковчег не годился для плавания. [...] Капитан ковчега способен был управлять увеселительной яхтой в тихую погоду, а штурмана избрала жена капитана, находившаяся в капитанской рубке. Руль захватила беспорядочная толпа советников...»[29]. Даже более развитая держава в годы войны могла бы не выдержать такого руководства. Несмотря на гораздо меньшее бремя войны, Российская империя оказалась более «хрупкой», чем Германская (на которую еще повлияла наша революция[30]) и даже, чем Османская.

1 См.: *Хасегава Ц.* Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 95.

2 Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, все расчеты приведены в международных долларах 1990 г. См.: Кембриджская экономическая история. М., 2013. Т. 2. С. 57, 107; *Maddison A.* The World Economy: Historical Statistics / OECD. P., 2003. P. 60, 100.

3 В 1850 г. ВВП на душу населения составлял в Германии 1428 (в 1856 г. — 1531) долл., доля городского населения − 16%, грамотность − не менее 65%, а, возможно, существенно выше (*Maddison A.* Op. cit. P. 58; От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 209; История Германии: в 3 т. М., 2008. Т. 2. С. 207).

4 См.: *Maddison A.* Op. cit. P. 60, 67, 94, 100, 180; The Economics of World War I / Ed. by S. Broadberry, M. Harrison. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. P. 10; Кембриджская экономическая история. Т. 2. С. 107; *Фишер В.* Европа: экономика, общество и государство, 1914—1980. М., 1999. С. 211.

5 *Гиндин И.Ф.* Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране // Свержение самодержавия. М., 1970. С. 82.

6 См.: История Министерства финансов России: в 4 т. М., 2002. Т. 1. С. 169.

7 *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). М., 2003. С. 41, 45, 46, 73; *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е гг. XX в.). М., 1994. С. 169.

8 В Германии большинство рабочих были потомственными, в России к 1914 г. — лишь половина, а в последующие годы — менее 40%. Даже к 1918 г. более 31% рабочих имели землю! См.: *Волобу-*

ев П.В. Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964. С. 25; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. М., 2009. С. 101; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). 3-е изд., испр., доп. М., 2003. Т. 1. С. 341, 343, 344.

9 По подсчетам В. Зомбарта, доля буржуазии и «буржуазной» интеллигенции доходила до 29—32% (История Германии. Т. 2. С. 24, 26. 27; *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 143).

10 Бастовавших рабочих, по некоторым подсчетам, было намного больше, чем в предреволюционном 1904 г., причем 73,5% (!) участвовало в политических стачках (*Пушкарева И.М.* Изучая «рабочую историю» периода Первой мировой войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 21 (192). С. 127—128).

11 См.: *Леонов С.В.* О влиянии мировой войны на Россию и Германию // Первая мировая война, 1914—1918: в 6 т. М., 2017. Т. 6. С. 392, 393.

12 Эти авторы не только опирались на обширный материал, анализировали другие оценки, но и раскрывали методики расчетов. Последние (равно как и структура потерь) разнились, а результаты почти совпали: 1,86 млн. и 1,81 млн. человек. В 1990-е годы военные историки, используя положения Урланиса, Головина и статистики 1920-х годов, вывели «новую» цифру безвозвратных потерь — 2,3 млн. человек. Но из-за повторного счета пропавших без вести (да еще с произвольным «коэффициентом кратности») эта попытка выглядит курьезом. См.: *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский; М., 2001. С. 155, 130—137; *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 381, 320; Россия и СССР в войнах XX в. Потери вооруженных сил. М., 2001.С. 100—101.

13 См.: *Урланис Б.Ц.* Указ. соч. С. 391—393.

14 Кроме того, страны Антанты широко поставляли вооружение, сырье, материалы и машины. В 1914—1917 гг. в российскую промышленность поступило оборудования на 1 млрд. руб., из них на 317 млн. руб. — из-за границы. См.: История Министерства финансов. Т. 1. С. 206; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 252—253, 364—366; и др.

15 Вот другие цифры: прямые расходы Германии − 40,15 млрд. долл. (включая 2,375 млрд. − помощь союзникам), России — 22,594 млрд., чистые расходы на душу населения − соответственно 557 и 135 долл. Расходы на душу населения в России оказались одними из самых низких и превосходили лишь Турцию и Болгарию (примерно 85 долл.). См.: Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 64; The Economics of World War I. P. 23.

16 *Сидоров А.Л.* Указ. соч. С. 349, 350; *Хромов П.А.* Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М., 1982. С. 133. *Кафенгауз Л.Б.* Указ. соч. С. 212.

17 См.: История первой мировой войны, 1914—1918 гг. М., 1975. Т. 2. С. 406; *Хромов П.А.* Указ. соч. С. 133, 196; *Сидоров А.Л.* Указ. соч. С. 349—350. История Министерства финансов. Т. 1. С. 142, 146; *Шигалин Г.И.* Военная экономика в первую мировую войну (1914—1918 гг.). М., 1956. С. 109.

18 The Economics of World War I. P. 12, 44, 46.

19 См.: *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913—1928 гг. М., 2013. С. 10, 18, 32—33.

20 The Economics of World War I. P. 44; *Маркевич А., Харрисон М.* Указ. соч. С. 18.

21 См.: *Прокопович С.Н.* : 1) Война и народное хозяйство. Изд. 2-е, доп. М., 1918. С. 230—246 ; 2) Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 2. С. 78; The Economics of World War I. P. 254.

22 См.: *Сидоров А.Л.* Указ. соч. С. 468; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 193, 203; История Министерства финансов. Т. 1. С. 145.

23 *См.: Эггерт З.К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (авг. 1914 — окт. 1917). М., 1957. С. 80—86, 373; История Германии. Т. 2. С. 116—118; *Патрушев А.И.* Германия в XX в. М., 2004. С. 63.

24 По подсчетам Ю.И. Кирьянова, количество бастовавших было больше: в 1915 г. (862 тыс.) — в 1,6 раза, в 1916 г. (1558,4) − в 1,4 раза. См.: Мировая война в цифрах. С. 88. *Пушкарева И.С.* Рабочее движение в России в годы Первой мировой войны: (историогр. заметки) // Российская история. 2015. № 3. С. 98.

25 См.: *Урланис Б.Ц.* Указ. соч. С. 391—392.

26 *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М., 1999. С. 58—59.

27 *Шульгин В.* Годы; Дни; 1920. М., 1990. С. 429.

28 *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 124.

29 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. III. С. 372.

30 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне, 1914—1918 гг. М., 2014. С. 398.

А.С. Соколов

Государственное регулирование российской экономики: продовольственная монополия, март — октябрь 1917 г.

(по материалам Рязанской губернии)

Победа Февральской революции ускорила социально-экономические и политические процессы в стране. Одним из основных вопросов, привлекавших внимание новой власти, было повышение эффективности государственного вмешательства в народное хозяйство. Нависшая над страной угроза хозяйственной катастрофы усугублялась нерешенностью продовольственного вопроса. Придя к власти в условиях глубокого экономического спада, Временное правительство прибегло к хлебной монополии, надеясь найти в ней радикальное разрешение продовольственного кризиса. Хлебная монополия означала меру чрезвычайную, неизбежно затрагивавшую интересы помещиков, крупных торговцев, банков. В то же время государственная хлебная монополия представляла собой более высокую ступень военного регулирования, например, продемонстрированной Германией в условиях хозяйственной изоляции.

Новая власть пошла по пути, на который не решилось вступить царское правительство. На заседании 27 февраля 1917 г. продовольственная комиссия Петроградского совета приняла решение о секвестре запасов муки, имевшихся на складах Петрограда[1]. Продовольственная комиссия направила телеграмму от 2 марта в адрес местных организаций с призывом к содействию: «Государственные интересы требуют получения сейчас же всех крупных партий хлеба, сосредоточенных в больших сельскохозяйственных экономиях, торговых посредников и банков»[2]. 6 марта Временное правительство обратилось с призывом к крестьянству о незамедлительной сдаче зерна для действующей армии: «Братья! Не дайте России погибнуть, везите немедленно хлеб на станции и склады... От вас зависит победа». 25 марта 1917 г. был опубликован закон «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах». В соответствии с ним все зерно, сверх необходимого для потребления, посевов и корма скота, должно было отчуждаться по твердым ценам в общегосударственный фонд для общественного распределения. Отчуждаемый в распоряжение государства хлеб подлежал равномерному распределению среди потребителей по особым продажным ценам. Закон запрещал залог хлеба и другие подобные операции свободной торговли[3]. Непосредственными исполнителями назначались губернские продовольственные комитеты. Практическая реализация этих намерений была неотделима от формирования мощного административного механизма, обеспечивающего тотальный учет и рациональное движение хлеба по всей стране в соответствии с единым планом[4]. В печати появились статьи, объяснявшие населению необходимость введения хлебной монополии в стране. «Сначала накормим Россию, потом оденем и снабдим необходимыми орудиями и материалами... Все должны понять, что монополия хлеба — не обида крестьянам, а вынуждаемый, необходимый для всей страны закон», — писал экономист Н. Орлов в журнале «Продовольствие и снабжение»[5]. Аналогичные суждения высказывал М. Минин, который указывал, что «далеко не все понимают, что без монополии хлеба и других продуктов немыслимо даль-

нейшее существование народного хозяйства. Это надо понять. От этого зависит наша свобода. Если не будет налажено народное хозяйство — погибнет и свобода»[6].

Принятие закона вызвало резкое недовольство предпринимательских кругов. В конце апреля 1917 г. в Петрограде состоялся чрезвычайный съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, который принял решение, высказавшись против хлебной монополии, но в пользу твердых цен. Правительство пошло навстречу требованиям предпринимателей и несколько ослабило хлебную монополию, став на путь привлечения частных скупщиков к заготовке хлеба[7].

В Рязанской губернии, где хлебный дефицит проявился еще в 1914 г., положение со снабжением городов продовольствием к 1917 г. ухудшилось. Министерство продовольствия получило сведения о неудовлетворительном состоянии посевов в Рязанской губернии[8]. Посевные площади в губернии уменьшились на 10% по сравнению с 1916 г.[9] В марте Рязанский губернский продовольственный комитет принял решение о запрещении вывоза ржи, пшеницы, проса и других продуктов из губернии. Виновные в нарушении данного распоряжения привлекались к штрафу до 3 тыс. рублей[10]. В июне в губернии была вновь установлена сенная монополия. В июле был запрещен вывоз из Рязани овощей. Пшеничная мука отпускалась только больным по рецепту врачей[11]. 2 сентября в губернии была введена предельная цена на картофель, составившая 1,90 рубля за пуд[12]. В Рязанской губернии в мае 1917 г. Крестьянский съезд одобрил закон о принятии хлебной монополии. В постановлении съезда говорилось: «Съезд настойчиво подчеркивает, что необходимым и неизбежным следствием этой меры должно явиться скорейшее установление твердых цен на все предметы первой необходимости и организации правильного снабжения деревни этими предметами»[13].

Положение со снабжением городов губернии было критическим. К 12 мая 1917 г. запас пшеничной муки в Рязани составлял 6–7 вагонов. Городской продовольственный комитет принял решение о запрещении вывоза из города пшеничной муки и изделий из нее. С 25 мая в Рязани была введена карточная система на отпуск ржаного хлеба или муки в размере 1 фунта ежедневно. На протяжении 1917 г. аграрный вопрос перерастал в продовольственный: в одних регионах у крестьян накапливался «избыток» зерна (которое перегонялось на хозяйственно выгодный самогон), в других — сельские жители все острее ощущали недостаток хлеба насущного[14]. Так, в 1917 г. положение в 5 северных потребляющих уездах Рязанской губернии было тяжелым, хотя в южных производящих уездах крестьянство имело крупные запасы хлеба. Только один Сапожковский район расходовал в месяц на самогон 120 вагонов хлеба[15]. 31 мая Рязанский губернский продовольственный комитет телеграфировал министрам земледелия, продовольствия и путей сообщения: «Голод северных уездов и городов Рязани, Егорьевска, Зарайска требует самого спешного передвижения имеющихся в распоряжении Губпродкома... запасов хлеба. Между тем на станциях погрузка, отправка плановым удостоверениям постоянно задерживается, телеграфное сообщение к управлениям Рязанско-Уральской, Сызранско-Вяземской дорог не дают результаты. Во имя спокойствия населения, предотвращения тяжких последствий губпродком единогласно постановил возбудить ходатайство в представлении на ближайший месяц при перевозке хлебных грузов внутри особых льгот внеочередности». В августе в губернии было созвано продовольственное совещание представителей уездных продовольственных управ, которое пыталось решить вопрос о проведении в жизнь хлебной монополии. На совещании было принято постановление о использовании военной силы для осуществления хлебной монополии и борьбы со спекуляцией. О борьбе со спекуляцией и поддержании хлебной монополии говорилось в телеграмме министра продовольствия С.Н. Прокоповича, направленной

Рязанскому губернскому продовольственному комитету. «В виду наблюдавшегося со стороны волостных продкомов самовольного вывоза и распределения между крестьянами крупных партий хлеба, вновь подтверждаю распоряжение министерства продовольствия о том, что хлеб из экономии должен незамедлительно и без чего либо вмешательства сдаваться в распоряжение губпродкомов...» — говорилось в телеграмме[16].

На протяжении мая – июня из 225 вагонов пшеничной муки в губернию прибыло только 162[17]. 5 июля газета «Рязанская жизнь» поместила ряд материалов о тяжелом продовольственном положении, сложившимся в Данковском уезде и Егорьевске[18]. Резолюции губернского продовольственного съезда, который состоялся 18 августа, требовали принять строжайшие меры для запрета вывоза хлеба за пределы губернии и уничтожения самогоноварения[19]. На съезде постановили считать нецелесообразным использование военной силы для осуществления хлебной монополии и борьбы со спекуляцией. От правительства требовали дополнить хлебную монополию введением твердых цен на все предметы широкого потребления.

Но хлебная монополия не сопровождалась установлением твердых цен на предметы массового потребления промышленного производства, поэтому крестьянству сдавать продукты стало невыгодно. Пуд хлеба по твердым ценам стоил 2,5–3 рубля, что равнялось стоимости одной подковы или пол-аршина плохого ситца. Крупные торговцы встали на путь открытой спекуляции.

Сложная ситуация с обеспечением продовольствия сложилась в Егорьевском уезде. Крестьяне села Зубово просили местный продовольственный комитет спасти их от голодной смерти. По словам представителя губернского совета крестьянских депутатов П.А. Шейтунова, население в уезде питалось льняным жмыхом, сваренным в молоке. Дети выкапывали посаженный три недели тому назад картофель[20]. 17 августа Егорьевский уездный продовольственный комитет на совместном заседании с представителями волостей вынужден был подчеркнуть в своем постановлении катастрофическое продовольственное положение уезда. «Население уезда, – отмечалось в нем, – состоит из 18 000 жителей, в том числе 24 905 жителей не имеют совершенно своего посева и 4706 человек беженцев, следовательно 29 611 человек населения Егорьевского уезда в настоящее время совершенно не имеют продовольствия, снабдить это голодающее население из полученного урожая 1917 года не представляется возможным, так как это население располагает продовольствием из собранного урожая 1917 года только 1 пуд на человека»[21]. К осени в северных уездах сложилось катастрофическое положение. Из Михайловского уезда 7 сентября сообщали, что в уезде хлеба не хватает и для нужд надо ввезти 388 тыс. пудов. Пронский уезд телеграфировал, что для нужд населения необходимо доставить в уезд 600 тыс. пудов, Касимовский уезд требовал 1,5 миллиона пудов хлеба. По сообщениям газеты «Голос труда» во многих волостях уезда население голодало. «Хлеба нет. Работают канцелярии, работают продуправы и комитеты, а дело все стоит на мертвой точке. Усиливается озлобление», — писала газета[22]. В Сапожковском уезде наблюдалось отрицательное отношение население к хлебной монополии. В округе приходилось наблюдать случаи контрабандной распродажи хлеба по взвинченным ценам[23].

В Рязани крестьяне обратились к председателю продовольственного комитета А.С. Сыромятникову со словами: «Мы голодаем... У нас совсем нет хлеба. В некоторых деревнях осталось хлеба всего на 1—2 дня»[24]. 17 августа продовольственная управа подверглась нашествию женщин из села Борки. На заявления председателя, что управа не имеет в настоящее время хлеба, так как наиболее хлебородные уезды отказываются сдавать хлеб, толпа кричала: «Разрешите свободную закупку и тогда хлеб будет.

Мы найдем хлеб сколько хотите», а на объяснения, что он не имеет права нарушать монополию и отменять твердые цен, установленные правительством, отдельные озлобленные лица кричали: «Долой!... Уходи... И хорошо сделаешь, если уйдешь»[25]. Из-за отсутствия твердых цен на предметы промышленного производства крестьянам стало невыгодно сдавать хлеб государству. Крестьяне оценивали хлебную монополию как организованный грабеж со стороны государства, так как цены постоянно поднимались. В обзоре Министерства продовольствия от 12 октября указывалось, что к натуральному обмену обратились продорганы Рязанской губернии. В Раненбургском уезде на местном рынке образовался особый класс посредников-спекулянтов, которые сводили между собой горожан и крестьян. Крестьяне отказывались продавать свой товар за деньги, обменивая его у спекулянтов на мануфактуру, мыло, соль[26].

Пытаясь решить продовольственный вопрос, местная власть предприняла реквизиции хлеба у помещиков, но это привело к новым крестьянским столкновениям. Так, в августе 1917 г. в Дубровской волости Касимовского уезда у богатого землевладельца были обнаружены большие запасы ржи, которая была реквизирована. Крестьяне соседней Топоревской волости собрали 75 подвод, отправились за реквизированной рожью к помещику. Когда стали брать рожь, появились местные крестьяне, которые решительно запротестовали против того, чтобы рожь увозилась на сторону. Напрасно крестьяне возщики просили отпустить им рожь. В ответ слышалось: «Убирайтесь вон, нет вам ржи»[27].

В губернии назревала угроза голода. Городской голова Рязани и председатель бюро Союза городов Рязанской губернии И.А. Антонов в октябре писал министру продовольствия С.Н. Прокоповичу: «Города переживают мучительный продовольственный кризис. Касимов, Егорьевск, Скопин буквально голодают, хлеб печется из примеси ржи, овса и соломы. Губернский город Рязань живет запасами полдня и то хлеб не все получают»[28]. Телеграмму аналогичного содержания направили представители голодающих волостей, обращаясь к министерству продовольствия «или же снабдить их хлебом или дать разрешение в производящие губернии для закупки там хлеба»[29].

Критическая ситуация в губернии сложилась с сахаром. 14 сентября 1917 г. была введена сахарная монополия. Ее постигла судьба монополии на хлеб. Еще в июле губернское продовольственное управление предложило уменьшить сахарную порцию для городского населения до 80 золотников в месяц, т.е. сравнять в снабжении сахаром городское и сельское население. Представители губернского совета солдатских депутатов поддержали это решение, предложив прекратить выдачу сахара в трактирных заведениях, «откуда сахар продается по 2 рубля и трактирщики варят себе варенье»[30]. В августе губернская продовольственная управа приняла решение ограничить выдачу сахара для чайных и железнодорожных буфетов 4 фунтами сахара. Предприятиям, вырабатывающим квас и фруктовые воды, отпуск сахара признать нежелательным[31].

К продовольственному голоду добавлялся голод топливный, который затрагивал различные стороны жизни губернии, в том числе работу промышленности и транспорта. Уже 2 мая 1917 г. Управление земледелия и государственных имуществ Владимирской и Рязанской губерний в специальном отношении на имя Рязанского губернского исполнительного комитета выразило тревогу по поводу возможной остановки в заготовке лесных материалов. «Такая приостановка, — заявлялось в отношении, — повлечет за собой сокращение поступления государственного лесного дохода, а это, в свою очередь, грозит сокращением правительственных ассигнований на самые необходимые и неотложные государственные потребности»[32]. Топливный кризис был тесно связан с возникшими трудностями в обеспечении населения продовольствием. В августе управляющий рудником каменноугольных копей Скопинского уезда Го-

глев направил министру продовольствия телеграмму, в которой говорилось: «Просим сделать распоряжение получать с казенных складов два вагона муки, овса, три вагона сена, также муки и сахара. Без муки и фуража снимем с себя ответственность за могущую приостановку работы и прекращение поставки угля»[33]. Аналогичное требование было направлено руководством Побединского рудника Скопинского уезда губернскому продовольственному комитету. «Ввиду абсолютной недостаточности установленного для Скопинского уезда сахарного пайка... и принимая во внимание, что вследствие отсутствия многих продуктов первой необходимости, сахар является почти единственным питательным продуктом поддерживающим силы рабочего, мы просим сделать зависящее распоряжение об увеличении нормы для Побединского рудника, для выдачи добавочного пайка», — отмечалось в документе[34].

Продовольственная монополия проводилась непоследовательно, бессистемно. Она не способствовала решению продовольственного вопроса в условиях радикализации политической ситуации в стране. Продовольственная монополия стала одним из направлений государственного вмешательства в организацию хозяйственной жизни в 1917 г. и после.

1 *Белоусов Р.А.* Экономическая история России, XX век. М., 1999. С. 48.
2 *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг.: экономика и экономическая политика: курс лекций. СПб., 2016. С. 338.
3 *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 398.
4 *Мау В.* Реформы и догмы. М., 1993. С. 38.
5 *Орлов Н.* Первое испытание закона о хлебной монополии // Продовольствие и снабжение. 1917. № 2. С. 5.
6 *Минин М.* Что такое хлебная монополия // Там же. № 1. С. 8.
7 *Петров Ю.А., Шацилло М.К.* Кризис продовольственного снабжения // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 824.
8 Продовольствие и снабжение. 1917. № 2. С. 21.
9 *Суслов А.И.* Борьба за хлеб в Рязанской губернии в первые годы Советской власти (1917–1918) // Некоторые вопросы краеведения и отечественной истории. Рязань, 1974. С. 80.
10 Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-3174. Оп. 2. Д. 15. Л. 2.
11 История Рязанского края, 1778–2007 / под ред. П.В. Акульшина. Рязань, 2007. С. 144.
12 *Оськин М.В.* Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // Научные ведомости / БелГУ. Сер. «История. Политология». 2015. № 7, вып. 34. С. 168.
13 Рязанский губернский крестьянский съезд // Вестник Рязанского губернского земства. 1917. № 5/6/7. С. 135.
14 *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015. С. 537.
15 *Суслов А.И.* Указ. соч. С. 80.
16 ГАРО. Ф. Р-3174. Оп. 2. Д. 15. Л. 13.
17 История Рязанского края, 1778–2007. С. 142.
18 *Фулин Ю.В.* Отречемся от старого мира. Рязань, 1987. С. 149.
19 Голос труда. 1917. 15 авг.
20 Рязанская жизнь. 1917. 8 авг.
21 *Фулин Ю.В.* Указ. соч. С. 149.
22 Голос труда. 1917. 6 окт.
23 Там же. 30 сент.
24 Рязанская жизнь. 1917. 19 окт.
25 Голос труда. 1917. 18 авг.
26 Там же. 6 окт.
27 Там же. 14 сент.
28 История Рязанского края, 1778–2007. С. 144.
29 Рязанская жизнь. 1917. 19 окт.
30 Там же. 22 июня.
31 ГАРО. Ф. Р-3174. Оп. 2. Д. 8. Л. 12.
32 *Фулин Ю.В.* Указ. соч. С. 150.
33 ГАРО. Ф. Р-3174. Оп. 2. Д. 8. Л. 182.
34 Там же. Л. 161.

П.В. Лизунов

Петроградская фондовая биржа в период Великой российской революции 1917 года

Фондовую биржу часто сравнивают с барометром экономической, политической и социальной жизни страны. Она чутко реагирует на любые значительные, а порой и незначительные изменения, которые отражаются на котировках ценных бумаг. Войну можно сравнить с таким показателем барометра, как буря, а революцию — как ураган, сметающий всё на своем пути — не только людей, но институты и государства.

Первая мировая война не могла не сказаться на мировом фондовом рынке. За несколько дней до начала войны закрылись все крупные фондовые биржи Западной Европы и Северной Америки. Закрытие фондовой биржи в Петрограде Министерство финансов считало мерой предосторожности против влияния случайностей войны на оборот с биржевыми бумагами, особенно в первые дни войны, когда неизбежно сильное падение курсов всех бумаг[1]. 16 июля, на следующий день после объявлении Австро-Венгрией войны Сербии, закрылась Петербургская биржа. В бездействии большинство мировых фондовых бирж оставались недолго. С сентября 1914 г. началось их постепенное открытие. Закрытыми оставались официальные фондовые биржи в Австро-Венгрии, Германии и в России.

Во второй половине сентября 1914 г. в Петрограде стала функционировать неофициальная фондовая биржи, в виде частных собраний. Они происходили в Сибирском Торговом банке, в банкирском доме Д.Г. Лесина. Чуть позже предоставили свои помещения для вечерних биржевых собраний Русско-Азиатский и Русско-Английский банки. «Кулиса» встречалась в кафе Рейтерна, а затем в Азовско-Донском, Частном и Торгово-Промышленном банках[2].

Лишь на третьем году войны Министерство финансов пришло к заключению, что фондовый рынок настолько окреп, что возникла возможность открыть фондовую биржу невзирая на продолжавшуюся войну. 17 июля 1916 г. «Правительственный вестник» сообщил, что государь император еще 13 мая «предоставил министру финансов в виде временной... меры» право открыть Фондовый отдел Петроградской биржи[3].

В годы войны значительно увеличилась емкость биржевого рынка, в основном за счет эмиссии целого ряда новых выпусков акций, разошедшихся без всякого участия со стороны банков. При этом новые выпуски совершенно не отразились на старых ценностях. До огромной цифры в 8 млрд руб. увеличилось количество облигаций государственных займов, выпущенных за время закрытия официальной биржи. Перед войной такое наводнение фондового рынка новыми бумагами, несомненно, привело бы к серьезным проблемам и временным трудностям в их размещении. Но в конце 1916 г. это служило лишь поводом к усилению биржевого ажиотажа. Даже при отсутствии официальной котировки совершались довольно значительные сделки с фондами, главным образом, с рентой, военными займами и закладными листами земельных банков. Фонды оказались менее удобными для операций на неофициальной бирже, чем акции. Поэтому основным объектом спекуляции были более подходящие для этой цели бумаги частных предприятий.

С одной стороны, денег в стране было предостаточно, а с другой — рубль постоянно обесценивался, и многие устремились на биржу в расчете выгодно поместить свои средства, масса лиц нажила крупные состояния игрой на повышение. Заработок в 200—300 тыс. руб. никого больше не удивлял. Это считалось, как писал «Биржевой курьер», вполне обыкновенным делом[4].

В наступившем 1917 г. повышательное движение на фондовом рынке продолжалось, принимая все более ажиотажный характер. Частные биржевые собрания проходили уже три раза в день. Утром встречались для предварительных сделок в Русско-Азиатском банке, днем — в Сибирском, вечером снова в Русско-Азиатском, изредка в Русско-Английском банке. Биржевые хроникеры в своих репортажах не раз отмечали, что при громадном скоплении людей «многие не могут протиснуться в зал, отведенный для сделок, и теснятся в прихожей»[5]. Спрос настолько превышал предложения, что повышения на 10, 20 и даже на 30 руб. в течение дня на одну бумагу никого не удивляли[6].

Торжественное открытие Петроградской фондовой биржи состоялось 24 января 1917 г. К 12 часам дня к бирже прибыли: министр финансов П.Л. Барк, товарищ министра финансов С.А. Шателен, директор Кредитной канцелярии К.Е. Замен, вице-директора Кредитной канцелярии В.К. Скворцов и Г.Г. Воронович, помощник управляющего отделом торговли Министерства торговли и промышленности С.В. Бородаевский и др.[7] Кроме представителей ведомственного мира, присутствовали все виднейшие представители банковского и биржевого мира, представители печати.

Официальные биржевые собрания начались на следующий день, 25 января. В связи с открытием Петроградской биржи, в Москве также приступили к подготовке открытия биржевых собраний, наметив его на 26 февраля[8].

Открытие официальной фондовой биржи в Петрограде не сбило ажиотажный спрос, как предполагало Министерство финансов. По-прежнему газетные биржевые хроники отмечали неуклонное повышение всех дивидендных бумаг и появление «американских размеров» сделок, большинство из которых совершались за наличные. Акции покупались в банках и банкирских конторах часто сотнями и тысячами штук по цене на десятки рублей выше последней котировки и сразу на несколько миллионов рублей[9]. Ежедневные обороты Петроградской фондовой биржи достигли суммы 75—100 млн. руб.[10] И хотя вечерние собрания были упразднены, однако большие частные собрания почти ежедневно проходили в банках или ресторанах. Вместе с тем усилилось значение утренних биржевых собраний в Русско-Азиатском банке.

Биржевой ажиотаж из столиц перекинулся в провинцию. Из Харькова, Одессы, Киева сообщали, что телеграф не успевал отправлять срочные телеграммы, подаваемые местными банковскими отделениями в Петроград и Москву на покупку различных бумаг[11].

Несмотря на крайне обостренную и напряженную политическую ситуацию в стране, на фондовой бирже неизменно господствовала повышательная тенденция. Она сохранялась даже 23 февраля 1917 г. — накануне массовых демонстраций в центре Петрограда. Лишь два последних биржевых собрания 24 и 25 февраля, дней, предшествовавших победе революции, сопровождались значительным понижением курсов[12].

25 февраля состоялось последнее официальное собрание фондовой биржи и вышла официальная котировка. В понедельник 27 февраля биржевики собрались в помещении биржи в довольно ограниченном составе, причем единогласно было принято решение не совершать никаких сделок и оставить в силе курс котировки от 25 февраля. Было внесено предложение на время закрыть биржу, но члены фондового совета во главе с председателем Н.И. Былинкиным высказались решительно против. Тем не менее, с 27 февраля официальных собраний не происходило[13]. Ана-

логичное положение сложилось и в Москве. После приостановки биржевых собраний неофициальные сделки хотя и имели место, но в очень ограниченных размерах и лишь с некоторыми бумагами.

Февральские революционные события кардинально сказались и на бирже. Здесь давно назревал конфликт между биржевым управлением (Советом фондового отдела) и биржевой массой («кулисой»). Этот давно непрекращающийся конфликт вновь привел к попытке организации «кулисы». Последняя протестовала против «засилья» банков в Совете фондового отдела и добивалась представительства своих интересов в совете. Но если прежде эта борьба носила длительный, тягучий официальный характер, то теперь «биржевая аристократия» сразу сдала свои позиции. В Петрограде, как и в Москве, «власть в свои руки прибирали лидеры кулисы». Биржевой обозреватель «Финансовой газеты» Евзлин писал: «Волны революции докатились до биржевых сфер. Кулиса — биржевой пролетариат, — которая еще вчера была ничем, хочет быть всем, она требует демократизации биржи, она желает эмансипироваться от своих хозяев — эксплуататоров — haute finance — и принять активное участие в биржевом управлении»[14].

В первые дни революции лидеры «кулисы» стали вести активную политическую деятельность. 9 марта в здании биржи состоялось собрание «биржевого пролетариата», где был избран временный комитет из 16 человек под председательством К.В. Зунделиовича, для разработки устава и организации петроградской «кулисы». Участники собрания обязали временный комитет «кулисы» опубликовать в печати заявление, что перерыв биржевых собраний не является «закрытием биржи», и никаких распоряжений о закрытии не отдавалось, и в ближайшее время биржевые собрания будут возобновлены вновь[15].

Вопрос о возобновлении официальных биржевых собраний Петроградской биржи обсуждался и на заседании Совета фондового отдела 11 марта, где все члены совета высказались за скорейшее восстановление биржевого оборота[16]. Почти ежедневно проходили совещания «кулисы», где также рассматривались вопросы об открытии биржевых собраний, о сборе пожертвований на нужды революции, о пересмотре устаревшего биржевого законодательства. На одном из заседаний временного комитета «кулисы» при обсуждении «Временных правил» 1901 г. было признано, что они «поражают своей отсталостью и совершенно не совместимы с новым строем, так как устанавливают несправедливые привилегии для некоторых категорий биржевых деятелей»[17]. Решено было поставить вопрос о необходимости проведения биржевой реформы и обновления личного состава органов управления биржи. Большинство представителей «кулисы» полагали, что «без осуществления этих начинаний возобновление нормальной биржевой деятельности в новом строе невозможно»[18]. Одним из условий реорганизации Совета фондового отдела, как полагала часть «кулисы», должна стать отставка Совета фондового отдела. Это постановление «кулисы» было воспринято как акт недоверия, и члены Совета сочли необходимым добровольно уйти в отставку.

На состоявшемся 11 апреля чрезвычайном общем собрании членов Фондового отдела первым пунктом обсуждался вопрос о создавшемся кризисе из-за отставки совета[19]. Однако пункт о выборах временного Совета отдела был снят после выступления председателя «кулисы» М.Б. Неймарна, который от имени комитета «кулисы» заявил, что их неправильно поняли, и они вовсе не собирались менять состав Совета фондового отдела. Было предложено ограничиться избранием особой комиссии для выработки проекта нового биржевого устава и правил, регулирующих деятельность биржи. Такая комиссия под председательством А.И. Путилова была избрана. В нее вошли 23 человека от Совета фондового отдела и от «кулисы». Чем занималась ко-

миссия, какие обсуждались вопросы, — неизвестно. Из архивного дела следует, что комиссия собиралась дважды, 12 мая в помещении биржи и 24 мая в Русско-Азиатском банке. Также под председательством А.И. Путилова было избрано Бюро по выработке положения для Фондового отдела[20].

Прошло несколько дней после прекращения биржевых собраний, ситуация более-менее определилась, и вновь все заговорили о необходимости их возобновления. И хотя прекращение собраний произошло по почину самих биржевиков, было решено предоставить право открыть биржу новому министру финансов. Дважды, 21 марта и 27 апреля, Совет фондового отдела подавал на имя М.И. Терещенко представление с просьбой открыть биржевые собрания в любой день по усмотрению министра финансов[21]. Но М.И. Терещенко всячески откладывал это событие. В интервью, данном «Финансовой газете», министр финансов заявил, что не считает настоящий момент благоприятным для открытия биржи и опасается резких колебаний курсов как вверх, так и вниз[22].

На прошедшем 21 апреля у министра финансов совещании с участием представителей банков и «кулисы» Петрограда и Москвы был поставлен вопрос о возобновлении собраний фондовой биржи. В числе намечавшихся мероприятий обсуждался вопрос об установлении полного моратория по онкольным счетам сроком на 6 месяцев. Подготовленное Советом фондового отдела представление было направлено министру финансов и в комитет съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита[23]. Министр финансов еще раз повторил свое заявление в прессе. Большинство представителей банковского мира также высказались за несвоевременность в данный момент открытия биржи. Вместе с тем всеми признавалось, что с улучшением положения в стране следует сразу же открыть биржу. Лишь представители «кулисы» в лице Зунделиовича высказали мнение о необходимости независимо от политических событий открыть фондовую биржу, заявив, что биржевые сделки будут происходить все равно, откроется биржа или нет.

Не дождавшись официального открытия биржи, в первых числах июня «кулиса» стала обсуждать идею легализовать частные сделки и возобновить биржевые собрания в здании биржи. И хотя многие отнеслись к этому более чем скептически, первые дни неофициальных биржевых собраний показали, что страхи были совершенно напрасны. Обороты, сначала весьма скромные, стали понемногу увеличиваться. Курсы всех дивидендных бумаг, которые определялись после революции очень низкими ценами, постепенно стали повышаться.

Журнал «Биржа» в июне 1917 г. отмечал, что «с некоторым политическим оздоровлением и блестящими успехами на фронте» (июньским наступлением русской армии) участились сделки на частном биржевом рынке. Ежедневно от 11 ½ до часа дня в помещении Петроградской фондовой биржи собиралось несколько десятков биржевиков, между которыми происходили небольшие обороты с ценными бумагами. В этих собраниях, носивших совершенно приватный характер, так как официальная биржа считалась закрытой, не участвовали представители крупных коммерческих банков[24].

Полагая, что акции легче, чем кредитный рубль, перенесут смутное время революции, многие снова стали приобретать ценные бумаги. Несмотря даже на прекращение выдачи банками ссуд по онкольным счетам, спрос на акции постепенно возрастал. В нормальное время даже незначительное сокращение ссуд под акции вызвало бы на бирже длительную депрессию, но в то время это не произвело никакого впечатления. Акции покупались с единственной целью «освободиться от ничего не стоящего рубля». Например, в октябре месяце за пару ботинок требовали любую двухсотрублевую акцию. Такая сделка даже считалась предпочтительней, чем продажа за наличные деньги[25].

В то время как вся промышленность пребывала накануне краха, а заводы закрывались, на бирже акции тех же заводов взвинчивались на десятки и сотни рублей. Положение банков было угрожающим, так как их «портфели» были обременены биржевыми ценностями, вздутыми «до совершенно фантастических цен». Многие банки, не посещая биржевых собраний, через своих маклеров участвовали в биржевом ажиотаже, чтобы избавиться от «залежавшегося товара»[26].

«Финансовая газета» в октябре писала, что «из всей культуры Российской империи осталось... одно учреждение, которое еще функционирует более или менее толково и сознательно», — это биржа[27]. Да, биржа пока еще действовала, но это уже не был барометр политической и экономической жизни страны. Война, а затем революция сделали свое дело. Денежный рынок России больше не регулировался товарообменом, спросом и предложением. Нарушен был внешнеэкономический баланс, большинство предприятий не работало или оказалось на грани краха[28].

И, как следствие, биржа перестала быть местом размещения ценных бумаг для развития и расширения предприятий и не служила экономическим и финансовым целям государства, а превратилась в место самой низкой спекуляции. На бирже появились люди, никакого к ней отношения не имевшие. Серьезные биржевики перестали посещать биржу. Все попытки «кулисы» как-то урегулировать биржевые собрания не имели успеха и прекратились после 25 октября 1917 г.

Декреты и экономическая политика большевиков сделали вскоре всякую биржевую деятельность бессмысленной. Декретом СНК от 29 декабря 1917 г. все сделки с ценными бумагами воспрещались. За нарушение декрета виновные подлежали преданию суду, а все их имущество конфисковывалось[29]. Через месяц, декретом от 26 января 1918 г., все банковские акции аннулировались, а всякие выплаты дивидендов по ним прекращались. Все банковские акции подлежали немедленному представлению в местные отделения Государственного банка. Владельцы, не предоставившие свои акции в двухнедельный срок, карались конфискацией всего принадлежащего им имущества. Всякие сделки и акты по передаче банковских акций запрещались, виновные подвергались тюремному заключению сроком до 3 лет[30].

Двумя днями позже, 28 января был опубликован декрет ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «Об аннулировании государственных займов», согласно которому все государственные займы, выпущенные до 25 октября 1917 г., а также все прежние гарантии по ним аннулировались (уничтожались). Без всяких исключений аннулировались все иностранные займы. Общее руководство ликвидацией займов возлагалось на ВСНХ, дело ликвидации займов поручалось Государственному банку[31].

В разъяснение, развитие и изменение декрета «Об аннулировании государственных займов» 31 октября 1918 г. СНК опубликовал постановление «Об аннулировании государственных процентных бумаг». В нем говорилось о необходимости всем лицам и учреждениям немедленно сдать все принадлежавшие им аннулированные гарантированные правительством государственные процентные бумаги. Гражданам, владевшим такими бумагами на сумму не свыше 10 000 руб. их номинальной стоимости, зачислялась на текущий счет в Народном банке или на книжку в Государственной сберегательной кассе сумма, соответствовавшая стоимости этих бумаг. Список наименований займов с расценками их ликвидационной стоимости в процентах нарицательного капитала прилагался к постановлению СНК[32].

Возвращаясь к сравнению фондовой биржи с барометром, можно утверждать, что революция в России, в результате которой к власти пришли большевики, — этот

прибор измерения давления атмосферы не выдержал нагрузки и сломался. Торговля ценными бумагами перешла из сферы регулируемых биржевых сделок к небиржевой продаже «из рук в руки» без всякого курса и котировки. Судя по воспоминаниям современников, покупка и продажа ценных бумаг вне биржи сохранялась до 1919—1920 гг. Будучи в то время в Киеве и Одессе, экономист и финансист, профессор И.Х. Озеров писал: «На улицах все петербуржцы да москвичи: усердно торговали акциями и их как-то вытаскивали из петербургских банков»[33].

В мемуарах общественного деятеля и публициста В.В. Шульгина также упоминается о спекуляции с валютой и ценными бумагами, в которую было втянуто «огромное количество людей» в 1920 г. в Одессе. «Да могло ли это быть иначе? — спрашивал Шульгин. И сам же отвечал: «Куда же могли деваться эти “кошмарические” стада всевозможных биржевиков, которые наполняли Фанкони и Робина и густой толпой стояли на углу Дерибасовской и Екатерининской, торгуя кокаином, сахаром и валютой?»[34].

В некоторых советских газетах, например «Красная газета», «Известия ВЦИК», еще в начале 1920-х годов публиковались объявления о продаже и покупке аннулированных облигаций Петроградского и Московского городских кредитных обществ. В объявлении сообщалось, что желающих продать данные бумаги просят сообщить свой адрес с указанием количества и желаемой цены. Под объявлением был указан адрес берлинского Дойчебанка для некого Оскара Бахмана (Bahman). Однако все эти сделки и объявления ценных бумаг никак и ничем не были связаны с деятельностью института фондовой биржи.

1 Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 560. Оп. 26. Д. 1397. Л. 2.
2 Коммерческий телеграф. 1915. 20 авг.; 22 авг.
3 Правительственный вестник. 1916. 17 июня; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 852. Оп. 2. Д. 723. Л. 1.
4 Биржевой курьер. 1916. 15 дек.
5 Там же. 1917. 17 янв.
6 Там же. 4 янв.
7 ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 2. Д. 723. Л. 157.
8 Биржевой курьер. 1917. 24 янв.
9 Биржа за неделю. 1917. № 6. С. 2.
10 Биржевой курьер. 1917. 10 февр.
11 Там же.
12 Биржа за неделю. 1917. № 9/10. С. 3.
13 Финансовая жизнь. 1917. № 9/10. С. 147.
14 Финансовая газета. 1917. 14 апр.
15 Там же. 13 марта.
16 Там же.
17 Там же. 17 марта.
18 Там же. 18 марта.
19 ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 2. Д. 743, 744. Л. 1.
20 Там же. Д. 746. Л. 1—4.
21 Там же. Д. 723. Л. 180, 183.
22 Финансовая газета. 1917. 24 марта.
23 ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 2. Д. 723. Л. 184—185.
24 Биржа. 1917. № 17. С. 1.
25 Финансовая газета. 1917. 4 окт.
26 Финансовая жизнь. 1917. № 23/25.
27 Финансовая газета. 1917. 4 окт.
28 См.: *Шингарев А.И.* : 1) Финансовое положение России. Пг., 1917 ; 2) Финансы России во время войны. Пг., 1917.
29 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 13, 4 янв., ст. 185. С. 193.
30 Там же. № 19, 30 янв., ст. 295. С. 286.
31 Там же. № 27, 10 марта (25 февр.), ст. 353. С. 344; № 29, 24 (11) марта, ст. 386. С. 364.
32 Там же. № 79, 31 окт., ст. 834. С. 983.
33 *Озеров И.Х.* Воспоминания 1911—1920-е годы // РО РНБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
34 *Шульгин В.В.* Дни; 1920: [записки]. М., 1989. С. 393.

А.А. Бессолицын

Акционерно-паевые предприятия России: экономическая и социальная трансформация в период февраля — ноября 1917 г.

Столетний юбилей российской революции ожидаемо вызвал повышенный интерес профессионального сообщества историков, экономистов и других представителей гуманитарной науки к проблемам, которые собственно и породили революционный взрыв в феврале 1917 г. Среди этих проблем одно из ключевых мест занимают экономические причины революции.

Эта тема в последние два десятилетия активно исследуется как в отечественной, так и в западной историографии. Анализ экономического положения воюющих стран, сделанный в современной зарубежной и отечественной историографии, свидетельствует о том, что серьезных испытаний не удалось избежать ни одной из стран-участниц. Однако, по мнению ряда исследователей, в основе революции лежали не только глобальные экономические факторы, но и ухудшение условий жизни населения, падение морально-этических норм и др. При этом подчеркивается, что экономический фактор сыграл в нарастании социального конфликта в России весьма важную роль, причем и до Февральской революции, и еще более при Временном правительстве[1].

В данной статье сделана попытка проследить, каким образом ухудшение экономического положения на акционерно-паевых предприятиях в период с февраля по ноябрь 1917 г. радикализировало настроения трудящихся и дестабилизировало ситуацию в экономике страны в целом.

Акционерно-паевые предприятия на рубеже XIX—XX вв. занимают одно из важных мест в экономическом развитии России. Именно эта форма объединения частного капитала одерживает победу над всеми другими формами организации капиталистических предприятий, прежде всего, вследствие присущих им организационно-правовых и экономических особенностей.

Процесс индустриализации в России выдвинул на первый план акционерные компании, которым по силам были крупные инвестиции в такие капиталоемкие отрасли, как машиностроение, банковское дело, строительство железных дорог, освоение новых видов природных богатств (добыча угля, нефти и др.), создание инновационных отраслей экономики и т.п.

Если в 1893 г. в России, судя по опубликованным балансам русских торгово-промышленных акционерных обществ, действовало всего 522 компании с капиталом 601 млн. руб., то уже в 1901 г. число таких компаний достигло 1506, а их капитал — 2467 млн. руб.[2]

С началом Первой мировой войны процесс регистрации новых акционерных компаний хотя и несколько замедлился, но не остановился. Если в 1913 г. было учреждено всего 399 новых компаний, то в 1914 г. — 334 с капиталом в 526 млн. руб., в 1915 г. — 321 с капиталом почти в 410 млн. руб. Однако уже в 1916 г. было учреждено 584 компании с основным капиталом в 923,5 млн. руб. Главнейшей по абсолютной величине капитала из предложенных к учреждению акционерных компаний стала группа «Горное Дело», в которой капитал достигал 228 млн. руб., далее следовали

компании по выплавке и обработке металлов (141,4 млн. руб.), химических продуктов, нефтепромышленные компании и т.д.[3]

В результате к ноябрю 1917 г. фактически действовали в России примерно 2850 торгово-промышленных акционерных компаний с номинальным капиталом 6040 млн. руб., а с учетом акционерных коммерческих банков и железнодорожных компаний численность акционерных обществ составляла более 3 тыс. с капиталом более 7 млрд. руб.[4]

Надо отметить, что удельный вес производимой ими продукции во многих отраслях промышленности был доминирующим, составляя 70—80%, а иногда и более[5].

Анализ работы акционерно-паевых предприятий в годы Первой мировой войны позволяет сделать вывод о том, что несмотря на объективные сложности, связанные с переходом экономики страны на военные рельсы, в целом работа акционерных предприятий была успешной вплоть до февраля 1917 г. включительно, причем это касалось не только тех фирм, которые получали от государства военные заказы, но и тех, кто работали в условиях свободного рынка. Свидетельством этого является рост основного и запасного капитала и выплата процентов по дивидендам, которые начиная с 1915 г., как правило, демонстрировали устойчивую тенденцию к росту. Исключение здесь составила только винокуренная промышленность.

Кроме дивидендов, правления ряда предприятий практиковали выплату премий служащим и меры поощрения рабочих в виде отчислений в ссудо-сберегательные и вспомогательные кассы. Более того, ряд фирм активно занимались расширением производства. В частности, фирма Нобелей по итогам 1916 г. сообщила о приобретении 10 новых нефтяных участков в Бакинском районе общей площадью примерно 50 десятин. При этом собственная добыча нефти планировалась в районе 65—70 млн. пудов. К декабрю 1916 г. по подписке было распределено более 56 тыс. акций компании[6]. Вырос и биржевой курс Товарищества «Бр. Нобель». Если его официальная котировка в начале войны составляла 827 руб. при номинале 250 руб., то по частным сделкам на 21 июня 1916 г. она достигла 1165 руб., то есть возросла на 338 руб., или на 29%[7]. Кроме того, Товарищество приступило к увеличению своего основного капитала на 15 млн. руб. (с 30 до 45 млн. руб.) путем выпуска дополнительных акций по 250 руб. каждая[8].

Увеличение основного капитала в 1917 г. планировали самые разные акционерно-паевые предприятия, в том числе: фирма К. Фаберже (преобразована в Товарищество в 1916 г.); Акционерное общество «Зерно-сахар»; Товарищество табачной фабрики «Дукат»; Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры «Треугольник» и др.[9]

В декабре 1916 г. Министерство торговли и промышленности совместно с Министерством финансов созвали специальное совещание с участием делегатов Совета съездов представителей промышленности и торговли, Петроградского биржевого комитета и всех крупных акционерных коммерческих банков. На совещании было высказано мнение, что причинами усиления спроса на дивидендные бумаги стал рост доходности предприятий, прежде всего работавших на нужды войны. Отмечалось и в целом расширение производства в связи с ростом рыночного спроса почти на все товары[10].

Однако после февраля 1917 г. ситуация в промышленности резко меняется. В мартовском номере журнала «Промышленность и торговля», официальном органе Совета съездов представителей промышленности и торговли, была опубликована редакционная статья под характерным названием «Ближайшие задачи», в которой

была предпринята попытка оценить сложившуюся в стране ситуацию и сделать экономический прогноз на ближайшую перспективу.

В статье подчеркивалось, что «...капиталистический класс России не только не возражает против широкого социального законодательства в рамках капиталистического строя, но даже намерен всячески поддерживать правительственные начинания в этой области»[11].

Как представляется, данная статья стала своеобразным ответом на бездействие Временного правительства, когда на ряде предприятий явочным порядком вводился восьмичасовой рабочий день, а также формировались рабочие комитеты, которые активно начинали вмешиваться в управление производством.

В последующих номерах журнала высказывается мнение о том, что «...рабочий класс, оказывая давление на государственную власть и на промышленность, пытается создать для себя льготные условия труда, поскольку одновременно с требованием о сокращении рабочего дня до 8-ми часов, им отстаивается повышение заработной платы, доходящее по отдельным предприятиям до 100%»[12].

Все чаще появляются публикации, авторы которых пытаются осмыслить происходившие в экономике страны изменения и сформулировать новую экономическую политику. В том числе: «Ограничение прибылей и будущее нашей промышленности»; «К вопросу об участии рабочих в прибылях и управлении предприятия»; «Возможно ли осуществление социализма?»; «К вопросу о плане экономической политики»; «Задачи текущего момента и положение промышленности» и др.[13]

По мере обострения кризиса особое недовольство предпринимателей вызывает деятельность на предприятиях рабочего контроля, что негативно сказывалось на работе промышленности в целом. В сентябре 1917 г. в Особом совещании по обороне рассматривается вопрос о финансовом положении Путиловского завода («Общество Путиловских заводов»). Выяснилось, что завод не столько работал на оборону, сколько занимался благотворительностью. При этом общая задолженность завода казне превышала 200 млн. руб. Производство на заводе пошло на убыль. Тем не менее число рабочих с 26 тыс. в 1916 г. выросло в 1917 г. до 31 тыс. человек. Правление было лишено возможности препятствовать приему новых рабочих, поскольку этим ведала совершенно самостоятельно рабочая организация. Поэтому лишних рабочих оказалось, по данным Особого совещания, более 11 тыс. человек. Между тем заработная плата выросла в среднем на 10 руб. Ежемесячный расход на фактически неработающих рабочих завода составил 1 млн. 250 тыс. руб. в месяц, или 15 млн. руб. в год[14].

Надо отметить, что заработная плата на акционерно-паевых предприятиях России повышалась и в годы войны. Ее рост был наглядно продемонстрирован в объемном статистическом исследовании, проведенном Московским областным продовольственным комитетом в 1917 г. В исследовании представлен сравнительный анализ состояния заработной платы рабочих в зависимости от групп производств, пола, возраста и местонахождения промышленных заведений за июнь 1914 г. и июнь 1916 г.

Всего было проанализировано 14 основных групп производств. Более всего размер дневного заработка вырос среди взрослых рабочих мужского пола в группе производств, связанных с обработкой металла, производства машин, аппаратов и орудий ремесел. Если в 1914 г. среди этой группы минимальный дневной заработок (менее 1 руб.) получали 13% рабочих, а максимальный (более 5 руб.) — только 1,7%, то в 1916 г. количество рабочих получавших в день до 1 руб. снизилось до 1,7%, а число рабочих получавших от 5 до 9 руб., наоборот, выросло до 23,1%. Кроме того, появи-

лась категория рабочих, которая в 1914 г. вообще отсутствовала, — это те, кто получал более 9 руб. (4,1%) в день[15]. У этой категории месячный заработок из расчета 25 рабочих дней в месяц должен был составить не менее 225 руб.

Максимальные дневные заработки в размере от 6 до 8 руб., которых не было ранее, появились в 1916 г. на предприятиях группы производств: минеральных веществ, обработки животных продуктов, обработки пищевых и вкусовых веществ, механической обработки дерева, химических производств и др. В целом по 14 группам производств количество взрослых рабочих мужского пола, получавших максимальный дневной заработок (от 4-х до 7-ми руб.), к общей численности рабочих в июне 1916 г. по сравнению с июнем 1914 г. выросло с 2% до почти 23%, то есть более чем в 10 раз[16]. Однако необходимо заметить, что показатели средней заработной платы на производстве были более скромными и до февраля 1917 г., как правило, зависели от производительности труда и результатов работы предприятия в целом.

Например, в Акционерном обществе «Перун», которое специализировалось на производстве карбид-кальция для газовой обработки металлов, самую высокую месячную зарплату (за 25 рабочих дней) по данным на июнь 1916 г. получали кузнецы (163 руб.), далее шли токари (112,5 руб.), а самую низкую — ученики (60,4 руб.)[17].

Более высокие зарплаты получали рабочие, которые трудились на военных предприятиях. Так, кузнецы на Петроградском патронном заводе получили зарплату за июнь 1916 г. (за работу практически без выходных) в размере 286,3 руб., а токари — 238,3 руб. Ученики на этом предприятии также получали более высокую оплату, которая достигала 85,2 руб. в месяц. При этом в механических мастерских на Охтенском пороховом заводе средняя зарплата за июнь 1916 г. колебалась в пределах от 119 до 124 руб.[18]

Ситуация с заработной платой после февраля 1917 г. кардинально меняется. В специальной справке, подготовленной на имя Министра торговли и промышленности на основании донесений фабричных инспекторов, Положение на промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, датированной маем 1917 г., были перечислены факты, свидетельствующие о нарастании глобального кризиса в экономике страны.

Так, в донесении старшего фабричного инспектора Херсонской губернии отмечалось, что среди промышленников замечалась растерянность, вследствие сильно повышенных требований рабочих. Эти требования явились результатом все увеличивавшейся дороговизны предметов первой необходимости, а также доминирующей позиции, занятой рабочими.

В донесении старшего фабричного инспектора Тверской губернии отмечалось, что хотя все фабрики и заводы работали, но производительность их уменьшилась до 40% вместо ожидаемого уменьшения на 20%. Это произошло вследствие перехода с 9- и 10-часового рабочего дня на 8-часовой.

В Петроградской губернии по сведениям старшего фабричного инспектора на многих предприятиях Петрограда продолжали замечаться предъявления со стороны рабочих повышенных требований об увеличении заработка. Это происходило, в том числе:

1. На писчебумажной фабрике Российского акционерного общества, на которой рабочие предъявляли новые требования (вторичные с февраля 1917 г.) о повышении заработной платы. При этом результаты работы значительно снизились по сравнению с 1916 г. Если в апреле 1916 г. было выработано 82 тыс. пудов бумаги, то в апреле 1917 г. — только 62 тыс. пудов, а за время с 1 января по 1 мая 1917 г. по сравнению с тем же периодом 1916 г. недоработано 93,6 тыс. пудов бумаги.

2. Переговоры о повышении заработной платы велись на заводе Акционерного общества «Сименс и Гальске».
3. На модельном заводе К. Ирасек рабочие вновь предъявили требования об увеличении заработной платы в размере 73%. Хотя до забастовки дело не дошло, но владелец вынужден был согласиться на прибавку в 50%.
4. На Красносельской фабрике «Акционерного общества Российских паровых красильных фабрик» с числом рабочих 100 человек сразу после февраля 1917 г. заработок был увеличен на 25—50%. Однако позднее рабочие предъявили дополнительное требование гарантии минимального заработка в 5 руб. для мужчин и 4 руб. для женщин. Поскольку Администрация не удовлетворила эти требования, то рабочие с 13 мая объявили забастовку.
5. Такие же требования предъявили рабочие Красильной фабрики Данцигер, на которой работали 160 человек. Они также объявили забастовку.
6. На пороховом заводе Акционерного общества Виннер с 5 по 19 марта динамитный завод вообще не работал, хотя его продукция имела военное предназначение. Причиной остановки стало отсутствие коллодиального хлопка, получаемого с Шлиссельбургского порохового завода, который также не работал, и т.д.[19]

Подобная ситуация по сути устанавливалась повсеместно. Более того имелись случаи прямых конфликтов между владельцами и рабочими на акционерных предприятиях. Так, на чугуно-медно-литейном и металлическом заводе Ракиткина в связи с нареканием на малую интенсивность труда рабочих, а также в связи с тем обстоятельством, что владелец начал принимать на работу солдат, отношения между сторонами обострились. Рабочие обвинили владельца в краже инструментов, и на этом основании его арестовали, и хотя в ходе разбирательства выяснилось, что никакой кражи не было вообще, Ракиткину, тем не менее, было предложено передать завод под управление правительству. В результате владелец был отстранен от управления. Управление предприятием возглавил заводской комитет рабочих[20].

На состоявшемся в начале июня 1917 г. в Москве съезде представителей Акционерного общества компании Зингер был образован Всероссийский союз, объединивший всех трудящихся этой фирмы, а уже 15 июля Союз предъявил фирме ряд требований, направленных на улучшение их материального и правового положения.

В докладной записке «О положении рабочих и монополизации производства и продажи швейных машин» содержалась критика в адрес руководства компании. Отмечалось, что фирма имела в России более 500 магазинов со штатом сборщиков до 5 тыс. человек, конторского персонала в 3 тыс. человек с оборудованными мастерскими для ремонта машин, а также построила в Подольске завод швейных машин, на котором работало еще порядка 3—4 тыс. рабочих. Претензии Союза заключались в том, что на Подольском заводе в основном собирали машины, привезенные из Европы в разобранном виде. Все сложные детали (челноки, механизмы и т.п.) делали в Европе. В России фирма владела лесным участком в 2 тыс. десятин с лесопильным заводом в Костромской губернии, откуда на завод в Подольске доставлялись деревянные части машин. Собственно, этот деревянный каркас, по мнению авторов докладной записки, и являлся тем реальным вкладом фирмы в развитие предприятия в России. А поскольку фирма не имела в России конкурентов, то цены на швейные машины здесь были на 50% выше, чем в других странах. Более того, за годы войны цены на машины Зингер выросли на 300—350%, притом заработная плата рабочих увеличилась только на 100—125%.

Союз направил данную записку Министру торговли и промышленности Временного правительства с требованием национализировать фирму Зингер[21].

Подобные явления по сути становятся массовыми, что углубляет социально-экономический кризис, еще более обостряет ситуацию в экономике страны и активизирует социальные конфликты в обществе. Это, в свою очередь, приводит к новому этапу революции. После прихода к власти большевиков 14 декабря 1917 г. декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета все акционерные и другие коммерческие кредитные учреждения были национализированы и объединены с Государственным банком. Во второй половине декабря 1917 г. Высшим советом народного хозяйства был подготовлен проект декрета (Декрет об экономических преобразованиях), которым, помимо других неотложных мероприятий, предусматривалась национализация акционерных компаний. Однако реализация этих планов начинает проводиться уже в 1918 г.

Призывы представителей крупнейших Всероссийских организаций по торговле и промышленности, высказанные в последних номерах журнала «Промышленность и торговля»: «О необходимости более тесного объединения предпринимателей по отдельным отраслям промышленности»; «Разработке неотложных задач экономической политики, которые необходимо было рассмотреть на Учредительном собрании» и др.[22], оказались уже не актуальными, поскольку время для решения этих проблем было упущено.

1 См.: *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3—16.
2 *Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России, XIX — начало XX века. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2006. С. 165, 171.
3 Биржа и русская промышленность. Пг., 1917. № 1. С. 6—7.
4 Подсчитано по: *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 404.
5 *Барышников М.Н.* Г.И. Бененсон и А.Д. Голицын: деловое партнерство в институциональном контексте российской действительности начала XX века // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7, № 12. С. 38—57.
6 Биржа и русская промышленность: независимый прогрессивный орган. Пг., 1917. № 1. С. 16.
7 *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 479.
8 Биржа. Пг., 1917. № 1/2. С. 7.
9 Биржа и русская промышленность. 1917. № 1. С. 10—16.
10 Там же. С. 493—494.
11 Промышленность и торговля: орган Совета съездов представителей промышленности и торговли. Пг., 1917. № 8/9 (252). С. 187.
12 Там же. № 12/13 (254). С. 241.
13 См.: Там же. № 14/15 (255). С. 265—268, 270—274; № 16/17 (256). С. 312—316; № 18/19 (257). С. 329—332; № 20/21 (258). С. 375—377.
14 Биржа. 1917. № 24. С. 3.
15 Заработки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914 г. и июнь 1916 г.). По материалам, обработанным в б. М-ве торговли и промышленности и в б. М-ве труда под руководством инж. И.М. Козьминых-Ланина / Моск. обл. продовольственный ком. Стат. отдел. М., 1918. Вып. 1. С. VIII—IX.
16 Там же. С. VI—XI.
17 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 16. Д. 218. Л. 36—37.
18 Там же. Л. 14, 21, 30—31.
19 Там же. Оп. 19. Д. 349. Л. 10—18.
20 Там же. Л. 19—20.
21 Там же. Д. 351. Л. 1—16.
22 Промышленность и торговля. 1917. № 42/43 (269), 25 нояб. С. 271—275; № 44/45 (270), 12 дек. С. 387—390.

М.Г. Николаев

Революционные преобразования в банковской сфере в художественных свидетельствах

Революционные преобразования в банковской сфере после Октября 1917 года, помимо документальных, оставили немало мемуарных свидетельств[1], большинство из которых было использовано исследователями[2]. Однако редкие неканонические для советской историографии памятники[3] и до настоящего времени остаются невостребованными[4].

Если корпус письменных источников, отражающих неканоническую версию новейшей отечественной истории, весьма представителен, то счет иконографическим памятникам идет на единицы. Любой новый или малоизвестный источник вызывает закономерный интерес не только у исследователей, но, может быть, раньше всего у музейных сотрудников, которые испытывают острый дефицит в визуальных образах при раскрытии различных тематических сюжетов.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) хранится серия выполненных художником И.А. Владимировым уникальнейших зарисовок, отражающих события революционной эпохи[5]. К собранию рисунков исследователи и журналисты обращались и раньше, но в советское время их привлекали в нем почти исключительно изображения вождя. Только в наши дни все больше и больше внимания обращается на неканонические изображения событий первых послереволюционных лет.

Большинство исследователей, включая авторов двух монографий, посвященных жизни и творчеству И.В. Владимирова[6], рассматривают альбомные рисунки почти исключительно в качестве подготовительных материалов к более поздним живописным произведениям, в то время как этот иконографический комплекс имеет важное самостоятельное значение и требует специального изучения.

Но прежде чем мы коснемся интересующих нас изображений, скажем несколько слов об их авторе.

Иван Алексеевич Владимиров (1869—1947) — один из старейших советских живописцев, заслуженный деятель искусств РСФСР. В советское время специалистам известен больше как автор картин на историко-революционные темы. Окончил в 1897 г. Петербургскую Академию художеств, специализировался на батальной живописи.

Одной из примечательных особенностей склада личности и творческой манеры И.А.Владимирова было постоянное стремление находиться с блокнотом в руках в гуще событий, которыми так изобиловало начало XX столетия: войны, революции, восстания. Рисунки художника публикуются в журналах «Огонек», «Нива», «Новый мир», “Graphic” и газете “The Daily Graphic”.

Только за один 1915 г. журнал «Нива» опубликовал 52 рисунка И.А. Владимирова, а 23 августа того же года в залах Императорского общества поощрения художеств открылась выставка, состоящая из 125 его работ[7].

События Февраля и Октября 1917 года также нашли отражение в зарисовках. Поступив в мартовские дни 1917 г. в ряды городской милиции, И.А. Владимиров нес службу не только с винтовкой, но и с блокнотом в руках, куда и заносил многое из увиденного. Другая часть рисунков создавалась чуть позже — по свежим впечатлениям. В ряде случаев сюжеты брались из рассказов очевидцев (о чем иногда свидетельствуют подписи к рисункам[8]). Сделанные наброски позже послужили художнику материалом для живописных полотен.

Из всей коллекции рисунков послеоктябрьского периода нам интересны прежде всего два. Оба имеют авторские подписи. Первый — «Реквизиция процентных бумаг из банков (Вавельберга)», второй — «Сцена в банке Вавельберга в ноябре 1919 году»[9].

События, изображенные художником, связаны с декретом ВЦИК 14 декабря 1917 г. «О национализации банков», объявлявшем банковское дело государственной монополией. Согласно декрету, частные акционерные банки и банкирские конторы объединялись с Государственным банком.

В числе других под действие декрета подпадал и Петроградский торговый банк или, как его чаще называли, «банк Вавельберга».

Банкирский дом «Бр. Вавельберг» был основан в 1848 г. в Варшаве Генрихом Вавельбергом (1813—1891). Сын Генриха — И.Г. Вавельберг (1843—1901) в 1869 г. переехал в Петербург, где им было открыто отделение банкирского дома. В 1886 г. петербургское отделение было оформлено как торговый дом (полное товарищество) «Г. Вавельберг». После смерти И.Г. Вавельберга дело возглавил его сын Михаил-Сигизмунд Ипполитович Вавельберг (1880 — после 1929). В 1915 г. в разгар антинемецкой кампании деятельность банка была признана «вредной», и он был лишен кредита в Государственном банке. Есть свидетельство о том, что вскоре после Октябрьских событий 1917 года владельцы банка предпринимали попытки его продажи. Не желая испытывать судьбу, М.И. Вавельберг эмигрировал в Польшу, а в 1924—1926 гг. проживал в Париже[10].

Накануне революционных событий Банк располагал тремя отделениями (в Петрограде, Москве и Харькове)[11]. Главная контора находилась на Невском проспекте, д. 7/9.

В 1910 г. М.И. Вавельберг купил участок на углу Невского проспекта и Малой Морской улицы, на котором и было по проекту М.М. Перетятковича построено новое здание, в котором архитектор использовал мотивы, характерные для дворца Дожей в Венеции и палаццо Медичи во Флоренции. У петербуржцев здание было известно, как «Дом Вавельберга»[12].

В 1913 г. Россию посетила делегация Банка Франции, которая подготовила обстоятельный отчет, с подробными техническими характеристиками не только помещений, занимаемых учреждениями Государственного банка, но и некоторыми частными акционерными банками.

О «Доме Вавельберга» в отчете сообщается: «В этом здании банкирский дом занимает лишь небольшую площадь. Оба этажа и подвал, выделенные банку, очень хорошо обустроены. Весь первый этаж занимает просторный зал для работы с клиентами, к которому ведет красивая лестница, поднимающаяся от кругового вестибюля. С каждой стороны расположены небольшие лестницы, ведущие на второй этаж, где находятся бухгалтерия и кабинеты руководства банка — самые роскошные из тех, которые мы увидели в Санкт-Петербурге.

Между тем это банкирское заведение относится ко второй категории банков. ... Оно не представляет большого интереса, если не считать некоторых примененных

здесь строительных новшеств (в частности, при сооружении кладовых с сейфами, а также в инженерном оборудовании), которые заслуживают внимания. ...

Кладовые с сейфами оборудованы в подвале, который не сообщается с остальными помещениями банка. К кладовым ведет лестница, начинающаяся от вестибюля у входа в банк. Эти кладовые находятся ниже уровня воды. Они построены полностью из железобетона; при их сооружении впервые в Санкт-Петербурге был применен новый метод гидроизоляции. А именно, между двумя слоями бетона (внешним толщиной 20 см и внутренним толщиной 60 см) был проложен специальный гидроизолятор...».

Общий вывод: «...При строительстве этого небольшого банкирского заведения архитектору господину Перетятковичу удалось реализовать проект, предусматривающий комфорт и удобство»[13].

На рисунке «Реквизиция процентных бумаг...» (далее — рис. № 1) изображена сцена выноса коробок из банковской кладовой. Фигура в солдатской униформе с грузом в руках выходит из дверного проема. Рядом — группа в гражданском из трех человек. У сидящего напротив двери вооруженного матроса с цигаркой во рту лежит в ногах коробка. Рисунок датирован рукой художника ноябрем 1919 г. Очевидно, что и второй — «Сцена в банке...» (далее — рис. № 2) — близок к первому по времени создания. Однако авторская датировка не может считаться надежной. И вот почему.

Рисунки, отражающие события Февраля 1917 года, помещены в один альбом, период после Октября 1917 года — отражен в двух других альбомах. Вызывает большие сомнения в том, что автор заполнял альбомы набросками, руководствуясь периодизацией новейшей российской истории в том виде, в каком она сложилась в советскую эпоху. Можно предположить, что альбомы с рисунками, поступившими на хранение в ОР РНБ, были сброшюрованы позже.

В двух «послеоктябрьских» альбомах собраны наброски разной степени завершенности, как правило, снабженные авторской подписью, пояснениями и датировкой. В некоторых случаях тексты плохо поддаются прочтению в полном объеме. Первый альбом[14] начинается с зарисовки событий 25 октября 1917 г. и оканчивается зарисовками, датируемыми 13 марта 1920 г. При этом хронологическая последовательность в датировке рисунков неоднократно нарушается, имеются большие временные перерывы[15] .

Наброски, помещенные во втором альбоме[16], также снабжены датировкой. И в этом случае строгая хронологическая последовательность не соблюдается[17].

Нельзя не обратить внимание и на подписи к обоим рисункам, которые выполнены по правилам дореформенной орфографии, сохранение которой весьма сомнительно для ноября 1919 г. Это обстоятельство еще больше запутывает картину.

Важную роль играют известные нам детали биографии И.А. Владимирова, которые усиливают сомнения в точности проставленной на листе даты.

Вот что писал сам художник незадолго до своей кончины в автобиографии, датированной 29 июля 1946 г.: «В первых числах марта поступил простым милиционером в городскую милицию... Сделавшись законным милиционером, я исполнял все поручения и наряды... Во время моей милицейской службы (1 год и 4 месяца) я всегда имел с собой альбомчик и свободно зарисовывал все, что интересовало меня. Придя домой, я дополнял по свежему впечатлению неясные штрихи в зарисовках и даже иногда закрашивал их акварелью и, таким образом, собрал богатейший документальный материал для будущих картин...»[18].

Таким образом, на службе в городской милиции И.А. Владимиров находился до июня — июля 1918 г. Наиболее вероятно, что первоначальные наброски, относящиеся к событиям, наблюдать которые могли только лица, выполняющие соответствующие обязанности, были сделаны художником не позднее времени расставания с милицейской повязкой.

Другой, более надежный в нашем случае источник для датировки набросков — хроника событий, связанная с осуществлением мероприятий Советской власти в банковской сфере.

Декреты ВЦИК о «Национализации частных банков» и «О ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках» были приняты ВЦИК 14 декабря 1917 г.

Из всех кредитных учреждений Петрограда стальные ящики имелись только в 12 банках и 5 обществах взаимного кредита. Всего в них находилось свыше 35 тыс. стальных ящиков[19].

23 декабря 1917 г. началась ревизия в первых пяти банках (Московский купеческий, Московский промышленный, Международный, Сибирский торговый, Русский торгово-промышленный). 28 декабря за дело взялись в Волжско-камском коммерческом и Петроградском учетном и ссудном банках. 30 декабря — в Петроградском частном коммерческом, а с 7 января 1918 г. — в Русско-Азиатском.

Ревизия сейфов в Петроградском торговом банке, количество которых на 1917 г. составляло в его главном здании 1400 штук[20], началась 18 февраля 1918 г.[21] Это число и определяет нижний предел в датировке по меньшей мере одного из рисунков (№ 1). 15 апреля 1920 г. был подписан декрет СНК, который подвел итог операции. Декрет предписывал не только прекратить выдачу ценностей владельцам из бывших ссудных казн и сейфов упраздненного Народного банка, объявляя их собственностью государства, но также прекратить и прием ходатайств о выдаче этих ценностей[22]. Следовательно, дату 15 апреля 1920 г. можно смело считать верхней планкой для датировки рисунков.

В начале октября 1918 г. работа с владельцами ячеек еще продолжалась, растягиваясь иногда на несколько этапов. По крайней мере так обстояло дело в Москве[23].

Обратимся к рисунку № 2. На нем мы видим несколько фигур, занимающихся извлечением и разбором предметов из сейфовского ящика. В правом углу фигуры рабочих, вскрывающих ячейки. У одного из них в руках ручная дрель, другой придерживает кувалду на длинной рукоятке.

Согласно А.М. Гиндину, ревизии первоначально проходили с интервалами в 3—4 дня, а с 24 января — ежедневно (в каждом банке — через день). Быстрее других ревизия была закончена в Сибирском торговом банке — 20 января, а 16 февраля там начали вскрывать ячейки неявившихся владельцев. «Однако это встретило большие трудности, — пишет автор, — и вскрытие пришлось временно приостановить. Взламывание стальных дверей оказалось по тому времени сложным делом. Система замков в каждом банке была другая. Вскрытие одного ящика занимало при отсутствии необходимых приспособлений много времени. Только к началу марта удалось найти на заводах несколько опытных мастеров, которые с помощью особых сверл, приводимых в движение электрическим током, пробивали дверцы ящиков в том месте, где находились засовы замков, после чего дверцы свободно открывались»[24]. Исследователь приводит следующие даты начала работ по вскрытию сейфовских ящиков в банках: с 1 марта — в Русско-Азиатском, Петроградском учетном и ссудном, Московском купеческом, Петроградском частном коммерческом, 5 марта — в Азовско-Донском коммерческом и Лионском кредите, 8 марта — в Московском промыш-

ленном (б. И.В. Юнкер и К°), 12 марта — в Сибирском торговом, в двух обществах взаимного кредита[25]. «Банка Вавельберга» в этом списке нет, но временной разброс — не очень значителен (1—12 марта).

Это дает нам основание (с известной долей осторожности) поднять нижнюю границу в датировке рисунка № 2, доведя ее до 1 марта 1918 г.

Теперь необходимо вернуться к первому рисунку. По декрету СНК «О прекращении платежей по купонам и дивидендам» от 29 декабря 1917 г. все сделки с ними воспрещались[26].

Согласно декрету ВЦИК от 21 января 1918 г. «Об аннулировании государственных займов» были аннулированы государственные и иностранные займы. При общем руководстве ВСНХ Государственному банку было вменено в обязанность «немедленно приступить к регистрации всех имеющихся в руках различных владельцев облигаций государственных займов, а также других процентных бумаг, как подлежащих, так и не подлежащих аннулированию».

А 23 января 1918 г. по декрету СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» эти капиталы (основные, резервные и специальные) передавались Народному банку Российской Республики «на основах полной конфискации», аннулировались и все банковские акции, при этом выплата дивидендов по ним прекращалась. Любые сделки и передачи акций запрещались, совершавшие же их лица подлежали тюремному заключению сроком до 3 лет.

Эти законодательные акты были приняты еще до начала ревизии сейфовских ячеек в банке Вавельберга (18 февраля 1918 г.). Меньше чем через месяц Постановление ВСНХ «О правилах применения декрета об аннулировании государственных займов», опубликованное 7 марта 1918 г., разъяснило права держателей аннулированных государственных займов, акций и иных ценных бумаг. Однако 26 октября 1918 г. потребовалось издание Постановления СНК «Об аннулированных государственных процентных бумагах», которое затронуло прежде всего судьбу аннулированных процентных бумаг, находившихся в банках, казначействах и сберегательных кассах.

Однако эти последующие после 18 февраля 1918 г. законодательные акты не помогают нам в попытках установить датировку рисунка № 1. Мы можем предполагать, что события, запечатленные художником, могли иметь место уже начиная с 23 января 1918 г. еще до начала ревизии сейфов. Более чем вероятно, что эти бумаги составляли собственность банка, были отданы ему в управление или находились в качестве обеспечения, залога и проч. С ценными бумагами, находившимися на хранение в ячейках, согласно А.М. Гиндину, на начальном этапе ревизии поступали по-другому. Поскольку в тексте декрета от 14 декабря 1917 г. о них ничего не говорилось, бумаги только переписывали и оставляли на хранение в тех же ящиках[27].

Позднее И.А. Владимиров на основе своих ранних зарисовок пишет акварель: «Реквизиция сейфов. Декабрь 1917 г.», которая поступает в Центральный музей революции (ныне — Государственный центральный музей современной истории России). Н.И. Баторевич при составлении перечня работ художника отнесла эту работу к 1917 г., очевидно, по причине того, что эта дата фигурирует в авторском названии[28]. (Заметим, что в соответствии с проставленной датой художник и «одел» банковских визитеров по-зимнему.)

В связи с ремонтом в помещении музейных хранилищ познакомиться с акварелью не удалось. Согласно записи в главной инвентарной книге музея, работа была куплена у автора за 50 рублей 4 ноября 1927 г. Там же говорится, что она сделана по

зарисовке в «Банке Вавельберга». Более чем вероятно, что акварель была написана к 10-летию Октябрьской революции по заказу или в расчете на вполне прогнозируемый спрос со стороны музейных организаций.

Эта более поздняя работа позволяет понять, как И.А. Владимиров художественно обобщил те впечатления, которые когда-то зафиксировал в двух карандашных набросках.

В них автор почти никак не проявляет своего отношения к происходящему. В рисунке № 1 лишь в фигуре сидящего матроса с «цыгаркой» угадывается антипатия.

В сцене, изображенной художником на акварельном рисунке «Реквизиция сейфов...» (правильнее было бы квалифицировать происходящее как «конфискация ценностей из сейфов»), мы видим три мужские фигуры, которые занимаются перекладыванием содержимого сейфовской ячейки в сумку (плетеный короб), рядом — вооруженный солдат, справа от него — группа владельцев ячейки. Если двое из них (очевидно, семейная пара) ведут себя выдержанно, то третья фигура (женщины) изображена с платком, поднесенным к лицу, что явно свидетельствует о переживаемом потрясении. Автор, пытаясь остаться нейтральным к изображаемым событиям, все же не находит возможным представить происходящую сцену совсем лишенной драматизма.

Рисунок И.А. Владимирова может служить хорошей иллюстрацией к одному из фрагментов воспоминаний М.Я. Лазерсона:

«При открытии сейфов и конфискации их содержимого, производившимися в Петербурге, весною 1918 г., в присутствии владельцев сейфов, нередко разыгрывались и драматические сцены.

Большая часть владельцев хладнокровно являлась со своими ключами, спокойно давала возможность открывать сейфы и покорно взирала на конфискацию своего имущества. Некоторые не произносили при этом ни слова, другие волновались и старались доказать чиновникам, что тот или иной предмет не подлежит конфискации, третьи со слезами на глазах пытались уверить чиновников в том, что находящиеся в сейфе драгоценные вещи представляют все их состояние и что без них они обречены на голод»[29].

«У дам случалось видеть слезы, когда им не выдавали безделушки, хранившиеся в сейфах, — вспоминает другой мемуарист. — Бывали и мольбы, доходящие до унижения»[30].

Приведенные письменные свидетельства позволяют оценить высокую степень исторической достоверности, переданной в акварельном рисунке сцены, которая, как легко можно убедиться, не копирует ни одну из сохранившихся первоначальных зарисовок. Если автор легко жертвует «документальностью» в изображении деталей интерьера банковских кладовых, присутствующих персонажей (вместо угадывающейся в карандашном рисунке толпы — в акварельном варианте — настороженная фигура ожидающего своей очереди владельца ячейки), то переданный драматизм ситуации, достаточно типичной для проводимой процедуры, позволяет говорить о том, что художественное обобщение не противоречит правде жизни.

Касательно рисунков нужно в заключение сказать следующее: у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что наброски сделаны автором в процессе непосредственного наблюдения за развертывающимися у него на глазах событиями или сразу по свежим впечатлениям. Вероятнее всего, что они происходили и были зафиксированы художником не позднее июня — июля 1918 г., когда он исполнял обязанности городского милиционера и мог привлекаться для обеспечения соответствующих ме-

роприятий новой власти. В поисках нижней хронологической границы следует принять во внимание следующее обстоятельство. Рисунок № 1 предположительно может быть датирован периодом не ранее 23 января 1918 г. (принятие декрета СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков»), рисунок № 2 — не ранее 18 февраля 1918 г. и с меньшей вероятностью — не ранее 1 марта 1918 г. (начало вскрытия сейфов неявившихся владельцев в петроградских банках). Но если в вопросах датировки рисунков сомнения еще остаются, то они полностью отсутствуют при решении вопроса об их исторической и музейной ценности как уникального, не имеющего аналогов иконографического свидетельства революционных преобразований в банковской сфере, происшедших в России после Октября 1917 года.

1 *Осинский Н. (Оболенский В.В.).* Как мы овладели Государственным банком // Экономическая жизнь. 1918. 6 нояб. (№ 1); События в Государственном банке в дни октябрьской революции / Д. Ткаченко, Т. Шидловская, Н. Лебедев, П. Ральцевич, Г. Шидловский // Красная летопись. 1923. № 6; *Хохряков Ал. (Боннар С.).* Из жизни петроградского гарнизона в 1917 г.: (по воспоминаниям) // Там же. 1926. № 2 (17). С. 29—50; *Соловей Е.М.* О работе рождественского райкома партии в Петрограде в 1917 г. // Исторический архив. 1957. № 1; *Спундэ Александр.* Товарищ главного комиссара // Вечерняя Пермь. 1972. 27—31 июля (№ 174—177); *Пестковский С.С.* Об октябрьских днях в Питере // Утро страны Советов: воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде, 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 10 марта 1918 г. Л., 1988. С. 155—162; *Горбунов Н.П.* Как создавался в октябрьские дни рабочий аппарат Совета народных комиссаров // Там же. С. 146—154; *Ганецкий Я.С.* Ленин и национализация частных банков // Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 3. С. 147—148; и др.

2 *Гиндин А.М.* : 1) Как большевики овладели Государственным банком: (факты и документы октябрьских дней в Петрограде). М., 1961 ; 2) Как большевики национализировали частные банки: (факты и документы послеоктябрьских дней в Петрограде). М., 1962.

3 *Евгеньев С.Е.* Строители земного рая: (из недавнего прошлого) // Архив русской революции: в 22 т. М., 1993. Т. 19—20; Русская революция глазами петроградского чиновника: дневник, 1917—1918 гг. Осло, 1986.

4 См.: История Банка России, 1860—2010: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 10—46.

5 *Николаев М.Г.* Беседа В.И. Ленина с Н.Н. Кутлером: реальность или художественный вымысел: (к атрибуции акварельного рисунка художника И.А. Владимирова) // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999. С. 92—117. (Труды / ГИМ; вып. 110).

6 *Рощин А.И.* Иван Алексеевич Владимиров: жизнь и творчество, 1869—1947. Л., 1974; *Баторевич Н.И.* «Всю жизнь я служил России»: жизнь и творчество художника И.А. Владимирова. СПб., 2013.

7 *Баторевич Н.И.* Указ. соч. С. 140—141.

8 ОР РНБ. Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 62 об.; Ед. хр. 9. Л. 9; и др.

9 Там же. Ед. хр. 9. Л. 25, 43. Впервые об этих двух рисунках (без воспроизведения) упомянула внучка художника Н.И. Баторевич. См.: *Баторевич Н.И.* Указ. соч. С. 170. Подборка акварельных рисунков автора выложена в сети Интернет: URL: http://elena-sem.livejournal.com/2113904.html

10 *Арефьева М.И., Лизунов П.В.* Вавельберги (Wawelberg) // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. М., 2008. Т. 1. С. 327—328; *Финкельштейн К.* Михаил Ипполитович Вавельберг (1880 — после 1929), банкир, предприниматель. URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NGU_Vavelberg.htm

11 Русские банки в 1917 году: справочные сведения о банках с перечнем кредитных учреждений по городам и селениям России. Пг., 1918. С. 36.

12 Подробнее см.: *Лисаевич И.И.* На крыльях Меркурия: из истории торгово-банк. жизни Петербурга: здания и люди. СПб., 2004. С. 64—66.

13 Государственный банк в 1913 году: французский взгляд. М., 2015. С. 146—148.

14 ОР РНБ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 8.

15 Так, после зарисовки сцен вооруженного восстания в Петрограде и разгрома выступления юнкеров Владимирского училища следует рисунок, изображающий сцену уборки казарм с датировкой — 5 октября 1918 г. (Там же. Л. 13). После следующего, близкого по тематике рисунка новый датируется уже 1919 г. (Там же. Л. 14). Нередко рисунки с датировкой марта, июля или августа 1919 г. соседствуют с такими, на которых проставлена дата — октябрь 1919 г. (Там же. Л. 28 об.—41).

16 Там же. Д. 9.

17 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. С. 252—253.

18 Научно-библиографический архив Российской академии художеств (НБА РАХ). Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 4—5.

[19] *Гиндин А.М.* Как большевики национализировали частные банки. С. 74.
[20] Русские банки в 1917 году. С. 36.
[21] *Гиндин А.М.* Как большевики национализировали частные банки. С. 76.
[22] Известия ВЦИК. 1920. 17 апр. (№ 81).
[23] *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 184—185.
[24] *Гиндин А.М.* Как большевики национализировали частные банки. С. 78.
[25] Там же. С. 77.
[26] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 197.
[27] *Гиндин А.М.* Как большевики национализировали частные банки. С. 75—76.
[28] *Баторевич Н.И.* Указ. соч. С. 356.
[29] *Ларсонс (Лазерсон) М.Я.* В советском лабиринте: эпизоды и силуэты. Париж, 1932. С. 48—54. В своих воспоминаниях автор отводит целую главу для пересказа одной из драматических историй, которая закончилась самоубийством держателя сейфовской ячейки (Там же. С. 55—62).
[30] *Аничков В.П.* Екатеринбург — Владивосток (1917—1922). М., 1998. С. 80.

Раздел 3
Политический кризис и трансформация властных институтов

В.Я. Гросул

Осенне-зимний кризис 1916 г.

В этой нашей работе мы остановимся на событиях, которые непосредственно предшествовали 1917-му году и которые в литературе уже давно характеризовались как общенациональный политический кризис осени 1916 г.[1], довольно хорошо изученный в отечественной литературе[2]. Собственно, первый звонок прозвучал еще в 1915 г. Действительно, уже тогда в результате военных поражений Россия лишилась 15 экономически развитых западных губерний, в которых проживало 23 млн. человек, то есть 13% населения империи[3]. Это более половины населения тогдашней Франции и превышало население средней европейской страны. И дело не только в потере этих губерний, дело также в том, что их богатствами стала пользоваться противная сторона. Германия и Австро-Венгрия в этом плане только усилились, тогда как Россия заметно ослабела. Только в Варшавском округе, занятом неприятелем, насчитывалось 4189 предприятий с 353,4 тыс. рабочих[4].

Летом 1916 г. в результате наступления Юго-Западного фронта, известного также как Брусиловский прорыв, русской армии удалось добиться заметных успехов. В обществе стал заметен оптимизм, но продолжалось это недолго. Западному и Северному фронтам не удалось добиться успеха, и вскоре настроения в обществе становились все более мрачными. По данным видного военного эксперта, в будущем эмигранта, генерала Н.Н. Головина, потери 1916 г. составляли более 2 млн. убитых и раненых и 344 тыс. пленных. Он даже назвал один из разделов своей книги по Первой мировой войне — «Надлом духа в стране»[5]. «Надлом духа» был одной из характерных черт разразившегося масштабного кризиса. Об этом надломе сохранилось значительное количество материалов, самого различного характера. Они хорошо прослеживаются уже со второй половины 1916 г. и особенно с начала октября 1916 г.

Уже 15 (28) августа 1916 г. один из лидеров октябристов — А.И. Гучков, позиции которого во время Первой мировой войны заметно укрепились, поскольку с 1915 г. он возглавлял Центральный военно-промышленный комитет, направил примечательное письмо генералу В.М. Алексееву, начальнику штаба Ставки. Там он прямо писал: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню». И далее он обрушивается на председателя правительства Штюрмера, у которого репутация если не готового предателя, то готового предать, и на некоторых членов правительства, отвечавших за развитие промышленности, транспорта, сельского хозяйства и продовольствия. Гучков предсказывал, что «при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать». Он также не видел радужных перспектив и после окончания войны, во всем обвиняя тогдашнюю власть[6]. И это письмо было написано еще летом 1916 г., когда вся страна узнала о блестящих результатах брусиловского прорыва. С осени грустные настроения охватывают значительные общественные круги.

В октябре того же года подобного рода тревожные письма стали характерными. Так, 4 октября депутат IV Государственной думы В.В. Лашкевич писал из Петрограда: «Положение грознее грозного. Сейчас у нас нет хлеба, нет так называемых видимых запасов его... Сердце щемит. Общее положение грозит катастрофой в недалеком будущем»[7]. На следующий день, 5 октября князь Г.Н. Трубецкой, опытный дипломат, сообщал из Москвы в Кисловодск бывшему министру иностранных дел С.Д. Сазонову: «Одно не-

сомненно — это общее недовольство, которое настолько велико, что стирает границы партий и дошло до острого напряжения... Все это, а главное — обостряющаяся продовольственная неурядица сгущает грозовые тучи. Избави Боже нас от потрясений»[8].

Жандармский генерал А. Спиридович подчеркивал: «В начале 1917 года, в силу целого ряда предшествовавших обстоятельств различных категорий, разнообразного характера и разного значения... настроение всех слоев населения обеих столиц России было до крайности нервозно — взвинченное и беспокойное»[9]. Спиридович, таким образом, пишет о предшествовавших обстоятельствах различного характера. В современной литературе неоднократно отмечалось, что «в царской России рухнула вначале не армия, а тыл»[10]. Уже в 1914 г. война дезорганизовала товарооборот, нарушила работу железных дорог, сократила импорт в Россию промышленного сырья и машин, сотни тысяч рабочих ушли в армию[11]. Как подчеркивал А.Л. Сидоров, начиная с конца 1916 г. хозяйственные трудности настолько обострились, что «промышленность оказалась не только не в состоянии справиться с обеспечением потребностей гражданского населения, но не снабжала и фронта»[12]. В этом же году недостаток металла стал подрывать военную промышленность. Что касается текстильной промышленности, то ее участие в поставках казне поднялось с 25% продукции в первый год войны до 85% в начале 1917 г.[13] Текстильная промышленность, таким образом, также в основном работала на армию, создавая трудности для гражданского населения. Кризис затронул шерстяную и кожевенную отрасли.

Хорошо известна статистика о закрывшихся и открывшихся предприятий с 1913 по 1917 г. Если в 1913 г. прекратили свою деятельность 21 предприятие, в 1914 г. — 356, а в 1915 г. — 573, то в 1916 г. таких предприятий было 298. Что касается вновь открытых предприятий, то в 1913 г. таковых было 31, в 1914 г. — 215, 1915 г. — 187, а в 1916 г. — 276[14]. Вообще современные исследователи считают, что в конце 1916 г. экономика страны достигла предела мобилизации производственных мощностей и накапливание кризисных явлений в российской экономике во многом стало причиной политического кризиса в России[15]. Эти проблемы просматриваются в разных областях экономики, в том числе и на транспорте, прежде всего железнодорожном. Еще накануне войны были отмечены недостатки русских железных дорог. С точки зрения интересов армии они заключались в недостаточной пропускной способности, что заметно тормозило массовую мобилизацию. Вообще железнодорожный транспорт перед войной не справлялся с ростом перевозок. С началом войны и проведением мобилизации произошло резкое сокращение перевозок коммерческих грузов, сразу повлиявшее на всю хозяйственную жизнь страны. Следствием стал рост дороговизны и развитие спекуляции.

Проблемы на железнодорожном транспорте усилились во второй половине 1914 г., то есть сразу после начала войны, и затем ситуация ухудшилась в январе — феврале 1915 г. Стал ощущаться недостаток вагонов и паровозов. Массовая эвакуация привела к острому кризису осенью 1915 г. и зимой 1915/1916 г. на дорогах тыла. Несмотря на строительство новых путей, поставки новых паровозов и вагонов ситуация на железнодорожном транспорте продолжала оставаться сложной. В 1916 г. резко снизилось поступление вагонов и паровозов, свидетельствуя, по словам А.Л. Сидорова, «об ухудшении общей экономической конъюнктуры в стране»[16]. Если на 31 декабря 1915 г. имелось 20,7 тыс. паровозов всех видов и около 576 тыс. вагонов, то на 31 декабря 1916 г. было соответственно 16,8 тыс. паровозов и немногим более 463 тыс. вагонов, следовательно, количество и паровозов, и вагонов за год сократилось на 20%[17]. На транспорте начиналась самая настоящая разруха, отражая общее положение всего хозяйства страны. Все более ощущалась нехватка паровозов, ваго-

нов, рельсов, все больше сокращалось количество железнодорожных станций, закрытых для приема грузов, что привело к заметному понижению производительности железных дорог. Особенно со второй половины 1916 г. отмечается помесячное сокращение перевозок, появление недогруза угля и дров, ухудшение ремонта состава, путей, при все большем скоплении на железнодорожных станциях залежей грузов. Подробно разобрав ситуацию на железнодорожном транспорте, А.Л. Сидоров пришел к следующему выводу: «Кризис железных дорог в царской России являлся не только дискредитацией методов управления государственной машины помещичьего правительства, но и предвестником общего краха капиталистического хозяйства»[18]. Проблемы железных дорог вызвали и серьезный топливный кризис. С осени 1916 г. усиливается недогруз топлива. В августе этого года он составлял 27%, в сентябре повысился до 32%, а в октябре достиг 37,4%. Особенно топливный кризис обострился в Москве и Петрограде. Недостаточной была заготовка дров, истощились запасы угля и нефти, притом потребности в них колоссально возросли[19].

Особый разговор о ситуации в сельском хозяйстве — главном занятии большинства населения страны. Постоянные мобилизации, прежде всего, резко сократили численность трудоспособного населения деревни. По 50 губерниям и областям страны призванные в армию составили 47,4% всего трудоспособного мужского населения в сельской местности[20]. С каждым годом войны число семейств без работников все более и более возрастало. Несмотря на широкое использование в сельском хозяйстве труда военнопленных, численность которых к осени 1916 г. превысила 1 млн. 100 тыс. человек, восполнить недостаток рабочих рук никак не удавалось. Резко сократилось также поступление сельскохозяйственной техники, значительная часть которой ввозилась из-за рубежа. В самой же России ее производство во время войны сократилось в два раза по сравнению с 1913 г. Нехватало даже простых кос, значительная часть которых до войны ввозилась из Австро-Венгрии.

Деградация сельского хозяйства во время войны просматривается по всем основным показателям. Это и сокращение рабочего скота, и значительное уменьшение вносимых удобрений, и значительное сокращение посевных площадей, и падение урожайности, и, конечно, катастрофические падение экспорта хлебов. В 1914—1916 гг. экспорт зерна в среднем составлял 26 млн. пудов, тогда как до войны он равнялся 665 млн. пудов[21], почти в 26 раз больше. В крестьянских хозяйствах посевная площадь под зерновыми и бобовыми культурами сократилась с 1914 по 1916 г. с 77,30 млн. десятин до 62,28 млн., что составило сокращение на 11,7%, в то время как у помещиков посевы сократились в это время с 8,41 до 6,63 млн. десятин, то есть на 22,3%[22]. По данным А.М. Анфимова, автора специальной книги о положении российской деревни во время Первой мировой войны, валовой сбор зерна в 1916 г. сократился по сравнению с 1913 г. на 27,2%, тогда как товарность хлебов уменьшилась на 32,6%[23]. Недостаток продовольствия, возрастание цен на продукты питания были характерны для всего периода войны. Ситуация в этом плане ухудшалась с каждым годом. Только в 1915 г. цена на хлеб подскочила в четыре раза[24]. А в городе Саратове за период с 1915 по 1917 г. цены по ряду товаров увеличились в 2—22 раза[25].

В 1916 г. продовольственные волнения принимают общероссийский характер, охватив буквально всю страну. Во время продовольственного кризиса 1916 г. в правительственных кругах даже появились планы назначения продовольственного диктатора, который бы руководил всеми вопросами продовольствия армии и тыла[26]. Действительно, осенью 1916 г. заготовка хлеба заметно ухудшилась. В конце года ситуация еще более обострилась и вывести страну из этого кризиса уже не удастся. По

мнению специалистов, поскольку экспорт хлебов во время войны существенно сократился[27], запасов продовольствия в России все-таки было достаточно, но расстройство транспортной системы затрудняло доставку уже заготовленного хлеба в районы потребления. Введение же принудительных поставок привело к массовому сокрытию крестьянами своих хлебных запасов. Они стремились реализовывать их по свободным ценам[28]. Но параллельно шел процесс деградации внутреннего рынка.

Одним из элементов кризиса стала работа мельниц. Обследование мукомольной промышленности в декабре 1916 г. привело к заключению о довольно печальном положении русского мукомолья. Реальный перемол за этот месяц сократился до 43% обычного месячного перемола по пшенице и 22% — по ржи. По сравнению с ноябрем перемол сократился на 16,4%[29]. В этих условиях возникла идея продразверстки, в результате чего каждая губерния получила соответствующие цифры поставок хлеба. Причем касалось это не только губерний, имевших излишки хлеба, но и таких губерний, которые нуждались в их поставках. Заготовками зерна занимались специальные уполномоченные, но результаты этой разверстки были более чем скромными. Голод охватил не только города, но и армию. Петроград в ноябре 1916 г. вместо 3050 тыс. пудов хлебных продуктов получил всего 465 тыс. пудов, или 15%, а в декабре вместо 3740 тыс. пудов — только 524 тыс., то есть 14%[30]. Не лучше обстояло дело и в Москве.

Неурядицы охватили и другие стороны экономической жизни страны. Прежде всего они затронули фондовый рынок. Паника охватила биржи уже в июле 1914 г. Сразу же возникло расстройство кредита в Петербурге и Москве, внезапно и весьма значительно вздорожала иностранная валюта[31]. 19 июля было решено приостановить работу Петербургской биржи. За ней приостанавливают работу и другие биржи страны, так же, как закрылись биржи в зарубежных странах. Но со второй половины сентября в Петрограде начала работать неофициальная фондовая биржа. В 1915 г. ситуация на биржах немного улучшилась, а затем и несколько стабилизировалась. Вообще, многие предприятия получили заметную прибыль и могли дать неплохие дивиденды, а на денежном рынке появился избыток свободных средств, по данным специалистов, довольно значительных[32]. В 1916 г. Министерство финансов даже пришло к заключению о возможности открыть фондовую биржу, поскольку фондовый рынок достаточно окреп. Действительно, торжественное открытие Петроградской фондовой биржи состоялось 24 января 1917 г.[33] И это при том, что из обращения прежде всего исчезли золотые монеты, затем серебряные, а потом и медные деньги. Произошла их замена бумажными деньгами и в народном хозяйстве возник дефицит денежной наличности[34]. Для укрепления финансового положения страны прибегли к новым налогам, как косвенным, например, на сахар, табак, спички, керосин, так и прямым, а также к внутренним займам. Было решено отказаться от продажи водки, что имело больше негативных последствий, нежели положительных. С увеличением денежной массы постоянно падал курс рубля. В 1915 г. его официальный курс снизился до 80 коп., а к концу 1916 г. до 60 коп. Реальная же покупательная способность рубля к 1917 г. упала вчетверо, до 27 коп. к довоенному уровню[35].

Современные исследователи подчеркивают, что экономический фактор нельзя считать достаточным для объяснения причин, почему именно Россия первой из стран Европы вошла в революцию уже во время войны. Но они же рассматривают экономический фактор как весьма важный в нарастании социального конфликта в России, как до Февральской революции, так и особенно при Временном правительстве. Они отмечают ухудшение питания, конфликт между городом и деревней, рост цен, падение реальной заработной платы[36]. Вместе с тем, большие военные за-

казы, сильнейший рост цен предоставляли возможность крупным капиталистам получать огромные прибыли. Как отмечал А.Л. Сидоров, прибыли большинства отраслей промышленности резко поднялись по сравнению с довоенным временем. Усилилось накопление капиталов[37]. Заметно усилились банки, что позволяет исследователям говорить о их всевластии[38]. И это все происходило на фоне массового обнищания большинства населения страны, что не могло не усилить социальную напряженность. Как отмечают современные исследователи, «произошло переключение буржуазии с общегосударственных интересов на узкоклассовые и эгоистические, что привело к падению доверия к ней как со стороны властных структур, так и населения»[39]. Не случайно один из идеологов русского дворянства, видный психиатр П.И. Ковалевский во время этой войны оставил следующее свидетельство: «Прежние помещики, имея рабов, своею кровью защищали отечество, нынешние капиталисты не желают жертвовать своею кровию. Они не прочь на боевом поле видеть дворян и крестьян, но не для защиты нации, а для защиты своих капиталов»[40]. Но и крупные финансисты предчувствовали серьезные изменения в стране. В конце 1916 г. один из самых влиятельных среди них — А.И. Путилов в беседе с послом Франции в России М. Палеологом предсказывал разрушительную революцию[41]. Подобные же мысли характерны и для другого представителя российского капитала — М.П. Рябушинского, подчеркивавшего: «Мы переживаем трагическое время, и декабрь 1916 года в истории России навсегда оставит память противоположности интересов родины и правительства. Темно будущее...»[42].

В литературе хорошо изучены настроения рабочей массы России эпохи Первой мировой войны. Убедительно показаны их изменения от проявления веры в победу России до катастрофической потери доверия к государственной власти[43]. Уже в 1915 г. «народное потребление» сократилось на 25%, а в 1916 г. — на 43%. Цены на продукты питания по сравнению с довоенным уровнем в этом году поднялись в стране в среднем в 3—4 раза. Особенно подорожали одежда и обувь. Стоимость жизни рабочей семьи в связи с дороговизной к февралю 1917 г. выросла в 4 раза по сравнению с довоенным временем. В промышленности, вопреки законодательству, рабочий день составлял 12 часов, нередко доходя до 14—16 часов. Перегрузка на производстве влекла за собой рост травматизма и заболеваний. В Петрограде заболеваемость рабочих возросла с 0,5 % в 1915 г. до 10% в 1917 г.[44] В 1916 г. заработок рабочих был в среднем в три раза меньше, чем у служащих на предприятиях, и в 15 раз меньше, чем у директоров и управляющих[45].

Ухудшение материального положения рабочих повлекло за собой значительное усиление рабочего движения. Если во второй половине 1914 г. в стране было отмечено лишь 170 стачек, то в 1915 г. их количество возросло до 1928, то есть увеличилось более чем в 10 раз, а в 1916 г. число стачек выросло до 2417, в которых участвовало более 1 млн. 558 тыс. участников[46]. Стачечники выступали за повышение заработной платы, протестовали против дороговизны и продовольственных трудностей. Все более увеличивалось количество стачек с откровенно политическими требованиями, обращенными к властям. В военные месяцы 1914 г. в таких стачках участвовало только 12 тыс. человек, в 1915 г. — уже более 165 тыс., а в 1916 г. — более 273 тыс. человек[47]. И это при всем том, что уже в начале войны был издан указ, ужесточавший наказания за стачки. В литературе показана общая картина забастовочного движения в основных воюющих странах Европы. В соответствии с ней к концу 1916 г. количество стачек в России было в 2,2 раза больше, чем в Англии, в 11,4 раза — чем в Германии, и в 70 раз — чем во Франции[48].

Одной из новых форм народного движения стали массовые выступления на почве дороговизны, ставшие характерными именно для военного времени. Весной

1916 г. в Петроградской городской думе прозвучали следующие тревожные слова: «Мы накануне голодного дня, за которым последует голодный бунт»[49]. Выступления на почве дефицита и дороговизны предметов первой необходимости происходили не только в форме стачек и демонстраций, но и в форме столкновений населения с торговцами, хозяевами магазинов и складов. В таких выступлениях, которые часто назывались «голодными бунтами», обычно активную роль играли женщины, поэтому их нередко называли «бабьими бунтами».

Ухудшавшееся положение с продовольствием населения стало заметно ощущаться уже в 1915 г., что вылилось в массовые выступления населения. Например, 17 августа в Петрограде в течение дня в различных районах города, прежде всего рабочих, толпами людей были разбиты стекла в 103 магазинах и лавках, в некоторых из которых были почти полностью разграблены товары. Такие выступления были отмечены не только в столицах, но и во многих других городах и поселках буквально по всей стране. 1916-й г. по официальным данным дал увеличение подобного рода выступлений в 13 раз — с 23 до 288. Эти выступления заметно встревожили жандармские власти. Не случайно 25 января 1917 г. в агентурном донесении из Петрограда сообщалось: «...Подобного рода стихийные выступления голодных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех — анархической революции...»[50]. Эти слова были сказаны за месяц до Февральской революции. Вообще, без учета все возраставшего рабочего движения в самых различных его формах трудно понять весь масштаб общенационального кризиса 1916 г., а затем и существо Февральской революции 1917 года[51].

Несмотря на то, что с 1913 по 1917 г. численность рабочих в стране сократилась с 18,2 млн. человек до 15,2 млн., то есть более чем на три миллиона, рабочие оставались мощной, достаточно организованной оппозиционной силой, роль которой в протестных действиях 1916 г. заметно возросла. Сокращение общей численности рабочих произошло прежде всего за счет сельскохозяйственных рабочих (с 6,5 до 4,5 млн. человек) и чернорабочих (с 3,3 до 2,1 млн. человек). В свою очередь численность рабочих крупной промышленности за это время возросла с 3,1 до почти 3,5 млн. человек, а транспортных рабочих с 824 до 839 тыс. человек[52]. Следовательно, количество квалифицированных рабочих за годы войны даже выросло. Рабочая среда во время войны чем дальше, тем больше поддавалась агитации членов революционных партий, особенно большевиков, постоянно занимавших антивоенные позиции и продвигавших идею рабочей революции в России. С осени 1916 г. забастовки в Петрограде приобрели отчетливо выраженный политический характер. 17—20 октября прошла забастовка на ряде крупных заводов города, в которой участвовало более 75 тыс. человек. А через десять дней, 26—29 октября организуется новая политическая забастовка протеста против суда над балтийскими матросами — большевиками, в которой приняли участие более 79 тыс. человек[53].

Но не агитация была главной в усилении движения протеста, а реальное социально-экономическое положение. В одном из документов Центрального военно-промышленного комитета от 28 июля 1916 г. отмечалось: «Настроения рабочих весьма далеки от разрушительных тенденций, что убедительно показала война, однако у них отмечается снижение патриотического духа, озлобление»[54]. Но через три месяца, в октябре 1916 г. из недр того же комитета вышла записка членов его Рабочей группы, где, среди прочего, писалось: «Как бы те или иные течения в рабочей среде ни относились к войне, полнейшая неизвестность относительно ее целей, опасения, что война ведется во имя завоевательных задач, не встречающих никакого отклика в рабочей среде, — все это вместе рождает естественную тревогу, что страшные жертвы народа

идут на неправое дело, что народ подвергается истощению не во имя самозащиты, а во имя интересов, чуждых и враждебных народу»[55].

Недовольство все более охватывало и деревню. Полицейские власти сообщали, что крестьяне «все ждут не дождутся, когда же, наконец, окончится эта проклятая война». В донесении Петроградского губернского жандармского управления за октябрь 1916 г. сообщалось: «В деревнях наблюдается революционное брожение вроде того, которое имело место в 1906—1917 гг.»[56].

Оппозиционные настроения, естественно, не могли не затронуть армию, причем как тыловые части, так и действующую армию, располагавшуюся на фронте. К 1917 г. армия столкнулась с серьезными проблемами пополнения живой силой. Это казалось удивительным, поскольку среди воюющих держав Россия занимала первое место по численности населения. Более того, за всю войну было мобилизовано 8,7% ее населения, тогда как во Франции — 17%, в Германии — 20,7%, в Австро-Венгрии — 17,1%. Но в России, где 83% населения проживало в сельской местности, были большие семьи, где процент взрослых мужчин был меньшим, чем в указанных воюющих странах[57]. Это усилило недовольство и в тылу, и в самой армии.

В декабре 1916 г. отказались выехать на фронт и оказали вооруженное сопротивление солдаты 12-го Кавказского стрелкового полка, располагавшегося в Аккермане, а 21—23 февраля 1917 г. восстание вспыхнуло на распределительном пункте бендерского гарнизона. Восстания солдат вспыхнули на распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге. Во время декабрьских боев 1916 г. на Рижском плацдарме отказались наступать солдаты 2-го Сибирского корпуса. Целого корпуса! К концу 1916 г. число дезертиров в армии достигло 1,5 млн. человек[58]. Дело доходило даже до массовой сдачи в плен[59]. По наблюдениям военной цензуры, к октябрю 1916 г. «произошел какой-то перелом в настроениях армии в худшую сторону»[60]. Антивоенные настроения все больше охватывали солдат петроградского гарнизона. По сведениям охранки, гарнизон столицы «не верит в успех русского оружия и находит, что продолжение войны бесполезно». А когда вспыхнула октябрьская стачка в Петрограде, то солдаты 181-го запасного полка поддержали рабочих во время столкновения с полицией на Выборгской стороне[61].

Вообще, смыкание армии и протестующего народа становилось все более частым. О сочувствии солдат населению во время «продовольственных выступлений» 1916 г., вылившихся в неповиновение распоряжениям высших офицеров, говорится в документах о событиях в Канавине и Гордеевке Нижегородской губернии 1 июня этого года, на станции Тихорецкой Кубанской области (июнь), в Семипалатинске — 19 ноября и в других местах. Нехватка продовольствия стала быстро расширять круг противников войны, приверженцами которой в народе все чаще стали называть купцов и торговцев, наживавшихся на постоянном вздутии цен[62]. 3 ноября 1916 г. начальник Московского жандармского управления в связи с нехваткой хлеба в текстильном селе Озерках Коломенского уезда доносил: «Сразу и очень резко послышалось недовольство войной»[63].

Недовольство войной, и чем дальше, тем больше, недовольство всем и вся становилось все более привычным. По свидетельству охранки, «петроградский обыватель с восторгом приветствует всякое проявление оппозиции — будет ли она направлена на городское самоуправление или на кондукторшу трамвая, на министров, на правительство или на немцев — все равно»[64]. Общественные настроения становились все более и более оппозиционными. По свидетельству генерала Н.Н. Головина, «все представители русской интеллигенции были отброшены к концу 1916 г. Правительством в лагерь оппозиции. И в результате вместо того, чтобы слышать из уст представителей

своих более образованных классов слова бодрости и разъяснения, народные массы слышали только критику, осуждение и предсказания неминуемой катастрофы»[65].

29 октября 1916 г. будущий руководитель Временного правительства, а тогда главноуполномоченный Всероссийского Земского Союза, князь Г.Е. Львов направил письмо председателю Государственной думы М.В. Родзянко. В нем он прежде всего сообщил о состоявшейся 26 октября в Москве встрече председателей губернских земских управ, посвященной вопросам продовольственного дела, но во время которой было подвергнуто обсуждению «общее тревожное политическое положение страны». И далее Львов изложил итоги их «единодушного мнения». Эти итоги носили откровенный антиправительственный характер до такой степени, что прямо говорилось о том, что «правительственная политика дала свои роковые плоды». Правительству бросался упрек за нежелание пойти на совместную работу с Государственной думой. Констатировалось последовательно острое расстройство в области транспорта, производства необходимых для населения предметов, в том числе даже продовольствия. Прямо писалось: «Разъединенные, противоречивые, лишенные определенного плана и мысли действия и распоряжения правительственной власти неуклонно увеличивают общую дезорганизацию всех сторон государственной жизни». Более того, там подчеркивалось, что все распоряжения высшей власти как бы направлены к особой цели еще больше запутать тяжелое положение страны и ведут к преступной растрате ее людских и материальных сил. Львов счел необходимым сообщить председателю Думы о «мучительных и страшных подозрениях и зловещих слухах о предательстве и измене, о тайных силах, работающих в пользу Германии». Несколько далее он прямо писал о том, что «вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел». В письме также сообщалось о слухах по поводу нежелания правительства продолжать дальнейшую борьбу, прекратить войну и заключить сепаратный мир. Львов довел до сведения Родзянко мнение председателей губернских земских управ продолжать войну до конечной победы вместе с союзниками, заверял председателя Думы в их поддержке в деле создания правительства, способного объединить все живые народные силы и привести родину к победе[66].

Всего лишь через два дня после написания этого письма, 1 ноября 1916 г. последовало нашумевшее выступление лидера кадетов П.Н. Милюкова на V сессии Государственной думы с его известными словами «глупость или измена», и прямо заявившего: «Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе»[67], прозвучавшими как разорвавшаяся бомба. Интересно, что уже во время этого выступления один из лидеров Союза русского народа Н.Е. Марков спросил оратора: «А ваша речь — глупость или измена?»[68]. Но дело было не только в речи Милюкова. Она, как можно заметить, по своему содержанию очень близка вышеупомянутому письму Г.Е. Львова и была лишь составной частью тех решительных действий, к которым решили прибегнуть кадеты в октябре 1916 г.[69] Своей речью Милюков задал тон для последующих думских выступлений ведущих лидеров либеральной оппозиции: С.И. Шидловского, И.Н. Ефремова, В.А. Маклакова.

В ноябрьские дни 1916 г. лозунг создания «ответственного министерства» стал общим лозунгом всей либеральной оппозиции. Как пишут в литературе, конфликт между исполнительной и представительной ветвями власти достиг точки кипения[70]. Но особенность момента заключалась также и в том, что правительство не оправдало ожиданий и консервативного лагеря, своей основной опоры, оказавшегося хоть и в умеренной, но все-таки оппозиции[71]. Правые должны были выработать свои предложения в связи с насущными проблемами страны. Они не могли не поддержать борьбы против

роста цен, мер по предотвращению голода. Даже по рабочему вопросу правые выступили за повышение заработной платы в связи со все усиливавшейся инфляцией. Были у правых свои установки и по национальному, и по другим вопросам, по которым не всегда были совпадения с правительственной линией. Но консерваторы, нередко правильно понимая реальную ситуацию в стране, не смогли предложить эффективных мер по выводу страны из системного кризиса и спасения самодержавия от краха[72].

Тем временем Прогрессивный блок, созданный в недрах Государственной думы в 1915 г. либеральными фракциями, все более усиливался, став господствующим в Думе. Его антиправительственная направленность все более усиливалась[73]. Но в ноябре 1916 г. произошло еще одно важное событие. В открытую оппозицию перешел и Государственный совет. Собственно, Госсовет был создан в качестве верхней палаты так называемого российского парламента для того, чтобы гасить инициативы Государственной думы, и так продолжалось все годы его существования в этом качестве. В ноябре 1916 г. Дума и Госсовет, где большинство также составили сторонники Прогрессивного блока, сомкнулись в свой антиправительственной критике. Впервые обе палаты выступили единодушно по вопросу большой государственной важности. Современники расценили это как событие первостепенного политического значения[74]. Изоляция императорской власти становилась все более ощутимой и не могла не отразиться на общие настроения в стране.

Как писал генерал Н.Н. Головин, «выражение всеобщего недовольства, окончательное падение авторитета власти, предчувствие, даже уверенность в надвигающейся страшной катастрофе можно прочесть решительно во всех мемуарах, относящихся к этому времени. Во всех слоях общества и народа ползли слухи один мрачнее другого. Почти открыто говорили о необходимости династического переворота»[75]. Один из лидеров кадетов В.А. Маклаков 27 декабря писал о падении престижа династии и, среди прочего, отмечал: «Но бесспорно то, что сейчас в умах и душах русского народа происходит самая ужасная революция, какая когда-либо имела место в истории. Это не революция, это — катастрофа, рушится целое вековое миросозерцание, вера народа в Царя, в правду...»[76]. Мрачные пророчества звучали и со стороны духовенства[77].

Это все настроения конца 1916 г. Подобные настроения сразу зафиксировали и за рубежом, прежде всего в странах союзной Антанты. 15 ноября 1916 г. великий князь Михаил Михайлович, проживавший в Лондоне с 1891 г., направил письмо Николаю II следующего содержания: «Я только что возвратился из Букингемского дворца. Жоржи (английский король Георг. — *В.Г.*) очень огорчен политическим положением в России. Агенты Интеллидженс Сервис, обычно очень хорошо осведомленные, предсказывают в ближайшем будущем в России революцию. Я искренне надеюсь, Никки, что ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно»[78].

Итак, английская разведка предсказывала революцию уже в середине ноября 1916 г. Она обладала достаточно достоверными сведениями и не только она. Как писал видный дипломат, октябрист А.А. Гирс, «за ходом нашего домашнего конфликта с напряженным вниманием следят правительства как вражеских, так и союзных нам держав. Отношение к нему первых, как и средства воздействия к которым они могут прибегать до чрезвычайности просты: видя у нас смуту они могут открыто ликовать и прибегать ко всем доступным им способам для того, чтобы вызвать в России революционное движение»[79]. Гирс был сторонником продолжения войны до победного конца и строгого соблюдения обязанностей перед всего перед Англией и Францией. Он констатировал наличие затягивавшегося прежде союзниками конфликта страны с правящей властью и хорошо видел, что на карту была поставлена дальнейшая судьба России. «Выход из переживаемого кризиса» он видел в том, чтобы Государственная

дума добилась прежде всего в создании объединенного правительства, к которому она бы могла относиться с полным доверием[80].

Наличие кризиса и приближение революции тогда же, осенью 1916 г. видели и члены императорской фамилии. 11 ноября великий князь Георгий Михайлович после посещения ставки генерала Брусилова направил письмо Николаю II, где, среди прочего, писал: «...если в течение ближайших двух недель не будет создано новое правительство, ответственное в своих действиях перед Государственной думой, мы все погибнем...»[81]. До такой степени тревожно оценивал ситуацию один из великих князей. Как отмечается в литературе, «тревога за собственное будущее заставляла и членов императорской фамилии пытаться воздействовать на царя, чтобы уменьшить влияние на него Александры Федоровны и Распутина»[82]. Ряд членов императорской фамилии попытался активно вмешаться в тогдашние события. Великий князь Дмитрий Павлович, как и Ф.Ф. Юсупов, женатый на дочери великого князя Александра Михайловича, вместе с В.М. Пуришкевичем участвовали в организации 17 декабря 1916 г. в убийстве Г. Распутина. А великий князь Николай Михайлович, генерал и историк, в литературе рассматривается как лидер великокняжеской фронды. Не случайно 1 января 1917 г. он был выслан из Петрограда[83]. Сложные были отношения императора с великим князем Николаем Николаевичем, бывшим верховным главнокомандующим русской армией. В литературе есть упоминания о том, что он поддерживал отношения с теми, кто работал против Николая II[84]. Обострение отношений внутри самой императорской фамилии стало отражением усиливавшегося политического кризиса в стране и все большей изоляции, в которой оказался император. По свидетельству жандармского генерала А. Спиридовича, «в начале 1917 года... настроение всех слоев населения обеих столиц России было до крайности нервозно-взвинченное и беспокойное... Заметно было недоброжелательство к Верховной Власти и не скрывалось враждебно-пренебрежительное отношение к правительству»[85].

Среди многочисленных слухов, распространявшихся в то время, был и такой, смысл которого сводился к тому, что если не убрать Николая, то в случае победы в войне он еще больше укрепится на троне[86], чего допустить было нельзя. Одним из факторов усилившейся активности оппозиционеров была поддержка со стороны лидеров Антанты. Не подлежит сомнению участие английской разведки в убийстве Распутина, придерживавшегося прогерманской ориентации. Опасались союзники подписания Россией сепаратного мира с Германией. Об этом, например, писали даже швейцарские газеты, на что в ноябре 1916 г. обратил внимание В.И. Ленин[87]. Современное состояние источников позволяет говорить об определенных закулисных связях между Германией и Россией на всем протяжении войны. Но они не позволяют делать убедительного вывода о намерении руководства России подписать сепаратный мир с Германией[88]. Тем не менее слухи о подобных планах все более усиливались. Они, например, расширились после назначения 20 декабря 1916 г. министром внутренних дел А.Д. Протопопова, обвиненного в присоединении к «прогерманской партии» императрицы и якобы готового добиваться сепаратного мира[89]. Действительно, слух о том, что императрица возглавляет клику, собирающуюся заключить сепаратный договор с Четверным союзом, результатом чего будет разгром союзников России[90], был достаточно основательным и сыграл свою роль.

Все более усиливавшийся кризис 1916 г. повлиял на деятельность политических партий, в том числе и большевиков, ушедших с началом войны в глубокое подполье. Руководство партии находилось в эмиграции, а многие видные ее члены в тюрьмах и ссылке. В конце 1916 г. оживляет свою деятельность Русское бюро партии во главе

с А.Г. Шляпниковым, вернувшимся в Петроград и возглавившим работу большевиков внутри самой России. В Петрограде из известных большевиков в это время работают П.А. Залуцкий, В.М. Молотов, М.И. Калинин, В.Н. Залежский, Н.А. Угланов, В.Я. Чубарь и др. Общенациональный политический кризис вскоре перерос в революцию, во вторую русскую революцию, приближение которой основательно ощущалось в канун 1917-го года.

1 *Сидоров А.Л.* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. С. 68.
2 *Его же.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.
3 См.: Рождение державы. История Советского Союза с 1917 по 1945 год / М. Рейман в сотрудничестве с Б. Литерой, К. Свобода и Д. Коленовской. М., 2015. С. 61.
4 *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России ... С. 336.
5 *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский; Москва, 2001. С. 328, 330.
6 Цит. по: Там же. С. 331—332.
7 Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 475.
8 Там же. С. 475—476.
9 *Спиридович А.* Большевизм: от зарождения до прихода к власти. М., 2005. С. 287—288.
10 Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 260.
11 *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России ... С. 337.
12 Там же. С. 352.
13 Там же. С. 397.
14 *Кюнг П.А.* Трансформация экономики Российской империи в период Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны 1914—1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сент. — 3 окт. 2014 г.). М., 2014. С. 407.
15 Там же. С. 415.
16 *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России ... С. 604.
17 Там же. С. 607—608.
18 Там же. С. 634.
19 Там же. С. 559.
20 Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 21.
21 История России XX—XXI века / под ред. акад. РАН Л.В. Милова. М., 2006. С. 204.
22 *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 1962. С. 280.
23 Там же. С. 296.
24 Россия в годы Первой мировой войне: экономическое положение ... С. 304.
25 Там же. С. 511.
26 *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России ... С. 481.
27 *Туган-Барановский М.И.* Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество 1914—1918. М., 2014. Т. 3: Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению / отв. ред. В.В. Шелохаев. С. 324.
28 *Шацилло М.К.* Внутренняя торговля и снабжение населения в период Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918. М., 2014. С. 477.
29 *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России ... С. 495.
30 Там же. С. 496.
31 *Лизунов П.В.* Биржи России и Европы в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918. М., 2014. С. 478.
32 Там же. С. 482.
33 Там же. С. 485.
34 *Соколов А.С.* Денежное обращение России в 1914 — марте 1917 г. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918, М., 2014. С. 499—500.
35 Там же. С. 502.
36 Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение ... С. 264.
37 *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России ... С. 407.
38 Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение ... С. 392.
39 *Трошина Т.И.* Утраченный шанс: национальная буржуазия в условиях Первой мировой войны (на материалах Европейского Севера России) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918. М., 2014. С. 427.
40 *Ковалевский П.И.* Психология русской нации. Б.м., б.г. [Пг., 1915?]. С. 11.

41 *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 177—178.
42 Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение ... С. 396.
43 *Пушкарева И.М.* Рабочие России в годы Первой мировой войны: историческая реальность и проблемы ее изучения // Россия в годы первой мировой войны, 1914—1918. М., 2014. С. 432.
44 Там же. С. 433.
45 Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение ... С. 250—251.
46 *Кирьянов Ю.И.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.). М., 2005. С. 19.
47 *Пушкарева И.М.* Указ. соч. С. 435.
48 Там же. С. 437.
49 *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3.
50 Цит. по: Там же. С. 16.
51 Из современных работ о рабочем движении 1916 г. см. подробнее: *Кирьянов Ю.И.* Социально-политический протест рабочих России ...; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
52 Рабочий класс России, 1907 — февраль 1917 г. М., 1982. С. 246.
53 Кризис самодержавия в России, 1895—1917. Л., 1984. С. 610.
54 *Поршнева О.С.* Эволюция общественных настроений в России в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1917 г.) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918. М., 2014. С. 139.
55 Там же.
56 Кризис самодержавия в России ... С. 610—611.
57 *Катков Г.* Февральская революция / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2006. С. 68.
58 *Пушкарева И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 91.
59 Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение ... С. 408.
60 Кризис самодержавия в России, 1895—1917. С. 610.
61 Там же.
62 *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России ... С. 14—15.
63 Там же. С. 15.
64 Кризис самодержавия в России, 1895—1917. С. 611.
65 *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 331.
66 См.: *Шевырин В.М.* Власть и общественные организации в России (1914—1917). М., 2003. С. 127; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 892 (А.А. Гирса). Оп. 1. Д. 67. Л. 1—3 д.
67 *Милюков П.Н.* Выступление в Государственной думе 1 ноября 1916 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914—1918. М., 2014. Т. 3. С. 440—447.
68 Там же. С. 446; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 233.
69 *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 228.
70 *Шелохаев В.В.* Первая мировая война в оценках российской либеральной интеллектуальной элиты // Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918. М., 2014. С. 170.
71 *Иванов А.А., Репников А.В.* Русские консерваторы: взгляд на проблемные точки Российской империи в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) // Там же. С. 158.
72 Там же. С. 153—159.
73 *Демин В.А.* Прогрессивный блок // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 767—770.
74 *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906—1917). Киров, 1999. С. 160.
75 *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 332.
76 Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение ... С. 699.
77 Там же. С. 498.
78 *Александр Михайлович, великий князь.* Книга воспоминаний. М., 2008. С. 193.
79 ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 94. Л. 2. См. также: *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 289.
80 ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 94. Л. 3 об.
81 *Александр Михайлович, великий князь.* Указ. соч. С. 193.
82 Кризис самодержавия в России, 1895—1917. С. 616.
83 Там же. С. 625, 640.
84 *Серафим, игумен (Кузнецов Г.М.).* Православный царь-мученик. М., 1997. С. 494.
85 *Спиридович А.* Указ. соч. С. 288.
86 *Серафим, игумен (Кузнецов Г.М.).* Указ. соч. С. 206—207.
87 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 184—192.
88 Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение ... С. 707—708.
89 *Катков Г.* Указ. соч. С. 93.
90 *Улам А.* Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004. С. 290.

В.С. Христофоров

Российская контрразведка против коррупции и олигархии (1916—1917)

В отечественной историографии накоплен значительный опыт изучения различных аспектов национальной безопасности Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны. Проблемы готовности России к Первой мировой войне, развития военной промышленности, снабжения фронта и тыла, поставки вооружения в 1914—1917 гг. неоднократно рассматривались в научных трудах[1]. Вместе с тем имеется пробел в изучении вопросов обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции как фактора, существенно влиявшего на национальную безопасность России. Недостаточно изученными являются темы ценообразования на вооружение, предметы первой необходимости, объемов «колоссальной наживы» частного капитала в годы Первой мировой войны, а также вопрос об экономических связях частных и государственных российских и европейских кампаний, порождавших конфликт интересов.

В настоящей статье мы рассмотрим, какие усилия предпринимались различными государственными органами Российской империи для выявления и пресечения возможных фактов коррупции, злоупотребления служебным положением, какова была эффективность их деятельности, что мешало объективному проведению расследований в отношении лиц, подозревавшихся в коррупции.

Одними из важных государственных органов, привлекавшихся в период 1916—1917 гг. для обеспечения экономической безопасности Российской империи и борьбы с коррупцией, были контрразведывательные подразделения русской армии. 8 июня 1911 г. военный министр В.А. Сухомлинов утвердил «Положение о контрразведывательных отделениях» и «Инструкцию начальникам контрразведывательных органов». Контрразведывательные отделения (КРО) учреждались «для борьбы с военным шпионством и вообще для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам обороны Российской империи»[2].

При штабах военных округов было создано 11 контрразведывательных отделений. При этом в сферу ответственности контрразведывательного отделения Московского военного округа входили территория Московского и Казанского военных округов, а контрразведывательного отделения Иркутского военного округа — Иркутского и Омского военных округов. В столице, помимо Петербургского окружного контрразведывательного отделения, было сформировано еще и Петербургское городское контрразведывательное отделение, проводившее оперативно-розыскную работу в частях и соединениях Петербургского гарнизона. С началом Первой мировой войны были образованы КРО в составе разведывательных отделений штабов армий, фронтов и в Ставке Верховного Главнокомандующего[3].

Финансирование деятельности КРО велось из статьи, которая называлась «на известное его Императорскому Величеству употреблению», эти суммы не подлежали государственному контролю, их расходы контролировало лишь непосредственное руководство соответствующего штаба военного округа[4].

КРО занимались пресечением проникновения иностранной агентуры в Россию и за линию фронта; выявлением «неприятельской» агентуры; ограничением и пресечение ее деятельности.

В октябре 1914 г. начальником разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта был назначен полковник Н.С. Батюшин[5], сыгравший важную роль в формировании разведывательных и контрразведывательных подразделений и разработке теоретических основ контрразведывательной деятельности. С именем Батюшина связана попытка привлечения контрразведывательных подразделений к проблемам обеспечения экономической безопасности Российской империи.

5 августа 1915 г. Северо-Западный фронт был разделен на два фронта — Северный, прикрывавший подступы к Петрограду, и Западный. В зону ответственности Северного фронта входили: Прибалтийский край, будущая Финляндия, Беломорское побережье, Петроград с большим количеством заводов, работавших на оборону.

Постепенно функции разведывательных и контрразведывательных подразделений расширялись, они стали заниматься вопросами экономической разведки: изучать торгово-промышленное состояние потенциальных противников, выяснять, в течение какого времени они смогут в условиях войны производить продукцию за счет внутренних ресурсов страны в условиях экономической блокады[6].

Стремительно менявшаяся внешнеполитическая обстановка существенно влияла на состояние российской промышленности, которая до войны базировалась в основном на поставках фармацевтических, химических и красочных продуктов из Германии[7].

Экономические трудности в России годы Первой мировой войны привели к проблемам обеспечения русской армии вооружением и боеприпасами. Острая нехватка вооружения вынуждала военное ведомство передавать заказы заграничным предприятиям союзников и США, закупать за границей готовые винтовки и стволы к ним, патроны. Это приводило к возникновению коррупционных схем с участием российских и иностранных участников. Заявления военного министра Сухомлинова о полной готовности к войне[8] оказались необъективными. Очень быстро выяснилось неспособность русской армии к ведению длительных военных кампаний.

Неудачные действия русской армии объяснялись недостаточным обеспечением войск боеприпасами, артиллерийским и стрелковым вооружением, амуницией. Стремясь оправдать поражения русской армии весной и летом 1915 г., Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, генералы русской армии, члены Государственной думы — октябристы и кадеты, председатель Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучков обвиняли Сухомлинова в «измене». В июне 1915 г. он был отправлен в отставку, а 25 июля была создана Верховная комиссия выяснения причин несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снаряжения армии.

Члены Комиссии, проведя сбор документов и допрос свидетелей, установили, что причиной сокращения снаряжения винтовочных патронов на меднопрокатных и патронных заводах в 1915 г. был недостаток пороха[9]. Обобщенный доклад комиссии 9 февраля 1916 г. был предоставлен Николаю II, затем материалы переданы в Первый департамент Государственного совета для предварительного следствия и последующего привлечения подозреваемых лиц к суду[10].

Собранные доказательства давали возможность выдвинуть против Сухомлинова обвинения в превышении власти, бездействии и мошенничестве. Однако завершение следствия существенно тормозилось из-за усилий жены бывшего министра. Связанная с придворными кругами, она развернула бурную деятельность: за Сухомлинова хлопотали императрица, Распутин, другие лица[11].

Проблемы военно-промышленного комплекса усугублялись трудностями снабжения населения и армии продуктами питания и предметами первой необходимости.

В 1916-й г. Россия вступила в условиях глубокой хозяйственной разрухи, нарастания социального недовольства и антивоенных настроений в тылу и на фронте. С прилавков магазинов и с рынков вначале исчез сахар, затем хлеб и предметы первой необходимости.

С целью выяснения масштабов и причин удорожания предметов массового потребления и разработки мер, направленных на сдерживание роста цен, 29 июля 1916 г. был создан Особый комитет для борьбы с дороговизной[12].

Весной 1916 г. начальнику штаба Ставки Верховного Главнокомандующего генералу М.В. Алексееву из Департамента полиции и контрразведывательных отделений стали поступать сведения о подозрительных банковских операциях российских банкиров и бизнесменов, совершавшихся в пользу Германии. В сводках звучали имена банкира Дмитрия Рубинштейна[13], сахарозаводчиков Абрама Доброго, Израиля Бабушкина, Иовеля Гопнера.

Неэффективная деятельность прежде создававшихся комиссий по расследования причин несвоевременного пополнения запасов военного снабжения в армии побудила генерала Алексеева инициировать создание на Северном фронте специальной комиссии для борьбы с военными шпионами и мародерами тыла. Комиссия была сформирована 31 мая 1916 г., руководителем назначен генерал Батюшин. В ее состав вошли квалифицированные офицеры контрразведки и опытные следователи, в том числе: следователь по особо важным делам при штабе Верховного Главнокомандующего В.Г. Орлов[14], сотрудники Петроградского КРО, помощник военного прокурора А.С. Резанов[15], товарищ прокурора Варшавской судебной палаты В.Д. Жижин[16], судебный следователь по особо важным делам П.Н. Матвеев и другие[17].

Так была предпринята попытка подключить контрразведывательные подразделения русской армии к борьбе с экономическими преступлениями и обеспечению экономической безопасности Российской империи. Комиссия Батюшина, пытаясь найти признаки спекулятивной деятельности, исследовала работу крупнейших коммерческих банков Российской империи: «Русский для внешней торговли банк», «Петроградский международный банк», «Соединенный банк», «Русско-французский банк» и других. Комиссия установила, что указанные банки получали огромные доходы, благодаря несоответствующему поднятию цен на предметы первой необходимости. Доходы банков с военных заказов составляли 300—400 процентов, а иногда и до 1000 процентов[18].

Банки выступали организаторами монополистических объединений (трестов и концернов) в металлообрабатывающей и военной промышленности, в судостроении, которые контролировали основные виды военного производства и диктовали свои условия военному и морскому ведомствам. Монополии искусственно создавали в стране голод на металл и топливо и, пользуясь этим, повышали цены. Например, Международный банк создал объединение «Наваль-Руссуд» путем слияния заводов Русского судостроительного общества и общества Николаевских судостроительных заводов. Это объединение монополизировало строительство судов на Черном море. В Петербурге Учетно-Ссудный банк создал мощную группу заводов, куда вошли ряд машиностроительных и металлообрабатывающих заводов, изготавливавших подводные лодки, торпеды, мины[19].

Разработка «дела Рубинштейна», сбор доказательств его противоправной деятельности были чрезвычайно сложными, так как он располагал широкими связями в высшем обществе Петрограда. Тем не менее, в начале июня 1916 г. банкир Д.Л. Рубинштейн был арестован в Петрограде по подозрению в «спекулятивных операциях с немецким капиталом», финансовых операциях в пользу неприятеля, дискредитировании рубля, переплате заграничным агентам при заказах интендантства и спекуляции хлебом в поволжских губерниях. Для того, чтобы исключить возможности установления

контактов высокопоставленных лиц с арестованным, он был переведен в псковскую тюрьму, а его деятельность стала предметом расследования комиссии Батюшина.

Расследование оказалось незавершенным: слишком много у Рубинштейна было покровителей высокого ранга. 6 декабря 1916 г. по прямому настоянию императрицы Александры Федоровны, на которую в свою очередь воздействовал «святой старец», Рубинштейн был освобожден из-под стражи под поручительство. В начале 1917 г. Рубинштейн был вновь арестован и как нежелательный элемент определен административным распоряжением на высылку в Сибирь под конвоем. Однако высылка не состоялась. 28 февраля 1917 г. Рубинштейн, как и многие другие заключенные, был освобожден из тюрьмы «восставшим народом».

Накануне Первой мировой войны Россия производила около 90 млн пудов сахара-рафинада в год, часть которого вывозилась в Персию, Турцию, Великое княжество Финляндское. С началом войны в стране ощущался дефицит сахара, даже в боевых частях. Дефицит сахара приводил к «сахарным бунтам» в некоторых местностях (например, в Новониколаевске). Расследования причин дефицита сахара, установления возможных противоправных деяний киевскими владельцами сахарных заводов — Хепнером, Цехановским, Бабушкиным и Добрым — было поручено комиссии Батюшина, которая установила, что сахарозаводчики, получив разрешение на вывоз сахара в Персию, отправили туда большое количество сахара, но через таможенные посты на границе с Персией прошло гораздо меньшее количество. По некоторым сведениям недостающее количество сахара было отправлено транзитом в Турцию, союзницу Германии.

Комиссией Батюшина было установлено, что в Юго-Западном крае, центре российской сахарной промышленности, цена на сахар искусственно завышалась. Расследование дела киевских сахарозаводчиков вызвало негативную реакцию в кругах бизнесменов, которые всеми мерами стремились противодействовать обвинению владельцев заводов, не допустить привлечения их к судебной ответственности. Для оказания давления на следствие были подключены Г. Распутин и обер-прокурор сената Н.А. Добровольский[20]. Подавались жалобы на неправильное ведение следствия и арест невиновных, передачи дела для рассмотрения из военного суда в гражданский. Сахарозаводчики признали себя виновными и подлежали высылке в Нарымский край. Однако через министра внутренних дел А.Д. Протопопова было подано прошение на царя и сахарозаводчики были освобождены. Протопопов был одним из многочисленных противников комиссии Батюшина, считая ее деятельность вредной, о чем неоднократно докладывал царю.

Одним из направлений деятельности комиссии была проверка информации о передаче противнику военных секретов через перестраховочные конторы. Техника страховки в Российской империи накануне и в начале Первой мировой войны заключалась в занесении в особые досье подробных сведений о страхуемых объектах с точным указанием информации о заводе изготовителе (даже работавших на оборону), сведений о дополнительных сооружениях и установке новых машин, постройке новых военных и торговых судов, военных грузов, следовавших на торговых океанских судах (точно указывался путь следования судов и время, в течение которого действовала страховка). Дубликат такого досье направлялся в перестраховочную контору в Германию или Австро-Венгрию. По указанию начальника штаба Северного фронта в Петроград для осмотра делопроизводства перестраховочной конторы «Шварц, Брант и К» и других, был направлен полковник Резанов. Информация нашла свое подтверждение, и все перестраховочные конторы были закрыты[21].

Кроме того, штабом Северного фронта был поднят вопрос о начале предварительного следствия в отношении председателя страхового общества «Россия» А.И. Гуч-

кова по обвинению «в содействии противнику через перестраховочные конторы». Дело было передано следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда и вскоре прекращено «зараженной революционной пропагандой петроградской юстиции»[22].

Февральская революция 1917 года внесла существенные коррективы в деятельность правоохранительных и контрразведывательных органов Российской империи. 4 марта 1917 г. Временным правительством была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и других высших должностных лиц гражданского, военного и морского ведомств.

Комиссия не смогла предъявить официальных обвинений в адрес императорской семьи, министров царского правительства, кроме генерала Сухомлинова, признанного виновным в неподготовленности русской армии к войне. Члены Комиссии пришли к выводу о том, что русская революция неизбежно должна была победить.

В марте 1917 г. демократическая пресса начала атаку на «Комиссию Батюшина». В газете «Русская воля» появились компрометирующие статьи о неэффективности ее работы, якобы о получении членами комиссии денежных вознаграждений. 8 апреля 1917 г. Батюшин был арестован и находился под стражей до ноября.

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что создававшиеся комиссии по расследованию возможных злоупотреблений и фактов коррупции со стороны должностных лиц Российской империи, представителей бизнеса и банковской сферы не завершили свою работу в связи с тем, что в России прошла череда революций, смена политических режимов, изменение приоритетов в системе обеспечения национальной безопасности, в том числе и экономической безопасности. На примере «Комиссии Батюшина» мы видим, какое серьезное давление испытывали сотрудники контрразведки со стороны части российской политической элиты и финансово-промышленных кругов, имевших осязаемые экономические интересы, в том числе, в иностранных государствах. Сотрудники правоохранительных органов подверглись преследованиям, материалы оперативно-розыскных и следственных мероприятий зачастую были уничтожены, а лица, которые находились под следствием в качестве подозреваемых, — выпущены на свободу «революционными массами».

1 *Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. 495 с.; *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика, 1914—1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: Центрполиграф, 2015. 383 с.; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 654 с.; *Шацилло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. — 1914 г.). М.: Наука, 1992. 270 с.

2 Государственность России (конец XV — февраль 1917 г.). М., 1999. Кн. 2. С. 422.

3 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1; Д. 2; Государственность России ... Кн. 2. С. 422—423; *Батюшин Н.С.* У истоков русской контрразведки: сб. документов и материалов / вступ. ст. И.И. Васильева, А.А. Здановича; коммент., подбор док. и ил. В.К. Былинина. М.: Икс-Хистори: Кучково поле, 2007. С. 169.

4 *Батюшин Н.С.* Указ. соч. С. 171.

5 Николай Степанович Батюшин (1874—1957) — руководитель органов военной разведки и контрразведки в Русской армии. Руководитель комиссии по делам «мародеров тыла» (июнь 1916 — март 1917). Обвинен в превышении полномочий и содержался под арестом (июнь — ноябрь 1917). С 1918 г. — в Белом движении, с 1920 г. — в эмиграции.

6 *Батюшин Н.С.* Указ. соч. С. 28, 111

7 Военно-промышленный комплекс России в начале XX века (1900—1917): сб. документов. М.: Новый хронограф, 2004. С. 21. (История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР, 1900—1963; т. 1).

8 *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 397.

9 РГВИА. Ф. 962. Оп. 1. Д. 54. Л. 256—256 об.

10 Там же. Оп. 2. Д. 8, 168. Ч. 1, 189; Ф. 970. Оп. 3. Д. 2031; Д. 2037.

11 *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 410.

[12] Особый комитет для борьбы с дороговизной выяснял масштабы и причины удорожания предметов массового потребления, разрабатывал меры, направленные на сдерживание роста цен. См.: Государственность России (конец XV — февраль 1917 г.). М., 2001. Кн. 3.
[13] Дмитрий Леонович Рубинштейн (1876—1937) — петербургский банкир, адвокат, биржевой делец, основатель и распорядитель Русско-французского банка в Петербурге.
[14] Владимир Григорьевич Орлов (1881—1941) — российский контрразведчик, следователь по особо важным делам, член Верховной следственной комиссии.
[15] Александр Семенович Резанов (1878—?) — российский контрразведчик.
[16] Василий Дмитриевич Жижин (1874—1941) — товарищ прокурора Варшавской судебной палаты.
[17] В историографии она получила наименование «Комиссия генерала Батюшина». См.: *Батюшин Н.С.* Указ. соч. С. 40, 113.
[18] *Лямке М.К.* 250 дней в царской Ставке, 1914—1915. Минск: Харвест, 2003. 448 с.
[19] *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в.: очерки воен.-экон. потенциала. М.: Наука, 1986. С. 68—69.
[20] Николай Александрович Добровольский (1854—1918) — обер-прокурор Первого департамента Сената (1900—1916), министр юстиции, генерал-прокурор Правительствующего сената (20 декабря 1916 — 28 февраля 1917).
[21] *Батюшин Н.С.* Указ. соч. С. 197—198.
[22] Там же. С. 198.

К.А. Соловьев

Прогрессивный блок в январе — феврале 1917 г.

В историографии нередко «забывают» о событиях первых месяцев 1917 г. Как будто бы за «ноябрьским штурмом» в Думе 1916 г. непосредственно следуют революционные потрясения февраля — марта 1917 г. По умолчанию подразумевается, что падению самодержавие предшествовало «затишье перед бурей», не требующее особого изучения. Из этого можно сделать вывод, что политическая жизнь на время «уснула», парадоксальным образом застыла в точке кипения, дожидаясь революционного взрыва 1917 г. В действительности же ситуация была сложнее. Политическая жизнь шла свои чередом, будто бы меняя свое направление и разворачиваясь в противоположную сторону неожиданно для многих ее участников. Ожидания прошлого года не оправдывались.

События января — февраля 1917 г. как будто бы не предвещали революции. Напротив, «ноябрьское выступление» депутатов теперь казалось напрасным. Его инициаторы чувствовали себя неуверенно, опасаясь правительственного возмездия[1]. Страстные думские речи не печатались в газетах, а если и публиковались, то с большими купюрами[2]. По оценке депутатов, спала активность комиссионной работы[3]. Не получалось собрать даже бюджетную комиссию, которая была наиболее трудоспособной из всех. Товарищ ее председателя Г.А. Фирсов отмечал, что «вообще нет надобности назначать заседание комиссии, так как нет необходимости спешить с рассмотрением бюджета»[4]. Прогрессивный блок даже не пытался выносить наиболее сложные вопросы на ее обсуждение, опасаясь новых конфликтов с правительством[5]. Как писал 28 января депутат И.Ф. Половцев, «в бюджетной комиссии работа идет мирно, но это и понятно... трудных, бурно проходящих смет пока не ставили, ну а на переселении, коннозаводстве, таможне и военных нуждах никто шуму делать не захочет. Другое дело — внутренние дела, Синод, народное просвещения — там ру-

чаться ни за что нельзя»[6]. Над Думой, будто дамоклов меч, висела угроза разгона. Новый премьер-министр князь Н.Д. Голицын заявил одному из лидеров националистов П.Н. Балашеву, что «указ (о роспуске. — *К.С.*) у него в кармане, и он не потерпит ни одной минуты, если надо будет»[7].

Тогда некоторым казалось, что правительство в очередной раз одержало верх, а оппозиция, столь уверенно чувствовавшая себя буквально несколько месяцев назад, окончательно сломлена. Прогрессивный блок, осознавая свою беспомощность в сложившихся обстоятельствах, фактически оказался на грани развала. Логика политической борьбы предполагала эскалацию напряжения и, соответственно, использование более решительных средств давления на правительства — притом практической возможности для этого не было. 4 февраля на заседании ЦК конституционно-демократической партии П.Н. Милюков говорил о необходимости отклонить государственный бюджет, Ф.Ф. Кокошкин настаивал на вотуме недоверия правительству, а М.С. Аджемов полагал даже необходимым публично выдвинуть обвинения против царя[8]. Но даже среди кадетов «игра на обострение» не вызывала одобрения. Большинство предпочло в первые дни открывавшейся думской сессии занять выжидательную позицию. Схожие проблемы обсуждал и Прогрессивный блок. Реакция была схожая. Одни требовали «повышения ставок», другие этого остерегались. Последних было больше. Разногласия обозначились еще в январе 1917 г., когда был поставлен вопрос о возобновлении занятий бюджетной комиссии. Прогрессист В.А. Ржевский предлагал бойкотировать внесенную государственную смету доходов и расходов. «Кадеты поговаривали об отклонении бюджета целиком, но не настойчиво, скорее нащупывали почву», — писал 15 января депутат Н.В. Савич председателю бюджетной комиссии М.М. Алексеенко[9]. В итоге возобладали умеренные: бюджетная комиссия должна была начать работу с так называемых «боевых смет», не форсируя рассмотрение всего остального бюджета.

В Прогрессивном блоке вновь подняли вопрос 7 февраля, за неделю до возобновления думских занятий. К удивлению многих, выяснилось, что далеко не все были готовы придать первому заседанию «политически-декларативный» характер[10]. В итоге вопреки желанию многих представителей большинства, 14 февраля прошло весьма буднично. Как доносил чиновник особый поручений Л.К. Куманин, «в связи с провалом плана блока в первый день открытия сессии показать стране ярко оппозиционное лицо Государственной думы, поздно вечером состоялось совещание лидеров фракций, входящих в состав блока, которые просили П.Н. Милюкова значительно усилить оппозиционность его завтрашней речи»[11]. Выступление Милюкова лишь обострило противоречия внутри блока. Земцы-октябристы и прогрессивные националисты выступили против лидера кадетов и в поддержку критикуемого им министра земледелия А.А. Риттиха[12]. По словам националиста А.И. Савенко, «в блоке ссора из-за продовольственного вопроса. Кадеты в прошлом году посадили нас и всю Россию в лужу твердыми ценами, да еще на все сделки. Теперь они стремятся в своем политическом ослеплении затянуть на шее России петлю твердых цен и проч. Но мы не допустим этого. Милюков резко напал на Риттиха и, между прочим, сравнил его с Сухомлиновым. Это вызвало целый взрыв, и мы решили дать отпор кадетам. И дали его. Теперь все на этом и вертится»[13].

И мало что изменило поразительно резкое выступление А.Ф. Керенского, которое вошло в стенографический отчет лишь со значительными купюрами. Тем не менее, выдержки из этой речи были хорошо знакомы Петрограду: «Дело не в вас (жест по направлению к ложе министров), а в вашем хозяине... ...Распутинское самодержавие... ...На знамени нашей партии написано: террор и оправдание тираноубийства... Систе-

ма безответственного деспотизма... ...У нас до сих пор существует представление о государстве как о вотчине, где есть господин и холопы... ...Сконцентрирование у Верховной Власти всех подонков общественности... ...Необходимость физического устранения нарушителей закона... ...Необходимость уничтожения средневекового режима...»[14].

Вполне закономерно опасаясь правительственных репрессий в отношении столь пылкого и несдержанного оратора, руководство Думы отказалось предоставлять правительству стенографические записи его выступления, ограничившись официально утвержденным и заметно «почищенным» стенографическим отчетом: «Подлинным стенографическим отчетом следует считать тот отчет, который разрешен к печатанию председателем Государственной думы; стенографическая запись есть только материал для составления отчета, иначе — документ внутреннего распорядка Государственной думы, а потому он не может быть представлен по требованию административных ведомств»[15].

Повышение градуса выступлений при отсутствии видимого результата лишь способствовало росту апатии среди депутатов. «Штурм» вновь оказался напрасным. В Прогрессивном блоке пришлось констатировать, что все «слова», которые только могли быть сказаны, уже произнесены в начале ноябре прошлого года. Теперь же настала пора прибегнуть к тому арсеналу, который еще имелся в запасе Государственной думы. Прежде всего, речь шла о демонстративном отклонении правительственных законопроектов и «нажиме бюджетного винта»[16]. И все же «бюджетный винт» так и не решились закручивать даже наиболее радикальные представители думского большинства.

Растерянность, отсутствие очевидного выхода из столь кризисного положения становились вызовом для каждой думской группы и фракции. Для некоторых он был непосильным, провоцируя внутренние противоречия. На грани развала была даже молодая фракция прогрессивных националистов. 16 феврале 1917 г. А.И. Савенко писал жене: «Вчера был на заседании фракции. Я не доволен ею. Слякоть. Появляется даже мысль о выходе из фракции. Тошно. Хочется быть независимым и свободным. Со многим, что делается во фракции, не мирится моя совесть и понимание положения»[17].

Думе, отчаянно не желавшей упускать инициативу из рук, лишь оставалось отвергать даже вполне разумные правительственные законопроекты, проведенные согласно нормам чрезвычайно-указного права (то есть по ст. 87 Основных государственных законов). Так, депутаты выражали недовольство планом учредить Министерство народного здравия, прекрасно при этом понимая, что земства не могли нести основное бремя расходов на здравоохранение[18]. Правительство «ужасающе одиноко», — отмечал А.И. Савенко[19]. Как будто подтверждая этот тезис, 3 февраля 1917 г. руководство Думы и члены Прогрессивного блока отказались ехать на раут к председателю Совета министров князю Н.Д. Голицыну[20]. Вместе с тем, в правительстве было принято решение, чтобы премьер-министр не выступал на открытии Думы с декларацией[21].

Взаимные «уколы» лишь усугубляли кризис. Это был «пат», который никого не устраивал. «Положение крайне не определенное, а настроение угнетенно-пониженное», — писал А.И. Савенко 16 февраля 1917 г.[22] По его словам, «комиссии работают очень слабо, так что и черной работы мало. Депутаты ходят как заморенные мухи. Никто ничему не верит, у всех опустились руки. Все чувствуют и знают свое бессилие»[23]. Другой депутат писал 17 февраля: «Скучаю за думскими делами. Сессия идет вяло, речи тусклые, да и нельзя ожидать другие, ибо все уже сказано для имеющих уши слышать, да ничто не услышано»[24]. 18 февраля один из народных избранни-

ков охарактеризовал думскую работу таким образом: «У нас в Думе настроение тяжелое, дух несколько придавленный, того и гляди пробка вылетит»[25].

Оставалось уповать на счастливый случай, «чудо», которое могло перевернуть положение в стране верх дном. Более чем показательны слухи, которыми обменивались депутаты в начале февраля 1917 г. 6 февраля народные избранники передавали друг другу, что произошла дуэль между председателем Думы М.В. Родзянко и министром внутренних дел А.Д. Протопоповым. Правда, среди депутатов не было согласия, каков был ее исход. Одни утверждали, что погиб злосчастный министр. Другие рассказывали, что на дуэли пали оба противника[26].

Некоторые народные избранники с нетерпением ждали разгона Думы. Они верили, что в этом случае беспомощное законодательное собрание обретет невероятную мощь. К нему потянутся народные массы, оно станет центром притяжения всех недовольных, которых с каждым днем будет становиться все больше и больше. В конце концов власть окажется перед выбором: либо торжествующая Дума (а, следовательно, ответственный перед ней кабинет министров), либо господствующая анархия. Повинуясь инстинкту самосохранения, правительство неминуемо выберет первое[27].

Предвидение масштабных социально-политических потрясений сочеталось с отсутствием каких-либо ясных ориентиров в настоящем. Депутат из фракции кадетов Г.В. Гутоп писал 20 февраля: «Тяжко вообще живется здесь. Что голодаем и мерзнем — это бы пустяки. Все перенести легко, когда есть уверенность, что переносишь ради успеха того дела, которому служишь. А вот когда видишь, что во всем — что дальше, то хуже — и не видишь хотя бы вдали малого луча света, трудно жить»[28]. В тот же день член фракции земцев-октябристов В.Н. Полунин писал Г.Я. Шахову: «Свершавшиеся события можно было описать словами: никто ничего сказать не может. События идут сами собой; никто не направляет государственного корабля, который идет случайно, и куда его повлекут волны мировой борьбы и внутренних событий. Едва ли кто-нибудь скажет»[29]. Депутат же от фракции кадетов А.А. Эрн, делясь своими впечатлениями о первых днях новой думской сессии, замечал: «Тут покамест мало интересного, но надо думать, что это все же изменится. Есть симптомы, что впереди предстоит нечто более красочное»[30].

Так часто случается, что современник не обращает внимание на происходящие вокруг тектонические сдвиги. Он не понимает, что живет уже в другой стране, что Рубикон уже давно пройден. 23-е, да и 24-е февраля, когда в Петрограде начались уличные демонстрации, в Думе практически никто не заметил[31]. Мирный ход думской сессии не предвещал ничего чрезвычайного. Заседали думские комиссии, на них приглашались министры, которые по заведенному порядку не игнорировали подобные приглашения. «По внешности ничего не предвещало того катаклизма, от которого нас отделяла лишь одна с небольшим неделя, — вспоминал В.Б. Лопухин. — И Павел Николаевич Милюков любезно и благожелательно допрашивал нас о наших делах, едва ли думая, что всего через какие-нибудь десять дней осуществится наконец его давнишняя мечта стать нашим министром — не в путях эволюции, как он мечтал, а все-таки революции. Мы так легко договаривались, такой у нас установился общий язык, что казалось, если и случится революция, но такая, которая приведет к смене царской власти властью правительства, составленного из милюковых, то нам не придется начинать с этим правительством новый разговор, а предстоит лишь продолжать прежние, ставшие уже привычными беседы. Большинство, определенно предвидя революцию, не мыслило в ослеплении своем правительства “левее” милюковского толка»[32].

В Прогрессивном блоке порой задумывались, что следует делать, если власть неожиданно окажется в его руках. А.И. Шингарев объяснял В.В. Шульгину: «Чтобы

додержаться, придется взять разгон... Знаете, на яхте... когда идешь, скажем, левым галсом, перед поворотом на правый галс надо взять еще левей, чтобы забрать ход... Если наступление будет удачно, мы сделаем поворот и пойдем правым галсом... Чтобы иметь возможность сделать этот поворот, надо забрать ход. Для этого, если власть на нас свалится, придется искать поддержки Прогрессивного блока налево»[33].

Эти слова, сказанные в начале 1917 г., звучали вполне разумно. К марту они бесконечно устарели. Депутаты не представляли масштаб и характер того «чуда», которого поджидали. Им не суждено было предвидеть, что политический режим разобьется вдребезги. А ведь все они так или иначе принадлежали к «старому миру». И все же в начале 1917 г. именно в залах и кабинетах Таврического дворца во многом определялся сценарий будущих событий. Тогда политический кризис принял особые формы. Думская оппозиция оказалась в тупике, исчерпав все возможные для нее средства парламентской борьбы. Ей оставалось лишь рассчитывать на неожиданный оборот дела на улицах Петрограда, который смог бы перевернуть все правила игры. Иными словами, депутаты ждали революции, и само это ожидание сыграло большую роль в последние дни февраля, когда Думе пришлось сделать политический выбор.

1 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1064.
2 Там же. Л. 84.
3 Там же. Л. 80.
4 Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 4/5. С. 4.
5 Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 534—535.
6 Там же. С. 536—537.
7 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 87.
8 Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 343 — 345.
9 Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 534—535.
10 Донесения Л.К. Куманина из Министерства павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 5.
11 Там же. С. 13.
12 Там же. С. 15.
13 Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 544—545.
14 Вопросы истории. 2000. № 6. С. 17.
15 Там же. С. 21.
16 Там же. С. 15.
17 Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 542—543.
18 Там же. С. 546 .
19 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1064.
20 Вопросы истории. 2000. № 4/5. С. 26.
21 Там же. № 6. С. 4.
22 Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 542—543.
23 Там же. С. 544—545.
24 Там же. С. 545.
25 Там же. С. 544.
26 Вопросы истории. 2000. № 4/5. С. 26—27.
27 *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 367.
28 Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 548—549.
29 Там же. С. 548.
30 Там же. С. 545.
31 *Мансырев С.П.* Мои воспоминания о Государственной думе (1912—1917) // Историк и современник. 1922. № 3. С. 24.
32 *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 290.
33 *Шульгин В.В.* Годы; Дни; 1920 год. М., 1991. С. 419.

И.В. Лукоянов

Февральская революция 1917 года: почему она произошла?

К 100-летнему юбилею история Февральской революции по-прежнему оставляет много вопросов. За последние годы советская ее версия, основывавшаяся на большевистской схеме (царизм рухнул под натиском рабочих и солдат, руководимых большевиками, а мировая война лишь ускорила развитие событий), неоднократно и аргументированно опровергалась. Однако предложенные альтернативы (революция как результат успешно реализованного заговора в динамично развивающейся империи) также оказались далеки от убедительности. Разумеется, у революции имелись глубинные предпосылки (экономические, социальные, политические), уходящие корнями в историю Российской империи второй половины XIX в. Я не подвергаю ни малейшему сомнению тезис, что Россия была обречена на изменение политического строя, но большинству современников казалось, что это случится после победоносного завершения войны и совсем не обязательно в виде народной революции. Вопрос можно сформулировать иначе: какие именно процессы и события обусловили революцию во время тяжелой войны, когда и власть, и общество в целом сходились на понимании того, что решать внутренние политические проблемы следует после ее завершения.

Власть

Патриотический порыв августа 1914 г., связанный с началом войны, и провозглашение «внутреннего мира» лишь на время приглушили давние разногласия оппозиции и власти. Неудачи русской армии в 1915 г. вызвали «озабоченность» общества и шквал критики правительства, завершившиеся созданием в августе 1915 г. Прогрессивного блока — оппозиции правительству, который объединил почти ¾ депутатов нижней палаты и значительную часть верхней. Политическая система вернулась к состоянию 1906 — первой половины 1907 г. — времени противостояния Думы и Совета министров с параличом законодательной деятельности, то есть политическому кризису. Несмотря на то, что окончательное выяснение отношений было отложено до завершения войны, противостояние с лета 1915 г. постепенно обострялось, но открытых форм так и не приняло. Существовал некий негласный консенсус: давление на власть носило ограниченный характер и, по сути, сводилось к требованию увеличить участие общества в управлении империей. Различные заявления типа необходимости вести блок «к резко оппозиционному направлению» были не более чем риторикой без практических мер[1]. Успехом считалось установление контроля общественных организаций за деятельностью правительства[2], что напоминало фактическое введение ответственного перед Думой министерства. Власть же, со своей стороны, хотя и демонстрировала недовольство, тем не менее, не шла на крайние меры вроде досрочного прекращения полномочий нижней палаты.

Давление на самодержавие привело к осени 1916 г. лишь к некоторому увеличению участия «общества» в военных мероприятиях (система четырех Особых совещаний 1915 г.) и персональным перестановкам среди министров. Дальнейшие уступки не только не предполагались, напротив, разочарованный неослабевающим давлением,

критикой власти и созданием Прогрессивного блока, царь в конце 1915 г. «сдал назад». Однако начавшаяся «министерская чехарда» имела результатом иные, далекие от ожиданий последствия. Несмотря на привлечение в состав кабинета небюрократических фигур типа А.Н. Хвостова или А.Д. Протопопова, значительная часть новых людей, начиная с премьера Б.В. Штюрмера (январь — ноябрь 1916 г.), оказалась в той или иной степени замешана в связях с камарильей. Это добавило оппозиции новый лозунг — борьбу против «темных сил», который разделяли также многие из правых.

Прогрессивный блок усилил давление, это нашло выражение в скандальном выступлении его идейного лидера П.Н. Милюкова с трибуны Государственной думы 1 ноября 1916 г. Многие поняли его прежде всего как объявление об открытом разрыве большинства депутатов с правительством. Во власти наступила настоящая паника, правительство не нашло ответа на бездоказательные обвинения кадетского лидера в измене, что явилось грубой ошибкой. У царя было два выхода. Первый — распустить Думу и назначить новые выборы (совсем не созывать ее было невозможно: союзники не поняли бы такое решение; кроме того, представлялось, что палата депутатов понадобится при заключении скорого победного мира). Но они, согласно всем прогнозам, давали более левый состав депутатов, чем тот, который был. Второй — сменить правительство — означал очередную уступку блоку, что лишь провоцировало его стремиться к достижению следующей цели — «министерства доверия». Николай II, после некоторых колебаний, принял типичное для себя половинчатое решение — убрал лишь одиозного премьера Б.В. Штюрмера, связанного с Г.Е. Распутиным, откладывая другие шаги. Испуг власти выразился, в том числе, в многочисленных слухах о грядущих переменах, типа готовящегося манифеста о конституции и равноправии евреев, который связали с именем Протопопова[3], о возможном вторичном появлении Николая II в Думе или о высочайшем приеме депутатов, уже якобы намеченном на 6 декабря 1916 г.[4], наконец, о подготовке новым премьером А.Ф. Треповым законопроекта о продлении полномочий IV Думы до завершения войны[5]. Вероятно, эти слухи отражали поиски царя в рамках прежнего курса: сделать что-то такое, что позволило бы сохранять хотя бы видимость «единения», не идя при этом на серьезные уступки. В основном позиция монарха оставалась неизменной: он не соглашался дать ответственное министерство, потому что не снимал с себя ответственности за Россию, а все реформы следовало, как он думал, отложить до завершения войны[6].

Ситуация резко поменялась в связи с убийством Г.Е. Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. Император впал в настоящую ярость и отбросил все колебания. Немедленно (20 декабря) последовало утверждение А.Д. Протопопова министром (без сомнительного «и. о.») и увольнение от должности борца с «темными силами» министра юстиции А.А. Макарова (он, в том числе, добивался суда над И.Ф. Манасевичем-Мануйловым). Несколько задержавшаяся (27 декабря 1916 г.) отставка премьера А.Ф. Трепова была неизбежной не столько из-за его выраженной антираспутинской позиции, сколько из-за активного поиска им условий компромисса с Думой. Это означало, что шагов навстречу «общественности» ожидать более не приходилось. Александра Федоровна эмоционально заявляла: «Если мы хоть на йоту уступим, завтра не будет ни государя, ни России, ничего! Надо быть твердым и показать, что мы господа положения»[7]. Изменение курса сопровождалась резким уменьшением влияния камарильи. Князь М.М. Андроников, еще в начале 1916 г. впавший в немилость у Александры Федоровны, в январе 1917 г. вообще был выслан в Рязань. Резко потерял во влиянии, и без того не слишком значительном, П.А. Бадмаев и его кружок, близкие к Г.Е. Распутину в последние месяцы его жизни. Пожалуй, по-

следним камнем преткновения служил А.Д. Протопопов, но и его дни во главе МВД были сочтены. Однако в обществе этого практически не заметили, продолжая использовать образ «Гришки» для антиправительственной агитации.

Дальнейшая политическая линия Николая II может быть описана фразой: укрепление «единения» (в патриотизм Думы он, похоже, продолжал верить) с помощью создания правительства из твердых правых, не запятнанных связями с «темными силами». Не случайно в этот момент на первые роли выдвигаются И.Г. Щегловитов и Н.А. Маклаков (оба, кстати, были противниками А.Д. Протопопова). Если Щегловитов с 1 января 1917 г. возглавил Государственный совет, где одновременно была проведена невиданная до того чистка рядов (царь заменил в назначаемой им половине верхней палаты 18 человек) для усиления правой группы, то Н.А. Маклаков, по-видимому, предназначался стать премьером, а позднее — и министром внутренних дел[8]. Косвенно об этом, а также о том, что с Думой предполагалось более не церемониться, свидетельствует поручение Николая II Н.А. Маклакову 8 февраля 1917 г. составить проект указа о досрочном роспуске палаты[9]. Такое решение, судя по всему, сохранялось для крайнего случая. Пока же в палате начались маневры по консолидации думской правой, в центре которых находился лидер фракции националистов П.Н. Балашев (также, кстати, противник А.Д. Протопопова, но не сторонник досрочного роспуска Думы)[10]. Конечно, это не могло стать альтернативой Прогрессивному блоку, но обещало правительству хотя бы какую-нибудь поддержку среди депутатов.

Резюмируя, надо сказать, что представления, укрепившиеся в историографии, о «кризисе власти» накануне Февральской революции, преувеличены. «Нижней точкой» следует, по-видимому, считать конец 1916 г., после же убийства Г.Е. Распутина и резкого падения влияния «темных сил» тенденция поменялась, речь пошла о создании цельного, правого кабинета, готового действовать решительно, а не уступать оппозиции. Однако его формирование не завершилось к концу февраля 1917 г.

Либеральная оппозиция

Прогрессивный блок с самого начала не отличался монолитностью, с трудом находил равнодействующую линию для всех его участников. Причина была проста: чем шире был спектр сил слева направо, тем меньше находилось вопросов, по которым они могли сойтись. К концу 1916 г. блок нащупал главную проблему — «министерство доверия», свободное от влияния «темных сил», в чем «общественность» частично получила поддержку даже от части правых. То, что проблема даже не политики, а персонального состава правительства стала одной из ключевых для монархистов, свидетельствует, например, выступление В.М. Пуришкевича в Думе 19 ноября 1916 г. с резким обличением ряда фигур, а также раскол фракции правых в палате с выделением из нее «независимых правых». Казалось, еще чуть-чуть нажать, и вот оно — «министерство доверия», за которым после грядущей победы просматривается уже конституционный строй.

Однако после гибели Г.Е. Распутина тактика наращивания давления столкнулась с большими проблемами. Либералы не сразу уловили смену правительственного курса и не сумели сразу предложить новые рецепты достижения желаемого и, по сути, впали в кризис, грозивший разрушением Прогрессивного блока (уход прогрессистов). Двигаясь по пути «штурма власти» с ноября 1916 г., они готовили его продолжение в новую сессию. Так, 7 января 1917 г. в Москве состоялось заседание Главного комитета Всероссийского союза городов, на котором прозвучали резкие нападки

в адрес министра земледелия А.А. Риттиха за то, что он «совершенно игнорирует и “третирует” представителей общественных организаций в особом совещании и самовольно проводит такие ответственные меры как отмену твердых цен на хлеб, приостановку мясопустного закона и т.д.»[11], и угрозы отозвать представителей общественности из продовольственного совещания с тем, чтобы организовать скандал в Думе.

Новое наступление на правительство, начатое 14 февраля 1917 г. в Думе, обернулось конфузом. Готовая, уже перестроившаяся власть встретила наскоки энергичным отпором (А.А. Риттих). Открытые призывы к революции (А.Ф. Керенский, Н.С. Чхеидзе) исходили не от Прогрессивного блока и прямо не поддерживались им. То есть, прежняя тактика, принесшая известный успех в конце 1916 г., в начале 1917 г. уже не работала. Политическое руководство блока продолжало надеяться на назначение в состав правительства угодных либералам лиц[12] и готовилось к досрочному роспуску Думы (известные в литературе совещания либералов в Москве рубежа 1916—1917 гг.), не помышляя о подготовке революции, но рассуждая о ее опасности.

Революционеры и рабочее движение

Рабочее движение, несмотря на утверждения советских историков, накануне революции не играло доминирующей роли в политической жизни, так как носило неорганизованный и по преимуществу экономический характер. Его размах в начале 1917 г. был существенно ниже, чем, например, в 1905 г., и лишь ненамного больше, чем в 1916 г. Рост движения сдерживался, в частности, условиями военного времени: в любой момент нарушителей трудовой дисциплины можно было лишить брони и подвергнуть мобилизации в армию. Несмотря на то, что социал-демократы еще до войны укрепились как господствующая в рабочем движении сила, их влияние существенно ослабло. Колоссальную роль в этом сыграла провокация. Агенты полиции действовали на всех уровнях революционного подполья, благодаря их информации и постоянным арестам большевистского руководства в Петрограде к 1917 г. в целом вообще не существовало. Сторонники большевиков действовали лишь на низовом уровне, не имея координации даже в пределах столицы. Ни о какой подготовке революции речь вообще не заходила. Известный по событиям Февральской революции большевик И. Чугурин позднее вспоминал, что в 1916 г. Выборгский комитет видел свою задачу в том, чтобы «проводить известную партийную линию — критика войны, самодержавия» и устанавливать локальные связи с другими большевистскими группами в Петрограде, «что делается внутри масс — наш райком не знал». В начале 1917 г. они помышляли лишь о том, чтобы подготовить ударную встречу 1 мая, 23-го же февраля автор заявил рабочим: «Какое вы имеете право бастовать», то есть опережать, как им казалось, грядущий лишь в перспективе подъем массового движения[13].

Легальное рабочее движение, прежде всего, в виде Рабочей группы ЦВПК, также не вызывало у властей серьезных опасений. Созданная усилиями А.И. Гучкова и А.И. Коновалова прежде всего как альтернатива революционным организациям, группа лишь в начале 1917 г. выступила с призывами к свержению самодержавного строя (К.А. Гвоздев). Самая громкая их акция — призыв к рабочим поддержать уличными манифестациями начало думской сессии 14 февраля 1917 г. — имела весьма скромный результат (не более 80 тыс. манифестантов), она встретила противодействие не только со стороны большевиков, но даже Прогрессивного блока (П.Н. Милюков). К тому же после ареста ее лидеров в ночь с 27 на 28 января 1917 г. полиция имела все основания думать, что никакой влиятельной и организующей силы в рабочем движении на тот момент не осталось.

Экономические проблемы как причина массового недовольства

Власть явно недооценивала растущие экономические проблемы населения, несмотря на то, что они за годы войны более чем явственно заявляли о себе.

В частности, колоссальный рост цен (в 4—5 раз) на самое необходимое в Петрограде к 1917 г. Попытка ограничить его различными административными мерами, однако, успеха не имела.

С дефицитом и сильным кризисом власть впервые столкнулась 17 августа 1915 г., когда в торговых точках вдруг полностью исчезла разменная монета. Сговора между торговцами, разумеется, не было, но в один день они не только перестали давать сдачу, но и попытались резко занизить курс бумажных денег. В ответ последовали бурные протесты тысячных толп, начались драки женщин с торговцами, разгромы рынков и магазинов. Лишь своевременное и энергичное вмешательство полиции позволило сохранить контроль над ситуацией. Положение спасло то, что Государственный банк располагал большим запасом монеты и тут же бросил его в оборот. Только за 17 августа публике выдали ее на 500 тыс. руб. в специально открытых кассах размена и даже в полицейских участках. Одновременно с объявлением строгих мер в отношении тех, кто отказывал в сдаче (штраф до 3 тыс. рублей, тюремное заключение до 3 месяцев) успокоения удалось достичь уже на следующий день. События того дня показали, насколько быстро развивается паника (за день курс бумажного рубля обрушили на 50—60%) и вслед за ней беспорядки.

Хлебный же (как и продовольственный вообще) кризис в столице назревал постепенно. В сентябре 1915 г. в петроградских булочных на покупателя отпускали по 2 фунта муки, несмотря на то, что ее запасы были весьма значительны (2 млн пудов). Уже тогда торговля выпеченным хлебом завершалась в основном к 11—12 часам, вечером многие булочные вообще закрывались. Исчез из продажи сахар, за ним стояли в очередях сутками, с истериками и слезами женщин. Введя карточную систему на сладкое с большим запозданием (в конце 1916 г.), власть лишь несколько смягчила проблему. Попытки же полумер, типа продажи муки для пекарен через полицейские участки, попытки ввести фиксированный вес и цену, запрет на выпечку дорогих сдобных изделий и т.д. имели еще меньший эффект. Хорошо осведомленный начальник охранного отделения генерал К.И. Глобачев считал, что продовольственный кризис принял характер, угрожавший самодержавному строю, в июле 1916 г. Однако вместо срочных мер, чтобы увеличить выпечку хлеба, власти призвали хлебопеков в армию в числе ратников II разряда в 1916 г.

К каким чрезвычайным ситуациям готовились столичные власти?

Согласно диспозиции, которая была разработана в штабе Петроградского военного округа в ноябре 1916 г. (одобрена царем 12 февраля 1917 г.), город был разделен на районы, во главе каждого становился командир запасного батальона, в его подчинение поступали полицмейстеры, а главное командование возлагалось на генерала С.С. Хабалова. Предполагалось задействовать полицейские (из 3,5 тыс. большинство было распределено по участкам, остальные сведены в полицейский резерв из 10 рот) и военные (6 тыс.) части[14]. Суммарно это было порядка 10 тыс. человек. Диспозиция показала свою эффективность в противостоянии рабочим выступлениям 9 января и 14 февраля 1917 г. В первом случае столичный градоначальник А.П. Балк разместил по городу «наряды полиции, казачьих

войск и 9 кавалерийского запасного полка». И ничего не произошло! В канун 14 февраля генерал К.И. Глобачев получил сведения, что «ожидается двоякое выступление — в виде всеобщей забастовки и демонстративного движения к Государственной думе»[15]. В ответ администрация выдвинула конные части «в виде резервов в районах некоторых заводов», а на случай движения масс народа к Думе создать особый наряд для возможного усиления охраны мостов, а также разместила наряды полиции на значительном расстоянии вокруг Государственной думы. И опять — власть успешно справилась с массовым движением. У нее были все основания полагать, что и в дальнейшем план сработает.

Однако 10 тыс. человек было недостаточно для уверенного контроля над всем городом, что диктовало соответствующую тактику: не контроль над всей столицей, а только за узловыми пунктами с помощью небольших военно-полицейских команд, вооруженных пулеметами. То есть, сама диспозиция предполагала стрельбу.

Но по кому власти собирались стрелять? И в 1905, и в июле 1914 г. массовые забастовки быстро перерастали в агрессивные действия легко вооруженных дружин, устраивавших на улицах баррикады и нападавших на полицейских. Руководство города ожидало повторения сценария и готовилось сражаться с ними. Для армейских частей колебаний быть не должно: перед ними предстали бы боевики с оружием в руках, препятствующие войне до победы.

Массовые выступления 23—26 февраля 1917 г. в Петрограде: характер движения и просчеты властей

Начало массовых выступлений, когда в первый же их день — 23 февраля 1917 г. — встала примерно треть столичных фабрик и заводов, затем — больше[16], оказалось сюрпризом для властей. Движение сразу же нарушило первоначальную диспозицию: вместо отрядов боевиков на улицах шла толпа, состоящая отнюдь не только из рабочих, а из женщин, подростков и т.п., в ней мелькали даже офицеры (что смазывалось советской историографией) — без оружия, без выраженной агрессии, требовавшая хлеба. Тем не менее, в первые дни (23—25 февраля) командование действовало грамотно. 23-го «никто не был задержан, оружие в дело не употреблялось и пострадавших не было». 24-го градоначальник распорядился, чтобы войска заняли «соответственные районы», что и было сделано примерно к 11 часам, но стрельба опять не велась[17]. Казаки же, призванные рассеивать толпы, вообще не имели оружия (нагайки им выдали лишь 25 февраля).

В ночь с 24 на 25 февраля в штабе округа решили поменять диспозицию. Если ранее разгоном манифестантов занималась по преимуществу полиция при участии казаков, то сейчас полицмейстерам вменялось в обязанность лишь сообщать обо всех выдающихся событиях начальникам районов. То есть, основная задача по рассеиванию публики возлагалась на войсковые части, причем казаки, получив упрек за предыдущее поведение, должны были «энергично» действовать нагайками[18]. Это совпало с начавшимися провокациями со стороны революционеров. И. Чугурин вспоминал: «Выборгский райком бастует, другие комитеты не присоединяются, тогда я ставлю в райкоме вопрос — надо создать такое положение, чтобы войска в нас стреляли, если несколько человек будет убито, то кровь пролитая заставит другие районы забастовать. На другой день (надо полагать, 25-е. — *И.Л.*), выйдя на Невский, мы получили боевое крещение, несколько человек было убито, кровь пролилась и другие районы забастовали»[19]. Надо отдать должное войскам — до 26 февраля они отвечали огнем только на провокации. Солдаты не были готовы стрелять в публику, которая просила хлеба и дружески обращалась к ним.

Грубой ошибкой власти было недостаточное внимание к проблеме хлеба и очередей. Вместо экстренных действий последовало объявление градоначальника о достаточных запасах продовольствия в столице, имевшее обратный эффект (если есть — значит, виноваты торговцы). То, что предлагал Н.А. Маклаков уже 23-го февраля, — немедленно бросить в продажу все запасы по дешевой цене для снятия напряжения — являлось самым разумным решением[20]. Однако администрация решила снять с себя всякую ответственность, сбросив продовольственный вопрос в руки городской думы. В тот момент это означало паузу в любых действиях, что поддерживало накал ситуации.

Ситуация радикально поменялась 26-го февраля, после того, как вечером 25-го пришло повеление Николая II немедленно прекратить беспорядки в столице. Командующий округа С.С. Хабалов понял приказ однозначно — стрелять. Войска вообще нельзя использовать в таких ситуациях — они для боевых действий, а не для расстрела безоружных обывателей. Как минимум несколько десятков жертв стрельбы 26 февраля спровоцировали худшее — выступление солдат против офицеров (в Павловском полку 26-го вечером, в Волынском полку 27-го рано утром), заставлявших их убивать мирное население. Быстрота распространения мятежа, помимо ошибок командования, объяснялась угрозой жизни для выступивших: спасти себя от жестокого наказания в случае неудачи они могли лишь свержением власти. Комбинация бунта обывателей и мятежа войск, охвативших столицу 27 февраля, за один день смела царское правительство.

Февральская революция победила не потому, что Россия была обречена на именно такой способ смены государственного строя. Изучение обстоятельств крушения власти показывает, что объяснение его причин как саморазрушения или механического перебора неразрешенных проблем является сильно натянутым, в него не вписываются многие процессы и факты. Вероятно, следует говорить о линейке кризисных явлений, которые взорвали самодержавие лишь благодаря трагическому стечению обстоятельств.

1 *Ростовцев Н.А.* Воспоминания Н.А. Ростовцева // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9026. Оп. 1. Д. 3. Л. 173. На уточняющий вопрос автора: «к революции?» — П.Н. Милюков предпочел не отвечать.

2 Сведения, полученные от Анненкова 10 февраля 1916 г. // Там же. Ф. 63. Оп. 46. Д. 80. Л. 81—82.

3 *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2014. С. 398.

4 [Информационный листок Государственной думы], 28 ноября 1916 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1916. Д. 307 а. Т. 3, ч. 2. Л. 129, 132.

5 Записка начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции, 7 декабря 1916 г. // Там же. Т. 2. Л. 21 об.—22.

6 *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг. Нью-Йорк, 1962. Т. 3. С. 25.

7 *Нарышкина Е.А.* Указ. соч. С. 397. Дневниковая запись 2 января 1917 г.

8 [Информационный листок Государственной думы], 18 января 1917 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 307 а. Л. 52; *Спиридович А.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 48.

9 Н.А. Маклаков — Николаю II, 9 февраля 1917 г. // *Семенников В.П.* Монархия перед крушением, 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семенникова. М.; Л., 1927. С. 97—98.

10 [Информационный листок Государственной думы], 22 февраля 1917 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 307 а. Л. 77.

11 [Осведомительная записка Департамента полиции, 14 января 1917 г.] // Там же. Ф. 97. Оп. 4. Д. 10. Л. 189—190. Входящий штамп 27 января 1917 г.

12 Записка петроградского охранного отделения о Государственной думе, [январь 1917 г.] // Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 161—163.

13 Стенограмма вечера воспоминаний при Выборгской районной комиссии Истпарта, 3 ноября 1926 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. Р-4000. Оп. 6. Д. 45. Л. 6—8.

14 *Мартынов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте. [Л.], 1927. С. 62.

15 Протокол допроса А.П. Балка, 5 апреля 1917 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 64.

[16] То, что во главе движения в первый день встали женщины, объясняется просто: им не угрожала отправка на фронт. Выход же на улицы мужчин толкал их к понятным решениям — скорее «снять» других, чтобы сделать невозможными локауты.
[17] ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 65—66. Протокол допроса А.П. Балка 5 апреля 1917 г.
[18] Там же. Л. 66 об.—67.
[19] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 6. Д. 45. Л. 8. Стенограмма вечера воспоминаний при Выборгской районной комиссии Истпарта 3 ноября 1926 г.
[20] *Ганелин Р.Ш.* 23 февраля // Первая мировая война и конец Российской империи. СПб., 2014. Т. 3: Февральская революция. С. 86.

Ф.А. Гайда

Временное правительство: старое и новое в практике государственного управления

Вместе со «старым порядком» Февральская революция в считанные дни устранила традиционную дихотомию государства и общества. Трехсотлетний суверенитет монарха сменился суверенитетом народа. Это полностью меняло статус правительственной власти. П.Н. Милюков был вполне точен, когда 2 марта 1917 г. в Екатерининском зале Таврического дворца на вопрос: «Кто вас выбрал?» — ответил: «Нас никто не выбирал, ибо, если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власти из рук врага. <...> Нас выбрала русская революция»[1]. Декларация о составе и задачах Временного правительства была подписана М.В. Родзянко в качестве председателя Государственной думы и самими новыми министрами, однако заголовок гласил: «От Временного правительства»[2]. Иными словами, революционное правительство само заявляло о своем создании. Уже на первом его заседании было признано, что Основные законы «после происшедшего государственного переворота» потеряли свою силу. После этого было также определено, что «представляется весьма сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва». Фактически правительство само определило собственные полномочия. Было решено присвоить себе всю полноту власти и «установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент»[3].

Ситуация была закреплена актом 3 марта об отказе от власти великого князя Михаила Александровича. Он соглашался принять верховную власть лишь в случае соответствующего решения Учредительного собрания. «Прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа»[4]. Михаил Александрович сам предложил внести слово «прошу», поскольку не принимал на себя властных полномочий[5]. Таким образом, документ не только не соответствовал прежней правовой системе, он вообще не имел юридического характера. В этой политической декларации великий князь лишь соглашался с фактом победы революции. Учредительное собрание появилось не волей Михаила, а волей революции.

Акт 3 марта прояснял пути разрешения основных политико-правовых противоречий, сложившихся в результате переворота: неопределенность формы правления, объема власти правительства и положения Государственной думы. Именно поэтому барон Б.Э. Нольде, один из авторов этого документа, назвал его «единственной конституцией периода существования Временного правительства»[6]. Другой его автор, В.А. Маклаков, писал: «Конституция этим была полностью упразднена; всякая связь между новой властью и старым порядком была разорвана»[7]. По словам П.Н. Милюкова, акт закреплял «Rechtsbruch», «перерыв в праве»[8].

В присяге члена Временного правительства, утвержденной им самим 11 марта, говорилось: «По долгу члена Временного правительства, волею народа по почину Государственной думы возникшего, обязуюсь и клянусь перед Всемогущим Богом и своею совестью служить верою и правдою народу Державы Российской, свято оберегая его свободу и права, честь и достоинство и нерушимо соблюдая во всех действиях и распоряжениях моих начала гражданской свободы и гражданского равенства и всеми предоставленными мерами мне подавляя всякие попытки прямо или косвенно направленные на восстановление старого строя»[9]. Лучше всего правительственное понимание своего статуса выразил I департамент Сената: «Временное правительство волею народа облечено диктаторской властью, самоограниченной его собственной декларацией и сроком до Учредительного собрания»[10].

Революция имела радикально-освободительный характер и нанесла сокрушительный удар по всей административной системе. Это соответствовало желаниям новой власти. 6 марта последовала амнистия по политическим и религиозным делам, были сокращены сроки по уголовным делам. 10 марта был упразднен Департамент полиции. 12 марта была отменена смертная казнь. 20 марта отменялись национальные и конфессиональные ограничения. Премьер кн. Г.Е. Львов публично заявлял: «Правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. На местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением»[11]. К органам власти граждане свободной России отныне, по мнению кадетской «Речи», должны были прибегать «лишь постольку, поскольку это требуется действительными интересами правового общежития»; при этом при отсутствии признанной правовой системы имелось в виду «право неписаное, живущее в нашем сознании, свойственное всему культурному человечеству»[12].

Центральное место в отношениях правительства с провинцией должен был занять институт губернских и уездных комиссаров. По сути они были единственными представителями государства на местах и должны были действовать с опорой на местные общественные организации и органы самоуправления. Согласно циркулярам МВД от 1 и 15 апреля, губернский комиссар получал права надзора за всеми отраслями гражданского управления и отмены постановлений городской думы. Вето преодолевалось простым большинством голосов, а вскоре было заменено возможностью опротестовывать постановления в местном суде. В ведении комиссара также было право вызова войск. Губернское управление заменялось советом при комиссаре, в который входили его помощники, инспектора милиции, строительные и врачебные инспектора, председатель окружного суда и прокурор. Кандидатура уездного комиссара рекомендовалась губернскому комиссару уездным исполкомом общественных организаций и по представлению утверждалась правительством. Уездные комиссары осуществляли надзор не за уездными органами (полностью самоуправляемыми), а за волостными и поселковыми правлениями[13]. На съезде губернских комиссаров 22—24 апреля, обсуждавшем реформу, было принято решение, что их назначение должно согласовываться с губернскими комитетами общественных организаций. Комиссары не получили пра-

ва ревизии органов местного самоуправления. Отмечалось даже, что право надзора само по себе противоречит курсу правительства на «единение» с населением. Делегаты выступили против создания совета при комиссаре, так как посчитали это простой «перекраской» прежних органов[14]. 26 апреля с учетом всех поправок постановление о комиссарах было опубликовано. Механизм нормальной работы положения не был отрегулирован даже к осени (хотя ни один из кабинетов правительства не менял взятого курса), о чем и говорилось на последующем съезде в августе[15].

17 апреля вышло постановление о милиции (она подчинялась органам местного самоуправления), 4 мая — постановление о временном устройстве местного суда. Произошла широкая демократизация местного самоуправления. 15 апреля правительство опубликовало временный закон о гласных городских дум и городских участковых управлениях, 21 мая — законы о порядке выборов в земство и о введении волостного земства. 20 марта последовал закон о кооперативных товариществах и их союзах, 12 апреля — закон о собраниях и союзах. Оба закона предоставляли населению полную свободу инициативы. Министр путей сообщения Н.В. Некрасов создал общественные советы на железных дорогах, которым и передал непосредственное управление[16]. Суть подобной политики была выражена словами Некрасова, сказанными им 27 марта на VII съезде кадетской партии: «Основной вопрос заключается сейчас в том, чтобы идею революции, торжества демократии, идею народовластия провести возможно скорее во всех возможных ее формах»[17].

На практике в стране царила анархия. Сменяемость губернских и уездных комиссаров была очень высока, зачастую они действовали без назначения, по избранию, и правительству приходилось признавать их. Кроме того, комиссары нередко арестовывались или отстранялись от должности. При отсутствии аппарата власти комиссар становился не должностным лицом, а получавшим жалование политическим деятелем, пытавшимся согласовать интересы различных общественных организаций и партий. Финансы распределялись без должного контроля, подчас они тратились на содержание партий и советов. Часто различные органы власти (советы, комитеты общественных организаций) принимали на себя полномочия и функции государственной власти. Милиция обычно контролировалась местным советом. Главной же силой в городах становятся быстро разлагающиеся военные гарнизоны[18].

В разгар Апрельского кризиса П.Н. Милюков, А.И. Гучков и Ф.Ф. Кокошкин предложили Временному правительству разорвать с Петросоветом и начать формировать антисоветскую коалицию. Но подавляющее большинство членов правительства выступило против этого[19]. В результате была опубликована правительственная декларация, которая гласила: «Призванное к жизни великим народным движением, Временное правительство признает себя исполнителем и хранителем народной воли. В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе. С тех пор, как Временное правительство стоит у власти, оно ни разу не отступило от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственной преграды...»[20]. Для предотвращения катастрофы правительство предлагало единственный рецепт — создание коалиции. На самостоятельное применение войск военный министр не решился, после чего подал в отставку[21]. В это же время член кадетского ЦК А.В. Тыркова решилась напомнить Милюкову о необходимости применения «старых» классических методов административного принуждения. На это он отвечал: «Лучше я потеряю власть, но таких методов применять не буду»[22].

Юридическую ответственность Временное правительство несло только перед Учредительным собранием, поэтому в отношении всей страны по сути стало «министерством доверия». Состав и программа правительства формировались именно из расчета завоевания и удержания общественного доверия. Олицетворением его стал премьер кн. Г.Е. Львов, глава крупнейшей общественной организации — Всероссийского земского союза, а затем и А.Ф. Керенский, ставший посредником между социалистами и либералами в коалиционном правительстве. Утрата доверия (популярности) неизбежно влекли уход из правительства.

В революционных обстоятельствах важнейшей общественной организацией становился Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, позднее сменившийся съездами советов и их центральными исполнительными комитетами. Петросовет изначально объявил о том, что отражает «требования революционного народа» всей России[23]. Заместитель председателя Совета Керенский стал министром юстиции. Между правительством и Советом установилось тесное взаимодействие и даже сотрудничество. 10 марта правительство по собственной инициативе пошло на создание контактной комиссии[24], важную роль которой отмечали как представители правительства (В.Д. Набоков), так и Совета (Н.Н. Суханов)[25]. В мае состав правительства пополнился новыми представителями Петросовета.

Разительной противоположностью отношениям с Советом стало поведение правительства в отношении законодательных палат, которые являлись цензовыми учреждениями «старого порядка». Временное правительство с момента создания предпочитало собираться без участия членов Временного комитета Государственной думы[26]. Депутаты и члены ВКГД активно привлекались к различного рода политической и организационной деятельности в центре и на местах, посылались в войсковые части и на фронт, исполняли отдельные поручения[27]. При этом все попытки возобновить регулярную работу парламента наталкивались на неприятие революционной власти[28].

По мере нарастания кризиса и технической невозможности скорого созыва Учредительного собрания Временное правительство вынуждено было прибегать к созданию суррогатов представительства: Государственного совещания, чьи функции ограничились политико-идеологическими, или законосовещательного Временного совета Российской республики (Предпарламента). Подобная практика была нововведением, но, вместе с тем, напоминала реалии XVI—XVIII вв. (земские соборы, Уложенная комиссия).

Юридическое подчинение Учредительному собранию подразумевало временную формальную концентрацию государственной власти в руках Временного правительства. Объем полномочий превосходил тот, который концентрировался в руках самодержца после 1905 г. Временное правительство сочетало в себе законодательную, исполнительную и судебную власть. Кадетская «Речь» писала: «Революция, почин Думы и переданный старым режимом легальный титул — таковы три источника полноты власти Временного правительства»[29]. Новая власть решила, что все постановления, утвержденные до 27 февраля на основании статьи 87-й Основных законов, но не внесенные за истечением двухмесячного срока в законодательные учреждения, считались действующими до их отмены Временным правительством без представления в законодательные учреждения[30]. Не опубликованные до переворота акты верховного управления, в случае их соответствия новым условиям, по секретному решению правительства выходили с заменой высочайшего утверждения на подпись министра-председателя[31]. Временное правительство также сохраняло верховную власть в отношении Православной церкви и утверждало решения Синода.

Конкретная подготовительная работа юридического и экспертного характера проводилась Совещанием товарищей министров и Юридическим совещанием при правительстве. В обязанности Совещания входило рассмотрение дел «малого Совета министров» — законодательных и распорядительных. На первом же заседании был поставлен вопрос о передаче второстепенных дел в министерства для разрешения в порядке управления. Но вопрос так и не был решен, и совещание увязло в подготовке к заседаниям Временного правительства второстепенных дел (злополучной «вермишели»), накопившихся с июня 1916 г. Оно проводило значительную работу в помощь правительству, но поток дел, проходящих через последнее, тем не менее сократить не удалось[32]. 20 марта было постановлено создать Юридическое совещание, в ведении которого были «вопросы публичного права, возникшие в связи с установлением нового государственного порядка»; совещание должно было давать «предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющие характер законодательных актов», а также иным, которые правительство вносило на его рассмотрение[33]. При этом некоторые проходили экспертизу в юрисконсультской части министерства юстиции[34]. Четкого разделения функций при этом не было: дела иногда поступали из Юридического совещания в министерство и, наоборот, иногда шли параллельно[35].

После победы революции министерства быстро возобновили свою деятельность. Подавляющее большинство чиновников не только не сопротивлялось новой власти, но и приветствовало ее, выражая готовность служить и ей[36]. В системе управления чистки сильно затронули лишь военное министерство и верхушку бюрократического аппарата[37]. На место уволенных назначались лояльные чиновники, а также общественные деятели, деятели науки и, в министерстве юстиции, присяжные поверенные[38]. Обычно они принадлежали к тем партийным фракциям Государственной думы или тем организациям, членом которой был сам министр. Политические убеждения ценились выше деловых качеств, происходила «политизация аппарата»[39]. В военном министерстве, например, началась борьба за шестичасовой рабочий день и шла массовая запись в эсеры[40]. Кроме того, большинство министерств были заняты масштабной внутренней реорганизацией[41].

Революционное «министерство доверия» стремилось сохранить надпартийность и надклассовость. Хотя кадетская партия по сути стала «мозгом» Временного правительства, она при этом не приняла и не могла принять на себя статус «правящей партии». «Представление о слиянии нас с правительством, переименовании нас в правительственную партию было бы заблуждением едва ли правильным по существу и опасным и для нашей деятельности, и для деятельности правительства. Мы должны представлять собою часть общественного мнения страны», — заявил на мартовском партийном съезде М.М. Винавер[42]. Майский съезд поддержал создание коалиционного правительства[43].

При этом Временное правительство под влиянием обстоятельств вынуждено было перейти к политике «государственного социализма». 9 марта при министерстве торговли и промышленности был создан Отдел труда, который принялся за спешную разработку рабочего законодательства и должен был надзирать за его выполнением (в него, в частности, вошли представители Петросовета и Совета торгово-промышленных съездов); министр А.И. Коновалов согласился с введением 10 марта восьмичасового рабочего дня на частных заводах Петрограда и принял решение о его установлении на казенных (в том числе военных) заводах столицы[44]. Министр земледелия А.И. Шингарев 25 марта установил хлебную монополию, ввел изъятие необработанных земель и хлебные карточки. 21 апреля правительство по представлению министра земледелия вынесло постановление о создании местных выборных земель-

ных комитетов, которым передавался контроль за землями сельскохозяйственного назначения[45]. Став в мае министром финансов, Шингарев в соответствии с программой правительственной коалиции инициировал 12 июня увеличение подоходного налога и введение налога на сверхприбыль[46].

Декларация коалиционного правительства от 6 мая предполагала «проведение государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов», а также «в необходимых случаях» и «организацию производства»[47]. Сменивший Коновалова В.А. Степанов (управляющий министерством) начал разработку реформы. 21 июня по решению Временного правительства был образован Экономический совет, который должен был создавать общий план организации экономики. Подчинявшийся ему Главный экономический комитет призван был согласовывать текущую политику различных ведомств[48]. 1 августа вводилась государственная монополия на продажу донецкого угля[49]. В октябре товарищем министра финансов кадетом М.И. Фридманом были разработаны законопроекты о поимущественном налоге, налоге на наследство, на сделки по ценным бумагам, а также о введении государственной монополии на продажу чая, табака и спичек. Подобные проекты прямо расходились с интересами торгово-промышленников[50]. Кроме того, «государственный социализм» требовал создания эффективного механизма управления, без которого оставался лишь фикцией.

Таким образом, реализуя собственную программу и подчиняясь складывавшейся ситуации, Временное правительство практически полностью меняло практику государственного управления. Новая власть создавала новую революционную легальность, отказывалась от администрирования и применения насилия, делала ставку на общественное доверие. При этом происходило резкое упрощение политического механизма с частичным возвратом к традициям неограниченного самодержавия, что стало признаком нарастающего политического кризиса. В экономической сфере кризис провоцировал политику «государственного социализма», но она оставалась неэффективной при усиливающейся анархии.

1 Февральская революция. 1917: сб. документов и материалов / под ред. А.Д. Степанского и В.И. Миллера. М., 1996. С. 135.
2 *Суханов Н.Н.* Записки о революции: в 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 176.
3 Февральская революция. 1917. С. 161—162.
4 Там же. С. 143—144.
5 *Шульгин В.В.* Годы; Дни; 1920. М., 1990. С. 547.
6 *Нольде Б.Э.* Набоков в 1917 году // Архив русской революции: в 22 т. / под ред. И.В. Гессена. М., 1991. Т. 7. С. 8.
7 *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 377—378.
8 *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 453.
9 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 6. Л. 40—40 а.
10 *Малянтович П.Н.* Революция и правосудие: несколько мыслей и воспоминаний. М., 1918. С. 12.
11 *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Париж, 1932. С. 245—246.
12 Речь. 1917. 9 марта.
13 Временное правительство. Министерство внутренних дел. Циркуляры министерства внутренних дел. Пг., 1917. С. 7—8; Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис: документы и материалы / под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1958. С. 311—312; ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 6. Л. 12—15; Оп. 3. Д. 33. Л. 14—21; Оп. 6. Д. 5. Л. 50—57.
14 ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 5. Л. 10—29.
15 Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—3.
16 *Розенберг У.Г.* Государственная администрация и проблема управления в Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению / под ред. П.В. Волобуева. М., 1997. С. 119—130.
17 Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905—1920 гг.: в 3 т. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000. Т. 3, кн. 1. С. 473.

[18] Временное правительство. Министерство внутренних дел. Циркуляры. С. 6—7, 23—24, 33, 35, 54, 60—63, 65; ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 2. Л. 19—20; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 128—135; *Баженова Т.М.* Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // Сборник ученых трудов / Свердловский юридический институт. Свердловск, 1975. Вып. 44. С. 75; *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 165; *Герасименко Г.А.* Власть и народ. М., 1995. С. 76—80, 96—102; *Звягинцева А.П.* Организация и деятельность милиции Временного правительства России в 1917 году: автореф. ... канд. ист. наук: (579). М., 1972. С. 22, 27; *Рейли Д.Дж.* Политические судьбы российской губернии: 1917 г. в Саратове. Саратов, 1995. С. 86, 90.

[19] Александр Иванович Гучков рассказывает...: воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 76; *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 89—90; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции: в 2 т. Париж, 1963. Т. 1. С. 109—110.

[20] Вестник Временного правительства. 1917. 26 апр.

[21] Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 75—79.

[22] *Борман А.* А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 127—128.

[23] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: документы и материалы. Л., 1991. Т. 1 / под ред. П.В. Волобуева. С. 204—205.

[24] Там же. С. 43—44, 77—82; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 303.

[25] *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции: в 22 т. / под ред. И.В. Гессена. М., 1991. Т. 1. С. 65—69; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 210—211.

[26] *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 208, 222.

[27] *Николаев А.В.* : 1) Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль — март 1917 г.): персональный состав // Из глубины времен. 1995. [№] 5. С. 46—74 ; 2) Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 года: персональный состав // Там же. 1997. [№] 8. С. 26—46.

[28] *Родзянко М.В.* Государственная дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции: в 22 т. / под ред. И.В. Гессена. М., 1991. Т. 6. С. 71—72.

[29] Речь. 1917. 7 марта.

[30] ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 13, 43.

[31] Там же. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 61. Л. 21.

[32] Там же. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 59. Л. 1—2; Ф. 1779. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

[33] Там же. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

[34] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1510. Л. 1—13.

[35] *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914—1920. М., 1993. С. 313; ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 104—143 об.; РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1358. Л. 94—120.

[36] *Бубликов А.А.* Русская революция. Нью-Йорк, 1918. С. 23; *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. С. 251—253; *Демьянов А.А.* Временное правительство, Советы рабочих и солдатских депутатов и армия // ГА РФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д. 11. Л. 44 об.—45.

[37] См.: *Куликов С.В.* Временное правительство: кадровые перестановки (март — октябрь 1917) // Из глубины времен. 1996. [№] 7. С. 27—42.

[38] *Демьянов А.А.* Временное правительство, Советы рабочих и солдатских депутатов и армия // ГА РФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д. 11. Л. 63—65. См. также: Там же. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

[39] *Белошапка Н.В.* Временное правительство в 1917 году: механизм формирования и функционирования. М., 1998. С. 57—58.

[40] Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 99—102.

[41] ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 1; Д. 59. Л. 11; Ф. 1800. Оп. 1. Д. 2. Л. 48—49; Д. 18. Л. 1—36.

[42] Речь. 1917. 29 марта.

[43] Съезды и конференции конституционно-демократической партии ... Т. 3, кн. 1. С. 651.

[44] *Авдеев Н.Н.* Революция 1917 года: хроника событий / [сост.] Н. Авдеев. М.; Пг., 1923. Т. 1: Январь — апрель. С. 87; Революционное движение в России после свержения самодержавия: документы и материалы / отв. ред. Л.С. Гапоненко. М., 1957. С. 432—434; Вестник Временного правительства. 1917. 11 марта.

[45] Журналы заседаний Временного правительства, март — октябрь 1917 года: в 4 т. М., 2001. Т. 1: Март — апрель 1917 г. С. 58, 169, 326—331. (Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации»; т. VII).

[46] Там же. М., 2002. Т. 2: Май — июнь 1917 года. С. 239—3245. (Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации»; т. VIII).

[47] Вестник Временного правительства. 1917. 6 мая.

[48] Журналы заседаний Временного правительства ... Т. 2. С. 317; *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 99.

[49] Журналы заседаний Временного правительства ... Т. 2. С. 361.

[50] Промышленность и торговля. 1917. № 38/39. С. 214.

А.Б. Николаев

Из истории сотрудничества Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в решающие дни Февральской революции 1917 года

В отечественной историографии вопрос о сотрудничестве Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в решающие дни Февральской революции, то есть 27 февраля — 3 марта 1917 г., практически не рассматривается. Исследователи, когда заходит речь об участии Государственной думы в революционных событиях, в значительной своей части дают ей (Думе!) уничижительную характеристику. Так, Ф.А. Гайда пишет, что она «к вечеру 27 февраля стала центром революции, но не как орган власти [...], а как место, “помещение”, то есть как Таврический дворец, в который стекались восставшие солдаты и рабочие, где тогда же начал заседать самозваный Совет рабочих и солдатских депутатов. Именно он теперь реально ассоциировался с революцией»[1]. Вместе с тем в ряде работ Государственная дума признается центром революции и штабом восстания[2]. Любопытно, что такая характеристика Думы наталкивается на обвинения в принижении роли Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Например, Г.Л. Соболев замечает, что «к сожалению, сегодня наблюдается другая крайность: стремление затушевать роль Петроградского Совета и оттеснить его на второй план, сделать “центром революции и штабом восстания” (!) Государственную думу и ее Временный комитет»[3]. А.А. Смирнова приводит эту фразу в своей монографии 2005 г.[4] и статье 2017 г.[5] полностью, не изменив в ней ни слова. Н.А. Окатов утверждает, что в результате событий 27 февраля «несколько дней в столице России не было ни власти царя, ни Думы, ни Совета министров», а Петроградский Совет рабочих депутатов 27 февраля «начал действовать как орган революционной власти». По мнению автора, «...Совет рабочих депутатов опережал Государственную думу в вопросах организации новой власти», а чтобы доказать это «опережение», Окатов откровенно вводит в заблуждение своих читателей: «Встревоженные образованием Совета рабочих депутатов, либералы, на совещании членов Государственной думы, ровно в полночь 27 февраля организовали Временный комитет Государственной думы во главе с председателем Думы М.В. Родзянко»[6]. В действительности ВКГД был создан значительно раньше, чем указывает Окатов, а точнее: после 5 и до 5 час. 30 мин. дня 27 февраля 1917 г.

Иначе говоря, в отечественной историографии идет дискуссия о том, являлась ли Государственная дума центром революции и если являлась, то какой центр революции — Дума или Петросовет — занимал лидирующие позиции в Февральской революции. Можно утверждать, что разрешить этот спор можно лишь в том случае, если признать наличие думско-советского сотрудничества, не отрицая, конечно, противоречий и конфликтов, которые возникали между Думой и Советом 27 февраля — 3 марта 1917 г.

Итак, когда началось и в чем проявлялось думско-советское сотрудничество?

Среди думских лидеров существовали определенные сомнения относительно того, насколько широко Государственная дума и ее структуры способны охватить своим влиянием все городские слои Петрограда и восставших солдат. Скорее всего, это сомнение и стало побудительным мотивом для А.Ф. Керенского и других левых депутатов к принятию мер по организации Петроградского Совета рабочих депутатов. Считается, что Временный Исполком Совета рабочих депутатов был создан около 2 часов дня 27 февраля[7], в него вошли меньшевики депутаты IV Думы М.И. Скобелев и Н.С. Чхеидзе. В действительности же он был создан позже — уже после так называемого «занятия» Таврического дворца восставшими.

Огромное политическое значение для подъема авторитета Петросовета играло то, что он расположился в Таврическом дворце, где размещалась Государственная дума, имевшая авторитет в обществе, знали о ней и представители городских низов. Петросовет получил возможность использовать помещения, телефон и телеграф Таврического дворца, а также другую материально-техническую базу, предназначенную для Думы.

При создании постоянных органов Петросовета вечером — ночью 27 февраля (после 9 часов вечера) в его руководстве оказались Чхеидзе (председатель Совета), Керенский (товарищ председателя). Установлению тесных связей между Временным комитетом Государственной думы и Петросоветом способствовал тот факт, что руководители Совета Чхеидзе и Керенский одновременно являлись и членами ВКГД. Оба они выступали носителями власти ВКГД и Петросовета. Тем самым Чхеидзе и Керенский вводили в политическую жизнь институт двойных полномочий. Этот институт являлся, по сути, проявлением принципа думско-советского сотрудничества.

Первым мероприятием, говорящим о возможности успешного проведения в жизнь принципа думско-советского сотрудничества, стало согласование вопроса об информационном обеспечении Февральской революции. 27 февраля 1917 г. был создан Комитет петроградских журналистов, который постановил «организовать выпуск “Известий”, в которых печатать исключительно фактические сведения о событиях, а также все акты, которые будут иметь отношения к этим событиям». Но печатать «Известия» в условиях газетной забастовки было невозможно. Поэтому журналисты обратились за помощью в Таврический дворец: «Члены временного комитета А.Ф. Керенский и Н.С. Чхеидзе, признавая важность издания “Известий”, пошли навстречу нашей просьбе и выдали нам письменный призыв к рабочим типографий приступить к печатанию “Известий”, издаваемых комитетом петроградских журналистов»[8]. Этот совместный документ был подписан после 5 час. дня и до 6 час. 30 мин. вечера 27 февраля, то есть после создания ВКГД и до начала набора первого номера «Известий Комитета петроградских журналистов». Согласование было проведено лично Керенским и Чхеидзе, первым как членом ВКГД, а вторым как членом ВКГД и Временного Исполкома Петросовета.

Дума и Совет практиковали сотрудничество в решении военного вопроса, а точнее в организации военных (военно-революционных) сил для борьбы с самодержавием. Начало этому сотрудничеству было положено уже 27 февраля 1917 г.

27 февраля 1917 г. в Таврическом дворце формируется штаб восстания. Уже с утра этого дня А.Ф. Керенский предпринял ряд шагов для направления восставших солдат с улиц столицы к Таврическому дворцу. Днем 27 февраля 1917 г. толпы восставших солдат появились у здания Государственной думы. К этому моменту председатель Государственной думы М.В. Родзянко уже успел отдать приказ начальнику охраны Таврического дворца генерал-майору барону В.Ф. Остен-Сакену, «чтобы находящийся в здании дворца военный караул не оказывал бы сопротивления и не пускал бы в ход оружия»[9]. При занятии же дворца восставшими важнейшую роль сы-

грал Керенский. В.Г. Богораз-Тан писал: «Подходят восставшие войска. Керенский встречает их первый и обращается к ним с речью. Он же приводит в Государственную думу первый караул революционной армии. Солдаты взволнованы. Даже руки у них трясутся, Керенский берет разводящего за руку и ведет за собой: — Милый, не волнуйся, спокойнее». И далее Богораз-Тан пересказал «любопытные подробности этого замечательного эпизода», сообщенные ему Керенским: «— Они меня (Керенского. — *А.Н.*) спросили, где ставить караул. Я сначала пошел обратно в Думу, чтобы осмотреть посты, они остались на дворе». «"Чего вы ждете, идите", — спрашивали их другие. — "Мы ожидаем того, в вольной одежде, он придет за нами"»[10].

Концентрация в Таврическом дворце толп восставших солдат и рабочих создавали предпосылку для организации более планомерного натиска на военно-полицейские пункты в Петрограде. Этой работой занимался А.Ф. Керенский и лица, группировавшиеся вокруг него. Иначе говоря, организационно-техническую работу по развитию успеха восстания взял на себя «штаб Керенского»[11]. Чем же он занимался в первые часы своей деятельности? В частности, крайне важной оставалась проблема организации перехода войск на сторону восставших. По словам Б.Г. Сергиева, А.Ф. Керенский, М.В. Родзянко и М.А. Караулов направляли отряды солдат и вооруженных рабочих «в разные части города для вызова еще не восставших воинских частей»[12]. Так, рабочий Назаров вспоминал, что 27 февраля около шести часов вечера из Таврического дворца хотели послать отряд, включая и броневики, для «снятия» 1-го запасного пехотного полка. Но отказались от этой мысли, узнав, что полк уже вышел из казарм и идет к Государственной думе[13].

Подчеркнем, что 1-й пехотный запасной полк был первой воинской частью, которая явилась в Государственную думу под командой полковника К.Ф. Лучивки-Неслуховского[14]. Кстати, решающей предпосылкой преобразования «штаба Керенского» в Военную комиссию и стал переход на сторону революции этой воинской части. До этого «штаб» был вынужден опираться в своих действиях на отряды солдат, сформированных наспех, которыми руководили командиры-добровольцы. Теперь же, около 7 час. вечера 27 февраля, Военная комиссия получила в свое распоряжение свыше 200 офицеров и 12-ти тысяч солдат 1-го пехотного запасного полка[15], что и придало ей уверенность в победе начатого дела.

Вечером 27 февраля в Таврическом дворце был создан советский «военный штаб»[16]. Какой-либо практической работы по руководству восставшими ему наладить не удалось, а все ограничилось разговорами, в которых выяснялось общее военное положение. Около 9 час. вечера советский штаб был переведен в комнаты № 41 и № 42, где Керенский объединил ВК ВКГД и советский штаб в единую структуру. Военная комиссия («объединенные штабы») создала некоторые отделы, заложила основы делопроизводства и получила нового начальника — профессора ВМА В.А. Юревича. Около 12 час. ночи ВКГД признал «объединенные штабы» в качестве своей Военной комиссии. Председателем ее и комендантом Петрограда был назначен член ВКГД Б.А. Энгельгардт, который в дальнейшем наполнил Военную комиссию офицерами Генерального штаба. В связи с этим Петросовет предпринял шаги, направленные на усиление своего представительства в ВК ВКГД. Н.Д. Соколов, выступая 1 марта на общем собрании Петросовета, сообщил: «Когда образовался Совет рабочих депутатов, [он] командировал [в Военную комиссию] всех [членов] Исполнительного комитета»[17]. Делегирование в Военную комиссию всего состава Исполкома говорило о том, что Совет, во-первых, был готов контролировать Комиссию, но не мог ею управлять[18]; во-вторых, признал думский приоритет в деле институализации Военной комиссии.

1 марта на заседании ВКГД было принято постановление «принять полностью постановление Совета рабочих депутатов о включении в Военную комиссию Н.С. Чхеидзе и М.И. Скобелева и Исполнительный комиссии Совета рабочих депутатов»[19]. В дальнейшем Петросовет определил свое представительство в 18 человек. Причем пятеро из них командировались в ВК ВКГД «для более постоянного участия»: Н.Д. Соколов, П.А. Красиков, М.М. Добраницкий, М.А. Лощинский и А.Г. Гриневич. Совет установил также и норму солдатского представительства в ВК ВКГД — три солдата[20]. Добраницкий, как член Военной комиссии от Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, просил «делегатов Солдатского совета прибыть в Военную комиссию 5-го марта» в 8 час. 30 мин. утра[21].

Говоря о деятельности ВК ВКГД, укажем, что она сумела организовать и провести, во-первых, переход царских войск на сторону революции, во-вторых, разгром опорных пунктов самодержавия в столице, в-третьих, наладить дело военной охраны Петрограда; в-четвертых, предпринять меры, направленные на восстановление порядка и установление дисциплины в войсках.

Думско-советскому сотрудничеству был нанесен серьезный удар со стороны Петросовета, когда он издал свой знаменитый приказ № 1. Хотя и здесь не все так однозначно. По крайней мере, попытка издать его как продукт совместного советско-думского творчества была советскими деятелями все-таки предпринята. Б.А. Энгельгардт вспоминал, что к нему явилась группа солдат, некоторые из них «предъявили удостоверения об избрании их представителями своих полков, для подачи требований в Военную комиссию». Один из солдатских представителей заявил Энгельгардту о том, что «пославшие их части требуют издания правил новых отношений между офицерами и солдатами, с введением выборного начала в войсковых частях, с предоставлением солдатам права контроля над всеми хозяйственными операциями в ротах, эскадронах, батальонах и проч[ее]». Энгельгардт поспешил сообщить о требованиях солдат М.В. Родзянко и А.И. Гучкову, которые находились в это время на заседании ВКГД. «Оба категорически протестовали против издания чего-либо подобного и поручили мне, — писал Энгельгардт, — так или иначе, спровадить делегацию, успокоив солдат обещанием, что в ближайшем будущем будет организована специальная комиссия, которая детально разработает поднятые вопросы». Это поручение Энгельгардт выполнил, но через некоторое время к нему явился член Петросовета («солдат, в расстегнутой шинели, с папироской в зубах»), который предложил ему принять участие в выработке новых правил взаимоотношений военнослужащих. Энгельгардт отказался, сославшись на мнение ВКГД, который считал, что «разработку таких правил следует отложить до более спокойного времени». В ответ, вспоминал Энгельгардт, «солдат усмехнулся и, круто повернувшись на каблуках, бросил мне через плечо: “тем лучше, сами напишем...”»[22].

Судя по всему, Энгельгардт не только сообщил членам ВКГД о предложении солдатских делегатов об издании правил новых отношений между офицерами и солдатами, но и принял участие в их составлении. 4 мая 1917 г. Б.А. Энгельгардт показал Комиссии опросов Таврического дворца, что вместе с солдатами составил приказ и отнес его в думский Комитет для согласования. Но члены ВКГД «ужаснулись приказу», сказав, что результатом его будет распад армии. По словам Энгельгардта, «была жаркая дискуссия с Гучковым, который был непреклонен, и все члены ВКГД согласились с ним»[23]. Член ВК ВКГД А.А. Чиколини 5 мая 1917 г., со слов Энгельгардта, рассказал той же Комиссии опросов о приказе № 1: «Солдаты пришли в Таврический дворец и направились к Энгельгардту с просьбой издать приказ. С этими солдатами Энгельгардт (который рассматривал приказ с точки зрения хозяйственных функций,

а не политического смысла) набросал воззвание, которое он показал Родзянко и Гучкову. Они категорически возразили. Гучков завил: “Если это так необходимо, то будет лучше, если приказ придет от них, а не от нас”. Энгельгардт вернулся к солдатам с отказом, они ответили: “Нет необходимости; мы сами его издадим”. И Совет рабочих и солдатских депутатов издал приказ № 1»[24].

Позднее ВКГД констатировал, что «приказ, проектированный делегатами, много меньше затрагивал основы воинской дисциплины, чем изданный впоследствии приказ № 1, и касался лишь выборов младших офицеров, а также устанавливал некоторое наблюдение солдат за хозяйством в частях войск»[25]. Здесь же отметим, что Энгельгардт, выступив в качестве соавтора первого варианта этого приказа, был сторонником выборности командиров. Однако важнее даже не содержание приказа № 1, а сам факт попытки Совета привлечь к его созданию Военную комиссию ВКГД, да и сам думский Комитет. Отказ же от этого предложения являлся стратегической ошибкой ВКГД. Дело в том, что результатом этого опрометчивого шага стало падение думского влияния на солдатские массы и рост антиофицерских настроений, так как приказ № 1 Петросовета вышел с неудобными для Военной комиссии формулировками. Вместе с тем Военная комиссия ВКГД и после издания этого приказа продолжала функционировать и осуществлять думско-советское руководство войсками Петроградского гарнизона.

Даже не рассматривая совместную деятельность Государственной думы и Петроградского Совета в решении таких важных вопросов, как продовольственный, охрана общественного порядка и др., можно утверждать, что Дума в дни Февраля 1917 года стала центром революции. 27 февраля — 3 марта существовало два таких центра — думский и советский. Особенность их функционирования состояла в том, что при решении важнейших задач революции они создавали совместные комиссии (например, Военная комиссия). В результате этого происходило слияние (соединение) этих центров в один (думско-советский) центр в вопросах практической деятельности при значительном преобладании думского элемента над советским. Вместе с тем они сохраняли свою самостоятельность в вопросах выработки, принятия и реализации политических решений. Добавим, что по мере развития революции сила и влияние Петросовета росли, и советский элемент начиная с опубликования 2 марта приказа № 1 стал равновеликим с думским (если даже не преобладал!) при решении военного вопроса.

1 *Гайда Ф.А.* Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 34.

2 См. подробнее: *Калашников В.В.* О роли Государственной думы в истории Февральской революции // Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии: межвуз. науч. конф., 27 нояб. 2015 г. СПб., 2016. С. 170—179; *Узлова И.В.* Советская историография о роли Думы в победе Февральской революции // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2017. С. 363.

3 *Соболев Г.Л.* Ценный источник об истории революционного процесса в России в марте – октябре 1917 года // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 159.

4 *Смирнова А.А.* На тернистом пути к нежелательной власти: петроградские социалисты в феврале — мае 1917 года. СПб., 2005. С. 114.

5 *Ее же.* Социалисты в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов в феврале — марте 1917 года // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2017. С. 327.

6 *Окатов Н.А.* Россия в трех революциях: в 2 ч. Тамбов, 1999. Ч. 2. С. 36—38.

7 *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л., 1976. С. 29.

8 От Комитета петроградских журналистов // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 5 марта (№ 10).

9 *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной

думы 27 февраля — 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2012. С. 241.

[10] *Богораз-Тан В.Г.* Первая любовь революции А.Ф. Керенский // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 250. Оп. 2. Д. 126. Л. 21.

[11] *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005. С. 194.

[12] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1279. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

[13] Центральный государственный архив в Санкт-Петербурге (ЦГА СПб). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 107. Л. 102.

[14] *Николаев А.Б.* К.Ф. Лучивка-Неслуховский — первый полковник Февральской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. Leiden; Boston, 2014. Vol. 7, 1. P. 80—81.

[15] *Его же.* Революция и власть. С. 196.

[16] Э.Н. Бурджалов и В.И. Старцев указывали, что советская Военная комиссия была создана до вечернего заседания Совета рабочих депутатов (*Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 217; *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 46). И.П. Лейберов пишет, что «военный штаб» был создан за час до начала вечернего заседания Совета, то есть в 8 часов вечера (*Лейберов И.П.* На штурм самодержавия: петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979. С. 262).

[17] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Л., 1991. Т. 1. С. 47.

[18] Как сообщалось в газетах, ВК ВКГД действовала «в согласованности с Исполнительным комитетом рабочих и солдатских депутатов» (Военная комиссия при Комитете Г[осударственной] думы // Солдатское слово. 1917. 16 марта).

[19] Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 1 марта.

[20] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 57. Л. 17.

[21] Там же. Д. 10. Л. 29.

[22] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.Б. Николаева // Клио: журнал для ученых. 2003. № 1 (20). С. 187—188.

[23] *Lyandres S.* The Fall of Tsarism. Untold stories of the February 1917 revolution. Oxford, 2013. P. 62.

[24] Ibid. P. 79.

[25] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1252. Л. 235.

Д. Орловски

Эндшпиль революции: «провальные» учреждения сентября — октября 1917 г.

Власть не является неким неизменным предметом, который можно выиграть или проиграть. Она представляет собой комплекс сложных отношений, приводящих в действие механизмы работы социальных и политических институтов. Цель данной работы — определить рамки для изучения природы власти в России накануне Октябрьской революции. Она также ставит под вопрос большевистский нарратив, использующий кризис власти как источник неизбежного восстания масс, случившегося в октябре под руководством партии большевиков с Лениным во главе. Здесь основное внимание уделяется альтернативному нарративу; кроме того, данная работа призывает более серьезно относиться к открытому характеру, или изменчивости, того, что я называю «эндшпилем Революции»: тем действиям, что в сентябре — октябре привели к захвату власти большевиками и концу Временного правительства. Таким образом, данная статья начинается с той идеи, что изучение власти в 1917 г., в том числе, например, истории Временного прави-

тельства или Петроградского Совета, может быть наиболее эффективно достигнуто путем рассмотрения трех «порядков», или *локусов* выражения этой власти. Эти три порядка таковы: политический (поданный через историю ключевых партий), административный (переданный в истории учреждений, администрации и Временного правительства) и социальный (поданный через историю чиновников, общественников и низших средних слоев). Все эти выражения/локусы власти были активны на протяжении 1917 г., особенно в течение непрерывного кризиса сентября и октября, кульминацией которого стала Октябрьская революция. Эти элементы, если признавать их существование, обычно рассматриваются изолированно друг от друга, будто бы одна составляющая могла объяснить результат всего революционного процесса. У нас же цель — интеграция. Кризис власти в сентябре и октябре унаследовал от постфевральского дискурса собственный специфический словарь, который включал такие термины, как «двоевластие», «многовластие», «безвластие», «сильная власть», «личная власть», класс-ориентированная власть; а также термины, связанные с формами правительства, реальными и воображаемыми, такими, как коалиционное, демократическое и республиканское. Кроме того, существовали вечные вопросы легитимности и ответственности.

У меня есть несколько предложений. Первое — симметрия: то есть, окончание Февральской революции столь же богато и важно как объект изучения, как и ее начало[1]. Второе — нарратив этих последних месяцев политически и исторически контролировался победившим большевистским нарративом. Он описывает вопрос о власти с точки зрения классовой модели и особо выделяет партии, а также слабости и неудачи таких ключевых институтов, как Всероссийское демократическое совещание, Временный совет Российской республики (Предпарламент) и Временное правительство (сюда можно включить даже Петросовет). На самом же деле, существовали и активно функционировали альтернативные социальные и политические силы, находящиеся вне классового нарратива и анализа, сконструированного большевиками и их сторонниками. Они были описаны и сформулированы лидерами меньшевиков (и даже большевиками) в конце лета и осенью 1917 г. с упором на демократическую прослойку стоящих вне классов клерков — «белых воротничков» и профессиональные группы; на уменьшение значимости партийности в пользу профессионализма и компетентности; а также на поиск «ответственного» правительства — или же правительства, ответственного перед этими социальными и политическими силами (иногда, но не всегда называемыми «Демократией»). Это было бы правительство, которое отошло бы от «личного» режима Керенского и Директории (и позднее Коалиции); правительство, которое приняло бы идею ответственности перед Республикой, которая, как сказал один из национальных делегатов на Демократическом совещании, объединяла «революционную российскую государственность», — то есть, перед демократией. Дело в том, что для очень многих социализм, не говоря уже о его бескомпромиссной классовой большевистской версии, не был желаемым результатом кризиса власти или самой революции. Меньшевики и многие представители низших средних слоев действовали сознательно и в соответствии с этим осенью 1917 г., хотя их историю старательно замалчивали или очерняли.

Начиная уже с августа и вплоть до Октябрьской революции Ю.О. Мартов выступал за то, что кульминация демократической Февральской революции должна быть выражена в форме однородного социалистического правительства. Ключевым здесь является понимание того, что он подразумевал под этим не только правление всех левых партий, или партий, представляющих, прежде всего, «неимущие» элементы

общества. Он очень четко заявил, что его идея правительства-преемника коалиционных кабинетов Временного правительства и идеи и реальности Двоевластия (точнее, «многовластия», как утверждали я и другие) не заключалась и никогда не могла заключаться в правительстве Советов. Они были классовыми институтами, призванными в лучшем случае играть переходную роль. Новое правительство Мартова должно было быть построено из *всех* институтов, общественных и административных/правительственных, и которые в свою очередь были бы основаны на главной социальной силе — мелкой буржуазии и рабочих. И под мелкой буржуазией он понимал гораздо большее, нежели просто крестьянство, или беднейшие слои городского населения, или традиционное мещанство. Для него социальная база новой революции должна была включать промежуточные слои подготовленных, образованных кадров, которые обеспечивали функционирование общественности и большей части новой государственной администрации, не говоря уже о самих Советах[2].

Социальные и политические аспекты кризиса власти, в конце концов приведшего к 25 октября, проявились во Временном совете Республики. Собственно, я предлагаю усложнить сценарий — или нарратив, в котором доминируют категории класса и партии. В отличие от преобладающего взгляда на кризис власти — той точки зрения, что, как мы знаем, насаждалась победившими большевиками, иными активистами и историками со всех концов идеологического спектра, разделенными по категориям класса и партийной принадлежности и упрямо придерживавшихся этого разделения, зачастую просто игнорируя множество прямых доказательств, — мы выделяем другие действующие силы и другие возможные решения вопроса о власти.

* * *

Что это была за «Демократия», какое «однородное социалистическое правительство», — что коалиция на самом деле имела в виду в сентябре и октябре и кому это адресовалось? Как поддержка цели создания демократического правительства осуществлялась среди лидеров партий и фракций, социальных и профессиональных групп и их организаций, а также Керенским и Временным правительством? С начала и до конца, то есть с первых чисел августа (даже еще с июля) 1917 г. и до 25 октября, оппозиционеры — все не-большевики — предлагали различные альтернативы, облеченные в термины «демократии», в противовес большевистскому классовому варианту, в отношении решения кризиса власти. В этом дискурсе Мартов, например, не отождествлял демократию и социализм и не предлагал «имущее», или цензовое, общество как потенциальную бинарную противоположность социализму. Однородное социалистическое правительство — или комплексное решение вопроса о власти — означало нечто совершенно иное, нежели коалиция социалистических партий или небольшевистских левых партий. Вместо партии или исключительно социалистического исхода оно подразумевало динамичную и разнообразную группировку представителей различных профессий, социальных групп, общественных учреждений, органов самоуправления, союзов и ассоциаций, а также всевозможных профессиональных групп, настроенных против класс-ориентированной жесткой линии, этого ограничительного искусственного социального конструкта, который даже крестьянство и собственные партии и советы включал с грехом пополам. Это было ясно обозначено в августе Мартовым и другими (в том числе, многими в лагере умеренных эсеров, народных социалистов и других промежуточных левых групп), которые решительно и последовательно принижали значение партии при каждой возможности, что нам покажет история Демократического совещания и Совета Республики. Это

была концепция, предлагающая широкий фронт борьбы с «анархией», «контрреволюцией», германской угрозой и, что не менее важно, создание, говоря словами Ф.И. Дана, нового вида правительства и государства, то есть власти, которая не была бы бюрократической и личной (Дан, например, говорил, что меньшевик А.М. Никитин, ставший министром внутренних дел, обзавелся замашками «паши») властью старого режима и нынешнего Временного правительства, а новой, «демократической» власти, происходящей из широкой демократической социальной и институциональной среды, описанной выше. Для Мартова и Дана политическое было равно социальному, но не в строгой пролетарско-классовой версии большевиков.

Вопрос «коалиции» касался не одних только партий, и лишь из-за сужения нашего взгляда до вопроса о том, должны были новые кабинеты Временного правительства в августе или сентябре включать в себя членов цензового общества, то есть членов Кадетской партии, мы упускаем из виду реальную динамику вопроса о власти в отношении коалиции. Пересмотр характера голосования на Демократическом совещании помогает нам лучше понять ситуацию. Над этим голосованием регулярно насмехались в историографии (что можно рассматривать как еще одно наследие ленинского триумфа и мифологического поворота) как над чем-то нелогичным и несущественным, полнейшей путаницей и слабостью не класс-ориентированных демократических представителей. Внимательное прочтение показывает, однако, нечто совсем другое: что у многих из них было довольно четкое представление об исключении только тех, кто непосредственно был причастен к делу Корнилова, оставляя в качестве возможных партнеров по коалиции широкую прослойку имущего общества, включая даже членов Кадетской партии. Другими словами, голосование за коалицию без кадетов имело смысл. Это было голосование ради политического заявления, а не ради того, чтобы исключить возможность найти общий язык между «Демократией» и сочувствующими и талантливыми группами внутри общества, которые верили в спасение государства и построение новой Республики. Представители на Демократическом совещании спорили, должна ли партия или профессиональная/корпоративная группа стать основой для представительства и голосования в предлагавшемся на тот момент Демократическом совете (в итоге — в Совете Республики). Например, целая плеяда представителей органов самоуправления, кооперативов, профсоюзов, женских групп, студенчества и национальных представителей предпочитала проводить представительство и голосование в новом органе по корпоративным, а не партийным линиям. И все же наше видение кризиса власти и политических дебатов в эти решающие месяцы остается во власти партийных нарративов.

Была также серьезная дискуссия об ответственном правительстве и о том, кто лучше всего выражал мнение «народа» или «демократии». Были ли это классовые советы, представители которых жаловались на недостаточное представительство, и в чьем лагере существовали серьезные разногласия между рабочими и солдатскими советами с одной стороны и крестьянскими советами — с другой, или же демократические институты самоуправления (земские и городские), профессиональные организации и профсоюзы, а также обширная кооперативная сеть, которые также претендовали на свое старшинство как основу народного суверенитета.

В одной редакционной статье в начале октября Мартов утверждал, что русская революция была демократической, а не советской и даже не социалистической революцией. Он считал идею власти советов глубоким заблуждением. Власть была более широкой и глубокой концепцией, включающей многие социальные и профессиональные группы, а также государственные и общественные институты управления.

Он надеялся, что в результате получится создать новый вид небюрократического государства, в отличие от старого режима или даже нынешнего Временного правительства[3]. Мартов выступал за меньшевистскую активность в Совете Республики. По его мнению, «демократия» должна была продвигать свою законодательную повестку дня, не дожидаясь министров Временного правительства.

В результате заседаний Совета республики, эти взгляды и преобладающая меньшевистская вера в неадекватность Советов как основы для нового революционного и постоянного государства были убедительно и ясно изложены в газете «Известия» (12 октября) в статье «Кризис советской организации». По мнению авторов, советы находились в состоянии кризиса. На тот момент насчитывалось более 800 местных советов, но многие из них перестали функционировать или существовали только на бумаге. Из провинции сообщалось, что местные Советы обладали меньшими полномочиями, чем раньше, и даже если они регулярно собирались и проявляли некоторую степень организованности, они утратили свой статус революционной власти. Так происходило главным образом потому, что большинство Советов перестали быть общедемократическими организациями. Нигде они не объединяли *всю* «демократию» и даже демократическое *большинство* — в редких случаях. Например, крестьянство оставалось полностью вне советов. Обещанная координация между Рабочими и Крестьянскими советами (обычно менее развитыми институтами, чем их городские аналоги) потерпела неудачу. В результате рабочие советы не имели никакого влияния на крестьянство. Даже в крупнейших городах, Петрограде и Москве, где Советы были наиболее развиты, они едва ли представляли демократию. Например, целый значительный класс интеллигенции не был представлен, и даже не все рабочие, поскольку некоторые из них не были достаточно сознательными для участия, а другие предпочитали профсоюзы или другие организации. Дело в том, что Советы были превосходны в борьбе со старым режимом, но недостаточны для строительства будущего. Им не хватало специалистов, опыта и организации, не говоря уже о предрасположенности к мудрости в управлении. Советы по определению не могут быть органами снабжения продовольствием, полицией, здравоохранительными, судебными и т.п. организациями. Нужны были специализированные административные органы. По мере усиления работы государства в этом направлении, советы должны были терять свое значение. С советами должны были быть связаны профессиональные интересы, в противном случае даже рабочие и солдаты отвернутся от советов. «Поскольку мы строим новую государственную структуру, Советы должны погибнуть и, таким образом, мы являемся могильщиками советов, поскольку мы строим новую демократическую свободную Россию. Временные Советы должны быть заменены новыми постоянными государственными структурами, и Совет Республики стал шагом в этом направлении»[4].

Еще одно доказательство серьезности вызова Советам от демократии содержится в недостаточно изученных протоколах самого Петросовета.

На протяжении дебатов ПС выступающие от большевиков утверждали, что предполагаемый Всероссийский съезд Советов был единственным законным источником народного суверенитета и детерминантом формы власти и, следовательно, единственным законным суверенным органом, в отличие от Демократического совещания, а позднее Временного совета Российской республики. Б.О. Богданов утверждал, что Петросовету необходимо было объединиться с «мелкой буржуазией» (то есть с «демократией» Мартова, низшими средними слоями), в противном же случае столкнуться с ее тяготением к буржуазии. Меж тем Троцкий снова упрекал Временное

правительство в избегании вопроса ответственности — ключевого компонента кризиса власти[5].

В этом смысле Троцкий отметил, что государственность, разворачиваемая Временным правительством и другими политическими деятелями по всему спектру, была лишь маской для буржуазной гегемонии. В его понимании, рабочий класс, солдаты и крестьяне имели собственную государственность — концепцию, которая всегда имела классовое содержание. Меньшевики хотели превратить Петроградский Совет в государственный орган, но Троцкий именем рабочего класса рассматривал его как институт революции. «Они мечтают использовать кооперативы в качестве своей социальной поддержки (и, следовательно, остальную “демократию”), но мы говорим, кто когда-нибудь слышал о “кооперативной” демократии? Что это за новый класс?» Для Троцкого мысль о том, что известные эксперты могут служить крестьянству в качестве чиновников, не означает, что они выражают революционную и политическую волю крестьянства. Для него это было то же самое, что рассматривать врачей, лечащих рабочих, как носителей их политической воли. Представители кооперативов должны и могли быть хорошими рабочими, организаторами, торговцами, бухгалтерами, но не защитниками классовых прав. С этим рабочие должны были полагаться на свои Советы. Поэтому призывы меньшевиков к кооперативам создать революционную власть представлялись смехотворными. Однако мы должны помнить, что Троцкий считал кооперативную/демократическую угрозу достаточной, чтобы призвать лидеров кооперативов Беркенгейма и С.Н. Прокоповича к ответу за их сопротивление большевистским требованиям немедленно предоставить землю земельным комитетам и солдатам. Его идеальная власть была ориентирована на класс, и, расписывая ее, он обещал всё класс-ориентированным единомышленникам.

М.И. Скобелев, говорящий от имени меньшевиков и всех небольшевиков, согласился с образом «кооперативной демократии» Троцкого, но утверждал, что она действительно широко признана и является гласом народа, и что она гораздо предпочтительнее политики, реализуемой штыками петроградского гарнизона.

Здесь можно видеть, как Совет Республики, по крайней мере, пытался воплотить идею ответственности и актуализировать сентябрьскую программу Временного правительства. Возвращаясь к нашей триаде власти, Временный совет работал в основном за счет его профессиональных и социальных корпоративистских элементов и в гораздо меньшей степени — за счет партий. «Ответственность» означала, что администрация должна была как-то отреагировать и направить свой взор на эту организованную демократию. В этом отношении поучительны мемуары Дана о последних днях в Совете Республики[6]. Он проливает свет как на меньшевистский раскол, так и на отношение партий и правительства к власти, выраженное в Совете Республики. По словам Дана, ведущие социалисты в сентябре сосредоточились на Демократическом совещании и идее однородного социалистического правительства. Они также составляли списки потенциальных министров в новый кабинет в манере, предполагающей исторические параллели и симметрию с дискуссиями 1906 и 1915—1916 гг. о возможных «правительствах общественного доверия».

Он утверждает, что эта инициатива включала в себя советские, демократические и общественные организации, кооперативы, земства и городские думы, в том числе людей, органически связанных с крестьянством и, прежде всего, «демократическим мещанством», — людей, которые обладают необходимыми экономическими и практическими навыками государственной службы и опытом в управлении страной. Меньшевики уже сблизились с этой группой на Московском государственном со-

вещании, где при их поддержке была выработана программа демократических сил от 14 августа. По словам Дана, демократическому правительству предстоял тяжкий путь, и оно нуждалось в этих людях. Здесь Дан обвинял ВЦИК в том, что комитет не продвигал ни идею правительства, воплощавшего бы эти силы, ни августовскую программу.

Но он также критикует «белых воротничков», технических специалистов и интеллигенцию за то, что они не продвигали августовскую программу в качестве государственной политики, а просто поддерживали ее лишь как нечеткое изложение будущего принципа. Дан обвинял эти группы в раздувании их связи с народом и, соответственно, в том, что они считали себя «чище» среднестатистических городских партийцев, которые не настаивали на немедленном разрыве с имущим обществом и идеей коалиции. По мнению Дана, класс «белых воротничков» не смог объединиться и осознать собственное влияние и положение в политическом и институциональном ландшафте. По иронии судьбы, они мешали процессу строительства однородного социалистического правительства. Они были необходимы для проекта, но они же сделали его осуществление невозможным.

Большевики сделали ставку на рабочих, но что более важно, на продуктивные отношения с вооруженными воинскими частями. Эндшпиль 24/25 октября свелся к борьбе между Керенским и Даном и Временным советом Российской Республики. Это была непрекращающаяся проблема ответственности Временного правительства перед конкретным политическим органом, а не некой призрачной «Революцией». Керенский хотел безусловного изъявления поддержки со стороны Совета Республики. Дан и Совет его не давали, всячески этому противясь, в свою очередь, требуя, чтобы Временное правительство немедленно заявило о своей готовности к немедленному миру, осуществлению лозунга «землю — крестьянам», созыву Учредительного собрания. А это уже Керенский отказывался исполнять. К тому времени неспособность «Демократии» объединиться с Временным правительством означала гибель обоих.

Это эссе заново открывает революционный процесс, исследуя идеологические, политические и социальные факторы, связанные с «провальными» институтами демократии и Временного правительства в сентябре и октябре 1917 г. Эти институты, Демократическое совещание и Совет Республики, предложили обратный большевистскому нарратив. Голоса демократии требовали несоветского, непартийного, национального решения вопроса о власти.

[1] Непосредственная предыстория и ход февральских дней являются предметом интересных текущих и новых исследований С. Ляндреса, А.Б. Николаева и Т. Хасегавы.

[2] *Haimson L.H.* Russia's Revolutionary Experience, 1905—1917: Two Essays. N.Y.: Columbia University Press, 2005. 304 p. Особенно: "Lenin, Martov and the Issue of Power", p. 1—107; и: Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М.: РОССПЭН, 1996. Т. 3: От корниловского мятежа до конца декабря, ч. 1: От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август — первая декада октября). С. 343—406; 1997. Т. 3, ч. 2: От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября — конец декабря). С. 122—190. Израиль Гетцлер в своем классическом исследовании о Мартове осознает демократическую альтернативу, но не ее социальное содержание. См.: *Getzler I.* Martov: A Political Biography of a Russian Social Democrat. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. 246 p.

[3] Меньшевики в 1917 году. Т. 3, ч. 1. С. 381—384.

[4] Кризис советской организации // Известия. 1917. 12 окт. Опубликовано в: Меньшевики в 1917 году. Т. 3, ч. 2. С. 201—203.

[5] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 4. С. 410.

[6] *Дан* Ф.И. К истории последних дней Временного Правительства. Берлин, 1923. Т. 1. С. 163—175. (Летопись Русской Революции).

А.В. Мамаев

Трансформация городского самоуправления при Временном правительстве (март — октябрь 1917 г.)

Рассматривать революцию 1917 года в России только как смуту или трагедию кажется некорректным. Революционное время — это и период слома отживших традиций, которые не удавалось разрушить реформами, эпоха смелых попыток модернизации общества и изменения вектора развития. Представляется, что в этот период особую и весьма важную роль сыграл институт самоуправления.

Советская историография рассматривала самоуправление с классовой точки зрения как буржуазный, а в условиях революции — мелкобуржуазный институт, прежде всего, политический. Городские думы рассматривались как несамостоятельные проводники на местах Временного правительства и «соглашателей»[1]. Муниципальная проблематика редко интересовала историков. Факты истории городского самоуправления вписывались в монопольную идеологизированную позицию, а то, что ей не соответствовало или могло быть истолковано по-другому, отбрасывалось или оставалось без внимания. «Тоталитарная» школа за рубежом меняла знак на противоположный в оценке самоуправления, обращая на него почти столь же мало внимания[2]. «Ревизионистскую» историографию также волновали другие проблемы. Постсоветская историография характеризуется большим количеством локальных и краеведческих изысканий, выходили и работы монографического плана[3]. Какое-то время тематику можно было назвать модной. Вводится в оборот обширная фактография местных газет и архивов, но недостатком многих работ стала излишняя фактографичность, бессистемность, отсутствие четких выводов и убедительных обобщений. В частности, недостаточно изучено влияние революции на муниципалитеты и городского самоуправления на революцию.

Органы самоуправления не возникли внезапно. К 1917 г. «имплантированный» из Европы институт городского самоуправления в форме дум как распорядительных и управ как исполнительных органов уже существовал в России десятки лет. В российских условиях он доказал работоспособность, был накоплен хозяйственный опыт. Муниципалитеты стали инструментом влияния зажиточных слоев, интеллигенции, но большая часть горожан оставалась не вовлеченной в дела местного управления.

Модернизация в предреволюционные десятилетия затронула российские города во многом благодаря институту самоуправления. Муниципальные органы вмешивались в экономику, пытались отстаивать общественные интересы перед коммерческими и личными. Города зачастую владели большими участками земли, сдавали в аренду имущество и здания. Бурно росло число муниципальных предприятий. Они являлись базой благополучия и самостоятельности городского самоуправления, основой относительной независимости. Муниципалитеты занялись здравоохранением и образованием, стремясь сократить смертность, снизить заболеваемость и повысить уровень культуры горожан. Но к 1917 г. благоустройство городов было слабым: лишь четверть городов имела водопроводы, а канализация была только в 16 муниципалитетах из примерно тысячи[4]. Треть городов почти не имели доходного имущества[5].

Можно говорить об относительной депривации — несоответствии завышенных ожиданий общественности реальности.

Накануне 1917 г. городское самоуправление было не только экономическим, но и общественным институтом с неявно выраженной политической ролью, его рассматривали как альтернативу самодержавию.

Бурная урбанизация ставила институт самоуправления перед серьезными вызовами. Одним из них был вопрос о наделении избирательными правами широких слоев горожан путем снижения имущественного ценза. В городах с полным самоуправлением избиратели составляли в среднем менее 1,5% от числа населения. Среди гласных преобладали купцы, почетные граждане, дворяне и чиновники[6]. Второй проблемой была узкая компетенция и зависимость от коронной власти. Третьей — нехватка средств[7] из-за быстрого роста масштабов деятельности.

Первая мировая война усилила позиции городских властей: они показали способность самоорганизоваться для помощи фронту и мобилизации тыла, став частью формируемой мобилизационной экономики[8]. Муниципалитеты превращались из малозначимых органов, заботящихся о «местных пользах и нуждах», в органы государственной власти. Накануне 1917 г. казалось, что рывок в городском развитии неизбежен, стоит только демократизировать состав самоуправления, дать свободу местной инициативе, снять ограничения, улучшить муниципальные финансы. Но недостаточно внимания уделялось проблеме готовности массового общества принять новый для него институт и наладить эффективную работу.

Февраль позволил начать системную перестройку основ власти. Мирной смена власти на местах во многом оказалась благодаря муниципальным деятелям. Органам самоуправления пришлось далеко выйти за пределы традиционных полномочий. На базе дум происходило сплочение общественно-активных сил, формировались исполнительные комитеты, произносились политические речи, воззвания[9]. В то же время муниципалитеты не проявляли революционных инициатив, пока победа в центре не становилась явной[10].

С марта 1917 г. шел процесс демократизации городского самоуправления. Он был стихийным и зависел от степени радикальности общественных деятелей, их связи с «цензовыми» муниципальными органами, особенностей составов «старых» дум, мнения представителей центра —эмиссаров Государственной думы, советов. Революционной ломки не произошло, институт городского самоуправления сохранил прежнюю форму, но наряду с ним возникли зародыши новых органов власти, обладавших революционным авторитетом, — исполкомы, Советы. Они претендовали на политическую власть и не собирались брать на себя дело повседневного ведения хозяйства. Однако власти в центре фактически сделали ставку на политизацию института городского самоуправления, объединяя в нем хозяйственные и политические функции.

Особенностью преобразований в сфере городского самоуправления в условиях «февральского» демократического режима была их тщательная юридическая подготовка. Преемственной оставалась думская модель организации самоуправления, распространявшая действие только на города, основанная на разделении властей, наличии законодательно определенного круга полномочий, безотзывности гласных. Сохранялась традиционная структура органов управления, прежний состав служащих и рабочих.

Основными направлениями трансформации городского самоуправления стали демократизация, расширение компетенции, политизация, повышение роли в экономике. О демократизации свидетельствовало введение всеобщего избирательного права, отказ от цензов, кроме возрастного и ценза проживания или наличия «обза-

ведения», ликвидация ограничений для евреев, солдат и женщин[11]. Пропорциональная избирательная система привлекла партии. Муниципальные выборы во многих городах стали первыми свободными выборами в истории. Затягивание созыва Учредительного собрания объяснялось тем, что готовить голосование на местах должны были демократически избранные самоуправления.

Обновление состава городских дум весной — летом 1917 г.[12] превратило муниципальные органы в политические, призванные закрепить завоевания революции. Вместо беспартийных цензовых «хозяйственников» рычаги управления брала неопытная «революционная общественность». Думы участвовали в символической репрезентации революции[13]. Политизация вела к ожесточенным дебатам в муниципалитетах и трате времени на вопросы, не связанные с городским хозяйством. «Представители демократии» считали городские вопросы второстепенными в условиях грандиозных событий. Политизации способствовали выборы гласных по партийным спискам и особое значение, уделявшееся первому голосованию на основе всеобщего избирательного права. Итоги выборов имели в первую очередь политическое значение, в избирательных кампаниях использовались политические лозунги, а вопросам хозяйства уделялся минимум внимания.

Новое законодательство расширяло компетенцию городского самоуправления. Думы получали в ведение милицию, продовольственный вопрос. Если раньше местная административная власть контролировала целесообразность действий самоуправлений, то после муниципальной реформы 1917 г. комиссары надзирали лишь за законностью в управлении городом, опротестовать решения дум можно было лишь в суде[14].

Резко росло вмешательство муниципалитетов в экономику. Особенностью начала XX в. была популярность в мире концепции «муниципального социализма», ее разделяли не только умеренные социалисты, но и реформаторы несоциалистического толка[15]. Курс на муниципализацию означал, что города должны были стать крупными предпринимателями, но работающими не на себя, а на все городское население. Города планировали развитие транспорта, водопровода, канализации, освещения, собирались заниматься жилищным строительством, огородничеством, открывать магазины, аптеки[16], а во многих городах эти учреждения действовали и до революции. Развитие хозяйственной деятельности требовало привлечения капиталов с рынка, поэтому росла тенденция участия городов в займах, выпуске облигаций. Активной стала социальная политика: создавались биржи труда, магазины с дешевыми продуктами на принципе самоокупаемости, муниципалитеты занялись проблемой бюджетного жилья, бесплатного образования и медицины, конструированием гибкой налоговой политики с прогрессивной ставкой.

Демократические земства и городские думы должны были стать опорой верховной власти вместо административной вертикали. Губернских комиссаров ряд политиков предлагал упразднить, другие намеревались оставить им надзорные функции для согласования госполитики с местными интересами. Для координации деятельности муниципалитетов предлагалось создать в центре министерство местного самоуправления или даже преобразовать в такой орган МВД[17]. Взяв бóльшую часть государственного управления на местах, реформированные органы самоуправления могли бы участвовать в формировании верховной власти, например, получив представительство в российском парламенте[18].

Процесс революционной трансформации самоуправления должен был обеспечить радикальное изменение психологии масс, формирование демократической политической культуры. Сторонники «февральского» режима надеялись, что горожане

обеспечат муниципалитеты поддержкой, так как поймут, что они работают в их интересах. Меньшевик-интернационалист Николай Суханов надеялся, что создание демократических муниципалитетов «в огромной степени» «переродит» «снизу доверху всю страну», создаст«незыблемый базис для революции»[19]. Деятели февральского демократического режима воспринимали революцию как шанс «переформатировать» управление Россией с централизованной чиновничьей системы, подавлявшей инициативу, на децентрализованную демократию, строящуюся снизу вверх с опорой на представителей общественности. Эти замыслы сильно способствовали появлению необоснованных надежд.

Но далеко не все в сфере управления городами складывалось удачно. Полностью расстаться с негативно оцениваемыми традициями не удалось, революционные инновации не всегда играли положительную роль. Относительная демократизация произошла, но далеко не везде выборы проходили гладко, без нарушений[20]. Многие горожане наделяли первые демократические выборы тем значением, которого они не имели, и ожидали того, что не могло быть воплощено на муниципальном уровне[21].

Компетентность новых гласных, их подготовленность к управлению и даже их интерес к городским делам зачастую были не на высоте. Политизация и выборы по партийным спискам вели к усилению конфликтов внутри дум. Рост расходов загонял самоуправления в долговую яму. Щедрые обещания порождали повышенные ожидания, которые нельзя было быстро выполнить. Усилилось противоречие между идеей, что демократическое самоуправление должно прекратить разъединенность общества и власти, и реалиями, когда связи центра и регионов резко ослабли, в городах произошла поляризация общества, побеждала идея превосходства классовых интересов над общегородскими. Вместо интересов горожан и муниципального хозяйства думы выражали волю господствовавших в них политических сил, а потому их авторитет растаял с падением популярности этих партий.

Обстоятельства войны и революции усилили хозяйственные проблемы и ослабили силы муниципалитетов. В 1917 г. в меру возможного органы городского самоуправления поддерживали достижения в городском хозяйстве, но серьезных улучшений не добились. На первый план выходили задачи текущего ремонта, содержания и обслуживания имущества.

Новой функцией городских самоуправлений стало решение проблем нехватки и дороговизны продовольствия, топлива и жилья. Наиболее остро эти проблемы стояли в крупных муниципалитетах, продовольственные затруднения были больше характерны для городов «хлебопотребляющих» губерний. Задачей городского самоуправления было организовать в рамках закона закупку, доставку, распределение товаров среди горожан и контроль за этим. Деятельность муниципальных органов в этих направлениях быстро развивалась, но мешали слабый опыт, частые реорганизации, нехватка финансов, транспортные проблемы, безвластие в стране. Недовольство горожан недостатком и дороговизной продовольствия и топлива выливалось в первую очередь именно на «низовые» органы самоуправления, что вело к падению авторитета муниципальных деятелей и института самоуправления, но часто решение проблем было вне сферы их компетенции.

Задачи развития образования и здравоохранения стали приоритетными, к ним были привлечены широкие общественные силы. Разработка преобразований шла на принципах всеобщности, бесплатности, общедоступности. Образование и медицина рассматривались как важнейшие функции муниципалитетов: городам передавались церковные школы, увеличивалось число мест в учебных заведениях, муниципали-

теты инициировали перед центром создание вузов, развивали внешкольное образование, организовывали летний досуг детей в лагерях, но добиться существенных результатов демократические органы не успели[22].

Ключевым в развитии городского хозяйства был финансовый вопрос. К началу 1917 г. муниципальная финансовая система нуждалась в коренном реформировании, но меры Временного правительства не соответствовали масштабам трудностей. Доходы городов не успевали за бурным ростом расходов, задержки расчетов, недоимки, продовольственная и топливная операции вели к острой нехватке текущих средств. Дефицит удавалось частично покрыть преимущественно за счет займов, загонявших города в долговую кабалу, и повышения сборов и тарифов — непопулярной меры, не соответствовавшей общественно-правовой природе муниципалитетов, которая ложилась тяжестью на менее обеспеченные слои горожан. Вряд ли из муниципально-финансового кризиса можно было выйти путем частичных изменений в законодательстве, требовались системные решения на государственном уровне[23].

Опыт 1917 г. показал, что форсированная«имплантация» в широкие слои населения такого института модернизации, как городское самоуправление, чревата неудачей: институциональные изменения произошли слишком быстро и радикально, без предварительной подготовки, они не подкреплялись хозяйственными успехами. Демократическая модель самоуправления, ориентированная на поиск компромисса и сотрудничество, показала неустойчивость в условиях всеобщей конфронтации: войны, революции, острой политической борьбы. Потребность в жесткой экономии и укреплении мобилизационной экономики противоречила курсу на демократизацию, децентрализацию, расширение социальных обязательств и отказ от насилия и «эксплуатации».

Осенью 1917 г. демократические органы городского самоуправления оказались в глубоком кризисе, их составы утратили легитимность и не смогли защитить себя и режим Временного правительства.

1 См., к примеру: *Андреев А.М.* Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М.: Наука, 1983; *Болтенкова Л.Ф.* Упразднение органов местного самоуправления и создание Советов (окт. 1917 — июль 1918 гг.). М.: ВЮЗИ, 1988; *Минц И.И.* История Великого Октября. 2-е изд. М.: Наука, 1977—1979. 3 т.

2 См., например: *Пайпс Р.* Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994. Ч. 1—2.

3 Петербургская городская дума, 1846—1918. СПб.: Лики России, 2005; *Писарькова Л.Ф.* Московская городская дума, 1863—1917 гг. М.: Мосгорархив, 1998; *Герасименко Г.А.* Народ и власть (1917 год). М.: Воскресенье, 1995; *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России во второй половине XIX — начале XX в.: власть и общество. СПб.: Лики России, 2014; *Судавцов Н.Д.* Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь: [Изд-во СГУ], 2001; *Ефимова В.В.* Петрозаводское городское самоуправление (1870—1918 гг.). Петрозаводск: ПГУ, 2004; *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 — первая половина 1918 гг.). Омск: Изд-во ОГУ, 2013; и др.

4 Города России в 1910 году. СПб., 1914; *Веселовский Б.Б.* Коммунальное хозяйство в цифрах и диаграммах, 1917—1927 гг. М: Изд-во НКВД РСФСР, 1928. С. 41.

5 *Велихов Л.А.* Основы городского хозяйства: в 2 т. М.; Л., 1928. Ч. 2. С. 407.

6 *Петров М.* Как управляется городская Россия // Известия Всероссийского союза городов. (Петроград), 1917. № 41/42. С. 131—134.

7 См. подробнее: Доходы, расходы, специальные капиталы и задолженности городских поселений на 1912 год / Стат. отд-ние департамента окладных сборов М-ва финансов. Пг., 1917.

8 См., к примеру, данные по Москве: Московская городская дума, 1913—1916: [очерк деятельности] / Мос. гор. Дума; Ком-т группы прогрессивных гласных. М.: Гор. тип., 1916; Деятельность Московского городского управления в 1913—1916 гг. М.: Гор. тип., 1916.

9 Известия Московской городской думы. Отдел общий. 1917. № 3/4. С. 103.

10 *Кручковская В.М.* Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. С. 21; *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010.

[11] Журналы заседаний Временного правительства. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1: Март — апрель 1917 года. С. 296—298.
[12] Вестник Временного правительства. Петроград, 1917. 29 июня; *Андреев А.М.* Указ. соч. С. 82.
[13] Например, в Петрограде: переименовывались улицы, мосты, площади, в думе выступали революционные деятели, муниципалитет участвовал в увековечении памяти революции. См. подробнее: Известия Петроградской городской думы. 1917. № 5/6; Ведомости общественного градоначальства. Петроград, 1917. 7 апр. (№ 23).
[14] Журналы заседаний Временного правительства. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2: Май — июнь 1917 года. С. 383—408.
[15] *Трутовский В.* Задачи социалистов в городских думах. Пг.: Рев. мысль, 1917. С. 51.
[16] Календарь-справочник городского деятеля на 1915 год / сост. Б.Б. Веселовский. (5-й год изд.). СПб.: журн. «Городск. дело» и «Земск. дело», [1914]. С. 219—223.
[17] Известия Всероссийского союза городов. Петроград, 1917. № 49. С. 24—25.
[18] *Кулишер А.М.* Тезисы по вопросу о верхней палате // Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. М., 2010. С. 589—590.
[19] *Суханов Н.Н.* Записки о революции: в 3 т. М., 1991. Т. 2: Кн. 3—4. С. 47.
[20] Главное управление по делам местного хозяйства МВД информировало в конце сентября 1917 г., что из 643 городов, в которых состоялись выборы, они были опротестованы в 49 муниципалитетах, из них отменены — в 13 городах.
[21] Об этом свидетельствуют, к примеру, мнения журналистов: Вестник городского самоуправления. Петроград, 1917. 29 июня (№ 7). Л. 2—3; 1 июля (№ 8). Л. 2—3; впечатления кадета С.В. Бахрушина: Русские ведомости. Москва, 1917. 29 июня.
[22] См. подробнее: *Мамаев А.В.* Самоуправление городов России в условиях революционного процесса, 1917—1918 гг. (на материалах городов Московской, Тульской, Вятской губерний): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2010.
[23] См. подробнее: *Мамаев А.В.* : 1) Кризис муниципальных финансов в России в 1917 г. // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 73—83 ; 2) Финансы Москвы в условиях революции 1917 г. и муниципальной реформы // Вестник Института экономики РАН. 2014. № 2. С. 110—119.

А.С. Сенин

Донбасс в 1917 г.

Накануне Первой мировой войны Донбасс был важнейшим угледобывающим регионом Российской империи (87% общероссийской угледобычи)[1]. С началом Первой мировой войны, в связи с резким сокращением импорта угля, на котором работали все предприятия северо-запада России и оккупацией Германией Домбровского угольного бассейна в Польше, роль Донбасса в снабжении страны топливом еще больше возросла. В 1916 г. добыча угля в регионе превысила уровень 1913 г. на 13% и составила 1736 млн. пудов. К 1917 г. 90% всей добычи каменного угля в стране приходилось на Донбасс[2]. Россия стала единственной страной в воюющей Европе, где росла добыча угля.

В канун Февральской революции Донбасс был не только крупнейшим центром угледобычи, но и одним из индустриальных центров страны. Близость сырья, топлива, удобные пути сообщения привлекли сюда иностранный капитал. На территории Донбасса были построены крупные металлургические и машиностроительные предприятия: Юзовский завод Новороссийского общества каменноугольного, железного, стального и рельсового производств; Донецко-Юрьевский металлургический завод Донецко-Юрьевского металлургического общества; Краматорский завод Краматорского металлургического общества; Дружковский завод Акционерного общества железоделательного и сталелитейного завода «Гута Банкова»; Никополь-Мариуполь-

ский чугуноплавильный, железоделательный и бронепрокатный завод Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества; Донецкий содовый завод Акционерного общества «Любимов, Сольве и К°»; предприятия Южно-Русского общества для выделки и продажи соды и других химических продуктов; Луганский паровозостроительный завод Русского общества машиностроительных заводов Гартмана; Луганский патронный завод и др. В годы войны на Донбассе было построено несколько химических предприятий по производству бензола, азотной и пикриновой кислот (крупнейший бензольный и ректификационный завод сооружен в Макеевке). В годы войны из Риги в Славянск был эвакуирован фарфоровый завод братьев Ессен, освоивший выпуск электротехнической продукции для военного ведомства[3].

С началом военных действий около 30% квалифицированных рабочих Донбасса были мобилизованы в действующую армию, что привело к снижению производительности труда. Совет Съездов горнопромышленников Юга России потребовал от правительства разместить в районах добычи военнопленных, которые к марту 1917 г. составили 26% рабочей силы. Широко стал использоваться труд беженцев, женщин и подростков. По состоянию на 1 марта 1917 г. численность рабочих на шахтах Донбасса составила 291,6 тыс. человек[4]. Материальное положение шахтеров в условиях войны значительно ухудшилось. К 1917 г. их реальная зарплата по сравнению с 1913 г. упала на 42,6%. Все чаще вспыхивали волнения горняков, требовавших повысить заработную плату.

Рабочие предприятий Донбасса приветствовали Февральскую революцию. 1 и 2 марта в Алчевске, Горловке, Константиновке, Луганске, Мариуполе, Щербиновке прошли массовые митинги и демонстрации, в поддержку новой революционной власти, от которой ждали серьезного улучшения своего положения. По примеру трудящихся столицы практически во всех городах и шахтерских поселках стали избирать советы рабочих депутатов. Среди избранных преобладали беспартийные рабочие и специалисты, и даже представители администрации предприятий. Лидерами советов повсеместно были меньшевики и эсеры. Лишь в Краматорском и Берестово-Богодуховском советах в руководстве оказались большевики. Советы занялись организацией профессиональных союзов, налаживанием снабжения шахтеров продовольствием, развитием потребительской кооперации, созданием примирительных камер, учреждением местных бирж труда. На более радикальных позициях стояли завкомы и рудкомы, требовавшие у владельцев шахт и рудников повышения зарплаты и установления 8-часового рабочего дня. На содержание советов рабочие отчисляли 1% от зарплаты. Члены рудкомов и завкомов содержались за счет горнодобывающих предприятий. В марте в Луганске возникло Бюро союза металлистов, объединившее рабочих предприятий города. Председателем Бюро стал большевик И.Д. Литвинов. В том же месяце профсоюзы горняков были организованы на Ясиновском, Верховском, Власовском рудниках, в Юзовско-Макеевском и Горловско-Щербиновском районах. В основном они объединяли рабочих одного или нескольких соседних предприятий[5].

В большинстве населенных пунктов и на крупных предприятиях Донбасса возникли Советы. В конце марта в Харькове прошла конференция представителей 22 Советов и углепромышленников. Несмотря на в целом лояльный к предпринимателям состав конференции, ее делегаты высказались за сокращение рабочего дня, против закрытия шахт, за улучшение продовольственного снабжения. Предприниматели отказались вводить 8-часовой рабочий день, а заместитель председателя Совета Съездов горнопромышленников Юга России инженер А.И. Фенин призвал горнопромышленников объединиться и задержать рост рабочего движения в Донбассе. 27 апреля — 6 мая в Харькове состоялся I областной съезд Советов Донецкого и Криворожского бассей-

нов. На съезде обсуждалось положение в промышленности, условия труда и заработная плата. В принятой резолюции съезд потребовал от угледобытчиков увеличения зарплаты, отказа от применения детского труда в шахтах, перехода на 8-часовой рабочий день, а на тяжелых работах — на 6-часовой рабочий день, выплат за счет предприятий зарплаты рабочим-депутатам советов, членам заводских и цеховых комитетов. В своих выступлениях большинство делегатов съезда высказались за введение государственной монополии на добычу и экспорт топлива, и национализацию угольной промышленности[6]. Решение съезда глава Совета Съездов горнопромышленников Юга России Н.Ф. фон Дитмар назвал «крамольным», «попирающим» права собственников и «убивающим частную инициативу». Удовлетворение этих требований, по его словам, привело бы «к катастрофе всей экономической жизни страны»[7].

13 марта Временное правительство образовало Временный комитет Донецкого бассейна для координации работы горных и горнозаводских предприятий, расположенных в Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Херсонской губерниях и Области Войска Донского[8]. Работа комитета быстро свелась к разрешению многочисленных конфликтов между собственниками предприятий и различными органами рабочего представительства. Уже после самороспуска в феврале 1918 г. в одной из местных газет так были подведены итоги его деятельности: «Комитет не построил ни одной версты подъездных путей, не достал ни фунта керосина для рудников, не представил ни пуда хлеба рабочим, ни одного аршина мануфактуры. Он являлся свидетелем гибели Донецкой промышленности и фиксировал ее в своих входящих и исходящих бумагах»[9]. В то же время он сыграл определенную роль в формировании идеи о неделимости Донбасса и Кривбасса в экономическом и административном отношении.

Почти одновременно в городах и рабочих поселках возникли общественные комитеты из представителей разных политических сил и предпринимателей, поддерживавших Временное правительство. После создания в Киеве Центральной рады в Донбассе появились ее местные «рады» и разные общественные организации: «вольного казачества», местные отделения украинской организации культурно-просветительского направления «Просвита» и проч. Жизнь региона сильно зависела от решений, принимаемых Временным правительством и новой властью в Киеве, в которую стремительно превращалась Украинская Центральная рада. Она была образована 3—4 марта 1917 г. на собрании ряда общественных и политических организаций Киева, в основном социалистической ориентации[10]. Под влиянием профессора-историка М.С. Грушевского, обосновавшего концепцию украинской революции, Рада уже весной 1917 г. превратилась в украинскую общенациональную организацию. По мнению современного украинского историка и политического деятеля Д.В. Табачника, только полным непониманием реалий Украины можно объяснить признание Временным правительством Рады краевой властью[11]. 10 июня она приняла так называемый 1-й универсал — политико-правовой акт программного характера, в котором была провозглашена автономия в составе России[12]. Этот акт встревожил многих предпринимателей Юга России. 1 августа председатель Совета Съездов горнопромышленников Юга России Н.Ф. фон Дитмар направил Временному правительству записку «Украинская автономия и Донецкий бассейн», в которой выразил глубокие сомнения о целесообразности включения в состав намечаемой украинской автономии Харьковской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской областей, где располагались все металлургические заводы Юга России, Донецкий каменноугольный и Криворожский железорудный бассейны. Дитмар писал: «Вся эта горная и горнозаводская промышленность составляет вовсе не местное краевое, а общее государственное достояние и ввиду колоссального значения этой про-

мышленности для самого бытия России, конечно, не может быть и речи о том, чтобы эта промышленность и эта область могла находиться в обладании кого либо другого кроме всего народа и быть в подчинении, какой либо власти кроме власти всего народа — власти государства. Не может государство и его орган — Правительство — созданную вековыми усилиями и средствами всего народа и самого государства южную горную и горнозаводскую промышленность — основу экономического развития и военной мощи государства, и все вековые труды на заселение и процветание прежде пустынного края — взять у всего народа и передать провинциальной автономии и может быть даже федерации, основанной на резко выраженном национальном признаке». Считая возможным децентрализацию управления, Дитмар считал, что Харьков должен остаться центром управления всем горнозаводским регионом Юга России. «Весь этот район как в промышленном отношении, так и в географическом и бытовом, — писал Дитмар, — представляется совершенно отличным от Киевского. Весь этот район имеет свое совершенно самостоятельное первостепенное значение для России, живет самостоятельною жизнью и административное подчинение Харьковского района Киевскому району решительно ничем не вызывается, а наоборот, как совершенно не отвечающее жизни, такое искусственное подчинение только осложнит и затруднит всю жизнь района, тем более, что это подчинение диктуется вопросами не целесообразности и не государственными требованиями, а исключительно национальными притязаниями руководителей украинского движения»[13]. Учитывая позицию крупных предпринимателей Юга России и лидеров партии кадетов, Временное правительство издало 4 августа «Временную инструкцию Генеральному секретариату Украинской Центральной Рады», согласно которой в состав будущей украинской автономии включались Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская (за исключением Суражского, Стародубского и Новозыбковского уездов, где отсутствовало украинское население) губернии[14].

Революционные события 1917 г. усугубили хозяйственную разруху в Донбассе. С начала года отмечалось неуклонное снижение добычи угля в связи с падением производительности труда, ухудшением продовольственного снабжения, расстройством транспорта. Общий вывоз минерального топлива за 1917 г. составил 1046 млн. пудов, что было ниже показателя 1916 г. на 23,2%. Добыча опережала вывоз, приводя к скапливанию запасов угля на рудниках. В декабре перевозки практически не осуществлялись вследствие военно-политических противостояний и повреждения путей на некоторых железнодорожных линиях. Оставшийся на копях уголь вывозился гужом — около 100 млн. пудов (в мирное время вывоз гужом не превышал 20 млн. пудов). Для нужд железных дорог на протяжении года было отправлено 501 млн. пудов угля, что ниже уровня 1916 г. на 15,5%; для металлургической группы потребителей вывоз составил 219 млн. пудов (ниже уровня 1916 г. на 28,5%); для нужд Балтийского и Черноморского флотов отправлено 37 млн. пудов (ниже уровня 1916 г. на 24%); для остальных групп потребителей было отправлено 289 млн. пудов (ниже уровня 1916 г. на 30,8%), сахарные заводы получили одну треть от своих потребностей в топливе, наибольшее сокращение поставок приходилось на Петроградский и Московский районы[15]. В тяжелом положении оказалась черная металлургия Юга России. К осени 1917 г. были закрыты Кадиевский, Мариупольский, Дружковский и другие металлургические заводы. Оставшиеся значительно сократили производство. Например, Юзовский завод сократил производство на 22,8%, Днепровский — на 26,3%, Александровский — на 29,1%, «Русский провиданс» — на 42,6% и т.п.[16]

Несмотря на всю сложность рабочего вопроса и понижение производительности на копях Донбасса, количество горнорабочих в 1917 г. не сократилось. В ноябре 1917 г. на рудниках и в шахтах трудилось 283 026 человек (на 300 больше по сравне-

нию с ноябрем 1916 г.). Из них военнообязанных 124 761 человек (44,04%); военнопленных — 60 457 (21,36%); женщин — 12 656 (4,47%); подростков — 22 872 (8,08%);. других категорий — 62 280 (22,05%). Такой состав горняков Донбасса и потеря значительного количества квалифицированных кадров существенно снизили производительность труда. Например, выработка забойщика Юзовского района в октябре 1917 г. составила 193 пуда угля, а в декабре 142 пуда; забойщика Лугановского района соответственно 190 пудов и 150 пудов[17]. Проходивший в августе 1917 г. в Юзовке делегатский съезд Донецкого горнотехнического профессионального союза среди причин падения добычи угля выделил: уменьшение среднего числа выходов на работу; сокращение продолжительности рабочего дня; физическое и психическое переутомление рабочих (ухудшение питания, отсутствие отпусков); острое политическое положение, замена рабочих-специалистов временными работниками; падение рабочей дисциплины; отсутствие власти на местах, вмешательство рабочих организаций во внутренний технический распорядок предприятий.

Отказ предпринимателей удовлетворить основные требования шахтеров и металлистов Донбасса привел к их радикализации, росту популярности партии большевиков. Уже в мае на митингах рабочих шахт, рудников, металлургических предприятий Донбасса все чаще стали раздаваться призывы обуздать алчность капиталистов, увеличить зарплату, не допускать дальнейшего роста цен на товары, продукты и сырье. 15 мая общее собрание рабочих шахты № 5 Горловско-Щербиновского района впервые в резолюции записало, что только власть Советов может вывести страну из кризиса[18]. 6 июля большевики одержали победу на выборах в городскую думу Луганска и ее председателем был избран К.Е. Ворошилов. Славянский Совет рабочих и солдатских депутатов осудил введение смертной казни на фронте, потребовав создания революционного правительства для преодоления хозяйственной разрухи, а Краматорский Совет высказался против Московского государственного совещания, как реакционного мероприятия[19].

Радикализация политических настроений в Донбассе резко усилилась в дни корниловского мятежа. 30 августа съезд Советов Горловско-Щербиновского района решил взять всю власть в районе в свои руки. Был образован Временный революционный штаб. Началось формирование отрядов Красной Гвардии, была введена охрана рудников. На Щербиновском руднике местный Совет объявил диктатуру пролетариата. Отныне местная милиция полностью подчинялась Совету. 31 августа солдаты Луганского гарнизона на митинге потребовали военно-полевого суда над корниловцами, а Должанский Совет высказался за переход всей власти к Советам. В Луганске был сформирован Комитет спасения революции во главе с К.Е. Ворошиловым. Оборону города от возможных действий сил контрреволюции возглавил А.Я. Пархоменко. Были проведены аресты ряда предпринимателей, офицеров местного гарнизона и чиновников прежнего режима. На все заводы, рудники и учреждения были посланы комиссары. Предприятия охранялись красногвардейцами[20]. «Известия Славянского Совета рабочих и солдатских депутатов» в передовой статье писали: «Черные руки генерала Корнилова и поддерживающей его буржуазии потянулись к святым завоеваниям революции и грозят железом и кровью затопить ее». В городе был образован революционный штаб, установивший контроль за железнодорожной станцией[21]. Отряды Красной Гвардии формировались в Авдеевке, Алмазной, Гришино, Дебальцево, Дружковке, Иловайске, Краматорске, Лисичанске, Макеевке, Мариуполе, Марьевке, Никитовке, Попасной, Славянске, Ханжонкове, Харцызске и др. Оружие красногвардейцам поступало из казарм и складов революционных воинских частей, тайно перевозилось из Сестрорецкого оружейного завода. Началась большевизация местных Советов[22].

25 сентября Главный экономический комитет предложил Временному правительству послать в Донецкий бассейн правительственного комиссара с правом применять вооруженную силу и закрывать предприятия. В некоторые города Донбасса были введены казачьи части, приступившие к разгрому рабочих организаций[23]. В ответ Советы Донбасса стали решительно требовать установления народной власти. 12 октября Мариупольский Совет обратился к населению с воззванием об установлении в стране Советской власти. 16 октября конференция представителей Советов, профсоюзов, фабзавкомов и рудкомов Донецкого бассейна, состоявшаяся в Луганске, потребовала перехода власти в стране к Советам. Местные Советы в Щербиновке, Горловке, Луганске, Макеевке, Краматорске еще до победы вооруженного восстания в Петрограде заявили о переходе к ним всей власти в этих городах. По указанию Временного правительства в Горловско-Щербиновский район были введены части снятой с Румынского фронта кавалерийской дивизии. 21 октября в Харькове состоялся экстренный съезд представителей Советов, профсоюзов, горнозаводских комитетов, рабочей милиции и других пролетарских организаций Донбасса. Съезд избрал для координации деятельности Центральный комитет из 14 человек (10 из них были большевиками). Резолюция съезда призывала к всеобщей стачке протеста с целью обратить внимание трудящихся России «на преступное содействие Временного правительства угольным королям»[24].

Большинство Советов Донбасса поддержало Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, образовало военно-революционные комитеты и заявило о взятии власти[25]. Восстановить власть Временного правительства на Донбассе попытался атаман Донского казачества, генерал от кавалерии А.М. Каледин. Верные ему казачьи части, поддержанные отрядами из офицеров и юнкеров, вошли в Донбасс и приступили к разоружению отрядов Красной Гвардии, аресту советских активистов. 4 декабря был разгромлен Совет рабочих депутатов Прохоровских рудников, 5 декабря — Александро-Грушевского и Гуковского районов. В результате налета на Боково-Хрустальский Совет были убиты его председатель и несколько красногвардейцев[26]. Свои войска в регион направила Центральная Рада. Для борьбы с противниками Советской власти Совет Народных Комиссаров образовал Южный революционный фронт (штаб в Харькове) под командованием В.А. Антонова-Овсеенко. 25 декабря советские войска перешли в наступление от Луганска и Горловки. В течение месяца Донецкий бассейн был очищен от калединцев.

Военные действия в Донбассе значительно ухудшили социально-экономическое положение региона. Продолжилось падение добычи угля. В Таганрогском, Макеевском, Кальмиусском и Донецко-Грушевском округах в ноябре 1916 г. добывали 35 640 млн. пудов угля, а год спустя — 21 362 млн. пуд; в декабре 1916 г. добыли 29 970 млн. пудов, а год спустя 13 664 млн пудов (падение составило 54%). На рудниках Донецко-Грушевского Общества в январе 1918 г. добыча угля уже не производилась[27]. Участники 42-го съезда горнопромышленников Юга России (28 ноября — 2 декабря 1917 г.) отметили, что рабочий контроль, «фактически сводящийся к захвату предприятий», означает устранение предпринимателей от руководства предприятиями и высказали протест «против подобных социалистических экспериментов, несовместимых с существованием капиталистической промышленности». На предложение бывшего Министерства труда о введении коллективных договоров между работодателями и рабочими в Донецко-Криворожском бассейне был подготовлен ответ, в котором указывалось на невозможность выполнить данное распоряжение при наличии рабочих организаций, имеющих не профессиональный, а политический характер[28].

Экономическая жизнь в конце 1917 г. определялась стремительным политическим процессом. 7 ноября Центральная Рада провозгласила образование Украинской

народной республики с территориальными претензиями на все этнически украинские земли Киевщины, Подолии, Волыни, Черниговщины, Полтавщины, Харьковщины, Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии (без Крыма). 12 декабря на Первом Всеукраинском съезде Советов в Харькове была провозглашена Украинская социалистическая советская республика. На территорию УССР распространялось действие всех декретов и распоряжений правительства Российской Советской Республики, а акты украинской Центральной Рады объявлялись недействительными[29]. Донбасс постепенно втягивался в многолетнюю Гражданскую войну.

1 Донецкий каменноугольный бассейн расположен в южной части среднерусской возвышенности, площадью 20 тыс. кв. верст и охватывал в начале XX в. восточную часть Екатеринославской губернии, южную — Харьковской и западную — Области Войска Донского. Содержит угли всех типов (кроме бурых). Разработка в основном велась подземным способом. Основные центры добычи угля: Горловка, Донецк, Макеевка, Лисичанск и др. В изучении бассейна важную роль сыграл русский горный инженер Л.И. Лутугин, в честь которого назван город в Луганской области.

2 *Ковалев П.В.* Состояние Донецкого бассейна в октябре — январе месяцах 1917/18 г.: [доклад, прочит. на IX Всерос. съезде гос. органов по топливу, 11—13 февр. 1918 г.]. Б.м., 1918. С. 1; Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 714—715.

3 Россия в Первой мировой войне, 1914—1918: энциклопедия: в 3 т. М., 2014. Т. 3. С. 506—508; *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в.: очерки воен.-экон. потенциала. М., 1986. С. 108—109; Економічна історія України і світу: підручник / за ред. Б.Д. Лановика. Київ, 2006. С. 316—317, 391; *Бунтовский С.Ю.* История Донбасса. Донецк, 2015. С. 92—94.

4 Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: энциклопедия: в 3 т. М., 2014. Т. 1. С. 638—639.

5 *Модестов В.В.* Рабочие Донбасса в трех русских революциях. М., 1974. С. 190—191.

6 *Гончаренко Н.* Октябрь в Донбассе. Луганск, 1961. С. 89—91.

7 История рабочих Донбасса. Киев, 1981. Т. 1: Рабочие Донбасса в эпоху капитализма и в переходный период от капитализма к социализму. С. 147—148.

8 Журналы заседаний Временного правительства: в 4 т. М., 2001. Т. 1: Март — апрель 1917 года. С. 86—87. (Архив новейшей истории России; т. VII).

9 Цит. по: *Корнилов В.* Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. СПб., 2017. С. 85.

10 *Литвин В.М., Солдатенко В.Ф.* Апогей Української революції. Київ, 2017. С. 29.

11 *Табачник Д.В.* Уроки утраченной державы // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. М., 2014. С. 8.

12 *Литвин В.М., Солдатенко В.Ф.* Указ. соч. С. 53—54.

13 Український национально-визвольний рух, березень — листопад 1917 року: документи і матеріали. Київ, 2003. С. 593—594.

14 *Милюков П.Н.* История второй русской революции. СПб., 2014. С. 128—141, 288—289; *Литвин В.М., Солдатенко В.Ф.* Указ. соч. С. 63.

15 Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017. С. 327—328.

16 Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР. М., 1954. С. 128; Борьба за Октябрь на Артемовщине. Харьков, 1929. С. 125.

17 *Ковалев П.В.* Указ. соч. С. 3, 9; Економічна історія України і світу. С. 392.

18 *Гончаренко Н.* Указ. соч. С. 106—107.

19 *Першак Д.А.* Хроника великих дней. Донецк, 1977. С. 100, 105, 111.

20 *Гончаренко Н.* Указ. соч. С. 158—162.

21 Известия Славянского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 30 авг.; 1 сент.

22 *Першак Д.А.* Указ. соч. С. 124—130.

23 В те дни в Киеве все чаще раздавались голоса об отделении от России. По мнению некоторых членов Центральной Рады украинскую автономию не должны обсуждать на Всероссийском Учредительном собрании «буряты и хунхузы». Главной опасностью для Украины виделись настроения «руссоцентрализма» (Южный край. 1917. 12 окт.).

24 История рабочих Донбасса. Т. 1. С. 157.

25 *Кобыляков Н.М.* Макеевка: историко-краеведческий очерк. Донецк, 1977. С. 30; Жданову — 200. Страницы истории, 1778—1978. Донецк, 1978. С. 44; *Прокофьева Л.Т.* Не смолкнет слава: историко-краеведческий очерк о периоде гражданской войны в Донбассе (1917—1920 гг.). Донецк, 1978. С. 11—12; *Гончаренко Н.* Указ. соч. С. 200—214.

26 История рабочих Донбасса. Т. 1. С. 161; *Бунтовский С.Ю.* Указ. соч. С. 100—101.

27 *Ковалев П.В.* Указ. соч. С. 13.

28 Россия в 1917 году: энциклопедия. С. 936.

29 Там же. С. 978—980.

В.Г. Зарубин

К вопросу о статусе Крыма в 1917 г.[1]

Февральская революция легализовала политическую деятельность в Таврической губернии, составной частью которой являлся многонациональный Крым. В 1917 г. здесь действовали 16 организаций — партий социалистического и народнического толка, 13 — национальных, объединявших 55—60 тыс. человек, 4,5% трудоспособного населения[2].

25 марта (здесь и далее даты по старому стилю) в Симферополе открылось общее собрание мусульман Крыма, создавшее Временный Крымский мусульманский исполнительный комитет (Мусисполком) под председательством Челеби Челебиева (Номана Челеби Джихана). Вскоре фактически все дела крымских татар — культурные, религиозные, экономические, а затем и политические, — переходят в ведение Мусисполкома, лидерами которого являлись Дж. Сейдамет, председатель Вакуфной комиссии; А.С. Айвазов; М.М. Кипчакский; С.Дж. Хаттат(ов); А.А. Боданинский и др. Бесспорным авторитетом для всех татар был Ч. Челебиев. Он становится во главе Духовного управления и демократическим путем избирается муфтием.

Делегация крымских мусульман участвует в работе Всероссийского съезда мусульман, состоявшегося 1—11 мая 1917 г. в Москве. Делегаты съезда выступили за создание демократической республики российских мусульман на федеративной основе, предоставление национально-культурной автономии народам, не имеющим территории.

22 июля в органе Мусисполкома газете «Голос татар» (на русском языке) публикуется «Политическая программа татарской демократии». В «Политической программе» декларировалась приверженность Учредительному собранию, в котором «татарский народ будет добиваться установления Федеративной Демократической Республики» и «требует для себя национально-культурную автономию, как необходимый фактор свободного развития национального самосознания»[3].

Тем временем Центральная Рада, все более дистанцируясь от центра, проявляет всё большее желание втянуть в орбиту украинской самостоятельности Таврическую губернию, что не могло не вызвать опасений крымских политиков.

29 июля «Голос татар» сообщил о том, что Украинскую раду посетила депутация мусульман, обратившаяся с просьбой поддержать их стремление к установлению автономии Крыма[4].

Подробности этой поездки раскрывает в своих мемуарах Дж. Сейдамет. Он вместе с А.С.-А. Озенбашлы выехал в Киев с целью изучить положение дел в украинском национальном движении и установить с ним более тесные связи. В Раде они встретились с ее председателем М.С. Грушевским, председателем Генерального Секретариата, генеральным секретарем внутренних дел В.К. Винниченко, генеральным секретарем межнациональных дел А.Я. Шульгиным, представителями украинской интеллигенции, на правах гостей присутствовали на заседании Центральной Рады, ознакомились с различными изданиями, выходившими в Киеве, в Европе, особенно в Австро-Венгрии, и во Львове. Грушевский убеждал гостей в необходимости сделать всё для разрушения российского централизма, что не могло не импонировать гостям. Но на стене приемной Винниченко Сейдамет увидел карту Украины, на которой северная часть Крыма была отмечена как ее часть. Это настолько его возмутило, что он сорвал эту карту и забрал с собою. Полоса, разделившая Крым на две части, виделась

ему топором мясника, расчленившим тело его народа. Такие же карты публиковали львовские издания. В целом по результатам поездки они с Озенбашлы сделали такой вывод: «Украинский вопрос с точки зрения расшатывания позиций Москвы, был, конечно, на руку нам. Однако позиция Украины, по отношению к Крыму загоревшейся желанием играть роль Москвы, вызывала серьезные опасения»[5].

8—15 сентября в Киеве, который уже заметно дистанцировался от Петрограда, проходил Съезд народов. Получив приглашение на него, Мусисполком ответил согласием, причем, по сообщению очевидца событий большевика В.А. Елагина, позиционировал себя, для придания большей авторитетности, как заместитель крымскотатарского Курултая, обосновывая, «с одной стороны, давностью этого общественного установления, игравшего известную роль в общественно-политической жизни монголо-татар, а с другой стороны, зрелостью самосознания татарского народа»[6].

Лидеры национального движения вспомнили о «государственной мудрости монголо-татар» и о том, что у них «было немыслимо государство без Курултая и Курултай без государства», и даже о том, что в 1205 г. Чингисхан испросил у Курултая согласие на свое верховное правление[7].

По воспоминаниям Сейдамета, идея проведения Курултая* возникла в июле еще до его поездки с А.С.-А. Озенбашлы в Киев. Он высказал ее Челебиеву, мотивируя тем, «что с началом распада России нам необходимо крепить силы с целью противодействия анархии», а чтобы крымские татары оставались хозяевами своей судьбы, необходимо избрание полномочной организации. И если центральное правительство России устоит, то будет вынуждено считаться с этой организацией, а если нет, то организация «станет фундаментом нашей независимости». Челебиев одобрил эту идею и загорелся ею. Сам же термин «Курултай», вспоминал Сейдамет, «мы узнали из статьи Леона Кахона “История тюрков” (возможно, идет речь об извлечении из работы французского писателя и историка еврейского происхождения “Введение в историю Азии. Тюрки и монголы” (Париж, 1896)) в журнале “Тюрк Юрду” в переводе Юсуфа Акчура. В книге “Небесное знамя” (Gök Cancak) того же автора в переводе Неджипа Асим-бея, хотя и кратко, сообщались сведения о небесно-голубом флаге, что реял над Крымом во славу наших предков и тюркизма»[8]. С тех пор (и до наших дней) стягом крымских татар стало «голубое знамя Чингиса» (кок-байрак).

На Съезде народов в Киеве будущий коммунист Идрисов тешил себя утопиями: «Россия может стать могущественной только тогда, когда все ее народы добровольно заключат союз»[9]. Озенбашлы, приветствуя съезд «от подавленных Романовыми наследников великого Тамерлана», отдал должное конкретике: «Татары отстаивают свободу всех народов, но не допустят, чтобы кто-нибудь другой верховодил в Крыму»[10].

В постановлениях съезда были зафиксированы положения о федеративном устройстве России, национально-персональной автономии, равноправии языков, созыве краевых учредительных собраний[11].

Не менее, если не более важные вопросы обсуждались в кулуарах Съезда народов. Об этом поведал на делегатском съезде (собрании) крымских татар (1—2 октября) Ч. Челебиев. «...Пункт о форме правления в нашей стране... требует такой формы правления, при которой была бы гарантирована наша самостоятельность как нации, конечно за исключением вопросов внешней политики и военного. (...) Комитет наш нашел такое устройство в Украине вполне отвечающим нашим интересам.

---

* Курултай — сейм, национальное учредительное собрание.

Но перед нами встает новый вопрос: о границах. Мы нашли необходимым спросить у Рады: “входит ли Крымский полуостров в пределы вашей территориальной автономии”. (...) После десятидневного обсуждения на этом съезде народов, между прочим, была вынесена резолюция о том, что Крым принадлежит крымцам. На это я смотрю как на наш тактический успех, с чем они нас и поздравили, заявив: “можете управлять Крымом так, как вам заблагорассудится”»[12].

Делегатский съезд принял решение созвать в ноябре Курултай. В своей речи 2 октября Ч. Челебиев сформулировал его основную задачу: «Обсуждение вопроса о территориальной автономии для Крыма, в случае его принятия создание соответствующих основных законов». Дж. Седамет добавил к этой формулировке, что Курултай «должен выявить свое отношение к вопросу о форме правления в стране и к Учредительному собранию»[13].

После события 25 октября в Петрограде вопрос о власти в Таврической губернии приобрел первостепенное значение.

3 ноября торжественно открылся Национальный татарский музей в Ханском дворце (Бахчисарай). В речи муфтия Ч. Челебиева по этому случаю проводилась идея единения всех крымчан для блага Крыма. Объявив о решении созвать Курултай, он заявил: «На Крымском полуострове имеются разных цветов и оттенков много прекрасных роз и цветов. Каждый из этих роз и цветов имеет особую свою красоту и свойственный ему приятный аромат. Задача Курултая собрать все эти дивные цветы в один букет. Татарский Курултай имеет в виду не одних лишь татар, его взоры обращены и к другим народностям, в течение веков живущим с татарами дружной братской жизнью. (...)

Татарский народ признавал, признает и всегда будет признавать права каждой национальности. Татарский Курултай наравне с чаяниями и идеями татар будет чтить также идеи и чаяния живущих с ними в Крыму и других народностей. Курултай будет приглашать эти народности к совместной работе и усилиям для достижения общих для всех благ»[14]. Цель Курултая, по словам Челебиева, превратить Крым в культурную Швейцарию[15].

3—4 ноября Мусисполком выдвинул лозунг «Крым для крымцев», то есть для всех крымчан. Ставится задача в кратчайшие сроки созвать крымское учредительное собрание и установить принципы создания в Крыму народной республики[16].

7 ноября Центральная Рада приняла III Универсал, в котором провозглашалась Украинская Народная Республика (УНР), но — в составе демократической Российской Федерации, которую еще только предстояло создать. В состав УНР были включены три северных уезда Таврической губернии без Крыма (так губерния разрывалась на две части). Вместе с тем Рада выражала притязания на Черноморский флот.

20 ноября делегаты от земств, городов, советов и профсоюзов, различных организаций собрались на Губернский съезд представителей городских и земских самоуправлений (при отсутствии большевиков и кадетов), который постановил: «До выяснения воли населения Крыма крымским учредительным собранием (...) и воли населения трех северных уездов — путем ли опроса или путем особого учредительного собрания, — в Таврической губернии учреждается орган управления губернией Таврический губернский совет народных представителей*, как временный высший орган губернской власти, ответственный перед органом, его создавшим, и будущей центральной законной властью»[17].

Избрав СНП и президиум, съезд под аплодисменты, здравицы и поцелуи завершился 23 ноября. По нашему мнению, создание СНП было первой попыткой в исто-

* Далее СНП. — *В.З.*

рии Крыма XX в. образовать представительный многонациональный орган власти, пользующийся доверием населения[18].

В том же месяце Центральная Рада довела до сведения Мусисполкома, что Украина не имеет территориальных претензий к Крыму и поддерживает национальное движение крымских татар[19].

В данной связи весьма любопытно достаточно циничное мнение Дж. Сейдамета по поводу Центральной Рады и ее политики, которым, по его словам, «полностью доверять было бы глупо». «Вполне возможно, — писал Сейдамет, — что они стремились ослабить нас, воспользовавшись нашим противостоянием с русскими, так как и от них, естественно, можно было ожидать появления желания взять власть в Крыму в свои руки. А поэтому идею независимости Крыма мы оберегали как от русских, так и от украинцев, одновременно надеясь и рассчитывая на покровительство Турции»[20].

К этому времени увенчались успехом стремления Мусисполкома по стягиванию на полуостров эскадронов Крымского конного полка (эскадронцы). Теперь политическое влияние органа крымских татар, опиравшегося на вооруженную силу, значительно усилилось.

Что касается крымских большевиков, то они в 1917—1918 гг. не выработали более-менее логичной и привлекательной линии в национальном вопросе[21]. II конференция (съезд) большевиков Таврической губернии 24 ноября принимает резолюцию: «Констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей, из которых татары не являются численно преобладающим элементом... съезд считает в силу местных особенностей единственно правильным решением вопроса об автономии Крыма референдум (народное голосование) среди всего населения Крыма»[22]. Идея референдума, однако, промелькнув, исчезла. Не нашла она отражения и в советской историографии даже после публикации данной резолюции в 1957 г.

26 ноября в Бахчисарае открылся Курултай, начавший работу как учредительное собрание крымскотатарского народа и продолживший ее как постоянно действующий орган — мусульманский парламент.

В последний день работы, 13 декабря, Курултай утвердил Крымскотатарские основные законы (конституцию, по словам одного из главных участников событий Дж. Сейдамета[23]), избрал руководство Курултая и Совет директоров (Директорию) под председательством Ч. Челебиева.

Утвержденные Курултаем Крымскотатарские основные законы[24] декретировали создание крымской демократической республики (Сейдамет ее называет Народная Республика[25]), поместив, однако, это провозглашение в самый конец текста и сделав его как бы между прочим (статья 16): «Курултай считает, что как существование необходимых в общественной жизни свободы личности, слова, печати, советы, собраний, жилища, союзов, стачек, страхование жизни рабочих, так и осуществление принципа самоопределения народов и прав меньшинства и тех законов, которые приняты Курултаем, могут быть гарантированы только при демократической республике, признает и объявляет крымскую демократическую республику». Здесь мы сталкиваемся с малопонятным противоречием. С одной стороны, фактически декретировалось создание нового государства. С другой, статья 12 заявляла, что «форма правления Крымом может быть определена Крымским Учредительным собранием». Последнее упоминалось также в статьях 13 и 14. Это подметили современники, но вразумительного разъяснения Курултай так и не дал. Об автономии в составе Российской федерации не упоминалось.

В статье 1 говорилось, что Курултай признает «за всеми народностями право на полное самоопределение», и в статье 15: «судьба того или иного края может быть ре-

шена только голосом самого народа, населяющего этот край, но ни в коем случае не дипломатами».

Статья 2 постановила учредить постоянный крымскотатарский парламент, избираемый всем татарским населением на основе свободных, равных и прямых выборов при тайном голосовании. Но «поскольку выборы народного представительства в настоящее время в стране могут быть выполнены с большими затруднениями», Курултай объявил себя парламентом сроком на один год (примечание к статье 3).

Можно ли считать Крымскотатарские основные законы конституцией? Лидеры крымских татар и в 1917 г., и позже так и считали. К сожалению, не имея возможности использовать воспоминания Дж. Сейдамета, этого не заметил современный исследователь С.А. Ефимов, посчитавший, что термин «конституция» абсолютно не использовался в 1917 г. создателями указанного документа[26].

Украинский правовед доктор юридических наук А.Л. Копыленко определил Основные законы в качестве первой среди крымских конституций и «единственной, которая основывалась на национальных началах». Анализируя ее статьи, он пришел к обоснованному выводу: «...Противоречие между внутренне-татарским назначением Конституции и ее претензией на то, чтобы стать нормативной основой для жизни всего полуострова, содержит основную проблему этого документа»[27]. С этим мнением согласны и мы. Действительно, как совместить, к примеру, требование решать спорные вопросы между татарами на основе «шариата, национальных обычаев, традиций общественной жизни и морали татар» с действующим законодательством?

Первым опытом конституционного строительства на полуострове назвали мы Крымскотатарские основные законы[28]. При всей их неполноте и противоречиях они носили определенно демократический характер. Но как откровенно заявит в интервью стамбульской газете «Ихдам» А.С. Айвазов в следующем году: «Наша... цель была, принимая все меры, утвердить самостоятельность Крыма и, таким образом, дать коренному населению господствующее положение»[29].

Позднее, в эмиграции, Дж. Сейдамет оценит принятый документ следующим образом: «При рассмотрении Основного закона крымских тюрков (конституции) можно отметить влияние не русской революции, а французской, не бесчисленных русских идей, а идеи тюркской государственности. В нашей конституции над идеями свободы и социальной революции превалирует дух истинной демократии. В этом историческом законодательном акте в ясной форме отражено стремление тюрок к истинной государственности»[30]. Что подразумевалось под «истинной демократией», непонятно, но путь к государственности крымских татар («крымских тюрок», как везде у Сейдамета) был намечен.

Демократическая (народная) республика в Крыму в тот момент реально так и не была создана. По мнению крымского историка А.В. Мальгина, Курултай лишь предвосхищал ее[31]. Этой же позиции придерживается С.А. Ефимов: «...решения курултая 1917 года только предвосхитили формирование государственности на крымском полуострове», полагая, «что “основные законы крымских татар” надо рассматривать не с позиций создания государственности, а с позиций формирования на полуострове национально-персональной автономии крымских татар»[32]. П.И. Гарчев утверждал, что Мусисполком и Курултай вообще «не выдвигали идеи создания крымскотатарской республики. Они стремились к обособлению Крыма от большевистской России, в блоке со всеми антибольшевистскими партиями и национальными движениями пытались дать вооруженный отпор анархо-большевизму на полуострове»[33]. А доктор исторических наук В.Е. Возгрин в своем объемном, но страдающим пере-

держками, несуразностями, а то и прямыми фальсификациями труде отмечал: «...в Крыму... была образована первая в истории человечества мусульманская демократическая республика»[34]. С.М. Червонная, И.А. Гилязов и Н.П. Горошков, активно и некритически используя в своей работе труд Эдиге Кырымала (Шинкевича) на немецком языке «Национальная борьба крымских тюрок» (1952), признавая существовании республики, сообщают, что Центральная Рада после принятия Конституции официально уведомила Курултай «о признании ею Демократической Республики Крым», которая впоследствии погибла[35].

Итак, лидеры крымских татар к концу 1917 г. определили свой путь к национальной государственности в форме республики, придя летом 1918 г. к идее возрождения Крымского ханства[36], но разгоревшаяся со второй половины декабря 1917 г. Гражданская война, затем правление большевиков в союзе с левыми эсерами при опоре на анархиствующие элементы Черноморского флота, германская оккупация, другие бурные события не позволили им реализовать свои замыслы.

1 Автор выражает признательность Анастасии Александровне Зарубиной за осуществление перевода с турецкого языка.

2 *Королев В.И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. Симферополь: Таврия, 1993. С. 33.

3 Крымскотатарское национальное движение в 1917—1921 гг.: [документы] / сост. А.Г. Зарубин // Вопросы развития Крыма: (научно-практический дискуссионно-аналитический сборник). Симферополь: Таврия, 1996. Вып. 3. С. 2.

4 Там же. С. 16.

5 *Seydahmet (Kırımer) Cafer.* Bazı hatıralar. İstanbul: Emel Türk Kültürunü Araştırma ve Tanıtma Vakfı, 1993. S. 188—191.

6 *Елагин В.* Забвению не подлежит: (из истории крымскотатарской государственности и Крыма). Казань: Тат. кн. изд-во, 1992. С. 92.

7 Цит. по: Там же (со ссылками на «Голос татар» от 11 октября 1917 г.).

8 *Seydahmet (Kırımer) Cafer.* Op. cit. S. 186—187, 212.

9 Цит. по: *Рєєнт О.П.*, *Андрусишин Б.І.* З'їзд поневолених народів (8—15 вересня 1917 р.) (21—28 вересня н. ст.). Київ: Інститут історії України НАН України, 1994. С. 24.

10 Там же. С. 28.

11 Там же. С. 49—52.

12 Голос татар. 1917. 14 окт.

13 *Елагин В.* Указ. соч. С. 93 (со ссылками на «Голос татар» от 14 и 21 октября 1917 г.).

14 Голос татар. 1917. 11 нояб.; Южные ведомости: (газета). (Симферополь), 1917. 18 нояб.

15 *Seydahmet (Kırımer) Cafer.* Op. cit. S. 229.

16 Ibid. S. 235; Голос татар. 1917. 11 нояб.

17 Южные Ведомости. 1917. 25 нояб. Подробнее о съезде см.: *Королев В.И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года: (политические партии и власть). Симферополь: Таврия, 1993. С. 34—38.

18 *Зарубин В.Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 1. С. 60.

19 Крым: (газета). (Симферополь), 1918. 10 мая.

20 *Seydahmet (Kırımer) Cafer.* Op. cit. S. 207.

21 *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь : АнтиквА, 2008. С. 224.

22 Борьба за Советскую власть в Крыму: документы и материалы: в 2 т. Симферополь: Крымиздат, 1957. Т. 1: Март 1917 г. — апрель 1918 г. / отв. ред. П.Н. Надинский. С. 118—119.

23 *Seydahmet (Kırımer) Cafer.* Op. cit. P. 244, 237.

24 Крымскотатарское национальное движение в 1917—1921 гг. С. 24—27.

25 *Seydahmet (Kırımer) Cafer.* Op. cit. S. 244—245.

26 *Ефимов С.А.* Первые опыты крымской государственности: административно-территориальное деление советских республик конца 10-х — начала 20-х годов XX века // Историческое наследие Крыма: сборник статей. Симферополь: Антиква, 2016. С. 233.

27 *Копиленко О.Л.* Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу. Київ: Таксон, 2002. С. 11—14.

28 *Зарубин В.Г.* К вопросу о первом опыте конституционного строительства в Крыму // Державно-правові проблеми Північного Причорномор'я: історія та сучасність. Харків: Вісник Університету внутрішніх справ, 1999. Вип. 7, ч. 1. С. 48.

[29] Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-150. Оп. 1. Д. 67. Л. 60.
[30] *Seydahmet (Kırımer) Cafer.* Op. cit. S. 247.
[31] *Мальгин А.* Республика, которой не было // Таврические ведомости: (газета). (Симферополь), 1992. № 5—8 (февр.).
[32] *Ефимов С.А.* Административно-территориальные преобразования и опыты крымской государственности в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Крым. Проблемы истории Крыма. Симферополь: Антиква, 2015. Вып. 1 / под ред. А.В. Мальгина. С. 201.
[33] *Гарчев П.И.* Национальные партии и движения в Крыму в 1917—1920-е гг. // Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы: (материалы науч.-практ. конф.). Симферополь: Ин-т истории Украины НАН: Крымский гос. индустриально-педагогический ин-т, 1996. С. 28.
[34] *Возгрин В.Е.* История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма: в 4 т. Симферополь: Крымучпедгиз, 2013. Т. 2. 2-е изд., стереотип. С. 917.
[35] *Червонная С.М., Гилязов И.А., Горошков Н.П.* Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и мировой историографии: исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития // Ас-Алан. Москва, 2003. № 1 (10). С. 160.
[36] *Зарубин В.Г.* Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917—1921 гг.). Харьков: Фолио, 2013. С. 150—151.

Дж. Хоскинг

Возможные альтернативы: генерал Болдырев и Директория

Сейчас много говорят о возможных альтернативных вариантах развития российской государственности после октябрьского переворота 1917 года. Ведь то, что было — гражданская война, потом установление однопартийного государственного, — было настолько разрушительно, что хочется как-то думать, что Россия не была фатально обречена на это. В этой связи, по-моему, стоит поговорить о генерале Василии Георгиевиче Болдыреве и Директории, в которой он оказался главной движущей силой.

Историки обычно недооценивают Болдырева. Его знают как члена Союза Возрождения, как посланника Союза на Уфимское Государственное Совещание, потом как главнокомандующего военными силами в Директории, которая была свергнута Колчаком в ноябре 1918 г. Его «звездный час» длился только два месяца, мол, и то на шатких основах. На самом деле его карьера имела большое значение для России. Он олицетворял потенциальный путь, ни красный, ни белый, по которому Россия, к сожалению, не пошла: возрождение империи на основе народного мандата. Директория, конечно, не достигла своих целей; об этом никто не спорит. Но он пытался воплотить новую российскую государственность, преемственную от Российской империи (через Временное Правительство, Учредительное Собрание, Комуч и Уфимское Совещание), но возобновленную на основе народных выборов, сначала местных, потом всеобщих.

По своему скромному социальному происхождению Болдырев был незаурядной, но не уникальной фигурой в русском офицерском корпусе 1917 г. Армейские реформы, проведенные Дмитрием Милютиным в 1870-е годы, значительно ослабили преобладание дворян в офицерском корпусе: уже к 1914 г. почти половина всех офицеров были недворянского происхождения. Например, отцы генералов Алексеева и Деникина были крепостными, а отец генерала Корнилова был бедным казаком. На этом фоне отец Болдырева, кузнец из небольшого города, — не исключение.

Что действительно отличало Болдырева от большинства генералов, так это то, что он продолжал солидаризироваться со своим социальным классом, чутко относился к ощущениям и стремлениям обыкновенных крестьян и рабочих, составлявших большинство солдат в тех частях, которыми он командовал. Он считал, что после падения монархии российская государственность должна строиться вновь на основании народного представительства. Большинство старших офицеров, получившие образование в военных училищах старого режима, наоборот, считали себя прежде всего поборниками великой и сильной имперской монархии, мнили себя выше политической жизни, заботились о чувствах рядовых россиян только насколько было необходимо, чтобы поддержать их боевой дух. Склад ума подавляющего большинства офицеров был неосознанно консервативным, элитным; они презирали политику, считали политиков смутьянами, сеющими раздор в народе. Такая ментальность была даже особенно распространена среди тех офицеров, которые вышли из простого народа, так как они хотели во что бы то ни стало доказать всем, да и самим себе, что они теперь часть элиты[1].

В качестве квартирмейстера Северного фронта, Болдырев присутствовал в вагоне, когда Николай II отрекся от престола. Он отнес манифест об отречении на почту для передачи по аппаратам. Как он сам отметил в дневнике, «Манифест производил несколько смутное впечатление, явно нарушался закон о престолонаследии... <...> Какая-то непрочность чувствовалась в этом документе огромной важности...»[2].

Это ранний пример той заботы о законе и о государственной преемственности, которая стала краеугольным камнем его будущей политической деятельности. [Несколько позже, когда ему доложили, что над религиозным обрядом казаков какие-то солдаты издеваются, он им сделал строгий выговор, заметив, что «они, едва добившись свободы, сами же нарушают ее, учиняя насилие над свободой человеческой совести». Он также сказал, что Приказ No 1 еще не действителен, так как его издавал Петроградский Совет, который не являлся частью государственной структуры, унаследованной от царя. Когда один шофер ему сказал, что не надо больше отдавать честь офицеру: «Честь отдается погону установленному царем; царя-батюшки нет — не надо и погон, а тогда не надо и отдания чести». На это Болдырев ответил: «А деньги с портретом царя ты тоже не признаешь?» Шофер в ответ пробормотал «Так то ведь деньги». — «Но пока их не заменят другими, они ведь в силе; то же самое с отданием чести — выйдет новый закон, ее отменяющий, тогда и отменим»[3].

[Болдырев отличался от большинства собратьев именно тем, что он стихийно находил общий язык с рядовыми военнослужащими. В.С. Войтинский, комиссар временного правительства, так его изображал в своих воспоминаниях о 1917 г.: «Болдырев, бравый генерал, гордившийся тем, что отец его сам пахал землю... ...не философствовал, не рассуждал, а старался с размаху, напряжением воли брать все препятствия. Его решительные манеры, смелость, прямота, в сочетании с его своеобразным красноречием, внушали уважение солдатам. К комитетам сперва он относился недоверчиво, но потом, приглядевшись к их работе, понял, что они не являются помехой укреплению фронта. Искосол[4], со своей стороны, вначале считал негнущегося, резкого на язык генерала завзятым контрреволюционером и даже добивался его увольнения. Но позже искосольцы оценили прямоту, лояльность и энергию Болдырева и искренне жалели о его уходе, когда — после отставки ген. Данилова — ему пришлось покинуть корпус, чтобы принять командование соседней 5-й армией»[5]].

Болдырев сумел быстро переоценить послефевральскую ситуацию и приспособиться к новым условиям. Он сначала отнесся с подозрением к солдатским комитетам, но приглядевшись к ним, решил, что они не обязательно вредят военному духу

армии. Он продолжал настаивать на армейской дисциплине, но сумел найти общий язык с рядовыми военнослужащими. По его мнению, авторитет командира покóится на доверии подчиненных.

После октябрьского переворота новый Главнокомандующий от большевиков, прапорщик Крыленко, приступил к своим обязанностям 11-го ноября. Он дважды приказывал Болдыреву, как командиру 5-й армии, явиться к нему. Болдырев отказался, заявляя, что он не признает Крыленко Главнокомандующим. Кроме этого, он боялся, что ликвидация той части фронта, за которую он отвечал, приведет вообще к расчленению России. Поэтому он решил не передавать Крыленко те части, которые тот требовал от него. [Как отмечал Будберг: «Я простил за это Болдыреву многие его ошибки и вихлянье; ему тоже надо было лавировать в надежде выиграть время, но когда пришел час, он поступил так, как то обязывало его положение, и, когда надо было сказать “да” или “нет”, то он сказал “нет”».] На это Крыленко распорядился об его аресте[6].

В декабре он явился перед военным судом в бывшем дворце Великого Князя Николая Николаевича. Его обвинили в саботаже советской власти и в тяжком преступлении перед народом тем, что он не подчинился приказу Главнокомандующего передать ему боевые части для борьбы против Керенского. Болдырев на это ответил, что он так поступил по решению армейского комитета. Армия, по его мнению, призвана защищать весь народ, а не только одну политическую партию; так как 5-я армия обороняла подступы к Петрограду, было опасно увести хотя бы часть ее. Его защитник, солдат из комитета 5-й армии, заявил, что более справедливо было бы судить весь армейский комитет, а не одного Болдырева. По его словам, Болдырев разделял все тягости своих подчиненных и часто водил их в атаку; к тому же он «демократ», его повышали по заслугам, а не из-за «протекции» сверху. Другие солдаты 5-й армии тоже выступили в его защиту. Когда Болдырева спросили, признал ли бы он Крыленко, если бы так решил комитет, он твердо заявил: «Обязательным для себя я считаю только волю русского народа, выраженную через Учредительное Собрание». Его осудили на три года тюремного заключения. На это слушатели в судебном зале аплодировали Болдыреву и кричали: «Позор! Жандармы! Это хуже чем самодержавие! Бедная Россия!»[7]

На юге в то время образовывалась Добровольческая Армия. Те мотивы, которые побуждали Болдырева не примыкать к ней, бросают яркий свет на его политические убеждения: «Я относился отрицательно к чисто военным (офицерским) организациям, преследующим политические цели. Они никогда не имели ярко выраженной политической, а тем более социальной идеи, не увлекали за собой широких масс и действовали успешно, так, по крайней мере, свидетельствует история, только при дворцовых переворотах.... Карьера Наполеона и его появление на исторической сцене были гораздо сложнее, чем это казалось кандидатам в русские Наполеоны и их горячим сторонникам. Заблуждение это особенно сильно укоренилось на юге, где поголовно грезили диктатором»[8]. В глазах Болдырева политика без военной мощи бессильна, а военная сила без политики вредна; сочетать и то, и другое было его заветное стремление. Жаль только, что почти никто не разделял его убеждение.

Вместо этого к конкретной политической деятельности он приступил через Союз Возрождения России. Это была подпольная политическая организация, которая объединяла старших офицеров армии с представителями политических партий. Ее цель была сформулирована в ее платформе: «Союз ставит своей задачей воссоздание русской государственной власти, воссоединение с Россией насильственно отторгнутых от нее областей и защиту ее от внешних врагов. Задачу воссоединения России Союз рассчитывает осуществить в тесном согласии с союзниками России, добиваясь того,

чтобы Россия вместе с ними вела борьбу против Германии и союзных с ней держав, захвативших части русской территории».

Союз послал Болдырева к Государственному Совещанию, которое собиралось в Уфе в сентябре 1918 г., чтобы создать антибольшевистское правительство. Присутствовали представители кадетской и СРовской партий, также от земств, городов и областных правительств Сибири. Однако не было представителей от Деникина и южных армий[9]. Совещание велось под председательством В.Д. Авксентьева, а временами Болдырев сам вел заседания. Цель была — создать авторитетное правительство, которое могло бы создать боеспособную армию и, с помощью союзников, свергнуть большевиков и возобновить российскую государственность.

[Болдырева, видимо, считали авторитетным деятелем; многие его выступления, даже когда он не председательствовал, были деловые, направленные к созданию работоспособного и эффективного правительства. Вся трудность состояла в проблеме, как создать правительство не только эффективное, но и опирающееся на мандат от народа. Болдырев сам много думал о том, как можно соединить эти два трудно примиримых свойства. В отличие от большинства генералов, он понимал желание крестьян и рабочих внести деятельный вклад в политическую систему; однако, как военный, он сознавал необходимость единой и безоговорочной власти в текущей неурядице. Он также хотел ввести строгую военную дисциплину. Так вырисовывался самый больной вопрос всей его политической карьеры.]

Окончательная резолюция Совещания несла отпечаток болдыревских предложений. Решено было создать Временное Всероссийское Правительство, уполномоченное выступать в качестве суверенной власти до возобновления деятельности Учредительного Собрания [к 1-му января, если у него будет кворум из 201 депутата, во всяком случае к 1-му февраля]. Его исполнительная власть, под названием Директории, состоявшей из пяти лиц, должна была сразу вступить в свои обязанности. Это был компромисс между теми, кто желал ввести военную диктатуру, и теми, кто желал сохранить демократические принципы, оправданные наследством Учредительного Собрания. Директория состояла из пяти лиц: два СРа, два кадета и одного военного, Болдырев. На возражения, что не должно быть никаких военных в правительстве, он ответил, что крепкая связь правительства и армии необходима. В переговорах с союзниками о военной помощи авторитетный представитель от армии незаменим[10]. При обсуждении регионального самоуправления Болдырев снова настаивал на том, чтобы в резолюции подчеркнуть суверенность центральной власти[11].

После ухода от власти Болдырев высоко оценивал работу Совещания и создание Директории. В записке он так подводил итоги: «Совещание это имеет огромное историческое значение. Оно является первой попыткой объединения различных партий, классов, политических и общественных организаций на почве общей борьбы за восстановление порядка и государственности в потрясенной России... Совещание это в тяжелой работе проводило избрание (тут выпущено одно слово: власти? — *Дж.Х.*), осуществляло то драгоценное право гражданина, с которым мы с 1612 г. впервые познакомились лишь в октябре 1905 г. [И если осуществление этого права было не полным, если в Уфе по указанным выше причинам не звучал полный голос русского народа, идейная сторона Совещания остается непререкаемой»[12]. Эта высокая оценка государственной преемственности и демократии станет отличительной чертой его политических убеждений.]

Тем не менее, Директория была детищем шаткого компромисса, и многие детали ее образования и деятельности повисли в воздухе, в том числе вопрос о сро-

ках и процедуре ликвидации тех региональных правительств (в особенности Комуч и Сибирское Правительство), которые она должна была заменить.

[Особую трудность представляло собой Сибирское Правительство. Оно было тогда в руках правой группировки во главе с Иваном Адриановичем Михайловым. (Кстати, многие звали его «Иваном Интригановичем» — и не без основания!) 20-го сентября, то есть когда Директория только-только образовывалась, Волков, начальник омского гарнизона, вероятно по прямому распоряжению Михайлова, арестовал четырех видных противников Михайлова. 23-го Сибирская Областная Дума потребовала их освобождения. Волков подчинился Думе, но в тот же вечер одного из них нашли убитым на окраине города[13].

Чехи предлагали Болдыреву сразу арестовать Михайлова, но он реагировал осторожно, так как чувствовал, что еще не понимает всю подоплеку политической ситуации в Омске[14]. К тому же, Директория была создана, чтобы *объединить* все политические течения; не хотелось начинать работу с ареста крупного деятеля, управляющего делами Сибирского Правительства. Кроме того, Болдырев формально еще не был назначен главнокомандующим, так что у него не было полного авторитета. Своих вооруженных частей в Омске у Директории еще не было; были только чешские войска, и ему не хотелось использовать иностранные войска против русских. По всем этим соображениям, Болдырев не решился арестовать Михайлова. Оглядываясь назад, он сам потом признался, что это была ошибка. Если Директория хотела взять на себя реальную власть и объединить антибольшевистские движения, то ей необходимо было реагировать решительно на такие вызовы. Чехи, находившиеся в Омске, все равно арестовали Волкова, а Михайлов временно ушел в подполье[15]].

[Значит,] даже не приступив к работе, авторитет Директории был под вопросом. Еще ухудшило положение вынужденное перемещение. Наступление Красной Армии заставило Директорию покинуть Уфу. В качестве новой базы был выбран Омск. Во многих отношениях это был логичный выбор: это был самый крупный западно-сибирский город, отдаленный от военного фронта, с хорошими связями, и в нем уже действовал управленческий аппарат Временного Правительста Сибири.

Выбор Омска, однако, оказался не совсем удачным для Директории: даже после вышеупомянутого инцидента город был под сильным влиянием Михайлова с его кликой, правых кадетских политиков, казачьих войск и офицеров старой армии. Они все смотрели на СРов как на фрондеров, которые в лице Керенского уже доказали свою ненадежность на ответственных постах. Болдыреву атмосфера в Омске казалась «мексиканской», политически аморальной и безответственной: «Исчезла служба государю — образовалась пустота. Служение “народу” звучало хорошо, но не было привычным». На практике многие преследовали только свои личные цели»[16]. На дороге в Омск эшелон Директории имел только слабый конвой. Безопасность членов Директории Болдырев возложил на начальника своего штаба, генерала С.Н. Розанова, который потом оказался неверным ему. Об этом Болдырев сам говорил: «Я положил в основу моей деятельности доверие. В действительности, нужны были другие, более суровые меры»[17].

Кроме того, Директории необходимо было договориться о суверенной власти с уже существующим Сибирским Правительством. В конце концов был выработан компромисс, по которому Сибирское Правительство формально упразднило себя, а Директория просила его министров остаться на своих постах для временного заведования неотложными делами. Фактически Директория слилась с Сибирским Правительством, и в этой гибридной власти осталась более слабой

стороной. [Эта двойственность не переставала бросать тень на Директорию. В принципе она должна была вобрать в себя Временное Правительство Сибири; на практике ей пришлось слиться с ним (тем более что Вологодский принадлежал к обоим составам), создавая объединенный совет министров, в котором социалисты были в небольшом меньшинстве.] Временное Правительство Сибири, значит, не только выжило, но в сущности поглотило Директорию и таким образом косвенно могло теперь притязать на всероссийскую власть. [По словам неглупого кадетского политика, Л.А. Кроля, «Под вывеской Директории фактическая политическая власть оставалась в руках наших старых знакомых, сибирских министров. Плюсом было то, что вывеска была не сибирская, а общероссийская.... Соотношение сил в Омске было не в пользу Директории. Но делать было нечего и, в таких условиях надо было по мере сил поддерживать Директорию»[18]].

Тут возникает фигура, призванная сыграть ключевую роль в сибирских событиях. Генерал-майор Альфред Нокс, британский военный атташе в Сибири, давно знал Россию в качестве военного атташе с 1911 г. На этом посту Нокс служил в течение всей Первой Мировой войны и приобрел тем временем твердые убеждения. Летом 1917 г. он сказал Реймонду Роббинсу, посланнику американского Красного Креста: «Меня не интересует правительство керенского типа. Слабо. Необходима военная диктатура. Казаки. Этим людям нужна нагайка»[19].

[Русский историк В.И. Шишкин утверждает, что британцы с самого начала намеревались создать авторитарный режим во главе с адмиралом Колчаком, что они послали его с этой целью и что именно они затеяли для него переворот ноября 1918 г., свергший Директорию[20]. Документы британского Военного Министерства дают материал в пользу этого мнения, но не подтверждают его полностью.]

Мнение Нокса, что русским нужна нагайка, было, конечно, для Болдырева абсолютно неприемлемо, но 24-го октября он все-таки заключил письменное соглашение с Ноксом, сосредоточиваясь на тех пунктах, где они были одного мнения: «Новая Русская Армия должна быть настоящей армией под полным Офицерским контролем. Она должна быть без Комитетов и Комиссаров. Ни офицеры, ни солдаты не должны вмешиваться в политику.

Должна быть одна Русская Армия. Русское Правительство должно требовать от союзных представителей соглашения, что вся военная мощь будет дана только русскому правительству[, но не разным русским военным начальникам, как например Семенову и Калмыкову].

Все назначения и производства офицеров должны производиться Верховным Главнокомандующим....

[Большое разочарование для Союзников, которые стараются помочь России восстановить свои силы, что русские вожди так долго не могут сговориться относительно состава Временного Правительства.

Мы имеем право требовать, чтобы все личные и партийные интересы были устранены и сильное правительство сформировано, которое бы не препятствовало в создании армии для спасения России[21]].

В тот день, когда Болдырев и Нокс достигли этого соглашения, Центральный Комитет Партии Социалистов-Революционеров издал воззвание, отвергающее уфимское соглашение как измену демократии. Оно далее заявило: «В предвидении возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контр-революции, все силы партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены с тем, чтобы в любой момент быть гото-

выми выдержать удары контр-революционных организаторов гражданской войны в тылу противо-большевистского фронта»[22]. Такой намек на возможное вооруженное выступление СРов, конечно, разъярило Нокса, казаков и даже Болдырева, который грозил арестовать весь ЦК СРов. В сущности это воззвание подрывало все его попытки соединить военное и политическое в новом всероссийском государстве.

В ночь с 17-го на 18-е ноября отряд казаков арестовал двух СРов из Директории, Авксентьева и Зензинова. [Вероятнее всего, британцы были прямо или косвенно замешаны. По крайней мере, можно указать на то, что у них была единственная союзническая военная часть в Омске; батальон Уорда патрулировал на улицах Омска в ночь с 17-го на 18-е ноября, так что они могли бы препятствовать перевороту, если бы хотели. Они этого не сделали.] Сибирское Правительство решило, что Директория больше не существует, и пригласило Колчака стать Верховным Правителем.

В этот момент Болдырев был на фронте, где он пытался создать единую армию из пестрых и разнородных военных частей, которые там собрались. Он ужаснулся, конечно, когда он узнал о перевороте. Он должен был быстро решить, что делать. [Он пришел к заключению, что пытаться свергнуть колчаковскую хунту военной силой очень опасно. Он еще не был уверен, что его поддержат чехи, а они представляли собой единственную силу, способную взять верх над сторонниками Колчака. Ему претила мысль просить помощи СРов в такой момент. Отвлечение войск с уфимского или челябинского фронта пагубно ослабило бы антикрасное движение. Кроме того, он знал, что омский переворот и мысль о военной диктатуре нравились офицерам, буржуазии и даже сильно поправевшим демократическим партиям. Между тем, он также знал, что правление Колчака будет неприемлемо большинству солдат, крестьян и рабочих, и вероятно бросит их в объятия большевиков. «Малейшей неосторожностью я мог бы разделить офицеров и солдат и вновь, как год тому назад, поставить их друг против друга»[23].] После мучительных раздумий он решил не рисковать гражданской войной внутри белой армии и не ослаблять антикрасных фронтов отвлечением войск.

После банкета Болдырев говорил с Колчаком по аппарату. Это был, пожалуй, самый значительный разговор его политической жизни. Колчак заявил, что после событий 18-го ноября Директория прекратила свое существование, поэтому сибирский совет министров решил назначить диктатора; он сам «принял этот тяжелый крест, как необходимость и как долг перед родиной». Болдырев возразил, что «нанесен непоправимый удар идее суверенности народа... Я никак не могу стать на точку зрения такого спокойного отношения к государственной власти, хотя, может быть и несовершенной, но имевшей в своем основании признак народного избрания... Как солдат и гражданин, я должен Вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю ни того, что случилось, ни того, что совершается, и считаю совершенно необходимым восстановление Директории, немедленное освобождение и немедленное же восстановление в правах Авксентьева и других и сложение Вами Ваших полномочий... Я не допускаю мысль, чтобы в сколько-нибудь правовом государстве были допущены такие приемы, какие были допущены по отношению членов правительства, и чтобы представители власти, находившиеся на месте, могли спокойно относиться к этому событию и только констатировать его, как совершившийся факт. Прошу это мое мнение довести до сведения Совета Министров». Как всегда, значит, Болдырев настаивал на том, что власть должна быть правовая, преемственная от дореволюционной империи, и должна покоиться на воле народа. Колчак кратко ответил, что «Директория вела стра-

ну к гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова все то, что было создано до их вступления на пост верховной власти». [Он все же обещал освободить их и предать военно-полевому суду тех, кто отвечает за их арест[24].]

Когда через несколько лет он готовил свой дневник к публикации, он изложил свои выстраданные размышления о Директории. Ее упрекали в том, что она не проявляла героизма. «Возможно. Но героизм в политике — понятие крайне растяжимое, и оценка его чрезвычайно меняется в связи с изменением обстановки. Люди, составляющие Директорию, пытались обойтись без расстрелов и казней, не хотели особенно злоупотреблять и тюрьмой; это было расценено, как слабость, и привело к взрыву извнутри.

Возможно это было ошибкой, но люди эти поступали так, как могли и умели. Худшими оказались те, которые в легкомысленном самообольщении полагали, что все сделают лучше их»[25].

[Тем не менее, он признался, что не сразу понял, какие средства нужны, чтобы утвердить Директории и обеспечить ее жизнеспособность: «Я, к сожалению, слишком поздно понял, что достигнутое в Уфе соглашение надо было немедленно закреплять штыками, и что ближайший и более опасный враг был не на фронте, в виде Красной Армии, а рядом, под боком и в тылу — в том идейном разброде, анархичности всевозможных группировок, особенно военных, утративших всякое представление об общей дисциплине, необходимой жертвенности в бесконечно трудный в тех условиях первый организационный период»[26].

Основную причину неуспеха Директории, однако, он увидел в другом. «Надвинувшийся новый порядок выдвинул и новые методы борьбы, опирающиеся на тесное общение с массами, на их живое участие в этой борьбе. Этого общения у Директории не было, и она не успела его создать.

Директория выдвигала, как основу своей деятельности, объединение составляющих ее сил, базируясь исключительно на взаимном доверии и сознании грозных условий обстановки.

Это оказалось недостаточным среди того идейного разброда и отсутствия элементарной дисциплины, которыми были охвачены омские группировки, участвовавшие в выборе (sic?? свержении?) Директории»[27].

Тем не менее, деятельность Директории, по мнению Болдырева, была не совсем бесплодна, несмотря на постоянные интриги, которые велись вокруг нее: «Директория организовала фронт, подчинила чехов, добилась добровольного самороспуска Сиб Обл Думы, самоуправления областных правительств, расширяла свое влияние за пределы ее территории. И если Директория может еще сказать, что ей мешали сделать большее, то что же может привести в оправдание своего провала сменившая ее власть?»[28]]

После свержения Колчаком, Болдырев поехал в Японию, где у него оказалось больше свободного времени, чтобы размышлять об опыте Директории. В отличие от большинства белых генералов он продолжал верить, что существенно важно создавать народную демократию *во время* гражданской войны, а не только после успешного ее завершения.

Как это осуществить, он указал в письме Колчаку: «Может быть было бы своевременным незамедлительно разработать и обнародовать выборы пока хотя бы в представительный орган тех областей, на которые фактически распространяется власть правительства. Впоследствии, прибавляя депутатов от вновь отнятых у большевиков областей постепенно итти к Всероссийскому представительно-

му органу, которым окончательно и утвердится будущий государственный строй России. Необходимо вышибать козыри из рук большевиков, а база для правительства будет крайне полезна и в смысле его престижа у населения, и в смысле скорейшего его признания союзниками»[29].

[«Источники возрождения государственной жизни России находятся в самом русском народе и те его руководители, которые своевременно нащупают здоровый народный пульс и используют запас его веками накопленной энергии, выполнят действительно великую историческую задачу.

Изоляция народа от устройства своей судьбы питается застарелым мнением некоторой части русского общества, к сожалению, находящим поддержку и заграницей, что народ наш, благодаря отсталости, воспринимает только меры определенного физического воздействия и что многое, чем давно уже живет запад Европы и наиболее передовые страны Востока, для русского народа еще преждевременно. Это, конечно, глубоко неверно. За 4 года войны народ, мобилизовавший около 16 миллионов человек и принесший едва ли не наибольшие жертвы, не мог не прозреть и не задуматься над тем, что происходило и что происходит теперь и, поэтому, его участие в государственном и общественном строительстве необходимо... Оно научит путем непосредственного опыта познать, что возможно осуществить в жизни и что является не более, как материал для пропаганды... Прикладной метод работы всегда предпочтительнее воззваний, заверений и широких обещаний в будущем... Наличие прав быстрее приучает к выполнению обязанностей».]

Как практические шаги он рекомендовал следующее:

1. Немедленное привлечение широких масс населения к работе по восстановлению государственной и общественной жизни. Задача эта в настоящее время может быть возложена на городские и земские самоуправления, периодические съезды которых являлись бы выразителем мнения русской общественности и служили бы базой для правительства.

2. При постепенном строительстве государственной жизни среди царящего хаоса, законодательство должно быть чрезвычайно живым и гибким, отвечающим потребностям времени и насущным интересам населения.

3. Строительство должно идти снизу, с фундамента — волость, уезд и т.д. — с широким проведением принципа самоуправления, так как восстановление (работа) даже весьма почтенных (современных) центральных учреждений будет бесполезно, если не налажена жизнь на местах.

4. Армия должна быть детищем народа и должна руководиться людьми высокого морального авторитета и большого командного и боевого опыта.

Свои тезисы он закончил заявлением о своей глубокой любви к родине: *Я полон горячей веры в великое будущее России, принадлежность к которой считаю и считать буду великим для себя счастьем*[30].

[Вся трагедия Болдырев состояла в том, что у него было два трудно совместимых взгляда на российскую государственность и национальное самосознание. Как генерал армии Российской империи, он понимал необходимость строгой военной дисциплины и решающее значение военной мощи для державного статуса России. Он считал, что правильно дисциплинированная армия нужна, чтобы победить большевиков. С другой стороны, так как он сам был из среды, близкой к крестьянам, он разделял озабоченность умеренных СРов о судьбе крестьян; подобно им, он верил, что российская государственность должна покоиться на основе скромных крестьян-собственников с их особой традицией самоуправления.

В короткие месяцы своей политической деятельности на самом верху он отчаянно пытался примирить эти два идеала, но он нашел слишком мало коллег, которые держались бы одновременно и того и другого. Почти все антикрасные политики принадлежали то ли к провоенному, то ли к прокрестьянскому лагерю, и считали их не совместимыми.]

Много лет позже, когда он вместе с Вегманом редактировал свой дневник, Болдырев поставил перед собой вопрос: «нужна была Директория?». Ведь она «никого не покорила, не истребляла своих врагов, и с этой точки зрения ни на какую оценку присяжных историков претендовать не может». Но зато, «Директория была последним звеном законной (в смысле преемственности) власти, единственной и последней попыткой сотрудничества классов среди начавшейся уже их ожесточенной борьбы». Таким образом, несмотря на все ее очевидные слабости, Директория в какой-то мере воплощала те идеалы, которые Болдырев ставил перед собой после провала монархии: власть, основанная на воле русского народа, способная препятствовать свирепой классовой и политической борьбе, которая потом разразилась над его родиной, и восстановить единую российскую государственность. Важна была также преемственность: мирный и законный переход (несмотря на начинающуюся гражданскую войну) от монархии через Временное Правительство, потом через Учредительное Собрание, Комуч и Уфимское Государственное Совещание, которое создало Директорию. Со свержением Директории эта тонкая законная нить навсегда прервалась, и кровавая гражданская война до полной победы одной (и только одной) стороны была предопределена.

Болдырев никогда не написал учебник политической теории, но если бы он это сделал, то именно эти идеалы стояли бы в центре его учения.

Несмотря на очевидную неудачу его программы Болдырев — значительная фигура в истории России. Он был главной фигурой и движущейся силой Директории, которая являлась последней попыткой построить российскую государственность заново на широких демократических началах, без классовой борьбы и без гражданской войны. Можно сказать, что он был не белый и не красный, а где-то между этими крайностями. Эта попытка возобновилась только в 1991 г.

1 Peter Kenez, 'The ideology of the White movement', *Soviet Studies*, 32 (1980), 59—62; David R. Jones, 'The officers and the October Revolution', *Soviet Studies*, 28 (1976), 207—23.
2 'Из дневника ген. В.Г. Болдырева', *Красный Архив,* 23 (1927), 255.
3 Там же, 257.
4 Искосол — исполнительный комитет совета солдатских депутатов.
5 В.С. Войтинский, *1917-й: год побед и поражений*, Москва: Терра — Книжный клуб, 1999, 195.
6 Барон Алексей Будберг, 'Дневник', *Архив Русской Революции*, т. 15 (1924), 253.
7 Суд описывает свидетельница, кадетский политик, Ариадна Тыркова-Вильямс: Ariadne Tyrkova-Williams, *From Liberty to Brest-Litovsk: the first year of the Russian Revolution*, London: Macmillan, 1919, 389—91; Major-General Sir Alfred Knox, *With the Russian Army, 1914—1917*, London: Hutchinson, 1921, vol. 2, p. 739.
8 В.Г. Болдырев, *Директория, Колчак, Интервенты: воспоминания,* Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925 (ред. В.Г. Вегман), 25—6.
9 Там же, 35.
10 *Русский исторический архив, сборник 1* (Прага, 1927), 118—121, 169; Болдырев, *Директория*, 43; ГАРФ, ф. 144, оп. 1, д. 30, л. 1—4.
11 *РИА*, *сборник 1* (1927), 234.
12 ГАРФ, ф. 10055 (В.Г. Болдырев), оп. 2, д. 4, л. 25—6.
13 N.G.O. Pereira, *White Siberia: the politics of civil war,* Montreal: McGill-Queen's University Press, 1996, 95; В.Ж. Цветков, *Белое Дело в России, 1919: формирование и эволюция политических структур Белого движения,* Москва: Посев, 2009, 375—6.
14 Болдырев, *Директория*, 49—50.
15 Там же, 52.

[16] Там же, 55, 58.
[17] Там же, 61—2.
[18] Л.А. Кроль, *За Три Года,* Владивосток: Товарищество «Свободная Россия», 1921, 153—4.
[19] William Hard, *Raymond Robins' Own Story,* New York: Harper & Bros, 1920, 51.
[20] В.И. Шишкин, '1918 г.: от Директории к военной диктатуре', *Вопросы истории*, 2008, 10, 42—61. Более благосклонно относится к британскому вкладу американский историк Richard Ullman. См. его: *Anglo-Soviet Relations, 1917—1921*, vol. 1 (intervention and the war), Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961, 279—284.
[21] ГАРФ, ф. 10055, оп. 2, д. 2, л. 232 и об.; Болдырев, *Директория*, 524—5.
[22] С.Н. Николаев, 'Конец Комуча (свидетельские показания)', *Современные записки*, 45 (1931), 348—52; *Партия Социалистов-Революционеров: документы и материалы,* т. 3, часть 2 (октябрь 1917 г. — 1925 г.). М.: РОССПЭН, 2000, 393—6.
[23] Болдырев, *Директория*, 110.
[24] Там же, 111—113.
[25] Там же, 119—20.
[26] Там же, 61.
[27] Там же, 120.
[28] Там же, 120.
[29] ГАРФ, ф. 10055, оп. 2, д. 2, л. 4—5.
[30] Болдырев, *Директория*, 239—240.

Н.Ф. Бугай

Военно-пролетарская диктатура как социальная технология управления развитием революционного процесса (на примере Великой российской революции 1917 года)

Ранее в многочисленных исследованиях по истории Октября 1917 года и в учебниках при анализе предреволюционной обстановки одним из актуальных вопросов оставался вопрос о предпосылках революции, ее движущих силах. Естественно, по этому вопросу выдвигались различные точки зрения.

В современных условиях, на новом витке развития мышления общества, оценка совершенно иная — «революция одна из ключевых, самых конфликтных точек российской истории». А разве она может быть иной? Ведь разобщению подвергается целое государство, происходит смена расстановки сил, фактическое переустройство общества. Возникает новое явление «провластный электорат». Оказывается, что от его оценок зависит и судьба революции, и новый взгляд на имевшие место события.

Может быть, в этой ситуации есть смысл обратиться к анализу предпосылок революции, ее эволюционному процессу. Возникает «промонархическое настроение», «прореволюционная позиция», «неудобность революции 1917 г. для российских властей». Появляется также новая проблема «о судьбе единовластия в кризисных ситуациях (война, экономическая обстановка), разбалансирование отношения между разными группами населения в государстве».

Так может, с целью консолидации общества необходимо в современных условиях объединение сил и устремлений вокруг одной личности, а не противостояние ей, как это было в условиях 1917 г., «когда на практике в обществе было налицо противостояние, — как замечает исследователь Б. Межуев, — одной личности — монарху»[1].

Многонациональный мир бывшей империи вступал в совершенно новое состояние, новые отношения и вовлекался также и в советское, и национально-государственное строительство (нациестроительство). Как известно, сразу же возникали вопросы институциализации различных направлений жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Конечно, эти вопросы во многом отработаны в советской, а затем и российской историографии.

За прошедший период (1990-е годы — 2017 г.) историческая наука заметно продвинулась в изучении всех направлений истории развития самой государственности, в том числе и советской. Особенно характерно это для 2000-х годов, когда появился поток литературы и в зарубежной, и в российской историографии по разным аспектам истории, включая и интересующую нас проблему[2].

В настоящем научном сообщении автор больше акцентирует внимание на вопросе об удержании, упрочении завоеваний революционных масс, как с учетом опыта советской страны, так и с учетом опыта тех стран, которые в своем развитии пошли по российскому пути.

Несомненно, в революционной борьбе, и особенно после одержанной победы, наступает «второй день», когда военные задачи по захвату власти отступают и встает вопрос, что делать дальше. Народные массы, участвовавшие в революции, ждут ответа на этот вопрос, очередных мер по осуществлению революции и доведению ее до логического завершения, связанного с реализацией объявленных лозунгов революции, воплощением их в реальность. Да, и сами лидеры революции этот вопрос считали приоритетным.

Автор не ставит целью рассмотрение в данном случае теоретико-методологических аспектов, а больше обращает внимание на всесторонний анализ процесса возникновения и развития политической системы, социальной революционной технологии ее внедрения на основе принципов широкой демократии.

Конечно, в тот период после революции этот шаг осуществлялся медленно. Необходимо было заняться укреплением самого государства, разработкой новых социальных технологий по развитию и совершенствованию государственной системы в совершенно новых условиях функционирования социалистических принципов, решать проблему институциализации. Ценное значение приобретал в этом плане фактор гражданской активности и этнической мобильности масс, совершивших революцию, включая и национальные регионы страны, использование их творчества, направленного на упрочение нового российского сообщества.

Реализация этих мер способствовала бы и совершенствованию политической и государственной системы управления обществом. Оценка событий в государстве в 1918 г. — 1920-х годах свидетельствует, что народные массы накопили опыт организации борьбы за свои права и свободы, социальное обеспечение.

Что же предстояло делать дальше? В первую очередь разрабатывать новые технологии строительства государственности, управление ею, привлечение масс к управлению, в том числе и национальных регионов. И над этим вопросом работали уже многие структуры в конце 1917 г.

Однако при решении задач приоритетного характера необходимо было покончить с остатками сил, альтернативных революции 1917 года. Эта проблема приобретала хотя и временное, но первостепенное значение. И надо отметить, она решалась с большими трудностями. Все это перерастало в открытую борьбу с бандитизмом.

В связи с этим становилось необходимым строительство таких органов власти, которые были бы способны решать одновременно и задачи борьбы с альтернативной силой — контрреволюцией. Развитие социальных процессов по этому пути не было столь плавным, требовало усилий по преодолению этих сил.

Тем не менее, творчество народных масс, анализ борьбы, условий развития, возможность дальнейшего проявления негативных признаков привели к необходимости строительства *чрезвычайных органов власти* — революционных комитетов вместо уже провозглашенной системы советов.

В годы Гражданской войны эта технология власти получила дальнейшее развитие. Создание чрезвычайных органов власти — это свидетельство гибкости самой системы советской власти, способной приспосабливаться к складывающейся обстановке. Безусловно, такой прием вел к определенному сужению демократических принципов.

С учетом обстановки сама *диктатура пролетариата приобретала форму военно-пролетарской диктатуры*. По моему мнению, эта социальная технология и нашла четкое выражение в формировавшейся системе чрезвычайных органов власти. Не случаен поэтому тот факт, — как отмечал исследователь проблем национально-государственного и советского строительства профессор Е.Г. Гимпельсон, об этом же писал и автор книги «Рождение Советского государства, 1917—1918 гг.» (М., 1965) Е.Н. Городецкий, что она имела временный характер.

Что под этим подразумевалось на практике? Когда в России вспыхнула Гражданская война, эти органы власти, с созданием приемлемых условий для работы советов, могли сразу же передавать им полноту власти. Формировавшаяся система чрезвычайных органов власти выступала, как временное явление, *когда предусматривалась единственная цель защитить завоевания революции.*

Постепенно задача строительства системы чрезвычайных органов обрела и законодательную основу. 24 октября 1919 г. было принято «Положение о революционных комитетах», это явилось началом формирования в новом государстве правовой базы революционных комитетов в период Гражданской войны. В юридическом документе был определен и характер ревкомов как народных органов власти, наделенных военными функциями на период войны и борьбы в первую очередь с бандитизмом.

Чрезвычайные органы власти возникали и до принятия Положения. Вероятно, присматривались к работе спонтанно возникших ревкомов, обобщалась их работа, ее направленность, назначение. По своей целенаправленности подобные органы власти отличались от военно-революционных комитетов периода борьбы за власть (1917—1918 гг.). Но, как и в период перехода власти в руки сражавшихся за нее масс, они прекращали свое существование с решением неотложных задач, вызванных чрезвычайными обстоятельствами.

Исследователи, проявляя интерес к глубинным процессам борьбы за власть, анализировали итоги этой борьбы движущих сила революции. Что же явилось главным направлением зарубежной историографии? Это прежде всего утверждение о том, что якобы после Октября 1917 года власть в Советской Республике «держалась исключительно на военной силе, и существовала только в форме чрезвычайных органов власти».

Утверждение, по моему мнению, совершенно противоречило здравому смыслу, так как ревкомы носили временный характер, были рассчитаны на определенные регионы страны, отличавшиеся своей спецификой, не вступали в противоречие с советами, как политической основы власти. В историографии Запада преобладает утверждение о том, что революционные комитеты якобы создавались вопреки Советской Конституции; правда, они не утверждались ни Конституцией РСФСР 1918 г., ни Конституцией Союза ССР 1922 г., а значит, не были легитимными.

Несомненно, в данном случае надо исходить из того, что Конституция как Основной закон государства — это не догма, в Конституцию вносились изменения, которые как раз и находили отражение в дополнительных нормативно-правовых актах государственного строительства, принятие которых было вызвано самой жизнью.

В условиях Гражданской войны и интервенции эта работа приобретала продолжительный характер, и она могла быть приоритетной.

Вряд ли можно согласиться и с утверждением западной историографии о том, что революционные комитеты, особенно в национальных районах, выступали якобы как «органы не местной, а исключительно центральной, московской власти».

Такое утверждение возможно, но только при условии, если не обращаться к сведениям о национальном составе ревкомов. Эти заявления выполнены на чисто субъективном уровне. Анализ состава этих органов власти свидетельствует о том, что во всех национальных районах (например, на Кавказе) входили в их состав представители разных национальностей. Однонациональными органы власти могли быть только там, где состав населения был однонациональным. Но таких регионов не было. Правда, в национальных районах состав ревкомов мог быть чисто русским, это было связано с отсутствием грамотных представителей от населения других национальностей, то есть отсутствовали условия для учета этого фактора.

Трудно согласиться с выводом о том, что якобы диктатура пролетариата «урезала», а то и вообще ликвидировала права простого народа. Это не соответствует действительности, так как чрезвычайные органы власти, решая задачи по стабилизации обстановки и одновременно многие другие вопросы, в том числе, чисто хозяйственного порядка, сразу же готовились к передаче всей власти советам, создававшимся, как правило, путем выборов, а не назначением.

Словом, высказанные оценки далеки от истинного положения дел. Опровергает подобные утверждения еще и тот факт, что в тех сложных условиях ревкомы занимались, где это было возможным, и преобразованиями в сфере экономики, культурного строительства, и выстраиванием национальной политики установления и укрепления революционного порядка. Тем самым они решали проблему сохранения безопасности страны, в этом ощущалась потребность особенно в 1920-х годах.

Не случаен и тот факт, что революционные комитеты в отдельных регионах страны просуществовали до конца 1920-х годов. Так, система чрезвычайных органов власти в Камчатской области, в других регионах страны, где возникла сложная военно-политическая обстановка, действовала в 1928—1929 гг. и осуществляла руководство борьбой с бандитизмом.

Конец 1919 — начало 1921 г. отличались созданием значительной части чрезвычайных органов власти. Они были подчинены решению задач, вставших перед республикой в военных условиях. В их числе мобилизация людских ресурсов на разгром альтернативных революции сил, военной интервенции, бандитизма, басмачества, хунхузского движения (Дальний Восток), восстановление промышленного производства, аграрного сектора, транспортной системы, ликвидация продовольственных трудностей, решение вопросов социальной политики (народное образование, здравоохранение, ликвидация неграмотности, в том числе среди взрослого населения, агитационная и культурно-просветительская работа). Одной из сложных задач было урегулирование земельного вопроса и возникавших на этой почве претензий между регионами. Многие споры перерастали в открытые вооруженные выступления. От ревкомов в данном случае требовались огромные мобилизационные усилия.

Формирование ревкомов — непродолжительный этап советского строительства, выделенный в самостоятельное направление. Особенность самой проблемы обусловлена предлагаемой классификацией чрезвычайных органов власти — ревкомы тыла, как и «ревкомы в тылу врага». Это уже само по себе свидетельствует о специфичности их работы на занятой врагом территории, имевшей локальные особенности, от-

личавшуюся гибкостью, в постоянном контакте с дислоцировавшимися подразделениями Красной Армии, с местными партийными организациями.

В этой связи важен и вопрос об определении правового характера революционных комитетов — конституционные и «неконституционные». К конституционным следует причислять советы, избиравшиеся демократическим путем, «неконституционные» — назначаемые временные органы власти. Однако и ревкомы базировались на нормах права, законодательных актах, вызванных к жизни обстановкой, — «Временное положение о революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским) краем» (10 мая 1919 г.), декреты ВЦИК И СНК об образовании ревкомов Татарской АССР (27 мая 1920 г.), о ревкоме Карельской трудовой коммуны (16 апреля 1920 г.), Марийской автономной области (7 января 1921 г.), известное «Положение о ревкомах Семиречья», разработанное известным писателем Д.И. Фурмановым (РГАЛИ, ф. 551).

Что касается союзных республик, то содержательными по своему направлению являлись такие нормативно-правовые акты, как «Постановление о создании губернских и уездных ревкомов» (Грузия), «Временное положение для местных ревкомов» и «Об организации сельских участковых ревкомов» (Армения), «Положение о районных и местечковых ревкомах нейтральной зоны» (Белоруссия), «Краткое руководство по образованию военно-революционных комитетов» (Украина) и др. На их основе создавалась сеть ревкомов в национальных регионах страны.

Применительно административных образований, то есть строительства ревкомов на местах, можно указать на «Положение о ревкомах Московской губернии», «Инструкцию по организации ревкомов в прифронтовой полосе Реввоенсовета 11-й армии» (документ заверен С.М. Кировым) и др.

Среди документов НКВД (ГА РФ, ф. 393) особую ценность представляет такой нормативно-правовой акт, как «Положение о сельских ревкомах» (разработано не позднее февраля 1920 г. Комиссией НКВД во главе с заведующим информационно-инструкторским отделом С.И. Духовским). Этот документ существенно дополнял известное «Положение ВЦИК о революционных комитетах» (24 октября 1919 г.). В нем четко определялась структура, компетенция, порядок организации сети ревкомов в селах, деревнях и аулах[3].

Конец 1919 г. характеризовался организацией «сплошной полосы ревкомов». Численность их достигала более 30 тыс. По приблизительным подсчетам автора, в районах Сибири функционировало более 10 тыс. ревкомов, в Закавказье — около 2 тыс., на Дону и Северном Кавказе — около 2 тыс.[4] Были отдельные регионы страны, на территории которых ревкомы и советы функционировали параллельно (Украина, Ставропольская губерния) и др. Так, в Туркестанском крае — действовали 17% ревкомов, 83% — советов[5].

Конечно, ревкомы не носили легитимный характер, но они и не избирались. Сложно представить их в качестве особой, отличной от советов формы власти. Более того, не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что чрезвычайные органы государственной власти создавались в середине 1920-х годов в особо сложных регионах страны, в том числе и в обстановке чрезвычайной ситуации (наводнение, техногенные катастрофы, стройки новых объектов хозяйственного назначения, эпидемии и пр.). Например, Корейский национальный ревком был сформирован в середине 1920-х годов на строительстве аэропорта в г. Мурманске (там трудились корейские рабочие). Он, в частности, был призван регулировать отношения между органами власти и корейской общиной.

К этому типу ревкомов относятся также и те, которые создавались в сложной обстановке периода формирования национальных государственных автономных образований или новых административных единиц. Так, в ходе национально-го-

сударственного обустройства в Средней Азии и Казахстане известно о налаженном взаимодействии Сибревкома и Кирревкома (Казахского), возглавляемого С. Петровским, в годы Гражданской войны.

Здесь осуществлялись меры по созданию на этнической основе национально-территориальной автономии, и особенно в решении вопроса об административных границах, которые сопровождались на первых порах даже межэтническими конфликтами.

Кирревком, совместно с большевиками Сибири и Урала, занимался решением острой проблемы об изъятии уездов Петропавловского, Омского и Кокчетавского (Акмолинская обл.) и Кустанайского уезда Тургайской области. Возникавшие претензии базировались на территориальном факторе[6]. Споры по Кустанайскому уезду завершились в конечном итоге передачей его под юрисдикцию Кирревкома (1 октября 1920 г.). Вскоре уезд был преобразован в губернию[7]. Надо было в срочном порядке решать возникшую проблему и в целях создания приемлемых условий для взаимоотношений между казахами, русским и украинским населением, между русскими крестьянами, казаками и казахами. Таким образом, национальная составляющая занимала значительную часть работы этих органов власти.

Казахскому населению возвращались изъятые ранее земли на основе декретов от 2 февраля и 19 апреля 1921 г. (передавались ранее как вознаграждение за службу)[8]. Проблема заметно обострялась. В связи с этим была сформирована сеть казахских революционных комитетов. Этой мерой завоевывалось и доверие масс на местах. Доверие как социальная категория тогда было востребованным. Ученые еще не сказали последнего слова о значении этой социальной категории.

Строительство системы чрезвычайных органов власти продолжалось в 1920—1921 гг. И какие бы то ни было положения, противоречащие законам советской власти, не допускались.

В годы Гражданской войны при ревкомах были сформированы *Коллегии по национальным делам.* Их работа была особенно ценной в национальных автономиях. Решение многих задач в 1920—1921 гг. было основательно затруднено. Это обусловливалось не только борьбой с бандитизмом, но и ликвидацией отмеченных земельных споров, притязаний, доходивших до вооруженных столкновений, особенно на Северном Кавказе, в Поволжье.

В союзных республиках ЦК КП (б) работали в тесном контакте с ревкомами, в их структуре функционировали подотделы национальных отношений. Во многих случаях ревкомы возглавляли на местах движение за создание автономной государственности.

Таким образом, все структуры власти, призванные решать в чрезвычайной ситуации сложные задачи борьбы с альтернативными революции силами, занимались и приобщением трудящихся к национально-государственному и советскому строительству. Подобные органы власти республик, с учетом их местной специфики, состояли из людей, знакомых с местными особенностями, в первую очередь представителями тех народов, которые проживали на территории этих республик. Их работа была иллюстрацией как многонационального, так и многоконфессионального состава населения.

Приходилось заниматься и совершенствованием работы функционирующих органов власти, призванных в 1920-е годы к решению задач в сфере государственной национальной политики. Перед ними стояла цель — создание спокойной обстановки в государстве, условий для работы органов советской власти — советов, призванных осуществлять свою деятельность на широкой демократической основе.

Если же обратиться к экономическому сектору, то в этом плане роль аппарата действовавших представительств неоценима. Это явление можно рассматривать как станов-

ление и совершенствование институциализации управления национальными процессами в государстве, связанными с экономикой и возрождением культуры. Это была совершенно новая «модель» работы в советских условиях. За короткое время был сформирован институт представительств регионов при Наркомнаце и местных органах власти.

Такое сотрудничество в ту пору оставляло желать быть более эффективным, однако потребность в нем ощущалась повсеместно. Практика требовала объединение усилий в деле поднятия экономики. Совершенствовались формы и методы системы хозяйственного управления. Особенно эффективной была *работа представительств автономных образований*[9]. *Они внесли заметный вклад в создание экономической базы для развития собственного производства. Хотя в целом их потенциал пока был слабым.*

Этому подчинялся и имевший место обмен опытом работы между регионами страны. Получило распространение и создание по регионам центров управления промышленным производством с учетом национальной специфики. Так возник областной хозяйственный орган управления для Закавказья и другие (апрель 1921 г.).

Таким образом, изучение материалов показывает, что по мере упрочения власти советов в России заметно менялись и социальные технологии управления и решения задач в послереволюционный период развития самой государственности. Задачи периода революции были в основном решены и особенно задачи, связанные с переходом власти в руки рабочих и крестьян.

В России на первый план выступало созидающее начало после хаоса Гражданской войны, длительной борьбы с бандитизмом, другими альтернативными революции силами. Становилось важным выработка новых подходов, новых схем социальных технологий, а значит, и механизмов осуществления политики, решения вопросов как реализации власти, созидания ее экономического фундамента, так и государственной идеологии многонационального объединения, этнокультурного развития на совершенно новой основе. Этим объявленным принципам и следовала государственная власть в 1920-е годы.

1 *Межуев Б.* Что дали России 99 лет после революции. URL: ura.ru|moxs|1052266900/ (дата обращения: 8.11.2016).

2 *Шишкин В.И.* Правое положение, компетенция и структура Сибирского революционного комитета (авг. 1919 — окт. 1920 гг.) // Некоторые вопросы древней и современной Сибири / ред. А.П. Деревянко. Новосибирск, 1976. С. 89—97; *Грязнухин А.Г.* Переход от ревкомов к советам в Восточной Сибири (1920—1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1994; *Шведов И.В., Кобров Р.С.* Революционные комитеты Урала в годы Гражданской войны (историко-правовой аспект) // Проблемы права. 2013. № 5. С. 72—95; *Бугай Н.Ф.* Чрезвычайные органы власти в 1920-е гг. в России: назначение, формирование, цели, итоги // Бартеневские чтения: материалы науч. конф. по проблемам гуманитар. наук, посвящ. 100-летию начала первой мировой войны / ред. В.В. Фомин. Липецк, 2014. С. 206—218; *Бакшеев А.М.* Деятельность Сибирского революционного комитета как высшего органа власти в Сибири // Вестник Красноярского аграрного института. Красноярск, 2015. № 3. С. 211—215; *Алексанян Н.А.* Ревкомы Воронежской губернии в годы Гражданской воны // Альманах современной науки и образования. 2015. № 7 (97). С. 12—16; *Бугай Н.Ф.* Русский генерал А.И Деникин: вопросы национальной политики на Юге России (1918—1921) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 1/2. С. 15— 22; и др.

3 *Бугай Н.Ф.* Революционные комитеты — чрезвычайные органы Советской власти (1918—1921 гг.). М., 1985. С. 22 и др.

4 Там же. С. 27 и др.

5 См.: Сборник отчетов народных комиссариатов УССР. Харьков, 1921. С. 6; *Шамсутдинов Р.Т.* Создание и деятельность ревкомов в Туркестанской АССР. Ташкент, 1983. С. 156; *Бугай Н.Ф.* Революционные комитеты Ставрополья. Черкесск, 1978. С. 27; и др.

6 См. подробно: *Казиев С.Ш.* Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917—1991 годы): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. М., 2015. С 209—210; и др.

7 Там же.

8 См.: Советы и ревкомы Казахстана (окт. 1917 — 1920 гг.). Алма-Ата, 1981. С. 188.

9 См.: *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент». Майкоп, 1994; Постоянные представительства в Российской Федерации // Информационный бюллетень Правительства Москвы / Комитет общественных и межрегиональных связей. М., 2001, вып. 3; и др.

Т.Г. Архипова

Организация и деятельность государственного аппарата России в первые месяцы советской власти в отечественной историографии

Историография 1917 года настолько огромна, что осуществить подсчет всего, о нем написанного, проанализировать весь этот пласт одному исследователю невозможно. Это должна быть коллективная монография и не в одном томе. Вынесенная в заголовок проблема, даже не будучи предметом специального изучения, так или иначе затрагивалась во всех исследованиях, посвященных истории этого судьбоносного не только для России года. В подтверждение этого тезиса можно привести указатель источников и литературы по истории советского государственного аппарата, составленный в свое время Т.П. Коржихиной[1]. В данном же случае речь идет о довольно узком круге исследований, специально посвященных его организации и деятельности в начальный период становления, что ни в коем случае не исключает значения работ, например, И.И. Минца, В.П. Булдакова, других исследователей.

Зародившееся в недрах юридической науки государствоведение стало частью науки исторической, в течение второй половины минувшего века обрело свой предмет изучения[2]. С появлением школ историков-государствоведов число исследователей государствоведческих сюжетов возросло.

Значительная часть отечественных историков постепенно уходит от периодизации советской историографии, связанной либо с решениями партийных форумов, либо со сменой партийного лидера, либо с принятием очередного Основного закона государства. Не претендуя на истину в последней инстанции, время с октября 1917 г. до середины 1980-х годов автор видит в качестве единого периода отечественной историографии. В это время заказ на исследования формировался партийными идеологами, контроль осуществлялся властными структурами. Менялись нюансы во взаимоотношениях власти и ученых, но идеологическая составляющая исследовательских работ практически не менялась. Дискуссии в среде отечественных историков с середины 1930-х годов в большинстве случаев происходили в рамках одного направления и касались, главным образом, трактовки известных фактов. Единичные случаи расхождения с существующей парадигмой известны, как известна и судьба авторов таких работ. Некоторое исключение представляют работы, вышедшие в период так называемой оттепели. Всё это, однако, не помешало виднейшим отечественным историкам и правоведам в рамках этого периода создать фундаментальные труды по истории советских государственных институтов.

Революционная проблематика была популярной, исследователей двигало естественное желание понять, чем были обусловлены события октября 1917 г., как удалось большевикам в чрезвычайных реалиях того времени выстроить аппарат управления нового государства, направить историю России в иное русло.

Вполне естественно, что особое внимание было уделено В.И. Ленину, как главе государства. Действительно, как далеко не выдающейся внешности человеку, уступавшему в красноречии не только Л.Д. Троцкому, при разногласиях даже с собственным окружением, удалось увлечь небольшую по численности партию утопичной теорией построения социализма(правда, теория не казалась тогда утопичной — революция в образе «юной огнеглазой любовницы» грезилась тогда многим), взять власть, встать во главе государства? Кстати, нелегитимность присвоенного Ленину статуса не оспаривалась ни правоведами, ни тем более историками. В условиях идеологического пресса давать исчерпывающие ответы на эти вопросы было делом весьма трудным. Тем не менее, монографии ленинградского историка М.П. Ирошникова позволили представить облик вождя революции не столь лубочным, каким он был представлен в более ранних исследованиях[3].

Следует заметить, что число работ, посвященных высшим органам государственной власти и управления, велико. И вновь они так или иначе связаны с В.И. Лениным. Много работ посвящено «высшей власти» в РСФСР, как именовала Съезды Советов первая Конституция. В то же время ни один исследователь из числа изучавших первые постреволюционные годы в России не обошел их вниманием.

В числе работ, посвященных ВЦИК, в первую очередь следует назвать монографию А.И. Разгона[4], Совнаркому — работы Э.Б. Генкиной[5].

Что касается местных Советов, то их изучение шло фактически по принципу от общего к частному. Работы по истории Советов[6] не могли дать обобщающей картины организации и деятельности Советов на всей территории страны — их авторы опирались на данные, поступающие в центр в виде отчетов, весьма приукрашивающих положение дел в регионах, на нормативные акты, на отдельные работы региональных историков, у которых тема Советов была весьма популярной. Они же, в свою очередь, опираясь на обобщающие работы, задавшие общее направление исследований, в качестве иллюстративного материала весьма широко использовали документы местных архивов, однако организация делопроизводства в учреждениях любого уровня в первые годы советской власти не позволяла создавать документы высокой степени информативности. Секретарь Управления делами Совнаркома Н.П. Горбунов, человек образованный, впоследствии вспоминал, что учиться протокольным премудростям ему пришлось по ходу дела[7]. Что уж говорить о протоколистах с невысоким уровнем образования? В то же время большинство необходимых исследователям документов хранили партийные архивы, доступ в которые был существенно затруднен.

Для понимания природы чрезвычайных органов власти многое было сделано Н.Ф. Бугаем[8].

В отличие от Советов центральным органам исполнительной власти в плане изучения повезло меньше. Работ, им посвященных, немного. Первое время о них писали, в основном, руководители ведомств по случаю того или иного юбилея. Исследователи же находились в несколько затруднительном положении. Они довольно быстро обнаружили, что действия новой власти в отношении прежних министерств носили стихийный, не до конца ясный ей самой характер: сначала речь шла о разрушении старого аппарата, потом заговорили об овладении им; на смену идее разогнать сотрудников прежних ведомств пришло требование к ним вернуться к исполнению прежних обязанностей... В конце концов в обязанности ВЧК поначалу вменялась борьба с саботажем старослужащих.

В трудное положение ставила исследователей наркомовская чехарда, тем более, что некоторое время спустя ряд имен был вынесен за пределы списка упоминаемых.

Среди работ, посвященных истории наркоматов первого года их существования, можно назвать монографии Е.Н. Городецкого, М.П. Ирошникова, других авторов[9].

В.З. Дробижеву принадлежит заслуга в изучении организации и деятельности ВСНХ[10]. Его очерки, вышедшие более полувека назад, по широте охвата проблемы, информативности трудно сравнить с каким-либо другим исследованием на эту тему. Интересующийся историей Наркомата продовольствия вряд ли обойдет вниманием работы М.П. Польского[11]. История Наркомзема РСФСР на первом этапе своего существования, думается, осталась без пристального внимания исследователей по причине пребывания в составе его руководства членов партии левых эсеров. Здесь затруднительно что-либо назвать, кроме небольших работ В.А. Цикулина и В.Г. Ломовцевой[12].

Более всего в плане изучения повезло Наркомпросу. Причин здесь много: неплохое для того времени делопроизводство, в результате которого сложился огромный комплекс источников; постепенное собирание в этом органе управления просвещением, наукой, искусством, сфер, традиционно вызывающих к себе интерес; неординарная личность наркома. История становления этого органа рассредоточена по целому ряду исследований. Наиболее полной она представлена в монографии М.Б. Кейрим-Маркус[13]. Значительное внимание процессу становления Наркомпроса как правительственного учреждения Советской России уделил в своей монографии А.И. Фомин[14]. Компетенция этого органа была настолько широкой, что его деятельность рассматривалась в работах по истории общеобразовательной и высшей школы, ликвидации неграмотности среди взрослого населения, культуры и искусства.

В значительно меньшей степени в отечественной историографии представлено становление так называемых административно-политических органов. В одном случае этот процесс происходил в чрезвычайной обстановке начавшейся гражданской войны (имеется в виду военное ведомство), что чрезвычайно затрудняло работу историка, в другом — мешала фигура первого наркома, в третьем — сложным оказался допуск к документам. Солидную историографию имеют НКИД и Наркомнац. В первом случае это работы Б. Канторовича, М.П. Ирошникова, А.О. Чубарьяна[15], в другом — монография Г.П. Макаровой[16]. Последняя положила начало более глубокому изучению этого органа.

Из числа административно-политических органов с исследователями больше всего повезло ВЧК. Ее историография насчитывает без малого сто лет, так как уже с первого года существования этого органа стали выходить работы прямолинейного идеологизированного характера, воспевающие героизм его сотрудников в борьбе с контрреволюций, хотя это было не единственной функцией этого органа. Из одной работы в другую переходят известные сюжеты из истории работы ВЧК, обязательным становится отрицание всех обвинений в жестокости большевиков по отношению к своим противникам. Самому органу уделялось значительно меньшее внимание[17]. Этим грешит большинство работ о ВЧК[18].

Несмотря на идеологический пресс, историкам того периода, привлекая доступные источники, удалось если не совсем развеять, то дать читателям возможность усомнится в целом ряде мифов. Стало очевидным то обстоятельство, что большевики при овладении властью в Петрограде не встретили серьезного сопротивления, что разногласия в окружении Ленина носили, в основном, тактический характер, что сам он был не слишком большим теоретиком, а вот стратегом — блестящим. Многое прояснилось в организации и деятельности первого советского правительства.

Оказалось, что оно не было рабоче-крестьянским, однородным, его сотрясали следующие друг за другом кризисы. Историки доказали, что все не так просто было со сломом «старого» государственного аппарата и с так называемыми старослужащими. Примеры можно приводить до бесконечности. Безусловно, выйти за рамки официально провозглашенной парадигмы историки не могли. В советское время история российской революции принадлежала ее победителям и историки в условиях идеологического пресса писали так, как те того желали. Одновременно они не могли получить доступа к целому пласту источников. Во всем этом видится не вина, а их беда. Их изыскания дали пришедшим им на смену историкам пищу для различной интерпретации добытых ими фактов.

Сегодняшним российским историкам, как и советским, также свойственны поиски дробной периодизации следующего периода отечественной историографии, что представляется вполне оправданным — отсутствие расстояния не позволяет по достоинству оценить место того или иного события в событийном ряду. Нам же период со второй половины 1980-х годов до настоящего времени представляется единым.

С начала этого периода на поле, обрабатываемое историками, пришли публицисты и писатели. Публицисты, не слишком затрудняя себя поисками и, главное, анализом источников, работали по принципу «нам бы прокукарекать, а там хоть не светай», писатели же сосредоточились на иллюстрации критических точек событийного ряда. Огромная благодарность и тем и другим, и в этих работах есть что позаимствовать следующему поколению историков.

Профессиональные историки в рассматриваемый период разделились на несколько групп. Одни исключали любой критический разбор всего накопленного исторической наукой, бросили все свои силы на его отстаивание. Другим хотелось его полностью пересмотреть вплоть до отрицания любых достижений страны в постоктябрьский период. Они сами не заметили, как из исследователей превратились в следователей и обвинителей. Между тем, это другие профессии. Третьи были вынуждены на какое-то время замолчать. Правда, ненадолго, все-таки даже профессиональный историк — еще и любитель. Четвертые погрузились в изучение прежде недоступных источников: архивы рассекретили некоторую их часть, началась их публикация. И вот тут-то выяснилось, что рассекреченные документы не меняют принципиально информацию о событиях и фактах тех лет. Меняются подходы и методы исследования, смещаются акценты.

Работы этого периода отличает идеологическое разнообразие, появление новых оценок организации и деятельности государственного аппарата, вовлеченность в изучение истории политиков и политологов. Ни в коем случае не отказывая последним в праве на изучение истории государственных институтов, следует иметь в виду, что все-таки предметом их исследования являются теория и практика политического процесса. Зачастую в их работах превалируют поиск альтернативных путей исторического развития, попытки анализировать события тех лет с сегодняшних позиций, без учета сложившихся тогда реалий, и др.

Значительная часть вышедших в это время работ написана в нетерпимой манере, методом доказательств «от противного». Больше всех досталось Ленину. На «поле боя» сошлись ортодоксальные «ленинцы» и неистовые «антиленинцы». Их работы трудно оценить как научные, каждая из них демонстрировала политические взгляды автора. Авторы большинства вышедших в это время работ заостряют свое внимание на анализе личных качеств вождя — одержимости, неистовости, эволюции его взглядов и т.п. Это было известно и раньше, и если раньше это преподносилось как досто-

инство, то теперь ставилось ему в вину[19]. В эти годы написан не один десяток работ о Ленине, в копилку ленинианы добавлено много прежде замалчиваемых или неизвестных фактов.

Еще продолжали работать историки, чьи работы прежде были достоянием исторической науки, а в науку пришло другое поколение, свободное от идеологического пресса, но и им было трудно преодолевать сложившиеся стереотипы. В.М. Лавров тогда писал о том, каким мучением был для него переход «от попыток поднимать планку дозволенного к приобретению опыта писать свободно»[20]. Это было мучением не для него одного.

Как и в предшествующий период, появились работы, которыми отечественная историография будет гордиться. Здесь, наверное, в первую очередь следует назвать сборник статей под названием «Первое советское правительство», где представлены биографии не только известных наркомов, но предпринята попытка впервые хоть что-то сказать о наркомах, о которых прежде имелись самые скудные сведения[21].

В 1990-х — начале 2000-х было написано несколько работ по заявленной проблеме известным отечественным историком Е.Г. Гимпельсоном[22]. Активизировали работу региональные историки, как и прежде, интерес вызывала история ВЧК[23], тем более, что стали публиковаться прежде малоизвестные, а то и вообще неизвестные источники[24].

Не претендуя на всеобъемлющий охват литературы, посвященной организации и деятельности институциональных структур начального периода советской истории, назовем те, которые показались автору наиболее интересными.

В первую очередь хотелось бы назвать работу В.М. Лаврова о крестьянских Съездах Советов[25]. Он рассматривает весьма подробно организацию и деятельность крестьянских Съездов в условиях сложившихся реалий, пытается на их примере показать крестьянство в качестве самостоятельного субъекта революции. Дело в том, что крестьянство стало самостоятельным субъектом политического процесса после I Съезда Советов крестьянских депутатов, состоявшегося раньше I Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Шанс сохранить лидерство, по мнению автора монографии, был упущен из-за противоречий между основной массой крестьянства и лидерами крестьянских Съездов, чем сумели воспользоваться большевики. Его вывод состоит в том, что лишение власти крестьянских Советов в 1918 г. стало драмой российского крестьянства. Думается, что продолжением этой драмы стало варварское раскрестьянивание страны.

Говоря об историографии второго периода, нельзя обойти работы не так давно ушедшего из жизни Л.Г. Протасова. Начав изучать материалы местных избирательных комиссий в середине 1960-х годов, он увлекся темой, итогом этого увлечения, помимо небольших работ, стали две монографии[26]. В первой из них он довольно сдержанно анализировал работы своих предшественников, в частности О.Н. Знаменского[27]. В то же время он писал, что у него нет готового ответа на вопрос «Чем же было Учредительное собрание? Жертвой несчастных обстоятельств или чужеродным цветком в России?», но содержит историческую конкретику[28]. Он подробно проанализировал возникновение идеи Учредительного собрания, ход избирательной кампании, его работу и разгон. Вторая его монография, посвященная делегатам и кандидатам в делегаты Учредительного собрания, явилась продолжением первой. Она свидетельствует о том, что отечественная историческая наука проделала значительную часть пути в направлении эволюции «от истории идей к истории людей, от

истории событийной, институциональной — к истории человеческой»[29]. Наверное, в этом ряду стоит назвать работы, посвященные лидеру левых эсеров — М. Спиридоновой[30].

Попытку иначе, чем прежде, взглянуть на историю Наркомнаца предприняла В.Г. Чеботарева[31]. Ей удалось воспроизвести драматизм борьбы двух идеологий — великодержавного шовинизма и именуемого национализмом стремления народов России к обретению самостоятельности в решении культурных и социальных проблем, проследить эволюцию функций наркомата с момента его создания до упразднения.

Многое сделано А.С. Сениным в изучении истории Наркомата путей сообщения в 1917 г.[32] Начало же изучению НКПС на втором этапе историографии было положено небольшой работой Б.М. Морозова[33]. В РГГУ защищено несколько кандидатских диссертаций, где так или иначе рассмотрена история становления первых наркоматов[34].

Сейчас, на исходе второго десятилетия XXI в., с одной стороны, продолжают цвести все цветы, и, наверное, не стоит удивляться разномыслию в коллективных монографиях, в публикациях материалов тех или иных конференций. Историки старшего поколения хорошо помнят единомыслие под разными обложками. С другой стороны, после спада всплеска эмоций появилась возможность осмыслить всё написанное прежде, присовокупить какую-то часть последнего к новым изысканиям. Постепенно формируется осознание непрерывности истории России, модернизационного характера революций и большинства реформ, оценки тех или иных событий, с учетом существующих в то время реалий, становятся более сдержанными и т.д.

Методология в последнее время все чаще трактуется не как основной принцип познания, оптимально гарантирующий результат, а как совокупность исследовательских методик разных социальных наук. Стали использоваться так называемые нетрадиционные методы, позаимствованные из других наук, — количественные, социально-психологические, лингвистические, искусствоведческого анализа, методы семиотики, что расширяет возможности историка, но не должно заменять главного принципа исторической науки — историзма. В современных работах большинство традиционных методов исторического исследования сохранилось, но без новаций не обошлось. На смену идеологическому классовому подходу пришел стратификационный,

Подводя итоги вышесказанному, наверное, следует отметить, что изучение становления советских государственных институтов все предшествующие годы не стояло на месте, и оно должно быть продолжено. Лениниана огромна, однако, как и прежде, сохраняется неоднозначность оценок Ленина как государственного деятеля, возможности изучения этой фигуры не исчерпаны. Далеко не исчерпаны возможности изучения деятельности лиц не только в окружении Ленина, но и других участников политического процесса, лица которых зачастую просто вычеркнуты из истории. В свое время автор не раз обращал внимание на необходимость написания обобщающей работы об организации и деятельности Советов в 1917—1918 гг. в масштабах страны, необходимость эта остается актуальной и в настоящее время. В дальнейшем исследовании нуждается изучение участия политических партий в создании советского госаппарата.

[1] *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР: материалы к источниковедению и историографии (1917—1990 гг.) М.: РГГУ, 1992.

[2] *Портнов В.П., Славин М.М.* О соотношении истории государства и права СССР и истории СССР // Советское государство и право. 1986. № 7. С. 38—44.

[3] *Ирошников М.П.* : 1) Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты, окт. 1917 — янв. 1918 г. М.; Л., 1966 ; 2) Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин): очерки гос. деятельности в 1917—1918 гг. Л., 1974 ; 3) Во главе Совнаркома: гос. деятельность В.И. Ленина в 1917—1922 гг. Л., 1974 ; 4) Рожденное Октябрем. Л., 1987; и др. его работы.

[4] *Разгон А.И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977.

[5] *Генкина Э.Б.* : 1) В.И. Ленин — председатель Совнаркома и СТО. М., 1960; 2) Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В.И. Ленина. М., 1982.

[6] В числе наиболее известных работ: *Гимпельсон Е.Г.* : 1) Из истории строительства Советов (нояб. 1917 г. — июль 1918 г.). М., 1958 ; 2) Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968; исследования правоведа А.И. Лепешкина: *Лепешкин А.И.* Советы — власть трудящихся, 1917—1936 гг. М., 1966; и др.

[7] *Горбунов Н.П.* Как работал Владимир Ильич: сб. ст. и воспоминаний. М., 1933. С. 11—17.

[8] *Бугай Н.Ф.* : 1) Революционные комитеты национальных округов Северного Кавказа. Нальчик, 1977 ; 2) Революционные комитеты Ставрополья. Черкесск, 1978 ; 3) Ревкомы Подмосковья. М., 1979 ; 4) Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа (1919—1921). М., 1979 ; 5) Ревкомы: науч.-попул. очерк. М., 1981.

[9] *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства, 1917—1918 гг. М., 1987; *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата ...; и др.

[10] *Дробижев В.З.* Главный штаб социалистической промышленности: (очерки истории ВСНХ, 1917—1932). М., 1966.

[11] *Польский М.П.* К истории органов продовольственного снабжения населения в первые годы Советской власти. Общественное питание в 1917—1920 гг. // История СССР. 1974. № 6; и более поздние его работы.

[12] *Цикулин В.А.* Управление совхозами до образования Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР (1917—1922 гг.) // Труды МГИАИ. М., 1959. Т. 13; *Ломовцева В.Г.* Организация Наркомата земледелия РСФСР в 1917—1918 гг. // Там же. М., 1965. Т. 19.

[13] *Кейрим-Маркус М.Б.* Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса, ноябрь 1917 г. — середина 1918 г. М., 1980.

[14] *Фомин А.И.* Культурное строительство в первые годы Советской власти, 1917—1920-е гг. Харьков, 1987.

[15] *Канторович Б.* Организационное развитие НКИД // Международная жизнь. 1922. № 15 (133); *Ирошников М.П.* Из истории организации НКИД / История СССР. 1964. № 1; *Ирошников М.П., Чубарьян А.О.* Тайное становится явным: об издании секретных договоров царского и временного правительств. М., 1970; *Чубарьян А.О.* В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972; и др.

[16] *Макарова Г.П.* Наркомат по делам национальностей РСФСР, 1917—1923 гг.: ист. очерк. М., 1987.

[17] См. об этом подробнее: *Литвин А.Л.* ВЧК в советской исторической литературе // Вопросы истории. 1986. № 5. С. 96—103.

[18] *Софинов П.Г.* Очерки истории ВЧК (1917—1922) М., 1960; *Велидов А.С.* Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК (1917—1920 гг.) М., 1970; *Портнов В.П.* ВЧК, 1917—1922. М., 1987; и др.

[19] Довольно объективную характеристику этому пласту работ дала Е.А. Котеленец: *Котеленец Е.А.* В.И. Ленин как предмет исторического исследования. М., 1999.

[20] *Лавров В.М.* «Крестьянский парламент» России: (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917—1918 гг.). М., 1996. С. 9.

[21] Первое Советское правительство, октябрь 1917 — июль 1918. М., 1991.

[22] См.: *Гимпельсон Е.Г.* : 1) Формирование советской политической системы, 1917—1923 гг. М., 1995 ; 2) Советские управленцы, 1917—1923 гг. М., 1998; и др.

[23] Целую главу причинам создания ВЧК и роли большого террора в сохранении власти в руках большевиков посвятил С.В. Леонов в своей монографии. См.: *Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология, 1917—1922 гг. М., 1997; *Велидов А.С.* К Истории ВЧК-ОГПУ. СПб., 2011; *Скоркин К.В.* На страже завоеваний революции: история НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР, 1917—1923. М., 2011; *Санковская О.М.* Формирование кадров всероссийской чрезвычайной комиссии, 1917—1922 гг.: (на материалах центрального аппарата ВЧК): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Архангельск, 2004. URL: http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/65806.html (дата обращения: 6.10.2017).

[24] См., например: Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917—1991: справочник. М., 2003.

[25] *Лавров В.М.* «Крестьянский парламент» России.

[26] *Протасов Л.Г.* : 1) Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.. 1997 ; 2) Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
[27] *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976.
[28] *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание ... С. 8—9.
[29] *Его же.* Люди Учредительного собрания ... С. 4.
[30] См.: *Лавров В.М.* Мария Спиридонова: террористка и жертва террора: повествование в документах. М., 1995; *Кравченко Т.* Возлюбленная террора. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998.
[31] *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики, 1917—1924 гг. М., 2003.
[32] См.: *Сенин А.С.* : 1) Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.). М., 2009 ; 2) Министерство путей сообщения в 1917 году. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
[33] *Морозов Б.М.* Формирование органов центрального управления Советской России в 1917—1918 гг.: (на примере Народного комиссариата путей сообщения). М., 1995.
[34] См., например: *Андреев М.А.* Эволюция центральных органов управления просвещением России, январь 1917 г. — февраль 1921 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011; *Войтиков С.С.* Строительство центрального военного аппарата Советской России (1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011; и др.

В. Деннингхаус

Как Наркомнац из инструмента революции превратился в «лавочку», которая «только тем и занимается, что разные народы на Северном полюсе и в тундрах выдумывает»: Трансформация Наркомнаца РСФСР в 1917—1924 гг.

Основы национальной политики на начальном этапе строительства советского государства разрабатывались, утверждались и внедрялись ЦК РКП (б), ВЦИК и СНК РСФСР. Проведение в жизнь национальной политики возлагалось на Народный Комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), созданный 26 октября 1917 г. декретом II Всероссийского съезда Советов. Первым и единственным наркомом Наркомнаца стал Иосиф Сталин. Деятельность наркомата распространялась как на территорию самой РСФСР, так и всех национальных окраин бывшей Российской империи[1]. Так, созданный в январе 1918 г. при Наркомнаце Комиссариат по еврейским национальным делам активно действовал в «соседних государствах» — Украине и Белоруссии[2]. В качестве основных задач Наркомнаца декларировалось обеспечение мирного сосуществования всех национальностей, содействие их культурному и экономическому развитию, а также общее наблюдение за реализацией национальной политики советской власти[3]. Другими словами, этот наркомат был создан как некий посредник — координатор между центральными советскими органами и нерусскими национальностями, помогавший русскоязычному Центру в управлении национальными окраинами. Как отмечал в 1920 г. член Коллегии Наркомнаца М.Х. Султан-Галиев, «Комиссариат содействовал объединению трудящихся разных национальностей вокруг власти Советов и разгрому сил контрреволюции [...] Он возник, когда на Советскую Россию и на Красную Москву со всех

концов давили контрреволюционные силы именно под лозунгом национального самоопределения [...]. Это было правильно [...]»[4].

Несмотря на то, что за период с октября 1917 г. по 1923 г. включительно, национальный вопрос неоднократно обсуждался на VIII конференции, VIII, X и XII съездах РКП (б), почти на всех съездах Советов[5], на пленумах ЦК, на Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б), на совещаниях ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей и т.п., разрыв между теоретическими постулатами большевиков и реальной практикой увеличивался все больше. Как констатировал на XII съезде РКП (б) Николай Скрипник, «в теории наша партия давно в лице т. Ленина и его соратника т. Сталина разрешила этот вопрос». Ему вторил его коллега, один из партийных лидеров Украины Христиан Раковский: «Скажите товарищи, сколько из вас могут сказать, в чем Октябрьская революция решила национальный вопрос?»[6]. На самом деле при решении любой социально-хозяйственной или общественно-политической проблемы руководство РКП (б) и советского государства учитывало ее преломление через призму специфики каждого национального образования, однако совместить классовый подход, а также сиюминутные прагматические интересы большевиков с многоуровневым процессом развития национальных отношений оказалось невообразимо сложно.

По сути дела, решение именно этой задачи доминировало в деятельности Наркомнаца. В результате как круг его компетенции, так и штаты постоянно расширялись[7]. Практически с ноября 1920 г. все экономические и политические мероприятия советского правительства в отношении национальных окраин становились законом только после их утверждения наркомом по делам национальностей Сталиным. С лета 1922 г. Наркомнац получил право контроля за деятельностью всех наркоматов Российской Федерации во всем, что касалось национальных автономий[8]. Таким образом, Наркомнац в качестве своеобразного посредника мог оказывать определенную помощь национальным автономиям в решении их экономических и финансовых проблем, выступать соорганизатором целого ряда центральных учебных и научных учреждений (Коммунистический университет трудящихся Востока, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, Институт востоковедения и др.)[9], финансировать издательства, выпускавшие литературу, учебники и прессу на национальных языках[10]. Вместе с тем, все это служило главной цели — обеспечить поддержку русскоязычного Центра со стороны нерусских окраин.

Другими словами, НКН бесспорно являлся, особенно после гражданской войны, специфическим инструментом централизации и реставрации советской империи[11], транслируя взгляды своего первого и единственного наркома. Заведующий Еврейским отделом Наркомнаца Абрам Мережин в одном из своих писем Сталину (январь 1921 г.) подверг его острой критике за регулярное нарушение прав представителей автономных республик (областей). Как писал Мережин, начиная с 1920 г. в Наркомнаце сложилась практика, когда разработка проектов для Президиума ВЦИК, вопреки всем установленным правилам, осуществлялась зачастую без участия Совета Национальностей, а важнейшие государственные документы принимались заместителями Сталина единолично или после переговоров с наркомом[12].

Структура Наркомнаца формировалась и трансформировалась на протяжении всего периода существования наркомата в соответствии с изменениями приоритетов большевиков. Если на начальном этапе своей работы Наркомнац активно занимался проблемами народов Запада, напрямую связанными с курсом на мировую революцию[13], то к концу своей деятельности наркомат практически полностью сосредото-

чился на «угнетаемых» народах Востока[14]. Как уже отмечалось выше, Наркомнац вел работу по целому ряду направлений, но основным ее содержанием была подготовка создания национальных республик и их объединение в «Союз»[15]. В соответствии с этой задачей строился аппарат наркомата. В отличие от других центральных наркоматов РСФСР, в его основу был положен не функциональный, а национальный признак[16].

Так, в состав Наркомнаца входили такие комиссариаты (отделы), как якутский, чувашский, эстонский, армянский, белорусский, еврейский, марийский, литовский, горцев Кавказа, киргизский, калмыцкий, латышский, польский, поволжский по делам немцев, чехословацкий, мусульманский и другие[17]. Помимо национальных комиссариатов, в структуре Наркомнаца существовали также «общие» отделы: агитации и пропаганды, подготовки декретов, связи с заграницей, статистики, редакционный и т.п. К началу 1919 г. в наркомате насчитывался уже 21 комиссариат, которые возглавляли видные деятели РКП (б) и национальных движений[18].

Иерархия статусов национальных подразделений Наркомнаца выстраивалась в четком соответствии с общественно-политической обстановкой в РСФСР. Это наиболее ярко прослеживается на примере Польского комиссариата[19]. В момент своего «апогея» (конец 1917 — начало 1918 г.) Польский комиссариат включал в себя ряд собственных подотделов: труда, военный, военнопленных, беженцев, культурно-просветительный и прессы[20]. К компетенции Польского комиссариата на этом этапе деятельности относился широкий спектр вопросов, в первую очередь — возвращение на родину военнослужащих и польского гражданского населения и «национальное и социальное освобождение Польши» с последующей «перестройкой родины на основе опыта русской революции»[21]. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 24 января 1918 г., любые вопросы в отношении «польских дел» должны были в обязательном порядке оговариваться с Польским комиссариатом[22]. К началу 1918 г. Польский Комиссариат контролировал все сферы работы с польским населением на территории РСФСР. Но уже в середине 1919 г. функции комиссариата начинают постепенно сходить на нет. Конференция коммунистов-поляков, состоявшаяся в мае 1920 г., констатировав, что большинство вопросов, которыми раньше занимался Польский комиссариат, перешло в ведение других органов (НКИД, НКП, Польбюро при ЦК РКП (б) и др.), предложила упразднить комиссариат. В декабре 1920 г. это предложение поддержали Оргбюро и Политбюро ЦК РКП (б). После ряда согласований вместо Комиссариата был создан Польский отдел[23], функции которого свелись к общей работе, прежде всего среди демобилизованных из армии поляков, а также беженцев, не пожелавших возвратиться в Польшу (выдача паспортов, трудоустройство и т.п.). С середины 1921 г. польский отдел НКН стал фактически «филиалом» Польбюро при ЦК РКП (б), которое полностью определяло его деятельность[24].

Всю деятельность Наркомнаца официально регулировала Коллегия, насчитывавшая в разные годы от 4 до 16 человек. Впервые Коллегия была образована 15 февраля 1918 г. на собрании представителей комиссариатов по польским, литовским, мусульманским, белорусским, еврейским и армянским делам. Здесь же был определен принцип ее формирования: наряду с наркомом и его заместителем в Коллегию[25] с правом решающего голоса входили руководители всех национальных комиссариатов. В июле 1918 г., из-за регулярного роста ее членов, СНК РСФСР предложил Наркомнацу изменить принцип комплектования Коллегии[26]. Обсудив это предложение на своем заседании в октябре 1918 г., коллегия Наркомнаца приняла следующее решение: «Представители всех национальных отделов имеют право решающего голоса по

всем вопросам, касающимся их национальности. По всем другим вопросам они имеют совещательный голос»[27]. Таким образом, представители всех национальных подразделений Наркомнаца сохраняли за собой право участвовать в работе Коллегии[28]. Следует отметить, что за весь период деятельности работы Коллегии Наркомнаца, Сталин принял участие только в 20 заседаниях: в 1918 г. — пять раз, в 1920 г. — один, 1921 г. — двенадцать, в 1922 г. — два раза. Если в 1917—1920 гг. нарком по делам национальностей занимался обороной «социалистического отечества» и по понятным причинам не всегда находился в Москве, то его отсутствие в 66 случаев из 68 в «мирном» 1922 г. четко отражало сталинские приоритеты. По всей видимости, уже с конца 1921 г. и до ликвидации Наркомнаца Сталин строго придерживался «рекомендации» Политбюро ЦК РКП (б) от 13 сентября 1921 г., обязавшего его «около трех четвертей своего времени уделять партийной работе»[29].

Одновременно с центральным аппаратом формировались местные органы Наркомнаца[30]. Первоначально их роль исполняли так называемые эмиссары, а с середины 1918 г. — национальные отделы при Советах[31]. Создание отделов преследовало преимущественно политические цели: проведение в жизнь начал Советской власти среди национальностей на родном языке; реализация постановлений Наркомнаца; принятие мер к подъему культурного уровня и классового самосознания трудовых масс наций; борьба с контрреволюцией в ее национальных проявлениях (к примеру, с «национально-буржуазными правительствами») и т.д.[32] 17 июля 1918 г. ВЦИК направил всем Совдепам РСФСР специальное предписание, оказывать всяческое содействие Наркомнацу в организации национальных отделов в провинции[33]. В некоторых автономных республиках появились даже собственные Наркомнацы. Так, например, в Туркестанской АССР в 1918 г. был создан так называемый Туркомнац[34], просуществовавший с перерывами до июня 1922 г.[35] Учреждение этих нацотделов должно было происходить под контролем губисполкомов и утверждаться непосредственно самим Наркомнацем[36]. По модели Центра, нацотделы при местных Советах должны были образовывать свои национальные секции, в соответствии с этническим составом проживавшего там населения[37]. Местные отделы по делам национальностей подчинялись на общих основаниях губернскому или уездному исполкому, одновременно являясь исполнительными органами НКН. В случае расхождения по принципиальным вопросам между нацотделом и исполкомом, что на практике явилось скорее нормой, чем исключением, вопрос передавался на рассмотрение Наркомнаца. Материально-техническое обеспечение всех региональных отделов осуществлялось Москвой, но сметы по их финансированию предварительно утверждались соответствующим исполкомом[38].

В 1919 г., в самый разгар гражданской войны, началось повсеместное сокращение советского и государственного аппарата. В партийных и советских органах все чаще стал подниматься вопрос и о ликвидации Наркомнаца. Позиции сторонников ликвидации наркомата особенно усилились после реорганизации структуры ряда центральных наркоматов, перенявших часть функций комиссариата. Так, культурно-просветительская работа среди национальностей была передана в Наркомпрос[39]. В июле 1919 г. Президиум ВЦИК решил приостановить деятельность Наркомнаца «в виду военного времени и мобилизации», а также в связи с учреждением в структуре ВЦИК Отдела по делам национальностей. На состоявшемся 9 июля 1919 г. заседании Коллегии Наркомнаца это решение было принято с одобрением: «Имея в виду, что Наркомат по делам национальностей не имел строго определенных функций, а затрагивал функции других ведомств [...] Коллегия постановила, что Наркомат по де-

лам национальностей переходит со всем своим аппаратом в ВЦИК»[40]. Судьба Наркомнаца была фактически решена, однако от полной ликвидации наркомат спасло вмешательство Ленина, после чего комиссариат был переструктурирован[41]. Число членов Коллегии сократилось более чем в два раза, вместе с тем был образован новый коллегиальный орган — Совет национальностей[42]. 19 мая 1920 г. ВЦИК принял еще один декрет «О реорганизации Народного комиссариата по национальным делам», в соответствии с которым правительства всех автономий должны были организовать в составе комиссариата свои национальные представительства, состоявшие из председателя и двух членов[43]. Кроме 18 национальных отделов[44] по состоянию на 1920 г., в состав наркомата входили информационный, издательский, организационно-инструкторский отделы и управление делами[45]. Возглавлял Наркомнац Совет национальностей, формировавшийся из всех руководителей нацпредставительств автономных республик, областей и коммун[46]. Непосредственное руководство Советом осуществлялось Сталиным, как его председателем, и коллегией из пяти человек[47].

В марте 1921 г. в своем докладе на заседании Совета Национальностей Сталин обосновал основные функции и структуры нового органа. Основные тезисы наркома сводились к следующему: Совет национальностей должен иметь право выдвигать своих кандидатов в коллегию, в свою очередь коллегия имеет право делегировать в Совет заведующих шести «западных» отделов — финского, эстонского, латышского, литовского, польского и еврейского. Если введение руководителя еврейского отдела в члены Совета национальностей обосновывалось Сталиным важностью «централизации» еврейского населения, рассредоточенного по РСФСР, то заведующих остальных пяти отделов — особым политическим значением возглавляемых ими диаспор, а именно наличием «буржуазных» приграничных республик и возможностью образования автономных республик из представителей народов Запада[48]. Вместе с тем, как уже упоминалось, Сталин на практике довольно легко обходил этот «совещательный» орган, что не только вызывало недовольство представителей определенных национальных групп, но и нередко приводило к острым конфликтам[49].

В 1922 г. ВЦИК предпринял новую попытку усилить эффективность работы наркомата, разработав 27 июля 1922 г. новое Положение о Наркомнаце, соответствовавшее нэпу. В соответствии с этим Положением, Совет национальностей из совещательного органа превращался в руководящий — «Большую Коллегию»[50], в обязанности которой входило не только решение национальных задач политического свойства, но и бюджетных, налоговых вопросов[51]. Постоянным президиумом и исполнительным органом Большой коллегии выступала Малая коллегия, в состав которой входили нарком и его заместитель, а также пять членов, избираемые Большой коллегией и утверждаемые СНК. Обращает на себя внимание, что несмотря на многочисленные реорганизации, коллегиальные органы Наркомнаца на протяжении всей своей деятельности все же сохраняли принцип национального представительства. Вместе с тем, деятельность этих органов, точнее, ее членов, тянувших изо всех сил «общий воз», но в совершенно противоположных направлениях, нередко напоминала сценку из известной басни Крылова[52].

В декабре 1922 г. был образован СССР, а через полгода, 7 июля 1923 г., II сессия ВЦИК X созыва приняла постановление о ликвидации Наркомнаца, сочтя его миссию законченной. В связи с тем, что подведомственное «хозяйство» наркомата было весьма объемным, его ликвидация растянулась на целый год, до начала апреля 1924 г.[53] В контексте ликвидации Наркомнаца необходимо остановиться на позиции Сталина. Если верить его собственным высказываниям, руководство национальной политикой

ему давно было в тягость, и он был вынужден исполнять обязанность наркома только под давлением ЦК РКП (б) и т.п. О своем неприязненном отношении к национальным делам Сталин открыто заявил на заседании секции XII съезда РКП (б): «Тут говорили, что я мастер по национальным вопросам. Товарищи, я должен сказать, что никогда я на это звание не претендовал. Я дважды отказывался от доклада по национальному вопросу и оба раза мне единогласно приказывали делать доклад, [...] мне это надоело хуже горькой редьки. Почему это обязательно Сталин должен делать доклад? Где это написано?». Здесь же Сталин обосновал нецелесообразность существования возглавляемого им Комиссариата, сделав, по сути, шокирующее заявление: «Я два года дрался за уничтожение Наркомнаца и получал отказ. Это орган ничего не делающий и тормозящий работу. Меня не освобождали от наркомства. Я и здесь был подневольным человеком [...] Наркомнац — комиссариат агитационный, никаких административных прав Наркомнац не имеет»[54]. Выступая за ликвидацию собственного комиссариата, Сталин выдвинул идею создания Палаты национальностей при ЦИК СССР, которая, по его замыслу, должна была стать главным «барометром», отражающим потребности, нужды и интересы всех национальностей.

Однако основные причины неприязни к «собственному» наркомату Сталин все-таки изложил не полностью. По словам его заместителя С. Пестковского: «Все члены Коллегии [Наркомнаца] по национальному вопросу стояли в оппозиции к Сталину, нередко оставляя своего комиссара в меньшинстве [...] В таких случаях, когда в результате наших бесконечных дискуссий на совещаниях запас его терпения истощался, он вдруг исчезал [...] сказав: “Я на минутку”... и прятался в одном из закоулков Смольного или Кремля. Найти его было почти невозможно». Аналогичные факты приводит и Троцкий: «Разгадка трудного положения Сталина в своей собственной Коллегии в том, что он не пользовался авторитетом [...] по всем важнейшим вопросам оставался в меньшинстве»[55]. Нельзя забывать и время, в которое произошла ликвидация Наркомнаца. Именно в этот период личные интересы Сталина находились в совершенно другой плоскости — упрочении собственной власти в РКП (б). Постоянные претензии и конфликты с многочисленными национальными лидерами, которые требовали для своих регионов различных преференций, только отвлекали Сталина. По свидетельствам очевидцев, Сталин вообще редко выбирался из своей кремлевской резиденции в центральное здание Наркомнаца, предпочитая отдавать свои распоряжения по телефону. Во многом деятельность наркомата определяли именно его заместители, в то время, как сам нарком концентрировал все основное внимание на партийных делах[56]. Остается добавить, что в своих нападках на Наркомнац Сталин был не одинок. Его позицию полностью разделяла часть руководящих работников наркомата, что, несомненно, также помогло его расформированию[57]. Сторонники ликвидации Наркомнаца имелись и в регионах. Так, к примеру, один из членов президиума Самарского губкома РКП (б) на общегородской конференции по национальному вопросу в 1922 г. внес предложение о немедленной ликвидации «лавочки Наркомнаца, который только тем и занимается, что разные народы на Северном полюсе и в тундрах выдумывает»[58].

Даже представители национальных автономий, больше всех заинтересованные в сохранении наркомата, фактически поддерживали его ликвидацию. Им требовалась более эффективная представительская инстанция, располагавшая реальной властью для согласования и решения вопросов деятельности национальных автономий. Наркомнац не располагал крупными финансовыми средствами, не имел четко обозначенных административных функций, а, следовательно, его возможности были мини-

мальными. На главный вопрос нэпа: «А что от этого наркомата можно получить?», был ответ: «ничего» или «почти ничего»[59]. Другими словами, он действовал как промежуточное звено, выступая лишь «ходатаем» перед более мощными наркоматами и ведомствами[60]. Нельзя упускать из виду и те многочисленные конфликты, которые возникали между центральными наркоматами и представителями национальных диаспор, руководителями автономных образований, к примеру, в вопросах распределения бюджетных средств[61].

Гражданская война не только разрушила Российскую империю, но и создала предпосылки для ее восстановления в новом качестве. Именно период гражданской войны стал звездным часом Наркомнаца, выступавшего в роли агитатора, эксперта и посредника между Центром и периферией. Поддержка, оказанная большевикам в ходе гражданской войны национальными окраинами, целиком подтвердила правильность ставки, сделанной на лозунг права наций на самоопределение в противовес лозунгу «единой, великой и неделимой России» белого движения. Сумев привлечь на свою сторону широкие слои нерусского населения, большевики получили шанс заново консолидировать многонациональную страну.

После гражданской войны суть деятельности Наркомнаца заключалась в объединении национальных административно-территориальных объединений в рамках унитарного государства. Провозглашенное в 1917 г. право на самоопределение было подменено правом «суверенных» автономий под контролем Москвы и «фактическим» равенством наций. Создание СССР в формате федерации явилось лишь внешней уступкой Центра национально-демократическим движениям на периферии, при сохранении и усилении централизма. Чем больше «национального либерализма», тем больше централизма — такова была софистика сталинского руководства РКП (б). Как это ни парадоксально звучит, создание СССР стало прологом ликвидации Наркомнаца. В дальнейшем национальный вопрос предполагалось решать в рутинном «рабочем порядке», а пропагандистская деятельность наркомата, излишне будировавшего национальную проблематику и «выдумывавшего разные народы на Северном полюсе и в тундрах», в период нэпа не представляла большого интереса даже для национальных элит.

1 Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, 1918—1924 гг.: каталог документов. М., 2001. С. 5.

2 Проводником большевистского влияния на еврейскую бедноту стал Комиссариат по еврейским национальным делам (Еврейский комиссариат, Евком), образованный 19 января (1 февраля) 1918 г. в составе НКН. Первым руководителем (комиссаром) Евкома был назначен С.М. Диманштейн.

3 Конституция и конституционные акты РСФСР (1918—1937). М., 1940. С. 106—108. См. также: Декреты Советской власти. М., 1976. Т. 8. С. 221—222.

4 Совещание работников НКН, 1920 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 433. Д. 60—61.

5 См.: *Ионкина Т.Д.* Вопросы национально-государственного строительства на Всероссийских съездах Советов (1917—1922) // Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977. С. 181—193.

6 Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 573, 577.

7 Если к концу 1920 г. в НКН насчитывалось 328 сотрудников, то в ноябре 1921 г. — уже 875. При этом основную часть составлял технический персонал (секретари, машинистки и др.). В 1921 г. непосредственным решением национальных проблем занималось только 175 человек. См.: *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики, 1917—1924 гг. М., 2003. С. 63.

8 Конституция и конституционные акты РСФСР ... С. 136. Ср.: *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 51—52, 544.

9 См., к примеру: Протокол № 50 заседания Коллегии НКН, 24.05.1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 6. Л. 59—60.

[10] Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР ... С. 5. С января 1922 г. постановлением АПО ЦК РКП (б) все периодические издания нацменьшинств были переданы в ведомство НКН. См.: *Blank Stephen*. The Sorcerer as Apprentice. Stalin as Commissar of Nationalities, 1917—1924. Westport, Connecticut; London, 1994. P. 107—141.

[11] См., к примеру: ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 84—85 (Совещание работников НКН, 1920).

[12] Конфликт заведующего Еврейским отделом НКН А. Мережина с наркомом Сталиным и его ближайшим окружением привел к тому, что все члены Коллегии Еврейского отдела (включая самого Мережина) попросили Сталина об освобождении их от занимаемых должностей. Однако Сталин этой отставки не принял. См.: *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 266, 474—478.

[13] До осени 1918 г. именно «интернационалисты» (латыши, венгры, поляки, чехи, финны и др.) составляли костяк формировавшейся Красной Армии. К лету 1920 г. интернациональные соединения насчитывали уже около 250 тыс. бойцов. Работники НКН вели широкую агитационно-пропагандистскую работу в национальных воинских частях, занимались устройством тысяч беженцев из западных регионов и т.д. См.: *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней. М., 1995. Т. 1. С. 95. Ср.: *Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001. С. 35—39.

[14] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 84 (Совещание работников НКН, 1920).

[15] См. более подробнее: *Smith Jeremy*. The Bolsheviks and the National Question, 1917—[19]23. New York, 1999. P. 30—43; *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 81—267.

[16] Вместе с тем, 27.07.1918 г. на заседании НКН было предложено образовать Коллегию не по национальному, а по «политическому принципу». См.: Протокол № 21 заседания Коллегии НКН от 27.06.1918 // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 52—55.

[17] В зависимости от складывающихся обстоятельств национальные комиссариаты и их отделы объединялись (как в случае с организацией Литовско-Белорусского комиссариата), ликвидировались или восстанавливались в связи с потерей или установлением в ходе гражданской войны советской власти на национальных территориях.

[18] Среди них Ю.М. Лещинский, В.С. Мицкевич-Капсукас, В.А. Аванесов, М. Вахитов, С.М. Диманштейн, М. Тунганчин, К. Кнофличек, Г.К. Клингер и др.

[19] В создании Временного комиссариата по польским делам при НКН участвовали, по словам замнаркома Пестковского, «все демократические левые [силы] польского общества России». См.: *Костюшко И.И.* Указ. соч. С. 36.

[20] В апреле 1918 г. отделы комиссариата (военный, демобилизационный и труда) были объединены в отдел реэвакуации, а военнопленных и беженцев — в отдел социальной помощи. Польские комиссариаты, как исполнительные отделы НКН, были организованы и на местах: в Петрограде, Казани, Москве, Вологде, Самаре, Курске, Воронеже, Брянске, Туле, Саратове, Витебске и др. городах.

[21] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1. С. 185—186.

[22] Польскому комиссариату при НКН передавались дела всех государственных и общественных учреждений, эвакуированных из Царства Польского. См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 211—212.

[23] Заведовал Польским отделом НКН вначале И. Шапиро, затем С. Вондалковский и Е. Кубилюс.

[24] См.: *Костюшко И.И.* Указ. соч. С. 38—39.

[25] Согласно постановлению Политбюро ЦК РКП (б) от 14-го ноября 1919 г., Коллегия Наркомнаца состояла из четырех человек: наркома (председатель) и трех членов, один из которых в обязательном порядке должен был быть мусульманином, а другой — евреем. См.: *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003. С. 61.

[26] Постановлением СНК от 28 сентября 1918 г. был утвержден состав Коллегии Наркомнаца в количестве 10 человек: В.С. Мицкявичус-Капсукас, О.Я. Карклин, С.Я. Бобинский, С.М. Диманштейн, Г.Г. Пегельман, В.А. Аванесов, И.Ю. Кулик, К.А. Кнофличек, С.С. Пестковский, И.П. Товстуха. См.: Протоколы руководящих органов руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР ... С. 8.

[27] Протокол № 30 заседания Коллегии НКН, 10.10.1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 75—75 об.

[28] Ср.: Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 556—557.

[29] См.: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. С. 49.

[30] *Шарапов Я.Ш.* Национальные секции РКП (б). Казань, 1967. С. 170.

[31] Именно циркуляр «О функциях национальных отделов» (сентябрь 1920 г.) определил круг задач, стоящих перед отделами нацменьшинств на местах. См.: Политика Советской власти по национальному вопросу за три года, 1917—1920. М., 1920. С. 148—149.

[32] Там же. С. 145—146; *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 522.

[33] Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 450—451; Т. 3. С. 38—41.

[34] Туркомнац был также построен по национальному принципу и включал четыре национальных отдела (1921 г.): киргизский (казахский), туркменский, узбекский и отдел нацменьшинств.

[35] *Шарапов Я.Ш.* Указ. соч. С. 170; Национальная политика России. История и современность / под ред. Н. Мещеряковой. М., 1997. С. 283. Более подробно об этом см.: *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 733—756.

[36] Заведующие нацотделами и секциями избирались местными исполкомами, однако их кандидатуры утверждались соответствующими отделами (комиссариатами) Наркомнаца.

[37] Так, например, Петроградский губернский отдел по делам национальностей (1917 г.) имел следующие подотделы: финский, польский, еврейский, латышский, татарский, карельский, немецкий и эстонский.

[38] *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 521—522.

[39] Просвещение национальных меньшинств, [май 1928] // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 4. Л. 122—123; *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 46—47.

[40] Протокол № 54 заседания Коллегии НКН, 9.07.1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 22. Д. 1. Л. 82. См. также дискуссию о ликвидации НКН: Протокол № 60 заседания Коллегии НКН, 12.12.1919 г. // Там же. Л. 128—128 об.

[41] Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР ... С. 226.

[42] Первое заседание Совета национальностей состоялось 16 января 1920 г.

[43] Так как при Президиуме ВЦИК уже существовали некоторые представительства автономных образований РСФСР, то они в соответствии с постановлением ВЦИК от 22.05.1920 г. были просто переданы в ведомство НКН. Работники ряда представительств были этим весьма недовольны, рассматривая это как понижение своего статуса.

[44] С ноября 1917 г. по март 1918 г., все создававшиеся нацподразделения Наркомнаца утверждались СНК РСФСР и получали наименования «комиссариаты». Позднее организуемые наркоматом национальные структуры назывались уже отделами. По статусу и выполняемой ими деятельности особых различий между ними не было.

[45] С ноября 1917 г. по март 1918 г., все создававшиеся нацподразделения Наркомнаца утверждались СНК РСФСР и получали наименования «комиссариаты». Позднее организуемые наркоматом национальные структуры назывались уже отделами. По статусу и выполняемой ими деятельности особых различий между ними не было.

[46] В соответствии с принятой Коллегией НКН инструкцией, все вопросы должны были предварительно обсуждаться в соответствующем нацотделе (подотделе) соответствующего нацменьшинства и только после этого выноситься на рассмотрение в Совет национальностей. См.: *Диманштейн С.* Сложность работы нового Наркомнаца // Жизнь национальностей. 1920. № 17 (74) (9.06.). С. 1.

[47] Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР ... С. 9. Ср.: Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 45, ст. 202.

[48] *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 52—53. Ср.: Из протокола заседания Совета национальностей ВЦИК по обсуждению положения о Совете национальностей, 5.03.1921 г. // ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 1: 1918—1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. С. 45—46. В утвержденном 26 мая 1921 г. ВЦИКом и СНК положении о НКН, Совет Национальностей рассматривался как *«совещательный, представительный орган»*, а в его состав, наряду с наркомом, членами Коллегии, председателями представительств автономных республик, областей и коммун вошли и все заведующие национальных отделов наркомата. См.: «Положение о Совете национальностей при НКН» и постановление «О национальных представительствах и национальных отделах при НКН» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1921. № 39, ст. 206.

[49] См.: *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 266—267, 474—478.

[50] В состав Совета национальностей — «Большой коллегии» — входили нарком (в качестве председателя), его заместитель (в качестве заместителя председателя), все представители автономных республик и областей, заведующие национальными отделами и подотделами национальных меньшинств.

[51] Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР ... С. 9.

[52] В докладе замнаркома Г.И. Бройдо, выступавшего на совещании делегатов X съезда Советов (1922 г.), прозвучала острая критика национальных представительств НКН, которые совершенно не желали сотрудничать между собой при решении общих вопросов. См.: *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 822—823.

[53] Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР ... С. 5, 256.

[54] Стенограмма заседания секции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу, 25.04.1923 г. // Национальный вопрос на перекрестке мнений, 20-е годы: документы и материалы / под ред. В.П. Дмитриенко, А.П. Ненарокова. М., 1992. С. 208—209. См. также: *Blank Stephen*. Op. cit. P. 163—182.

[55] *Троцкий Л.* Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 31. См. также: URL: http://lib.ru/TROCKIJ/stalin4.txt (дата обращения: 28.08.2017).

[56] *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 815.

[57] Однозначно против расформирования НКН выступил А.Н. Мережин, бывший заведующий Еврейским отделом НКН, считавший, что его ликвидация отразится на правах нацменьшинств, не имевших собственных национальных республик и областей. См.: Статья секретаря Центрального бюро Еврейской секции при ЦК РКП (б) А.Н. Мережина «О тезисах т. Сталина: (к 12-му партсъезду)», 5.04.1923 г. // Национальный вопрос на перекрестке мнений, 20-е годы. М., 1992. С. 136—140.

[58] Докладная записка инструктора Наркомнаца Ю.Л. Гершовского, 10.02.1922 // ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 451. Л. 83 об.—84.

[59] Совещание работников НКН, 1920 // Там же. Д. 433. Л. 60.

[60] Роль и значение Наркомнаца в советской и российской историографии, как правило, резко преувеличены. См. к примеру: *Макарова Г.П.* Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917—1923 гг. М., 1987. С. 12—34, 103—148; *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 808—809, 824—825.

[61] Ср.: XII съезд РКП (б). Стенограмма заседания секции съезда по национальному вопросу, 25.04.1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 170.

Раздел 4
Партии и общественные организации

А.С. Туманова

Реформы в повестке дня Временного правительства и организованной общественности весной 1917 г.*

В новейшей российской историографии многие мероприятия Временного правительства оцениваются критически. Однако у этого правительства, особенно на первом, докоалиционном этапе его существования, было желание осуществить коренные реформы государственного и общественного строя при участии общественных институций. Оно активно привлекало профессионалов, устраивало общественную экспертизу готовящихся проектов реформ. В настоящей статье будет показано, что весной 1917 г. в России были условия для реализации либеральной концепции взаимоотношений власти и организованной в добровольные ассоциации общественности.

Россия принадлежит к странам, которые больше ориентированы на государство, чем на общество. Здесь укоренено представление о сильном государстве, тогда как общество кажется недостаточно автономным и инициативным. Исторически в России сложился тип общественной системы, базирующейся на эффективности власти, а не гражданского общества. Отношения государства и общественных институций в имперской России наиболее рельефно отобразили сложности и диспропорции формирования последних в условиях авторитаризма, когда отсутствовали развитые демократические традиции, гражданское сознание, жизнеспособный средний класс как архитектор модернизации и носитель ценностей гражданской культуры, что компенсировалась всемогуществом самодержавия и бюрократии. Между тем в различные периоды российской истории складывались условия для реализации различных моделей отношений власти и общественности.

В XIX — начале XX в. публичная власть, с одной стороны, стремилась оказать поддержку конструктивным, с ее точки зрения, инициативам общественных организаций, способствовавшим удовлетворению материальных и культурных нужд населения, а с другой, видела в добровольных обществах соперника и ставила преграды развитию многих их начинаний. Врастание в ткань политической системы самодержавной России общественной инициативы одновременно продлевало ей жизнь и подрывало ее устои, поскольку способствовало привитию населению несвойственных для авторитарного строя ценностей демократической правовой культуры, гражданского долга и ответственности. В рамках сложившейся тогда модели формирующиеся общественные институты противопоставлялись государству.

В то же время со времени либеральных реформ 1860—1870-х годов и наиболее очевидно с 1890-х годов наблюдалась тенденция использования государством потенциала организованной общественности. Формировавшийся общественный сектор постепенно заполнял те ниши на рынке социальных услуг (социальная защита, образование, наука, здравоохранение и др.), которые государство не обслуживало либо обслуживало чрезвычайно слабо. Так, в дореволюционной России не сложилось государственной

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Комплексный анализ факторов эффективности сотрудничества НКО и государства в сфере оказания социальных услуг», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

системы социального обеспечения, в силу чего социальным обеспечением занимались организации взаимопомощи, оказывавшие материальную и интеллектуальную помощь представителям различных профессиональных групп[1]. Можно вспомнить также общества сельского хозяйства, участвовавшие в государственной по своему содержанию масштабной работе по аграрной рационализации. Следует упомянуть и о развитии научных исследований в рамках ученых обществ, сосредоточенных вокруг университетов.

С приходом к власти Временного правительства формировались условия для складывания союзнического типа отношений между государственной властью и организованной общественностью. Он был наиболее выражен весной 1917 г. И правящая элита, и лидеры крупных либеральных общественных организаций высказывали тогда обоюдное стремление к сотрудничеству, причем сотрудничество выстраивалось вокруг реформаторского курса новой власти.

Министры Временного правительства, недавно сами принадлежавшие к лагерю общественников и знавшие их нужды, постарались отмежеваться от характерного для старого режима недоверия к общественности. Они подвергли критике систему взаимоотношений власти и общественности, сложившуюся ранее, обещали поддерживать общественные начинания.

Выступая в заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта, его председатель, по совместительству военный и морской министр А.И. Гучков возложил вину за осуществление Второй русской революции на царскую власть. «Этот переворот был подготовлен не теми, кто его сделал, — заявил Гучков, — а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ, заговорщиками были представители власти». Существующую систему взаимоотношений государства и общественности, когда «русский народ и русское общество навязывали свою помощь и свое сотрудничество власти, которая в этой помощи, в этом сотрудничестве нуждалась, и страшно нуждалась, но она их боялась и чуждалась», Гучков признал странной. «Для меня было ясно, — сказал он, — что при такой комбинации, когда один человек протягивает руку помощи, а другой убирает руку назад или сжимает кулак, никакого сотрудничества быть не может»[2]. В своих выступлениях Гучков, а также его коллеги — министр торговли и промышленности А.И. Коновалов и министр финансов М.И. Терещенко призвали русских граждан к творческой созидательной работе. Подобная риторика присутствовала во многих публичных собраниях той поры.

Многие добровольные общества и собрания общественников выступили в марте — апреле 1917 г. с декларациями поддержки Временного правительства и высказали пожелания, чтобы последнее создало условия для максимального использования частной инициативы в государственном строительстве.

О содействии правительству в деле обновления государственного строя заявили Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, Московское общество сельского хозяйства и ряд других организаций, державшихся либерально-демократического направления[3]. Лидеры Вольного экономического общества (ВЭО) направили приветствие Временному правительству и персонально министру юстиции А.Ф. Керенскому, а также председателю Государственной думы и Совету рабочих и солдатских депутатов. Совет ВЭО в заседании 9 марта постановил возобновить деятельность, приостановленную в январе 1915 г.[4] Планировалось заняться научной разработкой вопросов экономической политики[5].

Лозунг поддержки Временного правительства в его начинаниях, прежде всего в деле демократизации и подготовки скорейшего созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, прозвучал на проходившем 4—9 апреля 1917 г. в Москве чрезвычайном Пироговском врачебном съезде[6].

Временное правительство, в свою очередь, декларировало всемерную поддержку общественных организаций и обещало создать условия для использования частной инициативы в интересах общества и государства.

Всероссийскому союзу городов было предложено составление проекта нового Городового положения, призванного заменить Городовое положение 1892 г. Экономическим отделом ВСГ такой проект был составлен. Он предусматривал снижение возрастного ценза по активному и пассивному избирательному праву до 20 лет, упразднение ценза оседлости, а также распространение на города пропорциональной системы выборов. В обсуждении проекта участвовали общественные деятели С.В. Бахрушин, В.Д. Кузьмин-Караваев, Б.А. Кистяковский, М.Д. Загряцков и др.[7]

Идея использования ресурсов общественных организаций и опыта отдельных общественных деятелей в государственном строительстве активно эксплуатировалась в марте — апреле 1917 г. министрами. Так, министр просвещения А.А. Мануйлов высказывался за приобщение добровольных организаций к демократическому реформированию школьного образования. Выступая 4 апреля на учредительном собрании Московского областного отдела всероссийского учительского союза, Мануйлов призвал учительские организации к реформе управления школой на демократических принципах и выборном начале, при участии педагогического персонала, к раскрепощению школы и ликвидации довлевшего над ней «наследства старого режима»[8].

С предложением о привлечении потенциала благотворительных организаций, действовавших в сфере попечения о воинах-инвалидах и беспризорных сиротах, выступило в июне 1917 г. Министерство государственного призрения. Оно вынашивало план превращения частных обществ в несущую конструкцию системы государственного призрения в России. Роль государства должна была сводиться к осуществлению общего руководства действиями добровольных обществ и органов местного самоуправления, оказанию им необходимой финансовой и технической поддержки[9].

Временному правительству удалось в короткий срок пересмотреть правовой режим функционирования общественных организаций и собраний. Как известно, подготовленные при участии Совета министров под руководством С.Ю. Витте Временные правила о союзах 4 марта 1906 г. хотя и провозгласили явочный порядок создания обществ, данный принцип оказался декларативным, поскольку по отношению к обществам с правами юридического лица (а таковых было подавляющее большинство) действовал регистрационный режим[10]. Общества и союзы подавали заявления в губернские по делам об обществах и союзах присутствия, причем последние могли ответить отказом. Согласно Временным правилам о собраниях от 4 марта 1906 г. публичные собрания проводились с разрешения полиции и губернатора при обязательном присутствии полицейского чиновника, правомочного закрыть собрание.

В марте 1917 г. Временное правительство провозгласило свободу союзов и собраний для всех граждан независимо от сословной и национальной принадлежности (декларация 3 марта и обращение «К гражданам России» 6 марта). В заседании Временного правительства 12 апреля было утверждено Постановление о собраниях и союзах. За основу были взяты законопроекты, внесенные кадетами в Государственную думу первого и четвертого созывов. Провозглашалось право российских граждан «без особого... разрешения образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам». Общества и союзы получали право объединяться между собой, а также вступать в соглашения с образованными за границей союзами или обществами. Права юридического лица общественные организации приобретали в результате регистрации в судебных органах, порядок которой определялся особым постановлением. При-

нудительное закрытие организаций могло последовать только по решению суда, в том случае, если их деятельность противоречила уголовному законодательству[11].

До выхода в свет Постановления 12 апреля в России де-факто общественные организации создавались явочным порядком. Комиссар Временного правительства по г. Москве Н.М. Кишкин, отвечая на запросы учреждений и частных лиц, разъяснял, что вновь возникающие общества и союзы политического, просветительного, благотворительного характера и т.п., не имеющие задачей получение прибыли от ведения своих предприятий, образуются явочным порядком. Учредители таких обществ и союзов подают заявления комиссару Временного правительства по г. Москве (если их деятельность планировалось распространить на территорию г. Москвы), либо комиссару по Московской губернии (если деятельность планировалось распространить на территорию губернии)[12].

В историографии внутренней политики Временного правительства утвердился взгляд на Постановление 12 апреля о собраниях и союзах как на правовой акт, не имевший в конкретных общественно-политических условиях апреля 1917 г., при полнейшей политической свободе, существенного значения и лишь узаконивший право союзов и собраний, фактически завоеванное народом в Февральские дни и вошедшее в практику повседневной политической жизни[13]. Между тем, с точки зрения изучения законотворческой практики самодержавия, работавшего над составлением постоянно действующего закона об общественных организациях на протяжении десятка лет и так и не решившегося принять его, законодательная инициатива Временного правительства в данном вопросе имела огромное значение.

Период нахождения у власти Временного правительства стал временем возникновения большого числа общественных организаций, что ставило в практическую плоскость вопрос о порядке их регистрации. Разработка постановления о регистрации обществ и союзов осуществлялась Министерством юстиции при активном участии Министерства внутренних дел. Свидетельством понимания новой властью злободневности этого вопроса были ходатайства, направляемые в Канцелярию Временного правительства руководителями различных министерств и ведомств, с просьбой разъяснить и максимально упростить порядок утверждения уставов обществ и союзов.

Соответствующее постановление было принято Временным правительством 21 июня 1917 г. Оно устанавливало порядок регистрации обществ и союзов в окружных судах, при которых создавались специальные регистрационные отделения. Определения о внесении общества (союза) в реестр или об отказе ему в регистрации выносились окружными судами в месячный срок с момента подачи документов. Отказ в регистрации мог последовать лишь в случае, если устав не соответствовал действующим законам. Предусматривалась процедура обжалования определений окружного суда в судебную палату и в Сенат[14].

Постановления Временного правительства от 12 апреля 1917 г. и 21 июня 1917 г. явились логическим завершением законотворческой работы в области обеспечения свободы союзов, начатой в 1905 г. Данные акты установили явочный порядок открытия общественных организаций, ввели законодательные и судебные гарантии защиты права граждан на объединение и осуществление организованной самодеятельности. Законодательство Временного правительства о союзах и собраниях закономерно получило высокую оценку современников. Либеральный правовед и историк А.К. Дживелегов, подводя итог мерам Временного правительства в области обеспечения за населением прав личной и общественной свободы, утверждал, что свобода граждан защищена в России не хуже, чем в любом другом демократическом государстве[15].

Между тем период реализации либеральной концепции взаимоотношений Временного правительства с организованной общественностью оказался недолгим. Историческое

время для достижения общественного согласия и стабильности было упущено. Главная проблема публичной власти в 1917 г. состояла в том, что в условиях войны и экономического кризиса радикальный переход от жесткой административной системы самодержавия к политической системе, допускавшей представительные институты и политические свободы, оказался деструктивным фактором для модернизирующегося государственного строя. Вместе с тем общественники использовали появившиеся тогда благоприятные возможности. 1917-й год стал временем свободной самоорганизации. Общественные организации выработали рекомендации по широкому кругу государственных вопросов и внесли вклад в развитие демократической культуры российского общества.

1 *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 133—139; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Дж. Брэдли, В.Я. Гросул, О.Ю. Елина, И.В. Зубков, А.Е. Иванов, Д.И. Раскин, И.С. Розенталь, А.А. Сафонов, А.Д. Степанский, А.С. Туманова, П.П. Щербинин; отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011. С. 295—302.
2 Цит. по: О перевороте и задачах момента. Заседание Центрального военно-промышленного комитета // Русские ведомости. 1917. 9 марта.
3 См.: Вестник Временного правительства. 1917. 9 апр.
4 См. подробнее: *Туманова А.С.* Заочный юбилей: из истории противостояния и сотрудничества Вольного экономического общества и власти в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 164—183.
5 В Вольном экономическом обществе // Русские ведомости. 1917. 11 марта.
6 Вестник Временного правительства. 1917. 12 апр.
7 Там же.
8 Учительский съезд // Русские ведомости. 1917. 5 апр.
9 Вестник Временного правительства. 1917. 22 июня.
10 См. подробнее: *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века.
11 Собрание узаконений. 1917. № 98 (20 апр.), ст. 540 «О собраниях и союзах». (Далее: СУ).
12 Явочный порядок образования новых обществ и союзов // Русские ведомости. 1917. 11 апр.
13 *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 237 и др.
14 СУ. 1917. № 165 (19 июля), ст. 907 «О регистрации товариществ, обществ и союзов».
15 *Дживелегов А.К.* Права гражданина в монархии и республике. Изд. 2-е, просм. и доп. М., [1917]. С. 9.

А.А. Иванов

Конкуренты большевиков справа: Монархическая организация В.М. Пуришкевича в 1917 г.

Осенью 1917 г. планы свержения полностью дискредитировавшего себя Временного правительства вынашивали не только большевики, но и некоторые представители монархического лагеря. Еще в августе 1917 г. на базе «Общества русской государственной карты» (ОРГК), созданного в 1916 г. для выработки новых российских границ после победы над Германией и ее союзниками[1], бывший лидер Русского народного союза имени Михаила Архангела, депутат II—IV Государственной думы В.М. Пуришкевич принялся за создание офицерской организации, призванной при удобном случае перехватить бразды правления у Временного правительства, «навести порядок» и установить в стране «твердую власть». По сути, эта была новая организация, разделенная на два отдела — гражданский и военный[2] и неофициально именовавшаяся как «Комитет спасения России»[3].

В дошедшем до нас воззвании руководители организации — В.М. Пуришкевич и редактор «Исторического вестника» Б.Б. Глинский — призывали русское офицерство к объединению и созданию сплоченной силы для прекращения в стране анархии, восстановления боеспособности армии и установления после Учредительного собрания «путем соответствующих реформ тех демократических принципов, на коих в будущем должны развиваться русское государство и общественная жизнь»[4]. При этом подчеркивалось, что утвержденный еще до революции устав ОРГК может служить «звеном, которое свяжет и спаяет между собой лучших представителей офицерского состава русской армии». Передавать это воззвание вместе с уставом общества предлагалось только «лицам твердым, волевым, не способным к компромиссам со своею совестью и с чувством воинского долга»[5]. Другой инструкцией от имени Совета ОРГК поручалось привлекать в состав организации воспитанников юнкерских училищ Петрограда и его окрестностей[6].

Схема сношений между сочувствующими офицерскими группами и Главным советом ОРГК выстраивалась следующим образом: офицеры, входящие в состав дивизий всех родов оружия, должны были открывать отделы Общества, переправляя списки членов Пуришкевичу и Глинскому. Когда количество таких отделов станет достаточным для громкого заявления о себе, руководство организации обещало провести общее собрание всех членов, о котором планировалось широко оповестить через газеты[7]. Как отмечал на заседании Главного совета ОРГК Пуришкевич, к июлю 1917 г. им было роздано офицерам в Двинском и Минском районах фронта и Москве 1600 экз. этого воззвания[8].

Главнокомандующий Западным фронтом генерал А.И. Деникин вспоминал: «“Контрреволюция” явилась лишь однажды в лице В.М. Пуришкевича и его помощника, с нерусскими лицом и фамилией. Пуришкевич убеждал меня в необходимости тайной организации, формально, — на основаниях устава, — утвержденного еще до революции, — “Общества русской государственной карты”. <...> Общество ставило себе действительной целью активную борьбу с анархией, свержение советов и установление не то военной диктатуры, не то диктаторской власти Временного правительства. Пуришкевич просил содействия для привлечения в состав общества офицеров. Я ответил, что нисколько не сомневаюсь в глубоко патриотических его побуждениях, но что мне с ним не по пути. Он ушел без всякой обиды, пожелав мне успеха, и больше нам не пришлось встретиться никогда»[9]. Встречался Пуришкевич в середине августа в дни Государственного совещания в Москве и с генералом Л.Г. Корниловым, с которым конфиденциально беседовал в поезде главковерха[10]. Однако, как справедливо отмечает И.С. Розенталь, степень доверия между генералом и депутатом была явно недостаточна, чтобы посвящать друг друга в планы, которые разрабатывали обе стороны[11]. (Как признавался позже сам Пуришкевич, о попытке Корнилова взять власть он узнал, находясь в Гатчине, уже во время начавшегося путча[12].)

Конспиративная деятельность Пуришкевича, тем временем, не осталась незамеченной, да и его публичные выступления августа 1917 г. не оставляли сомнения в том, что его сочувствие в надвигавшемся конфликте отнюдь не на стороне Керенского. Поэтому, когда 28 августа Корнилов потребовал от Керенского объявить Петроград на военном положении, передать ему всю военную и гражданскую власть и отправить в отставку Временное правительство в полном составе, армейский комитет 12-й армии потребовал немедленного ареста Пуришкевича. И вскоре, арестованный на фронте, где правый политик находился со своим санитарным поездом, по распоряжению начальника контрразведки при штабе Петроградского военного округа Пу-

ришкевич был доставлен в столицу и по подозрению «в причастности к попытке восстановления старого строя»[13] заключен в «Кресты».

Пробыв три недели за решеткой, Пуришкевич, сразу же отмежевавшийся от выступления Корнилова, так и не был обвинен в каких-либо преступлениях и 20 сентября «вышел из тюрьмы чистый, как голубь»[14]. Оказавшись на свободе, энергичный политик продолжил работу над спайкой своей организации, желая при удобном случае перехватить власть у Временного правительства и заменить ее диктатурой, на смену которой в перспективе должна была явиться монархия. Секретарь ОРГК, бывший лидер петербургских академистов Н.О. Граф, так характеризовал планы своего «патрона»: «...Установление в стране твердой власти в целях победоносного окончания войны и, в дальнейшем, непременного восстановления в России монархии. Претендента на престол пока не намечалось, но, во всяком случае, о возвращении на престол Николая II не могло быть и речи»[15]. Другой участник этой организации, штабс-капитан А.Б. Душкин, вспоминал, как на одной из конспиративных встреч Пуришкевич выступил «с обстоятельной программой восстановления в России монархии», но при этом подчеркивал, что «говорить в настоящее время о восстановлении монархии открыто не приходится», так как у нее еще слишком много противников среди интеллигенции и широких слоев народа. В связи с этим лидер организации предлагал «мобилизовать все силы для сплочения государственных политических течений в одну русло в целях борьбы с “анархией”» и выступал за совместные действия между всеми организациями, стремящимися к диктатуре, включая кадетов и эсеров (организацию Б.В. Савинкова), так как монархисты слишком слабы, чтобы самостоятельно достичь успеха[16].

Сам Пуришкевич, не скрывая своих монархических взглядов, на большевистском суде категорически отрицал намерение восстановить в России монархию при помощи своей организации[17]. Но это свидетельство Пуришкевича отнюдь не противоречит показаниям его единомышленников. Являясь прагматиком, правый политик, сочувствуя монархической форме правления (но не реставрации царской власти императора Николая II), осознавал, что восстановление в ближайшем будущем монархии, пока общество все еще заражено вирусом революции, нереалистично. Поэтому даже если он и обсуждал со своими соратниками различные планы по восстановлению в России царской власти, то разговоры эти имели неконкретный характер и были нацелены на отдаленную перспективу, так как на повестке дня первоочередной задачей являлось наведение в стране порядка и удушение вышедшей из-под контроля революции. И в этом контексте действительно можно сказать, что как такового заговора по восстановлению монархии не было, хотя этой идее участники организации явно сочувствовали.

Учитывая аморфность контрреволюционной организации Пуришкевича и участие в ее собраниях случайных лиц, трудно отличить ее действительных членов от случайных посетителей за исключением тех, кто сам не скрывал своей причастности к «заговору». Среди участвовавших в этих «политических вечерах» были бывший член РНСМА и Русского собрания полковник Ф.В. Винберг, упоминавшиеся выше Н.О. Граф и штабс-капитан А.Б. Душкин, генералы Н.И. Иванов, К.И. Сербинович, А.А. Павлов, Д.И. Аничков и М.С. Комиссаров, полковник И.Д. Капустин, М.М. Пуришкевич (брат лидера организации), Б.Б. Глинский, коммерсант и домовладелец И.Д. Парфенов, а также его брат гвардейский офицер В.Д. Парфенов, штабс-ротмистр барон Н.Н. де Боде, капитан Д.В. Шатилов и другие[18].

Пока члены организации Пуришкевича обсуждали планы по водворению в России порядка, власть в стране захватили большевики. Октябрьский переворот придал импульс организации, заставив ее активных членов перейти от разговоров к делу.

«Хорошо помню, что тотчас же после большевистского переворота 25 октября в организации Пуришкевича произошел сильный раскол, — отмечал Душкин. — Часть организации, во главе с Шатиловым, куда примкнул и я, решила, что в Петрограде нам делать больше нечего и что деятельность надо перенести в другое место. Сам же Владимир Пуришкевич стоял за немедленное вооруженное выступление в самом Петрограде. Он убеждал всех, что именно в настоящий момент, когда власть Советов еще не окрепла, а власть Керенского и эсеров еще не сдалась окончательно, необходимо немедленно выступить, чтобы захватить власть в свои руки и восстановить монархию. Для этого необходимо вмешаться в борьбу против большевиков, но при победе над ними не выпустить власть из своих рук в руки кого бы то ни было и дать после этого отпор всем претендентам на власть, будь то Керенский или кто-либо другой»[19].

Известно, что уже 29 октября некоторые члены организации Пуришкевича приняли участие в провалившемся выступлении юнкеров против советской власти, организованном состоящим из эсеров и меньшевиков «Комитетом спасения родины и революции». Однако сам Пуришкевич категорически отмежевывался от участия в этой авантюре. По его словам, он потребовал приказать юнкерам, входившим в ОРГК, не подчиняться «провокационным приказаниям» полковника Г.П. Полковникова, а также Комитета спасении родины и революции и немедленно «убраться»[20]. «Если бы я руководил и одобрял движение, — подчеркивал Пуришкевич, — я был бы впереди, ибо не имею привычки идти в хвосте, а веду за собой людей. Но я понял безумность движения и провокацию подстрекавшего к нему Полковникова»[21]. И, несмотря на явное бахвальство, Пуришкевич, судя по всему, действительно не давал юнкерам, входившим в его организацию, указаний к выступлению. Как отмечал советский историк Д.Л. Голинков, опровергавший версию своих коллег Е.Н. Городецкого и А.Л. Фраймана[22] о существовании объединенной монархической и правоэсеровской контрреволюции, версия эта не была подтверждена Революционным трибуналом, как и то, что организация Пуришкевича была связана с Комитетом спасения родины и революции[23].

После провала выступления юнкеров Пуришкевич снял несколько квартир для тех из них, кто боялся быть арестованным у себя дома, а также снабжал юнкеров и некоторых офицеров, причастных к выступлению, оружием для самообороны[24]. Сам же он, кардинально изменив внешность (сбрил бороду и усы), вместе с ближайшими соратниками перебрался в гостиницу «Россия», откуда продолжал координировать действия своей организации.

Но большевики опередили Пуришкевича. Уже к началу ноября контрреволюционная организация была обнаружена благодаря показаниям попавшего в руки красногвардейцев 17-летнего прапорщика Е.В. Зелинского, когда тот пытался выкрасть бланки штаба Петроградского военного округа. После допроса в Смольном членом ВРК Н.В. Крыленко и сотрудником Следственной комиссии А.И. Тарасовым-Родионовым Зелинский во всем признался, указав на место, где скрывались Пуришкевич и его соратники. Тут же было принято решение арестовать контрреволюционную группу[25]. 4 ноября большевики нагрянули в гостиницу «Россия», провели обыск, изъяли документы и оружие и, едва не упустив, арестовали Пуришкевича[26].

Как показали на допросе Пуришкевич и барон де Боде, оружие (револьверы и пулемет) приобреталось членами организации на личные средства политика исключительно «в целях самообороны», а цианистый калий (который нашли на квартире барона) — для травли мышей[27]. Однако такие объяснения большевиков, естественно, не удовлетворили. Самой значимой находкой стало письмо к Донскому атаману А.М. Каледину, подписанное Пуришкевичем и бароном де Боде в день ареста 4 ноября 1917 г. Доверившись

слухам, что Каледин уже выступил на Воронеж, члены организации призывали его дойти до Петрограда и очистить столицу от большевиков, обещая свое содействие[28].

Однако В.М. Пуришкевичу в очередной раз повезло. Поскольку его дело стало одним из первых политических процессов советской власти, большевики решили судить его публично и показательно, желая, видимо, тем самым продемонстрировать обществу свою «объективность» и «гуманность». Ведь спустя несколько месяцев, когда большевиками в качестве государственной политики был провозглашен «красный террор», без суда и следствия стали расстреливать и за гораздо меньшие проступки, нежели контрреволюционные заговоры.

Судебное разбирательство по делу о «монархическом заговоре» Пуришкевича проходило с 28 декабря 1917 по 3 января 1918 г. и протекало в условиях полной гласности. Подсудимым предоставили защиту (защитниками Пуришкевича стали известные русские адвокаты отец и сын Бобрищевы-Пушкины) и допустили на суд прессу. В качестве первоначального обвинения Пуришкевичу инкриминировалось создание «офицерско-юнкерской организации, поставившей целью путем вооруженного контрреволюционного выступления захватить власть и восстановить в России монархический образ правления»[29]. Пуришкевич и его адвокаты сделали ставку на то, что никакого монархического заговора не существовало и существовать не могло, а была лишь группа единомышленников, собиравшаяся для бесед на политические темы. Своего монархического *credo* Пуришкевич от большевистских судей не скрывал, но указывал на идеалистичность своего чувства и невозможность его практического воплощения в сложившихся условиях. «Но за кого я могу теперь бороться, за бывшего монарха, чтобы все началось сначала? За больного наследника, за которым стоит та женщина, которую я ненавижу больше чем кого-либо? За Михаила? Но он сказал, что согласится занять престол лишь в случае соответствующего проявления воли народной», — объяснял Пуришкевич на суде бесперспективность восстановления монархии[30]. Целью своей группы политик назвал не восстановление монархии, а предотвращение анархии. К тому же, не без оснований указывал Пуришкевич, до тех пор, пока не будет собрано Учредительное собрание, нельзя говорить о наличии в стране какой-либо народной власти, а раз так, то не может быть и никакого заговора против нее[31]. В своем заключительном слове правый политик обвинил большевиков в том, что именно они являются заговорщиками, захватившими в стране власть, а отнюдь не их противники: «Заговорщики — вы. Контрреволюционеры — вы, ибо в тюрьмы сажаете всех истинных защитников революции. А мы говорим, что по открытии Учр[едительного] собр[ания], даже если оно вас облечет властью, — мы подчинимся. И если бы тогда кто-либо не подчинился, он был бы истинным заговорщиком, заслуживающим кары»[32].

Однако, несмотря ни на что, приговор оказался довольно-таки мягким. После четырехчасового совещания суд пришел к заключению, что «организация, возглавляемая В.М. Пуришкевичем, существовала, но не ставила своей непосредственной целью восстановление монархии. Однако, как контрреволюционная организация представляла большую опасность, так как могла вызвать кровопролитие»[33]. Ввиду этого, трибунал приговорил Пуришкевича как руководителя и вдохновителя организации к четырем годам принудительных общественных работ, а остальных фигурантов к срокам от трех лет заключения до нескольких месяцев условного наказания. Двух юнцов — членов организации и вовсе отпустили на поруки родных. Однако и для приговоренных к тюрьме срок в значительной степени также был условным — приговор Пуришкевичу, например, предполагал тюремное заключение лишь в течение одного года с последующим освобождением и полной отменой наказания, если в течение года политик не будет замечен в «активной контрреволюционной деятельности»[34].

Вместе с тем, приговор весьма удивил подсудимых. «Никогда в жизни не был в таком глупом и смешном положении, — замечал на страницах тюремного дневника Ф.В. Винберг. — Приговором Революционного трибунала я присужден к трем годам тюрьмы и к принудительным работам за участие в монархическом заговоре Пуришкевича, а между тем самим судом в приговоре своем признано, что никакого заговора не было. Таким образом, дело сводится к тому, что я присужден к тяжелому и долгому лишению свободы за преступление, которого, по собственного признанию суда, не было, но могло бы быть при благоприятных обстоятельствах. Думаю, что ни в одном правовом государстве ни один суд никогда не выносил более бессмысленного решения»[35]. К тому же всем было очевидно, что процесс над организацией Пуришкевича был осуществлен точно такими же, но более удачливыми заговорщиками из противоположного лагеря, только что захватившими власть в стране путем вооруженного восстания.

Но горе побежденным, и период с ноября 1917 по конец апреля 1918 г. В.М. Пуришкевичу пришлось провести в заточении — сначала в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, а затем в «Крестах». Впрочем, полностью отсидеть положенный тюремный срок правому политику не пришлось — 1 мая 1918 г. он попал под амнистию, объявленную по случаю пролетарского праздника. А на свободе он оказался еще раньше — 17 апреля было принято решение отпустить Пуришкевича для ухода за больным сыном[36]. Однако его последующая антисоветская деятельность заставила большевиков вскоре пожалеть об амнистии, вызванной, по словам Тарасова-Родионова, «порывом первичного слабосердечия»[37]. Как сетовал спустя десять лет один из организаторов ВЧК Я.Х. Петерс, виноватыми в этом «слабосердечии» были левые эсеры и, в частности, принадлежавший к ним наркомюст И.З. Штейнберг. Но после того как в июле 1918 г. левоэсеровский мятеж был подавлен, вспоминал Петерс, ВЧК «могла развернуть свою работу по настоящему, по-большевистски»[38]. Но к счастью для Пуришкевича, к этому времени он был уже за пределами досягаемости чекистов.

1 См.: *Иванов А.А.* В.М. Пуришкевич и «Общество русской государственной карты» // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1 (5). С. 158—163.
2 Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 1695. Оп. 4. Д. 24. Л. 101.
3 Там же. Л. 65, 101.
4 Там же. Л. 30.
5 Там же.
6 Там же. Л. 38.
7 Там же. Л. 30—31.
8 Там же. Л. 101.
9 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 1. С. 486.
10 *Миллер В.И., Юрченко В.В.* Корнилов Лавр Георгиевич // Политические деятели России. 1917: биогр. словарь. М., 1993. С. 166.
11 *Розенталь И.С.* Пуришкевич — известный и неизвестный: (к вопросу об эволюции правого радикализма в России) // Проблемы политической и экономической истории России: сб. ст. к 60-летию проф. В.В. Журавлева. М., 1998. С. 295.
12 «27-го февраля мы могли стать гражданами...»: тюремные записи В.М. Пуришкевича, декабрь 1917 — март 1918 г. / публ. И.С. Розенталь // Исторический архив. 1996. № 5/6. С. 131.
13 ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 4. Д. 24. Л. 63, 68.
14 *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 148.
15 Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 175.
16 Там же. С. 179.
17 Там же. С. 171.
18 *Винберг Ф.В.* В плену у «обезьян»: (записки «контрреволюционера») // Верная гвардия: русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 68; Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича. С. 180.
19 Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича. С. 181.
20 Там же. С. 172.

[21] «27-го февраля мы могли стать гражданами...». С. 132.
[22] *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства, 1917—1918 гг. [М., 1965]; *Фрайман А.Л.* Форпост социалистической революции. Петроград в первые месяцы Советской власти. Л., 1969.
[23] *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. 3-е изд., доп. М., 1980. Кн. 1. С. 99.
[24] «27-го февраля мы могли стать гражданами...». С. 132.
[25] *Голинков Д.Л.* Указ. соч. Кн. 1. С. 94.
[26] Новая жизнь. 1917. 7 (20) нояб.; 11 (24) нояб.
[27] Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича. С. 171, 173.
[28] Там же. С. 170.
[29] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 277. Л. 2.
[30] Новая жизнь. 1918. 5 (18) янв.
[31] «27-го февраля мы могли стать гражданами...». С. 133.
[32] Новая жизнь. 1918. 5 (18) янв.
[33] Там же.
[34] ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 277. Л. 6.
[35] *Винберг Ф.В.* Указ. соч. С. 121—122.
[36] ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 277. Л. 43—44 об.
[37] *Тарасов-Родионов А.И.* Классическое и классовое // На посту. 1923. № 2/3. С. 70.
[38] Комсомольская правда. 1927. 16 дек.

Н.Б. Хайлова

Либералы-центристы в 1917 г.: реальные политики или утописты?

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи, вызывал споры еще в начале XX в. Не утративший актуальности спустя столетие, он вряд ли имеет однозначный ответ. К Февралю 1917 года «лицом» либерального центризма[1] являлась, прежде всего, фракция прогрессистов в 4-й Государственной думе. Долгожданная революция не застала их врасплох. Члены фракции участвовали во всех ее знаковых событиях. Мобилизованные из их числа комиссары Временного комитета Государственной думы и Временного правительства выполняли возложенные на них обязанности в различных местностях России, а также на театре военных действий[2]. Из 33 прогрессистов, состоявших в одноименной думской фракции к февралю 1917 г. активную позицию в революции занимали, по крайней мере, 26 человек.

Характеризуя либералов-центристов в 1917 г., следует признать, что для их идентификации в тот период явно недостаточно лишь одного, формального, «маркера» — принадлежности к упомянутой фракции. «Размытость» границ «справа» и «слева», изначально отличавшая интересующую нас когорту деятелей, стала еще более очевидной в условиях интенсивной перегруппировки партийных сил после февральско-мартовского «обрушения» прежних правил «политической игры». Стремясь и в новых условиях сохранять определенное организационное единство, соратники Ефремова в ситуации фактически «исчезнувшей» Государственной думы нашли для себя нишу в изменившейся конфигурации партийного пространства. Думская фракция почти в полном составе[3] влилась в ряды Российской радикально-демократической партии (РРДП)[4].

Формально не связанной с радикал-демократами, однако близкой им по взглядам являлась целая плеяда достаточно «разношерстных» деятелей. Среди них — как сохранявшие членство в своих партиях кадеты и «умеренные социалисты», так и «беспартийные прогрессисты». Некоторые из числа последних предпочитали, как и

прежде, не присоединять к своему имени какой бы то ни было «ярлык», другие же, приобщившись в тот или иной период к партийной жизни, не придавали особого значения формальной стороне своего членства. Показателен в этом смысле пример «патриархов» либерального центризма — лидеров ПДР, ПМО, членов ЦК Партии прогрессистов в 1912—1913 гг. (К.К. Арсеньев, К.П. Боклевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, А.С. Посников, Д.В. Стасов, кн. С.Д. Урусов, кн. Г.Е. Львов, Н.Н. Львов, М.А. Стахович, С.Н. Третьяков, С.Н. Четвериков и др.). Все они оставили заметный след в «летописи» 1917 года как государственные и общественные деятели, публицисты.

Отвечая на «нападки» кадетского руководства в свой адрес, лидеры РРДП разъясняли, что возникновение их партии — не результат «индивидуализма, прихоти группки лиц, не нашедших себе места в кадетской партии», а стремление заполнить очевидный «пробел» в российской многопартийности — отсутствие «сильной демократической партии левее кадет», которая, не будучи враждебной социализму и последовательно поддерживая необходимые на пути к нему реформы, твердо стояла бы на реальной почве. Подтверждением «жизненности» своей стратегии лидеры РРДП считали образование на российских просторах значительного числа («независимо одна от другой») радикально-демократических групп. Кроме того, по их мнению, острую потребность в подобного рода партии выявил июльский кризис. Не раз подчеркивалась решающая роль «первых лиц» РРДП (Ефремов, Барышников, М.А. Славинский) в его преодолении: «Выступление Радикально-демократической партии спасло коалицию и заставило самих кадетов отказаться от их утопической, основанной на полном непонимании масс, обструкционной тактики, которая могла бы привести только к полному развалу»[5].

Это событие трактовалось еще и как дебют РРДП в роли общероссийской политической силы, символизировавшей консолидацию «защитников приобретений революции» в лице «трудовой демократии» («многомиллионное крестьянство, ремесленники, мелкие и средние торговцы, служащие различных учреждений и трудовая интеллигенция», фабрично-заводской пролетариат), а также «умеренно настроенных» кругов казачества[6] и офицерства[7], демократических национальных организаций[8]. Выделяя среди своих союзников мелкобуржуазные слои («низы буржуазии, непосредственно соприкасающиеся с пролетариатом»), РРДП не спешила выносить «за рамки» демократии крупную буржуазию. Идеологи партии были убеждены: «Классовому раздражению и классовой политике, — слева и справа, — теперь не может быть места. Только совместные усилия всех классов в состоянии спасти Россию»[9]. Радикал-демократы отмечали предпосылки «движения» в этом направлении[10].

РРДП вошла в «пятерку» наиболее заметных политических сил (наряду с эсерами, социал-демократами, народными социалистами и кадетами). В короткий срок она развила интенсивную деятельность: создала собственную типографско-издательскую базу[11], организовала выпуск партийной прессы[12]. Отделения партии возникли в ряде городов, в том числе Москве[13], Киеве, Одессе, Кунгуре, Перми, Ярославле, Могилеве, Минске, Ташкенте, Ялте, Архангельске, Рогачеве, Лубнах (в последних пяти радикал-демократы были представлены в органах местного самоуправления). РРДП организовала широкую агитационную компанию, участвуя в столичных выборах[14]: в конце мая — начале июня — в районные думы (прошли 4 радикал-демократа), в августе — в Петроградскую городскую думу (кандидаты партии потерпели поражение). Заметным было представительство РРДП во Временном правительстве и его структурах, ряде министерств[15].

РРДП фактически заняла «срединную» позицию между кадетами и социалистами[16]. Данное обстоятельство не препятствует трактовке РРДП как своего рода «конечного пункта» в развитии центристского течения в русском либерализме. Более

«революционное» (в соответствии с «духом времени») самоназвание («*радикал*-демократы»), по сути, ничего не меняет, поскольку, согласно представлениям начала XX в., радикализм не противоречил либерализму. К тому же для либералов-центристов (как и вообще для многих русских либералов) не существовало непроходимой грани между либерализмом, социализмом, демократией. Преемственность РРДП с либералами-центристами (прогрессистами) предшествующего периода прослеживается как на уровне личного состава, так и в программно-тактических взглядах.

Образование РРДП свидетельствовало о том, что и в 1917 г. в общественно-политической жизни по-прежнему оставался актуальным запрос на «здравый смысл» в том его понимании, которое предлагали обществу и власти либералы-центристы с самого начала XX столетия. Их отличало сочетание усиленного стремления к политической свободе, обеспечению правового порядка с не менее глубокой и настойчивой проповедью коренных социальных реформ «в интересах широких слоев городской и сельской демократии». Защита интересов личности была для них неотделима от заботы об «общем благе», а особый акцент на развитии местного самоуправления, отстаивание права народов на самоопределение — от идеи укрепления государственности.

В послефевральской России, как и прежде, либералы-центристы и их соратники полагали основным свойством подлинно демократической политики «прямоту и честность в приемах борьбы и уважение закона». «Демократизм есть не только политическая и экономическая, но и этическая проблема», — заявляла редакция «Отечества»[17]. Отказ от демагогических приемов провозглашался «первым основным условием оздоровления российской демократии»[18].

Для всех «поколений» идеологов либерального центризма был характерен настрой на постепенные преобразования, «мирное обновление». И хотя к 1917 г. тактические взгляды прогрессистов претерпели известную радикализацию, однако по-прежнему в сознании их идеологов превалировали ценности общественной солидарности, горячее сочувствие идее коалиции («основному началу русской революции»).

Одним из проявлений данного «тренда» являлась поддержка РРДП (не только на словах, но и на деле) профессионально-политических объединительных тенденций в среде демократии[19]. По мнению идеологов РРДП, мощным консолидирующим потенциалом обладали и культурно-просветительные организации[20]. Радикал-демократы, принимавшие участие в их деятельности (в качестве лекторов, авторов популярных изданий), оценивали эту работу как залог укрепления в общественном сознании идеи необходимости «общенационального солидарного творчества», способ нейтрализовать влияние «анархо-большевистской демагогии» и обеспечить в перспективе успех социальных реформ.

Лидеры РРДП поддерживали избранную Временным правительством стратегию (и в определенной степени способствовали этому) — идти по «среднему пути», искать «равнодействующую» сил, участвующих в «государственном творчестве новой России», и, таким образом, добиваться консолидации власти и общества, создавать «фундамент для общенациональной работы». Радикал-демократы и их сподвижники были убеждены: подобного рода политика, ориентированная на поиск «честного и добросовестного компромисса» между различными политическими течениями, адекватно отражала настроения «здравомыслящего» большинства в стране, а потому имела реальные шансы «сдвинуть вперед провалившуюся колымагу России».

В связи с отсрочкой созыва Учредительного собрания руководство РРДП считало целесообразными инициативы правительства по созыву Государственного совещания («нового Земского собора»), а затем — Временного Совета Российской Респуб-

лики (Предпарламента), поскольку «никакая власть в свободной стране не может держаться без опоры в общественном мнении»[21]. РРДП была представлена в Предпарламенте лидерами (Рузский, Славинский, В.С. Познер), однако рассчитывала образовать там самостоятельную фракцию из сторонников, которые, по ее расчетам, могли примкнуть к партии. С осторожным оптимизмом радикал-демократы оценивали и перспективы формирования в новом органе «блока государственно-оборонически настроенных партий и фракций», своего рода «центра» (по их расчетам, около 100 человек), способного определять исход голосования. «Превратить коалицию в правительстве в коалицию членов Совета Российской республики и при помощи этой второй коалиции создать коалицию в стране, которая позаботилась бы о воссоздании государственности», — провозглашал Славинский с трибуны Предпарламента главную задачу делегатов собрания.

Размышляя над вопросом о том, почему «коалиция явно у нас не вытанцовывается», лидеры РРДП указывали на ряд «внутренних, органичных пороков», присущих этой политической «конструкции». Определенную долю ответственности они возлагали на кадетов, руководство которых, по мнению радикал-демократов, толковало идею коалиции «слишком узко и доктринерски», необоснованно претендовало на исключительное положение среди других ее участников[22]. Дееспособность коалиции ставили «под удар» и социалистические партии, имевшие своих представителей в правительстве (эсеры, меньшевики), однако «до последнего» не проявлявшие должной решимости в отмежевании от «циммервальдизма, пораженчества и большевизма».

Идеологи РРДП с самого начала обращали внимание на отсутствие у Временного правительства адекватной программы преобразований. Партия предложила свой взгляд на решение ключевых проблем. Будучи солидарны с другими участниками демократического лагеря в подходе к политическим преобразованиям («от деспотизма — к народоправству»), радикал-демократы заняли особую позицию в социально-экономических дебатах. Предупреждая об опасности «затемнения» главного — земельного — вопроса партийной идеологией (особенно в бытность министром земледелия лидера Партии социалистов-революционеров В.М. Чернова), деятели РРДП считали «крайне важным» признание следующих принципов: «земельная собственность в пределах трудового пользования неприкосновенна; земля, выделенная из общины и устроенная, не может быть против воли владельца вновь возвращена в общину; земля (для образования особого государственного земельного фонда с целью обеспечения интересов малоземельного земледельческого населения. — *Н.Х.)*, как правило, отчуждается возмездно»[23].

Что касается промышленности, то вывод партийных идеологов сводился к следующему: государство должно оставить за собой лишь роль регулятора и контролера и выпустить из-под пресса огульного недоверия частнохозяйственную инициативу, которая станет исходной точкой для демократизации социально-экономических отношений[24]. Данная установка сочеталась во взглядах деятелей РРДП с поддержкой «общественного торгово-промышленного творчества», идеей «муниципального социализма» («перехода в собственность и распоряжение самоуправления всех главнейших общеполезных предприятий»)[25].

Исключительное внимание РРДП уделяла проблемам национально-государственного строительства. По мнению идеологов партии, социалистическая мысль в увлечении «моментом классовой розни» неохотно занималась «элементами солидаризма», вследствие чего недооценила «инстинкт национальности». Признание «творческой миссии национальной идеи» радикал-демократы считали необходимым усло-

вием мирного урегулирования национального вопроса. Сторонники федеративного устройства государства, они обозначили в своей программе различные варианты реализации народами права на самоопределение в составе единой России. Н.И. Коробка разъяснял, что в сложившейся ситуации создание автономных областей является не «распылением», а напротив, «собиранием распылившихся уже элементов в крупные единицы»[26]. «Свободная Россия может быть только децентрализованной», — провозглашал М.А. Славинский, возглавивший Особое совещание по разработке областной реформы, образованное при Временном правительстве 10 июля. В то же время партия осуждала «детскую болезнь национальных движений» (своего рода «большевизм», выражавшийся в «стремлении быть левее самого левого»), подчеркивала, что «интересы демократии не в узконациональной ориентации, а в согласии с широким государственным коллективом»[27]. На страницах «Отечества» были представлены материалы, посвященные украинскому вопросу, проектам белорусской автономии, «федерации казачьего юго-востока России», обеспечению интересов Сибири (путем делегирования сибирскому законодательному органу прав по решению региональных вопросов) и т.д.

Анализируя причины, препятствовавшие «положительному творчеству революции», радикал-демократы особо отмечали роковую роль войны в судьбе России. «Война породила революцию, и она может задушить собственное детище», — выступала с пророчеством редакция «Отечества» [28]. В середине сентября РРДП приветствовала в деятельности министерства иностранных дел признаки поворота в сторону «защиты здраво-понятых национальных интересов» России. Ефремов, получивший 25 сентября назначение чрезвычайным посланником и полномочным представителем Временного правительства в Швейцарии, в интервью по этому поводу заявлял о намерении способствовать успеху этого внешнеполитического курса, используя собственные обширные связи в кругах мировой политической элиты, а также опыт личного участия в урегулировании международных конфликтов[29].

Идеологи РРДП также обращали внимание на вынужденную обстоятельствами ситуацию. С самого начала Временному правительству пришлось решать всеобъемлющий комплекс многочисленных задач внутренней и внешней политики, причем одновременно с процессом организации новой власти в центре и на местах, к тому же в ситуации разгула демагогии («злого гения нашей революционной демократии»), «семена» которой дали буйные всходы на «почве» фактически поголовного бескультурья, отсутствия гражданского и политического воспитания в народных массах. «Такого испытания не выдержала бы и самая сильная власть с самой совершенной организацией... Нужны какие-то неимоверные усилия коллективной общественной мысли, какое-то исключительное напряжение народной энергии, чтобы вырваться из того тупика, в который страна зашла», — констатировали радикал-демократы[30].

В начале октября Н.И. Коробка в поисках ответа на вопрос «где же выход?» не исключал того, что, «быть может, его уже и нет». Вместе с тем, он призывал своих единомышленников быть готовыми «что-то создавать из обломков разбитого корабля, чтобы направить курс спасательных лодок и плотов». Но сначала, подчеркивал радикал-демократ, следовало осознать «причины болезни» («дать себе отчет в том, что именно привело наш большой старый корабль, столько столетий плававший по бурным морским волнам, к настоящей катастрофе»). Он отвергал расхожие мнения на этот счет — «все взваливать на прежнего капитана, на старый режим», а также на «некультурность русского народа». Главную ответственность Н.И. Коробка возлагал на «русскую социалистическую интеллигенцию», «непростительные ошибки» которой сводились к «систематическому попиранию той истины, которая является ос-

новой марксизма, — идеи закономерности исторического процесса». «Для работы в России есть один здоровый путь — постепенновский», — выражал автор мнение радикал-демократов и их сторонников. «Несомненно, и в интересах государства, и в интересах народных масс, и в интересах самого социализма в России нужна была методическая работа культурного воспитания масс и постепенного завоевания политической и гражданской свободы. Но этот путь, несомненно, очень трудный и тернистый при политических условиях старой России, требовал выдержки, упорства в борьбе и был не эффективен. И это решило его судьбу», — заключал Н.И. Коробка[31].

Несмотря ни на что лидеры РРДП не теряли оптимизма, просто потому, что не видели для России другого выхода, кроме «движения» ее в сторону демократического правового государства с республиканской формой правления и «автономно-федеративным строем». Реализуя свою «линию» в ситуации господства «лихого максимализма», радикал-демократы рассчитывали все же на то, что жизнь в конце концов расставит все по своим местам. Их путеводной звездой, наряду со «здравым смыслом», являлись опыт и идеи зарубежных деятелей, «родственных» им по взглядам. Это, прежде всего, англичане — члены фабианских обществ (сторонники «социализма без доктрины») и кооператоры, шведский социолог и экономист Густав Стеффен, лидеры французской Радикально-социалистической партии, «независимые итальянские социалисты, германские демократические партии»[32].

Очевидно, что либералы-центристы «образца» 1917 г. и их соратники по РРДП представляли собой особую когорту среди деятелей той эпохи. С социалистами их объединяла лишь уверенность в том, что «будущее — удел социализма» (кн. В.М. Голицын). Однако на вопросы о путях и средствах достижения цели они отвечали по-разному. Лидеры «центристов» являлись «ретрансляторами» взглядов и настроений, достаточно распространенных в России в 1917 г. Держа руку «на пульсе», они улавливали в ожиданиях страны то, что «упустили из виду» представители крайних течений «революционной демократии». Многообразный опыт непосредственного участия в событиях революции подтверждал их убежденность в необходимости соотношения желаемого с действительностью. В то же время собственная социальная теория, «конструируемая» ими на основе практики, нередко давала «сбои», сталкиваясь с логикой событий. Вместе с тем, очевидно, что общий вектор их усилий соответствовал дóлжному (с учетом долговременной перспективы) направлению развития страны. На наш взгляд, мысль о том, что «любая социальная теория является утопической»[33], вполне приложима к ситуации в России в 1917 г. Признание этого, однако, не мешает предположить, что бóльшими реалистами тогда были вовсе не кадеты и известные социалистические партии, а именно лидеры бывших думских прогрессистов, их соратники — радикал-демократы и другие деятели, проявлявшие свою активность в том же идейном «русле». В этой связи факт политического банкротства последних в 1917 г. вовсе не «перечеркивает» ценность их опыта.

1 Первые опыты партийной организации либералов-центристов — это Партии демократических реформ (ПДР) и мирного обновления (ПМО). Заняв на карте зарождавшейся многопартийности в 1905—1907 гг. промежуточное положение между кадетами и октябристами, они обозначили своего рода «центр центра». «Вехой» в эволюции либерального центризма стало учреждение в 1912 г. Партии прогрессистов. Однако еще раньше, с конца 1907 г., в 3-й Думе начала «набирать обороты» одноименная фракция во главе с И.Н. Ефремовым, бывшим «мирнообновленцем». В 4-й Думе фракция (во главе с прежним лидером) продолжала вести собственную «линию», подтверждая «тройственность» отечественного либерализма.

2 Бубликов, Я.Ю. Гольдман, М.М. Долгат, И.П. Залит, Е.Г. Колбинцев, И.В. Кривоногов, Ф.И. Лошкейт, А.П. Мельгунов, А.И. Новиков, А.И. Чистов, Ефремов, А.М. Масленников, С.П. Мансырев и др.

[3] Масленников заявлял о себе как «единственном члене прогрессивной группы, который не вошел в Радикально-демократическую партию» (Отечество. 1917. 20 июля (№ 4)).

[4] Учредительное собрание РРДП состоялось в Петрограде 11 марта 1917 г. Лидерами партии стали Ефремов и Д.П. Рузский (1869—1937), профессор столичных институтов (Политехнического и Путей сообщения), старший инженер городской канализационной комиссии, «один из лучших в Европе знатоков канализационно-водопроводного дела» (Там же. 19 авг. (№ 30)).

[5] Там же. 27 авг. (№ 37).

[6] Находясь в 1917 г. в стадии становления и не имея возможности опереться на «радикальную демократию» в стране (которая также только приступила тогда к организационному оформлению), РРДП стремилась установить контакты с близкими ей объединениями, в частности, наиболее значимыми казачьими организациями (Совет Союза всех казачьих войск и др.). Важную роль в этом играл «коренной донской казак» Ефремов.

[7] Отдавая «должную дань доблести офицерства», радикал-демократы призывали «смотреть на офицера с точки зрения реальных фактов, а не сквозь призму Приказа № 1 и ему подобных документов» (Отечество. 1917. 23 авг. (№ 33)).

[8] РРДП поддерживала тесные контакты с Комитетами национально-демократических организаций — Украинской и Латышской. На выборах в Петроградскую городскую думу они выставили единый список кандидатов.

[9] Отечество. 1917. 5 авг. (№ 18).

[10] Так, партийные идеологи обращали внимание на зарождение зачатков «промышленной демократии», то есть «профессионально-сорганизовавшихся промышленного и рабочего классов, нашедших общий язык и согласовавшихся на деловой почве» (Там же. 19 авг. (№ 30)).

[11] Лидер РРДП Д.П. Рузский являлся владельцем типографии (Петроград, Вознесенский пр-т, 53), которая перешла в собственность акционерного общества «Свободная страна», учрежденного 19 июля (члены правления — И.В. Титов (пред.), Д.П. Рузский, М.А. Славинский, Н.И. Коробка). На базе издательства «Отечество» (Петроград, Сергиевская, 57) РРДП организовала выпуск общественно-политических брошюр («народные издания», «для интеллигентных читателей»). Партия располагала также книжным складом «Разум».

[12] Центральный орган РРДП — ежедневная газета «Отечество» (Петроград, июль — октябрь 1917 г., редактор-издатель — И.В. Титов (с № 21— издатель: АО «Свободная страна», в лице И.В. Титова; с № 29 — редактор Н.М. Соколов). Местные органы РРДП издавали газеты: «Свободное слово» (Москва), «Ярославская мысль», «Южная мысль» (Одесса), «Туркестанский курьер» (Ташкент).

[13] В начале октября Московский городской комитет РРДП, «вступив в организационную связь с ближайшими городами центра России», был переименован в областной (Отечество. 1917. 8 окт. (№ 71)).

[14] См.: Центр социально-политической истории. Коллекция листовок. Лис. Я3/1917 («Российская радикально-демократическая партия»).

[15] И.Н. Ефремов, А.А. Барышников, Н.В. Некрасов, К.Г. Голубков, М.В. Бернацкий, Э.Г. Гинзберг, М.И. Гродзицкий, Я.Ю. Гольдман, П.Т. Ковальский, Г.Я. Гольдберг, К.И. Билинский, А.Н. Фролов, Н.В. Каптерев и др.

[16] Деятели РРДП признавали, что близкие им позиции («сочетание радикализма с демократизмом») занимали тогда только две политические организации. Это — социал-демократическая группа «Единство» во главе с Г.В. Плехановым, а также Трудовая народно-социалистическая партия (пред. В.А. Мякотин). В то же время радикал-демократы обращали внимание на груз «наследий», сковывавших соратников: группа «Единство», приверженная марксистской догме, оставалась «классовой партией пролетариата», а энесов заставляли оглядываться на эсеров «народнические традиции» (Отечество. 19 авг. (№ 30)).

[17] Там же. 8 сент. (№ 46).

[18] Там же. 12 авг. (№ 24).

[19] Так, одним из центральных событий съезда Всероссийского крестьянского союза в начале августа 1917 г. стал доклад члена РРДП А.А. Евдокимова по организационному вопросу, а сам оратор предложил съезду «набросок общих контуров Устава Союза» (Там же. 18 авг. (№ 29)). На Государственном совещании в Москве была оглашена резолюция объединенных Советов депутатов трудовой интеллигенции, принятая по инициативе радикал-демократа А.Е. Маковецкого (Там же. 27 авг. (№ 37)).Члены РРДП (А.А. Барышников, А.Г. Лапшин, В.А. Серебренников, И.В. Титов, Ф.Ф. Фидлер и др.) участвовали в деятельности Совета съездов мелкой и средней промышленности, Петроградского комитета торговли, в том числе входили в состав руководства этих организаций.

[20] Редакция «Отечества» считала показательным столичный опыт: в начале сентября 1917 г. число рабочих клубов в Петрограде и его окрестностях превышало 70, «с количеством членов в 60 тыс.», был создан «общий межклубный центр», а также общегородская просветительная организация молодежи «Труд и Свет». Приметой времени РРДП считала общероссийскую по масштабу работу «на ниве просвещения» «Союза солдат-республиканцев» (Там же. 9 авг. (№ 21); 13 сент. (№ 50)).

[21] Там же. 27 сент. (№ 62).

[22] Отмечая большие заслуги Конституционно-демократической партии в прошлом, наличие в ней «крупных культурных сил», радикал-демократы утверждали, что «и после революции она не мог-

ла отрешиться от своих старых грехов — пренебрежения к демократии, от централизма, партийного доктринерства. Усиленная притоком элементов справа, партия заняла глубоко ошибочную позицию политической организации, ведущей борьбу за власть во имя идеалов, не встречающих сочувствия в демократических слоях населения, всячески противящейся коалиционной правительственной работе» (Там же. 27 авг. (№ 37)).

23 Там же. 16 июля (№ 1).

24 Там же. 25 июля (№ 8).

25 Там же. 27 июля (№ 10); Центр социально-политической истории. Коллекция листовок. Лис. Я3/1917 г. («К выборам в городское самоуправление»).

26 Отечество. 1917. 16 июля (№ 1).

27 Там же. 7 сент. (№ 45).

28 Там же. 17 авг. (№ 28).

29 Там же. 16 сент. (№ 53); 24 сент. (№ 60).

30 Там же. 25 июля (№ 8); 26 авг. (№ 36).

31 Там же. 6 окт. (№ 69).

32 Там же. 27 июля (№ 10); 8 окт. (№ 71), 15 окт. (№ 77).

33 *Кумар К.* Марксизм и утопия // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 130.

В.В. Шелохаев

Либералы и социалисты: сотрудничество и противостояние

Данная проблема своими корнями уходит в предреволюционную эпоху. Еще на стадии генезиса либеральных и социалистических протопартийных структур, а затем и формирования партий, возник вопрос, с одной стороны, о гипотетически возможных параметрах совместных действий в борьбе с их общим политическим противником — самодержавным режимом, а с другой — о диапазоне идеологических расхождений между ними по проблемам будущей модернизации России[1].

Февральская революция 1917 года сняла вопрос о поверженном общем политическим противнике. Однако вторая часть проблемы — моделирование будущего страны — не только не была снята, но еще более обострилась. Это было обусловлено тем, что Февральская революция привела к коренному изменению политического ландшафта в стране, к переформатированию партийного пространства[2]. В этих новых условиях осмысления изменившейся реальности наметились и новые конфигурации взаимоотношений либералов и социалистов.

За последние годы в научный оборот введен огромный массив источников по истории российских политических партий[3]. На их базе созданы инновационные труды как индивидуального, так и коллективного характера[4]. Это позволяет по-новому осмыслить и проблему взаимоотношения либералов и социалистов в 1917 г. Учитывая, что тема заслуживает не одного монографического исследования, в данной статье ограничусь рассмотрением взаимоотношений либералов и социалистов по вопросу понимания ими ролевых функций и политики Временного правительства.

Оселком определения общей основы взаимоотношений либералов и социалистов являлись их совпадающие оценки Февральской революции. Теоретики либерализма и теоретики умеренного социализма считали ее «общенациональной» и «демократической». Однако при этом кадетские теоретики и политики мыслили Февральскую

революцию в качестве завершающего цикла западноевропейских буржуазных революций, создающих предпосылки и условия для дальнейшей мирной трансформации страны в демократическом русле. В принципе соглашаясь с такой либеральной трактовкой Февральской революции, теоретики умеренного социализма, тем не менее, считали, что она в перспективе должна открыть для России путь к эволюционному переходу от «демократического капитализма» к «демократическому социализму». Так как к такому переходу страна еще «не созрела», то, по их мнению, следует способствовать развитию и укреплению демократических институтов и структур, развивать в русле такого восприятия и массовое политическое сознание. Именно эта совпадающая теоретическая позиция и являлась основой для политического сотрудничества между либералами и умеренными социалистами в 1917 г. Разумеется, что такое совпадение оценок Февральской революции еще не означало, что между либералами и умеренными социалистами вообще не было никаких противоречий, обусловленных их различным пониманием дальнейших перспектив развития страны.

Уже во время переговоров о формирования первого состава Временного правительства между членами Временного комитета Государственной думы и представителями социалистической оппозиции, приступившими к формированию Совета рабочих и солдатских депутатов, выявились определенные разногласия. Так, кадеты в своем воззвании «К гражданам», опубликованном в газете «Известия» 2 марта 1917 г., призывали «довериться» новой власти и дать ей возможность «совершить великое дело освобождения России от врага внешнего и водворения в стране мира внутреннего, основанного на началах права, равенства и свободы». Воззвание рекомендовало гражданам забыть «различия партий, классов, сословий и национальностей» и свободно «выявлять свои взгляды и добиваться осуществления своих желаний». Главный лозунг дня, подчеркивалось в воззвании, — это «организация и единство»: «организация и единство для победы под внешним врагом, организация и единство в строительстве внутреннем». По сути, под этим воззванием могли поставить свою подпись многие лидеры умеренного социализма, которые, будучи сторонниками объединения и мобилизации «всех живых сил страны», считали важным сформировать такую систему демократических массовых организаций, которые могли бы осуществлять контроль над Временным правительством, а случае необходимости оказывать на него давление.

Дело в том, что руководство кадетской партии и не скрывало, что оно ставит перед собой задачу перехватить инициативу у социалистов в деле организации власти в центре и на местах. По сути, ему это удалось сделать в ходе формирования первого состава Временного правительства. Напомню, что в его состав вошли преимущественно представители либеральных партий: министр-председатель и министр внутренних дел кн. Г.Е Львов (близкий кадетам); министр иностранных дел — П.Н. Милюков (к.-д.); военный и морской министр — А.И. Гучков (октябрист); министр торговли и промышленности — А.И. Коновалов (прогрессист); министр путей сообщения — Н.В. Некрасов (к.-д.); министр земледелия — А.И. Шингарев (к.-д.); министр народного просвещения — А.А. Мануйлов (к.-д.); обер-прокурор Синода — В.Н. Львов (партия центра); государственный контролер — И.В. Годнев (октябрист); министр финансов — М.И. Терещенко (беспартийный); министр юстиции — А.Ф. Керенский (эсер).

Либеральным получился и текст декларации Временного правительства. Опытному в переговорных делах с социалистами Милюкову удалось убедить их в необходимости оставить отрытым вопрос о форме правления до созыва Учредительного собрания. По его настоянию было вычеркнуто «требование о выборности офицеров», которое было продекларировано Советом рабочих и солдатских депутатов в

Приказе № 1. После всех «изъятий» текст воззвания Временного правительства сводился к следующим положениям. Первое министерство характеризовалось как орган «общественного доверия», назначенное Временным комитетом Государственной думы. Своей первой задачей оно ставило «доведение войны до победного конца» вместе со своими союзниками по Антанте и выражало готовность неуклонно исполнить все заключенные с союзниками соглашения; обязывалось в кратчайшие сроки созвать Учредительное собрание и привлечь к выборам «доблестных защитников родины», обеспечить страну «твердыми законами, ограждающими «гражданскою свободу и гражданское равенство». Правительство должно было приступить к реализации следующей программы: 1) осуществить амнистию для всех политических заключенных; 2) свободу слова, печати, союзов и стачек; 3) уничтожить сословные, вероисповедные и национальные ограничения; 4) провести подготовку к созыву Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования; 5) заменить полицию «народной милицией»; 6) избрать органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; 7) не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, принимавшие участие в революции; 8) устранить для солдат при «сохранении дисциплины» все ограничения «в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам».

Кадетскому лидеру удалось убедить социалистов в том, что Временное правительство «должно считаться имеющим законодательную и исполнительную власть»[5]. Не случайно на VII съезде кадетской партии со всей определенностью было заявлено, что вся власть в стране должна принадлежать только Временному правительству, что «никакое двоевластие в настоящий момент недопустимо»[6]. При этом Милюков выразил уверенность, что социалистические элементы Совета рабочих и солдатских депутатов, которые «ближе к пролетарским и демократическим массам», окажут Временному правительству максимально возможную поддержку. И в этом лидер кадетской партии не ошибся. Судя по опубликованным документам партий и эсеров, и меньшевиков, лидеры социалистического спектра были уверены в том, что Временному правительству удастся «закрепить» завоевания Февральской революции, создать предпосылки будущей мирной трансформации страны в демократическом направлении. Именно этой логикой рассуждений и объясняется политическое поведение умеренных социалистических лидеров, выступивших в поддержку Временного правительства[7].

Следует также подчеркнуть, что теоретики и политики социалистической ориентации были убеждены в неизбежности перехода власти «в руки либеральной буржуазии и либерально-демократической интеллигенции». По их мнению, программа Временного правительства есть «наивысший предел того, что может быть достигнуто в рамках буржуазного общества»[8]. Убеждая себя и других, что Временное правительство — есть «правительство революции», они призывали к его поддержке. Отводя Совету рабочих и солдатских депутатов роль «часового революции», они отрицали необходимость предоставления ему функций власти, которыми, по их мнению, уже достаточно наделено Временное правительство. Все это вместе взятое ставит под сомнение безоговорочное утверждение советской историографии о якобы установлении двоевластия в стране сразу же после Февральской революции. Вполне можно согласиться с тем, что Совет рабочих и солдатских депутатов вел собственную политику, оказывая давление на выработку курса Временного правительства. Тем не менее, на данном этапе революционного процесса он не претендовал на роль «параллельной власти». Следует также отметить, что теоретики и политики социализма, активно работая в подготовительных совещаниях и комиссиях, внесли свой определенный вклад

в разработку законопроектов, принятых Временным правительством[9]. Сложность ситуации состояла не в программах (их было более чем достаточно), а в отсутствии эффективных механизмов их практической реализации. Комиссарам Временного правительства не удавалось «обуздать» набирающую в центре и на местах массовую стихию, «самочинные» действия демократических организаций, которые предпочитали руководствоваться так называемым революционным правосознанием.

В условиях усиления конфронтационности в российском социуме постепенно нарастало противостояние между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов, а также представителями политических партий, входивших в их состав. Либеральные министры, вошедшие в первый состав Временного правительства, оказались между двух жерновов. С одной стороны, они вынуждены были, так или иначе, согласовывать свою позицию с представителями более консервативной части Временного правительства, связанными с интересами крупного и среднего капитала, а также помещичьего землевладения. С другой стороны, они испытывали постоянное давление Совета рабочих и солдатских депутатов, опиравшихся на массовые демократические организации. Политика «балансирования» между противоположными социальными полюсами не только не приносила кадетам ощутимых политических выгод, но в глазах масс делала их ответственными за промедление в исполнении все более нарастающих требований, в значительной степени обусловленных невзгодами войны, разрухи и анархии.

В результате авторитет первого состава Временного правительства падал. По сути, ему не удалось создать собственной разветвленной, а главное, эффективной системы центрального и местного управления, в том числе и силовых ведомств, располагающих необходимыми ресурсами наведения порядка в стране, что объективно вело к деструкции и эскалации экстремизма и преступности. Апрельский правительственный кризис, в известной мере спровоцированный нотой Милюкова к союзникам, свидетельствовал о том, что конфронтация в обществе, все более усилившаяся по мере «расслоения общественных настроений», вступила из фазы мирного разрешения конфликтов в фазу использования иных, более жестких методов и приемов политической и межпартийной борьбы.

Все это вместе взятое не могло не усиливать трений между либералами и социалистами. Это, в частности, нашло свое отражение в различных оценках апрельского политического кризиса. Леворадикальные круги социалистов и социал-демократов довольно резко осудили внешнюю и внутреннюю политику первого состава Временного правительства, настаивая не просто на его отставке, но и на принципиальном изменении сущности и конфигурации власти. В свою очередь, кадеты в воззвании «К гражданам России», опубликованном 22 апреля, подчеркивали: «Мы стоим на краю пропасти. Граждане! Выходите на улицы, проявляйте свою волю, участвуйте в манифестациях и митингах, выражайте одобрение правительству, спасайте страну от анархии. Да здравствует свободная Россия! Да здравствует Временное правительство!»[10]

Вопреки Милюкову, настаивавшему на «разрыве с революцией», кадетский ЦК на своих бурных заседаниях 22—24 апреля большинством голосов поддержал идею создания коалиционного правительства из либералов и умеренных социалистов. Согласившись на коалицию, кадетский ЦК 3 мая предъявил кн. Львову ряд предварительных условий: «1. Законодательная и исполнительная власть осуществляется только Временным правительством. Необходимо, чтобы Совет рабочих и солдатских депутатов не издавал никаких распоряжений, имеющих характер правительственных актов или отменяющих либо изменяющих акты Временного правительства. В част-

ности, необходимо, чтобы Совет рабочих и солдатских депутатов отказался от всех своих распорядительных действий по армии по Петроградскому гарнизону. 2. Ведение войны должно быть подчинено военно-стратегическим требованиям с развитием для обеспечения успеха наступательных действий. Совет рабочих и солдатских депутатов должен оказать правительству полную моральную поддержку в деле восстановления дисциплины и боеспособности армии. 3. Во внешней политике должно быть поддерживаемо тесное единение с союзниками. Мир может быть заключен лишь в согласии с ними. 4. Правительство должно принимать энергичные меры для установления порядка, не останавливаясь перед применением мер принуждения, вплоть до употребления силы против неправомерных и насильственных актов»[11].

Несмотря на «жесткость» предъявленных условий, было очевидно, что кадеты не хотят «разрывать» ни с революцией, ни социалистами. В свою очередь, лидеры социалистов, продолжая отстаивать идею консолидации «всех живых сил страны», не хотели «разрывать» с кадетской партией. Так, III съезд партии эсеров высказался против захвата власти в центре и на местах. По мнению эсеров, коалиция с кадетами позволит не только сохранить, но и расширить завоевания революции, придать ей дополнительный импульс для проведения более глубоких и масштабных демократических преобразований. Меньшевики, проявившие в конце апреля 1917 г. колебания относительно вхождения в состав коалиционного правительства, в начале мая высказались «за энергичную и полную поддержку нового правительства»[12].

5 мая 1917 г. первое коалиционное правительство было сформировано в составе: министра-председателя и министра внутренних дел кн. Г.Е. Львова; министра торговли и промышленности — А.И. Коновалова; министра путей сообщения — Н.В. Некрасова; министра финансов — А.И. Шингарева; государственного контролера — И.В. Годнева; министра народного просвещения — А.А. Мануйлова; министра государственного призрения — кн. Д.И. Шаховского; обер-прокурора Синода — В.Н. Львова; военного и морского министра — А.Ф. Керенского; министра юстиции — П.Н. Переверзева (энес); министра земледелия — В.М. Чернова (эсер); министра труда — М.И. Скобелева (меньшевик); министра продовольствия — А.В. Пешехонова (энес); министра почт и телеграфов — И.Г. Церетели (меньшевик); министра иностранных дел — М.И. Терещенко (беспартийный). Потеряв своего лидера, кадеты-министры переставали играть прежнюю лидирующую роль во Временном правительстве, хотя формально в нем число принадлежавшим им министерских мест возросло.

Программа коалиционного Временного правительства, проект которой, по словам Милюкова, принадлежал левому кадету Н.В. Некрасову, изложена в декларации 6 мая 1917 г. В ее преамбуле говорилось о том, что правительство «будет в полной решительности проводить в жизнь идеи свободы, равенства, братства». В области внешней политики оно будет следовать принципу «мир без аннексий и контрибуций», что «революционная армия России не допустит» разгрома германскими войсками «наших союзников на Западе». В социально-экономической сфере правительство обязывалось «неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны», проводить «мероприятия по всесторонней защите труда», «регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения», предоставляя Учредительному собранию решение вопроса «о переходе земли в руки трудящихся», обратить «особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов». В политической области правительство обязывалось продолжать работы «по введению и укреплению демократических органов самоуправления», обещало приложить все усилия для скорейшего созыва Учредительного собрания. Судя по

смыслу и направленности данной правительственной декларации, складывается впечатление, что его писали не «кадетские», а гораздо более «левые» руки.

Изначально взяв курс на сотрудничество со «всеми живыми силами страны», социалисты настаивали на том, что коалиционному составу правительства следовало бы более активно проводить «демократизацию» в «формах собственности», расширять сферу демократических и социальных прав широких демократических слоев, активнее вовлекать их в общественно-политическую жизнь. Однако в отличие радикальной большевистской экономической и социальной программы, эсеры и меньшевики более осторожно относились к частной собственности, считая преждевременным ее уничтожение, что, по их мнению, с логической неизбежностью привело бы не только к расколу в лагере прогрессивных демократических сил, но и к гражданской войне. Поэтому они по-прежнему настаивали на «контроле» и на «давлении» на Временное правительство, категорически выступая против замены его Советами.

Процесс «отладки» взаимоотношений между кадетами и умеренными социалистами был нарушен июльскими событиями 1917 г. В Петрограде началась подготовка экстремистски настроенными элементами массовых вооруженных манифестаций, которые совпали с провалом наступления армии на фронте. Умеренные социалистические элементы Совета рабочих и солдатских депутатов пытались урезонить зачинщиков этих «преступных акций». Однако под давлением леворадикальных организаций они вынуждены были дать санкцию на проведение мирных демонстраций. В свою очередь партия народной свободы призывала своих сторонников воздержаться «от всякого участия в демонстрации и не выходить на улицу».

Разбушевавшихся политические страсти совпали с обострение отношений Временного правительства с украинской Центральной радой, потребовавшей, не дожидаясь Учредительного собрания, предоставить Украине независимость. Во время переговоров с представителями Рады министры Керенский, Некрасов, Терещенко и Церетели без санкции Временного правительства признали Генеральный секретариат высшим органом краевой власти на Украине, дав, по сути, согласие на фактическое предоставление Украине автономии. Это решение шло вразрез с резолюцией VIII съезда кадетской партии по вопросу об автономии и местном управлении. Заняв бескомпромиссную позицию, Милюков настоял на уходе кадетских министров из коалиционного правительства. 2 июля ЦК кадетов принял декларацию, в которой подчеркивалась, что «идея общенационального соглашения оказалась бессильной обеспечить авторитетную власть», что «единое и сильное правительство» может быть создано «усилением однородности его состава»[13].

Очередной правительственный кризис совпал с двумя важнейшими событиями: провалом наступления на фронте и большевистским вооруженным путчем. ЦК кадетов выпустил воззвание, в котором решительно осудил большевистский путч и потребовал немедленно ареста «Ленина и его сообщников»[14]. Эсеровские и меньшевистские лидеры также, правда, не в столь жесткой форме, как кадеты, осудили вооруженную «вылазку экстремистов», настаивали на обстоятельном разбирательстве этого дела, на привлечении виновников к строгой ответственности. Одновременно они продолжали настаивать на «единении всех демократических сил» и на сохранении правительственной коалиции с кадетами. Они подчеркивали, что коалиционное правительство это «правительство спасения революции» В частности, меньшевики прямо заявляли: «Нам нужна диктатура Правительства Спасения революции, но не диктатура репрессий, а диктатура творческая». Под «творческой диктатурой» ими мыслилась такая власть, которая, продолжая опираться «на революционно-демократические учреждения», не будет связана «ни с одной из существующих общественных,

классовых и политических организаций»[15]. По сути, эти рассуждения меньшевиков мало чем отличались от эсеровских оценок Советов, как «часовых революции».

Подавив вооруженный путч, Временное правительство одновременно осуществило «перетасовку» своего кадрового состава. В отставку ушел кн. Львов, а его место занял Керенский. В опубликованной 8 июля декларации Временного правительств, с одной стороны, резко осуждались «изменники и предатели», которые к «грозному часу» прорыва на фронте проявили «преступное легкомыслие и фанатизм», а с другой — подчеркивалась решительность правительства в борьбе против «анархических и контрреволюционных покушений». Декларация призывала солдат «бодро идти в бой» и одновременно обещала созвать союзную конференцию, на которой будут представлены «наряду с дипломатами, также представители русской демократии». В ней очередной раз декларировалось идея созыва «в кратчайший срок» Учредительного собрания. Перед Экономическим советом ставилась задача разработать «общий план» реорганизации народного хозяйства и труда, а также проекты по рабочему законодательству (8-часовой день, страхование, биржи труда, примирительные камеры). Относительно решения земельного вопроса повторялась мысль о «переходе земли в руки трудящихся», говорилось о необходимости ликвидации старого землеустройства, сохранения земельного фонда до Учредительного собрания; о организации земельных комитетов, которые, однако, не имели права «предрешать основного вопроса о праве собственности на землю», подчеркивалась мысль о необходимости устранения самочинных способов разрешения земельного вопроса. Эта декларация была положена в основу переговоров между кадетами и умеренными социалистами о создание новой правительственной коалиции.

После публикации декларации начались долгие и трудные переговоры между кадетами и социалистами. ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов заявили, что они «доверяют товарищу Керенскому составление кабинета и приглашение в его состав представителей всех партий, стоящих на почве программы Временного правительства 8 июля»[16]. Одновременно кадеты предъявили Керенскому «семь условий» своего вхождения в новый состав правительства. Во-первых, в практической деятельности члены правительство руководствуются «исключительно своей совестью». Поэтому вмешательство «каких-либо организаций и комитетов» в определение направления деятельности правительства недопустимо. Во-вторых, осуществление «всех основных социальных реформ», а также «разрешение вопросов о форме государственного строя» должно быть отложено до созыва Учредительного Собрания. В-третьих, в вопросах войны и мира должен быть «соблюден принцип полного единения с союзниками» В-четвертых, должны быть приняты «меры к воссозданию мощи армии, путем восстановления строгой военной дисциплины и решительного устранения вмешательства комитетов в вопросы военной тактики и стратегии». В-пятых, в основу внутреннего управления страны должно быть положено «восстановление порядка», а также «решительная борьба с анархистскими, противогосударственными и контрреволюционными элементами». В-шестых, должна быть восстановлена «правильная деятельность суда», который должен быть освобожден от «вмешательства партийных или иных несудебных элементов». В-седьмых, выборы в Учредительное собрание должны быть «произведены с соблюдением всех гарантий для выражения подлинной народной воли»[17].

Чтобы эти условия были проведены в жизнь, ЦК кадетов поставил вопрос о персональном подборе личного состава коалиционного правительства. «С этой целью необходимо было, прежде всего, изменить состав несоциалистической части правительства, удалив лиц, никого не представляющих и обнаруживших слишком мало

способности или желания вести принципиальную защиту программы, вставленной к.-д. и поддержанной Государственной Думой». Прежде всего, из состава министров-социалистов кадеты считали необходимым удалить В.М. Чернова, как министра, «преследовавшего, помимо правительства свою личную политику»[18].

В ходе второго тура переговоров (19 июля) оказалось, что «коллег Керенского» такие кадетские «условия» устроить не могут[19]. 20 июля переговоры были прерваны, а на следующий день Керенский опубликовал письмо, в котором заявил, что вступление кадетов в его кабинет возможно лишь при условии принятия ими декларации 8 июля. Однако Керенский явно лукавил, прекрасно понимая, что создание однородного социалистического правительства в данный момент может, с одной стороны, лишить его поддержки со стороны «буржуазной демократии», а с другой — он не был уверен в том, что его партнеры по социалистическому блоку будут долго терпеть его на посту премьер-министра. Поэтому он после двухчасового заседания министров и представителей политических партий в Зимнем дворце 21 июля решил пригрозить им своей отставкой «ввиду непреодолимых трудностей для создания нового правительства». Вслед за Керенским в отставку подал и Н.В. Некрасов.

В этой драматической ситуации среди участников совещания началась паника, и большинство склонялось к тому, что только Керенский способен спасти положение в стране. Когда Некрасов предложил социалистам самим сформировать однородное правительство, то они засомневались. Масла в огонь подлил Милюков, который заявил, что он от имени партии обратится к Совету рабочих и солдатских депутатов с прямым вопросом: «Готов ли он, либо взять власть в свои руки, либо оказать доверие, без оговорок, и без отчетов, правительству, которое будет образовано Керенским». Милюкова поддержал М.М. Винавер, который заявил, что кадеты, признавая неприемлемой декларацию 8 июля, тем не менее, будут готовы поддерживать «правительство из лиц, согласных с этой декларацией, если его образует Керенский»[20].

Как видим, Керенский, обыграв своих политических противников и соперников, достиг своей цели, показав, что в данный политический момент он незаменим. «И это, — писал Милюков, — молчаливо признали ответственные вожди, более связанные партийной дисциплиной, посторонившись и давши возможность Керенскому составить кабинет путем личных переговоров и, с формальной стороны, путем личного выбора кандидатов, а не путем назначения их партийными организациями»[21].

24 июля 1917 г., наконец, удалось сформировать новое коалиционное правительство во главе с министром-председателем, военным и морским министром А.Ф. Керенским (его заместителями стали: по военному министерству Б.В. Савинков (эсер), а по морскому — В.И. Лебедев (эсер)). В состав кабинета вошли: министр путей сообщения П.П. Юренев (к.-д.); министр финансов Н.В. Некрасов (радикальный демократ) государственный контролер Ф.Ф. Кокошкин (к.-д.); министр народного просвещения С.Ф. Ольденбург (к.-д.); обер-прокурор (с августа — министр исповеданий) А.В. Карташев (к.-д.); министр государственного призрения И.Н. Ефремов (радикальный демократ); министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев; министр юстиции А.С. Зарудный (энес); министр земледелия В.М. Чернов (с.-р.); министр труда М.И. Скобелев (меньшевик); министр продовольствия А.В. Пешехонов (энес); министр почт и телеграфов А.М. Никитин (меньшевик); министр иностранных дел М.И. Терещенко (беспартийный) и министр торговли и промышленности С.Н. Прокопович. «При небольшом номинальном перевесе социалистов, — писал Милюков, — действительный перевес в кабинете, безусловно, принадлежал сторонникам буржуазной демократии»[22]. Недаром IX съезд кадетской партии специальным поста-

новлением одобрил вступление своих членов в состав второго коалиционного Временного правительства и выразил надежду, что они «отдадут все свои силы делу укрепления власти, служащей благу всего народа», и призвал «оказать своим сочленам всю свою нравственную поддержку в осуществлении выпавшего на их долю подвига»[23].

Однако попытки министров-кадетов и министров-социалистов наладить сотрудничество на правительственном уровне постоянно входили в противоречие с бурно и непредсказуемо развивающейся политической ситуацией в стране. Кадеты и умеренные социалисты воспринимали и реагировали на них различно. В отличие от кадетов, убедившихся в неспособности А.Ф. Керенского предотвратить стремительно надвигающуюся национальную катастрофу, лидеры умеренных социалистов продолжали сохранять уверенность в том, что им все же удастся удержать контроль над «улицей» и блокировать «безрассудные» попытки левых радикалов свершить вооруженный переворот. В отличие от кадетов, среди которых все чаще и чаще стали звучать нотки о введение в стране диктатуры, умеренные социалисты продолжали верить в «единство и силу» демократических сил, способных удержать страну от двух диктатур — «справа» (Л.Г. Корнилов) и «слева» (В.И. Ленин). Характерно, что после августовского Государственного совещания в Москве и кадеты, и умеренные социалисты заговорили о возможности «хирургического вмешательства» в непредсказуемо развивающиеся политические событий в стране. Так, лидер кадетов Милюков, делая акцент на психологическом факторе, который может приблизить или отдалить «момент хирургического вмешательства», вынужден был признать, что «выбор момента не от к.-д. зависит; если бы столь многое могло от них зависеть, к.-д. вышли бы из создавшегося положения не путем хирургии». Однако ход вещей, продолжал Милюков, «зависит от чего-то другого, во всяком случае, не от правительства в его нынешнем составе. Главный его представитель, по-видимому, уже засиделся у власти; он грозил кому-то, что не дешево отдаст свою власть и пр., и около него начинает кристаллизоваться среда, обычно окружающая власть и имеющая свои интересы. И делается более вероятным не тот процесс внутреннего объединения и сплочения правительства, на который рассчитывала партия к.-д., вводя своих товарищей в министерство, а какой-то совсем иной. Будут ли поводом голодные бунты или выступления большевиков, но жизнь толкает общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции. Процесс этот совершается без нас, но мы по отношению к нему не в нейтральном положении: мы призываем его и сочувствуем ему в известной мере...». По мнению Милюкова, если бы можно было «очистить» правительство от Чернова и Авксентьева, то оно могло бы «сделаться более жизнеспособным», и «для партии выгоднее, чтобы жизнь нынешнего правительства продлилась дольше, чтобы неизбежные репрессии были предприняты по инициативе и решению самого социалистического правительства». Главная же задача момента состоит в «сведение на нет прежнего значения советов солдатских и рабочих депутатов. Раз они бросились в большевизм, тем самым они предрешили свою судьбу.... Средняя группа социализма сыграла свою роль и уходит, на смену является большевизм, а за ним и призрак неизбежного хирургического вмешательства»[24].

Кадеты прекрасно понимали, что умеренные социалисты уже свою роль отыграли. Однако они не были уверены в том, что «очистившись» от них, удержится ли у власти однородное буржуазное правительство. Учитывая, что «опору для буржуазного правительства найти в стране сейчас было бы чрезвычайно трудно»[25], они какое-то время продолжали наставать на «продление существования нынешнего правительства».

Выступление генерала Л.Г. Корнилова привело к распаду второго коалиционного правительства. Власть оказалась на какое-то время в руках Директории (Совет пяти),

в которую вошли министр-председатель Керенский, министр почт и телеграфов и министр внутренних дел Никитин; министр иностранных дел Терещенко; военный министр А.И. Верховский (беспартийный); морской министр Д.Н. Вердеревский (беспартийный). Директория существовала с 1 сентября по 24 сентября 1917 г., она принимала общеполитические решения, а министры занимались решением текущих вопросов. За время существования Директории в состав правительства вошли: министр государственного призрения И.Н. Ефремов; министр исповеданий А.В. Карташев (к.-д.).; министр финансов М.В. Бернацкий (радикальный демократ); министр народного просвещения С.С. Салазкин (к.-д.); министр торговли и промышленности и министр продовольствия Прокопович (все с 16.9) и министр путей сообщения А.И. Ливеровский (с 19.9). В период существования Директории Россия 1 сентября была объявлена республикой, тем самым принцип «непредрешения» до созыва Учредительного собрания был нарушен.

После провала корниловского мятежа значительно обострились отношения партии народной свободы с умеренным крылом социалистических партий, а также с самим А.Ф. Керенским, которого они довольно резко критиковали за отсутствие «твердой воли», за его постоянные уступки леворадикальным требованиям. Рассчитывая сохранить свое влияние на определенные круги социалистической демократии, кадеты приняли активное участие в формировании третьего коалиционного правительства, настаивая на включение в его состав большего числа представителей торгово-промышленных кругов и членов партии народной свободы.

В свою очередь, внутри социалистической среды усилилось стремление дистанцироваться от кадетской партии, определенная часть которой во главе с Милюковым высказалась в поддержку генеральской диктатуры в лице Л.Г. Корнилова. В это время в социалистических кругах не раз поднимался вопрос о необходимости «разорвать» с кадетами и вместо коалиции с ними подумать о возможности создания «революционной власти». Однако стремительная большевизация Советов явно пугала лидеров эсеров и меньшевиков, идейно убежденных в том, что Россия не готова к переходу к социализму, а, следовательно, без «мобилизации всех живых сил» на данном историческом этапе обойтись невозможно. По мнению социалистических теоретиков, в число «живых сил» входили и кадеты, среди которых есть не только «корниловцы», но «подлинные демократы», на которых и следует продолжать делать ставку. Выход из «трагической ситуации» лидеры эсеров и меньшевиков видели в том, что следует продолжать поддерживать идею коалиции, предоставив при этом Керенскому следующую попытку сформировать новый состав Временного правительства.

Третье коалиционное правительство было сформировано в результате очередных закулисных переговоров 25 сентября и просуществовало всего один месяц до 25 октября 1917 г. В его состав вошли министр-председатель Керенский; министр торговли и промышленности — Коновалов (к.-д.); министр финансов — Бернадский; государственный контролер — С.А. Смирнов (к.-д.); министр просвещения — Салазкин (к.-д.); министр исповеданий — Карташев (к.-д.); министр государственного призрения — Н.М. Кишкин (к.-д.); председатель Экономического совета — Третьяков (прогрессист); министр внутренних дел, почт и телеграфов — Никитин; министр юстиции — П.Н. Малянтович (меньшевик); министр земледелия — С.Л. Маслов (эсер); министр труда — К.А. Гвоздев (меньшевик); министр иностранных дел — Терещенко; министр продовольствия — Прокопович; военный министр — Верховский; морской министр — Вердеревский; министр путей сообщения — Ливеровский. Как видим, в третьем коалиционном правительстве число кадетских министров увеличилось, но среди них уже не было авторитетных и влиятельных партийных лидеров, по сути, тех,

кто, так или иначе, либо ратовал за установление генеральской диктатуры, либо поддерживал идею разрыва с социалистами.

Третье коалиционное правительство, возглавляемое Керенским, во-первых, амнистировало участников июльских событий 1917 г., сделав тем самым шаг навстречу большевикам, принявшим активное участие в подавление корниловского мятежа; во-вторых, оно решило окончательно «разорвать» связь с прежними структурами представительной власти. 6 октября было принято постановление о роспуске Государственной думы и о прекращении полномочий членов Государственного совета по выборам (должности членов Государственного совета по назначению были упразднены еще 5 мая 1917 г.). В-третьих, идя навстречу требованиям рабочих масс, 11 октября было принято постановление о реформе Совета и Присутствий по делам страхования рабочих, согласно которому увеличивалось представительство рабочих в этих органах, хотя большинство голосов продолжало сохраняться за представителями промышленности и государственными чиновниками. 17 октября было принято постановление об охране материнства.

Однако «единства взглядов и действий» между либералами и социалистами Керенскому достичь так и не удалось. Каждое обсуждение (будь-то законопроект либо постановление) выливалось в продолжительные дискуссии. Примерно такая же ситуация, если не хуже, складывалась в Предпарламенте, куда фактически передвинулся эпицентр политической борьбы. Здесь развернулась каждодневная предельно изнурительная борьба между партийными фракциями, которая оказалась настолько неконструктивной, что не позволила выработать и принять каких-либо рациональных решений по выводу страны из системного кризиса. В результате Предпарламент стал дополнительным стимулятором, провоцирующим поиски иного, немирного решения всего комплекса назревших проблем. Демонстративно покинув Предпарламент, большевики последовательно и упорно готовили общественное мнение к насильственному варианту разрешения общенационального кризиса. 25 октября в ходе вооруженного восстания Временное правительство было свергнуто, а члены его арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость.

Как видим, либералам и социалистам так и не удалось найти «общего языка» и выработать единую позицию, чтобы спасти Россию от исторически преждевременного радикального социалистического эксперимента. Это не удалось им сделать в силу разного понимания теми и другими исторических судеб России, разного подхода к моделированию общественного переустройства, определения роли и места различных социальных и политических сил в историческом процессе. Совпадение ряда программных положений либералов и социалистов, рассчитанных на данный период, не снимало глубинных расхождений в понимании ими дальнейших перспектив общественного переустройства страны. При всем этом нельзя сбрасывать со счетов традиционное противостояние между различными отрядами российской интеллигенции, ее неспособность прислушиваться к иному мнению, иной точке зрения, иной общественно-политической позиции. В результате теоретики и политики либерализма и социализма, в буквальном смысле слова, «увязли» в идейных, программных и тактических спорах друг с другом, оказались неспособными создать «единый фронт» для предотвращения сползания страны к гражданской войне. Если социалистам и левым либералам удалось совместными усилиями противостоять установлению генеральской диктатуре, но глубина идейных и политических расхождений не позволила им блокировать установление большевистской диктатуры.

[1] См.: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

[2] См.: *Шелохаев В.В.* Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 32—41.

[3] Меньшевики в 1917 году: в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1994—1997. 3 т.; Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 — середина 1930-х гг. М., 1998. Т. 3: Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии, 1915—1920 гг. / под ред. В.В. Шелохаева; Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905—1920 гг. М., 2000. Т. 3, кн. 1: 1915—1917 гг. / под ред. В.В. Шелохаева; Партия социалистов-революционеров: документы и материалы, 1900—1922 гг. М., 2000. Т. 3, ч. 1: Февраль — октябрь 1917 г. / под ред. Н.Д. Ерофеева; Партия левых социалистов-революционеров, 1917—1925 гг.: документы и материалы. М., 2000. Т. 1: Июль 1917 г. — май 1918 г. / под ред. Я.В. Леонтьева; Революция 1917 года глазами современников: в 3 т. М., 2017. 3 т.

[4] См.: *Хеймсон Л.* Меньшевизм и большевизм (1903—1917): формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 году: в 3 т. М., 1994. Т. 1: От января до июльских событий. С. 20—56; *Миллер В.* Меньшевистская партия в 1917 году: фрагменты истории в оценках российского исследователя // Там же. С. 57—69; *Галили З.* От группы кружков до зенита политического влияния: документы меньшевистской партии первых шести месяцев революционного 1917 г. // Там же. С. 70—104; *Галили З.*, *Ненароков А.* Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций в меньшевистской партии, июль — август // Там же. М., 1995. Т. 2: От июльских событий до корниловского мятежа. С. 17—72; *Ненароков А.* Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти, август — первая декада октября: документально-исторический очерк // Там же. М., 1996. Т. 3, ч. 1: От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август — первая декада декабря). С. 13—70; *Хеймсон Л.* Меньшевики: политика и проблема власти в 1917 году // Там же. М., 1997. Т. 3, ч. 2: От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября — конец декабря). С. 17—58; *Галили З., Ненароков А.* Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса, первая декада октября — конец декабря: документально-исторический очерк // Там же. С. 59—120. Исследовательского внимания заслуживают предисловия, подготовленным Н.Д. Ерофеевым и Я.В. Леонтьевым. См. также монографические исследования американского исследователя У. Розенберга (*Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton, N.J., 1974); Н.Г. Думовой «Кадетская контрреволюция и ее разгром» (М., 1982) и «Кадетская партия в первой мировой войне и Февральской революции» (М., 1988); В.В. Шелохаева «Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции» (М., 2015), а также раздел VI «Общероссийские политические партии в революции 1917 г.» в первом томе коллективной монографии «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура» (М., 2017. С. 597—748).

[5] Подробно вопрос о принятии этой программы и участие в этом процессе кадетов см.: *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. С. 553—556.

[6] См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905—1920 гг. Т. 3, кн. 1. С. 367.

[7] См.: Партия социалистов-революционеров: документы и материалы, 1900—1922 гг. Т. 3, ч. 1: Февраль — октябрь 1917 г. С. 27, 30—31, 34—36; Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 153—154, 172.

[8] См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 153.

[9] Подробно об этом см.: *Николаев А.Б.* Реформы Временного правительства // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. М., 2016. Т. 3: Вторая половина XIX — начало XX в. С. 361—413.

[10] Вестник партии Народной свободы. 1917. № 1. С. 20.

[11] Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905—1920 гг. Т. 3, кн. 1. С. 500.

[12] Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 260, 444, 533.

[13] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии ... Т. 3. С. 382—383.

[14] Там же. С. 381—382.

[15] Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 103, 120—121, 188.

[16] Там же. С 195.

[17] См.: *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 220—221.

[18] Там же. С. 221—222.

[19] Там же. С. 223.

[20] Там же. С. 230.

[21] Там же. С. 232.

[22] Там же. С. 237.

[23] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905—1920 гг. Т. 3, кн. 1. С. 722.

[24] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии ... Т. 3. С. 401.

[25] Там же.

К.Н. Морозов

Шансы, потенциал и причины неудачи эсеровской демократической альтернативы в 1917 г.

Исследование возможностей и потенциала демократической альтернативы в 1917 г. имеет самостоятельную научную ценность, так как позволяет более внимательно и объективно посмотреть на процессы и тенденции развития и состояния российского общества к 1917 г. и особенно в самом 1917 г., по-новому взглянуть на вопрос о степени зрелости российского гражданского общества и на реальные восходящие модерновые процессы, которые в советское время (да и в постсоветское) недооценивались и упрощались. Это важно, так как до сих пор доминирует взгляд, что в России могла утвердиться только диктатура — белая или красная, и с порога отметаются попытки хотя бы проанализировать иные альтернативы, особенно демократические.

Советская пропаганда и историография убеждали нас, что Октябрь 1917 года был предопределен всем ходом всемирно-исторического процесса. Сегодня этот тезис требует серьезного переосмысления. Большевики взяли власть, но это вовсе не значит, что это был неизбежный результат и иных альтернатив не было и быть не могло.

Представляется, что после крушения монархии в феврале 1917 г. движение страны в сторону многопартийности, политических свобод и демократии, которые венчало долгожданное и легитимное Всероссийское Учредительное Собрание, было вполне закономерно и подготовлено предшествующими десятилетиями модернизации страны, развитием элементов, структур и институтов гражданского общества, приверженностью значительной части интеллигенции идеям демократии и т.д. Этому восходящему потоку противостоял поток нисходящий, особенно ярко проявившийся в годы гражданской войны — на архаизацию, насильственные действия вместо мирных, распыление целых классов и деградация структур. Но именно первый путь должен был стать для страны магистральным, тем более, что голосованием на выборах в Учредительное собрание большинство общества фактически сделало его легитимным. И то, что в силу целого ряда объективных и субъективных причин страна была уведена с этого пути, вовсе не значит, что он был маловероятен.

Но прежде, чем говорить об эсеровской демократической альтернативе, отметим следующее. Партия социалистов-революционеров выступила на арену российской политики на рубеже 1901—1902 гг. как преемница и продолжательница идей и традиций старого народничества, и прежде всего, народовольчества, которые относятся к старейшей из двух ветвей русского социализма — народничеству. Эсеры изначально не были идейно однородны, что приводило, в частности, к возникновению фракций и даже к расколу ПСР, к появлению отличных друг от друга концепций путей и методов достижения социализма и социального переустройства России.

Представляется, что уместно говорить о двух эсеровских вариантах народнической модели общественно-политического переустройства России — демократическом и недемократическом. Последний, трижды рождавшийся в разные исторические эпохи на левом фланге партии, может быть определен по самоназванию этих сил, под общим названием — левонароднический. Он известен в трех своих подвариантах — максималистском (1904—1906 гг.), левоэсеровском (1917 г.) и МПСР-овском

(1919 г.). Все они находятся за рамками «демократического социализма» и вместо традиционной демократии допускали ее усеченный вариант в виде «трудовластия» с отказом от Учредительного Собрания, с ограничением прав «эксплуататорских классов» и в разное время выступали как союзники большевиков (часть из них, впрочем, позже стала бороться против них, а часть вошла в РКП (б)).

Демократический эсеровский вариант народнической модели известен в трех подвариантах. Наиболее известный, так называемый «черновский», «центристский», ставший своего рода «эсеровской ортодоксией», лег в основу официальной доктрины ПСР. Другой вариант был рожден на правом фланге партии и связан с именами Н.Д. Авксентьева, И.И. Фондаминского, В.В. Руднева, М.В. Вишняка и др. Именно эта группа внутри ПСР проделала самую заметную эволюцию к идеям социал-реформизма, рожденного в недрах западноевропейской социал-демократии, и уже в эмиграции ближе всего подошли к идеям «шведской модели социализма». По всей видимости, можно говорить и о складывании еще одного, более правого подварианта, оформлявшегося на правом фланге партии, вокруг газеты «Воля народа», и связанного с именами А.А. Аргунова, Э.И. Гуковского, П. Сорокина, Сталинского. Идейно близки им были Е.К. Брешко-Брешковская, А.Ф. Керенский, Б.В. Савинков и др. Но в какой степени он сложился, требует дополнительного исследования.

Обратимся теперь к вопросу о самой возможности эсеровской демократической альтернативы. Сегодня в массовом общественном сознании эсеры — это революционаристская, террористическая, почвенническая партия, сочетавшая в своей программе социалистические утопии и консервацию патриархальных пережитков, своим террором разжигавшая накал страстей в обществе, открывшая дорогу большевистскому красному государственному террору, который трактуется как прямое и логическое продолжение эсеровского оппозиционного терроризма.

Но представляется, что вовсе не террор является главной сущностной чертой мировоззрения и концепций демократической части эсеров — правых, правоцентристов, центристов, левоцентристов. Мы считаем допустимым говорить о возможности эсеровской демократической альтернативы в 1917 г. прежде всего потому, что предложенная партией эсеров программа преобразования страны, где главными пунктами были «социализация земли» и федеративное устройство России, получила поддержку значительной части страны. Именно это позволило ей стать в 1917 г. самой многочисленной и популярной партией в России. Так, летом 1917 г. в 436 эсеровских организациях насчитывалось около 1 млн человек (у кадетов в апреле — мае — 100 тыс. человек в 146 организациях; у большевиков (осенью) — около 350 тыс. человек).

Еще более убедительным аргументом в пользу возможности общественно-экономических преобразований при доминировании эсеров представляется победа эсеров на выборах в Учредительное собрание, проходивших уже после захвата власти большевиками, всеми способами пытавшихся повлиять на ход и результаты этих выборов. ПСР получила 58% голосов (вместе с национальными партиями эсеровской ориентации) или 39,5% без них (по подсчетам Л.Г. Протасова). Впрочем, следует учитывать, что эсеры и левые эсеры шли по единым спискам и лишь позже левые эсеры выделились в отдельную партию — ПЛСР, ставшую на короткое время союзницей большевиков.

Традиционное ленинское объяснение популярности эсеровской партии и ее лозунгов, сводящееся к пресловутой «мелкобуржуазной волне», вряд ли может сегодня удовлетворить исследователей. В.М. Чернов в 1930-е годы, анализируя причины выборных успехов ПСР, не только в первый период 1917 г., но и в его конце, справедливо констатировал: «Эти выборные успехи приходится всецело приписать огромной

популярности, которую завоевала эсеровская программа, в особенности же два ее пункта: земельная реформа и требование федеративного переустройства России. Наоборот, источником слабости партии была ее тактика»[1].

Программа «социализации земли», обеспечившая эсерам грандиозный успех в 1917 г., явилась своего рода реваншем за провал народнического хождения в народ в 1874 г. Народники и эсеры смогли извлечь урок из этого неудачного эксперимента, когда они шли в народ пропагандировать свои взгляды, совершенно не понимая ни условий жизни крестьянства, ни его психологии. И то, и другое позже было очень серьезно изучено народническими экономистами, статистиками, социологами, писателями, и эсеры наладили обратную связь с крестьянством, создали такую модель преобразования страны, которая не только удовлетворяла большинство крестьянства, но и пользовалась большой симпатией и у пролетариата, и у немалой части интеллигенции. Кстати, право на пользование землей гарантировалось не только крестьянам, но и каждому гражданину.

Меньшевик-эмигрант И.Г. Церетели в 1952 г. справедливо отмечал, что «аграрная программа партии социалистов-революционеров настолько соответствовала идеалам и правосознанию русского крестьянства, что партия соц.-революционеров, всегда имевшая особенно близкие связи с крестьянством, на другой день после революции стала единственной массовой русской крестьянской партией»[2].

Можно согласиться с точкой зрения немецкого историка Манфреда Хильдермайера, что «единственной партией, которая по своей социальной структуре и фактически модифицированной программе могла служить как форум выражения интересов всех основных групп, была партия социалистов-революционеров, за исключением крайне левых. <...> Дилеммой России была заметная неравномерность ее политической и социально-экономической структуры. Плюрализм как средство баланса различных интересов был единственным шансом ее преодоления, а не та внутренняя война, которая была объявлена Апрельскими тезисами» [3].

Впрочем, следует уточнить, что не надо преувеличивать сугубую крестьянскость эсеровской партии, а ее концепцию считать «крестьянским социализмом». ПСР не такая уж и почвенническая партия с «немодерновой» концепцией «аграрного социализма», как многим это представляется. Народничество восприняло базовые ценности западной цивилизации, но пыталось смоделировать такую концепцию общественно-экономического развития России, которая, с одной стороны, учитывала ее исторические особенности и особенности менталитета ее народа, а с другой — взяв наиболее привлекательные черты и ценности западной цивилизации, оставляла за бортом ее негативные черты и тенденции (реакцией на которые явилось прежде всего появление в самой западноевропейской общественной мысли и практике феномена социализма).

Характеризовать демократический эсеровский вариант народнической модели переустройства России с использованием терминов «аграрный социализм», «крестьянский социализм» не совсем правомерно, так как они слишком односторонни, а он является скорее симбиозом ценностей двух цивилизаций. Точнее говоря — это одна из первых попыток приспособления традиционных цивилизаций незападного мира к требованиям модернизации, органичного и безболезненного соединения сильных и конструктивных сторон двух цивилизаций (традиционной и технологической), попытка преодоления раскола культур в России, попытка синтезировать нечто единое. Несомненно, эта концепция, как и любая другая теоретическая концепция, содержала сильный утопический элемент. Вопрос в том, смогли ли бы эсеры (или их часть) эволюционировать под давлением реалий, как это много позже сделали европейские социал-демократы, которых сегодня редко называют утопистами.

Что же являлось центральным элементом эсеровской демократической альтернативы или, правильнее сказать, эсеровского варианта народнической модели переустройства России? По этому вопросу существуют разные точки зрения. В.М. Чернов считал основным положением народничества «установку на предполагаемую революционность основной массы трудового населения России — ее крестьянства». Самая традиционная и самая распространенная точка зрения среди политиков рубежа XIX—XX вв., а потом и историков, — что центральным ядром народнической (и эсеровской) идеологии является вопрос об «особых путях» развития России, которая до сих пор и доминирует.

Представляется более верной позиция видного эсеровского публициста М.В. Вишняка, который уже в 50-е годы XX в. оспаривал этот традиционный взгляд: «Если говорить о главном или главнейшем признаке в идеологии народничества, на протяжении всей истории народничества он выражается в признании народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором — в меньшей степени в прошлом, в возрастающей степени в будущем»[4]. Не менее важным признаком народнической идеологии он считал подчеркивание ценности человеческой личности и создание демократического общественного устройства.

Если задуматься о том, как в 1917 г. прошел водораздел, разведший по разные стороны баррикад и фронтов гражданской войны социалистов, — это как раз будет комплекс вопросов о личности, о демократии, о том, «социализм для народа или народ для социализма». Именно в ответе на эти вопросы объединились на практике, с одной стороны, эсеры и часть меньшевиков, с другой — большевики с левыми эсерами, частью максималистов, меньшевиков, анархистов.

Широкая популярность и поддержка, вкупе с приверженностью большей части партии идеям демократии, давали центристской и правой части эсеровской партии потенциальную возможность стать как центром объединения разных политических сил, так и властью, способной к эволюции под давлением жизни и интересов тех классов, чьи интересы она взялась защищать.

Часть эсерства потенциально способна была это сделать, ее на это толкали традиции терпимости к инакомыслию, традиции народнического народолюбия, неприятие позиции «власть — ради власти», желание прийти к власти демократическим, легитимным путем через всенародные выборы и нежелание разжигать в России костер социальных и политических экспериментов, что они считали гибельным для народов России, да и просто аморальным. Наконец, многие из этих людей вовсе не считали, что политика грязное дело, не считали, что мораль не должна влиять на их поступки, не разделяли иезуитского лозунга, взятого на вооружение большевиками, — «Цель оправдывает средства».

Еще американский историк О. Радке весьма верно подметил, что эсеры никогда не стали бы стрелять в зажиточных крестьян, недовольных их аграрными преобразованиями. С этим можно только согласиться, добавив, что это же делало их способными к эволюции и изживанию утопических элементов своих взглядов под давлением жизни. Эсеры (за исключением эсеров-максималистов и левых эсеров) были приверженцами демократического социализма. Этот термин, кстати, эсеры и меньшевики очень активно используют с 1920-х годов. Чуть позднее европейские социалистические партии тоже заговорят о ценностях демократического социализма и примут на учредительном съезде Социнтерна 3 июля 1951 г. Франкфуртскую декларацию как перечень принципов, озаглавленных «Цели и задачи демократического социализма». С этой точки зрения часть эсеров и меньшевиков — это, безусловно, представители демократического социализма. Волею судеб в России победившая на выборах в Учредительное собрание ПСР на несколько десятилетий раньше европей-

ских социалистов вступила на тот путь, который известен теперь как «шведская модель социализма».

И несмотря на некоторый утопический элемент их взглядов и программы, на практике от действий эсеров по защите политических свобод и прав, от реальной энергичной работы эсеров по развитию самоуправления, институтов и практики демократии и парламентаризма, по развитию муниципалитетов в городах и производительной сельскохозяйственной кооперации, по поддержке профсоюзов в защите своих прав перед работодателями — была огромная польза.

Как представляется, не утопические элементы их воззрений важны (и вовсе не террористическая тактика, обращение к которой в начале XX в., на наш взгляд, было серьезной ошибкой, навредившей ПСР как массовой социалистической партии), а именно вот эта большая практическая работа, которая имела бы и гигантские результаты и значение в превращении России в развитое европейское общество.

Но потенциальная возможность вовсе не означает реальное осуществление, которому помешало множество причин как объективного, так и субъективного характера и разной значимости.

Об объективных обстоятельствах и причинах неудач ПСР в 1917 г. надо говорить всерьез, так как не следует забывать, как их оппоненты из большевистского и левоэсеровского лагеря, а затем и советские историки, всегда затушевывали их, предпочитая говорить об «измене эсеров интересам трудящихся», о том, что эсеры продались «международному и российскому капиталу».

Безусловно, внешние условия для реализации созидательного потенциала как эсеров, так и других сил, стремившихся к развитию страны на базе сохранения демократии и политических свобод, — были крайне неблагоприятные: ненависть и ожесточение, раздутое войной до небывалого уровня. Кроме того, нужно помнить об институциональной слабости только-только формирующихся структур гражданского общества и невысоком уровне политической культуры большинства населения страны. Особо отметим стремление масс «получить все и сразу», родившееся, с одной стороны, из своего рода «отложенного спроса», с другой — из-за фантастических социальных иллюзий масс, непонимания ими сложности социально-политического устройства общества и механизмов его функционирования и развития.

Фактически массы в условиях мировой войны хотели значительно большего, чем могла им дать самая искренняя, самая демократическая власть. Конечно же, на этом и спекулировали большевики, рвавшиеся к власти и обещавшие «всё и сразу», в отличие от эсеров, предлагавших оборонять страну и откладывать проведение социально-экономических преобразований до созыва Учредительного Собрания и т.д.

Парадокс в том, что пружину «отложенного спроса» и социально-политической неудовлетворенности сжимала десятилетиями старая власть, а сметать всё на своем пути она стала уже после ее гибели и виновными в этом назвали демократов.

Представляется, что у социалистов-революционеров был реальный шанс удержать Россию на путях демократии. Конечно, теперь мы знаем, что коалиция кадетов и социалистов-революционеров (эсеров) во втором и третьем составе Временного правительства себя не оправдала, но была и другая возможность — создать однородное социалистическое правительство с участием всех левых политических сил.

Как справедливо говорила член ЦК ПСР Евгения Ратнер в декабре 1917 г. на IV съезде ПСР, для этого нужно было созывать Учредительное Собрание на 2—3 месяца раньше и как можно скорее осуществлять на практике аграрные преобразования. Ее вывод гласил: «Большевики здесь бесконечно виноваты перед историей: они

ввергли Россию в нищету и поражение. Но виноваты и мы, ибо не сделали того, что должны были сделать... Мы не отстояли классовых интересов трудящихся»[5].

Безусловно, Всероссийское Учредительное собрание надо было проводить еще в августе — сентябре, несмотря на сопротивление кадетов. Безусловно, Чернову надо было бунтовать против коалиционной политики ЦК ПСР, раскалывать партию и, опираясь на большинство эсеров, создавать однородное социалистическое правительство еще в сентябре.

И к решению вопроса о земле тоже нужно было приступать как можно скорее, а не откладывать его до созыва Учредительного собрания. И нужно было оказывать сильное давление на союзников для скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций. Если бы все это эсеры сделали к началу осени 1917 г., то захват власти большевиками стал бы маловероятным, а Россия имела бы реальный шанс на развитие как демократическая страна, и разгон Учредительного собрания стал бы невозможен.

Демократическое развитие России было еще вполне возможно и после захвата власти большевиками, но, став властью, большевики почувствовали ее вкус, воспользовались грубой силой и не дали легитимному волеизъявлению масс проявить себя в полной мере, разогнав Учредительное собрание и расстреляв демонстрации в Петрограде и в Москве в его защиту. М.В. Вишняк много позже в своих мемуарах констатировал: «Если Октябрь расценивать как легкомысленную или безумную авантюру, ликвидация Учредительного Собрания было не чем иным, как предумышленным преступлением»[6].

Представляется, что та политическая система, которой дало жизнь Учредительное собрание, была бы очень похожа на послевоенную модель социального государства в Европе — ту модель, которая во многом и обеспечила ее мощное поступательное развитие. Особо подчеркнем, что страна получила также шанс на запуск механизма легитимной и мирной смены власти. Но вот сохранить и упрочить этот свой демократический выбор обществу уже не удалось, так как с разгона Учредительного собрания началась неизбежная эскалация гражданской войны.

1 Hoover Institution Archives. Collection B. Nicolaevsky. Box 10. F. 5.
2 *Церетели И.Г.* Российское крестьянство и В.М. Чернов в 1917 году // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. XXIX. С. 219—220.
3 *Хильдемайер М.* Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 133—134.
4 *Вишняк М.* Оправдание народничества // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 30. С. 232.
5 Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Н-1789. Т. 69. Л. 180—181.
6 *Вишняк М.В.* Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 382.

А.В. Шубин

Левая многопартийная альтернатива в 1917 г.

Одна из ключевых проблем развития революции в 1917 г. — возможность создания системы власти, способной проводить глубокие социальные преобразования, опережающие нарастание социально-экономического кризиса, и при этом не жертвующей демократическими завоеваниями Февраля. В 1917 г. надежды на такой путь связывались с «однородным социалистическим правительством». Возникший политический режим был основан на сотрудни-

честве либералов и умеренных социалистов, преобладавших в Советах. Оно позволяло провести политические меры, направленные на расширение гражданских свобод, но затрудняло социальные реформы. Ведь у либералов и социалистов были разные представления о необходимых социальных преобразованиях. Образование либерально-социалистической коалиции в мае 1917 г. на время стабилизировало ситуацию, но превратило правительство в аналог телеги из басни И.А. Крылова о лебеде, раке и щуке. Кадеты и другие либералы стали блокировать даже скромные предложения социалистов по проведению социальных реформ[1].

Социалисты считали, что без компромисса между радикальными массами трудящихся и «цензовыми элементами» (состоятельной интеллигенцией и предпринимателями) капиталистическое общество могло распасться. С точки зрения умеренных социалистов возможности для замены капитализма социализмом пока не было, а значит — был необходим союз представителей трудящихся классов (на эту роль претендовали социалисты) с представителями буржуазии (ими социалисты считали либералов). Однако стремление социалистов консолидировать общество столкнулось с его растущей поляризацией.

В условиях социально-экономического кризиса и роста радикальных настроений, с одной стороны, и неуступчивости и саботажа «цензовых» слоев — с другой, время работало против социал-либерального центризма, представленного в 1917 г. левыми либералами и правыми социалистами. Либерально-социалистическая коалиция становилась несовместимой с социальными реформами и вела февральский режим к катастрофе.

В условиях усугублявшегося социально-экономического кризиса и бездействия правительства росло отчаяние рабочих и городских низов. Большевики взяли на себя роль представителей отчаявшихся масс, и время стало работать на них.

Надеясь привлечь на свою сторону либеральную общественность, сторонники коалиции в левом лагере отталкивали большевиков даже тогда, когда они были готовы к сотрудничеству с эсерами и меньшевиками. Но в условиях усугублявшегося социально-экономического кризиса и усталости от войны политический вес большевиков рос. Не интегрированный в новый режим большевизм привлекал все больший актив, готовый бороться за свержение Временного правительства в надежде на скорейшие перемены. Большевизм стал «тараном», способным разрушить не только Временное правительство, но и всю альтернативу развития, основанную на многопартийном соглашении, Учредительном собрании и предотвращении гражданской войны.

За углубление социальных преобразований и активизацию политики мира выступали Советы, представлявшие десятки миллионов[2] общественно-активных тружеников. В условиях безопорности правительства превращение советских или более широких органов во временный парламент позволяло сделать систему власти более устойчивой и преодолеть паралич социальных преобразований. Но это предполагало сдвиг власти влево, исключение из правительства кадетов и возможно включение большевиков.

Умеренные социалисты, лидировавшие в Советах до осени 1917 г., опасались такого сдвига. Они учитывали, что органы низового самоуправления не представляют большинства населения. Но, заступаясь за пассивное большинство, пытаясь подвести под государственные решения как можно более широкую социальную базу на выборах в Учредительное собрание, умеренные социалисты рисковали потерять поддержку активного меньшинства населения, от которого в условиях революции зависела судьба власти. В то же время социальные преобразования с опорой на отмобилизованное радикальное меньшинство могли привести к широкомасштабной гражданской войне с теми слоями, интересы которых оказались бы ущемлены действиями новой радикальной революционной власти. Эти две опасности определяли

колебания и размежевания в партиях эсеров и меньшевиков. За многопартийную социалистическую коалицию выступали не только левые крылья меньшевиков и эсеров, но и влиятельное правое крыло большевиков.

Проведение социальных преобразований с опорой на большинство трудящихся (как организованное в Советы, так и нет) было возможно в случае компромисса между эсерами, меньшевиками и большевиками на платформе немедленного начала аграрной реформы (с последующим утверждением ее принципов авторитетом Учредительного собрания), усиления государственного регулирования экономики с одновременным расширением участия работников в управлении производством. В условиях войны большое значение приобретало требование скорейшего заключения перемирия и начала переговоров о мире без аннексий и контрибуций. Политическим выражением этой стратегии стала идея ответственности правительства перед Советами и созданным им (или при их решающем участии) временного парламента.

Идея однородного социалистического правительства была прямо высказана левым крылом ПСР 4 июня на заседании эсеровской фракции I съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Но когда левые предложили обсудить возможность «взять власть в руки социалистов»[3], им ответили, что демократия для этого еще слаба, правительство не сможет вывести страну из кризиса, и трудящиеся будут недовольны эсерами, если они возьмут на себя большую долю ответственности. Партийное единство сковывало сторонников левой коалиции в ПСР, и оно же блокировало усилия правых большевиков, поскольку их товарищи по партии скептически относились к идее союза с «соглашателями».

В ходе июльского кризиса, 4 июля Исполком Петросовета принял резолюцию, в соответствии с которой власть может перейти к Советам, но только по решению широкого собрания исполкомов с представителями с мест. Оно планировалось через две недели[4], но так и не было проведено.

4 июля было созвано заседание ЦИК и ИК СКД, на котором Ю. Мартов потребовал создания власти революционной демократии без буржуазии, предоставления большинства мест в правительстве представителям Советов. Но это предложение не было поддержано.

Снова вопрос о широкой социалистической коалиции встал в повестку дня в начале сентября, в связи с провалом корниловского выступления.

31 августа большевики предложили в ЦИК резолюцию «О власти». Она была составлена Л. Каменевым в умеренных тонах и рассчитана на компромисс с полевевшими эсерами и меньшевиками. Резолюция требовала отстранения от власти цензовых элементов (а не только кадетов) и создания власти на новой основе. «Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного правительства, ни его безответственность. Единственный выход — в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти», которая провозгласит демократическую республику, отменит частную собственность на землю и передаст ее в распоряжение крестьянских комитетов, введет в общегосударственном масштабе рабочий контроль, национализирует важнейшие отрасли, введет налоги на сверхдоходы, отменит тайные договоры и др.[5] Практически все эти требования уже высказывались лидерами меньшевиков и эсеров. Такие предложения большевиков были явным шагом к компромиссу с социалистами.

Это не была инициатива только Каменева и его сторонников. В первых числах сентября Ленин выступил с серией статей, открывавшихся работой с откровенным названием «О компромиссах». Ленин писал: «Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии... испытан только по одному фронту,

только в течение пяти дней, 26—31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистической и кадетской контрреволюции, что гражданская война с этой стороны развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было “боя”...

Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»[6]. Таким образом будет «возможно и вероятно» мирное развитие революции.

Но умеренные социалисты оттолкнули протянутую руку. Резолюция «О власти» была отклонена ЦИК, хотя выдвинутая против нее резолюция левых меньшевиков отличалась от большевистского проекта лишь нюансами. Лидеры ЦИК не хотели договариваться с большевиками. 8—10 сентября меньшевистская «Рабочая газета» и эсеровское «Дело народа» выступили с критикой ленинской инициативы.

Но Ленин не очень-то и держался за возможность компромисса. 13 сентября он писал: «величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса еще не отвергнуто, что демократическое совещание еще может принять его». Предстоящий форум демократических сил, где социалисты надеялись договориться о создании новой власти, «ничего не решает: решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы»[7].

Но умеренные большевики еще боролись за создание левой коалиции на Демократическом совещании. Несмотря на сочувствие этой идее значительной части меньшевиков и эсеров, осуществить этот проект не удалось[8]. Социалисты продолжали колебаться, опасаясь и союза с большевиками, и ответственности за результаты решительных социальных преобразований. Возражая В. Чернову, который пришел к выводу о необходимости разрыва с кадетами, член ЦК Партии эсеров А. Гоц говорил: «Слева большевики травят десять “министров-капиталистов”, требуют, чтобы мы от них “очистились”, то есть остались без союзников и скатились им прямо в пасть»[9]. По мнению того же Чернова, если социалисты возьмут власть одни, без буржуазии, как предлагают большевики и левые эсеры, то им скажут: «Где же ваш социализм?»[10].

В начале июля (во время июльского кризиса) и начале сентября (сразу после поражения Корнилова) 1917 г. большевики еще могли быть вовлечены в левосоциалистическое правительство, опирающееся на Советы. Такой вариант развития событий неизбежно повлиял бы на позицию партии большевиков. Ответственность правящей партии делает ее несколько правее, умереннее. Создание левоцентристского советского правительства ускорило бы социальные реформы, что на время разрядило бы ситуацию в решающий момент выборов и созыва Учредительного собрания.

Сторонники левого правительства, принадлежавшие к разным флангам, не сумели согласовать свои планы (здесь сыграл огромную роль субъективный фактор — нерешительность одних политиков, маловлиятельность других, взаимное, часто чисто личное недоверие и неприязнь друг к другу у третьих). Без единства левого лагеря страна стала скатываться к авторитаризму и вооруженной конфронтации.

Раскол левых сил сдвигал вектор революции к конфронтации в среде широких масс трудящихся, к угрозе широкомасштабной гражданской войны и вытекающего из нее авторитарного и тоталитарного будущего. Решившись взять на себя полноту революционной власти, большевики бросили вызов влиятельным массовым силам, имевшим другое представление о революции.

Понимая опасность одновременной конфронтации со всеми этими силами и испытывая острый кадровый голод, лидеры большевизма маневрировали, стремясь на каждом этапе борьбы нейтрализовать часть противников и привлечь попутчиков. Если для Ленина и Троцкого, для ядра большевистского проекта, это был вопрос тактики, то умеренное крыло большевизма и левое крыло социалистов видело в политике союзов иную стратегию движения к социализму — с опорой на широкую левоцентристскую коалицию, представляющую большинство населения. Это снова поставило в повестку дня проект широкой левой коалиции (однородного социалистического правительства) сразу после Октябрьского переворота. Несмотря на стремление к созданию однородного социалистического правительства умеренных большевиков, левых эсеров и меньшевиков, переговоры были сорваны под давлением Ленина, Троцкого и их единомышленников с одной стороны, так и правых лидеров эсеров и меньшевиков — с другой[11].

Создание широкой левой коалиции в ноябре 1917 г. могло серьезно изменить вектор Российской истории, уводя его в сторону от той колеи, которая привела многих действующих лиц 1917 г. на плаху через два десятилетия. Левая коалиция привела бы страну к Учредительному собранию, которое уже в конце 1917 г. могло бы начать заседания и вскоре принять демократическое конституционное и аграрное законодательство. В то же время левое правительство могло бы приступить к глубоким социальным реформам, которые требовали рабочий класс, крестьянство, с которым была согласна значительная часть интеллигенции. Но начать преобразования — еще не значит успешно их осуществить. Стратегия широкой левой коалиции, сотрудничества приверженцев разных методов социальных демократических преобразований, имела как свои плюсы в сравнении с ленинской стратегией, так и свои минусы.

Теоретически широкая левая коалиция давала шанс на более мягкий выход из кризиса в направлении модернизации и создания социального государства — на магистральный путь европейского общества XX в. Но упущен был шанс, а не гарантированная возможность. Коалиция могла не справиться со сложнейшими вызовами, стоявшими перед страной и требовавшими решительных, быстрых и выверенных мер. Большевики действовали во всяком случае решительно, хотя выверенности решений им явно не хватало. Коалиционная дискуссия позволяет учесть разные обстоятельства и мнения, принять более компетентные решения, но затягивает принятие решений и часто препятствует их последовательности.

Эти плюсы и минусы подтверждает опыт революций XX в. Преобразования широкой левой коалиции проводились Народным фронтом и его союзниками в Испании в 1936—1939 гг. Первоначально они были медлительны и явно отставали от масштабов социального кризиса. Лишь после начала гражданской войны с консервативными, националистическими и фашистскими силами инициатива в революции перешла к массовым профсоюзным и региональным движениям, «самочинные» действия которых прикрывались правительственной надстройкой широкой антифашистской коалиции от левых либералов до анархистов. Она просуществовала с сентября 1936 г. до мая 1937 г. и раскололась, а затем Народный фронт проиграл войну не только по внутриполитическим, но и по внешнеполитическим причинам. Но как бы ни оценивать шансы Народного фронта на победу в Испании, этот урок показывает, что левая коалиция не гарантировала Российскую революцию от разгрома, а ее лидеров — от плахи и эмиграции[12].

Также силой была пресечена попытка широкой левой коалиции Народное единство в Чили в 1970—1973 гг. достичь социализма без гражданской войны и диктатуры. Чилийские реформаторы хуже, чем Ленин и лидеры Испанского Народного фронта,

усвоили, что революция должна уметь себя защищать. Но трагический финал политики широкой левой коалиции сам по себе не опровергает возможность опробованной ими недиктаторской модели социалистических преобразований[13].

Однако в отличие от Испании 1936 г. и Чили 1970—1973 гг., в России осени 1917 г. левые силы в совокупности имели безусловный силовой перевес над правым, что обеспечивало гораздо лучшие стартовые условия для однородного социалистического правительства, чем были у народного фронта и Народного единства. Широкая левая коалиция в России давала жизненно важный для демократической революции шанс пройти между контрреволюционным переворотом (чего не удалось избежать в Чили в 1973 г.) и широкомасштабной гражданской войной (с чем левые опоздали в Испании в 1936 г.).

Революция шла по узкому пути между ультралевой Сциллой и право-реакционной Харибдой. Широкая левая коалиция давала шанс на оптимальный с точки зрения жертв и социальных результатов исход Великой Российской революции. Сужение политической базы власти уменьшало этот шанс, сдвигало вектор революции к непримиримой конфронтации, к угрозе широкомасштабной гражданской войны и вытекающего из нее авторитарного и тоталитарного будущего.

Широкая левая коалиция не состоялась, умеренные большевики потерпели поражение, но коммунистическое руководство понимало важность расширения политической базы Советской власти при условии своего лидерства. На сотрудничество с большевиками в качестве младших партнеров согласились левые эсеры, которые рассчитывали на то, что в результате успеха советских аграрных преобразований произойдет изменение соотношения сил между двумя советскими партиями как минимум на равноправное. Благодаря коалиции с левыми эсерами большевики получили возможность существенно укрепить позиции Советской власти в деревне и несколько смягчить кадровый голод. Коалиция была взаимовыгодной, но время играло против нее, так как каждая сторона надеялась в будущем обойтись без другой.

Большевики считали возможным лишь временно поступаться своими идеями — с тем, чтобы после укрепления системы Советской власти продолжить преобразование общества по рецептам марксизма, а не народничества. Левые эсеры были готовы искать синтез этих двух идейных традиций на пути к социализму. Согласившись с переделом земли, противоречившим марксистскому плану решения аграрного вопроса, большевики заручились нейтралитетом и частичной поддержкой крестьянства. Но этого было недостаточно для победы на выборах в Учредительное собрание.

С марта 1917 г. все влиятельные политические силы, включая большевиков, признавали авторитет Учредительного собрания. Это давало ему запас легитимности. Собрание могло принять конституцию и аграрный закон, значительно снизив тем самым остроту социально-политической борьбы. Но только при условии, что с этими решениями согласились бы все партии, заручившиеся на выборах поддержкой значительной долей избирателей.

Конфликт с интеллигенцией и слабость позиций в крестьянской среде не давали большевикам шанса на победу на выборах. На них победили социалисты, сторонники тех преобразований, которые проводила бы левая коалиция. Но социалисты, которые получили преобладание в Учредительном собрании, не собирались включать в свою коалицию большевиков, и Собрание уже вряд ли могло стать площадкой компромисса.

Хотя большевики проиграли выборы в Учредительное собрание, они заняли второе место и сохраняли силовой перевес. Сторонники Советской власти решились на разгон парламента. Сторонники сохранения Собрания не смогли найти достаточных сил для его защиты. Разгон Учредительного собрания отбросил последние общепри-

знанные правила политической игры. Легитимность, сломанная в феврале 1917 г., теперь могла восстановиться только после широкомасштабного силового столкновения, по обе стороны которого оказались сторонники массовых левых партий, стремящихся к принципиально новому обществу равноправия и власти трудящихся — социализму. Но кровавый раскол между ними и длительная гражданская война отбросила Россию с пути создания общества без классового господства и угнетения. Война и борьба на уничтожение оппонентов заложила основы нового бюрократического господства над рабочими, крестьянами и интеллигенцией.

1 Подробнее см.: *Шубин А.В.* Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 219—236.
2 Первый Всероссийский съезд Советов р. и с. депутатов. [Стенографический отчет]. М.; Л., 1930. Т. 1. С. XXVII.
3 Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. М., 2000. Т. 3, ч. 1. С. 647.
4 Меньшевики в 1917 году. М., 1995. Т. 2. С. 216.
5 Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов: документы и материалы. М., 2003. Т. 4. С. 246.
6 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 221—222.
7 Там же. С. 244—245.
8 Подробнее см.: *Руднева С Е.* Демократическое совещание. Сентябрь 1917 г.: история форума. М., 2000; *Шубин А.В.* Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. С. 381—395.
9 *Чернов В. М.* Перед бурей. М., 1993. С. 326.
10 Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. Т. 3, ч. 1. С. 749.
11 Подробнее см.: *Болтнева О. Ю.* Викжель и формирование первой политической оппозиции Советскому правительству. 1917 год: дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук.: 07.00.02. М., 1996; *Шубин А.В.* Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. М., 2017. С. 30—53.
12 Подробнее см.: *Шубин А.В.* Великая испанская революция. М., 2012.
13 Подробнее см., например: *Богуш Е.Ю., Щелчков А.А.* Политическая история Чили. М., 2009. С. 125—165.

А.Ю. Морозова

«Нынешняя революция есть продолжение… революции 1905 г.»: А.А. Богданов о революции 1917 года[1]

А.А. Богданов, лидер левого, неленинского, течения в большевизме, философ, ученый, экономист, отошедший от активного участия в политической жизни в 1911 г., в 1917 г. в «большую политику» не вернулся, хотя и не изменил своим прежним социалистическим убеждениям. Он служил врачом в эвакогоспитале в Москве, а также тесно сотрудничал с Московским Советом рабочих депутатов, читал лекции, много печатался в «Известиях Московского Совета рабочих депутатов»[2]. Его анализ и оценки сущности и перспектив развития революции 1917 года интересны и ценны тем, что в это время Богданов не участвовал в политике, и потому они лишены политической ангажированности, представляя собой продукт чистого, отстраненного от схватки политических игроков, анализа.

Всю российскую революцию 1917 года Богданов считал «вышедшей из войны», которая «первоначально задержала революцию, но затем своими тяжелыми

последствиями дала толчок к ней и обусловила ее ускоренный ход»[3]. Именно из-за войны революция «разразилась поздно, когда положение уже дошло до крайности, и именно поэтому она пошла ускоренным ходом, без всяких соглашений со старым порядком»[4].

По своему характеру «нынешняя революция есть продолжение незаконченной и отброшенной назад революции 1905 г.»[5], причем «силы для революции накоплялись и неизбежность ее наступления уже вполне выяснилась к 1914 году»[6].

По сущности своей она «есть революция демократическая, она может и должна завершиться демократической республикой»[7]. «Революцию начали рабочие, выйдя на улицу с фабрик и заводов; ее развили и дали ей победу солдаты — те же рабочие и крестьяне в военных мундирах. Буржуазия пошла за революцией и дала ей новых представителей власти. Отсюда такое противоречивое положение». «Но революционный народ остается главной силой в стране и если он не даст себя обмануть или сбить с толку — он доведет революцию до конца, до демократической республики»[8].

Богданов всегда был убежден, что именно пролетариат является тем классом, который встанет во главе кардинального переустройства общества и построения социализма не только потому, что к этому его толкает его экономическое положение в капиталистическом обществе и социально-экономическое развитие общества в целом, но и потому, что он обладает внутренними потенциями, позволяющими ему выполнить эту грандиозную задачу. Анализируя происходящие события, он приходил к выводу, что перед рабочим классом стоят весьма разные по своему масштабу и характеру задачи. Формулируя их, он подчеркивал: «Рабочий класс должен иметь в виду, что на нем лежит ответственность за судьбу революции, но что его задачи идут дальше, его идеалы выше, чем демократическая революция и республика. Его политика должна быть вполне самостоятельной»[9].

Видя в революции не только разрушение старого мира, но и, прежде всего, созидание нового, Богданов предостерегал против слишком радикальных действий, подчеркивая, что необходимо учитывать политическую и экономическую ситуацию. Так, стремясь к прекращению войны, «рабочий класс должен энергично вести борьбу против затягивания войны и стремления окончательно раздавить, голодом или оружием, воюющие с нами народы... При этом, однако, охраняя революцию, он не должен допускать того, чтобы враги народа использовали его борьбу за мир, чтобы они посеяли разлад между рабочим тылом и народным фронтом. Поэтому он не может без крайней необходимости прибегать к таким средствам борьбы за мир, которые имели бы возможным последствием ослабление защиты страны. Вооруженный народ на фронте должен знать, что рабочий народ в тылу братски-внимательно и заботливо относится к его интересам, борясь за его возвращение к мирному труду»[10].

«Рабочий класс должен бороться за экономические требования программы-минимум и в частности за 8-часовой рабочий день в той практической последовательности, которая вытекает из временных условий, созданных мировой войной»[11]. Поэтому сейчас требовать 8-часовой рабочий день можно только в отраслях, не связанных с войной и производством товаров первой необходимости.

В области аграрных преобразований «рабочий класс должен помочь крестьянству получить землю, заботясь о том, чтобы при аграрной революции не пострадали интересы производства». «Рабочий класс должен поддержать все революционные выступления крестьянства вплоть до захвата земель помещичьих, монастырских и удельных, в то же время рабочие должны употребить все свое влияние, чтобы при этом не происходило ненужного разрушения, погромов и т.д.»[12].

Для сохранения революционных завоеваний Богданов полагал важным и необходимым скорейший созыв Учредительного собрания, которое «закладывает основы государственного строя», так как после стремительного падения старого режима в России установился лишь временный порядок, в котором таится много опасностей для революции. «Народ не может жить в неопределенности, он не может жить среди опасностей и угроз нынешнего смешения старой власти с новой. Поэтому Учредительное собрание должно быть созвано без замедления. Война не должна мешать этому, потому что при войне неопределенность еще опаснее». Выборы в Учредительное собрание должны быть всеобщими, равными, прямыми, тайными. Армия должна принять в них участие, так как «солдаты — это рабочие и крестьяне в мундирах — это цвет трудового народа, собранный на фронте»[13].

Однако «рабочий класс борется не только за гражданские свободы, а за полное освобождение человечества от всякого гнета, за уничтожение всякой эксплуатации. Поэтому и ради демократии он не может отказаться от своих классовых интересов, не должен принижать своих классовых требований»[14]. Поэтому «свободой и гражданским равенством не может равно пользоваться богатый и бедный, капиталист и рабочий, помещик и трудовой крестьянин. Мы требуем, чтобы Учредительное собрание закрепило в основах нового строя те условия, которые позволят трудовому народу действительно пользоваться свободой: для рабочих — 8-часовой рабочий день, государственное страхование от безработицы, установление законом минимальной зарплаты... для крестьян — передачи им земель помещичьих, монастырских, удельных, государственных; для всего народа — переложение податного бремени на состоятельные классы»[15].

Что касается такого органа, как Советы, то Богданов видел в них «органы революционной борьбы, орудие движения революции, выполняемого ею разрушения и строительства; следовательно — учреждение революционно-правовое, а не государственно-правовое». Он полагал, что в первые дни революции Петроградский «Совет рабочих и солдатских депутатов поступил разумно, уклонившись от захвата всей государственной власти»[16], так как «революционная демократия, притом не всей России, а одного Петербурга, была бы в тот момент просто не в силах взять на себя организацию нового порядка во всей стране.

Рабочие и солдаты произвели революцию, но им пришлось самим заново и спешно организовываться, могли ли они в то же время взять на себя всю гигантскую деловую работу перестройки делового механизма? А между тем буржуазные партии шли на уступки, соглашались проводить в жизнь демократическую программу, и для них это было гораздо легче»[17], так как если бы эти же меры предлагались рабочими, то буржуазия их отвергла бы.

Однако полное отстранение представителей революционной демократии от власти и отказ войти во Временное правительство Богданов считал ошибочным, так как хотя в обычное время социалисты обычно отказываются входить в правительство, ибо этим они служат буржуазной власти, «теперь же, во время демократической революции, дело идет о другом: об устройстве, начиная с самых основ, того государственного порядка, при котором придется в дальнейшем жить и бороться рабочему классу. Это задача уже не *охранительная*, а *созидательная*; и всякий недостаток в ее выполнении тяжело отзовется на всей дальнейшей обстановке жизни и борьбы пролетариата как недостаток свободы и простора»[18].

Кроме того, сформулированная Советами с самого начала позиция по отношению к Временному правительству — «Поддержка, контроль, в случае надобности

давление, в случае крайности — прямая борьба» — гораздо эффективнее могла быть реализована давлением и влиянием не только извне, но и изнутри.

После июльского кризиса Богданов уже прямо писал, что когда все успокоится — «пройдет паника, остановится бегство на фронте» — «революционная демократия вынуждена будет устранить» очередное коалиционное правительство, потому что «революция еще не может остановиться, ее задачи не разрешены. Тогда революционная демократия должна взять власть в свои руки. При этом представителям рабочих придется принять на себя заботу, чтобы новое, уже демократическое правительство не сбивалось с революционного пути, а шло по нему до конца. Демократия не должна и не может без конца отступать перед трудностью этой задачи, как она делает, к сожалению, до сих пор.

К счастью, за прошедшие месяцы революционная демократия все же до некоторой степени сорганизовалась, а крупные политические силы для составления нового правительства у нее есть»[19].

Но это будет не завтра, а пока «надо продолжать дело организации рабочего класса, дело собирания сил под его социалистическим знаменем. Надо зорко следить за ходом событий и добиваться, чтобы революционно-демократическая программа дальше проводилась в жизнь, а Советы рабочих депутатов не успокоившись на доверии к той или иной власти, неуклонно вели защиту общенародных интересов и продолжали свое революционное строительство»[20].

Признавая «громадное значение Советов, их великую творческую силу в деле революции», Богданов резко возражал против использования Советов как органа новой государственности. Он выступил с резкой критикой ленинской теории государства-коммуны «как *политической* переходной формы от буржуазного строя к социализму», считая ее «типичным максималистским построением».

За подобный же максимализм он критиковал и лозунг «Вся власть Советам!». По мнению Богданова, лозунг «Вся власть Советам!» годился бы, если бы сами Советы желали взять эту власть, а получилось, что сторонники этого лозунга пошли против Советов, что внесло дезорганизацию в лагерь демократии. Между тем эти боевые лозунги возбуждали и без того возбужденные массы. «Это послужило толчком к бестолковому и разрозненному восстанию 3—5 июля. Советы усмирили тех, кто требовал с оружием в руках всей полноты власти Советам; одна часть демократии подавила другую»[21].

Разбирая систему выборов в советы (отдельно от крестьян, отдельно от рабочих, с разными нормами представительства в разных городах), он характеризует ее как «не особенно демократичную, и даже несколько беспорядочную», считая, что «как *постоянный государственный порядок* эта система, очевидно, гораздо менее совершенна, чем парламентарная демократическая республика, и, в сущности, прямо непригодна». Более того, наличие двух параллельных и равноправных систем советов — рабочих и крестьянских, чревато в будущем неразрешимыми конфликтами, так как «нелепо думать, что полное согласие интересов между двумя главными частями демократии — рабочими пролетариями и мелкими хозяевами крестьянами — может неограниченно продолжаться». Оно возможно в ходе революции, до тех пор, пока совпадают их классовые интересы в процессе разрушения старого мироустройства, но «чем резче в ходе революции будут выдвигаться социалистические стремления пролетариата, тем сильнее будет становиться его внутреннее расхождение с крестьянством». Не имея над собой никакого регулирующего органа, советы рабочих и крестьянских депутатов ведут себя «как две державы, они договариваются; как две

державы, они в случае коренного расхождения упираются в “ультиматум”, требование уступить во что бы то ни стало. И что тогда? Вещь очевидная: гражданская война, подавление одной стороны грубо-механическим путем». А ведь советы мыслятся как «государственный строй, т.е. постоянная организация, которая должна пережить всю революцию и удержаться на некоторый период развития после нее. Но какое же это “государственное устройство”, при котором решающее голосование по самой конституции производится с оружием в руках?»[22].

Решительно возражая против чрезмерно оптимистичной оценки и форсирования событий, Богданов полагал, что «все же пройдут годы и годы раньше, чем наша революция из демократической перейдет в социалистическую». Более того, он считал невероятным, чтобы «все это время шел непрерывный подъем революции, чтобы она ни разу не отступала, не сменялась временным упадком, реакцией»[23]. Задаваясь вопросом: «Можно ли признать, что уже назрели основные условия социализма и что революции, которые теперь идут, и те, которые произойдут еще из борьбы за мир, приведут прямо к социализму?», он решительно отвечал: «Нет, это признать нельзя... Но несомненно, что благодаря страшному толчку, данному войной, дело социализма теперь пойдет гораздо быстрее и планомернее, чем до сих пор»[24].

Позднее, уже после октябрьских событий, Богданов писал, что в 1917 г. в России «революция сначала явилась общедемократической, благодаря отсталому политическому строю, но затем вылилась в борьбу буржуазной демократии с коммунистическим блоком, который и победил в октябре — ноябре 1917 г.»[25].

В этот коммунистический блок входят рабочий пролетариат, низы армии, беднейшая и наиболее быстро разоряемая часть крестьянства и ремесленного мещанства. При этом «сила и сплоченность коммунистического блока, возможность его выступления и победы определяется позицией его центральной части — солдатских масс, являющихся связующим звеном между другими частями»[26]. В то же время именно социальными свойствами этой части, являющейся наиболее отсталой, ограничивается организационное движение блока, несмотря на то, что авангард блока — рабочий пролетариат — «неизбежно выдвигает программу, далеко выходящую за пределы собственно осадного коммунизма, программу полной социализации не только распределения и производства, свою классовую программу-максимум»[27].

Этот блок в России «выступил с самого начала — как блок рабоче-солдатский, а затем развился в широкую военную демократию: совокупность милитаризованных трудовых элементов. ... Но власть военной демократии ошибочно считать диктатурой пролетариата. Он, конечно, стоит во главе блока, руководит им, организует его силы; но он может вести этот блок только в пределах его общих интересов и общих задач, которые ограничительно определяются социальной природой наиболее отсталых частей блока. И даже в самих методах организации пролетариат связан тою же социальной природой своих союзников... военная демократия не может держаться иначе, как на методах авторитарно-принудительных»[28].

Богданов подчеркивал, что «социализм осуществится тогда, когда старому культурному миру, с его опытом тысячелетий и вполне сложившимися методами, будут противопоставлены не только политическая сила и “хозяйственный план”, а новый мир культуры, с новыми, высшими методами. Чтобы победить общественную стихийность, рабочий класс должен преодолеть стихийность собственного развития. Он не может дать миру того, чего сам не имеет».

Поэтому, ставя вопрос, «способен ли пролетариат, *такой, как он есть*, не проходя существенно нового этапа в своем организационном и культурном развитии, выпол-

нить дело социализма», и возражая максималистам, полагающим, «что да, способен, его воспитание в *основном* достаточно и закончено; требуется только боевое сплочение сил», Богданов решительно отвечал: «Нет, такой, как он есть, он еще не может достигнуть своей великой цели»[29].

А потому «пока рабочий класс не владеет своими организационными орудиями, а, напротив, они владеют им, до тех пор он, очевидно, не может и *не должен* предпринимать попытки непосредственного решения мировой организационной задачи, попытки осуществить социализм. Это был бы новый кровавый урок, вероятно, более жестокий, чем тот, который мы теперь переживаем»[30].

Чрезмерное форсирование перехода к социализму, с его точки зрения, на деле это могло бы оказаться «в лучшем случае — мечтой, которая не встретит отклика в массах. В худшем — правда, очень маловероятном — программою авантюры, самой мрачной в истории пролетариата, самой тяжелой по последствиям. Ее исход был бы с самого начала предрешен неравенством как материальных, так и культурных сил двух сторон, глубокой неподготовленностью одной из них к поставленной задаче. Естественным концом авантюры явилось бы длительное царство Железной Пяты»[31].

1 Статья написана в рамках работы над проектом «“Неленинский большевизм” А.А. Богданова и “впередовцев”: идеи, альтернативы, практика» по гранту РГНФ № 16-01-00224.

2 «Учредительное собрание» (март (№ 9)); «Права солдата и дисциплина» (25 марта (№ 20)); «Смотр» (3 апр. (№ 26)); «То, что надо сказать заранее» (17 апр. (№ 37)); «Интернационал» (18 апр. (№ 38)); «Международная революция» (Там же); «О боевых лозунгах» (23 апр. (№ 42)); «На пути к Интернационалу» (2 мая (№ 49)); «О провокации» (10 мая (№ 56)); «Государство-коммуна» (27 июня (№ 96)); «К населению Москвы. Товарищи и граждане!» (29 авг. (№ 149)); «Воззвание к солдатам. Солдаты!» (1 сент. (№ 152)); «Граждане Москвы!» (6/19 дек. (№ 180)).

3 *Богданов А.* Задачи рабочего в революции. Пенза, 1917. С. 18.

4 Там же. С. 23.

5 Там же. С. 17.

6 Там же. С. 22.

7 Там же. С. 19.

8 Там же. С. 24.

9 Там же. С. 25.

10 Там же. С. 26.

11 Там же. С. 27.

12 Там же. С. 28—29.

13 Там же. С. 4.

14 Там же. С. 25.

15 Там же. С. 6.

16 *Богданов А.А.* Уроки первых шагов революции. М., 1917. С. 3.

17 Там же. С. 2.

18 Там же. С. 3.

19 Там же. С. 9.

20 Там же. С. 10.

21 Там же. С. 14.

22 *Богданов А.А.* Вопросы социализма // *Богданов А.А.* Вопросы социализма: работы разных лет. М., 1990. С. 346.

23 Там же. С. 347.

24 *Богданов А.А.* Путь к социализму. М., 1917. С. 30.

25 *Его же.* Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. М., 1995. Кн. 1: Статьи, доклады, письма и воспоминания, 1901—1928 гг. С. 90.

26 Там же. С. 89—90.

27 Там же. С. 91.

28 *Богданов А.А.* Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. М., 1995. Кн. 1. С. 106.

29 Там же. С. 334.

30 Там же. С. 331—332.

31 *Богданов А.А.* Завтра ли? // *Богданов А.А.* Вопросы социализма: работы разных лет. М., 1990. С. 314—315.

В.Ф. Солдатенко

Партийно-политическая борьба революционных лет (1917—1920) в Украине: к выработке комплексной оценки исторического опыта

Одной из важнейших примечательностей революционной эпохи 1917—1920 гг. стало небывалое, в буквальном смысле слова взрывоподобное, увеличение количества политических партий, приумножение численности многих из них, повышение активности, усиление влияния на общественную жизнь. С одной стороны, это стало порождением экстремальных обстоятельств, объективным ответом на потребности, вызовы времени, с другой — в значительной степени результатом «обратного действия» — колоссальным ростом роли субъективного фактора в процессах невиданной интенсивности и масштабности, кардинальных, поистине «тектонических» общественных сдвигах. То есть, политические партии выступали главными, определяющими силами развития событий, настоящими творцами, мощными двигателями революции, ее «демиургами».

Естественно, все, кому приходилось прикоснуться к изучению революционной эпохи 1917—1920 гг., так или иначе пытались понять причины успехов, побед одних сил и, в равной степени, объяснить обусловленность неудач и поражений их политических соперников. Естественно, ни один автор многочисленных публикаций не мог обойти в анализе и оценках партийного сегмента общественной жизни, в результате чего в арсенале ученых накопился прямо-таки гигантский массив самых разнообразных концепций, трактовок, гипотез, суждений, версий. Знакомство с ними, чрезвычайно интересное и важное уже само по себе, дает богатейшую пищу для размышлений, желания поддержать одни подходы и возразить в научной правомерности другим, высказать критические замечания как к отдельным элементам конструкций, так и к схематично-логическим построениям в целом.

При этом важно иметь в виду, что историографическое освоение обозначенного объекта в прошлом осуществлялось в основном «по частям»: отдельно изучалась деятельность большевиков, буржуазных, мелкобуржуазных соглашательских, националистических партий или же анализировалась борьба между определенными субъектами в том или ином политическом сегменте. Конечно, обобщения, оценки были далекими от системных, всесторонних, убедительных.

В результате впервые предпринятого автором фронтального, комплексного изучения всех, без исключения (естественно, в пределах наличия документальной информации), партийных образований (организационно оформленных и политически институированных феноменов) представляется возможным предложить лапидарную оценку смыслов, содержания и результатов развития более или менее целостной партийной истории Украины 1917—1920 гг.[1] При этом, учитывая синтетический, итоговый характер названной публикации, допустимой и рациональной выглядит адресация всех интересующихся к ее содержанию, где обосновываются, подтверждаются с огромным массивом ссылок на соответствующие источники абсолютно все приводимые данные, факты, детали, цитаты из документов, научных трудов и т. п., ограничившись, в таком случае, воссозданием лишь ретроспективных контуров самой общей картины.

Согласно проведенным подсчетам, в политической борьбе тогда оказались задействованными не менее 71 партийного образования.

Условно их можно объединить в шесть групп, расположив по хронологии основания.

1. Прежде всего, это были местные организации общероссийских партий, значительная часть которых возникла задолго до революции: Бунд, Партия социалистов-революционеров, Еврейская социал-демократическая рабочая партия (Поалей-Цион), РСДРП (большевиков), РСДРП (меньшевиков), Партия народной свободы (конституционных демократов), Еврейская социал-демократическая рабочая партия, Еврейская рабочая партия социалистов территориалистов («С.С.»), РСДРП (меньшевики-интернационалисты), Левые эсеры, Партия эсеров меньшинства. В целом речь идет об 11 партийных субъектах.

2. Наибольшую группу представляли украинские (национальные) партии: Украинская народная партия, Украинская социал-демократическая рабочая партия, Товарищество украинских постепеновцев (поступовцев), Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская радикально-демократическая партия, Украинская партия социалистов-федералистов, Украинская демократически-хлеборобская партия, Украинская национально-революционная партия, Течение (группа) левых в УСДРП, Течение левых в УПСР, Украинская трудовая партия, РСДРП — Социал-демократия Украина, Украинская партия самостийников-социалистов, Украинская федеративно-демократическая партия, Украинская народная громада, Украинская партия левых социалистов революционеров, УПСР (боротьбистов), УПСР (центрального течения), Украинская национально-демократическая партия, Украинская народно-республиканская партия, УСДРП («независимых»), УПСР (коммунистов-боротьбистов), УПЛСР (борьбистов), Украинская народно-трудовая партия, Украинская народная партия (1919 г.), Крестьянская социалистическая партия, Группа федералистов в КП(б)У, Украинская Коммунистическая партия (боротьбистов), Украинская Коммунистическая партия, организации правых боротьбистов, Партия левых эсеров-синдикалистов. Вместе это 32 партии, течения и особая партийная группа. Сюда же, хотя и с естественными, понятными оговорками можно условно, при всей исключительности, отнести и Коммунистическую партию (большевиков) Украины. Подавляющее большинство названных образований оформилось, развернуло деятельность в 1917—1920 гг.

3. В западном регионе в революционную эпоху функционировало 9 партий. В Галиции: Украинская радикальная партия, Украинская социал-демократическая партия, Украинская национально-демократическая партия, Украинская народная республиканская партия, Коммунистическая партия Восточной Галиции. На Буковине: Украинская радикально-демократическая партия, Украинская социал-демократическая партия, Украинская народная партия, Украинская национально-демократическая партия.

4. В годы гражданской войны организационно оформились 3 еврейские коммунистические партии: Еврейский коммунистический Бунд в Украине (Комфарбанд), Объединенная еврейская коммунистическая рабочая партия, Еврейская коммунистическая партия (Поалей-Цион).

5. Иностранные граждане, которым случилось жить в 1917—1920 гг. в Украине, создали 5 ячеек национальных партий и групп. Речь о Польской партии социалистической, организации Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, организации Чехославянской (Чешско-Славянской) социал-демократической рабочей партии, Одесской секции румынских левых социал-демократов, Юго-Славянской группе левых социал-демократов (Одесса).

6. Наконец, в Украине в 1917—1920 гг. зародилась деятельность 9 коммунистических групп и организации зарубежных интернационалистов. К таковым относились:

Болгарская группа коммунистов, Греческая группа коммунистов, группы Коммунистической партии Польши, Румынская группа коммунистов, Венгерская группа коммунистов, Чехословацкая группа коммунистов, Юго-Славянская группа коммунистов.

Естественно, все эти партии, их организации были разномасштабными, насчитывали различное количество членов. Не было общественных страт, сколько-нибудь заметных групп в населении Украины, которые не имели представительства в партиях. Именно благодаря последним, с другой стороны, в общественное движение было вовлечено практически все общество — конечно, речь преимущественно о социально и национально активных элементах.

Оптимальным критерием реалистической оценки каждой из партий, безусловно, могут быть итоговые результаты их функционирования в указанный период. Одни пережили неудачи и поражения, вынуждены были сойти с исторической арены; достижения других были скромными, малозначимыми, а третьим активность, усилия принесли, хотя и непростую, однако желанную победу, завершились реализацией стратегических замыслов.

Исходным и определяющим моментом для понимания хода событий партийной истории в Украине 1917—1920 гг. должно служить четкое представление о ситуации, стержневой осью и сущностью которой было одновременное существование, взаимодополнение, взаимопереплетение нескольких революционных потоков, а в качестве самых мощных из них выделялись социальная и национальная, общероссийская и Украинская революции. Этим, прежде всего, и в наибольшей степени, объясняется наличие в регионе такого количества и такого разнообразия политических партий.

С рубежа веков Украина являлась одним из наиболее экономически развитых регионов Российской империи и, согласно общесоциологическим законам, одним из самых мощных очагов партийно-политической жизни, форпостом практически всех общероссийских партий. Так, после Февральской революции во всех украинских губерниях активизировалась деятельность местных организаций кадетов, меньшевиков, эсеров, других партий. Условия, а с ними и содержание, характер их деятельности на протяжении исследуемого периода несколько раз кардинально менялись.

В марте — октябре 1917 г. очаги упомянутых партий были опорой Временного правительства в проведении курса на укрепление основ буржуазного строя, пытались противодействовать справедливым национальным требованиям украинцев. Даже войдя на основе компромисса в июле 1917 г. в состав Центральной Рады, превратив последнюю в легитимный краевой орган власти, они не столько способствовали решению назревших проблем украинства, сколько тормозили революционно-освободительные процессы.

После свержения Временного правительства немало лидеров общероссийских партий переехали в Киев, другие города Украины, где отчасти поддерживали Центральную Раду, Украинскую Народную Республику в ее противостоянии с СНК, с силами социалистической революции. В то же время идейно-политическая инерция не позволила им определиться до конца с собственной позицией, когда борьба между советским лагерем и украинской властью достигла апогея (январь 1918) и члены организаций общероссийских партий, их функционеры решили соблюдать нейтралитет: для них оказались неприемлемыми как первые шаги социалистических преобразований советской власти, так и попытки строительства собственного национального государства под руководством Центральной Рады.

Внутреннее раздвоение в общероссийских партиях, которые продолжали функционировать в Украине, происходило в период Гетманщины. Так, кадеты, продолжая именовать себя партией народной свободы, обладая по существу двоякой россий-

ско-украинской лояльностью, составили костяк правительства П.П. Скоропадского, хотя душой, очевидно, их посланцы были ближе участникам белого движения, достаточно интенсивно развивавшегося «по соседству» — на Дону и довольно быстро захватившего в сферу своего влияния и Кубань. Меньшевики и эсеры оказались еще в более беспомощной ситуации. Исповедуемые центристские ориентации вывели их больше за сущностные, определяющие рамки политических систем и Гетманщины, и Вооруженных сил Юга России (на самом деле — военно-государственной организации во главе с монархистом генералом А. Деникиным). Сторонники соглашательства и центризма оказались в положении «вне игры» по мере поляризации политических сил в стране, особой зоной напряжения которой стали Украина и Дон. Маневры П.П. Скоропадского, направленные на достижение соглашения с небольшевистскими силами России (с их олицетворением — П.Н. Красновым), легальная, а еще в большей степени — нелегальная помощь формированию Добровольческой армии, не оградили Украину от тяжелых испытаний, выпавших на ее долю в месяцы хозяйствования в регионе единонеделимцев. Те, кто еще недавно входили в руководящие структуры Украинской Державы, теперь грубо уничтожали все, что было связано с украинской государственностью, «украинским духом». В партийном отношении это были и кадеты, и меньшевики, и эсеры. Именно в это время в полной мере сказалась их антиукраинскость, и, после разгрома деникинской армии, общероссийским партиям правого крыла и центристам рассчитывать было уже совсем не на что. Ни в возобновляемой Украинской Народной Республике, ни в Советской Украине, успешно оттеснявшей государственность Директории с политического плацдарма.

Безрезультатными оказались попытки посланцев П.Н. Врангеля (естественно, они представляли партийно-великодержавные круги) «навести мосты» с петлюровским окружением даже в экстремальных для обеих сторон обстоятельствах.

Для общероссийских политических партий право- и центристского направления украинская проблема стала непреодолимой вершиной, которую они не в состоянии оказались одолеть.

Не менее серьезной, сущностной и даже более решительной в процессе развития событий оказалась линия разграничения и конфликта с общероссийской политической партией совершенно иного, полярно противоположного, леворадикального направления — большевиками. Организации последних, быстро набирая политический вес, увеличивая влияние в массах, неуклонно возрастая численно, с весны до лета 1917 г. открыто и категорически поддерживали справедливые украинские требования, с пониманием относились к курсу украинских партий. И если до октябрьских событий в Петрограде основные противоречия украинского политического лагеря приводили к противостоянию с силами Временного правительства, то поздней осенью — зимой линия водораздела и враждебности превратилась в ось конфликта с большевистско-советским лагерем. Ситуация осложнялась тем, что из среды самых влиятельных центристских партий — меньшевиков и эсеров выделились (и в центре, и на периферии) группы и течения левых элементов, что, в разной степени, но поддержали социалистическую революцию, советскую власть. Похожие тенденции проявились и в главных партиях Украинской революции — УПСР и УСДРП. В результате расширялась партийная база социальной революции социалистического содержания и направления, сужалась поддержка государственнической модели Украинской Народной Республики, отстаиваемой Центральной Радой. Разграничения и противоборство социальной и национальной революций привели к разительным изменениям политических векторов и государственных достижений украинства. Сначала почти на всей территории Украины распространилась советская

власть, решительно отстаиваемая РСДРП (б), ее местными организациями, к действиям которых приобщались левые эсеры (интернационалисты), левые (интернационалисты) в РСДРП (м), левое течение в УПСР и группы левых в УСДРП. Затем произошло восстановление на всей территории УНР власти Центральной Рады в результате реализации договоренностей с Центральными державами в Бресте об оккупации Украины — плод международной деятельности УПСР, УСДРП, УПСФ, УДХП, УПСС. И, наконец, произошел гетманский переворот, провозглашение власти авторитарно-консервативных сил (организации Конституционно-демократической партии, УПСФ, УПСС, УДХП).

Политическая практика Украинской Державы П.П. Скоропадского (репрессии против леворадикальных партий и организаций, партий национально-демократического фронта, объединенных в свое время в Центральной Раде, отмена демократического законодательства в отношении национальных меньшинств и т.п.) нанесла ощутимый удар по украинским партиям левого и левоцентристского крыла и одновременно стимулировала кристаллизацию позиций составных элементов многих национально-политических образований, ускорила процессы нарастания противоречий и разграничений в них. Так, в частности, произошло «отпочкование» организаций левых эсеров в Украине от общероссийской партии и провозглашение создания Украинской партии социалистов-революционеров (борьбистов), оформление Украинской партии социалистов революционеров (боротьбистов), зарождение течения независимых в УСДРП, произошли сдвиги влево в ориентациях еврейских партий: Бунда, ОЕСРП, СЕРП (Поалей-Цион).

Достигли завершения и объединительные усилия в среде большевистских организаций Украины. Не сумев довести до успешной реализации замысел о создании РСДРП (б) — Социал-демократии Украины на грани 1917—1918 гг., коммунисты сконсолидировались в июле 1918 г. в Коммунистическую партию (большевиков) Украины, тесно связанную с РКП (б), закрепив статус областной организации последней. В то же время в ходе ее становления проявилось тяготение некоторых, вначале отдельных элементов к единению, сочетанию теоретической социальной доктрины с национальными интересами и стремлениями украинского народа.

Параллельно очень непростые тенденции наполняли жизнь украинских партий. Призванные на арену политической борьбы небывалым подъемом национально-освободительного движения, быстро приобретшего масштабы могучей национальной революции, украинские социал-демократы, украинские эсеры, украинские социалисты-федералисты, украинские самостийники-социалисты, украинские демократы-хлеборобы и др., наиболее полно отражавшие общие глубинные устремления нации, в течение 1917 г. получили огромную поддержку собственного народа. Однако уже к началу 1918 г. невнятная, непоследовательная, артикулируемая с опаской, невыразительными оговорками социальная политика партий Центральной Рады вызвала охлаждение настроений, резкое падение массовой приверженности к ним, а занятая позиция по другую сторону баррикад от большевистского, советского лагеря вообще превратила в проблематичное все дальнейшее поступательное их развитие в регионе. Доверие к ним достигло критически низких пределов с оккупацией УНР австро-немецкими войсками и гетманским переворотом, ускорив внутреннюю эрозию и дифференциацию, которые вылились в процессы разложения: оформление левых течений и фракций и существенное сужение численности и влияния их правых частей.

Такие же тенденции еще более развились и усилились во время Директории, приведя в 1919 г. к ряду партийных новообразований: УСДРП (независимых), УСДРП (независимых левых), УПСР (коммунистов-боротьбистов), Украинская коммунистическая партия (боротьбистов), Коммунистический Бунд (Комфарбанд), Объеди-

ненная еврейская коммунистическая партия, Еврейская коммунистическую партия (Поалей-Цион). В то же время в ходе реализации Акта соборности Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики партийный спектр государства расширился включением в совместную национально-политическую жизнь партий западного региона — Украинской радикальной партии, Украинской социал-демократической партии, Украинской народной революционной партии (все — Галиция); и почти такого же круга партийных образований Буковины— Украинской радикальной партии, Украинской социал-демократической партии, Украинской Народной партии, Украинской национально-демократической партии.

В стороне от этого сегмента тогда же возникла Коммунистическая партия Восточной Галиции, по сути не успевшая принять участие в реализации всеукраинских проектов.

Тем временем на значительных территориях Украины в 1919 г. была восстановлена советская власть и осуществлена попытка проведения масштабных «военнокоммунистических» экспериментов, что привело к понижению престижа КП(б)У, даже вызвало протестные движения, породило довольно широкую повстанческую практику, в которую включилась, в частности, УСДРП (независимых).

Однако именно в этом году КП(б)У получила определенную поддержку многих иностранных коммунистических групп (интернационалистов), созданных под влиянием возникновения и началом деятельности III, Коммунистического Интернационала. Таких групп в 1919 г. оформилось 12, входили в них тысячи зарубежных революционеров. Они пополняли ряды Компартии Украины, усиливая ее потенциал, базу социальной революции.

Попутно следует вспомнить, что в водовороте революционных перипетий, хитросплетений гражданской войны и иностранных интервенций потерялись несколько преимущественно центристских по предпочтениям партийных институтов иностранных граждан, скорее ориентированных на деятельность в кругу своих соотечественников, волею судьбы оказавшихся в зарубежье, чем в расчете влияния на ход событий в регионе своего временного, по большей части вынужденного (военнопленные и беженцы Первой мировой войны) пребывания.

К вышеупомянутому следует добавить, что в логику межпартийных отношений времен гражданской войны прочно вплелись и такие непростые явления, как красный и белый террор. Так, кадеты, правые меньшевики и правые эсеры, «привязавшись» к планам возрождения «единой и неделимой», монархической России, не просто окончательно идейно дискредитировали себя в глазах широких кругов украинства, но и непосредственной причастностью к жестокостям, ужасам репрессивной практики вызвали массовое осуждение, облегчили встречные действия принципиально такого же, «симметричного» силового характера, с имманентными им «перегибами», приблизили момент окончательной ликвидации организаций противников и врагов коммунистов.

И не только психологическое значение в данном контексте имело то, что из меньшевистско-эсеровской среды выделилось, пусть и меньшее, но все же довольно значительное количество левых элементов (счет шел на тысячи), которые осознанно примкнули к борьбе с белогвардейцами и вступили в момент наиболее опасного этапа гражданской войны в ряды КП(б)У.

В 1920 г. еще более интенсивным оказалось тяготение национал-коммунистических сил (в январе оформилась Украинская коммунистическая партия) к участию в функционировании советской политической системы и объединению с КП(б)У. Последняя же, длительное время преимущественно с недоверием, подозрением, а то и откровенно негативно относясь к выходцам из круга, квалифицированного мелко-

буржуазным, националистическим, отвергая возможность каких-либо блоков, выработала тактику, согласно которой национал-коммунистические партии должны были самораспуститься, и только затем поступать на индивидуальной основе в КП(б)У. Именно так и развивались события, связанные с вхождением в Компартию Украины, добившейся признания единственной коммунистической организацией в Украине, и УКП (б), и УПЛСР (борьбистов), и Комфарбанд (последний, правда, на время добился незначительных автономных прав в виде евсекций).

Так уже в 1920 г. практически сформировалась однопартийная политическая система в Украине (длительное время — до марта 1925 г. — организационно дистанцированной оставалась только Украинская коммунистическая партия, однако слишком ограниченное число ее членов и недостаток реального политического веса мало что меняло в общем раскладе сил). Финал партийной истории революционной эпохи оказался как неожиданным для многих сил, выступавших или оппонентами, или соперниками, или же врагами коммунистов (многие были просто не готовы смириться со своим поражением или вынужденной сменой позиций, что достаточно быстро перенесли на страницы исторических работ и продолжают практиковать в современной историографии), так, одновременно, и прогнозируемым, в значительной степени детерминированным, закономерным.

Если же внимательно, всесторонне и ответственно попытаться оценить воспроизведенные процессы в предложенной и использованной системе координат, то нетрудно прийти к вполне очевидным научным выводам.

С политической арены в бурную эпоху вынуждены были сойти консервативные, либеральные и реформистские партии, которые не смогли сколько-нибудь адекватно отразить и воплотить в своей деятельности интересы широких масс — преобладающей части участников революции и тех, кто хотел перемен, прогрессивного развития или же благосклонно, сочувственно к этому относился. Таким партиям просто было отказано в доверии, поддержке.

Одновременно в другом сегменте произошли основные, определяющие метаморфозы. Правоцентристские, отчасти правые социалистические партии (и украинские, и неукраинские) после эйфорического увлечения агитационно-пропагандистскими акциями и первыми шагами деятельности весной — летом 1917 г., по мере накопления, осмысления массами собственного опыта, начали неуклонно терять свою привлекательность и общественное значение. Украинские партии — УСДРП, УПСР, УПСФ, УПСС, УДХП и другие прилагали отчаянные усилия для продолжения и углубления изменений, которые вытекали из их программ и в целом ограничивались задачами национально демократической революции.

Другое течение, олицетворенное в позиции и курсе левых украинских эсеров-боротьбистов, украинских социал-демократов-независимцев, украинских коммунистов (боротьбистов), укапистов, трансформировавшись в национально коммунистический партийный феномен, также продолжало самоотверженно бороться за торжество Украинской революции, которая для них, однако, приобретала смысл и характер национально-социалистической революции, направленной на установление и укрепление советской власти. Это течение умножало потенциал большевистских сил (РКП (б) и КП(б)У), усиленный левыми украинскими эсерами (борьбистами), комфарбандовцами и другими еврейскими коммунистическими образованиями, а также левыми элементами бывших соглашательских партий (в частности, выходцами из ортодоксально меньшевистской и эсеровской среды) и достаточно радикально настроенными группами иностранных коммунистов-интернационалистов.

Именно на стороне данного политического сегмента объективно оказалось подавляющее большинство украинского народа, и определило конечный результат революционной борьбы — как принципиальный исторический выбор и перспективу перехода к полномасштабному созданию нового, социалистического общества.

Конечно, было бы неоправданно хотя бы в малейшей степени абстрагироваться от признания действия такого немаловажного и даже в значительной степени определяющего фактора, как целенаправленная интеграция процессов в Украине в общероссийскую историческую поступь. На это не жалел усилий московский коммунистический центр, не только посылая мощные идейно-политические импульсы, но и предоставляя эффективную разностороннюю поддержку, включая силовую, вплоть до масштабного участия в военных действиях в регионе, с целью развития ситуации в Украине по универсальному революционному сценарию, вовлечения действий трудящихся региона в единое, общероссийское русло кардинальных общественных сдвигов.

Факты убедительно свидетельствуют, что на роль основного, авангардного субъекта, центра притяжения левых сил в Украине выдвинулась Коммунистическая партия (большевиков) Украины. Именно с ней связаны наиболее значимые определяющие, решающие сдвиги в социальной борьбе (как достигнутые, так, еще в большей степени, ожидаемые, планируемые), и именно с ней пытались связать свою дальнейшую судьбу те, кто приходил к выбору социалистической перспективы для Украины. Правда, не все с этим соглашались сразу. Так, на подобную роль определенное время рассчитывали боротьбисты, укаписты и федералисты, однако их потенций и усилий не хватило, чтобы стать лидерами, организационными центрами коммунистического движения в Украине.

Конечно, свое значение здесь имела позиция, линия поведения КП(б)У, принесшая выигрыш, итоговый перевес и решающее предпочтение именно ей, а затем и обусловившая необходимость для других политических игроков принять предложенные ею «правила игры», согласиться на выдвинутые и последовательно отстаиваемые условия.

При этом вряд ли оправданным было бы пренебрежение, недооценка фактического признания поражения своих партий в бескомпромиссной борьбе с коммунистами целого ряда руководящих деятелей правых, право- и левоцентричных, соглашательских политических образований, оказавшихся в эмиграции, однако не желавших смириться со своей незавидной участью — разлукой с Родиной. Сравнительно быстро они пришли к решениям о необходимости возвращения в Украину, развивавшуюся на социалистической, советской почве, и приняли посильное участие в созидании нового строя, новых общественных отношений. Речь, в частности, о М.С. Грушевском, П.А. Христюке, В.М. Шемете, Н.И. Шраге и др. Как известно, немало было и тех, кто также хотел бы вернуться в Украину на условиях признания существующей политической системы, однако по разным причинам не мог добиться разрешения властей, как, например, В.К. Винниченко. Он, в частности, считал, что его коллеги из близких по идеологическим предпочтениям партий поехали из эмиграции «на большой самокритичный подвиг, тяжелую борьбу за достижения нашей революции».

Думается, что подобная методологическая и нравственная позиция в своей системной сущности заслуживает особого внимания. Преодолевая заскорузлую предвзятость, плотную зашоренность, она широко открывает глаза на видение, объективное, правдивое понимание и реалистичную оценку сверхсложных процессов, которые инициировались, направлялись, реализовывались различными политическими силами Украины в бурную эпоху и, несмотря на все имеющиеся естественные противоречия, обусловила непростое восходящее продвижение народа, нации, страны по историческим ступеням.

Конечно, достигнутый на конец революционной эпохи результат партийно-политической генеалогии, при всей своей детерминированности, не мог быть гарантом того, что созданный фундамент обеспечит абсолютный успех процессов следующей исторической ступени — построение общества высокого цивилизационного уровня и безупречного качества. Свой решающий приговор предстояло вынести общественной практике.

Бесспорно, отдельного, специального, подробного разговора заслуживает и очень непростая, многоаспектная, к сожалению, запутанная в историографических противоречиях проблема развития отношений внутри однопартийной системы выходцев из разных политических лагерей, как, впрочем, и отношения между теми, кто имел отличающиеся взгляды в неоднородном, немонолитном коммунистическом лагере, со временем превратившихся в веские ретроспективные аргументы (претензии, обвинения) во фракционных противостояниях острой, конкурентной борьбе и политических процессах 30-х годов прошлого века.

Объективным подтверждением приведенных рассуждений и выводов являются многочисленные фактологические, документальные материалы. Их комплексный анализ неопровержимо свидетельствует, что в эпицентре тогдашней жизни оказались политические партии — настоящие демиурги революции. А результат их деятельности оказался исторически далекоидущим, в значительной степени судьбоносным. Бесспорно, глубинные корни многих проблем последующих десятилетий закоренены в события столетней давности, а фабула последующего развития народа, нации, государства будет оставаться труднопостижимой без профессионального погружения в сущность тогдашних процессов, их объективного, честного прояснения, беспристрастной, всесторонней оценки, взвешенных обобщений и формулирования принципиальных поучительных уроков.

[1] *Солдатенко В.Ф.* Деміурги революції: нарис партійної історії України 1917—1920 рр. Київ: Наукова думка, 2017. 748 с.

А. Скшипек

Польские политические организации в России, март 1917 – февраль 1918 г.

В своей статье я хотел бы обратить Ваше внимание на феномен активизации польской политической жизни в России после начала революции в 1917 году. Крах системы самодержавия дал полякам шанс использовать свои прогосударственные устремления в новом, послевоенном миропорядке. Следует отметить, что в начале войны российские власти туманно обещали полякам удовлетворить их государственные амбиции в рамках внутренней политики.

Война оказалась неудачной для России. Отступая из Польского Королевства, русские эвакуировали в глубь государства полторы сотни фабрик, более миллиона поляков, а также и администрацию Королевства. Наряду с ними центр польской политической жизни переместился с Вислы на Неву. В России были не только рабочие и техническая интеллигенция, но и много людей культуры и науки — актеров, художников, писателей, ученых, деловых людей. Вынуждаемые судьбой, чтобы поддержать

себя за границей, они сформировали местные общины, которые в крупных городах стали основой польской культурной жизни и политических дискуссий[1]. Насущная необходимость заключалась в том, чтобы обеспечить минимум существования беженцев с территории Королевства.

Эту задачу власти бросили на плечи созданных благотворительных организаций[2]. За короткий срок было создано Польское Общество Помощи Жертвам Войны. Организацию возглавил московский адвокат Александр Ледницкий, член российской кадетской партии. Ледницкого можно назвать человеком-учреждением. Он организовал, оживил, определил направление развития, десятки инициатив. Его личность, к сожалению, была в истории забыта. Ледницкий, как активный политик, придерживался либерально-демократической линии и видел будущее Польши в рамках реформированного послевоенного порядка. Стремясь сосредоточить благотворительную деятельность в своих руках, он создал координирующий орган Совет съездов Польской организации жертв войны, создавая сеть связей между поляками, проживающими в России и прибывающими в нее.

Концессию на благотворительную деятельность получил также Центральный Гражданский Комитет, представляющий интересы беженцев из Королевства. Руководство комитетом приняли политики, лояльной в отношении царизма партии — Национальной Демократии. Его возглавил Роман Дмовски. Защитой ЦГК должен был быть назначенный национал-демократами Комитет Национальный Польши (в России).

Новою геополитическую ситуацию в Центральной и Восточной Европе создало провозглашение Германией 5 ноября 1916 г. восстановления Польского государства. Концепция *Mitteleurope* была альтернативой панславянским планам Санкт-Петербурга. Это подрывало российскую политику в ее международном аспекте. Нужен был ответный шаг России. Вопреки ожиданиям его не было. Военные союзники ожидали от российского правительства, что они возьмут на себя инициативу по контролю за ходом польского дела, поскольку сами считали этот вопрос внутрироссийским. Все российские партии придерживались этой линии. Павел Милюков, лидер партии кадетов и лидер всей парламентской оппозиции, говорил о необходимости дать Королевству скромную автономию.

Февральская революция изменила это положение. Временное правительство вызвало большую надежду. Ожидался поворот в российской политике. Программная декларация Временного правительства создала пространство для различных видов деятельности.

Время после марта 1917 г. — это период беспрецедентного возрождения польской жизни в России. Никогда еще ни до, ни после этого не работало так много польских политических, общественных, благотворительных и профессиональных организаций, и никогда не появлялось столько журнальных изданий. Их обсуждения и дискуссии — это школа политической практики для поколения, готового в скором времени принять руководство. Поляки соответствовали революции. Они хотели воспользоваться нынешней ситуацией. Были проведены различные митинги, собрания и конгрессы.

В общем, польское дело в России шло двумя или даже тремя отдельными путями, которые отражали эволюцию программы польских организаций. Первый тренд — политический, ориентированный на создание лучших условий для выделения будущей Польши из бывшей царской империи; выделения, принятого Россией или Антантой. Второй тренд определяло военное дело — это вопрос создания польской армии в России. Третий обозначили отношения польских левых с русскими[3].

Временное правительство 29 марта представило свою программу под названием «К Полякам», написанную Милюковым[4]. Он объявил о создании польского государства в будущем. Но он настаивал на том, чтобы оно оставалось военным союзом с Россией. Границы этого государства и всех его взаимоотношений должны были определяться будущей конституцией.

Программа Милюкова вызвала смешанную реакцию в польской среде. Связанные с активистами PTPOW (Ледницкий)[5] со ссылкой на Временное правительство пытались уклониться от этих достижений. Их поддержали активисты из эмиграционных кругов, которые поддерживали контакты с политиками в Варшаве. Эта ориентация уже в марте 1917 г. назначила Польский Демократический Комитет в Петрограде и Польский Демократический Клуб в Москве[6]. Александр Венковский, лидер Комитета, ранее был инициатором Польской Независимой Ассоциации, связанной с Польской Военной Организацией[7].

Соперничавшие с линией Ледницкого Эндеки, возглавляемые такими активистами, как Зигмунт Велопольский и Станислав Грабски, объявили 2 апреля Манифест ко всем полякам. Они призвали все польские организации в России к единству. Эти интеграционные мероприятия могли рассчитывать на поддержку Центрального Гражданского Комитета.

Однако лидер Дмовски видел еще и другую возможность продвижения национального дела. Воспользовавшись дипломатической защитой МИД России, Дмовский уехал на Запад. Здесь, как эмиссар, он мог связаться с правительствами Франции и Великобритании.

Революция принесла левым, особенно социал-демократам, новые возможности действий, которые укрепили левых и рабочих. В столице их поддержкой была Польская рабочая ассоциация «Promień», которая работала уже более десяти лет[8]. Раньше это было исключением, но весной 17-го года оно нашло последователей, когда в более 100 городах были созданы объединения PPS Frakcji Rewolucyjnej, PPS-Lewicy i SDKPiL[**]. Часто эти группы формировали общую местную организацию: они принадлежали либо к Польскому революционному клубу в Москве[9], либо Польскому социалистическому союзу в Харькове.

Один из многочисленных митингов, организованных Польским Огниско, направил своих представителей в Петроградский совет, чтобы поздравить с победой революции от имени польской нации. Посыльные выступили с речью. По мере того, как польский вопрос возник в революционизированном обществе, Совет ответил 27 марта посланием «К польскому народу». В нем было заявлено, что Польша должна быть полностью независимой страной в смысле полноправного законного государства.

Многочисленные заявления по польскому вопросу, указывавшие на его место в русской революции, благоприятствовали игре политических субъектов. Послание Петроградского совета побудило Временное правительство конкретизировать свое видение решения польского дела. Премьер-министр, князь Львов, 28 марта объявил о назначении Ликвидационной комиссии для Королевства Польша[***], правительственного министерского учреждения[10]. Руководство Львовской комиссии было доверено ранее упомянутому адвокату Александру Ледницкому. Первое, торжественное заседание Комиссии состоялось 15 апреля 1917 г. Эта номинация предполагала, что Ледницкий сыграет более заметную роль в изменившихся российско-польских отношениях.

---

* Польская социалистическая партия — революционная фракция, Польская социалистическая партия — левица и Социал-демократия Королевства Польши и Литвы. — *Ред.*

** Ликвидационная комиссия по делам Царства Польского. — *Ред.*

Назначение Комиссии стало значительным шагом на пути, ведущем к отделению Польши от Российской империи. С польской стороны были сформированы представители Совета съездов Польской организации жертв войны, но Ледницкий укрепил свой политический фон, создав Круг друзей польской независимости[11].

Революционные изменения вновь подняли проблему формирования польской армии в России[12]. На волне революционного бума в армии в марте появился Комитет военных поляков Западного фронта. Его постулат о создании национальных войск был повторен[13]. Первой официально созданной организацией с этим намерением был Союз военных поляков (СВП), сформированный 5 апреля 1917 г. на митинге польских солдат в Петрограде. Обнаружив поддержку в Ликвидационном комитете, Союз потребовал создания отдельного польского корпуса в составе российской армии. Верховное командование было склонно это сделать.

Предложение о создании национальных вооруженных сил вызвало дискуссию. Кругам, связанным с PTPOW (Ледницкий), оно соответствовало планам независимости Польши[14]. Об этом также говорила Национальная Демократия. С другой стороны, левые своим радикальным крылом выступали против и оценили это как проявления национального сепаратизма и противостояния революции.

Окончательно формирование польской армии в России определялось Съездом Военных Поляков в июне 1917 г. Это была арена острых политических столкновений, которые привели к расколу. Как только левые делегаты покинули зал и инициировали сепаратистские конференции, другие приняли резолюцию о создании польской вооруженной силы. Также был избран Главный Польский Военный Комитет (Naczpol), с тем, чтобы возглавить эту акцию[15].

Следующий премьер-министр Временного правительства Александр Керенский принял польские постулаты, согласившись сформировать единый корпус. Командующим был назначен поляк, генерал Йозеф Довбор-Мусницкий.

Левые активисты, покинувшие съезд Военного Союза Поляков, сформировали конкурирующий с Главным Польским Военным Комитетом Главный Комитет Союза Военных Поляков (левых) во главе с Романом Лонгвой[16].

* * *

С началом лета состояние двойственной власти подошло к концу. Польская среда пыталась использовать его двумя способами. Эндеки искали сильные стороны в более тесном отношении к традиционно понимаемой российской политике[17]. Чтобы договориться о процедуре, Эндеки созвали в последней декаде июля 1917 г. в Москве Польский Политический Сьезд.

Программный документ был представлен Станиславом Грабским, рекомендующим переориентироваться на Антанту[18]. Чтобы отделиться от скомпрометированного политикой выгоды Польского Национального Комитета (в России), Конгресс созвал Польский Межпартийный Совет под руководством Станислава Войцеховского, впоследствии президента Польши. Кампания Совета не была признана Временным Правительством во главе с Керенским. Он рассматривал Совет как антиреволюционный фактор и относился к нему с недоверием.

В ответ на это Польский Межпартийный Совет укрепил свои контакты с Дмовским, действовавшим на парижской земле, принял его стратегию, в результате чего блок организаций, сконцентрированных в Совете, все сильнее эволюционировал в сторону Антанты.

Иная тактика была принята другой организацией с амбициями лидерства — Советом Соглашения Партии Сторонников Польской Государственности в России. Она

пыталась сосредоточить небольшие группы предпринимателей, бизнес-активистов, интеллигенции. Их связи с бывшим Королевством вызвали ориентацию на Регентский Совет. Эту ориентацию поддержал Ледницкий, стремясь укрепить Комиссию, которой он руководил. Он искал контакты со сторонниками в оккупированной стране модели государственности, которая функционировала под знаменем Временного Государственного Совета.

Чтобы договориться о желаемой тактике, Ледницкий созвал съезд представителей польских политических партий в России 26 сентября 1917 г., организовав его в Зимнем Дворце[19]. Его намерение состояло в том, чтобы подготовить почву для создания представительства польской нации, которое в будущем может превратиться в правительство. Кадровая поддержка могла быть предоставлена членам и Ликвидационной Комиссии.

Правительство большевиков положило конец активной правовой деятельности польских организаций в России, поскольку вся политическая жизнь определялась отношением к военному коммунизму. Было разделение общества на «мы» и «они». Места, которые до тех пор занимались организациями, упомянутыми в этом исследовании, были переданы курьерам, посланникам и делегатам, которые с подачи центров реконструкции польской государственности распространяли в России инструкции, рекомендации, приказы, часто, как Библейский Моисей, — посылая польских солдат на другие фронты борьбы.

Совет Народных Комиссаров при реорганизации государственного аппарата столкнулся с Ликвидационной Комиссией Ледницкого. Было решено ее распустить и заменить Комиссариатом по делам Польши**. Впоследствии большевистские власти пришли к выводу, что польский вопрос будет рассмотрен в контексте национальной политики государства, которую должен был установить Народный комиссариат по делам национальностей. Другие революционные контакты были установлены на основе принципов интернационализма, таких, как создание Польского отдела в руководстве.

Октябрьский переворот заставил польских военных в России выбирать между двумя вариантами. Солдаты Белгородского полка установили власть советов в пределах своей досягаемости. Однако в конце года, согласно решению Совета Народных Комиссаров о ликвидации российской армии, как и все другие формирования, полк был расформирован.

Судьба Первого корпуса, состоявшего из различных частей польских солдат, выбранных Главным Польским Военным Комитетом, сложилась по-другому. Эти подразделения прорывались через страну, охваченную революцией, до Бобруйска в Беларусь, где было назначено место концентрации Корпуса.

Дальнейшая судьба поляков в России определялась российско-германскими мирными переговорами в Бресте на реке Буг. Одним из условий мира стало признание большевиками возрожденной Польши в форме правительства Совета Регентства. В результате этого признания большевистское правительство вновь активизировало Комитет Ледницкого в качестве представительства Совета Регентства в Москве.

Дальнейшая судьба польского дела в России уже пошла другими путями. Их обсуждение выходит за рамки этой статьи.

1 Por. A. Ślisz, Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji 1915—1919, Warszawa 1968.
2 I. Spustek, Polacy w Piotrogrodzie 1914—1917, Warszawa 1966, s. 179.
3 A. Zatorski, O niektórych aspektach kwestii polskiej w rewolucji lutowej w Rosji. Z dziejów stosunków polsko-radzieckich, studia i materialy, [Warszawa] 1971, zesz. VIII, s. 167 i nast.

* Комиссариат по польским национальным делам. — *Ред.*

[4] Odezwa Rządu Tymczasowego, Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich, Warszawa 1962, t. 1, dok. 13, s. 18.
[5] Z. Nagórski, Aleksander Lednicki (1886—1934), Zeszyty Historyczne, Paryż 1962, z. 1. Por. też Proces Lednickiego. Oprac. Z. Wasilewski. Warszawa 1924.
[6] W. Toporowicz, Sprawa polska w polityce rosyjskiej 1914—1917, Warszawa 1973, 269.
[7] I. Spustek, op. cit., s. 377, 385.
[8] Ibid, s. 249.
[9] W. Toporowicz, op. cit., s. 264.
[10] Statut Komisji Likwidacyjnej. Dokumenty i materiały ... s. 17—18.
[11] W. Toporowicz, op. cit., s. 268, 298, 301, 307, 310.
[12] I. Spustek, op. cit., s. 374.
[13] Depesza Związku Wojskowych Polaków 4 maja 1917 r. Dokumenty i materiały ... dok. 31, s. 45—46.
[14] W. Toporowicz, op. cit., s. 362.
[15] H. Bagiński, Wojsko polskie na Wschodzie, Warszawa 1921; W. Lipiński, Walka zbrojna o niepodległość Polski 1905—1918, Warszawa 1935, s. 268 i nast.
[16] Informacja gazety „Promień" z 16 VI 1917, Dokumenty i materiały ... dok. 45, s. 76—81; A. Zatorski, Żołnierz Dywizji Strzelców Polskich wobec rewolucji rosyjskiej. Z dziejów stosunków polsko-radzieckich, Warszawa 1965, zesz. 1, s. 5 i nast.
[17] List Grabskiego do Dmowskiego 7? VIII 1917, Dokumenty i materiały ... dok. 54, s. 113—116.
[18] W. Toporowicz, op. cit., s. 381.
[19] Ibid, s. 341.

В.Г. Кокоулин

Политические партии и группы Западной Сибири в революционных процессах 1917 г.

Характерной особенностью революционных процессов 1917 г. в России была неравномерность политических процессов в различных регионах страны. Связано это было с тем, что в каждом регионе сложилась своя уникальная политическая конфигурация, связанная с количественным и качественным составом политических партий и групп, которые влияли на формирование, деятельность и взаимоотношения различных органов власти, направляли активность различных социально-классовых групп местного населения для поддержки или проваливания мероприятий как местных, так и центральных властных структур. Вместе с тем налицо явная общность политических процессов во всей стране, вектор которой задавали события в центре страны, а регионы фактически подтягивались и равнялись на столичные политические процессы. Это сочетание общего и уникального в деятельности политических партий и групп на местах в конечном счете и определило специфику революционных процессов 1917 г. в России.

В данной статье анализируются конфигурация политической системы и политическая активность партий и групп в таком крупном регионе, как Западная Сибирь, поскольку во многом то, что происходило в этом регионе в революционный 1917 год, обусловило специфику того, что случилось весной — летом 1918 г. с началом Гражданской войны в Сибири.

Первая проблема, которая нуждается в освещении, это — численность различных партий и групп в Западной Сибири в 1917 г. Несколько поколений историков

достаточно хорошо изучили количественный и качественный состав различных политических партий в регионе начиная с периода формирования и до начала Февральской революции. Так, согласно историку М.В. Шиловскому, обобщившему все предшествующие исследования, социал-демократы в Сибири в целом до 1905 г. насчитывали около 500 человек, в период организационного расцвета — в конце 1906 г. в трех десятках объединений РСДРП региона состояло чуть более 3 тыс. членов, а к февралю 1917 г. их количество сократилось до 600—700 человек, что позволяет сделать вывод об отсутствии абсолютного преобладания социал-демократов среди общественно-политических группировок Сибири к началу Февральской революции[1].

Общая численность социалистов-революционеров в Сибири в конце 1906 г. составляла 1200—1400 человек, сократившись в межреволюционный период в результате тотальных арестов настолько, что в 1914 г. в Сибири осталось только 4 городских организации и один эсеровский кружок в деревне, численность даже городских организаций не превышала 20 человек, а в среднем в Томске и Омске составляла 12—14 человек[2]. Таким образом, эсеры значительно уступали по численности социал-демократам. Еще более малочисленными были народные социалисты и анархисты в регионе.

Численность октябристов в момент образования партии составляла в Сибири 300 человек в двух организациях — тобольской и томской. К концу 1916 г. местные отделения октябристов в Западной Сибири практически прекратили свое существование. Для сравнения, у кадетов в Сибири было 18 организаций, в 9 из которых числилось 1713 членов. К моменту Февральской революции численность кадетов в Западной Сибири также существенно уменьшилась[3].

Еще меньшая численность была у сибирских областников, которые представляли по сути политическую группу из небольшого числа сибирской интеллигенции.

Таким образом, активностью политических партий и групп в дореволюционный период нельзя объяснить развитие революционного движения в регионе. По существу, если бы не произошли февральские события в Петрограде, в Сибири никакой революции бы не было.

После Февральской революции начался стремительный рост численности основных политических партий в регионе. Так, томская организация РСДРП в течение марта 1917 г. выросла от десятка членов до 300 человек. В партию активно вступали рабочие, солдаты и служащие по рекомендации двух старых членов партии. На первом легальном собрании омской городской организации РСДРП, прошедшем в первые дни после получения сведений о событиях в Петрограде, присутствовало 40—50 человек, но к концу марта в организации числилось уже 350 членов[4].

Численность социал-демократических организаций Западной Сибири продолжала расти и дальше. Так, в июле на экстренном совещании социал-демократических организаций Томской и Енисейской губерний присутствовали представители от 500 членов томской организации, 400 — новониколаевской, 279 — судженских копей, 80 — кемеровских и 300 анжерских. Таким образом, в 5 социал-демократических организаций Томской губернии насчитывалось 1579 членов. Барнаульская организация РСДРП насчитывала 500 меньшевиков, численность большевиков не известна[5].

Этими данными, к сожалению, в настоящее время исчерпывается вся информация о численности политических партий в Западной Сибири в 1917 г. Но уже они со всей очевидностью свидетельствуют о количественном росте партийных организаций в регионе.

Если о конкретной численности партийных организаций трудно судить из-за отсутствия источников, то о соотношении сил, политическом влиянии и популярности партийных лозунгов среди населения мы можем судить по результатам выборов

в различные местные органы власти. Так, в апреле 1917 г. по результатам выборов в Томское губернское народное собрание эсеры получили более 60% голосов, социал-демократы — 6%, народные социалисты и федералисты — каждая менее 1%[6].

В Новониколаевске комитет Сибирского союза ПСР и РСДРП выставили в Народное собрание по 80 кандидатов, республиканцы-демократы и федералисты — по 50 человек. Но на выборах 85% голосов получили эсеры, 8% — социал-демократы, 1,5% — федералисты и менее 1% — республиканцы-демократы[7].

Значительные различия по западносибирским городам продемонстрировали выборы в городские думы летом — осенью 1917 г. В Новониколаевске и Томске представительство трех политических лагерей — буржуазного, мелкобуржуазного и пролетарского — оказалось примерно равным. Так, в Томске кадеты и домовладельцы получили 27 мест, эсеры, меньшевики и народные социалисты — 33 места, большевики — 34. В Новониколаевске у буржуазных групп также было 27 мест, у мелкобуржуазных партий — 41 место, у большевиков — 34. При этом надо иметь в виду, что эсеры не были едины, и часть их стояла на позициях левых эсеров. Отметим также снижение популярности эсеровских лозунгов в этих двух городах с весны до осени 1917 г.

К сожалению, мы не можем судить о соотношении политических сил в Омске и на Алтае весной 1917 г. Однако если провести аналогию с событиями в других городах Западной Сибири, а также учесть, что летом — осенью 1917 г. в Омске и Барнауле выявилось преобладание мелкобуржуазных групп, то можно считать, что эсеровские лозунги и настроения были популярны в городах Западной Сибири в период двоевластия. Действительно, летом — осенью 1917 г. в Омске буржуазные группы получили 25 мест, эсеры — 54, что вместе с народными социалистами и социал-демократической группой «Единство» составляло 58 мест, омская организация РСДРП — 20, причем в последнюю входили как большевики, так и меньшевики. В Барнауле буржуазные группы получили 9 мест, меньшевики и эсеры — 33 места, большевики — 18. Только в Бийске кадеты получили больше половины мест: 22 из 43, остальные места поделили мелкобуржуазные партии и большевики в составе единого списка РСДРП[8].

Таким образом, мы можем констатировать неравномерность соотношения политических сил по крупным городам Западной Сибири, что связано как с социально-классовым составом населения разных городов в дореволюционный период, так и с политическими процессами после Февральской революции.

О популярности партийных организаций среди крестьянского населения можно судить по тому факту, что 14 сентября на Томском губернском съезде крестьянских депутатов подавляющее большинство (80%) проголосовало за эсеровскую резолюцию о переходе земли «в общенародное достояние без выкупа на началах трудового уравнительного землепользования», большевистская резолюция была отклонена[9]. Эту ситуацию легко экстраполировать на всю Западную Сибирь, принимая во внимание результаты выборов в Учредительное собрание. Подавляющее влияние эсеровских идей в западносибирской деревне не вызывает сомнения.

Политические позиции партий и их внутреннее состояние в период двоевластия выглядели следующим образом.

Кадетские организации в разных городах Западной Сибири провели общие собрания в разное время. В Томске оно прошло еще 12 марта, в то время как в Омске кадеты не могли организоваться до 30 апреля. В Томске уже на первом собрании кадетом И.А. Некрасовым было предложено снять лозунг «старых кадетов» — конституционную монархию, чтобы «не случилось того, что произошло после Великой Февральской революции» и заменить его требованием демократической республики. В Новонико-

лаевске не было кадетской организации, но действовала местная группа республиканцев-демократов, которая объявила о борьбе за демократическую республику, но не за счет «углубления революции», а путем «социальных реформ». Однако после поражения на выборах в Народное собрание они активности не проявляли. В Омске кадеты объявили о безусловной поддержке Временного правительства и выступили против создания Сибирской областной думы с лозунгом «единой и неделимой»[10].

Социал-демократические организации Западной Сибири, хотя и были едиными до осени 1917 г., однако в них явственно выделялись большевики, меньшевики-оборонцы и меньшевики-интернационалисты. Последние по многим позициям сближались с большевиками. Да и большевики в городских западносибирских организациях не были столь радикальными, как некоторые их однопартийцы в столичных организациях. Поэтому весной 1917 г. они ставили задачу осуществить программу-минимум, поддерживая Временное правительство, платформа которого оценивалась как революционная. Новониколаевские социал-демократы выступали за совместную борьбу против буржуазии, за выставление самостоятельных списков на выборах в Учредительное собрание. В омской городской организации РСДРП состояли большевики, меньшевики-интернационалисты, меньшевики-оборонцы и бундовцы. Первые два месяца после Февральской революции достаточно сильные позиции были у меньшевиков-интернационалистов, которые имели влияние в Совете рабочих и военных депутатов и среди железнодорожных рабочих. Они решительно отвергли предложение местной организации ПСР объединиться на федеративных началах. Хотя среди партийных групп отмечалась тенденция к объединению, но поскольку платформы партий сильно расходились, они всё чаще действовали самостоятельно, не согласовывая свои шаги друг с другом[11].

Эсеровские организации выступали за безусловную поддержку Временного правительства до тех пор, пока в него входят представители «социалистических» партий. Среди новониколаевских эсеров были как оборонцы, так и интернационалисты, но организационно они разделились уже в середине марта 1917 г., когда местные эсеры-оборонцы отказались вступать в местную организацию Сибирского союза социалистов-революционеров, хотя и считали, что отношение к войне является тактическим разногласием, а поскольку необходимо стремиться к объединению, то вопрос следует оставить открытым. Они образовали «Инициативную группу социалистов-революционеров», независимую от местного городского комитета Сибирского союза ПСР. Томский губернский комитет потребовал ликвидировать эту группу, но преодолеть раскол не удалось. Омские эсеры объявили о необходимости довести войну до такого конца, «когда Германия не в состоянии будет повлиять на изменение нашего строя», откладывая решение аграрного вопроса и государственного устройства России до Учредительного собрания. 6—8 апреля в Омске собралась эсеровская конференция, на которой кроме 11 сибирских организаций была представлена челябинская. Делегаты единодушно высказались за поддержку Временного правительства «постольку-поскольку», отложили решение аграрного вопроса до Учредительного собрания. Однако по отношению к продолжению войны с Германией голоса разделились: на интернационалистских позициях оказались 8 организаций, остальные — на оборонческих[12].

Кроме этих основных политических партий в западносибирских городах действовали организации других партий, ограничивавшие свою деятельность одним городом. В Томске в мае 1917 г. началось формирование трудовой группы, выступившей в поддержку А.Ф. Керенского. Однако она не получила поддержки населения и вскоре прекратила существование. В Новониколаевске некоторое время действовал комитет Сибирских федералистов, провозглашавший необходимость победы над

Германией, созыв Учредительного собрания, установление республиканского образа правления в стране и федеративное устройство государства. Однако вскоре они стали отмежевываться от других партий народнического направления и ограничили свои требования федеративным переустройством Сибири. В Омске в начале апреля сформировалась социал-демократическая группа «Единство», ставшая местной организацией петроградской группы, организованной Плехановым, Дейчем и Засулич. «Единство» объявила о поддержке Временного правительства и преждевременности лозунга «превращения политической революции в социалистическую»; выступила за продолжение войны «для предотвращения восстановления старого порядка при помощи германской армии, для освобождения Европы от угроз австро-германской реакции». Эта группа оказалась на правом фланге социал-демократии, сближаясь по основным позициям с народными социалистами и кадетами. Известно о формировании омской группы партии народных социалистов, но они, создав организационное бюро, более ничем не проявили себя в политической жизни[13].

Хотя Февральская революция и привела к оживлению партийной жизни в Западной Сибири, однако в партийных организациях не было теоретиков, а если они, как томские областники, и были в дореволюционный период, то отошли на второй план. Партийные активисты руководили не партийной работой, а ушли во властные органы; партийных лидеров регионального масштаба так и не выдвинулось. Партийные организации ориентировались на ситуацию в Петрограде и на решения своих центральных органов, но иногда предпринимали самостоятельные действия, не согласовывая их с центральными партийными комитетами и не координируя с аналогичными партийными организациями в других западносибирских городах. Так, в Томской губернии эсеры по собственной инициативе созвали Народное собрание, воплощая областнический лозунг автономии Сибири и Сибирской областной думы. Напротив, в Омске местные эсеры выступили против инициативы местных социал-демократов реализовать областнические идеи.

Летом — осенью 1917 г., по мере углубления политического кризиса в стране, в партийных организациях Западной Сибири шло два параллельных процесса: более четкое размежевание политических сил и раскол в формально единых партийных организациях. Что касается эсеровских организаций, то начавшийся в период двоевластия процесс дробления продолжился в дальнейшем. Особенно отчетливо это проявилось в новониколаевской эсеровской организации. Началось все с того, что по отношению к Временному правительству две группы эсеров в Новониколаевске заняли разные позиции. Новониколаевский комитет ПСР считал, что Временное правительство должно быть «однородно-социалистическим», а инициативная группа местных эсеров выступила в поддержку Керенского и призвала бороться с большевизмом: «большевизму» «с левой стороны» пристало «все, что угодно вплоть до анархизма», а «с правой» — «разношерстные остатки старых монархических партий». В начале августа инициативная группа эсеров вышла из состава Городского народного собрания, отказавшись подчиняться директивам местного комитета ПСР[14]. Отметим, что эти события носили не локальный характер, а явились проявлением того же процесса выделения левых эсеров в качестве самостоятельной организации на общероссийском уровне.

Размежевание социал-демократических организаций Западной Сибири произошло в основном осенью 1917 г. после подавления корниловского выступления. В сентябре разделилась объединенная организация РСДРП в Новониколаевске. 14 сентября на ее заседании за резолюцию о присоединении к большевикам проголосовало 86 делегатов, за присоединение к центру объединенных организаций — 23 делегата. 21 сентября прошло первое собрание меньшевиков — РСДРП (объединенных),

которые заявили, что переход власти к Советам будет означать «провал и крушение революции», поскольку пролетариат, «изолированный не только от остальных классов страны, но и от действительных живых сил демократии не сможет ни технически овладеть государственным аппаратом и привести его в движение в исключительно сложной обстановке, ни политически не способен будет противостоять тому напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но в придачу, всю революцию». Меньшевики призывали не допустить гражданской войны, сплотить всю демократию под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!»[15].

6 сентября на собрании Томской организации РСДРП было решено присоединиться к решению конференции РСДРП (б) Средней Сибири о вступлении в состав РСДРП (б). На следующий день местные меньшевики выступили с заявлением о необходимости организации самостоятельной организации меньшевиков. 8 сентября томская губернская конференция организаций РСДРП признала партийным центром ЦК РСДРП (б). Меньшевики-оборонцы и интернационалисты решили объединиться в самостоятельную организацию на платформе объединительного съезда социал-демократов в Петрограде. Затем в состав организации вошла еврейская социал-демократическая партия Бунд[16].

В омской организации распадение началось с выхода в начале октября из думской фракции и образования самостоятельной группы меньшевиков-оборонцев, признавшей, что «революция является не социалистической, а буржуазной» и что Временное правительство должно быть коалиционным с привлечением цензовых элементов, а совместные выступления с большевиками недопустимы. Раскол между оставшимися в организации большевиками и меньшевиками-интернационалистами произошел 12 октября, когда большинством голосов (256 из 366) на общем собрании было решено примкнуть к ЦК большевиков. Меньшевики-интернационалисты 19 октября приняли платформу организации, объявив революцию «демократической», а «социальный переворот» — утопией. Они выступили за организацию «однородной революционно-демократической власти», то есть «власти рабочей и крестьянской демократии, ответственной перед органами революционной демократии — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов впредь до создания революционной власти той же рабочей и крестьянской демократией Учредительного собрания, опирающимся на органы революционной демократии»[17].

Характерно, что современники считали, что размежевание социал-демократической партии на группы и даже расхождения социал-демократов и социалистов-революционеров не являлись чем-то принципиальным. Так, спустя почти 15 лет активный сторонник большевистской группы В.М. Косарев вспоминал, что Омский Совет рабочих и солдатских депутатов «тогда являлся открытой трибуной для всех “советских” партий, а партией несоветской считались только кадеты», политические лидеры выступали здесь со своими декларациями по главным вопросам политики[18]. В данном случае это свидетельство особенно важно, поскольку В.М. Косареву приходилось выступать перед такими же участниками событий, как и он сам, и ему не было возможности озвучивать идеологические штампы начального периода сталинизма.

По сравнению с ситуацией в партийных организациях в центре страны, этот процесс в Западной Сибири проходил с некоторым запозданием, но можно утверждать, что он имел внутренние глубинные причины, связанные с процессами, происходившими в социально-классовых группах под влиянием революционных событий в стране.

Обратимся теперь к умению местных организаций политических партий оценивать ситуацию и вырабатывать адекватную ситуации тактику действий. Важно

отметить, что политические партии редко проводили собственно партийные собрания. Они сосредоточили свою деятельность в местных органах власти — Комитетах общественного порядка и безопасности, Народных собраниях, Советах и профессиональных организациях, поэтому об их позиции можно судить по тем резолюциям, которые они предлагали в связи с теми или иными событиями. Также в нашем распоряжении имеется достаточно обширная партийная пресса — в каждом западносибирском городе издавалась, как минимум, одна местная партийная газета помимо официальных изданий местных органов власти. Здесь уместно выделить ключевые события и их оценки различными политическими силами.

Неудачное наступление на фронте и передача Советами всей полноты власти Временному правительству в Петрограде означало конец двоевластия. Это не было осознано сразу в партийных организациях, по-прежнему партийные руководители считали, что Советы являются полномочными органами, которые могут или поддержать Временное правительство, или взять всю полноту власти в свои руки. События в Петрограде обсуждались на заседании Новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов 8 июля. Эсер М.Ф. Омельков расценил выступления в Петрограде как посягательство «на волю всей демократии», увидя в них «зачатки контрреволюции». Большевик А.И. Петухов потребовал передать всю власть Совету рабочих и солдатских депутатов, против чего стал возражать эсер И. Гольдберг, уверяя, что это нанесет «непоправимый ущерб» делу революции, поскольку Советы не смогут справиться с «грехами старой власти», в частности обеспечить население хлебом, и это ослабит их позиции и, соответственно, усилит контрреволюционные силы. Поскольку большинство в Новониколаевском Совете принадлежало эсерам и меньшевикам, то в принятой резолюции предлагалось организоваться вокруг Советов и «спокойно ждать решений полномочного органа демократии Совета Советов». 8 августа Новониколаевский Совет рабочих и солдатских депутатов обсуждал события в стране. Социал-демократ (впоследствии большевик) В.И. Шамшин высказался за недоверие Временному правительству и передачу власти Советам. Именно последнее, по его мнению, позволит решить основные проблемы — конфискацию военных прибылей, завершение войны и передачу земли крестьянам. Эсер М.Ф. Омельков потребовал, чтобы Временное правительство «имело твердую власть и довело нас до Учредительного собрания», а передача власти Советам невозможна, поскольку соотношение сил таково, что необходимо «коалиционное сотрудничество». В итоге была принята резолюция о поддержке нового коалиционного правительства. На II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшемся в Омске в начале августа 1917 г., большевик Н.Н. Яковлев потребовал перехода власти в руки «большинства революционной демократии, организованной в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Резолюция была принята большинством голосов[19].

Томская организация ПСР на экстренном заседании 8 июля высказалась за переход всей власти до созыва Учредительного собрания в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Она решительно осудила «сепаратное революционное выступление отдельного меньшинства демократии против ее организованного большинства»[20].

Как мы видим, эсеры и социал-демократы (как меньшевики, так и большевики) по-прежнему оценивали Советы как органы власти, каковыми они являлись в период двоевластия, игнорируя тот очевидный факт, что власть ушла из рук Советов, и резолюции с требованиями передачи власти Советам были не более чем простыми декларациями, реализовать которые не было никакой возможности.

Кадеты оценивали ситуацию более адекватно. В их резолюциях и требованиях отмечалась кризисная ситуация с Временным правительством. Стремясь временно привлечь на свою сторону мелкобуржуазные партии с целью изолировать большевиков, они прибегали к демагогическим заявлениям в отношении большевиков и преувеличению их роли в июльских событиях. Так, омские кадеты (подчеркнем, это была самая активная кадетская организация в Западной Сибири) обратились с призывом к «революционной демократии» выступить против большевиков и «раз и навсегда положить конец их изменнической деятельности». В одном из последующих номеров омская кадетская газета разъясняла, что если бы кадетам было отведено в правительстве соответствующее место, а тактика и программа партии проводилась Временным правительством, то «несомненно, мы избежали бы всех тех потрясений, которые могут погубить Россию». В целом кадеты требовали, чтобы власть была «независимой» и не шла «на поводу у Советов» [21].

Серьезный перелом в политической жизни Западной Сибири произошел после корниловского выступления. Местные организации политических партий сразу сориентировались в происшедшем, создав Комитеты спасения революции в Новониколаевске и Барнауле и Временный объединенный комитет революционной демократии в Омске. Однако даже кратковременного единения политических сил не произошло. Напротив, размежевание только усилилось. Причем в разных городах представители одной и той же политической партии выдвигали разные требования. Так, в Томске 1 сентября организация РСДРП потребовала немедленно передать власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а в Барнауле после того, как на заседании городского Совета рабочих и солдатских депутатов большевистски настроенная часть социал-демократов настояла на переходе всей власти к Совету, председатель Совета социал-демократ В.И. Шемелев сложил с себя полномочия. 2 сентября общее собрание Омского Совета рабочих и солдатских депутатов после доклада Попова и Ишмаева потребовало, чтобы «в настоящий критический момент революции» в центре была власть в лице Временного правительства, а на местах — «однородная власть революционной демократии», опиравшаяся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и перед ними ответственная[22].

Кадеты, напротив, пытались воспользоваться моментом, чтобы не допустить перехода власти на местах к местным Советам. Так, 1 сентября на заседании Омской городской думы было предложено две резолюции. Первая призывала «всю демократию» к активной поддержке Временного правительства для борьбы с контрреволюцией и получила большинство голосов за счет эсеров и социал-демократов. Кадетскую резолюцию с осуждением «всяких попыток насильственного посягательства на власть Временного правительства, откуда бы они ни исходили» и, в частности, захвата власти в Омске «частью демократических организаций», поддержали только кадеты, домовладельцы и группа «Единство», и резолюция была отклонена[23].

Эсеры в разных городах, а зачастую в одном и том же городе, также выступили с противоположными резолюциями. Так, 9 сентября на совместном заседании Новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов Новониколаевского уезда с докладом выступил член губкома ПСР А.П. Лисиенко, который предложил закончить войну, передав всю власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В принятой резолюции требовалось прекратить «соглашательство с буржуазией» и создать центральную власть «только из социалистов». В то же время в Омске эсеры, провозглашая необходимость «единения революционной демократии», одновременно выступали за коалицию с частью буржуазии. Так, 6 сентября Омская городская дума приняла резолюцию, предложенную эсером В.В. Паске-

вичем, о том, что недопустимы никакие соглашения и совместные действия с ПНС и что к участию в органах власти как в центре, так и на местах должны быть привлекаемы лишь представители «той части буржуазии, которая, исходя из верной оценки положения, отнеслась отрицательно к безумной попытке Корнилова и продолжает стоять на общей национальной платформе 8 июля». В наказе делегату на Всероссийское совещание демократических организаций в Петрограде на заседании исполнительного комитета Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов 12 сентября эсер П.Я. Дербер предложил привлечь кадетов, прогрессистов и обновленцев, иначе, как он разъяснил, это будет «не общенациональный фронт, а классовый»[24].

Эти факты достаточно ярко свидетельствуют, что местные партийные организации не получали соответствующих директив от центральных партийных органов, а действовали по собственному разумению, выбирая соответствующие, по их мнению, текущему моменту лозунги, выработанные партийными организациями в разные периоды политической борьбы начиная с начала XX в.

Следует отметить специфическую для Западной Сибири группу областников. Принадлежа в прошлом к народническому направлению и выступая за созыв Сибирской областной думы для управления Сибирью, в период между двумя революциями 1917 года они активно пропагандировали лозунг автономии Сибири и с этих позиций резко критиковали большевиков, выступавших против Областной думы за переход всей власти в руки Советов, сравнивая строй, который предполагали установить большевики, с недавно свергнутым монархическим. Характерно, что позицию большевиков против автономии разделяли остальные группы социал-демократов Западной Сибири. Но в итоге проходившая в Томске областническая конференция большинством голосов проголосовала за необходимость для Сибири автономии[25]. Областнический лозунг автономии Сибири разделяли эсеровские организации, выдвигавшие в своих программах требование федерализации России. Так, на II Томском губернском съезде ПСР 22 сентября большинством голосов по докладу Е.В. Захарова была принята резолюция об автономном областном устройстве Сибири. Этот лозунг не был просто позаимствован из арсенала областников. В данном случае эсеры следовали требованиям крестьянства. Свидетельством тому служит принятая единогласно на Томском губернском съезде крестьянских депутатов 14 сентября резолюция о том, что наиболее справедливым строем является федерация на началах «самой широкой автономии как областей, так и народностей, не исключая и территориальных внеземельных»[26].

Дискуссии об автономном устройстве Сибири развернулись на I Сибирском областном съезде в Томске в начале октября. Против автономии Сибири резко выступили местные кадеты. С ними оказалась солидарна часть социал-демократов, правда, из других соображений. За федерацию и автономное областное устройство Сибири высказались областники, эсеры и представители национальных групп. Не возражали против автономии и меньшевики, выступившие против федерации. Большевики заявили, что большинство делегатов съезда являются «идеологами буржуазии и зажиточного крестьянства, использующих съезд в своих классовых интересах для создания формы устройства местной жизни, противоречащей интересам пролетариата и всей демократии в целом», и резко отвергли лозунг автономии[27].

Областнические лозунги автономии Сибири также свидетельствуют о том, что местные политические партии и группы вынуждены были сами вырабатывать тактические приемы.

Если проводить параллели между организацией и активностью политических партий в Западной Сибири в революционный 1917 г. и в первый период Гражданской

войны в Сибири, именуемый «демократической контрреволюцией», то видим общность лозунгов и тактики действий политических партий в западносибирских городах, а также те же самые социально-классовые группы, интересы которых они так или иначе отражали. Кадеты выступали с лозунгом «единой и неделимой России»; эсеры поддерживали требование автономии Сибири, вместе с меньшевиками они выступали за коалицию с буржуазными группами и «народовластие» (власть земствам и городским думам на местах и Учредительному собранию в центре); большевики вели борьбу за «диктатуру пролетариата и крестьянства» и власть в виде Советов. Поражение мелкобуржуазных групп осенью 1917 г. и осенью 1918 г., а затем осенью — зимой 1919 г. свидетельствовало о невозможности «третьего пути» в революции и Гражданской войне: в период обострения социально-классовых противоречий власть могли удержать или кадеты, или большевики, что в конечном счете и произошло.

1 *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск: НГУ, 2013. С. 25.
2 Там же. С. 29, 37.
3 Там же. С. 64—65.
4 *Бабикова Е.Н.* Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. С. 41—42; *Шуклецов В.Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов: деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1981. С. 23.
5 Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.). Томск, 1957. С. 88—90; Съезды, конференции, совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций Алтайской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 1992. С. 31—32.
6 Томск: история города от основания до наших дней. Томск, 2004. С. 194.
7 Свободная Сибирь. Новониколаевск, 1917. 15 апр.; Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. 14 апр.; Десять лет на службе городу: Новониколаевская городская дума в документах и материалах, 1909—1919. Новосибирск, 2008. С. 45—46.
8 *Кокоулин В.Г.* Томск в годы революции и Гражданской войны (февраль 1917 — декабрь 1919 г.). Новосибирск, 2012. С. 95; Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. 6 окт.; *Кокоулин В.Г.* Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 — май 1918 г.). Новосибирск, 2016. С. 118—119; Борьба за власть Советов на Алтае: ист. очерк. Барнаул, 1957. С. 82—83; Революционные события и Гражданская война в Алтайской губернии, 1917—1922: хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 61; *Добровольский А.В.* Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917—1923 гг.). Новосибирск, 2002. С. 43.
9 Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 1992. Ч. 1. С. 107—109.
10 Сибирская жизнь. Томск, 1917. 14 марта; Свободная Сибирь. Новониколаевск, 1917. 23 марта; Омский вестник. 1917. 4 (17) мая.
11 Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. 7—9 марта; *Шуклецов В.Т.* Указ. соч. С. 23; Известия Омского Совета рабочих и военных депутатов. 1917. 26 (13) мая.
12 *Черняк Э.И.* Отношение эсеров Сибири к войне после Февральской революции 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири (конец XIX — 1918 г.). Томск, 1976. С. 128—129, 138, 192—193; *Добровольский А.В.* Указ. соч. С. 18, 42; *Бондаренко А.А.* Образование левоэсеровских организаций Сибири // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири в период Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 91—92.
13 Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 4. Д. 254. Л. 7; Свободная Сибирь. Новониколаевск, 1917. 6 марта; 12 марта; 23 апр.; Известия Омского коалиционного комитета. 1917. 9 (22) апр.
14 Земля и воля. Новониколаевск, 1917. 23 июля (5 авг.); Знамя свободы. Новониколаевск, 1917. 22 июля; Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. 12 авг.
15 Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. 21 сент.; 1 окт.; 8 окт.; 14 окт.
16 *Кокоулин В.Г.* Томск в годы революции и Гражданской войны ... С. 79—80; *Шуклецов В.Г.* Указ. соч. С. 34.
17 *Кокоулин В.Г.* Омск в годы революций ... С. 164—165.
18 ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 841. Л. 5.
19 *Агалаков В.Т.* Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск, 1978. С. 67; Известия Новониколаевских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1917, 13 июля; 19 авг.; Голос Сибири. Новониколаевск, 1917. 13 авг.
20 *Кокоулин В.Г.* Томск в годы революции и Гражданской войны ... С. 65.
21 *Его же.* Омск в годы революций ... С. 107—108, 121—122.

[22] *Его же.* Томск в годы революции и Гражданской войны ... С. 78—79; Борьба за власть Советов на Алтае. С. 79; Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.
[23] *Кокоулин В.Г.* Омск в годы революций ... С. 139—140.
[24] Знамя свободы. Новониколаевск, 1917. 12 сент.; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 724. Л. 116; ИАОО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 2. Л. 42, 43, 47; *Кокоулин В.Г.* Омск в годы революций ... С. 143—144.
[25] *Кокоулин В.Г.* Томск в годы революции и Гражданской войны ... С. 67—70.
[26] Съезды, конференции и совещания ... в Томской губернии ... Ч. 1. С. 107—109, 112.
[27] *Шиловский М.В.* Первый сибирский областной съезд (октябрь 1907 г.) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 50—51.

С.В. Беспалов

П.Б. Струве о природе и значении революции 1917 года

Работы, посвященные осмыслению итогов русской революции, занимают огромные место в наследии выдающегося отечественного мыслителя Петра Бернгардовича Струве. И это вполне закономерно. Как отмечал крупнейший биограф Струве Ричард Пайпс, «русская революция, понимаемая в самом широком смысле», интересовала Струве всю жизнь. В юности он размышлял о том, как не допустить ее, в зрелом возрасте — как направить ее в созидательное русло, в старости — как с ней справиться»[1].

Идейная эволюция Струве подробно охарактеризована во множестве исследований[2]. К тому же философские взгляды П.Б. Струве на протяжении его жизни серьезно менялись, как трансформировались и его политические убеждения — от социал-демократических до праволиберальных. Особенно значительны были изменения в его взглядах, происшедшие во второй половине 1890-х — начале 1900-х годов. Как он писал в 1902 г., восемью годами ранее он «был в философии критическим позитивистом, в социологии и политической экономии решительным, хотя и вовсе не правоверным, марксистом. С тех пор и позитивизм, и опирающийся на него марксизм перестали для автора быть всей истиной, перестали всецело определять... его мировоззрение. Ему пришлось... искать и вырабатывать себе новый строй идей»[3], причем процесс этот и в начале первого десятилетия XX в. был еще далек от завершения. В то же время экономические взгляды Струве представляются нам самым устойчивым компонентом его мировоззрения. Почти все наиболее значимые суждения по собственно экономическим вопросам, высказанные Струве в 1894 г., в первом крупном исследовании «Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России»[4] (публикация которого сразу же поставила 24-летнего автора в ряд крупнейших экономистов России), в дальнейшем воспроизводились им в работах 1900—1910-х годов без существенных изменений. Более того, последующая эволюция социально-философской доктрины Струве являлась, на наш взгляд, в известной степени процессом приведения его философских и особенно социально-политических воззрений (последовательно затем воплощенных прежде всего в «Великой России», где был сформулирован принцип приоритетности внешней политики по отношению к политике внутренней) в соответствии с ранее сложившейся экономической концепцией. В связи с этим позволим себе остановиться вначале на одном весьма любопытном эпизоде, происшедшем вскоре после выхода «Критических заметок». Эта книга, основным содержанием которой являлось опровержение народнической доктрины самобытного

экономического развития Россия, вызвала оживленную полемику в русском обществе. Но первым внимание на то, что сформулированная Струве концепция экономического развития России вовсе не нуждается в последовательно марксистском обосновании, полностью «игнорирующем личность», обратил крупный публицист консервативного направления К.Ф. Головин, уже в 1896 г. написавший: «Если... выкинуть из книги г-на Струве довольно смутные надежды на имеющее когда-нибудь совершиться “обобществление” и освободить ее от ненужного философского балласта» — его концепция окажется вполне приемлемой, а «цельность его взглядов только выиграет»[5]. Кстати, несмотря на довольно жесткую критику философских воззрений Струве, Головин — один из самых прозорливых консервативных мыслителей России своего времени, с тревогой наблюдавший за ростом в конце XIX в. популярности народнических взглядов, все чаще проникавших даже «в тайники канцелярий», обратился с удивительным, беспримерным для представителя консервативного лагеря той эпохи призывом к современникам, желавшим для России европейского будущего: «Всем людям, которым дорога будущность родины, нельзя уже сохранять нейтралитет между двумя направлениями (народничеством и марксизмом. — *С.Б.*), с которыми они одинаково расходятся (прежде всего в неприятии их мировоззренческих основ. — *С.Б.*), но из которых одно, по крайней мере, не поворачивается спиной к европейской культуре. Всем, кому не представляется иного пути к дальнейшему развитию нашего отечества, кроме этой культуры, надо встать под одно общее знамя и сомкнуться против общего врага — против защитников умственного и экономического одичания»[6]. Хотя именно опубликование работы Струве и побудило Головина, увидевшего в нем потенциального союзника в борьбе против «общего врага», написать эти строки, молодой Струве, однако, не оценил должным образом этого призыва Головина и предпочел ответить ему с последовательно классовых позиций. Признав (в статье «Моим критикам», написанной в 1895 г., но впервые опубликованной лишь в 1902-м), что в негативном отношении к народнической программе его взгляды и представления Головина весьма схожи, так же, как, например, в Германии есть сходство «в оценке некоторых сторон капитализма между реакционерами и социал-демократами», Струве заявляет о своих принципиальных разногласиях с Головиным не только «насчет далекого будущего», но и относительно современного положения России, «которые все сводятся к одному общему: интересы какого общественного класса выражает данное социально-политическое мировоззрение? И ответ на этот вопрос дает единственный прочный критерий для классификации направлений»[7].

Дальнейшее развитие событий показало, что именно К.Ф. Головин более чем кто-либо из современников предугадал основное направление эволюции взглядов Струве (хотя нам неизвестно, вспоминал ли Петр Бернгардович слова Головина, например, в 1917 г. или в эмиграции, когда делал все возможное для создания альянса праволиберальных и консервативных сил).

К началу 1900-х годов мировоззрение Струве уже во многом изменилось. Для него — «социального идеалиста» — первостепенным стал теперь вопрос созидания свободной личности как важнейшей составляющей прогресса. Наконец, к концу 1900-х годов окончательно формируется новое мировоззрение Струве, в рамках которого идеализм сочетается с признанием ведущей роли экономической сферы в развитии общества. В статье «Экономические программы и неестественный режим», опубликованной в 1909 г., он утверждает, что основным фактором общественной жизни и, более конкретно, «решающей силой в экономической жизни является всегда человек». Создание нового человека требует решения целого ряда задач, в числе которых и «утверждение конституционного правопорядка со всеми его следствиями», и развитие народного об-

разования. Но все же главным является вопрос «о создании нового экономического человека» применительно к большей части населения России — «*хозяйственное воспитание* нашего крестьянина»; и именно от того, как будет достигаться эта важнейшая цель, в конечном счете «зависит все наше экономическое и культурное развитие»[8].

Поскольку Струве считал, что правительственная политика после 1905 г., при всех ее изъянах, в целом не только не препятствует, но даже в значительной степени способствует достижению этих фундаментальных целей, в то же время он был убежденным сторонником расширения политических свобод, его отношение к Февральской революции неизбежно должно было оказаться неоднозначным. Р. Пайпс утверждал, что «в отличие от многих представителей так называемой “русской оппозиции”, Струве встретил Февральскую революцию без малейшего восторга»[9]. С этой оценкой трудно согласиться полностью, как и с тем, что восторженные эпитеты, на которые Струве не скупился в первые недели после Февраля, Пайпс именует «беглыми похвалами в адрес революции»[10]. Но в то же время Струве, в отличие от подавляющего большинства либеральных политиков и общественных деятелей, видел и опасности, которые несет революция для России (воюющей страны!), и не скрывал эту свою тревогу. Такое противоречивое отношение к революции в полной мере отразилось уже в первом тексте, опубликованном Струве в февральские дни, — статье «Освобожденная Россия»: «Вторая русская революция, завершившая дело политического освобождения нашей родины, налетела, как ураган, как разбушевавшаяся стихия, которая сломила на своем пути все преграды... видится только Россия, исстрадавшаяся, смятенная, но, сквозь весь ужас еще не утишенной смуты и борьбы, выпрямляющаяся и просветляющаяся. Слезы волнения и восторга, тревоги и умиления душат... К восторгу от скорой победы над отжившей и ставшей совершенно негодною и нетерпимою властью примешивается чувство тревоги за Россию, перед которой в грозной готовности стоит сильный и упорный внешний враг»[11].

Неудивительно, что для избавления от эйфории по поводу созидательного потенциала русской революции Струве понадобилась лишь пара месяцев. Приход же к власти большевиков, которого Струве так опасался и для предотвращения которого призывал объединиться все здоровые силы русского общества, был воспринят им как полномасштабная катастрофа. Как писал он в ноябре 1917 года, «солдатский бунт, “из политики” принятый интеллигенцией страны за революцию... превратился не в славную революцию, а в грандиозный и позорный всероссийский погром»[12].

Характерно, однако, что уже в ноябре 1917 г. Струве стремился дать не просто политическую, но и социологическую оценку переживаемым Россией событиям. Размышляя о том, что собой представляет русская революция, Струве говорит о том, что она ведет свое начало не от «солдатски-рабочего бунта февраля — марта 1917 г., постепенно развивавшегося во всероссийский погром, нами переживаемый, и этим погромом не закончится». Начало русской революции, по мысли Струве, следует отнести по меньшей мере к 1902 г. И в 1905—1906 гг., которые стали одним из наиболее значительных этапов в истории русской революции, она «одержала гораздо более крупные победы, чем в 1917 г. И на погроме 8 месяцев, нами пережитых, русская революция не остановится»[13]. При этом, констатируя, что вплоть до середины 1917 г. русская революция развивалась как революция буржуазная «в глубочайшем смысле этого слова», Струве утверждает, что «русский социализм в его борьбе с буржуазией и буржуазным порядком по существу контрреволюционен и должен в историческом процессе... быть преодолен и сметен»[14]. Развивая эту мысль через несколько лет, Струве высказывался еще сильнее: «Содержанием коммунистической революции была неслыханная в ми-

ровой истории грандиозная экономическая реакция»; коммунистический переворот «явился исходной точкой и условием экономической реакции совершенно определенного характера, реакции натурально-хозяйственной»[15], в чем он видел торжество, пиррову победу скорее даже не большевистских, а народнических идей, борьбе с которыми посвятил первую половину своей сознательной жизни.

Важно подчеркнуть, что в упомянутой выше статье «В чем революция и контрреволюция?» Струве оспаривал казавшееся ему уже в конце 1917 г. весьма примитивным утверждение о том, что именно война породила революцию. По словам Струве, мировая война, в которую оказалась вовлечена Россия, «ускорила выявление революции и обнаружение ее в погромной форме, но не она ее породила и не ею определились основные черты действовавших в революции сил»[16]. К этой мысли, остающейся абсолютно актуальной и сегодня, Струве в дальнейшем возвращался много раз и в разных смысловых контекстах. Так, например, в 1925 г., полемизируя с П.Н. Милюковым, Струве утверждал, что война отнюдь не привела к драматичному падению уровня жизни населения России в целом. Русская революция 1917 года, писал Струве (не отказываясь от своей концепции «долгой революции», начавшейся примерно в 1902 г., в то же время считал возможным говорить и собственно о революции 1917 года), «подтверждает общий тезис, что крупные и глубокие “революционные” движения — как бы их ни оценивать — никогда не происходят на почве обнищания и оскудения нации»[17]. Прежде всего, Струве утверждает, что ни о каком оскудении русской деревни в годы войны не приходится говорить; более того, «деревня никогда так не ела, как во время войны», поскольку мобилизация 14 миллионов крестьян для русской деревни, по-прежнему страдавшей от аграрного перенаселения, означала не только уменьшение количества работников, но и «сокращение числа едоков, которых каждое крестьянское хозяйство должно было содержать на свои собственные ресурсы». К тому же происходило это «в эпоху полной приостановки хлебного вывоза и при огромном военном спросе» со стороны государства. Все это позволило Струве сделать вывод о том, что экономическое положение России в годы Первой мировой войны принципиально отличалось от экономики других воюющих стран, и в эти отличия «надлежит вдуматься и русским, и иностранцам»[18]. Отметим в связи с этим, что «вдумываться» в эту специфику отечественные исследователи начали лишь на рубеже 1990—2000-х годов. И первой эту проблему подняла Т.М. Китанина: «В аграрном секторе России происходили явления, не только нами еще не изученные, но даже и не понятые. В 1916 г., когда, казалось бы, все рушится... происходит возрождение русской деревни»[19].

Очевидно, что в своих оценках российской революции и установившейся в результате ее большевистской власти Струве зачастую был не просто излишне эмоционален, но и явно необъективен, порой игнорируя практически «лежавшие на поверхности» факты. «Случайно ли, — вопрошал Струве — что во главе большевистской, коммунистической власти стоит грузин Джугашвили...? Я полагаю, что это не случайно. Так же как лозунгом социальной, грабительски-уравнительной революции, начатой большевиками, было пресловутое: “Грабь награбленное”, так лозунгом той национально-государственной революции, которую они замыслили и провели, было: “Дроби Россию и уничтожай ее вместе с ее именем”». Именно соединив эти два лозунга, полагал Струве, — «социально-грабительский и социально-уравнительный и национально-раздробляющий и государственно-разлагающий, большевики объединили две необходимые для них разрушительные силы и ввели их в одно русло»[20]. При этом Струве был убежден, что так же, как и стремление большевиков организовать хозяйственную жизнь огромной страны «на начале и пафосе грабежа» нелепо и не может привести ни к ка-

ким результатам — соответственно он не верил ни в успех (хотя бы относительный) новой экономической политики, ни в возможность советского режима обеспечить динамичный экономический рост, — так и стремление положить в основу государственного устройства «начало и пафос особности и разъединения» лишь делает совсем близким неизбежный крах большевизма[21]. Между тем в конце 1920-х годов, когда были написаны эти строки, у непредвзятого наблюдателя было уже более чем достаточно оснований для того, чтобы не считать Сталина олицетворением этого «разъединительного» начала государственной жизни. Равным образом и экономические достижения советской власти были уже и к тому моменту неоспоримы.

Конечно, Струве и сам осознавал предвзятость своих суждений о русской революции, которую он именовал великим крушением российского государства, национальным банкротством и мировым позором, и о советском режиме и его политике. Однако он считал необходимым ставить вопрос прежде всего о духовном приятии либо неприятии революции, четко заявляя: «Для меня этот вопрос давно решен непосредственным опытным восприятием и душевным переживанием революции», подчеркивая при этом, что рассматривает саму революцию 1917 года и последующие события как единый революционный процесс[22]. Он подчеркивал, что каковы бы ни были идеи, вдохновлявшие революцию, по сути своей она стала «разрушением и деградацией всех сил народа, материальных и духовных»[23]. Необходимость оценки революции именно с таких позиций, сформулированных в первые послереволюционные годы, он отстаивал и в дальнейшем; этому была посвящена, в частности, опубликованная им в 1935 г. статья «О непримиримости». Струве писал в этой работе, что «непримиримость есть не только единственное достойное состояние нашего гражданского духа, она же есть наше объективное положение, прямо-таки диктуемое нам противоположной стороной, большевиками». Поэтому многие высказывание Струве, на наш взгляд, и не следует оценивать как позицию ученого, исследователя. Не случайно множество своих статей 1920—1930-х годов он публиковал под рубрикой «Дневник политика» — а политик во многих ситуациях может и должен высказываться отнюдь не беспристрастно. «Мы непримиримы к большевизму (коммунизму), — писал Струве, — не только потому, что он разрушил дорогой нам образ исторической России, но и потому, что по существу духовные и общественные основы большевизма для нас абсолютно неприемлемы... Вот почему сокрушение большевизма есть для нас первая и основная, и патриотическая и человеческая задача, перед которой буквально меркнут и исчезают все другие вопросы и проблемы»[24]. Абсолютно прав был Никита Струве, когда писал о том, что П.Б. Струве «счел своим долгом пожертвовать научным творчеством ради политической борьбы»[25] — борьбы (добавим от себя), заведомо обреченной на неудачу. Раз за разом заявляя о невозможности коренной внутренней трансформации большевизма и заявляя о необходимости «преодоления революция», Струве, кажется, не заметил того, что революция в известном смысле была преодолена именно сталинским режимом. Правда, результатом стало отнюдь не желаемое Петром Бернгардовичем возрождение лучшего из того, что было в «исторической России», в сочетании с утверждением идеалов свободы и принципов правового государства...

Невозможно отрицать, что, рассуждая о революции и ее последствиях, П.Б.Струве (так же, впрочем, как и почти все его оппоненты, в том числе среди русской эмиграции) совершенно сознательно во многих ситуациях занимал позицию скорее политика, гражданина и христианина, чем ученого. И все же, несмотря на всю бескомпромиссность и даже страстность его суждений о революции и большевизме, Струве и здесь оставался подлинным Мыслителем.

1 *Пайпс Р.* Струве: правый либерал, 1905—1944. М.: Моск. школа полит. исследований, 2001. Т. 2. С. 374.
2 См., например: *Балуев Б.П.* П.Б. Струве о роли интеллигенции в социальном миротворчестве // Миротворчество в России: Церковь. Политики. Мыслители: от раннего средневековья до рубежа XIX—XX столетий. М., 2003. С. 449—489; *Гнатюк О.Л.* П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998; *Иванцова О.К.* Философия либерального консерватизма: П.Б. Струве: опыт историко-философского анализа: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.03. М., 2004; *Пивоваров Ю.С.* Два века русской мысли. М., 2006. С. 288—374; и др..
3 *Струве П.* Предисловие автора // *Струве П.Б.* На разные темы (1893—1901 гг.): сборник статей. СПб., 1902. С. I.
4 *Его же.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. Вып. 1.
5 *Головин К.Ф.* Мужик без прогресса или прогресс без мужика: (к вопросу об экономическом материализме). СПб., 1896. С. 88.
6 Там же. С. I—II.
7 *Струве П.* Моим критикам // *Струве П.Б.* На разные темы (1893—1901 гг.): сборник статей. СПб., 1902. С. 13—14.
8 *Его же.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 96—97.
9 Там же. С. 296.
10 Там же. С. 299.
11 *Струве П.Б.* Освобожденная Россия // Русская мысль. 1917. № 2. С. 3—4.
12 *Струве П.Б.* В чем революция и контрреволюция?: несколько замечаний по поводу статьи И.О. Левина // *Струве П.Б.* Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 253.
13 Там же.
14 Там же. С. 257.
15 *Струве П.Б.* Итоги и существо коммунистического хозяйства // *Струве П.Б.* Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 292.
16 *Его же.* В чем революция и контрреволюция? С. 255.
17 Возрождение. 1925. № 23.
18 Там же.
19 *Китанина Т.М.* [Выступление] // Россия и Первая мировая война: (материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб.: Нестор, 1999. С. 534. (Свободная трибуна).
20 *Струве П.Б.* Два корня и два устоя большевизма — и оба они шатаются // *Струве П.Б.* Patriotica: Россия, родина, чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 130.
21 Там же. С. 131.
22 *Струве П.Б.* Прошлое, настоящее, будущее // *Струве П.Б.* Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 320—321.
23 Там же. С. 321.
24 *Струве П.Б.* Дневник политика (1925—1935). М.: Рус. путь, 2004. С. 813—814.
25 *Струве Р.А.* Мой дед П.Б. Струве // *Струве П.Б.* Дневник политика (1925—1935). М., 2004. С. 4.

В.И. Козодой

Новые источники к политической биографии Александра Ивановича Гучкова

Александр Иванович Гучков одна из ключевых фигур революционных событий 1917 года. Несмотря на это, его роль в этих событиях, как и в целом его политическая биография, с одной стороны, изучены далеко не в полной мере, с другой стороны, предельно искажена, не соответствует масштабу и характеру его личности. Образ Гучкова как человека и политического деятеля искажался во многом намеренно как его политическими оппонентами, так и в последующем советской и российской историографией.

Подчеркнем, что Александр Иванович Гучков один из немногих крупных политиков, находившихся в эмиграции, который не оставил мемуаров и воспоминаний,

что во многом затруднило изучение его жизненного пути и того, насколько он влиял на события в стране. О нем практически издано только две специальных работы. Американский исследователь У. Глисон[1], который, не имея возможности работы в архивах, опирался в основном на вторичные источники. Вторую крупную работу издал российский историк, доктором исторических наук А.С. Сенин[2]. Она вышла в 1996 г.

Кроме того, вышел ряд статей российских и зарубежный исследователей, которые, как правило, ограничиваются периодом с 1905 по 1917 г.[3] При этом исследованию подвергается преимущественного его партийно-парламентская деятельность. Во многом благодаря воспоминаниям его политических оппонентов и конкурентов, таких, как П.Н. Милюков[4], С.Ю. Витте[5], сформирован крайне упрощенный образ А.И. Гучкова: «бретёр», «авантюрист». Эту традицию потом подхватили и советские исследователи, в частности А.Я. Аврех[6], называвший Гучкова «купчиком». Все эти характеристики, на наш взгляд, девальвируют и искажают реальную роль и значение деятельности Александра Ивановича Гучкова, которая требует серьезного научного переосмысления. Так, например, из шести дуэльных ситуаций, известных исследователям, на самом деле только две закончились дуэлями. При этом в одной из них Гучков легко ранил соперника по касательной, а во второй и вовсе выстрелил в воздух. Таким образом, трудно считать Гучкова заядлым дуэлянтом, так его дуэльная история не выходила за рамки общепринятого в те времена поведения для этого круга лиц. У того же Милюкова в 1908 г. было две дуэльные ситуации.

На наш взгляд, для того, чтобы в полной мере оценить роль и место Александра Ивановича в революционном процессе 1917 г., особенно февраля и марта, не следует ограничиваться изучением материалов о его деятельности лишь периодом 1905—1917 гг. Ключ к пониманию роли Гучкова в политической истории революционной России могут дать основные факты его биографии как до указанного периода, так и после него.

Для восполнения пробелов биографии Александра Ивановича в эти малоизученные периоды мы провели работу по трем направлениям. Первое — введение в научный оборот новых и малоизвестных источников. Второе — переосмысление на новой методологической базе тех фактов биографии, которые уже введены в научный оборот. Третье — обобщение и объединение в единое целое фактического материала из источников и исследований, наработанных по иным темам, в которых А.И. Гучков упоминается, но не является объектом изучения.

Говоря о введении в научный оборот новых источников прежде всего выделим период его деятельности с 1892 по 1893 г. в Нижегородской губернии. Этот практически неизученный период его биографии, тем не менее, сыграл важную роль в становлении Гучкова как «человека дела» и талантливого организатора. Его детальное исследование позволяет проследить складывание деловых связей Гучкова в процессе его участия в борьбе с голодом.

В фондах Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО) найдены ранее не введенные в научный оборот материалы[7]: ряд подлинников личных писем и документов как официального, так и частного порядка, журналы заседаний Благотворительного комитета, журнал собраний Нижегородской губернской продовольственной комиссии, в которых отражена его деятельность. По его письмам можно определить уровень и характер взаимоотношений с действующим тогда генерал-губернатором Н.М. Барановым, из которых следует, что он пользовался его особым доверием и фактически выступал в роли советника.

Как новый комплекс источников, представляющих научный интерес, следует также обозначить газеты Нижнего Новгорода «Волгарь» и «Нижегородские ведомости» 1892—1893 гг. выпуска, где освещалась деятельность Гучкова.

Важным источником этого периода деятельности Гучкова следует также считать произведение известного русского писателя, весьма популярного в демократических кругах того периода времени, В.Г. Короленко «Голодный год»[8]. В этом публицистическом произведении Короленко повествует, в том числе, и о своей совместной работе с А.И. Гучковым в «воюющем» Лукояновском уезде Нижегородской губернии. Короленко дает лестную оценку деятельности А.И. Гучкова в борьбе с голодом и преодолением бюрократизма и коррупции.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) нами обнаружена переписка Александра Ивановича Гучкова с его родными о его поездке в Македонию в 1903 г.[9] По ней можно детально установить маршрут его передвижения и некоторые подробности его нахождения там, которые во многом меняют представление о фактическом содержании дел в этой поездке. Из писем явствует, что непосредственного участия в боевых действиях он не принимал. Он находился там с иными, чем им декларировалось, целями, больше напоминающими целевой сбор информации, знакомства и установления связей с руководством восставших.

Необычным представляется маршрут его путешествия. Так, до центра восстания он добирался не напрямую, а через Турцию, против которой и было это восстание. Отправляясь из Одессы, 5 августа он прибыл в Константинополь и границу с Болгарией пересек лишь 9 августа. Весьма сомнительно, что если бы у него было желание принимать участие в боевых действиях, то вряд ли бы стал добираться через территорию враждебного восставшим государства, а тем более задерживаться там на несколько дней.

Оказавшись в Болгарии 9 августа 1903 г., 11 августа Гучков прибывает в Софию, где также задерживается на несколько дней. В одном из писем он сообщает, что «в Македонию я не иду». После этого с 15 по 17 августа прибыл и находился в Рильском монастыре, который в то время был центром восстания, где располагались лидеры Внутренней Македонской революционной организации (ВМРО). В двадцатых числах августа Гучков отбыл из Болгарии в Россию, но уже через Австро-Венгрию.

В ходе своего пребывания у Гучкова имел возможность ознакомиться с ситуацией в эпицентре восстания, изучить организацию и формы действий восставших. Следует отметить, что находившиеся во главе восстания Македонская революционная организация позже принимала активное участие в перевороте в Болгарии 9 июня 1923 г., к которому А.И. Гучков был однозначно причастен. Таким образом, практически за 20 лет до осуществления переворота 1923 г. в Болгарии, Гучков был уже погружен в «болгарскую проблематику» и очень хорошо разбирался в происходивших там процессах.

Особой вехой в биографии А. И. Гучкова следует считать его более чем трехмесячную поездку на Дальний Восток (март — июль 1911 г.), сразу же после отставки его с поста Председателя Государственной Думы. Представление о поездке нам дают обширные материалы прессы, очень подробно освещавших весь ход его турне. За его ходом следили несколько центральных газет: «Новое время», «Русское слово», «Голос Москвы». Также материалы были размещены в 15 региональных газетах шести городов: Харбина, Владивостока, Благовещенска, Новониколаевска, Хабаровска, Иркутска. В общей сложности нами найдено и изучено 130 материалов по теме. Их изучение дает нам ясное представление о характере встреч и контактов А.И. Гучко-

ва. В частности, стало ясно, что он отводил особую роль общению с прессой с целью воздействия на общественное мнение. Поэтому на протяжении всей поездки его сопровождал столичный журналист. Местным газетам Гучков часто давал обширные интервью и комментарии по разным аспектам политической жизни страны.

В каждом городе Гучков проводил многочисленные встречи с влиятельными лицами: губернаторами, военным командованием, офицерами, местными гласными, предпринимателями, занимался благотворительностью, посещал различные объекты, больницы, гимназии, предприятия, воинские части, места заключения, исследуя жизнь и быт арестантов. Гучков, как государственный деятель, принимал жалобы и предложения. Во время этой поездки он встречался в Порт-Артуре с представителями японской администрации, с которыми вел переговоры. Гучков побывал в Пекине по приглашению принца-регента, с которым имел обстоятельную беседу.

Газеты обращали внимание на характер общения Гучкова с местными жителями, его скромный внешний вид, его частые выходы на перроны вокзалов, где он общался с пассажирами поездов. В одном из поездов у него произошла, якобы случайная, встреча с бывшим сослуживцем по русско-японской войне. Во время плавания по реке Амур Гучков первым оказался на месте пожара и гибели встречного парохода, и, по сути дела, руководил спасением пассажиров. Все это получило весьма широкий резонанс в прессе, что лишний раз подтверждает его понимание значимости информационного пространства и создания позитивного, привлекательного образа для реализации далекоидущих политических целей.

Следует выделить две публикации в газете «Новый край» от 7 и 11 мая (№ 77 и № 79) 1911 г. о положении Дальнего Востока в освещении Гучкова и о политическом положении в Китае по итогам его поездки. В этих интервью он не только предсказал предстоящую революцию в Китае, но и указал на основных акторов этой революции из общественных организаций.

Ряд авторов, изучавших историю партии «Союз 17 октября», неизменно подчеркивали, что глава октябристов, А.И. Гучков, проиграв выборы в IV Государственную Думу, резко сбавил свою политическую активность и чуть ли не самоустранился от партийных дел. На самом же деле он продолжил свою активную деятельность в ином качестве.

Документы Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербург (РГИА)[10], а также многочисленные материалы газеты «Петербургский листок» с ноября 1912 г., за 1913, 1914 гг. освещают деятельность Александра Ивановича как гласного Городской Думы. За эти годы А.И. Гучков получил большой опыт и реализовал себя как организатор на муниципальном уровне. В Думе он возглавлял комиссию по коммунальному хозяйству, которая занималась, в том числе, вопросами строительства водопровода, по его инициативе и при его поддержке впервые было введено хлорирование питьевой воды.

Специфика муниципальной деятельности дала ему возможность собрать информацию практически обо всей инфраструктуре Петрограда, его предприятиях и организациях накануне Февраля 1917 г. Это усилило его организационно-политические ресурсы как политического организатора.

Особый интерес для формирования представлений о направлении и характере политической деятельности А.И. Гучкова в период перед I Мировой войной представляет записка князя М.М. Андроникова, близкого к Г. Распутину «О необходимости установления единства действий членов правительства против Гучкова и партии октябристов» (документ составлен на шести страницах)[11].

В записке М. М. Андроников, анализируя общественно-политическую ситуацию, указывает на речи А. И. Гучкова осенью 1913 г. в Киеве и ноябре на съезде партии «Союз 17 октября». Он выдает следующие характеристики Гучкову: «прочные симпатии народных масс» в отдаленных уголках провинции, что о нем заговорили как о «единственном желательном кандидате» на пост Председателя Совета Министров после убийства П.А. Столыпина.

Андроников подчеркивает, что «многие провинциалы... считали Гучкова самым спасительным для России». В своей деятельности «следует строго по намеченному им плану» «произвести переворот». Также, указывает М.М. Андроников, «Гучков открыто собирается свергнуть правительство...», и с этой целью «он объединил почти всю Россию, посетил славянские и иные государства». «Цель Гучкова... ясна», «без сочувствия армии, не мыслим никакой переворот».

Исходя из того, что данная записка составлена в декабре 1913 г., можно констатировать, как Гучков представлялся своим политическим «оппонентам». У них не было никаких сомнений, что уже тогда он готовил переворот.

Одной из главных загадок подготовки февральского переворота 1917 г. является скрытая от посторонних, а потом и большинства исследователей непубличная деятельность Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК).

В фондах Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ, Санкт-Петербург), хранятся 11 дел[12] — подлинники, содержащие обширный материал о деятельности А. И. Гучкова в 1915—1917 гг., который был председателем ЦВПК. Эти материалы являются ключом к пониманию того, какими организационными ресурсами и возможностями, а также связями в военно-политических кругах обладал Гучков накануне февральских событий 1917 г.

В этих фондах хранятся штатное расписание, финансовые документы ЦВПК, по которым можно судить, что А.И. Гучков находился во главе чрезвычайно мощной организационной структуры. Достаточно сказать, что в соответствии со штатами под его руководством находилось более 200 человек. Действовал ряд отделов, самым крупным был штат канцелярии численностью 67 человек, которая выполняла функции организационного отдела. Также достаточно крупным подразделением (11 человек) была редакция газеты «Известия ЦВПК», которая выходила 3 раза в неделю и распространялась бесплатно. В этих же материалах есть данные о расходах на содержание Рабочей группы во главе с К. Гвоздевым. Ее численность, вместе с техническим персоналом, составляла 20 человек. Ежемесячное содержание — 2000 рублей, содержание заведующего отделом — 200 рублей в месяц.

В данном фонде содержится также большой массив информации в виде переписки, писем и телеграмм, по которым можно отследить обширные контакты с влиятельными людьми, в том числе в военных кругах.

Фактический материал, извлеченный из документов, дает понимание того, что А.И. Гучков накануне февраля 1917 г. обладал обширным личностным ресурсом на уровне контактов и взаимодействия с влиятельными лицами в органах власти, армии, общественности; владел серьезными информационными возможностями влияния на общественное мнение. Также можно отметить его высокие организационные и финансовые возможности. А.И. Гучков направлял деятельность разветвленной сетевой структуры в рамках всей страны, в том числе обладал серьезным организационным, финансовым и информационным влиянием на одну из групп лидеров рабочего движения в Петрограде и, через них, на рабочих практически всех крупных и средних промышленных предприятий города.

Столь пристальное внимание к «рабочему вопросу» и понимание значения рабочего движения у Гучкова имело глубокие корни и серьезную теоретическую базу. Во время обучения в университете за границей он был слушателем семинара Густава Шмоллера, «проповедника социальной реформы в духе решительного разрыва с манчестерской доктриной». П.Б. Струве в своем докладе на заседании отделения исторических наук и филологии Российской академии наук 4 октября 1917 г. «Густав Шмоллер. Некролог»[13] указывал, что Гучков не только был слушателем, но и считал себя его учеником. Гучков выступал на семинаре Шмоллера. Кроме того, в одной из «известных работ Шмоллера есть ссылка на доклад о русской кустарной промышленности почетного мирового судьи Гучкова». Сам же Гучков отмечает, что наибольшее влияние на формирование его взглядов он испытал от трех профессоров: В.О. Ключевского, П.Г. Виноградова и Г. Шмоллера.

Роль Гучкова как человека, владевшего тогдашними политическими технологиями, и его возможности как организатора показывают два письма Гучкова Петру Врангелю от 25 декабря 1922 г. и 10 июня 1923 г., хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)[14].

Следует отметить, что впервые упоминания о существовании одного из этих писем сделал советский историк Л.К. Шкаренков в своей монографии «Агония белой эмиграции»[15] и затем в двух последующих переизданиях. Автор ссылался только на письмо от 25 декабря 1922 г., при этом оформляя ссылку как: «Коллекция ЦГАОР СССР. Гучков — Врангелю. 25 декабря 1922 года». Без указания фонда, описи и дела. Второе письмо он не цитирует вовсе.

В своей монографии он взял лишь небольшую цитату, где указывается, что Гучков пишет Врангелю о необходимости совершения переворота в Болгарии. Из контекста можно понять так, что это просто некое пожелание. Во втором и третьем издании своей монографии он несколько расширил цитирование, с указанием на то, что кое-что из предложений Гучкова было реализовано. Несмотря на то, что данный источник был введен в научный оборот с 1981 г., тем не менее, требуется его серьезное научное переосмысление, так как первое письмо от 25 декабря состоит из восьми страниц текста, где Гучков не просто призывает Врангеля совершить переворот, но и формулирует программу действий и план по его осуществлению. При этом он выделят ряд позиций: организационно-политическое, военно-техническое и информационное обеспечение. Фактически это представляет собой пошаговый план действий в осуществление государственного переворота.

Во втором письме по данной теме, оставшемся без внимания Л.К. Шкаренкова, также содержатся важные данные, с точки зрения организации технологии осуществления и акторов данного переворота. Сравнивая план Гучкова, изложенный в этих письмах, с ходом событий 9 июня 1923 г., можно говорить о том, что они осуществлялись именно по этому плану.

Нами изучены труды болгарского историка Л. Спасова[16], который приводит данные, ссылаясь на болгарские архивы, о том, что в военно-технической подготовке принимали участие русские генералы Никольский и Ронжин, подчиненные П. Врангеля, которые никак не могли заниматься этой деятельностью без приказа командующего.

Таким образом, мы видим последовательную цепь развития событий: разработанный Гучковым план, его работа с Петром Врангелем, далее — участие подчиненных Врангелю генералов в подготовке переворота, а также участие русских эмигрантов в дипломатической и информационной поддержке данного переворота.

При создании плана хорошо прослеживается знание предмета, идущее от знания своего рода «лаборатории революции», полученное им во время посещений «горячих точек» Македонии в 1903 г. и Китая в 1911 г.

Это является одним из ключевых моментов понимания действий Александра Ивановича Гучкова, так как, используя метод исторической ретроспективы, становятся ясны его действия в феврале — марте 1917 г. в Петрограде. В частности опора в деятельности на общественные (самодеятельные) организации, знание технологий и методов борьбы за информационное пространство в борьбе за достижение политических целей.

Гучков был одним из немногих государственных деятелей своего времени, который со всей серьезностью относился к роли прессы, рассматривая ее как инструмент формирования общественного мнения и, в том числе, как «информационное оружие» в борьбе со своими противниками. Новый свет на эту сторону деятельности Александра Ивановича проливают работы китайских и российских исследователей.

Так, китайский историк Чжао Юнхуа[17] и российский исследователь А. Хисамутдинов[18] в своих работах указывают, что, оказывается, еще в 1898 г. Александр Иванович Гучков, в то время на службе офицер охранной службы КВЖД, был основателем первого русскоязычного журнала Китая «Харбин». Таким образом, являясь родоначальником русской прессы в Китае, задолго до революции 1917 года он прекрасно понимал и осознавал роль печати, которая заключалась не только в том, чтобы удовлетворять информационные потребности, но и контролировать общественное мнение.

Новые источники и научное переосмысление малоизученных источников позволяет принципиально по-новому оценить роль Гучкова в политической истории России в целом и особенно в предреволюционный и революционный периоды. Долгое время значимость его роли явно принижалась и искажалась. Ему отводилось второстепенное место, не замечая при этом диапазон и масштаб его личности. Во многом это происходило из-за того, что специфика его «работы» носила сугубо закрытый характер и не могла быть зафиксирована в письменных источниках в прямом виде.

В то же самое время Гучков обладал глубокими теоретическими знаниями, действовал на стыке геополитических интересов России (от Южной Африки, Балкан до Дальнего Востока), имел широкие связи и был интегрирован в круги финансовой, военной и политической не только российской, но и зарубежной элиты. Кроме этого, Гучков изучил, освоил и успешно применял организационные и коммуникативные технологии («лаборатория революции») с особым упором на организационно-управленческий аспект в политических процессах. Новые источники, в совокупности с новым взглядом на уже известные материалы, позволяют утверждать, что Гучков был одним из ключевых организаторов революционных событий Февраля 1917 года и обладал всеми необходимыми для этого возможностями.

1 *Gleason W.* Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia, 1983.
2 *Сенин А.* С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.
3 См.: Исторические силуэты. М., 1991. С. 63—105.; *Макаров Н.В.* Русский либерализм конца XIX — начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015. С. 301—314.
4 *Милюков П.Н.* Из тайников моей памяти. М., 2015.
5 *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания, 1849—1911 гг. М., 1991.
6 *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
7 ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1531. Л. 34—36 об., 114, 115—116 об., 117—118, 119, 140, 142, 143, 144—144 об., 165—165 об., 166—167.; Ф. 2. Оп. 6. Д. 1381. Л. 164, 167—170, 167, 181, 184, 204, 211, 231,

238, 231 об.—240, 244, 249, 258, 259, 263-263 об., 270, 276, 277; Ф. 1458. Оп. 1925. Д. 1. Л. 1, 5, 7, 7 об., 10, 15, 30, 31 об., 41.

8 *Короленко В.Г.* Собрание сочинений. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 9: Публицистика.

9 ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 670. Ч. 1. Л. 85 об., 86, 89, 92, 94, 99, 101, 102, 104, 107, 110, 111, 113, 115, 115 об., 117, 119, 121, 126, 130, 133.

10 РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 10315. Л. 155—156; Оп. 2. Д. 88. Л. 4.

11 Там же. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—3 об.

12 РГА ВМФ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1—11.

13 *Струве П.Б.* Шмоллер Г.: некролог // Известия Академии Наук. 1917. Т. 11, вып. 15. С. 1231—1234.

14 ГАРФ. Ф. 5868. Оп. 1. Д. 14. Л. 237—244, 272—273.

15 *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 35.

16 *Спасов Л.* Врангеловата армия в България, 1919—1923. София, 1999. С. 209.

17 *Чжао Юнхуа.* Русская пресса в Китае (1898—1956). М., 2017. С. 80.

18 *Хисамутдинов А.* По странам рассеяния. Русские в Китае. Владивосток, 2000. С. 161.

Раздел 5
Революция и национальные движения

С.М. Исхаков

1917 год в России и мусульманское движение в историографии

Значение межэтнических и межконфессиональных отношений в возникновении социального кризиса — одна из актуальных проблем современной историографии. В 1917 г. в полиэтноконфессиональной России вопрос о равноправии и праве на самоопределение касался и мусульманского населения. Социальное движение этой части общества трактуется в историографии поразному: либо как панисламистское/пантюркистское, либо как национально-освободительное, либо как этнополитическое в соответствии сначала с созданными советскими республиками, а после распада СССР — с постсоветскими государствами.

Сторонники панисламистского/пантюркистского движения исходят при описании событий 1917 г. из идеи панисламизма/пантюркизма. Под первой понималось, как писал в 1882 г. известный европейский исламовед И. Гольдциер, «духовное слияние политически дезорганизованного ислама в великий союз». Эта идея, по его представлениям, была возрождена в мусульманском мире из-за трудных обстоятельств, в которых мусульманство оказалось в большинстве своих регионов, и в том числе в Средней Азии, где русская власть, по его выражению, выдавливала ислам из его прежде мощных центров[1]. Основоположником панисламизма, возникшего во второй половине XIX в., как известно, считается афганский теолог Дж. аль-Афгани, который выдвинул идею религиозно-политического союза мусульман, носящего духовный характер.

Другой известный европейский исламовед, а также тюрколог А. Вамбери, придерживавшийся проанглийских позиций, во время завоевания русскими войсками Средней Азии совершил в 1863 г. поездку в этот регион и в следующем году опубликовал книгу об увиденном, которая вскоре была переведена почти на все европейские языки. В ней излагалась следующая гипотеза: Османская империя может основать из тюркских элементов, с которыми она связана языком, религией и историей, от побережья Адриатики вплоть до Китая империю более могущественную, чем Российская. «Анатолийцы, азербайджанцы, туркмены, узбеки, киргизы и татары — вот те отдельные части, из которых, — прогнозировал Вамбери, — мог бы возникнуть великий тюркский колосс, который, конечно, померился бы силами со своим северным противником»[2] — с Россией. Подобные гипотетические рассуждения носили очевидный геополитический характер, тем не менее, они постепенно вошли в обществоведческую литературу.

Понятие «пантюркизм» («пантуранизм») в политическом смысле, как отмечается в современной историографии, впервые использовали англичане для защиты своих интересов на мусульманском Востоке: образование в Туркестане большого тюркско-мусульманского государства могло, с их точки зрения, отрицательно повлиять, через Афганистан, на Индию, могло привлечь внимание тюркских народов, населяющих Афганистан и север Индии, к которым могли присоединиться и тюркские народы Ирана. Исследования британцев по тюркской тематике носили больше политический, нежели научный характер и были нужны для выстраивания политики Великобритании по отношению к тюркскому миру. О пантюркистской угрозе интересам России в Центральной Азии стали, вслед за англичанами, писать и русские авторы[3].

Многие из последних, как отметил Р. Джераси (США), любили изображать панисламизм и пантюркизм как движения, «искусственно» навязанные российским

тюркам извне. В общем и целом представления о панисламизме и пантюркизме как об организованных и мощных политических движениях придавали ложное единообразие самым разным изменениям, происходившим в среде мусульманского населения Российской империи, а также их положению внутри нее[4]. К примеру, татарское движение, по мнению ряда современных татарских историков, началось еще в конце XVIII в. По мнению Ч. Стейнведела (США), исследователя башкирской истории, в Российской империи то, что началось как мусульманское движение в XIX в., превратилось к 1917 г. в национальное движение[5]. Согласно другой распространенной точке зрения, исламская идентичность, напротив, одержала победу над тюркской[6]. Сочинения Вамбери, имевшие антироссийскую направленность, заложили основу таких «научных» направлений, как «пантюркистика» и «панисламистика», которые имеют своих многочисленных последователей и в наше время.

Как и в советский период, в современной историографии как национально-освободительного, так и этнополитического движения доминирует точка зрения, что внутри него шла борьба двух направлений — культурно-автономистского (унитаристы, сторонники парламентарной демократической республики с культурно-национальной автономией) и национально-территориального (федералисты, сторонники федеративного устройства с национально-территориальной автономией), в результате которой победило последнее, поскольку национальное чувство, как представляется авторам, разделяющим данную точку зрения, оказалось сильнее религиозного, и потому национальные (национально-региональные) движения взяли инициативу в разрешении не только национальных, но и других, в том числе религиозных, проблем.

Февраль 1917 года, на взгляд, например, Д.А. Аманжоловой (Москва), стал во многом рубежным для мусульманского движения: проблема национально-культурной автономии отходит на второй план, на первый же план выдвигаются вопросы национально-государственного устройства России с ориентацией на формирование новых демократических отношений центра и мусульманских окраин. Повсеместное и быстрое развитие национальных организаций дает, по ее мнению, толчок формированию общероссийского мусульманского руководящего центра — в середине марта 1917 г. в Петрограде образуется Всероссийское центральное бюро российских мусульман[7]. Таким образом, утверждается, что региональные национальные организации положили основу общемусульманского движения весной 1917 г. Но на взгляд А. Халида (США), итоги всероссийского мусульманского движения в 1917 г. оказалось «неутешительными» в попытке примирить различные интересы[8]. Эти и другие схожие оценки не основаны на изучении данного движения. В историографии все внимание до недавнего времени было обращено на освещение ислама в России, а не на движение мусульманского населения страны. Именно об этом явлении на данный момент известно меньше всего, несмотря на существующую научную литературу.

Характеризуя его в самом общем виде, следует отметить, что оно, на мой взгляд, в 1917 г. не было изолировано от других движений, в том числе национальных, взаимодействуя с ними в той или иной мере. Соотношение мусульманского и национального движений освещалось и освещается, как правило, в пользу, как принято писать до сих пор, «прогрессивных», выражающих «коренные интересы народов» и «лучшие традиции» национальных движений, а мусульманское движение в ходе русской революции 1917 года представало и предстает как нечто реакционное и регрессивное, как утопия или химера.

Причины его возникновения коренились во внутренних социальных проблемах, прежде всего в резком отставании мусульман к концу XIX в. в своем развитии, сильном их недовольстве дискриминацией в имперском обществе. Их движение имело свою за-

кономерность: чувство религиозной принадлежности угнетенных при царизме в силу своей религии, усиленное социально-культурной отчужденностью от русского общества, имело более широкую социальную базу, чем национальные течения. Основой движения являлась тенденция к интеграции общественной и религиозной жизни, к формированию религиозно-политической культуры. Это движение не было, как отмечалось, привнесено извне, его сущность не вытекала из экономических лишений, настоящие же побудительные причины для широкого недовольства слагались из сотен и тысяч отдельных элементов, порождаемых общественными отношениями в русском православном государстве, действиями правящих кругов. Проявившиеся начальные симптомы ущемленности своего общественного положения и дальнейшие перспективы социального брожения в недрах мусульманского общества передавались его образованным слоям. В условиях этого массового социального протеста выдвинулись группы интеллигентов, предложившие ряд идей и мер. Эти люди были, как правило, критически настроенными личностями, порожденными социальными противоречиями. Несомненно и то, что «отражение интересов» масс в их взглядах, теоретических построениях нельзя понимать прямолинейно, они осознавали, что в народе крепко укоренилось религиозное сознание в противовес национальному, которое почти отсутствовало среди простого люда, что его психология весьма консервативна в отношении каких-либо новшеств. Цель этого движения состояла в возрождении народов Евразии, относящихся к мусульманской культуре, в защите их прав и интересов, родного языка, культуры, традиций, в достижении равноправия, в решении их экономических, социальных и культурных задач.

Свое влияние на данное движение, на их лидеров оказывали и европейская и русская демократическая общественная мысль. Движение «во всем мусульманском мире происходило под знаком борьбы с миром христианским, этим миром эксплуатации, грабежа и насилия по отношению ко всем слабым народностям», — к примеру, писал в 1910 г. меньшевик М.Л. Вельтман (в 1920-е годы известный как советский востоковед М.П. Павлович) в брошюре, изданной РСДРП в Париже[9]. Писатель В.Н. Иванов, современник событий, находясь в эмиграции после Гражданской войны в России, отметил, что «это движение началось нигде, как в России, под влиянием революционных настроений той же русской интеллигенции, в среде русских татар», зародилось «в интеллигентской революционной России»[10]. Развивавшееся движение, в сущности, представляло собой ответную реакцию на то, как в русском обществе набирали силу национализм и шовинизм, а вслед за ними и панславизм[11]. Слиться с русским освободительным движением мусульмане не могли, так как многое в нем противоречило основным устоям их жизни, связанной с религией ислама.

Роль основателей общего движения мусульман, прежде всего крымского татарина И. Гаспринского, состояла в том, чтобы объединить элиты, представляющие интересы различных регионов. Это удалось, и в результате во время Первой русской революции появился Союз российских мусульман (СРМ) во главе с азербайджанцем, уроженцем Грузии, либералом А.М. Топчибашевым, который выступал за действительное участии народных масс, в лице представителей его, в отправлении всех функций государственной власти — законодательстве, управлении и суде. СРМ (позже стал называться Мусульманской партией) к Первой мировой войны, как отметил патриарх американской русистики А.Дж. Рибер, иллюстрировал разрыв, который существовал между национальными и русскими партиями[12].

Стремление к обновлению мусульманской жизни наталкивалось на серьезные препятствия не только в лице власти, но и в лице консервативных мулл, которые оставались на позициях незыблемости существующих порядков. Активное противодействие

официального мусульманского «духовенства» мусульманскому же движению объясняется и их зависимостью от правительства. Их положение сводилось почти к положению чиновников. Подчиненность всех мусульманских религиозных учреждений (духовных управлений во главе с муфтиями) власти постоянно чувствовалась в мусульманских массах. Беспомощные духовные управления мусульман не могли по-настоящему представлять интересы мусульман перед властью, не сделали каких-либо значимых перемен к лучшему в мусульманской жизни до падения самодержавия.

Кроме того, в самой Мусульманской партии происходила борьба, которая являлась, в сущности, отражением столкновения двух групп политической элиты: одна стремилась к отдельному развитию того или иного народа на основе его собственного языка, а другая — сгладить противоречия и развивать единое мусульманское движение на всей территории империи. В общественной мысли как проявление этой борьбы еще до 1917 г. появилось понятие «миллят» (нация, народ) для обозначения общности мусульман империи, что было основано на том факте, что к национальной идее мусульманские массы здесь, как, впрочем, и их единоверцы в других странах, относились с полным равнодушием. В историографии же, как советской, так и современной, особенно в центральноазиатской, налицо отрицательное отношение к «мусульманской нации», выдуманной, как многие считают, представителями мусульманской интеллигенции, но, как показывают исторические факты, ее существование получило подтверждение во время Великой российской революции 1917 года, когда главным для мусульманской общественности был лозунг «Да здравствует свободный мусульманский мир!», под которым подразумевался мусульманский народ.

Отсюда необходимость центрального органа для всех мусульман в масштабах всей империи становилась все более очевидна. Соответствующее предложение прозвучало во время Всероссийского мусульманского съезда, который состоялся в Москве 1—11 мая 1917 г. Здесь часть делегатов («федералисты»), которые выступили за национально-территориальное устройство России, представляли Азербайджан, Туркестан, Крым, Башкирию, степные (казахские) области; другие же, ядро которых составила большая группа представителей поволжских татар и часть делегатов Северного Кавказа, — за национально-культурную автономию. Расхождения между «федералистами» и «унитаристами» вовсе не носили идейно-теоретического характера. Успех «федералистов» произошел потому, что многие мусульмане не придавали большого значения различиям между территориальной и культурно-национальной автономией.

На этом съезде, пишет, к примеру, Н.П. Горошков (Воронеж), воспринимающий, как и ряд других историков, мусульманское движение как выражение и пантюркизма и панисламизма, были представлены федералисты «в национальном движении мусульман», которые порвали «со старыми представлениями о тюркском, а еще более о мусульманском единстве. На съезде идея тюркского единства принимает форму “унитаризма”... Решения съезда хотя и были выдержаны в демократическом духе, однако не имели ни юридической, ни практической силы»[13]. Иными словами, мусульманское движение, как считает Горошков вслед за Халидом, потерпело крах на съезде, а его решения ничего не значили.

Решения съезда, наоборот, оказали влияние не только на мусульман, но привлекли внимание различных политических сил, в том числе большевиков. Так, на 1-м Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г. делегат-большевик Е.А. Преображенский заявил, что «мусульманская... национальность» имеет право, «со своей точки зрения, как национальность, поддерживать» культурно-национальную автономию и добиваться осуществления» ее[14]. Здесь также отмечается факт существования

мусульманского народа, настроения которого определялись не унитаризмом или федерализмом, а опасениями, что русская революция против мусульман и ислама вообще.

Главным событием общественной жизни мусульманского населения в 1917 г. стало оформление в лице Всероссийского мусульманского совета (ВМС) их политического движения, направленного на создание условий уравнения мусульманства как религиозно-национальной нации с русским народом. ВМС объединил мусульман Евразии, поскольку отражал глубинные настроения широких слоев, пробуждавшихся в условиях революции к новой жизни, к борьбе за свои права, но не на пути большевистского или религиозного радикализма. С созданием ВМС, избранного на Московском съезде, а не созданного представителями национальных организаций, оформился процесс институциализации мусульманского движения. ВМС выступал за культурно-автономистское устройство мусульман в пределах единой демократической российской республики, полагая, что не следует поднимать массы под федералистскими лозунгами, что делать это еще рано, а пока следует воспитывать широкие массы на идеях самоопределения.

ВМС фактически руководил национальными организациями, контактировал с ними, включил после этого съезда в свой состав новых представителей мусульман из разных регионов. Появление этих политиков означало расширение влияния мусульманского движения на региональные организации. Усилия ВМС, с одной стороны, способствовали развитию мусульманского движения, но, с другой, оказались все же недостаточными, чтобы преодолеть его слабые стороны.

Прежде всего, консерватизм в мусульманской среде и сопротивление преобразованиям со стороны традиционных элитарных групп оказались весьма и весьма сильными, что сказалось на отношении и к ВМС. Мусульманское население не было единодушным, противоречия, которые вскоре выявились в самих региональных элитах, продемонстрировали, что ее представители по-разному понимали мусульманское единство в условиях 1917 г. В ходе дискуссий на их съездах не было полной солидарности и тождества интересов. Отношения ВМС с представителями регионов оказались совсем не такими, на которые рассчитывали весной 1917 г. лидеры мусульманского движения.

Таким образом, мусульманское движение в Евразии во время Великой российской революции 1917 года не изучено. Во время этой революции на практике стал реализовываться ряд программных требований Союза российских мусульман. При этом роль исламской религии в национально-политических процессах тюркского по преимуществу населения в революционном 1917 г. оставалась ключевой, решающей, но не из-за доктринальной специфики или религиозности его участников.

Их социальное движение следует определять именно как мусульманское движение, в котором тесно сплетались самые разные вопросы их жизни: общественные, экономические, политические, религиозные, культурные, образовательные и др. Это движение ориентировалось главным образом на решение социальных и политических проблем, при этом носило в большей степени религиозно-национальный характер, конфессиональный аспект доминировал над национальными идеалами народных масс, но движение не стало чисто религиозным. Идеология мусульманского движения может быть определена как идеология адаптации традиционных институтов и ценностей к изменяющемуся окружающему миру. Это было крупное общественное идейное явление и социальное движение.

Советская власть нанесла сильный удар по данному движению, его попыткам реализовать свои цели, и уже с начала 1918 г. оно стало распыляться, а национальные движения, напротив, при поддержке этой власти все более и более усиливались. По ее инициативе стали возникать национальные государства мусульман и широко рас-

пространяться среди них идеи советского федерализма и культивироваться в массах национальное самосознание.

[1] *Goldziher I.* Muhammadan Public Opinion // Journal of Semitic Studies. 1993, Spring. Vol. 38, no. 1. P. 97.
[2] *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии: пер. с нем. М., 2003. С. 300.
[3] *Курат А.Н.* Собрание сочинений: пер. с тур. Казань, 2016. Кн. 4. С. 562, 595—596.
[4] *Джераси Р.* Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России: авторизов. пер. с англ. М., 2013. С. 343—344.
[5] *Steinwedel Ch.* Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552—1917. Blomington, [2016]. P. 309.
[6] См., напр.: *Uzer U.* An Intellectual History of Turkish Nationalizm: Between Turkish Ethnicity and Islamic Identity. Salt Lake City, [2016]. P. 23.
[7] *Аманжолова Д.А.* Мусульманское движение в России в начале XX в. // Религия, церковь в России и за рубежом. 1995. № 6. С. 42.
[8] *Khalid A.* Tashkent 1917: Muslims Politics in Revolutionary Turkestan // Slavic Review. 1996. Vol. 55, no. 2. P. 284.
[9] *Павлович Мих. (Волонтер).* Краткий очерк развития Персидской революции // *Триа В.* Кавказские социаль-демократы в персидской революции. Paris, 1910. С. 6.
[10] *Иванов Всеволод Н.* Огни в тумане; Рерих — художник-мыслитель. М., 1991. С. 293.
[11] *Курат А.Н.* Указ. соч. С. 562—563.
[12] *Rieber A.J.* Social and Political Fragmentation in Imperial Russia on the Eve of the First World War // Россия и США: познавая друг друга: сборник памяти акад. Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2015. С. 134.
[13] *Горошков Н.П.* Национальное движение казанских татар в начале XX в. // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты: материалы 9-й региональной науч. конф. (г. Воронеж, 2 февр. 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 252—253.
[14] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. [Стенографический отчет]. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 176.

К.С. Дроздов

Проекты национально-политического самоопределения украинцев и белорусов и их реализация на территории бывшей Российской империи в 1917—1918 гг.: сравнительно-исторический анализ

В Российской империи в начале XX в. украинская и белорусская этнополитические элиты отсутствовали. Более того, для правящей российской бюрократии не существовало не только национальных элит, но и самих украинцев и белорусов как отдельных от русских народов. Официальные власти, а также значительная часть образованного российского общества как на Украине, так и в Белоруссии были сторонниками триединства русского народа: великороссов, малороссов и западнороссов.

Февральская революция коренным образом изменила общественно-политическую ситуацию в Российской империи. Уже 20 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление, которое отменяло конфессиональные и национальные ограничения, а также предусматривало использование родных языков в делопроизводстве и в учебных заведениях. Именно с этого времени активизировалась деятельность национальных общественных организаций и объединений, в том числе украинских и белорусских.

Украинский национальный проект. Лидерами и идеологами украинства (М.С. Грушевский, В.К. Винниченко и др.) сразу же был поставлен вопрос о национально-территориальной автономии Украины в составе будущей федеративной Российской республики. Разработанная Грушевским схема государственно-национального строя Украины, базировавшаяся на принципах федерализма и народоправства[1], разделялась и поддерживалась в 1917 г. большинством украинских социалистических партий (эсдеков, эсеров, народных социалистов). Лидеры этих партий верили в то, что национальные проблемы можно решить в рамках единого общероссийского революционно-демократического фронта. Однако Россия оставалась унитарной державой, Временное правительство стремилось сохранить свой контроль над национальными окраинами бывшей империи, в том числе и на Украине. Поэтому уже с конца мая 1917 г. начинается противостояние Украинской Центральной рады с Временным правительством за предоставление украинскому народу прав, обеспечивающих его автономию: создание и признание со стороны центрального правительства национального представительного органа в крае; украинизация не только начальной, но и средней (гимназии) и высшей школы (создание в университетах кафедр украинознавста); украинизация воинских частей Юго-Западного и Румынского фронтов.

В ходе работы 2-го Всеукраинского воинского съезда, который состоялся несмотря на запреты военного и морского министра А.Ф. Керенского, Центральная рада издала 10 июня 1917 г. свой 1-й Универсал к украинскому народу, главная мысль которого была в том, что «не отделяясь от всей России, не разрывая с государством Российским, пусть народ украинский на своей земле имеет право сам устраивать свою жизнь»[2]. Как писал В. Винниченко: «На Украине все крестьянство верило Центральной Раде, ибо она была “своя”, она хорошо знала потребности “простых людей” и хотела реализовать эти потребности (...) Кто за землю, тот и за Автономию. Кто против Автономии, тот и против земли»[3]. 15 июня был образован Генеральный секретариат. Речь шла фактически о формировании краевого органа исполнительной власти. С этого времени происходит постепенное превращение Украинской Центральной рады из национально-политического центра в орган национальной государственности. Против универсала и требований национально-территориальной автономии, о которых заявляла Центральная рада, на Украине выступили представители общероссийской либеральной и революционной демократии — члены партии кадетов, эсеров, Киевский совет рабочих и солдатских депутатов и другие общественно-политические организации.

Украинский проект в части, касающейся национально-территориальной автономии Украины в составе будущей федеративной Российской республики, в своем развитии прошел в 1917 г. несколько этапов и достиг кульминации в ноябре 1917 г., когда был издан 3-й Универсал Центральной рады и провозглашена Украинская Народная Республика в составе России.

Активная деятельность украинских национальных общественно-политических организаций в 1917 г. способствовала пробуждению и активизации украинского национального движения и на территории России, где проживало около 7 млн. человек малороссийского/украинского населения (Кубань, Центральное Черноземье, Поволжье, Западная Сибирь, Дальний Восток). Уже весной — летом 1917 г. здесь создаются первые украинские культурно-просветительские организации — «Просвиты», «Громады», выходят многочисленные газеты и журналы на украинском языке, поднимается вопрос о необходимости открытия украинских школ[4].

В 1918 г. на части этих территорий происходит первый опыт украинизации: в южных уездах Курской и Воронежской губерний, которые были присоединены к

Украинской Державе гетмана П.П. Скоропадского[5], на территории Кубани в ходе деятельности Кубанской краевой рады и на Дальнем Востоке, где по инициативе Украинской Дальневосточной краевой рады были созданы украинские школы и в 1920 г. была принята «Конституция национально-культурной автономии (самоуправления) украинцев на Дальнем Востоке».

Однако на Украине, как, впрочем, и в Белоруссии, особенностью развития национально-политической жизни после Февральской революции стало переплетение борьбы за национальное и социальное освобождение. Поэтому на Украине, как и по всей России, после свержения самодержавия были созданы и начали действовать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К концу 1917 г. на Украине действовало около 300 Советов, которые имели общероссийский статус и подчинялись Петросовету. К осени 1917 г. в общественно-политической жизни на Украине стала набирать силу идея советской государственности. Если в начале революции организации РСДРП (б) на Украине насчитывали всего 2 тыс. человек из общего числа в 24 тыс., то к моменту Октябрьской революции их численность выросла почти до 60 тыс. (то есть в 30 раз), а вся ленинская партия составляла тогда 350 тыс. членов. Иными словами, на территории Украины насыщенность большевистским элементом — почти $^1/_5$ всего численного состава РСДРП (б) — была наивысшей, по сравнению с любым другим регионом[6]. В декабре 1917 г. в Харькове Всеукраинский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов провозгласил Украинскую Советскую Республику. В обращении ко всем советским республикам было заявлено: «Мы никогда не рассматривали Украинскую Советскую Республику как национальную республику, а исключительно как Советскую республику на территории Украины». Тем не менее, советская республика называлась «Украинской», а в образованной летом 1918 г. КП(б)У были сильны позиции национал-коммунистов.

В попытках отгородиться от большевистской России и не допустить большевизации масс, с января 1918 г. на Украине стала реализовываться «самостийная» модель государственности: 4-й универсал Центральной рады провозгласил независимость Украинской Народной Республики, а после прихода к власти гетмана П.П. Скоропадского вместо УНР была образована Украинская держава. Как считали сторонники гетмана Скоропадского, правящий режим Украинской державы должен был укрепить украинскую государственность, заботиться о развитии украинской культуры, обеспечить права украинского языка[7].

Благодаря украинскому национальному движению в 1917—1918 гг. название «Украина» вошло в юридическую лексику как официальное название территории украинского народа.

Белорусский национальный проект. Хотя белорусское национальное движение и развивалось очень интенсивно после Февральской революции, тем не менее, оно находилось на обочине общего потока революционных событий 1917 г.[8] Постепенно идея автономной Белоруссии в составе будущей федеративной демократической Российской республики становится все более популярной не только среди белорусской интеллигенции, но и среди широких масс. Будущий статус Белоруссии в составе России и вопрос о границах Белоруссии активно обсуждался на многочисленных митингах, конференциях, съездах, проходивших осенью 1917 г.[9] Так, например, на всероссийском съезде представителей белорусских организаций, учреждений, партий и белорусов-беженцев, работавшем в Москве с 24 по 27 сентября 1917 г., пункт об автономии Белоруссии получил большинство голосов и был включен в резолюцию съезда: «Ввиду того, что белорусский край представляет резкие особенности по сравнению с остальной Россией по историческому укладу, своей политической жизни, хозяйству и быту, съезд признает необходимым предоставление белорусскому народу и краю автономии»[10].

Октябрьская революция и приход к власти большевиков еще более усилил рост сепаратистских настроений. Стремясь заручиться поддержкой национальных окраин бывшей Российской империи, большевики приняли «Декларацию прав народов России» (2 ноября 1917 г.), в которой провозглашалось право на свободное национально-государственное самоопределение всех народов. К этому времени на руководящую роль в белорусском национальном движении претендовали сразу три организации — Великая белорусская рада и Центральная белорусская войсковая рада в Минске, политику которых в значительной мере определяла Белорусская социалистическая громада; Белорусская народная громада, объединившая белорусских беженцев в России и сумевшая провести два крупных съезда в Москве, и Белорусский областной комитет (БОК), созданный в Петрограде 17 ноября 1917 г. при Всероссийском Совете крестьянских депутатов, стоявший на левоэсеровских позициях и пользовавшийся поддержкой нового большевистского правительства[11]. Кульминацией объединения всех белорусских организаций стал 1-й Всебелорусский съезд, который решено было созвать 5 декабря 1917 г. в Минске. Он должен был сформировать белорусский краевой орган власти на советской основе.

Однако к тому времени реальная власть в Белоруссии находилась в руках Северо-Западного областного комитета РСДРП (б), а все военные формирования оказались под контролем большевистского исполнительного комитета Западной области и Западного фронта (Облискомзап). В составе Облискомзапа преобладали военные, в его руководстве не было ни одного белоруса[12]. Руководитель Северо-Западного областного комитета РСДРП (б) А.Ф. Мясников стоял на позициях территориальной автономии Западной области и не признавал ни Белоруссии, как национально-территориального объединения, ни белорусов как отдельного народа[13]. Облискомзап увидел угрозу своей власти со стороны предстоящего Всебелорусского съезда и намерен был сорвать его работу, которая началась 14 декабря. Когда участники съезда проголосовали за создание в пределах Белорусской земли краевого органа власти в лице Всебелорусского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, по приказу руководителей Облискомзапа (А.Ф. Мясников, К.И. Ландер, В.Г. Кнорин) в ночь с 17 на 18 декабря съезд был разогнан.

В результате часть участников съезда, большинство которых составляли делегаты, поддерживавшие программу Великой Белорусской Рады, решили не подчиниться насильственному разгону и предприняли шаги по созданию в Белоруссии местной национальной власти, альтернативной большевистскому Облискомзапу. Был создан Исполком Рады 1-го Всебелорусского съезда, вынужденный действовать подпольно. В Минске возникло два правительства: легальное советское и нелегальное белорусское[14]. В январе 1918 г. Великая Белорусская Рада была признана большевиками буржуазной контрреволюционной организацией. Вскоре после того, как германские войска вошли в Минск и заняли почти всю территорию Белоруссии, Исполком Рады 1-го Всебелорусского съезда был переименован в Раду Белорусской Народной Республики, и 25 марта Рада БНР провозгласила независимость Белоруссии от Советской России, сменив пророссийскую ориентацию на прогерманскую[15]. Однако БНР и ее правительство никем не были признаны. Вместе с тем, произошло окончательное размежевание между лидерами белорусских национальных партий и белорусскими коммунистами.

Благодаря инициативе левоэсеровского Белорусского областного комитета в структуре Народного комиссариата по делам национальностей 14 февраля был образован Белорусский национальный комиссариат (Белнацком), который должен был стать центром объединения для всех белорусов в России, поддерживающих советскую власть[16]. Белнацком был образован «как орган, популяризировавший рабоче-крестьянскую

власть среди широких белорусских масс»[17], а его основной целью было «укрепление власти советов среди белорусских трудящихся масс и та агитационная работа, которая способствовала бы дальнейшему развитию социальной революции на территории Белоруссии»[18]. Одной из важнейших задач Белнацкома была культурно-просветительная работа среди белорусского населения[19]. Издательский отдел Белнацкома сразу же приступил к изданию первой советской газеты на белорусском языке «Дзянніца»[20].

Осенью 1918 г. обострилось противостояние Белнацкома и Облискомзапа. В сентябре один из руководителей Белнацкома Н.С. Семенович в своем выступлении на 3-м съезде советов Западной области предложил переименовать Западную область в Белорусско-Литовскую советскую коммуну, за что подвергся нападкам со стороны руководства Облискомзапа. В статье «Советские социал-шовинисты», опубликованной газетой «Звезда», В. Кнорин подверг критике деятельность Белнацкома, обвинив его руководство в белорусском национализме[21]. Полемизируя с членами Белнацкома и белорусских коммунистических секций, в октябре 1918 г. Кнорин писал: «Мы считали, что белорусы не являются нацией и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты»[22].

И, тем не менее, несмотря на все попытки Облискомзапа не допустить создания вместо Западной области Белорусской советской республики, белорусским коммунистам все же удалось добиться своей цели (хотя и частично и на короткий период времени). В декабре 1918 г. они смогли убедить руководство большевистской партии (прежде всего В.И. Ленина и И.В. Сталина) в необходимости образования советской социалистической республики на территории Белоруссии[23]. Несмотря на то, что к началу 1917 г. белорусское национальное движение было едва различимо, уже спустя год-два большевики в лице наркомнаца И.В. Сталина сделали ставку именно на национальный характер будущей белорусской советской государственности[24].

Одним из главных итогов революционных событий 1917—1918 гг. стало то, что начался быстрый рост национального самосознания белорусского населения, а самоназвание «белорус» закрепилось на государственном уровне[25].

В заключение хотелось бы еще раз показать общие закономерности, которые были присущи украинскому и белорусскому национальным проектам, и те особенности, которые характеризовали их на протяжении 1917—1918 гг.

Развитие украинского и белорусского проектов национально-политического самоопределения в 1917—1918 гг.

1. Идея национально-территориальной автономии в составе федеративной Российской республики	
украинский проект апрель — ноябрь 1917 г.	белорусский проект осень 1917 г.
2. Идея создания государственности на советской основе	
украинский проект декабрь 1917 г.	белорусский проект декабрь 1917 г.
3. Идея создания независимого от Советской России государства	
украинский проект январь 1918 г.	белорусский проект март 1918 г.
4. Противостояние сторонников проекта национально-политического самоопределения и сторонников общерусского единства	
на Украине в 1917—1918 гг.	в Белоруссии в 1917—1918 гг.

Полнота реализации украинского и белорусского проектов национально-политического самоопределения

Украинский проект	Белорусский проект
1. Идею национально-территориальной автономии Украины фактически удалось реализовать к декабрю 1917 г.: – к этому времени вышло три универсала Центральной Рады, в которых были очерчены и обозначены границы автономной Украины; – была провозглашена УНР, создано краевое национальное правительство — Генеральный Секретариат и национальный представительный орган в лице Украинской Центральной рады; – украинизированы воинские части; – начата украинизация системы народного образования.	1. На пути к национально-территориальной автономии Белоруссии были сделаны только первые шаги: – в декабре 1917 г. удалось провести 1-й Всебелорусский съезд белорусских политических партий и общественных организаций под лозунгом автономии и создания краевой национальной власти; – на митингах, совещаниях и съездах воинов-белорусов было заявлено о необходимости белорусизации воинских частей.
2. Создается украинская государственность на советской основе: – декабрь 1917 г. — объявлено о создании УССР; – лето 1918 г. — образована компартии Украины — КП(б)У; – конец 1918 — начало 1919 г. — после падения режима гетмана П.П. Скоропадского восстановлена УССР.	2. Сделаны первые шаги на пути создания белорусской государственности на советской основе (в феврале 1918 г. образован Белнацком в структуре Наркомнаца, созданы белорусские национальные секции в составе РКП (б) и др.), но создать БССР на длительное время не удалось не только в декабре 1917 г., но даже в конце 1918 — начале 1919 г.
3. Создается независимое от Советской России украинское государство: – январь 1918 г. — провозглашена «самостийная» УНР; – апрель — декабрь 1918 г. —Украинская держава гетмана П.П. Скоропадского.	3. Не удалось создать независимое от Советской России белорусское государство: провозглашенная в марте 1918 г. на оккупированной германскими войсками территории Белоруссии «самостийная» БНР и ее правительство никем не были признаны.
4. Сторонникам украинского национального проекта удалось справиться с сопротивлением сторонников общерусского проекта. Украинские национал-коммунисты смогли противостоять «централистам» и «интернационалистам» в КП(б)У.	4. Сторонникам белорусского национального проекта не удалось справиться с сопротивлением сторонников общерусского проекта. «Централисты» и «интернационалисты» в лице руководителей Облискомзапа одержали верх в противостоянии с белорусскими национал-коммунистами.
5. Украинский проект имел поддержку и своих активных сторонников среди украинского населения в России (Кубань, губернии Центрального Черноземья, Дальний Восток). Часть этих территорий либо находилась в союзе с УНР/Украинской державой (краевое правительство Кубани), либо были присоединены к Украине (юго-западные и южные уезды Курской и Воронежской губерний).	5. Белорусский проект не имел поддержки и своих активных сторонников среди белорусского населения в России (Смоленщина, Сибирь). Этнические восточно-белорусские территории (Витебская, Могилевская губернии) оказались в составе РСФСР в начале 1919 г.
6. Сторонники украинского национального проекта действовали единым фронтом, произошла консолидация украинских активистов вокруг Украинской Центральной Рады в Киеве. Правительство гетмана П.П. Скоропадского также осуществляло свою деятельность в Киеве.	6. Сторонникам белорусского национального проекта не удалось действовать единым фронтом, так как белорусские земли оказались разделенными линией фронта на две части, в результате чего образовалось сразу несколько центров, претендовавших на лидерство в белорусском национальном движении: 1) в Вильно (в оккупированной части); 2) в Минске; 3) в России — в Петрограде, Москве и др. городах, где оказались многочисленные беженцы-белорусы.

Украинский проект	Белорусский проект
7. Изначальная ориентация на собственные силы и на создание украинской государственности.	7. Изначальная ориентация на альянс с лидерами соседних национальных движений, распространены идеи краёвости, стремление создать белорусско-литовско-польскую конфедерацию и/или Литовско-Белорусскую ССР (ЛитБел).
8. Сторонники украинского национального проекта смогли заручиться поддержкой украинцев, проживавших за рубежом Российской империи — Галиция (входившая тогда в состав Австро-Венгрии) была украинским Пьемонтом.	8. Сторонники белорусского национального проекта не смогли заручиться поддержкой белорусов, проживавших за рубежом Российской империи (такой белорусской диаспоры просто не было), не возник белорусский Пьемонт.

Как показал наш сравнительно-исторический анализ, актуализация и широкое развитие проектов национально-политического самоопределения среди украинцев и белорусов стали возможны вследствие краха самодержавия и стремительных общественно-политических перемен в жизни российского общества сразу после победы Февральской революции. По мере углубления и расширения революционных преобразований в 1917—1918 гг. происходили изменения и в национальном движении украинцев/белорусов: идея широкой национально-территориальной автономии в составе будущей федеративной Российской республики после падения общероссийского Временного правительства, захвата власти большевиками и провозглашения ими диктатуры пролетариата сменилась призывом национальных лидеров к реализации во всей полноте государственной независимости Украины (в меньшей степени Белоруссии) и максимальной дистанцированности новых государственных образований от большевистской России. Однако социально-экономические преобразования в ходе продолжавшейся социалистической революции в России были столь велики и значительны, что альтернативный проект создания украинской/белорусской национальной государственности на советской, социалистической основе оказался привлекателен для широких трудящихся масс и части революционной интеллигенции (так называемые национал-коммунисты) как на украинских землях, так и на белорусских. И хотя в ходе революции украинский и белорусский проекты национально-политического самоопределения имели общий алгоритм развития (от широкой национально-культурной автономии в составе России к полной государственной независимости), каждому из национальных движений в этот период были присущи свои характерные особенности, которые в итоге существенным образом повлияли на полноту воплощения и реализации национальных проектов на территории бывшей Российской империи в 1917—1918 гг.

[1] См. работы М.С. Грушевского того времени: *Грушевський М.С.* : 1) Хто такі українці і чого вони хочуть. Київ: Друкарня Акц. Т-ва «Петро Барський у Київі», 1917 ; 2) Звідки пішло украинство і до чого воной йде. Київ: Друкарня Акц. Т-ва «Петро Барський у Київі», 1917 ; 3) Якої ми хочемо автономії і федерації. Київ. Друкарня Акц. Т-ва «Петро Барський у Київі», 1917 ; 4) На порозі нової України: гадкі і мрії. Київ: Друкарня Акц. Т-ва «Петро Барський у Київі», 1918.

[2] Цит. по: *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война в Украине, 1917—1920 гг. М.: Новый хронограф, 2012. С. 32.

[3] Там же. С. 30—31.

[4] См. об этом подробнее: *Васильев И.Ю.* Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917—1932 гг. Краснодар, 2010. С. 17, 19; *Черномаз В.А.* Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Владивосток, 2009. С. 285—286, 289; *Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Национальные меньшинства Воронежского края в 1917—1941 гг. Воронеж, 2012. С. 64; *Сергійчук В.І.* Українська соборність: відродження українства в 1917—1920 роках. Київ, 1999. С. 150.

[5] Подробнее о присоединении части уездов Курской и Воронежской губерний к Украинской державе в 1918 г. см.: *Дроздов К.С.* Социально-политические процессы на русско-украинском пограничье в условиях германского военного присутствия в марте — декабре 1918 г. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914—1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сент. — 3 окт.

2014 г.) / отв. ред.: А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Гос. ист. музей; Федеральное арх. агентство; Рос. ист. о-во. М.: [ИРИ РАН], 2014. С. 397—404.

6 *Солдатенко В.Ф.* Указ. соч. С. 23.

7 Український вибір: політичні системи ХХ століття і пошук власної моделі суспільного розвитку / В.Ф. Солдатенко (керівник). Київ: Парламентське вид-во, 2007. С. 195.

8 *Латышонак А., Мірановіч Я.* Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. 2-е выд. Смаленск: Інбелкульт, 2013. С. 130.

9 Беларускае замежжа = Белорусское зарубежье / склад. Н.А. Голубева. Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броукі, 2010. С. 111.

10 Цит. по: *Хомич С.Н.* Территория и государственные границы Беларуси в ХХ веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск: Экономпресс, 2011. С. 63.

11 Там же. С. 67.

12 *Латышонак А., Мірановіч Я.* Указ. соч. С. 132.

13 *Борисенок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине ХХ века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. С. 97, 120—121.

14 *Латышонак А., Мірановіч Я.* Указ. соч. С. 148—149.

15 Там же. С. 150—151.

16 Беларускае замежжа = Белорусское зарубежье. С. 112.

17 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 38.

18 Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 43 об.

19 ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 90. Л. 8.

20 Там же. Л. 8 об.

21 НА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 162. Л. 121. «В номере 253 газеты от 12, 9, 18 в статье “Советские социал-шовинисты” за подписью В. Кнорин усматривается явное непонимание автором, пишущим названную статью, института по делам национальностей, созданного великой октябрьской революцией, и мне, как бывшему участнику 3-го съезда Советов Западной области, позвольте заявить самый категорический протест против нападок автора на деятельность Белорусского национального комиссариата... Поднятый мною вопрос перед “О-па” (так в документе, скорее всего, имеется в виду “Облисполкомзап”. — *К.Д.*) и фракцией коммунистов 3-го съезда Советов Западной области о переименовании Западной области в Белорусско-Литовскую советскую коммуну, не дает еще оснований подозревать Белорусский комиссариат в “национал-шовинизме”, как это понимает г. Кнорин...» (Из копии письма в редакцию газеты «Звезда» управляющего делами Белнацкома Н.С. Семеновича // Там же).

22 Цит. по: *Хомич С.Н.* Указ. соч. С. 211.

23 Беларускае замежжа = Белорусское зарубежье. С. 113; *Латышонак А., Мірановіч Я.* Указ. соч. С. 152—153.

24 *Борисенок Ю.А.* Указ. соч. С. 115—116.

25 *Чернявская Ю.В.* Белорусы. От «тутэйших» — к нации. Минск: ФУАинформ, 2010. С. 73, 75.

Т. Вихавайнен

Образ финляндской революции в России

Финская социал-демократия, не без повода, пользовалась некоторым авторитетом и престижем даже за границей. Партия пользовалась в Финляндии огромной популярностью, и на выборах 1916-го она даже получила абсолютное большинство: 103 мандатов из 200 в финском сейме[1].

При этом выборы проходили в свободной форме, при всеобщем и равном праве голоса, тайным голосованием. Также женщины имели право голоса. Другими словами, политическую систему Финляндии можно было назвать самой демократической в мире. Сравнивать можно было только с Новой Зеландией.

Правда, с точки зрения социал-демократического учения, огромная популярность самих социал-демократов именно в Финляндии была аномалией. Ведь по марксистскому прогнозу именно рост промышленного пролетариата был бы залогом

победы социал-демократов. За них бы голосовали именно рабочие, «заваренные в котлах завода».

В Финляндии все-таки промышленного пролетариата было еще мало. За социал-демократов голосовала прежде всего сельская беднота.

С другой стороны, эта сельская беднота была хорошо организована. Она имела свои многочисленные партийные организации, профсоюзы и т.д. Практически все были грамотные и читали газеты и литературу. Это был просвещенный сельский пролетариат.

Именно высокая организованность была отличительной чертой финской социал-демократии. Как и следовало ожидать, классовая борьба все-таки была краеугольным камнем и в доктрине финских социал-демократов.

В условиях Финляндии это означало политическую и экономическую борьбу в легальных формах. Самым великим пророком марксизма для финских социал-демократов был немец Карл Каутский, которого Ленин потом называл «ренегатом» и «мещанином»[2].

В условиях гражданской свободы и демократии политическая борьба естественно была ограничена в легальных рамках. Связь с русскими революционерами поддерживалась только негласно. Финские социал-демократы поняли, что у них уже были большие достижения. Их хотели сохранить и поэтому боялись сотрудничества с русскими[3].

Как ортодоксальные марксисты, финские социал-демократы тоже сторонились сотрудничества с классовым врагом, то есть буржуазией.

После первых демократических выборов социал-демократы не были согласны участвовать в финском правительстве (сенат), хотя стали самой крупной партией, получив 80 мандатов из 200.

Работа парламента оказалась непростой. Император — великий князь Финляндский — все-таки имел верховную власть и должен был подтверждать все законы.

Мало того, государь также мог распускать сейм, и действительно распускал — не менее чем пять раз за 1908—1913 гг.

Поэтому многие перестали верить в возможность ввести большие общественные реформы путем парламентской работы. От этого также пострадала активность участия в выборах. В 1905-м г. 68,9% мужчин и 60,3% женщин голосовало на выборах. В 1906-м г. цифры были следующими: 61% и 51,4%. Общая активность была всего 55,5%.

Тем не менее, социал-демократы в 1916-м г. получили абсолютное большинство в сейме — 103 мандата из 200.

Финское правительство (сенат) на тот момент было в руках русских людей, которых вопреки финским законам назначил император — великий князь Финляндский.

Февральская революция 1917 года в корне изменила политическую ситуацию в Финляндии. В марте было сформировано новое правительство, и социал-демократы уже не сторонились в этом участвовать.

Новое правительство стало коалиционным. Шесть мест получили социал-демократы и шесть — остальные («буржуазные») партии. Председателем «экономического отделения» сената (премьер-министром) стал социал-демократ Оскари Токой. Социал-демократом был также председатель сейма Куллерво Маннер[4].

В связи с Февральской революцией Россия перестала быть монархией. С точки зрения Финляндии, юридическая ситуация стала неясной, так как института верховной власти не стало.

Социал-демократы, так же, как и буржуазные юристы, считали, что Временное правительство не имеет прерогатив великого князя Финляндского, и утверждали, что это обязанность финского сейма.

Политически это имело бы очень серьезные последствия как внутри Финляндии, так и для России.

Внутри Финляндии социал-демократы наконец имели бы возможность издать желаемые ими законы. Этого, естественно, испугались многие представители буржуазных партий.

С точки зрения России, поручение вышеописанных полномочий сейму делало власть русских органов очень незначительной. В разгар великой войны это более или менее означало покушение на цельность империи.

В тот момент, когда у Временного правительства были трудности, и факт его свержения становился очевидным, 18 июля финский сейм одобрил так называемый закон о власти. Согласно этому закону, высшая власть в Финляндии была прерогативой сейма.

Не одобрив такого решения, Временное правительство распустило сейм и назначило новые выборы. Согласно своему пониманию правовой ситуации, социал-демократические члены сейма не одобрили манифеста о его роспуске.

В финском сенате вопрос об издании манифеста послужил почвой для разногласия. Шесть сенаторов-социал-демократов проголосовало против, а шесть представителей буржуазного общества были за издание манифеста. В конце концов вопрос был решен генерал-губернатором, который имел право участвовать в работе сената, но обычно так не делал, не владея финским языком[5].

На новых выборах сейма 1 и 2 октября 1917 г. социал-демократы потеряли свое большинство. На этот раз они получили 92 мандата из 200. Все-таки новые выборы отражали политические взгляды населения лучше, чем прежние, ибо активность избирателей достигла 69,2%, то есть, было на 13,7% больше, чем в 1916 г.

Тем не менее, разочарование социал-демократов было огромное. Политическая работа при «буржуазном» парламентаризме оказалось бесплодной. Русские власти, вместе с финскими «буржуями», блокировали путь социал-демократии к полноте власти в стране.

Финские социал-демократы сторонились сотрудничества с русскими революционерами вплоть до 1917 г. Правда, еще в 1905 г. было некоторое сотрудничество на уровне рабочих масс, но в общем и целом, «русские» методы борьбы финны считали неуместными в своей стране.

Однако в 1917 г., когда массовые беспорядки, нередко с участием русских военных, стали все более обычным явлением, традиционная вера в закон и порядок колебалась все чаще.

Более того, так как старая власть в Финляндии была свержена, то и опасность беспорядков была велика, что привело к формированию охранных групп. Со временем эти группы получили новые названия: красная гвардия (punakaarti, rödagarden) и охранная гвардия (suojeluskunta, skyddskår).

Таким образом и в Финляндии была создана новая ситуация: *двоевластие*. В стране было два добровольческих вооруженных войска, но не было регулярной армии или полиции, за исключением русских войск, которые находились в состоянии распада[6].

Еще в июле финские социал-демократы предпочитали сотрудничать с меньшевиками и эсерами, которые имели власть в советском конгрессе.

Но когда большевики оказались у власти, финские социал-демократы поспешили заручиться у них поддержкой. Надо отметить, что большевистские агитаторы, Сталин и Коллонтай, тоже приехали в Финляндию, чтобы сподвигнуть финнов и находившихся в Финляндии русских солдат к переходу на их сторону, с целью поддержать переворот.

Попытка не была напрасной. Правда, провозглашенная «всеобщая забастовка» во время Октябрьского переворота еще не означала революцию. На самом деле, вопрос о насильственном взятии власти *«буржуев»* был поставлен уже тогда, но по инерции или «непонятной трусости» (Сталин) социал-демократическая верхушка осталась в здравом уме и вернулась к методам парламентаризма, прекратив забастовку[7].

Только 28 января 1918-го г., как известно, социал-демократическая партия провозгласила в Финляндии революцию.

Не только в глазах будущих поколений это было крайне странным явлением. Современники тоже выражали свое непонимание: «демократическая революция» в самой демократической стране![8]

В программу революции вошли некоторые социалистические требования, но не диктатура пролетариата. Правда, проект революционеров новой формы правления был очень странным, например в том смысле, что он указывал на долг народа восстать и свергнуть сейм, если тот посмел бы отказаться от нового строя[9].

По крайней мере программу нового правительства можно было назвать «демократической», хотя методы действия правительства иногда таковыми и не являлись. Тот факт, что та самая демократическая революция все-таки произошла в стране, которая уже была, пожалуй, самой демократической в мире, конечно, не могла не вызывать недоверие к вышеупомянутой программе.

На самом деле, очень трудно понять, почему же финские социал-демократы в конце концов не отказались от вооруженного восстания.

Известно, что давление со стороны «улиц» было сильное. Происходящее усугубилось тем, что безработица и голод резко возросли в результате банкротства русского правительства. Десятки тысяч потеряли свою работу, и прокормить себя и семью было нечем.

Вдобавок, большевики не только агитировали финнов к революции, но также достаточно хорошо вооружали их. Вместе с тем, в стране были еще десятки тысяч русских солдат, и большевики обещали заставить их встать на сторону восстания.

Фактически, русской помощи не хватало для сопротивления «белой гвардии», как стали называть армию, которая состояла из охранных отрядов. К тому же, белые получили помощь как из Германии, так и из Швеции.

Гражданская война, которую стали называть войной освобождения, стала крайне безжалостной. Такого многие и не смели ожидать от финнов, которых было принято считать добродушными и неторопливыми. Когда, к концу войны, еще появились и сведения о массовом убийстве русских в Выборге, это вызвало крайнее разочарование и недоумение[10].

В целом, в Финляндии произошло что-то совсем невероятное. Великое княжество, которое всегда славилось своей образованностью и законопослушностью, стало вдруг примером зверства и насилия. Это надо было чем-нибудь объяснить.

Об этом узнали лишь в мае 1918-го. До этого русские наблюдатели многое писали о финской революции — не только большевики, но и меньшевики, эсэры и даже кадеты. Большевикам не удалось сразу задушить свободу прессы, и будет небезынтересно рассмотреть, как сравнивали финскую революцию и переворот большевиков.

Как известно, революция в Финляндии была действительно массовым явлением, а не только переворотом на вершине власти. Десятки, если не сотни тысяч людей активно участвовали в событиях, вооруженной борьбе, в местном управлении и т.п.[11]

В России же переворот большевиков первоначально был прежде всего произвольным свержением власти Временного правительства, которое все-таки имело поддержку крупнейших социалистической партии и которое подготовило народам

России учредительное собрание. Последнее же было мечтой российской демократии уже на протяжении ста лет, и большевики также требовали его созыва.

Пару месяцев после октябрьского переворота большевиков в России не происходило значительных революционных изменений. Исключение составили акты анархии, развал армии и преследования других политических партий, кроме самих большевиков и левых эсеров, которые были в правительстве. Имела ли вообще революция в России место быть? Николай Бердяев считал, что никакой революции не было[12].

Зато налицо были произвол большевиков против всех святых гражданских свобод, разгул анархии и притеснение политических противников, социалистов в том числе. Ситуация была хуже, чем при царях.

Как показано в книге Джейн Бурбанк, недовольство интеллигенции большевиками было всеобщим явлением[13]. Не только такие писатели, как Иван Бунин и Максим Горький, резко критиковали революционную анархию «советской власти»[14]. Почти вся интеллигенция была против.

Газеты, такие как («на ¼ большевистская») *Новая жизнь*, эсеровская *Дело народа, Наш век* кадетов, *Новый луч* меньшевиков и другие пристально следили за событиями в Финляндии весной 1918 г.

А в Финляндии хотели видеть альтернативу российским событиям. Если альтернатива была, то что она собой представляла?

Можно сказать, что российская пресса, за исключением большевистской, в начале 1918-го г. дружно провозгласила, что настоящая социалистическая революция имеет место быть не в России, а в Финляндии.

Какие были отличительные свойства этой настоящей революции и чем она отличалась от российской?

Кадетский *Наш век* считал важным заявление члена финского красного правительства Ю. Сирола, который сказал, что, например, контроль за банками нес только практическую задачу, тем самым только препятствуя финансированию контрреволюции[15].

Более того, финны хотели сохранить демократический парламентаризм и явно отказывались от идеи диктатуры пролетариата. Также между российскими советами и финскими местными органами было важное различие: в Финляндии их задачи были только административные. Судебных или законодательных полномочий они не имели[16].

Эсеровская *Дело народа* подчеркивала, что в Финляндии не было «анархо-советизма». В Финляндии банки и заводы, а также землю не социализировали. «Власть советов» не была тем идеалом народной власти[17].

А самым важным является то, что финны сохранили идею демократии. Они пообещали плебисцит. Можно было только себе представить декрет от Ленина, который бы пообещал такое![18]

А. Серебров в *Новой жизни* подчеркивал, что в Финляндии — а не в России — социал-демократы «не раз» имели большинство в парламенте, иначе говоря, они представляли волю если не большинства, то примерно половины народа. Более того, в Финляндии под властью революции не подразумевалось солдатского элемента[19].

Как считала *Новая жизнь*, финская революция глубоко отличалась от русского переворота. В Финляндии революционеры имели бы право называть себя «диктатурой пролетариата». Следует также отметить, что в Финляндии не кричали о «скоропалительном социализме» и не использовали лозунг «беспощадности», чем гордились смольнинские вожди.

Таким образом, революция в Финляндии имела строго практический характер. Эти мероприятия были только шаги на пути к социализму, но не сам социализм.

Иначе говоря, принципы финской революции были те самые, которые *Новая жизнь* не раз предлагала русским советам[20].

После Брестского мира было ясно, что финская революция гибнет. Многие русские газеты сочувствовали. Меньшевистская *Вперед* писала о «славной смерти» и считала, что «Октябрьская революция» обманула финнов. Они же считали, что этот переворот был действительно социалистическая революция[21].

Рафаил Григорьев из *Новой жизни* тоже жалел о судьбе финнов. В Финляндии же против друг друга воевали два класса, тогда как в России линия фронта шла через русскую демократию[22].

Новый луч считал, что «трагедия финского пролетариата» была трагедией всего интернационала. В Финляндии речь шла все-таки о настоящей революции и не от анархии, где говорили о «коммунизме» и «грабили награбленное». Финны поверили в международную солидарность большевиков, а их продали немцам[23].

Вопрос об «измене» финской революции был, естественно, задан и в большевистских рядах. Судьба власти большевиков все-таки была для верхушки дороже всех других ценностей, и Брест-Литовский мир был подписан 3 марта 1918-го, хотя как левые СР-ы, так и левые большевики были против.

Кстати говоря, сама финская гражданская война была чрезвычайно кровавой и беспощадной. Она уже началась, в то время как в России ничего подобного еще не было.

Появляющиеся новости о кровавом белом терроре в Финляндии шокировали даже большевиков, которые называли белых «дикой и кровожадной шайкой». Все больше страдала репутация финнов от «трусливых и зверских» расстрелов русских, даже тех, кто вовсе не участвовал в гражданской войне[24].

Правда, такие зверства совершали только белые, как сообщали газеты. Можно было считать, что в конце концов виновата во всем была «окаянная буржуазная культура»[25].

В итоге, рассматривая реакцию русской прессы на финскую революцию 1918-го, можно говорить о «романе» русской демократии с финской революцией 1918-го года. Как при всех романах, в начале процесса появляется склонность идеализировать предмет обожания. Потом образ другого приобретает все более реалистичные черты.

При этом финская революция 1918-го предоставила для русской публики интересную возможность сравнивать свои местные события с заграничными. Пример Финляндии также показал реальность гражданской войны, которую Ленин так легкомысленно в своих «апрельских тезисах» проповедовал для всей Европы. Таких ужасов, которые произошли в Финляндии, которую традиционно считали спокойной и разумной, пока практически не было в России[26].

Но финские события скоро оказались в тени более крупных событий. Так же как Отечественная война 1812-го г. затмила Финскую войну 1808—1809 гг. и как Великая Отечественная война 1941—1945 гг. затмила Зимнюю войну 1939—1940 гг., так и Гражданская война в России 1918—1922 гг. затмила Гражданскую войну в Финляндии 1918-го г.

1 См.: *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии, 1809—1995. Москва: Весь мир, 1998.

2 URL: http://leninism.su/works/76-tom-37/1371-proletarskaya-revolyucziya-i-renegat-kautskij1.html

3 *Куяла Анти*. Кризис в русско-финских отношениях (1899—1916) // Русский сборник. Москва: Модест Колеров, 2015. XVII. С. 203—204.

4 О развитии финляндской политики и отношении с Россией см.: *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Указ. соч.

5 Подробно об этом см.: *Ketola Eino*. Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen itsenäisyys, sosialidemokraatit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki: Tammi, 1987.

6 *Alapuro Risto*. State and Revolution in Finland. Berkely: UCLA Press, 1988.

7 О революционной ситуации в ноябре см.: *Holodkovski Viktor*. Suomen työväen vallankumous 1918. Moskova, 1978. S. 44—82.
8 См. дневники: *Aho Juhani*. Hajamietteitä kapinaviikoilta. I. Porvoo: WSOY, 1918. S. 27; Santeri Alkion päiväkirjat II. Profeetta, 1914—1918. Helsinki: SKS, 2012.
9 *Upton Anthony*. The Finnish Revolution, 1917—1918. Menneapolis: University of Minnesota Press, 1980. P. 361—363, 390—395.
10 См.: Красная газета. 1918. 21 июня. «Т. Володарский и Красная газета».
11 Только в красной гвардии было до 80 000—90 000 человек.
12 URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_bila_revolucia/
13 *Burbank Jane*. Intelligentsia and Revolution. New York [etc.]: Oxford University Press, 1986.
14 *Бунин И*. Окаянные дни (1918) / И. Бунин. Несвоевременные мысли (1917—1918) / Максим Горький. Москва: Айрис пресс, 2004.
15 Беседа с г. Сирола // Наш век. 1918. 17 февр.
16 Письма из Гельсингфорса // Там же. 23 февр.
17 *Сухомлин В.В*. Письма из Финляндии // Дело народа. 1918 г. 30 марта.
18 Там же.
19 *Серебров А*. Финляндская революция // Новая жизнь. 1918. 3 февр.
20 Там же.
21 Славная смерть // Вперед. 1918. 17 апр.
22 *Григорьев Рафаил*. Трагедия Финляндии // Новая жизнь. 1918. 13 апр.
23 Трагедия финляндского пролетариата // Новый луч. 1918. 23 марта.
24 Расстрел русских граждан в Выборге // Красная газета. 1918. 9 мая; Урок расстрелов в Выборге // Там же; *Григорьев Рафаил*. Белый террор // Новая жизнь. 1918. 15 мая.
25 Красная газета. 1918. 9 мая.
26 Еще осенью 1918 г. большевики апологизировали расстрелы заложников тем, что в Финляндии белые расстреляли 20 000 человек (на самом деле, расстрелянных красных было 7000—8000) и Краснов на Дону 15 000 (Заложники во время революции // Петроградская правда. 1918. 12 сент.).

А.Ю. Бахтурина

Прибалтийские губернии в политике Временного правительства в 1917 г.

Распад Российской империи произошел после прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. В историографии в числе причин указывается несогласие общественно-политических элит формируемых национальных государств с социально-экономической программой большевиков. Но первые шаги по созданию национальных государств были сделаны еще в период деятельности Временного правительства, когда о резкой трансформации социально-экономической системы речь еще не шла.

Одна из проблем, которая возникает при изучении национальной политики Временного правительства и национальных проблем 1917 г. в целом, это проблема определения этнической территории народов России. Формирование представлений об этнических границах народов Российской империи началось задолго до революции. По замечанию Т. Карьяхярма, уже в конце XIX столетия «наблюдается более дифференцированный подход с выделением отдельных регионов империи. Эстляндию стали рассматривать отдельно от этнической России. При этом термином “Эстляндия” обозначали не только Эстляндскую губернию (Северную Эстонию), но и эстонские уезды Лифляндской губернии (Южная Эстония), город Нарву в Санкт-Петербургской губернии, а позже и территорию в Псковской губернии, где проживал народ сету. Таким образом, формировались представления об этнической территории эстонцев с общим названием Эстония»[1]. На территории Прибалтийских губерний в

феврале — октябре 1917 г. идет активный процесс определения этнических территорий проживания эстонцев и латышей и новых административно-территориальных границ, ставший важным шагом на пути к национальной государственности.

Население региона было смешанным: коренными народами являлись эстонцы, латыши, литовцы; русские, поляки, немцы, евреи, шведы и другие народы переселялись в Прибалтику на протяжении веков и составляли меньшинство населения. Административно-территориальное деление не совпадало с этническими границами проживания коренных народов: эстонцы проживали в Эстляндской и Лифляндской губерниях, латыши — в Лифляндской, Курляндской губерниях, в западных уездах Витебской губернии; литовцы, кроме Виленской и Ковенской губерний, также проживали в Сувалкской губернии, входившей в состав Царства Польского. По подсчетам В.М. Кабузана, в Лифляндской губернии проживало около 1% эстонцев. В самой Эстонии в начале XX в. отмечалось преобладание эстонцев, связанное с небольшим количеством переселенцев из других регионов, в отличие от Латвии, где росла численность русских, составившая к 1914 г. 19,3%[2].

Наиболее развитой была Лифляндская губерния, где Рига являлась одним из крупнейших промышленных центров. Виленская и Ковенская губернии были аграрными.

Весной — в начале лета 1917 г. в Прибалтийских губерниях разворачивается борьба за определение будущих административных границ проживания эстонского и латышского населения.

Именно в Тарту весной 1917 г. активизировалось движение за объединение всех эстонских территорий в единую национальную губернию. 9 марта в Таллине был создан Таллинский союз эстонских обществ. На его первом собрании было предложено включить северную Лифляндию, то есть Южную Эстонию в состав Эстляндской губернии. В марте 1917 г. лидер эстонской народной партии прогрессистов Я. Тыниссон был избран Тартусским городским головой. 11—13 марта в Тарту состоялось всеэстонское совещание представителей эстонских буржуазных обществ. Высказано было мнение о создании в Южной Эстонии самостоятельной северо-лифляндской губернии. Сторонники создания новой губернии, среди которых преобладали члены эстонской народной партии прогрессистов, не исключали возможности превращения Тарту в губернский город, и этим в определенной степени объяснялось их стремление к образованию в Южной Эстонии новой административно-территориальной единицы. 13 марта было достигнуто компромиссное решение: от Лифляндской губернии отделить ее северную часть, временно создав из нее самостоятельную губернию[3].

Высказанные эстонскими лидерами стремления требовали законодательного оформления.

Деятели Петроградского эстонского республиканского союза (К. Лутс, Ю. Сльямаа, А. Вальнер) 26 марта организовали перед Таврическим дворцом манифестацию жителей эстонской национальности в поддержку требования самоуправления, а также демонстрацию солдат-эстонцев запасного батальона Гвардейского Кексгольмского полка. Существуют различные мнения о численности и масштабах демонстрации в Петрограде в марте 1917 г. Называется цифра 40 тыс. участников. Состав Кексгольмского полка в сентябре 1917 г., включая лазаретную службу и другие вспомогательные единицы, составлял около 4,5 тыс. человек. Эстонское население Петрограда, по разным данным, составляло 40—50 тыс. человек. Эти цифры позволяют говорить о том, что число участников демонстрации несколько завышено. Но тем не менее 30 марта 1917 г. на заседании Временного правительства впервые обсуждался вопрос об организации административного управления и самоуправления в Эстляндской губернии. Временным правительством было раз-

работано Положение «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии». Но не введено в действие.

Одновременно с Временным правительством и с лидерами национальных либеральных партий границы Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний определяли Советы рабочих и солдатских депутатов. Следует отметить, что в исторических областях Латвии за формирование национальной территории более активно выступали местные Советы, где очень скоро установилось лидерство социал-демократов. В марте — апреле 1917 г. были образованы Видземский временный земский Совет в Риге, Курземский земский Совет в Тарту и Латгальский земский Совет. Все они высказывались за объединение исторических латвийских территорий[4].

Параллельно с обсуждением вопроса об объединении исторических эстонских и латвийских территорий лидерами латвийского и эстонского общественно-политических движений, проблема границ Прибалтийских губерний была затронута в связи с созданием областных объединений Советов рабочих и солдатских депутатов.

На Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов (29 марта — 3 апреля) 2 апреля была принята резолюция об объединении Советов[5]. Задачей совещания было сформировать более или менее четкую систему Советов в регионах. Первоначально Прибалтийские губернии не выделялись в самостоятельную группу. В апреле был создан Верховный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Северо-Западной области и Северного фронта Верхосев, объединивший Советы Псковской, Петроградской, Новгородской, Витебской, Эстляндской и Лифляндской губерний, неоккупированной части Курляндии, а также организации воинских частей городов Вышний Волочек, Ржев и Торжок. В апреле — мае варианты областного деления менялись. В середине апреля было декларировано создание объединения Советов Северо-Западной области с включением туда Советов Прибалтийских губерний. В апреле было принято Временное положение о Северо-Западной областной организации Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов с центром в г. Пскове[6]. Положение было утверждено на заседаниях организационной комиссии представителей военных организаций гарнизонов Двинского военного округа, проходивших 6—9 апреля. К маю 1917 г. после ряда дискуссий была выделена Северо-Западная область. При определении ее границ активную роль играли представители солдатских комитетов Северо-Западного фронта. 18—27 мая в Пскове проходил II съезд представителей Советов Северо-Западной области и представителей Северо-Западного фронта. Северо-Западная область была разделена на пять районных организаций с центрами в Пскове, Новгороде, Витебске, Ревеле и Риге[7].

Но Советы Прибалтийских губерний в мае выступили против включения их в Северо-Западную область и попытались создать самостоятельное объединение Советов Прибалтики.

3 мая 1917 г. в Петроград из Ревельского Совета была отправлена телеграмма, где говорилось, что получено несколько сообщений о созыве областного съезда Советов в Прибалтийском крае. Первое — о созыве съезда в Ревеле, второе — из Пскова «с указанием, что Эстляндия входит в состав областной организации с центром в Пскове» и третье — из Рижского Совета с сообщением о том, что областной съезд созывается Рижским исполкомом в Юрьеве[8]. В связи с этим Ревельский Совет запрашивал: «Куда должна войти Эстляндия?»[9] Ответ на этот вопрос был получен от председателя Искоборсева Орлова, где говорилось, что «по соглашению с Петроградом Эстляндия входит в состав областной организации с центром в Пскове», но также «может образовать отдельный район с центром в Ревеле»[10]. На 10 мая 1917 г. был назначен созыв Областного съезда Советов Прибалтики, где большинство делегатов представляли советы Ревеля и Эстляндской губернии. Но

съезд был признан несостоявшимся «за отсутствием большого числа представителей»[11]. При этом Ревельский Совет заявил о том, что из-за отсутствия кворума он «вынужден выступить в качестве представителя Прибалтийского края»[12]. Но это решение вызвало протесты многих общественных организаций. Параллельно прошли съезды Советов в Тарту и Риге. Наметился раскол Советов в Прибалтике по национальному признаку.

Первый Всероссийский съезд Советов в начале июня 1917 г. составил инструкцию Ревельскому Совету, который должен был приступить к формированию областного объединения Советов в Прибалтийских губерниях: «Предлагается Вашему Совету взять на себя инициативу... создания областной организации, если в Вашей области не создано для этой цели специальной организации». В инструкции определялось, что «область составляется из Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний». Ревельский Совет поддержал эту инициативу, и 23 июля в Ревеле был созван съезд Советов Прибалтийского края[13]. Но ход событий убедительно показал, что Советы Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерний не стремились к объединению.

Таким образом, весной 1917 г. при создании областных объединений Советов выделение Советов Прибалтийских губерний в самостоятельные объединения не состоялось. Следует предположить, что определенную роль в этом процессе сыграли представители солдатской массы. Несмотря на это, Советы Прибалтийских губерний демонстрировали явное стремление к самостоятельности. Фактически уже в апреле — мае 1917 г. Прибалтийские губернии начали формировать объединения Советов по национальному принципу и определять новые границы.

На XIII конференции Социал-демократии Латышского края в конце апреля 1917 г. обсуждался вопрос об автономии Латвии. Было принято решение «определить границы Латвии и после проведения всеобщего голосования местного населения присоединить Латгалию»[14], входившую на тот момент в состав Витебской губернии.

В условиях активного движения за автономию эстонских и латвийских территорий 22 июня 1917 г. Временное правительство вводит в действие Положение «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии». В соответствии с ним в состав Эстляндской губернии были включены северные уезды Лифляндской губернии с эстонским населением — Юрьевский, Перновский, Феллинский, Верроский и Эзельский, а также населенные эстонцами волости Валкского уезда и создавался совещательный орган при губернском комиссаре — Временный Земский Совет Эстляндской губернии. В тот же день было опубликовано постановление «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний». Постановления вносили изменения в административно-территориальное деление Прибалтийских губерний.

9 июля состоялся 5-й съезд Социал-демократии Латвии. Съезд высказался за создание автономной Латвии и определил возможные границы будущей автономии, считая необходимым включить в ее состав Видземе, Курземе и Латгалию. Также съезд призвал «немедленно организовывать Советы рабочих, солдат и безземельных, объединяя их в одну общую организацию — Совет рабочих, солдат и безземельных Латвии»[15].

23 июля съезд Советов в Ревеле принял решение, фактически выделившее губернию в особую национальную территорию. В резолюции съезда говорилось, что эстонская часть Прибалтийского края «в экономическом и национальном отношении не имеет тяготения к Пскову», поэтому необходима самостоятельная организация Эстляндии и создание областного Совета Эстонского края. Был образован Исполнительный комитет Советов Эстонии (Искомэст). Его возглавил член Ревельского и Северо-Балтийского комитетов РСДРП (б) Я.Я. Анвельт.

Весной — летом 1917 г. Советы в Прибалтике уже летом 1917 г. стремились сформировать границы будущих республик. В деятельности Советов Латвии и Эстонии к лету 1917 г. реализовывалась идея объединения не в административно-территориальных, а в этнических границах. К августу 1917 г. отрыв этих Советов от Советов Северо-Западной области был настолько очевиден, что в совещании представителей исполнительных комитетов Советов области присутствовали только по одному представителю от Совета Эстонии и Совета Латвии[16].

Таким образом, политика Временного правительства в вопросе о территориальных границах Прибалтийских губерний носила «вторичный» характер и была отражением общественно-политических процессов на местах.

1 *Карьяхярм Т.* Остзейцы и балтийцы: экскурс в терминологию // Россия и Прибалтийский регион в XIX—XX вв.: проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М., 2013. С. 25—26.
2 *Кабузан В.М.* Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в 19—20 вв. (1795—2000 гг.). М., 2009. С. 59.
3 Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии (1917—1920 гг.). Таллин, 1988. С. 142—143.
4 История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 73.
5 Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов, [29 марта — 3 апреля 1917 г., Петроград]. Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 294; Известия. 1917. 6 апр.
6 Резолюции, принятые 2-м съездом представителей советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Северо-Западной области и представителей действующих армий Северного фронта, 18—27 мая 1917 г., г. Псков. Б.м., б.г. [Псков, 1917]. С. 17.
7 Там же. С. 26—27.
8 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6978. Оп. 1. Д. 425. Л. 2—4.
9 Там же.
10 Там же. Л. 6.
11 Там же. Л. 9.
12 Там же.
13 Там же. Л. 10—11.
14 Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917: документы и материалы (март 1917 — февраль 1918 г.). Рига, 1963. С. 56.
15 *Серебрякова З.Л.* Региональные Советы (1917 — март 1918 г.) // Советы национальных районов России, 1917—1922. Рига, 1985. С. 43.
16 Там же. С. 45.

К. Брюггеманн

Демократическая революция в Эстляндской губернии, 1917—1919 гг.: от всеимперского энтузиазма до национальной независимости

В Эстляндской губернии реагировали довольно быстро на падение царя. В отличие от революции 1905 года, у нескольких эстонских политических деятелей, депутатов Государственной Думы, теперь были хорошие связи в столице. Эта была привилегия, которой раньше пользовались исключительно представители прибалтийско-немецкого дворянства. В результате, уже в первый месяц деятельности Временного правительства в отношениях между имперским центром и Эстляндской гу-

бернией произошла настоящая революция в пользу демографического большинства, то есть эстонцев. Когда царское правительство даже во время войны не было готово отказаться от услуг традиционного представителя имперской власти в губернии[1], то есть немцев, революционное правительство простилось с принципом сословного деления власти в отношении Прибалтийских губерний. Во-первых, уже в марте оно в качестве губернского комиссара утвердило, впервые в истории, эстонца, бывшего мэра Таллинна, Яана Поска. Во-вторых, главным актом революционного законодательства, касавшимся региона, являлось «Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии» 30 марта 1917 г. Этим постановлением впервые в истории объединились административно все уезды, где проживали эстонцы, то есть, кроме собственной Эстляндской губернии еще северная часть Лифляндской губернии. Кроме того, постановление учреждало временный губернский земский совет по основе всеобщих выборов, хотя и не прямых[2].

Таким образом, политическая власть в губернии была передана эстонцам; немецкое рыцарство было лишено власти. Более того, в отличие, например, от латышей и литовцев, у эстонцев была теперь фиксированная территория будущего национального государства, даже если в это время еще никто не думал о скором отделении от России. «Свободная Эстония в свободной России» — это было главным лозунгом эстонских деятелей, среди них, конечно, не было полного согласия о том, как будет дальше. Особенно в Тарту, например, не все согласились с тем, что в будущем надо подчиниться Таллинну[3].

Несмотря на это, весной 1917 г. и в Эстонии царил всеимперский революционный энтузиазм. Герои революции были те же самые в Петрограде и в Таллинне. 9 (19) апреля в сопровождении «бабушки революции» Екатерины Брешко-Брешковской приехал в столицу Эстляндской губернии министр Александр Керенский, в честь которого эстонские трудовики с будущим премьер-министром Отто Штрандманом во главе организовали торжественный прием в оперном зале «Эстония». Штрандман в своей речи утверждал, что в Эстонии никто не хочет отделиться от России. Когда Керенский пожал руку Штрандману и воскликнул «Да здравствует автономная Эстония», зал стоя пропел будущий эстонский гимн и оркестр торжественно сыграл песню Февральской революции — «Рабочую Марсельезу»[4].

Одновременно, в связи с предстоящими местными и всеимперскими выборами, развивалась также система политических партий, начало которой было положено уже в 1905-м году. Проблема была в том, что поскольку партии пока существовали в двух губерниях, было довольно трудно быстро объединить, например разные либеральные партии в одну всеэстонскую. На левой стороне политических взглядов было замечательно то, что уже 31 мая 1917-го г. состоялось основание самостоятельного Эстонского социал-демократического объединения. Следовательно, в начале октября эта маленькая ячейка будущей сильнейшей партии Эстонии подтвердила, что она поддерживает позицию эстонских либералов о широкой национальной автономии страны в рамках федеративной империи. В этом отношении эстонские большевики и эстонские эсеры стояли за тесное сотрудничество с Россией, последние хотя бы до конца 1917-го г., когда и они изменили свою позицию в пользу автономии[5].

Для многих избирателей в губернии, среди них матросы и солдаты имперской армии, так и русские рабочие судостроительных предприятий Ревельской крепости «Император Петр Великий», вопрос о автономии, однако, не имел значение. К осени в местных советах стали доминировать большевики и эсеры. Но результат выборов в Российское учредительное собрание в ноябре 1917 г. все-таки показывал, что хотя бы с незначительным перевесом большинство поддерживало автономию. Тем не менее,

большевики набрали почти 40% голосов по губернии, эстонские эсеры — почти 6%. Итак, вместе с другими социалистическими партиями получилось 70% голосов для радикальных подходов. Этот результат, между прочим, можно хорошо сравнивать с этими знаменитыми 72% голосов, которые латышские социал-демократы получили в еще не оккупированной немцами северной части будущей Латвии. К моменту выборов раскол латышских социал-демократов хотя бы официально еще не произошел[6].

Февральский энтузиазм в Эстонии, уверенность в будущее национальной автономии в рамках российской демократии, скоро кончился после того, как большевики пришли к власти в Петрограде и, следовательно, в Таллинне. Против интернационализма большевиков эстонская политическая элита от Союза крестьян до Социал-демократов теперь стали упорно защищать дары Февраля, то есть национальную автономию и, прежде всего, земский совет, в котором большевики, в отличие от советов, имели только слабое представительство. Несмотря на запрет органа большевиками, его представители, исходя из того, что в России в тот момент нет легальной государственной власти, 15 ноября голосовали за постановление о том, что Земский совет до созыва Эстонского учредительного собрания является единственным органом власти в стране[7]. Реальных последствий этого шага не было, если не считать некоторое пассивное сопротивление со сторон чиновников против большевиков.

После роспуска большевиками российского Учредительного собрания в Петрограде всем небольшевистским силам в Эстонии, включая эсеров, стало окончательно ясно, что февральские мечты кончены. В этой атмосфере в конце января 1918 г. состоялись сравнительно свободные выборы в Эстонское учредительное собрание, которые большевики, однако, приостановили. По имеющимся данным, большевики потеряли несколько процентов голосов, хотя в нескольких уездах выборы еще не состоялись в тот момент, когда большевики провозгласили осадное положение. В аграрных регионах страны партия не ожидала получить достаточно много голосов в связи с ее аграрной политикой, которая отрицала права на собственность. Небольшевистские партии получили свыше 60% голосов, одна трудовая партия получила больше 30%. Итак, в вопросе о самостоятельности Эстонии, который был доминирующей темой предвыборной кампании, большевики потерпели поражение[8].

Провозглашение эстонской независимости 24 февраля 1918 г. было, прежде всего, символическим актом представителей Земского совета. Оно произошло в тот момент, когда большевики покинули страну из-за наступления немецкой армии на север. При немецкой оккупации, в атмосфере революционной депрессии ни большевикам, ни эстонским националистам не было места. Вернулись к политической сцене Таллинна прибалтийские немцы, но и им надо было считаться с позициями немецких военных. После краха кайзеровской Германии в ноябре 1918 г., у эстонских деятелей было одно важное преимущество в сравнении с большевиками: много из тех, кто был активен в течение 1917 г., были на месте. В отличие, большевикам теперь пришлось завоевать страны извне, то есть из России. Таким образом было возможно декларировать их «Эстляндскую трудовую коммуну» «чужой» силой[9]. Можно, наверное, сказать, что немецкая оккупация спасла Эстонию от гражданской войны, как в Финляндии.

11 ноября состоялось первое заседание Временного эстонского правительства. За исключением эсеров, в правительство вошли все партии от национальных либералов и крестьянского союза до трудовиков и социал-демократов. Позже в него вошли также представители национальных меньшинств, включая и русских (Алексей Сорокин). В этой ситуации, когда защита страны была еще, с дозволением стран победителей, в руках отступающей немецкой армии, члены правительства не могли быть уверенны-

ми в завтрашнем дне. В конце ноября, например, премьер-министр Константин Пятс советовал своим министрам ночевать не дома, а в другом месте. Боялись коммунистического переворота в связи с многочисленными забастовками в предприятиях Таллинна[10]. Когда в конце ноября Красная армия перешла границу, правительству надо было дать себе отчет о том, что слабой надежды на будущее независимое государство не было достаточно, чтобы держать солдат на фронте. Мобилизации граждан провались и в конце декабря. Скоро Красная армия стояла в 40 км от столицы[11].

Военное положение, однако, менялось быстро в пользу молодой эстонской армии, которой руководил с конца декабря 34-летний полковник царской армии, Иоанн Лайдонер. В то же время прибыли добровольцы из Финляндии и других скандинавских стран и английская эскадра под руководством адмирала Синклера защищала эстонский берег от рейдов Красного флота. Временное правительство в конце декабря обещало солдатам землю, то есть, оно, наконец, открыто заявило о предстоящей аграрной реформе с намерением сократить немецкое землевладение. В то же время силы Красной армии сосредоточивали на взятие Риги и, вследствие, нападение на Таллинн стояло на месте и из-за того, что не удалось отремонтировать разрушенный англичанами железнодорожный мост к востоку от Нарвы[12]. В конце февраля эстонские войска в первый раз освободили территорию страны от неприятеля, но это пока не значило, что военных действий на этой территории больше не было[13].

В это напряженное время Земский совет, этот орган демократической всеимперской революции, занимался, прежде всего, организацией выборов в учредительное собрание, то есть по-прежнему он был связан с реализацией обещаний февраля. Выборы состоялись в начале апреля, и, как показывает результат, победителями были национальные левые партии, то есть социал-демократы, которые получили треть голосов, и трудовики, за которых голосовала четверть избирателей (принимало участие 80%). Хотя Крестьянский союз, партия премьера Пятса, получил только 5%, наверное, в связи с тем, что она не поддерживала идею радикальной аграрной реформы, национально-либеральные партии все вместе получили около трети голосов. Включая эсеров, за которых голосовали 5%, но без большевиков, которые бойкотировали выборы, социалистические партии, следовательно, получили две трети голосов; среди солдат их поддерживало даже три четверти. Таким образом, этот эстонский национальный вариант Февральской революции в результате демократических выборов получил подавляющую поддержку. Между прочим, в выборах принимали участие и женщины, что было, надо запомнить, тоже очень популярное требование масс во время Петроградской весны 1917 года.

Подведем итоги. Эстонии, как и Финляндии, удалось быстро вырваться из замкнутого круга войны и радикализации революции, но она избежала финского опыта кровавой гражданской войны. Летом 1919 г. в Таллинне и в Хельсинки работали демократически избранные правительства (что было важно для поддержки, которую они получили от западных союзников). В Латвии, где с 1915 г. линия фронта разделила страну и где процесс стабилизации был задержан режимом большевиков в первой половине 1919 г., выборы в Учредительное собрание проводились только весной 1920 г. Как мы видим, график выхода из революционной суматохи был немного иным в бывших имперских прибалтийских провинциях, но результат в итоге был очень похож — национальное демократическое государство — особенно если сравнивать этот результат с остальной частью взорванной Российской империи.

Что касается процесса ментального становления Эстонского государства, то есть убеждение критической массы населения, что именно национальное государство в состоянии удовлетворить их желания — земля и мир, пока еще ждет объяснения. Естест-

венно, много уже писалось о том, как с последней трети XIX столетия делалось из крестьян эстонцев, но идея национального государства, о котором стали серьезно говорить в кругах политических деятелей только с самого конца 1917-го г., было для многих утопией элиты. Тем не менее, этот проект элиты довольно быстро укрепился в умах эстонцев. В рамках национальной историографии, конечно, никто об этом не размышляет, ведь поддержка для национального государства кажется вполне «естественным». Можно предполагать в этом отношении, что национальное сознание, которое в момент основания национального государства формировалось уже двумя поколениями сознательных национальных активистов, привело к какому-то чувству этнической солидарности, на которую политические лидеры могли полагаться. Но на самом деле, как мы видели, это не было так просто. Временное эстонское правительство скоро поняло в конце 1918 г., что воевать за эту заветную мечту национального движения на самом деле никто не хотел. И это было понятно на индивидуальном уровне, ведь с 1914 г. эстонцы воевали в рядах имперской армии против их исторического врага, немца, вместе с русскими солдатами. А теперь маленькая Эстония должна была не только воевать с Советской Россией, но и одновременно с теми военными отрядами прибалтийских немцев, формировавшихся уже в Курляндии? В этой ситуации планы Временного правительства казались многим безответственным авантюризмом.

Кажется, что новое национальное государство должно было, прежде всего, доказывать, что оно заслуживает доверие масс. Как в 1917 г., массы в Эстонии поддерживали партии революционного направления. Поэтому только обещание предоставить солдатам землю и проводить, таким образом, радикальные реформы привлекало солдаты к борьбе за независимость. Поддержка со сторон финских добровольцев и английская эскадра внушали скептикам, что Эстония не одна в антибольшевистской борьбе. В течение первой половины 1919 г. произошли по крайней мере три основных события, которые в конце концов заметно стабилизировали положение эстонского национального государства:

- окончательное вытеснение Красной Армии с территории Эстонии в течение весны 1919 г.;
- успешные выборы в Учредительное собрание, которые привели к сильному социалистическому правительству, которое действительно уже в июне стало вырабатывать аграрную реформу;
- военная победа Эстонии 23 июня в Цесисе против прибалтийско-немецкого Ландесвера.

Особенно неожиданная победа над немцами усилила патриотизм, потому что она была выдана в риторике военного начальства как окончательная победа над историческим врагом[14]. Вот здесь эстонская независимость нашла, так сказать, свой нарратив, свою эпическую историю, с помощью которой каждый гражданин мог убедиться в возможностях «своего» государства. Но в конце концов независимая Эстония, которая родилась во время войны за независимость с Советской России (которая была частью постреволюционной гражданской войны на территории бывшей империи), во многом являлась результатом и воплощением идеалов февральской революции — правда, в границах маленькой части бывшей империи, что было неприемлемым для подавляющего большинства деятелей февраля в имперских центрах.

[1] *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. Санкт-Петербург, 2008.

[2] Эстонский перевод постановления в книге: Suur sotsialistlik oktoobrirevolutsioon Eestis: Dokumentide ja materjalide kogumik / Toim. Saat J. Tallinn, 1957. С. 102—104. См.: *Аренс О., Эзергайлис Э.*

Прибалтика: Эстония и Латвия // Критический словарь русской революции, 1914—1921 / отв. ред. Э. Актон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев. Санкт-Петербург, 2014. С. 644—652; *Arens O.* The Estonian Maapäev during 1917 // The Baltic States in Peace and War, 1917—1945 / Ed. by V.S. Vardys, R.J. Misiunas. University Park, 1978. P. 19—30; *Brüggemann K.* National and Social Revolution in the Empire's West: Estonian Independence and the Russian Civil War, 1917—1920 // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914—22. Bloomington, 2015. Bk. 1: Russia's Revolution in Regional Perspective / Ed. by S. Badcoc, L.G. Novikova, A.B. Retish. P. 143—174.

3 *Pajur A.* "Meie riigipoliitiliseks paleuseks on autonoomia": 30. märtsi 1917. aasta määrus Eestimaa ajutise valitsemiskorra kohta // Toim. T. Tannberg. Esimene maailmasõda ja Eesti. Tartu, 2014. Стр. 217—269. (Eesti Ajalooarhiivi toimetised = Acta et commentationes Archivi Historici Estoniae; No. 22 (29)).

4 Päälinna külalised Tallinnas // Postimees. 10.4.1917. С. 3; Eesti ajalugu. Tartu, 2010. V: Pärisorjuse kaotamisest Vabadussõjani / Toim. T. Karjahärm, T. Rosenberg. С. 413. О символах и песнях февральской революции см.: *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven, 1999.

5 *Граф М.* Эстония и Россия, 1917—1991: анатомия расставания. Таллинн, 2007. С. 42—57; *Arens O.* Soviets in Estonia, 1917/18 // Die baltischen Provinzen Russlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917 / Ed. A. Ezergailis, G. von Pistohlkors. Köln, 1982. P. 295—314.

6 *Граф М.* Указ. соч. С. 38; *Hatlie M.* Riga at War, 1914—1919: War and Wartime Experience in a Multi-ethnic Metropolis. Marburg, 2014. P. 244—246, 256, 258. (Studien zur Ostmitteleuropaforschung; No. 30).

7 *Граф М.* Указ. соч. С. 74—75.

8 Там же. С. 92—99.

9 *Brüggemann K.* "Foreign Rule" during the Estonian War of Independence, 1918—1920: The Bolshevik Experiment of the "Estonian Worker's Commune" // Journal of Baltic Studies. 2006. Vol. 37, no. 2. P. 210—226.

10 *Idem.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des „Einen und Unteilbaren Russlands": Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkrieges, 1918—1920. Wiesbaden, 2002. S. 109—119. (Forschungen zum Ostseeraum; Nr. 6).

11 Ibid. S. 85—106. См. о гражданской войне на Петроградском фронте: *Брюггеманн К.* Эстония и Петроградский фронт гражданской войны в 1918—1920 гг. // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 17—33; *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России, 1918—1920 гг. С.-Петербург, 1999.

12 *Корнатовский Н.А.* Борьба за Красный Петроград (1919). Л., 1929. С. 87.

13 Более подробно о гражданской войне на Петроградском фронте: *Брюггеманн К.* Эстония и Петроградский фронт гражданской войны в 1918—1920 гг. С. 17—33; *Смолин А.В.* Указ. соч. См. также: *Розенталь Р.* Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллинн, 2012.

14 См.: *Брюггеманн К.* Создание прошлого в условиях авторитаризма: празднование Дня победы в Эстонии в 1934—1939 годы // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). С. 232—249.

А.П. Касперавичюс

Октябрьская революция в России и Литва: непосредственное влияние и оценки с исторической перспективы

Под знаком Октябрьской революции прошла большая часть XX в., но ее влияние на отдельные страны было различным. Воздействие Октябрьской революции следует рассматривать в двух плоскостях — национальной и социальной. Роль этой революции и Советской России на процесс становления литовской государственности широко освещена историками Советской Литвы, оценки которых теперь преданы забвению, осуждению, а то и осмеянию. Иногда может быть заслуженно, но отнюдь не всегда. В междувоенный период, годы существования Первой Литовской Республики, положительным влияние Октябрьской революции признавали не только литовские коммунисты и так называемые попутчики.

Позволю себе привести довольно длинную цитату из одного выступления в Сейме (парламенте) Литвы при обсуждении вопроса о ратификации Договора о ненапа-

дении между СССР и Литовской Республикой, подписанную в Москве 28 сентября 1926 г. Выступавший за ратификацию оратор заявил, что для достижения независимости Литвы необходимые условия создала мировая война и российская революция: «Следует не забывать, что мы имеем свое государство не только благодаря собственным усилиям. Если бы не был свергнут немецкий кайзер, и если бы не произошла великая российская революция — нас не было бы. Кто первым провозгласил право самоопределения народов? Российская революция провозгласила. Говорят, что большевики такие и сякие, но их оценил не какой-то маловажный человек, а сам Вильсон. Откуда взялись его Четырнадцать пунктов? Они были репликой на провозглашенные великой российской революцией принципы»[1]. Это слова Августина Вольдемараса, деятеля правой партии Национального союза («таутининков»), который в декабре 1926 г. после государственного переворота, определяемого тогда коммунистами «фашистским», стал премьер-министром Литвы и установил вместе с президентом А. Сметоной диктаторский, хотя в действительности не фашистский режим.

Оговорюсь, что выражение «непосредственное влияние» для 1917—1918 гг. относится к территории этнической Литвы только хронологически, поскольку с осени 1915 г. она находилась под немецкой оккупацией. Однако перед отступлением российских войск в глубину империи были эвакуированы многие школы вместе с учениками и преподавателями, некоторые промышленные предприятия с рабочими, многие жители уехали самостоятельно. Большое количество мобилизованных мужчин из Литвы служило в армии, в ряде крупных городов существовали скопления литовцев, прибывших в поисках работы. Для лиц всех названных категорий октябрьский переворот почти сразу стал жизненным рубежом, многих побудил занять по отношению к нему активную позицию.

Литовские сторонники большевиков развернули деятельность еще до октябрьского переворота. В апреле 1917 г. в Петрограде стала выходить газета “Tiesa” («Правда»), в октябре было образовано Центральное бюро литовских секций при ЦК Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). После Октября в декабре 1917 г. при Народном комиссариате по делам национальностей был создан подчиненный ему Комиссариат по делам Литвы. Его главой стал В. Мицкевичюс-Капсукас, заместителем З. Алекса-Ангариетис. С их именами неразрывно связано становление литовского коммунистического движения и его деятельность в межвоенный период. Комиссариат по делам Литвы развернул широкую работу среди находившихся временно или постоянно в России литовцев. Пропагандистские брошюры и воззвания, противостояние с «буржуазными» литовскими организациями и учреждениями шло вместе с мерами помощи беженцам, заботой об их возвращении в Литву после заключения мирного договора между Россией и Германией с ее союзниками в Бресте 3 марта 1918 г. Забота была связана с надеждами, что беженцы станут на родине проводниками революционных идей, организаторами коммунистического движения на своей родине.

Надежды были не пустыми. Революционные настроения довольно широко были распространены среди эвакуированных и беженцев из Литвы. После возвращения в Литву многие из них, даже не связанные организационно с коммунистами, призывали «сделать как в России» и отвергали «буржуазную» независимость своей родины. Их настроения передавались молодым людям в отдаленных уголках Литвы. Будущий видный журналист, сторонник президента А. Сметоны В. Густайнис вспоминал курьезный случай, как в конце 1918 г. к нему обратился сосед из деревни литовского Занеманья, сын крестьянина-середняка со словами: «Я решил бороться за революцию против независимой Литвы. Хочу для этого приобрести оружие. Уже имею пять револьверных патронов, но не могу достать револьвера. Может быть знаете где мог бы его приобрести?»[2].

Далеко не все приверженцы осуществления революционных преобразований в Литве вместе с Советской Россией были только наивными энтузиастами. Летом и осенью 1918 г. во многих местах Литвы образовывались ячейки и организации коммунистов. В октябре 1918 г. в Вильнюсе на совещании (названном позже первым съездом) было объявлено о создании Коммунистической партии Литвы и Белоруссии. Среди членов избранного Центрального Комитета не было ни В. Мицкевичюса-Капсукаса, ни З. Ангариетиса, которых в него кооптировали позднее[3]. Лозунг установления советской власти в Литве провозглашали не только коммунистическая партия, но также разношерстный по составу Вильнюсский совет рабочих депутатов. На его заседании 15 декабря 1918 г. было объявлено о переходе всей власти в городе в руки Совета рабочих депутатов. Фактически Совет власти в городе не установил. В Вильнюсе еще находились ожидавшие эвакуации немецкие войска, существовало созданное после поражения Германии в Мировой войне правительство Литовской Республики, действовали польские политические и военизированные организации.

В то же время находившиеся в уже занятом Красной армией Двинске (Даугавпилсе) руководители литовских коммунистов по предложению народного комиссара национальностей И.В. Сталина подготовили датированный 16 декабря 1918 г. Манифест об основании Литовской Советской Республики и создании ее Временного революционного рабоче-крестьянского правительства. Главой этого правительства стал В. Мицкевичюс-Капсукас, еще три народных комиссара были литовцами, два — поляками и два — евреями. Позже В. Капсукас признал, что для литовских коммунистов согласиться с предложением И.В. Сталина, выражавшим установку руководства Советской России, было нелегко: «Много лет мы боролись против социал-патриотизма и независимости Литвы, поэтому мы не могли так просто решиться провозгласить революционную власть независимой Литвы»[4]. Тем не менее Манифест был опубликован 19 декабря в московском официозе «Известия», а 22 декабря Совет народных комиссаров РСФСР признал независимость Литовской Социалистической Республики.

Несколько недель эта республика существовала только на бумаге. Вильнюсский совет рабочих депутатов, который, между прочим, протестовал по поводу образования правительства В. Капсукаса, 2 января 1918 г. был разгромлен польскими вооруженными отрядами. Литовское правительство, не имея никакой опоры среди населения города, в котором литовцы составляли не более 3% жителей, отбыло в первые дни января в Каунас. Власть в Вильнюсе перешла к полякам, но оставившие город немецкие войска не пропустили к нему регулярные польские части, посланные правительством в Варшаве. Поэтому 5 января Красная армия заняла Вильнюс, почти не встретив сопротивления, поскольку польские отряды ушли из города. Вскоре в столицу прибыло правительство В. Капсукаса.

В Каунасе же власти Литовской Республики находились в отчаянной ситуации. Оказалось, что несмотря на исчезновение царизма и поражение Германии в мировой войне обретение декларированной Актом 16 февраля 1918 г. национальной государственности является крайне сложным делом. Понимание этого существовало и раньше среди литовской общественности. В декабре 1917 г. подцензурная немецкой оккупационной администрации литовская газета выражала как удовлетворение, что Советская Россия и Германская империя признают право самоопределения народов, но вместе с тем тревогу: «Таким образом, мы получаем признание права нам самим определять будущее нашей страны. <...> Однако вместе с тем мы знаем, что в нынешней политике чистые принципы еще имеют мало силы и веса. Кроме того даже признанными такие принципы, под влиянием других, более важных интересов и соображений, получают

извращенные, переправленные толкования. Поэтому наше положение является нелегким и неясным, даже принимая во внимание принцип самоопределения»[5].

В действительности, самоопределение населения Литвы по-разному толковали литовские национальные партии, включая умеренных социал-демократов, литовские коммунисты и руководство Советской России, а тем более польские политики. Не удивительно, что литовский национальный «Государственный Совет» («Тариба»), а потом правительство Литовской Республики усматривали в Германии одновременно угрозу и опору перед поляками и большевиками. До ноября 1918 г. «Тариба» лавировала. Провозгласив в феврале независимость, весной перед лицом успешного наступления немецких армий на Западном фронте, уже предложила стать королем Литвы принцу Вюртембергской династии Вильгельму Карлу Ураху. Намечалось провозгласить Литву конституционной монархией с королем из немецкой династии и таким образом избежать ее поглощения Пруссией.

В новейшей монографии А.П. Шубина сказано, что перед лицом планов Германии по устройству бывших западных территорий Российской империи многие литовские лидеры «вовсе не были искренними сторонниками создания такого германского мира, лишь ситуативно сотрудничая с оккупантами»[6]. Что касается членов «Тарибы», то все они сотрудничали лишь ситуативно, понимая угрозу для Литвы германизации, планы которой открыто обсуждали многие немецкие политики и ученые.

Литовское правительство в Каунасе в начале 1919 г. только создавало свои вооруженные силы. Сначала только из добровольцев, потом на основе мобилизации. Большую роль в борьбе с Красной армией в Литве сыграли прибывшие с согласия Антанты завербованные немецкие добровольцы-ветераны мировой войны, в основном из Саксонии. Они заградили подступы к Каунасу, участвовали во многих боях. После вытеснения Красной армии из Литвы и укрепления литовских вооруженных сил, части «саксов» в июле 1919 г. отбыли на родину. Следует отметить, что участия «саксов» в военных действиях не скрывали как в независимой Литве, так и теперь[7].

Советской власти в Литве не удалось создать более-менее значительных вооруженных сил из местного населения, хотя в частях Красной армии было немало литовцев. Однако эта армия пришла с востока, общая численность ее в Литве была небольшой. Занятие войсками Польши Вильнюса в конце апреля 1919 г. предопределило поражение советской или большевистской власти в Литве. Одной из причин ее слабости, малой поддержки крестьянской беднотой явилась аграрная политика литовских большевиков, которые в ней не следовали российскому примеру. В северной и восточной Литве, где существовала советская власть, земля помещиков была национализирована, однако не распределена между батраками и малоземельными, поскольку намечалось создание «народных хозяйств» и коммун. Конференция КПЛ (б) в начале февраля 1919 г. обязала членов партии «строго бороться с разделом имений, также с лицами, подстрекающими к разделу других»[8]. Такие установки играли в пользу ненавидимого коммунистами «буржуазного» правительства Литвы, которое обещало разделить земли помещиков среди нуждающихся в ней. В первую очередь обеспечить ею добровольно вступивших в ряды литовских войск.

Необходимость земельной реформы диктовалась многими факторами. В том числе стремлением подорвать экономическую мощь и политическое влияние помещиков-поляков, которые выступали против независимости Литвы и ориентировались на Польшу. Тем не менее, литовские правые политики часто объясняли земельную реформу с точки зрения предотвращения «большевизации» деревни. В полуофициальном издании, посвященном десятилетию независимости Литвы, в обзоре ее политического развития подчеркивалось, что «польская ориентация помещиков, их нелояльность народу не яв-

лялась не только единственной, но даже главной причиной земельной реформы. Если бы помещики были даже самыми лояльными государству и народу людьми, земельная реформа все равно была необходима. Многие утверждают, что надо было выбирать между земельной реформой и большевизмом. Такое мнение весьма обоснованно»[9].

Кратковременное существование коммунистической власти в Вильнюсе, на севере и востоке Литвы оказалось мало репрессивным. В литовской литературе не было и не могло быть, из-за отсутствия реальной основы, произведения, похожего на воспоминания «Окаянные дни» Ивана Алексеевича Бунина. Правительство В. Капсукаса создало неплохие условия для литовской интеллигенции и распространения культуры. Многие интеллигенты, не только симпатизировавшие коммунистам, работали в учреждениях новой власти, среди них три народных комиссара правительства (сельского хозяйства, просвещения, охраны здоровья). Сотрудничал с ней признанный патриархом литовского национального возрождения, бывший член «Тарибы», Й. Басанавичюс и даже писатель, ксендз Ю. Тумас-Вайжгантас, близкий друг и единомышленник А. Сметоны. Вайжгантасу принадлежит следующая характеристика правительства В. Капсукаса: «До сих пор еще никакая власть не оказалась такой щедрой, такой не скупой для нужд культуры, просвещения, науке, искусству»[10].

Такой либерализм определен в современной синтетической «Истории Литвы» как довольно загадочный. С одной стороны, несомненно, что литовские коммунисты оставались лично близки со многими деятелями национального возрождения, национальные сентименты не были им чужды. С другой — можно предположить, что играл роль подход руководства РКП (б) — обеспечить в Литве благоприятную спокойную обстановку для будущего продвижения Красной армии на запад[11]. В любом случае упомянутый либерализм стал одним из факторов, выгодно влиявшим на заключение договора между Литвой и РСФСР от 12 июля 1920 г. и позже.

По договору, названному мирным, Советская Россия признала Литовскую Республику де-юре, оказав ей финансовую помощь, признала за Литвой Вильнюс, занятый польскими войсками, разрешила добровольную репатриацию оставшихся в ее пределах эвакуированных и беженцев из Литвы.

В прениях по вопросу ратификации Московского договора в Учредительном сейме Литвы 6 августа 1920 г. министр иностранных дел Ю. Пурицкис заявил, что упорядочение отношений с Россией, частью которой юридически оставалась Литва, создаст условия для признания Литвы де-юре другими государствами[12]. Парадоксально, что отложить ратификацию до оставления Вильнюса Красной армией, которая в июле изгнала оттуда польские войска, предложил председатель фракции социал-демократов С. Кайрис, который, на основе некоторых аналогий, выразил беспокойство, что эта армия не уйдет из Литвы[13]. Весьма метко его однопартиец Й. Плечкайтис отверг мнение своего лидера: «Если российские большевики не отдадут нам Вильнюс или решат захватить всю территорию Литвы, то найдут для этого достаточно причин <...> Разница только в том, что после подписания мирного договора большевикам занятие нашей страны будет менее удобным»[14]. В голосовании против ратификации не высказался никто, воздержались только 4 социал-демократа.

Вильнюс и близлежащая территория в конце августа перешла под власть Литовской республики, но уже в начале октября снова их заняли польские войска. Советская Россия и позже СССР поддержали Литву в споре с Польшей о Вильнюсе.

Как в период парламентаризма, так и после декабрьского переворота 1926 г. власти Литвы стремились поддерживать хорошие отношения с СССР, несмотря на подавление деятельности нелегальной коммунистической партии. Цензура не допуска-

ла резких нападок в печати против СССР. Оценки Октябрьской революции были в различных публикациях преимущественно нейтральными или положительными, но не без оговорок. Позиция СССР объясняется стремлением противостоять попытке Польши создать блок восточно-европейских государств против СССР, его ослабить и расчленить. Польская политика, так называемый «прометеизм», главным выразителем которого считался Ю. Пилсудский, была принципиально враждебна не только СССР, но и России вообще, независимо от общественного строя.

Октябрьская революция, после которой Россия выпала из числа держав-победительниц мировой войны, позволила отделиться ряду стран ее западных окраин. При ином повороте хода событий такое отделение было, за исключением, пожалуй, этнической Польши и Финляндии, совершенно невозможным.

1 40 Seimo posėdis, 1926 11 05 // III Seimo stenogramos, p. 9.
2 V. Gustainis. Nepriklausoma Lietuva: kaimiečių ir jaunimo valstybė // Proskyna, 1990 Nr. 6, p. 173.
3 Lietuvos TSR istorija, t. III Nuo 1917 iki 1940 metų, Vilnius 1965, p. 43.
4 V. Kapsukas. Pirmoji Lietuvos proletarinė revoliucija ir Tarybų valdžia, Vilnius, 1958, p. 101.
5 P. Kl. Rusų-vokiečių taikos tarybos ir Lietuva // "Lietuvos aidas", Nr. 44 1917 12 20, p. 1.
6 А. Шубин. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. Санкт-Петербург 2017, с. 297.
7 В 1930-е годы была переведена на литовский язык работа немецкого офицера: D. Schroder. Saksų Savanorių dalys Lietuvoje 1919 m. // "Karo archyvas", t. 6, Kaunas 1935, p. 181—232. См. также: V. Lesčius. Lietuvos kariuomenės Nepriklausomybės kovose 1918—1920, Vilnius 2004.
8 Lietuvos Komunistų partijos istorijos apybraižos, t. I, Vilnius 1971, p. 418.
9 Vaižgantas. 10 metų Nepriklausomai Lietuvai (Trumpa politikos apžvalga) // 1928 m. Vasario 16. 10 metų Lietuvos Nepriklausomybės sukaktuvėms paminėti. Kaunas, 1928, p. 82.
10 Vaižgantas. Raštai, t. 2 Kaunas 1922, p. 14.
11 Lietuvos istorija, t. X Nepriklausomybė (1918—1940 m.), d. 1, Vilnius 2003, p. 131.
12 Steigiamojo Seimo darbai, 1920, I sesija, p. 311.
13 Там же, p. 301—302.
14 Там же, p. 306.

Н.И. Суханова

Революционный процесс 1917 года на Северном Кавказе: общероссийские и региональные факторы

Революционные процессы начала XX в. в России в разной степени захватили регионы полиэтничной страны. Несмотря на их цивилизационное своеобразие, долгая история совместного сосуществования и взаимодействия регионов и этносов с Россией сформировала общие черты развития российского сообщества. Системный кризис 1917 г. захватил его с разной степенью активности. Известно, что кризис был порожден мощным и долгим социокультурным расколом российского общества, высоким уровнем его дезинтеграции, неспособностью к взаимодействию и диалогу противостоящих сторон, а потому приоритетом силовых методов взаимодействия и слабостью либерализма в политике и общественном сознании. Это своеобразие на протяжении многовековой истории породило экстремальные надежды наиболее активной части граждан. Более ярко они проявлялись в переходные периоды развития.

В попытке противостоять дезорганизации к 1917 г. в стране появились сложные и многомерные варианты формирования новых общественных отношений в многонациональной стране. Достаточно интересным представляется процесс взаимовлияния центра и регионов в России, а также регионов между собой при доминирующем влиянии центра. Непростое и нелинейное состояние этих процессов всё больше подтверждается современной историографией. Одна из особенностей российской цивилизации, состоящая в разноликости ее регионов, является не только сложностью, но и источником своеобразной жизнеспособности единого сильного государства. Однако функционирование такого государства возможно при условии постоянно эволюционирующей и соответствующей современным нормам концепции межкультурной коммуникации, поисков путей интеграции составляющих российского государственного и общественного организма.

Одним из проблемных регионов России в плане интеграции является Северный Кавказ. Известно, что здесь проживают более 40 этносов, которые на протяжении длительного времени выработали сложный механизм межэтнического взаимодействия, отношений с Россией, сохраняя собственный традиционализм как основу существования, а также центробежные тенденции в региональном сознании. Центробежность всегда сочеталась здесь с потребностью взаимодействия с Россией. Подчеркнутая «закрытость» общества, тем не менее, не исключала необходимости этнокультурного взаимопроникновения. В процессе длительного времени это противоречие сохранялось, но и вырабатывалась тенденция взаимозависимости России и региона. Поэтому вполне понятно, что революционные процессы затронули и Северный Кавказ. Их основой были социальные и межэтнические конфликты.

Северный Кавказ — регион крестьянский и казачий, почти не знавший крепостной зависимости и помещичьего хозяйства; высокотоварное хозяйство региона было представлено в значительной степени зажиточным и средним крестьянством. Это создавало предпосылки для формирования такой общественной психологии, которая отражала понимание массами важности социального компромисса, рационалистического отношения к происходящему, отдаления, по возможности, конфликтного решения вопроса. Вместе с тем сосредоточение на относительно небольшой территории большого количества социальных групп и различных этносов, в силу традиции постоянно вооруженных, привыкших делать ставку на маскулинность в решении важных вопросов, являлось несомненной провокацией для зарождения и развития конфликтов. Таким образом, потребности в сохранении относительной стабильности в сочетании с потенциальной энергией вражды определяли лицо региона, особенности его участия в конфликтах, причину социальной поддержки тех или иных политических сил.

Буржуазные реформы конца XIX в. содействовали более органичному вовлечению автохтонного населения региона в общероссийские политические, экономические, гражданские процессы. Сырьевая база, местное производство становились достоянием других российских территорий благодаря строительству железных дорог. Начало XX в. привнесло на Северный Кавказ естественные последствия модернизации. При этом горское население не было представлено в органах управления на уровне областей и отделов. Вся административная и полицейская власть находилась в руках начальников областей, отделов и округов. Наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков отмечал, что регион «вместо того, чтобы идти по пути развития за центром империи, отстал от него, и вина в этом лежит не на местной кавказской власти, а на центральных учреждениях»[1].

Под влиянием объективных социально-экономических процессов, а также из-за активной политики российского вторжения во все сферы жизни местного сообщества в регионе начали рушиться основы традиционализма. При этом нельзя не при-

знать, что российская политика на Кавказе содействовала удержанию относительной стабильности в межэтнических отношениях.

Долгое время носителем порядка и исполнителем государственной воли здесь было казачество. Оно доминировало в административной, хозяйственной, правовой, культурной, бытовой и других сферах. Меняющаяся реальность формировала конкурентный казакам слой коренных зажиточных крестьян. Существовавшие диспропорции в земельном обеспечении казаков и крестьян служили источником постоянного недовольства последних и усиливали межсословную и межэтническую напряженность в регионе. Противоречия между казачеством и иногородними, коренным крестьянством и иногородними, а также между казаками и коренными крестьянами при меняющемся типе производства упирались в проблему земли. Так, безземельные коренные крестьяне Ставропольской губернии составляли около 5%, безземельных среди хозяйств иногородних было 90%. На Кубани проживало 1,1 млн. человек иногородних, на Тереке — 326 тыс., на Ставрополье — 143 тыс.[2]

Вся эта масса безземельных и неустроенных людей стала «горючим» материалом для нарушения спокойствия на Северном Кавказе. Весной — летом 1917 г. иногородние начали распашку земель зажиточных крестьян и казаков.

Отношения между кочевыми «инородцами» (туркменами, калмыками, ногайцами) и крестьянством тоже формировали конфликтную составляющую регионального процесса. Число «инородцев» было значительным, они составляли 36% населения[3]. К тому же, в силу животноводческого типа хозяйствования «инородцы» имели немалое количество земли, которую сдавали в аренду крестьянам. Те, в свою очередь, возмущались высокой ценой аренды, что порождало конфликты. Наряду с распространением аренды здесь зарождались буржуазные формы ведения животноводческого хозяйства, менялась привычная система общественных отношений.

С XVIII в. на Северном Кавказе начали поселяться неславянские этнические группы: греки, армяне, немцы. Помимо торговли, ремесла, предпринимательства многие представители этих народов стремились осесть на земле. Процесс их расселения сопровождался наделением землей, что формировало предпосылки новых межэтнических конфликтов.

По численности горцы — автохтонное население Северного Кавказа преобладало в XIX в. В начале XX в. оно уступило первенство славянскому населению. Этот факт содействовал сокращению количества земли у горцев.

Несмотря на преобладание негативных тенденций во взаимоотношениях горцев и славян, а также огромную роль традиционализма у местного населения, влияние русской цивилизации и модернизационных процессов конца XIX — начала XX в. было достаточно активным. Это содействовало вовлечению горцев в систему хозяйственных отношений в империи, увеличивало их потребность в росте земельных наделов. Но из-за меняющейся ситуации имел место обратный процесс — обезземеливание. Так, в Чечне и Ингушетии на душу населения приходилось 0,3 десятины, в Кабарде — 0,2, в Карачае — 0,4 десятины пахоты[4]. Изменение хозяйственной ситуации содействовало ускорению процесса дифференциации горского населения, в этой среде усиливались протестные настроения. Но они носили, скорее антирусский характер, нежели были направлены против своей элиты. Сокращение земельных угодий у горцев происходило в значительной степени за счет русской колонизации региона.

Во взаимоотношениях горских народов Северного Кавказа с иными этническими группами за длительное время сложился тип поведения, основанный на чувстве национальной исключительности. Причинами его формирования являются длитель-

ная изолированность, замкнутость жизни народа, собственные этические нормы и стереотип поведения, обеспечивающие наилучшее выживание этноса. Силовая поведенческая модель содействовала постоянному противостоянию в регионе Северного Кавказа. Военная сила горцев сталкивалась с военной силой русской колонизации — казачеством. В этой борьбе смешивались экономические, социальные и национальные противоречия. Эти противоречия усиливались тем, что местная политическая элита, старейшины, религиозные вожди активно внедряли официальные традиционные доктрины в общественное сознание. Духовенство всегда имело в регионе огромный авторитет и являлось лидером борьбы за независимость[5].

В середине 1917 г. духовенство Чечни и Дагестана провело серьезную работу, направленную на избрание имама, который начал готовить «священную» войну с русскими под лозунгами ислама. Были спровоцированы военные конфликты между горцами и славянским населением. Но рост русского влияние продолжился. Несмотря на преобладание антирусских настроений, местное население понимало выгоду союза с Россией. На протяжении нескольких веков Россия для Северного Кавказа была источником наиболее благоприятных форм взаимоотношений, получения благ и возможностей. Поэтому антироссийские настроения местного населения, зачастую, являлись средством давления на центр для получения больших возможностей. Совместное историческое прошлое сформировало некий алгоритм сочетания центростремительной и центробежной тенденций в общественном сознании северокавказского населения.

В это время уже очевидным стал рост национального самосознания, которое при наличии разных позиций, тяготело к построению конструктивных отношений с Россией на новой основе, хотя бы на начальном этапе. Но Временное правительство не было готово решить столь злободневный для полиэтничной России вопрос[6].

Пестрота социального и этнического состава населения Северного Кавказа, их взаимодействие, восприятие политических событий, участие в них сообразно собственным убеждениям привело к формированию на Северном Кавказе сложнейшего узла противоречий. В системе сложных межэтнических отношений формировались новые вызовы к империи, которая в состоянии кризиса не могла удерживать окраины.

Если за годы совместного проживания горцев сформировался определенный архетип взаимоотношений между ними, то приток «чужеродного» населения на Северный Кавказ в начале XX в. с вытекающими из этого экономическими последствиями, и особенно в годы Первой мировой войны, сформировал новую составляющую противоборства. Будучи крестьянским, регион столкнулся с тем, что вопрос земли и межэтнических отношений носил более острый характер, нежели проблемы политической борьбы. Но и она шла в русле сохранения традиционных форм организации жизни с преобладанием антирусской направленности.

Достаточно пестрая этническая и социальная структура местного населения пополнилась и усложнилась в годы Первой мировой войны значительным количеством мигрантов и военнопленных, которые являлись носителями крайне разнообразных воззрений. В это время менялась структура рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Сюда ехала интеллигенция демократическая: инженеры, врачи, учителя, юристы и др., демонстрировавшие высокую общественную активность. Рабочий класс — кустари, ремесленники, реже промышленные рабочие — не вел активной классовой борьбы. Местное население отдавало предпочтение партиям эсеров и меньшевиков. Достаточно популярными были профсоюзы и Советы. Февральскую революция здесь приняли с радостью. И даже преобладающая часть горской интеллигенции рассматривала Северный Кавказ как составную часть федеративной России.

Революционные тенденции имели место в северокавказском обществе, но не отражали всеобщих и глубинных потребностей местного населения, отражая поверхностный слой массового сознания. Они коренились в противоречивости развития региона, которая была продиктована влиянием российских процессов, с одной стороны, и подгонкой собственных интересов этносов под меняющуюся реальность.

Централизованная российская власть всегда стремилась к унификации всех сторон жизни полиэтничного населения страны, что давалось непросто. Традиционализм местного населения сопротивлялся этому процессу, а российская власть не поднималась до уровня понимания более сложных механизмов формирования и функционирования многонационального государства. В начале XX в. старый опыт взаимодействия с национальными структурами не мог работать. Это было время, когда необходимым стало формирование национальных институтов государства. Российская империя объективно воздействовала на регион, втягивая его в новые процессы, но не создавала условий для формирования его меняющегося статуса. Настроения же местной элиты к 1917 г. тяготели к формированию собственной региональной организации в рамках сильной федеративной России.

Несмотря на значительное количество провокационных тенденций на Северном Кавказе, 1917 год в регионе прошел намного спокойнее, нежели в центральных регионах страны. При наличии активной деятельности разных политических сил сохранялось предпочтение компромиссам и сотрудничеству, нежели противостоянию. Радикальный большевизм не получил здесь распространения. Местное население понимало цену столкновений и стабильности в столь взрывоопасном регионе. Даже большевистские организации здесь были более умеренными. В разных регионах бытовало мнение, что после победы Советской власти нужда в партии отпадет[7].

Революция пришла на Северный Кавказ из России. Социально-экономические и политические причины были здесь ведущими. Национальные проблемы дополняли их, но не были приоритетными в самой России. А на окраинах государства после Февральской революции преобладающее большинство национальных политических партий поднимало вопрос о национально-государственном строительстве. Однако при этом они не выдвигали требований выхода из состава Российского государства, предлагая свое участие в федеративном государственном устройстве России. Февральская революция началась на русской территории, но она не могла не затронуть органично врастающие в российскую государственность национальные окраины. В большинстве своем они требовали равенства прав, что было адекватно времени и интересам самой России. То, что Временное правительство не решало актуальнейшего для страны национального вопроса, содействовало усилению революционных настроений в этнических регионах. Главный просчет Временного правительства заключался в том, что оно «не воспринимало национальные властные комитеты в качестве субъектов управления. Политическая ситуация, с ее нестабильностью власти, позволяла этническим элитам постоянно корректировать дискурс национально-культурного возрождения, в котором парадигма этничности стала наделяться высшей ценностью»[8]. Февраль содействовал росту национальной идентификации многих народов России. Большевики, используя этот фактор, вовлекли этническую революционную элиту в решение задач пролетарской революции. Шанс, который Временное правительство дало большевикам, не занимаясь реализацией национального вопроса, они не упустили.

На Северном Кавказе при всех противоречиях было немало предпосылок для формирования гражданского общества. В 1917 г. здесь работали несколько объединенных социал-демократических организаций, которые собрались в начале августа в Пятигорске на свой съезд. Значительным авторитетом пользовались эсеры и меньшевики, которые не-

редко шли на создание блока для совместной борьбы за места в земствах, городских думах, Советах. А в промышленных районах России меньшевики и эсеры, не ставя задачи завоевать народную поддержку, раскололись сами, создав большевикам возможности овладения массами[9]. Здесь достаточно остро стоял вопрос крепости государственной власти, от которого зависело стабильное положение окраины. В этом плане «государственное» мышление народов, живущих в приграничной полосе, было более зрелым, нежели в центре империи. Ситуация еще удерживалась относительно спокойной благодаря более высокому уровню жизни, влиянию традиционализма у казачества, горцев и «инородцев», опыту взаимодействия разных этносоциальных групп, политических организаций, а также их стремлению к сохранению стабильности. Северокавказское общество, живущее на приграничной территории, слишком хорошо знало цену нестабильности в регионе.

Анархия, принявшая угрожающий характер в России, подталкивала северокавказское население к поискам путей и форм самоопределения. В октябре 1917 г. лидеры казачества и горцев создали «Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». Лидеры этого союза ставили задачу объединения антиреволюционных сил от Дона до Урала и создание самостоятельного образования[10]. Это была попытка не допустить революцию на Северный Кавказ. Собственные «низы» не проявляли стремления к бурным революционным действиям. Многие факты говорят о том, что февральских перемен для Северного Кавказа было достаточно. Осенью 1917 г. в регионе начнут создаваться комитеты по защите завоеваний Февральской революции и недопущении радикализации событий.

Региональный революционный процесс логично отражал демократические тенденции. Собственная привычная социальная структура, относительно высокий уровень развития сельскохозяйственного производства, преобладание кустарно-ремесленной занятости рабочих, активная демократически настроенная интеллигенция, традиционализм горцев, сформированная веками система закрытости, но и взаимодействия народов Северного Кавказа, привычка иметь в лице России спонсора, регулятора, защитника и ориентира — все это не создавало предпосылок для радикализации общественного сознания. Население региона достаточно долго пыталось реализовывать демократические начала уже сформированной советской власти. Только весной 1918 г., когда на Северный Кавказ были направлены из промышленных городов и с флота большевики для утверждения диктатуры пролетариата, регион стал постепенно втягиваться в гражданское противостояние.

1 *Клычников Ю.Ю., Линец С.И.* Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала: (ист. очерки) / под ред. акад. В.Б. Виноградова. Изд. 2-е. Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. С. 19.

2 *Карпов В.Ф.* К вопросу о численности, концентрации и размещении рабочего класса на Дону и Северном Кавказе в 1917 г. // Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д: РГУ, 1984. С. 35.

3 Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 102. Оп. 1. Д. 812. Л. 157.

4 *Берозов Б.П.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в пореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 123.

5 *Суханова Н.И.* Гражданская война 1917—1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ставрополь: СГУ, 2004. С. 55.

6 *Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней: пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2007. С. 151.

7 *Кивинен Маркку.* Прогресс и хаос: социологический анализ прошлого и будущего России. Санкт-Петербург, 2001. С. 25.

8 *Красовицкая Т.Ю.* Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля — октября 1917 г. Стратегии. Структуры. Персонажи. Москва: Новый хронограф, 2015. С. 396.

9 *Холквист П.* Революция ковалась в войне: непрерывный кризис в России 1914—1917 гг. // 1917 г. Россия революционная: сборник обзоров и рефератов / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информации по общ. наукам. Москва, 2009. С. 113; *Кулиев Фарман Мурувват оглы.* Политическая борьба на Северном Кавказе в 1917 году (февраль — октябрь): монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2004. С. 97.

10 Терский вестник. 1917. 21 окт. С. 12.

О.А. Жанситов

Русская революция и национально-политические процессы на Северном Кавказе (опыт научного осмысления проблемы)

Специфика революционного периода в горских округах Северного Кавказа во многом обуславливалась последствиями российской военной колонизации региона, коренное население которого, потеряв независимость и будучи включенным в состав Империи, к 1917 г. оставалось политически неравноправным и экономически стесненным. Незавершившийся процесс культурной и правовой интеграции в российское цивилизационное поле не позволял горским народам органично влиться в общее русло разворачивавшихся в России социальных и политических трансформаций и выдвигал в качестве первоочередной собственную повестку.

В зависимости от складывавшейся в охваченной революционными потрясениями стране и, в частности, на ее южной окраине военно-политической обстановки, она могла выражаться в движении за образование национальной автономии в составе нового Российского государства или же иметь конечной целью провозглашение независимости. В свою очередь эти задачи увязывались с проблемой малоземелья горцев, разрешить которую можно было только путем возврата отторгнутых в ходе Кавказской войны под казачьи станицы территорий, что провоцировало межнациональные столкновения.

Уже в ранних советских исследованиях национальная проблематика ставилась во главу угла в разворачивавшихся в регионе революционных процессах. По словам Н.Л. Янчевского, Терская область представляла «собой кипящий котел, клокочущий национальной ненавистью, подогретой религиозным фанатизмом», где «национальный вопрос заслонял здесь все остальные вопросы»[1]. «Характерной чертой Октябрьской революции в горных районах в отличие от центральной России, — писал А. Бегеулов, — надо считать то, что наряду с разрешением вопроса о власти она разрешала задачи национально-освободительной борьбы»[2]. «В революционном движении горцев Северного Кавказа, — отмечал Н. Буркин, — большое значение имела задача национального раскрепощения»[3].

Определение «национально-освободительная борьба» или «национально-освободительное движение» оказалось удобным не только для характеристики событий 1917—1920 гг., но также для всего дооктябрьского периода взаимодействия царской России с северокавказским социумом. Сюда включались и события Кавказской войны, и народные восстания против репрессивной политики колониальной администрации, и вызванное аграрным стеснением абреческое движение начала XX в., и волнения в период революции 1905 г.[4], то есть, всё, за что в прежние времена могла грозить, как минимум, сибирская каторга, становилось справедливой борьбой с национальным угнетением. Финальным аккордом этой борьбы выступала Октябрьская революция, в результате которой горские трудящиеся массы в союзе с русским рабочим классом под руководством партии большевиков свергли своих угнетателей[5].

В исследованиях революции изложение непосредственно связанных с ней событий предваряли картины тяжелого положения горцев в условиях самодержавного строя. «Трудящиеся массы горцев Северного Кавказа, — писал Буркин, — до Октябрьской революции были объектом самого беззастенчивого колониального грабежа со стороны русского самодержавия и своих эксплуататорских классов. После Кавказской войны горцы были окружены плотным кольцом казачьих поселений, а их земли были розданы казакам. Произошло уменьшение населения в горских областях, как за счет физического уничтожения, так и массового выселения в Турцию. Оставшееся горское население, загнанное царским правительством в глубокие горные ущелья было фактически обезземелено»[6].

Такие открытые признания в жестких репрессивных действиях, допущенных царским правительством, должны были выступать своего рода контрастом с политикой советов, освободивших горцев из-под колониального гнета. Большевики, как новая власть на Северном Кавказе, утверждавшаяся к тому же не безболезненно, не хотели, чтобы их считали правопреемниками старой, с которой ассоциировались все беды колониального периода. Подобные опасение были не безосновательны, поскольку в сознании горцев большевики идентифицировались, прежде всего, по понятному национальному, а не аморфному идеологическому признаку, то есть были теми же русскими, что и царские генералы, покорявшие Кавказ. На это обстоятельство указывал и В. Ленин: «Национальный гнет царизма, неслыханный по своей жестокости и нелепости, скапливал в неполноправных народностях сильнейшую ненависть к монархам. Нечего удивляться, что эта ненависть к тем, кто запрещал даже употребление родного языка, переносилась и на всех великороссов»[7].

В своих исследованиях историки старались свести на нет возможность подобных ассоциаций. Царизм объявлялся общим врагом — для большевиков идеологическим, классовым, для горцев национальным. Однако после победы советской власти уже не было необходимости чрезмерной апелляции к национальным чувствам, что, к тому же, расходилось с задачами начавшейся кампании по борьбе с «национальными и религиозными пережитками», направленной на складывание идеологически однородной социалистической нации. В этой связи Буркин в статье «Великодержавность и национализм в горской историографии» подверг критике исследования 1920-х годов, обвинив их авторов в том, что они не стоят на марксистско-ленинской методологии и допускают уклон в сторону местного национализма. «Мы находим, — пишет Буркин, — что авторы отдельных работ по горской истории стараются обычно подчеркнуть особенность развития данной национальности. Мы имеем игнорирование наличия классовой дифференциации и классовой борьбы, приукрашивание своеобразной чистоты народного быта, затушевывание реакционной роли религии»[8].

В дальнейшем в исследованиях проблемы отчетливо обозначилась тенденция рассматривать национально-освободительное движение горцев как составную часть движущих сил социалистической революции[9], то есть представить его «национальным по форме и социалистическим по содержанию» и тем самым оспорить положения западной (буржуазной) историографии об отсутствии на Северном Кавказе социальной почвы для распространения большевизма и о том, что борьба за национальное освобождение являлась здесь исключительно межнациональной борьбой[10].

В работах советских историков утвердился тезис о двойном гнете русского самодержавия и местных эксплуататорских классов — князей и помещиков, которому подвергались горские массы[11]. Соответственно, национально-освободительная борьба последних имела социальный подтекст, который обнаруживался не только в ходе революции, но и в годы царской колониальной экспансии, проявившись как

выступления против горской феодальной верхушки, классово родственной русским генералам. В дальнейшем на почве этой борьбы, согласно данной схеме, горское крестьянство сблизилось с русским рабочим классом, являвшимся таким же противником самодержавия, и уже вместе с ним свершило социалистическую революцию.

Разрабатывая историю национально-освободительного движения горцев в годы революции, советские авторы не могли всецело представлять его движением горских низов и тем самым игнорировать очевидную роль в нем национальной «буржуазной» интеллигенции и духовенства. Однако деятельность этих сил преподносилась как не пользующаяся широкой народной поддержкой, преследующая лишь свои групповые интересы и имеющая сепаратистскую направленность[12].

Исследуя вопросы национально-государственного строительства на Северном Кавказе, советская историография, сосредоточившись в основном на советских формах автономии горцев[13], в частности, провозглашенной в марте 1918 г. Терской народной республике, не дала должной непредвзятой оценки опыту национального самоопределения горцев в рамках светской, демократической Горской республики и теократического Северо-Кавказского Эмирата.

В постсоветских исследованиях революционного периода на Северном Кавказе обозначился новый подход в оценке процессов национально-государственного строительства горских народов. Если ранее считалось, что они были инициированы большевиками, санкционировавшими после прихода к власти образование горских автономий, то в современной историографии начало этих процессов связывается с Февральской революцией 1917 года и, соответственно, с деятельностью выдвинутых ею на политический олимп национальных демократических сил, образовавших Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана[14].

Более того, как считает В. Кажаров, национальная государственность горских народов после октябрьского переворота развивалась не благодаря, а вопреки советской власти. «На разрушительные силы, вклинившиеся в мирный процесс национального самоопределения этих народов в составе России, последние ответили созданием Горской республики и провозглашением 11 мая 1918 г. ее независимости»[15].

В фокусе внимания постсоветской историографии оказались политические биографии деятелей Союза горцев, с которых были сняты ярлыки «буржуазных националистов», «сепаратистов», «пособников эксплуататорских классов». Авторы, привлекая широкий документальный материал, исследуют социальную структуру, внутреннюю политику, программные установки данного Союза горцев, раскрывают содержание революционного периода на Северном Кавказе.

Зародившиеся в последние годы существования СССР и активизировавшиеся после его распада национальные движения, которые наряду с культурным возрождением выдвигали задачи расширения автономистских возможностей, а в случае с Чечней и обретение независимости, актуализировали в научной среде исследование проблем сепаратизма на Северном Кавказе[16]. Наиболее подходящий в этом отношении для аналогий период как раз был связан с крушением Российской империи в 1917 г.

При поверхностном взгляде на проблему в действиях горских светских и духовных элит, инициировавших процессы национально-государственного строительства и старавшихся дистанцироваться от большевистской России, действительно можно обнаружить сепаратистские тенденции. Однако объективный анализ ситуации не приводит к подобным однозначным выводам. «В основе сепаратистских устремлений горской интеллигенции, — пишет А.Г. Кажаров, — лежало идеологическое неприятие большевизма, а не антироссийские политические настроения или тем более традиции»[17]. Не-

обходимостью противодействия распространению большевизма и провоцируемой им анархии мотивировались действия и клерикальных кругов, ратовавших за создание северокавказского теократического государства, на что в своих исследованиях обращают внимание А.Х. Кармов и О.И. Османов[18]. Однако если Союз горцев обособлялся только от большевистской России, то лидеры Северо-Кавказского Эмирства отстаивали идею независимости от России в принципе, и свой союз с большевиками во время денникинской оккупации воспринимали как один из способов ее скорейшего достижения[19].

Анализируя политику Временного правительства в национальном вопросе, А.Г. Кажаров замечает, что применительно к народам Северного Кавказа ни одна из существующих партий не допускала мысли о возможности предоставления им каких-либо форм государственно-политической автономии. Национально-государственные перспективы народов Северного Кавказа были предопределены потенциалом и возможностями Союза горцев решать существующие проблемы. От этого зависела и политическая роль горской национальной интеллигенции[20].

В современной отечественной историографии прослеживается новая тенденция и в понимании природы национально-освободительного движения горцев[21]. Вкратце ее суть сводится к следующим положениям. Советские историки в своем интернационалистском, классовом запале переусердствовали в критике дооктябрьской модели взаимодействия российских властей с горским социумом. Колониального гнета не было как такового и, собственно, горские округа не являлись колонией, напротив, уверенно стояли на рельсах гражданской интеграции в российское цивилизационное поле. Соответственно уместно говорить не о национально-освободительной борьбе, а о частных случаях вспышек сепаратизма, не имевшего сколько-нибудь широкой социальной базы в горской среде

В поле внимания российских историков оказались также формы самоуправления горцев, санкционированные белой властью. «Общепринятым в советской историографии, — отмечает В. Цветков, — был тезис о великодержавности, реакционности национальной политики белого движения на Юге России. В соответствии с этим и политика в отношении горских народов считалась основанной исключительно на силовом варианте подавления любых стремлений к автономии. Однако неправомерно было бы считать, что белая власть в своей политике на Кавказе не стремилась к миру, к максимально возможным в рамках единой России уступкам горской самостоятельности. В сравнении с порядком государственного управления, сложившегося на Кавказе во второй половине XIX в., это было заметным шагом вперед. Горцам предоставлялось право избрания своих правителей на съездах, гарантировалось сохранение шариатского права и суда, создание местного самоуправления, разрабатывались земельные законопроекты, призванные обеспечить право горцев на землю даже за счет частичной передачи им казачьих земель»[22].

Административные преобразования, проведенные белой властью на Северном Кавказе, способствовали росту этнического самосознания горцев. В составе образованного Терско-Дагестанского края были выделены четыре горских округа — Кабардинский, Чеченский, Ингушский и Осетинский. То есть, в названия горских административных единиц была возвращена этническая компонента, выведенная из официального употребления после завоевания региона в середине XIX в.

А. Деникин, оценивая период своего властвования на Северном Кавказе, отмечал, что «фактически горские племена пользовались полнейшей самостоятельностью. Единственной государственной тяготой для них была платная поставка продовольствия расположенным в их районах войскам и обязанность выставить в действующую армию боевые части, сообразно численности своего населения»[23].

К примеру, администрация правителя Кабарды Т. Бековича-Черкасского пользовалась большой самостоятельностью в своей деятельности и не допускала чьего-либо вмешательства во внутренние дела Кабардинского округа. Так, в июне 1919 г. на распоряжение Управления Владикавказской железной дороги начальникам станций, расположенным на территории Нальчикского округа, не принимать никаких грузов без разрешения Терского правительства, Бекович-Черкасский ответил, что «Кабарда есть самостоятельное административное управление, и оно лишь может запретить им разрешить перевозку грузов по своей территории»[24].

Без ведома властей Кабардинского округа на его территорию не могли вступать вооруженные формирования соседних округов и отделов. Атаман Терского войска, направляя отряды казаков в Кабарду для преследования разбойничьих банд, заранее сообщал об этом Бековичу-Черкасскому[25]. В некоторых вопросах правитель Кабарды мог препятствовать вмешательству во внутреннюю жизнь своего округа и центральной белой власти, стремившейся унифицировать управление национальными окраинами, как это произошло, к примеру, с попыткой внедрения здесь системы уголовного розыска. Бекович-Черкасский не пошел на создание в Кабарде такого ведомства, мотивировав свое решение тем, что «при обострившихся в связи с переживаемым моментом личных отношений среди населения, создание уголовного розыска дает возможность использовать новое положение в целях сведения личных счетов, а также и вымогательства. Неблагоприятные последствия указанного выше... могут привести к нарушению мирной жизни на местах и нареканием на администрацию...»[26].

При штабе белой армии находился постоянный представитель от горцев, избираемый на ежегодном съезде всех округов, которые в административном отношении приравнивались к уездам. Кроме этого, в Совет при Главнокомандующем войсками Юга России входило по одному делегату от горских Окружных народных съездов[27].

Деникин открыто декларировал лояльное отношение белой власти к национально-религиозной специфике горского социума. В Ростове был образован Мусульманский центр и приняты его положения: «Все мусульманские народы России: черкесы, кабардинцы, осетины, ингуши, чеченцы, дагестанцы... являются равноправными членами семьи народов Российского государства, им открыты пути для культурного и экономического развития»[28].

Исследователи отмечают, что национально-освободительная борьба горцев в революционный период проходила не только в союзе с большевиками против казачества, но и в союзе с белой армии против, собственно, большевизма, который не был повсеместно поддержан в регионе[29]. Белоэмигрантский автор К. Чхеидзе указывал на неприятие в горской среде «...проповеди насилия, разрушения, отвержение религиозных и семейных устоев, ненависти ко всему личному, национальному — словом, хаоса, который представляли собой большевики»[30]. Представители горской аристократии, офицерства, интеллигенции, подвергшиеся после провозглашения советской власти репрессиям как «социально чуждый элемент», частновладельцы, лишенные своих земель и производств, что противоречило нормам шариата, охраняющего частную собственность, видели в армии Деникина единственную возможность погасить большевистскую анархию, захлестывающую их родину. В ряды этой армии добровольно вступили многие офицеры и всадники Кавказской конной дивизии, которые после Февраля 1917 года стали военной силой Союза Горцев, олицетворявшего стремление северокавказских народов к национальному возрождению. То есть, «присягая» Деникину, они надеялись добиться последнего под его знаменами.

Таким образом, за установлением белой власти в национальных округах Северного Кавказа не последовало возвращения царских порядков, заключавшихся в том, чтобы «убить среди горцев зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их»[31]. А. Деникин видел возросшее после революционных событий стремление горских народов к самостоятельности и в соответствии с этим строил свою политику в регионе. Уже предвидя крах белого движения в начале 1920 г. и желая заручится поддержкой горцев в сдерживании красной армии, он даже пообещал последним признать независимость Северного Кавказа до созыва Общероссийского Учредительного собрания, но, как отмечает А. Даудов, предложения деникинцев явно запоздали[32]: регион вскоре оказался под властью большевиков.

Успех или провал автономистских устремлений горцев во многом предопределялся внутренним этнополитическим потенциалом, но, в конечном счете, зависел от позиции той политической силы, которая утвердится у власти в России. Такой силой стали большевики. Их обещания национального самоопределения вплоть до отделения на практике вылились в образование формальных национальных автономий.

1 *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1927. Т. 1. С. 187.

2 *Бегеулов А.* В борьбе за социалистическое развитие сельского хозяйства горских народов // Революция и горец. 1932. № 10/12. С. 41.

3 *Буркин Н.Г.* Революция 1905 г. в национальных областях Северного Кавказа // Там же. 1931. № 3. С. 5.

4 *Мужев Н.Ф.* Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900—1914 гг.). Нальчик, 1965.

5 Там же. С. 61.

6 *Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа // Революция и горец. 1932. № 10/12. С. 28.

7 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 115.

8 *Буркин Н.Г.* Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец. 1931. № 5. С. 56.

9 *Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А.* Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик, 1988. С. 219.

10 Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988. С. 35—37.

11 *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917—1937 гг.). Нальчик, 1979; *Магомедов Ш.М.* Северный Кавказ в трех революциях. М., 1986.

12 *Абазатов М.А.* Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. Грозный, 1969; *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975; *Аликберов Г.А.* Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала, 1970.

13 *Кониев Ю.И.* Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе, 1969; *Летифов А.Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму. Махачкала, 1972; *Эбзеева С.Э.* Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М., 1976.

14 *Кажаров В.Х.* Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999; *Дзидзоев В.Д.* От Союза Объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917—1924 гг.). Владикавказ, 2003; *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917—1924). СПб., 2009; *Кажаров А.Г.* Национально-политическое самоопределение народов Северного Кавказа в условиях революции и гражданской войны (1917—1920 гг.) // Исторический вестник. Нальчик, 2012. Вып. 10, ч. 1; *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 года. Нальчик, 2012; и др.

15 *Кажаров В.Х.* Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев. С. 41.

16 *Матвеев В.А.* Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX — 1917 г.). Ростов н/Д, 2011.

17 *Кажаров А.Г.* Национально-политическое самоопределение народов Северного Кавказа ... С. 185.

18 *Кармов А.Х.* В поисках решения общегорских проблем // Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана, 1917 г. Нальчик, 2014. С. 15; *Османов О.И.* Возникновение, функ-

ционирование и ликвидация государственных образований на Северном Кавказе: исторический опыт (март 1917 — апрель 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 2014.

[19] *Жанситов О.А.* Гражданская война в Кабарде: национально-религиозный аспект // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Нальчик, 2009. С. 349; *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Указ. соч. С. 62.

[20] *Кажаров А.Г.* Национально-политическое самоопределение народов Северного Кавказа ... С. 165—166.

[21] *Матвеев В.А.* Указ. соч.

[22] *Цветков В.* Забытые страницы второй кавказской войны [Электронный ресурс]. С. 1. URL: http://www. vif2.ru

[23] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т. 4: Вооруженные силы Юга России. С. 115.

[24] Там же. С. 119.

[25] Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

[26] Там же. Л. 22.

[27] См.: *Бутаков Я.А.* Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 — начало 1920 г.). М., 2000. С. 150.

[28] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 446. Оп. 2. Д. 97. Л. 68—70.

[29] *Жанситов О.А.* Указ. соч.

[30] *Чхеидзе К.А.* Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008. С. 45.

[31] *Улигов У.А.* Указ. соч. С. 32.

[32] *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Указ. соч. С. 72.

О.Г. Буховец

Национальная политика Российской империи и СССР: о противоречиях и их последствиях

Сто лет изучения Великой российской революции 1917 года дали огромную научную литературу. Это, прежде всего, естественный результат того, что Великий Октябрь для советской эпохи был, образно выражаясь,«началом всех начал» и бесспорным эталоном революции как «локомотива истории». Вот почему в доперестроечном Советском Союзе очень и очень многие, особенно в годы «застоя», приходили к мысли о том, что если немного перефразировать поэта, то «всё о революции уже сказано, несказанного — нет!».

Начиная с середины 1980 годов по мере завоевания «гласностью» все новых территорий представления о степени изученности Великой российской революции начинают меняться. И чем дальше, тем больше. Либерально-демократическая общественность призывает корпорацию историков сказать о Феврале, Октябре и Гражданской войне«всю правду»!

Стремительно, по меркам истории, разворачивается своеобразная «революция оценок» революционных событий в тогдашней России. Как представляется, в наши дни достаточно емким и по-художественному метафоричным образом этого движения может служить позаимствованное у Велемира Хлебникова название организованной к 100-летию революции выставки «Некто 1917», прошедшей в Третьяковке на Крымском Валу и получившей сразу же значительный международный резонанс.

Падение советской власти поставило в итоге под вопрос и закрепленный за Великим Октябрем в советскую эпоху статус «локомотива мировой истории». Маятник

восприятия его обществом, социально-гуманитарными науками и образованием пошел в противоположном направлении. Если использовать язык юриспруденции, то в отношении к Октябрю уже в первые постсоветские годы стал преобладать сугубо «обвинительный уклон».

Политики, общественные деятели, ученые, публицисты, литераторы уже предложили и продолжают предлагать различные варианты «обвинительных заключений» в адрес Октябрьской революции. Причем количество таковых к концу 2017 г. значительно возросло в связи с приближавшимся 100-летием Октября.

Воспользовавшись перестроечной «гласностью», в союзных республиках и автономиях активисты национально-оппозиционных по отношению к советскому Центру движений начинают осуществлять то, что В.А. Тишков удачно назвал националистической «колонизацией истории, исходящей из современности»[1]. В ее новаторской парадигме «рекомбинация» исторического материала позволяла (в зависимости от конкретных целей новых «колонизаторов» в написании нужных им версий «правдивой истории») либо *«вспоминать»* то, чего на самом деле в истории *не было*, либо, условно говоря, *«забывать в ней»* то, что в действительности как раз *было*[2].

Конкретная реализация такой стратегии «колонизации» осуществлялась посредством так называемых «национальных концепций истории», позволившим произвести своего рода «генеральную ревизию» советской исторической науки и образования на предмет их соответствия задачам «национального возрождения»[3]. Результатом этого стала очень быстрая и просто захватывающая воображение «национализация истории» в бывшем Советском Союзе. Ведь не прошло с начала перестройки и десятилетия, как место советской «официальной» науки в новых независимых государствах СНГ и Балтии прочно заняли и новые, вполне «официальные» либо, по крайней мере, официозные истории[4].

При всем разнообразии дискурсивных практик постсоветского национального историописания, есть в них и нечто типологически общее. Таковым, прежде всего, следует признать «предъявление» жесткого, в большей или меньшей мере, «исторического счета» и Российской империи, и СССР, а в некоторых случаях — также и Российской Федерации, как правопреемнице Советского Союза. Главным пунктом этого «счета» является, вне всякого сомнения, национальная политика Российской империи и Советского Союза. Инвективы против царской России как «тюрьмы народов», обличение советского «народоубийства» и «этноцида» создают, в сущности, *общую платформу* для постсоветских «национальных историй». И это та платформа, на которой происходит, если говорить прямо, антироссийская консолидация этих историй[5].

Как считают специалисты, в общем и целом, из новых независимых государств экс-СССР не стоит на платформе антироссийской консолидации постсоветских «национальных историй» одна лишь Беларусь. Они полагают, что по причине «глубоких родственных чувств белорусов к русским» белорусский вариант постсоветского историописания «...осуществляется не на базе *отталкивания* (выделено мною. — *О.Б.*) от России, а путем формирования идейно-духовных и интеграционных связей»[6].

Другие российские исследователи констатируют «относительную умеренность критического настроя», «мягкость» и «компромиссность сознания», определяющие «лицо современной белорусской исторической школы»[7]. С нескрываемой симпатией отмечается, что белорусский национально-ориентированный подход стремится быть «*политически более корректным и идеологически менее радикальным, чем это имеет место, например, в значительной части украинской интеллигенции* (выделено мною. — *О.Б.*)»[8].

Сами по себе данные выводы — вполне обоснованны. Но представляется самоочевидной необходимость оговорить хронологические ограничения на пользование ими. *Первое.* Выводы эти основываются на обобщении только *того* материала, который относится к периоду, когда государственная власть начала целенаправленно *воздействовать* на формирование исторического знанияи историописания в Республике Беларусь.

Начало этому положил референдум по важнейшим вопросам государственного строительства 14 мая 1995 г. Его итоги дали исчерпывающее представление о характерных особенностях восприятия большинством жителей Беларуси ее исторического прошлого, о желательных для большей части белорусов путях развития страны и о приоритетных для нее партнерах.

Более 83% проголосовавших на этом референдуме высказались за придание русскому языку статуса государственного (то есть за *уравнение* его в этом качестве с белорусским языком) и за экономическую интеграцию Беларуси с Россией. Еще более, пожалуй, показательным следует считать то, что количество проголосовавших «против» по данным вопросам составило всего-навсего 12,7% и 12,5% соответственно!

Именно референдум 14 мая 1995 г., а также прошедшее в последующие месяцы исследования белорусского общественного мнения, привели к кардинальной «смене вех» в национальной политике. Если, условно говоря, в «эпоху Шушкевича» власть ориентировалась на создание в постсоветской Беларуси этнокультурной нации, то новый политический режим сделал окончательный выбор в пользу модели гражданско-политической нации. В реализацию взятого курса 1 сентября 1995 г. президент А. Лукашенко распорядился заменить учебники по истории, изданные в предшествующие годы, новыми. Главным и непременным отличием новых учебников от предыдущих, как он неоднократно указывал в своих последующих публичных выступлениях, должно было стать отсутствие националистических подходов и трактовок.

А таковые, и это *второе*, не просто присутствовали в белорусских учебниках предшествующего периода, но и играли в них роль, образно говоря, «камертона». Так, в частности, первый год своей независимости Республика Беларусь встретила с базовым учебником по белорусской истории для 10—11 классов средней школы, в предисловии к которому авторы писали, что идеологами КПСС-КПБ, превратившими «историю в свою служанку», «многие десятилетия под *фальшивым флагом интернационализма* проводилась *русификация* белорусского народа, его *исторической памяти* и *национального сознания* (выделено мною. — *О.Б.*)»[9].

Весьма суровый исторический счет был предъявлен и к властям Российской империи, которыми-де «существование белорусского этноса *целиком игнорировалось*, а белорусский язык почитался “мужицким”, “хамским” и *“официально не признавался”* (выделено мною. — *О.Б.*)»[10]. Это обвинение фактически без изменений было перенесено в двухтомник Института истории НАН Беларуси «Очерки истории Беларуси», который вышел в свет в 1994 г. и сразу же стал выполнять функции основного учебного пособия по белорусской истории для студентов вузов страны[11].

Тема русификации является, безусловно, «сквозной» и фактически «краеугольной» во всех «национальных концепциях истории» новых независимых государств экс-СССР. Современная Беларусь представляет собой исключение лишь отчасти: новый курс белорусского государства в этом вопросе, после прихода к власти А. Лукашенко, отнюдь не затронул соответствующие издания оппозиционных НПО, действующих как в самой Беларуси, так и за ее пределами. Есть в этой связи необходимость рассмотреть тему русификации в свете исторических фактов.

Весьма важные сведения на этот счет дают результаты наших изысканий в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Обратимся к ним. Особо интересными в аспекте рассматриваемой темы представляются некоторые документы из фонда Совета министров (ф. 1276), содержащие обзоры правительственной политики во второй половине XIX — начале XX в. в белорусских, литовских, украинских губерниях, а также предложения по ее совершенствованию и оптимизации. Наибольшую ценность им придает то, что документы эти представляют, как минимум, четыре уровня административной государственной системы: от губернатора до императора Николая II.

В нашем распоряжении имеется разнообразная документация, отражающая подходы государственных деятелей и чиновников различных министерств и ведомств империи к национально-религиозной политике, а также проекты ее реформирования. Так, в весьма пространной «Записке», подготовленной Канцелярией министра внутренних дел в 1904 г. и одобренной министром П. Святополк-Мирским 17 января 1905 г., прямо и недвусмысленно ставилась задача «пробуждать *национальное самосознание* (выделено мною. — *О.Б.*) местных уроженцев»[12]. Под местными уроженцами подразумевались белорусы, литовцы и украинцы.

О том, насколько далеко заходили высокопоставленные деятели царской администрации в своих планах не просто поддержки, но и стимулирования национальных движений, свидетельствует Прошение Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора К. Кршивицкого, представленное им в марте 1906 г. Председателю Совета министров С. Витте. В нем генерал-губернатор с явной симпатией высказывается о литовском национально-возрожденческом движении. Более того, он сочувственно относится даже к лозунгу «Литва для литовцев» выделяя заключенные в данном лозунге страстность и упорство, свойственные «недавно пробудившейся нации»[13]. При этом К. Кршивицкий называл школы с русским языком обучения орудием, малопригодным как для русификации края, так и для собственных просветительских нужд[14], и предлагал расширить сферу применения литовского языка, особенно в богослужении и в народном просвещении[15].

Большое место в обращении К. Кршивицкого к С. Витте отводилось также предложениям по изменениям правительственной политики и на белорусских землях. Полагая, что деятельность польского костела там чревата ассимиляцией белорусов-католиков, он для предотвращения этой угрозы полагал необходимым, в частности введение католического богослужения на «белорусском наречии»[16].

Разумеется, проекты, предусматривавшие столь решительный поворот в практической национально-религиозной политике империи, в немалой степени подпитывались импульсами тогдашнего революционного кризиса. Но именно все-таки *подпитывались*, а *не вызывались*. Подчеркнуть это очень важно, ибо предложения, подобные вышеприведенным, циркулировали в административной системе еще задолго до революции 1905—1907 гг. Так, во «Всеподданейшем отчете Ковенского губернатора за 1896 г.» говорилось о необходимости достижения того, «чтобы литвин осознавал себя таковым». Данные слова самим губернатором были при этом подчеркнуты. А что чрезвычайно примечательно, Николай II в своей пометке на данном отчете полностью соглашался с этим мнением Ковенского губернатора[17].

Совершенно ясно, что обстановка первой российской революции также побудила правительство объявить о ряде существенных мер в области национальной политики. В частности, как явствует из Проекта Особого журнала Комитета министров 15, 22 и 23 марта 1905 г., намечено было введение в Западном крае преподавание ряда учебных предметов на литовском и польском языках[18]. Однако преподавание на бе-

лорусском и на украинском языках было при этом признано «не отвечающим потребностям дела», ввиду их близости к русскому языку. Однако, как бы это ни было, но за ними признавался уже статус «языков» (а не просто «наречий», как в предыдущий период)[19]. Весьма примечательно, что в тексте Особого журнала, который царь утвердил 1 мая 1905 г. все положения, касающиеся признания за белорусским и украинским статуса *языков*, были оставлены без изменений[20].

Даже после подавления революции 1905—1907 гг. власть не отказалась от признания белорусов и украинцев как этносов, обладающих своей особенной культурой и языком. Об этом красноречиво свидетельствует, к примеру, обширная документация персонального учета по выборам в Государственную думу всех четырех созывов (ф. 1327), содержащая, в частности, напечатанные типографским способом анкеты с данными о «родном языке» и «народности» всех участников избирательного процесса[21].

Как представляется, авторы, пишущие о политике русификации в Российской империи, попадают, сами того не замечая, в ловушку применяемого ими *презентистского* подхода, а именно: современное содержание понятия «русские» они переносят в исторический контекст Российской империи. Но это — большая ошибка: в те времена понятие «русские» было аналогом современного понятия «восточные славяне». В этнокультурном смысле оно означало «суперэтническую» общность, состоящую из «великороссов» (то есть современных русских), «малороссов» (украинцев) и «белорусов». И *языковая* русификация не означала *этническую «великоруссификацию»* белорусов и украинцев и, тем более, *«упразднение»* их белорусской и украинской *идентичности!*

Национальная политика советской власти в схему русификации укладывается еще в меньшей степени. С одной стороны, образование союзных республик отражало вполне очевидно стремление большевиков перехватить в ходе Гражданской войны инициативу у лидеров националистических движений, особую опасность представлявших на окраинах бывшей империи. Но с другой стороны, это было и проявлением «интернационалистского идеализма» раннего большевизма, действовавшего в соответствии с концептом «права наций на самоопределение». И если в отношении Украины с ее сильным сепаратистским движением первый мотив был, пожалуй, доминирующим, то в деле образования БССР он такой роли отнюдь не играл.

По мере исчезновения миража мировой революции система советских республик была использована в качестве инфраструктуры для трансляции («одомашнивания», по Э. Геллнеру) средствами их национальных культур и языков интернациональной доктрины большевизма. С этой целью руководство ВКП (б) начало проводить в союзных республиках так называемую «коренизацию», вариантами которой для БССР и УССР явились соответственно «белорусизация» и «украинизация». Осуществление той и другой проходило беспрецедентно высокими темпами.

В частности, в 1922 г., с выходом в свет первых учебников на белорусском языке, началась белорусизация школ, в результате которой белорусскоязычными к 1930 г. стали уже до 88% школ[22]. К 1928 г. доля книг, изданных на белорусском, достигла 81,8% от общего по республике тиража[23]. На белорусский язык было переведено делопроизводство в учреждениях и организациях. Если в 1925 г. только 22% административных кадров владели белорусским, то в следующем, 1926 г. их было уже 54% , а к 1927 г. этот показатель вообще вырос уже до 81%![24]

Исключительная динамика характеризовала аналогичные процессы и в УССР. И в этой связи нельзя не отметить, что скорость процессов «белорусизации» и «украинизации» в 1920-е годы вряд ли могла бы стать столь высокой, если бы ими не управлял такой жесткий политический режим, как большевистский.

И этот же режим, увидев, что «коренизация» стимулирует процессы национального возрождения советских республик и опасаясь, что в дальнейшем это может создать угрозу для монополии ВКП (б) на власть, — резко свернул ее. Вслед за чем в самом конце 1920-х — начале 1930-х годов в БССР, УССР и других советских республиках была развернута кампания по борьбе с «буржуазным национализмом» и прошли репрессии, затронувшие многие тысячи партийных, советских работников, деятелей культуры и рядовых граждан.

Однако конституциональная живучесть «запущенных на орбиту» национальных идей, во-первых, и тактические резоны власти (прежде всего, обусловленные национальным угнетением в Польше населения Западной Беларуси и Западной Украины), во-вторых, предопределили сохранение ряда важных завоеваний «коренизации». В-третьих, сохранению этих завоеваний немало способствовала и сама марксистско-ленинская догматика, однозначно требовавшая, чтобы советские нации и народности «развивались». Надо сказать, что конкретные результаты проведения в жизнь политики по обеспечению такого «развития» целый ряд ученых, отечественных и зарубежных, расценивает как уникальные[25].

О советской национальной политике можно даже сказать, что при всех ее репрессивных практиках, она, следуя догматам «ленинской национальной политики», как раз и не позволила завершиться «естественному» процессу растворения, в условиях модернизации, белорусов и украинцев («восточников» и «южан») в русском народе[26]. И те, и другие могли таким же образом ассимилироваться, как это произошло с белорусами Псковщины, Смоленщины и Брянщины, с украинцами Воронежской и других губерний, оказавшимися по итогам «нарезки» территорий союзных республик в РСФСР. А затем на удивление быстро «перешедшими в русские». И подобное ассимиляция, справедливо отмечает Д. Фурман, была бы не более «неестественным» и «преступным» актом «этноцида», чем, скажем, «растворения» провансальцев во французской нации, баварцев — в немецкой, сицилийцев и сардинцев — в итальянской[27].

1 *Тишков В.А.* Нация: теория и политическая практика // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов: материалы междунар. симпозиума, 18—19 апр. 1994 г. М., 1994. Ч. 1. С. 68.

2 *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 192.

3 Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003; *Буховец О.Г.* Клио на пороге XXI века: искушение национализмом // Вопросы истории. 2002. № 3.

4 *Буховец О.Г.* : 1) Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты. М., 2004 ; 2) О временных ресурсах постсоветского этнонационализма // Полис. 2005. № 2; Национальные истории на постсоветском пространстве-II / под. ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М., 2009; Школьный учебник истории и государственная политика / В.Э. Багдасарян, Э.Н. Абдулаев, В.М. Клычников и др. М., 2009; *Буховец О.Г.* Образ России в Европе и мире: проблема общества и государства // Современная Европа. 2011. № 1.

5 *Константинов С., Ушаков А.* Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве // Национальные истории в советских и постсоветских государствах. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003. С. 73—102; Школьный учебник истории и государственная политика. С. 227—309; *Буховец О.Г.* Образ России в Европе и мире ... С. 34—43.

6 *Константинов С., Ушаков А.* Указ. соч. С. 92; Школьный учебник истории и государственная политика. С. 264.

7 *Гузенкова Т.* Этнонациональные проблемы в учебниках по истории (на примере Украины, Беларуси и некоторых республик Российской Федерации) // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003. С. 129—130.

8 Там же. С. 130.

9 *Буховец О.Г.* Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации» // Национальные истории на постсоветском пространстве-II / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М., 2009. С. 25.

10 Там же.

[11] Там же.
[12] Российский государственный исторический архив (РГИА) .Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.
[13] Там же. Д. 114. Л. 5.
[14] Там же. Л. 5 об.
[15] Там же. Л. 5—7.
[16] Там же. Л. 7.
[17] Там же. Д. 106. Л. 18.
[18] Там же. Ф. 396. Оп. 3. Д. 431. Л. 22 об.
[19] Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106. Л. 221.
[20] Там же. Л. 398, 419.
[21] Там же. Ф. 1327. Оп. 1. I созыв. Д. 117; II созыв. Д. 107; и др.
[22] *Буховец О.Г.* Историописание постсоветской Беларуси ... С. 28.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] См. об этом: Там же. С. 29—31.
[26] См. об этом: Там же. С. 29.
[27] *Фурман Д.Е., Буховец О.Г.* Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 60.

А.Е. Локшин

100 лет эмансипации евреев в России

Уже более ста лет тому назад, в конце февраля 1917 г. произошло важнейшее событие, кардинально изменившее ход не только российской и, несомненно, мировой истории: падение самодержавия в Российской империи.

Отречение Николая II

Еще в начале 1917 г., в январе, никто не ожидал тех судьбоносных событий. Почти все российские революционеры находились в эмиграции и оказались застигнуты врасплох Февральской революцией. Владимир Ульянов (Ленин), лидер большевиков, в январе 1917 г. находился в Швейцарии, выступая перед швейцарскими социалистами, заявил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу... высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»[1]. Впрочем, подобная оценка находившегося в Цюрихе, за тысячи верст от Петрограда, будущего вождя «пролетарской революции» не слишком отличалась от оценок событий тех, кто был в те дни в столице империи. Британский посол телеграфировал своему правительству: «Сегодня произошли некоторые беспорядки, но ничего серьезного»[2].

Знаком грядущей катастрофы стали длинные очереди у хлебных лавок в Петрограде. 23 февраля на улицы российской столицы вышли тысячи. Многие несли лозунги «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!». На своем пути они громили магазины, хлебные лавки, переворачивая трамваи. В этих действиях нашло выражение отчаяние измученных людей.

Императрица Александра Федоровна телеграфировала мужу, находившемуся в Могилеве, в ставке Верховного командования: «Все это хулиганские выходки, но все пройдет».

К 25 февраля забастовка охватила половину рабочих Петрограда, начались столкновения полиции с толпой, на помощь полиции были брошены войска.

Николай II также не усмотрел в тех событиях что-либо экстраординарное. В ответ на телеграммы о беспорядках в столице потребовал их прекратить «завтра же». Невский проспект был войсками «очищен» от толп демонстрантов. Казалось, «порядок» наведен. Но перелом наступил ночью, когда вспыхнуло восстание солдат Волынского полка. 27 февраля началось восстание солдат Петроградского гарнизона. Шло братание солдат с демонстрантами, из тюрем стали выпускать всех заключенных.

Восставшие захватили Арсенал и роздали народу до 40 тыс. винтовок. Власть оказалась бессильной перед натиском вооруженного народа, требовавшего свержения монархии. Тогда же, 27 февраля Особый комитет Государственной думы, после совещания с образованным Петроградским советом рабочих и солдат, сформировал новое правительство во главе с князем Георгием Львовым. Оно называлось Временным, так как действовало до Учредительного собрания, которое должно было быть созвано в ближайшем будущем и которому предстояло передать власть.

Правительство потребовало от Николая отречения в пользу его брата, великого князя Михаила Александровича. Царь упорствовал. Только 3 марта 1917 г. после того, как получил телеграммы от всех командующих фронтов с требованием подчиниться воле нового правительства, он отрекся от престола в пользу Михаила. Великий князь, увидев, что они не могут гарантировать ему безопасность, отказался «от восприятия верховной власти». Бывший император, а отныне гражданин Николай Александрович Романов, которого тогда называли не иначе, как «Николая Кровавый», вместе с семьей был арестован. Трехсотлетняя монархия Романовых, а вместе с ней сама Российская империя в один миг перестала существовать.

«Чудесное освобождение»

Революция произошла на традиционный еврейский праздник Пурим, в память спасения евреев от уничтожения в древней Персии. Шестимиллионное еврейство страны усмотрели в этом символический смысл, «чудесное освобождение» от очередного гонителя.

В Петроградской хоральной синагоге состоялось торжественное богослужение, читали новую молитву «за благополучие родины, армии и свободы». Подобное происходило в Москве и в других российских городах. Очень многими овладело чувство эйфории и безудержной радости. Очевидец свидетельствовал: «В Баргузине (в Сибири. — *А.Л.*) после церковного богослужения русские жители вышли праздновать праздник свободы и при встрече с евреями, возвращавшимися из синагоги, обнимались с ними, плача от радости. Все вместе спешили в зал собрания. Там на сцене сидели священник и раввин, и после одного из выступлений, растрогавшего присутствующих, священник встал и всенародно облобызался с раввином»[3].

Из статей в газетах можно понять настроение, охватившее население в те первые месяцы надежд. «Свершилось чудо», — писала «Еврейская неделя». «В несколько дней, без крови и тяжелых потрясений. Россия стала свободной. ...Ожила страна. Ожили люди, ожили их души. Ожили и выпрямились великие и малые, сильные и слабые, богатые и бедные — все граждане России. Ожили и рабы старой власти, мы — евреи...». «Все это свершилось так быстро, — продолжала газета, — так неожиданно, что еврейство... неуверенно делает несколько шагов вперед и боязливо оглядывается назад — туда, в кошмар старой России, в кошмар бесправия и погромов...»[4].

В сентябре того же 1917 г. раввины Петрограда направили послание церковным иерархам православного духовенства: «В десятках городах и местечек театра военных действий... еврейские синагоги были разгромлены и разграблены, а затем сожжены...»[5]. В ответ на это митрополит Тихон попросил верховного главнокомандующего Александра Керенского «принять все меры» и устранить подобные явления, «налагающие несмываемое позорное пятно на всю армию». Всероссийский собор православного духовенства потребовал от армейских священников, чтобы разъясняли солдатам «преступность кощунства», а также всяких насмешек и глумлений над чуждыми вероисповеданиями, к каким бы религиям они ни относились[6].

До Февральской революции священнослужителями в русской армии были лишь христиане и мусульмане. Летом 1917 г. раввин Бердичева рав Яаков Берман был назначен в чине подполковника главным раввином при штабе Юго-Западного фронта. Он посещал в госпиталях раненых евреев, организовал кошерную кухню для солдат-евреев, приобрел палатки, в которых устраивались полевые синагоги, помогал пленным евреям из германской и австрийских армий.

Во Временное правительство вошел целый ряд теперь уже бывших депутатов Государственной Думы: видные деятели конституционно-демократической партии, социалистов-революционеров, социал-демократов-меньшевиков и др. Незамедлительно были провозглашены свобода слова, печати, забастовок, отменена смертная казнь, объявлена полная амнистия политическим заключенным. Запретили деятельность шовинистических черносотенных организаций и всевозможную антисемитскую пропаганду. Временное правительство провозгласило независимость Польши, восстановило полную автономию Финляндии.

В первые месяцы после революции министерские посты предлагали многим. Однако достаточно много еврейских деятелей, причем придерживавшихся разных политических взглядов, считали, что евреям не следует занимать руководящие посты, тем самым не давать лишний повод для роста антисемитизма. Выдающийся юрист, активно участвовавший в работе по организации защиты в деле Бейлиса, один из руководителей в годы Первой мировой войны Еврейского комитета помощи жертвам войны Генрих Слиозберг писал: «Мне и многим другим из моих единомышленников, в частности, Максиму Винаверу (другой выдающийся адвокат и общественный деятель, один из лидеров партии кадетов, депутат 1-й Государственной думы. — *А.Л.*), казалось, что ознаменовать первые дни революции назначением евреев на высокие государственные посты нецелесообразно. Надо было избежать возможных разговоров о том, что евреи первые воспользовались плодами падения династии и переменой режима»[7]. Выступая в марте в одном из еврейских клубов, он заявил: «Не дадим же нашим противникам лишнего против нас повода! Не надо нам соваться на видные и почетные места...»[8]. Фактически подобной была позиция и Винавера: «Не нужно стремиться на те места, где нас не было до сих пор»[9].

Один из лидеров партии социалистов-революционеров Виктор Чернов вспоминал о Абраме Гоце (член ЦК и один из руководителей боевой организации партии эсеров. — *А.Л.*): «Я всегда считал, что он самой судьбой предназначен на пост министра внутренних дел в революционное время. Но Гоц и слышать не хотел вообще ни о каком министерском посте, ссылался он при этом... на свое еврейство, способное... будить расовые страсти. Мы, не евреи, громко протестовали, но чувствовали, что в этом пункте натыкаемся на ничем не преодолимое упорство»[10].

Тем не менее, немало евреев не принимало подобные рассуждения. Евреи, говорили они, должны проводить до конца гражданское равноправие, не боясь того, что

о евреях скажут и подумают: «Все речи о воздержании — это проявления рабства в свободе...», «Если мы не возьмем все права сегодня, нам не дадут их завтра...». Так, кадет С. Лурье стал товарищем (заместителем) министра торговли и промышленности, а меньшевики С. Шварц и А. Гинзбург-Наумов — товарищами министра труда, А. Гальперн — управляющий делами Совета министров. 2600 еврейских юношей поступили в прежде закрытые для них юнкерские училища и школы прапорщиков. К лету 1917 г. в Одессе и Киеве произвели в офицеры около 300 евреев.

Евреи – равноправные граждане свободной России

20 марта 1917 г. Временное правительство «исходя из убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом» приняло историческое решение: закон «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений»[11].

С этого момента все дискриминационные антиеврейские законы бывшей Российской империи перестали существовать и евреи получили равные гражданские, политические и национальные права с остальным населением. Был ликвидирован символ еврейского бесправия — черта постоянной еврейской оседлости, созданная царскими властями еще во времена правления императрицы Екатерины II вскоре после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в.

«Нет больше ненавистной “черты” со всеми ее ужасами! — с восторгом писала одна из еврейских газет. — Нет больше ограничений процентной нормы! Нет наконец стоящего вне закона “бесправного еврея”, а есть свободный, полноправный гражданин — еврей!»[12].

Постановление, подготовленное министром юстиции Александром Керенским, подписали все министры Временного правительства. Евреи-депутаты Думы посетили 24 марта министра-председателя князя Георгия Львова и руководителей Петроградского Совета. Они поздравили представителей новой власти в связи с принятием постановления, провозгласившего равноправие евреев. Глава делегации депутат Думы Нафтали Фридман, сказал: «...сердца смягчились. Раскрылись братские объятия великого народа, мачеха стала матерью, пасынки — сыновьями. И ныне, вместе с родными сынами, вновь усыновленные как мать дорогую будут оберегать родную землю»[13]. В ответ министр-председатель князь Львов сказал: «Редко мне приходилось так волноваться, как в настоящие минуты. Мы были в мыслях и чувствах братьями, но нам не давали соединяться. Давайте забудем страницы прошлого и будем вместе работать для укрепления свободы новой России».

Историк Йосеф Недава писал о том знаковом событии: «Правительственная газета, поместившая этот закон, дала в приложении список действовавших прежде законов и постановлений против евреев. Список этот... оказался настолько внушительным, что не лишенный воображения человек невольно задавался вопросом, а как же... жили ...эти люди, преследовавшиеся законом только за одно свое имя?...»[14]

Живший в ту пору в Петрограде историк Семен Дубнов записал в своем дневнике: «Знаменательный день, опубликован акт Временного правительства об отмене всех национальных и вероисповедных ограничений, т.е. акт еврейской эмансипации в России. Осуществилась мечта целой жизни, цель страданий и борьбы... В этот момент я еще не могу постигнуть все его драматическое величие. Позже, когда исчезнут страшные спутники этого солнца на историческом горизонте: германский Ганнибал у ворот и призрак контрреволюции или анархии, мы почувствуем свет и тепло нового светила...»[15].

После Февральской революции из тюрем и ссылок стали возвращаться политические заключенные. Восторженные толпы встречали по пути их следования на железнодорожных станциях. Оркестры играли «Марсельезу», в их честь устраивали торжественные обеды с речами. Нелегальные партии вышли из подполья. Началась бурная общественная и культурная деятельность. Заговорили о будущем России, которую видели федерацией равноправных народов, каждому из которых будет обеспечена широкая автономия.

Появились новые школы и детские сады на идише и иврите, профессиональные и любительские театры и студии, вокальные ансамбли и союзы художников.

Свобода пьянила. Любые проекты казались осуществимыми. В первые дни после революции казалось, что российские евреи начинают новую жизнь полноправными гражданами обновленной страны. Хотелось верить, что остался в прошлом государственный антисемитизм, заметно поубавился антисемитизм и улицы. Газета «Еврейская жизнь» разъясняла читателям: «Накопленные годами запасы антисемитских инстинктов ...не исчезли бесследно с лица земли, а лишь залегли под спудом... Сейчас они крепко придушены и бессильны прорваться наружу»[16]. Открывалась новая страница в истории российского государства, но опасения оставались, и трезвомыслящие люди не исключали и возможности возникновения трагических событий.

Свидетель тех событий Дубнов записал в своем дневнике 1 октября: «...По России катится погромная волна ...Пока не будет утолена ...жажда мира, ужасы в России будут нарастать»[17].

Опасность контрреволюционного переворота

Между тем, 27 марта Ленин, вместе с группой других политэмигрантов, покинул Швейцарию. Через вражескую Германию (в опломбированном вагоне), а также Швецию и Финляндию, вечером 3 апреля он приехал в Петроград. На следующий день на заседании Петроградского совета Ленин объявил свою программу, известную как «Апрельские тезисы». Всех поразило, что он счел происшедшую Февральскую революцию законченной и настаивал на немедленном осуществлении «социалистической революции», что фактически означало насильственный захват власти радикальными левыми партиями. Большевик Н. Суханов, как и многие его товарищи по партии, назвал эту программу «разудалой левизной... примитивной демагогией, не сдерживаемой... здравым смыслом»[18]. Однако в эту заведомо утопическую программу были умеренно введены настоятельные требования широких масс. Земли и мира требовали миллионы крестьян, солдат и рабочих. И Ленин включил эти требования в свои «тезисы», безответственно обещая немедленно установить мир и раздать землю, чем сумел привлечь к себе внимание и добиться симпатий толпы. В «Апрельских тезисах» Ленин провозгласил: «Никакой поддержки Временному правительству»[19]. Этот лозунг означал только одно: начало борьбы за власть.

Еврейские партии выходят из подполья

После Февральской революции новое дыхание обрели целый ряд находившихся прежде на нелегальном положении российских партий. Среди них и еврейские: от левого социал-демократического Бунда до ортодоксальной религиозной «Ахдус» («Единство»).

Евреи входили и в состав русских партий. М. Винавер был одним из руководителей конституционно-демократической партии, Ю. Мартов (Цедербаум), Ф. Дан,

П. (Пинхус) Аксельрод были среди лидеров партии меньшевиков. В Центральный комитет партии социал-революционеров входили М. Натансон, О. Минор. Среди большевиков евреев было немного. Перепись членов большевистской партии в 1922 г. показала, что только 958 членов Российской социал-демократической партии большевиков, вступивших в нее до 1917 г., были евреями. И лишь 1175 человек стали большевиками в 1917 г. Среди руководителей партии было несколько лиц еврейского происхождения, которые считали себя «интернационалистами»: Г. Зиновьев (Радомысльский), Л. Каменев (Розенфельд), Я. Свердлов. 4 мая 1917 г. в Петроград из Америки вернулся Л. Троцкий (Бронштейн), который вскоре присоединился к большевистской партии и стал одним из ее лидеров, сыгравших важную, если не решающую роль в большевистском перевороте.

Среди еврейских партий наибольшую активность развернули сионисты. В мае 1917 г. в Петрограде прошел VII съезд российских сионистов. От имени ЦК на открытии съезда выступил с краткой речью редактор ведущего сионистского издания «Еврейская жизнь» А. Идельсон. Он говорил на иврите: «Впервые мы собрались в условиях свободы. Старый режим угнетал все нации, но нас, особенно... Мы поставили задачу ...возвращение еврейского народа на историческую родину — Палестину...»[20]. От имени ЦК председателями съезда были избраны два лидера, ветераны движения: М. Усышкин и И. Членов. В программной речи Членов приветствовал Временное правительство и Совет рабочих депутатов, которые выступили совместно, приняв «закон о равноправии», дабы смыть с России «позорное пятно, которое веками тяготело над ней — позор еврейского бесправия. ... Про нас, сионистов, часто утверждают... что сионизм есть реакция на бесправие... Нет ничего ошибочнее такого утверждения... Сионизм есть решение вопроса еврейского народа. Никто из нас не думает, чтобы весь народ сконцентрировать вновь в Палестине... в обозримом будущем... Мы стремимся создать национально-территориальный центр для рассеянных по миру частей народа....»[21]. Он подчеркнул важность для всей России значения грядущего Учредительного собрания, призванного заложить краеугольные основы жизни страны.

Тем не менее, значительная часть еврейской массы оставалась вне каких-либо партий и даже политических пристрастий. Они хотели только одного безопасной, свободной от антисемитской дискриминации спокойной жизни. Как писал в одну из еврейских газет «ограбленный еврейский портной из Овруча»: «Свобода ослепила нам глаза. ... Рассеяны мы по разным партиям, которые не имеют места в действительности, и одолело нас библейское проклятие: “Куда не пойдете, будет поздно, и всюду вы будете последними” ...Мы тащим камни для чужих построек, а о себе совершенно забываем»[22].

В июне 1917 г. герой русско-японской войны, создатель еврейских коммун и самообороны в Палестине И. Трумпельдор отправился в Россию. Вскоре Трумпельдор сообщал из Петрограда, что ждет разрешения от Временного правительства на создание в России еврейского полка, который направится на Кавказ или на фронт в Персию, а уже оттуда в Палестину, «и знамена русской революции, красные, — писал он, — и знамена еврейского возрождения, бело-голубые, будут развеваться над нашими головами»[23]. Мечте Трумпельдора не суждено было сбыться, после большевистского переворота это стало невозможно.

Еврейские партии и общественные деятели готовились к созыву собственного Учредительного собрания — Всероссийского еврейского съезда, призванного решить вопросы об основах национальной работы и создании институтов по строительству жизни многомиллионного еврейства страны. Но провести его не удалось.

Критическое положение в стране

Напряженность в стране нарастала. Новая власть оставила на своих местах служивших при царе чиновников. Были сохранены прежние министерства и Синод. Затягивалось и решение вопроса о земле. По настоянию военного министра Керенского армия начала наступление, которое казалось удачным. Появился новые лозунг, новое обоснование продолжения войны.

Однако солдаты Петроградского гарнизона не желали идти на фронт. Армия на фронте и население в тылу устали от войны, независимо от того, под какими лозунгами она велась. Многие воинские части были полностью деморализованы. Тысячи солдат уходили с боевых позиций и шли домой. Военное командование предупреждало Временное правительство, что наступление невозможно: «Армия на краю гибели. Еще миг, и она свергнутая в бездну, увлечет за собой Россию и ее свободы». Наступление провалилось. Это еще более деморализовало усталых, полуголодных, плохо вооруженных и одетых солдат. «Ясно было, что армии нет, — вспоминал генерал царской армии П. Краснов, — что она пропала, что надо заключать мир, уводить и распределять по своим деревням эту сошедшую с ума массу»[24]. Однако Временное правительство под давлением союзников — стран Антанты Франции и Великобритании, заявляло о желании вести войну «до победного конца».

Между тем в одном из полков созрел анархистско-большевистский заговор, который вылился 4 июля в открытое выступление, поддержанное рабочими и частью матросов Балтийского флота. Но Временному правительству удалось подавить его. Между тем Россия как единое государство переставало существовать. Центробежные тенденции усиливались. Образованная на Украине Центральная рада в июне 1917 г. объявила Украину независимой. Отделились и западные регионы — Латвия, Литва, Эстония.

Временное правительство оказалось в крайне тяжелом положении. На фронтах продолжались кровопролитные военные действия, ежедневно продолжали гибнуть тысячи солдат. В стране обострялись социальные проблемы: безудержная инфляция, нехватка продовольствия, которая после благополучных царских времен казалась всем ужасающей. Нельзя сбрасывать со счетов и антиправительственную демагогию большевиков, издававших, очевидно, на германские деньги, десятки газет тиражом около 6 млн. (!) в месяц.

Неудачная попытка спасения новой России

26 августа Верховный главнокомандующий генерал Л. Корнилов решился на военный переворот, чтобы железной рукой остановить развал государства, покончить с большевиками, в которых видел, и не без основания могильщиков новой России. Но действия генерала оказались бездарными. У него не было ни четкого плана захвата власти, ни сил для переворота. Посланные Корниловым войска даже не дошли до Петрограда. «Заговор Корнилова» углубил кризис, влияние большевиков значительно усилилось. Ленин, вопреки мнению других членов ЦК большевиков, заявил, что настал момент для захвата власти, для свершения «социалистической революции». В стране, охваченной недовольством, не знающей, куда идти дальше, только Ленин казался тем политическим деятелем, который знал, что и как делать. Обладая неукротимой волей и энергией, он продолжал действовать. Ленин тайно вернулся из Финляндии в Петроград (где скрывался от ареста и суда по обвинению в шпионаже в пользу Германии) и привлек на свою сторону небольшую группу единомышленни-

ков. Вместе с Троцким, создавшим Военно-революционный комитет (ВРК), он начал готовить захват власти.

Захват власти большевиками

Мятеж начался 24—25 октября. Он не был похож на настоящую революцию. Это не было, как 1905-й г. с баррикадами и уличными боями. При полной бездеятельности Временного правительства, при нейтралитете Петроградского гарнизона, назначенные ВРК комиссары с малочисленными отрядами из солдат и рабочих заняли правительственные здания, вокзал, почту и телеграф. Это во многих случаях происходило легко, мирно и незаметно. А город жил привычной жизнью: ходили трамваи, в театрах шли спектакли. В Мариинском театре в тот вечер пел Федор Шаляпин. Ночью мятежники обстреляли и отряды матроса Антонова-Овсеенко заняли, с минимальными потерями, место нахождения Временного правительства —Зимний дворец и в 2 часа ночи 25 октября арестовали всех его членов. Власть буквально упала в руки большевиков. Недаром Ленин говорил о тех событиях, что вышло чудо[25]. Власть оказалась в руках большевиков.

Скорбные дни. Восемь месяцев свободы в анналах еврейской истории

Подавляющее большинство еврейской общественности и все еврейские политические партии осудили большевистской переворот. Бунд выступил с решительным осуждением насильственного захвата власти. «Какой великий энтузиазм, — писал современник, — ...какую радость и ликование пробудила русская революция? Сама душа пела “Марсельезу”. Сущностью Февральской революции была свобода, а сущностью Октябрьской — диктатура...»[26] .

Восемь месяцев свободы, между мартом и октябрем, несмотря на крайне тяжелые условия для еврейства России, как и русского народа и других национальностей страны, стали временем расцвета во многих сферах жизни. Политической, общественной и культурной. Этот краткий период был исполнен больших ожиданий и надежд.

1 *Ленин В.И.* Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 328.
2 Цит. по : *Гительман Ц.* Беспокойный век: евреи России и Советского Союза с 1881 до наших дней. М., 2008. С. 89.
3 Даркейну = [Наш путь]. Чита, 1917. № 1.
4 Еврейская неделя. 1917. № 14.
5 См.: *Кандель Ф.* Книга времен и событий. Иерусалим; М., 2002. Т. 3. С. 25.
6 Там же.
7 *Слиозберг Г.* Дела давно минувших дней. Париж, 1933. Т. 2. С. 67.
8 Там же.
9 *Винавер М.* Недавнее: воспоминания и характеристики. Париж, 1926. С. 79.
10 *Чернов В.* Перед бурей. М., 1993. С. 69.
11 Журнал заседаний Временного правительства. № 26. С. 4—8.
12 Еврейская жизнь. 1917. № 1.
13 См.: *Кандель Ф.* Указ. соч. С. 14.
14 *Недава Й.* Вечный комиссар. М.; Иерусалим, 1989. С. 87.
15 *Дубнов С.* Книга жизни: воспоминания и размышления: материалы для истории моего времени. СПб., 2004. С. 410.
16 Еврейская жизнь. 1917. № 1.
17 *Дубнов С.М.* Указ соч. С. 422.
18 *Суханов Н.* Записки о революции. Пг., 1919—1923. 6 кн. С. 102.

[19] *Ленин В.И.* О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 164.
[20] См.: *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977. С. 349.
[21] См.: Там же. С. 352—353.
[22] Рассвет. 1918. № 1.
[23] Цит. по кн.: История евреев в России. М., 2007. С. 411. См. также: *Френкин М.* Русская армия и революция, 1917—1918. München, 1978. S. 250—253.
[24] *Краснов П.* Воспоминания о Русской императорской армии. М., 2006. С. 41.
[25] *Ленин В.И.* Речь на торжественном заседании пленума Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов МК РКП (б) и МГСПС, посвященном 3-ей годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 1.
[26] *Блюмштейн Ю.* // Кавказер вохенблат. 1919. 14 апр. Идиш.

Ш.Д. Батырбаева

Национальная политика советской власти по преодолению последствий восстания 1916 года в северном Кыргызстане: 100 лет изучения

В год столетия Великой Октябрьской революции, подводя итоги исторических исследований в Кыргызстане, можно констатировать, что так и не получило должного внимания исследование национальной политики советской власти по преодолению последствий восстания 1916 года как со стороны гражданского общества, так и академических кругов. Поскольку именно благодаря национальной политики советской власти были устранены за короткий срок последствия колониальной политики Российской империи, главное — последствия «Уркуна» (Великого Исхода), благодаря чему российская революция в нашей республике и сегодня определяется как «Великая Октябрьская социалистическая революция». На наш взгляд, в рамках реализации Указа Президента Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаева «О 100-летии трагических событий 1916 года»[1], после проведения ряда научно-практических конференций, других научно-популярных, культурных мероприятий, захоронения останков жертв на местах массовой гибели людей, логическим продолжением должно было бы стать широкое освещение деятельности советской власти по преодолению трагических последствий 1916 года. Поэтому в рамках настоящей статьи, на основе историографического обзора трудов ученых нашей республики будет проанализирована степень разработанности проблемы преодоления последствий восстания 1916 года в первые годы советской власти.

В изучении истории восстания 1916 года главную роль сыграли доклады, посвященные 15-летию восстания, руководителей Киргизской АССР Б. Исакеева и Ю. Абдрахманова, которые, являясь беженцами, пережившими все ужасы «Уркуна», через свое субъективное восприятие представили трагические последствия восстания только в отношении кыргызского населения. Так, Ю. Абдрахманов, Председатель Совнаркома Киргизской АССР, констатировал в докладе, что в результате бегства в Китай, действий карательных отрядов убыль людей исчисляется примерно около 150 тыс. человек. Далее отмечал, что русское кулачество, потерпевшее некоторый ма-

териальный урон в восстании 1916 года, создавало отряды, которые ездили по аулам и убивали киргизов, захватывали земли киргизского населения после ухода их в Китай и образовывали самовольческие поселки[2].

Секретарь Киробкома ВКП (б) Б. Исакеев в своем докладе, как и Ю. Абдрахманов, определял основные последствия восстания 1916 года также лишь в отношении беженцев и оставшихся на месте кыргызов[3], то есть излагал основные направления деятельности советской власти по преодолению его последствий — организация специальных комитетов «комбеж», специальных пунктов снабжения хлебом, осуществление земельно-водной реформы, землеустройство киргизов-беженцев[4]. Он отмечал, что переселенческие хозяйства по своему имущественному положению были неоднородны, и допускал, что малоимущие среди них также могли пострадать от восстания[5].

В то же время в сборниках документов о восстании 1916 года, опубликованных в Ташкенте, Москве, была зафиксирована информация о последствиях восстания для переселенцев. Так, во время восстания погибли 1342 мужчины и 1300 женщин, без вести пропали 1212 человек; среди новосельцев были разрушены мосты на реке Джергалан, один — на реке Большой Аксу, ряд мостов — на мелких речках Боомского ущелья; в пределах Пржевальского уезда сожжены 969 домов, разрушены 5 церквей, в двух селах сожжены школы Министерства народного просвещения (с интернатами для киргизских детей), 6 церковноприходских школ, уничтожены делопроизводство, кредитные товарищества и т.д.[6] При бегстве в Китай киргизы уводили с собой женщин и детей переселенцев, точное их количество до сих пор не установлено; по данным генерального консула в Кашгаре от 1 декабря 1916 г., свыше 60 женщин и детей были освобождены из плена[7]. Пострадали кроме переселенцев представители других национальностей; по данным китайского правительства, во время восстания в Пржевальске было убито свыше 400 китайских подданных и разграблено имущество 4000 китайцев[8].

Вышеприведенные статистические данные требуют критического анализа, насколько они соответствуют действительности. При этом фиксирование об этих явлениях информации в источниках позволяют утверждать, что от восстания, кроме кыргызов, пострадали и другие народы. Восстание явилось трагедией для всего населения, проживающего в этом регионе.

В этом плане представляет интерес позиция М. Белоцкого, первого секретаря Киргизского обкома ВКП (б), который в своей книге «Киргизская Республика» заявляет о том, что «Чрезвычайно важно отметить, что беззащитное русское население не пострадало от восстания. Сохранилось донесение, в котором указывается, что киргизы захватили несколько крестьянок с детьми в Пишпекском пригородном районе, но все они были отпущены без причинения им какого-либо вреда. Совершенно иная картина наблюдалась со стороны “славных” царских войск, которые с пушками и пулеметами шли против безоружного киргизского населения»[9]. Далее он, характеризуя достижения Киргизской Республики за 20 лет, оставил вне поля зрения деятельность советской власти по преодолению последствий восстания 1916 года.

Впервые в кыргызстанской историографии А. Чубуков в своем труде «Революционная борьба в северных районах Киргизии» обратил внимание на проведенные в этом направлении меры: «Местные органы советской власти провели огромнейшую работу по оказанию помощи ушедшим в 1916 году в Китай от преследования царских властей. В Семиреченской области был создан комитет по организации возвращения из Китая и оказанию им материальной помощи. Усилиями советских и партийных организаций за 1918 г. было возвращено из Китая несколько десятков тысяч киргиз,

получивших лучшие земли на территории Нарынского, Пржевальского и других уездов Киргизии. Разрешается вопрос о переходе киргизского населения из кочевого в оседлое положение»[10].

В целом, в 20—30-е годы XX в. были заложены основы для возникновения последующих научных концепций в изучении последствий восстания 1916 года, где главным следствием определялись результаты «Уркуна»; мероприятия советской власти по их предолению анализировались в освещении их деятельности по оказанию помощи беженцам, их землеустройстве, а также в проведении земельно-водной реформы, в уравнении права пользования водой и землей между переселенцами и кыргызами. К сожалению, не был поставлен вопрос, насколько серьезными были убытки региона в социально-хозяйственной, культурно-образовательной сфере, какой ущерб понесли хозяйствующие, предпринимательские и промысловые субъекты, какие социально-культурные, образовательные объекты были безвозвратно уничтожены и какие в последующем были возрождены. Главное, что катастрофические последствия восстания стали трактовать, как трагедию только кыргызского народа, а не всего населения, проживающего в регионе.

В последующем, в советский период, при анализе и осмыслении исследования последствий восстания 1916 года в контексте национальной политики советской власти существенных изменений не произошло. В утвержденном плане-проспекте глав 2 тома «Очерки по истории Киргизской ССР (апрель 1917—1950 гг.)», предлагалось освещать рассматриваемый период вокруг следующих тем: «Уничтожение Советами Киргизии режима национального гнета и проведение в жизнь постановления правительства о свободном развитии народов России и равноправии их. Борьба против колонизаторских наступлений кулачества. Мероприятия по обеспечению землею киргизского дехканства. Организация советским правительством всесторонней помощи киргизам-беженцам из Китая и устройству их на Родине»[11]. В этом плане изложение в многотомной истории Киргизской ССР, написанной коллективом Института истории Академии наук Киргизской ССР, демонстрировало официальную идеологию по освещению восстания 1916 года в Северном Кыргызстане. Как и прежде, констатировалось, что общая численность коренного населения в результате восстания уменьшилась на 119 215 человек. Подчеркивалось, что «Массовое истребление коренного населения сопровождалось неприкрытым произволом, грабежом и угоном скота и уничтожением десятков и сотен аилов», но не были указаны масштабы последствий для всего населения (не только коренного) и величина хозяйственного разрушения края[12]. Такой подход в изучении истории восстания 1916 года повлиял на характер и направления проводимых в последующем исследований.

После распада СССР, в условиях деидеологизации исторической науки и плюрализма мнений ведущими учеными были написаны учебники для вузов «История Кыргызстана», где последствия восстания оцениваются уже в человеческом измерении среди кыргызского населения, а деятельность государства по их преодолению также остается вне поле зрения[13]. В этом плане следует отметить учебник, изданный Кыргызско-Российским славянским университетом, где впервые его авторами были изложены факты о последствиях восстания для переселенцев, «только в Пишпекском и Пржевальском уезде из числа мирных жителей было убито среди переселенцев 2277, ранено 834, пропало без вести и взято в плен 1364 человека, имущественно пострадали 6024 человека»[14]. В последующем доработанном издании также подчеркивалось, что восстание имело трагические последствия для всего населения, проживающего в регионе, правильно обращали внимание на то, что восстание 1916 года

сопровождалось рядом кровавых межнациональных столкновений, от которых пострадала часть переселенческого и коренного населения края, что повстанцы нередко видели во всех пришлых русских, украинцах своих угнетателей, не особенно разбираясь в их социальной дифференциации и, как правило, отождествляли колониальных угнетателей со всей Российской империей и русским народом в целом[15].

В вышеуказанных работах, к сожалению, не были освещены вопросы, как советская власть преодолевала негативные последствия восстания. В этом плане следует отметить учебник «История Кыргызской Республики» Дж.С. Бактыгулова и Б.Ч. Чокушева, которые изложили достаточно четко и доступно в рамках учебного пособия политику советской власти по оказанию помощи беженцам, открытию питательных и медицинских пунктов, а также охарактеризовали деятельность Особой комиссии ТуркЦИК и Комитета беженцев по устройству вернувшихся беженцев[16].

Проводя обзор учебных пособий по истории Кыргызстана, предназначенных для студентов высших учебных заведений, изданных в советский и постсоветский периоды, в дальнейшем, на наш взгляд, необходимо изложить последствия восстания, как трагедии всего населения, кроме демографических, осветить масштабы разрушения во всех сферах развития региона, соответственно провести комплексный анализ деятельности органов советской власти по предолению последствий восстания для всего региона. Такой подход может внести определенные изменения во взглядах молодого поколения, предложив объективную трактовку событий столетней давности, а именно, что восстание 1916 года было трагедией всего населения региона, в которой больше всех пострадали кыргызы.

В этом плане при использовании работы К. Усенбаева «Восстание 1916 года в Киргизии» следует учитывать, что она была написана к 50-летию Великой Октябрьской революции, и данная работа демонстрировала историческое значение ленинской национальной политики в судьбе кыргызского народа. Скорее этим можно объяснить, что в своем исследовании он на основе архивных источников приводит обширные данные о том, что «кулаки и другие представители царских колонизаторов часто собирались в группы или отряды и, вооружившись, выезжали в киргизские аилы, откуда возвращались с огромным количеством скота и награбленного имущества». Далее указывает, что при разграблении киргизского кыштака Утеген Пишпекского уезда увезли 826 одеял, 59 подушек, 251 национальный мешок, 183 шт. веревок, 96 ковров, 8 швейных машин, 141 тулуп, 29 шуб, 263 национальных халата, 13 тыс. пудов пшеницы и 27 тыс. руб. денег; далее перечисляет, что было жестоко разграблено и разорено население Каракечинской, Курманкоджинской, Абаильдинской, Саяковской, Сусамырской и других волостей[17]. Соответственно в конце раздела «Поражение восстания и его причины», исходя из установленных последствий, в наиболее общей форме дает характеристику деятельности советской власти по их устранению. В частности, освещает деятельность специальных комитетов, получивших название «комбежей» и занимавшихся сбором хлопка, продовольствия, скота, одежды, обуви, кошм, частей юрт и пр., а также «питательных пунктов» для оказания помощи голодавшим кыргызам на путях следования беженцев, по снабжению их хлебом; анализирует деятельность особой комиссии, учрежденной специальным приказом ЦИК Туркестанской ССР от 3 февраля 1920 г., для оказания помощи беженцам. На основе архивных документов показывает мероприятия советской власти по возвращению имущества, скота, самовольно захваченных после подавления восстания «кулаками-переселенцами»; также отмечает, что советской властью были приняты все необходимые меры по ликвидации национального недоверия между коренным и русским населением. Как

одно из направлений преодоления последствий выделяет деятельность организации бедноты «Кошчи» и ее роль в проведении земельно-водной реформы[18].

К.У. Усенбаев в наиболее общей форме констатирует общеизвестные демографические потери среди переселенцев, не анализирует масштабы последствий для других народов, проживающих в регионе, вне поле зрения остаются масштабы хозяйственного разорения региона. Тем самым, изучение последствий восстания проводилось, как в предыдущие годы, в основном как трагедия кыргызского народа, а не всего населения региона — русских, украинцев, белоруссов, татров, дунган, уйгуров и т.д. Поскольку труды К. Усенбаева до сих пор являются фундаментальными исследованиями по истории Кыргызстана в начале XX в., в том числе, единственными — по истории восстания 1916 года, то в последующих изысканиях кыргызстанские ученые придерживаются его концепции[19]. В этом плане следует выделить работу Д. Будянского «История беженцев-кыргызов (1916—1927 годы)», где впервые на основе широких архивных данных развернуто анализируется национальная политика советской власти по регулированию аграрных, национальных отношений, как важное условие решения проблемы беженцев, проводится анализ деятельности созданных для этой цели организаций (комбеж, питательные пункты и др.), освещается деятельность особой комисси ТуркЦИК, а также, разделяя на несколько этапов возвращение беженцев в 1918—1927 гг., дается оценка в целом работе государственных органов[20]. Монография выиграла бы, если были бы отражены судьбы беженцев других национальностей, а также уводенных в плен русских, белорусов, украинцев, поскольку были отмечены отдельные случаи, когда на чужбине семьи создавали кыргызы и русские.

В целом, в советский период масштабы последствий восстания воспринимались как «Уркун» и связывали его, главным образом, с бегством кыргызов в Китай. Соответственно, в рассматриваемый период постановка проблемы и проведение комплексного исследования о последствиях восстания и целенаправленный анализ национальной политики советской власти по их преодолению не были актуальны, скорее, эту тему осознанно обходили[21]. Данная проблема в аспекте обустройства беженцев-кыргызов и ликвидации аграрной политики царской России освещалась в основном в рамках исследования истории Великого Октября, гражданской войны, осуществления земельно-водной реформы и государственного строительства[22].

К сожалению, вне поля зрения осталась деятельность партийных и государственных органов по регулированию межнациональных отношений после восстания 1916 года, не была отражена разъяснительная работа, проведенная среди населения в целях успешного осуществления аграрных преобразований[23], не раскрыта роль культпросветучреждений, проводивших огромную работу, благодаря которой межнациональные отношения не были обострены[24]. Эти вопросы, так же, как и в других исследованиях, излагались с классовой позиции, национальная политика также рассматривалась только в аспекте выравнивания прав между народами[25]. Об этом свидетельствует Инструкция Семиреченского совета народных комиссаров по улаживанию и урегулированию русско-киргизских отношений от 11 апреля 1918 г., в которой отмечалось:

«1. Принять все зависящие меры к прекращению гонений и мести по отношению одной нации к другой. 2. Объединить все трудовые массы всех наций в одно целое и отделить их от тунеядцев, живущих чужим трудом, в момент социально-интернациональной революции нет места вражде на почве национальности.... 3. Принять самые энергичные меры к сохранению жизней на почве голода и повальных болезней вплоть

до беспощадной реквизиции излишков хлеба и скота, как у русского населения, так и у киргизов-скотопромышленников»[26]. Результаты этих работ позволили преодолеть межэтнические конфликты в регионе, вызванные восстанием и «Уркуном».

В постсоветский период, несмотря на актуализацию темы восстания 1916 года на волне национального возрождения, не были преодолены тенденциозные позиции и одностороннее ви́дение. Рассматриваемая проблема практически не была исследована, в этом плане представляют интерес выводы А. Джакишева, сделанные, на основе ранее известных фактов, в статье «Национальный вопрос и уроки восстания 1916 года», где он в сжатой форме определяет основные направления деятельности советской власти по преодолению последствий восстания 1916 года. «Таким образом, проведенные Советской властью первые мероприятия по осуществлению ленинской национальной политики способствовали изжитию национального недоверия и вражды, нормализации национальных отношений, укреплению единства всех наций и народностей. Благодаря последовательному проведению ленинской национальной политики по восстановлению нарушенных прав и жизненных интересов кыргызского народа, возвращение ему утраченных посевных земель, пастбищ и скота, выделение материальных и денежных средств для восстановления хозяйства, организация бесплатного питания голодающим беженцам и оказание безвозмездной помощи русского переселенческого трудового крестьянства в восстановлении кыргызских хозяйств способствовало налаживанию добрососедства и сотрудничества между кыргызским и русским народами»[27]. К сожалению, как и в советский период, в понятие «последствия восстания», автор при изучении данного вопроса не учитывал многомерность данного явления, а именно то, что пострадали от восстания и другие жители региона, что имели место катастрофические разрушения десятилетиями строившейся инфраструктуры региона (населенных пунктов, школ и т.д.).

Обзор изучаемой литературы в советский и постсоветский период показал, что последствия восстания, за исключением демографических, не стали объектом специального исследования. До сих пор полностью не выявлены масштабы последствий восстания для всего населения, для всех категорий хозяйств, не определен масштаб хозяйственной разрухи региона, не осмыслены особенности этноконфессионального, социального конфликта в регионе. Для этого необходимо в дальнейшем провести анализ последствий восстания на микроуровне как разрозненных и уничтоженных сел переселенцев, так и селений «казаков», «старожилов», «новоселов». Следует полностью установить район самовольно захваченных земельных участков и выяснить механизм их возврата, так как в некоторых местах, наряду с кыргызскими, были обустроены русские, татарские и дунганские семейства. В этом плане надлежит считать аграрные преобразования советской власти, осуществленные в период 1918 г. — 1920-х годов, как меры по устранению последствий восстания; проведение земельно-водной реформы в 1921—1922 гг., как преодоление последствий аграрной политики царской России в крае.

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что для объективного и беспристрастного исследования всей глубины данной трагедии необходимо проведение комплексного анализа масштабов последствий восстания, что позволит по-новому взглянуть на эту трагедию, в определенной мере снизить накал среди гражданского общества, поставить заслон появлению бытового национализма. Всестороннее изучение национальной политики советской власти по преодолению последствий восстания 1916 года будет способствовать пониманию исторического значения осуществленных советской властью в этом направлении мероприятий не только в судьбе кыргызского

народа, но и всего населения региона, приведшей к формированию полиэтнического советского общества. В целом, результаты такого рода исследований создадут возможность объективных и беспристрастных дискуссий по данной проблеме.

[1] Указ Президента Кыргызской Республики «О 100-летии трагических событий 1916 года». URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/5931_prezident_almazbek_atambaev_podpisal_ukaz_o_100-letii_tragicheskih_sobyitiy_1916_goda_/

[2] *Абдрахманов Ю.* Доклад председателя Совнаркома Киргизской АССР Юсупа Абдрахманова на торжественном заседании, посвященном 15-летию восстания. URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7300

[3] *Исакеев Б.* Киргизское восстание 1916 года: (доклад на Собрании рабочих «Интергельпо» и железнодорожников, в связи с 15-тилетием восстания 1916 г.). [Фрунзе]: Киргосиздат, 1932. С. 38.

[4] Там же. С. 42—43.

[5] Там же. С. 20.

[6] Восстание 1916 года в Средней Азии: сборник документов. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. С. 150; Восстание 1916 года в Киргизстане. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 91, 96—97.

[7] Восстание 1916 года в Киргизстане. С. 108.

[8] Там же. С. 91.

[9] *Белоцкий М.* Киргизская Республика: популярный очерк. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 28.

[10] *Чубуков Я.А.* Революционная борьба в северных районах Киргизии (1917—1918 гг.). Фрунзе: Изд-во Ком-та наук при СНК Кирг. ССР, 1941. С. 62.

[11] Очерки по истории Киргизской ССР (апрель 1917—1950 гг.). Проспект глав. Б.м.: Изд-во Киргиз ФАН СССР, 1953. Т. II. С. 8.

[12] История Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1968. Т. 1. С. 683.

[13] История Кыргызстана, XX век. Бишкек: Кыргызстан, 1998. С. 19; *Асанканов А.А., Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана. Бишкек, 2002. С. 273; *Асанканов А.А.* История Кыргызстана. Бишкек, 2009. С. 257.

[14] История Кыргызстана и кыргызов. Бишкек: КРСУ, 2003. С. 188—189.

[15] *Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д., Абдырахманов Т.А.* История Кыргызстана и кыргызов. Бишкек: КРСУ, 2015. С. 265.

[16] *Бактыгулов Дж.С., Чокушев Б.Ч.* История Республики Кыргызстан: учеб. пособие. Бишкек, 1993. Ч. 1. С. 79.

[17] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе: Илим, 1967. С. 225—226.

[18] Там же. С. 249—253.

[19] *Абытов Б.К.* 1916 год: полемика вокруг восстания кыргызов. URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7192; *Шейшеканов Т.* Колдогу которулуш. Бишкек, 2003.

[20] *Будянский Д.* История беженцев-кыргызов (1916—1927 гг.). Бишкек, 2006. С. 110—137.

[21] *Узбеков С.* Северная Киргизия в период гражданской войны (1918—1920 гг.). Фрунзе: Илим, 1973; *Зима А.Г.* Великий Октябрь в Киргизии. Фрунзе: Илим, 1987; *Шерстобитов В.П.* : 1) Новая экономическая политика в Киргизии (1921—1925). Фрунзе: Илим, 1964 ; 2) Ленин и крестьянство Советского Востока: (на материале Кирг. ССР). Фрунзе: Илим, 1969; *Малабаев Д.М.* Революционные комитеты Киргизии (1918—1923 гг.). Фрунзе: Илим, 1985; *Данияров С.С.* Становление киргизской советской культуры (1917—1924 гг.). Фрунзе: Илим, 1983.

[22] *Бактыгулов Дж.С.* Историография истории Советского Киргизстана (1918—1940 гг.): учеб. пособие. Фрунзе, 1986. С. 15—43, 99—109.

[23] *Шерстобитов В.П.* Ленин и крестьянство Советского Востока. С. 99.

[24] См.: *Данияров С.С.* Указ. соч. С. 143—198.

[25] Там же. С. 120—150.

[26] Победа Октябрьской революции в Киргизии: сборник документов, 1917—1918. Фрунзе: Илим, 1977. С. 195.

[27] *Джакишев А.* Национальный вопрос и уроки восстания 1916 года // Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. Бишкек, 2016. Т. 6. С. 132.

Д.А. Аманжолова

Революция 1917 года и проблемы политической консолидации народов Казахстана и Средней Азии

Динамика перехода народов России от традиционализма к модернизации различалась. В ходе революции, несмотря на общность вероисповедания большинства населения современных Казахстана и Средней Азии[1], достаточно явственно обнажились существенные отличия в характере и масштабах влияния политических катаклизмов в столицах и европейской части России на данные регионы, в динамике политических событий, а также в реакции на них разных этносоциальных групп и поведении национальных элит по мере углубления кризиса в стране. Наибольшие результаты в политической и хозяйственной инкорпрорации в российскую систему были достигнуты в Казахстане. Позднее присоединенный среднеазиатский регион отличался бóльшими различиями не только с точки зрения прочности аналогичных связей, но и в управленческом плане, а также этническим составом населения. В Казахстане очевидным был прирост русскоязычного населения, особенно крестьянского[2]. Интенсификация межкультурных контактов подстегивала оформление этнического дискурса и осмысление образованной частью общества сути «казахскости». Не случайно самоопределение «казах» появляется в 1913 г. в названии общенациональной газеты, а выработка «национального» проекта шла в направлении от интереса к общероссийской и даже международной культурно-языковой и религиозной солидарности к локальной этноцентристской. В Средней Азии так называемый «европейский» компонент был представлен значительно меньше[3], а мусульманское большинство отличалось значительной пестротой. При этом казахи были самым крупным кочевым народом России.

Главную роль в этнополитической консолидации играла образованная часть коренного населения, однако численность ее была крайне мала[4]. В Туркестане острый недостаток русских чиновников, особенно знающих местные языки, делал туземную администрацию почти неподконтрольной. У мусульманского населения, не владевшего русским языком, складывалось стойкое убеждение в ответственности именно русской власти за все, что делают туземные чиновники. Российская власть не ставила задачи формирования национальной идентичности подвластных народов, но взаимодействие политических изменений, социальных, культурных и иных факторов влияло на медленную кристаллизацию этнической самоидентификации народов региона, прежде всего благодаря возникновению у них образованного слоя.

Несмотря на небольшую численность, представители реформаторской элиты в Средней Азии в начале XX в. развернули достаточно активную и плодотворную культурно-просветительскую деятельность. На развитие джадидского движения большое влияние оказали мусульманская печать, прежде всего татарская, а также религиозные реформаторы Поволжья. Возглавляемые национальной буржуазией, среднеазиатские джадиды включали в свои ряды представителей разных социальных групп. При этом если туркестанские джадиды ориентировались на российский проект политической модернизации, то бухарские учитывали турецкую модель. К 1917 г. туркестанские

реформаторы подошли с попыткой создания некой политической организации[5]. Используя опыт 1905—1907, 1913—1914 гг., джадиды после падения самодержавия активно возрождали национальную периодику[6]. Общероссийские политические партии имели влияние прежде всего среди русского населения и в городах. Национальная демократия в общероссийских партиях была немногочисленна или практически не представлена, за исключением некоторых казахов[7]. Несколько казахских демократов во главе с Букейхановым накануне революции активно сотрудничали с представителями политического класса России через структуры Думы[8] и Земгорсоюза. После государственного переворота 3 июня 1907 г. народы Средней Азии и Казахстана не могли участвовать в выборах.

Наряду с политически слабой группой т.н. казахских «тюркофилов», ориентировавшихся на мусульманское единство народов региона, в казахском политическом «поле» к 1917 г. появились и немногочисленные левые (А. Джангильдин, Т. Рыскулов, К. Тогусов, С. Сейфуллин, А. Кенжин). Социал-демократические группы в 1914—1916 гг. подпольно действовали в Омске и Петропавловске, эсеры были разрозненны и предпочитали легализоваться через кооперацию. Сторонниками либерализма, прежде всего кадетов, были организаторы газеты «Казах» во главе с Букейхановым, хотя их взгляды соединяли разные идеи и принципы либерализма, социализма и национализма. Казахские демократы в сравнении со среднеазиатскими оказались наиболее светски образованными и интегрированными в общероссийское культурное и политическое пространство. Потребности духовно-религиозной модернизации и проблемы консолидации с мусульманскими структурами России они подчиняли этнополитическим задачам. Расширение зоны контактов с имперской и русской культурой, как и интенсификация межкультурного взаимодействия, подвигли казахскую элиту к более четкому определению своей идентичности и культурной самоценности этноса, призванного не только приобщаться к более развитой части российского социума, но и сохранять и укреплять собственную многомерную целостность.

В Средней Азии этноидентификация не была первостепенной в иерархии общественно-политических приоритетов, а понятие «нация», особенно быстро распространяясь в информационном пространстве 1917 г., толковалось с учетом реальных консолидирующих факторов — духовных, административно-территориальных и хозяйственных[9]. Ислам стал индикатором политического самосознания для среднеазиатских народов. Конкретной политической программы даже радикальная часть джадидов к февралю 1917 г. не имела, выступая за демократию и конституцию, расширение прав коренного населения в органах власти вплоть до Думы и свободы печати. Быстро растущая политическая активность русского населения подталкивала их к более активным действиям, в т.ч. в организационном плане (слияние в более крупные организации и региональные съезды). Джадиды занимали центристские позиции, правые поддерживали Временное правительство при сохранении традиционных устоев. Среди левых были сторонники ханской власти, противники колониальных властей и религиозные реформаторы. Весь 1917 г. прошел под знаком усиления идейной пестроты в рядах национальных политактивистов[10]. Лишь в связи с обострением ситуации в Ташкенте и российских столицах осенью 1917 г. на повестку дня встал вопрос об автономии.

Впрочем, все встретили падение монархии с большим воодушевлением, поддержав Временное правительство. В общественных настроениях доминировали ожидания преодоления статусного неравенства и признания культурного разнообразия нормальным, не подлежащим административной унификации. При этом в этнополитическом сегменте произошло выделение правых, стремившихся максимально законсервиро-

вать имевшийся порядок управления, который Временное правительство менять не спешило, и левых, среди коих разноголосица мнений распространялась от умеренных в «Шурои-Уламо» до радикалов во главе стихийной массы, позже выросшей в т.н. басмачество. Между ними располагались джадиды из «Шурои-Исламия», «Туран» и др. Социалистические настроения выражал «Иттифак» — Союз трудящихся мусульман, связанный с «европейскими» меньшевистско-эсеровскими советами. Строгих барьеров между этими организациями не было, политические настроения в них были изменчивыми, но разделения по этническому признаку не происходило, доминировали мотивы ликвидации царских порядков и администрации. Важную роль в политизации коренного населения сыграли трудности войны, растущий голод и последствия восстания 1916 г.

Между тем организационно-политическая инициатива была у «европейских» советов, которые уже в марте стали объединяться, а националы при подготовке выборов в Ташкентский горисполком с трудом согласовали свой список кандидатур. Был создан и совет «Шурои-Исламия», имевший полиэтничный и разношерстный идейно-политический состав. Он ставил задачи распространять современные политические и прочие идеи в массах, собрать информацию о зарубежных системах власти и готовиться к выборам в Учредительное собрание[11].

В целом мусульманские структуры в организационном развитии фактически шли вслед за образцом, который демонстрировали местные «европейцы». П. Юсупов свидетельствовал: хивинские демократы «не знали, что такое воля» и именно от русских солдат получили поддержку и прямой совет, как участвовать в революции[12]. Во второй половине апреля сразу за I краевым съездом советов и съездом делегатов исполкомов советов (на последнем была поддержана идея федерации в России) I краевой съезд мусульман создал Краймуссовет. Делегаты разделились на федералистов и их противников, среди первых обнаружились сторонники лишь культурной автономии, но в итоге была поддержана автономия края в составе демократической федеративной России[13]. Эта позиция подкреплялась решением I Всероссийского мусульманского съезда в мае. Как вспоминал глава краевого муссовета М. Чокаев, «на съезде ни один голос не выступил за отделение от России». М. Бехбуди, разъясняя смысл автономии, писал о необходимости в ней парламентаризма, сохранения культуры коренного населения и учета интересов всех туркестанцев, независимо от религиозной принадлежности[14]. Этнический критерий идентификации по-прежнему не рассматривался.

Консолидация на религиозной основе в определенной мере служила способом сгладить внутренние противоречия в рядах малочисленного этнополитического слоя. А. Фитрат «ради Бога, религии, Родины и нации» призывал объединиться джадидов, кадимов, мулл и богатых людей, закрыв глаза на имеющиеся амбиции и «классовые деления»[15]. Таким образом, никак не связывая с этничностью понятие «нация». Раскол в июне и выделение «Шурои-Уламо» связаны с различиями в трактовке пределов и самой необходимости исламской модернизации. Нациестроительство, как оно сегодня понимается, не стояло в повестке дня ни центра (царского и Временного правительств), ни туркестанских националов-демократов. То же касается «Иттифака», консолидировавшего вокруг себя бывших тыловиков и другие рабочие организации, и Краймуссовета. Активную роль внутри национальной демократии стали играть получившие светское образование интеллигенты, знавшие русский язык.

Туркестанские федералисты объединились на съезде в Фергане (июль 1917 г.), приняв решение о создании мусульманской политической партии. В августе на выборах в Ташкентскую городскую думу и в других городах джадиды-прогрессисты не смогли преодолеть авторитет более консервативных улемов, что обусловило расхож-

дения во внутримусульманском движении. Соперничество Турккомитета Временного правительства с КРАСом[16] вынудило Краймуссовет искать компромиссный вариант формирования краевой власти. Но 12 сентября большевики и левые эсеры заявили о захвате власти в Ташкенте, и 24 сентября в городе и крае вводится военная диктатура.

В Казахстане быстро формировались этнополитические структуры, казахская элита участвовала и в создании коалиционных органов власти. Более успешной консолидации национальных сил способствовало почти монопольное положение газеты «Казах» в информационном поле, а этноцентризм стал отличительной чертой организационного строительства. Показательно, что казах Ж. Досмухамедов на Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. по поводу мусульманского единства (национально-культурной автономии) заявил: «создать единую мусульманскую нацию, объединив мусульманские народы», безусловно, невозможно, а сторонник этой идеи Цаликов просто не знает, что есть нация[17]. В итоге на съезде победили федералисты. В учреждениях Временного правительства от Туркестанского комитета до местных работали практически все лидеры общественного мнения. Они же вскоре приступили к созданию национальной партии. 1917-й г. стал временем быстрого создания казахских комитетов[18], которые вместе с советами и всевозможными гражданскими структурами включались в организацию местного самоуправления, были активными участниками создания земств, центрами этнополитической активности и звеньями нарождавшейся сети движения Алаш. После провозглашения автономии в конце 1917 г. они же переросли в органы автономной власти.

По мере развития революции среди среднеазиатских и казахских демократов наиболее популярной стала идея автономии на основе решений Учредительного собрания и образования Российской демократической федерации. Лидеры «Шурои-Исламия» пытались сблизить позиции джадидов и традиционалистов, чьи интересы отстаивала «Шурои-Уламо»[19]. Сохраняя мусульманскую солидарность и отдавая приоритет духовно-религиозным проблемам, среднеазиатская политическая элита становилась более сложной по социальному составу, делилась не только на консервативную и модернизаторскую в культурно-просветительском плане, но и вовлекалась в российские партии. Все поддерживали региональную консолидацию и понимали, что «вступление в русские организации не приносит нам много пользы»[20]. В борьбе двух проектов — демократического с идеей Учредительного собрания и социалистического — националы поддерживали первый. «Шурои-Исламия» предпочитала готовиться к выборам в собрание, «Шурои-Уламо» во главе с С. Лапиным предлагал создать «чисто мусульманскую автономию», что вызвало отторжение со стороны т.н. прогрессистов, считавших эти идеи утопичными и антинациональными[21].

Автономизм оказался наивысшим и самым радикальным пунктом в эволюции политических приоритетов среднеазиатских и казахских активистов революции. Но для первых он не был связан с политизацией этничности, религиозная консолидация оставалась первичной. Член Краймуссовета М. Бехбуди в июне 1917 г. писал о поддержке российского федерализма и желании «не отделяясь от России» ввести такой парламентаризм в Туркестане, который обеспечил бы учет интересов «всех туркестанцев, будь то еврей, христианин или мусульманин»[22]. Мусульманская солидарность была приоритетной и для «левых» организаций «Иттифок», объединявших низы. Определяющим для масс было требование социальной справедливости. Председатель Тургайской облуправы Ткаченко весной 1917 г. отмечал: русское и казахское крестьянство слабо представляет различия между партиями и единодушно в призывах ко всем «спасти народ, Россию, бросить распри»[23].

В Казахстане развитие шло от апробации политических интересов в общероссийских партиях к созданию этноцентристской партии Алаш и после прихода в столице большевиков к власти провозглашению на ее основе автономии. Планируемая как часть Российской демократической федерации по решению Учредительного собрания, она предусматривала включение в состав правительства представителей некоренного населения. В Туркестане идея автономии впервые была озвучена в июле 1917 г., причем толчком послужило известие о создании на Украине Центральной Рады. Важным стимулом стали и решения I всеказахского съезда в Оренбурге (21—26 июля). На туркестанцев оказывали влияние башкирские и азербайджанские деятели, непосредственно принявшие участие в ташкентских событиях (А.З. Валиди) или наезжавшие в край поделиться опытом (А. Амин-Заде). Это разностороннее воздействие отчетливо прослеживается в программе так называемой Партии тюркских федералистов, провозглашенной на съезде мусульманских организаций в июле 1917 г.[24]

Попытка объединить усилия туркестанских и казахских (от Тургайской и Уральской областей) мусульман состоялась 17—20 сентября на съезде в Ташкенте практически сразу после резкого усиления роли советов и левых «европейских» сил, подстегнутого, в свою очередь, обострением ситуации в Петрограде. Однако решение съезда о будущей Туркестанской федерации в составе Российской республики не привело к объединению казахских и туркестанских автономистов. Более того, взятие власти большевиками заставило тех и других осознать необходимость самостоятельных действий, к чему подтолкнули их и местные левые, упорно боровшиеся за полновластие советов. При этом лидеры Алаш вплоть до декабря осмотрительно вступили в союз с сибирскими областниками. Туркестанские демократы, не имея аналогичного регионального партнера и не получив поддержки со стороны алашевцев в своих претензиях на лидерство в возможном азиатском альянсе, в ноябре заявили о нейтральной позиции в отношении и свергнутого Временного правительства, и большевиков[25]. Неприятие большевистской власти и радикализация националов вплоть до вынужденного провозглашения Туркестанской автономии в Коканде в ноябре были вызваны действиями местных большевиков, отвергших право коренного населения на политическую самостоятельность. Но верность идее Российской федерации была зафиксирована в решениях о создании и этой автономии, и Алашской.

Контроль со стороны советов города Туркестана не позволил автономистам, несмотря на поддержку со стороны мусульманского населения, обеспечить реальную власть и дееспособность. Младохивинцы не смогли противостоять ханской власти и бежали в Ташкент, пытаясь в декабре заручиться поддержкой советских лидеров, а в январе 1918-го — кокандских автономистов. К лету 1918 г. младохивинцы сформулировали свою программу, включая вступление в состав ТАССР и РСФСР[26]. Алашская автономия оказалась более «живучей», заставив в 1918—1919 гг. считаться с собой как большевиков, так и антисоветские силы. На территории современной Туркмении борьба т.н. евротуркмен против старой знати в лице Махтумкули-хана развивалась на фоне противостояния представителей российской власти и попыток левых обрести власть. Евротуркмены предлагали разделить управление на городское вместе с «европейцами» и сельское (аульное), где власть бы принадлежала коренному населению. Это не предполагало политического самоопределения, меж тем в 1918 г. за власть в Закаспии соперничали уже не только левые (большевики, эсеры, меньшевики), но и английские интервенты. Все они пытались использовать символический авторитет традиционной системы в лице Махтумкули[27].

Непосредственное участие в установлении советской власти приняли немногие представители коренного населения. Среди казахов лишь А. Джангильдин всту-

пил в партию большевиков до 1917 г., а в 1924 г. из 190 руководителей КАССР вплоть до уездов казахов было 38, в целом партстаж до 1917 г. имели 4, с марта по октябрь 1917 г. — 25, 1917—1919 гг. — 93[28]. По материалам партпереписи 1922 г., в Компартии ТАССР было 2 узбека со стажем до 1917 г., 4 — с 1917 г. и 609 с 1918 г.[29]

Политический актив Туркестана не мог преодолеть культурный барьер между т.н. «европейцами» и мусульманским сообществом, а внутри каждого из этих массивов происходили сложные политические процессы. «Европейцы» еще до революции самоопределились в партийном плане, тогда как именно слом монархии и объективная необходимость участвовать в формировании новых структур власти и управления подтолкнула мусульманскую элиту к политической самоидентификации. Для большинства в такой идентификации на первом месте оказались задачи государственного переустройства региона, а модель партийного строительства, привносимая российскими деятелями, не представлялась существенной. Критерии этничности также объективно не были востребованы.

В представлениях о справедливости как доминирующей социальной ценности преобладали политические и, в случае элит, конъюнктурные факторы, причем от февраля к октябрю их значение все более возрастало. Поиск более рационального и признаваемого большинством нового государственного порядка функционирования и консолидации этноконфессионального и социального разнообразия породил в регионах бывшей империи во многом сходные проекты. Национальные элиты и центры политической силы на местах при слабости и неустойчивости общегосударственной власти возглавили очаги самоорганизации. Но стабилизация и интеграция столь разнообразного социально-культурного, политического и многонационального пространства оказалась им не под силу, во многом вследствие разного смыслового наполнения динамично менявшейся ситуации.

1 О подходах к названию региона см.: *Сиверс В.* Развитие взглядов на понятия «Центральная Азия», «Средняя Азия», «Горная Азия» и «Внутренняя Азия» в классической немецкой и русской географии. URL: http://geo.1september.ru/article.php?ID=200303007 (дата обращения: 10.11.2005); *Абишева О.* Центральная Азия как культурно-исторический регион. URL: http://www.centrasia.ru/news.php?st=1403736000 (дата обращения: 26.06.2014); *Sultangalieva G.S.* The Place of Kazakhstan in the Studyof Central Asia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. N 2. P. 346—358; *Абашин С.[Н.]* Рец. на кн.: Gorshenina S. Asie centrale. L'invention des frontiers et l'heritage russo-sovietique. P.: CNRS, 2012; *Gorshenina S.* L'invention de l'Asie centrale: Histoiredu concept de la Tartari ea l'Eurasie. P.: Librairie Droz, 2014 // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 147—156.

2 История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Алматы: Атамура, 2000. Т. 3. С. 567, 570.

3 История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1967. С. 16.

4 На 1897 г. образовательный уровень казахов составлял 2,7%, доля умеющих читать среди туркмен составляла 2,1%, киргизов — 0,8%, в целом у мусульман региона — менее 5%. Среди народов всего региона служащие, представители свободных профессий, чиновники, военнослужащие и духовенство с членами семей составляли 2,7% от их общей численности, лица с образованием выше начальной школы — 0,02%. В аппарате администрации, суда, полиции и в других общественных учреждениях Казахстана работали 4469 казахов — 0,54% занятого населения. См.: *Игибаев С.К.* Казахстан в источниках и материалах [Электронный ресурс]. Усть-Каменогорск, 2010. 394 б. URL: http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963 (дата обращения: 13.02.2015); *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. С. 231, 298, 299. Современные узбекские историки считают, что среди коренного населения (казахи, каракалпаки, кыргызы, таджики, туркмены, узбеки) доля грамотных (в т.ч. азбучно грамотных) в 1917 г. составляла 15—16%, а удельный вес грамотных среди сельского населения местных национальностей Туркестана был почти на 3 пункта выше соответствующего показателя по России (История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX — начало XX века). Самарканд: МИЦАИ, 2012. С. 234).

5 В Бухарском эмирате они были вне закона и представляли единственную оппозиционную силу (около 4 тыс. человек), направляя усилия на просвещение и воспитание, в Хивинском ханстве

джадиды действовали легально и главным образом в школьной сфере. См.: *Гафаров Н.У.* Джадидизм в Средней Азии в конце XIX — начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Душанбе, 2014. С. 27—30.

6 Малочисленные младохивинцы (П. Юсупов, Б. Салимов, Н. Шаликаров и др.) к 1917 г. не имели конкретной программы, влияния и опоры в массах, хотя уже 5 апреля вынудили Асфандияр-хана подписать манифест о созыве маджлиса, дав импульс политическим реформам. Однако в борьбе со сторонниками хана осенью 1917 г. лидеры младохивинцев были арестованы и осуждены, в декабре бежали в Ташкент. См.: *Полвонов Н.* История социальных движений и политических партий Хорезма (1900—1924). Ташкент: Akademnashr, 2011.С. 50—54.

7 В мусульманских организациях участвовали Ж. Досмухамедов, В. Таначев, А. Букейханов, кадетских — М. Тынышпаев, Х. Досмухамедов, Ж. Сейдалин, А. Букейханов. Во время учебы в столице Тынышпаев вступил в партию эсеров, позже был одним из организаторов эсеровского союза автономистов-федералистов в Асхабаде и Ташкенте. Во II Думе числился в кадетской фракции.

8 В I Думу были избраны 3 казаха (из 23 мусульман-депутатов), в Туркестане выборы не успели состояться. Во II Думу попали 6 казахов, 3 узбека и 1 туркмен. 5 депутатов, избранных от коренного населения Туркестана, примкнули к мусульманской фракции (близкой по своей политической ориентации кадетам), 1 — к кадетам, при этом русский язык знал только казах М. Тынышпаев. См.: *Циунчук Р.А.* Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной Думе России 1906—1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века) / отв. ред. П.И. Савельев. М.: МОНФ, 1997. С. 176—223; *Котюкова Т.В.* «Право», которого не стало: полит. дискуссия о туркестанском представительстве в Государственной думе. URL: http://www.fergananews.com/articles/7237 (дата обращения: 2.07.2014).

9 Вывод о том, что поскольку в начале XX в. имперский режим самоустранился от взаимодействия с «массовым обществом» и скомпрометировал себя, самоорганизация «массового общества» тяготела к «нациецентризму» (при наличии разных версий нации и отсутствии доминирующей), подтверждается событиями 1917 г. См.: Исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии». Гл. 10: XX век: Империя в эпоху массового общества, ч. 1: Крах режима русской национальной империи // Ab Imperio. 2016. 1. С. 345—347.

10 *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии = (Туркистон Мухторияти). Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006. С. 53, 56—58, 67—68.

11 Там же. С. 72—77.

12 *Полвонов Н.* Указ. соч. С. 50—51.

13 *Агзамходжаев С.* Указ. соч. С. 117—120.

14 Там же. С. 120—122.

15 Хуррият. 1917. 25 июля.

16 КРАС — Краевой совет рабочих и крестьянских депутатов.

17 История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX — начало XX века). С. 284—285.

18 См.: *Абылгазина А.* Казахские комитеты в 1917 году // Мысль. 1998. № 3. С. 84—87.

19 История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX — начало XX века). С. 281—282.

20 Правда, это вновь были казахи: М. Чокаев «был связан с кадетами», С. Асфендиаров примыкал к социал-демократам, С. Лапин — к монархистам. См.: *Валиди Тоган Заки*. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 118.

21 История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX — начало XX века). С. 282.

22 Цит. по: *Агзамходжаев С.* Указ. соч. С. 121.

23 Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

24 *Агзамходжаев С.* Указ. соч. С. 159—164.

25 Там же. С. 180.

26 *Полвонов Н.* Указ. соч. С. 55.

27 Подробнее см.: *Кадыров Ш.* «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003. С. 77—79.

28 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 68. Д. 186. Л. 57.

29 Центральная Комиссия по делам бывших красных партизан и красногвардейцев при ЦИК Узбекистана в первой половине 1930-х годов признала активными участниками революционных событий 1917—1918 гг. (красногвардейцами) в Ташкенте 911 жителей из коренного населения, в Андижане — 270, в Фергане и Коканде — 167, Самарканде — 249, всего в 5 городах 1697 человек, или более 20% всех признанных красногвардейцами. См.: *Вексельман М.И.* Новые документы по истории участия трудящихся коренных национальностей в борьбе за власть Советов в Узбекистане // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 10. С. 50—51.

С.М. Назария

Общественно-политическая эволюция Бессарабии в ноябре — декабре 1917 г. и ее крах в результате румынской интервенции

Точно оценил настроения различных слоев населения Молдовы после Февральской революции американский историк Кейт Хиткинс: «Крестьяне приступили к захвату и разделу принадлежавших крупным помещикам земель, в то время как молдавские офицеры русской армии, священники, интеллигенты либеральных взглядов и консервативно настроенные собственники земли требовали политической автономии»[1]. Данную мысль выразил и другой американский историк Ш. Фишер-Галац: «В 1917 г. выявились два политических течения: аграрно-революционное, враждебное крупным землевладельцам молдавского и русского происхождения, стоявшее за радикальную экспроприацию и против союза с помещичьим Старым королевством; другое — прорумынское, склонявшееся к ограниченной экспроприации и союзу с Румынией»[2].

Как и по всей России, в Бессарабии также возникли Советы, которые активно включились в политическую борьбу за власть в крае. В этих условиях 20 октября в Кишиневе собрались около 600 делегатов Первого Всероссийского Военно-Молдавского съезда, якобы представлявших 300 тыс. соотечественников, мобилизованных на фронт. Правда, при этом следует отметить, что их никто не избирал и в большинстве своем они были лицами, которых персонально пригласили организаторы съезда[3]. Норма представительства на съезд была установлена по одному офицеру и два солдата от каждой сотни военнослужащих-молдаван. Исходя из нее, на съезд должны были прибыть около 9 тыс. делегатов, а явились не более одной пятнадцатой части от необходимого. Таким образом, правомочность решений съезда вызывает большие сомнения. Его организаторы не слишком доверяли солдатской массе, поэтому приглашены были в основном сторонники Молдавской национальной партии (МНП).

Делегаты поддержали предложение о создании Сфатул Цэрий (СЦ — «Совета Страны») — высшего органа территориально-политической автономии края[4]. Примечателен и тот факт, что из 32 его депутатов, избранных на съезде, только 7 были солдатами и матросами[5]. Остальные являлись офицерами и военными чиновниками.

Для организации СЦ была установленна численность этого органа в 160 человек, включая 10 мест для молдаван, проживавших на левобережье Днестра. Бессарабцам молдавской национальности выделили 105 мест.

Национальным меньшинствам, составлявшим более 50% населения края, выделили только 36 мандатов. Рабочим не выделили ни одного, а крестьяне (80% населения) получили лишь 30% мандатов. Политическим формированиям достались в СЦ места в зависимости от их политико-идеологической ориентации. Больше всего мест получили организации прорумынской ориентации. А наиболее влиятельной партии в Бессарабии — эсерам, за которых на выборах в Учредительное собрание (УС) проголосовало 31,2%, было предоставлено всего одно место, в то время как за МНП, набравшей на этих выборах 2,3% голосов, было закреплено 4 места.

17 ноября в Молдове произошло событие, ускорившее начало работы СЦ: Кишиневский совет совместно с комитетом 260-го пехотного полка признал правительство Ленина. Сложилась ситуация, при которой, опираясь на большевизированные части, большевики и их союзники могли установить свою власть в городе и губернии. Именно этого опасались все антибольшевистские силы.

В этих условиях раньше установленного времени, 21 ноября 1917 г., открылись заседания СЦ. В приглашениях указывалось, что «Сфатул Цэрий является временным Верховным Краевым органом Автономной Бессарабии впредь до созыва Бессарабского Учредительного собрания», что он признает «основной принцип устройства России как Федеративной Демократической республики». Председателем был избран Ион Инкулец, который подчеркнул, что «если бы не было выступления большевиков, то с открытием Сфатул Цэрий не спешили бы»[6]. Директор по военным делам СЦ Г. Пынтя был еще откровеннее: большевизм, охвативший всю Россию, крайне заразителен, его лозунги основательно привились повсюду, поэтому СЦ появился на свет с целью противодействия победе большевизма в Бессарабии[7].

2 декабря 1917 г. СЦ провозгласил Бессарабию Молдавской Демократической Республикой (МДР), равной в правах частью единой Российской Демократической Федеративной Республики[8]. Правительством Республики стал Совет генеральных директоров (СГД). СЦ призвал «молдавский народ» стоять на страже Российской Демократической Федеративной Республики. Следует подчеркнуть, что губернский бюрократический аппарат сразу же поддержал данный орган.

СЦ требовал, чтобы ему подчинялись все учреждения и организации края. Но на власть претендовали и Советы. Признание ими правительства Ленина означало их готовность подчиняться большевистскому Петрограду[9], что не входило в расчеты СЦ. По мере большевизации войск, дислоцированных в Бессарабии, шансы Советов завладеть властью в крае возрастали. Назревала острая борьба за власть. «В декабре, — подтверждает данный вывод Дм. Богос, — борьба между этими двумя лагерями, двумя типами менталитета, двумя мирами — румынскими националистами из Молдавского блока, с одной стороны, и интернационалистами и чужаками разных политических направлений, с другой, — ужесточается»[10].

В ситуации, когда ни один из претендентов на власть не обладал подавляющим влиянием, результат борьбы зависел от ряда внутренних и внешних факторов, и в первую очередь от поддержки со стороны воинских частей, находившихся в распоряжении оппонентов. Большевики, левые эсеры и их сторонники активно готовились к решительной схватке, в политическом плане опираясь на Советы, а в военном — на большевизированные части. Они также надеялись на поддержку петроградского правительства.

СЦ, будучи на непримиримых антибольшевистских позициях, рассчитывал на поддержку Антанты и Румынии, а внутри страны — на помощь молдавских воинских частей. Они пытались обеспечить себе поддержку в рядах молдаван — солдат и офицеров российской армии. Из солдат-уроженцев Бессарабии было создано 16 когорт милиции, по 100 человек каждая[11]. Но когорты зачастую отказывались подавлять крестьянские бунты, а иногда сами присоединялись к крестьянам. Так, на пленарном заседании Комитета I Молдавского полка было решено «отказаться от отправки 800 человек», востребованных для подавления «анархии» в Сорокском уезде[12].

Осознавая истинные настроения широких масс, Г. Пынтя признавал, что лозунги большевиков пустили глубокие корни среди молдавского населения и, главным образом, среди солдат[13]. Идентично было и мнение его соратника, В. Чижевского, писавшего в статье «Наша армия», что «опыт с национализацией частей не удался...

В частности наши молдавско-бессарабские полки... представляли из себя опасный для общественного спокойствия элемент... Большевизм, нашедший себе приют и сердечный прием в молдавских полках, окончательно добил идею национализации частей»[14].

Таким образом, факты свидетельствуют, что солдаты-молдаване выдвигали на первый план решение социальных проблем, а решение национального вопроса ставили в зависимость от первого. Об объединении с Румынией не было и речи. В декабре авторитет руководителей СЦ стал стремительно падать.

Под влиянием антивоенной пропаганды усилилось разложение российских войск на Румынском фронте. В течение ноября они перестали подчиняться старому командованию. Так, командующий 8-й армией доносил 19 ноября 1917 г. в штаб фронта, что, видя со стороны большевиков реальные шаги на пути к миру, солдаты всю надежду возлагают на них. А командир 16-го корпуса писал 23 ноября вышестоящему командованию, что еще вчера голосовавшие за эсеров в УС солдаты сегодня стали большевиками[15]. Как сообщали Н. Йорга, А. Авереску, П. Казаку, солдаты хотели даже арестовать главкома Щербачева и французского генерала Бертело, охраняемых румынской армией[16]. И.Г. Дука свидетельствовал, что «Щербачев не скрывал от нас, что его авторитет постоянно падал и вскоре стал иллюзорным... Генерал Щербачев заявил, что не может отвечать даже за собственных часовых и, как следствие, просил нас обеспечить охрану его кабинетов и кассы... [Он] вновь просит у нас защиты... так как на данный момент его армии в Молдове полностью вышли из-под его контроля»[17].

Брожением были охвачены и войска, дислоцированные в Бессарабии. Коснулось это и 1-го Молдавского пехотного полка, созданного для поддержки СЦ. С первых же дней своего существования этот полк колебался, отдавая предпочтение решению социальных, а не «национальных» задач, и пытался согласовать свою деятельность с Кишиневским Советом[18]. Дм. Богос честно оценивал ситуацию с молдавскими воинскими частями: «Обезумевшее стадо, зараженное болезнетворной фразеологией времени»[19].

Основные события в крае происходили, естественно, на селе. Нерешение аграрного вопроса — Временным правительством на общероссийском уровне и местными бессарабскими властями на региональном — генерировало мощное аграрное («анархическое») движение крестьян за справедливое перераспределение земельной собственности. Наличие в Молдавии крупных помещичьих латифундий, на фоне огромного количества малоземельных крестьянских хозяйств, стимулировало распространение среди сельской бедноты революционных идей. Через посредничество солдат их идеи быстро охватывали и крестьян, в первую очередь требовавших раздела помещичьих земель[20].

В октябре 1917 г. в Бессарабии имели место около 200 крестьянских выступлений, две трети из которых носили форму захвата земли[21]. В декабре волнения охватили всю МДР. Крестьяне захватывали леса и земли помещиков, монастырей и церквей, делили скот и сельскохозяйственный инвентарь, пшеницу из амбаров[22]. «В действительности в декабре провинция находилась во власти абсолютной аграрной революции: крестьяне поджигали помещичьи усадьбы, опустошали амбары, делили землю и грабили леса»[23].

К концу 1917 г. немногие из помещиков осмеливались жить в имениях. Были случаи расправы с «боярами». Почти все села Кишиневского уезда были охвачены волнениями. Не имела значение должность и национальность собственников. Милиция была бессильна в борьбе с восставшими. Комментируя эти события, Йорга писал: «Повсюду крестьяне — исконно молдавские — грабят поместья и поджигают усадьбы, чтобы боярам некуда было вернуться»[24].

Солдаты не только не выполняли приказы начальства о подавлении крестьянских волнений, но и сами присоединялись к ним[25]. И так как новые власти не мог-

ли рассчитывать на молдавские части, военный комиссар уполномочил члена СЦ Р. Леша сформировать батальоны из немецких колонистов, «вооруженных пулеметами для борьбы с анархией и погромами, как в Кишиневе, так и в уездах»[26].

Но СЦ не удалось «восстановить порядок». Как признал Шт. Чобану, «те несколько молдавских частей, которые были в распоряжении Сфатул Цэрий, заражены большевизмом и на них нельзя рассчитывать»[27]. П. Казаку подчеркивал, что в создавшемся положении «было принято тайное решение обратиться за внешней помощью... На закрытом заседании Сфатул Цэрий Совет генеральных директоров получил “карт-бланш” по этому вопросу»[28].

С таким заданием 21 декабря в Яссы отправились В. Кристи и И. Пеливан. 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) в Яссы на имя военного министра Румынии Янковеску — в соответствии с соглашением с министром иностранных дел Таке Ионеску — за подписью лидеров МДР П. Ерхана, В. Кристи и И. Пеливана была послана секретная телеграмма с просьбой направить в распоряжение СЦ полк из бывших военнопленных трансильванцев, находившихся в то время в Киеве. Румынское правительство просьбу удовлетворило, отдав 24 декабря приказ о вводе войск в Бессарабию[29]. Однако когда население Кишинева узнало об этом, на улицах появились прокламации: «Совет директоров и Сфатул Цэрий продали Бессарабию Румынии»[30].

Румынские правящие круги рассматривали бессарабские события в качестве компенсации за понесенные в результате Фокшанского перемирия потери. И.Г. Дука писал: «Почти одновременно с подписанием Фокшанского перемирия в Кишиневе открывался Сфатул Цэрий — пролог возврата Бессарабии в лоно родины-матери. Оптимисты — и я также был среди них — говорили: сегодня Бессарабия, завтра Трансильвания... Настроенные менее оптимистично заявляли: что будет завтра, не знаем, но что совершенно точно — Бессарабия будет наша»[31]. Вышеизложенное доказывает, что румынские правители смотрели на Бессарабию как на военную добычу.

И эти надежды подстегивались Антантой[32]. Таким образом, совершенно ясно, что решение о посылке иностранных войск и проведение последовавшей вскоре операции по «объединению» Бессарабии с Румынией не имели ничего общего с волей молдавского народа. Решения принимались в ведущих европейских столицах и определялись целями антисоветской борьбы воюющих держав, правда, и в интересах руководителей Румынии.

В такой ситуации 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) молдавские воинские части выступили с протестом против намерений СЦ[33]. Руководители СЦ попытались отрицать факт секретных переговоров с Ясским кабинетом. «Румынская оккупация — плод воображения и провокационной агитации», писала газета «Сфатул Цэрий». И. Инкулец заявил, что «Сфатул Цэрий, конечно, за самое тесное объединение с Российской Демократической Федеративной Республикой... Слух о введении румынских частей на территорию Молдавской Республики совершенно абсурден»[34].

Как видим, националистические лидеры, понимая, что большинство молдавского народа их не поддерживает, пытались ввести общественность в заблуждение. В обстановке, царившей тогда в Бессарабии, признавал П. Казаку, было мало таких, кто осмелился бы открыто и публично высказаться за приглашение румынских войск[35]. В связи с массовыми протестами против введения иностранных, и особенно румынских, войск, руководители СЦ были вынуждены публично подтвердить, что и в дальнейшем выступают за пребывание МДР в составе Федеративной России[36].

29 декабря на совместном заседании Кишиневского совета, Губисполкома Советов и Центрального Молдавского военно-исполнительного комитета выступил Инкулец и

заверил собравшихся, что «опасность ввода румынских войск будет предотвращена даже в том случае, если придется применить против румын вооруженную силу»[37].

«Недавно, — засвидетельствовал Ерхан, — когда открывали Сфатул Цэрий, мы были полны надежд, а теперь как будто нет ничего. Положение сейчас безвыходное»[38]. Осознавая полную немощь националистических вождей и превозмогая их страх перед собственным народом, лишь 30 декабря газета «Сфатул Цэрий» впервые откровенно призвала во имя «восстановления порядка» черпать для этого силы из «внешнего источника»[39].

В этих условиях в конце декабря в Одессе состоялось совещание бессарабцев-делегатов II съезда Румчерода, на котором СЦ, «действующему вразрез с интересами трудового народа», было выражено полное недоверие и был озвучен призыв к его роспуску. 1 (14) января 1918 г. Фронтотдел Румчерода приказом № 1 объявил, что принимает «на себя всю полноту власти и командование над войсками Румынского фронта и прифронтовой полосы», то есть и в Бессарабии[40]. В тот же день Фронтотдел и Кишиневский Совет рабочих и солдатских депутатов, опираясь на верные им части, включая молдавские, установили контроль над кишиневским вокзалом, почтой, телеграфом. Занимавшийся формированием войск СЦ полковник Худолей сообщил в штаб Одесского военного округа, что «станция Кишинев во власти большевиков с ночи вчерашнего дня», и подтвердил, что СГД бессилен[41].

Данный вывод подтверждался и начальником штаба 4-й русской армии генералом Н. Монкевицем, который был направлен Д.Г. Щербачевым в Кишинев для ознакомления с положением в Молдавской республике. В своем докладе он пришел к выводу, что СГД полностью безвластен, а реальная власть в Бессарабии принадлежит большевизированным Советам[42]. И. Дука также признавал, что «с каждым днем бессарабское правительство чувствовало, как власть ускользает из его рук», и все его попытки изменить положение «оказались тщетными, большевики продолжали свое дело, анархия росла. Положение правительства и судьба новой Бессарабской республики становились трагичными»[43].

Таким образом, на фоне стремительного обесценения и до того ничтожного влияния СЦ в конце декабря 1917 г. — начале января 1918 г. продолжало расти влияние Советов, становившихся реальной властью в крае. Однако процесс советизации Бессарабии был прерван румынской интервенцией.

Российские белогвардейцы во главе с Д.Г. Щербачевым и румынское правительство поняли, что «правительство Молдавской Республики будет не в состоянии устоять перед большевиками». «Совет министров Румынии, с согласия союзников, после многочисленных обсуждений, решил 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.) послать войска в Бессарабию»[44].

Когда интервенция стала фактом, на заседании СЦ Инкулец сам признал, что телеграммы СГД «не имели практического значения», а «вопрос о вводе румынских войск был решен совместно с союзниками» под предлогом «очищения железных дорог от большевиков». Да и инстинкт самосохранения лидеров Антанты требовал «уничтожить здесь гнездо большевизма». Данный тезис подтвердил и Ерхан: «Что касается телеграммы, посланной в ясскую Ставку, то я скажу вам, господа депутаты, что этот вопрос был предрешен задолго до ее появления»[45].

Касаясь событий того времени, румынский вице-премьер Т. Ионеску говорил с трибуны парламента: «Сфатул Цэрий просил любой военной помощи, поскольку все остальные не хотели нашей армии... Вы думаете, что правительство направило войска в Бессарабию для охраны стога сена? Все знали, что части направлены в Бессарабию, чтобы осуществить заключительный акт ее объединения. Такова правда!».

Присутствовавший в зале П. Халиппа бросил реплику: «Вы считаете, что мы просили войска для охраны стогов сена?» «Конечно же, нет!» — ответил Ионеску[46].

5 января 1918 г. под председательством Т.В. Котороса состоялось объединенное заседание Исполкома Кишиневского Совета, Губисполкома Советов Бессарабии и Молдавского Центрального Военно-исполнительного комитета Совета солдатских и офицерских депутатов г. Одессы, с участием представителя Фронтотдела Румчерода В. Каабака. На заседании была оглашена информация о том, что СЦ «дал свое согласие на приход Румынских войск»[47].

В час ночи 6 января Кишиневский Совет получил информацию, что со стороны Раздельной к городу приближается эшелон трансильванцев на помощь СЦ. Для встречи «гостей» на станцию были направлены 5-й Заамурский кавалерийский полк и 1-й Молдавский пехотный полк во главе с В. Каабаком. В результате трансильванцы были разоружены и взяты в плен[48].

Провалом закончилось и наступление на Кишинев со стороны Прута. Регулярные румынские войска потеряли много убитых, раненых и 1300 человек пленными. В боях за станцию Унгены особенно отличилась 14-я рота 1-го Молдавского пехотного запасного полка, направленная сюда для облегчения продвижения румынских войск, но выступившая против интервентов[49].

8 января полковники Геруа и Крейтер докладывали в штаб Щербачева: «В настоящее время вся власть в Кишиневе в руках большевиков»[50]. И. Прахницкий с горечью констатировал: «Больно, что даже крестьяне выступают против нас... Меня хотели арестовать молдаване. Они говорят, что... Сфатул Цэрий продает свой народ»[51]. В этой «невыносимой» ситуации, когда «солдаты были преисполнены решимости убить офицеров, подозреваемых ими в предательстве», с целью недопущения полной большевизации молдавских войск, Пынтя видел единственное решение в выводе их из города[52].

И. Дука писал: «На этот раз нельзя терять время. Инкулец и все правительство ждут ареста... Вижу и Пеливана дрожащим от страха... В этой ситуации... мы решили послать необходимые войска для оккупации Бессарабии и, устранив между Прутом и Днестром всякую большевистскую опасность, осуществить в Кишиневе последнюю формальность торжественного объединения освобожденной Бессарабии с Родиной-матерью»[53].

А. Болдур, комментируя развитие событий начала 1918 г., писал: «Ситуация была очень тяжелой. Организация власти проводилась очень медленно, на ощупь и со всевозможными препонами, вследствие того, что, с одной стороны, присутствовала разлагающаяся русская армия, с другой стороны, проявлялась активность большевиков, становившаяся все более угрожающей... Румынское командование решает отправить в молодую республику помощь для восстановления порядка. В день 13 января 1918 г. румынские войска под командованием генерала Броштяну подошли к Кишиневу и заняли его»[54].

Кишинев был объявлен на осадном положении. Начались аресты и расстрелы тех, кого подозревали в оказании сопротивления. Среди расстрелянных были 15 солдат и 2 офицера 1-го Молдавского пехотного запасного полка. Под Окницей были взяты в плен 400 русских солдат, которых расстреляли из пулеметов[55].

Считается, что «вторжение румынских войск было первой вооруженной иностранной интервенцией на территорию Советской страны»[56]. Массированное наступление 4 румынских дивизий на Бессарабию началось 8 (21) января[57]. Французский историк Ш. Бокур отмечает, что «в 1918 г. Румыния оккупирует Бессарабию»[58].

Таким образом, естественное социально-политическое развитие Молдовы было прервано румынской интервенцией и в истории нашего края начался совершенно иной период.

1 Istoria României / M. Bărbulescu, D. Deletant, K. Hitchins, Ş. Papacostea, P. Teodor. Bucureşti, 1998. P. 418.
2 Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры молдавского народа. Кишинев, 1972. С. 81.
3 Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: документы и материалы / В.Н. Виноградов, М.Д. Ерещенко, Л.Е. Семенова, Т.А. Покивайлова. М., 1996. С. 174.
4 Unirea Basarabiei şi a Bucovinei de Nord cu România, 1917—1918: Documente. Chişinău, 1995. P. 47—55; *Ciobanu Şt.* Unirea Basarabiei: Studii şi documente cu privire la mişcarea naţională din Basarabia în anii 1917—1918. Chişinău, 1993. P. 147—150.
5 *Pântea Gh.* Rolul organizaţiilor militare moldoveneşti în actul unirii Basarabiei. Chişinău, 1991. P. 46—47.
6 Сфатул Цэрий. 1917. 24.11; Свободная Бессарабия. 1917. 23.11 (№ 171); 8.12 (№ 183); Голос революции. 1917. 29.11.
7 *Pântea Gh.* Op. cit. P. 56—57.
8 См.: Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 727. Оп. 2. Д. 57. Л. 36—36 об., 40—40 об., 129—130; Д. 21, ч. 1. Л. 61—68, 69—70, 74—75; Unirea Basarabiei şi a Bucovinei de Nord cu România, 1917—1918. P. 117—120.
9 См.: Известия Кишиневского Совета. 1917. 24.11; 26.11; 29.11; 1.12; Бессарабская жизнь. 1917. 24.11; 29.11; 1.12.
10 *Bogos D.* La răspântie: Moldova de la Nistru în anii 1917—1918. Chişinău, 1998. P. 128.
11 НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 12. Л. 230.
12 Известия Кишиневского Совета. 1917. 3.12 (№ 167); Бессарабская жизнь. 1917. 3.12 (№ 276).
13 *Pântea Gh.* Op. cit. P. 72—73.
14 Сфатул Цэрий. 1918. 25.02.
15 Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов: документы и материалы. Кишинев, 1967. С. 162, 196.
16 *Iorga N.* Memorii. Bucureşti, 1939. Vol. 1. P. 174; *Averescu A.* Notiţe zilnice din război (1916—1918). Bucureşti, 1935. P. 248—249; *Cazacu P.* Moldova dintre Prut şi Nistru, 1812—1918. Laşi, S.a. [1924?]. P. 334.
17 *Duca I.G.* Memorii. Bucureşti, 1994. Vol. 3: Războiul (1916—1917), partea 1. P. 273; Vol. 4: Războiul (1917—1919). P. 39.
18 См.: Известия Кишиневского Совета. 1917. 28.11; Бессарабская жизнь. 1917. 28.11.
19 *Bogos D.* Op. cit. P. 108.
20 НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 211. Л. 12; *Pântea Gh.* Op. cit. P. 85.
21 НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 861. Л. 136; Д. 794. Л. 3; Д. 1245. Л. 9; Свободная Бессарабия. 1917. 21 сент.; 1 окт.; 1 нояб.
22 См.: НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 629. Л. 2—8; Д. 798; Д. 799; Д. 805; Д. 807. Л. 7—9; Д. 860. Л. 1; Д. 861. Л. 1—4, 38, 159; Д. 868. Л. 1—2; Д. 869. Л. 15; Ф. 727. Оп. 2. Д. 12. Л. 24; Д. 57 (I). Л. 73 об.—75; Ф. 919. Оп. 2. Д. 2. Л. 72, 73, 74, 108, 118, 182—185, 197, 199, 201, 202, 216, 220, 222, 251, 284, 297—297 об., 304, 380; Ф. 677. Оп. 1. Д. 15. Л. 1; Д. 29. Л. 1, 11; Ф. 812. Оп. 1. Д. 13. Л. 2—3, 10, 14—15, 28—29; Свободная Бессарабия. 1917. 24.10; 25.10; 30.11; 5.12; 6.12; 12.12; 14.12; 15.12; 17.12; 20.12; 22.12; 23.12; 29.12; Известия Кишиневского Совета. 1917. 5.12; Бессарабская жизнь. 1917, 27.10; 7.11; 8.12; 21.12; Голос Кишинева. 1917. 8.11; *Иткис М.Б.* Крестьянское движение в Молдавии в 1917 году и претворение в жизнь ленинского декрета о земле. Кишинев, 1970. С. 176, 186, 217, 218, 225, 228, 240—241, 243.
23 *Duca I.G.* Memorii. Vol. 4: Războiul (1917—1919). P. 60; см. также: *Ţurcanu I.* Relaţii agrare din Basarabian în anii 1918—1940. Chisinău, 1991. P. 11 (ссылаясь на: НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 793, 794, 795, 797, 861—870, 2134; Ф. 677. Оп. 1. Д. 15, 20; Ф. 361. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1417. Оп. 1. Д. 35, 38; Ф. 919. Оп. 2. Д. 2; Ф. 727. Оп. 1. Д. 17); и др.
24 *Iorga N.* Memorii. Vol. 1. P. 203.
25 См.: НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 629. Л. 1—3, 8; Д. 799. Л. 8, 10; Ф. 736. Оп. 1. Д. 6. Л. 8, 13, 92, 94; Ф. 812. Оп. 1. Д. 13. Л. 2—3, 10, 14—15, 28—29; Бессарабская жизнь. 1917. 3.12; Известия Кишиневского Совета. 1917. 3.12; Свободная Бессарабия. 1917. 31.10; 29.12; Большевики Молдавии и Румынского фронта ... С. 17; *Иткис М.Б.* Указ. соч. С. 214—215, 218.
26 Свободная Бессарабия. 1917. 12.12 (№ 186).
27 *Ciobanu Şt.* Unirea Basarabiei: Studii şi documente. Bucureşti, 1929. P. LXI.
28 *Cazacu P.* Op. cit. P. 340.
29 НАРМ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 18. Л. 63; Unirea Basarabiei şi a Bucovinei de Nord cu România, 1917—1918. P. 133.
30 Сфатул Цэрий. 1917. 24.12.
31 *Duca I.G.* : 1) Amintiri politice. München, 1981. Vol. 3. P. 26 ; 2) Memorii. Vol. 4: Războiul (1917—1919). P. 34.
32 *Averescu A.* Op. cit. P. 323—324.
33 См.: НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 6. Л. 2; Свободная Бессарабия. 1917. 23.12; 29.12.
34 Сфатул Цэрий. 1917. 24.12.
35 *Cazacu P.* Op. cit. P. 268.
36 НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Л. 136—136 об., 141 об., 142; Сфатул Цэрий. 1918. 3.01.

[37] Предательская роль «Сфатул Цэрий» / Д.И. Антонюк, С.Я. Афтенюк, А.С. Есауленко, М.Б. Иткис. Кишинев, 1969. С. 153.
[38] *Слуцкая К.О.* Победа Октябрьской революции и установление Советской власти в Молдавии (март 1917 — март 1918). Кишинев, 1962. С. 214.
[39] Сфатул Цэрий. 1917. 30.12.
[40] Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 — март 1918): сб. документов и материалов. Кишинев, 1957. С. 249—250, 264.
[41] Победа Советской власти в Молдавии / Д.И. Антонюк, С.Я. Афтенюк, А.С. Есауленко, А.А. Завтур, Н.Д. Ройтман, Д.Е. Шемяков. М., 1978. С. 247—248; Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии / С.Я. Афтенюк, А.С. Есауленко, М.Б. Иткис, Н.Д. Ройтман, Д.Е. Шемяков. Кишинев, 1964. С. 579.
[42] Intervenția romînă în Basarabia. Culegere de materiale și documente. Tiraspol, 1933. Vol. 1: (anii 1917—1918). P. 199; *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 — ноябрь 1918). Кишинев, 2000. С. 217—218.
[43] *Duca I.G.* : 1) Amintiri politice. Vol. 3. P. 49 ; 2) Memorii. Vol. 4. P. 61.
[44] *Cojocaru Gh.* Sfatul Țării: Itinerar. Chișinău, 1998. P. 68.
[45] НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Л. 185, 187 об.
[46] Dezbaterile Adunării deputaților. Sesiunea ordinară, 1920—1921. Nr. 27. P. 617.
[47] Борьба за власть Советов в Молдавии ... С. 200.
[48] См.: НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Л. 167; *Левензон Ф.* Из истории захвата Бессарабии // Красная Бессарабия. 1928. № 1. С. 26—27; *Pântea Gh.* Op. cit. P. 73—77.
[49] *Kiriţescu C.I.* Istoria războiului pentru întregirea României. 1916—1919. București, 1989.Vol. 2. P. 241—242; *Duca I.G.* : 1) Amintiri politice. Vol. 3. P. 49 ; 2) Memorii. Vol. 4. P. 61.
[50] См.: *Есауленко А.С.* Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма (1917—1918). Кишинев, 1977. С. 175.
[51] НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Л. 168.
[52] *Pântea Gh.* Op. cit. P. 73—74.
[53] *Duca I.G.* : 1) Amintiri politice. Vol. 3. P. 49 ; 2) Memorii. Vol. 4. P. 61—62.
[54] *Boldur A.* Istoria Basarabiei. București, 1992. P. 504.
[55] Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 210—211, 218—219.
[56] *Минц И.И.* История Великого Октября. М., 1979. Т. 3: Триумфальное шествие Советской власти. С. 575; *Лазарев А.М.* Кто и когда начал вооруженную военную интервенцию против Страны Советов?: (науч. полемика с коллегами) // Revista de istorie a Moldovei. 1990. Nr. 1. С. 22—35; *Виноградов В.Н.* Интервенция в Бессарабию в 1918 году — звено в заговоре международного империализма против Советской России // Вопросы истории. 1975. № 3. С. 71; *Дольник А.* Бессарабия под властью румынских бояр (1918—1940). М., 1945. С. 12.
[57] *Kiriţescu C.I.* Op. cit. Vol. 2. P. 242.
[58] Revista de istorie a Moldovei. 1990. Nr. 1. С. 33.

Р.А. Циунчук

Революция и новая политическая роль бывших депутатов Думы в национальных государствах на постимперском пространстве

Революция 1917 года стала тем моментом, когда депутаты оппозиционных фракций, в том числе, национальных групп (группы Автономистов, Польского коло, группы Западных окраин, Украинской громады, Мусульманской фракции) превратились из контрэлиты в новую политическую элиту. Будучи представителями национальных политических сил и движений, именно в Думе они приобрели свой первый парламентский опыт и формировались как политические деятели. После февраля 1917 г. нерусские депутаты Государственной думы

различных созывов участвовали как во Временном правительстве, так и в национальных и региональных правительствах, составили заметное кадровое ядро национальных политических элит, закрепившихся в новых независимых государствах, которые появились после распада Российской империи.

Заметную роль в политической жизни независимой Польши сыграли члены Польского коло[1]. Так, член I—III Дум Владислав Грабский — один из лидеров национально-демократической партии, после Февральской революции 1917 года стал Первым секретарем Национального польского комитета, организованного в Петрограде, вошел в состав Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, созданной Временным правительством. В июле 1917 г. был членом Государственного совещания в Москве. После возвращения в Польшу в 1918 г. арестовывался германскими властями. В 1918 г. избирался членом Законодательного сейма, был министром финансов независимой Польши, а в 1920 г. и 1923—1925 гг. возглавлял польское правительство[2].

Другой виднейший деятель этой партии Роман Дмовский, будучи депутатом II и III Государственной думы от Варшавы, был лидером Польского коло. В начале Первой мировой войны был интернирован в Германии. С 1917 г. от имени Польского совета официально представлял интересы Польши на Западе. После провозглашения независимости Польши стал руководителем ее делегации на Парижской мирной конференции, а с 1919 г. членом польского Законодательного сейма. В 1923 г. Р. Дмовский был министром иностранных дел[3].

Граф Маурициий Замойский (депутат I Думы от Люблинской губернии) был послом Польши в Париже и членом Парижской мирной конференции. Другой депутат I и II Дум от Люблинской губернии Ян Стецкий в 1917—1918 гг. был министром внутренних дел в Регентском совете, а после провозглашения независимости избирался членом Сената. Член III Думы Владислав Яблоновский в 1918 г. избирался в Учредительный сейм, с 1922 по 1935 г. был сенатором. Член II Думы от Люблинской губернии Станислав Сливинский в 1919—1921 гг. был министром продовольствия Польши. Депутат IV Думы от Плоцкой губернии Ежи Госьцицкий в 1918—1920 гг. возглавлял департамент продовольственной политики в Министерстве продовольствия, избирался членом Сейма, в 1923 г. был министром сельского хозяйства. Член II Думы от Петроковской губернии Эдвард Пепловский в 1919—1920 гг. был министром труда и социальной защиты Польши, неоднократно избирался в польский Сенат. Депутат I, III и IV Думы от Радомской губернии Иосиф Свежинский, председатель Польского коло в IV Думе, в 1918 г. был первым премьер-министром Регентского совета.

Лидер автономистов в I Думе, активный деятель группы Западных окраин Александр Ледницкий (Минская губерния) в 1917 г. был назначен Временным правительством руководителем Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского. В январе 1918 г. Гражданский комитет Регентского совета назначил А. Ледницкого своим представителем при Советском правительстве. Бывший в I Думе активным членом фракции Автономистов и группы Западных окраин Роман Скирмунт (Минская губерния) после октября 1917 г. — один из лидеров Белорусской народной республики, а в 1918 г. — глава Народного секретариата — первого правительства Беларуси, в 1930 г. избирался в Сенат Польши[4].

Бывшие депутаты Дум активно участвовали в политической жизни получивших независимость после революций 1917 года прибалтийских государств — Латвии, Литвы и Эстонии. Депутат I Думы от Курляндской губернии, член группы Автоно-

мистов адвокат Янис Чаксте в 1918 г. был председателем Народного совета Латвии, в 1920 г. — председателем Учредительного собрания Латвии, а с 1920 по 1927 г. — Президентом Латвийской республики[5].

Член II Думы от Курляндской губернии адвокат и журналист Петр Юрашевский (Юрашевскис) неоднократно входил в состав правительства Латвии, в 1928 г. был Председателем Кабинета министров Латвии. Депутат IV Думы от той же губернии Янис Гольдманис в 1918 г. занимал пост министра Временного правительства Латвии, в 1918—1920 гг. был членом Латвийского народного совета, в 1920—1922 гг. — членом Латвийского Учредительного собрания, а также первого и второго Латвийских Сеймов (1922—1928), в 1920—1921 и 1925—1926 гг. — министр обороны Латвии. Депутат IV Думы Янис Залит (Залитс) в конце 1917 — 1918 г. также был министром во Временном правительстве Латвии.

Адвокат Петрас Леонас, депутат II Думы от Сувалкской губернии, в 1918—1919 гг. неоднократно входил в состав правительства Литвы. Депутат IV Думы от Ковенской губернии бывший помощник присяжного поверенного Мартин Ичас стал министром торговли и промышленности в первом составе Временного правительства Литвы (конец 1918 г.) и министром финансов в последующих правительствах (1918—1919). Бывший депутат I Думы от Минской губернии адвокат Семен Розенбаум являлся заместителем министра иностранных дел Литвы, с 1923 г. — министром по делам евреев.

Основатель Эстонской народной партии прогресса, член I Думы от Лифляндской губернии Ян Теннисон (Тыниссон) в 1918—1919 гг. был министром иностранных дел во Временном правительстве Эстонии, в 1919—1920 гг. премьер-министр Эстонии[6]. Он являлся депутатом Государственного собрания Эстонии всех трех созывов. В 1923—1928 гг. и 1932—1933 гг. избирался Председателем Государственного собрания. В 1927—1928 гг. и 1932 г. был Государственным старшиной — главой правительства, в 1930—1932 гг. министром иностранных дел. В 1938 г. выдвигался кандидатом от демократической оппозиции на выборах президента Эстонии. Еще один представитель Лифляндской губернии в IV Думе Ян Рамот (Раамот) во второй половине 1917 г. стал Председателем Временного земского правления — фактически Временного правительства Эстонии. В 1918—1919 гг. он — министр земледелия и продовольствия Эстонского Временного правительства, позднее — заместитель министра. Депутат II Думы от Эстляндской губернии Теннис Юрине в 1918—1919 гг. был заместителем военного министра Эстонии.

Несколько членов Украинской громады, существовавшей в первых двух созывах Думы, сыграли заметную роль в создававшихся в 1917—1918 гг. украинских властных органах. Депутат I Думы от Полтавской губернии Андрей Вязлов был членом Генерального суда Украинской народной республики, затем членом Сената Украинской державы, министром юстиции (октябрь — ноябрь 1918 г.). Член I Думы от Киевской губернии Федор Штейнгель в 1918 г. при гетмане П.П. Скоропадском был послом Украинской державы в Берлине. Депутат I Думы от Полтавской губернии Павел Чижевский в 1917 г. был депутатом Центральной Рады, в 1918 г. руководил украинской торговой делегацией в Швейцарии, в 1920 г. стал членом кабинета Директории Украинской народной республики в Тарнуве (Польша).

Бывшие члены Мусульманской фракции также оказались в центре национально-политического самопределения мусульманских народов империи[7]. В Закавказье — это А. Топчибашев и Ф. Хан-Хойский[8]. Депутат I Государственной думы от г. Баку лидер Мусульманской фракции Али Мардан-бек Топчибашев в 1918 г. входил во Вре-

менный национальный совет Азербайджана, в 1918 г. избран Председателем Азербайджанского парламента, возглавлял делегацию Азербайджана на Парижской мирной конференции, в 1919 г. был назначен министром иностранных дел Азербайджана.

Депутат II Думы от Елисаветпольской губернии Фатали-хан Хан-Хойский в 1918 г. был министром юстиции Закавказского правительства, сформировал первое правительство Азербайджанской демократической республики, был председателем Совета министров и министром внутренних дел, затем — министром иностранных дел. Другой член Мусульманской фракции, депутат II и III Государственной думы Халил-бек Хас-Мамедов в Закавказском правительстве занимал пост министра контроля. После провозглашения в мае 1918 г. Азербайджанской демократической республики он — министр юстиции, затем — министр внутренних дел.

Виднейший деятель татарского национальногно движения, юрист, окончивший Парижский университет, Садри Максудов (депутат II и III Думы от Казанской губернии), лидер Мусульманской фракции III Думы, в 1918 г. в Уфе был председателем Национального парламента мусульман Внутренней России и Сибири (Миллэт Меджлиси), председателем коллегии по образованию штата Идель-Урал, председателем Управления (Милли Идаре) по осуществлению культурно-национальной автономии мусульман Внутренней России и Сибири, принимал участие в Парижской мирной конфренции, а затем по приглашению Мустафы Кемаля Ататюрка переехал в Турцию. Депутатами Миллэт Меджлиси и членами Милли Идаре были земский деятель, автономист Салимгирей Джантюрин (член I Думы от Уфимской губернии) и лидер Мусульманской трудовой группы во II Думе учитель Калимулла Хасанов.

Члены Государственных дум от Степных областей Казахстана А. Букейханов, М. Тынышпаев, А. Беремжанов выступили идеологами и создателями казахской партии Алаш и казахской национально-территориальной автономии Алаш-Орда[9]. Депутат II Думы от Семиреченской области инженер Мухаммеджан Тынышпаев в 1917 г. был премьер-министром и одновременно министром внутренних дел Туркестанской (Кокандской) автономии, а также членом Всеказахского Совета Алаш-Орды. Член I Думы от Семипалатинской области Алихан Букейханов был одним из создателей партии Алаш и организаторов казахской национально-территориальной автономии, в 1918 г. Председатель Народного совета Алаш-Орды. Министром юстиции правительства Алаш-Орды и членом Всеказахского совета Алаш-Орды являлся депутат I и II Думы Ахмет Беремжанов.

Грузинские депутаты в Думе не создали национальной группы, а вошли вместе с другими членами РСДРП в социал-демократическую фракцию, но сыграли весьма заметную роль как в Закавказском сейме и в Закавказской демократической федеративной республике, так и в организации национального правительства Грузии. Депутат I Думы от г. Тифлиса, председатель социал-демократической фракции Ной Жордания был одним из организаторов Грузинской демократической республики (май 1918 г.), возглавлял ее парламент, а в 1918—1919 гг. — руководил правительством Грузинской демократической республики[10]. Другой депутат I Думы Исидор Рамишвили (Кутаисская губерния) в 1918—1920 гг. входил в состав правительства Грузии. Депутат II Думы от Кутаисской губернии Ираклий Церетели, председатель социал-демократической думской фракции, также был одним из организаторов Грузинской демократической республики, членом Учредительного собрания Грузии, одним из руководителей грузинской делегации на Парижской мирной конференции.

Итак, из учтенных нами депутатов один стал президентом, десять — премьер-министрами. Министрами после октября 1917 г. становились депутаты всех четырех

Дум, выявлено 10 членов Дум, продолживших свою политическую карьеру в качестве министров правительств национальных государств на постимперском пространстве. На дипломатическую службу направлено трое бывших депутатов. Таким образом, после революции 1917 года стало очевидно, что Дума явилась политической площадкой и фактором складывания новых национальных элит, которые проявили себя в национальных правительствах периода гражданской войны, а также в новых независимых государствах — в Польше, Латвии, Литве и Эстонии.

1 *Brzoza Cz., Stepan K.* Posłowie polscy w Parlamencie Rosyjskim, 1906—1917: Słownik biograficzny. Warszawa, 2001.
2 *Morawski W.* Władysław Grabski: polityk, mążstanu, reformator. Warszawa, 2004.
3 *Wapiński R.* Roman Dmowski. Lublin, 1988.
4 *Смалянчук А.* Раман Скірмунт: Шлях да Беларусі // Спадчына. 1994. № 6.
5 *Treijs R.* Prezidenti: Latvijas valsts un ministru prezidenti (1918—1940). Riga: Latvijas Vēstnesis, 2004.
6 Jaan Tõnisson Eesti välispoliitikas, 1917—1920: dokumente ja materjale. Tallinn, 1993.
7 *Циунчук Р.А.* Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность Мусульманской фракции в Государственной думе России 1906—1907 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века). М., 1997; *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте, 1906—1916. Казань, 2005.
8 *Сеидзаде Д.Б.* Азербайджанские депутаты в Государственной думе России. Баку, 1991.
9 *Аманжолова Д.* Казахский автономизм и Россия: история движения «Алаш». Москва, 1994; *Нурсалиев Р.* «Алашординцы». Алматы, 2004.
10 *Жордания Н.Н.* Моя жизнь. Стэнфорд, 1968.

Раздел 6
Революция, культура, духовная жизнь

Н. Катцер

«Пыль и дым». «Революция» и писатели

Как правило, историк вынужден оправдываться, используя литературные произведения в качестве источника. Его спросят — а что дают ему писатели такого, что не было бы представлено у других свидетелей эпохи даже в более непосредственной и аутентичной форме, например, в письмах, автобиографических записях, дневниках? Он мог бы ответить, что у писателей, прежде всего, современников, есть чувство того, что мы называем «духом времени» или «дыханием эпохи», или «шумом времени». Осип Мандельштам уточняет: «Мне хочется говорить не о себе, а следить за веком, за шумом и прорастанием времени. Память моя враждебна всему личному»[1]. Писатели не только конкретно и детально описывают эпоху, но и связывают вместе различные уровни: языковой уровень с событийным уровнем и все это с едва уловимым уровнем «течения» или «тенденции» всего происходящего. Михаил Осоргин выразил это так: «Какая путаница для историков — какой материал для романистов!»[2] Осоргин подчеркивает особый вид приемов, которые отличают писателя от историка.

В связи с историей революции интересуют следующие вопросы: как писатели «проживали революцию и гражданскую войну»? как они относились к политическим движениям? сидели ли за столом и ждали конца сражений, меняли ли часто место жительства, выступали ли в публичном пространстве? Положение литературы можно сравнить с положением в искусстве. Не все хотели быть в центре суматохи. Многие хотели бежать, спрятаться, «забыться», «уйти в мир иллюзии». Александр Николаевич Бенуа пишет в своем дневнике 1917 г.: «Я за последние дни так втянулся в свое творчество, все внешние события и даже “личная угроза” меня (почти) не трогают»[3].

Далее можно спросить, какое влияние оказали революция и Гражданская война на творчество российских писателей, в какой форме они смогли отразить пережитое в литературе. Здесь меня в особенности интересуют те писатели, кто либо принимал активное участие в событиях (например, будучи фронтовым офицером, чиновником, политическим активистом или журналистом партийных газет), либо являлся «очевидцем эпохи», то есть следил за происходящим скорее с позиции наблюдателя.

Созданные этими писателями тексты могут быть отнесены к самым различным жанрам. Некоторые из них выступали преимущественно как поэты или прозаики, другие порой обращались и к драматургии. Таким образом, мы имеем дело со стихотворениями и поэмами, рассказами, романами и пьесами. Но не меньшее количество авторов выступало в качестве литературных критиков и эссеистов, они писали репортажи и отчеты о поездках, вели дневники или поддерживали регулярную переписку. Этот материал во многих случаях становится известным и доступным лишь сегодня. Потому история возникновения и передачи произведений зачастую не менее увлекательна, чем их содержание.

Необходимо решить принципиальный вопрос о том, насколько вообще эти тексты разных жанров могут быть использованы в качестве исторического источника. Относительно писем и дневников едва ли могут возникать сомнения. Иное дело — стихотворения и поэмы, занимавшие центральное положение в литературе времен революции и Гражданской войны. Среди историков (сюда мы должны добавить и литературных критиков, и политиков) шла напряженная дискуссия и о рассказах, романах и пьесах, которые уже с начала 1920-х годов стали первой попыткой худо-

жественного осмысления происшедших с 1917 г. событий. Они спорили не только о соотношении фактологии с сюжетом (о проблеме факта и фикции), но и о литературных трудах как книгах по истории. Они не сомневались, что писатели не могли не выступить историками, придавая недавнему прошлому специфическую форму.

За прошедшие 25 лет взгляд на историю двадцатого столетия в целом существенно изменился. Лишь недавно предметом специального изучения историками стала эпоха Первой мировой войны, революции 1917 года и Гражданской войны. Вслед за историком Юрием Готье, специалистом по кризису начала XVII в., мы можем говорить о «новом Смутном времени»[4]. То, что сегодня (как прежде в эмигрантской среде) описывается как «Великая Российская революция», после десятилетий фрагментарного, политически предвзятого или однобокого рассмотрения, заслуживает новых подходов. Они заимствуются из самых различных гуманитарных дисциплин (истории, социологии, философии). Однако их можно почерпнуть и из ненаучных сфер, таких, как литература. В пользу этого не в последнюю очередь говорит то, что у широких общественных слоев как в России, так и за ее пределами представление о революции сформировано на основе литературных произведений.

Писатели революционной эпохи

Писатели, как и другие современники, стали невольными свидетелями «эпохи катаклизмов». Они стояли перед неизвестной реальностью. Соответственно, эта реальность в их произведениях показана такой, какой представала перед их глазами. Она еще не была подвергнута анализу и изучению, она оказывается противоречивой, смутной и неясной: война, демонстрации, очереди за хлебом, политики, неустроенный быт, страдания, ненависть и вражда. Этот жизненный фон мы встречаем и на фотографиях, он отражается в документальных свидетельствах. Будущее было неизвестным.

Писатели смотрели на революционные события сквозь призму еще не исчезнувших «пыли и дыма».Так звучало и рабочее название романа А.Н. Толстого «Хождение по мукам» — одного из первых «художественных опытов ретроспективного взгляда на кризисный период», а также «попыткой осмысления уже пережитого»[5]. Революция в этом первоначальном варианте первого тома по убеждению автора тесно связана с наследием христианства. Из-за этого его можно читать как хождение героя-автора «по страданиям, надеждам, восторгам, падениям, унынию, взлетам — [это] ощущение целой огромной эпохи»[6]. Революция представляется «как искушение, соблазн и вместе с тем наказание, кара. Взгляд на нее был осуществлен с разных точек зрения: идеолога Акундина и поэта Бессонова, анархиста Жадова и рабочего Рублева, либерала Смоковникова и офицера русской армии Рощина, инженеров Телегина и Струкова, Елизаветы Киевны Расторгуевой и сестер Даши и Кати Булавиных»[7].

Какие только пути выхода не искали писатели, чтобы пробраться через революционную Россию — по советским или по «белым» территориям, через окраины или «по ту сторону границы» (то есть в эмиграцию). Едва ли жизненный путь может быть более переменчивым и противоречивым[8]. Биографию почти каждого из них можно рассказывать как приключенческий роман. Некоторые приветствовали как Февраль, так и Октябрь (Маяковский, Блок). Другие были поначалу воодушевлены Февралем, потом все более разочаровывались и частично или полностью отвергли Октябрь (Ремизов, Бунин, Гиппиус, Горький). В различное время и по очень разным причинам они покинули Советскую Россию. Некоторые позднее вернулись, пытались или найти контакт с властью, или же отказывались от этого в пользу внутренней эмиграции.

Среди эмигрантов многие остались непримиримыми в отношении советской власти (Бунин, Гиппиус). Другие всю оставшуюся жизнь взвешивали решение вернуться все же на родину (Ремизов).

Многие поначалу упорно стремились остаться «между фронтами», неоднократно меняли стороны или полагали, что смогут остаться нейтральными. Например, М. Волошин с радостью принял Февраль, однако ужаснулся росткам насилия и уехал в Крым (в Коктебель). Там он сначала спасал красных от белых, а потом белых от красных.

Скорее исключением являются те писатели, кто еще в годы Гражданской войны вступил в партию и занимал официальные посты (Брюсов в 1919 г.). Еще раньше стал большевиком Демьян Бедный (1912). Расцвет своего творчества он пережил между 1917 и 1923 г. В эти годы среди сторонников советской власти были весьма популярны его прямолинейные, полемические стихи. Однако после награждения орденом Красного Знамени (1923) его звезда закатилась.

Таким образом, все многообразие вариантов отношения писателей к революции лишь очень редко исчерпывается формулой «Остаться или уехать».

Избранные примеры

Какой вклад внесли писатели в историю и историографию революции? В чем заключалось то специфическое «знание от литературы»[9], которое они выражали? Мы можем подойти к ответам на эти вопросы с различных сторон: с энциклопедии или классической истории литературы, биографических исследований, литературоведческого анализа произведений или за счет изучения конкурировавших литературных направлений (реализм, символизм, футуризм, акмеизм, имажинизм, Пролеткульт, «Серапионовы братья»), анализируя эпоху так называемого «серебряного века», достигшего своего апогея в 1913 г., или рассматривая высказывания писателей в рамках сочинений историков революции, которые они иногда цитируют для подтверждения своих исторических тезисов (значит, более или менее как орнамент).

Однако насколько возможно охватить такую массу личностей и произведений?

Можно сделать, конечно, и совсем другую выборку. С 1930-х годов в Советском Союзе существует более или менее устоявшийся канон репрезентативных авторов и произведений для взрослых, которые отличаются специфической чертой соцреализма — его «детскостью», и были более или менее сознательно адресованы детям[10]. Именно они определяли образ революции и память о ней у нескольких поколений. Достаточно назвать лишь — Всеволод Иванов *Бронепоезд 14-69* (1922), Дмитрий Фурманов *Чапаев* (1923), Михаил Шолохов *Тихий Дон* (1928, 1932, 1940), Александр Фадеев *Разгром* (1926), Николай Островский *Как закалялась сталь* (1934).

В отличие от них многие авторы оставались полностью или частично неизвестными. Лишь постепенно на них стали обращать внимание, вспоминать. Их много[11]. Особенно это касается эмигрантских авторов. Они создали собственную традицию исторической памяти. Многих из этих писателей в России смогли напечатать и прочитать лишь после 1991 г.

Поэзия

Мотором перемен в языке и метафорах революции выступала, прежде всего, поэзия, а с ее подачи и театр. Именно молодые поэты уже в ходе Мировой войны на своем опыте познали то, какое влияние оказывает именно стихотворная строка — будь то

лозунг, одностишие, простое четверостишие или экспериментальные сочинения и поэмы (футуристов, акмеистов, имажинистов).

Николай Гумилев охотно предпринимал экзотические путешествия в Африку (в Абиссинию), участвовал в Первой мировой войне на разных фронтах. Весной 1918 г. он вернулся в революционную Россию. Его завораживали известия оттуда, он хотел принимать в этом участие, воспринимая события как новую версию Французской революции. Едва приехав, он тут же перевел «Марсельезу» на русский. В предисловии к его переводу «Les fleures du Mal» («Цветов Зла») Бодлера он не побоялся поставить этот сборник стихов в один ряд с «Капиталом». Ведь конкистадоры «завоевывали» новые континенты, а Бодлер — саму поэзию. Тот будто бы был «революционером» уже двадцатого века, оставив в тени Бакунина, Маркса и Энгельса. Гумилева привлекало все провокационное, он даже пародировал Святое Писание (книги Моисея)[12]. В годы Гражданской войны симпатизировал белым. В 1921 г. по сомнительному подозрению был арестован и затем казнен без суда — якобы просто за то, что был монархистом. Но был ли он реакционером? С литературной точки зрения Гумилев был предтечей формализма. Он полагал форму единственным средством выражения «духа». Он хотел революционизировать язык и не шел ни на какие компромиссы с идеологизированными разговорными формами[13].

Все поэты эпохи, каждый на свой лад, экспериментировали с художественными формами. Они спорили о функции содержания относительно звукового и текстового его отображения. В их бинарном максимализме манифестировалась динамика перемен: современный — архаичный, прогрессивный — реакционный, элитарный — демократический. Но эффект отнюдь не ограничивался литературными вечерами, публичными чтениями или представлениями. А Гумилев был убежден, что поэзия — это искусством дня:«Ведь поэт всегда господин жизни, творящий из нее, как из драгоценного материала, свой образ и подобие. Если она оказывается страшной, мучительной и печальной, значит, такой он ее захотел»[14].

Проза

Час прозаиков пробил несколько позже, в начале 1920-х годов. Для молодежи революция стала импульсом, чтобы начать писать. Писатели же постарше все более обращались к публицистике. Автор бестселлеров Горький пробовал себя в издательском деле, основал журнал и газету, писал политические фельетоны.

Прозаики писали уже спустя некоторое время, находясь на той или иной дистанции, в только что возникшем Советском Союзе или в эмиграции, или колеблясь между ними, пока это еще было возможно. Каждый из случаев в отдельности уникален, все они отразили особенности этого дистанцирования. Они формировались лишь впоследствии, связывая воедино опыт мировой войны, революции, гражданской войны и послевоенного времени победителей или проигравших, объединяя найденные мотивы, сюжеты и зарисовки в панорамы, коллажи, сборные полотна, а избранные эпизоды делая концентрированным отражением событий векового значения.

Роман *Белая гвардия* и пьеса *Дни Турбиных* Михаила Булгакова — это опорные, базовые произведения мировоззрения автора, его философии истории. История семьи Турбиных в бурные времена. Всякий, кто серьезно занимается романом *Мастер и Маргарита,* вновь и вновь наталкивается в нем на материал Гражданской войны[15]. Великие революционные эпосы сегодня почти забыты, а Булгаков по-прежнему принадлежит к самым популярным авторам XX столетия. Его сочинения переведены на все основные языки мира. В Германии Булгаков переведен почти полностью. Так или иначе, все пере-

житое им лично с самого начала находило отражение в его произведениях. Автобиографическое и выдуманное перемешалось. Религиозное мироощущение и медицинские опыты, эксцесс с наркотиками и кровавый дурман (навеянный серийными ампутациями в лазарете) — революция и Гражданская война кажутся ему театром абсурда.

В центре романа *Сивцев Вражек* Михаила Осоргина — история бывшего профессора орнитологии Ивана Александровича и его внучки Татьяны. События не выстроены в одну сюжетную линию, а просто следуют друг за другом. Центр художественной структуры романа — дом на старой московской улице. Дом профессора-орнитолога — это микрокосм, подобный в своем строении макрокосму — Вселенной и Солнечной системе. В нем тоже горит свое маленькое солнце — настольная лампа в кабинете старика. В романе Осоргин стремился показать относительность великого и ничтожного в бытии. Бытие мира в конечном счете определяется для Осоргина таинственной, безличной и лежащей за пределами морали игрой космологических и биологических сил. Каждый из многофункциональных образов романа несет в себе отголоски других образов, ситуаций и действий. Автор использует мотивы славянского фольклора и элементы библейской мифологии. Название *Сивцев Вражек* — от улицы рядом с Арбатом, где селилась элита московской интеллигенции[16].

Отличительной чертой писателя Гайто Газданова является его тяготение к экзистенциализму. Это особенно проявляется в поздних произведениях Газданова, в том числе в романе *Призрак Александра Вольфа*. Персонажей можно охарактеризовать как странников, совершающих реальные и метафорические путешествия к смерти. Душа человека, как правило, недоступна окружающим и не всегда ясна ему самому. Требуется определенная ситуация, может быть, даже опасная, чтобы скрытое стало явным, — в романе это случайная встреча двух бывших солдат гражданской войны, описанная автором как дуэль. Вот как начинается произведение:

> «Из всех моих воспоминаний, из всего бесконечного количества ощущений моей жизни самым тягостным было воспоминание о единственном убийстве, которое я совершил. С той минуты, что оно произошло, я не помню дня, когда бы я не испытывал сожаления об этом. Никакое наказание мне никогда не угрожало, так как это случилось в очень исключительных обстоятельствах и было ясно, что я не мог поступить иначе. Никто, кроме меня, вдобавок, не знал об этом»[17].

Роман пронзителен и парадоксален, как сама жизнь.

Литература «Великого перелома» и историческая наука

Очевидно, любопытство историка возбуждает уже само совпадение биографии и конкретного исторического отрезка времени. Однако более важным мне представляется то, как случайное свидетельство времени находит свое отражение в произведениях писателя. Обе линии, биографическая и писательская, в данном случае очень тесно связаны друг с другом. Потому я не буду здесь подробно вдаваться в литературоведческие споры. Их ведут пуристы, прибегающие к дословной, основанной на букве произведения интерпретации, и сторонники биографического начала. Как в случаях, например, с Исааком Бабелем или Николаем Гумилевым, Андреем Платоновым, Осипом Мандельштамом, Борисом Пильняком, чистый анализ текста без учета временного контекста ведет, по моему мнению, к внеисторическим абстракциям или существенным упрощениям.

Повод глубже заняться творчеством наиболее значимых писателей того или иного времени дает и уже далеко не новый, но все еще вызывающий дискуссии спор об историопи-

сании как литературном жанре. Одна из наиболее старых его версий касалась — по меньшей мере, в 1970-е годы, — различных методов исследования и изобразительных форм. В соответствии с ней, событийная история являлась скорее «рассказывающей», а структурная — «аналитической». Сначала историки дискутировали о проблеме, казавшейся внутридисциплинарной. Поводом к этому стало утверждение одного литературоведа, якобы любой текст не что иное, как языковая конструкция. В таком случае работы историков с их источниками всего лишь «нарративы», то есть интерпретации (фикции) действительности, но не сама действительность. Интересным в последовавших за этим дебатах было то, что проблема аутентичности (а в последнее время снова все громче звучат речи о «правде в истории») привлекла к себе широкое внимание. В литературе аутентичность понимается совершенно иначе, чем в историописании. Какой-нибудь роман может быть «аутентичным» без использования оригинальных документов. Исключительно за счет искусного владения языком автор может уловить настроения, манеры поведения, чувства и эмоции, характерные для какого-то отрезка времени. Напротив, сочинение историка должно соответствовать строгим критериям в выборе источников и их критике.

Произведения писателей являются отражением «войны в головах». Зачастую писатели игнорировали значимые факты, так как для них важна была «высшая правда», считает Рут Клюгер[18]. Историческая актуальность и точность в фактологии не стояли для них на первом плане. Они пытались разглядеть явления, бывшие куда глубже непосредственно происходящих событий.

Однако почему писатель вообще обращается к истории? Ведь факты стесняют его творческую свободу, он же мог бы все выдумать. Например, Толстой в «Войне и мире» оказывается связан тем, что и Наполеон, и война в России действительно имели место. С этим он не может обращаться, как ему вздумается, ведь он должен учитывать то, что знают об этом читатели. Вот так писатель и становится сам себе историком. Он претендует на то, что может судить об истории. Но читатель, на основе уже имевшихся у него познаний, с любопытством следит за тем, как это получится у писателя. Нас притягивает к себе «совершенно иной» взгляд: история как поэма без примечаний, как прорыв из темницы фактов.

И на этом мы вновь подходим к исходному пункту, к «разделительной черте» между искусством и наукой и к возможности подходить к ним с двух сторон: история революции может оказаться на службе у литературного творчества, если последнее, к примеру, использует ход событий лишь как фон к трагическим, уникальным человеческим судьбам. Однако вполне может быть и наоборот — в творческой обработке возможно понять не отдельные события и личности, а (анонимную) революцию в целом.

Мне кажется, литература, особенно во времена перемен и кризисов, берет на себя функции, схожие с музеем. Она консервирует, накапливает и сохраняет язык, образы, эмоции, жесты, мимику, шорохи, звуки, запахи и иное «знание» в текстуальной форме[19]. Она обращается со словами и текстом так, как поступает музей с предметами и с материальной коллекцией. Именно романы, рассказы, стихотворения и драмы могут сохранить и передать чувства и страсти. Они опираются чаще всего на старые, предыдущие, уникальные источники (в том числе и устные), которые зачастую уже утеряны. Даже если они облекают все это в экспериментальную форму, как например, футуризм, символизм, формализм, значение этого невозможно переоценить. Литература стоит, таким образом, на страже культуры. В особенности, если она периодически вытеснялась или долгое время находилась в хранилище.

Последователи *Cultural turn* претендуют на многое, чего достигла литература или литературоведение уже в самом начале: они хотят исследовать субъект / саму лич-

ность / Эго / индивидуум, будь это автор, рассказчик или литературный герой. Они достигают этого путем «плотного описания», анализа текстов, включая дневники, письма, автобиографические свидетельства и интертекстуальные связи.

Таким образом, историки и художники являются «попутчиками», которые многому могут друг у друга научиться.

1 *Мандельштам О.* Шум времени. М., 2006.
2 *Осоргин М.* Девятьсот пятый год // Современные записки. 1930. № 44. С. 299.
3 *Бенуа А.Н.* Дневник, 1916—1918. М., 2016. С. 29.
4 Ср.: *Готье Ю.В.* : 1) Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII столетия. [М.], 1921 ; 2) Мои заметки. М., 1997.
5 *Воронцова Г.Н.* «Сквозь пыль и дым»: первый роман о русской революции // *Толстой А.* Хождение по мукам / под ред. Г.Н. Воронцовой. М., 2012. С. 303.
6 Там же.
7 *Воронцова Г.* «Сквозь пыль и дым». С. 303—304.
8 См.: Двенадцать. Русские писатели как зеркало революции 1917 года: каталог к выставке / ГЛМ. М., 2017.
9 *Hörisch J.* Das Wissen der Literatur. München, 2007. S. 15.
10 *Чудакова М.* Сквозь звезды к терниям: (смена литературных циклов) // Новый мир. 1990. №. 4. С. 248; *Добренко Е.* Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 31—40.
11 См. энциклопедический справочник: Писатели современной эпохи: биобиблиогр. словарь русских писателей XX века / под ред. Б.П. Козьмина. М., 1928. Т. 1.
12 *Фокин С.* О формальном методе в русской теории перевода 1919—1928 годов // Русская интеллектуальная революция 1910—1930-х годов: материалы междунар. конф.. М., 2016. С. 179—183.
13 *Гумилев Н.* Переводы стихотворные // *Батюшков Ф.Д.* Принципы художественного перевода. Статьи Ф.Д. Батюшкова, Н. Гумилева, К. Чуковского. 2-е изд., доп. Пб., 1920. С. 54.
14 *Его же.* Рец. на кн.: *Ляндау К.* У темной двери. Стихи. М., 1916 // Биржевые ведомости. 1916. 30 сент.
15 *Лесскис Г.А.* Триптих М.А. Булгакова о русской революции. «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита». Комментарии. М., 1999.
16 *Поликовская Л.В.* Жизнь Михаила Осоргина, или Строительство собственного храма. СПб., 2014; *Fiene Donald M.* M.A. Osorgin — The Last Mogican of Russian Intelligentsia // Russian Literature Triquarterly. 1979. Nr. 16.
17 *Кибальник С.А.* Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб., 2011.
18 *Klüger Ruth.* Dichter und Historiker: Fakten und Fiktionen. Wien, 2000. С. 17.
19 Ср.: *Журавлев В.В.* Союз Клио и Психеи: в поисках «одушевленной» истории // Историк и художник: сб. воспоминаний и статей памяти проф. Сергея Сергеевича Секиринского / под ред. Ю.А. Петрова. М., 2013. С. 73—83.

Ю.В. Аксютин

Великая русская революция глазами творческой интеллигенции

Свержение самодержавия подавляющим большинством российской интеллигенции было воспринято как нечто долгожданное, к чему она давно стремилась и, мало того, по мере своих сил и возможностей готовила народ. Однако дальнейший ход событий все больше и больше разочаровывал ее, а большевистский переворот привел чуть ли не в ступор.

Живший на углу Пречистенки и Зубовского бульвара, где шли ожесточенные бои между юнкерами и красногвардейцами, композитор А.Т. Гречанинов писал песнопения своей литургии, которой он дал древнее название «Демественная», то есть домашняя. И объясняя потом, может быть, несоответствие значению этого слова

горьковатости музыки «аллилуия» в запричастном стихе, ссылался на картины пережитых им тогда жутких дней:

«Мы находились как раз посередине двух враждующих сторон. Большевикам показалось, что из нашего дома по ним стреляют. Оглушительный звонок в квартиру, другой, третий. Я открываю дверь. Передо мной солдат с безумными глазами.

— Из вашего дома стреляют, сейчас у вас будет обыск, — каким-то задыхающимся голосом быстро произносит он.

— Хорошо, — говорю я, — но зачем же эта паника, этот трезвон?

— Что? Ты разговаривать? Пять шагов назад!

Становится на одно колено и направляет на меня дуло ружья. К счастью, я успеваю скрыться за дверью. После обыска у всех жильцов нашего дома запечатываются комнаты, выходящие на улицу. Я лишаюсь, таким образом, своего рояля и письменного стола, и вместе с ними возможности работать, в чем было единственное средство забыться от ужасов»[1].

Профессор истории Московского университета Ю.В. Готье, живший в Большом Знаменском переулке у самого Кремля, угощал 30 октября завтраком офицеров-добровольцев — Федю и Андрея Армандов, отмечая в дневнике, что «первый искупает мамашу-большевичку»[2].

Таковы законы гражданской войны: брат на брата, сын на отца и мать.

3 ноября Москва, «целую неделю защищаемая горстью юнкеров, целую неделю горевшая и сотрясавшаяся от канонады, сдалась, смирилась». Победители водрузили свой стяг над Кремлем. «И не было дня во всей моей жизни страшнее этого дня, — видит Бог, воистину так!» — вспоминал Иван Бунин. После недельного плена в четырех стенах, без воздуха, почти без сна и пищи, с забаррикадированными стенами и окнами, он, «шатаясь, вышел из дому, куда, наотмашь швыряя двери, уже три раза врывались, в поисках врагов и оружия, ватаги “борцов за светлое будущее”, совершенно шальных от победы, самогонки и архискотской ненависти, с пересохшими губами и дикими взглядами, с тем балаганным излишеством всяческого оружия на себе, каковое освящено традициями всех “великих революций”». Постояв и поглядев на жалкую, грязную, обесчещенную, расстрелянную и уже покорную, принимавшую будничный вид Первопрестольную, по улицам которой потекла «торжествующая московская чернь», он побрел домой. «А ночью, оставшись один, будучи от природы весьма несклонен к слезам, наконец заплакал и плакал такими страшными и обильными слезами, которых я даже и представить себе не мог»[3].

Отрицательно отнесся к установлению большевистского режима приват-доцент Московского университета Н.В.Устрялов. Но в его дневниковых записях это негативное отношение проявляется не столь однозначно, как в публицистических статьях. Так, на полную победу ленинцев в Москве он 3 ноября откликнулся следующим образом: «Конечно, большевики не хуже меньшевиков. Даже лучше: они энергичнее, прямее, тверже. Но... их программа на деле безумна»[4]. В статье «Еще о революции», опубликованной 6 ноября 1917 г. в газете «Утро России» под псевдонимом «П. Сурмин», он, соглашаясь с тем, что большевики — «демагоги» и что их сила и мощь — «призрачны», в то же время отмечал, что приход их во власть есть «шутка исторического календаря», революция, совершенная «на волне голода и страха»: «Во имя питания творили ее городские петроградские толпы, во имя сохранения ее поддержали солдаты». А потому, делал он вывод, революция эта — вовсе «не политическая, не буржуазная, не социалистическая», а «биологическая»[5].

И до того тяжелые переживания и предчувствия Бальмонта усилились после октябрьских боев в Москве. 6 ноября он сообщал жене: «Все мы живы, хотя эту истек-

шую неделю ежеминутно могли быть расстреляны или, по крайней мере, застрелены <...> Читаю “Историю России” Сергея Соловьева, прочел о начальных временах Руси, Стеньке Разине, о Смутном времени, о начале царствования Петра. Русские всегда были одинаковы, и подлость их родной воздух»[6].

«Очень смутно и тревожно за будущее» было на душе у академика В.И. Вернадского: «Сейчас ярко проявляется анархизм русской народной массы и еврейских вождей, которые играют такую роль в этом движении... Очень ясно падение идейное социализма и народничества. Очень любопытно будет изменение русской интеллигенции». Вместе с тем он ясно чувствовал силу русской нации, несмотря на ее движение в антигосударственном направлении, и ссылался на пример Польши, где расцвет нации начался после падения ее государственности в XVIII в. «Чтобы ни случилось в госуд[арственных] формах, великий народ будет жить», — полагал он[7]. Но в целях личной безопасности предпочитал держаться подальше от центра революционной стихии и вскоре вернулся к себе на Полтавщину.

Н.А. Бердяев, имея в виду большевистский переворот, заявляет в № 15 «Народоправства», что никакой революции в России не было. Он не видел в происходящем в стране «существенных признаков революции в западно-европейском смысле этого слова», а потому считал, что все это ее «чистейший призрак», лишь отражение разрушительного процесса, вызванного распадом монархической власти. «Вот эти процессы гниения старой России и принимают у нас за “развитие и углубление” революции». Старая власть пала, а новой нет. Наступила анархия — бесплодная и нетворческая. «Катастрофу, происходящую в России, также неверно называть революцией, как неверно было бы называть революцией пугачевщину»[8].«Ничто не изменилось. Никакой новой жизни, те же рабьи души. Под личинами свободных людей — то же звериное хрюканье. Та же тьма. Большевиков не отличить от черносотенцев. Это не революция, а катастрофа, смутное время. При этом большевизм царит с самого начала “революции” — ничего нового нет в его торжестве»[9].

Еще резче судит Г. Чулков: «То, что происходит у нас сейчас, это, конечно, самая подлинная и мрачная контрреволюция, не имеющая ничего общего с социализмом, ни даже с демократизмом»[10].

17 ноября «Новая жизнь», отражавшая взгляды группировавшейся вокруг М. Горького левой интеллигенции, не без некоторого злорадства констатировала, что у большевиков нет пока ничего, кроме солдат и пулеметов: «Без государственного механизма, без аппарата власти вся деятельность нового правительства похожа на машину без приводных ремней: вертится, вертится, но работы не производит»[11].

Но пока с большевиками были солдаты, их власти ничто не угрожало. Михаил Пришвин фиксирует в дневнике характерный финал спора о роли ученых людей во внезапно остановившемся трамвае: «Спор, конечно, был не о науке, а просто чиновник уже кое-что понимал о себе и, может быть, о личном подвиге и хотел быть самим собой, а солдатик был каплей, которой непременно нужно слиться с другою каплей и стать бушующей водой. Серый солдатик и чиновник завязли в споре, и тут один “сознательный” солдат все разрешил.

— Вы рабочий? — спросил он чиновника.

— Конечно, рабочий, я еще меньше рабочего получаю и целый день на службе.

— Ежели вы настоящий рабочий, почему же вы не подчиняетесь пролетарской партии? Банки бастуют, трамваи вот остановили...

— Партии большевиков мы не хотим.

— А почему же народных комиссаров?

— Какие они народные?

— Стало быть, и советы рабочих и солдат по-вашему не народ?

“Не народ, конечно, не народ!” — так думал, наверно, чиновник, но сказать вслух это побоялся, стих и смялся.

— Залоханился! — сказали в толпе.

И пошло.

— Ах вы, буржуи, рыла нетертые!

И пошло, и пошло, а чиновник пропал, и голос его в защиту личности, которая больше народ, чем все народные советы, потонул <...> как в море полушка.

— Усе и усем (все и всем. — *Ю.А.*), — бушевало море над потонувшим чиновником»[12].

А чтобы солдаты продолжали большевикам верить, те открыли в Брест-Литовске мирные переговоры. Ф.А. Степун на страницах «Воли России» комментировал это так:«Что за дело некоронованным самодержцам революционной России, наезжим эмигрантам и тыловым прапорщикам, до священной мечты русского солдата о светлом и великом дне замирения? Что им за дело до того, что наша родина уже превращается для многих из нас из родины в чужбину? Что им за дело до того, что час замирения с врагом превращается в час народного раздора, что он восходит над Россией не в благообразии, а в безобразии, не как торжество правды, а как торжество насилия и что он ведет за собою со связанными за спиной руками тех оплеванных и избитых офицеров, что после тяжелых ранений добровольно возвращались на фронт, чтобы защищать родину? Что им за дело, наконец, до того, что вестниками и глашатаями своего мира они вынуждены посылать предателей, убийц и громил, что лицо их мира восходит над Россией с каиновой печатью на лбу, озаренное зловещим заревом пылающих городов и поместий? Я знаю, до всего этого им дела нет, но пусть они потому и не говорят, что русский народ с ними»[13].

Отказ от союзнических обязательств России с возмущением восприняла профессура, и без того однозначно встретившая большевистский переворот как узурпацию власти. 20 ноября совет Харьковского университета заявил: «Нам невыносима мысль, что в муках рожденная русская свобода в сознании нашего потомства будет соединена с воспоминаниями об отвратительном предательстве»[14]. Что сепаратный мир «отторгнет Россию от семьи народов, создающих общим трудом науки, искусства и промышленность, т.е. духовные и материальные ценности, которые составляют жизнь народов и без которых этой жизни нет», посчитали и профессора Казанского университета[15].

21 ноября в Академию наук явился некий «т. Иван Васильевич Егоров» с удостоверением о том, что на заседании Государственной комиссии по просвещению он «избран комиссаром Академии наук»[16]. В тот же день академики, заслушав на своем общем собрании А.С. Лаппо-Данилевского, приняли обращение: «Великое бедствие постигло Россию; под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продает свою душу и ценою постыдного непрочного сепаратного мира готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и о чести народной? — внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов. Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судеб Учредительному Собранию; оно должно охранить ее от внутреннего и внешнего насилия; оно призвано обеспечить рост ее культуры и упрочить ее положение в среде просвещенных государств. В твердом единении верных сынов России служители науки и просвещения сознают ее мощь и преклоняются перед ее волей: они готовы всеми своими знаниями и всеми свои-

ми силами содействовать той великой творческой работе, которую свободная Россия возлагает на Учредительное собрание»[17].

Профессор экономики Московского университета, бывший его ректор и бывший министр народного просвещения в первом и втором составах Временного правительства, член ЦК ПНС А.А. Мануйлов в разговоре с профессором Готье 25 ноября говорил:

— С захватом власти шайкой людей можно было бы бороться. Но что делать с народом, который отдал им свои голоса в таком количестве?

Он явно имел в виду то, что на выборах в Учредительное Собрание, только что прошедших в Москве большевики получили почти половину голосов (в стране в целом за них проголосовало 24%, и они т.о. вышли на второе место после эсеров, оставив далеко после себя партию интеллигенции — кадетов. — *Ю.А.*).

А затем спрашивал:

— Понимаете ли вы таких людей, как Покровский?[18]

Речь шла о старом знакомом и однокашнике Готье — профессоре истории М.Н. Покровском, ставшем еще в 1905 г. большевиком, а теперь возглавившем Московский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Покровский был не одинок. Когда, например, в Александринском театре публика с позором заставила народных комиссаров удалиться из бывшей царской ложи[19], В.Э. Мейерхольд, беседуя по этому поводу в обществе «Искусство для всех», очень удивлялся, почему солдаты не приходят в театр и молча не освобождают его от «партерной» публики:

— Довольно партера! Интеллигенцию выгонят туда, где процветают эпигоны Островского, — восклицал он.

«Интересно, — замечал в связи с эти В.Г. Короленко, — что Мейерхольд рассчитывает, будто демократические вкусы совпадают с его футуристическими кривляньями»[20].

Некоторой новизной по сравнению с другими кадетскими публицистами, стремлением уйти от упрощенного толкования происходящих в России событий отличались размышления о большевизме и русской интеллигенции в статье Н.В. Устрялова «В рождественскую ночь», опубликованной 24 декабря газетой «Утро России». Свидетельствуя о весьма серьезной переоценке им своих прежних толкований, эти размышления во многом были созвучны идеям будущего сменовеховства. Если пару месяцев назад то, что совершили рабочие и солдаты Петрограда, казалось ему шуткой исторического календаря и революцией отнюдь не политической, а сугубо биологической, то теперь он видит перед собою настоящую, подлинную русскую революцию, развернувшуюся во всю ширь. «Нужно пройти через большевизм. Нужно испытать все искушения этой тяжелой кары». Конечно, «хаос в душе народа» — «древний, подлинный» — должен быть изжит, преодолен. Но интеллигенция должна почувствовать «нравственную ответственность за случившееся», за разрушение русского государства, ибо большевистская власть «не с неба слетела, а органически из жизни выросла», а Ленин и Троцкий — «подлинные русские интеллигенты». Да, их программа — «бред... но ведь нужно же признать что это — бред больной родины, больной России».

Несмотря на очевидные разрушительные последствия революции, Устрялов обращал внимание на ее огромный созидательный потенциал. «Реализуется известный комплекс идей, пусть ошибочных, пусть ложных, пусть диких, но все же издавна присущих нашему национальному самосознанию... Идет процесс отбора крепких, жизнеспособных, здоровых идей». И когда в обществе произойдет большая переоценка ценностей, а интеллигенция отречется от многих увлечений и привычек, и,

умудренная опытом горя и крови, «пересмотрит свою историю и покается», тогда вслед за эпохой разрушения наступит творческая эпоха и в муках возродится «новая Россия, новая нация, новая культура», а эта последняя, «закаленная революционным пламенем, <...> будет достойна великого народа»[21]. В этих размышлениях историки усматривают влияние идей Н.Я. Данилевского[22].

26 ноября в газете «Утро России» напечатана статья «Русский бунт», в которой Устрялов признавал, что большевистская стадия русской революции «истинно народна», стихийна, что в ней проявились подлинность и закономерности, свойственные народному бунту. Души большевиков оказались родственны «русской душе», и в этом заключается опасность и непредсказуемость дальнейшего развития революции. Вождь пролетариата Ленин «братается с мужиком», страсть к разрушению объединяет их. Среди тех, кто обосновался в Смольном, немало «наших национальных типов», известных из русской литературы. Именно они — Молчалины, Хлестаковы, Рудины, Верховенские, Смердяковы — «выдвинулись на авансцену русской жизни». Поэтому советские вожди со всеми своими нелепыми и безграмотными декретами «подлинно народны». Да, сам большевизм порожден русской интеллигенцией, но бессознательно подхвачен русским народом, который, сбросив с него идейную интернационалистическую оболочку, с радостью оценил «его разрушительный пафос»[23]. Устряловскую мысль о «национальных типах», выдвинувшихся в результате революции на авансцену русской жизни, полгода спустя почти дословно повторит философ Н.А. Бердяев.

Но русская душа, по мнению Устрялова, по своей природе двойственна, и в ней присутствуют не только разрушительные, но и созидательные начала. В большевизме «как в фокусе сконцентрировались пороки русской души, послужившие источником и основой нынешней катастрофы». Поэтому борьба с большевистской властью есть борьба с бунтарской, анархической частью русской души той ее другой части, которая создала Великую Россию и способна предотвратить ее разрушение, преодолеть «исконно русский хаос». Эта борьба отражает дилемму: или путь анархического бунта, или путь великого государства[24].

Схожего мнения относительно того, с кем же идет народ, придерживался и профессор права Московского университета Николай Николаевич Алексеев. Побывав на московской демонстрации в защиту Учредительного Собрания, прошедшей в Москве 3 декабря, он так описывал тех, кто принял в ней участие: «Самые настоящие “цензовики”, не ниже четырехклассного городского училища. А все остальные — имя им миллион — они с народными комиссарами и с настоящей “народной властью”». И вообще во взгляде на сложившуюся в стране ситуацию он оказывается зорче своих коллег, поделившись таким «лукавым» политическим прозрением, часто возникающем у него в последнее время: «Мне начинает казаться, что так называемый большевистский режим субстанционально есть более органическая вещь, чем нам это в ослеплении нашем кажется». Автор находит поистине трогательной веру, с какой темный народ русский принимает большевистскую хирургию: «Он глубоко верит, что нынешний режим есть режим заправский, в котором правда-истина соединилась с правдой-справедливостью». И ничего тут не могут изменить ссылки на победу эсеров на выборах в Учредительное собрание: эту победу Алексеев объяснял в значительной мере тем, что на «местах» еще не успели дойти до большевизма. «Если бы дошли, голосовали бы за большевиков, ибо это куда ближе и куда доступнее». И вывод отсюда надлежит сделать такой: большевизм, пожалуй, прочнее, чем думают некоторые его противники.

Касаясь разговоров о том, что народ обманули, ввели в заблуждение, этот будущий эмигрант писал: «Конечно, обманули, но есть обман и обман. Большевистский

обман на руку самым дурным чувствам и инстинктам русского народа. На этих инстинктах, конечно, не построишь государства, однако на них довольно продолжительное время может держаться политическое бытие революционной эпохи».

Какой же может быть эта продолжительность? Алексеев давал поразительно точный прогноз: «Большевистская хирургия в ее временном бытии может кончиться или тогда, когда воры перережут друг друга, или тогда, когда "цензовики" сумеют противопоставить большевизму физическую силу. Но в плане "нуменальном" большевизм кончится тогда, когда вся Россия получит образование не ниже городского училища и превратится в государство тех "цензовиков", представители которых дефилировали по Тверской 3-го декабря»[25].

И действительно. Надежды на то, что «воры перережут друг друга», не осуществились. А вот победившему в этой резне Сталину для его гигантских планов модернизации страны понадобилось не только завершить процесс ликвидации неграмотности, но и предпринять значительные усилия для создания своей, «рабоче-крестьянской», интеллигенции, которую, помимо всего прочего, можно было бы противопоставить интеллигенции старой, «буржуазной». Его наследники продолжили эти усилия. В 1961 г. было принято решение об обязательности среднего образовании для всего населения.

И вот ирония истории! В СССР чуть ли не половина взрослого населения по уровню грамотности сравнялось с теми «цензовиками», которые мечтали о демократии в лице Учредительного Собрания. К тому же они считали себя собственниками своих квартир, многие имели дачи, а не меньше 10 миллионов — автомобили. Это были сугубые индивидуалисты. Пролетарское мировоззрение им было чуждо. А в обещание увидеть собственными глазами блаженный коммунизм как-то не верилось. Вот и сидели на кухоньках в своем кругу, суди-ряди, что и как и почему, а когда наступила перестройка, вышли на улицы с лозунгами: «КПСС, дай порулить!».

1 *Гречанинов А.Т.* Моя жизнь. СПб., 2009. С. 129.
2 *Готье Ю.В.* Мои заметки. М.: Терра, 1997. С. 44. (Тайны истории. Век XX).
3 *Бунин И.* Окаянные дни // *Бунин И.* Лишь слову жизнь дана... / сост., вступ., примеч. и имен. указ. О.Н. Михайлова. М.: Сов. Россия, 1990. С. 111—112. (Русские дневники).
4 *Устрялов Н.В.* Былое — революция 1917 г. (1890-е — 1919 гг.): воспоминания и дневниковые записи. М.: Анкил, 2000. С. 154.
5 *Сурмин П.* Еще о революции // Утро России. 1917. 6 нояб.
6 Цит. по: *Бальмонт К.* Письмо к Е.А. Андреевой от 6.11.17 // *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 127.
7 *Вернадский В.И.* Дневники, 1917—1921. Октябрь 1917 — январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. С. 32.
8 *Бердяев Н.* Была ли в России революция? // Народоправство. 1917. № 15. С. 5.
9 Там же. С. 8.
10 *Чулков Г.* Вчера и сегодня: листки из дневника // Народоправство.1917. № 15. С. 9.
11 Новая жизнь. 1917. 17 нояб.
12 *Пришвин М.* Хождение в народ: (из дневника). 2 декабря // Воля народа. 1917. 5 дек. (№ 185). С. 1.
13 *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им.Чехова, 1956. Т. 2. С. 377—378.
14 *Сизова А.Ю.* Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М.: РГГУ, 2007. С. 57.
15 *Литвин А.Л.* Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука. Ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х годов: материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 125.
16 Цит. по: *Кумок Я.Н.* Карпинский. М.: Мол. гв., 1978. С. 177. (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр.; вып. 8/579)).
17 Протоколы РАН. 1917. 21 ноября. § 307.
18 *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 51.
19 См.: *Луначарский А.* К инциденту в Александринском театре // Известия ВЦИК и Петроградского СРиСД. 1917. 19 дек. (№ 249). С. 8. То, как вела себя новая публика в бывшей царской ложе, изобразил на одной из своих акварелей И. Владимиров.
20 *Короленко В.* Дневник. Письма, 1917—1921 / сост., подготовка текста, коммент. В.И. Лосева. М.: Сов. писатель, 2001. С. 53.

[21] *Устрялов Н.В.* В рождественскую ночь // Утро России. 1917. 25 дек.
[22] См.: *Романовский В.К.* Н.В.Устрялов о русской революции: (по его публикациям 1917—1918 гг.) // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 156.
[23] *Устрялов Н.* Русский бунт // Утро России. 1917. 26 нояб.
[24] Там же.
[25] *Алексеев Н.Н.* Современный кризис // Народоправство. 1917. № 17. С. 13.

А.Е. Иванов

Высшая школа России в 1917 г.

Февральскую революцию профессора и студенты встретили с энтузиазмом, что объяснялось не только ожиданиями кардинального переустройства политической и социально-экономической жизни страны, но и приверженностью Временного правительства союзническим обязательствам в войне с Германией. 6 марта 1917 г. Совет профессоров Харьковского университета направил приветственную телеграмму председателю Государственной думы М.В. Родзянко и председателю Временного правительства Г.Е. Львову, в которой призывал сплотиться вокруг новой власти «для устроения нового государственного порядка на началах свободы, равенства и права и для достойного завершения войны в еще более тесном отныне единении с союзными народами»[1]. Тогда же аналогичное постановление вынес Совет Казанского университета: «Мы убеждены, что завоеванная свобода может быть сохранена лишь при полном единении всех классов с Временным правительством, ведущим борьбу с грозным врагом, исконным союзником и оплотом русской реакции»[2]. Профессура включатся в патриотическую агитацию. Читаем в дневниковой записи от 20 марта 1917 г. профессора всеобщей истории Московского университета А.Н. Савина: «В четверг (14 марта. — *А.И.*) я ездил с Котляревским во 2-ю артиллерийскую бригаду беседовать с офицерами и солдатами о текущем политическом положении. Котляревский говорил о причинах... революции, о войне, я — об армии во Французской революции и о международном положении. Офицеры и солдаты слушали очень внимательно и устроили нам настоящую овацию»[3].

Солидарное с духом таких резолюций, студенчество вернулось на прежние оборонческие позиции, временно расставшись с возобладавшими в 1915—1916 гг. антивоенными настроениями, возбуждаемыми фатальными поражениями русской армии. В помещениях высших учебных заведений по-прежнему располагались военные казармы и госпитали. Временное правительство продолжило непрерывные мобилизации студентов на фронт, на оборонные предприятия, общественные работы. Студенты-волонтеры работали на «кормовых пунктах» для солдат и нуждающихся горожан, организовывали «полицейские дружины» для поддержания порядка в городах, вели патриотическую агитацию среди населения. Однако многочисленные нештатные для высшей школы функции становились все более непосильными для университетов и народнохозяйственных институтов из-за полного обнищания профессоров, младших преподавателей и студенчества. «В Москве наступает голод; хлеба будем получать по $^1/_2$ фунта на человека», — записал 22 октября 1917 г. в дневнике профессор русской истории Московского университета М.М. Богословский[4]. Московские универсанты писали в Совет профессоров: «В Москве нет комнат. Нет

хлеба... Фактически студенчество голодает, тратит значительную часть своего времени на стояние в очередях...»[5]. Материально-бытовой кризис высшеобразовательной сферы сопровождался раздорами между профессурой и студенчеством, которое настоятельно требовало своего представительства в коллегиальных органах учебных заведений. Отказ профессуры в этом требовании учащиеся расценили как знак нежелания учителей демократизировать систему высшего образования в гармонии с новым республиканским строем России, а потому в марте — апреле в знак протеста провели общероссийскую студенческую забастовку. Как и в 1905 г., они открыли помещения университетов и институтов для общенародных митингов и партийных собраний, тем самым до осени 1917 г. парализовали и без того неритмичный учебный процесс. Профессор Саратовского университета В.Д. Зернов вспоминал: «В университете официально занятия не прекращались, но в аудиториях тоже часто вместо лекций происходили митинги», в которых участвовали «главным образом, люди с улицы»[6]. Учитывая данное обстоятельство, а также критическую ситуацию материально-бытового свойства, Временное правительство вынужденно перенесло начало учебного года с 1 сентября на 2 октября 1917 г. и в результате было заподозрено в антистуденческой политике. Забастовки и прочие массовые протестные акции учащихся высшей школы ослабляли и без того шаткие позиции республиканской власти.

Более рационально, чем студенчество, повела себя профессура, активно включившаяся в деятельность межведомственной Комиссии по реформе высшей школы при Министерстве народного просвещения Временного правительства. Комиссия обладала полномочиями законодательной инициативы. Разработанные ею законопроекты за подписью министра и его заместителей напрямую направлялись на утверждение в правительство. Из-за срочности дела Комиссия отложила на будущее главный пункт своей программы — составление проекта нового университетского устава. Взамен был модернизирован действовавший устав 1884 г. в духе пожеланий либеральной профессуры посредством издания и включение в него новых законодательных новелл, расширивших пределы академического самоуправлении. Ему предстояло стать образцом для срочного усовершенствования уставов прочих высших учебных заведений, подчиненных различным ведомствам[7].

Деятельность Комиссии была остановлена государственным большевистским переворотом 25 октября 1917 г. Столичное студенчество, растратившее свой протестный потенциал в борьбе за академические права с профессурой и Министерством народного просвещения Временного правительства, первоначально восприняло новую власть индифферентно, хотя и не испытывала к большевикам социально-политических симпатий. Провинциальное студенчество на территориях, захваченных разгоравшейся Гражданской войной, не сразу, но в целом поддержало противников Советской власти. Студенты Новочеркасского (бывш. Варшавского) политехнического института в конце 1918 г. создали боевую дружину для борьбы с «анархо-большевизмом»[8].

Профессура расценила государственный переворот как узурпацию власти законного Временного правительства. Она осудила отказ большевиков от союзнических обязательств России в войне с Германией. Совет профессоров Харьковского университета довел до сведения консулов союзных стран свое постановление от 20 ноября 1917 г., в котором охарактеризовал односторонний выход России из войны как «отвратительное предательство»[9]. 9 декабря Совет Казанского университета выразил уверенность, что сепаратный мир «исторгнет Россию из семьи народов, создающих общим трудом... те материальные ценности, которые составляют жизнь народов и без которых этой жизни нет»[10]. На территориях, где развертывалась Гражданская война,

профессура тесно сотрудничала с антибольшевистскими режимами (Поволжье — с казанскими университетом, Ветеринарным институтом, Высшими женскими курсами; Дон — с Ростовдонским (бывш. Варшавским) университетом; Сибирь — с университетом в Томске и Сельскохозяйственным институтом в Омске). Совет Казанского университета приветствовал захват Казани в августе 1918 г. войсками Народной армии Самарского Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) резолюцией, в которой говорилось, что он «готов принести все силы, средства и саму жизнь своих членов на пользу строительства нашей истерзанной родины»[11]. Среди служащих университета была объявлена подписка «на добровольное единовременное денежное пожертвование для нужд народной армии». Казанская профессура включилась в деятельность Управления ведомства народного просвещения при Комуче. Для представительства от Казанского университета в этом административном органе университетским Советом был избран профессор истории М.М. Хвостов. Он же представлял университет на созванном Управлением в сентябре 1918 г. съезде по высшему образованию. Когда Советская власть вернулась в Казань, значительная часть университетской профессуры покинула город вместе с отступающими частями Комуча[12]. Некоторые из бежавших от большевиков профессоров преподавали в т.н. «белогвардейских» университетах — Иркутском и Таврическом (Симферополь).

На территориях, где утвердилась Советская власть, деятели высшего образования первоначально избрали тактику ее бойкота. Они пытались демонстративно действовать по академическим законам Временного правительства. «Университет (Казанский. — *А.И.*) себя чувствовал, пожалуй, вплоть до 1918 г. автономным в полном смысле слова. До него не было никому дела, а сам он не интересовался принятием на себя каких бы то ни было обязанностей в отношении новой власти, с нетерпением ожидая восстановления status quo и настойчиво посылая официальные бумаги в Петроград на имя уже не существовавшего министерства народного просвещения»[13]. Такому же образу действий следовали профессорско-преподавательские коллегии высших учебных заведений Петрограда, Москвы и провинциальных центров высшего образования.

Демонстрируя свою независимость, университетская профессура без санкции Наркомпроса продолжала пользоваться таким атрибутом академической автономии, как право присуждения ученых степеней магистра и доктора наук. В 1918 г. диссертационные диспуты прошли в Московском, Петроградском, Казанском, Харьковском, Киевском университетах. Ответом власти на эти «самоуправные» действия стал декрет СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведениях РСФСР»[14]. Он имел целью, во-первых, обезличить «старую» профессуру, уравняв ее с «младшими» преподавателями посредством упразднения института ученых степеней. Во-вторых, вытеснить дореволюционных ученых из высшей школы с помощью «всероссийского конкурса» голосами новоиспеченных «профессоров» из бывших приват-доцентов и ассистентов без ученых степеней, традиционно недовольных своим служебным положением. Однако этот расчет не оправдался. Профессор зоологии и последний свободно избранный ректор Московского университета (1918—1920) М.М. Новиков вспоминал: «...Консолидация преподавательского состава, счастливо начавшаяся в период Временного правительства, проявилась во всей силе. Все старики оказались вновь переизбранными на нашем факультете (физико-математическом. — *А.И.*), как бы по иронии судьбы, провалился лишь профессор астрономии Штернберг»[15]. Последний был большевиком.

Лишенная ученых степеней, «старая» профессура попыталась бойкотировать декрет 1 октября 1918 г. В Московском и Киевском университетах в 1919 г. демонстративно

состоялись очередные магистерские и докторские диспуты. Однако угроза репрессий, раздавшаяся из Наркомпроса, заставила профессуру изменить тактику борьбы за академическую правоспособность. Она продолжила диссертационные защиты, хотя и с соблюдением прежних процедур, но по иной формуле итогового голосования: «Считать (не считать) диссертацию успешно завершенной». Такой вердикт, формально не противореча духу декрета 1 октября 1918 г., сохранял прежнюю традицию научной аттестации. В конечном счете, признанная Наркомпросом, она как бы удостоверяла право соискателя, по защите диссертации, на работу в научно-исследовательских учреждениях и преподавания в высших учебных заведениях. В 1934 г. Советская власть вернула в систему подготовки научно-педагогических кадров институт ученых степеней (кандидат и доктор). Упорство «старой» профессуры в отстаивании своего права на коллегиальное присуждение таковых диктовалось стремлением остановить произвол Наркомпроса, сохранив чистоту академических рядов от нашествия «назначенцев», не отвечавших сложившимся на протяжении XIX — начала XX в. высоким требованиям к квалификации «людей науки».

Окончательно с рудиментами академической автономии, которой грезила «старая» профессура, Советская власть попыталась покончить в сентябре 1921 г. декретом СНК РСФСР «О высших учебных заведениях»[16], которым деятельность высших учебных заведений была поставлена под всеобъемлющий контроль государства в лице губернских отделов народного образования, опиравшихся на пролетарское («красное») студенчество. Каждое учебное заведение отныне управлялось на основании спущенного сверху специального «положения», единолично ректором, избранным не только профессорами, но также младшими преподавателями, студентами и утвержденным в этой должности Наркомпросом.

Вспышка профессорского протеста в виде кратковременных забастовок против абсолютного огосударствления системы управления высшей школой побудила власть к уступке в виде «Положения о высших учебных заведениях» (июль 1922 г.), которое несколько расширило академическую правоспособность профессорско-преподавательского корпуса. Однако эта уступка «старой» профессуре оказалась обманным маневром. Советские карательные органы сразу же приступили к реализации указания председателя Совнаркома В.И. Ленина на XI съезде РКП (б) (сентябрь 1921 г.) «взять линию поосторожней» по отношению к этим «чужим, представителям не нашего класса»[17]. Многие профессора-«протестанты» как «контрреволюционеры» подверглись арестам, реквизициям имущества, ссылке; наиболее активные из них под угрозой расстрела высланы из России («Философский пароход»). «Старая» профессура вынужденно подчинилась строгому регламенту государственного управления университетами и институтами, сменив мотивацию полного неприятия Советской власти как силы опиравшейся только на военные штыки, на более компромиссную формулу, выражаемую в демонстрации нейтральности и готовности к деловой лояльности: «Ни за вас, ни против вас»[18].

В свою очередь, Советская власть, проведя масштабную политическую «санацию» состава профессуры «старой», пришла к пониманию необходимости сотрудничества с той ее частью, которая смирилась с неизбежностью такового, по меньшей мере, до той поры, когда этих «буржуазных спецов» сменит новая генерация уже советской, «красной», профессуры. Этот баланс сил в целом сохранялся до 30-х годов XX в., когда большевистская власть окончательно и безраздельно утвердилась на академическом пространстве высшей школы. Вместе с тем за педагогической деятельностью «старой профессуры» устанавливались различные формы надзора. В Московском университете, например, была введена специальная студенческая должность «секретаря», обязывающая информировать учебную администрацию

о том, что происходило на семинарских занятиях[19]. Дореволюционные профессора оставались под подозрением в политической нелояльности к большевистской власти. Вспоминая о своем учителе профессоре русской истории Московского университета С.В. Бахрушине, Л.В. Черепнин свидетельствовал: «Жить и работать Сергею Владимировичу было не так легко. Купеческое происхождение, то, что он был гласным Московской городской думы — все это вызывало подозрительное... к нему отношение в тех учреждениях, где протекала его деятельность. Имела распространение версия о его причастности к кадетской партии»[20].

Другим рычагом осовечивания «старой» высшей школы стала срочная пролетаризация студенческого контингента высших учебных заведений. 2 августа 1918 г. издается Декрет СНК РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР»[21]. Согласно ему, каждое лицо, достигшее 16 лет, независимо от уровня образования, могло стать слушателем любого университета и института. Декрет дополнялся Постановлением СНК РСФСР от 6 августа 1918 г.: Наркомпросу предписывалось обеспечить преимущественный прием в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства[22].

В результате этих правительственных решений высшую школу заполнили абитуриенты без среднего образования. В 1918 г. в Казанском университете прием абитуриентов продолжался до 1 ноября. В результате на все факультеты было принято около 4-х тыс. человек[23]. Но так же быстро эта волна и отхлынула. Профессор Московского университета М.М. Новиков вспоминал о создавшейся коллизии: «В первое время аудитории переполнились полуграмотными рабочими, которые вскоре, однако, поняли, что “грызть гранит науки” не такая простая вещь, как об этом думали политические руководители. Что касается различного рода практических занятий в семинариях и лабораториях, играющих в современной постановке высшего образования часто доминирующую роль, то к ним неподготовленная публика и вообще не могла быть допущена. В результате состав студенчества вновь снизился почти до первоначального уровня»[24].

Аналогичная ситуация в высших учебных заведениях сложилась повсеместно. Профессор Саратовского университета В.Д. Зернов вспоминал о начале учебного года в 1918 г.: «Когда я вошел на первую лекцию, аудитория была переполнена самой разнообразной публикой, которая, конечно, и не могла, и не думала всерьез учиться в университете. Мне буквально в громадной аудитории негде было повернуться. Были заняты не только все места и все хоры, но все проходы были забиты народом. Слушатели стояли прямо перед лекционным столом и едва ли не сидели на самом столе. Об лекционных экспериментах в такой обстановке нельзя было и думать. Но наплыв публики быстро таял, и к зиме... лекции читались двум-трем десяткам настоящих студентов в кабинете»[25].

Пришлось Наркомпросу искать иного пути пролетаризации состава учащихся советской высшей школы. И он был найден в классовом принципе регулирования состава учащихся преимущественно из рабоче-крестьянской молодежи, причем, согласно новым правилам приема в студенты, не путем свободного поступления в вузы, а посредством командирования абитуриентов с промышленных предприятий на учебу[26]. В категорию таких «льготников», в первую очередь, попадали дети рабочих и крестьян, окончившие т.н. рабочие факультеты (рабфаки). Рабфаковцы находились на полном содержании государства, получая продуктовые карточки первой высшей категории. С течением времени в их круг, в виде исключения, стали допускаться и молодые люди непролетарского происхождения, приобретшие рабочие специальности и со стажем работы по ним на промышленных предприятиях[27]. Рабфаки создавались по постановлению Наркомпроса от 24 сентября 1917 г.[28] в струк-

туре высших учебных заведений в качестве факультетов для ускоренной подготовки рабоче-крестьянской молодежи к освоению высшеобразовательной учебной программы под руководством профессоров и преподавателей (при их, кстати, благожелательном отношении к данному проекту)[29].

Осознав, что на формирование контингента рабоче-крестьянского («красного») студенчества потребуется время, Советское правительство вынужденно было первоначально черпать остро необходимые молодые кадры высшей квалификации из наличного состава студенчества «буржуазного». За годы Гражданской войны было издано 30 декретов о срочной мобилизации старшекурсников инженерных и медицинских высших учебных заведений в Красную армию, а также о безотлагательном возобновлении занятий студентов прочих курсов[30]. (Высшая медицинская школа была милитаризована переведением ее в подчинение главкома вооруженных сил РСФСР. В ряд первоочередных была поставлена задача обязать студентов-медиков обоего пола продолжить учебные занятия в порядке неотложной трудовой повинности под угрозой судебной ответственности. Учащиеся переводились на полное государственное обеспечение по нормам курсантов военно-учебных заведений.)

Постановлением СНК РСФСР от 24 марта 1920 г. «О срочном выпуске инженеров-специалистов» (в последующем неоднократно возобновлялось) ставилась задача подготовки по ускоренной программе инженеров из студентов промышленных институтов, включая и возвращение к месту учебы уже мобилизованных в Красную армию, на промышленные предприятия и в различные советские учреждения. Теперь они считались откомандированными на учебно-трудовой фронт для ускоренного прохождения курса высшего образования. Все эти т.н. «ускоренники» переводились на государственное содержание, а по завершении обучения в обязательном порядке направлялись в распоряжение народнохозяйственных органов[31]. «Уклонистам» грозило уголовное преследование по законам военного времени.

«Старое» студенчество почти не соприкасалось с рабочей молодежью», поскольку было «замкнутой интеллигентной» средой, вспоминал академик Л.В. Черепнин. «Может быть, — подчеркивал он, — это зависело не только от нас самих, но и от некоторых руководящих университетских работников, которые проявляли подчеркнуто недоброжелательное отношение к интеллигенции»[32]. По необходимости доучивая «старое буржуазное» студенчество, Советская власть целенаправленно и результативно продолжала курс на замену его молодежью рабоче-крестьянского происхождения. К 1925 г. рабфаковцы составляли, например, более 50% абитуриентов вузов Ленинграда. В начале 1930-х годов началось сокращение рабфаков по мере возрастания численности студентов выпускниками советских десятилетних средних школ. В 1935 г. ограничения состава студентов по классовому признаку были законодательно отменены, но пролетарско-классовые предпочтения в отношении абитуриентов высших учебных заведений сохранялись, хотя и неофициально.

1 Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955. С. 189.
2 Голос Казани. 1917. 18 марта.
3 *Савин А.Н.* Университетские дела: дневник. М.; СПб., 2015. С. 441.
4 *Богословский М.М.* Дневник, 1913—1919. М., 2011. С. 436—445.
5 *Сизова А.Ю.* Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2007. С. 57.
6 *Зернов В.Д.* Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 212.
7 *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 276.
8 *Решетова Н.А.* Интеллигенция Дона и революция, 1917 — первая половина 1920-х годов. М., 1997. С. 24.

[9] *Сизова А.Ю.* Указ. соч. С. 57.
[10] *Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет, 1804/05—1929/30. [Казань], 1930. Т. 2. С. 276.
[11] История Казанского университета, 1804—2004. Казань, 2004. С. 258.
[12] *Корбут М.К.* Указ. соч. С. 303.
[13] Там же. С. 301.
[14] Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 381—382.
[15] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 103.
[16] Собрание узаконений Рабочего и крестьяского правительства. 1921. № 65, ст. 486. (Далее: СУ).
[17] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 121.
[18] *Литвин А.Л.* Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть, 1880-е — начало 1920-х годов. СПб., С. 127.
[19] *Черепнин Л.В.* Моя жизнь: воспоминания. М., 2015. С. 82.
[20] Там же. С. 79.
[21] Декреты Советской власти. Т. 3. С. 138, 141.
[22] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 34.
[23] *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 126.
[24] *Новиков М.М.* Указ. соч. С. 103.
[25] *Зернов В.Д.* Указ. соч. С. 219.
[26] Известия ЦК РКП (б). 1922. № 3. С. 7.
[27] *Маньков А.Г.* Из дневника рядового человека // Звезда. 1994. № 5. С. 179.
[28] СУ. 1918. № 71, ст. 771.
[29] *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917—1925 гг.). Л., 1984. С. 85—95; *Чанборисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 82—94.
[30] *Платова Е.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху. СПб., 2001. С. 23.
[31] Там же. С. 23—26.
[32] *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 87.

Т.Ю. Красовицкая

История как политический ресурс «идеального отечества» в революционном популизме февраля — октября 1917 г.

В 1923 г. в прениях по докладу П.Н. Милюкова «Современная Россия и задачи эмиграции» социолог П.А. Сорокин, коми по происхождению, напомнил: «Я существенно отличаю свои взгляды от взглядов Милюкова». Из-за того, что «вместо национализма П.Н. Милюков проводит водораздел по линии республики. *Я на первый план выставил бы принцип национальный*. Я республиканец, но не боюсь принципа национализма. Тот пафос, то основное чувство, которым объята Россия, и *которое гораздо более важно, чем республика*, — это принцип национализма»[1]. Народы, чего бы они ни добивались в феврале — октябре 1917 г., осознавали себя как отличные от других общности. Память об истоках идентичности становится одним из проявлений феномена времени. Открывалась весьма интересная лаборатория слияния интеллектуальной истории и политической практики, широкие возможности осмысления самых неожиданных хитросплетений национальных и имперских идентичностей. До появления самостоятельного национального дис-

курса в имперских обществах не существовало комплексного языка описания империи. В контексте 1917 г. Г.П. Федотов (к сожалению, уже в эмиграции) писал: «Почему русская интеллигенция в XIX веке забыла, что живет не в Руси, а в империи?.. После Пушкина, рассорившись с царями, *[она] потеряла вкус к имперским проблемам*... Темы политического освобождения и социальной справедливости завладели ею всецело, до умоисступления. [В результате] *почти все крупные исследования национальных и имперских проблем оказались* ***предоставленными историкам националистического*** *направления*. Те, конечно, строили тенденциозную схему русской истории, смягчавшую все темные стороны исторической государственности... Так укрепилось в умах не только либеральной, но отчасти и революционной интеллигенции наивное представление о том, что русское государство, в отличие от государств Запада, строилось не насилием, не завоеванием, а колонизацией»[2]. Этнорегиональный подход оставался настолько неопределенным, что о наличии его в историографии можно говорить лишь условно. По сути дела на звание этнического региона претендовали любые территории, принципы их вычленения бесконечно многообразны. О том, что регионы воображаются в соответствии с теми же механизмами, по которым воображаются нации, позднее писал Ивер Нойманн[3].

Обозначилось начало территориальных споров, связанных, по А.И. Миллеру, с реализацией плана «идеального отечества». Вдохнув воздух свободы, этническая элита рассматривала и прошлые, и текущие дискуссии как базу для укрепления своих структур власти[4]. Выдвигались вопросы неоформленных юрисдикций, их законодательное, управленческое, институциональное и иное наполнение.

На Востоке последствия организованных или спонтанных кочевий и переселений усложняли многообразие этносов и их культур, отсутствие демаркационных линий. Постоянные культурные столкновения влияли на восприятие пограничных областей далеко не в узко географическом контексте. На территории бывшей Российской империи проживали социокультурные сообщества, скомбинированные из кочевых, горских, степных земледельческих этносов и полиэтнических групп. Многократные культурные и иные заимствования создавали высокую напряженность в межэтнических «швах». Особого внимания требовали многослойные зоны контактов, различия и континуитет во внешности и привычках людей, в их воззрениях и отношении к истории формирования пограничных областей[5].

Утрачиваемое в имперский период понятие *этноцентрума* (осознания этносом самого себя в рамках пространства, где этнос обитает), эта форма этнического мышления включала всё, что окружает этнос: от рельефа местности (горы, реки, леса) до высокодифференцированных понятий (государственная идея, войны, союзы, культурные контакты и пр.).

Имелось достаточно оснований, чтобы понятие исторического пространства привлекало внимание активистов в 1917 г. Во-первых, преемственностью, целостностью исторического и социального процесса в рамках родного этноса. Конечно, меньше обращалось внимание на многомерность исторического пространства, на единство позитивных и негативных его сторон; на кооперационный эффект человеческой деятельности и роль исторических личностей, на неразрывность судеб различных государств и возглавляющих их политиков. Большее внимание отводилось идеологическим и партийно-клановым установкам в трактовке исторических событий, несмотря на их ограниченность и субъективизм. Механизмы реализации этнически окрашенных требований представлялись довольно смутно, но границы переставали носить отвлеченный научно-кабинетный характер. Их исследование во

многих регионах еще и не начиналось. Созданием карт увлекались многие известные востоковеды: В. Бартольд, А. Крымский и др.

Обращенность к истории диктовалась не просто интересом к прошлому, а нацеленностью в будущее. Историческая наука становилась ядром национальных культур, интегратором национальной идентификации. Она казалась полезной для сбрасывания с себя комплексов национально-исторической неполноценности, для обоснования перспективы собственного будущего в новом государстве. Репрезентирующая функция национальной истории превращалась в важный фактор, влияющий на планы государственного переустройства. В феврале 1917 г. сложные отношения русского национализма с империей были перенаправлены на русских либералов и в их лице на Временное правительство[6]. Либералы порицали национализм за архаизм, стихийность, пережиток племенных инстинктов — полную противоположность духу и разуму эпохи Просвещения. Но деятели национальных движений, во что бы то ни стало желавшие отсчитывать историю своих наций с древнейших времен, сами, как и либералы, высоко ценили идеи Просвещения. По сути, они и реализовались-то преимущественно на этом поле деятельности. Но националисты считали, что чем «древнее» нация, тем лучше. Каждая «уважающая себя нация» спешила обзавестись историей, уходящей вглубь веков. Важной частью идеологии национализма был тезис о «естественности наций», изображавшихся едва ли не предвечными компонентами Божьего замысла и воспринимавшихся в качестве необходимых продуктов длительного, измеряемого многими столетиями исторического развития, в ходе которого сформировались отличительные особенности национального характера. В итоге даже противники национализма верили в «естественность» наций, только делали из нее выводы о враждебном прогрессу и цивилизации характере национального начала.

Проявление проблемы «этнографических» границ с правовой точки зрения явно противоречило представлениям Временного правительства о правах человека, закладываемых в конституционные основания Российской республики.

Управление границами между разными этносами в Российской империи не было однолинейным процессом. Именно они встали в повестку дня этнических элит и создаваемых ими структур в разных формах[7]. Началось «присвоение» средствами воображаемой географии той или иной национальной территории, лавирование, модификация границ, столкновения с претензиями соседей.

Активизировались собиратели старых документов, рукописных книг, коллекционеры раритетов, исследователи-любители. На территории Средней Азии существовали крупные книгохранилища, основанные еще до арабского завоевания. «В Бухаре, например, — отмечал известный знаток рукописей А.А. Семенов, — с начала XV в. существовала большая библиотека общественного пользования, основанная известным шейхом Мухаммедом Парса (умер в 1419 г.). Она содержала множество рукописей разнообразного содержания, среди них было немало драгоценных по своей древности и редкости». «Рукописи продавались, — продолжает А.А. Семенов, — во всех городах Средней Азии, но самые обширные книготорговли были в Бухаре и Карши, где на базарах существовали специальные ряды продавцов рукописей и печатных изданий. Здесь у книготорговцев можно было найти немало рукописей, высокохудожественно оформленных, украшенных чудесными миниатюрами, рукописи разнообразного сочинения и различных эпох». Помимо памятников письменности местного происхождения существовало огромное количество рукописей иноземного происхождения: из Аравии и Египта, из Турции и Ирана, из Афганистана и Индии,

из Кашгара и Поволжья. Оживленные торговые, политические и религиозные связи со всеми этими странами весьма способствовали притоку в Среднюю Азию самой разнообразной литературы. «При этом нередко случалось, что именно в Средней Азии оказывались списки совершенно уникальные, нигде больше не встречающиеся или собственноручно переписанные разными знаменитостями не только в области литературы и истории, но и в области восточной каллиграфии»[8]. А.-З. Валиди имел собственную историческую библиотеку. История ее трагична. Во время гражданской войны библиотека отправлена из Уфы в Оренбург в 17 сундуках. До сих пор нет сведений о том, где находится библиотека и полного ее научного описания[9].

Пополнялись библиотеки медресе. К началу XX в. количество рукописных и печатных книг библиотеки при Стерлибашском медресе (открыта с 1720 г.) достигло 14 тыс. экземпляров. Особенно бурно стали открываться публичные библиотеки. Основная их масса была организована частными лицами и содержалась за счет их личных средств. В 1908 г. мулла Мухамметнаджиб открыл бесплатную сельскую татарскую библиотеку в Вятской губернии. В 1910 г. стараниями Н. Исхакова подобная библиотека была открыта в Сарапуле, в 1913 г. Наджип-муллой — в Кургане. Начали работать татарские библиотеки в Оренбурге, Троицке, Москве, мусульманское отделение Казанской публичной библиотеки. В 1913 г. здесь выписывали более 40 газет и журналов из Москвы, С.-Петербурга, Баку, Стамбула, Каира. Челябинскую татарскую библиотеку в 1911 г. посетило более 14 тыс. читателей.

Поиском предков занялись священники, учителя, писатели, обеспокоенные настоящим и будущим своего народа. Их важным достоинством была вера в свой народ и великие деяния его предков. В. Шнирельман подчеркивает важность свидетельств о том, «откуда у “инородцев” такая болезненная тяга к истории и такое непреодолимое желание “хотя бы с помощью исторических мифов выйти из состояния народов, “не помнящих родства”»[10]. Две темы, добавим, в этих свидетельствах, были в фокусе внимания: героические (часто мифологические) личности и проблема территорий. Герои эпосов и исторических драм вбирали в себя важные данные по этим вопросам.

М. Гафури записал и опубликовал в 1909 г. башкирский эпос «Заятуляк и Хыухылу». До 1917 г. эпос распространялся в рукописном варианте, трактуя личности героев в возвышенно-романтическом плане. Публиковались и фрагменты «Манаса», «Джунгара», в собирательстве последнего большую роль сыграл один из калмыцких активистов Н. Очиров. В 1917 г. в пропаганде эпосов актуальнее было, перефразируя позднего переводчика «Манаса» С. Липкина, «стремление народа, рассеянного поработителями, сплотиться». В границах одной традиции (эпоса) имелись и разные версии группировки этносов по происхождению: дифференциации в далекой древности, маркирования и разделения общностей. В этногенетических мифах представлены тенденции как этнодифференциации, так и этноинтеграции. Попытки элит утвердить общее этническое происхождение древними этногенетическими легендами в общем мейнстриме, как и издание других документов, русских переводов, во многом определялись политическими и конъюнктурными обстоятельствами.

Множились работы, инспирированные национальными темами. Жанр исторических драм был достаточно популярным у этнических элит. Он позволял актуализировать «полезные» страницы истории, героизировать или драматизировать их в зависимости от решаемых задач.

Незадолго до 1917 г. татарский писатель Г. Исхаки в повести «Исчезновение через двести лет» в форме фантастического повествования представил мифологизированное видение национальной истории. Стержневым в ней стал эсхатологический

миф, в котором художественная идея раскрывалась через столкновение различных мифологических кодов[11]. В качестве эсхатологический основы выступал миф о казанской царице Сююмбеки. Для татарской культуры этот образ символичен. В начале XX в. в прозе и в поэзии образ Сююмбеки становится одним из наиболее частотных мифологических образов. Эсхатологическая семантика мифа обнаруживалась в судьбе главного героя — историка Джагфара, у которого при родах умирает жена Сююмбеки, а также в сновидениях героя, в которых он видит разрушение башни Сююмбеки. Символичным оказывается и финал повести: Джагфар умирает на развалинах древних Булгар, месте, сакральном для татар. Отмечается процесс постепенного растворения татар среди других народов, падение нравственности молодежи, отсутствие условий для получения образования на европейском уровне. Для спасения некогда имевшей государственность нации, по его мнению, необходимо, во-первых, открыть новые учебные заведения и перестроить ныне действующие, убрав из них схоластику. Образование должно отвечать потребностям времени, в школах, медресе должны изучаться научно-практические дисциплины (как и в Европе). Во-вторых, следует распространять научную литературу, издавать книги, которые бы побуждали татар к деятельности по изменению нынешней ситуации[12].

В 1917 г. в журнале «Анг» появилась статья Г. Губайдуллина «Умирает ли нация?»[13]. В момент выхода статьи в российской тюркской среде усилилась активность, рожденная и подкрепленная общероссийской, невиданной ранее, политизацией. Своей статьей 20-летний автор, взбудоражив тюркскую общественность, внес новые нюансы в неспокойный контекст этого времени: «Если со временем люди перестанут делиться на нации, народ, объединенный в образование под названием “нация”, исчезнет, люди будут разниться между собой как-то иначе или нет?» Выдвигаются следующие аргументы — тысячелетний опыт истории демонстрирует этнические формы существования культуры: «Если бы не было наций, то не было бы истории, как предмета изучения». Хотя общий вывод Г. Губайдуллина: «жизнь вне наций невозможна», он не делил народы по «национальным квартирам». Нации, по его мнению, «прививают другим» свою культуру или «заимствуют, обновляют ее по-своему»: «Мировая культура — сумма национальных культур».

Отвечая на другой вопрос: «Может ли погибнуть отдельно взятая нация?», Г. Губайдуллин утверждал, что «не сумевшая приспособиться к жизни нация терпит поражение в борьбе с другими и исчезает», добавляя: «в истории таких примеров множество»[14]. Другие авторы развертывали идеи раскрытия сил и склонностей до «максимального напряжения и проявления», до произведения над собой суда и переживания поворотного пункта, а затем их преодоления и крушения, умирания того человеческого дела, которое настигнуто кризисом. Публицистику наводнили трактовки кризиса, задач преодоления чувства катастрофы, новых жизнеощущений, глубочайших потрясений в тысячелетних основах истории.

Любители интеллектуальных занятий были весьма озабочены общественно-политическим звучанием своих работ, их значения и последствий для будущих культурно-духовных процессов. Набирался опыт публичных выступлений, обсуждались и развивались понятия «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «свобода», «рабство», «собственность», «революция», «просвещение» для выражения позиции по актуальным политическим проблемам, для обоснования практических действий. Уточнялась концептуальная «нагруженность» понятий при осмыслении принципов свободы личности, верховенства закона, конституционного правления. Возрастала общеизвестность и многократность употреб-

ления понятий для описания окружающей социально-политической реальности. Беспроигрышный путь — обращение к славному прошлому, призванного быть залогом славного будущего. Социально-политический контекст позволял основные социально-политические понятия использовать при осмыслении возможных перспектив развития обществ в будущем. Эти практики, предполагалось, должны стимулировать творческую активность, вдохновлять людей на великие свершения.

Роль исторического прошлого отражали и русские писатели. Д.Н. Мамин-Сибиряк в рассказе «Байгуш», повествуя о мелодии, сыгранной стариком-башкиром на домбре, писал: «Для меня теперь сделалось ясным: народ умер, и эта песня была последним блуждающим огоньком, вспыхивающим на его могиле. Жизненная энергия иссякла, и будущего не было». В 1914 г. рассказ переиздан в Дешевой библиотеке для семьи и школы[15]. Другой русский писатель, А.М. Федоров, написавший в 1897 г. роман о башкирах, полный сочувствия к ним, показал обреченность попыток исправить бедственное положение народа. Однако он ярко показал живучесть мифологем в повседневной жизни башкир в эти годы:

«Я опьянен. Иль вижу въяве диво?
Иль грезит степь былым передо мной?
Арабский конь промчался горделиво:
То *Зюлькарнейн*[16] ведет полки спесиво, —
Но мирный скиф отхлынул пред войной.
Войска прошли. Опять игра тумана:
Чудь... Половцы... *Биармии* орда...
Как сонмы туч, как волны океана,
Колышутся обозы *Тамерлана*,
Звенят мечи, кровь льется, как вода.
Кричат орлы. Зловещий ворон стонет...
Туман исчез, и даль опять светла.
Но кто там вновь? Иль ветер тучу гонит?
Иль снова степь кого-нибудь хоронит?
То Русь идет... Гудят колокола...
Очнулся я... Волшебств исчезла сила.
Передо мной беспечно степь цветет.
Немой курган, безвестная могила...
Лишь о минувшей вольности уныло
Башкир-ямщик тоскует и поет».

С большим интересом изучал фольклор тюрков М. Горький. В июне 1912 г. Горький писал В.И. Анучину: «Г.Н. Потанину почтеннейший поклон. Недавно прочитал его “Восточные мотивы” — с наслаждением! Не найдется ли у кого книжки “Легенды минусинских татар”»?[17] Конечно, как при использовании эпосов, на содержание литературных произведений также влияли политические и конъюнктурные обстоятельства, но очевидна болезненная тяга к истории, использование склонности народного воображения к идеализации образов эпических и литературных героев.

Коснемся деятельности Лиги нерусских народов России в Швейцарии и Комитета защиты прав тюрко-татарских мусульман России, организованном в Стамбуле. В них входили представители Закавказья, Средней Азии, Северного Кавказа[18]. Одна из программ Комитета была разработана на состоявшейся в Будапеште в декабре

1915 г. встрече членов Комитета была — представителей тюркских народов Туркестана, азербайджанцев, волжских и крымских татар, *ставилась цель изучение проблем и защита интересов лишенных собственной государственности либо аннексированных народов и стран.* В декабре 1915 г. делегация Комитета защиты прав тюрко-татарских мусульман России побывала в столицах держав Четвертного Согласия и была принята премьер-министрами Австрии, Венгрии и Болгарии, а также министром иностранных дел Германии. От имени Комитета она обратились в генштабы стран Антанты и президенту США В. Вильсону для защиты прав российских тюрок. В 1916 г. Ю. Акчура искал сочувствующих идее самоопределения тюркских народов у Европы на Третьем конгрессе угнетенных наций в Лозанне. Ю. Акчура составил меморандум Комитета с требованием независимости тюрко-татарских народов, была составлена также карта Казанского ханства[19]. Правительствам этих стран был представлен ряд материалов, в том числе Меморандум Комитета по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов в России. В документе содержались требования восстановить государственность этих народов. Кроме того, европейцам был представлен документ под названием «*Die gegenwärtige Lage der mohammedanischen Turko-Tataren Russlands und ihre Bestrebungen*» («Настоящее положение мусульман тюрко-татар в России и их усилия»). В ходе визитов делегаты получали заверения, что Германия и Австро-Венгрия окажут им всяческую помощь[20].

На III Конгрессе союза народов в Лозанне (Швейцария) 29 июня 1916 г. в состав делегации входил от казанских татар Юсуф Акчура, от узбеков — Мукимиддин Бекжан, от киргизов — Ахмет Сафа, от кумыков — Ахмед Саиб Каплан, от черкесов — Азиз Мекер, от азербайджанцев — Ахмед-бек Агаев и Али-бей Гусейнзаде. Кроме общих документов, были подготовлены и отдельные «меморандумы» от каждого народа, которые были оглашены и изданы в ходе конгресса отдельной брошюрой. Кроме того, был издан и распространен Меморандум Комитета защиты прав тюрко-татарского мусульманского населения России *(Memorandum du Comite de la Defence des droits des peuples Turco-tatares Musulmans en Russie)*[21]. Во всех документах содержались общие и согласованные требования «полного равноправия тюрко-мусульман с русскими», «культурной автономии, невмешательства в их религиозную, культурно-языковую жизнь». В начале 1916 г. Обществом защиты прав угнетенных народов России *(Ligue des Allogeus de Russie)* была направлена декларация на имя Президента США В. Вильсона, под которой стояли подписи татарина Ю. Акчуры, крымского татарина Кади Абдурашида Ибрагима, азербайджанца А. Агаева, А. Гусейнзаде. В выработке текста декларации принимал участие и А.С. Капланов. Декларация была опубликована в журнале «Мусульманское обозрение»[22], выходящем в Париже. Декларация составлена от имени «русских мусульман (то есть татар, башкир, киргиз, сартов (узбеков), таджиков, туркмен, племен Дагестана и др.), составляющих двадцатимиллионную общность». «Спасите нас от уничтожения и исчезновения *(Venez a notre securs! Sauvez-nouz de la destruktion)*», — говорилось в декларации[23]. Деятельность Конгресса широко освещалась в печати Германии, Франции, Венгрии, Турции, Швеции и вызвала бурный резонанс в самой России, где эта тема стала предметом дискуссий в Государственной думе.

Г. Федотов заключал в эмиграции: «Было еще одно движение среди народов России, центр которого оказался за рубежом и которое мы совершенно проглядели. Это было пантюркское движение, связывавшее литературное и политическое пробуждение русских татар с возрождением Молодой Турции. Это было особенно плодотворно для понимания некоторых механизмов в поздней истории Российской империи, фиксируя внимание на их роли в процессах строительства наций в имперском ядре.

Русские националисты первые заметили опасность, угрожающую Империи. Они ответили на нее усилением русификации, травлей инородцев, издевательством над украинцами и еврейскими погромами. Они старательно раздували искры сепаратизмов. Два последних императора, ***ученики и жертвы реакционного славянофильства, игнорируя имперский стиль России, рубили ее под самый корень***. Революционная интеллигенция лишь накануне первой революции пошла навстречу национальным движениям меньшинств. Некоторые из левых партий (не большевики) включили в свою программу федеративный строй Российской республики. С этим и застал нас 1917 год»[24]. Подходы к восприятию проблем, связанных с проблемой «идеального отечества», этнических границ в немалой степени зависели от политических взглядов и ориентаций этнических элит, их образования, уровня развития тех или иных этносов. Потеря политической независимости тюркских государственных образований, отсутствие мусульманского двора как социального заказчика исторических произведений были основной причиной забвения ряда жанров исламской историографии в Поволжье и Приуралье. Отметим слабые стороны использования исторического ресурса: доминировали стереотипы восприятия инструментов власти, восприятие их сквозь призму русификации, имперства и т.п. От них отталкивались планы создания современных институтов культуры, намечаемые практики «социального конструирования реальности», кладущие в основу разные философские традиции о взаимодействии с миром, человеком и вообще любым партнером по диалогу. Вместе с тем, ситуация рассматривалась как подготовительный этап вызревания управленческих конструкций, отвергающих имперскую унификацию[25]. Группы нерусских элит проявили высокий уровень интеграции внутри себя и жесткое противостояние имперским структурам.

1 Дни. 1923. 15 марта; *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона: биография. Вологда: Древности Севера, 2009. Т. 2: 1922—1968 годы. С. 16.

2 *Федотов Г.П.* Судьба империй // Новый журнал. Нью-Йорк, 1947. № 17.

3 *Нойманн И.* Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004.

4 *Миллер А.И.* Конфликт «идеальных отечеств» // Родина. 1999. № 8. С. 79—82.

5 *Маловичко С.И., Покотилова Т.Е.* Исследовательское поле Центра «Новая локальная история» // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: тез. докл. и сообщ. XV науч. конф., Москва, 30 янв. — 1 февр. / отв. ред. В.А. Муравьев. М.: РГГУ, 2003. С. 201.

6 *Уортман Р.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. С. 141.

7 *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое изд-во, 2004. С. 57; *Маловичко С.И.* Провинциальная историография второй половины XVIII — XIX вв.: выработка черт эрудитского типа исторического знания // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: тез. докл. и сообщ. XV науч. конф., Москва, 30 янв. — 1 февр. / отв. ред. В.А. Муравьев. М.: РГГУ, 2003. С. 199—202.

8 *Семенов А.А.* По границам Бухары и Афганистана. I. Куляб; II. От Куляба до Сарая: (путевые заметки 1898 г.) // Исторический вестник. 1902. № 3/4. С. 167—168.

9 *Валиди Тоган Заки.* Воспоминания. Уфа: Китап, 1998. С. 160.

10 *Шнирельман В.* В поисках самобытности: у истоков советского мультикультурализма // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 149—166.

11 *Зарипов М., Амирханов Р.* Гаяз Исхаки (1878—1954) // Татарские интеллектуалы: исторические портреты / сост. Р. Мухаметшин. 2-е изд. Казань: Магариф, 2005. С. 203—213.

12 См.: *Ибрагимов М.И.* «Исчезновение через двести лет» Гаяза Исхаки и «неомифологические» тексты русской прозы начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Литературоведение. Межкультурная коммуникация». 2010. № 4 (2). С. 848—849.

13 *Губайдуллин Г.* Умирает ли нация? // Анг. 1917. № 11/12. С. 16; Газиз Губайдуллин: научно-биографический сборник. Казань: Рухият, 2002. С. 82—86.

14 *Сенюткина О.Н.* Актуальность творческого наследия Газиза Губайдуллина: (к 125-летию со дня рождения) // Бюллетень / Рос. акад. наук, О-во востоковедов. Приложение 7: Газиз Губайдуллин и становление советского востоковедения в 1920—1930 гг.: материалы конференции, Москва,

2012 г. / сост. Э.С. Кульпин-Губайдуллин, А.Д. Васильев, Д.Д. Васильев. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 31—34.

15 *Мамин-Сибиряк Д.* Байгуш: из путешествий по Южному Уралу. М.: Юная Россия, 1914. С. 24.

16 Имеется в виду Александр Македонский.

17 *Рахимкулов М.* Максим Горький: «На Белой места такой красоты — ахнешь...» // Бельские просторы. 2007. № 6. С. 168.

18 *Исхаков С.* Европа и мусульмане из России: первый опыт сотрудничества в начале XX века // Европа: журн. Польского ин-та междунар. дел. 2003. Т. 3, № 3 (8). С. 108—110.

19 *Хабутдинов А.Ю.* Лидеры нации. Казань: Тат. кн. изд-во, 2003. С. 84.

20 *Червонная С.* Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 152.

21 Les Exposes des Delegations des Nationalites Tatare, Tchagatai et Kirghize-Kaissak. Lausanne, 1916. P. 18.

22 Revue du Monde Musulman. 1916. Vol. LVI. P. 146—147.

23 *Алиев К.* Ахмед Саиб Каплан. Общественно-политический деятель и интеллектуал XX века // Кумыкский мир. 2014. 29 нояб.

24 *Федотов Г.* Судьба империй: сб. ст. Нью-Йорк: Новый град, 1952.

25 См.: *Красовицкая Т.Ю.* Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века — начало (20-е годы) XX в. М.: Новый хронограф, 2011. С. 611.

Т.А. Филиппова

«Темные силы» в революционном интерьере: Динамика образов вражды в русской журнальной сатире, 1917—1918

Остроумие, по словам Аристотеля, — суть дерзость, получившая образование. В 1917—1918 гг. дерзкие, образованные и остроумнейшие люди своего времени, российские журналисты-сатирики, стали настоящими летописцами исторических событий и общественных настроений своей эпохи. Революция же, со свойственным ей темпом «локомотива истории», придала трагический окрас самому жанру, лишний раз подтверждая мнение сатирика Станислава Ежи Ленца: *«Когда людям не до смеха — рождаются сатирики»*. Их «несмеющийся смех» (бахтинское определение сатиры) создал новый язык критических стратегий в адрес политических противников, точно отражая перемены в настроениях общества.

Русская сатира эпохи Революции 1917 года — явление уникальное для отечественной культуры. Стихия смеха стала актуальным пространством осмысления внутреннего кризиса и внешних проблем, жесткой критики старой власти, робких надежд на революционное обновление и горьких разочарований в его итогах. Новизна и действенность сатирических образов во многом задавалась стилистикой «серебряного века», составившего славу дореволюционной России. В жанрово-стилистической избыточности, в создании образов на грани полярных эмоций проступал новый творческий стиль уходящей России, своим «серебром» облагородивший на прощание реальность «века войн и революций».

Работа основана на фронтальном исследовании наиболее популярных сатирических журналов-еженедельников военно-революционной эпохи («Будильник»,

«Стрекоза», «Бич», «Новый Сатирикон», «Пугач»). Созданные сатириками образы революции ее антигероев — под устоявшимся в печати эвфемизмом «*темные силы*» — проясняют истоки стереотипов и мифов, до сих пор бытующих в общественной мысли и массовых представлениях о том времени.

Месяцы короткой либеральной интермедии между Февралем и Октябрем дают настоящий взрыв сверхсвободы журналистского самовыражения. С принятием 27 апреля 1917 г. «Закона о печати» издания любых политических направлений могли в России издаваться беспрепятственно. Появились (увы, ненадолго) и новые сатирические журналы, пополнившие ряды «долгожителей» российского сатирического фронта.

Примечательно: все наиболее популярные у читающей публики сатирические издания можно отнести к журналам либеральной направленности. Разумеется, это был не «высокий» либерализм думских споров, а, скорее, отражение повседневного свободомыслия интеллигентской массы, образованных горожан, читающей провинции. Существенно отличаясь от настроений и официальной плакатной пропаганды, менталитет создателей большинства перечисленных изданий более всего отвечал политической культуре отечественного либерализма.

После прихода к власти большевиков в деятельности сатирических изданий начинается нервная полоса спазматического существования в условиях новых цензурных и материальных трудностей. С лета 1918 г. жесткий курс новой власти приводит к окончательному исчезновению самого предмета нашего интереса — русской сатирической журналистики старой России. Советская Россия создаст свою собственную сатиру, всегда готовую «приравнять к штыку перо» и направить его против своих новых врагов. Но это уже другая история...

...Еще накануне войны Надежда Тэффи опубликовала забавный рассказик, в котором подтрунивала над занудой-врачом — тот довольно своеобразно успокаивал своих друзей, встревоженных случаями холеры в России: «*Вот вы, наверное, скажете: “А как же холера?” Холера нам не страшна, раз у нас есть чума... А на будущий год, господа, и к чуме привыкнем*». Пройдет четыре года, и такой «холерой» во время «чумы» для русского общества станет революция на фоне трагедий войны...

Впрочем, Февраль 1917-го и надежды на демократическое развитие страны поначалу вызывают бурную радость сатириков. Одиозные представители прежней власти служат (постфактум) одной из главных мишеней критики. Инерция недовольства старым режимом накладывала сильный отпечаток на тематику изданий. События на революционных подмостках развивались с лихорадочной быстротой, но образы экс-правителей России на протяжение весны — лета 1917 г. не торопились покидать страницы журналов.

Не смущаясь тем обстоятельством, что объект их сарказма стал так безнадежно уязвим, сатирики продолжали с болезненным наслаждением метать стрелы глумливого сарказма в ненавистную «Аликс», бывшую императрицу Александру Федоровну, в жалкого «Никки», бывшего Императора Всероссийского, и в их ближайшее окружение. На какое-то время задача окончательно растоптать репутацию семьи последних Романовых (пребывавшей к тому времени уже в тобольской ссылке) сделалась главной для отечественной сатиры.

Сатирические рисунки очень точно иллюстрировали содержание многочисленных анекдотов на тему германофилии венценосной супруги Николая II. Но теперь стихия недовольства открыто выплеснулась на страницы печати, демонстрируя застарелый синдром глубокой неприязни общества к царской семье. Образ Александры

Федоровны, нарочито именуемой «*Алисой Гессенской*», становится для журналистов воплощением внутреннего предательства. Любимая внучка королевы Виктории, получившая английское воспитание, православная царица и любящая мать, она приняла на себя более сильный удар сатиры, чем ее супруг. Что не удивительно для времени, когда «подпольная культура стала элементом культуры массовой»[1].

Неудивительно, что на самых верхних позициях «шкалы ненависти» в адрес пресловутых «темных сил» неизменно находилась именно она, экс-императрица. Вся застарелая ненависть к самодержавию сконцентрировалась в тот момент на фигуре Александры Федоровны, создав, по наблюдению исследователя, кумулятивный эффект обывательской ксенофобии, архаичной женофобии, социальной неприязни к монархии в целом и к режиму Романовых — в частности[2].

В воспаленном революцией воображении сатириков бывшая императрица начинает выступать как изначально засланный Германией «*агент*». Поэт Н. Агнивцев на частушечный манер напоминает читателю скандальную историю присутствия «*немок*» на вершинах российской власти:

«Как вначале, так и дале,
Между всяческих вещиц, —
Все нам немцы поставляли:
От подтяжек — до цариц!
Коль вглядеться в дело близко,
Этот экспорт — что бельмо!
На царице всероссийской
“Made in Germany” клеймо!!!»[3]

Сердитый журнал «Пугач» публикует скабрезные рисунки, на одном из которых полуобнаженная (но в короне!) императрица целует Распутину ноги. Вместо подписи к рисунку — стихи, повествующие о горе государыни, потерявшей своего «друга»: *«Ах, кому-то Сана ноги // Нынче будет целовать?..»)*[4].

Эпичней всего распутинский скандал вокруг императорской семьи изобразили сатирики «Пугача» — в жанре «*комической сцены*» в исполнении «*царскосельской придворной труппы*» под многозначительным названием «*Прекрасная Елена*». Все намеки для верности поясняются в подписях с обозначением «*действующих лиц*»: «*Менелай — г-н Н. Романов, Елена — Алиса Гессенская, Калхас — г-н Бадмаев-Тибетский, Парис — Г. Распутин*». На рисунке Распутин с глумливой улыбкой собирается сделать свой «выбор Париса». А скандальная троица (венценосные супруги и их восточный лекарь) в смиренном ожидании с подобострастием ожидают решения «старца».

В отличие от гордой и надменной «Саны» Николай II — не субъект, а объект политических катаклизмов, но от этого не менее виновный — в глазах журналистов — и в военных поражениях армии, и во внутренней сумятице в стране. При его попустительстве (а иногда-де и с тайного согласия!) внешний враг опасно приблизился к Петрограду. Излюбленный прием карикатуристов — демонстрация малого роста, болезненной внешности и алкогольных пристрастий Николая Романова как наглядной метафоры деградации старой власти.

«Пугач» упорно подчеркивает аморальность низложенного самодержца: в стихотворной поэме описывается, как Николай бессонной ночью кается в грехах, но обращается при этом не к Богу, а... к балерине Матильде Кшесинской, о романе царя с которой в обществе ходило столько пересудов:

«…О, Матильда, мой дух оживи!
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Перестрою я жизнь свою заново
И навстречу пойду голытьбе!
Ах! Голштинское сердце Романова
В том порукою будет тебе»[5].

Примечательная новосатириконовская карикатура *«Четвертый партнер»* — о судьбе старых режимов, сгоревших в пламени Первой мировой. Здесь тема уходящих в историческое небытие «темных сил» обретает международных размах. Троица «бывших» — персидский шах, турецкий султан и португальский король со злорадными усмешками встречают «*нового партнера*» — Николая Романова. В одной руке он жестом попрошайки держит корону, в другой у него — жалкий чемоданчик, да поводок, на котором отставной российский самодержец ведет горько рыдающего ощипанного двуглавого орла...[6]

Впрочем, доставалось от журналистов не только Романовым, но и их ближайшему окружению. Едкая неприязнь пополам с презрением неизменно ощутима в трактовке образов государственной элиты прежней России. Набор обвинений в адрес высших сановников недавнего прошлого совпадает даже в деталях: собственный алкоголизм и поощрение к этому пороку императора; близость к Распутину; бездарность и продажность; национальное предательство — работа на руку Германии.

Чаще всего объектом критики становился граф Владимир Борисович Фредерикс[7]. «Стрекоза» помещает его на верхние позиции списка обитателей «*зоологического сада*» прежней власти: «*Фредерикс — допотопный мамонт германского происхождения. Питается манной кашкой и птичьим молоком*»[8]. Художники-сатирики изображали его с характерным бубновым тузом на мундире — знаком каторжанина.

Не самый энергичный защитник самодержавного строя, не самый влиятельный царедворец, к тому же с диагнозом «прогрессирующий склероз», почему именно он стал объектом столь многочисленных издевок? Возможно, потому, что до самого падения монархии, состоя министром Императорского двора, пользовался особым доверием государя[9]. Да еще был обладателем немецкой фамилии. Весной 1917 г. в свои 79 лет он воспринимался гротескным символом безнадежно состарившейся власти, персонификацией «темных сил». Символическим жестом истории видится тот факт, что именно граф Фредерикс 2 марта 1917 г. в Пскове скрепил своей подписью машинописный лист с Актом об отречении Николая II от престола...

Другим популярным представителем «темных сил» выступал Борис Владимирович Штюрмер, обрусевший немец, занимавший высшие государственные посты в последний год существования самодержавия. На карикатуре «*Штюрмер на почте*» бывший сановник протягивает конверты (конечно, со шпионскими сведениями!) в окошечко с надписью «*через Швецию в Берлин*» и при этом предупреждает: *«Пожалуйста, не забудьте моей фамилии отправителя, а то в прошлый раз Сухомлинову по старой памяти деньги выслали»*[10].

Современникам шутка была понятна: генерал от кавалерии Владимир Александрович Сухомлинов после военных провалов в июне 1915 г. был снят с должности, а в марте 1916-го арестован по недоказанным обвинениям в злоупотреблениях и измене. Для захваченного революцией общества вина и Сухомлинова, и Штюрмера, при которых кризис в армии достиг особой остроты, не требовала доказательств. Сама приобщенность к прежней власти уже свидетельствовала против них.

В весенние месяцы 1917-го «бывшие» изображались жалкими и нелепыми, атрибуты их прежней власти лишь веселят зрителя. Так, грозный прежде цензор предстает испуганным старичком на подкосившихся от страха тонких ножках[11].

Впрочем, для некоторых сатириков «бывшие» отнюдь не безобидны даже за решеткой. Так, «Будильник», помещает на обложке мартовского жутковатый рисунок, поводом к которому стало постановление Временного правительства от 12 марта 1917 г. об отмене смертной казни. Маленький Николай Романов в окружении своих министров (у всех руки по локоть в народной крови, а в руках — топоры!) обсуждают в тюремной камере эту радостную для них новость: «*Все-таки новое правительство больше заботится о нас, чем мы о них*»[12].

Не пройдет и пары месяцев, как кровь станет постоянным фоном рисунков российских сатириков...

Деятели либерального и умеренно социалистического толка, конечно же, не попадают у свободомыслящих сатириков в разряд «темных сил». Напротив, они — их жертвы. Что не мешает журналистам с горькой иронией высказаться по поводу тех, в ком еще недавно видели «спасителей России» и воплощение мечты о демократической альтернативе ее исторического пути.

Так, либеральный П.Н. Милюков, лидер кадетов и министр иностранных дел Временного правительства, вызывавший поначалу симпатии журналистов, со временем предстает как персонаж, достойный лишь усмешки, — по причине явного несоответствия масштабам эпохи. Летом 1917-го его изображают в довольно жалком виде. Маленький человечек высовывается из-за голенища огромного крестьянского сапога и с пафосным жестом восклицает: «*О, я несомненно близок к русскому крестьянину!*»[13]. С той же иронией сатирики припоминают этому либеральному имперцу его упорное стремление воевать «*за Проливы*», «за *крест на Святую Софию*» — будто у нынешней России нет дел поважнее...[14]

Тогда же развеялись надежды и на способность А.Ф. Керенского, военного министра и министра-председателя Временного правительства, стать «русским Бонапартом».

Надо сказать, что тема «внутреннего предательства» (пресловутые «темные силы»!) не ограничивалась персонажами Дома Романовых и их сановников. Летом 1917 г. «враг внутренний» и «враг внешний» вновь действуют рука об руку. Причем в репертуаре образов «внутреннего врага» теперь особо выделяются «*власть анархии*» и «*ленинцы*», намеренно сеющие беспорядки и использующие провокацию против «*новой власти*». Участившиеся случаи братаний воспринимаются сатириками как двойная провокация — и как подрывная акция собственных революционеров, и как немецкая диверсия. Но теперь именно «внутренний враг» (революционеры большевистского и эсеровского толка) выступает главными персонажами в «иерархии» угроз для страны, готовящейся к решительным боям с Германией.

По мере развития ситуации летом — осенью 1917 г. большевики-ленинцы уверенно обретают на страницах сатирических изданий амплуа главного злодея, *внутреннего врага*, взращенного кайзеровским режимом, но (!) — из российского «материала». После октябрьского переворота развитие германской темы становится проекцией новых политических реалий, усугубивших симпатии и антипатии отечественных сатириков. Не удивительно, что мотив сепаратного мира с Германией неизменно звучит как предательская *«игра в одни ворота»*.

Тема *«германского следа»* в русской революции — и как реальных политических акций германских властей, и как одной из величайших мифологем в историописании XX в. — имеет свою колоссальную исследовательскую историю, требуя взвешенной интерпрета-

ции источников и объективного учета размеров катастрофы, потрясшей тогда Россию. Меж тем большинству сатириков картина происходящего виделась однозначно. Ленин и его ближайшее окружение почти всегда трактовались как *«агенты кайзера»* и главные виновники развития революционных событий в России по наихудшему сценарию, что лишь подпитывало массовые стереотипы и фобии военно-революционного времени.

Но обратимся к материалам журналов.

В период июльских беспорядков в Петрограде и провала русского наступления на фронте «Стрекоза» помещает на обложке рисунок: под развевающимся знаменем «*Да здравствует анархия!*» гордо шагает анархист, а за ним семенит маленький Николай Романов, с надеждой приговаривая: «*Вы не только помогли моему другу Вильгельму, товарищ, вы и мне помогли, так как благодаря вам публика стала праветь не по дням, а по часам*»[15].

«Пугач» факты братания на фронте трактует однозначно — как продуманную диверсию германцев и публикует рисунок: лукавый немец на фоне боевых позиций лезет обниматься с русским и при этом прячет за спиной фотокамеру, снимая русские укрепления[16].

Разоблачения своей прогерманской интриги, подозревают журналисты, Ленин опасался. И хотя в его большевистской «Правде» не стоит искать правды о его связях с кайзером, все же «*два миллиона от Вильгельма*» как улика заставляют его нервничать[17].

На эту же тему — рисунок из журнала «Пугач» «*В Берлине*», из которого мы узнаем, как кайзер Вильгельм комментирует только что прочитанную в газете речь Ленина: *«После Гинденбурга это — самый полезный человек, а может быть, он даже полезнее Гинденбурга»*[18].

Поэт-сатирик А. Дрождинин в одном из майских номеров «Пугача» публикует целую поэму на злобу дня. В ней — полный набор страхов, неприязней и слухов, будораживших умы петроградской публики летом 1917-го. Автор с горечью описывает, как нынче гордо ходит по городу «большевик», как умело он отваживает рабочих от труда, а солдат — от выполнения воинского долга, как радуется этой неразберихе ненавистный «германец»... И призывает:

Большевик-демократ!
Пожалей Петроград
И рабочий народ
Отпусти на завод![19]

За всеми драмами предоктябрьской реальности сатирикам мерещится зловещая фигура большевистского «иуды». На рисунке в журнале «Бич» Ленин требовательно протягивает руку, в которую *«некто в черном»* (из-под капюшона топорщатся характерные усы Вильгельма) кладет мешочек с деньгами, приговаривая при этом на манер новозаветного:

Благоволите получить и расписаться, херр Ленин… Тридцать сполна![20]

Усиление революционной сумятицы сказывается на работе редакций журналов, издания начинают выходить нерегулярно, повышается нервический настрой публикаций. Концентрация сатирических символов в трагикомическом восприятии действительности достигает особой «густоты».

Приход к власти большевиков и последовавший за этим «*путь к Бресту*» видятся сатирикам как два акта величайшей драмы в истории России. Все последние публикации в сатирических изданиях проникнуты финалистскими настроениями «красно-

го апокалипсиса». Сатирики бросают гневное обвинение большевикам: как правящая партия «национальной измены» они привели страну к полуколониальному статусу. Постепенно становится ясно: не столь важно разбираться — ленинцы использовали германскую помощь для прихода к власти или это Германия использовала их для выведения России из войны. Интрига и предательство оказались лишь надводной частью «айсберга» внутренней катастрофы, погубившей прежнюю Россию.

Специальный мартовский номер «Нового Сатирикона» под девизом «*Сделано в Германии*» живописует ужасы грядущего порабощения России в результате «*брестлитовского предательства*». То немецкий чиновник ставит свое тавро на теле русского крестьянина — «годен в пищу»...[21], то германский офицер с кнутом в руках пашет землю на пленном русском солдате...[22]

Впрочем, остается в России место и для «революционных праздников», ерничают сатирики: столетний юбилей Карла Маркса чернь празднует охотно и традиционно — возлияниями, погромами и мордобоем... Торжество низменной стихии, чувство вседозволенности, потеря культурного облика как последствия революционного кризиса оскорбляют патриотические чувства сатириков.

Опошление жизни, торжество «хама», цивилизационное одичание особенно беспокоят журналистов, наблюдающих «культурную» повседневность жизни в «колыбели революции»[23].

Неудивительно, что в этих условиях так легко «немецкая птичка» побеждает «русского медведя» под приветственные жесты Владимира Ильича, — сетуют новосатириконовцы.

Примечательно, что вина за случившееся становится и темой внутренней, *собственной ответственности* российского общества за перерастание военной драмы в революционную трагедию. Где же, восклицают журналисты, совесть нации, *«просвещенное общество», «люди с либеральными убеждениями», «передовая интеллигенция»*? Иных уж нет, а те далече... А оставшиеся — в добровольном маразме пьянства и отупения от революционного шока и его последствий. К ним — горькое обращение Аркадия Аверченко, к соотечественникам (да и к самому себе!), проспавшим, проглядевшим, заболтавшим Россию, позволившим сделать себя жертвами революционного безумия:

> «Вы, пьяницы, гуляки, алкоголики… Вы, русские забубенные головушки… Что? — Одна нога в ботинке, другая босая, волосы в пуху, голова разваливается от боли, а кривое зеркало над кроватью кажет огромнейший кровоподтек между ухом и глазом… Ф-фу!..»[24]

Писателю вторит и поэт-новосатириконовец в стихах о горьком парадоксе революции, сумевшей превратить прежнее общество в глумливую пародию на самое себя:

> Какой жестокий Мефистофель
> Карикатурой сделал нас? —
> Мы все свободны — только в профиль,
> Но подневольны все — в анфас!..[25]

Более чем самокритично звучат размышления сатириков об истоках бед страны. Равнодушие, страх, безволие русского общества, в том числе и интеллигенции, перед лицом великого исторического испытания видятся как тавро «обывателя», его мелкого социального эгоизма. Новосатириконовский поэт Всеволод Бастучин сочиняет на эту тему стихи, рисуя портрет «*обывательской среды*», чье поведение и есть одна из причин безнаказанности большевиков:

«Слухи носятся безобразные, —
Будто скоро Русь вся развалится.
Ну, да я и Русь — вещи разные,
Мне-то не о чем тут печалиться...
В общем, скучно мне, извелася я —
Мир, аннексия, контрибуция…
Подремлю-ка я… Разбуди меня,
Когда кончится революция»[26].

А в то время, пока равнодушный обыватель наивно надеется, что его-то беда минует, бережливый немец с удовлетворением поглядывает на фигуру России, распятой на кресте: *«Как славно! Для "Великой России" всего-то понадобилось три гвоздя...»*[27]. Этот рисунок — квинтэссенция гнева сатириков по поводу «*похабного мира*», когда российское общество почувствовало себя в замкнутом кольце измены, воплощением которой стала политика как таковая — от «*предательского*» курса Романовых до «*германофильской*» тактики большевиков.

...Журнальная сатира с арьергардными боями уходила в прошлое, как и культура породившей ее старой России. Нервический юмор сатириков часто становился черным, но никогда — серым. На финальной стадии осмысления уроков войны и революции приходит понимание факта: в катастрофе 1917—1918 гг. «германец» выступает лишь носителем Зла, торжествующего в России при попустительстве внутренних сил, погубивших демократическую альтернативу трансформации России — властолюбивого самодержавия и левого радикализма.

Вину за перерастание военной драмы в революционную трагедию журналисты разделяют с наиболее ответственной частью российского общества. Неготовность интеллигенции и новой политической элиты защитить страну от внутреннего экстремизма и внешней интриги ощущаются сатириками как *своя* вина и *свой* грех. Что требовало от отечественных сатириков и гражданского мужества, и профессиональной честности. В способности увидеть в объекте критики отражение собственных несовершенств состоит профессиональный и гражданский вклад российских сатириков в историю общественной мысли и культуры России.

В работах сатириков ощутимо горькое прозрение тех, перед кем в одночасье рухнул образ так долго ожидаемого будущего и смысл собственного присутствия в нем. Уходя в свое эмигрантское инобытие, русская журнальная сатира прежней России оставила потомкам не только яркие образцы жанрового творчества, но и ценный опыт политической аналитики, до конца сохранив верность завету Гоголя — «*обращаться со словами надо честно*».

1 См.: *Колоницкий Б.И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914—1917) // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 372, 374.
2 Там же. С. 374.
3 Стрекоза. 1917. № 18. С. 6.
4 Пугач. 1917. № 3. С. 11.
5 Там же. № 1. С. 7.
6 Новый Сатирикон. 1917. № 11. С. 4.
7 Пугач. 1917. № 1. С. 18.
8 Стрекоза. 1917. № 24. С. 12.
9 См.: *Мосолов А.* При дворе императора. Рига, 1938. С. 23.
10 Стрекоза. 1917. № 18. С. 19.
11 Там же. № 12. С. 16.
12 Будильник. 1917. № 16. 12 июля 1917 г. смертная казнь будет восстановлена на фронте — за убийство, разбой, измену, побег к неприятелю, сдачу в плен, уход с поля боя и за другие воинские преступления.

[13] Стрекоза. 1917. № 26. С. 16.
[14] Будильник. 1917. № 18. С. 7.
[15] Стрекоза. 1917. № 30. Обложка.
[16] Пугач. 1917. № 3. С. 8.
[17] Там же. С. 6.
[18] Там же. № 1. С. 3.
[19] Там же. № 3. С. 7.
[20] Бич. 1917. № 28. С. 13.
[21] Новый Сатирикон. 1918. № 5. Обложка.
[22] Там же. С. 16.
[23] Там же. № 13. С. 16.
[24] Там же. № 5. С. 16.
[25] Там же. № 8. С. 3.
[26] Там же. № 3. С. 3.
[27] Там же. №. 5. С. 6.

А.В. Голубев

1917 год в историко-культурном контексте

Мы знаем две огромные русские смуты — начала XVII в. и начала XX в. При всей несхожести двух эпох между ними есть и кое-что общее. Очевидно, что и Смута начала XVII в., и революция 1917 года, равно как и революция 1905 года, равно как и революция 1991 года, были если не неизбежными, то и не случайными явлениями, и не могут быть объяснены капризом истории, злой волей каких-то групп или даже отдельных лиц.

Представляется, что многие истоки того, что произошло в России в первой трети XX в., можно найти в особенностях российской модернизации. Имеется в виду в первую очередь ее не совсем органичный, «верхушечный» характер. Осуществляла модернизацию власть, одновременно утверждая при этом свои прерогативы и влияние — за счет общества.

Социальная структура российского общества оставалась архаичной по сравнению с другими индустриальными странами. Сохранялись черты сословности, огромный социальный и культурный разрыв «верхов» и «низов», который возник в XVIII в. и в некотором отношении лишь усугубился к концу XIX — началу XX в., что имело далекоидущие последствия. В той или иной степени подобный разрыв был свойственен многим культурам на стадии перехода к индустриальному обществу, однако именно в России он проявился с особой остротой.

Можно привести огромное количество примеров, которые свидетельствуют о том, что процесс модернизации шел все возрастающими темпами, охватывая новые и новые слои российского общества. Однако он был еще далек от завершения, причем не только в деревне, которую лишь чуть затронул, но и в городах.

Вследствие различных причин, в том числе репрессивной политики монархии и отсутствия правовой базы, к началу XX в. далек был от завершения процесс формирования гражданского общества. Монархия упорно отталкивала от себя именно те слои, которые были естественными сторонниками капиталистической модернизации, не допуская их к реальной власти (и законодательной, по крайней мере, до первой русской революции, и тем более исполнительной).

Процесс модернизации осложнялся также полиэтничным характером российского общества. Одни этносы были уже подготовлены к вступлению в индустриальное общество, другие заметно отставали, третьи же оставались преимущественно архаичными, и это не только тормозило процесс модернизации, но и порождало дополнительные противоречия.

То же можно сказать о сословном или конфессиональном делении. В разных сословиях и конфессиях степень модернизации также была различна. Но при этом в любом этносе, сословии, конфессии уже выделилась более или менее значимая «модернизированная» прослойка.

Как бы то ни было, модернизация в России осуществлялась достаточно высокими темпами. Это в свою очередь вело к росту социальной мобильности (вертикальной и горизонтальной) и связанной с этим маргинализации значительной части населения. Конечно, здесь можно отдельно говорить о положительных и отрицательных результатах социальной модернизации, но в любом случае процесс был весьма болезненным и вызывал сопротивление крупных социальных групп. Издержки первого этапа модернизации, в частности, чувствовали на себе представители нарождающегося, но уже достаточно многочисленного рабочего класса, что вело к росту рабочего движения, причем первые его проявления весьма напоминали средневековые бунты.

Но одновременно с революционным движением, порожденным противоречиями уже индустриальной эпохи, нарастало пассивное сопротивление процессу реформ со стороны традиционного общества, которое так и не оформилось политически. Действительно, в российской жизни не было партий, течений, групп ***традиционалистского*** толка, выступавших против модернизации в целом, в том числе в экономической и культурной областях (серьезное противодействие вызывали лишь попытки политических реформ). «Союз русского народа» и близкие ему черносотенные организации выступали (за редкими исключениями) с проправительственных позиций и, следовательно, поддерживали политику модернизации постольку, поскольку ее проводило самодержавие. Православное духовенство воздерживалось от участия в политической борьбе, да и по своему социальному статусу (и соответственно общеполитическим взглядам) мало чем отличалось от чиновничества. Единственно, в чем оно было несогласно с властью, это с политикой власти в отношении церкви.

Практически все либеральные и левые партии, в том числе социалисты-революционеры и социал-демократы, включая большевиков, выступали не ***против*** модернизации, а ***за ее более высокие темпы и эффективность***, за распространение ее на политическую и социальную область. Короче говоря, никакого осознанного и, главное, политически оформленного «российского фундаментализма» (по аналогии с современным исламским) не существовало. И все же русская революция 1917 года (и Февраль, и Октябрь) в значительной степени представляла собой ***реакцию традиционного общества на форсированную модернизацию***. Другими словами, здесь существуют исторические аналогии не только с французской революцией 1789 г., но и с исламской революцией 1979 г. в Иране.

Степень успеха модернизации нельзя измерять только цифрами экономического развития, степенью урбанизации или количеством грамотных, хотя все это очень и очень важно. Модернизация предполагает, что культура данного общества сумеет как бы «подстроить» ее под себя, соотнести со своими глубинными особенностями и ценностями, и одновременно — сама «подстроится» под требования модернизации. В России подобная трансформация культуры оказалась недостаточной и незавершенной, что и привело к кризису российского варианта модернизации, кризису, который в значительной мере предопределил 1917 год.

Революция 1917 года, как известно, началась стихийно, и развитие ее лишь частично определялось политикой тех, кто оказался у власти или стремился к ней. Непосредственными причинами революции послужили прогрессирующее разложение монархического режима, тяжелейшая война, снижение жизненного уровня населения, и, может быть, главное — неразрешенность важнейшей проблемы, без чего никакая модернизация невозможна, а именно аграрной.

Но если бы дело было только в этом, у власти, скорее всего, закрепились бы правоцентристские партии, выступавшие за более эффективную модернизацию в условиях парламентской демократии, возможно, конституционной монархии. Они пользовались поддержкой наиболее культурных слоев общества, обладали определенным опытом политической, хозяйственной, в некоторой степени управленческой деятельности. Их работа по организации тыла в годы войны, критика царского режима способствовали популярности и самих партий, и их лидеров.

Однако либеральные партии проиграли, причем проиграли не только в результате переворота в октябре 1917 г.

В октябре 1917 г. процесс капиталистической модернизации, несмотря на несомненные успехи в экономике и — в меньшей степени — в социально-политической области, оказался насильственно прерванным. Но если судить по итогам выборов в Учредительное собрание, значительная часть общества уже до этого отказала модернизации в ее дореволюционном варианте в своей поддержке. Основной итог выборов — безоговорочная победа партий социалистической ориентации (эсеров, большевиков, меньшевиков и др.), получивших в целом свыше 80% голосов. Это не означало, впрочем, что Россия «проголосовала за социализм». Социалисты, в том числе большевики, не выступали в тот момент за немедленное построение социализма, о котором и сами имели смутное представление.

Результаты выборов, казалось бы, подтверждают мнение некоторых исследователей о том, что народные массы стремились к воссозданию традиционных форм жизни (об общинном характере русского социализма интеллигенция любила поговорить и на рубеже XIX—XX вв., и на рубеже XX—XXI вв.). Но если посмотреть на призывы, с какими русское социалисты обращались к народу, мы увидим, что ни о каком возвращении к традиции речи не было. Трудно предположить, что народные массы в начале века обладали столь острым философским и политическим чутьем, чтобы «просчитать» и глубинную суть, и отдаленные последствия нацеленных на ускорение модернизации политических программ. Все гораздо проще: избирателей привлек радикализм левых партий, их конкретные требования (в аграрном вопросе, в отношении к войне), и, хотя и очень туманная, альтернатива существующему порядку вещей.

При этом необходимо помнить, что, как убедительно показали исследования последних лет, уже с осени 1915 г. в России нарастали кризисные явления, глубоко затронувшие повседневную жизнь даже в далеких от фронта регионах.

Однако в результате «красной смуты» в стране утвердился политический режим, который реализовал еще более форсированный вариант модернизации, не считаясь при этом ни с какими жертвами. Что же обеспечило поддержку, молчаливое согласие или хотя бы покорность общества? Важную, но все же не определяющую роль играло прямое или косвенное насилие. Но наряду с этим, новый режим, в отличие от монархии в ее последние десятилетия или от Временного правительства, сумел найти опору в массовом сознании.

Исторический парадокс заключается в том, что модернизация вызвала к жизни архаический тип сознания (что, кстати, нашло свое отражение в языке эпохи, в том числе языке большевиков). Но его влияние всегда в высокой степени усиливалось в

кризисные эпохи. Именно на архаическое сознание намеренно или интуитивно ориентировались все массовые движения, в этом как раз и заключалась гарантия их массовости.

Одно из серьезнейших противоречий советской истории, кажется, недооцененное исследователями, заключалось в том, что в глубоко архаичном, в большинстве своем крестьянском, обществе установилась власть с гипермодернизационными установками. Причем эта власть возникла на волне мощного взрыва архаики и во многом благодаря ему; более того, если выйти за пределы идеологии и устремлений высшего, крайне узкого слоя советского руководства, власть и сама была — по составу, по методам, по восприятию мира — глубоко архаичной.

Одновременно большевизм сумел, вольно или невольно, опереться на особенности российского массового сознания, так же как позднее в Германии нацизм — на особенности массового сознания немецкого народа. Глубинные национально-культурные ценности, за неимением другого языка, выражали себя в формулах и стереотипах, предлагаемых марксистской идеологией, тем самым невольно придавая ей особую силу и легитимность. При этом они не сводились к этой идеологии и далеко не исчерпывались ею.

В ходе российской революции марксизм слился с архаической мифологией масс и превратился в своеобразную форму российской эсхатологии — в учение, возвещающее конец старого и возникновение нового мира, только не на небе, а в реальной жизни, на земле.

И здесь мы подходим к очень интересной, хотя и спорной проблеме — российский культурно-исторический тип.

Существующие цивилизации, культуры, культурно-исторические типы — называйте, как хотите — имеют одну простую цель: выживание. По возможности, комфортное, но, как минимум, выживание.

Уже несколько столетий продолжается спор о технологиях (хотя само это слово стало употребляться в данном контексте сравнительно недавно), которые могут быть максимально полезными для выживания нашей конкретной цивилизации. Но пока мы — политологи, социологи, экономисты, историки — спорим, это означает, что цивилизация свою задачу решает. Потому что о цивилизациях, которые не смогли решить эту задачу, спорят уже только археологи.

Какие технологии выбирала наша, российская цивилизация? Оглядываясь на исторический опыт, мы видим, что одна из основных — технология сильного и преимущественно централизованного государства, причем государства, пользующегося поддержкой общества. Подчеркиваю, речь идет не обязательно об авторитарном или тоталитарном государстве, а о сильном, в том числе и демократическом, государстве, способном эффективно выполнять свои функции.

Любое государство имеет определенный набор задач и функций, которые оно реализует. Кроме общих (например, сбор налогов, поддержание правопорядка, защита территории и т.п.), некоторые из них являются специфическими. Так, в долинах великих рек — Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Янцзы, где, собственно, и возникли первые государства, на первый план выходила задача создания обширных ирригационных систем. Наличие такой задачи, как правило, приводило как раз к созданию сильного авторитарного государства; там, где такая задача отсутствовала, возникали государства-полисы, нередко с демократическим устройством.

На первых порах в функции древнерусского государства, помимо обычных, входил контроль над торговыми путями по Днепру и Волге, освоение обширных слабозаселенных территорий и борьба с кочевниками. В целом, при всей специфике, оно

мало отличалось от других раннефеодальных государств Европы, особенно восточной ее половины. Однако после монгольского завоевания ситуация изменилась.

Историки-евразийцы, признавая трагические последствия нашествия Батыя, не без оснований доказывают, что в дальнейшем монголы практически не вмешивались в повседневную жизнь Руси, ограничиваясь сбором дани и выдачей ярлыков на княжение. Сохранились княжеские династии, в том числе и Великое княжение Владимирское, монголы почти не влияли на жизнь православной церкви, а такие их нововведения, как ямская служба или переписи, можно только одобрить.

Но забывается одна, очень существенная деталь. Русское государство в рамках империи Чингизидов потеряло возможность осуществлять свою основную функцию — защиту территории и населения. Любой монгольский отряд, в том числе и сопровождавший очередного посла, вел себя как на завоеванной территории, а спонтанные попытки сопротивления, как в Твери в 1327 г., вызывали карательные походы. Впрочем, такие же походы вызывали и княжеские усобицы. История России XIII—XIV столетий полна упоминаний о «татарских ратях». Но и после распада Золотой Орды южные и восточные границы страны продолжали страдать от постоянных крымских или казанских набегов, а с запада, воспользовавшись ослаблением русского государства, надвигалась сначала Литва, а затем и Речь Посполитая, с северо-запада — Швеция и Ливонский орден.

В этой ситуации неудивительно, что Русское государство превращается в огромную военную машину, и после периода относительного равновесия сил начинает неуклонно возвращать себе западные и северо-западные земли и поглощать осколки Золотой Орды на востоке и юге.

И как только русская военная машина начинала терять эффективность, это приводило к реформам, иногда очень глубоким, как при Петре I или Александре II, а в XX в. — уже и к революциям.

В XIX—XX вв. на первое место выдвигается функция государства, связанная с обеспечением успешного экономического развития. Подчеркну, речь идет именно о развитии экономики, а не бизнеса или предпринимательства. Критерием развитой экономики является не норма прибыли, не торговый баланс или даже размеры ВВП, а исключительно уровень жизни всего населения страны. В этом же направлении действует и сформировавшая уже в XX в. функция «государства благосостояния».

Главное, в русской истории государство всегда начиная с первых столетий его существования играло очень большую роль, намного более значимую, чем, скажем, в соседних европейских странах. Речь не только о реальном положении дел, но и об отношении к государству в русском обществе. В русской культуре за эти столетия, несомненно, сложилась уверенность в его необходимости, в его ценности.

Тут играли роль и периферийность географического положения России по отношению к Европе, и ее фронтирный характер на границе Великой Степи, и необходимость колонизации пространства Восточной Европы, целый ряд других факторов, а также и внешнее влияние — византийское, ордынское, орденское.

Русское государство всегда сравнивали с европейскими государствами, потому что Россия, что ни говори, лицом всегда стояла к Европе и постоянно с ней контактировала. Именно европейцы сталкивались с русским государством, сравнивая его со своими представлениями. Понятно, что каждый приезжающий в чужое государство свое собственное воспринимает как эталон, — это не значит, что таковым оно является. Всем, тем не менее, бросалось в глаза сформированное историей отличие российского государства и отличие в отношении к нему общества от европейской действительности. Это отличие не было случайностью, но не было вместе с тем и

проявлением рабского национального характера или особой жестокости русских властей.

С другой стороны, эта жесткость государства, то, что оно на себя брало намного больше функций, чем государства европейские, в какой-то степени подменяя собой общество, приводило к тому, что когда механизмы государства отказывали в результате кризиса, то и российская смута была, как правило, гораздо сильнее, глубже, масштабнее, чем подобные кризисы и революции в европейских государствах.

Говоря о России как цивилизации (культурно-историческом типе), необходимо отметить еще одну, может быть важнейшую, ее особенность. Для нее всегда была характерна ***имперская доминанта***. Понятие «империя» многозначно и вызывает споры. Здесь речь в первую очередь о том, что Россия объединила в рамках целостного административного устройства территории и этносы, резко отличающиеся друг от друга по типу хозяйства, уровню и ориентации культуры, стадии развития.

Одна из «имперских» характеристик — самодостаточность. Россия со времен Московской Руси всегда, хотя бы подсознательно, ощущала свою инаковость по отношению к Европе. Сама открытость огромных российских границ вызывала подсознательное желание как-то отгородиться от враждебного мира, окружить себя своеобразной буферной зоной — не только в военном, но и в культурном отношении. Отсюда — постоянные попытки представить себя центром если не мира, то некой ограниченной общности вокруг собственных границ, например, «мира православного», позднее — «мира славянского», еще позднее — «социалистического лагеря». Сейчас говорят о «ЕврАзии», которая не сводится к России, но консолидируется вокруг нее.

Россия не только самодостаточна, но и альтернативна Европе (православие против «латинства», славянский мир против стареющего романо-германского, побеждающий социализм против загнивающего капитализма). Теории славянофилов позапрошлого века об особом историческом пути России представляются лишь одним из проявлений этого глубинного ощущения.

И вместе с тем Россия не только «отталкивалась» от Европы, но и притягивалась к ней, многое заимствуя, но многое и давая. Диалектика внутреннего развития и постоянных — с XVII в. — попыток «догнать и перегнать» Запад привела Россию к необходимости включения в общемировой процесс модернизации.

Подведем некоторые итоги.

Культурно-исторический тип не бывает, очевидно, неизменным, но сохраняет некие общие черты в культуре, менталитете, экономике и пр. на протяжении всей истории.

Формационный подход (в основе, как принцип, вполне приемлемый) делит историю на определенные этапы, а цивилизационный (в точном значении слова) — на отдельные культуры («цивилизации»), которые проходят эти этапы, хотя не обязательно все, и по-разному. Представляется, что два этих подхода равно применимы и вместе создают объемный взгляд.

Можно определить культурно-исторический тип прежде всего как иерархию ценностей данной культуры (системы ценностей различных культур в значительной степени совпадают, различаются, иногда заметно, иерархия ценностей).

Среди основных ценностей данного культурно-исторического типа помимо ценности государства, можно в качестве гипотезы выделить:

— Понятие справедливости как синонима не равенства, а равновесия; признание существования некой отдельно существующей истины, не обязательно религиозной, которая (только в идеале!) должна регулировать все стороны жизни.

— Признание греховности и слабости природы человека, отсюда склонность к внешним (в том числе государственным) формам контроля над личностью (а не внутренним, то есть через воспитание, самоконтроль и пр.). Это, как, впрочем, и внешние факторы, определяют особую роль государства.

— Исторически детерминированная меньшая ценность личности и жизни индивидуума в сравнении с категорическим императивом сохранения социума как целого.

Эти и другие составляющие российского «культурного бессознательного» сначала во многом определили приход Великой русской революции (или второй российской Смуты), затем сыграли определяющую роль в ходе и исходе революции и гражданской войны и продолжали много определять и в последующие десятилетия. И, наконец, сами менялись в результате изменений, происходивших в государстве и обществе. Тем не менее большей частью они продолжают сохраняться и оказывать влияние и на современную историю России.

Т.Г. Леонтьева

Революция. Духовенство. Приход

В связи с революцией 1917 года в жизни Русской Православной церкви (РПЦ) создалась драматическая ситуация: во весь рост поднялась проблема взаимоотношений церкви и государства, обострились и без того непростые взаимоотношения священников, особенно сельских, с паствой; все более напряженными становились взаимоотношения внутри епископата. Не случайно революционный 1917-й год был отмечен чередой тщетных попыток РПЦ выйти из затяжного кризиса.

Церковная проблематика обстоятельно представлена в отечественной историографии. Однако когнитивный изъян налицо. Советские историки изображали церковь и духовенство как своеобразный контрреволюционный фон двух революций. Со временем ситуация поменялась на противоположную: на рубеже XX—XXI вв. появилась масса публикаций, в которых РПЦ выступает невинной жертвой большевистского режима.

Следует в этой связи отметить специфику источников, позволяющих «с равным успехом иллюстрировать и “дьявольскую изощренность” большевиков, и “контрреволюционные происки” церкви»[1].

В настоящее время появляются более объективные исследования. Признавая их лейтмотив (накануне революций 1917 года церковь находилась в глубоком кризисе, что являлось отражением и частью кризисного состояния российской государственной системы в целом[2]), отмечу, что казавшиеся незыблемыми основания православной церкви начали расшатываться задолго до Октября помимо большевистского давления, а представители духовного сословия сыграли здесь не последнюю роль.

Революция

Внутрицерковные противоречия с первых дней Февраля вылились в «революцию в церкви». Следуя логике исторически сложившегося церковно-государственного альянса, РПЦ и ее духовенство должны были поддержать монархию. Но этого не случилось.

Церковь в лице подавляющего большинства архиереев признала отречение императора, Временное правительство и ожидала восстановления патриаршества, роспуска ненавистного Синода (который поддержал идею созыва Учредительного собрания и тем самым обозначил свое участие в политической жизни), созыва Поместного собора.

Новым обер-прокурором Св. Синода был назначен давний сторонник церковной реформы, умеренный либерал, имевший репутацию борца с распутинщиной, В.Н. Львов. 4 марта он заявил, что счастлив объявить о высвобождении РПЦ от «цезарепапизма». 7 марта Временное правительство заслушало сообщение обер-прокурора о мерах «по оздоровлению церкви», 20-го — последовало постановление правительства об отмене ограничений прав по сословным, вероисповедным и национальным признакам. Но православная церковь по-прежнему видела себя «главенствующей», что, впрочем, имплицитно соответствовало устремлениям правящих светских элит.

С 1 июня 1917 г. в Москве открылся Всероссийский съезд духовенства и мирян, чему предшествовали многочисленные местные съезды священников и паствы. По количеству присутствующих (1268 человек) съезд мог конкурировать с открывшимся чуть позднее 1-м Всероссийским съездом Советов. По накалу страстей он также напоминал масштабный светский митинг: и представители духовенства, и миряне приветствовали требование свободы вероисповеданий и идею передачи земли трудящимся. Были сформулированы предложения по церковной реформе для будущего Поместного собора, подтверждено стремление восстановить древний обычай выборности епископата и сохранить государственный, привилегированный статус РПЦ.

20 июня Св. Синод обнародовал «Временное положение о православном приходе»[3], о чем в церковной среде мечтали начиная с эпохи Великих реформ, вслед были устранены ограничения в правах белого духовенства и монашествующих, слагающих с себя сан или лишенных его по духовному суду[4].

Наконец, с июня 1917 г. начинает работу Предсоборный совет, что принципиально важно: Временное правительство, которое откладывало решение государственных вопросов и остерегалось проводить гражданские реформы, постепенно приступало к преобразованиям в церковной сфере.

5 августа упраздняется обер-прокуратура и учреждается министерство вероисповеданий с оговоркой, что министр и два его заместителя должны принадлежать к православию[5]. Тем самым фактически Православная церковь признавалась «первой среди равных». 15 августа 1917 г. открылся Поместный Собор, 28 октября церковь вновь обрела патриарха. Если принимать во внимание только эти события, может показаться, что в феврале 1917 г. наступила «церковная весна», которая продолжалась до октября — декабря 1917 г.

Однако одновременно «снизу» стихийно выстраивалась иная модель взаимоотношений светской и духовной власти, и именно на этом уровне и решалась дальнейшая судьба церкви.

Духовенство

Хроника событий, которые развивались за стенами «высоких» кабинетов, показывает, что альянс церкви с новой властью не спасал ее от «народного гнева» и уже 27 февраля от революционной толпы пострадала церковь в Доме предварительного заключения на Шпалерной улице в Петрограде, затем — Александро-Невская лавра. Примечательно, что солдат-погромщиков возглавлял бывший послушник Лавры прапорщик В.Ф. Саута. Распространился слух, что попы расстреливали демонстран-

тов с колоколен. 3 марта в церковь Благовещения пресвятой Богородицы на Васильевском острове ворвалась толпа солдат и нескольких штатских, заявивших: «Здесь не молебны служат, а с колокольни людей расстреливают». Настоятеля на всякий случай арестовали[6].

Волна насилия прокатилась и по провинции: обыски в храмах, богохульство, издевательства над неугодными священниками. По этой части отличались солдаты, имевшие обыкновение заходить в храмы в шапках, курить у алтаря, осквернять иконы. Ни епископат, ни рядовые клирики такого разворота событий не ожидали. Не удивительно, что слухи о «темных силах» и «масонах», учинивших революцию, исходили и от православных иереев.

Уже в первые дни революции они разделились по политическим пристрастиям. Даже некогда убежденные монархисты, похоже, пребывали в состоянии замешательства. Так, архиепископ Тверской и Кашинский Серафим (Чичагов), член Государственного совета, уверял, что произошла «чуть ли не самая кроткая и самая бескровная из всех революций, которые знает история»[7]. Между тем в Твери уже 2 марта произошла кровавая расправа с губернатором.

Епископ Уфимский и Мензелинский Андрей (Ухтомский) в обращении к пастве заявил, что «революция зажгла яркую звезду русского народного счастия...». Задачу православия он усматривал в том, чтобы «научить социалистов истинному социализму духа»[8]. Епископ Енисейский Никон забросал членов Временного правительства поздравительными телеграммами, 12 марта вступил в кадетскую партию, а в апреле сложил сан. В ряде городов (Калуге, Орле, Ставрополе, Витебске, Красноярске, Чите, Иркутске, Владивостоке) епархиальные владыки отслужили благодарственные молебны[9].

Лишь отдельные архиереи рискнули высказаться против бунтарей, которые «осмелились посягнуть на священные права помазанника Божьего»[10]. Среди них был епископ Гермоген, обличавший в свое время Л.Н. Толстого, Г.Е. Распутина и Илиодора (Труфанова), епископ Пермский Андроник, который продолжал прославлять Николая II, сравнивая его с пострадавшим Христом, Антоний (Храповицкий)[11]. Но подобных архиереев было мало; отнюдь не они определяли ход «революции в церкви».

С первых же дней революции активизировались рядовые священники, иные из них с восторгом нацепили на рясы красные банты, окропляли красные флаги святой водой[12], служили в красных одеяниях[13]. Другие, не снимая сана, поспешили занять «революционные» светские должности. За священниками последовали представители младшего клира, которых в народе тут же окрестили «социал-диаконами» и «социал-псаломщиками»[14].

Дальше всех двинулись либерально настроенные представители петроградского духовенства, возбудившие вопрос об избрании правящих архиереев непосредственно клиром и мирянами. Их тут же поддержал новый обер-прокурор[15]. Вскоре такая система замещения церковных должностей стала стихийно практиковаться повсеместно.

Пик революционного энтузиазма в среде духовенства пришелся на март — апрель 1917 г., когда по стране прокатилась волна чрезвычайных съездов духовенства и мирян, где последние, как «свободные граждане обновленной России», задавали тон. На съездах обнажился стародавний конфликт между епископатом и низовым духовенством, в который теперь повсеместно вмешивались миряне. Епархиальная администрация не могла противостоять этому. Наиболее твердые из епархиальных владык, в частности архиепископ Тверской Серафим (Чичагов), пытались противодействовать «церковной демократизации». Он призывал не допускать мирян к управлению церковью, ссылаясь на церковные каноны[16]. Но жажда «свободной церковной

жизни» оказалась сильнее, и в результате 12 «реакционных» архиереев были смещены со своих постов. Вынужден был временно покинуть тверскую кафедру архиепископ Серафим[17]. Лишился своего поста и небезызвестный архиепископ Евлогий[18].

В сущности, в церкви происходило то же, что и в светской жизни. Епархиальные съезды вводили коллегиально-представительное начало на всех ступенях управления: по благочиниям учреждались советы из выборных представителей клира и мирян, по приходам — приходские советы и собрания. Выборный порядок замещения духовных должностей распространялся на всех — от архиереев до рядовых священников.

Заявили о себе и будущие «живоцерковники»-обновленцы: еще 7 марта в Петрограде священники Д. Попов и А. Введенский образовали «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян», выступивший под лозунгом «Христианство на страже труда, а не на страже насилия и эксплуатации». Выдвинув лозунги борьбы с капитализмом, передачу земли крестьянам, установления демократической республики, равенства сословий, полов, свободы слова, совести, печати, члены Союза надеялись обрести опору среди прихожан. Они пытались также склонить на свою сторону низовое духовенство, провозгласив отделение церкви от государства, восстановление соборных начал, переход на григорианский календарь, перевод богослужения на современный язык, допущение брачности епископата и второбрачия священнослужителей. Союз отвергал идею патриаршества, считая, что это противоречит соборным началам, допускающим единственную власть в церкви — власть Христа[19]. И эти предложения благосклонно поддержал обер-прокурор.

Итак, основная масса духовенства оказалась втянутой в революцию, но это лишь усилило давние нестроения в церковной жизни. Церковь не смогла взять инициативу в деле церковного обновления, ее перехватили прихожане-активисты.

Приход

Активность православных верующих уже традиционно трактуется исследователями как «демократизация приходской жизни». Действительно, в церковном пространстве происходили такие же самоорганизационные процессы, как на производстве (фабзавкомы), в армии (солдатские комитеты), в деревне (сельские комитеты). Но ситуация осложнялась тем, что еще в дофевральский период приход был ареной жестких столкновений между настоятелями и паствой. Не удивительно в этой связи, что задача реформирования прихода сознавалась всеми, а смысл ее виделся в сближении пастырей и паствы.

Но на какой основе? Наиболее последовательные и, вместе с тем, диаметрально противоположные позиции занимали архиепископ Тверской и Кашинский Серафим (Чичагов), предлагавший реформировать приход «сверху», и епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), не раз обличавший существующие порядки в церкви. Еще до революции он предупреждал, что церковные нестроения и духовный разлад чреваты далекоидущими последствиями. По его мнению, рухнувший режим был «беспринципный, грешный, безнравственный», а самодержавие «не охраняло чистоты православия и народной совести, а держало ее, св. церковь, на положении наемного слуги». В таких условиях возродить церковь можно было только снизу, через приход, действующий на демократических началах[20].

Однако представления о демократии и положении дел в приходе в массовом народном сознании сводились к формуле «как хотим». Многим священникам приходилось доказывать своим прихожанам, что они не являются приверженцами старого

строя и «темных сил». Но дальше «расцерковленная» паства намеренно не упускала больше случая поиздеваться над ставшим беззащитным попом[21].

Не прекращались и земельные скандалы крестьян со священниками. Органы самоуправления, которые все основательней заполняли солдаты, матросы, командированные агитаторы, а нередко и уголовные элементы, развернули борьбу против «контрреволюционного» духовенства с целью завладения причтовой землей[22]. «Жизнь священника старого образца в общине становилась невыносимой...» — констатировали современники событий[23].

Когда же в начале лета 1917 г. низовая церковная структура приобретает статус «основной демократически самоуправляющейся ячейки церкви»[24], приход становится самостоятельной «движущей силой» внутрицерковного кризиса. Священников допускали к служению лишь с согласия «общего собрания», неугодных изгоняли, пуская по миру целые семьи, на вакантные места избирали младших клириков, не имеющих специальной подготовки. Активными, а нередко агрессивными становились церковнослужители. Дистанцируясь от «контрреволюционных» священников, они демонстрировали «пролетарское поведение»: угрожали забастовками[25], участвовали в экспроприациях, инициировали смещение епископов[26]. Так закреплялись результаты «церковной революции». Очевидно, что проблема реформы прихода вряд ли могла быть решена с помощью спущенного сверху формального закона.

Рост антиклерикальных настроений в приходах в сочетании с «отказом от Бога» в армии, захваты крестьянством церковных земель угрожали системе в целом. Как следствие в среде духовенства нарастало недовольство «демократической» властью. В начале августа 1917 г. священник В. Востоков заявил, что «так называемый обновленный строй является точным воспроизведением того строя, который последние десять лет, продолжая называться монархическим, в сущности, был анархическим». И если в те годы «страной правил Распутин», то и теперь также правит Распутин, «только собирательный»[27].

Ситуация обострилась после прихода к власти большевиков. Далеко не все священники восприняли ее в штыки. Так, некая группа духовных лиц обратилась к «гражданину Ленину» с просьбой освободить их забытое «пролетарское сословие» от тиранов-архиереев, «снять с него позорную одежду», а со своей стороны обещало «служить верой и правдой» новой власти[28]. Разумеется, такие заявления не могли убедить приверженцев «коммунистической веры».

Таким образом, уже к осени 1917 г. перед РПЦ и ее духовенством встала элементарная задача — не только пережить духовную смуту, но и физически выжить. Подобно тому, как светская Россия уповала на Учредительное собрание, церковная ждала «мудрых решений» от Поместного Собора и избрания патриарха. Но серия декретов СНК конца 1917 — начала 1918 г. лишила ее иллюзий: церковь лишалась прав юридического лица, не могла владеть любым имуществом и денежными средствами. Храмы отбиралось и передавалось в безвозмездное арендное пользование мирянам. Запрещалось преподавание Закона Божьего во всех школах, включая воскресные. Духовному сословию наносился сокрушительный удар[29]. 8 сентября 1918 г. Поместный Собор вынужденно прекратил свою работу.

Антицерковные настроения послужили основой антирелигиозной политики советской власти. Конституция 1918 г. лишила приходское и монашествующее духовенство избирательных прав как «нетрудящихся элементов»[30]. Началась новая, «советская» история РПЦ, и самые страшные испытания были еще впереди.

1 Подробнее см.: *Михайлова Т.Г. [Леонтьева Т.Г.].* К вопросу о природе и масштабах большевистских гонений против Русской православной церкви в годы Гражданской войны: историогр. заметки // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 480.

2 См.: *Леонтьева Т.Г.* : 1) Православные подданные и большевистская революция: особенности адаптации к «новому миру» в годы Гражданской войны // Там же. С. 496—516 ; 2) Православное духовенство и революция // К истории русских революций. События. Мнения. Оценки: памяти И.И. Минца. М., 2007. С. 582—602; *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года: (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008; *Каиль М.В.* Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: государственно-церковные отношений и внутриконфессиональные процессы. М., 2010; *Соколов А.В.* Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 — январе 1918 годов. СПб., 2015; и др.

3 Церковные ведомости. 1917. № 18/19. С. 111—113.

4 Журналы заседаний Временного правительства, март — октябрь 1917 года: в 4 т. М., 2001. Т. 1. С. 165—166.

5 *Карташев А.* Революция и собор 1917—1918 гг.: (наброски для истории русской церкви наших дней) // Богословская мысль. Париж, 1942. С. 76—77. (Православная мысль: труды Православного Богословского института в Париже; вып. 4); *Одинцов М.И.* Государство и церковь: (история взаимоотношений, 1917—1938 гг.). М., 1991. С. 4—5; *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 342—343, 357—358.

6 *Соколов А.В.* Разгром православных храмов в Петрограде во время февральских событий 1917 г. // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 153—154, 156—157.

7 Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

8 *Зеленогорский М.Л.* Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 2011. С. 89.

9 *Бабкин М.А.* Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: (материалы и арх. документы по истории Русской православной церкви) / сост., авт. предисл. и комментариев М.А. Бабкин. М., 2006. С. 329—332.

10 Там же. С. 293.

11 Цит. по: *Фрименкова Т.Г.* Высшее православное духовенство в России в 1917 г. // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 79.

12 *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge; N.Y., etc. 2007. P. 142.

13 *Бабкин М.А.* Указ. соч. С. 333.

14 См.: ГАТО. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 641; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 263—264.

15 Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 7. С. 72—73.

16 ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 22—25, 40; Д. 301. Л. 21 об.—23 и др.

17 Подробнее: *Леонтьева Т.Г.* «Победа зависит не от количества штыков и снарядов»: настроения тверской провинции в 1914—1917 годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: «История». 2014. № 1. С. 24—38.

18 *Емелях Л.И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 74—76.

19 См.: *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 56—57; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 64—66; *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. [Казань], 1970. С. 121.

20 *Андрей, еп. Уфимский.* Нравственный смысл современных великих событий // Уфимские епархиальные ведомости. 1917. 1—15 марта (№ 5/6). С. 138—141.

21 *Сафонов Д.А.* Крестьянское движение на Южном Урале, 1855—1922: хроника и историография. Оренбург, 1999. С. 225—226; *Ианнуарий (Недачин), архимандрит.* Духовенство Смоленской епархии в гонениях конца 1917 — начала 1919 года. [пос. Соловецкий, Архангельская обл.], 2013. С. 32—33; *Перелыгин А.И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917—1953 гг.). 2-е изд., доп. Орел, 2008. С. 28.

22 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 445. Д. 731.

23 См.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 14—16; *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви, 1917—1990. М., 1994. С. 14; *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 38—39.

24 Церковные ведомости. 1917. № 18/19. С. 111—113.

25 Полоцкие епархиальные ведомости. Витебск, 1918. 14 (27) февр. (№ 4). С. 123.

26 *Леонтьева Т.Г.* «Победа зависит не от количества штыков и снарядов»: настроения тверской провинции в 1914—1917 годы. С. 24—38.

27 Отчет о Московском совещании общественных деятелей, 8—10 августа 1917 года. М., 1917. С. 99.

28 Цит. по: Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 17/18. С. 574—575.

29 Подробнее см: *Леонтьева Т. Г.* Православные подданные и большевистская революция ... С. 500—502.

30 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

В.В. Керов

От выражения «молитвенного восторга» до осуждения «гнусного злодейства»: Старообрядчество в 1917 г.

До февраля 1917 г. основная масса староверов оставалась лояльной императорской власти. Представительные организации старообрядцев славословили Николая II за указы 1905—1906 гг., хотя и сетовали на их несовершенство. После начала Великой войны иначе как «русским державным вождем» староверы императора не называли.

Однако вскоре после отречений 2 и 3 марта 1917 г. ведущий старообрядческий орган «Слово Церкви» с воодушевлением провозглашал: «Неизбежное, давно желанное свершилось. Государственная власть, ведшая нашу многострадальную родину к явной гибели, низвергнута и попрана». Она «оказалась дряблой, бессильной и ничтожной» и «не имела никаких корней ни в обществе, ни в народе»: «Это была кучка временщиков, опиравшихся на одно лишь бесправие народное... Старая власть была антинациональной и антигосударственной»[1].

Практически все старообрядческие деятели отзывались теперь о прежнем режиме с резкой неприязнью. По словам И.А. Кириллова, «самодержавие есть продукт полицейско-бюрократической государственности», запятнавший «себя вековыми гонениями всякой свободной мысли», и старообрядцы с ним «ничего не имели общего, кроме моря страданий, которые они... перенесли от павшей власти за свои религиозные убеждения»[2]. Указы 1905 —1906 гг. назывались уже «нищенскими подачками», с помощью которых царский режим «хотел упрочить свое существование на сочувствии многомиллионного старообрядчества и казачества»[3]. Выдающийся деятель старообрядчества Ф.Е. Мельников писал: «Над старой властью, душившей все живое, светлое, правдивое, свершился справедливый суд Божий. В молитвенном восторге старообрядцы преклоняются перед этим судом»[4]. Схожие оценки звучали и на региональных старообрядческих съездах и совещаниях[5].

Старообрядцы, как и почти все население России, оказались в плену революционной эйфории[6]. Не менее важно, что впервые они получили абсолютную свободу вероисповедания, совершения обрядов и любой общественной деятельности: уже 20 марта 1917 г. Временное правительство отменило какие-либо ограничения.

Конечно, не все староверы приняли революцию с восторгом. После того, как все старообрядческие согласия убрали из молитв слова «Господи, спаси царя», «Бога бойся, царя чти» и т.п., отдельные члены общин выступили против, утверждая, что «мы должны были бы стоять за царя»[7].

Большинство старообрядцев всех согласий дружно и с энтузиазмом приветствовали Временное правительство. 19 марта на собрании Рогожской общины было решено направить кн. Г.Е. Львову телеграмму, выразив в ней «свою искреннюю преданность» и уверенность в том, что «все многомиллионное старообрядчество... облегченно и радостно приняло новый государственный строй», а «Временное правительство — единственная законная власть, которая установит по всей стране внутренний мир и благоденствие»[8]. Собрание представителей «всех согласий» 23 марта в резолюции «Об отношении к Временному правительству» призвало «всеми си-

лами бороться» «со всеми попытками, с какой бы то ни было стороны, поколебать его, разрушить его законодательную деятельность»[9]. Подобные послания поступили также от томской, ржевской, егорьевской, киевской, харьковской, николаевской, екатеринославской, запорожье-каменской, новочеркасской общин, поволжских, уральских, омских, алтайских и многих других ревнителей древнего благочестия[10].

Однако в ряде случаев в позиции старообрядцев проявлялся здоровый крестьянский скептицизм. Так, видя в старом режиме власть «насильников человечества, обман, ложь и самое коренное зло», нижегородский священник Иов Немцов отмечал: «Но кто может заручиться о новом правлении — что оно будет чистое, правдивое, всегда будет стоять на стороне истины? Никто не может заручиться»[11].

Постепенно революционный энтузиазм в массах снижался, зазвучали тревожные нотки. В конце мая видный деятель белокриницкого согласия С.Г. Фомичев настаивал на недопустимости подмены свободы «распущенностью»: «Мы всюду видим теперь убийства, грабежи, незаконные захваты крестьянами чужой собственности и должны твердо помнить, что это противозаконно и противно Богу»[12]. Тем не менее весной 1917 г. оптимизм еще господствовал в сознании ревнителей древнего благочестия.

С отношением к Временному правительству был связан важный вопрос оценки роли и места советов рабочих депутатов. В апреле на очередном политическом собрании представители всех согласий осудили деятельность Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, «который пользуется всеми приемами старого самодержавия»[13] и т.п. Совет всероссийских старообрядческих съездов указывал на опасность того, что «двоевластие и многовластие поведет Россию к гибели» через «междоусобия», вражду и «взаимные распри». Староверов пугало то, что в советах «злые люди... начнут призывать к насильственным захватам чужого достояния, к разгромам соседних имений, хищениям», а это «вызовет... разбой, растление нравов, упадок народных сил»[14]. Редакция «Слова Церкви» прозорливо отмечала: «Дай только Бог, чтобы этот Совет не оправдал наших опасений, что судьба России будут доведена им до печальных результатов»[15].

Но, критикуя советы, практически ориентированные старообрядцы готовы были включиться в их деятельность. В марте белокриницкие, рассылая телеграммы кн. Львову и Родзянко, избрали Ф.Е. Мельникова «для участия в Совете рабочих депутатов». В дальнейшем практика направления представителей старообрядческих организации в советы рабочих и крестьянских депутатов сохранялась.

Весна 1917 г. стала для старообрядчества временем проведения множества совместных и отдельных съездов и совещаний различных согласий, религиозных организаций, территориальных объединений в городах и селах от Киева до Верхнеудинска и Барнаула[16]. В России подобные мероприятия устраивались в 1917 г. как никогда часто. Объединяющееся старообрядчество ставило перед собой прежде всего политические задачи.

Уже 5 марта в аудитории Политехнического музея открылось первое «политическое собрание московских старообрядцев». 8 марта прошло новое совещание «группы московских старообрядцев», образованной для обсуждения «государственного переворота». 19 марта последовало общее собрание московской Рогожской общины, на котором рассуждали «о задачах, стоящих перед старообрядцами в связи с политическими событиями в стране». Кроме того, состоялись два всероссийских съезда старообрядцев — поморского (30 апреля — 2 мая) и белокриницкого (28 мая — 2 июня) согласий. Все они рассматривали политические вопросы, пытаясь определить: «Какого же нового счастья пожелает старообрядчество русскому народу?». При этом общий политический подход с религиозным оттенком не вызывал раз-

ногласий: «Старообрядцы желают, чтобы для русского народа в его целом началась... новая эпоха его жизни... чтобы все области жизни просветились светом Христовым»[17].

Уже 5 марта в Политехническом музее прозвучал призыв к «немедленному политическому объединению» 20 миллионов староверов и созданию «комитета старообрядцев», который «руководил бы, наподобие Совета рабочих депутатов, политической жизнью старообрядцев всей России»[18]. В конце апреля белокриницкий Совет всероссийских съездов принял специальное обращение к «старообрядческим приходам, общинам, священникам, наставникам, советам попечителей», предлагая им «как можно быстрее и дружнее объединиться на местах и организовать из себя местные учредительные комитеты», способные «взять на себя руководство политической жизнью местного населения»[19]. Подобные заявления звучали почти на каждом совещании ревнителей древнего благочестия, и постепенно объединение всех старообрядцев России становилось реальностью.

Главную задачу старообрядцы видели в активизации общественной деятельности[20]. Между тем, как писал 7 марта 1917 г. Ф.Е. Мельникову Т.С. Морозов, «теперь мы уже не можем говорить, что работать мы хотим, но нам не дают»[21]. Сам Мельников считал, что хотя «как религиозное сообщество, как Церковь старообрядчество не должно бы втягиваться в политическую жизнь страны», однако староверы — «живые члены и государственного организма и поэтому не могут и не должны безучастно смотреть на совершающиеся в стране политические события». Здесь также видна была конфессиональная окраска. Так, Фомичев предлагал «объединить всех людей России около Христа под знаменем правды, братства и любви»[22].

В некоторых регионах староверы поначалу не планировали создавать собственные организации, рассчитывая на свои связи с другими партиями, прежде всего — с кадетами. Так было, в частности, в Поволжье, на Урале и в Бурятии[23]. Однако ни одна партийная программа не соответствовала полностью идеалам староверов. Поэтому уже 28 мая на XVIII (или «первом политическом») Всероссийском съезде старообрядцев белокриницкого согласия Д.В. Сироткин призывал не примыкать к какой-то организации, но самостоятельно «наметить свое *политическое исповедание* (курсив мой. — *В.К.*) и поддерживать на выборах в новое земство, думы и в Учредительное собрание лиц», разделявших принципы общей программы старообрядчества[24].

Стремление к объединению и призывы съездов и совещаний способствовали формированию общестарообрядческих религиозно-политических организаций. Так, образовался Совет уполномоченных от приходов, общин и других старообрядческих учреждений города Москвы и Московской губернии разных согласий. Его постановления должны были проводиться в жизнь исполнительным комитетом, избранным из числа членов[25]. Затем и в других местах стали возникать старообрядческие исполнительные комитеты, направлявшие своих представителей в центральный совет. Или, как в Казани, создавался губернский комитет, который начал устраивать уездные и даже сельские исполкомы[26].

Всестарообрядческие (в рамках регионов) политические комитеты возникали по всей стране[27].

Апофеозом объединительного процесса стало широкое обсуждение «Политической программы старообрядцев всех согласий», разработанной исполнительным комитетом Московского совета уполномоченных[28]. Опубликованная в начале июня программа, включавшая девять пунктов, сразу же была принята всероссийскими съездами белокриницких и поморцев, а позже получила одобрение на десятках региональных и местных собраний. В ней выражалась поддержка Временному правительству, осуждалось двоевластие (п. 2), одобрялось отделение Церкви от государства и уравнение в правах всех вероисповеданий (п. 5).

Особое внимание уделялось развитию образования среди старообрядцев (п. 7). При этом, согласно резолюции XVIII Всероссийского съезда старообрядцев, следовало не только обеспечить школьное обучение государственным финансированием, но и «поставить... в духе религиозном, в духе старообрядческой Церкви»[29].

Вместе с тем признавалось, что все народы России «имеют свой уклад, свой язык, свои природные национальные черты» и должны «существовать на основе широкого местного самоуправления при сохранении целости и единства России» (п. 3).

Сформированное в программе отношение к войне вполне соответствовало общей (п. 4) позиции старообрядцев. Считая «войну злом, противным христианству», староверы не сомневались в том, что для блага «свободной России» необходима победа над Германией, несущей ей «рабство и унижение». «Принудить Германию к такому концу, — отмечалось в программе, — возможно только дружным наступлением на нее России и наших союзников»[30]. Практически все собрания и совещания их согласий во всех регионах поддерживали лозунг «Война до победного конца»[31]. Нижегородские поморцы считали даже, что «при заключении условий мира необходимо пользование проливами Босфор и Дарданеллы для России»[32].

Схожие настроения преобладали и среди старообрядцев-фронтовиков[33].

Гораздо сложнее было достичь согласия при обсуждении аграрных проблем (п. 8), поскольку староверы ясно осознавали, что «ни один из вопросов, подлежащих в настоящее время разрешению, не имеет такой остроты как вопрос земельный»[34]. В «Политической программе», как и на многочисленных съездах и собраниях, окончательное его решение предоставлялось Учредительному собранию. При этом особо оговаривалось, что «самовольное разрешение этого вопроса... недопустимо и может привести к братоубийственной войне»[35].

В будущем, согласно старообрядческой программе, Учредительному собранию следовало «предоставить всю обрабатываемую землю трудящемуся населению... обрабатывающему землю своим трудом», предварительно определив нормы «достаточного хозяйственного обеспечения» (то есть оптимальный размер максимального надела). Крестьянам предназначалась государственный и часть «земель крупных частных владельцев», если их оказывалось больше «достаточного хозяйственного обеспечения». В этом случае, как указывалось в программе, «частновладельческие земли отчуждаются по справедливой (не рыночной) цене»[36].

Но, пожалуй, больше всего разногласий среди старообрядцев вызывал вопрос о том, какой должна быть «форма государственного правления» России. «Политическая программа» предусматривала введение «народоправства» (п. 1), при котором «сам народ управляет страной через посредство им избираемого представительства и правительства с верховным представителем христианского вероисповедания»[37].

Однако выражения «народоправство» и «избираемое представительство» устраивали всех ревнителей древнего благочестия во многом потому, что были довольно расплывчаты и допускали различные интерпретации. К примеру, общее собрание Братства Св. Креста считало предпочтительным «парламентарное управление во главе с князем, избираемым народом пожизненно, без права передачи княжения наследникам»[38]. Среди иерархов и руководства старообрядческих организаций оставались и монархисты, хотя в 1917 г. они были явно в меньшинстве[39].

В целом «Политическая программа» объединила значительную часть староверов России, готовившихся к выборам в Учредительное собрание и придававших им почти религиозно-мистическое значение[40].

С лета 1917 г. ухудшение положения дел в стране все чаще и сильнее беспокоило старообрядцев. В июне епископ Геронтий сетовал на то, что, «несмотря на наступившую свободу, нет радости среди народа»: «Везде беспорядки и ужасы... Свобода понята как свобода ругаться, нарушать заповеди: “не убий” и “не возжелай” что принадлежит другому»[41].

На Втором всероссийском политическом съезде старообрядцев 23 августа П.П. Рябушинский указал на то, что «внутри — бесконечная борьба партий и своевольные действия безответственных лиц: грабежи и поджоги, убийства, безумная погоня за материальными выгодами, за наживой»[42]. Еще недавно всех уверяли в том, что «правительство будет представлять собой утес, но общая обстановка не дает должных надежд. И как бы этот утес не оказался лишь декоративным»[43]. Развивая ту же мысль, Кириллов признавал, что «вся наша революция... обнаруживает полную бездарность, бесталанность, какое-то непонятное во взрослых и честных людях ребячество и легкомыслие»[44].

Отношение староверов к советам, революционным партиям и особенно к большевикам становилось все более критическим и враждебным[45]. Старообрядцы полагали, что «предатели-большевики (Ленин и Зиновьев)... оказались или русскими провокаторами или немецкими шпионами». Со своей стороны, они не скрывали недовольства тем, что «советы стали выше правительства», а Петроградский совет, «забрав в свои руки государственную власть... повел страну и армию к разложению и гибели»[46].

Как известно, осенью «декоративный утес» рухнул. Староверы решительно осуждали свержение Временного правительства[47]. Новая власть, провозгласившая «интернационализм» и отрицавшая собственность, воспринималась как Суд Божий[48]. При этом, возмущаясь насилием большевиков, старообрядцы не испытывали «особого сожаления о Керенском»[49].

Таким образом, в течение всего периода между февралем и октябрем 1917 г. ревнители древнего благочестия стремились политически объединиться и принять как можно более активное участие в создании нового государства и общества. Поддерживая Временное правительство и одобряя его преобразования, сторонники старой веры разрабатывали вполне демократические программы. В то же время, в отличие от других политических сил, старообрядцы придавали своим проектам четко выраженную хилиастическую окраску. После «большевистского переворота» старообрядческие утопические концепции построения христианского царства в свободной России практически рухнули, что воспринималось как трагедия. Однако староверы сохраняли надежду на Учредительное собрание и верили, что Христос «не попустит, чтобы нетленное злато тысячелетнего опыта христианской жизни русского народа было растоптано безумной толпой»[50].

1 Освобожденная Россия // Слово Церкви. 1917. № 10/11 (12 марта). С. 179, 189.
2 *Кириллов И.А.* Божья воля // Там же. С. 182.
3 *Фомичев С.[Г.]* К новой жизни // Там же. С. 183.
4 Слово Церкви. 1917. № 10/11 (12 марта). С. 198.
5 См., например: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 246. К. 221. Д. 21. Л. 1; Слово Церкви. 1917. № 17 (23 апр.). С. 318.
6 Подробнее о настроениях того времени см.: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012.
7 ОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Д. 28. Л. 52.
8 Там же. Ф. 164. К. 18. Д. 27. Л. 2.
9 Там же. Ф. 260. К. 15. Д. 9. Л. 3.
10 Слово Церкви. 1917. № 13 (14 марта). С. 245; № 17 (23 апр.). С. 318; № 18 (30 апр.). С. 341—342; № 22 (28 мая). С. 412, 414—415; № 23 (5 июня). С. 436.
11 ОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Д. 35. Л. 33.

[12] *Фомичев С.Г.* К народу // Слово Церкви. 1917. № 22 (22 мая). С. 410. См. также: Постановление народного собрания старообрядцев г. Егорьевска и его окрестностей, 30 апреля 1917 г. // Там же. С. 414.
[13] Политическое собрание старообрядцев всех согласий по политическим вопросам, 9 апреля в Московском университете // Там же. № 16. С. 301.
[14] Обращение Совета всероссийских съездов старообрядцев // Там же. № 20. С. 363.
[15] Политическая программа старообрядцев всех согласий // Там же. № 23 (5 июня). С. 439.
[16] Слово Церкви. 1917. № 10/11 (12 марта). С. 197—198; № 12. С. 221; № 13 (14 марта). С. 245; № 14. С. 269; № 15. С. 286; № 17 (23 апр.). С. 318; № 18 (30 апр.). С. 341, 342; ОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Д. 13 а. Л. 1—1 об. и др.
[17] *Кириллов И.А.* Божья воля. С. 181.
[18] Слово Церкви. 1917. № 10/11. С. 197.
[19] Обращение Совета всероссийских съездов старообрядцев. С. 362—363.
[20] ОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Д. 13. Л. 1.
[21] Там же. Ф. 164. К. 25. Л. 6.
[22] Слово Церкви. 1917. № 10/11. С. 197.
[23] См.: *Редькина О.Ю.* Христианские политические партии на Нижней Волге в 1917 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2012. № 1 (16) С. 38; *Клюкина Ю.В.* Старообрядцы и политические партии (1905 —1917) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 336 —337; ОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Д. 21. Л. 1—2; и др.
[24] *Сироткин Д.В.* Речь на съезде старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 24 (11 июня). С. 450.
[25] Слово Церкви. 1917. № 23 (5 июня). С. 417.
[26] *Латыпов И.Р.* «Десятилетие свободы» (1905—1917 гг.) для старообрядцев Казанской губернии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 228.
[27] Устав Нижегородского Политического Союза Старообрядческих согласий. Н. Новгород, 1917. С. 1; *Редькина О.Ю.* Указ. соч. С. 39—40; Саратов // Слово Церкви. 1917. № 2. С. 10—11; *Боровик Ю.В.* Старообрядчество Урала и Зауралья в 1917 —1921 гг. // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 24; Вестник всероссийского союза христиан поморского согласия. 1917. № 2. С. 10 —11. (Далее: Вестник ВСХПС).
[28] Полный текст см.: Политическая программа старообрядцев всех согласий. С. 417—419.
[29] Резолюции и приветствия всероссийского съезда старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 24. С. 448.
[30] Политическая программа старообрядцев всех согласий. С. 418.
[31] Слово Церкви. 1917. № 23 (5 июня). С. 319; № 18 (30 апр). С. 341.
[32] Областной съезд старообрядцев поморского согласия в Нижнем-Новгороде, 7-го мая с.г. // Слово Церкви. 1917. № 22 (28 мая). С. 15. См. также: Политическое объединение старообрядцев // Там же. № 32/33. С. 575.
[33] ОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Д. 54. Л. 1—1 об.; Д. 60; Д. 63; Д. 65; Д. 67; Д. 69.
[34] *Давыдов М.П.* Земельные очерки // Вестник ВСХПС. 1917. № 4. С. 7.
[35] Политическая программа старообрядцев всех согласий. С. 419; Освященный Собор. День 2-й // Слово Церкви. 1917. № 25. С. 459.
[36] Политическая программа старообрядцев всех согласий. С. 419.
[37] Там же. С. 418.
[38] Общее собрание Братства Св. Креста. Заключение // Слово Церкви. 1917. № 12. С. 221.
[39] См.: ОР РГБ. Ф. 164. К. 20. Д. 39. Л. 1—1 об.
[40] *Боровик Ю.В.* Указ. соч. С. 106.
[41] Освященный Собор Старообрядческой Древлеправославной Церкви Христовой (на Рогоже), 31 мая // Слово Церкви. 1917. № 24 (11 июня). С. 447 —449.
[42] Слово еп. Александра (по итогам Освященного Собора) // Там же. № 27. С. 500.
[43] Политическое совещание старообрядцев // Там же. № 36. С. 611.
[44] *Кириллов И.А.* О власти и обществе // Там же. № 37. С. 631.
[45] ОР РГБ. Ф. 246. К. 221. Д. 35. Л. 38.
[46] Слово Церкви. 1917. № 30. С. 538.
[47] Позор России // Слово Церкви. 1917. № 45/47. С. 741; В потоках крови // Там же. С. 740—741.
[48] *И.К.* Суд Божий // Там же. № 50. С. 793—795.
[49] Учредительное собрание // Там же. № 49. С. 777.
[50] *Анофриев Н.* Христианство и революция // Вестник ВСХПС. 1917. № 3. С. 1.

В.Г. Вовина-Лебедева

Отражение революции в переписке А.А. Шахматова

Академик А.А. Шахматов — одна из наиболее крупных фигур гуманитарной науки конца XIX — начала XX в. К 1917 г. уже были написаны самые важные его труды, получившие международное признание. В С.-Петербургском филиале Архива РАН в фонде А.А. Шахматова (ф. 134) хранится его огромная переписка. А.А. Шахматова был не только выдающимся ученым, но и крупным общественным деятелем либерального (кадетского) направления. Политическая обстановка в стране, в Петрограде в особенности, и отражение ее на ситуации в академических и университетских кругах обсуждалось им с коллегами и учениками.

В этой статье пойдет речь о переписке А.А. Шахматова 1917—1918 гг. с академиками В.М. Истриным и В.Н. Перетцем (ее подготовил к публикации авторский коллектив: В.Г. Вовина-Лебедева, Е.Н. Груздева, А.Е. Жуков[1]) и учеником А.А. Шахматова С.А. Ереминым. А.А. Шахматов вплоть до смерти в 1920 г. находился в Петрограде, в то время как многие его коллеги и ученики, спасаясь от голода, покинули Петроградский университет и Академию наук и жили это время в разных концах страны. Но они переписывались с А.А. Шахматовым, и он оказался центром, связывавшим их с Петроградом и научной жизнью. Через А.А. Шахматова они узнавали о новостях академической жизни, с ним советовались о возможности возвращения домой, он же занимался их денежными и квартирными делами в Петрограде, заботился о судьбе их научных трудов.

В переписке с В.Н. Перетцем еще летом 1917 г. возникла (и не случайно) украинская тема: В.Н. Перетц в 1903—1914 г. преподавал в киевском Университете св. Владимира и слыл там «мазепинцем»[2]. А.А. Шахматов — В.Н. Перетцу (Губаревка — Петроград, 15 июля 1917 г.): «Мы живем здесь хорошо. Страшную тревогу и смущение приносят только газеты. Украина с Грушевским, бегство с фронта, переход власти к социалистам, все это действует подавляющим образом. Забываюсь в работе, но сейчас произошел досадный перерыв, и я нравственно чувствую себя отвратительно. Заботит вопрос о том, не надо ли мне быть в Петрограде на случай эвакуации?[3] И еще другой: везти ли семью в Петроград в конце августа? Буду Вам очень благодарен, если ответите при случае и сообщите то, чего не узнаешь, не вычитаешь из газет»[4]. Итак, А.А. Шахматова тревожили известия о том, что на Украине М.С. Грушевский, которого, как пострадавшего от власти, ранее он поддерживал, был избран председателем Центральной рады Украины. Было известно, что М.С. Грушевский — сторонник идеи автономизации Украины и что делегация Временного правительства прибыла в Киев для переговоров. Другие ранившие А.А. Шахматова вести — естественно, о массовом бегстве солдат с фронта и уходе из правительства министров-кадетов.

Еще одна тема возникла в ответном письме В.Н. Перетца, видимо, также летом или в начале осени 1917 г. В.Н. Перетц — А.А. Шахматову (Петроград, 1917 г.): «Возвращаю Вам (не знаю кому иному?) предложение назвать двух кандидатов в члены Комиссии по организации съезда ученых учреждений, как велено — в запечатанном конверте»[5]. Это была эпоха создания всевозможных комиссий и съездов, в том числе весной 1917 г. при Министерстве Народного просвещения была создана Комиссия по ученым учреждениям, которая готовила Всероссийский съезд ученых, а также реформирование старой Академии и создание новых научных учреждений.

В.Н. Перетц оказался причастен к одному из новых учебных заведений — к Самарскому педагогическому институту и уехал в Самару. В конце 1917 г. он писал о том, как складывалась его самарская жизнь. В.Н. Перетц — А.А. Шахматову (Самара — Петроград, 5 декабря 1917 г.): «Завтра затевается манифестация по поводу Учредительного собрания. Во что она выльется — сказать трудно. Но думаю, что большевики ее разгонят; не обойдется без кровопролития, как и всюду, когда одна сторона вооружена, а у другой отбирается оружие. Здесь запрещена домовая охрана! Это явное признание права воров и убийц делать нападение на мирных жителей! Дальше идти трудно в цинизме. Мало того — вчера утром более 30 видных богачей были приглашены большевиками и подвергнуты тюремному заключению за отказ собрать в их пользу (якобы "взаймы") 5 миллионов. Совсем по рецепту Ленина. В газете "Волжское слово" — единственной независимой — запрещено печатать объявления; то же и в социал-демократической газете "Новая заря": это осуществление идей "земщины" о печатании объявлений только в "истинно русских газетах". Вот до чего мы "углубились" — до "дна"».

Мы можем сравнить восприятие жизни того времени в Самаре, Петрограде и Киеве. В.Н. Перетц вспоминал о жизни в Киеве, и ему в конце 1917 г. казалось, что в Киеве лучше: «Моя жена в Киеве. Там спокойнее. Хоть и недовольны в Петрограде украинцами[6], но они ценят умственный труд и не лишают Университет средств; они признают свободу печати — в Киеве даже "Киевлянин" выходит <...> И я очень жалею, что попал в Самару, а не в Киев. Но если в Петрограде нет ни пищи <...> ни денег, то конечно, я в более счастливом положении <...> для России мы, ученые, — слишком большая и ненужная роскошь. До поры до времени нас терпели, а теперь упраздняют, ибо в дикой стране не место нам...».

В.Н. Перетц очень эмоционально воспринимал события, свидетелем которых был, и писал А.А. Шахматову часто и подробно. В.Н. Перетц — А.А. Шахматову (Самара — Петроград, 8 декабря 1917 г.): «У нас в Самаре хозяйничают те же лица, что и в других местах. На днях арестовано до 100 лиц и держатся в тюрьме, пока не "дадут в долг" 5 миллионов. Это местные купцы, у которых на текущем счету более 200 млн., не считая прочего. Но они очень недружелюбно смотрят на такой новый способ производить займы и не хотят давать, даже под угрозой расправы. Кто победит? <...> Вчера состоялась всеобщая всепартийная манифестация в честь Учредительного собрания. Народу было много, но боялись вооруженных хулиганов и потому, все же, не собралось всей небольшевистской публики. Большевистская "гвардия" здесь протестует против самоохраны домов... очевидно потому, что трудно стало красть и грабить. Удивительное сочувствие! А ночью, действительно, было много случаев, когда прохожих прямо раздевали — и все тут!».

Кроме политических сюжетов, в письмах, появляется тема разрухи, бытовой неустроенности и потерь. В полной мере эта тема развернется позднее, в письмах 1919—1920 гг., но уже в конце 1917 г. В.Н. Перетц беспокоился за судьбы учеников, которых затем, с началом гражданской войны, разбросало по стране. В.Н. Перетц — А.А. Шахматову (Самара — Петроград, 15 декабря 1917 г.): «...бедный А.В. Багрий[7] понес тяжелую потерю: у него в багажном вагоне украли чемодан с диссертацией! 1-я глава уже была окончена; остальные — вчерне и в материалах. Пропало все. Теперь ему придется восстанавливать заново». В.Н. Перетц спрашивал: «Кто при академических рукописях в Саратове? Нельзя ли <...> (Вы обещали отметить ящик с архивом литературных обществ начала XIX в.) после Пасхи вытащить из этого ящика материалы, и Багрий поедет в Саратов, может быть, восстановит и прежние выписки, и сделает новые?». Речь шла об эвакуации из Петрограда наиболее ценных рукописей из БАН и Архива АН в Саратов.

В.Н. Перетц обсуждал с А.А. Шахматовым, оставаться ли ему в Самаре или же возвращаться в Петроград. В.Н. Перетц — А.А. Шахматову (Самара — Петроград, 23 декабря 1917 г.): «Ведь в Петрограде ни Университет, ни Курсы не функционируют как следует и не платят <...> Где Ваша семья? Может быть, Вы перевезли ее в Аткарск? С Саратовом нет сообщения вследствие тамошних событий». В ноябре — декабре 1917 г. в Саратовской губернии были проведены крестьянские съезды, на которых большевики взяли верх над эсерами, следствием чего был начавшийся передел земли, в городе были национализированы банки, а кадеты, эсеры и меньшевики преследовались. «...в Самаре пока тихо, — продолжал В.Н. Перетц — невзирая на погромную агитацию большевистской газеты “солдат, рабочих и крестьян”, призывающей истреблять офицеров и вообще образованных людей. Сейчас из Петрограда дошел слух о подготовляющейся оккупации его немцами! Неужели еще и эту чашу придется испить России?»[8]. Слухи об оккупации, дошедшие до Самары, были связаны с начавшимися в декабре переговорами в Брест-Литовске.

В дальнейшем слухи, проникавшие в Самару стали еще ужаснее. Они отражали ожидания гибели России и предательства большевиками ее национальных интересов. В.Н. Перетц — А.А. Шахматову (Самара — Петроград, 7 марта (22 февраля ст. ст.) 1918 г.):«Не знаю, дойдет ли это письмо до Петрограда и до Вас. У нас в Самаре ходят слухи, что Петроград уже отрезан. Но я этому не верю, раз мир — ужасный и разорительный для России — подписан...». Речь идет о продвижении немцев к Петрограду, о чем писали тогда все газеты. «Я описываю рукописи Городского музея. Хотел приступить к семинарским, но... Семинарию заняла “Красная армия”, и я слышал — началось уже разорение библиотеки; нет возможности бороться с темными безграмотными людьми, убежденными, что наука и особенно о старине — есть “буржуазное занятие” <...> Такой темноты, какая теперь поднялась со дна жизни, я никогда не видал, хоть и живал в деревне <...> Я послал на всякий случай <...> заявление о курсах в Университете в будущем году (учебном), потому что мечтаю вернуться к занятиям <...> если вообще будет надобность в преподавании филологических наук, если Университет еще будет существовать <...> и не заменится “чайной Союза русского народа” под громким “революционным” названием... Я последнего очень боюсь; дело, кажется, идет именно к этому»[9]. В.Н. Перетц почувствовал в действиях «темных безграмотных людей» в Самаре нечто, противоположное пролетарскому интернационализму. Возможно, речь шла о каких-то антисемитских проявлениях в его адрес. Следует также иметь в виду, что в большевистских газетах печатались провокационные известия, многократно раздуваемые слухами и используемыми в пропаганде, о том, что революции угрожает наступление черносотенцев[10].

Писем В.Н. Перетца сохранилось намного больше, чем писем А.А. Шахматова. Но мы можем утверждать, что мнения обоих корреспондентов, в основном, сходились по главным вопросам, например, об отношении к оккупации, в частности, к немецкой. В.Н. Перетц — А.А. Шахматову (Самара — Петроград, 6 августа 1918 г.): «С ужасом слышу рассказы о голоде в северной России и тревожусь за Вас и за немногих друзей и родных. Но при первой возможности <...> вернусь в Петроград. Мне было предложение в Киев, о котором, говорят, печатали в Петроградских газетах. Но обстановка морально там так тяжела, что я не решился туда ехать. Было еще предложение — <u>интимно пока</u> — министра народного просвещения. Тоже отказался, ибо под немецкую шарманку плясать считаю непристойным. Лучше буду вести здесь культурную работу с моими учениками»[11]. Речь здесь идет о государственном перевороте с участием немцев в Киеве, когда во главе правительства встал гетман П.П. Скоропадский.

8 июня 1918 г. Самара была оккупирована частями чехословацкого корпуса, в городе установилась власть Комуча. Советская власть была восстановлена 7 октября 1918 г. Упоминание об этом ограничилось у В.Н. Перетца одной фразой. В.Н. Перетц — А.А. Шахматову (Самара — Петроград, конец октября 1918 г.): «Через несколько дней после освобождения из чешского плена я получил письмо Ваше, писанное в Аткарске летом».

А вот украинская тема в переписке В.Н. Перетца и А.А. Шахматова позднее (в 1919—1920 гг.) продолжала активно обсуждаться, прежде всего, ситуация в украинской Академии наук.

Несколько иной характер имела переписка А.А. Шахматова с В.М. Истриным. Как и В.Н. Перетц, В.М. Истрин был многолетним и близким коллегой и корреспондентом А.А. Шахматова, но между собой они друзьями не были. По своим взглядам В.М. Истрин был не таким убежденным либералом, как А.А. Шахматов и В.Н. Перетц. Кроме того, А.А. Шахматов при всем своем либерализме был горячим патриотом, с горечью думал и о поражении в войне, и о поражении либеральной идеи. У В.М. Истрина и на этот счет было несколько иное мнение.

А.А. Шахматов — В.М. Истрину (19 июля 1917 г.): «Получил Ваше письмо вчера одновременно с тревожными вестями об отступлении наших войск. Россия пропала — это ясно! Совершенно не вижу выхода и возможности спасения. Отчаяние каждого из нас могло бы быть безграничным, если бы нас не отвлекали злободневные интересы. Неужели можно пережить позор и унижение Родины с легким сердцем. Вообще я лишен дара видеть что-нибудь впереди, но теперь события рисуются мне так, что Керенский недели через две-три будет устранен, а Некрасов пойдет на сепаратный мир и позорные условия. А что дальше, трудно себе даже и представить. Выходу кадетов из министерства сочувствую в особенности после покрытого министрами предательства украинцев»[12]. А.А. Шахматов был саратовским помещиком и всегда беспокоился о крестьянах Губаревки и окрестных деревень: «В деревне у нас дела очень хороши. Отношения с крестьянами отличные. Но хозяйственные заботы очень усложнились; полная невозможность нанять рабочих и убрать посев, впрочем, весьма скудный. У нас губительная засуха убила все. Голод неминуем». В то же время большую часть сил он, как всегда, уделял научной работе: «Составляю большой курс по синтаксису. Но удастся ли его прочесть? Все жду тревожной телеграммы из Петербурга с сообщением об эвакуации. Немцы будут, конечно, наступать в Двинском направлении, а может быть, и через Финляндию»[13].

В.М. Истрин был согласен с пессимистической оценкой ситуации в целом, но его более всего интересовало сохранение Академии наук и привычной ученой среды. В.М. Истрин — А.А. Шахматову (Серпухов — Петроград, 11 ноября 1917 г.): «О настроении ни писать, ни спрашивать не буду: оно понятно. Теперь беспокоит самый простой, но самый материальный вопрос — будут ли присылать жалованье, а если и будут, то буду ли я получать его в своем захолустье. Что Вы делаете и что предполагаете? Сколько я знаю, из Петрограда все бегут. Но где теперь хорошо? У нас также грозят разными ужасами и голодом»[14].

А.А. Шахматов беспокоился о своих коллегах, забывая о себе. Но более всего его интересовал вопрос сохранения Академии наук. А.А. Шахматов — В.М. Истрину (Петроград — Серпухов, 19 января 1918 г.): «Я вернулся из Аткарска 13-го; опоздал в виду невозможности проехать. Доехал с большим трудом. Ужаснулся при мысли, что Вам придется ехать. Ехать действительно некуда. Здесь голод и вообще Петроград — город обреченный. В Москве, говорят, условия не лучше. Пугает вопрос о том, будет ли вообще Академия получать содержание. Он еще не выяснен. Без меня было совещание Академии и других учреждений, на котором решено войти в деловые сноше-

ния с правительством народных комиссаров. Решение еще не осуществлено; боюсь, что кроме потока грязи мы на наши учреждения ничего не получим. Но понимаю, что другого нет выхода после разгона Учредительного Собрания». Итак, для сохранения Академии наук был выбран путь переговоров и компромисса.

В.М. Истрин — А.А. Шахматову (Серпухов — Петроград, 7 (21) мая 1918 г: «Что сказать Вам про наше житье? Само житье не так уж плохо, как теперь можно ожидать; по крайней мере, пока не голодаем, а только лишь живем впроголодь. Но настроение ужаснейшее и тягостнейшее. Порой не видишь никакого просвета и не представляешь возможности вернуться хоть к подобию прежней нормальной жизни. Недавно Перетц пишет, что “вследствие прекращения мне высылок содержания из Академии набрал много лекций”. Что же это значит? Уж не упраздняется ли Академия? Теперь ведь всего надо ожидать! Но если и не упраздняется, как и что мы будем делать? Денег нет, печатать нельзя, книг не будет; да на наше содержание (которое, кстати сказать, за февраль не получено) и не проживешь при теперешней дороговизне. Откровенно говоря, была некоторая надежда на немцев, пока они введут тут порядок, но теперь и на это нельзя надеяться. Нам остается только одно — чтобы союзники взяли нас в строжайшую опеку и дали бы нам ... хоть царя. Иначе — мы окончательно погибнем»[15]. Последний пассаж стоит отметить отдельно. Допущение В.М. Истриным возврата царизма следует расценивать, видимо, как некий эмоциональный взрыв. Тем не менее, это совершенно невозможно представить в письме А.А. Шахматова, как и фразу о немцах и союзниках.

В голодном Петрограде А.А. Шахматов оставался в центре дел Академии, Петроградского университета, Библиотеки Академии наук. Его коллег, рассеянных по стране, мучила, вдобавок к иным бедам, еще и отстраненность от науки, отдаление от Петрограда. В.М. Истрин — А.А. Шахматову (Серпухов — Петроград, 1 июля 1918 г.): «Вот уже июль и встает серьезный вопрос, что делать дальше? Ехать в Петроград или нет? Вам, возможно, придется ехать, но как семья? Мы с каждым днем откладываем свое решение и все чего-то ждем, но каждый день приносит не улучшение, а ухудшение. Если дело пойдет и дальше по тому же направлению, то не можем представить себе возможности жизни в Петрограде, но невольно закрадывается опасение, а возможно ли будет оставаться здесь еще на год и не грозит ли это нам каким-либо осложнением? Впрочем, нет уверенности в твердом существовании самой Академии, и даже более — самой Совдепии, ставшей на место бедной, но когда-то великой России. Вот с неделю все газеты закрыты, слухи самые невероятные, но ничего не известно. Мы живем пока сносно. Вот уже два месяца не выдают у нас никакого продовольствия, и мы живем только благодаря мешочникам <...> Мы соскучились по Петрограду до чрезвычайности. Но вернется ли хоть тень прежней жизни? Вернутся ли все люди, разбросанные теперь повсюду, вернутся ли все прежние интересы? Мало на все это надежды. Нет и веры в русский народ»[16].

Новые страхи как следствие новых слухов появились в связи с лево-эсеровским мятежом и его последствиями. В.М. Истрин — А.А. Шахматову (Серпухов — Аткарск, 13 июля 1918 г.): «Видно, Аткарск и Серпухов не далеко друг от друга, т.к. письма доходят скоро и аккуратно. Это на редкость в нашей Родине. Скоро, вероятно, мы будем разъединены. У нас тоже ждут тревожного времени. В Москве готовятся к бою, вывозят из Кремля все святыни. Говорят, что недели через две сражения будут и под Серпуховым; уверен, что Ленин с Троцким живут в Серпухове, куда на днях прибыли 200 красногвардейцев. Куда бежать? Решили оставаться на месте, что бы ни случилось. Бог знает, может от города ничего не остаться. Я равнодушен к расстрелу, и только лишь в исследовании об Амартоле вложил подробные указания, как печатать и снабдил предисловием с проклятием большевикам. У нас вообще все в тревоге. Газет уже 3 не-

дели нет никаких, кроме советских <...> Читаю изредка <...> большевистские газеты: как там нас, ученую братию, ругают! Ругают, впрочем, больше за то, что мы де мало печатаем. Где же справедливость. Мы со своей стороны давно жалуемся, что "товарищи" ничего не печатают из наших работ. Понимаю Ваше тяжелое состояние, но кто и кого может теперь утешить! У меня являются иногда проблески фатализма. Несчастная судьба России была связана с личностью Николая; не посмотрит ли теперь судьба на его печальную казнь как на искупление; и не настанет ли теперь поворот на лучшее? Всем нам нужно немногое: порядок и спокойствие, чего при большевиках никогда не будет»[17]. Видимо, все же мысль о том, что царизм лучше, чем большевики, высказанная В.М. Истриным в письме от 21 мая 1918 г., была не случайностью, так как через месяц он вернулся к рассуждениям о том, что не политический строй, а только личность царя Николая делала судьбу России «несчастной». А.А. Шахматов, конечно, с этим не мог бы согласиться, как и с тем, что «всем нам нужно немногое: порядок и спокойствие».

Итак, переписка А.А. Шахматова с В.Н. Перетцем и В.М. Истриным революционных лет показывает, что при том, что они принадлежали к одному кругу академической элиты, при общности научных интересов и многолетней личной дружбе, они несколько по-разному оценивали события, свидетелями которых были, фиксировали внимание на разных сторонах действительности и допускали различные финалы.

Более молодым ученым, принадлежащим к поколению учеников А.А. Шахматова и его коллег, было в некотором смысле легче в силу возраста приспособиться к новой ситуации, но одновременно и труднее, поскольку они еще не успели сделать себе имени в науке, а перспективы ученой карьеры стали неясными. Письма С.А. Еремина А.А. Шахматову, посланные из села Вауч близ Весьегонска Тверской губернии[18], дают нам другой, чем обстановка в Самаре или в Киеве, срез жизни того времени. По предложению А.А. Шахматова С.А. Еремин был оставлен при университете на два года с 16 декабря 1917 по 16 декабря 1919 г. Еще с лета 1917 г. он, будучи крестьянским сыном, уехал к родителям на родину, откуда писал своему учителю 4 сентября 1917 г.:«Хотелось бы приступить, по крайней мере, к государственным экзаменам, не знаю только, есть ли сессия и когда она кончается. Правда, общие условия жизни, продовольственный вопрос и неопределенность политического положения затрудняют разрешение этого вопроса, но все же не хотелось бы терять года. Да и вообще-то будут ли занятия в Университете? Газеты как-то сбивчиво и неопределенно пишут на этот счет».

Письмо от 26 (13) февраля 1918 г. полно отчаяния: «Обстановка и условия для занятий невозможны стали и в провинции. Сейчас переживаем последний крик моды — воцарение большевизма со всеми его прелестями: регистрациями, обысками, "обобществлением" имущества и пр. Все растрачено, все великое и святое загажено, растоптано... и нет сил ни к моральному, ни интеллектуальному противодействию. Берет отчаяние, — подымемся ли когда-нибудь: придет ли время для культурной и научной работы? Проще — останемся ли живы и целы и особенно Вы — столичные жители. С $^1/_8$-ки хлеба не разбежишься <...> Прессы нет; не знаю, что делается в Петрограде. Может быть, нас, провинциалов, отделяет от столицы не только расстояние, но и ужасные по своим последствиям события. Ехать в Петроград пока не решаюсь. Вряд ли возможны в настоящее время нормальные занятия».В этих письмах слышно разочарование человека из низов, который с большим трудом, преодолевая многие препятствия, стремился к знаниям и образованию, а когда, казалось, уже достиг своей мечты (был оставлен при Университете), вся жизнь, на которую он надеялся, рухнула.

4 (17) мая 1918 г. С.А. Еремин писал А.А. Шахматову: «...судя по газетным отрывкам, которые сюда к нам в провинцию попадают, житье в бывшей столице невозможно-тяже-

лое, и только при героических усилиях “плоти и духа” возможно там существование, да и то не всем. Кроме того, едва ли в русской истории стояли в такой степени, как сейчас под угрозой полной гибели и уничтожения наша культура, наше духовное благо, наше творчество, наши знания, наши учебные и ученые учреждения. И чувство глубокой печали, уныние и тревоги охватывает душу все больше и больше с каждым пережитым днем и сбивает с делового настроения на лирический какой-то лад. Стоишь на каком-то распутье и не знаешь, что предпринять...». Тем не менее, С.А. Еремин замечал, что «настроение розни у деревенского населения как будто начинает сглаживаться, острота общего государственного и хозяйственного кризиса как будто доходит до сознания темного народа, и начинает пробуждаться чувство ответственности за содеянное перед отечеством, элементы национального оздоровления уже можно подметить в самых широких слоях... Что-то будет?». Итак, если у В.М. Истрина не было веры в русский народ, то в С.А. Еремине именно эта вера в народ, частью которого он сам был, вселяла надежду.

В 1919 г. это настроение в письмах С.А. Еремина стало преобладать. Представляется, что ему было легче, чем старшим коллегам, приспособиться к новой жизни, в том числе, как человеку, живущему в деревне. Уже весной С.А. Еремин начал работать на различных курсах и печатать свои исследования о говорах Весьегонского уезда. Как раз начинался подъем краеведения и диалектологии, и его научная деятельностью оказалась востребованной. Хотя С.А. Еремин и продолжал писать А.А. Шахматову о том, что систематическая научная работа невозможна, но политические темы и тоскливое настроение из писем ушли. В 1920 г. А.А. Шахматов сумел добиться возвращения С.А. Еремина в университет, но когда тот приехал (осенью 1920 г.), сам А.А. Шахматов, все это время остававшийся в Петрограде и оттуда в письмах поддерживавший своих друзей и учеников по всей России, уже скончался от болезни, вызванной голодом и физическим истощением[19].

1 Переписка с В.Н. Перетцем подготовлена к печати Е.Н. Груздевой, с В.М. Истриным — А.Е. Жуковым. Выражаю благодарность обоим за возможность воспользоваться для написания статьи подготовленными ими к изданию текстами переписки.

2 *Груздева Е.Н.* Владимир Николаевич Перетц в Киеве, 1903—1914 гг.: (из переписки В.Н. Перетца с А.А. Шахматовым) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: (к 150-летию со дня рождения). СПб., 2015. С. 150—166.

3 Речь идет об эвакуации ценностей Российской Академии наук. См. ниже.

4 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 30—30 об. и далее.

5 Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 263 и далее.

6 Видимо, речь идет об упомянутом выше письме А.А. Шахматова, в котором говорилось об «Украине с Грушевским».

7 Ученик В.Н. Перетца, историк русской и украинской литератур А.В. Багрий.

8 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 247—248 об.

9 Там же. Ед. хр. 1141. Л. 126—127 об.

10 См. об этом: *Лебедев С.К.* Алексей Фролович Филиппов: литератор, банкир, чекист // Из глубины времен. 1998. № 10. С. 158.

11 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1141. Л. 122—123 об.

12 А.Е. Жуков, подготовивший переписку А.А. Шахматова с В.М. Истриным к изданию, пометил, что имеется в виду «Наказ делегации центральной рады Временному правительству России» от 11 (24) мая. Рада обратилась сразу ко Временному правительству и к Петроградскому совету,

13 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 181. Л. 50—50 об.

14 Там же. Ф. 134. Оп. 3. № 118. Л. 94—95.

15 Там же. Л. 98—99.

16 Там же. Л. 101—102 об.

17 Там же. Л. 103-104.

18 28 писем С.А. Еремина А.А. Шахматову (ответные письма А.А. Шахматова не сохранились) находятся в С.-Петербургском архиве РАН: СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 516.

19 Подробнее см.: *Вовина-Лебедева В.Г.* К вопросу о школах А.А. Шахматова и В.Н. Перетца: Степан Антонович Еремин // Круги времен: в память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2. С. 495—520.

Раздел 7
Революция, общество, человек

В.Б. Жиромская

Военно-политические кризисы и население России, февраль 1917 — июнь 1918 г.

Военно-политический кризис в России и разразившаяся Первая мировая война резко ухудшили демографическую ситуацию в России.

Военные потери и потери гражданского населения до сих пор недостаточно изучены в научной литературе. Однако проблема эта очень важна, так как демографический кризис явился одной из основных причин революционных событий в России.

Для подсчета людских потерь необходимо определить численность населения в конце 1916 — начале1917 г.

Численность населения России накануне революции по имеющимся источникам и статистической литературе определяется неоднозначно со значительными допусками. В условиях войны, людских потерь, мобилизаций, значительных миграций, а также изменений в естественном движении населения точные сведения о его численности довольно трудно было зафиксировать. Впоследствии изменение границ России, образование СССР и РСФСР в его составе и соответственно пересчеты численности населения, связанные с этими изменениями, еще более усложняют определение численности населения России (в исторических границах) в 1917—1918 гг. Ниже мы приведем различные оценки численности населения России. Все они являются расчетными. Заметная разница в оценках численности связана, прежде всего, с разницей в исчислении темпов и размера естественного прироста (убыли) населения, а также с границами государства, на которые приводится оценка численности (Российская империя, СССР в границах до 1 сентября 1939 г., СССР в границах после Великой Отечественной войны, Российская Федерация в границах 1992 г.).

По данным Центрального статистического комитета (ЦСК), помещенным в «Статистическом ежегоднике по России за 1916 год» численность населения России (без Финляндии) в 1916 г. составила 181 537,8 тыс. человек[1].

А.Г. Рашин, Е.З. Волков, В.А. Зайцев, Б.Ц. Урланис и другие статистики сочли эти данные завышенными. Однако в том же ежегоднике содержится другая группа данных по численности населения на 1 января 1916 г. (и судя по их положению в сборнике, именно они являются основными): в России (без Финляндии, Хивы и Бухары) насчитывалось 169 290,2 тыс. человек, в том числе мужчин — 84,9 тыс., женщин — 84,4 тыс., в России (включая Финляндию) — 172 601,9 тыс. человек, в том числе мужчин — 86,6 тыс., женщин — 86,1 тыс.[2]

Эти расчеты в значительной степени соответствуют более поздним оценкам. Так, в 1927 г. В.А. Зайцев опубликовал оценку численности населения России (без Финляндии) — 169 759 тыс. человек[3]. Б.Ц. Урланис определил на начало 1916 г. численность населения России (в послевоенных границах СССР) в 164,1 млн человек. На эту оценку оказало, безусловно, влияние изменение границ[4].

Оценки динамики численности населения за 1916—1917 гг. также неоднозначны. По опубликованным в вышеназванном сборнике ЦСК исчислениям на основании Всеобщей переписи Российской империи 1897 г. и естественного прироста населе-

ние России к 1 января 1917 г. значительно сократилось и составило (без Финляндии, Хивы и Бухары) 162 590,4 тыс. человек[5].

Б.Ц. Урланис определил на начало 1917 г. численность населения России (в послевоенных границах СССР) в 163,6 млн человек. При этом отмечал убыль населения по сравнению с 1916 г., но не столь значительную — на 0,5 млн человек[6].

Примерно также оценивает убыль населения за 1916 г. В.А. Зайцев. Численность населения у него в границах империи (без Финляндии) на начало 1917 г. составляет 169 230 тыс.[7]

Особняком стоят оценки Е.З. Волкова, который произвел пересчет численности населения Российской империи в современных ему границах СССР[8]. На 1 января 1916 г. по его расчетам население России (в границах СССР, без Хивы и Бухары) составило 142,3 млн человек. Оценивая динамику населения, Е.З. Волков считал, что к 1 января 1917 г. население России не только не сократилось, но даже немного выросло — до 142,5 млн человек.

В публикациях ЦСУ СССР 1960—1980-х годов[9] население России в границах СССР до 1 сентября 1939 г. составило 143,5 млн человек.

На осень 1917 г. Ю.А. Поляков определил численность населения России (в границах СССР 1926 г.) в 147 644,3 тыс. человек[10].

Если по динамике населения России за 1916 г. есть расхождения, то все статистики сходятся в том, что за 1917 г. население сокращалось. По оценке Волкова — на начало 1918 г. оно насчитывало 140,9 млн человек, Урланиса (на начало 1918 г.) — 162,9 млн человек, Зайцева — 167,7 млн человек[11].

Можно заключить, что при оценке численности населения в исторических границах России на 1916 г. следует очень серьезно отнестись к данным ЦСК: без Финляндии, Хивы и Бухары — насчитывалось 169 290,2 тыс. человек, включая Финляндию — 172 601,9 тыс. человек. Сокращение населения к 1917 г., безусловно, происходило, однако не столь быстрыми темпами, как это следует из публикации ЦСК. Данные Зайцева и Урланиса по темпам и масштабам сокращения населения выглядят более убедительно.

В фиксации убыли населения к 1918 г. все статистики единодушны.

1918-й г. также принес убыль населения. При этом Волков оценивает ее примерно в 1,2 млн человек (численность населения по его оценке на начало 1919 г. 139,7 млн человек)[12], Зайцев значительно выше — в 2,8 млн (на начало 1919 г. 164,9 млн человек)[13], в статистическом сборнике «Население СССР за 70 лет» — за 2 года, 1917—1918 гг., оценка убыли составляет 5,5 млн человек (138 млн человек на начало 1919 г.)[14]. Пожалуй, следует согласиться с более высокими оценками потерь, учитывая развернувшуюся Гражданскую войну.

Численность населения России в 1917 г. (в границах Российской Федерации на 1992 г.) определяется в 91 млн человек[15].

Численность городского населения была невелика, сельское население превалировало. По данным ЦСК, в 1916 г. (без Финляндии) городское население составляло от всего населения 14,8%[16]. По оценке Волкова городское население (в границах СССР) в 1916 г. составляло от всего населения 16,5%, в 1917 г. — 16,9%, в 1918 г. — 18,2%[17], современные оценки (в границах Российской Федерации 1992 г.) на 1917 г. — 17%[18].

Довольно низкие показатели урбанизации подтверждаются по всем источникам. Однако резкого падения численности горожан в этот период еще не фиксируется, а удельный вес даже имеет некоторую тенденцию к увеличению, хотя и слабую. Это свидетельствует об отсутствии в год революции процессов деурбанизации, характерных для последующих лет.

В отечественной научной литературе существуют разные оценки безвозвратных людских потерь (убитые в бою, умершие от ран, пропавшие без вести, умершие в плену, не вернувшиеся из плена) русской армии в годы Первой мировой войны. По расчетным данным различных исследователей безвозвратные потери русской армии составляли (в млн человек): Л.С. Каминского и С.А. Новосельского — 1,5—1,7[19], В.И. Бинштока — 1,7, Б.Ц. Урланиса — 1,8, Ю.А. Полякова — от 1,5 до 2, В.Д. Кайсарова — 2,3, Е.З. Волкова — 2,4[20]. По оценке, приведенной в монографии «Россия и СССР в войнах XX века», подготовленной авторским коллективом Генерального штаба (отв. ред. Г.Ф. Кривошеев), безвозвратные потери русской армии составили 2,3 млн человек[21].

В целом безвозвратные потери всего населения России в Первой мировой войне (убитые в бою, умершие от ран, отравляющих газов, пропавшие без вести, не вернувшиеся из плена), а также гражданские лица (убитые в бою, в результате карательных операций, террора, умершие от эпидемий и голода, эмигрировавшие) составляли по минимальным и максимальным оценкам от 2,7 до 4,4 млн человек. По последним оценкам российских демографов с учетом общего повышения смертности и снижения рождаемости в военные годы российское население сократилось на 5,8 млн человек[22].

Кроме безвозвратных, российская армия понесла значительные санитарные потери, оказавшие впоследствии негативное воздействие на состояние здоровья населения и демографическую ситуацию в целом. Так, по подсчетам Генштаба за время войны было госпитализировано 5,2 млн военнослужащих, нуждавшихся в продолжительном лечении, из них 2,9 млн раненых и 2,3 млн заболевших[23].

Высокий уровень смертности, особенно мужчин, в годы Первой мировой войны повлиял на изменение возрастнополового состава населения. Уменьшился удельный вес в населении мужчин самого репродуктивного и трудоспособного возраста, значительно изменился баланс полов в пользу женщин. В некоторых детородных когортах (например, у 20—24-летних) соотношение мужчин и женщин в 1917—1918 гг. составляло 1: 2, что является аномалией для репродуктивного поведения и самым негативным образом сказалось на уровнях брачности и рождаемости. Особенно резко гендерный дисбаланс проявлялся в деревне: в 1917 г. в деревне отсутствовало от 44% (Смоленская губерния) до 54% (Владимирская губерния) всего взрослого мужского населения[24].

Повлияли военные потери и на половозрастной состав занятого населения. Данные промышленной и профессиональной переписи 1918 г. свидетельствуют о значительном удельном весе женщин среди работающих. Так, в Европейской России среди рабочих женщины составляли 42,6%[25]. Такой уровень занятости женщин аномально высок даже для военного времени (учтем, что на момент переписи уже шла демобилизация). Это свидетельствует не только о больших потерях мужского населения на фронте, но и о том, что среди вернувшихся значительным было число инвалидов, полностью или частично потерявших трудоспособность в результате ранений.

Женщины заняты практически во всех группах производств. Традиционно высока их занятость в обработке шелка (72,6% от всех работающих), хлопка (62,3%), шерсти (52,5%). Свыше половины — 53,2% — составляют женщины среди рабочих в производстве одежды. Женский труд представлен и в химической промышленности (35,6% от всех работающих), и в производстве по обработке дерева (16,9%), и в полиграфии (26,3%). Даже в металлообрабатывающей промышленности и в машиностроении женщины-работницы составляли соответственно 12,7% и 12,2%[26].

Наибольший удельный вес работающих женщин фиксировался в губерниях с развитым текстильным производством. Так, в Иваново-Вознесенской губернии жен-

щины-работницы составляли более 60%. (Вспомним, что в довоенный период ткач был очень распространенной мужской профессией.) Около 50% женщин было среди рабочих всех видов производств в Северо-Двинской, Тверской, Ярославской, Владимирской губерниях. В Москве женщины-работницы составляли 44,5%, в Петрограде — 35,5%. Как видим, женский труд активно использовался в столичной промышленности. Менее всего было занято женщин в промышленности в Астраханской, Тульской, Олонецкой губерниях — от 11% до 13%[27].

Среди служащих женщин было значительно меньше — 17,4%, по причине более низкого уровня образования, чем у мужчин[28].

Женщины-служащие были задействованы наиболее активно в полиграфической промышленности, художественных промыслах — свыше 30% от всех служащих этих групп производств, а также в производстве одежды. Довольно много было женщин — 22,2% — среди служащих химической промышленности. Женщины-служащие трудились как в постепенно становившейся «женской» текстильной промышленности (15—16% от всех занятых служащих), так и в традиционно «мужских» отраслях — металлургии и машиностроении (соответственно 14,4% и 17,5%)[29].

Самый большой процент женщин среди служащих переписью зафиксирован в Москве и Петрограде — 23,7% и 31,2%. Довольно высок удельный вес женщин среди служащих Казанской губернии — 20%, в Нижегородской, Орловской — более 18%[30]. Во всех губерниях Европейской России среди служащих были представлены женщины. Менее всего женщин-служащих было в городах с ярко выраженным военным профилем производства (в Тульской губернии — менее 5% среди всех служащих[31]), более всего — в административно-промышленных центрах, особенно в т.н. «университетских» городах.

Гендерный состав занятости свидетельствует и о последствиях людских потерь, и о новом явлении в общественной жизни страны: об активизации женщин в связи с провозглашением равенства полов. Женщины активно реализуют полученные ими права. Особенно это видно по показателям занятости женщин среди служащих. Женщины стремятся к сферам квалифицированного умственного труда в самых разных областях хозяйства. Недостаток образования и квалификации служит для осуществления их устремлений серьезным препятствием. Тем не менее, тенденция активизации женщин в этом направлении очевидна.

Профессиональная перепись показала, что в возрастном составе рабочих и служащих малолетние и подростковые возраста были относительно малочисленны. Определенное влияние оказало и довольно широкое применение женского труда. В целом несовершеннолетние рабочие в возрасте до 18 лет составляли среди всех рабочих Европейской России 8,1%[32]. Процент несовершеннолетних рабочих понизился в связи с первой волной стихийной демобилизации. Весной 1918 г. в итоге среди рабочих преобладали совершеннолетние.

Однако были группы производств, где труд несовершеннолетних рабочих был более распространен. В этом плане выделялась обработка камней, земель и глин — более 20% рабочих были несовершеннолетними, а каждый десятый рабочий был моложе 15 лет, то есть относился к группе детей и подростков. В производстве льна и пеньки также было задействовано от 13% до 15% несовершеннолетних рабочих, большинство среди них составляли девушки. Однако и несовершеннолетние юноши были заняты в этих производствах, как и вообще в текстильной промышленности. Наконец, в полиграфии 15—17-летние рабочие составляли свыше 10% среди всех рабочих-полиграфистов[33].

Следует отметить, что юношеско-подростковый труд фиксировался в таких сложных и трудоемких отраслях, как металлургия и машиностроение. Несовершеннолетних рабо-

чих-металлистов было 8,7% от рабочих этой группы производств, а в машиностроении — 5,1[34]. Среди несовершеннолетних рабочих этих производств преобладали юноши.

Чаще всего труд несовершеннолетних рабочих использовался в Астраханской, Вятской, Вологодской, Нижегородской и Тульской губерниях. Москва и Петроград в этом отношении не лидировали. В крупнейших городах в основном работали в тот период высококвалифицированные рабочие, труд несовершеннолетних использовался ограниченно.

Среди служащих несовершеннолетние составляли 5,4%. При том, что процент незначителен, в абсолютном значении их было довольно много — более 4 тысяч человек. Из них около тысячи были моложе 15 лет. Такое привлечение несовершеннолетних и малолетних для возрастного состава служащих нехарактерно и связано с возрастным дисбалансом в первую очередь из-за военных потерь[35].

Вследствие людских потерь в возрастной структуре образовалась крупная демографическая яма за счет детей, не рожденных во время войны. Эта яма сформировалась, прежде всего, за счет лиц 1915—1918 гг. рождения и в возрастной пирамиде ощущалась в течение длительного времени. Падение рождаемости по 18 губерниям Европейской России, включая Петроград и Москву, составило по сравнению с довоенным 1913-м г. в 1915 г. 13%, в 1916 г. — 34%, а в 1917 г. (по 7 губерниям Европейской России, включая Петроград и Москву) — 46%[36]. Значительное снижение рождаемости, продолжавшееся в 1917 г., фиксировалось во многих районах. Если в Вологодской губернии уровень рождаемости в 1914 г. равнялся 45,8‰, то в 1917 г. он снизился до 18,8‰, в Ярославской этот показатель упал с 41,1‰ до 26,9‰, в Саратовской соответственно — с 48,0‰ до 29,9‰[37] и т.д.

Рождаемость снижалась в регионах разными темпами, однако тенденция к снижению, причем значительному, была устойчивой.

В дальнейшем снижением рождаемости был отмечен и 1918-й г. Так, если в Москве рождаемость в 1917 г. составляла 19,6‰, то в 1918 г. — лишь 14,8‰, в Петрограде соответственно — 18,7‰ и 15,5‰[38].

Кроме того, среди младенцев, родившихся в эти трудные годы, была высокая смертность. Увеличилось количество мертворождений. Процент мертворожденных среди родившихся в Петрограде в 1913 г. составлял 4,1, а в 1917 г. — 4,6[39]. Часто в статистике фиксировалась в качестве одной из причин младенческой смертности врожденная слабость и преждевременное рождение, то есть у матери не хватало сил выносить ребенка. В условиях продолжающейся войны и значительном числе мобилизованных на фронт мужчин отцами часто становились вернувшиеся с фронта раненые и инвалиды, пережившие ранения, контузии, газовые атаки, нервные стрессы, что также приводило к рождению ослабленных детей. К тому же питание населения было недостаточным, людям приходилось употреблять недоброкачественные продукты и довольно часто голодать.

Дефицит мужчин в тыловых районах привел к резкому снижению брачности. Так, в селах Смоленской губернии в 1917 г. отсутствовало 44% взрослого мужского населения, во Владимирской — 54%. Естественным следствием было резкое сокращение браков. В 1917 г. было заключено в России на 35% браков меньше, чем в 1913 г.[40] В России из-за войны не состоялось 1,7 млн браков[41]. Правда, первая мобилизационная волна дала повышение брачности, и уже в 1917—1918 гг. в городах брачность начинает расти, особенно в крупных административных и промышленных центрах, куда, прежде всего, устремляется приток населения как демобилизованных, так и мигрантов из сельской местности и мелких городов. В сельской местности повышение брачности не столь сильно. Но в 1918 г. в Петрограде и Москве брачность даже превышает довоенный уровень. В 1913 г. в Москве на 1000 человек населения заключалось 5,8 браков, а в 1918 г. — 7,5[42]. Этому способствуют и изменения в брачном законодательстве,

значительное упрощение процедуры вступления в брак и разрешение разводов, что позволило реализовать уже по факту состоявшиеся в предшествующие годы разводы и оформить новые брачные союзы. Надежда на скорое окончание войны способствует увеличению брачности, браки перестают откладывать. Изменение психологического климата в обществе свойственно обстановке завершения войны и послевоенного времени и является частью послевоенной демографической компенсации. Возникает и тенденция к повышению рождаемости.

Однако развернувшаяся Гражданская война не позволила реализоваться этим тенденциям, более того, поглотила за счет роста младенческой и детской смертности эффект от начавшегося к 1919 г. повышения рождаемости.

Кроме потерь военнослужащих в военные годы возросла смертность гражданского населения, находящегося в тыловых районах. По данным С.А. Новосельского по 13 губерниям Европейской России, основная часть которых находилась в Центральной России, смертность населения в городах в 1916 г. выросла по отношению к 1913 г. на 19%. 1917-й г. не дал в этом плане положительной динамики. Так, население Петрограда в 1916 г. имело уровень смертности 23,4‰, а в 1917 г. — 24,0‰[43]. В 1918 г. нарастание смертности продолжилось. В Петрограде (город, по населению которого на 1918 г. имеются достаточно полные сведения) уровень смертности достиг 43,7‰[44]. Среди причин смерти все бóльшую роль играл туберкулез легких, а также эпидемические заболевания, прежде всего, тиф. В сельской местности показатели смертности были ниже, чем в городах. Отчасти это объясняется сосредоточением в городах госпиталей и крупных больниц, куда поступали раненые с фронта. Еще одной причиной является более сложная эпидемическая обстановка в городах, возникающая из-за скученности населения и прибытия беженцев из неблагоприятных и угрожаемых районов. Нужно также учитывать меньшую по сравнению с городом полноту учета в сельской местности демографических событий (в частности в течение долгого времени в сельской местности не фиксировались причины смертей) и нерегулярное поступление результатов учета из деревень в органы статистики. В целом статистика свидетельствует о неблагоприятных тенденциях в демографическом развитии России в 1917—1918 гг. Население страдало от военных потерь и повышения детской и взрослой смертности в тылу, сокращались рождаемость и брачность, резко возросла заболеваемость, прежде всего эпидемическая, а также связанная с недостаточным питанием и плохими условиями жизни. Политические катаклизмы и экономическая дезорганизация хозяйства не позволяли нормализоваться демографической ситуации даже в условиях начавшегося выхода из войны, хотя следует отметить, что первая половина 1918 г. давала надежды на начало демографической компенсации. Однако Гражданская война и иностранная интервенция резко ухудшили ситуацию.

С 1916 г. в России отчетливо фиксируется глубокий демографический кризис. Его последствия были тяжелыми и долгосрочными.

1 Статистический ежегодник по России за 1916 год. Г. 13-й. Пг.: ЦСК МВД, 1918. Вып. 1. С. 85.
2 Там же. С. 48.
3 *Зайцев В.А.* К вопросу о численности населения Европейской России // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М., 1927. Ч. 2. С. 91.
4 *Урланис Б.Ц.* Рост населения в СССР. М., 1966. С. 18.
5 Статистический ежегодник по России за 1916 год. Вып. 1. С. 51.
6 *Урланис Б.Ц.* Указ. соч. С. 18.
7 *Зайцев В.А.* Указ. соч.
8 *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 104.
9 Народное хозяйство СССР в 1961 году. М., 1962. С. 7; Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 17.
10 *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 94.
11 *Волков Е.З.* Указ. соч. С. 140; *Урланис Б.Ц.* Указ. соч. С. 18; *Зайцев В.А.* Указ. соч. С. 91.
12 *Волков Е.З.* Указ. соч. С. 212.

13 *Зайцев В.А.* Указ. соч. С. 91.
14 Население СССР за 70 лет. С. 17.
15 Российский статистический ежегодник, 2001: стат. сб. М., 2001. С. 82; Население России за 100 лет (1897—1997): стат. сб. М., 1998. С. 32.
16 Статистический ежегодник по России за 1916 год. Вып. 1. С. 47.
17 *Волков Е.З.* Указ. соч. С. 271.
18 Население России за 100 лет (1897—1997). С. 32.
19 *Каминский Л.С., Новосельский С.А.* Потери в прошлых войнах (1756—1918). М., 1947. С. 60.
20 Население России в XX веке: ист. очерки. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1: 1900—1939. С. 75—77.
21 Россия и СССР в войнах XX века / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 100, 106.
22 *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 56; *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 35.
23 Россия и СССР в войнах XX века. С. 101.
24 Статистический ежегодник, 1918—1920 гг. М., 1921. Вып. 1. С. 2—3, 57—61. (РСФСР. Труды Центр. стат. управления); *Жиромская В.Б.* После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 8.
25 Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года: предварительная сводка данных: сводные таблицы по Советской Республике. М., 1920. С. XXVIII.
26 Там же. С. 32—33.
27 Там же. С. 30—31.
28 Там же. С. XXVIII.
29 Там же. С. 36—37.
30 Там же. С. 34—35.
31 Там же. С. 34.
32 Там же. С. XXXI.
33 Там же. С. 32.
34 Там же.
35 Там же. С. XXXII.
36 *Новосельский С.А.* Влияние войны на естественное движение населения [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Золотой фонд отечественной демографии. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund012.html (дата обращения: 17.11.2017).
37 Статистический ежегодник по России за 1916 год. Вып. 1. С. 91—93; *Новосельский С.А.* Влияние войны на естественное движение населения // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914—1920 гг. М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 115, 117; *Жиромская В.Б.* После революционных бурь ... С. 8.
38 Там же.
39 *Новосельский С.А.* Влияние войны на естественное движение населения [Электронный ресурс].
40 *Ильина И.П.* Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 11, 50; *Жиромская В.Б.* После революционных бурь ... С. 8.
41 *Новосельский С.А.* Влияние войны на естественное движение населения [Электронный ресурс].
42 Там же.
43 Там же.
44 Там же.

Н.А. Иванова

Социальная стратификация и революция 1917 года

Социальная стратификация, так же, как социальная структура, характеризует состав общества. В одном из зарубежных социологических словарей читаем: «Социальные различия становятся социальной стратификацией тогда, когда люди иерархически располагаются в некотором измерении неравенства»[1]. Если не касаться гендерной, возрастной, расовой и т.п. стратификации, которая была связана с демографическими процессами и значение которой проявилось в ходе революции 1917 года, то основными стратами в России ко времени революции

являлись сословия и классы. Сословия, как известно, отличались правовым статусом различных групп и слоев населения, выражали неравенство их прав и обязанностей перед государством, закрепленное в законах. Классовое неравенство возникало на основе экономических факторов, производственных отношений людей, отражалось в уровне имущественной и шире — материальной обеспеченности (или необеспеченности) и других показателей, характерных для различных классов.

Сословная и классовая стратификация существовали в Российской империи не одно десятилетие и даже, применительно к сословиям — не одно столетие. В начале XX в. сословия и классы в России сосуществовали, что отличало ее от западноевропейских стран, где классы складывались в условиях правового равенства, то есть ликвидации сословности. Правда, в России под влиянием революции 1905—1907 гг. и других факторов сословный строй общества размывался, а классообразование прогрессировало. Однако эти процессы не были завершены, что обуславливалось переходным характером общества — от традиционного (аграрного) к индустриальному, неравномерностью социального развития городов (особенно крупных, Москвы и Петербурга, и мелких), городов и деревни, индустриальных отраслей экономики, находившихся под влиянием модернизации (Запада), с одной стороны, и сельского хозяйства, связанного с преобладанием традиции, — с другой. Решающее значение имело, кроме того, сохранение в стране традиционалистских политических институтов — самодержавной монархии, лишь на словах ограниченной «конституцией», бюрократической системы управления, в которой сословное начало продолжало играть важную роль, иллюзорностью демократических свобод, наличием института подданства как формы взаимодействия верховной власти и сословного общества. Результатом правового неравенства и ограниченности демократических свобод было отсутствие гражданского общества, а значит, и его контроля над государственными структурами. Это приводило к беззаконию, коррупции, безнаказанности чиновников, их противостоянию народу.

Наиболее полные данные о численности сословий содержатся в материалах переписи населения Российской империи 1897 г. Из нее следует, что привилегированные (и полупривилегированные) сословия — дворянство, христианское духовенство, почетные граждане и купцы, составляли всего 2,3% в составе 126,6 млн. российского населения (без Великого княжества Финляндского). Более 96% приходилось на непривилегированные, бывшие податные (то есть платившие подушную подать) сословия — крестьянство, включавшее 77,1% жителей империи, мещанство — 10,7%, инородцев[2] — 6,6%. Особое место занимало сословие войсковых казаков (2,3% населения), которые являлись, с одной стороны, служилым сословием, а потому наделялись рядом привилегий (особенно офицерский слой), с другой стороны, примыкали к крестьянству, ибо занимались сельскохозяйственным трудом[3].

В годы Первой мировой войны сословная идентификация была особенно значимой для дворянства, духовенства, казачества и крестьянства. Городские сословия — почетных граждан, купцов, мещан, оказывались более свободны от сословного начала, активнее включались в торгово-промышленную деятельность, в культурно-образовательный процесс, в основе которых лежало не коллективное (общинное), как у крестьян, а индивидуальное начало. Однако, как известно, городское население было в России немногочисленно, составляя всего 13,4% жителей в конце XIX в. и до 15% в 1913 г. и в годы Первой мировой войны[4].

В отличие от сословий официальные обобщающие статистические данные о классовой стратификации российского общества отсутствуют. Тем не менее, как следует из подсчетов В.И. Ленина и советских исследователей, классовый состав на-

селения в конце XIX в., в 1913 г. и в период революции 1917 года принципиальных изменений не претерпел. Крупная буржуазия, помещики, высшие военные и гражданские чины и пр. — высший слой общества составляли примерно от 2,4% до 5,0%, зажиточные мелкие хозяева (часть крестьян, торгово-промышленной администрации, служащих, «буржуазной» интеллигенции, чиновничества и т.д.), то есть категории, близкие или входящие в состав средних слоев, — около 20%. Примерно столько же приходилось на пролетариев, от 25% до 30% — на беднейших мелких хозяев, преимущественно крестьян, и более 30% — на полупролетариев[5].

Большой неоднородностью в свою очередь отличались различные классы и слои населения. В составе «имущих» слоев — с годовым доходом свыше 1 тыс. руб. (данные на 1904 г.) самая большая группа (27,9%), жила доходами от капитала и недвижимости, другая, столь же весомая (25,6%), включала преимущественно чиновников госаппарата. К производственной сфере относились торговцы и промышленники (20,6%), землевладельцы (14,7%). Доля интеллигенции и лиц «свободных профессий» в составе имущих слоев составляла всего 3,6%[6].

В классе капиталистов — предпринимателей имелись различия по размерам принадлежавших им предприятий и прибылей, отраслям хозяйства и группам производств, по сословному происхождению, региональной, национальной (например, предприниматели немцы, татарская буржуазия), конфессиональной (предприниматели старообрядцы) принадлежности. В постсоветской историографии больше внимания стало уделяться типологии предпринимателей.

Численность наемных рабочих в годы войны по подсчетам советских исследователей составляла от 15 до 18 млн. самодеятельных. Однако индустриальные — занятые в фабрично-заводской обрабатывающей, горной и горнозаводской промышленности, а также на железнодорожном и водном (паровой флот) транспорте, насчитывали всего от 4 до 5 млн.[7] Некоторые современные исследователи только ими и ограничивают рабочий класс[8]. Большинство, следуя традиции советской историографии, включает в него (иногда, правда, пишется об «армии наемного труда») служащих, рабочих мелкой промышленности, торговли, строительных, чернорабочих и поденщиков, занятых в сельском хозяйстве, прислугу и т.п. Между тем, среди них было немало временных работников, малоквалифицированных, тесно связанных с землей. Не случайно они сильно уступали индустриальным рабочим по величине заработной платы.

Имеются также дифференцированные данные о заработках фабрично-заводских рабочих, в том числе относящиеся к периоду войны и революции. Они свидетельствуют о наличии существенных отличий по этому показателю по регионам, отраслям промышленности, профессионально-квалификационному уровню рабочих и др. Даже в Петрограде, где (как и в Москве) был сосредоточен наиболее крупный и развитый отряд рабочего класса, сыгравший большую роль в ходе революции, квалифицированные рабочие на фабрично-заводских предприятиях в 1918 г. составляли всего 23,3%, полуквалифицированные и малоквалифицированные — 33,9%, 26,7% — не имели специальности (у остальных квалификация не установлена)[9].

Неоднородными были и средние городские слои, составлявшие часть формирующегося в России среднего класса. Основная разграничительная линия по характеру труда и другим признакам проходила между «старыми» (торговцы, ремесленники) и «новыми» (служащие, интеллигенция) средними слоями. При этом технический персонал промышленных предприятий существенно превосходил рабочих по уровню оплаты труда, а наиболее многочисленные низшие служащие практически не отличались от рабочих. Многие представители интеллигентских

профессий — учителя, медицинские работники и др., которые по характеру труда (нефизический, творческий), образовательному уровню должны быть отнесены к среднему классу, по размерам своего жалования не дотягивали до необходимого среднего уровня, уступали даже материальному обеспечению многих рабочих.

Данные сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. показывают, что крестьянские хозяйства кардинально отличались от частновладельческих (преимущественно помещичьих) по количеству земли в среднем на одно хозяйство (в Европейской России соответственно 8,2 и 297,5 дес.), посевной площади (3,9 и 48,4 дес.), количеству скота в целом (8,2 и 50,7 голов) и рабочего скота (1,3 и 9,7 лошадей), и другим производственным показателям. В свою очередь у казаков на одно хозяйство приходилось в Сибири 23,9 дес. земли, в Степном крае — 21,5 дес., у инородцев — соответственно 12,1 и 6,3 дес.[10]

Современные исследования свидетельствуют о переоценке рядом авторов предшествующего периода уровня развития капитализма в сельском хозяйстве. «В начале XX в., — пишет А.В. Островский, — почти треть крестьян имела пролетарский характер, еще треть находилась на разных стадиях разорения, а удельный вес среднего, зажиточного и богатого крестьянства постепенно сокращался: капиталистые мужики предпочитали вкладывать деньги в торговлю, ростовщичество, промышленность, а не в сельское хозяйство»[11]. Основная причина этого заключалась в том, что в качестве основных товаропроизводителей выступали средние и беднейшие хозяйства, их товарность во многом имела вынужденный характер. Хозяйства таких крестьян определяются как мелкотоварно-потребительские и мелкотоварно-предпринимательские, но не капиталистические[12].

Широко распространены были среди помещиков и крестьян патриархальные отношения, натуральные формы хозяйства.

В новейших работах также показывается, что большинство крестьян, в том числе зажиточных, жило в рамках общины, которая в условиях войны «ожила и окрепла»[13]. Крестьяне подчинялись общинным порядкам в переделах земли, уплате налогов, принципе уравнительности, мирской помощи и др. Они связывали с общиной возможность выживания в условиях перенаселения, малоземелья, ухода в армию в среднем 48,3% мужчин рабочего возраста, экстенсивного хозяйствования, частых неурожаев, других кризисных явлений периода войны.

В целом Россия являлась страной социальных контрастов как в силу незначительной доли средних слоев населения и преобладания низших групп, так и в результате непомерно большого разрыва в уровне доходов высших и низших слоев. Кроме того, различные слои населения жили в рамках разных хозяйственных укладов. Все это делало социальную систему крайне противоречивой и неустойчивой, подверженной разрушению.

Под влиянием войны подобная неустойчивость в России возросла. С одной стороны, преимущество получили предприниматели и в известной мере рабочие (освобожденные от призыва в армию, получавшие более высокие заработки) предприятий, работавших «на оборону государства», в то время как связанные с рынком испытывали бóльшие трудности. С другой стороны, в условиях постепенного разрушения экономики, ослабления рыночных отношений, натурализации хозяйства, более широкого использования труда женщин и подростков, вертикальной и горизонтальной миграции населения происходили процессы деклассирования, маргинализации населения. Они усиливались в результате появления новых групп в лице беженцев, инвалидов, военнопленных, роста числа безработных в результате «демобилизации» в 1918 г. промышленности[14]. Показательно, что маргинализация охватила и армию. Этому способствовали: гибель значительной части кадровой армии в первые годы войны, ослабление военной подготовки нижних чинов и офицеров постоянно меняющегося в результате потерь

состава армии, разрушение воинской дисциплины и обострение в армии классовых противоречий, усиление пацифистских настроений, рост дезертирства и т.п.

В революции 1917 года участвовали представители если не всех, то многих слоев населения. Показательно, что уже в апреле 1917 г. известный русский философ Н.А. Бердяев называл начавшуюся революцию всенародной[15]. Интересы и требования различных сословий, классов, переходных слоев населения вкупе с программами многочисленных партий наложили свою печать на революцию. Поэтому одномерное определение ее характера весьма затруднительно и непродуктивно. Точно так же многообразными были применяемые в ходе революции формы борьбы.

Одни из слоев, наиболее сложившиеся в социальном плане, сознательно и организованно выступали в стачках, митингах, демонстрациях, участвовали в работе Советов, профсоюзов, фабрично-заводских и солдатских комитетов, решали не только деструктивные, но и конструктивные задачи революции. Другие составляли основу массовых стихийных движений, носивших во многом разрушительный характер. Это движение было представлено выступлениями толпы, крестьянскими бунтами и солдатскими мятежами. Феномен толпы имел место и в более ранних революциях в других странах и применительно к ним давно изучался. Но в отношении российской революции 1917 года он получил основательное освещение сравнительно недавно — благодаря работам В.П. Булдакова.

Толпа возникала непроизвольно, стихийно, из представителей одной, чаще — различных социальных групп населения. Выступления толпы носили спонтанный, нередко разрушительный характер. Ее побудительные причины и реальные действия опирались не на сознание, а на инстинкты людей. Еще известный социолог Питирим Сорокин главными причинами революции 1917 года в России считал голод и войну. Он связывал это с нарушением основных естественных, биологических инстинктов людей — необходимостью удовлетворять голод и самосохранение[16]. Во многих странах в разные времена борьба против голода играла важную, нередко главную роль в возникновении народных движений, бунтов толпы, занимала определяющее место в ходе революций[17]. Не составляла исключение и Россия. В силу постепенно накапливавшихся проблем 1917 год стал для России роковым в обострении отмеченных выше инстинктов. Не случайно, что при разнообразии требований, которые выдвигались разными слоями населения, общими для большинства из них являлись требования прекращения войны, решения продовольственного вопроса, улучшения материального положения. Известно и то, что голод оказывал влияние не только на физическое, но и психическое состояние людей, лежал в основе многих стихийных выступлений, погромов, неконтролируемых действий толпы.

Буржуазно-демократический характер февральской революции 1917 года является общепризнанным. Он проявился в ликвидации монархии, переходе власти к крупной буржуазии, демократизации политических и социальных отношений в стране в рамках капиталистического строя. В числе многочисленных преобразований Временного правительства была ликвидация института подданства и провозглашение всего населения гражданами, введение всеобщего избирательного права, уравнение в правах сословий, народов и конфессий, провозглашение свободы союзов, собраний, печати и т.д.

В социальной сфере капиталисты не только конфликтовали с рабочими, но и сотрудничали (в лице Временного правительства) с Петроградским Советом рабочих депутатов, с помощью фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, примирительных камер договаривались об установлении 8-часового рабочего дня, повышении заработной платы, улучшении условий труда рабочих.

Буржуазно-демократические преобразования доводились до конца осенью 1917 и в начале 1918 г. Были приняты декреты об уничтожении сословий и гражданских чинов, о

свободе совести. В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, в Декрете о земле и в Законе о социализации земли декларировалось равенство всех граждан. Профсоюзы разрабатывали тарифы для урегулирования вопросов заработной платы, а фабрично-заводские комитеты контролировали условия работы на промышленных предприятиях.

В.И. Ленин признавал, что для осуществления диктатуры пролетариата рабочий класс должен составлять большинство населения страны (как минимум 51%)[18]. В России даже по максимальным цифрам доля рабочих не превышала 20%. В этих условиях большевики видели выход в союзе пролетариата с крестьянством и в признании особой роли партии, поскольку организация «удесятеряет силы».

В литературе обращено внимание[19] на высказывание Ф. Энгельса в работе «Крестьянская война в Германии» (1850 г.), сводившееся к тому, что «доктрина» крайней партии строится не на существующем реальном соотношении классов в данном обществе, а на понимании «общих результатов общественного и политического движения». В ходе же самой борьбы партия вынуждена учитывать конкретные интересы различных слоев населения, часто не совпадающие с ее программными установками[20]. Это имело место и в России в 1917 г.

Так, объявив курс на социалистическую революцию в апреле 1917 г., большевики включили в Декрет о земле и в Закон о социализации земли Примерный Наказ Учредительному собранию сельских и волостных обществ. Он был направлен против частной собственности на землю, на безвозмездное отчуждение в пользу трудящихся всей земли и сохранение общинных порядков в отношении переделов, уравнительных способов распределения земли, форм пользования ею (подворная. хуторская, общинная, артельная), мирской помощи и пр.[21] Приверженность традиционалистским отношениям, которая проявлялась в Наказе, сказывалась и на политических организациях крестьян — Советах крестьянских депутатов. По наблюдениям исследователей, сельские советы имели органическую связь с органами крестьянского общинного самоуправления, как по характеру деятельности, так и по месту их расположения[22]. Делается вывод о фактической победе традиционализма в ходе революции[23].

В то же время, не отказываясь от социалистической доктрины, большевики искали пути ее осуществления. Уже в первых программных документах Советской власти говорилось об уничтожении «паразитических слоев общества», о вооружении трудящихся и полном разоружении имущих классов. Согласно Конституции 1918 г. рабочим и беднейшим крестьянам, осуществляющим свою диктатуру, предоставлялись преимущества в организации собраний и митингов, создании и деятельности союзов, в получении образования и пр. Конституция предусматривала также неравенство избирательных прав рабочих и крестьян, лишение «отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции»[24]. Это было начало нового классового противостояния. В интересах рабочих и «беднейших слоев населения» большевиками был взят курс на подавление сопротивления «эксплуататоров» и «нейтрализацию» «непрямо» неэксплуататорских классов. В их числе оказались крестьянство, буржуазная интеллигенция, служащие — «спецы» и др. Это привело к принципиальному изменению социальной стратификации советского общества.

1 *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. М., 2004. С. 471.

2 К инородцам относились оседлые, кочевые и бродячие коренные жители Сибири и Средней Азии, Севера и юга Европейской России, а также евреи.

3 Подсчитано по: Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1. С. XIII, 164—171.

4 Там же. С. 160—163; Статистический ежегодник России 1914 г. Г. 11-й. Пг., 1915. Отд. 1. С. 57; Статистический ежегодник России 1916 г. Г. 13-й. Пг., 1918. Вып. 1. С. 39—47.

[5] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 505; Т. 39. С. 454; *Писарев Ю.И.* Народонаселение СССР. М., 1962. С. 68; и др.

[6] Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906. С. VIII, XIV, XIX, XXV, XXXVIII, XXXIX, 90—91.

[7] *Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 16; *Гапоненко Л.С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. С. 72; *Лаверычев В.Я.* Численность, состав и размещение рабочего класса России в 1914—1917 гг. // Рабочий класс России, 1907 — февраль 1917. М., 1982. С. 246.

[8] *Яров С.* Рабочие // Критический словарь Русской революции, 1914—1921. СПб., 2014. С. 541.

[9] *Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры: (опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1974. С. 84.

[10] Подсчитано по: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. С. 42—49, 54—55, 62—87. (Труды / ЦСУ; т. 5, вып. 1).

[11] *Островский А.В.* Октябрьская революция: случайность? Исторический зигзаг? Или закономерность? // Из глубины времен. 1993. № 2. С. 146.

[12] *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1996. С. 23—24; *Анфимов А.М.* Новые собственники: (из истории столыпинской аграрной реформы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: ежегодник. М., 1996. С. 90—92; *Шанин Т.* Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия общественных форм (1989) // Там же. С. 8—25; *Никулин П.Ф.* Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009. С. 318—321; *Храмков А.А.* Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. Барнаул, 2014. С. 187—194; и др.

[13] *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Указ. соч. С. 31; *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900—1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 210, 213, 307—312.

[14] См.: *Иванова Н.А.* Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / под ред. Ю.А. Петрова. М., 2014. С. 202—259.

[15] *Бердяев Н.А.* О политической и социальной революции (Русская свобода. 1917. № 4. С. 5—10) // Революция 1917 года глазами современников. М., 2017. Т. 1: январь — май / ред.-сост. В.В. Шелохаев. С. 160.

[16] *Сорокин П.* Социология революции. М., 2008. С. 309, 312, 357.

[17] См.: *Рюде Дж.* Народные низы в истории, 1730—1848. М., 1984.

[18] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 453, 458.

[19] См.: *Островский А.В.* Указ. соч. С. 169—170.

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 422—423.

[21] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 18—19.

[22] *Данилов В.П.* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?..: кризис институциональных систем: век, десятилетие, год: материалы междунар. симпозиума (15—16 янв. 1999 г.). М., 1999. С. 13.

[23] См.: *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 312.

[24] Декреты Советской власти. Т. 1. № 228. С. 342; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 51, ст. 582.

S. Merl

The Peasants and the October Revolution

The peasant's reaction to the February Revolution in 1917 was very positive. The revolution finally put the "peasant's question" on the political agenda. The peasants therefore were willing to see in the revolution the new "just ruler", kicking the false tsar, Nicolas II, out of office, who had not provided fair rule to them. Peasants' acting was determined by their special understanding of "justice". Rebellion for them demanded legitimization. Only a vote of the peasants' assembly could provide it.

The peasants were sure that a just tsar could only share their ideas of justice: That they were the true possessors of the land and not the nobles (as "God's acre" belonged to those

who worked on it by their own hands). After the February revolution the peasants started to autonomously confiscate and distribute the noble's land, establishing "their" justice. After finally solving the "land question", they demanded from the ruler only one thing: To provide to them equal rights as to the other members of the society. As the Bolsheviks granted unions to the workers, the peasants expected the right to form a peasant's union (as in 1905).

The Bolsheviks, however, did not fulfill the peasant's expectations: They denied them thank for contributing with their (autonomous) revolution to the final success of the October overthrow, and they denied them equal citizen's rights. They were basically convinced that family farmers had to be classified at least as potential "counter-revolutionaries". Splitting the peasantry by class criteria, they only identified a strange stratum of "poor peasants" as class allies. Using brutal force against the peasants by grain requisitions the Bolsheviks determined the failure of their revolution: Instead of building up a new state including the majority of the people, the exclusion of the peasants by denying them equal rights led directly into Stalin' personal dictatorship with using mass terror.

In my contribution, I like to ask why Bolshevik relations to the peasants based on a "lasting state of incomprehension"[1]. Already the pre-1914 intelligentsia and the Tsarist bureaucracy lacked understanding of the peasants' actions. As most sources on the peasantry were written by these people, their writings until today are blocking the access to the understanding of the peasant's views and motives. In the following, I will have a look on basic misinterpretations.

1. On the legacy of serfdom: the peasants' view on rebellion

The Bolshevik claim that peasant uprising based on their "exploitation" by the noble landowners, and that it was part of a class war under conditions of social differentiation of the peasantry was wrong. Lenin misinterpreted the peasant revolution for justice as a social revolution. He did not understand what was going on in the countryside. The peasants had a very different agenda. They were willing to use violence when they saw their view of "justice" hurt. Up to the peasant revolution of 1917, their understanding of "justice" denied the nobles the right to use "God's acre". For acting, however, they needed legitimization. It had to be provided by a vote of the commune's assembly. This united the peasants in their fight against the noble landholders.

Why rebellions against noble land-property were the dominant form of peasant uprisings until 1917? This was the legacy of serfdom. In was a moral and not an economic or social demand. In economic terms, the land use by the nobles had lost significance, and distributing this land could not solve any of their problems. The share of the noble land property in arable land decreased from roughly 50 percent in the 1860s to 20 percent in 1900. Taken into account that the peasants leased half of the nobles' land, they in fact had in use roughly 90 percent of the land. The quick increase in rural population — two percent each year — would equalize the win in landholding already after six years. "More land" could not solve the problem of the decreasing men/land ratio. The real alternative to fight against the hidden rural underemployment was different: Intensification and using the progress in agricultural technology. As the core of the peasants' problem was the lack of opportunities to make productively use of the available rural workforce, only industrialization could provide a solution. Out-migration and the quitting of agricultural production, as it started in the 1890s, would allow intensifying the land use for those remaining in the countryside. Feeding a growing urban population would create an internal Russian market with demand for animal products as meat, milk and butter[2]. For this, a profound agricultural reform and not a revolution was required.

When serfdom was established in the mid-17th century, it based on live-long service to the tsarist autocrat: While the nobles had to serve in war and at his court, the peasants had to provide the living to the nobles. In the peasants' construction of history, they tolerated

this state of affairs as their voluntary subordination for a limited period of time. When the emancipation of the nobles from service took place in 1762 by Peter III, the peasants saw no further justification for their bonding. The just ruler had to emancipate them from their service to the noble land-owners as well. As this did not happen, the peasants suspected that the nobles had hidden the just tsar's will from them. That Peter III, was murdered, they took as additional evidence for the noble's plot to hide the just tsar's will from them.

Since 1762, the peasants waited for the just tsar to give them back their land and to expel the nobles from the countryside. Instead of fulfilling his duty to provide justice to them, the tsar even turned "their" land into the nobles' private property. The peasants kept on to accept established rule. But they were convinced that the just tsar would finally give justice to them ending the nobles' land use.

When in 1861 emancipation took place, the peasants expected to get all arable land. But they got only personal freedom. Concerning the land, the tsar forced them to buy it from the noble proprietors. The concrete conditions of the regulation were to be bargained between the peasant commune and the noble estate owner. Thus the tsar granted to the peasants something new in accordance with their feeling of justice: For the first time he addressed them in his decree as citizens with equal rights and he acknowledged them as equal partners to the noble landowners in bargaining the local conditions of the regulation. Although the peasants' dissatisfaction was great, this unexpected outcome let them fall at first into something like a shock-induced paralysis. To get justice in the full sense, they started to use their right of resistance as they had constructed it in their understanding by accepting the subordination under the tsar.

2. Legitimization of rebellion by vote of the peasant commune's assembly

Although cases of open uprising were seldom between 1861 and 1903, this did not mean that the peasants forgot about the still open question of getting "their" land back from the nobles. Local conflicts between peasant communes and the nobles took place. During these conflicts, the peasants realized their high bargaining power when threatening with violence. The bloody Pugachev uprising under Catharine II was still in the memory frightening the nobles and the local bureaucracy. Often the local officials forced the nobles to compromise with the peasants if they claimed a right to use meadows and forests in the nobles' private property. Especially the better-off peasants used this power of threatening with peasant violence in their interest[3].

Uprising (often connected with violence against things, seldom against persons) in the peasants understanding needed legitimization. The peasants' construction was that they accepted just rule in former times by the vote of their assembly, and this bound the tsar to provide just rule to his subjects. If he did not fulfill this obligation, the vote of the assembly could end the subordination and justify rebellion. Such a vote for rebellion to establish justice was possible as well, if the local authority or the local landowner hurt his obligation of "fair rule". This construction of the peasants had little in common with the existing state legislation. It stood in contradiction to modern legal norms and the state's laws.

Peasants' uprising therefore until 1917 necessary based on a collective vote of the local peasant commune. Uprising was a local affair and a protest against the local estate owner's hurting of "justice". Only if neighboring communes took such a vote, uprisings could spread regionally to the whole territory. To outsiders, these uprising always looked as spontaneous rebellions (*buntarstvo*). But this was not the case: violent uprisings necessarily were only the last step in a conflict, often lasting over decades. In many cases of violent protest in 1905, the conflict started with emancipation regulation[4]. As the violence started straight ahead after the assembly's vote, it always lacked an intensive preparation heading towards the realization of the target[5].

This strictly local character limited the scope of Russian peasants' protest: Even during the peasants' revolution of 1917—1918 the conflict was local between the noble land-owner and the peasant commune, although this time most territories were involved. But communes in the neighborhood might keep peaceful relations with their noble landowners. Only if the violation of justice was caused by state acting and hit every commune at the same time, the uprising could spread over the whole territory and even threaten state rule. Such protest started only under Bolshevik rule: First with the "peasant war" against the Bolsheviks' war against them by *prodrastverstka* 1918 to 1921, and then with the *bab'i bunty* in 1930 against the confiscation of the peasants' cows during forced collectivization. "Both, the faith into fair rule, as well as the joint acting of the peasantry including all rural social groups, is characteristic for peasant protest also during Soviet rule"[6].

3. Did the peasants act autonomous or under guidance of Bolsheviks, workers or SRy?

Peasant unrest restarted in 1902 with violent actions against noble landowners in Poltava and Char'kov. During 1905, local peasant uprisings reached a peak towards the very end of the year. The causes of the uprisings were very different from the causes of workers' protest. They based on the peasants' view of justice. Just those villages with little connections to the cities in the black-earth regions were primarily involved. Conflicts in the non-black earth region were rare. Just here seasonal work in the cities was widespread. Peasant protest often was led by well-to-do peasants, but not by workers or peasants returning from work in the cities. The peasants, however, were informed on the urban protest. They used the political crises in the fall of 1905, as they expected that it would make easier to realize their target of getting rid of the noble landowners.

Under the influence of agricultural modernization, many estate owners had started around the turn of the century to make stronger use of their landholdings. This caused the ongoing conflicts below the surface around the illegal use of the meadows and forests in the property of the noble landowners to turn into open uprisings. The estate owners planted new cultures (sugar beets) and made increasingly use of agricultural machinery. This hurt the peasant's interests: agricultural machinery reduced the landowners request for seasonal labor. Making use of their arable land on their own meant that the land leased out to the peasants was reduced. The effects, climbing rental prices for land and the decrease in salaries, led directly into violent protest. The peasants accepted as just only if prices and salaries were kept on the same level as in the years before[7].

The Russian peasants in 1905 still waited for the just ruler finally to end the nobles' land use. Thus, after the Tsar's February Decree, they addressed petitions to him, formulating their demands for the nobles' land. The peasants even interpreted the October manifest as the Tsar legitimating them to take the nobles' land by force, although the decree did not mention the peasants at all. Also this time the nobles tried to hide the existence of this manifest. As rumors spread, the peasants therefore became convinced that the nobles tried to cheat them newly in hiding the just tsar's will from them. And they were sure that his will could only finally end the noble's land property[8].

Unlike peasant unrest in the Baltic or the Caucasus, the uprising of the Russian peasants in 1905 had a strictly local character and was directed against the local landowners. It was no uprising against the autocracy. But in the outcome of 1905 to 1907, the peasants' attitude to tsar Nicolas II significantly changed. With the bloody ending of the peasant rebellion in 1906 and 1907, they won the impression that Nicolas II was a false tsar. The events of 1905 contributed to start the "politicization" of the peasants. To finally restore fair rule, they now even could imagine a change of the political system. The 1905 peasant revolution, how-

ever, also forced the state to act: A long overdue agricultural reform was implemented heading to solve at least partly the true problems of the peasants. The Stolypin reform focused on the better use of the available land by providing the peasants help by land regulation, introducing sophisticated crop rotation and new agronomic technology.

4. The peasant revolution of 1917

The peasant revolution started independently from the Bolshevik revolution in mid-1917 and followed its own agenda. I even like to question whether it was a pre-condition for the success of the Bolshevik revolution.

Basic parts of the peasants accepted the "February revolution" as the new and just ruler. In need to legitimize their rebellion, they already understood the putting of the "land question" on the political agenda as legitimating their violent attack on the nobles' estates. Their attacks started in mid-1917, well ahead of the October overthrow. This time, the peasants confiscated the nobles' land and often burnt down all the nobles' belongings. They wanted to make sure that they never would return.

The confiscation of the nobles' land was an autonomous act of the peasants. The SRy played a role in the summer of 1917. They started to collect what they called "peasant electoral mandates", in which the peasants put down their demands to solve the land question. While the SRy saw this as preparation for the solution of the problem by a new legislation and a constitutional assembly, the peasants understood them as legitimation of direct and violent action.

The Bolshevik had hardly contacts to the peasants. In his attempt to win the support of the peasants, Lenin published the "decree on land". It stood in sharp contrast to the previous Bolshevik agrarian program which had favored large-scale agriculture, focusing on the peasants' mandates and thus legalizing the ongoing peasants' confiscation of the nobles' land. Tactically Lenin's calculation worked: the land decree brought the peasants on the side of the "reds". When the civil war broke out in 1918, it was without question that they stood on the side of the "reds" against the "whites", who wanted to return the illegal expropriated land to the noble landowners.

In spite of the "decree on the land", the confiscations further took place without control by the Bolsheviks, who only during the spring of 1918 won control over the countryside. In the meanwhile, the peasants confiscated the nobles' land in other regions too, and they often started land repartitioning with leveling the land holdings between the members of the peasant communes. In the peasants' understanding, their local rule stood not against Bolshevik rule.

That the peasants autonomously confiscated and expelled the nobility should be seen as important part of the October revolution. They significantly changed the local power situation. By confiscating the noble's land property and by overthrowing local rural administration with the local policemen, they destroyed the previous backbone of Tsarist rule in the countryside[9]. Would the Bolsheviks have been able to win power in Russia without the peasants on their side? They would not have stand fighting against the peasants and the whites as the same time. In the end, the Bolsheviks won over the whites with toleration of the peasants, but lost the fight against the peasants morally, not military. Lenin was forced to a sharp rupture in 1921, ending War Communism and starting a policy which could allow to include the peasants in the new state.

5. Who had to thank whom?

While Lenin was convinced that the peasants had to be thankful to the Bolsheviks for tolerating the land distribution and for giving them the nobles' land, the view of the peasants was totally different. They took the land on their own, without participation of the Bolshe-

viks, and they only took, what in their understanding was lawfully theirs. The Bolsheviks, on the contrary, were convinced that they had made with "more land" a big gift to their allies, the "poor" peasants. However, the win for the peasants was quite small. The land was redistributed within the land communes by the number of male household members. "Poor peasants" might have got more land, but as a result, their dependency of peasants with farm implements even became stronger. No redistribution of farm implements (machinery, working animals) took place. In general, the better-off peasants carried farm implements from the estates to their household, as only they possessed the necessary means of transport. Land redistribution thus only artificially leveled the rural households.

6. Where peasant family farms really potential counter-revolutionaries?

As peasant uprising based on a collective vote, in the result of the peasants' revolution of 1917, the collective consciousness of the peasants even strengthened just at the moment when Lenin tried to split them into "classes". The very idea of the class differentiation of the peasantry based on a questionable assignment of the peasant way of production to small commodity production by Karl Marx. This meant that they would reproduce capitalism. The Bolsheviks therefore thought they had to fight the peasants as "petty capitalists"[10]. Lenins approach with founding *kombedy* (committees of poor peasants) for grain requisitioning not only failed, the peasants even took it as an affront. Stalin's approach, starting with the "self-taxation" campaign in early 1928 was different: He used the peasant assemblies to vote for self-taxation (and one year later for the vote to "voluntary" joining a collective farm), by putting the assemblies under state control, threatening everybody with arrest and repression, if voting against the decision required by the state (often the question was just: "who is against Soviet power")[11]. This wise Stalin destroyed the basis of legitimization of peasant' rebellion: He took the peasant communes their autonomy. The symbol of peasant autonomy, the church bell, calling the peasants before to the assembly, was confiscated and melted for the sake of industrialization.

7. Prodrazverstka or tax in kind? Peasant War or the Bolshevik's war against the Peasants?

We still lack an answer to the most important questions: why the grain supply to the cities became a problem in a country, pre-1914 exporting huge amounts of grain? Feeding the people started to be a problem from the outset of the war. Did the nobles reduce their grain production, what effect had the rising prices for leasing land? The Tsarist regime failed to secure the supply of army and cities, and so did the provisory government. The Bolshevik's decision to introduce the "*Prodrazverstka*" instead of a tax in kind, which would have worked much less arbitrary, contributed to the worsening of the relations to the peasantry. The class approach, seeing in middle and well-to-do peasants potential counterrevolutionaries, led the Bolsheviks to a lot of assaults against the peasants. While on the side of the peasants, as Viktor Danilov among others argued, there was a willingness to speak to the new rulers, the Lenin decided not to get into negotiations but set on military solutions. After the victory for the Reds, there was a new constellation: the peasants now stood against the Bolsheviks taking their grain by force. The disappointment and the brutal grain requisition led them to start the war against the Bolsheviks. Teodor Shanin, Viktor Danilov and Viktor Kondrashin showed that the peasants acted quite independently before, the war from 1918 to 1921 was rather a war of the Bolsheviks against the peasants. The peasants fought against the brutal confiscation of their grain, but it was no war against Bolshevik power. Unlike all peasants uprising before, brutal violence from 1918 onwards was from both sides primarily directed against persons.

The Bolsheviks misused the prodrazverstka to punish "counterrevolutionary" peasants, especially those who had fallen for a time under the rule of the Whites. After they reconquered the territory they required the double amount of grain from them, suspecting them to hoard large amounts of grain. Danilov, Shanin and Kondrashin, as well as Western historians came to the same conclusion: the request of grain delivery in the Volga and in Siberia was much too high, sometimes even by administrative mistakes claiming twice the already too high amount[12].

Lenin and the other Bolsheviks rejected in early 1920 the proposal to replace the *prodrazverstka* by a tax in kind. They thus were at least partly responsible for the severe consequences of the famine of 1921—1922, hurting especially the possibilities for further agricultural production in the Volga area in the 1920s. Keeping to the concept of War Communism for another year after the end of the civil war, they hindered a recovery to start. They also were responsible for the ongoing of the severe military fights between rebellious peasants the red army, reaching the peak only in 1920.

8. The peasants wish to become citizens with equal rights

What the peasants expectated from the Bolsheviks was quite moderate: to get equal rights in the new state as the workers, including the right to form their own organizations to express their demands: a peasant union against workers' unions tolerated by the state. The denial of this became evident in the 1927 October manifesto — giving privileges to all participants of the revolution, apart from the middle peasants — an insult, causing a harsh reaction of disappointment with the peasants. The Bolsheviks refused to recognize the peasant's contribution to their victory, looking on them as unreliable people.

In the long view, the Bolsheviks never granted the peasants the right to make their own production decisions, with the outcome, that grain yields stayed extremely low in international comparison. The failure to raise agricultural production should exist to the end of Communist reign at the turn to the 1990s, becoming especially evident from the strong increase of the yields and animal productivity starting finally in 2005[13].

9. Litsom k derevne

As a result of their political failure, Lenin and the Bolsheviks had to revise their agricultural conception in order not to lose power: They could not start rebuilding the country and feeding the people without compromising with the peasants. It took Lenin until 1921 to replace the *prodrazverstka* by a tax in kind, accepted by the peasants. Not only Lenin had to revise his assault on the peasants by introducing a tax in kind. After the famine of 1932—1933 had made evident the failure of regulating agriculture only by mass violence, Stalin as well had react with turning in the end of 1932 to the "kolkhoz system", basing on a tax in kind on grain, milk, meat and potatoes. The turn of policy was no concession to the peasants: as in 1932 it was the awareness that without a radical change in the attitude towards the peasants the revolution would have come to an end by mass starvation.

The policy of "*Licom k derevne*" was the outcome of this policy turn, formulated already after Lenin's death. It would have been feasible in the long turn as strategy to peacefully building up communism. This agricultural reform took up basic elements of the Stolypin reform, heading to solve the real economic problem of the countryside, the lack of productive occupations. It won the trust of the peasants. But the controversy among the Bolshevik leaders went on. They were more concerned to fight their internal adversaries then constructing a healthy basis of food production for the new state. Already in 1926, the "*Litsom k derevne*" was cancelled. With returning to use brutal force against the peasants and starting of forced collectivization, Stalin fi-

nally decided on the fate of the October revolution, building up his terrorist dictatorship. He not only denied the peasants equal rights, but turned them in 1932 by the internal passport legislation into forced laborers with the only privilege to work in their home village.

[1] Stephan Merl, Bauernprotest in Sowjetrussland zwischen 1917 und 1941, in: 1999. Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20—21. Jahrhunderts 8 (1993), pp. 11—36, p. 11; Stephan Merl, Traditionalistische Widersetzlichkeit oder politische Programmatik? Russlands Bauern im Kräftefeld von Agrarreform und revolutionärer Mobilisierung (1856—1941), in: Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie 65 (2017), Heft 2, pp. 73—94.

[2] As long as five rural only had to fed one urban household, intensification had little perspective.

[3] Merl, Widersetzlichkeit; Walter Sperling, Der Aufbruch der Provinz. Die Eisenbahn und die Neuordnung der Räume im Zarenreich, Frankfurt/M. 2011.

[4] Franziska Schedewie, Selbstverwaltung und sozialer Wandel in der russischen Provinz. Bauern und Zemstvo in Voronez, 1864—1914, Heidelberg 2006.

[5] Merl, Widersetzlichkeit, p. 76; Merl, Bauernprotest, pp. 12—15. Cf. here as well references to Dietrich Beyrau, Agrarstruktur und Bauernprotest, and to Peter Kolchin, Unfree Labor: American slavery and Russian serfdom.

[6] Merl, Bauernprotest, S. 14.

[7] Merl, Widersetzlichkeit; Franziska Schedewie, Sozialer Protest und Revolution im Landwirtschaftlichen Zentrum Rußland: die Bauernaufstände im Kreis Ostrogozsk, 1905—1907, in: Heinz-Dietrich Löwe (ed.), Volksaufstände in Rußland. Von der Zeit der Wirren bis zur „Grünen Revolution“ gegen die Sowjetherrschaft, Wiesbaden 2006, pp. 453—496.

[8] Abraham Ascher, The revolution of 1905. Vol. 1: Russia in disarray, Stanford 1988.

[9] John Channon, The Bolsheviks and the peasantry: the land question during the first eight months of Soviet rule, in: Slavonic and East European Review 66 (1988), pp. 593—624; John Channon, The peasantry in the revolutions of 1917, in: Edith Rogovin Frankel/Jonathan Frankel/Baruch Knei-Paz (eds.), Revolution in Russia: Reassessments of 1917, Cambridge et. al. 1992, pp. 105—130; Orlando Figes, Peasant Russia, civil war: The Volga countryside in revolution (1917—1921), Oxford 1989.

[10] Christian Krebs, Die weltanschaulichen und wirtschaftstheoretischen Grundlagen der Agrartheorie im Marxismus-Leninismus, Berlin 1983; Stephan Merl, Stalins Irrweg der Kollektivierung. Destruktive Kräfte und Lähmung der Initiative, in: Osteuropa 66 (2016), Heft 8—10, pp. 55—80.

[11] Stephan Merl, Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich, Göttingen 2012.

[12] For references cf. Merl, Widersetzlichkeit.

[13] Stephan Merl, Kak udalos‘ Stalinu vosprepjastvovat‘ „zelenoj revol’yutsii“ v Rossii? K voprosu o tormozhenii agrarno-technicheskogo progressa (1927—1941), in: Krest’yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost’. Uchenye Zapiski 2015, Vyp. 10, Moscow 2015, pp. 88—147.

C. Scheide

What gave the revolutions 1917 to female workers and peasant women? Visions, challenges, and changes for the society

Introduction

100 years ago radical revolutions took place in Russia. They had an impact for Russia itself, Europe, its citizens and history: The revolutions can be interpreted as an event with global meaning till today. To remember the centenary in 2017 is not about celebrating the revolution, but asking critically what are long lasting consequences of the changes and how do we perceive today the events after 100 years.

Quite obvious interpretations and the commemoration changed in the last decades. For a long time Soviet historiography dominated, marginalizing developments before 1917. Even though the Soviet experiment ended with the breakdown of the Soviet Union in December 1991 the meaning of the revolutionary events cannot be neglected for further developments in European and global history. In my essay about gender history I like to focus on three points: first I look on the revolutionary plans, concepts and political demands, which began already in the late tsarist empire. In the second part the question is about continuities especially concerning a gender hierarchy in Soviet society. And in the third part I discuss moments of change, or — other way round — missed chances.

From today's perspective gender relations in Russian society seem very stable on the first look, as spheres of woman and man in society are clearly defined. Even though Soviet and post-Soviet women were highly responsible for stability of families, child care or the living standard a clear cut gender hierarchy with a male dominance never changed significantly. I argue that one reason for this might be that a patriarchal system was never critically discussed. Instead this traditional gender system was reproduced by each generation even if circumstances in society and politics changed[1].

Women's liberation and emancipation movements in the late tsarist Empire

Demands for reforms started before the revolutions, since the reign of Alexander II. The so called women question was part of broad discussion about reforms, starting in the 1860s. A first women's movement was formed by Anna Filosofova (1837—1912), Nadezhda Stasova (1822—?) and Maria Trubnikova (1835—1897). University courses were opened for women and some female pioneers entered new roles and spaces in society. Changes are visible not only for elites but due to the ongoing industrialization also for lower classes. The new enterprises offered working places for former peasants. As a consequence life in the villages changed. The *muzhik* went to the urban centers to get proletarized, some women followed him as wife or as female worker. In the countryside the women replaced their husbands if these worked in the cities. The developing bourgeoisie offered new opportunities for men and women, such as medical services, journalism, teaching etc. At least since 1905 the society in the late tsarist Empire got more politicized. Different voices from the women's movements asked for liberal reforms and the right to vote. In 1906 Finland was the first country which allowed women to vote. If we see in February 1917 demonstrating women in Petrograd we cannot talk of spontaneous strikes or riots, as is often described in history textbooks. Rochelle Ruthchild argues in her study about the fight for equal rights between 1905 and 1917 that a social movement and a consciousness for equal rights developed in these years and was the reason for the protesting female workers in1917. If we see that there were hopes for radical changes in 1917 which led to the October revolution this argument of Ruthchild is convincing. In July 1917 women got the right to vote in Russia. Without organizations such as *Russkoe zhenskoe vzaimnoblagotvoritel'noe obshchestvo* (1895—1917), *Soju zravnopravija zhenshchin* (1905—1908), *Sojuz zhenshchin* (1907—1909) or *Liga ravnopravija zhenshchin* (1907—1917) and discussions from socialist feminists like Aleksandra Kollontai or others the plans and changes for women after 1917 might not have been possible[2].

Revolutionary ideas — Radical plans and demands

The earlydecrees of the bolsheviksrelied on the idea to abolish inequality and build a better society[3]. We need to go back to the contemporary texts to understand the utopian aspect and motivation of early bolsheviks. In 1918 the well known measures such as formal equality of man and woman, legalizing divorce and abortions, a new marriage law, protection of mother and child and equal pay were implemented. But beside the new legal framework the

main question how to implement the new ideas in society and how to finance the enthusiasticplans of public childcareremained a political and financialproblem. It was the resistance of women who did not accept that childcare and household duties were organized by society alone. Also the newand easier way to get married or divorced faced many protests from woman in the 1920s, as they had disadvantages such as fathers who did not pay any aliments for their children. In marxist theory each member of society should have participated in it by productive work. Typical female duties as child care and housekeeping were not regarded as productive, as valuable, which hit women and their social standing hard.

Before a retreat from revolutionary ideas in the late 1920s due to financial problems, changing politics and resistance from women we find for the time of the NEP interesting, vivid and controversial discussions about the *byt*[4]. Namely the members of the newly found *zhenotdel* published agitational articles in women magazines such as *Rabotnica* or *Krestianka*. Activists tried to mobilize women for the party, delegation meetings, trade unions or soviets[5]. Many posters from this time promise a better future for women with education, work and a liberation from marriage and family. The title of my paper follows a poster with the same name.

Public knowledge about hygiene, sexuality, politics, culture and education was widespread. The *zhenotdel* was closed in 1930 as the women question was officially declared to be solved. The section for women was regarded as inefficent, competitive to other party organizations and problematic. The amount of women in the bolshevik party — which was in the early years about 13 per cent was not rising, but other way round.

From liberation to restoration at the end of the NEP

The revolution and the newlycreatedequality for all members of society did affect manylives. Women or discriminatedethnicitiessuch as Jewshadaccess to all educational, professioal or politicalopportunities as long as theyfollowed the socialistpath. What did change for women with the first five year plan? We do not know much about the long lasting Soviet institution OMM (*Ochrana materinstva i mladenchestvo*) and its influence[6], but I suppose that it improved very practical the live of Soviet women. In the 1920s there was a negative stereotyping of women as backward, or too bourgeois, whereas with the beginning of the 1930s it was no longer a problem to look for nice dresses, make up, a clean private household or a well organized family. Traditional values were restored as ideals. In the same time women were recruited in large numbers for the industrialization and the so called double burden was installed without a critical comment. On many levels gender hierarchies got visible, either due to the new cult of the male hero(starting with the movement of the *stakhanovites* and the pilots), the celebration of motherhood or feminitiy, or the responsibility of the wife for the well being of the whole family. We know the *dvizhenie zhen obshchestvennic* from the 1930s, a symbol for a changed and more traditional understanding of feminitity. The question about fatherhood and male roles as educators of theirchildrenwas not discussedinstead, a continuity in Soviet society. Politics and key positions of power wereconnotated as male, the per cent of women in the communist party did not grow.Wefindnearly no women in key positions of the Soviet Union after the time of Inessa Armand, Aleksandra Kollontai or Nadezhda Krupskaia in the first half of the 1920s.

Hegemonicmasculinity and female subordination: Continuities

Soviet society did change especiallysince the 1960s due to modernization. Women and men entered new roles but in generalagenderhierarchywith a male hegemony and a female subordination remained stable. In 2001 the russian scientists Elena Zdravomyslova and Anna Temkina published an important article about the crisis of masculinity in the 1960s[7]. It is

a profound, highly discussed theoretical approach to gender questions in the Soviet context. Whatdid the authorsmean by the crisis of masculinity?

As women in the Soviet Union were emancipated, mothers and workers as well, the role of men as fatherswas marginal, not to saysuperfluousfrom an economic point of view. The gender discourse mentions the masculinization of women and at the same time the feminization of men. Such developments were discussed as a transnational phenomenom and attribute of modernity in industrialized societies.

The role of men in families was weak, in society as well, as there were no liberal, democratic rights like political or economic participation. The concrete crisis was empirical as men died earlier, had more health problems and often drank too much.

Here masculinity is defined in relation to women and feminitiy (the working mother as independent versus the superfluous male breadwinner). It continues after the break of 1991 but still the acceptance of a male hegemony was persistend. If we look to Soviet history and culture there are other forms of masculinity which are very obvious. Even though gender studies did focus mostly on women in the last years we see a developing new research field of masculinity studies[8].

During the early revolutionary period we see the strong fighter, a soldier, a young fighter for the proletarian avantgarde — in contrast tothe "backward" *baba* or housewife, or decadend NEP-man. The ideal of the *new man,* a new Soviet citizen, was propagated. This model could have been male or female but we know the debates about the new woman at the same time. Again a gender division gets visible with women as otherthan "normal" or special. A new generation with a political consciousness should be educated by Komsomol membership and collective work. In someauto-biographies of the generations born after revolution we see the influence of the new ideals, the try to "speakbolshevik" and the way to write about oneself with self censorhsip[9]. I already mentioned earlier the cult of heroes which was part of mobilization technics for society and workforce. Especially the cult of heroes connected to pilots was fascinating for the young generation of the 1930s, as it was connected to the fascinating flights in new spaces.

The new role models were again mostly men, even though we know three famous women pilots like Marina Raskova, Valentina Grisodubova and Osipenko and others. All were characterized as strong, patriotic, fulfilling their social duties and being without any defect. The women pilots were for sure role models for young soviet girls, inspired by the motto: conquering new spaces and roles. Women in male roles were not a critique of concepts of feminitiy, but an enlargement of duties and practices. Especiallyduringwar time, when there served approximately 1 Mio women in the Red Army, this is significant.

We can ask why the war experience did not change a traditional gender hierarchy. Women had to replace men in the workforce, served in Red Army units, not only in the rear services but also as combattants. After the victory in May 1945 they were all demobilized and a career in the Soviet military was not possible or foreseen. The female active participation in the war years was an exception — not a normality. Right after the war a traditional gender order was rebuild with a male hegemony. Marriage and family were valuable norms and as there was a lack of men and of husbands even "weak" or damaged men were attractive as partners to marry.

The cult of heroes was continued in the cult of the soldier who was male — not female. Women during wartime were shown as mothers blessing their sons as soldiers, or as nurses, helping the fighting men or women at the homefront, filling the gap in the workforce. Asking individuals about their notion for gender transgression we can find that for example fighting women wished to be feminine not only during wartime but also afterwards. The female pilots showed themselves mostly as mothers in the after war period, being proud having found a spouse even they had the stigma of masculinization[10].

The hero in the war cult was embodied by young, strong, healthy man — an ideal type, concealing the many wounded and traumatized former soldiers. A generation later, not only a new generation of women criticized conventional gender roles (like the female heroes in films of Larisa Shepitko). Also the so called dissidents or *stilyagi* looked for new forms of masculinities.

Soviet society modernized in the 1960s at least in cities. The quickly upcoming pop culture created anti heroes and new male role models, like the bards, hippies, the Beatles or nasty young men[11]. Hereagain male images werehegemonic, pop culture ismore connotated to male attribues instead of new genderroles for women. In late Soviet Union with a slighttake off for capitalisticstrcutures the business man and criminalwas one developingform of masculinity.

To analyze a gender system weneed not only to look on women or feminitiy but have to discuss about masculinities as well. This was not a category of thinking for early bolsheviks or later on in Soviet society. We see continuities such as the value of the family, the connotation of childcare and housekeeping as female duties, a paternalistic, male political sphere, the absence of men as fathers in a social context (but in paternalistic manners in politics), inferiority of female employment and wages and missing discussions about sexuality or discrimination towards women. In the constitution of 1936 women and men were declared as equal, the dictum of the succesful women's emancipation since the 1930s was fixed and no point for more discussions. Debates in the elites like the dissidents in the 1960s, small groups of women activists in the 1970s or during the perestroika years had interesting and important ideas. But it was marginal and not attractive for a braider audience. Even we see in the late Soviet period new feminist groups with political ambitions no political demands developed from this civil activists or could get part of political movements[12]. Feminism was discredited by the Soviet emancipation experience which created a double burden for women and regarded it as a western concept. And we need to know more about large parts of society beyond the elites.

I come back to my opening question: what gave the revolution to women workers and peasant women? I argue that revolutionary ideas are still modern and part of european debates about the question how to combine motherhood or parenthood and paid work, or private relations of men and women. Rereading debates of socialist feminism which were not always conform with the party line can give today ideas for societal debates to understand gender hierarchies and systems.

1 Kosterina, Irina: The situation of women in Russia — An introduction. URL: https://www.gwi-boell.de/en/2011/02/16/situation-women-russia-introduction (дата обращения: 7.10.2017).

2 Ruthchild, Rochelle Goldberg: Equality & Revolution. Women's Rights in the Russian Empire, 1905—1917. Pittsburgh 2010; Pietrow-Ennker, Bianka: Russlands "neue Menschen". Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Frankfurt/M., NY 1999 (russ. version: "Novyeljudi" Rossii: razvitie zhenskogo dvizhenija ot istokov do Oktjabr'skoj revoljucii, Moskva 2005); Clements, Barbara Evans: A history of women in Russia: from earliest times to the present, Bloomington, Ind. 2012; Pushkareva, Natal'ja L'vovna: Russkaja zhenshchina: istorija i sovremennost': dva veka izuchenija "zhenskoj temy" russkoj i zarubezhnoj naukoj 1800—2000: materialy k bibliografii, Moskva 2002.

3 Goldman, Wendy Zeva, Women, the State and Revolution: Soviet family policy and social life, 1917—1936, Cambridge: University Press 1993.

4 Scheide, Carmen: Kinder, Küche, Kommunismus: das Wechselverhältnis zwischen sowjetischem Frauenalltag und Frauenpolitik von 1921 bis 1930 am Beispiel Moskauer Arbeiterinnen, Zürich 2002.

5 Scheide, Carmen, ',Born in October': The Life and Thought of Aleksandra Vasil'evnaArtiukhina, 1889—1969', in Melanie Ilic (ed.), Women in the Stalin Era, Houndmills 2001, pp. 9—28.

6 Konius, EsfirMironovna: Putirazvitijasovetskojochranymaterinstvaimladenchestva, 1917—1940, M. 1954.

7 Temkina, Anna/Elena Zdravomylsova: Die Krise der Männlichkeit im Alltagsdiskurs. Wandel der Geschlechterordnung in Rußland in: Berliner Debatte Initial 12, 2001, Nr. 4, S. 78—90.

8 Clements, Barbara Evans (Ed.): Russian masculinities in history and culture, Basingstoke 2002.

9 See f.e.: Hellbeck, Jochen: Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts. In: The Russian Review 60 (2001) 340—359; Rudneva, Evgenija: Poka stuchit serdce. Dnevniki I pis'ma Geroja Sovetskogo Sojuza Evgenii Rudnevoj. 3-e izdanie, dopolnenoe, M. 1995; Geroini. Ocherki o zhenshchinach — gerojach Sovetskogo sojuza. Vypusk 2, M. 1969; Rebrova, Irina, Russian Women about the

War. A Gender-Analysis of Ego-Documents, in Maren Röger, Ruth Leiserowitz (ed.), Women and Men at War: a Gender Perspective on World War II and its Aftermath in Central and Eastern Europe, Stuttgart 2012, pp. 263—280.

[10] Rakobol'skaja, Irina/Natal'ja Kravcova: Nas nazvali nochnymi ved'mami. Tak voeval zhenskij 46-j gvardejskij polk nochnych bombardirovshchikov. 2-oe izdanie, dopolnennoe, M. 2005; Scheide, Carmen: 'Unremittingly master warfare': Women in the Red Army. In: The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union. Ed. by. Melanie Ilic. Houndmills 2017. (forthcoming).

[11] Müller, Elena V.: Von Memmen und Machos. Das Männerbild in der spät- und postsowjetischen populären Kultur, in: Scholz, Sylka, Weertje Willms (Hg.): Postsozialistische Männlichkeiten in einer globalisierten Welt, Berlin 2008, S. 103—118.

[12] Voronina, Ol'ga — Klimenkova, Tat'jana: Gender i kul'tura. In: Zhenshchiny i social'najapolitika (gendernyjaspekt). M. 1992, 10—22.

В.Б. Аксенов

«Революционный психоз»: Массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917 г.

Радикальные изменения повседневной жизни человека, политической системы общества влияют на психологическое состояние индивида и социума в целом. В одних случаях они вызывают т.н. «позитивные» эмоции (радость, восторг, удовольствие и пр.), в других — «негативные» (страх, уныние, ненависть и пр.), однако вне зависимости от их типа «эмоциональный перегрев» и затягивание приводят к стрессам и невротическим расстройствам. Психологии известно, что дистресс и эустресс в указанных случаях в равной степени вредны человеку[1]. Однако перед тем, как нанести непоправимый вред здоровью индивида, они нередко определяют формы его поведения, оборачиваясь социальными девиациями, в которых ведущую роль начинает играть неуправляемое, стихийное насилие[2].

Термин «революционный психоз» был употреблен профессором-психиатром, товарищем председателя Петроградского общества психиатров П.Я. Розенбахом в мае 1917 г. при описании пациентов, обратившихся к нему за помощью вскоре после февральских событий. Розенбах обратил внимание, что «когда началась революция, во все дома душевнобольных стало поступать небывало большое количество психических больных», и счел обоснованным выделение психических расстройств, вызванных революцией, в отдельную группу, на основе общих признаков: быстрое развитие и склонность к быстрому угасанию, бред и галлюцинации, находившиеся в тесной зависимости с происходившими событиями, страх или воинственность[3].

Следует сказать, что термин не получил развития в научной литературе, хотя имел хождение среди обывателей, кроме того, в ряде случаев было уместнее говорить не о психозе (далеко не у всех напуганных революцией происходили изменения личности), а неврозе, однако увеличение поступлений душевнобольных в клиники Петрограда весной 1917 г. в количестве, значительно превышающим прежние годы, было им отмечено верно.

В 1917 г. не только врачи-специалисты обращали внимание на психологические изменения в российском обществе. О массовой эйфории, доходившей чуть ли не до коллективного умопомешательства, писали многие современники, правда, в ряде

случаев соответствующая терминология использовалась в качестве метафор, однако некоторые авторы признавались в том, что действительно приобрели невротические расстройства. Так, на здоровье известного российского философа Н.О. Лосского повлияли обе революции: 1905-го и 1917-го года. Лосский вспоминал, что день подписания царского манифеста 17 октября 1905 г. вызвал в среде его знакомых «радостное волнение», а когда на следующий день он узнал, что историк Е.В. Тарле был ранен конным жандармом на митинге у Технологического института, то «пришел в состояние крайнего возбуждения, которое закончилось сердечным припадком, чрезвычайно ускоренным сердцебиением и тягостным чувством близости смерти»[4]. С тех пор подобные невротические припадки у Лосского стали повторяться регулярно, раз или два в месяц, как правило, по ночам. Крайние формы возбуждения в день дарования гражданских свобод были отмечены другим современником события — И.Е. Репиным, изобразившим на своей картине в ликующей толпе безумных персонажей с вытаращенными глазами. В.В. Розанов, описывавший революцию 1905 г. в психиатрической терминологии, оставил в 1913 г. собственные субъективные впечатления от картины: «Несут на плечах маньяка, с сумасшедшим выражением лица и потерявшего шапку... Лицо его не ясно в мысли, как именно у сумасшедшего, и видны только “глаза в одну точку”... Репин, не замечая сам того, нарисовал “масленицу русской революции”, карнавал ее, полный безумия, цветов и блаженства»[5].

Неудивительно, что в специализированных журналах периода Первой революции врачи начинают обсуждение проблемы влияния общественно-политических событий на душевное здоровье населения[6]. Причем, в отличие от Розанова, революция часто рассматривается не как следствие психической патологии, а, наоборот, как ее причина, вызванная политикой власти. Прошедший в сентябре 1905 г. в Киеве II Съезд отечественных психиатров в своей резолюции признал наличие социально-политического фактора в этиологии нервно-психических заболеваний и призвал устранить «административно-полицейский произвол», приводящий к росту душевных расстройств[7].

Что касается Лосского, то психоневроз мучил его вплоть до весны 1917 г., когда «сильное впечатление, произведенное на меня началом этой революции, и чувство ужаса перед нею... как будто излечили меня от моего психоневроза»[8]. Тем самым очередной пережитый стресс вернул состояние философа в здоровое русло (временно), но не на всех современников революция оказала позитивное воздействие.

Таким образом, субъективные ощущения обывателей о неблагоприятном влиянии революции на психическое здоровье подтверждаются наблюдениями психиатров. Однако нужно заметить, что помимо революции был еще один серьезный источник для переживаний — война. Хотя в 1917 г. Розенбах отмечал, что начало Первой мировой войны в меньшей степени сказалось на психическом состоянии общества, чем революция 1917 г., это, конечно, не означало отсутствия воздействия вообще. Да и начало Первой мировой войны практически сразу вызвало серьезную обеспокоенность врачей. Уже в сентябре 1914 г. В.М. Бехтерев, описывая линию фронта как гигантский сумасшедший дом, предложил начать срочную эвакуацию душевнобольных для их лечения в городских больницах в тылу[9]. В декабре 1914 г. Бехтерев попытался подвести итоги психической динамики российского общества в статье «Психические заболевания и война». В ней автор связал рост душевных расстройств как с травмами головы, полученными солдатами на фронте, так и нервным перенапряжением в прифронтовой зоне[10]. Такие же неутешительные картины рисовал в своих исследованиях и П.Я. Розенбах, причем отмечал, что если до войны всевозможные формы истерии были характерны преимущественно для женского пола, то в период войны они начали захваты-

Рис. 1. **Поступления душевнобольных в клиники Петрограда и их смертность**
Подсчитано по: «Еженедельник Статистического отделения Петроградской городской управы» за 1914—1917 гг.

вать и мужчин[11]. В действительности доставалось не только мужчинам-солдатам, но и женщинам-санитаркам: «Чистые, молодые, жизнерадостные уезжали девушки из дому, а через год это были бледные, нервные женщины», — вспоминала сестра милосердия Х.Д. Семина[12]. От регулярных приступов и перепадов настроений страдали молодые женщины-врачи в тыловых клиниках[13].

Однако изучение поступлений душевнобольных в городские больницы Петрограда и Москвы летом — осенью 1914 г. (что можно рассматривать в качестве своеобразной «лакмусовой бумажки» психологической атмосферы общества) не позволяет говорить о резком росте психических расстройств, вызванных войной[14]. Наоборот, за 1914 г. число поступивших в петроградские клиники душевнобольных сократилось на 11,3% по сравнению с 1913 г. При этом сокращение в большей степени произошло за счет мужчин (14,3%), чем за счет женщин (4,2%). Данный спад объясняется в первую очередь мобилизацией мужчин на фронт — основных клиентов петроградских психиатрических клиник, притом с 1915 г. начинается рост поступлений женщин в психиатрические лечебницы. Одновременно с этим на протяжении всей мировой войны неуклонно росла смертность душевнобольных[15]: в Петрограде в 1914 г. ее рост по сравнению с предыдущим годом составил 6,7%, в 1915 г. — 15%, 1916 г. — 22% (*рис. 1*).

Обращает на себя внимание кривая поступлений душевнобольных в петроградские клиники за год: если за предвоенный 1913 г. в полиномиальной линии тренда не наблюдается значительных колебаний (разница между максимальными и минимальными значениями не превышает 5 единиц), то в 1915 и 1916 гг. можно видеть большую амплитуду колебаний (до 15 единиц), связанную с усилившимся воздействием на обывателей внешних раздражителей *(рис. 2)*. Так, в 1916 г. наибольшее количество поступлений душевнобольных мужчин приходится на период «Брусиловского прорыва». Нельзя забывать и об экономическом кризисе, меняющейся повседневности: падении качества питания, увеличении физических нагрузок (в первую очередь

Рис. 2. **Полиномиальные линии трендов для поступлений мужчин за 1913 и 1916 гг.**

Подсчитано по: «Еженедельник Статистического отделения Петроградской городской управы» за 1914—1917 гг.

на женщин), ухудшении коммунальных условий — все это становилось значимыми факторами стрессов.

Вместе с тем анализ отдельных случаев умопомешательства позволяет выявить их особенности, связанные с внутриполитической ситуацией в стране. На психическое состояние общества воздействовали не только события на фронтах Первой мировой, но и пропагандистская кампания, проводившаяся властями. Самым распространенным симптомом психозов являлась навязчивая идея о шпионах. Шпиономания достигла размеров настоящей эпидемии. В особый отдел Департамента полиции приходили сотни писем от бдительных граждан, в которых рассказывалось о деятельности «темных сил», но в большинстве случаев после опроса заявителя выяснялось, что он страдает душевным расстройством. В Департаменте отмечали, что «ярый патриотизм» являлся симптомом душевного расстройства[16]. Тем не менее, полиция обязана была реагировать и устанавливать наружное наблюдение за подозрительными лицами. Известны случаи, когда участвовавшие в слежке за «шпионами» полицейские сами приобретали манию преследования и увольнялись со службы, уезжали в другие города, а потом начинали жаловаться на якобы установленное за ними наблюдение[17]. На развивавшиеся мании преследования у официальных лиц обращали внимание многие современники: «Жаль беднягу. Он очень порядочный, честный человек, и вот, — свихнулся!» — писал военный врач о знакомом следователе, у которого появилась *idée fixe*, что его хотят повесить за шпионаж[18]. В частной переписке, доносах в Охранное отделение обыватели жаловались, что соседи-шпионы устраивают тайные сходки и «ночные оргии с употреблением немецкого языка», а одна знакомая Л.А. Тихомирова набросилась с кухонным ножом на своего кота, решив, что он немецкий агент, посланный ее убить[19]. Один из сумасшедших — эстонский учитель Р.М. Сальман (примечательно, что душевное расстройство он приобрел в декабре 1905 г., в чем можно усмотреть некоторую связь психологической ситуации периода Первой мировой войны с временем Первой революции), — распространял в 1915 —1916 гг. слухи об изобретении в Германии машины для шпионов, которая с помощью рентгеновского луча передавала сообщения на большие расстояния, считывала мысли человека и могла даже убивать[20]. Многие были склонны этому верить.

Правда, патриотическая пропаганда приводила и к случаям «позитивного умопомешательства»: активное тиражирование визуальной продукции с портретами

молодых княжон в образах сестер милосердия, в специфических условиях военного времени, провоцировала нездоровый интерес к ним со стороны мужского населения, часто оборачивавшегося перверсиями. Одним из невинных примеров стала история 39-летнего врача Никанора Руткевича, который заочно влюбился в Ольгу Николаевну, вообразил, что его любовь взаимна, и на протяжении января — февраля 1915 г. забрасывал княжну любовными телеграммами непристойного содержания, иногда по нескольку в день. Несмотря на то, что его дважды вызывали в Охранное отделение и уговаривали не беспокоить Ольгу Николаевну, Руткевич не унимался, и в результате по распоряжению градоначальника был выдворен из Петрограда[21]. Новые стратегии саморепрезентации верховной власти в конце концов породили в кругах малообразованных подданных уверенность в том, что великие княжны вместе с Александрой Федоровной легкодоступны для раненых и предаются разврату в лазаретах[22].

Крушение традиционных ценностей, разочарование в верховной власти приводило к тому, что многие слухи формировали эсхатологические настроения. Грань между риторикой больных и здоровых людей начинала стираться. Тем не менее чаще всего именно первые писали письма на имя Девы Марии, Агнца-Спасителя, отправляя их, как правило, в Зимний дворец[23]. В это же время появляются люди, выдававшие себя за новых царей[24].

К 1917 г. в обществе уже сложился определенный психологический климат, способствовавший развитию неврозов. Ситуацию усугублял информационный кризис, выражавшийся в господстве слухов. «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи», — говорилось 5 января 1917 г. в докладе Охранного отделения[25]. Слухи вызывали предчувствия чего-то ужасного, еще более нервировавшие обстановку. Вероятно острее других реагировали на изменившуюся атмосферу представители художественной интеллигенции[26]. И.Я. Билибин в эти дни сильно запил[27], другие пребывали в состоянии тревоги: «Произойти что-нибудь должно — больно много накопилось какого-то электричества», — записал 20 февраля в дневнике А.Н. Бенуа[28]. Во время начавшихся беспорядков многие современники теряли сон. Бенуа жаловался, что стал рано просыпаться и был раздражительным по отношению к своим домашним, на плохой сон жаловался в дневнике и М.М. Пришвин[29]. З.Н. Гиппиус в ночь на 1 марта долго не могла уснуть и вела дневник, периодически прерывая записи молитвами к Богу, задаваясь вопросом, что будет дальше[30]. Тем не менее, образование Временного правительства, отречение Николая II внесли в сердца людей некоторую надежду и успокоение. Источники личного происхождения рисуют картину всеобщего праздника и воодушевления, не случайно март месяц вошел в историю в качестве «медового месяца революции».

Правда, в это же время другая часть россиян переживала совершенно иные чувства: в среде бывших чинов полиции передавали жуткие слухи о том, как революционеры надвое разрывали городовых, привязав за ноги к двум автомобилям, убивали их семьи, включая грудных младенцев[31]. Эти рассказы свидетельствовали о психологической травме, изменившей восприятие реальности. У тех, кто смог пережить февральские дни, развивалась паранойя. Розенбах описал случай одного своего пациента, бывшего жандармского офицера, которого привела жена: «Он мечется в страхе, слышит, как прислуга сговаривается его убить. Врач пугает его. Он передает свои опасения жене, которая убеждает его, что ему нечего опасаться. Он успокаивается, но следующая слуховая галлюцинация приводит его в прежнее состояние»[32].

Однако и в лагере «революционеров» развивались фобии. В марте на дверях квартир некоторых петроградцев появились белые кресты, вызвавшие панику в сто-

лице. Кое-кто пытался их систематизировать, отмечая, что перед квартирами офицеров по два креста, а евреев по одному. Пришвин 15 марта сокрушался по этому поводу: «Радость отсутствует в населении, потому что не освободились от страха: знаки на дверях человек неизвестный поставил — и во всем доме переполох»[33]. Другая развившаяся массовая фобия — страх перед таинственными черными автомобилями, якобы разъезжавшими по ночам и из пулеметов расстреливавших граждан[34]. Однако не только скрытые страхи становились причинами неврозов петроградцев, принявших революцию, — переживаемые эмоции радости и восторга вводили их в состояние эустресса.

Начавшаяся революция, подарив обществу надежды на возрождение России, вызвала сильнейший патриотический подъем, не уступавший по эмоциональному накалу июлю — августу 1914 г. Многие мероприятия устраивались по уже отработанным схемам: демонстрации, митинги-концерты, театрализованные представления. Особый ажиотаж вызывали концерты, на которых выступали новые герои революции, а среди последних наибольшей популярностью пользовался А.Ф. Керенский. Талантливый оратор, он умело манипулировал зрителями, выбрав для себя сценический образ актера-неврастеника, предполагавший истерические пассажи, драматические паузы, полуобморочное состояние, то есть, все то, что соответствовало особенностям психологической атмосферы в социуме[35]. Ученица К.С. Станиславского и жена А.Я. Таирова актриса А.Г. Коонен вспоминала одно из собраний: «И выступление Керенского, и атмосфера в зале производили впечатление какого-то истерического театрального представления. Керенский показался мне похожим на актера-неврастеника (амплуа, еще не вышедшее из моды), который самозабвенно играл роль вождя, увлекающего за собой толпу. Дамы, слушая его, хватались за голову, рыдали, срывали с рук кольца и браслеты и бросали их на сцену»[36]. Причем в экстаз впадали не только экзальтированные дамы, но и офицеры — георгиевские кавалеры, некоторые падали в обморок. Примечательно, что современники, обращавшие внимание на тревожные симптомы массовой психологии, пытались смотреть на них оптимистически, противопоставляя современный им эустресс прошлому дистрессу: «Если раньше мы были свидетелями глубоко отрицательного, охватившего все слои населения, массового шовинистического психоза... то теперь мы присутствуем тоже при массовом психозе, быть может, тоже недолговечном, но глубоко отрадном по своему направлению и внутреннему содержанию. С его помощью мы можем сделать огромный шаг вперед», — писал молодой военный врач Ф.О. Краузе 3 апреля 1917 г.[37]

Учитывая, что подавляющее большинство петроградцев приняло революцию, можно предположить, что рост душевных расстройств прежде всего пришелся на их число и, тем самым, был вызван в первую очередь эустрессом. Динамика поступлений душевнобольных в клиники Петрограда за 1917 г. показывает, что в марте случился двукратный рост сумасшествий по сравнению с аналогичным периодом за все годы войны *(рис. 3)*. Пик поступлений пришелся на период с 5 по 15 марта. В среднем в марте 1917 г. 75 человек еженедельно поступали в психиатрические лечебницы, в то время как для февраля 1917 г. среднее еженедельное число поступлений составляло 48 человек. Причем лидерство семнадцатый год захватил по сравнению с предшествующими годами мировой войны лишь со второй половины февраля (и сохранял вплоть до середины июня).

Примечательно, что в феврале пик душевных расстройств среди мужчин пришелся на неделю с 13 по 19 февраля, а пик обращений женщин — с 20 по 26 февраля, то есть непосредственно на период начала революции *(рис. 4)*. Также развивая тему

Рис. 3. **Сравнительный график поступлений душевнобольных в городские клиники Петрограда за февраль — июнь 1914—1917 гг.**

Подсчитано по: «Еженедельник Статистического отделения Петроградской городской управы» за 1914—1917 гг.

гендерных особенностей, стоит заметить, что рост числа женщин, обратившихся за психиатрической помощью, может объясняться не только актуальными событиями 1917 г., но и всей эпохой декаданса, сделавшей неврастению модным и почти обязательным состоянием экзальтированных дам-декаденток. Вместе с тем усматривать в женских неврозах и психозах исключительно дань моде не следует, в 1917 г. многие мужья жаловались на повысившуюся нервозность своих жен. Так, Б.В. Никольский писал о развившейся в мае 1917 г. тяжелой формы неврастении у его супруги, что потребовало профессионального лечения[38]. Тем не менее, именно мужская половина петроградцев определяла динамику психических заболеваний, в которой вслед за отмеченным мартовским пиком и подъемом мая — июня, ставшими рекордными за все время войны, последовал спад в августе — октябре. Уровень поступлений душевнобольных в этот период 1917 г. упал ниже, чем в предшествовавшие годы: за август — октябрь 1917 г. еженедельный приток душевнобольных составлял 25,6 человек, в 1916 г. — 28,7, 1915 г. — 26,2. Вероятно это объясняется исключительным эмоциональным перегревом весеннего периода, предопределившим последующий эмоциональный спад. В мартовские дни, особенно до 7-го числа, пока не начали ходить трамваи, современники отмечали повышенную уличную активность толпы, стихийно возникавшие митинги, на которых порой выступали весьма экстравагантные персоны, напоминавшие буйно помешанных, но с постепенным возвращением жизни в привычное русло количество «буйных» на улицах городов снижалось. Газеты начали писать о таком феномене, как «тихое помешательство», отмечая в качестве его симптомов неадекватное поведение на улице (человек как будто что-то ищет, но не может найти, ходит без всякой цели с исключительно подавленным видом), бессвязную речь, неожиданные обращения к прохожим и т.д. Внимание журналистов эти факты привлекли еще в конце мая: «На улицах Петрограда за последнее время появилось много помешанных. Эти несчастные помешались под влиянием последних событий. Они бродят по улицам и никого не трогают, у них, главным образом, тихое помешательство»[39].

Рис. 4. **Поступление душевнобольных в городские клиники Петрограда и их смертность в 1917 г.**

Подсчитано по: «Еженедельник Статистического отделения Петроградской городской управы» за 1914—1917 гг.

Тем не менее спад поступлений психически больных «компенсировался» ростом их смертей. На неделю с 6 по 13 августа пришелся пик смертности душевнобольных за весь 1917 г. — 50 человек. При этом с августа по середину октября в городских больницах Петрограда в среднем умирал 31 душевнобольной, что составило 68,6% от поступивших за это время больных в психиатрические клиники, при среднем еженедельном числе смертей за аналогичный период 1916 г. в 19,4 человек, 1915 г. — 17,5, 1914 г. — 18,9, 1913 г. — 12,3. Таким образом, 1917 г. по этому показателю превзошел довоенный 1913 г. в два с половиной раза, а предыдущий 1916 г. — в полтора.

С середины октября начинается новый рост поступлений душевнобольных мужчин после августовско-сентябрьского спада. Его можно связать с очередной волной тревожных известий: здесь и страх захвата столицы немцами, и ожидание выступления большевиков. Однако при этом стоит упомянуть сезонность октябрьского подъема, характерного и для предыдущих лет. К сожалению, октябрьский переворот, приведший к саботажу со стороны муниципальных властей, организаций, не сохранил статистические данные по движению душевнобольных в петроградских клиниках за ноябрь — декабрь 1917 г., но по косвенным свидетельствам, дневникам и воспоминаниям современников можно констатировать отсутствие сильных массовых эмоций, сопоставимых с переживаниями марта. Наоборот, захват власти большевиками снял с части горожан тревогу ожидания. «Пучина, наконец-то, разверзлась», — не без облегчения констатировал П.А. Сорокин[40]. Вместе с тем начавшаяся латентная стадия Гражданской войны породила новые поводы для ухудшения нервно-психологической ситуации в российском обществе.

Таким образом, не только глобальные события, как Первая мировая война, революция, влияли на психическое состояние обывателей, но и частные процессы и явления, становившиеся их спутниками: патриотическая пропаганда и слухи, экономический и социально-политический кризисы и т.д. Революция 1917 года вызвала

эмоциональное перенапряжение обывателей, одних — встретивших ее с восторгом, других — со страхом. Тем не менее пережитый обывателями эустресс в целом негативно отразился на психологическом состоянии российского общества. И хотя вслед за всплеском душевных заболеваний весны 1917 г. осенью наступил спад, начавшийся одновременно с ним рост смертности (самоубийств) душевнобольных стал отголоском эмоционального «перегрева» периода «медового месяца» революции, совпав с очередным витком октябрьского политического кризиса.

1 В медицине, физиологии, психологии встречаются разные определения дистресса и эустресса. В одном случае эустресс рассматривается как мобилизующее организм напряжение, в то время как дистресс — напряжение, нарушающее работу различных систем организма; в другом случае имеется в виду эмоциональная природа: эустресс вызывается положительными, а дистресс — отрицательными эмоциями. В настоящей статье я буду придерживаться второго подхода.

2 См.: *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

3 Биржевые ведомости. 1917. 18 мая. Веч. вып.

4 *Лосский Н.О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. Минск, 2012. С. 118.

5 *Розанов В.В.* О картине И.Е. Репина «17-е октября» // Новое время. 1913. № 13290.

6 См.: *Рыбаков Ф.Е.* Душевные расстройства в связи с современными политическими событиями // Русский врач. 1905. № 51; 1906. № 3; № 8; *Скляр Н.И.* О влиянии текущих политических событий на душевные заболевания // Там же. 1906. № 8; № 15; *Павловская Л.С.* Два случая душевного заболевания под влиянием общественных событий. СПб., 1906. Отд. отт. из журн. «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии», 1906, июнь.

7 Труды Второго Съезда отечественных психиатров, происходившего в Киеве с 4 по 11 сентября 1905 года. Киев, 1907. С. 503.

8 *Лосский Н.О.* Указ. соч. С. 118.

9 Московский листок. 1914. 20 сент.

10 Биржевые ведомости. 1914. 15 дек. Веч. вып.

11 См.: *Розенбах П.Я.* Современная война и истерия. Пг., 1915. Отд. отт. из журн. «Вестник Царскосельского района», № 8, 1915 г.

12 *Семина Х.Д.* Записки сестры милосердия. Кавказский фронт, 1914—1918. М., 2016. С. 48.

13 *Краузе Ф.* Письма с Первой мировой (1914—1917). СПб., 2017. С. 223.

14 В настоящей статье приводятся данные только по городским больницам (Николая Чудотворца, Св. Пантелеймона, Охтинские богадельни), то есть состоявшим на балансе города, без учета частных клиник, отделений при военных госпиталях и академий. Тем не менее в январе 1912 г. на городские больницы приходилось 73,8% всех коек в Петрограде, предназначенных для психических пациентов.

15 Следует отметить, что в представлявшихся больницами городским управам отчетах под смертностью душевнобольных скрывались разные причины: это и самоубийства, и смерти в результате эпилептических припадков, от алкогольных психозов и, вероятно, врачебных ошибок. Учитывая специфику динамики смертности, ее зависимость от внешних факторов, а также нехватку персонала в городских больницах (см.: *Юдин Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии. М., 1951. С. 283—285), можно предположить, что в большинстве случаев речь шла именно о самоубийствах. Однако врачи и родственники покойных предпочитали не употреблять в документах этот термин, дабы не лишать покойного обряда отпевания. В любом случае динамика смертности связана с ухудшением самочувствия душевнобольных и тем самым подлежит учету при исследовании психического состояния общества.

16 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д. 33. Т. 4. Л. 318 об.

17 Там же. Т. 3. Л. 129—129 об.

18 *Краузе Ф.* Указ. соч. С. 335.

19 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 71; Оп. 245. Д. 33. Т. 4. Л. 13; *Тихомиров Л.А.* Дневник Л.А.Тихомирова, 1915—1917. М., 2008. С. 164.

20 ГА РФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д. 33. Т. 6. Л. 54—55.

21 Там же. Т. 1. Л. 41—220.

22 Более подробно см: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

23 ГА РФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д. 33. Т. 5. Л. 78, 239 б.—240 б. об.

24 Там же. Оп. 246. 1916. Д. 33. Л. 119—120.

25 Там же. Ф. 111. Оп. 5. 1917. Д. 669 а. Л. 2.

26 Об особенностях восприятия художественной интеллигенцией революции 1917 г. см.: *Аксенов В.Б.* 1917 год в художественном восприятии современников // Отечественная история. 2002. № 1. С. 96—101.

[27] *Бенуа А.Н.* Мой дневник, 1916—1917—1918. М., 2003. С. 105.
[28] Там же. С. 107.
[29] Там же. С. 116; *Пришвин М.М.* Дневники, 1914—1917. СПб., 2007. С. 377.
[30] *Гиппиус З.Н.* Синяя книга: петербургский дневник, 1914—1918. Белград, 1929. С. 88—89.
[31] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 68; *Врангель Н.Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 355.
[32] Биржевые ведомости. 1917. 18 мая. Веч. вып.
[33] *Пришвин М.М.* Указ. соч. С. 387.
[34] Более подробно см.: *Аксенов В.Б.* «Черное авто» как символ революционного насилия в 1917 г: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 112—141.
[35] Более подробно об образе Керенского см.: *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 г.). М., 2017.
[36] *Коонен А.Г.* Страницы жизни. 2-е изд. М., 1985. С. 233.
[37] *Краузе Ф.* Указ. соч. С. 391.
[38] *Никольский Б.В.* Дневник, 1896—1918. СПб., 2015. Т. 2: 1904—1918. С. 287.
[39] Биржевые ведомости. 1917. 30 мая. Веч. вып.
[40] *Сорокин П.* Дальняя дорога: автобиография. М., 1992. С. 99.

А.Н. Егоров

Общественно-политические настроения в российской провинции накануне революционных потрясений 1917 г. (по материалам Вологодской губернии)

Великая российская революция относится к тем событиям, дискуссии о которых будут вестись до тех пор, пока существует историческая наука. Большинство российских и зарубежных историков оценивают Февральскую революцию как закономерную, вытекающую из коренных противоречий, присущих царской России. В то же время в последние годы набирают силу сторонники консервативного подхода, полагающие, что объективных причин для свержения монархии не было, а революция произошла вследствие сочетания ряда случайных причин, вызванных временными военными трудностями и деструктивной деятельностью масонов, либералов и других противников существующего строя. Предпринимаются попытки возложить на Государственную думу ответственность за дестабилизацию положения в стране накануне Февральской революции. Для адекватного понимания причин революции необходимо изучить общественно-политические настроения населения Российской империи накануне революционных потрясений. Применительно к Вологодской губернии, за исключение отдельных аспектов, такая работа еще не проводилась.

В начале XX в. Вологодская губерния являлась рядовой провинцией с преимущественно крестьянским населением. На территории края не было больших городов, крупных заводов и фабрик, высших учебных заведений. Первая российская революция прошла в губернии относительно спокойно. Определенный политический колорит краю придавала лишь политическая ссылка, стоявшая на втором месте в империи после Восточно-Сибирской. В нашем распоряжении имеются донесения жандармских и полицейских чинов о ситуации на местах, которые, в совокупности

с материалами местной прессы, позволяют проследить общественно-политические настроения населения накануне Февральской революции.

Реакция населения Вологодской губернии на начало Первой мировой войны ничем не отличалась от других регионов страны — повсеместно наблюдался патриотический подъем; во многих донесениях полицейские чины характеризуют настроения населения как «повышенно-патриотические». Некоторые историки считают искусственными попытки выделить этапы формирования протестных настроений — все военные годы были проявления патриотизма, ропота и недовольства. Соглашаясь с этим положением, мы все же считаем, что определенная динамика изменений общественных настроений заметна в донесениях жандармов и полиции. Например, с осени 1915 г. выражение «патриотические настроения» сменяется выражением «спокойное отношение населения к войне». Начинает проявляться усталость от войны и стремление к скорому, но победному для России миру. Как писал Кадниковский уездный исправник, отношение крестьян и рабочих к войне за прошедший год «как будто нисколько не изменилось... поворота к миру не замечается, но, видимо, желательно всем скорое окончание войны»[1]. С начала 1916 г. вологодские жандармы констатируют, что крестьяне и рабочие «ждут мира с нетерпением».

Антивоенные настроения фиксируются в жандармских донесениях с весны 1915 г. Так, крестьянин одной из деревень «ругал Государя Императора и говорил, что не нужно солдатам ходить на войну», другой «порицал распоряжения Государя, и говорил, что не надо бы воевать»[2]. Довольно часто проявления антивоенных настроений стали сопровождаться резкими высказываниями в адрес Николая II и императрицы. В январе 1916 г. крестьянин А. Абрамовский говорил, что «воевать не нужно; что не для кого воевать и некого защищать; причем позволил себе, заочно оскорбить царствующего Государя Императора, с целью возбудить неуважение к его особе обозвал его “Колькой” и обругал площадной бранью»[3].

По воспоминаниям вологодского крестьянина Д.М. Силинского, работавшего в 1916—1917 гг. писцом волостного правления, недовольство войной стало открыто проявляться с 1916 г., особенно в женской среде. В годы войны солдатские жены получали от государства пособие на нетрудоспособных членов семьи, но оно не имело большого значения из-за постоянно растущих цен. Нередки были случаи, когда «солдатки и старики, лишенные кормильцев, приходили к волостному старшине с требованиями принять меры к возврату их мужей и сыновей с фронта». Кроме того, в деревню массово прибывали с фронта искалеченные солдаты, которые «не по-газетному» рассказывали о положении и настроениях на фронте и в госпиталях: «и уже не боялись солдатки говорить открыто, что война мужикам не нужна». Антивоенные разговоры происходили на сельских сходах и в разговорах крестьян друг с другом, доставляя «немало хлопот полицейскому уряднику». Но прекратить такие разговоры среди крестьян он уже «не имел возможности»[4].

Заметным явлением военного времени стали антинемецкие настроения, которые проявлялись по отношению к военнопленным и лицам немецкой национальности. Причины их роста заключались в представлениях о немецком экономическом засилье, зарубежном вредительстве, в правительственной пропаганде, формировавшей у народа образ врага, а также в поступавших с фронта сведениях о бесчеловечных методах ведения войны Германией. По данным Сольвычегодского уездного исправника, отношение населения к немцам враждебное и «озлобленность к ним все прогрессирует», поскольку «почти не имеется таких лиц, у которых не были бы мобилизованы близкие, родные и озлобление более обостряется по прибытии в селения раненных воинов, в особенности разрывными пулями»[5].

Помощник начальника Вологодского губернского жандармского управления (ВГЖУ) докладывал о неприязненном и враждебном отношении населения к находящимся на государственной службе и занимающим видные должности лицам немецкого происхождения, которым приписывались все неудачи на фронте[6]. До войны германские подданные владели в Вологодской губернии рядом торговых и промышленных заведений. После начала войны владельцы этих заведений благоразумно принимали русское подданство, против чего высказывались вологжане, предлагавшие забрать эти предприятия в пользу казны. Повсеместным явлением стали требования увольнения лиц немецкой национальности с занимаемых должностей и распространение слухов о них, как о потенциальных шпионах. Антинемецкие настроения охватили широкие слои населения. Кадниковский уездный исправник отмечал: «я нередко слышал рассуждения крестьян о том, что если бы торговля спиртными напитками не была прекращена, то они с немцами поступили бы так, что их внутри России очень мало бы осталось»[7].

Отступление русской армии 1915 г. привело к эвакуации значительного числа евреев из черты оседлости в различные регионы страны, что вызвало определенный рост антисемитизма. В Вологодской губернии до войны антисемитских настроений почти не наблюдалось, поскольку евреев был очень мало. В 1915 г. евреи-беженцы начинают появляться в губернии, к чему в большинстве случаев население отнеслось без каких-либо предрассудков. В то же время в тех городах, где евреев стало заметно больше, наблюдался рост антисемитизма. Грязовецкий уездный исправник сообщал: «Общее настроение населения к евреям не благожелательное, при собрании сведений на предмет размещения беженцев в уезде, приходилось выслушивать просьбы “не присылайте к нам только евреев”»[8]. Причины антисемитских настроений жандармы видели в уклонении евреев от службы в армии, необоснованном повышении цен на продукты первой необходимости еврейскими торговцами и усилении влияния евреев в провинциальных городах.

Один из важнейших вопросов — насколько велико было влияние политических партий на назревание революционного кризиса в годы войны. Организованных ячеек революционных партий в Вологодской губернии не было, но отдельные представители РСДРП и ПСР и лица, им сочувствующие, имелись. Опорой вологодских социал-демократов являлось общество «Просвещение» — культурно-просветительская организация, объединявшая более 200 человек, по преимуществу рабочих разных профессий. Сторонники эсеров группировались вокруг Вологодского общества сельского хозяйства, сыгравшего большую роль в развитии кооперативного движения в крае. По сведениям жандармов, «легальными собраниями названных обществ агитаторы пользуются для насаждения своих верований»[9], но в 1915 г. они еще не усматривали в деятельности представителей революционных партий большой опасности. В 1916 г. ситуация стала меняться, началась активизация деятельности социал-демократов среди рабочих. В январе 1916 г. вологодские рабочие организовали социал-демократическую группу, которая установила связи с социал-демократической фракцией Государственной думы и рабочей группой ЦВПК. Настроения в рабочей среде стали вызывать опасения жандармов: «центральное правительство и представители административной власти рабочим безусловного доверия не внушают, они и население возбуждены против торговцев за их мародерство и винят правительство за неприятие против них и вообще дороговизны надлежащих мер»[10].

В годы войны власти с тревогой наблюдали за ростом влияния различных общественных организаций Вологодской губернии (кредитные товарищества, потребительские и кооперативные союзы, культурные, просветительские и сельскохозяйственные общества). Исследователи неоднократно подчеркивали значение легальных организаций, в том числе и кооперативов, для пропаганды социалистиче-

ских партий. Не являлась исключением и Вологодская губерния. Так, значительным событием общественной жизни стал Областной кооперативный съезд от 8 северных губерний в конце августа 1915 г., организованный Вологодским обществом сельского хозяйства. В организационное бюро съезда, возглавляемое известным эсером С.С. Масловым, входили близкие социалистическим партиям лица, а большинство депутатов, по наблюдениям жандармов, относилось к «левому направлению». Председателем съезда стал видный либерал, член ЦК партии кадетов, князь Д.И. Шаховской, сыгравший в годы войны огромную роль в развитии кооперативного движения. В ходе работы съезда вице-губернатор не раз прерывал выступления левых депутатов, выносил им предостережения за попытки ставить политические вопросы. Когда в конце работы съезда Шаховской зачитал общеполитическую резолюцию, содержавшую требования свободы союзов, всеобщего избирательного права, ответственности министерства и т.п., вице-губернатор объявил съезд закрытым. Местная пресса отмечала, что съезд прошел с «громадным подъемом», а многие крестьяне впервые увидели и осознали всю важность и значение организации[11]. В сентябре 1915 г. на заседании ЦК кадетской партии Д.И. Шаховской, говоря о настроениях в Вологодской губернии, констатировал «громадный рост чувства ответственности каждого за общегосударственные дела и сознания необходимости вложится в него, но, наряду с этим, и чрезвычайную осторожность попыток вложится в открытую борьбу». Поэтому в провинции «нельзя ждать серьезных волнений и беспорядков»[12].

Проблемы военного времени привели к активизации рабочего класса. В Вологде наибольшей сплоченностью и организованностью отличались рабочие железнодорожных мастерских. В мае 1915 г. они обратились в городскую думу с требованием включить их представителей в городскую продовольственную комиссию, поскольку, по их мнению, «наша городская дума можно сказать ничего не сделала... удовлетворяет не нужды потребителей, а интересы торговцев... Заработки остались прежними, а жизнь подорожала и дорожает. Жить рабочему населению становится невозможно»[13]. Как гласные городской думы, так и власти увидели в этом не только экономические требования, но и политический контекст. Тем не менее, гласные согласились включить представителей рабочих в городскую продовольственную комиссию.

В марте 1916 г. вологодские рабочие решили направить в социал-демократическую фракцию Государственной думы петицию о неприятии городской управой и губернской администрацией надлежащих мер против возрастающей дороговизны. Одновременно рабочие выбрали делегацию к губернатору для вручения заявления «об устранении от продовольственных вопросов уполномоченного по г. Вологде» и об «осмотре чинами полиции, в присутствии представителей от рабочих, складов местных купцов-торговцев, придерживающих муку ради наживы на ней»[14]. Так в рабочей среде возникали основы самоорганизации, вылившейся в 1917 г. в систему Советов.

Военные трудности привели к надеждам народа на серьезные перемены после войны. По наблюдениям Вельского уездного исправника уже осенью 1915 г. крестьяне полагали, что им «своевременно увеличат земельный надел на душу до установленной нормы и что это произойдет по высочайшему повелению после окончания войны». В донесении помощника начальника ВГЖУ в октябре 1916 г. сказано, что «во всех слоях населения сложилось убеждение, что, так как война приняла характер народной, то народ, по окончании ее, будет вправе требовать от правительства осуществления его вожделений»[15].

Огромное влияние на общественные настроения оказывал рост цен на все продукты и товары первой необходимости. Недовольство населения дороговизной отмечает-

ся в подавляющем большинстве донесений жандармов и полиции своему руководству, а неспособность властей остановить рост цен вызывала естественные антиправительственные настроения. В декабре 1915 г. помощник начальника ВГЖУ докладывал: «Ввиду возрастающей дороговизны жизни на продукты первой необходимости, население к каким-либо мерам правительства против дороговизны стало относиться с недоверием, а к торговцам, повышающим цены на эти продукты, — с озлоблением». В октябре 1916 г. он же писал: «Среди бедноты, даже чиновной, особенно служащих в почтово-телеграфных конторах, раздаются голоса, что лучше идти на преступление, чем видеть голодающую семью». Начальник ВГЖУ сообщал в Департамент полиции о повсеместном «ропоте населения, что правительство не принимает мер против дороговизны»[16].

Недовольство ростом цен привело к резкому взлету ненависти к купцам и предпринимателям. По сообщению Вельского уездного исправника, крестьяне в дороговизне винят «местных купцов, которые, пользуясь случаем, на все товары набавляют цены»[17]. В докладе в Департамент полиции начальник ВГЖУ констатировал: «Среди крестьян есть слухи, что когда кончится война, то они будут воевать с купцами, так как одной из причин возрастающей дороговизны они считают их»[18]. В 1917 г. эти настроения использовала большевистская пропаганда, обвинявшая во всех бедах страны буржуазию, купцов и помещиков.

В годы войны по требованию МВД жандармские и полицейские чины регулярно сообщали сведения об отношении населения к работам Государственной думы. В октябре 1915 г. некоторые уездные исправники Вологодской губернии зафиксировали появление определенного интереса к работе Думы среди крестьян и рабочих. Из Вельска даже сообщали: «К работам Государственной думы последнего созыва население относится доброжелательно и доверчиво»[19]. Однако в большинстве уездов ситуация не менялась по сравнению с довоенной — отношение к парламенту оставалось безразличным. В октябре 1915 г. помощник начальника ВГЖУ докладывал своему начальнику: «Более сознательная часть крестьян, весьма незначительная, верит в продуктивность работы Государственной думы, остальная же большая часть — относится безразлично». Суммируя все данные по губернии, начальник ВГЖУ в донесении в Департамент полиции от 26 октября 1915 г. писал: «к работам Думы крестьяне относятся безразлично, среди же интеллигенции и сознательных рабочих замечается поворот в сторону доверия к депутатам, речи их, особенно представителей оппозиции, читаются с живым интересом»[20]. Однако жандармы не фиксировали какую-либо взаимосвязь протестных настроений с деятельностью парламента, что не подтверждает версию о серьезной роли Государственной думы в «раскачивании лодки» накануне Февральской революции. Как показывают документы, местное население гораздо больше волновала дороговизна и другие проблемы военного времени, а не деятельность малопонятной большинству обывателей Думы. Конечно, в годы Первой мировой войны интерес к деятельности Думы возрос, часть населения возлагала на нее надежды по выходу страны из кризисного положения. Но этот очевидно проявившийся интерес нельзя рассматривать как существенный фактор падения Российской монархии. Разумеется, данное наблюдение относится только к положению в провинции — в Петрограде и крупнейших городах ситуация была иной.

В октябре 1916 г. в жандармских донесениях появляются по-настоящему тревожные нотки. В обзоре политического положения в губернии осенью 1916 г. начальник ВГЖУ отмечал, что среди населения «замечается некоторое утомление, выражающиеся в ропоте отдельных лиц на призыв последних работников — ратников старших возрастов, на ежедневно растущую дороговизну», а ропот на дороговизну «переходит

в ненависть к торговцам, беззастенчиво грабящим покупателей». Городской обыватель «пока бессильно опускает руки, но терпение его не беспредельно». Реквизиции зерновых продуктов производятся, по мнению крестьян, «неравномерно, несоответственно достатку, и в связи с недоборами в этом году хлеба вызывают опасение за благополучное осеменение полей предстоящей весной». В итоге, «неурегулированность продовольственного вопроса, кажущаяся обывателю несправедливость в деле снабжения продуктами и пристрастность к купцам и землевладельцам не могут укрепить нарождавшегося с начала войны доверия к начальству; в виду сказанного, бесцеремонной критики газет и частой смены представителей высшей власти, население относится к правительству пессимистически, а к членам его, носящим немецкие фамилии, — прямо враждебно, к местным же исполнителям распоряжений центра, в виду их бессилия, — равнодушно». Большую тревогу начальника ВГЖУ вызывали приезжающие с фронта воинские чины и частные лица, распускающие слухи о том, что войска недовольны правительством, и по окончании войны с врагом, начнут войну с тылом. «Вопросы земельный и продовольственный, — заключал он, — настолько близки обывателю, что всякая сплетня на этот счет ловится на лету и идея революции обсуждается, как нечто неизбежное, если не будут приняты экстренные меры к устранению продовольственного кризиса»[21].

С конца 1916 г. появляются случаи открытого невыполнения распоряжений властей. Так, в Утмановской волости Никольского уезда на волостном сходе, собранном для распределения среди крестьян овса, необходимого для армии, крестьяне заявили, что «овса у них нет и приговор об этом они дать не желают»[22]. В Яренском уезде крестьяне отказались сдавать деньги на военный заем. По данным жандармского наблюдения крестьяне все чаще собирались в волостных правлениях, читали газеты, обсуждали ситуацию на фронте и в стране, негативно высказывались о деятельности правительства.

Таким образом, общественно-политические настроения в Вологодской губернии в годы Первой мировой войны претерпели глубокие изменения. Патриотический подъем первых месяцев войны уже с конца 1915 г. стал сменяться психологической и физической усталостью от тягот войны и нарушения привычного уклада хозяйственной жизни. Ярко проявившиеся антинемецкие и в меньшей степени антисемитские настроения говорили о нарастании социальной напряженности. Рост дороговизны и дефицита продуктов питания и товаров первой необходимости в совокупности с неспособностью центральной и местной властей решить эту проблему толкали население на путь самоорганизации и борьбы. Накануне Февральской революции в широких народных массах росло ощущение того, что виновником всех бед и неудач является царский режим. Участились антивоенные высказывания, часто раздавалась резкая критика в адрес царя и правительства, появились случаи открытого невыполнения распоряжений властей. Вопреки утверждениям ряда историков, либералы, масоны и немецкие агенты никакого отношения к этому процессу не имели. Анализ общественно-политических настроений населения Вологодской губернии подтверждает закономерный характер Февральской революции, во многом вызванной неспособностью власти решить важнейшие проблемы жизни страны. Трудно не согласится с начальником ВГЖУ, писавшем в октябре 1916 г. о том, что «идея революции обсуждается, как нечто неизбежное».

1 Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 24.
2 Там же. Д. 5872. Л. 72, 79.
3 Там же. Д. 6002. Л. 62.
4 *Силинский Д.М.* Сквозь времени туман: воспоминания о далекой юности // У Спаса на погосте: история северной деревни / сост. А.В. Быков. Вологда, 2002. С. 85—86.
5 ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 22.

6 Там же. Л. 6 об.
7 Там же. Л. 24 об.
8 Там же. Л. 32 об.
9 Там же. Л. 17.
10 Там же. Оп. 5. Д. 130. Л. 79 об.
11 Вологодский листок. 1915. 1 сент.
12 Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1998. Т. 3. С. 165.
13 Вологодский листок. 1915. 31 мая.
14 ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 130. Л. 12.
15 Там же. Оп. 1. Д. 5864. Л. 17 об., 35.
16 Там же. Л. 7, 17 об., 53.
17 Там же. Л. 35 об.
18 Там же. Л. 139.
19 Там же. Л. 35 об.
20 Там же. Л. 7, 16.
21 Там же. Л. 272 об.
22 Там же. Д. 6040. Л. 29 об.

В.Н. Суряев

Февральская революция 1917 года в восприятии русского офицерства

Революция поставила офицерство в непростое положение: в то время, как бóльшая часть населения с открытым сердцем приветствовала смену власти, офицеры, в отличие от других граждан, оказались перед моральной проблемой. Прежде всего, потому, что они принимали присягу, в которой содержалось клятвенное обещание «...Государю императору Николаю Александровичу... верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови...»[1].

Как писал генерал А.И. Деникин, многим современникам казался удивительным и непонятным тот факт, что «крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек»; сообщение о революции было ошеломляющим, но «...войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно»[2].

Генерал от инфантерии М.В. Алексеев, некоторое время исполнявший обязанности Верховного Главнокомандующего, в середине марта 1917 г. представил на имя председателя совета министров Г.Е. Львова специальную записку, в которой доложил, «какое впечатление произвел переход к новому государственному строю» в армии и на флоте. В документе, опиравшемся на сводки сообщений главнокомандующих фронтами и командующих флотами, при характеристике положения в войсках рефреном также звучало слово «спокойно»[3].

Иными словами, активных действий по защите монархии офицерством предпринято не было. Все свелось к тому, что командир гвардейского кавалерийского корпуса генерал от кавалерии Г. Хан Нахичеванский и командир 3-го конного корпуса генерал от кавалерии Ф.А. Келлер послали Николаю II телеграммы, в которой выразили готовность защитить императора. Кроме того, была сделана неудачная попытка направить отряд во главе с генералом от артиллерии Н.И. Ивановым в Царское Село, где находилась императорская семья[4].

Не может не возникнуть вопрос: почему офицерство не встало на защиту монархии и монарха. Представляется, что ответ на него заключается в действии нескольких факторов, лежавших в различных плоскостях тогдашней социально-политической жизни, но одновременно диалектически взаимосвязанных между собой.

Во-первых, офицерству, в какой бы то ни было форме, возбранялось участие в общественно-политической жизни. В этой связи необходимо упомянуть приказы по военному ведомству от 19 декабря 1905 г. № 804 и от 8 октября 1906 г. № 626[5]. Под угрозой увольнения и привлечения к уголовной ответственности офицерам запрещалось принимать участие в любой политической деятельности. Они не только не могли «входить в состав и принимать участие, в каких бы то ни было союзах, группах, организациях, товариществах, партиях и т.п.», но и присутствовать на «сходках и манифестациях, какого бы они рода ни были»[6].

Более того, жестко проводившаяся линия по обеспечению аполитичности армии предусматривала запрет даже на публичное выражение симпатий к любым политическим силам, в том числе, поддерживавшим монархию. Например, в конце 1906 г. в газетах появились сообщения о посылке командирами некоторых казачьих полков приветственных телеграмм в адрес «съезда русских людей, имевшего место в октябре 1906 года в Киеве». В этой ситуации военный министр объявил, что ввиду соответствующих «...приказов... проводящих безусловный принцип внепартийности армии... таковые выражения сочувствия, хотя бы и правым политическим партиям, не должны быть допускаемы»[7]. В 1913 г. вышел новый приказ по военному ведомству, напоминавший о приказе № 804 от 1905 г. и требовавший его неуклонного исполнения[8].

Таким образом, офицерство в приказном порядке удерживалось в стороне от социально-политических событий. В результате сложился стереотип поведения офицеров, определявший их отстраненность от любых вопросов, связанных с «политикой».

Во-вторых, выступлению консервативно настроенной части офицерства в защиту монархии помешала «видимая легальность обоих актов отречения»[9] — как императора Николая II, так и его брата Михаила Александровича.

Акты широко публиковались в печати, причем в акте отречения Михаила Александровича содержался призыв подчиняться новой власти: «...прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному Правительству... впредь до того, как... Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа»[10].

В наши дни некоторые исследователи утверждают, что документ об отречении, подписанный 2 марта, является искусной подделкой, другие — что он нелегитимен[11]. Однако в 1917 г. сообщение об отречении императора, печатавшееся в газетах и журналах, вряд ли вызывало сомнения. Тем более, что армия получила прямой приказ повиноваться новой власти. Назначенный 2 марта 1917 г. Верховным Главнокомандующим Великий Князь Николай Николаевич в своем приказе отметил: «Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог нам даст победу»[12]. Сам Николай II в прощальном обращении к Русской армии, датированном 8 марта, писал: «...защищайте... нашу Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников»[13].

В-третьих, отсутствие активных выступлений со стороны офицеров обусловливалось позицией высшего генералитета, который сам способствовал смене государственного строя. Один из современных российских исследователей подчеркивает, что важную роль в Февральской революции 1917 года сыграли не только лидеры думской оппозиции, но и высший генералитет[14]. Другой историк указывает, что позиция

руководства Ставки, а также командующих фронтами и их штабов представляет собой одну из главных причин успеха Февральской революции[15].

Их мнение созвучно с мнением современников тех событий. Так, офицер контрразведки, писавший под псевдонимом М. де Ноблемонт, считал начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала М.В. Алексеева «главным лицом революции». Он писал, что известно о его «...полнейшей инертности, в трагические дни бунта в Петрограде и до самого отречения Государя, несовместимой с положением, им занимаемым...», а также о переговорах М.В. Алексеева с деятелями из Государственной Думы и «высокопоставленными заговорщиками» из окружения императора. По мнению М. де Ноблемонта, беспорядки, поначалу имевшие место лишь в столице, можно было пресечь, если бы М.В. Алексеев выполнил свой долг: арестовал заговорщиков из Думы, «разогнал дезертиров», лиц, уклонявшихся от мобилизации, и «...какое-то число бастующих, распропагандированных шпионами, рабочих»[16].

Аналогично рассуждал один из непосредственных свидетелей тех событий, генерал-майор Д.Н. Дубенский, состоявший в свите императора в качестве официального историографа. После разговора Николая II с главнокомандующим армиями Северного фронта генералом Н.В. Рузским он написал, что «...не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот»[17].

Подобной точки зрения придерживался и П.Н. Врангель. В своих мемуарах он писал: «Я глубоко убежден, что ежели бы с первых часов смуты ставка и все командующие фронтами были бы тверды и единодушны, отрешившись от личных интересов, развал фронта, разложение армии и анархию в тылу можно было бы еще остановить»[18].

Позиция генералитета не могла не оказать влияния на ту часть офицерства, которая, при других обстоятельствах, могла бы предпринять те или иные действия в защиту монархии. Обладавшие властью и служебным авторитетом у подчиненных офицеров, эти высокопоставленные военачальники своим решением оказали на них серьезное морально-психологическое воздействие.

В-четвертых, за годы мировой войны настроения офицерского корпуса претерпели значительную трансформацию. Действовавшая система государственной власти была в значительной мере дискредитирована в глазах общества в целом, и офицерства, в том числе. «Своего рода естественной пропагандой служило неустройство тыла и дикая вакханалия хищений, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костях и крови фронта», — писал А.И. Деникин[19].

В докладе Петроградского охранного отделения особому отделу Департамента полиции в октябре 1916 г. отмечалось, что недовольство населения превышало уровень 1905 г. При этом подчеркивалось, что недовольство проводимой в стране политикой высказывали даже те, кто ранее «...никогда и ничем не выражали своего недовольства» (например, отдельные круги даже гвардейского офицерства)[20].

Немалую роль в дискредитации высшей власти в глазах офицерства сыграл Г. Распутин. Отношение офицерства к этому человеку может охарактеризовать ситуация, описанная протопресвитером русской армии и флота (главой российского военного духовенства) о. Г. Шавельским. В мае 1916 г. на освящении знамен одной из пехотных дивизий 4-й армии присутствовали командующий армией генерал от инфантерии А.Ф. Рагоза, командир корпуса генерал от инфантерии А.А. Гернгросс, начальники всех трех дивизий корпуса и большое количество офицеров из всех частей. После торжества, на общем завтраке, где присутствовали сотни людей, А. Гернгросс громко за-

явил, что согласился бы 6 месяцев отсидеть в Петропавловской крепости, если бы ему позволили выдрать Распутина. В ответ раздался хохот сотен офицеров. Г. Шавельский отметил, что если воспитанный в традициях верности императору старый боевой генерал решился на такую выходку в отношении близкого царю человека, и офицеры хохотали, и ни одного возражения не было, «...не значило ли это, что... звучали не только ненависть и презрение к Распутину, но и грозное предостережение Государю?»[21].

Падению авторитета власти способствовали циркулировавшие в самых различных слоях общества слухи об императрице Александре Федоровне. В числе прочего, утверждалось, что Александра Федоровна «давит» на Николая II, который, под влиянием жены отклонял все разумные преобразования в политической сфере и назначал на высшие должности ее протеже (они же — протеже Распутина). Крупный царский сановник, член Государственного совета В.И. Гурко, в своей книге, посвященной характеристике царствовавшей четы, писал, что подобные слухи были небеспочвенны. Он указывал, что Александра Федоровна «...с присущей ей страстной настойчивостью и даже нетерпимостью... требовала от своего мужа увольнения или назначения того или иного лица, принятия той или иной меры»[22].

Председатель Государственной думы М.В. Родзянко отмечал, что в годы Первой мировой войны в обществе усилились слухи о желании императрицы «...отстранить государя от руководства внутренними делами, чтобы во время его нахождения в Ставке распоряжаться в тылу самой»[23].

В этой связи один из современных исследователей отмечает: «Пожалуй, ничто другое так не подрывало авторитет власти, как эти слухи об императрице. Даже идейные монархисты под их влиянием превращались в оппозиционеров»[24].

Брат Николая II Михаил Александрович в январе 1917 г. заявлял, что вся царская семья «...сознает, насколько вредна Александра Федоровна», и что необходимо «устранение императрицы от всякого вмешательства в дела... так как борьба с ней при несчастном безволии царя совершенно бесплодна»[25].

Современник и очевидец событий тех лет генерал-лейтенант Н.Н. Головин так характеризовал отношение офицерства к власти накануне революции: «...доверие к бывшему царскому правительству было окончательно подорвано и внутреннее единство традиционной формулы “за Веру, Царя и Отечество” было разрушено. Царь противопоставлялся Отечеству. Слухи об измене императрицы Александры Федоровны, о грязной роли Распутина, хотя и ложные, сыграли особенно разлагающую роль»[26].

Кроме того, с началом мировой войны молва стала обвинять царицу в шпионаже в пользу Германии. В начале 1917 г. в докладе военной цензуры констатировалось, что офицеры многие беды в стране приписывают влиянию «немецкой партии», и многие из них относятся к царице враждебно, считая ее «активной германофилкой»[27].

Слухи об измене императрицы были распространены не только среди простонародья, им верили многие представители политической элиты. Так, «А.Ф. Керенский ориентировал Чрезвычайную следственную комиссию, созданную Временным правительством, на поиск доказательств преступных связей Романовых с Германией. Н.К. Муравьев, председатель этой комиссии, был искренне убежден в том, что... царица давала кайзеру сведения о русских войсках»[28]. О подобных подозрениях в отношении императрицы заявлял и великий князь Кирилл Владимирович[29].

В военной среде подобное мнение также было распространено. Так, командир 49-го армейского корпуса генерал-лейтенант В.И. Селивачев в марте 1917 г. писал в своем дневнике: «...есть слух, будто из царскосельского дворца от государыни шел

кабель для разговоров с Берлином, по которому Вильгельм узнавал буквально все наши тайны. Страшно подумать о том, что это может быть правда — ведь какими жертвами платил народ за подобное предательство?!!»[30].

Следует подчеркнуть: предательство императрицы не было доказано ни тогда, ни в нынешнее время. Думается, не случайно М.В. Родзянко отмечал, что о царице «...наряду с правдой распространялись самые вздорные слухи...»[31].

Безусловно, все это ослабляло авторитет монархии и в глазах офицеров, сказывалось на их настроениях, вызывая у многих чувство неудовлетворенности и разочарования. Особенно сильно это влияло на офицеров военного времени, к началу 1917 г. составлявших громадное большинство корпуса офицеров. Но и среди оставшихся в строю кадровых офицеров, число которых за два с половиной года войны значительно сократилось, авторитет верховной власти упал весьма значительно. Соответственно, это не могло не сказаться на отношении офицерства к Февральской революции и изменению государственного устройства.

Кроме вышеперечисленных факторов, существовало еще одно обстоятельство, повлиявшее на поведение офицерства в феврале — начале марта 1917 г. Младший офицер одной из рот столичного гарнизона, вместе со своим подразделением пытавшийся пресечь волнения в Петрограде, писал, что вина за происшедшее лежит не только на высшем военном руководстве, но и на младшем офицерском составе. По его мнению, младшие офицеры не проявили «...достаточно упорства и решимости, которые увлекли бы за собой рядовой состав», а наоборот, часто без сопротивления шли «в хвосте восставшей массы»[32]. Он указывал, что, несмотря на отсутствие необходимых приказов со стороны вышестоящего командования, офицеры должны были руководствоваться своим разумом и присягой. Иными словами, автор говорит о том, что многие офицеры просто не решились выступить в защиту действовавшей власти.

Такое же мнение сложилось у П.Н. Врангеля, находившегося в первые дни революции в Петрограде. Он отмечал «...огромное количество красных бантов, украшавших почти всех» и указывал, что в их числе находилось большое количество младших офицеров и даже несколько генералов. «...Малодушием и раболепием перед новыми властителями многие перестарались»[33].

В этой связи представляется справедливым мнение нашего современника, посвятившего один из своих трудов природе насилия в революционную эпоху: «Солдат “демократизирующейся” армии могла бы образумить кастовая солидарность и решительность офицеров. Этого они как раз и не увидели»[34].

А.И. Деникин, характеризуя психологическое состояние офицеров в тот период, отмечал: «Офицерство, несомненно, переживало тяжелую драму, став между верностью присяге... — и велением целесообразности. ... большая часть... в лице Государственной думы искала разрешения вопросов мятущейся совести»[35]. Например, сам А.И. Деникин в те дни писал в своем дневнике, что надеялся на то, что «страна получит государственное устройство, достойное великого народа», под которым подразумевал конституционную монархию. Кроме того, он высказал надежду на «конец немецкого засилья»[36].

Не поддержав монархию, значительная часть офицерства в то же время не проявила энтузиазма в связи с революционными событиями, тем более что дисциплина в армии стала резко ухудшаться. Об этом, в частности, свидетельствует военная цензура, просматривавшая письма с фронта. Например, в сводке военно-цензурного отделения Румынского фронта за март 1917 г. отмечалось: «Как видно из писем, офицеры приняли гораздо сдержаннее перемены и многие жалуются на создавшееся по отношению к ним недоверие и упадок дисциплины среди солдат»[37].

На местах делались попытки скрыть события в Петрограде от солдат. Так, несмотря на то, что телеграмма за подписью председателя Государственной Думы М.В. Родзянко о переходе власти к Временному комитету Госдумы пришла на имя командующего Западным фронтом А.Е. Эверта 1 марта, командование фронта не сразу известило об этой войска. В ночь с 1 на 2 марта штаб Западного фронта отправил в штабы армий и управление Минского военного округа приказание, в котором говорилось: «До выяснения внутреннего положения в стране представляется крайне нежелательным проникновение в войска тех телеграмм, которые рассылаются членами Временного правительства, равно как... газет, в которых названные телеграммы могут быть напечатаны»[38].

В течение 2 марта в штаб фронта пришло еще 8 пространных телеграфных сообщений, подробно раскрывавших масштаб событий в столице. Однако лишь около 19 часов того же дня генерал-лейтенант М.Ф. Квецинский сообщил начальнику Минского военного округа и командующим II, III, X армий о том, что «фактическая власть в столицах перешла в руки Временного правительства...»[39].

С утра 3 марта весть о революции получила широкую огласку через московскую газету «Русское слово», но генерал А.Е. Эверт обратился к войскам фронта со специальным приказом, где говорилось о смене власти, только 4 марта[40].

Некоторые офицеры отказывались признавать смену государственной власти. Так, нижние чины 63-го Сибирского стрелкового полка подали жалобу в Минский Совет рабочих депутатов на то, что офицеры полка совершенно не признают новых порядков, и что подобное положение сложилось во всей 16-й Сибирской стрелковой дивизии (Западный фронт). Начальник этой дивизии генерал-лейтенант А.Н. Бунин игнорировал Временное правительство и требовал от подчиненных петь гимн «Боже, царя храни». О столкновениях с офицерами на почве неприятия ими «нового уклада военной жизни» сообщали также нижние чины 61-го Сибирского стрелкового полка[41].

В солдатских письмах, например, с Румынского фронта, которые военная цензура просматривала сотнями тысяч, отмечались характерные строчки: «У нас уже есть офицеры... арестованные за неподчинение новым правилам», «вчера у нас была присяга, часть офицеров долго упорствовала... а один полковник упал в обморок. Многие офицеры от горя пьянствовали» и т.п. [42] Подобное явление отмечалось и на других фронтах.

В письмах самих офицеров звучали такие же нотки: «13 марта мы присягали Временному Правительству с неохотой... Настроение мое и многих офицеров очень плохое, это все оттого, что делается у вас в тылу...»[43].

В то же время некоторая часть тех, кто носил офицерские погоны, реагировала на изменение политической ситуации иначе и стала приспосабливаться к новым веяниям. Люди подобного склада не придерживались каких-либо политических взглядов, их целью являлись карьерные устремления, сохранение социального статуса, а также физическое самосохранение.

Небольшая часть офицеров, поддержавших Февральскую революцию, являлась идейными противниками монархии, нередко состоявшими в той или иной партии. По сути, они принадлежали к революционной, а не военной среде. Привести точные данные об их количестве не представляется возможным, так как они соблюдали конспирацию; однако число их было явно невелико. Например, исследователь из Киева А.А. Буравченков, изучавший данную проблему, еще в советское время перечислял лишь по 10—12 фамилий офицеров на каждом фронте, стоявших на большевистских позициях[44]; общей цифры он не приводит, возможно, ввиду отсутствия точных данных.

Наверняка, таких офицеров было больше, чем несколько десятков; безусловно, были офицеры, связанные и с другими революционными партиями. Однако с учетом

того, что офицерский состав в 1917 г. насчитывал сотни тысяч человек, в процентном отношении число таких военнослужащих вряд ли могло быть значительным.

Таким образом, отношение офицеров к Февральской революции 1917 года и связанному с ней изменению государственного устройства России было достаточно противоречивым и неоднозначным. С одной стороны, офицерство не выступило в защиту монархии, в силу причин, изложенных выше. В то же время нельзя утверждать, будто оно встретило революционные события с энтузиазмом. Начавшиеся после революции разрушительные процессы в армии и стране вызвали в корпусе офицеров отрицательную реакцию, привели к созданию офицерских организаций, а впоследствии — даже к попытке свержения Временного правительства в ходе выступления Л.Г. Корнилова. Одновременно офицерство продолжало достойно исполнять свой долг на фронте.

1 К № 17358. О новой форме верноподданнической присяги // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1881—1913 гг. СПб.: Гос. тип., 1902. Т. XIX, отд-ние II: Приложения. С. 279—280.

2 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: [в 5 т.]. Париж: Изд-во Я. Поволоцкого, 1921. Т. 1, вып. 1: Крушение власти и армии, февраль — сентябрь 1917. С. 60—61.

3 Верховное Командование в первые дни революции // Архив русской революции: в 22 т. Берлин: изд. И.В. Гессен, 1925. Т. XVI. С. 286—288 (Записка ген. М.В. Алексеева Временному правительству).

4 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1, вып. 1. С. 61.

5 Приказ от 19 декабря 1905 года № 804 // Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. С.-Петербург: Воен. изд-во, 1905. С. 1352—1353; Приказ по военному ведомству от 8 октября 1906 г. № 626 // Приказы по военному ведомству за 1906 год. СПб.: Воен. тип., 1906. С. 986.

6 Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. С. 1352—1353.

7 Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1907. № 854. С. 133.

8 Приказ по военному ведомству от 26 марта № 120 // Приказы по военному ведомству за 1913 год. СПб.: Воен. изд-во, 1913. С. 332.

9 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1, вып. 1. С. 61.

10 Акт отречения Михаила Александровича, март 1917 г. // Государственное архивное управление Псковской области [сайт]. Факсимиле. URL: http://www.archive.pskov.ru/node/1211 (дата обращения: 07.09.2017).

11 *Мультатули П.* Николай II. Отречение, которого не было. М.: Астрель, 2010. С. 5, 522—615; *Рудаков В., Брусиловский Н., Вильшанская Е.* Акты об отречении // Историк. 2017. № 3. С. 18—24.

12 Цит. по: *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1, вып. 1. С. 62.

13 Цит. по: *Соколов Н.* Убийство царской семьи. [Берлин]: Слово, 1925. С. 7.

14 *Воронин В.* Крушение монархии // Историк. 2017. № 3. С. 10—13.

15 *Мультатули П.В.* Указ. соч. С. 201.

16 *Ноблемонт М. де.* Какая причина толкнула генерал-адъютанта Алексеева предать своего Императора? [Б.м.]: [б.и.], [б.г.]. С. 1.

17 *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России // Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев. Документы / под ред. П.Е. Щеголева. Л.: Красная газета, 1927. С. 61.

18 *Врангель П.Н.* Записки, ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.: в 2 кн. Подольск: Периодика, [1991]. Кн. 1. С. 11.

19 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1, вып. 1. С. 28.

20 Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 7 (Доклад петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции, октябрь 1916 г.). См. также: Там же. С. 5—7.

21 *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота: в 2 т. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. Т. 2. С. 22—23.

22 *Гурко В.И.* Царь и царица. Paris: Книгоизд-во «Возрождение», [1927]. С. 44, 50.

23 *Родзянко М.В.* Крушение империи / примеч. и предисл. С. Пионтковского. Изд. 3-е. Л.: Прибой, 1929. С. 128.

24 *Колоницкий Б.И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914—1917) // Вестник истории, литературы, искусства / Рос акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук. М.: Собрание: Наука, 2005. С. 374.

25 *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 209.

26 *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Т-во объединенных издателей, 1939. Т. 2. С. 441.

[27] *Колоницкий Б.И.* Указ. соч. С. 366.
[28] Там же. С. 364.
[29] Там же.
[30] Из дневника генерала В.И. Селивачева // Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 110—111.
[31] *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 128.
[32] *Луганинов С.* Мои воспоминания о первых днях революции // Военная быль. 1965. № 73. С. 1.
[33] *Врангель П.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 22.
[34] *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. С. 121.
[35] *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 1, вып. 1. С. 44.
[36] Там же. С. 61.
[37] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 23.
[38] Там же. Ф. 1915. Оп. 2. Д. 9. Л. 22.
[39] Там же. Ф. 2048. Оп. 1 доп. Д. 1352. Л. 31, 58.
[40] Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2114. Л. 351.
[41] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1, 3,11.
[42] Там же. Ф. 2085. Оп.1. Д.139. Л. 24.
[43] Там же. Л. 36.
[44] *Буравченков А.А.* В ногу с революцией: демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1988. С. 41.

Г.Н. Ульянова

Призрение, благотворительность и социальное обеспечение в 1917—1918 гг. в политике Временного правительства и Совнаркома

В Российской империи до 1917 г. отсутствовала государственная система социального обеспечения, поэтому благотворительность являлась базовым элементом всей сферы помощи малоимущим. Накануне Февральской революции и прихода к власти Временного правительства в стране сложилась и действовала разветвленная система благотворительности, включившая тысячи благотворительных обществ и заведений, осуществлявших призрение нуждающихся. По мнению авторов труда «Благотворительность в России» (СПб., 1907), в 1902 г. их насчитывалось свыше 19 тысяч, включая церковноприходские попечительства и попечительства о народной трезвости. При этом «число необходимо нуждающихся в помощи» составляло в России к 1915 г. 8 млн. человек при 170 млн человек всего населения. В 1909 г. был образован «Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению». Он стал инициатором двух общероссийских съездов деятелей благотворительности в 1910 и 1914 гг.

Точной статистики учреждений призрения и благотворительности к 1917 г. в историографии пока не имеется.

Особенности функционирования системы призрения и благотворительности в 1917—1918 гг. определялись тем, что в период Первой мировой войны система заведений призрения усложнилась, акцент был перенесен на помощь армии, семьям фронтовиков и погибших воинов. Однако в этот период продолжилась деятельность многих благотворительных институций (детских приютов, богаделен, больниц, школ, участко-

вых попечительств о бедных и др.), существовавших до начала Первой мировой войны, а также возникших во время войны новых организаций и заведений призрения и благотворительности для решения задач помощи нуждающемуся населению, прежде всего семьям погибших и увечных, находящимся на фронте воинов, беженцам.

В период правления Временного правительства (март — октябрь 1917) были сделаны шаги по аккумуляции существовавших благотворительных учреждений под эгидой Министерства государственного призрения.

После перехода власти к большевикам осенью 1917 г. контакты нового Наркомата государственного призрения (позже социального обеспечения) с руководством крупнейших благотворительных организаций, не доверявших новой власти, фактически были нарушены. Наркомат пошел по пути упразднения ряда организаций, реструктуризации других. Из-за хозяйственной разрухи становление новой системы социального обеспечения шло медленно. Однако постепенно была юридически выстроена схема огосударствления помощи нуждающимся с применением классового подхода. Ее реализация была осуществлена уже после Гражданской войны.

В качестве источников для изучения темы были использованы публикации изучаемого периода, в том числе журналы Временного правительства (представленные в одноименной публикации), Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства[1].

В период правления Временного правительства **(**с марта по октябрь 1917 г.) в руководстве сферой помощи нуждающимся отмечено несколько этапов. На первом этапе (начало марта — 5 мая) специализированного министерства не существовало, разовые решения принимались на заседаниях Временного правительства, благотворительные учреждения были распылены по разным министерствам, и это быстро привело к пониманию необходимости общей концепции помощи нуждающимся и общего систематического руководства.

На втором этапе возникло Министерство государственного призрения (5 мая — 2 июля, когда произошла отставка министра Д.И. Шаховского) и решались насущные вопросы организационной и финансовой поддержки благотворительных обществ и заведений, определялись приоритеты в условиях финансового и продовольственного кризиса.

На третьем этапе (25 июля — октябрь, министры И.Н. Ефремов, позже Н.М. Кишкин) была продолжена регуляция текущих вопросов функционирования благотворительных заведений.

До учреждения Министерства государственного призрения (МГП) в течение марта — апреля 1917 г. вопросы, относившиеся к области призрения и благотворительности, включая помощь воинам и их семьям, а также беженцам, решались самим Временным правительством. Поскольку исторически сложилось, что крупные и мелкие благотворительные организации и их заведения в течение XVIII — начале XX в. были распылены по разным министерствам и ведомствам, то Временное правительство вынуждено было принимать отдельные решения по каждому случаю в соответствии с подчинением этих институтов вновь образованным министерствам. МВД ведало помощью воинам и членам их семей, помощью беженцам и военнопленным, также в его подчинении находилось Попечительство о трудовой помощи. Министерству народного просвещения (МНП) подчинялось Ведомство учреждений Императрицы Марии (ВУИМ) с сетью детских учреждений: воспитательных домов, приютов, школ, больниц, и Человеколюбивое общество (согласно постановлению Временного правительства от 4 марта 1917 г.). В ведении Военного министерства

фактически действовало Российское общество Красного Креста (РОКК). Министерство земледелия ведало вопросом обучения инвалидов кустарным ремеслам.

В течение марта — апреля 1917 г. при рассмотрении вопросов помощи нуждающимся предпринимались попытки ввести эти решения в единое русло, что впоследствии привело к организации специального Министерства государственного призрения, которого до 1917 г. в стране не существовало.

В частности, 10 марта на заседании Временного правительства обсуждался вопрос о ВУИМ — было решено сохранить его именование в память императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I) и оставить ведомство в подчинении МНП[2]. 11 марта Временное правительство рассмотрело вопрос о дальнейшем порядке деятельности особых благотворительных комитетов, пользовавшихся регулярной казенной субсидией — Романовского (по оказанию помощи детям воинов), Елисаветинского и Ольгинского (по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну), Татианинского (по оказанию помощи беженцам), Алексеевского (по призрению детей воинских чинов, погибших в войнах и при исполнении военных обязанностей, например, в результате революционных событий и террористических актов), великой княгини Марии Павловны (по снабжению одеждой нижних чинов, увольняемых из всех лечебных заведений Империи), а также Скобелевского комитета (для выдачи пособий лицам, потерявшим на войне трудоспособность) и др.

12 марта по предложению министра-председателя кн. Г.Е. Львова было решено сохранить Особое совещание по рассмотрению ходатайств о пособиях на организацию помощи больным и раненым воинам[3]. 20 марта принято решение о передаче дел обучения инвалидов кустарным ремеслам из Верховного совета в ведение Министерства земледелия с переводом кредитов на эти цели[4]. 21 марта Временное правительство рассмотрело проект положения о создании комитета по делам военнопленных при РОКК, а 22 марта было принято соответствующее постановление об образовании этого комитета для согласования деятельности всех правительственных и общественных учреждений, ведающих делами военнопленных, гражданских пленных и заложников[5].

Важной вехой стало постановление Временного правительства от 21 марта 1917 г. «О подчинении самостоятельных благотворительных организаций подлежащим ведомствам и учреждениям», зафиксировавшее новую ведомственную подчиненность институтов помощи нуждающимся. Оно гласило: «Временное правительство поручило совещанию комиссаров по благотворительными учреждениям, под председательством государственного контролера, члена Государственной думы И.В. Годнева, подвергнуть новому обсуждению заключения, принятые этим совещанием в заседании 16 марта, в целях более точного выяснения вопросов о том, в состав какого из отдельных министерств, главных управлений, либо общественных организаций должны быть включены те из существующих благотворительных организаций, которые доселе действовали вполне самостоятельно, не будучи подчинены какому-либо из органов государственного управления»[6]. В результате, в ведение Военного министерства перешел «Верховный Совет по призрению раненых и увечных воинов и семей лиц, призванных на войну»; в ведение МВД — Попечительство о трудовой помощи и Романовский комитет (позже передан в МГП, 25 июля упразднен); в ведение МНП — Алексеевский и Скобелевский комитеты, Комитет о военнопленных, военно-санитарные организации (ранее находившиеся под патронатом Марии Павловны и Виктории Федоровны) и склады-поезда (под патронатом императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны) перешли в ведение РОКК (позже, 10 июня, переданы Военному ведомству). Всероссийскому Попечительству по охране материнства и младенчества было рекомендовано действовать «на прежних основани-

ях», в соответствии с уставом, «в качестве частного благотворительного общества». Для исполнения этих решений в конце марта состоялось совещание комиссаров Временного правительства, назначенных 29 марта из числа членов Государственной думы (среди них Н.И. Антонов, М.Л. Киндяков, Я.А. Львов, А.З. Танцов)[7].

26 марта заседание Временного правительства было посвящено обсуждению остро стоявшего вопроса о помощи раненым и больным воинам, находившимся на излечении и получившим инвалидность. Для помощи им в разных ведомствах (под эгидой Земского и Городского союзов, Красного Креста, особых благотворительных комитетов и др.) находилось несколько тысяч лечебных и реабилитационных заведений, оказавших за годы войны помощь более чем 3 млн человек. По предложению главного управления РОКК было принято решение созвать особое совещание для координации действий в масштабах страны «в деле подачи помощи раненым и больным воинам военно-санитарным ведомством, РОКК, Всероссийскими Земским и Городским союзами, а также другими организациями»[8]. Во исполнение этого решения Временного правительства 15—27 июня 1917 г. в Петрограде состоялся Первый Съезд делегатов увечных воинов (участвовало 116 инвалидов), обсудивший вопросы лечения и пенсионного обеспечения: установления пособий, обеспечения протезами. На съезде выступил Д.И. Шаховской, заявивший, что инвалиды-фронтовики должны «получить от правительства то, что давно заслужили». 29 июня 1917 г. был создан Общероссийский Комитет помощи военно-увечным воинам, а также губернские комитеты[9].

Стоявший перед Временным правительством огромный объем неотложных вопросов помощи нуждающимся привел к возникновению особого управляющего органа в ранге министерства. После учреждения 5 мая Министерства государственного призрения в его ведение постепенно перешло большинство учреждений призрения и благотворительности, была проведена передача ему имущества и капиталов организаций и заведений, утверждено их финансирование как из государственного казначейства, так и из принадлежавших им средств.

Первым министром был назначен кн. Д.И. Шаховской — известный деятель кадетской партии, секретарь первой Государственной думы, товарищем министра стала С.В. Панина, видная общественная деятельница и благотворительница, учредительница Народного дома в Петербурге. Шаховской пробыл министром до 2 июля. С 24 июля по 25 сентября 1917 г. министром государственного призрения был прогрессист И.Н. Ефремов, позже кадет Н.М. Кишкин.

Перед новым министерством были поставлены следующие задачи: выработка законов в сфере помощи нуждающимся, создание планов организации призрения, проведение научных и статистических обследований. Однако за семь месяцев своего существования МГП более осуществляло не управляющую, а координационную и консультативную помощь, всячески защищая интересы уже действовавших благотворительных заведений. После образования МГП начался сложный процесс перехода большинства благотворительных институций в его ведение (за исключением РОКК, аффилированного с Военным министерством[10]).

Хотя после Февральской революции для всех благотворительных ведомств, ранее действовавших под патронатом царской семьи, сложилась тяжелая финансовая ситуация из-за лишения подпитки из государственного казначейства — они на первых порах отстаивали свое автономное существование. По словам деятеля благотворительности С.К. Гогеля, весной 1917 г. благотворительные ведомства пытались противостоять переходу под эгиду созданного МГП[11]. Более гибко повело себя Военное министерство, не возражая против помощи МГП воинам-калекам. Однако из-за бед-

ственного финансового положения в мае — сентябре 1917 г. под эгиду МГП перешли почти все крупные благотворительные организации, в том числе ВУИМ, Человеколюбивое общество, Патриотическое общество, Попечительство о слепых и глухонемых, Отдел народного здравия Главного управления по делам местного хозяйства МВД, Попечительство о трудовой помощи и комитеты — Романовский, Алексеевский, Елизаветинский, Ольгинский, а также «Верховный Совет по призрению раненых и увечных воинов и семей лиц, призванных на войну». Вне действий МГП до осени 1917 г. оставались только вопросы попечения о беженцах (в ведении МВД) и существовавшее автономно Попечительство по охране материнства и младенчества.

14 мая 1917 г. министру государственного призрения было поручено внести на рассмотрение Временного правительства предположение о дальнейшем порядке деятельности передаваемых в ведение МГП учреждений[12]. 16 мая на заседании Временного правительства Шаховским был представлен вопрос о передаче Попечительства о трудовой помощи из МВД в ведение МГП[13]. За пределами действий МГП оставались благотворительные учреждения Земгора, к примеру, участковые попечительства о бедных в городах. После утверждения 7 июня 1917 г. нового положения о всероссийском Земском союзе, был определен статус госпиталей, приютов, ремесленных мастерских и прочих реабилитационных земских заведений[14].

Ряд важнейших вопросов призрения рассматривался вне пределов МГП, то есть на общеминистерском уровне, среди них был вопрос о призрении солдат и их семей, в том числе об обеспечении пайком внебрачных семей находившихся на фронте воинов. 21 мая 1917 г. на заседании Временного правительства было рассмотрено представление МВД об учреждении при Министерстве финансов междуведомственной комиссии по пересмотру законоположений о призрении солдат и их семейств с участием представителей МВД, Военного и Морского министерств, Министерства финансов, Министерства земледелия, Государственного контроля, а также представителей Петроградского совета солдатских депутатов, главного комитета всероссийского Союза городов и Земского союза, советов солдатских депутатов Московской, Харьковской, Казанской и Томской губерний[15]. 22 июня 1917 г. на заседании Временного правительства было рассмотрено ходатайство Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов о немедленном обнародовании одобренного совещанием товарищей министров 10 мая 1917 г. постановления «О распространении правил о призрении семейств солдат на внебрачных жен, детей, матерей, братьев и сестер призванных солдат, а также на их приемных детей». Было принято постановление, опубликованное 4 августа, гласившее: «Имеющие детей внебрачные жены солдат, равно находящиеся в состоянии беременности, пользуются как сами, так и дети правом на паек, на одинаковых с законными семьями солдат основаниях. Право на паек приобретается только в том случае, если жили совместно не менее года до призыва и содержались трудом призванного солдата. Внебрачные жены и дети могут быть включены в список получателей пайка при условии письменной подачи солдатом ходатайства о назначении внебрачной семье его пайка». Ходатайство следовало пересылать через ближайшее военное начальство. При наличии законной семьи внебрачная семья правом на паек не пользовалась. Меры вводились с 1 июня 1917 г.[16]

Важной вехой стало созванное МГП 10—15 августа 1917 г. всероссийское совещание по вопросам социальной помощи детям — прежде всего, грудным младенцам и беспризорным детям (число последних резко увеличилось в период военной разрухи). В работе совещания приняло участие 252 делегата из 25 губерний. Работой совещания руководили четыре комиссии: 1) по вопросам охраны материнства и младенчества; 2) по вопросам помощи нормальным детям всех возрастов; 3) по вопросам помощи дефективным

детям; 4) по вопросам помощи детям — нарушителям закона. Совещание рассматривалось как подготовка к всероссийскому съезду, намеченному на декабрь 1917 г. (не состоялся)[17]. Совещание приняло решение о «пределах обязательной помощи». В резолюциях совещания содержались решения о создании консультаций для грудных детей, предлагалось постепенно ликвидировать воспитательные дома и кормиличный промысел (как «явление безнравственное и социально несправедливое») и перейти к системе открытого призрения и семейного воспитания. (В сентябре — октябре МГП повысило ассигнования для снабжения молоком грудных детей Петрограда[18].)

Был поставлен вопрос об организации и поддержании в крупных городах питательных пунктов и «ночлегов открытых дверей» для детей, оставшихся сиротами и полусиротами, и беспризорных детей, скитающихся по улицам. Предлагалось запретить наемный детский труд на промышленных предприятиях и обеспечить всеобщее начальное обучение детей. Для дефективных детей надлежало создать сеть специализированных учебных заведений и готовить преподавателей и врачей для работы с такими детьми. Предлагалось применять к детям-преступникам с целью нравственного исправления меры социального попечения, а не наказания. Вопрос о повышении возраста уголовной ответственности (до 1917 г. он наступал в 10 лет) был рассмотрен в докладе С.В. Бахрушина.

МГП за короткий период существования удалось свести воедино и выстроить вполне цельную систему помощи нуждающимся. Такой результат во многом был обеспечен опытом, накопленным российской благотворительностью в дореволюционный период.

После перехода власти к большевикам все дела МГП перешли к учрежденному 1 ноября 1917 г. Комиссариату государственного призрения (НКГП), во главе которого стояли: А.М. Коллонтай (1 ноября 1917 — 17 марта 1918), А.Н. Винокуров (18 марта 1918 — 30 июня 1921). В условиях революционного хаоса в первые месяцы работы НКГП не был полноценно действующим органом власти из-за малочисленности сотрудников, крайне скудного их опыта работы, отсутствия контактов со служащими благотворительных заведений (работавших до 1917 г.). Помощь оказывалась не систематически, а по отдельным заявлениям учреждений и частных лиц. Отчасти сбой в руководстве сферой призрения был вызван и тем, что Коллонтай была публицистом-пропагандистом, но опыта каждодневной рутинной работы не имела.

Выработка систематической политики началась с зимы 1918 г. и целиком повторяла схему работы МГП и подчинявшихся ему дореволюционных заведений помощи бедным. Произошло упрощение системы благотворительных заведений путем упразднения ряда организаций — Александровского комитета о раненых (существовал с 1814 г.), Попечительства об охране материнства и младенчества и др.

С 1918 г. упор в деятельности наркомата был сделан на помощи женщинам-работницам (регулирование функционирования родительных домов, женских консультаций, детских садов и др.), поскольку этот вопрос был наиболее знаком наркому Коллонтай, как борцу за права женщин. С использованием старой инфраструктуры и отчасти персонала ранее существовавших благотворительных заведений (воспитательных домов, детских приютов) по возможности была продолжена деятельность по призрению детей, особенно в условиях экономического кризиса, когда в эти заведения попадали не только сироты, но и дети из семей, не имевших возможности доставать еду и дрова в условиях потребительского кризиса. Однако таких заведений было мало из-за уменьшения финансирования и попасть нуждавшимся детям туда было затруднительно.

Постановлением СНК РСФСР с 26 апреля 1918 г. наркомат получил название Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР (декрет опубликован

30.04.1918). В постановлении СНК, подписанном В.И. Лениным, разъяснялось, что переименование совершено «в виду того, что существующее название Народного комиссариата государственного призрения не соответствует социалистическому пониманию задач социального обеспечения и является пережитком старого времени, когда социальная помощь носила характер милостыни и благотворительности». Позже постановлением СНК РСФСР от 4 ноября 1919 г. он был объединен с Наркоматом труда в Наркомат труда и социального обеспечения РСФСР.

Поскольку старейшие самостоятельные учреждения призрения и благотворительности добровольно не переходили под эгиду нового наркомата, то во второй половине 1918 г. была проведена их реорганизация через упразднение и учреждение с новым юридическим статусом подведомственности наркомату под руководством Коллонтай.

Например, 19 ноября 1917 г. за подписью комиссара по делам призрения А.М. Коллонтай был издан приказ по министерству государственного призрения «Об упразднении благотворительных учреждений и обществ помощи инвалидам и о передаче их дел и денежных сумм Исполнительному комитету увечных воинов»[19]. Выборным порядком был образован Временный ЦИК увечных воинов с местными отделениями. Выдача сумм с банковских счетов Петроградского городского комитета помощи военно-увечным воинам была приостановлена, его служащие перешли в ведение новых институций.

12 декабря постановлением комиссара А. Коллонтай были упразднены руководящие организации ВУИМ. 31 декабря НКГП был принят декрет «Об организации коллегии по охране и обеспечению материнства и младенчества»[20]. В состав коллегии вновь организованного при МГП «Отдела по охране материнства и младенчества» вошли М.П. Шувалов, Ф.К. Скибинский, Е.Н. Миндлинг, Л. Прохорова, Н.Д. Королев, А.М. Коллонтай. По декрету Коллегии (12.01.1918) надлежало устроить в зданиях женского института императора Николая I и женского Александринского училища «Дворец материнства». Начало работы Дворца было в хвалебных тонах описано в статье И. Бабеля под одноименным названием (газ. «Новая жизнь» 31.03.1918). Во Дворец материнства районные советы Петрограда присылали женщин на восьмом месяце беременности для дородового медицинского наблюдения и обучения на лекциях и занятиях гигиеничному и здоровому вынашиванию младенца. Эта практика отчасти копировала дореволюционную деятельность подобных организаций, но преподносилась как достижение большевиков в борьбе за «обновление жизни». Персонал старых заведений в первые месяцы отказывался действовать по программам НКГП, но постепенно перешел работать под начало советской бюрократии, чтобы прокормить свои семьи и следуя нравственным мотивам помощи нуждающимся.

Наряду с реорганизацией инфраструктуры были переизданы утвержденные советской властью под своим статусом законы, призванные обеспечить дополнительные источники финансирования благотворительных заведений. В частности, 6 января 1918 г. НКГП ввело (а фактически возобновило) налог с публичных зрелищ и увеселений (взимание 10%-х сборов с публичных зрелищ и увеселений осуществлялось с 1798 г. в пользу ВУИМ). Следовало брать налог с билетов в театры, кинематографы, цирки и прочие заведения (приблизительно в размере 20—30% от стоимости билета, что подтверждалось наклейкой на билет специальной марки) и направлять полученные средства на «нужды содержания калек, стариков, детей, сирот, вдов, инвалидов»[21]. В декрете было отмечено, что «этим каждый гражданин сделает великое дело для всего беднейшего и беспризорного, брошенного на произвол судьбы населения».

НКГП также пытался проводить идею коррекции асоциального поведения подростков. С этой целью создавались институции нового типа. «Собрание узаконений

рабочего и крестьянского правительства» содержало подписанный В.И. Лениным 14 января 1918 г. декрет «О комиссиях для несовершеннолетних», которым было предписано упразднить суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних и создать специальные комиссии для надзора и исправления правонарушителей обоего пола в возрасте до 17 лет, «замеченных в общественно-опасных деяниях»[22]. 26 января 1918 г. было издано подписанное Коллонтай Постановление НКГП «О переходе в ведение Народного Комиссариата Государственного Призрения всех учреждений призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении Коллегии призрения несовершеннолетних»[23]. Согласно ему все приюты разбивались на три возрастных категории: для детей от 3 до 7 лет, от 7 до 12 лет, от 12 до 17 лет. Приюты, не перешедшие под эгиду НКГП, подлежали закрытию[24].

В течение февраля 1918 г. НКГП рассматривались вопросы о пенсиях и пособиях «военно-увечным» (инвалидам войны). В связи с упразднением всех губернских и уездных воинских присутствий их дела передавались местным советам, при которых специальные отделы назначали пенсии от казны соответственно нормам, учрежденным декретом СНК от 16 декабря 1917 г. Позже на общегосударственном уровне было принято решение о том, что учет и регулирование всех вопросов о пенсиях и пособиях переходят в компетенцию НКГП. Декрет 6 марта 1918 г. был подписан председателем СНК В.И. Лениным и предписывал создать Народный совет социального обеспечения для решения этих вопросов, а Наркомату по финансовым делам объединить все пенсионные капиталы с распоряжением ими Учетно-ссудным комитетом социального обеспечения при Народном банке. Одновременно Наркомат труда обязан был следить за охраной труда, и вместе с Наркоматом по финансовым вопросам, работать в контакте с НКГП.

После ухода Коллонтай из Наркомата и назначения наркомом А.Н. Винокурова, в период марта — октября 1918 г. был принят ряд мер по реструктуризации НКГП, затем Народного комиссариата социального обеспечения (НКСО)[25].

Осуществлялась *также* ***межведомственная деятельность в области призрения и социального обеспечения***. Например, 2 декабря 1917 г. Коллегия по заведованию медицинскими отделами наркоматов внутренних дел, путей сообщения и государственного призрения приняла обращение «О борьбе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни широких масс населения», в котором констатировала, что «война, экономический развал, и вызванные ими недоедание и истощение населения» создали тяжелую ситуацию в стране, и призывала медицинский персонал, стоящий «на советской платформе», активнее участвовать в деятельности губернских и уездных врачебно-санитарных советов, а также в созыве съезда по медико-санитарным вопросам[26].

Вопросы социального обеспечения решались не только НКГП, но и Наркоматом труда (унаследовавшим функции Министерства труда Временного правительства). 29 ноября 1917 г. при Наркомате труда под руководством А.Г. Шляпникова был создан Страховой совет для заведования делами о страховании рабочих[27]. Предполагалось: что в него войдут представители от застрахованных, профсоюзов, земской и городской организаций, врачей, юристы. Предполагалось: 1) введение страхования рабочих на случай болезни (деятельность больничных касс, оказания врачебной помощи, медицинской отчетности), 2) страхование рабочих от несчастных случаев (установление пенсий, их размеров, определение опасностей производства), 3) страхование рабочих от безработицы (в частности правила хранения и расходования всероссийского фонда безработных), 4) страхование по инвалидности. Вскоре, 11 декабря было принято постановление «О страховании на случай безработицы»[28]. 16 декабря было принято положение «О страховых присутствиях» в каждой губернии и области. 22 декабря 1917 г. был принят декрет

ЦИК и Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов за подписью Я.М. Свердлова о страховании на случай болезни и выплате страховых сумм из общегородских больничных касс[29]. Больничные кассы должны были организовывать оказание врачебной помощи на дому или в больнице. Средства больничных касс должны были складываться из взносов работодателей (10% с зарплаты), пособий и пожертвований и др.

Однако, несмотря на принятие законов, декларировавших заботу о пенсиях и пособиях, реализация их была слабой. В условиях бюрократической неразберихи и падения финансовой системы вследствие инфляции государственные средства были весьма ограничены, потому декретом СНК за подписью В.И. Ленина 11 декабря 1917 г. была запрещена выдача пенсий в размере более 300 руб. в месяц на человека из государственного казначейства одному лицу или семейству[30].

Огосударствление сферы помощи нуждающимся, выразившееся в централизации руководства и финансирования, а также ликвидации благотворительных институций, ранее обеспечиваемых частными пожертвованиями и во многом волонтерским трудом граждан, окончательно произошло с принятием 31 октября 1918 г. декрета СНК «О социальном обеспечении трудящихся».

Декрет определил среди видов обеспечения: а) оказание всех видов врачебной, лекарственной помощи и родовспоможения нуждающимся в них лицам; б) оказание помощи в случае постоянной или временной утраты средств к существованию вследствие нетрудоспособности (по общим заболеваниям, увечью или старости); в) утраты средств к существованию, вследствие безработицы, происшедшей не по вине безработного. Обеспечению подлежали все без исключения лица, источниками существования которых является только собственный труд, без эксплуатации чужого, и независимо от характера и длительности работы, а также от того, работают ли они в государственных, национализированных, частных, акционерных, общественных предприятиях, учреждениях или хозяйствах, у отдельных лиц или самостоятельно. Декрет определял порядок выдачи пенсий и пособий, размер пенсий по старости и инвалидности[31], пособий беременных и роженицам.

Реализация мер, намеченных декретом началась в полном объеме уже после окончания эпохи военного коммунизма, когда, по сложившемуся в историографии определению, с 1921 г. возобладал «социально-классовый» характер социального обеспечения, то есть социальное обеспечение было направлено на поддержку рабочих, крестьян и военнослужащих.

1 Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1: 27 февраля — 5 мая 1917 г.; Журналы заседаний Временного правительства, март — октябрь 1917: в 4 т. / под ред. Б.Ф. Додонова. М., 2002. Т. 2. (Архив новейшей истории. Сер. «Публикации»; т. 8); Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Пг., 1917. Дек.; Пг., 1918. Янв. — июль; и др.

2 Журналы заседаний Временного правительства. М., 2001. Т. 1. С. 70. (Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации; т. 7).

3 Там же. С. 141.

4 Там же. С. 82.

5 Там же. С. 155—157.

6 Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1: 27 февраля — 5 мая. С. 283—285.

7 Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 167.

8 Там же. С. 173.

9 *Щербинин П.П.* Особенности призрения увечных воинов в России в XVIII — начале XX века // Армия и общество: материалы междунар. конф. Тамбов, 2002. С. 70.

10 Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 63.

11 *Гогель С.К.* Министерство государственного призрения // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 6/7. С. 487—490.

12 Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 70.

[13] Там же. С. 75
[14] Там же. С. 222.
[15] Там же. С. 89.
[16] Там же. С. 334.
[17] Совещание по вопросам социальной помощи детям // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 6/7. С. 563—575.
[18] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6787. Оп. 1. Д. 107.
[19] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 4. Приказ по Министерству государственного призрения № 61.
[20] Там же. 1918. № 13, № 193: Декрет по Комиссариату государственного призрения.
[21] Там же. № 14, № 205: О взимании налога с публичных зрелищ и увеселений.
[22] Там же. № 16, № 227: Декрет о комиссиях для несовершеннолетних.
[23] Там же. № 22, № 321: Постановление НКГП.
[24] Политика новых советских органов власти по детскому вопросу в период 1917—1925 гг. подробно рассмотрена в монографии: *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917—1940 гг.). М.; СПб., 2015. С. 85—94.
[25] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 34, № 453: О переименовании НКГП в НКСО.
[26] Там же. 1917. № 5, № 81: От Коллегии по заведыванию медицинскими отделами Народных комиссариатов внутренних дел, путей сообщения, государственного призрения.
[27] Там же. № 7, № 106: О Страховом совете.
[28] Там же. № 111: Положение о страховании на случай безработицы.
[29] Там же. 1918. № 13, № 188: Декрет о страховании на случай болезни.
[30] Там же. 1917. № 9, № 124: Декрет СНК.
[31] По истории пенсионной системы см. интересное исследование: *Сивакова И.В.* Пенсионное законодательство России в советский период (октябрь 1917 г. — 1928 г.). М., 2015.

А.Б. Асташов

Военные власти и рабочие казенных оборонных заводов в 1914—1917 гг.: опыт социального партнерства

Первая мировая война потребовала солидарности и единства всех социальных групп в борьбе за национальные интересы. Важнейшей задачей в войне являлось достижение социального согласия между рабочими и владельцами предприятий по вопросам труда и обороны. В России такое согласие не только не было достигнуто в годы войны, а сами предприятия перешли под контроль рабочих в 1917 г. При этом советские исследователи подчеркивают классовый, сознательный характер борьбы рабочих за свои интересы (И.П. Лейберов). Некоторые исследователи (В.П. Булдаков) подчеркивают общинные настроения и анархические приемы борьбы рабочих. Тезис о сознательности, классовости, антибуржуазности рабочих усилен в последних исследованиях (И.М. Пушкарева, Д. Мандель) анализом антибуржуазной борьбы и позитивной программы новых отношений на производстве под контролем рабочих[1].

В данной статье предлагается анализ политики правительственной военной администрации на казенных заводах артиллерийского ведомства (Главного военного управления, ГАУ) по отношению к рабочим. Цель статьи, с одной стороны, выявить интересы российского пролетариата в «чистом» виде, вне призмы «классовых» сознания и борьбы с «буржуазией», а с другой стороны — проанализировать эффективность партнерства ра-

бочих казенных предприятий и государства в условиях тотальной войны. В качестве источников используются материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА): фонды Главного артиллерийского управления, Главного управления генерального штаба, Особого совещания по обороне, канцелярии Главного артиллерийского управления (ГИУ), штаба Петроградского военного округа и канцелярии главного начальника снабжений Северного фронта. В центре внимания — динамика рабочего движения и ответная политика военных властей, представленные в требованиях рабочих, объяснительных записках и докладах высшей и низшей (на заводах) военной администрации, статистических материалах о забастовочном движении, социальном составе рабочих, нормах обеспечения продуктами и другими товарами первой необходимости.

В России к 1 января 1917 г. в составе частных и казенных предприятий оборонной промышленности насчитывалось 5669 заводов и фабрик, на которых было занято около 1 890 536 рабочих. Казенные заводы ГАУ насчитывали 85 заводов, на них работало 137 610 мужчин, 51 180 женщин, 9899 подростков, 57 121 солдат, всего — четверть миллиона человек[2]. «Специальные технические заведения военного ведомства» ГАУ возглавлялись военной администрацией и работали по особым правилам, закрепленным в законодательстве[3]. Начальником ГАУ являлся генерал А.А. Маниковский. Курировал рабочие вопросы в военном министерстве генерал Н.П. Гарин. В 1917 г. место Гарина в качестве помощника военного министра занял Маниковский, а начальником ГАУ стал генерал В.А. Лехович.

Война значительно повлияла на условия работы как частных, так и казенных оборонных предприятий. За первые полтора года войны произошло значительное усиление интенсивности труда, введены двух-, трехсменные и сверхурочные работы, новые расценки на неизвестные и срочные изделия. В связи дороговизной возникла большая диспропорция между текущей зарплатой, возросшей всего на 14—50%, и ценами на продукты и товары повседневной жизни, возросшими на 70—150%[4]. Массовое использование женщин, подростков, вообще молодежи еще больше ухудшало производственную дисциплину, являлось важнейшей причиной усиления недовольства рабочих интенсификацией производства[5].

Из-за призыва сотен тысяч рабочих в армию образовалась значительная нехватка рабочих рук, но особенно — опытных рабочих, специалистов и техников. Это привело к снижению производительности труда[6]. Ослабление конкуренции на рынке рабочей силы, в свою очередь, вызвало текучесть кадров рабочих в поисках более выгодной зарплаты, ослабление производственной дисциплины, предъявление рабочими усиленных требований при приеме на работу, отказ от невыгодных работ[7]. Рабочие использовали ситуацию с ростом военных заказов и невозможностью принятия адекватных мер со стороны администрации для борьбы с дороговизной, «просили “прибавы” и говорили, “только теперь и настаивать, а то после войны опять ничего не будет”»[8]. Рабочие также требовали ослабления интенсивности труда, оказывали давление на администрацию в виде борьбы против «шпионов»[9].

В борьбе с нехваткой рабочих военной администрации удалось добиться прикомандирования военнообязанных рабочих с условием запрета перехода на другие заводы и под угрозой отправки в армию. Такие рабочие составляли свыше трети всего состава производственных коллективов[10]. Введение же общих мер по милитаризации заводов, включая частные, с закреплением рабочих на их местах, оказалось невозможным из-за опасений, что капиталисты будут использовать такие меры для эксплуатации рабочих, что может вызвать волнения[11]. Но оставалась проблема нехватки специалистов и техников, которых армия не отдавала, несмотря на формальное со-

глашение, достигнутое об этом с Военным министерством в начале декабря 1915 г.[12] На 15.9.1916. было возвращено 170 офицеров и 2100 нижних чинов, причем из действующей армии только 75 офицеров и 270 нижних чинов[13]. Нехватка специалистов являлась важным условием борьбы рабочих за свои права, поскольку власти не могли уволить даже явных пропагандистов и забастовщиков.

В рамках политики социального партнерства военные власти для борьбы с дороговизной предприняли частные повышения зарплаты на ряде заводов, а также ввели надбавки от штабов фронтов. 8.10.1915 была утверждена «военная надбавка» — 3 коп. на заработанный рубль в Петроградском районе. В ответ в провинции весной 1916 г. начались забастовки с требованием распространения «военного пособия» на предприятия военного ведомства других районов, что было сделано в июле 1916 г. Рабочие также настаивали на увеличении «военного пособия», что было сделано на ряде предприятий[14]. С лета 1916 г. к требованиям по повышению зарплаты добавились требования обеспечения рабочих продуктами и товарами первой необходимости, в которых стала ощущаться нехватка. Военные власти организовали на казенных заводах выдачу оборотного капитала потребительским обществам заводских лавок, где продавались продукты по себестоимости[15]. Деятельность военного ведомства по защите рабочих казенных заводов от дороговизны породила даже трения с губернской администрацией ряда районов, где власти выступали против такой «прорабочей» политики военных, провоцировавших рабочих частных заводов также на борьбу за повышение зарплаты[16].

В связи с кризисом поставок продовольствия в августе 1916 г. Ставка и Военное министерство потребовали организации снабжения рабочих продуктами через интендантство. Однако такое нормирование реально не было проведено в жизнь в связи с нехваткой продуктов самой действующей армии. Снабжение рабочих было возложено на Особое совещание по продовольствию, то есть на местные власти. В этом случае Военное ведомство пыталось взять на себя хотя бы обеспечение рабочих Путиловского завода и их семей, что также не было выполнено из-за общей нехватки продуктов осенью — зимой 1916—1917 г.[17]

Нехватка и дороговизна продуктов и предметов первой необходимости стали поводом для предъявления многочисленных требований рабочих. Среди экономических требований были: повышение «военного пособия», самой зарплаты с определением ее минимума, уравнительная надбавка к разным категориям рабочих в связи с удорожанием жизни; снабжение предприятий продуктами и предметами первой необходимости; улучшение жилищных условий; выдача средств на содержание родителей и родных; улучшение бытовых условий на производстве[18].

В области порядка на предприятиях были выставлены такие требования: оплата простоев в работе по вине администрации; право на снятие неугодных мастеров, инженеров, браковщиков, счетчиков, контролеров и других лиц администрации; право ухода на полевые работы без потери рабочего места; отмена сверхурочных работ; увеличение обеденного времени; отмена всяких штрафов; изменение условий распорядка в работах и выработка нормировки и расценки работ с участием рабочих; «вежливое обращение» администрации со старостами и рабочими; отмена взысканий за опоздание и увольнение или снятия с учета за прогулы; запрет на обыски[19].

Среди политических прав было предъявлено: ненаказание за забастовки и оплата за дни забастовки; освобождение арестованных агитаторов; установление на заводах советов старост. Практически все требования администрация рассматривала как необоснованные и завышенные, а политические и по вмешательству рабочих в дела предприятий требования администрация отвергала в корне[20].

В поддержку выдвинутых требований рабочие накануне и в ходе Февральской революции использовали жесткие меры, которые включали: забастовки, «снятие» отказывавшихся примкнуть к забастовке рабочих собственного и соседних предприятий, бойкот, террор и физическое насилие в отношении штрейкбрехеров, лиц военной администрации[21].

Рабочие военных казенных заводов сыграли важную роль в ходе Февральской революции в Петрограде. Наиболее активное участие сыграли молодежь, военнообязанные и командированные из армии[22]. Причина этой активности заключалась в том, что ввиду просьбы военного начальства беречь рабочие кадры при локаутах[23], рабочие этих групп были гарантированы от увольнения, поскольку все равно возвращались на рабочие места. Деятельность военнообязанных и прикомандированных на предприятиях походила на участие скрытых и явных дезертиров в армии, что и обеспечило успех переворота.

Первые действия рабочих казенных оборонных заводов после Февраля являлись исполнением политических требований еще дореволюционного периода: смена, арест, смещение и даже убийство (на Путиловском заводе) членов администрации, техников, инженеров; перманентные собрания, выборы делегатов в Советы рабочих депутатов, фабзавкомы, комиссии; возврат всех уволенных за участие в забастовках; увеличение зарплаты, пересмотр расценок на обработку деталей, нормировки труда; установление 8—6-часового рабочего дня явочным порядком. Результатом такого вмешательства в трудовой процесс стало уже в первые месяцы после переворота падение интенсивности и производительности труда на 20—50%, нехватка топлива, материалов. С июня в поддержку требований возникли первые забастовки[24].

Как и до революции, военное ведомство приложило много усилий в попытке наладить партнерство с рабочими в деле организации производства для обороны страны в условиях «свободной России», опираясь на благомыслящие, ответственные, как правило, опытные, старые кадры рабочих. Практически было одобрена первоначальная, после революции, смена администрации; санкционировано введение примирительных камер для споров рабочих с администрацией; разрешен переход на 8-часовой рабочий день; началось массовое возвращение рабочих, уволенных за участие в забастовках; легализовано установление фабзавкомов (советов старост); получено право отвода через примирительные камеры лиц из администрации, «которые не могут гарантировать нормальных отношений с рабочими»; было дано представителям рабочих право делегирования своих представителей в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов с правом совещательного голоса «для создания связи с организациями рабочих»[25].

При этом военные власти пытались поставить пределы притязаниям рабочих. Согласно приказу ГАУ № 21 назначение администрации оставалось прерогативой военного начальства; деятельность фабзавкомов ограничивалась вопросами жизни и организации рабочих; администрация заводов отказывалась удовлетворять непомерные требования по увеличению зарплаты и категорически выступала против угроз и насилия в отношении заводского начальства и технического персонала[26].

С лета рабочее движение вышло на новый, более высокий уровень. Экономические требования включали: повышение зарплаты в соответствии с ростом цен на 50, 100 и более процентов; гарантию минимальных плат; оплату непроизведенных операций или плохо выполненных работ; оплату забастовочных дней[27].

В области порядка на предприятиях требования включали: право сменять лиц администрации; отмену любых штрафов; снятие неугодных браковщиков и оставление угодных, что означало конфликт с приемщиками ГАУ; право назначения представителей

рабочих в комиссию по отсрочкам военнообязанных; оплату работы в заводских комитетах, Советах рабочих депутатов и других подобных организациях вне завода; отъем у служащих казенных квартир для нужд рабочих; право рабочих органов вмешиваться во внутренний распорядок; право на оплачиваемые забастовки солидарности с заводами, входящими в межзаводские, районные, общегородские организации; право на снятие с учета по военной службе рабочих активистов и, наоборот, постановку на такой учет неугодных рабочих; контроль над приемом и увольнением рабочих; контроль над вывозом и поступлением станков, инструментов, материалов, полуфабрикатов, готовых изделий; постановку завода под «рабочий контроль» под предлогом плохого управления[28].

Методы действий рабочих включали: отказ от третейского разбирательства, вообще от аргументации своих требований; отказ подчиняться решениям примирительных камер; утверждение требований явочным порядком, предъявление их скопом, навязывание договоров; собственное толкование уже заключенных соглашений; требование срочного, немедленного перезаключения тарифных планов, сетки, сдельных работ, вообще немедленной выплаты денег; широкое применение угроз и физического насилия, самосуд над неугодными лицами, а также администрацией любого заводского уровня[29].

Политические требования включали: право на вооружение, организация милиции и своей охраны на заводе; право на коллективные забастовки солидарности с другими заводами. При этом рабочие частных оборонных предприятий пытались добиться тех льгот, которые практически сразу были установлены для рабочих казенных предприятий. Рабочие же казенных предприятий ставили вопросы радикального переворота на фабриках, включая установление рабочего контроля и полной смены прошлого руководства. При этом начальство казенных предприятий быстрее шло на удовлетворение требований рабочих этих казенных предприятий, что вызывало недовольство частных предпринимателей, не желавших подобных льгот («домогательств») для своих рабочих[30].

Важным рубежом в отношениях между рабочими и военной администрацией на предприятиях явилось Корниловское выступление, что было истолковано в рабочей среде как отказ от какого-либо партнерства. Уже в ходе выступления начался стихийный захват рабочими и их органами многих предприятий, отстранение от управления военной администрации, полный переход власти на заводах к фабзавкомам, введение «рабочего контроля» на заводах[31]. После Октябрьского переворота началось повсеместное введение «рабочего контроля» на всех оборонных заводах, что было узаконено постановлением 14 (27) ноября 1917 г. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом «Положения о рабочем контроле».

Выводы

В начале войны остро встал вопрос о достижении социального партнерства между рабочими и администрацией казенных оборонных предприятий. Администрация пыталась использовать для этого политику максимального освобождения рабочих от военной службы рабочих, повышения зарплат и обеспечения их предметами первой необходимости. Стараясь избежать конфликтов, администрация пыталась опереться на старые, опытные кадры рабочих.

Однако ростки партнерства со стороны опытных, развитых рабочих с военной администрацией были заглушены активностью временных, малоквалифицированных, набранных во время войны рабочих, как правило, молодежного, призывного возраста. Доминировали тенденции использования трудностей, вызванных войной, для достижения собственных, узко материальных интересов, включая увеличение зарплаты и установление

выгодных условий труда и производственной дисциплины, невзирая на требования военного производства для целей обороны. Требования, подававшиеся как «рабочий контроль», не включали взятие на себя рабочими организацию производственных функций.

Во время войны политика социального партнерства на казенных предприятиях представлялась притягательной для рабочих частных предприятий, как более учитывавшая их требования, и в определенной степени провоцировала движение рабочих частных заводов. Однако в целом эксперимент по социальному партнерству не удался. Рабочее движение оказалось захвачено стихийной борьбой за частные, материальные интересы и было использовано политическими левыми радикалами. Однако опыт патернализма по отношению к рабочим государственным оборонным предприятиям оказался востребованным уже в годы Советской власти.

1 *Мандель Давид.* Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.): [пер. с англ.]. М.: Новый Хронограф, 2015. 544 с.; *Пушкарева И.М.* Рабочее движение в России в годы Первой мировой войны: (историогр. заметки) // Российская история. 2015. № 3. С. 90—105.

2 РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 4. Л. 11 об.; Ф. 504. Оп. 42. Д. 36. Л. 567.

3 Свод военных постановлений 1869 года. Изд. 3-е (по 1 января 1910 года). СПб., 1910. Кн. XIII; *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну/ переработал и дополнил Е.З. Барсуков. Изд. 3. М.: Гос. воен. изд-во, 1937. С. 44.

4 Сведения о зарплатах и ценах на различных оборонных заводах: РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 551. Л. 387, 287 об., 6 об., 33, 39 об., 42, 44, 47 об., 317—317 об., 324—324 об.

5 Там же. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 670. Л. 29, 116, 172; Ф. 504. Оп. 32. Д. 551. Л. 17, 325.

6 Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1477. Л. 227; Оп. 15. Д. 670. Л. 172, 100—100 об.; Д. 587. Л. 53; Ф. 504. Оп. 32. Д. 551. Л. 17; Ф. 369. Оп. 9. Д. 8. Л. 6; Д. 532. Л. 108.

7 Там же. Ф. 504. Оп. 32. Д. 551. Л. 17 об., 19; Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 249—267, 532, 272; Ф. 369. Оп. 9. Д. 40. Л. 86—86 об., 90, 126.

8 Там же. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 11. Л. 344—344 об.; Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 249.

9 Тяжелые дни: (секретные заседания Совета Министров 16 июля — 2 сентября 1915 года) / составлено А.Н. Яхонтовым // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 52; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 587. Л. 53—54, 653, 654, 687, 693; Ф. 1343. Оп. 8. Д. 960. Л. 1—26; Ф. 504. Оп. 32. Д. 589. Л. 999 об.

10 РГВИА. Ф. 504. Оп. 40. Д. 28. Л. 264—265.

11 Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1474. Л. 1—32.

12 *Ершова Т.В.* Борьба московской буржуазии за рабочие кадры в условиях Первой мировой войны // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XV Междунар. науч. конф., 2016: в 2 ч. Иваново: Ивановск. гос. ун-т, 2016. С. 331—337.

13 РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 8. Л. 25 об.

14 Там же. Ф. 504. Оп. 32. Д. 551. Л. 19, 24—25, 318—323 об., 469—471, 474, 502.

15 Там же. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1633. Л. 12—13.

16 Там же. Ф. 504. Оп. 32. Д. 567. Л. 180—180 об., 191—195, 199, 226—227, 264—265.

17 Там же. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1634. Л. 3—4 об., 41 Л.192 об.

18 Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1485. Л. 31; Ф. 504. Оп. 32. Д. 551. Л. 2—2 об., 12—12 об., 17 об.; Д. 589. Л. 55, 191, 521 об., 524.

19 Там же. Ф. 369. Оп. 9. Д. 5. Л. 11; Ф. 504. Оп. 32. Д. 589. Л. 328, 191.

20 Переписка штабов Петроградского военного округа и Северного фронта // РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 421. Л. 76 об.; Ф. 504. Оп. 32. Д. 589. Л. 92—92 об., 119—121, 136, 190 об., 222, 524.

21 РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 589. Л. 82—82 об., 136, 436, 461, 493 об., 980.

22 Там же. Оп. 32. Д. 589. Л. 82 об., 153 об., 190—192, 222 об.

23 Там же. Ф. 369. Оп. 9. 40. Л. 1, 261 об.

24 Там же. Ф. 504. Оп. 32. Д. 589. Л. 642, 645—645 об., 656—656 об., 671—672; Ф. 369. Оп. 9. Д. 40. Л. 113—120, 134, 228, 245—247 об.; Д. 41. Л. 258—257, 262—263, 276—276 об.

25 Приказ по Военному ведомству № 145 от 15.3.1917 // РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 589. Л. 786—787, 793—793 об.

26 РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 589. Л. 788—788 об., 790; Д. 600. Л. 255, 296.

27 Там же. Д. 600. Л. 8, 367, 219 об.; Ф. 369. Оп. 9. Д. 40. Л. 113—115.

28 Там же. Ф. 504. Оп. 32. Д. 589. Л. 1010—1012, 1065; Д. 600. Л. 47, 124 об., 223—224, 227—227 об.; Ф. 369. Оп. 9. Д. 40. Л. 238—240 об.

29 Там же. Ф. 504. Оп. 32. Д. 600. Л. 1, 367, 258.

30 Там же. Ф. 369. Оп. 9. Д. 40. Л. 297—297 об.

31 Там же. Ф. 504. Оп. 32. Д. 600. Л. 254—255, 276, 283—283 об.

Т.М. Смирнова

«Бывшие люди» послереволюционной России: основные итоги, проблемы и перспективы изучения*

В условиях современных дискуссий о роли революции 1917 года и Гражданской войны, о демократии и тоталитаризме особую актуальность приобретает весь комплекс проблем, связанных с формированием советского общества.

После Октября 1917 года миллионы людей, считавшихся представителями имущих слоев и привилегированных сословий дореволюционного российского общества (аристократия, чиновничество, помещики, купечество, духовенство, буржуазия всех категорий, значительная часть интеллигенции и проч.), оказались выбиты из привычной социально-культурной и профессиональной ниши, лишившись не только собственности, но и привычного социального статуса. Те, кто не пожелал или по разным причинам не смог покинуть Советскую Россию, после Гражданской войны были вынуждены приспосабливаться к новым условиям. Эти «осколки проклятого прошлого» оказались искусственно объединены властью в единую социальную группу под символичным названием *«бывшие люди»* или просто *«бывшие»*. Данная социальная категория отличалась аморфностью и неопределенностью, а также зависимостью от изменчивой политической конъюнктуры, объединяя в своих границах представителей социальных групп «старого общества», разительно отличающихся с точки зрения имущественного положения, социального статуса, уровня образования, профессии, мировоззрения, жизненных ценностей, культурных и бытовых традиций и т.п. На определенных этапах указанные выше различия и противоречия могли сглаживаться либо, напротив, обостряться. Все это предопределило сложность и внутреннюю противоречивость «бывших» как особой социальной категории советского общества.

Комплексных исследований по проблемам интеграции «бывших» в послереволюционное российское общество не было вплоть до начала XXI в. Между тем, анализ исторических трудов, так или иначе затрагивающих различные аспекты данной проблемы, занял бы не один том[1].

В советской исторической науке тема «бывших» изучалась преимущественно сквозь призму классовой борьбы. Отдельные вопросы социальной мимикрии представителей «чуждых» сословий неизбежно поднимались в процессе изучения проблем ликвидации «эксплуататорских классов» в СССР, а также изменения социальной структуры и становления «бесклассового» общества[2]. Некоторые аспекты темы затрагивались также в работах, посвященных реформам в области сельского хозяйства и проблеме ликвидации помещичьего землевладения[3]; формированию советской интеллигенции[4], истории отечественной культуры, культурной революции и проблемам сохранения культурного наследия в первые послереволюционные годы[5]. Вопросы адаптации к новым условиям бывшего чиновничества, служащих ряда ведомств частично нашли свое отражение в исследованиях, посвященных созданию советского госаппарата и отдельных его структур, а также становлению и развитию тех или иных отраслей народного хозяйства[6].

* Данный текст подготовлен в рамках проекта «Россия в годы Гражданской войны, 1918—1922 гг.: основные тенденции исторических исследований» при поддержке РГНФ заявка № 17-81-01001 «а(ц)».

В соответствии с господствовавшими в советской исторической науке методологическими приоритетами в центре внимания исследований находились не люди или социумы как таковые, а социально-политические и экономические процессы: классовая борьба, политика ликвидации эксплуататорских классов, культурная революция, перевоспитание «старых» специалистов и т.п. Соответственно, объектом изучения были не судьбы бывших помещиков или домовладельцев, а вопросы конфискации помещичьих земель и муниципализации строений; не чиновничество и российская интеллигенция в условиях Советской России, а использование старых чиновников и буржуазных специалистов на советской службе и т.п. Первые попытки отойти от данной парадигмы были предприняты в конце 1970-х годов, когда исследователи обратились к теме места и роли в российских революциях средних городских слоев[7].

Отношение к революции и к новой власти, осознание своего места в новом обществе; социальные связи и повседневные практики, способы адаптации к новым социально-экономическим условиям и пути интеграции в советское общество; отношение к представителям «чуждых» социальных слоев на уровне повседневно-бытового общения и пр., — все эти вопросы в советской историографии рассматривались лишь косвенно и фрагментарно, с постоянной оглядкой на господствовавшие методологические установки. Приращение фактографического материала в рамках советской историографии не привело к реконструкции жизненного мира «бывших». Качественный скачок в развитии историографии данной темы произошел в 1990-х годах, что обусловлено рядом факторов. Прежде всего, в результате рассекречивания архивных документов и публикации источников была существенно расширена источниковая база исследований. Не менее значимым фактором стало развитие методического инструментария, в том числе и благодаря преодолению искусственной обособленности отечественной историографии от общемировой. 1990-е годы характеризуются подъемом интереса к западной историографии, признанием вклада иностранных исследователей в изучение культурной, социальной и экономической политики большевиков[8]. Многие работы зарубежных исследователей были переведены на русский язык. В первую очередь, речь идет о работах Шейлы Фитцпатрик по социальной истории Советской России 1920—1930-х годов, в которых, помимо прочего, изучаются судьбы различных непролетарских слоев[9].

По мере развития в России социальной истории и истории повседневности в 1990-х годах широкое распространение получили попытки создания «социальных портретов» различных общественных слоев. В частности, большие успехи были достигнуты в реконструкции социального портрета и судеб т.н. «лишенцев» (то есть лиц, лишенных в соответствии с Конституцией 1918 г. избирательных прав), значительная часть которых являлась выходцами из «бывших»[10]. В объединении «Мосгорархив» (ныне Главархив г. Москвы) была создана компьютерная база данных «Лишенцы», в основу которой легли заявления тысяч граждан московского региона о неправомерном лишении избирательных прав. Аналогичная работа с большим массивом заявлений «лишенцев» в адрес контрольных органов Сибири была проделана американской исследовательницей Голфо Алексопулос (Golfo Alexopoulos), защитившей на эту тему диссертацию[11].

Новое освещение получили в постсоветской историографии вопросы взаимоотношений власти с интеллигенцией и духовенством, разные аспекты формирования советской номенклатуры и наличия в ней «буржуазных» специалистов[12]. Одним из приоритетных направлений отечественной истории в этот период стало изучение биографий лидеров «белого» движения, оппозиционных большевикам партий и

анархистских групп[13]; судеб после революции представителей известных дворянских и купеческих семей; владельцев старинных помещичьих усадеб[14].

Однако следует с сожалением признать, что новизна заявленных методологических подходов и исследовательских задач не всегда воплощалась в оригинальные исследования. Дело нередко ограничивалось изменением идеологического вектора с сохранением традиции подгонять фактический материал под готовую схему. Тенденциозный подход к анализируемым событиям и социальным процессам зачастую усугублялся недостаточно тщательной контекстной проработкой материала и отходом от комплексного подхода при формировании источниковой базы исследований. Между тем, адекватная реконструкция положения того или иного социума возможна только в общеисторическом контексте, не изолированно, а с учетом взаимосвязей данного социума с другими социальными группами, а также иных факторов.

В 2003 г. вышла первая обобщающая работа по истории «бывших» — монография Т.М. Смирновой «“Бывшие люди” Советской России: стратегии выживания и пути интеграции, 1917—1936 гг.». На основе широкого круга источников, многие из которых были впервые введены в научный оборот, в монографии нашли свое освещение такие важные вопросы, как социальное пространство «бывших» в динамике и особенности их самоидентификации; отношение к «социально чуждым» слоям на уровне повседневно-бытового общения; основные методы адаптации представителей бывших привилегированных слоев к новым социально-экономическим условиям и др. История «бывших» затрагивается в работах, посвященных формированию в России гражданского общества; становлению и развитию советской системы образования; жилищной политике и т.п. В рамках переосмысления социальной стратификации советского общества исследуются вопросы критериев классовой идентификации в целом, в частности, идентификации отдельных групп «бывших»[15].

В последние годы исследование судеб «бывших» развивается преимущественно в региональном аспекте, причем объектом исследования обычно является не весь социум, а отдельные социальные группы, так или иначе входившие в социальное пространство «бывших»[16]. Значимым событием современной историографии (как отечественной, так и зарубежной) стали попытки исследования национальной специфики границ социального пространства «бывших», а также методов их адаптации к послереволюционным социально-экономическим и политическим реалиям[17].

Изучение интеграции непролетарских слоев в послереволюционное общество становится одним из приоритетных историографических направлений не только истории, но и смежных гуманитарных дисциплин, прежде всего, социологии. Отдавая должное работе социологов по созданию в ходе социальных опросов новых комплексов источников, нельзя не сожалеть о недооценке (а порой и полном игнорировании) ими в своих историко-социологических исследованиях прочих видов исторических источников и методов их источниковедческой критики. Как результат, выводы, полученные на основании всего лишь нескольких интервью, отдельных письменных воспоминаний или даже устных семейных легенд, экстраполируются на весь социум без тщательной источниковедческой критики[18]. С научно-исторической точки зрения, устные семейные предания, передающиеся из поколения в поколение и не подкрепленные другими источниками, не могут быть достаточным основанием для серьезных обобщений и формулирования исторических гипотез.

Наибольшую популярность среди социологических исследований получила монография С. Чуйкиной «Дворянская память: “бывшие” в советском городе (Ленинград, 1920—30-е годы)» (СПб., 2006). Основанная на мемуарах и собранных автором

по специальной программе воспоминаниях (23 интервью с выходцами из дворянских семей, жившими в 1920—1930-е годы в Ленинграде), данная работа представляет собой интерес не столько как реконструкция жизненного мира дворянства, сколько в плане анализа психологического автопортрета дворян той эпохи, взятого в современной интерпретации. Нельзя забывать, что интервьюирование о событиях 1920—1930-х годов проходило на рубеже XX и XXI вв., а по справедливому утверждению В.В. Кабанова, **«мемуары отражают личность человека и историческое сознание общества в момент их написания, а не во время описываемых событий»**[19].

Любопытно, что тенденция создания исторических гипотез на основе анализа исключительно личных источников в последнее время получила широкое распространение не только среди социологов, но и среди историков[20]. Проблема степени субъективности источников личного происхождения и достоверности изложенной в них информации не нова. Методы критического анализа этой группы источников наработаны и апробированы десятилетиями. Нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе, отметим лишь, что некритическое отношение к источникам личного происхождения привело к ряду искажений, как, например, идеализация российского дворянства и лидеров белого движения.

Таким образом, введение в научный оборот новых комплексов источников (материалы ВЧК-ОГПУ; детские тексты; личные дела студентов и др.), применение новых современных методов исторического исследования и расширение круга исследовательских задач позволили сделать в начале XXI в. значительный шаг вперед в плане реконструкции повседневной жизни «бывших» и путей их интеграции в советское общество. Однако далеко не всем исследователям удается преодолеть политизацию и сохранить непредвзятость оценок. Ряд исследований тяготеет к региональному уровню, другие же, напротив, при опоре на весьма ограниченный круг источников претендуют на важные обобщения. До сих пор нет даже устоявшегося представления о том, кого следует относить к «бывшим». Нередко приходится встречать отождествление понятия «бывшие люди» с широко распространенным в середине 1920-х годов термином «социально опасные» (или «социально вредные») элементы. Некоторые исследователи не разграничивают «бывших» и «лишенцев» либо «социально чуждых» и «нэпманов».

На смену многократно разоблаченным догмам и стереотипам советского образца вновь и вновь создаются новые легенды и стереотипы, новые зоны умолчания, новые «герои» и «антигерои». Между тем, отношение бывших к новой власти, как и политику этой власти по отношению к ним, нельзя рассматривать в рамках дихотомии «за-против», «перевоспитание-репрессии» и т.д. Реальная система взаимоотношений значительно сложнее. В этом вопросе нам близка исследовательская методика германского историка Альфа Людтке, назвавшего свой спецкурс о повседневности времен Третьего рейха в университете г. Дрездена «Смотреть, участвовать, держаться в отдалении, противодействовать». Аналогичный подход был бы уместен и в процессе реконструкции запутанной и противоречивой истории поиска «бывшими» своего места в формирующемся советском обществе.

1 Вследствие крайне ограниченного объема, в статье сделан акцент на анализе основных тенденций и проблем историографии. Список же указанных исследований весьма ограничен.

2 *Глезерман Г.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. [М.], 1949; Изменение классовой структуры общества в процессе строительства социализма и коммунизма. М., 1961; Изменения социальной структуры советского общества, октябрь 1917 — 1920. М., 1976; Изменения социальной структуры советского общества, 1921 — середина 30-х годов. М., 1979; *Селунская В.М.* Методологические вопросы исторического исследования социальной структуры советского общества. М., 1977; и др.

[3] См.: *Бутылкин П.А.* Ликвидация помещичьего землевладения в Ярославской губернии (1917—1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1950; *Говорков А.А.* Ликвидация помещичьего землевладения в Курской губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1948; *Долгополов А.Г.* Ликвидация помещичьего землевладения и первые шаги по социалистическому переустройству сельского хозяйства в Орловской губернии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; *Ивницкий И.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). М., 1972; *Кукушкин Ю.С.* Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921—1932 гг.). М., 1968; *Сидоров В.А.* Классовая борьба в доколхозной деревне (1921—1929). М., 1978; и др.

[4] См.: *Амелин П.П.* Интеллигенция и социализм. Л., 1970; *Иванова Л.В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927). М., 1980; Интеллигенция и революция, XX век. М., 1985; *Коржихина Т.П.* Профсоюзы и интеллигенция: борьба за демократизацию интеллигенции после Октября // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М.; Тамбов, 1984. С. 180—188; Советская интеллигенция. История формирования и роста, 1917—1965. М., 1968; *Соскин В.Л.* Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973; *Федюкин С.А.* : 1) Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР. М., 1960 ; 2) Великий Октябрь и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; и др.

[5] См., например: *Зак Л.М.* История изучения советской культуры. М., 1981; *Ким М.П.* Великий Октябрь и культурная революция в СССР. М., 1967; *Князев Г.А., Кольцов А.В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1964; *Юфит А.З.* Революция и театр. Л., 1977; *Ярошецкая В.П.* Борьба партии большевиков за художественную интеллигенцию в период подготовки социалистической революции и в первые годы Советской власти. Л., 1973; и др.

[6] См., например: *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР. М., 1986; *Атлас М.С.* Национализация банков в СССР. М., 1948; *Барсуков М.И.* Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения, октябрь 1917 — 1920. М., 1958; *Венедиктов А.В.* Организация государственной промышленности в СССР. Л., 1957—1961. 2 т.; *Виноградов Н.А.* Здравоохранение в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1954; *Нестеренко А.И.* Как был организован Народный Комиссариат здравоохранения РСФСР. М., 1965; *Жимерин Д.Г.* История электрификации СССР. М., 1962; *Софинов П.* Очерки истории ВЧК (1917—1922 гг.). М., 1960; и др.

[7] См., например: *Востриков Н.И.* Борьба за массы // Городские средние слои накануне Октября. М., 1970; *Степин А.П.*: 1) Социализм и средние слои города: опыт преобразования общественных отношений городских средних слоев. М., 1975 ; 2) Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев. М., 1975; *Гречкин Э.В.* Средние слои на пути к социализму. Таллин, 1976; Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М.; Тамбов, 1984; Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989; и др.

[8] *Краус Т.* Советский термидор: духовные предпосылки сталинского переворота, 1917—1928. Будапешт, 1997; *Мэтьюз М.* Ограничения свободы проживания и передвижения в России (до 1932 года) // Вопросы истории. 1994. № 4; Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, К. Бартошек, Ж.-Л. Марголен. М., 1999; *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000; *У Эньюань.* Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. 2001. № 5; *Ball A.M.* Russia's last capitalists: The Nepmen, 1921—1929. Berkeley: Univ. of California press, 1987; *Davies R.W.* The industrialization of Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1980. Vol. 1: The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929—1930; Vol. 2: The Soviet Collective Farm, 1929—1930; *Edele M.* Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007, Spring. 8, 2. P. 349—373; *Nelson A.* Music for the Revolution: Musicians and Power in Early Soviet Russia. Pennsylvania, 2004; *Siegelbaum L., Sokolov A.* Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents. New Haven; London: Yale University Press, 2000; *Viola L.* The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford, 2007.

[9] *Фицпатрик Ш.* : 1) Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8 ; 2) Жизнь под огнем: автобиография и связанные с ней опасности в 30-е годы // Российская повседневность, 1921—1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995 ; 3) Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001 ; 4) «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 174—207.

[10] См., например: *Булдаков В.П., Иванова Н.А., Шелохаев В.В.* Место и роль средних слоев города в буржуазно-демократической и социалистической революциях // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7; *Добкин А.И.* Лишенцы, 1918—1936 // Звенья: ист. альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600—628; *Канищев В.В.* Приспособление ради выживания: (мещанское бытие эпохи «военного коммунизма») // Революция и человек. М., 1997. С. 98—115; *Смирнова Т.М.* Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917—1920 годов: (по материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновно-

го состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде) // Социальная история, 2000: ежегодник. М., 2000. С. 87—126; *Юшин И.Ф.* Социальный портрет московских «лишенцев» (конец 1920-х — начало 1930-х годов) // Социальная история, 1997: ежегодник. М., 1998. С. 95—122.

[11] *Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926—1936. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

[12] См.: *Барбаков К.Г., Мансуров В.А.* Интеллигенция и власть. М., 1991; *Барнау Д.* Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2; *Белова Т.Д.* Культура и власть. М., 1991; *Бигуаа В.* Потомки духовного сословия: семья Вороновых // Судьбы людей: Россия, XX век: биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996. С. 42—69; *Гракина Э.И.* Ученые и власть // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20—40-е гг.). М., 1999. С. 123—145; *Дегтярев Е.Е., Егоров В.К.* Интеллигенция и власть. М., 1993; *Измозик В.С.* Глаза и уши режима: гос. контроль за населением Советской России в 1918—1928 гг. СПб., 1995; *Квакин А.В.* Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа, 1921—1927. Саратов, 1991; *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7; *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. М., 1991; *Куликова Г.Б., Ярушина Л.В.* Власть и интеллигенция в 20—30-е гг. // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20—40-е гг.). М., 1999. С. 90—122; *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; *Перченок Ф.Ф.* Трагические судьбы: репрессированные члены Академии наук СССР. М., 1991; и др.

[13] Интенсивная публикация документального наследия лидеров «белого движения» и представителей оппозиционных большевикам партий и политических деятелей началась уже в конце 1980-х годов. Результатом этой работы стал ряд фундаментальных изданий: Архив русской революции. М., 1991—1993. 22 т., в 11 кн.; Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991; Меньшевики в 1917 году: в 3 т. М., 1994—1997. 3 т., в 4 кн.; Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 — середина 1930-х гг.: в 6 т. М., 1994—1999. 6 т., в 7 кн.; и др. Несколько позже появились и первые исследования. См., например: *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001; *Урилов И.Х.* Судьбы российской социал-демократии. М., 1998; и многие другие.

[14] См., например: *Никитина Н.Н.* Бывшие помещики в советской России в 1920-е годы: по материалам Калужской и Тульской губерний: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Калуга, 2002; *Ципилева И.* Судьбы дворянских усадеб Череповецкого уезда (района) и их владельцев в 1917—1930-х годах [Электронный ресурс] // Вовлекая в творчество. Вологда, 1998. URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_5_01.htm; и др.

[15] См., например: *Амалиева Г.Г.* «Сочувствую РКП (б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...»: социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е годы // Советская социальная политика 1920-х — 1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 414—428; *Доброноженко Г.Ф.* : 1) Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Отечественная история. 2009. № 5. С. 86—94 ; 2) Дефиниции понятий «кулак» и «сельская буржуазия» // Политические репрессии в России. XX в.: материалы регион. науч. конф. Сыктывкар, 2001. С. 53—54; *Ильин В.И.* : 1) Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества, 1917—1996 гг.: опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996 ; 2) Социальное неравенство. М., 2000; *Раков А.А.* Кто такой «кулак»?: (опыт регион. исследования по материалам архивов Южного Урала) // Отечественная история. 2009. № 5. С. 94—100; *Смирнова Т.М.* «Социальное положение состоит из одной коровы и одного двухэтажного дома»: «классовая принадлежность» и «классовая справедливость» в Советской России, 1917—1936 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2005. № 4. С. 89—97; и др.

[16] См., например: *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918—1936 гг.): (на материалах Западного региона РСФСР): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Брянск, 2003; *Карпычёва Е.В.* Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: источниковедческое исследование, 1918—1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2009; *Мавлютова З.Ш.* Лишение избирательных прав православного духовенства: (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23. С. 52—57; *Фофанова Л.А.* Бывшие государственные служащие Урала как жертвы репрессивной политики Советской власти // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917—1980-е гг.). Екатеринбург, 1997. С. 130—135; и др.

[17] См., например: *Волосник Ю.П.* Нова буржуазія України та розвиток приватнопідприємницької діяльності на фінансовому ринку в роки непу. Харків: НМЦ «СД», 2002; *Гербер О.А.* Крестьяне-«лишенцы» немецких колоний Сибири (1921—1937) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 138—158; *Мешковая С.И.* Состав служащих засорен «бывшими людьми»: лишенцы Харькова и Донецка в период чистки советского аппарата 1930—1931 гг. // Вісник НТУ «ХПІ». Сер. «Актуальні проблеми історії України». Харків, 2014. №. 25 (1068). С. 90—97; *Морозова Н.М.* Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918—1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саранск, 2005; и др.

[18] Так, например, Д. Берто строит «научный анализ трансмиссии социального статуса между поколениями» семьи Николаевых исключительно на основе рассказа Людмилы, внучки главы семейства, родившейся в 1925 г. Таким образом, ее рассказ повествует о событиях, происшедших еще до ее рождения и известных ей лишь со слов бабушки (*Берто Д.* Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации // Судьбы людей: Россия, XX век: биографии семей как объект социологического исследования / под ред. В. Семеновой и Е. Фотеевой. М., 1996. С. 207—239). Истории семей Землянинных и Малаховых также реконструируются по рассказам внучек, знакомых с событиями по воспоминаниям бабушек (*Фотеева Е.* Социальная адаптация после 1917 года: жизненный опыт состоятельных семей // Там же. С. 247, 250). Реконструкция биографии семьи Бурлаковых осуществляется на основе рассказов представителей семьи 1934 и 1966 гг. рождения, повествующих, тем не менее, о событиях начиная с середины XIX в. (*Бигуаа В.* Путь в номенклатуру: случай Бурлаковых // Там же. С. 92—121). Подобные семейные «биографии», созданные без привлечения каких-либо письменных источников, являются, скорее, семейными преданиями.

[19] *Кабанов В.В.* Мемуары // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. Разд. 2, гл. 1. С. 275—276.

[20] См., например: *Никитина Н.Н.* Практика выживания бывших помещиков в Советской России в 1917—1920 гг. [Электронный ресурс]: (по воспоминаниям современников) // Богословско-исторический сборник / Калужская духовная семинария. Калуга, 2016. Юбилейный выпуск. URL: (http://kalugads.ru/praktika-vyzhivaniya-byvshix-pomeshhikov-v-sovetskoj-rossii-v-1917-1920-gg-po-vospominaniyam-sovremennikov); *Smith D.* Former People: The Final Days of the Russian Aristocracy. New York: Picador, 2012.

О.Г. Пуговкина

«Бывшие люди» в Туркестане: от Февраля к Октябрю 1917 года

Революционные события 1917 г. навсегда изменили историю Туркестанского края. В советской исторической науке достаточно было написано о событиях и значении обеих революций: о февральской 1917 года меньше всего, так как она рассматривалась лишь как предтеча более грандиозного по значению события — Октябрьской революции, о которой накоплен значительный исторический материал. Однако при всей широте источниковой базы, некоторые вопросы в рамках советской исторической науки не могли быть изучены. Одна из таких тем, изучение которой стало возможным в рамках отечественной исторической науки лишь относительно недавно, — тема «бывшие люди»[1] в Туркестане.

Изучение источников, связанных с февральскими событиями 1917 г., позволяет говорить о существовании категории «бывшие люди» в Туркестане начиная с февральских событий 1917 г. Февральская революция 1917 года вызвала оживление во всех слоях туркестанского общества. По примеру Петрограда в крае образуются новые властные структуры: Временное правительство, Советы, «Шурои Исламия»[2], начинается активный процесс создания национальных общественных и политических движений, партий, выдвигаются демократические лозунги о свободе и равенстве. Из Петрограда пришли установки о необходимости борьбы со старым «отжившим прошлым»[3]. В Туркестане олицетворением такого прошлого явилась бывшая система колониального управления в лице генерал-губернатора, военных губернаторов, полицмейстеров, сотрудников Охранного отделения, чиновники различного ранга и др. Марко Бутино в своей работе «Революция наоборот» (М., 2007) отмечал: «Еще прежде, чем о политике, встал вопрос о людях. Смена чиновников, необходимая новому режиму для завоевания доверия, вселяла надежды и могла дать позитивный сигнал

мусульманам. Однако как произошла бы эта смена? Не были ли опасны для русских подобные изменения в ситуации, и без того кризисной и напряженной?». В Туркестане, в первые несколько месяцев, сложилась своя особенная ситуация, когда прежняя власть не была свергнута, действующая колониальная администрация «нашла» себе место при новой власти и параллельно стали развиваться новые властные структуры. Так, А.Н. Куропаткин, бывший туркестанский генерал-губернатор, возглавил край в качестве комиссара Временного правительства в течение марта 1917 г.[4]

С победой революции, первыми, на кого пали карательные мероприятия, стали сотрудники Охранного отделения Туркестана, а также видные полицейские чины, которых рассматривали как главных виновников всех бед народа, арестованные уже 9 марта[5].

Следующим этапом в борьбе с «имперским наследием» стал арест А.Н. Куропаткина 31 марта 1917 г., вместе с его близким окружением: бывшим исполняющим делами помощника командующего войсками Туркестанского Военного Округа М.Р. Ерофеевым[6], начальником штаба Туркестанского Военного Округа Н.Н. Сиверсом[7]. Их обвиняли «в шпионаже, заговоре и помощи немецкой разведке» и требовали предать революционному суду[8]. Советский историк Х.Ш. Иноятов отмечал, что «вслед за Куропаткиным были отозваны представители Российского резиденства в Бухаре — Миллер и Шульга»[9]. Вполне вероятно, что на этой волне деньги, собираемые на памятник Г.А. Колпаковскому, было решено передать Совету рабочих и солдатских депутатов.

Вообще, ликвидация «старой» власти ставилась во главу угла проводимой политики. Постановлением Временного комитета Общественной безопасности от 5 апреля 1917 г. предлагалось «ликвидировать органы старой власти и ее агентов и как можно скорее»[10]. Чиновники административных учреждений лишались права ношения военной формы, оружия, погон. Согласно Приказу Главного штаба № 12273 от 5 мая начальнику штаба Туркестанского военного округа предписывалось, что все «офицерские и классные чины полиции и администрации края, устраненные от должности подлежат переводу в резерв чинов округа в действующую армию по собственному усмотрению»[11].

Активность в смене прежнего руководства проявляло и местное население Туркестана, выступавшее против низовой колониальной администрации. В фондах ЦГА есть документы о том, что трудящиеся Джизакского уезда подали жалобу начальнику уезда на арычного аксакала, «предоставлявшего возможность пользоваться водой только богатым людям за взятку, и просили отстранить его от должности и разрешить им провести выборы нового арычного аксакала»[12].

Масштабы репрессий против бывшей колониальной администрации в некоторых областях иногда «зашкаливали» и тогда «бывшие»: чиновники царского правительства, аульные старшины, их помощники, волостные пятидесятники и писари — обращались с жалобами к уездному комиссару Временного правительства на противоправные действия. Такая жалоба была подана уездному комиссару Временного правительства Джетыкентской волости Ташкентского уезда. Ее суть состояла в том, что «местное население, воодушевившись борьбой со старой администрацией, приступили к разделу их движимого и недвижимого имущества, в том числе земли, а их самих выслали из волости»[13]. В этом примере заслуживают внимания два момента: во-первых, адресаты-жалобщики и, во-вторых, какие способы «борьбы» с ними поощрялись новой властью: реквизиция имущества и высылка

Даже простые дружеские связи могли привести в лагерь «врагов» новой власти. Так, были случаи отстранения от занимаемой должности чинов новой власти, если обнаруживалась их родственная связь, дружественные отношения с бывшими чинами охранного отделения[14].

В то же время в категорию «врагов революции» мог попасть любой, чем-либо нарушающий общественное спокойствие. Так, например, союз трудящихся женщин, вместе с рабочими и солдатами приняли решение о создании «Комиссии по борьбе с пьянством» и как результат утверждение Советами решения, что лица, «продающие и покупающие спиртные напитки являются врагами революции»[15].

Чистки затронули и туркестанскую армию. Об этом подробно писал в своих воспоминаниях А.Н. Куропаткин[16], отмечая, что эти процессы лишь разложили и деморализовали армию.

На туркестанской почве был поднят вопрос о благонадежности проживающего в Туркестане великого князя Николая Константиновича. Согласно журналу заседаний Туркестанского комитета Временного правительства № 10 от 20 апреля 1917 г., делался запрос о выяснении политической благонадежности бывшего великого князя и отношение к нему правительства[17].

Кроме того, в феврале 1917 г. были выработаны реальные формы борьбы с «бывшими». В ходе борьбы с «отжившим романовским наследием» высказывались мнения об обложении буржуазии принудительными налогами. Идеи экспроприации собственности становятся актуальными с августа 1917 г.: «немедленная реквизиция находящихся у капиталистов предметов и продуктов первой необходимости», «национализация банков и предприятий, имеющих государственное значение», «полный рабочий контроль над производством и распределением продуктов»[18]. В архивных источниках и в материалах периодической печати встречаются сведения как о требованиях об изъятии имущества, так и реальных реквизициях на фоне нараставшего продовольственного кризиса[19].

Другим способом борьбы с неугодными элементами можно рассматривать высылку с территории края. В телеграмме от 23 мая 1917 г. министра юстиции Перева на имя Щепкина отмечалось, что «высылка как требование населения необходимое. Скоро будет утвержден внесенный мной закон ссылки по решению выборных судебных комиссий»[20]. В фонде Туркестанского комитета Временного правительства есть постановление, согласно которому разрешалось арестовывать лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей завоеваниям революции, свободе и устремлениям и государственному порядку и в качестве наказания предусматривалась их высылка с территории края и из пределов России.

Большую роль в борьбе с «бывшим романовским наследием» играла периодическая печать, в частности — «Наша газета»[21], «Туркестанское слово». Анализируя февральскую риторику, можно отметить, что основные угрозы сыпались в адрес бывших романовских ставленников, а также в сторону той части колониальной элиты, которая за время службы смогла скомпрометировать себя какими-либо проступками, как считалось новыми «властями». В адрес прежнего времени употреблялись такие слова, как «помещичий порядок», «старый порядок». Прежние колониальные власти упоминались с негативным оттенком. К словесной характеристике качества добавлялось обязательно слова «царские», как принадлежность к тому, что уже давно отжило: «слуги», «царские прихлебатели», «ставленник царского самодержавия», «представитель старой власти», «тайные агенты охранного отделения», появляется категория «контрреволюционные элементы». Учитывая, что Россия еще участвовала в Первой Мировой войне, часть общества еще и обвинялась в предательстве по отношению к своему народу — «шпионы», «заговорщики». В то же время, учитывая революционный настрой газеты, в качестве сподвижников прежней власти либо просто сочувствующих ей упоминались с негативным оттенком — «капиталисты», «помещики», «буржуазные круги».

После Октябрьского переворота, как показывают архивные источники, новой власти в лице большевиков осталось только воспользоваться опытом, накопленным прежней властью. Советская власть, по сути, явилась продолжательницей традиций борьбы с «бывшими» — «имперским» наследием, заложенных февральской революцией. Первые годы установления советской власти были отмечены попытками выстраивания отношений между ней и оставшимися «бывшими» привилегированными слоями туркестанского общества на фоне гражданской войны, отрезанности края от центра, экономическими проблемами.

Примечательно, что в первые годы у руководителей советского Туркестана не было четко сложившегося представления «С кем бороться?», так как их круг был слишком обширен. Для понимания вопроса — «С кем боролась советская власть?» необходимо проанализировать декреты и постановления, направленные на борьбу с различными социальными группами.

Из важных документов, регулирующих отношение власти и «бывших» Туркестана в 1917 г., можно отметить «Декларацию прав народов России»[22], в основу которой было положено «полное равноправие всех национальностей России»; обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам Востока», в котором призывалось к «налаживанию своей национальной жизни свободно и беспрепятственно»[23]; декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». В газетах этого времени отмечалось, что надо бороться с «хищниками»: «Свергайте этих хищников и поработителей ваших стран. Не теряйте времени и сбрасывайте с плеч виновных захватчиков ваших земель»[24].

Следующим важным документом, которым регулировалось отношение к «бывшим», можно рассматривать Конституцию 1918 г., в которой заслуживает внимания параграф 34[25], с перечислением той категории граждан, которые были лишены избирательного права: «лица, прибегающие к наемному труду; частные и торговые посредники; монахи, духовные служители церкви и религиозного культа; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствующего дома и т.д.»[26]. Таким образом, советской властью был очерчен круг лиц, являющихся «изгоями» нового общества.

В 1918 г. с принятием «Декрета об уравнении всех военнослужащих в правах» был окончателен разрешен вопрос и в отношении ликвидации «неравенства» в армии, который был начат еще победителями февраля.

Особо стоит рассмотреть Приказ № 94 от 9 сентября 1918 г., когда впервые был поднят вопрос о «точной регистрации буржуазных и контрреволюционных слоев населения». Примечательно, что планирующаяся перепись должна была охватить «широкий» состав населения, который трудно идентифицировать социально: буржуазия, контрреволюционные элементы, представители правого направления в партии, бывшие офицеры (уже названные белогвардейскими), спекулянты. Таким образом, у советской власти Туркестана не было четко сформулированного понятия, кто из «бывших» есть «враги», поэтому оно носило широкий и размытый характер, но включенные в список категории могли представлять, по мнению большевиков, угрозу новой власти.

Вопрос о борьбе с голодом выдвинул вопрос о необходимости реквизиции продуктов питания у зажиточной части населения Туркестана. В «Нашей газете» были широко представлены факты реквизиции всех видов имущества[27].

1919-й год можно рассматривать во всех отношениях как время, с которого происходит ужесточение политики в отношении «бывших». Во-первых, это было связано с попыткой совершения переворота во главе с К. Осиповым, и, во-вторых, от-

крытие фронта вновь соединило Туркестан с центральными районами России, что позволило корректировать и тщательно следить за проводимой политикой. Осиповский мятеж заставил власть пересмотреть отношение ко всему оставшемуся «прошлому» наследию, в том числе к буржуазии и офицерству и др. Поэтому опять был поднят вопрос об «Учете буржуазии и привлечении ее на работу». Архивные материалы позволяют судить о продолжительных дискуссиях о том, какой вред несет в себе оставшееся офицерство и буржуазия, а также возможные варианты ее контролирования. В частности, итогом такого собрания стало решение не только об учете буржуазии с указанием специальности, образовательного и имущественного ценза, но и «лишение всей буржуазии хлебных и продовольственных карточек, конфискация счетов в банках, а также лишней одежды, золота и серебра»[28].

Вывод из этой резолюции можно сделать один — буржуазия и прочие должны были просто исчезнуть из советского общества, так как ни работы, ни пропитания при выдвинутых условиях они себе обеспечить не смогут. По сути, советская власть вынуждала «бывших» выживать каким-то образом: либо вести открытую борьбу с советской властью, либо мимикрировать и искать пути интеграции в советское общество. Наличие значительного количества документов о «поголовной» регистрации буржуазии позволяет лишь прийти к выводу, что принимаемые ранее документы не реализовывались на практике.

Кроме этого, советская власть «взялась» и за служащих, работающих в советских учреждениях. С этой целью была разработана «Инструкция для комиссии по обследованию личного состава служащих во всех предприятиях и учреждениях, находящихся на территории Туркестана», согласно которой «в советских учреждениях нет места бывшим эксплуататорам если только они не нужны крайне как специалисты. Для этого все предприятия должны знать прошлое своих работников»[29]. Содержание данной инструкции носило расплывчатый характер. С одной стороны, была дана трактовка — «бывшие эксплуататоры», с другой — возможность использования тех из них, кто являются «специалистами».

Вместе с рассмотрением вопроса о буржуазии после Осиповского восстания на повестке дня встал и вопрос о национальной интеллигенции. Так, на заседании Совета от 23 января было заслушано заявление о необходимости привлечь к общественным работам и всю мусульманскую интеллигенцию с высшим, средним и низшим образованием. Этот документ вызывал больше вопросов и показывал полное незнание местными большевистскими лидерами особенностей Туркестана. Так, например, в Средней Азии не существовало трехступенчатой системы образования, в соответствии с которой предполагалось привлечь к работе национальную интеллигенцию.

Следующим важным шагом, который позволяет проследить формирование политики советской власти в отношении «бывших», можно назвать материалы заседаний ТурЦИКа от 12 июля 1919 г., когда рассматривался вопрос «О гражданах 1 и 2 сорта».

В 1920-е годы были приняты ряд важных документов, регулирующих отношения между властью и «бывшими». К этому времени можно было говорить о ликвидации крупнейших очагов контрреволюции, налаживании экономической жизни, переход к НЭПу, либерализации общественной жизни.

Важные решения в отношении «бывших» были приняты на IX съезде Советов. В частности, можно говорить о таком важном документе, как Конституция ТАССР от 24 сентября 1920 г. Видимо, в связи тем, что народ Туркестана не избавился еще от эксплуататоров, в статье 1 Конституции он продолжал называться «трудящийся и эксплуатируемый». Данная Конституция лишь закрепила положения, опублико-

ванные в Конституции 1918 г., а параграф 34 Конституции 1918 г., в котором, в определенной степени, выделялось особое отношение к категории «бывших», получил оформление в статье 87[30].

Можно указать на другой документ, которым определялось не только, кто является врагами новой власти, но и реальные способы борьбы с ними, — Постановление от 26 июля 1921 г. Ц.И.К. Туркреспублики за № 83 «О высылке из пределов Туркреспублики бывших чинов администрации». Согласно данному документу, из Туркестана, а как показала практика — в течение 24 часов, были выселены все представители старой колониальной администрации: «лица высшей администрации, уездные начальники, приставы и их помощники, околодочные надзиратели, начальники тюрем и все чины особого корпуса жандармов». В то же время оговаривалось, что лица из числа местных национальностей, служившие в какой либо из указанных должностей, «выселены из пределов Туркреспублики быть не могут и подлежат заключению в местные концлагеря» [31].

Значительный источниковый материал по данному периоду содержится в периодической печати и, в частности, в «Нашей газете». Публикуемые в ней постановления, приказы, распоряжения уже после мятежа позволяют проследить изменение политики советской власти к «бывшим»: привилегированным слоям общества, офицерам, буржуазии — все большей реакции, ограничение прав и свобод, репрессии. Обращает на себя внимание риторика авторов ряда статей на события Осиповского мятежа, которые расцениваются, как «преступная авантюра», «белогвардейское восстание», «наглая попытка»[32], а в качестве участников мятежа указываются «черное офицерство, чиновники, вооруженные младенцы, верные служители и поклонники реакции и буржуазного строя».

Таким образом, революции 1917 года в Туркестане, каждая по-разному, определили для каждого нового общества своих «врагов» и «бывших». В ходе обеих революций выдвигались лозунги за решительную борьбу со «старым отжившим прошлым». Каждая новая власть определяла своих «врагов» постепенно. Примечательно, что по итогам обеих революций круг «бывших» был единообразен: императорская семья и ее окружение, часть видных представителей имперской власти, военные, торговые круги, учителя, инженеры, даже простые слои населения оценивались как «неграмотные, невежды, постоянно попадающие под влияние со стороны прежних хозяев власти».

Петроград во всем показывал пример Туркестану, как и с кем необходимо было бороться, какую использовать риторику. Новые силы туркестанского общества сначала в лице небольшой группы Советов и Временного правительства, а затем и большевиков подхватывали эти веяния и вели активную борьбу с «бывшими», что выражалось в арестах, высылках с территории края, лишении избирательных прав, уголовном преследовании полицейских чинов, конфискации имущества, недопущении людей с «прошлым» в управление новым обществом.

С приходом советской власти, как показала практика Туркестана, категория «бывшие» начинает дополняться. В зависимости от накала политической напряженности, власть то усиливала «борьбу» с бывшими, то на какое-то время забывала о них. Анализ архивных документов показывает, что к 1920-м годам в советском Туркестане большевиками были заложены и осуществлены основные методы борьбы с «бывшими».

[1] Значительная работа в разработке данной проблемы была проведена российским историком Т.М. Смирновой. Согласно ее исследованию, «на практике категория эксплуататор практически не имела границ, охватывая крайне пестрый конгломерат различных классов, слоев, групп населения, существенно отличающихся по своему отношению к власти, по уровню доходов и способу их получения, по политическим убеждениям, культурным традициям и уровню образования. Со временем, понятие “эксплуататор” практически вышло из употребления, став атрибутом до-

революционного общества. На смену пришли “враждебные классы”, “остатки старого умирающего мира”, “социально чуждые элементы”, “чуждые”, “бывшие люди”. Выражение “бывшие” само говорит за себя. Не бывшие помещики, чиновники и предприниматели. Именно “бывшие люди”. Очень удобная формулировка, не содержащая никаких идентификационных критериев и очень точно характеризующая положение представителей данного социума в советском государстве». См.: *Смирнова Т.* Бывшие люди Советской России: стратегии выживания и пути интеграции, 1917—1937. М.: Мир истории, 2003. С. 23.

2 С началом 2000-х годов в отечественной историографии в отношении сложившегося расклада политических сил в Туркестане после февраля 1917 г. прочно укрепился термин «троевластие». Оно объяснялось тем фактом, что в Туркестане к этому времени действовали три политические силы: Туркестанские советы, Исполнительные комитеты общественных организаций и «Шурои Исламия», как представительный орган мусульманского населения. «С развитием института “Шурои Исламия” была прервана наметившаяся тенденция установления в Туркестане двоевластия, подобно российскому». См.: Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. С. 24—25.

3 Ярким примером тому может служить ликвидация царской власти, суды над видными царскими чиновниками, введение новых правил орфографии русского языка.

4 *Вахабов М.Г.* Ташкент в период трех революций. Ташкент, 1957. С. 152.

5 Подробнее о борьбе с «бывшим имперским наследием» в Туркестане после февраля 1917 г.: см.: *Пуговкина О.Г.* Временное правительство и Советы: первый опыт борьбы с бывшим имперским наследием в Туркестане // O’zbekiston tarixi. Ташкент. 2015. № 1. С. 34—46.

6 Михаил Родионович Ерофеев (1857—1941) — генерал от инфантерии (20.06.1913). В 1916 г. временно и.о. помощника командующего войсками Туркестанского Военного Округа, принимал участие в подавлении восстаний на территории Туркестана. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

7 Николай Николаевич Сиверс (1869—1919) — прибыл в Туркестан в свите нового генерал-губернатора Куропаткина. В 1916—1917 гг. — начальник Штаба Туркестанского военного округа. В апреле 1917 г. отстранен от должности Туркестанским совдепом и выслан из Туркестана. В 1918 г. мобилизован и около года служил на ответственных должностях в РККА; заболел в железнодорожном вагоне сыпным тифом по дороге в Ташкент к семье, в отпуск. Снят с поезда, умер в лазарете г. Казалинска.

8 Активность в деле «развенчания злоупотреблений» А.Н. Куропаткина проявили «Туркестанские ведомости» и «Наша газета». В статье за № 111 от 25 мая 1917 г. была помещена заметка, что по инициативе Совета рабочих и солдатских депутатов организована «Комиссия по расследованию деятельности генерала Куропаткина». Во главе ее стоял председатель, полковник Первого сибирского запасного полка Слуцкий, в состав комиссии вошли — Ситняковский, Корбейников, Беликов. Комиссия обращалась за помощью к гражданам Туркестана и просила прислать в комиссию заявление о незаконных действиях Куропаткина или сделать заявления членам комиссии; указать лиц, которые будут полезны для комиссии дать ценные сведения; каждое заявление должно быть подписано с указанием Ф.И.О.

9 *Иноятов Х.Ш.* Победа Советской власти в Узбекистане. Ташкент, 1967. С. 63.

10 Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 28. Л. 37.

11 Туркестанские ведомости. 1917. 18 мая (№ 106). Л. 2.

12 ЦГА РУз. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 1195. Л. 54.

13 Там же. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 9562. Л. 49.

14 Так, чиновник Александров, работавший в канцелярии Закаспийской области, был назначен и.о. Пенджикентского участкового пристава. Находясь в г. Тахтабазаре, он сдружился с председателем Тахтабазарского исполнительного комитета Курбан Ниязханом, который являлся в свое время «сотрудником охранного отделения при старом режиме».

15 Наша газета. 1917. 3.06 (№ 33).

16 Об этих событиях подробно описано в дневниках А.Н. Куропаткина. См.: *Пуговкина О.Г.* Февральские события 1917 года в воспоминаниях последнего туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина // O’zbekiston tarixi. Ташкент, 2016. № 3/4. С. 44—54.

17 ЦГА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

18 Материалы и документы 1 съезда компартии Туркестана. Ташкент, 1934. С. 63.

19 Согласно донесениям старогородского «комиссара» Худояр Хана насильственному изъятию имущества были подвергнуты и жители старого города, а также 11 сентября захватывался пассажирский багаж, с поездов ссаживались местные граждане и багаж.

20 ЦГА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 2. Л. 135.

21 «Наша газета» была организована в марте 1917 г. в Ташкенте и первоначально рассматривалась как печатный орган Советов, в противовес «Туркестанским ведомостям», которые были печатным органом Туркестанского комитета Временного правительства. После Октябрьского переворота — это печатный орган большевиков Туркестана (1917—1924).

22 Декреты Советской власти: сб. документов. М., 1957. Т. 1. С. 39—41.

[23] Правда. 1917. 22.11 (5.12) (№ 196).
[24] Наша газета. 1917. 30.11 (№ 139).
[25] Стоит отметить, что данный параграф Конституции ТАССР полностью дублировал Конституцию РСФСР (принята 10.07.1918 г., обнародована и вступила в силу 19.07.1918 г.). Таким образом вырабатывался некий единый стандарт в определении общего врага на всем пространстве советского государства.
[26] ЦГА РУз. Ф. Р-2231. Оп. 1. Д. 290. Л. 9 (Конституция (основной закон) Туркестанской республики).
[27] Наша газета. 1918. 16.04 (№ 76).
[28] ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 10 (Протоколы заседаний Турцика, Совнаркома, Временного революционного комитета о созыве VII Всетуркестанского съезда Советов. 1919. 211 л.). Л. 199 об.
[29] Там же. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 161. Л. 8.
[30] Советские конституции [Электронный ресурс]: хрестоматия: в 4 ч. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2015. Ч. 1: Первые советские республики, 1918—1922 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. С. 38. URL: http://istfil.bgpu.ru/
[31] ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 287. Л. 14—15.
[32] Наша газета. 1919. 25.01 (№ 14).

С.Н. Базанов

Демобилизация действующей армии в ноябре 1917 – апреле 1918 г.

Этот непростой процесс в тот период имел ряд специфических особенностей: во-первых, демобилизация действующей армии началась, когда еще не закончилась война (до заключения перемирия с противником), во-вторых, конечной ее целью был полный роспуск вооруженных сил. Причинами столь радикального шага стали бурные события 1917 г. в России, в результате которых началось разложение армии. В итоге менее чем за четыре месяца (с середины ноября 1917 г. до весны 1918 г.) советской власти удалось демобилизовать миллионы фронтовиков.

Процесс демобилизации действующей армии был неразрывно связан с декретом о мире. Как известно, на фронте он начал воплощаться в жизнь с ленинского призыва к солдатам — выбирать «тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем», переданного 9 ноября по радиотелеграфу. В телеграмме также указывалось, что Совнарком дал солдатам на это права[1]. Поводом к такому неординарному шагу явился отказ временно исполняющего должность Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина выполнить распоряжение СНК о немедленном вступлении в переговоры о перемирии с противником.

Привлечение солдат к выполнению этой несвойственной им задачи сильно подорвало и без того уже едва державшуюся дисциплину на фронте. После ленинского обращения отношение к перемирию стало главным признаком, по которому вся армия разделилась на два лагеря: противники его заключения — практически весь офицерский корпус и руководство эсеро-меньшевистских солдатских комитетов, и сторонники — большинство рядового состава, который в условиях начавшейся послеоктябрьской «демократизации» перестал подчиняться командованию.

10 ноября 1917 г. Совнарком принял декрет «О постепенном сокращении численности армии», согласно которому в бессрочный запас увольнялись солдаты призыва 1899 г. В тот же день это распоряжение по радиотелеграфу было передано в штабы всех фронтов и армий[2], сильно взбудоражив солдатские массы и породив множество недоразумений из-за своей расплывчатости и нечеткости. Главное, в нем не было указано, кто должен отве-

чать за проведение демобилизации. Впрочем, поспешность в ее проведении была вполне объяснима: налицо была не просто проблема дезертирства, а массовый самовольный уход солдат с фронта после объявления первых советских декретов, особенно о земле.

Крестьяне, одетые в солдатские шинели, торопились успеть к земельному дележу. Так, в сводке сведений, отправленной в Ставку 11 ноября из штаба 1-й армии Северного фронта, отмечалось: «Количество дезертиров увеличивается, отпускные во многих случаях совершенно не возвращаются»[3]. С другого фланга театра военных действий — Румынского фронта, из штаба 8-й армии, в тот же день сообщали, что количество дезертиров непрерывно растет и «письма из тыла о страшной дороговизне, отсутствии многих продуктов, почти голод вызывают у солдат сильное беспокойство за свои семьи и создают стихийную тягу в тыл, которая выливается в форму дезертирства и постановлений комитетов о разрешении отпусков по уважительным причинам»[4].

Из штабов фронтов и армий в Ставку регулярно приходили сводки сведений о настроении с указанием количества дезертиров. И именно с ноября 1917 г. ею стала наблюдаться весьма тревожная статистика. Так, за ноябрь и первую декаду декабря только на Северном и Западном фронтах сводки неизменно содержали сведения о значительном количестве дезертиров. Число солдат уменьшилось более чем на 26%, и лишь около 11% из них приходилось на демобилизованных[5]. Остановить дезертирство было, по сути, некому: офицерский корпус в связи с проведением демократизации повсеместно отстраняли от командования, большевистские ревкомы и большевизированные солдатские комитеты боролись за власть со своими политическими противниками, одновременно проводя и демократизацию, и заключение локальных перемирий.

Заслуживает внимания оценка сложившейся ситуации, данная 27 ноября начальником штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенантом Н.Н. Стоговым в разговоре по прямому проводу с начальником штаба Ставки генерал-майором М.Д. Бонч-Бруевичем: «мы стоим перед неизбежным следствием, что корпус офицеров и командный состав, терроризированный и фактически лишенный всяких прав, так или иначе вынужден будет оставить армию и последняя будет самоуправляема выборными лицами, которые, как показывает жизнь, далеко не всегда являются подготовленными... Между тем мы стоим перед самочинной демобилизацией, которая, на мой взгляд, опаснее для Родины, чем нашествие грозной армии противника». Далее генерал заключил: «более или менее безболезненное осуществление демобилизации возможно только при наличии (в войсках и штабах. — *С.Б.*) лучших сил офицерского состава... Если не будут приняты какие-либо чрезвычайные меры, то при настоящем течении жизни мы идем с каждым днем все ближе и ближе к ужасной развязке, когда дезорганизованная голодная армия двинется в тыл и уничтожит свое же Отечество»[6].

Фактически создавшаяся в послеоктябрьский период обстановка гражданской войны в действующей армии не только усилила никем не пресекавшееся массовое дезертирство, но и породила процесс самочинной демобилизации, то есть проходящей вне общего плана, незаконно, по инициативе местных солдатских организаций. Атмосферу накалял разразившийся в конце октября — ноябре острый продовольственный кризис на фронте, вызванный, во-первых, всероссийской железнодорожной забастовкой, объявленной Викжелем (Всероссийским исполнительным комитетом железнодорожного профсоюза), как известно, в связи с Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде, а, во-вторых, усилением разрухи на транспорте вследствие ухудшения общей экономической ситуации.

Эти обстоятельства заставили Совнарком вплотную заняться проблемой демобилизации армии. На 26 ноября в Петрограде был назначен Всероссийский съезд по

продовольствию, снабжению и демобилизации армии. Но так как фронтовых представителей собралось мало, он объявил себя совещанием по продовольствию. Заседание открыл нарком по военным делам Н.И. Подвойский и поставил перед делегатами две задачи: обеспечить продовольствием армию и выработать условия и порядок ее демобилизации. В конце работы совещания был сформирован Центральный комитет по снабжению и продовольствию армии[7].

На 28 ноября в Петрограде вновь было назначено открытие съезда по демобилизации армии, однако опять ввиду недостаточного числа делегатов было проведено совещание. Председателем избрали заместителя наркома по военным делам, комиссара по демобилизации армии М.С. Кедрова. Совещание посчитало себя неправомочным решать сложные вопросы демобилизации и приняло решение созвать 15 декабря общеармейский съезд, посвященный этой проблеме. Для подготовки съезда делегаты избрали из своего состава организационное бюро. В заключение совещание приняло достаточно расплывчатую резолюцию, где подчеркивалась необходимость еще до начала общей демобилизации приступить к увольнению в запас военнослужащих возможно большего числа сроков призыва[8]. Таким образом, оба совещания так и не приступили к выработке программных документов о планомерной демобилизации, а перепоручили это важное дело назначенному на середину декабря общеармейскому съезду.

Обстановка на фронте тем временем продолжала ухудшаться. Не имея от СНК конкретных указаний по проведению демобилизации, действующая армия вынуждена была решать этот вопрос самостоятельно. В тот период (конец ноября — первая половина декабря) проходили фронтовые и армейские съезды, в повестке дня которых не последнее место занимали вопросы демобилизации. Так, на состоявшемся в Пскове 28 ноября — 2 декабря 1-м съезде солдатских депутатов армий Северного фронта была принята резолюция, определившая организационные основы демобилизации. Подчеркивалось, что ее следует проводить строго по срокам призыва начиная со старших годов (1900 г.). Особо указывалось на необходимость создания комиссии по демобилизации при фронтовом солдатском комитете, которая должна руководить деятельностью демобилизационных комиссий[9].

В ряде частей и соединений фронта, согласно принятой резолюции, большевизированными солдатскими и военно-революционными комитетами были образованы демобилизационные комиссии. Однако их деятельность часто сопровождалась неразберихой и проявлением местничества. Например, на заседании ВРК 1-го Кавказского стрелкового полка (1-я армия), состоявшемся 1 декабря, была избрана полковая демобилизационная комиссия, сразу приступившая к работе. Вскоре при исполкоме этой армии была создана армейская демобилизационная комиссия, и между двумя комиссиями начались неизбежные трения. Состоявшийся 14 декабря малый съезд солдатских депутатов 1-й армии вынужден был отметить: «если начатые работы комиссией будут расстраиваться самочинной демобилизацией отдельных частей на местах, то этой работы демобилизационной комиссии привести в исполнение не придется, а поэтому малый съезд обращается с призывом к товарищам солдатам выждать терпеливо на местах общих распоряжений от армейской демобилизационной комиссии». Кроме того, съезд призвал корпусные и дивизионные солдатские комитеты «организовать у себя демобилизационные комиссии, чтобы приступить к проведению в жизнь всех постановлений армейской демобилизационной комиссии и отнюдь не заниматься демобилизацией сепаратным образом»[10].

Такие съезды с той же повесткой дня вскоре состоялись на соседних фронтах — Западном и Юго-Западном. В Могилеве 11—16 декабря работал общеармейский съезд при Ставке, на котором присутствовали 46 делегатов от частей и соединений

действующей армии. В числе прочих в повестке дня стоял вопрос о демобилизации. Съездом было принято постановление о создании во всех частях и соединениях комиссий для осуществления практических мер по демобилизации армии[11].

Таким образом, в период с конца ноября по середину декабря действующая армия сама приступила к решению проблемы демобилизации, создавая в различных частях и соединениях демобилизационные комиссии, но единого координационного центра не было образовано. Комиссии же (организованные далеко не повсеместно) еще только разворачивали свою деятельность, руководствуясь разработанными на местах нормативными документами, и прилагали огромные усилия для борьбы с захлестывающей действующую армию волной самочинной демобилизации. В многочисленных сводках сведений о настроении на фронте, поступавших в Ставку в тот период, постоянно отмечались участившиеся случаи этого тревожного явления[12].

Следует напомнить, что параллельно с малоуправляемой демобилизацией шел процесс заключения перемирия с противником. Как известно, после подписания локальных соглашений на всех пяти фронтах советской делегацией была достигнута договоренность об общем перемирии, вступившем в силу 4 декабря. Для процесса демобилизации это имело немаловажное значение: у большевизированных солдатских комитетов и большевистских ревкомов, занятых до того в основном борьбой за власть и вопросами достижения перемирия, высвободилось время и появились возможности для более четкого руководства процессом демобилизации. Однако ни опыта, ни единых нормативных документов они тогда не имели и действовали на свой страх и риск, нередко внося разброд и сумятицу в солдатские умы и фактически провоцируя рядовой состав на противоречащие понятию о воинском долге поступки.

В такой обстановке в Петрограде наконец состоялся Общеармейский съезд по демобилизации армии (15 декабря 1917 г. — 3 января 1918 г.). На нем присутствовали 272 представителя от Советов рабочих и солдатских депутатов, фронтовых, армейских и корпусных солдатских комитетов и др. (в том числе 119 большевиков и 45 левых эсеров[13]), 230 из этих делегатов имели право решающего голоса. Основной задачей съезда стала выработка мер по внесению организованности и порядка в демобилизационный процесс в армии, а также обсуждение проблем создания новых вооруженных сил. Участники съезда разделились на четыре секции: в первой рассматривались проблемы организации новой армии, во второй — общие аспекты демобилизации (порядок увольнения, сдачи оружия и др.), в третьей — ее технические вопросы (транспорт, материально-техническое снабжение), в четвертой — организация управления демобилизацией.

Разделение на секции позволило глубоко и детально проработать все назревшие вопросы, а имевшийся у части делегатов некоторый опыт в этом деле — избежать ряда ошибок. Так, 21 декабря съезд принял актуальное и, как показало время, верное решение: «при общей демобилизации увольнение производить в порядке старшинства сроков призыва начиная со старшего»[14], что позволило поставить точку в спорах среди солдат. Дело в том, что часть военнослужащих старших возрастов была мобилизована лишь в 1916 г. и фронтовики «со стажем» считали несправедливым начинать демобилизацию по возрасту, то есть по срокам призыва, требуя, чтобы главным принципом очередности демобилизации была продолжительность пребывания на фронте. Однако если бы такой принцип был принят, он лишь запутал бы дело и сильно задержал бы сроки демобилизации.

Впоследствии были объявлены сроки демобилизации отдельных возрастов призыва. Вышеупомянутым декретом от 10 ноября увольнялись солдаты 1899 г. призыва, затем конца декабря — 1900 и 1901 гг., 3 января 1918 г. — 1902 г., 10 января — 1903 г.,

16 января — 1904—1907 гг., 29 января — 1908—1909 гг., 16 февраля — 1910—1912 гг., 2 марта — 1913—1915 гг.; солдаты последних четырех годов призыва (1916—1919 гг.) были демобилизованы до 12 апреля[15]. Такой подход внес некоторую организованность в демобилизацию и отчасти успокоил солдатские массы.

На съезде были разработаны и приняты также важные постановления, связанные с процессом демобилизации и касающиеся военного имущества, оружия и т.д. Дело в том, что на повестке дня стоял вопрос о создании новой армии, которую необходимо было вооружить и обмундировать, а увольняемые солдаты требовали раздела военного имущества и сохранения за ними личного оружия. Солдатским и военно-революционным комитетам постоянно приходилось разрешать связанные с этим конфликты, о чем постоянно сообщалось в донесениях и сводках сведений, поступавших в декабре 1917 — январе 1918 г. в Ставку.

Так, из одной из частей 5-й армии Северного фронта в январе доносили, что в Двинске из денежного ящика увольнявшиеся от службы солдаты похитили 80 тыс. рублей, а в 302-м пехотном Суражском полку разграбили цейхгауз, забрав имущество на 40 тыс. рублей. Отмечалось, что все демобилизуемые в категорической форме требовали «нового обмундирования, обуви, раздела экономических сумм или денежных пособий»[16]. В конце декабря в 1-й и 2-й пулеметных командах 182-го пехотного Гроховского полка 11-й армии Юго-Западного фронта увольняемые солдаты пытались поделить имущество своих подразделений. Инцидент рассматривался на заседании демобилизационной комиссии при полковом ревкоме. В принятой резолюции отмечалось, что «полковой ВРК резко осуждает товарищей пулеметчиков /за/ намерения расточ/ить/ имущество, так как таковое есть общенародное достояние. /Он/ категорически требует от комитетов и командного состава пулеметных команд никаких самочинных действий не допускать»[17].

Весьма острый вопрос о том, оставлять ли демобилизуемым солдатам винтовки, приобрел политическую окраску. Солдаты стремились унести их с собой, однако напомним, что первый декрет СНК о демобилизации (от 10 ноября) однозначно указывал: оружие следует сдавать полковым комитетам. Но так как данный декрет касался увольнения солдат только призыва 1899 г., то его не приняли как общую директиву. Солдаты настаивали на том, чтобы оружие было сохранено за ними, принимая на митингах, фронтовых и армейских съездах соответствующие резолюции, наказы, решения. Так, в наказе своему делегату, избранному в начале декабря на 3-й чрезвычайный съезд солдатских депутатов 3-й армии Западного фронта, солдаты 8-й пехотной дивизии внесли в пункт о демобилизации требование о том, «чтобы увольняемые домой отправлялись с оружием в руках»[18].

Аналогичных наказов и резолюций было немало. Зачастую солдатские и военно-революционные комитеты, не желая вступать в конфликт с солдатами, удовлетворяли эти требования. Так, к примеру, поступил в 7-й армии Юго-Западного фронта созданный 16 декабря демобилизационный комитет при ВРК 21-й пехотной дивизии. Проводя увольнение от службы солдат 1900 и 1901 гг. призыва, демобилизационный комитет постановил: «Увольнять с оружием тех, у которых таковое имеется на руках»[19]. То же сообщалось и в рапорте штаба Кавказской армии, отправленном 22 декабря в штаб Кавказского фронта: в 24-м Кавказском стрелковом полку «по постановлению полкового комитета увольняемые домой и в отпуск уходят с винтовками»[20].

Нередки были и случаи самовольного уноса оружия. В докладе, поступившем 16 декабря в Ставку с Юго-Западного фронта, в частности, сообщалось, что военнослужащие 5-й Донской казачьей дивизии, подлежавшей расформированию, «винтовок не возвращают»[21]. Командование пыталось предотвратить подобные слу-

чаи. В частности, выборный главнокомандующий армиями Западного фронта большевик прапорщик А.Ф. Мясников (настоящая фамилия Мясникян) в специальном приказе, изданном в начале декабря, писал: «До моего сведения дошло, что солдаты, увольняемые от службы... при своем отъезде из частей берут с собой для отвоза на родину оружие и снаряжение. Это совершенно недопустимо. Прошу указанное теперь же разъяснить солдатам и ответственность за неисполнение настоящего моего приказания возлагаю на соответствующие комитеты и командный состав»[22]. Как воспринимались в войсках подобные приказы, можно судить по тому, что редакция опубликовавшей распоряжение Мясникова газеты «Известия Военно-революционного комитета 3-й армии» сочла возможным в том же номере напечатать и подборку наказов солдат, выражавших требование демобилизовать их только с оружием.

13 декабря Верховный главнокомандующий большевик прапорщик Н.В. Крыленко направил в войска телеграмму, в которой объявлялось, что «согласно полученному от народных комиссаров извещению в настоящее время разрабатывается план перехода от постоянной армии к всеобщему вооружению народа, ввиду чего приказываю солдатам, увольняемым от службы, оружия и снаряжения не выдавать»[23]. Подобным образом вопрос об оружии трактовал и Общеармейский съезд по демобилизации. В решении, принятом на нем 2 января 1918 г., указывалось: «при частичной демобилизации солдаты отпускаются на родину без оружия», при общей же демобилизации, которая будет проведена только после заключения мирного договора с противником, «все оружие равномерно распределяется по территории Российской республики» по указанию ВЦИК Советов и «по его же указанию определяется и способ вооружения народа»[24].

Ясность, внесенная Общеармейским съездом во многие спорные вопросы, позволила местным демобилизационным комиссиям в дальнейшем проводить демобилизацию более организованно, планомерно, да и сам процесс пошел намного быстрее. Если за ноябрь — декабрь были демобилизованы военнослужащие трех возрастов призыва, то за один январь 1918 г. — восьми, 1902—1909 гг.[25]

Однако и в январе не везде обходилось без эксцессов. Если на ближних фронтах — Северном, Западном и отчасти Юго-Западном — демобилизация шла относительно спокойно, то на дальних — Румынском и Кавказском — дело обстояло иначе. На Румынском фронте работу серьезно осложняли враждебные действия украинской Центральной рады и командования румынских войск, стремившихся завладеть огромным военным имуществом русской армии. Чтобы не допустить вооруженных столкновений с румынскими войсками и украинскими вооруженными формированиями, Верховный главнокомандующий Крыленко 8 января отдал приказ «немедленно приступить к организации планомерного отхода частей с территории Румынии»[26]. В связи с такими вынужденными действиями местным большевизированным солдатским комитетам, естественно, приходилось решать проблемы демобилизации в сжатые сроки. Преодолевая огромные трудности, они организовали планомерный отход значительной части войск и вывоз военного имущества с территории Румынии в районы Тирасполя, Луганска и др., где в марте — начале апреля и была завершена демобилизация.

На Кавказском фронте демобилизация также проходила в условиях отхода войск в тыловой район. В приказе ВРК Кавказской армии от 31 декабря 1917 г. предписывалось всем военно-революционным комитетам частей и соединений фронта «немедленно приступить к планомерному отводу значительной части войск, оставив необходимые позиционные заслоны по охране для складов, средств связи и транспорта»[27]. В изданном в тот же день другом приказе армейского ВРК солдатам разъяснялось, что

«оружие может быть оставлено в руках эшелонов, уходящих в полном порядке с фронта, или команд, увольняемых со службы, и отпускных, идущих организованно под командой. У солдат, уходящих с фронта самовольно, одиночным порядком, оружие должно отбираться на одной из узловых станций Закавказской железной дороги»[28].

Такие меры принимались для того, чтобы оружие и другое военное имущество было сохранено, доставлено в пункты расформирования воинских частей и не стало добычей местных вооруженных формирований, созданных Закавказским комиссариатом. Как и на других фронтах, на Кавказском были почти повсеместно созданы демобилизационные комиссии. Начало их созданию положил приказ ВРК Кавказской армии № 6 от 2 января 1918 г., опубликованный 14 января в «Известиях Бакинского Совета». 7 марта ВРК Кавказской армии опубликовал постановление о завершении демобилизации на Кавказском фронте, в котором говорилось: «всем уволенным солдатам военно-революционные комитеты должны оказать содействие охраной и сопровождением бронированными поездами при передвижении безоружных эшелонов»[29].

По подсчетам исследователя Е.Н. Городецкого, около половины действующей армии было демобилизовано еще до заключения Брестского мира. Темп демобилизации с начала января все время нарастал и достиг пика к середине февраля[30].

Одновременно с демобилизацией Совнарком предпринимал усилия по созданию новых вооруженных сил. 15 января 1918 г. В.И. Ленин подписал декрет о создании Красной Армии. Однако организованная большевизированными солдатскими комитетами и ревкомами действующей армии кампания по записи в нее добровольцев не принесла ощутимых результатов. Так, по подсчетам исследователя П.А. Голуба, к весне 1918 г. фронт дал только около 70 тыс. добровольцев, что равнялось приблизительно одному проценту (как известно, осенью 1917 г. в действующей армии находилось около 7 млн человек)[31].

Продолжались и мирные переговоры советской делегации с представителями стран германского блока, начатые в декабре в Брест-Литовске. К концу января германская сторона стала вести переговоры в категоричном тоне, хотя ультиматума не предъявляла. 28 января глава советской делегации Л.Д. Троцкий, как известно, выступил с декларацией о том, что Советская Россия войну прекращает, армию демобилизует, а мира не подписывает. В тот же день без согласования с Совнаркомом он послал телеграмму главковерху Н.В. Крыленко, в которой потребовал немедленно издать приказ по действующей армии о прекращении состояния войны с державами германского блока и о демобилизации, что Крыленко и сделал рано утром 29 января. Узнав об этом распоряжении, В.И. Ленин предписал Ставке немедленно его отменить[32].

В ответ германская сторона заявила, что неподписание Россией мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия, после чего советская делегация покинула Брест-Литовск. 16 февраля глава германской делегации генерал-майор М. Гофман уведомил советского представителя А.А. Самойло, оставшегося в Брест-Литовске, что 18 февраля в 12 ч. Германия начнет наступление на Восточном фронте.

Возобновление 18 февраля 1918 г. германской стороной боевых действий ускорило развал действующей армии и стало причиной окончательной потери ею боеспособности. Именно этим можно объяснить, почему немцы с легкостью захватили значительные территории страны и большое количество военного имущества. Застигнутые врасплох в местах дислокации войска Северного и Западного фронтов (армии других фронтов, как уже отмечалось, были к тому времени в основном отведены в тыл) понесли серьезный урон, большое количество штабов, учреждений и частей попало в плен.

Особенно сильно пострадали армии Западного фронта, где, как известно, в плен попал даже штаб фронта, расположенный в Минске. Неразбериха, царившая в

управлении его войсками, не позволяла оперативно реагировать на неблагоприятное развитие событий, а потеря штабов, особенно фронтового, еще более усилила дезорганизацию. Нарушилась связь с частями и соединениями фронта.

На Северном фронте были оставлены Двинск, где находился штаб 5-й армии, и другие города. В эти дни Ленин признал, что большевики «смотрели сквозь пальцы на гигантское разложение быстро демобилизующейся армии, уходящей с фронта». Он получал «мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве»[33]. В такой обстановке в ночь на 24 февраля ВЦИК Советов и Совнарком приняли германские условия и сообщили об этом правительству Германии.

Противник приостановил наступление, и планомерная демобилизация действующей армии была продолжена. Уже 2 марта, то есть за день до подписания Брестского мира, приказом Комиссариата по военным делам было объявлено об одновременном увольнении призывных 1913—1915 гг.[34] Солдаты последних годов призыва демобилизовывались в середине марта — первой половине апреля в тыловых районах страны.

После заключения Брестского мира на фронте остались лишь небольшие отряды завесы, которая, как известно, была создана Высшим военным советом для обороны демаркационной линии, установленной по условиям Брестского мира. 9 марта постановлением СНК Крыленко был освобожден от обязанностей Главковерха[35], 16 марта приказом врио начальника штаба Верховного главнокомандующего Ставка была упразднена, а 27 марта последовал приказ Наркмовоена о расформировании и ликвидации штабов, управлений и солдатских комитетов[36]. Русская армия прекратила существование.

Закономерен вопрос, за счет чего удалось растянуть во времени процесс демобилизации и предотвратить обвальный стихийный уход с фронта многомиллионных солдатских масс? Это объясняется многими причинами. Одна из них заключается в том, что большинство солдат-фронтовиков, как известно, приняло новую власть как свою и доверяло ей, что подтверждают, например, опубликованные и хранящиеся в архивах их письма домой, в центральные и местные органы советской власти. Кроме того, многие крестьяне, одетые в солдатские шинели, составлявшие подавляющую часть рядового состава, не решались самовольно покинуть фронт из-за опасения лишиться каких-либо привилегий и льгот при разделе земли, на которые они рассчитывали. Наконец, надо признать и роль многих солдатских и военно-революционных комитетов, терпеливо разъяснявших однополчанам пагубность дезертирства.

Добавим, что ряды действующей армии сокращались и за счет экстренных мер военно-политического характера. Начиная с первых послеоктябрьских дней с фронта то и дело снимали по приказу Советского правительства отдельные части и соединения для ликвидации очагов начавшихся в стране антибольшевистских восстаний. Как правило, после выполнения таких заданий войска обратно на фронт не возвращались. А уже в январе 1918 г. из солдат-фронтовиков ревкомы стали комплектовать первые части Красной Армии, которые отправлялись на фронты разгоравшейся Гражданской войны. Кроме того, создавались национальные вооруженные формирования. Особенно большой размах приняла т.н. украинизация частей и соединений на Юго-Западном и Румынском фронтах. Украинизированные части по приказу Центральной рады также снимались с фронта и назад не возвращались. Аналогичный процесс разворачивался на Кавказском фронте. Наконец, под разными предлогами с фронта уходила значительная часть офицерского корпуса, лишившаяся должностей в

результате перевыборов командного состава. Офицеры отправлялись как домой, так и на фронты начавшейся Гражданской войны.

И все же, можно ли было избежать демобилизации, например, сократить армию, пусть даже в несколько раз, избавившись от «шкурных» и контрреволюционных элементов, оставив в ней преданных советской власти бойцов и командиров? Напомним, что на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в действующей армии в ноябре 1917 г., за большевиков проголосовало около 40% фронтовиков[37], и на эту революционную часть солдатской массы могло бы рассчитывать Советское правительство. Да, это было возможным, и так думали в то время многие большевики, в том числе Ленин. Однако после возобновления германской стороной военных действий в феврале 1918 г., показавших полную неспособность старой армии даже к обороне, отбросив иллюзии относительно революционности действующей армии, председатель Совнаркома сделал вывод: всякие попытки ее сохранить не только бесполезны, но опасны. «Крестьянская армия, — писал он, — невыносимо истомленная войной, после первых же поражений — вероятно, даже через не месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство»[38].

1 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 82.
2 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 66.
3 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1542. Л. 115.
4 Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1320. Л. 312.
5 *Минц И.И.* История Великого Октября: в 3 т. 2-е изд. М., 1979. Т. 3. С. 385.
6 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 197. Л. 95—96.
7 Армия и флот рабочей и крестьянской России. (Петроград), 1917. 28 нояб.; 30 нояб.; 3 дек.
8 Там же. 1917. 3 дек.; 6 дек.
9 Октябрьская революция и армия, 25 октября 1917 — март 1918 г. М., 1973. С. 210—211.
10 Военно-революционные комитеты действующей армии, 25 октября 1917 г. — март 1918 г. М., 1977. С. 429—430.
11 Октябрьская революция и армия, 25 октября 1917 — март 1918 г. С. 429—430.
12 РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 454. Л. 127, 194; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 228. Л. 56; Ф. 2404. Оп. 1. Д. 221. Л. 73.
13 Армия и флот рабочей и крестьянской России. (Петроград), 1917. 16 дек.; 17 дек.
14 Там же. 23 дек.
15 *Городецкий Е.Н.* Демобилизация армии в 1917—1918 гг. // История СССР. 1958. № 1. С. 17.
16 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 536. Л. 3.
17 Там же. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 16. Л. 87.
18 Известия Военно-революционного комитета 3-й армии. (Полоцк), 1917. 6 дек.
19 РГВИА. Ф. 2695. Оп. 1. Д. 6. Л. 228.
20 Там же. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 454. Л. 267.
21 Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 31. Л. 141.
22 Известия Военно-революционного комитета 3-й армии. (Полоцк), 1917. 6 дек.
23 РГВИА. Ф. 94 с. Оп. 1. Д. 30. Л. 152.
24 *Городецкий Е.Н.* Указ. соч. С. 26.
25 *Минц И.И.* Год 1918-й. М., 1982, С. 72.
26 Воин-гражданин: (орган армейского исполнительного комитета 6-й армии). (Болград), 1918. 9 янв.
27 Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. (Баку), 1918. 6 янв.
28 Известия Военно-революционного комитета Кавказской армии. (Баку), 1918. 15 янв.
29 Там же. 7 марта.
30 *Городецкий Е.Н.* Указ. соч. С. 27.
31 *Голуб П.А.* Партия, армия и революция: отвоевание партией большевиков армии на сторону революции, март 1917 — февраль 1918. М., 1967. С. 292.
32 Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 314, 435.
33 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 394.
34 *Городецкий Е.Н.* Указ. соч. С. 28.
35 *Кораблев Ю.И.* Советская власть и военные специалисты (1918—1941 гг.) // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 309—310.
36 Войсковые комитеты действующей армии, март 1917 г. — март 1918 г. М., 1982. С. 533—535.
37 *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 221.
38 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 250.

А.В. Венков

Роль казаков в Российской революции 1917 года: историографический обзор

Проблемы участия казаков в Российской революции 1917 года, их роль в этом важнейшем историческом событии изначально были теснейшим образом связаны с самой концепцией революции, сложившейся в советской исторической науке. Советские историки более 70 лет изображали Октябрьскую революцию как народное восстание революционных масс, вызванное особенностями исторического развития России и марксистско-ленинскими законами истории.

Относительно роли казачества в Российской революции 1917 года В.И. Ленин специальных трудов не оставил, и исследователям зачастую пришлось руководствоваться практически отдельными фразами, беглыми характеристиками. Свое видение сущности казачьего сословия, его общественно-экономического положения Ленин раскрыл в «Аграрной программе социал-демократии в первой русской революции»[1]. Что касается политической направленности казачества к моменту Октябрьской революции, то в работах «Русская революция и гражданская война» и «Кризис назрел» Ленин отметил, что в имевшем место столкновении сторонников генерала Л.Г. Корнилова и сил революционной демократии большинство бедноты и среднего казачества было «склонно к демократии»[2]. А в будущем примирить казачество с правительством рабочих может проводимая большевиками антивоенная политика, политика мира[3].

После октябрьских событий в первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» Ленин поспешил заверить, что «подавляющее большинство народа даже среди казачества сознательно, твердо и решительно перешло на сторону большевиков»[4]. Однако этот вариант увидел свет лишь в издании Полного собрания сочинений Ленина, а, как известно, весной — летом 1918 г. ситуация изменилась.

Ленин в 1919 г. считал, что на Южном фронте сосредоточились такие силы «несомненно контрреволюционного казачества... что без победы на Южном фронте ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи»[5], а И.В. Сталин в статье «К военному положению на Юге» писал: «Кто же другой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие — казачество, издавна эксплуатирующее нерусские народы на окраинах?»[6]. Об отношении казачества к революции судили по более позднему поведению масс казачества, во время гражданской войны, а не по непосредственному участию казаков в октябрьских событиях в Петрограде. Действительно, три Донских казачьих полка, находившиеся в то время в столице, составляли примерно 1% от всех войск Петроградского военного округа и гарнизона Петрограда. В условиях военного переворота, когда соотношение настроенных сражаться войск было примерно 10:1 не в пользу Временного правительства, поведение этих полков, объявивших нейтралитет, было вполне понятно.

С другой стороны, классовый подход ко всем проблемам истории и наличие в среде казачества определенного количества бедноты заставляли исследователей признать, что «белым генералам не удалось и не могло удаться создание единого фронта казачества против советской власти»[7].

Еще одной особенностью было переносить на все казачество ситуацию, сложившуюся в Войске Донском, старейшем, самом многочисленном и ближе всех остальных войск расположенным относительно столиц.

Примерно в это же время за рубежом силами эмигрантов, среди которых превалировали политики и военные, а не ученые, складывается иная концепция революции, в которой большевизм рассматривался как сила анархическая и разрушительная, а белое движение — как сила охранительная, спасающая страну и государственность. И если большевики и силы демократии в 1917 г. разваливали государственность как таковую, казаки крепили власть областную, придавая ей функции власти государственной. Современники считали, что в тот период «только у казаков сохранился государственный порядок...» (А.П. Богаевский); к маю 1917 г. относится создание в казачьих областях Юга России государственного аппарата, «сразу начавшего правильно функционировать». Верхи казачества впоследствии были едины в мнении, что «в дни государственного развала и распада казачество оказало организованное сопротивление анархии»[8]. Однако, по мнению очевидцев, уже тогда возник «водораздел», между «российскими» и «местными», казачьими антибольшевистскими группировками. Если «российские» заботило освобождение и воссоздание России, то местные — пока лишь «свобода и неприкосновенность родных очагов»[9].

Стоявшим несколько особняком донским генералам казалось: «Большевистскую власть без сопротивления, без какой-либо борьбы, добровольно принял единственный народ бывшей России — великорусский; он принял как программу, как свою идеологию и большевизм». Борьба начиналась там, где начиналась этническая граница[10]. Шла война казаков с Великороссией, — «так и чувствовало казачество, и осознавало это, кроме той небольшой части, у которой было затуманено демагогией сознание»[11]. В этом ключе были выдержаны ряд исследований эмигрантов[12]. Этой концепции с теми или иными оговорками придерживались зарубежные — в основном английские и американские — исследователи (Дж. Бредли, Г. Бринкли, Р. Лакет, П. Лонгуорт, П. Кинез)[13].

Следует отметить, что общей характерной чертой отечественной, зарубежной и эмигрантской историографии революции 1917 года и участия в ней казаков долгое время являлась их предвзятость, поскольку написание истории революции и раньше, а подчас и до настоящего времени, рассматривалось как проявление идеологической борьбы.

С конца 1960-х — начала 1970-х годов изучение проблемы заметно активизировалось. Роль казачества в революции советские ученые, как и обычно, трактовали преимущественно с точки зрения классовых противоречий, в известной степени недооценивая сословные.

Однако тот же классовый подход при ином методе определения классового состава казачества повлек за собой попытку вырваться за рамки сложившейся схемы, пересмотреть роль казачества в революции и гражданской войне, объявить большую часть казаков союзниками пролетариата. Это было своеобразным отзвуков идеи, что силы, противостоящие большевикам в 1917 г., были минимальны, и если бы не интервенты, гражданской войны удалось бы избежать. Наиболее известны работы Д.С. Бабичева[14] и Л.И. Футорянского[15], в которых авторы пытались увидеть в основной массе казаков союзников или хотя бы попутчиков пролетариата. В обоснование данного положения Бабичев доказывал, что большинство казаков составляли бедняки[16], а Футорянский, прибегнув к лозунгам времен революции и гражданской войны,

свел казаков-середняков и казачью бедноту в единую категорию — «трудовое казачество», чьи интересы противоречили интересам «кулацко-офицерской верхушки»[17]. Впрочем, Футорянский больше опирался на ситуацию в Оренбургском казачьем войске, третьем по численности. Эти положения были в значительной мере оспорены Ю.К. Кириенко[18] и А.И. Козловым[19].

В 1968 г. Л.М. Спирин отметил, что «многие казаки-середняки были богаче, чем кулаки в центральных губерниях страны»[20]. Впрочем, еще до Спирина то же самое о середняках Юга России говорил Ленин — «...там середняки похожи на кулаков»[21]. Позже Козлов разработал методику определения классовой дифференциации крестьянства в таком своеобразном регионе, как Юг России, и сделал вывод, что «центральной фигурой казачьих станиц являлись не бедняки, а середняки и притом такие, которые по крайней мере по российским стандартам напоминали собой кулаков», что «две трети казаков с привилегиями расставаться не хотели»[22]. Это положение можно рассматривать отправной точкой для анализа позиции казачества в революции и последовавшей за ней гражданской войне.

В целом вопросам истории казачества в 80—90-е годы XX в. было уделено большое внимание ученых и было положено начало проведению ряда научных конференций, посвященных казачьей тематике.

К началу 1990-х годов в отечественной историографии в целом сложилась «картина» отношения казачества к революции. Экономическая и политическая ситуация в казачьих областях на Юге России давалась в сравнении с общей ситуацией в России и на Украине[23]. «К 1917 г. Дон и Северный Кавказ представляли собой один из крупнейших социально-экономических комплексов страны», — считали исследователи. Регион представлял собой уникальную по пестроте и сложности мозаику в отношении национальном, религиозном, классовом, культурном, сословном. «Остатки феодализма, хотя и давали себя знать, в общем-то здесь тормозили развитие производительных сил в меньшей степени, чем в центре страны...» (невыгодно выделялись на этом фоне горские крестьяне с их малоземельем). Изучив всю сложность экономических, социальных и иных отношений, исследователи пришли к выводу, что «на базе такой противоречивой экономической почвы в крае назревал огромный социальный взрыв»[24]. На территории казачьих войск Юга России сложилась особенная ситуация. Каждое казачье войско представляло собой единую земельную общину. Хотя земля распределялась между казаками неравномерно, в среднем (на Дону) их надел в 5 раз превышал надел местных коренных крестьян[25]. Классовое расслоение среди казаков было слабее, чем в целом по России, хотя определенные противоречия (классовые, территориальные, возрастные) и проникли в казачество[26]. В целом «большинство казачества в 1917 г. состояло из таких мелких собственников, которые цепко держались за свои привилегии»[27], гарантированные им государством и всем казачьим войском. Наличие внутри областей менее обеспеченного землей неказачьего населения окрашивало все земельные и классовые противоречия в сословный цвет, и на такое восприятие событий не могла повлиять казачья беднота в силу своей немногочисленности[28].

Казачьи войска, по крайней мере старейшее — Донское — имели опыт собственной своеобразной государственности, а особый порядок управления этот опыт подпитывал. После разгрома корниловского выступления тенденции к национальному самоопределению на окраинах страны усилились. Не избежали этого и казачьи войска. 8—15 сентября 1917 г. в Киеве по инициативе Центральной Рады состоялся съезд представителей народов и областей, «стремящихся к федеративному пере-

устройству Российской республики», верхи казачества, до этого дружно выразившие недовольство по поводу объявления России республикой, приняли в работе съезда активное участие[29]. Вскрывая причину взрыва федералистских вожделений, товарищ Донского атамана Богаевский заявил: «...Одним из мотивов, толкающих нас к федерации, является то, что Россия стала “товарищеской” и страх, что “товарищи” все могут... Боязнь дать “товарищам” честный и открытый бой заставляет нас говорить о федерации»[30].

Кириенко исследовал, как голосовали казаки на выборах в Учредительное собрание. Большинство отдало голоса за свою казачью «верхушку», значительная часть казаков-фронтовиков голосовала за эсеров, меньшинство отдало свои голоса большевикам[31]. Тот же Кириенко отметил, как окрыляюще подействовало на казачьи верхи открытое признание их главной «государственной силой» со стороны «союзников». Глава английской военной миссии генерал Нокс считал, что «единственная стоящая вещь в России — это установление... казацкой военной диктатуры...», военный атташе Франции генерал Ниссель поддержал эту точку зрения[32].

В.Н. Сергеев показал, что социалистические партии в казачьих областях отнеслись к установлению советской власти в столицах отрицательно[33]. На Дону лидеры правых эсеров и энесов поддержали действия Войскового правительства[34].

Продолжались исследования казаков, перешедших на сторону советской власти, выходили работы, посвященные Казачьему отделу ВЦИК и созданию казачьих частей Красной армии[35] , хотя сам Казачий отдел ВЦИК считал: «Казачий отдел всегда существовал в виде вывески революционного казачества: с одной стороны, чтоб знали про него у Деникина и Дутова, с другой — знал бы и пролетариат, что не все поголовно казаки сражаются в рядах белогвардейцев»[36].

В постсоветский период Октябрьскую революцию все чаще стали рассматривать как блестяще организованный военный переворот, не имевший опоры в народных массах, а выход на политическую арену, по крайней мере на местах, «возрождающегося» казачества, дружно одевшего белогвардейскую форму, еще больше политизировало рассматриваемую нами проблему.

Обычно попытки объединить то или иное сообщество строятся на напоминании о каком-либо общем несчастье, и начавшееся «возрождение казачества» вызвало огромный интерес к проблеме расказачивания и к тем жертвам, которые понесли казаки во время своей борьбы против большевиков. На эту тему был ряд исследований и еще больше публицистических статей с приведением далеко не обоснованных цифр и явно фантастических фактов. Но эти исследования относилось ко времени гражданской войны.

С другой стороны, Футорянский продолжал настаивать на «ускоренной большевизации казачьих частей столицы» в октябре 1917 г., а относительно периода гражданской войны писал — «нельзя утверждать о том, что большинство даже Донского казачьего войска было на стороне белых», значительная часть казаков сохраняла нейтралитет и могла бы перейти на сторону советской власти еще в начале 1919 г., «если бы не ошибочная и преступная директива Оргбюро ЦК РКП (б) от 24 января 1919 г.»[37].

В то же время появились новые интересные исследования об экономической основе конфликта между казаками и неказаками. Так, Ю.Д. Гражданов, подсчитав реальное количество земли у донских крестьян (в том числе купленной и взятой в аренду), соотнеся урожайность на землях казаков и крестьян, пришел к выводу, что казачество было «не в силах конкурировать на равных с сельскохозяйственной ак-

тивностью зажиточных и средних крестьян при одинаковых условиях землепользования. В итоге казачий мир с его культурно-этническими особенностями логично обрекался на ассимиляцию и ликвидацию крестьянским укладом в недалеком будущем»[38].

Под влиянием идей демократизации продолжались попытки доказать существовавшее у казаков «внутреннее чувство солидарности с основной массой народа, нежелание исполнять насильно навязанные чуждые и ненавистные душе жандармско-полицейские функции»[39]. При этом не учитывалось, что полицейские функции казаки исполняли со времен Ермака Тимофеевича (и сам он их исполнял у купцов Строгановых). Исследования Южного научного центра РАН показали, что во время предыдущих социальных потрясений (1905—1907 гг.) казаки были наиболее лояльной старому режиму массовой социальной группой. В 1906 г. Николай II в благодарственной грамоте подтвердил «все права и преимущества» казаков за их «самоотверженную, неутомимую и верную службу». Как и все здравомыслящие люди, казаки хотели бы сохранить привилегии, особенно в условиях проявившейся в условиях становления капитализма экономической конкуренции, и избавиться от повинностей, в частности от сборов на службу за свой счет (сборы на службу одного казака стоили двух или даже трех годовых доходов среднего казачьего хозяйства)[40].

Относительно позиций казаков непосредственно в период революционных событий 1917 г. своего рода итоговыми можно признать работы В.П. Трута[41]. Войска Петроградского гарнизона в феврале — марте 1917 г. достаточно быстро перешли на сторону революции, не стали исключением, по мнению Трута, и входившие в него казачьи части. Но в то же самое время позиции казаков были более сдержанными. И на фронте казачьи части держали себя настороженно, не высказываясь ни за, ни против разыгравшихся событий. Февральская революция в казачьих областях на первых порах не принесла значительных видимых изменений. Она протекала здесь мирно и достаточно спокойно по сравнению с другими районами страны[42]. Никаких изменений местный аппарат казачьего управления не претерпел. Направленные в казачьи области Юга России (на Дон, Кубань и Терек) комиссары Временного правительства были казаками по происхождению. В русле демократизации общества 11 марта 1917 г. вышло постановление правительства, которое отменяло все ограничения в гражданских правах и разрешало выборы в образовавшиеся высшие органы казачьего управления в виде традиционных казачьих областных войсковых кругов[43].

Казачьи части на фронте с какими-либо политическими инициативами не выступали. Их устраивали взаимоотношения с государством, установившиеся на протяжении их предыдущей истории, и они готовы были закрепить их, опираясь на новую политическую фразеологию. Возникшая в апреле — мае 1917 г. в казачьей среде тревога по поводу устройства государства, мысли об автономии, федерации или вообще об отделении от России и создании своей казачьей государственности стали производной от обострившегося земельного вопроса. Требования коренного и иногороднего крестьянства о разделе казачьих земель сразу же вызвали напряжение в отношениях казаков и крестьян. Уже в апреле 1917 г. правительство вынуждено было направить на Дон официальную телеграмму, подтверждавшую права казаков на их землю[44].

Трут считает, что «подавляющее большинство казачества негативно отнеслось к Октябрьской революции, выступило с формальной поддержкой политических позиций и действий своих атаманов и правительств. Однако уже тогда стали обозначаться весьма отчетливые тенденции нежелания казаков участвовать в разгоравшемся вооруженном противоборстве»[45].

Казаки — потомственные воины — всегда рассчитывали соотношение сил, прежде чем ввязываться в драку. Верхи казачества, находившиеся вдали от столиц, на территории своих войск, дружно выступили против новой власти. Но ни одна крупная казачья часть, находившаяся в Петрограде или около города (за исключением нескольких сотен под командованием П.Н. Краснова), сопротивления большевикам не оказала. После боя у Пулково казаки Краснова заявили, что без поддержки пехоты (пехота у них ассоциировалась с «русскими», неказаками) на Петроград они не пойдут. «Все одно нам одним, казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними — что же будем делать?» — говорили казаки[46]. При посредничестве Викжеля (профсоюза железнодорожников) казаки вступили в переговоры с революционными матросами. Матросы предложили помириться и взаимно выдать инициаторов войны — Керенского и Ленина. Керенский бежал. Казаки готовы были выдать своего командира Краснова, лишь бы их отпустили из-под Петрограда на Дон. Краснов считал: «Эти люди были безнадежно потеряны для какой бы то ни было борьбы, на каком бы то ни было фронте»[47]. Как показали события весны — лета 1918 г., он ошибался.

Казаки уклонялись от борьбы и держали нейтралитет до определенной красной черты. Переступив ее весной 1918 г., большевики получили массовое казачье восстание, затянувшее ожесточенную гражданскую войну на годы.

Что касается наименее изученных вопросов истории революции, гражданской войны и участия в них казачества, то таковым до настоящего времени является вопрос организации красных казаков, их конкретной численности на разных этапах революции и гражданской войны и особенностей их борьбы за власть Советов.

1 *Ленин В.И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 193—413.
2 *Его же.* Русская революция и гражданская война // Там же. Т. 34. С. 220.
3 *Его же.* Кризис назрел // Там же. С. 283.
4 *Его же.* Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Там же. Т. 36. С. 128.
5 *Его же.* Доклад о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт // Там же. Т. 38. С. 277.
6 *Сталин И.В.* К военному положению на Юге // Сочинения. М., 1954. Т. 4. С. 286.
7 *Генкина Э.Б.* Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940. С. 11.
8 Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 22.
9 *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина // Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 7.
10 Казачество. Мысли современников ... С. 100.
11 Там же. С. 102.
12 *Гордеев А.А.* История казаков. Париж, 1968. Ч. 1—4; *Добрынин В.* Борьба с большевизмом на Юге России, участие в борьбе донского казачества (февраль 1917 — март 1920). Прага, 1921; *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевизмом. Мюнхен, 1962; Трагедия казачества. Прага, 1934. Ч. 1.
13 *Bradley J.* Civil War in Russia, 1917—1920. London, [1975]; *Brinkley G.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921 [Notre Dame, Ind.]: Univ. of Notre Dame Press, 1966; *Longworth Ph.* The Cossacks. London, 1969; *Kenez P.* : 1) Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army. Los Angeles, 1971 ; 2) Civil War in South Russia, 1919—1920: The Defeat of Whites. London, 1977; *Luckett R.* The White Generals: An account of the White Movement and the Russian Civil War. London, 1971.
14 *Бабичев Д.С.* Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д, 1969.
15 *Футорянский Л.И.* Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март — октябрь 1917 г.). Оренбург, 1972.
16 *Бабичев Д.С.* Указ. соч. С. 17.
17 *Футорянский Л.И.* Борьба за массы трудового казачества ... С. 52, 57.
18 *Кириенко Ю.К.* Крах калединщины. М.: Мысль, 1976.
19 *Козлов А.И.* Октябрь и казачество Дона, Кубани и Терека // Вопросы истории. 1981. № 3. С. 20—33.
20 *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 135.

[21] *Ленин В.И.* Доклад о внутреннем и внешнем положении Республики на Московской конференции РКП (б) 12 июля 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 88.
[22] *Козлов А.И.* На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977. С. 112, 131.
[23] *Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А.* Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик, 1988. С. 158.
[24] Там же. С. 73, 159—160.
[25] *Хмелевский К.А., Хмелевский С.К.* Буря над Тихим Доном. Ростов н/Д, 1984. С. 7.
[26] *Венков А.В.* Донское казачество в гражданской войне, 1917—1920. Ростов н/Д, 1992. С. 16—17.
[27] *Козлов А.И.* На историческом повороте. С. 129.
[28] Там же. С. 65.
[29] *Кириенко Ю.К.* Революция и донское казачество (февр. — окт. 1917 г.). Ростов н/Д, 1988. С. 153.
[30] Вольный Дон. 1917. 13 сент.
[31] *Кириенко Ю.К.* Революция и донское казачество ... С. 153.
[32] Там же. С. 174.
[33] *Сергеев В.Н.* Крах мелкобуржуазной демократии на Дону, Кубани и Тереке (1917—1920 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д, 1988. С. 20.
[34] *Его же.* Банкротство мелкобуржуазных партий на Дону. Ростов н/Д, 1979. С. 70—71.
[35] *Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К.* Борьба партии за трудовое казачество (1917—1920 гг.). Грозный, 1980.
[36] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 35. Л. 146.
[37] *Футорянский Л.И.* Казачество России в огне гражданской войны (1918—1920 гг.) Оренбург, 2003. С. 40, 464.
[38] *Гражданов Ю.Д.* Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918—1919 гг.). Ростов н/Д, 2015. С. 18—19.
[39] *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат: казачество России в войнах и революциях начала XX века. М., 2007. С. 427.
[40] Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской / Г.Г. Матишов, Т.Ю. Власкина, А.В. Венков, Н.А. Власкина. Ростов н/Д, 2012. С. 69.
[41] *Трут В.П.* : 1) Казачество России в период Октябрьской революции и на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д, 2005 ; 2) Дорогой славы и утрат.
[42] *Его же.* Дорогой славы и утрат. С. 198, 201.
[43] Там же. С. 208—209.
[44] Там же. С. 205—206.
[45] *Трут В.П.* Казачество России в период Октябрьской революции и на начальном этапе гражданской войны. С. 156.
[46] *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте; Всевеликое войско Донское. М., 2016. С. 103.
[47] Там же. С. 128.

Раздел 8
Российская революция и мир

Е.Ю. Сергеев

Февраль и Октябрь 1917 года в общественном мнении Запада (на примере Великобритании)

Революционные события февраля — марта 1917 г. в России, положившие конец автократическому режиму Николая II, получили широкий отклик в кругах политиков Соединенного Королевства различной идеологической ориентации. Главными причинами заинтересованного восприятия Февральской революции представителями британской общественности были тесные союзнические отношения двух империй в рамках Антанты, высокая значимость военных усилий России для достижения победы над Центральными державами в ходе Первой мировой войны и, наконец, серьезные, хотя безосновательные, опасения, которые испытывал истеблишмент Туманного Альбиона относительно стремления прогерманских сил в окружении царской семьи и высших эшелонах государственной власти заключить сепаратный мир с государствами Четверного союза[1].

К февралю 1917 г. в обеих империях действовали общественные организации, члены которых ставили своей задачей дальнейшее сближение в культурной сфере. Например, открытые еще в конце XVIII в. Петербургское и Московское отделения Английского клуба, цвет которых составили представители влиятельных аристократических семейств Голицыных, Долгоруких, Оболенских и Юсуповых, превратились к 1917 г. в центр притяжения всех российских англофилов, а тогдашний посол в России сэр Дж. Бьюкенен являлся почетным гражданином Москвы и доктором Московского университета. В 1913 г. по объему торгового оборота с нашей страной Британская империя занимала второе место после Германии. При этом импорт России из Британии оценивался в 17 млн ф. ст. (или 170 млн руб. по курсу того времени), а его основу составляли машины и оборудование с высокой добавленной стоимостью. В то же время главными статьями российского экспорта на Британские острова выступали сырьевые и продовольственные товары: сливочное масло, лес, лен, пенька, жмыхи, марганец и нефтепродукты[2].

По данным статистики, обобщенными бывшим британским послом в СССР К. Киблом, к началу войны в России постоянно проживали около 7 тыс. подданных короля Георга V, 35% всех торговых судов, посещавших российские морские порты, плавали под «Юнион Джеком», а из 40 млн ф. ст. прямых британских инвестиций в экономику империи Романовых до 50% приходилось на нефтяные месторождения Северного Кавказа и Каспия (Баку)[3]. В свою очередь русская диаспора на берегах Темзы к началу Великой войны насчитывала от 4 до 5 тыс. человек. Весьма тесные политические связи сложились на уровне высшей аристократии, включая семьи обоих монархов, а также в среде либеральной интеллигенции, представленной в России активистами партий октябристов и кадетов, для многих из которых, как например, П.Н. Милюкова, идеалом государственного устройства всегда являлась английская система парламентарной монархии. Отражением этих связей явилось создание Англо-Русского комитета дружбы в 1909 г. Важным шагом к их закреплению стала совместная работа на книгой «Душа России» (*The Soul of Russia*), которая была издана на берегах Темзы в 1916 г. Публикация включила статьи о впечатлениях, которые сформировались у русских и англичан после взаимных поездок в Россию и Брита-

нию, эссе о русской литературе и искусстве, а также очерки участия подданных Николая II в мировой войне[4].

Многие современники отмечали абсолютную неожиданность Февральских событий в Петрограде не только для простых британцев, но и короля Георга V вместе с его ближайшим окружением. Так, по свидетельству занимавшего с 1912 по сентябрь 1917 г. должность вице-консула в Москве, а впоследствии известного дипломата Р.Б. Локкарта, «революция не казалась даже отдаленной возможностью, ибо с первого дня войны каждый либерально настроенный русский надеялся, что победа принесет с собой конституционные реформы»[5].

Как известно, с 1 по 20 февраля 1917 г. (по н. ст.), то есть буквально накануне падения царизма, северная столица Российской империи встречала делегации стран Антанты, прибывшие на берега Невы для участия в межсоюзнической конференции, чтобы согласовать планы победоносного завершения войны в ближайшие месяцы. Центральную роль среди коалиционных союзников России на этом форуме играла представительная английская делегация во главе с членом Кабинета лордом А. Милнером. Именно он по возвращению в Лондон убеждал своих коллег, что ситуация в России достаточно стабильна и не предвещает каких-либо революционных потрясений. Тем не менее, во время аудиенции у Николая II, а также в направленном императору специальном послании Милнер высказал общее пожелание союзников увидеть в России ответственное перед Думой «правительство доверия» во главе с бывшим министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, создание которого санкционировал бы сам царь. В противном случае, предупреждал Милнер, династии Романовых угрожает смертельная опасность[6].

Достоверность ожиданий политических реформ в России со стороны Антанты иллюстрирует фраза руководителя Форин офис А. Бальфура, который после возвращения британской делегации из Петрограда заявил газете «Таймс»: «Монархам редко делаются более серьезные предупреждения, чем Милнер сделал царю». Отказ императора прислушаться к мнению влиятельного политического деятеля дружественной страны, по словам обозревателя газеты, окончательно похоронил надежды на возможность плодотворных контактов западных демократий с царизмом и заставил либеральную русскую оппозицию «искать собственный путь к свободе»[7].

Вместе с тем имеющиеся в нашем распоряжении источники убедительно свидетельствует о непричастности британской дипломатической миссии и военной разведки (с сентября 1914 г. в Петрограде по соглашению с Генеральном штабом действовало так называемое Русское бюро в составе сначала трех, а впоследствии — 17 офицеров МИ-1(с), известной впоследствии как МИ-6), к инициированию демократической революции в России. Заслуживает внимание высказывание британского премьера Д. Ллойд Джорджа, сделанное им по свидетельству его личного секретаря сразу же после получения телеграммы от Бьюкенена об отречении царя: «Отныне они (русские. — *Е.С.*) бесполезны для нас в этой войне»[8]. Пессимизм наиболее опытного действующего политика на берегах Альбиона в отношении союзника являлся вполне оправданным, поскольку Антанта серьезно рассчитывала на активное участие русских войск в весенне-летнем наступлении государств Согласия 1917 г. Поэтому, конечно же, не в интересах Лондона было провоцировать какую-либо внутриполитическую дестабилизацию России накануне, как тогда казалось, решающих сражений, хотя политические реформы, которые превратили бы самодержавие в конституционную монархию, весьма импонировали Уайтхоллу и общественному мнению Соединенного Королевства.

Прямое опровержение «козней» Лондона против Романовых можно обнаружить и на страницах печатного органа Петроградского Совета газеты «Известия», которая

26 мая 1917 г.[9] пришла к выводу, что «ни по своим взглядам, ни по намерениям сэр Дж. Бьюкенен неповинен в победе свободы в России»[10]. Мнение журналистов «Известий» подтверждается свидетельством бывшего начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева. В мемуарах он отмечал: «Я утверждаю, что за все время войны ни Бьюкенен и никто из английских подданных никакого активного участия ни в нашем революционном движении, ни в самом перевороте не принимали. Возможно, что Бьюкенен и другие англичане лично сочувствовали революционным настроениям в России, полагая, что народная армия, созданная революцией, будет более патриотична и поможет скорее сокрушить Центральные державы, но не более того»[11].

Аналогичную точку зрения разделял и Р.Б. Локкарт, выполнявший в 1917 г. функции генерального консула в Москве. По его воспоминаниям, «сэр Дж. Бьюкенен был человеком, все существо которого противилось революции». Когда же она произошла, посол «действительно никогда не встречался ни с одним человеком, который ответственен за свержение царизма, и никогда ни лично, ни через своих подчиненных не поощрял появление в своем доме таких лиц»[12].

Главную роль в распространении слухов о «британском следе» в российской революции сыграла массированная германская пропаганда. К примеру, одна из немецких листовок гласила, что «британский посол сидит в Петрограде и диктует свои пожелания российскому правительству. Пока он будет править Россией и пить русскую кровь, бывшая империя не получит мира и свободы»[13]. Характерно, что уже после Октября 1917 г. лишенные основания домыслы о подчинении в годы Первой мировой войны царского, а затем и Временного правительств интересам Антанты стали активно муссироваться большевиками, превратившихся из пораженцев в «спасителей» Отечества от международного империализма.

Между тем 16 марта, то есть еще до официального признания со стороны Лондона, в адрес Временного правительства была направлена приветственная телеграмма от двадцати лидеров крупнейших британских профсоюзов, из которых шесть являлись членами правительства, а четырнадцать — парламента[14]. Вслед за ней десятки организаций и сотни простых людей адресовали депутатам Государственной Думы, лидерам политических партий и даже министрам революционной России письма с поддержкой вступления страны на путь демократических преобразований. Особый восторг британской и всей европейской общественности вызвало решение Временного правительства 25 марта 1917 г. амнистировать политических заключенных. Многие англичане — современники социальных катаклизмов весны 1917 г. описывали огромное сочувствие и прилив доброжелательности по отношению к России и ее народу со стороны подданных Георга V в связи со свержением царского режима, воспринимавшегося политиками и общественностью Соединенного Королевства как пережиток давно ушедшей в прошлое феодальной эпохи[15]. Такие «романтически настроенные» лейбористские лидеры, как пацифист Р. Макдональд — будущий премьер-министр Соединенного Королевства, с воодушевлением приветствовали свержение царского режима, знаменовавшее собой, как отмечалось в его личном письме А.Ф. Керенскому, наступление эры глубокой социальной трансформации всего мира[16].

Примечательно, что эйфория среди британской общественности, вызванная почти мгновенной победой демократии в России, характеризовалась отождествлением революционного перехода власти от царского к Временному правительству с ликвидацией абсолютистского режима во времена Великой Французской революции. «Все партии приветствуют Россию, которая присоединилась к сообществу свободных народов!» — восторженно писали весной 1917 г. английские газеты различных направлений — от консервативных до социалистических[17].

Сопоставление двух революционных движений наиболее активно проводилось британскими интеллектуалами: учеными, писателями и деятелями искусства вплоть до середины 1920-х годов. Хотя имелись и другие мнения. Так, некоторые наблюдатели сравнивали российский Февраль с эпохой Славной Революции 1688 г., совершившейся, как и в России спустя 230 лет, с минимальным количеством жертв. Другие говорили о схожести драматических событий в Петрограде с началом антироялистских выступлений сторонников английского парламента в 1640 г. Но все же большинство комментаторов разделяло точку зрения левых публицистов о ярко выраженном подобии свержения Николая II в 1917 г. и Людовика XVI в конце XVIII в.[18]

Многочисленные делегации, которые были направлены правительством Д. Ллойд Джорджа и британскими общественными организациями в революционную Россию после официального признания союзниками Временного правительства 24 марта 1917 г., а также усиление активности дипломатической и военной миссий Соединенного Королевства на территории бывшей империи Романовых, свидетельствовали о наступлении подлинно «медового месяца» в отношениях двух стран. В условиях поступательного, как искренне считали многие англичане, продвижения России к демократии перспективы скорого достижения победы Антанты над авторитарными Центральными державами казались вполне реальными. Характерно, что сразу же после отречения Николая II 15 марта 1917 г. лидер юнионистов (консерваторов) Э. Бонар Лоу заявил в парламенте: «Информация, которой мы располагаем, позволяет с уверенностью говорить о том, что революционное движение не направлено против войны, а скорее наоборот призвано стимулировать ее продолжение с эффективностью и энергией, которые ожидает народ»[19].

Вполне закономерно поэтому, что, невзирая на тесные родственные узы и хорошие личные отношения двоюродных братьев — Николая и Георга, лондонский Кабинет в конечном итоге отозвал приглашение короля свергнутому российскому императору и его семье получить политические убежище в Соединенном Королевстве до окончания мировой войны. После оживленной дискуссии это приглашение было признано нецелесообразным, учитывая намерение британского истеблишмента избежать малейшего впечатления, что Англия стремится к реставрации монархии в России, а также общий критический настрой общественности Туманного Альбиона в отношении царя и автократической формы власти, которую символизировала его личность[20].

Тем временем главным вопросом для Лондона в отношениях с революционной Россией оставалось всемерное стимулирование ее военных усилий, но теперь уже на принципах единения старых европейских и новой российской демократий, которым противостояли режимы Центральных империй. Однако уже к осени 1917 г. эйфория британцев сменилась разочарованием. Пожалуй, решающим моментом в этой трансформации явилась неудача июльского наступления русских войск на Восточном фронте. Именно провал согласованного с Антантой и тщательно готовившегося прорыва германо-австрийского фронта летом 1917 г. убедил Лондон в том, что роль России в победоносном завершении Великой войны все больше стремится к нулю, а демократический строй имеет мало шансов на утверждение, не в силах противостоять усиливавшейся дезорганизации государственного управления.

Разочаровавшись в А.Ф. Керенском как возможном лидере Российской республики, Великобритания, хотя и неофициально, сделала ставку на потенциального военного диктатора — генерала Л.Г. Корнилова, фактически поддержав его выступление в начале сентября 1917 г., хотя и прикрыв эту поддержку флером посредничества между главой Временного правительства и главнокомандующим русской армией[21]. Фиаско движения Корнилова на фоне нараставших анархии в политике и хаоса в экономи-

ке заставил Антанту 9 октября 1917 г. обратиться к Временному правительству с дипломатически корректной по форме, но жесткой по содержанию нотой, требовавшей подтвердить верность российских властей союзническим обязательствам[22]. В ответ Керенский сделал попытку направить Ллойд Джорджу личное послание с предложением выступить инициатором начала переговоров с Германией на таких условиях, которые явились бы неприемлемыми для Берлина, что в свою очередь предоставило бы Временному правительству возможность обвинить немцев в несговорчивости, а большевиков, которые выступали за перемирие, в предательстве, провозгласив завершающий этап борьбы против Четверного союза вплоть до окончательной победы над ним. Однако этому хитроумному плану не суждено было осуществиться по ряду причин, главной из которых стал захват власти большевиками в ноябре 1917 г.[23]

Сравнивая восприятие британцами двух этапов Великой российской революции — Февраля и Октября 1917 года, отметим, что после некоторых колебаний общественность Альбиона восприняла советский режим с тревогой и даже страхом. Это объяснялось преимущественно тем обстоятельством, что первоначальное облегчение англичан, вызванное коллапсом хотя и демократического, но показавшего себя абсолютно неэффективным в наращивании военных усилий Временного правительства, сменилось подозрениями британского истеблишмента, в том, что Ленин и его сторонники являются либо платными марионетками Берлина, либо фанатичными идеалистами, готовыми ради осуществления своих утопических замыслов ввергнуть не только бывшую Россию, но и весь мир в пучину вселенского разрушения.

Обобщая динамику рефлексии английских политиков и общественности в отношении российских революционных событий 1917 г., можно сделать вывод о ее волнообразной траектории, напоминавшей движение маятника. Не обладая глубокими знаниями реалий далекой континентальной державы и воспринимая Российское государство как страну иного цивилизационно-культурного ареала, да к тому же стадиально отстающую в своем развитии от передового англо-саксонского мира, большинство британцев быстро переходило от восторженной поддержки к суровому осуждению всего того, что предпринималось в России для преодоления последствий многовекового господства автократии. Разумеется, продолжительное ведение Первой мировой войны и несбывшиеся надежды англичан окончить ее как можно быстрее играли главную роль в разочаровании британского общества результатами российской революции.

К сожалению, именно эти настроения во многом повлияли на организацию Антантой вооруженной интервенции против Советской России и активное участие в ней Великобритании, что вызвало самый глубокий и продолжительный кризис отношений нашей страны со странами Запада в XX в.

[1] Укажем лишь наиболее содержательные работы второй половины XX в. — начала XXI в.: *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution: From the Fall of the Monarchy to the Peace of Brest-Litovsk. Durham, N.C., 1954; *Игнатьев А.В.* : 1) Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М., 1966 ; 2) Внешняя политика Временного правительства. М., 1974 ; 3) От Февраля к Октябрю // История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 544—605; *Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston; Toronto, 1960; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Princeton, N.J., 1961. Vol. 1; *Page Arnot R.* The Impact of the Russian Revolution in Britain. London, 1967; *Kettle M.* Russia and the Allies. London, 1981. Vol. 1; *Northedge F., Wells O.* Britain and the Soviet Communism: The Impact of a Revolution. London; Basingstoke, 1982; *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914—1917 гг. Л., 1990; *Gardner L.* Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923. New York; Oxford, 1987; *Keeble C.* Britain and the Soviet Union, 1917—1989. Houndmills; London, 1990; *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891—1924. London, 1996; *Carley M.* Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, Md., 2014; *Service R.* The Last of the Tsars: Nicholas II and the Russian Revolution. London: Macmillan, 2017; *Сергеев Е.Ю.* : 1) Британия и Февральская революция 1917 года в России: (по

материалам британских архивов) // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 3—15 ; 2) Русский Октябрь 1917 года в общественном мнении Великобритании // Там же. № 5. С. 3—17.

2 Подробнее см.: *Keynes J.* The Economic Consequence of the Peace. London, 1920; *Павлович М.* Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена — Болдуина 1925 г.). Испр. и доп. изд. М., 1925.

3 *Keeble C.* Op. cit. P. 5—6.

4 Подробнее о русско-британских связях в науке и культуре см.: *Давидсон А.Б.* Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51—64.

5 *Локкарт Р.Б.* История изнутри: мемуары британского агента: пер. с англ. М., 1991. С. 92. Подробнее см.: *Page Arnot R.* Op. cit. P. 9.

6 Oxford University. Bodleian Library. Special Collections. Milner Papers. MS Milner, dep. 372. Memorandum on the Political Situation in Russia, February 1917.

7 О поездке лорда Милнера в Петроград для участия в конференции стран Антанты см.: *Wrench J.* Alfred Lord Milner. The Man of No Illusions, 1854—1925. London, 1958. Ch. XX; *O'Brien T.* Milner. Viscount Milner of Cape Town, 1854—1925. London, 1979. P. 277—280.

8 *Owen F.* Tempestuous Journey. Lloyd George: His Life and Time. London, 1954. P. 376.

9 Здесь и далее все даты приводятся по григорианскому календарю (новому стилю).

10 Известия. 1917. 26 мая.

11 *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 70.

12 *Локкарт Р.Б.* Указ. соч. С. 91.

13 *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России: воспоминания англ. дипломата, 1910—1918: пер. с англ. М., 2006. С. 356.

14 *Morning Post.* 1917. 17 March.

15 *Price M.* My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921. P. 3—98.

16 *Marquand D.* Ramsay Macdonald. London, 1977. P. 208, 210—211; *Ward S.* James Ramsay Macdonald. Low Born Among the High Brows. New York, 1990. P. 93—94.

17 *Brogan H.* The Life of Arthur Ransome. London, 1992. P. 122—124; *Page Arnot R.* Op. cit. P. 11—23.

18 Journals and Letters of Reginald Viscount Esher / O. Esher (ed.). London, 1938. Vol. IV. P. 98—99. Esher to Stamfordham. 1917. 26 March; *Russell B.* The Practice and Theory of Bolshevism. London, 1920. Pt. I. P. 5.

19 Hansard Parliamentary Debates (PD). Ser. 5. Vol. XCI. Col. 1421.

20 *Остапенко Г.С.* Британская монархия от королевы Виктории до наследников Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М., 2014. С. 202—209; *Сергеев Е.Ю.* Британия и Февральская революция 1917 года в России. С. 12—14.

21 О поддержке англичанами движения Л.Г. Корнилова см.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории: пер. с англ. М., 2006. С. 358, 380—385; *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции ... С. 264—315; *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York, 1987. P. 247—275; *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. London; New York, 1996. P. 102—103; *Колоницкий Б.И.* Британские миссии и А.Ф. Керенский // Россия в XIX—XX вв. / отв. ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 69, 75; etc.

22 *Игнатьев А.В.* : 1) От Февраля к Октябрю. С. 597—598 ; 2) 1917 год — политика Временного правительства // Очерки истории МИД России / отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2002. Т. 2. С. 30—32; *Колоницкий Б.И.* Указ. соч. С. 71—72.

23 *Milton G.* Russian Roulette: How British Spies Defeated Lenin. London, 2014. P. 62—63.

А.В. Семенова

Великая французская революция и Великая российская революция 1917 года: опыт сравнительного изучения в отечественной исторической науке

Великая французская революция с первых дней вызывала в России большой интерес. Этой теме посвящена обширная литература.

Однако именно после 1917 г. история Французской революции стала в нашей стране чрезвычайно актуальной благодаря постоянным параллелям между событиями давно минувшего прошлого и Октябрьской революцией — постоянному обращению к французскому опыту и многократному его переосмыслению.

Для историков советской эпохи Якобинская диктатура, эпоха Террора, война на всех фронтах, создание революционной армии и вооружение народа, попытки госу-

дарственного регулирования экономики, реформы в деревне, ликвидация сословий, выдвижение и свержение лидеров, политические процессы, борьба с церковью, всё, что имело место во Франции конца XVIII в., было весьма актуальными сюжетами. «История повторяется, — отмечал И.В. Сталин, говоря о Французской революции, — хотя и на новой основе. Как раньше, в период падения **феодализма**, слово “якобинец” вызывало у аристократов всех стран ужас и омерзение, так и теперь, в период падения **капитализма**, слово “большевик” вызывает у буржуазии всех стран ужас и омерзение»[1].

Уже в первые послереволюционные годы наметилась тема сопоставления двух революций. Методологическую основу первых трудов в этом направлении составляли высказывания Маркса и Ленина о Французской революции, широко цитируемые в советское время.

«Возьмите великую французскую революцию, — писал Ленин. — Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве»[2].

В первые годы советской власти при сопоставлении двух важнейших событий мировой истории доминировал часто не научный, а романтически-эмоциональный подход. Это зримо проявилось в театральном и изобразительном искусстве, в плакатах, графике, в монументальной пропаганде (памятники Дантону, Робеспьеру), в малых пластических формах — например, декоративном фарфоре. В свое время историк Юрий Александрович Лимонов сравнил народные празднества эпохи Французской революции и послереволюционной России и выявил в них много общего[3].

Отметим, что тема Французской революции еще ранее присутствовала в дореволюционных большевистских изданиях, особенно периода 1902—1907 гг.

К 1930-м годам стала складываться школа советских историков-марксистов, изучавших Французскую революцию; направленность их исследований отвечала основным сторонам революционных преобразований в России. Родоначальниками этих направлений были академики Вячеслав Петрович Волгин и Николай Михайлович Лукин. Уже тогда возник пристальный интерес к классовой сущности якобинской диктатуры в сравнении с диктатурой пролетариата. Дискуссии о якобинской диктатуре стали отличительной чертой советской школы историков Французской революции. Конечно, нельзя забывать, что имевший место вульгарно-социологический метод несколько снижал научный уровень исследований. Тем не менее именно к концу 1930-х годов в СССР окончательно утвердилась единая концепция Революции, сформировавшаяся в ходе острых научных и политических дискуссий послеоктябрьского двадцатилетия. Она получила развернутое обоснование в фундаментальном коллективном труде, под редакцией В.П. Волгина и Е.В. Тарле, «Французская буржуазная революция 1789—1794» (М.; Л., 1941). Эта концепция в дальнейшем доминировала в литературе до начала 1980-х годов.

Наиболее ярким и характерным ее примером является книга выдающегося советского историка Альберта Захаровича Манфреда «Великая французская революция», переизданная другим видным ученым Виктором Моисеевичем Далиным в 1983 г. по тексту 1956 г. лишь с незначительными поправками[4].

В соответствии с этой концепцией в основу трактовки Революции был положен формационный подход: она «сокрушила феодально-абсолютистский строй» и «расчистила

почву для капиталистического развития». Это — революция великая и буржуазная, в полном соответствии с мыслью К. Маркса о том, что «буржуазия была именно тем классом, который *действительно* стоял во главе движения». «Реальное содержание этой революции, — писал А.З. Манфред, — установление господства буржуазии, создание строя капиталистической эксплуатации». В то же время «народ был главным действующим лицом революции, ее главной движущей силой, он выносил на своих плечах всю тяжесть борьбы с феодальной контрреволюцией, он двигал революцию вперед». Соответственно, эта революция была не просто буржуазной, а буржуазно-демократической и имела ясно видимый вектор: она развивалась, шла вперед до середины 1794 г., после чего термидорианцы, свергнув якобинскую революционно-демократическую диктатуру и «захватив государственный руль, дали движению задний ход. Общественное развитие пошло вспять». Таким образом Великая французская революция была формационно предтечей Октябрьской революции, но они развивались в разных эпохах, имели разные движущие силы и разные объективные цели. Немаловажное значение имело расширение источниковой базы в это время, а именно приобретение Архивом Маркса — Энгельса — Ленина ряда ценных документов этого времени, включая французские газеты эпохи Революции, публицистические издания, архив Бебёфа и других исторических деятелей.

Послевоенный период в изучении двух революций, особенно 1950—1970-е годы можно считать расцветом этой тематики. Тогда работала плеяда выдающихся историков: Виктор Моисеевич Далин[5], Владимир Георгиевич Ревуненков[6], Альберт Захарович Манфред и другие. Этих ученых можно назвать романтиками революции. Их деятельность проходила в контакте со знаменитой французской марксистской школой, идущей от Альбера Матьеза. Тогда плодотворно работали Жорж Лефевр, Альбер Собуль, Мишель Вовель и ныне здравствующий Клод Мазорик. Выходивший регулярно «Французский ежегодник» объединял многих ученых.

В статье «Некоторые тенденции зарубежной историографии», написанной в 1976 г., Манфред обратил внимание на все более усиливавшуюся критику Французской революции со стороны ряда западных ученых. Он писал: «...Стрелы, направленные против Французской революции XVIII в., целят дальше, — это стрелы и против Великой Октябрьской социалистической революции...»[7].

Следует подчеркнуть, что среди этого поколения советских историков в своем большинстве не было ни приспособленцев, ни конъюнктурщиков, как любят иногда представлять эту эпоху в современной литературе. Для большинства из них марксизм был не только методом, но и способом мышления, и они были искренни в своих научных пристрастиях, Добавим, что некоторые из них были необыкновенными мастерами художественной формы и их книгами, прежде всего трудами Манфреда, увлекались люди, далекие от исторической науки. Можно сказать, что Альберт Захарович открывал советским людям живую историю Франции: от Робеспьера до Наполеона.

Своеобразным итогом этого периода стало роскошное издание трудов французских и советских ученых, приуроченное к 200-летию Французской революции, под названием «Великая французская революция и Россия». Изданная в 1989 г. в издательстве «Прогресс» параллельно на двух языках, эта объемная книга была художественно оформлена и проиллюстрирована советскими плакатами, произведениями живописи на тему французской революции. Однако уже в этой книге наметились тенденции пересмотра некоторых устоявшихся оценок Великой французской революции, что было связано с политическими переменами в нашей стране, начавшимися в эпоху перестройки.

С конца 1980-х годов наметился отход от ряда положений марксистской концепции двух революций. Это происходило по ряду причин. Во-первых, переосмысление

опыта Октябрьской революции сначала в публицистике , а затем и в научной литературе, «либеральный соблазн», умело направляемый политтехнологами, имел целью развенчивание идей революции и действий революционеров всех эпох. Во-вторых, как отмечает современный исследователь, результаты новых исследований требовали ряда корректировок прежних концепций[8].

Наконец, политические процессы, имевшие место в стране и закончившиеся гибелью Советского Союза и торжеством либеральной идеологии, во многом повлияли на позиции научной интеллигенции, стимулируя ее приспособление к новым реалиям. Профессор МГУ В.П. Смирнов, специалист по истории Франции, подчеркивает: «...Если идеологическая ангажированность марксистского толка действительно отсутствует в подавляющем большинстве работ историков постсоветского периода, то это еще не значит, что они свободны от идеологической ангажированности другого рода. Любая попытка осмыслить исторический процесс, событие, личность неизбежно исходит из имеющихся у историка представлений, убеждений, предрассудков, мифов — короче, от системы взглядов, то есть от идеологии». Соответственно «общая направленность и тональность постсоветской историографии... несомненно, далеки от марксистской ангажированности, но вполне соответствуют — даже если их авторы этого не замечают — той системе взглядов и ценностей, которая сейчас преобладает в российском обществе, и которую можно назвать либерально-консервативной»[9].

Именно в это время были сделаны первые попытки переосмыслить советскую историографию Французской революции. Анатолий Васильевич Адо, который, как отмечает Д.Ю. Бовыкин, со второй половины 1980-х годов считался в научной среде признанным лидером отечественного франковедения XVIII в., писал, что при всех заслугах советской исторической школы ее отличали «упрощенное, прямолинейное применение принципа классового подхода к изучению и осмыслению Французской революции» и своеобразный «якобиноцентризм», обусловленный «привилегированным местом, которое занимали в ней якобинский период, сами якобинцы и якобинизм».

Кроме того, продолжал он, с момента становления этой историографии над ней довлела прямая или подразумевавшаяся аналогия с Октябрьской революцией, что заставляло изучать Французскую революцию «почти исключительно “снизу” (говоря словами Ж. Лефевра) и с ее левого фланга». «При этом, — добавлял А.В. Адо, — я не думаю, что в осмыслении и исследовании проблем якобинской республики следует совершить поворот на 180°, полностью “сменить вехи” и от идеализации и прославления якобинцев перейти к безоговорочному осуждению, предать их исторической анафеме... Это было бы повторением не лучших наших традиций — на смену одним мифам создавать иные, следуя меняющейся политической конъюнктуре»[10].

Однако после ухода из жизни Адо и кончины Геннадия Семеновича Кучеренко «смена вех» в значительной степени произошла. Так называлась статья ученика Кучеренко Александра Викторовича Чудинова, открывавшая возрожденный «Французский ежегодник» 2000 года и вызвавшая полемику в интернете[11]. Автор, вспоминая советскую эпоху, писал о «постоянном давлении», оказываемом ранее на историков со стороны идеологических органов, говорил об открывающихся возможностях пересмотра прежних оценок революции, о горизонтах свободного поиска и эксперимента в области методологии, о возможностях для творческого восприятия передовых достижений зарубежной науки, в том числе тех ее направлений, что занимают критическую позицию по отношению к марксизму. При этом кардинальная переоценка в российской науке роли немарксистских направлений, по мнению автора, ни в коей мере не связана с отказом от подлинно научных достижений «классической» и, в частности, марк-

систской историографии. Тем не менее он констатировал, что «результатом развития отечественной историографии Французской революции за последние 15 лет стало постепенное размывание и фактически полное разрушение прежней концептуальной основы интерпретации историками-марксистами этого события».

Думается, что это заявление сделано несколько поспешно. Именно плюрализм мнений, за который так ратует автор, и опора на источники должны быть основой существования науки. Тем более, что аргументы сторонников «новых подходов» и «свежих взглядов» зачастую откровенно тенденциозны и политически ангажированы.

Проблема отношения к революции, будь то Французской или Российской, никогда не являлась только исторической темой, а всегда была и остается тесно связанной с политическими реалиями. В современной Франции Великая революция и особенно фигура Робеспьера и сейчас являются предметом ожесточенных дискуссий. Серьезные научные проекты, осуществляемые в частности «Обществом робеспьеристских исследований», регулярные международные научные конференции (одна из них на тему «Политические особенности двух революций (1789—1917): идеи и их осуществление» состоялась в ноябре 2001 г. на базе Университета г. Руан) не могут предотвратить появление иных тенденций. Так, авторы книги «Робеспьер, вернись!» Алексис Корбьер и Лоран Маффеис пишут: «Очевидны негативные явления в оценке истории Французской революции. Не проходит и месяца, как она подвергается новым порциям клеветы, изображается карикатурно и подозревается в худших преступлениях. Издевки над революцией и ностальгия по Старому режиму, кажется, стали даже модными. Все эти нападки, обычно сосредоточены на личности одного человека — Робеспьера. Рискнувшие его цитировать и защищать тут же подвергаются риску получить в ответ худшие оскорбления. И, как всегда, через него целятся в Великую революцию»[12]. Вышедший в августе 2016 г. очередной номер французского еженедельника «Пуэн» содержит на обложке портрет Робеспьера под заголовком «Мрачные тайны Французской революции» и анонс статьи «История политического насилия: От Робеспьера до Меланшона». Комментарии, как говорится, излишни.

1 *Сталин И.В.* Международный характер Октябрьской революции // Сочинения. М., ОГИЗ — Госполитиздат, 1949. Т. 10. С. 247.
2 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 367.
3 *Лимонов Ю.А.* Празднества Великой французской революции в 1789—1793 гг. и массовые праздники Советской России в 1917—1920 гг. // Великая французская революция и Россия. М.: Прогресс, 1989. С. 390—426.
4 *Манфред А.З.* Великая французская революция. М.: Наука, 1983.
5 *Далин В.М.* Историки Франции XIX—XX веков. М.: Наука, 1981.
6 *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии, 1789—1792. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.
7 *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 419.
8 *Бовыкин Д.Ю.* О современной российской историографии Французской революции XVIII века: (полемические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 48—73.
9 *Смирнов В.П.* Две жизни одного издания // Там же. 2002. № 3. С. 225—226.
10 *Адо А.В.* Французская революция в советской историографии // Исторические этюды о французской революции: памяти В.М. Далина: (к 95-летию со дня рождения). М., 1998. С. 311—312, 317. См. также: *Гордон А.В.* Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009.
11 Последнее издание: *Чудинов А.В.* Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // *Чудинов А.В.* История Французской революции: пути познания. М., 2017. Гл. 7: Перепутье. С. 165—185.
12 *Corbière Alexis, Maffeïs Laurent.* Robespierre, reviens! [Paris], 2012. P. 5.

Т. Кондратьева

Великая октябрьская и Великая французская революции в историографическом дискурсе

В 1988 г., когда я написала книгу *Большевики-якобинцы и призрак Термидора: по маршруту аналогий*, идея ее заключалась в том, чтобы снять табу с темы «советского термидора» и привлечь внимание к роли коллективного воображаемого в действиях революционеров. В то время на фоне все еще господствующей социально-экономической истории обращение к категориям исторической памяти, политической и языковой культуры было моей осознанной профессиональной задачей, результатом понимания эпистемологического поворота в социальных и гуманитарных науках. Сейчас, почти тридцать лет спустя, история, мной рассказанная, остается прежней, но условия ее восприятия, как вы понимаете, резко изменились как в профессиональном, так и в политическом плане. В связи с этим, хотелось бы обратить внимание не только на то, к чему я хотела его привлечь по случаю двухсотлетия Французской революции, но и на то, что стало более очевидным, чем раньше, по случаю столетия русской.

Что же, на мой взгляд, высветило время?

О каждой из двух великих революций написаны тысячи книг, статей и воспоминаний, создано множество изображений (карикатур, картин, памятников, кино- и фотодокументов). Революции много сравнивали и продолжают сравнивать. Если же не говорить о каждой из них в отдельности и не упрощать сравнения до типа Ленин — Робеспьер, Сталин — Бонапарт, разгром Белого дома — ельциновский термидор, то можно задаться вопросом, какую функцию обе революции вместе выполняют в историографическом дискурсе.

Под этим последним я понимаю не только т.н. «серьезные труды» академических историков, то есть историографию, но и обширное производство, именуемое *public history*. Публичная история включает в себя исторические и документальные фильмы, театральные представления и романы, исторические сайты, популяризаторские журналы, публицистику. Наряду с профессиональной историей она является другим способом выражения коллективной памяти. Ею увлекаются миллионы людей. Она питает политическое воображаемое. Это — история, по отношению к которой часть профессионалов, защищающих высокий статус своей ученой дисциплины, испытывают отрицательные эмоции. Однако признавая ее право на существование, ее изучают по всем правилам работы с источниками и включают знания о ней в понятие «историографический дискурс». Некоторые коллеги, в том числе российские, неудовлетворенные позитивистским пониманием историографии, расширяют его за счет понятия «культура», представляя историографию как «особое культурно-историческое явление»[1]. В этой связи надо отдать должное работам А.В. Гордона, посвященным историографии французской революции, в которых он вдохнул жизнь в этот умирающий жанр[2].

Оперируя новым пониманием историографии, продолжу разговор о великих революциях, которые историографический дискурс соединил в пару. Она возникла после победы Октябрьской революции. К тому времени в России французскую революцию XVIII в. уже именовали Великой. В этом прилагательном воплотилось рас-

пространенное здесь отношение к небывалой грандиозности события, которым восхищались одни или, наоборот, ужасались другие. На протяжении XIX в. французская революция не переставала актуализироваться в умах передовых людей российского общества: она казалась им прототипом грядущей русской. Однако не такой, которая повторяет, а идущей дальше по пути фактического, а не формального равенства.

Сами французы для определения значимости своей революции и отличия ее от других использовали и используют определенный артикль, что по правилам языка следует понимать как заявку на уникальность.

Октябрьская революция, на первых порах, не была Великой. Как известно, легкая победа вооруженного восстания казалась «чудом» Ленину и его соратникам, а в широком общественном мнении она воспринималась как «временный захват власти» большевиками. Перипетии семнадцатого года, диктатура пролетариата, гражданская война и революционный террор расшифровывались по аналогии с французской революцией. Многим наблюдателям извне и противникам большевиков внутри страны, казалось, что в России, как когда-то во Франции, пробил час Старого режима и большего, чем установление буржуазного порядка, не надо, поскольку преждевременно. Сами большевики Октябрьский переворот представляли как пролетарскую революцию, идущую дальше французской, как закономерное явление, вполне оправданное Историей. Опыт якобинской диктатуры воспринимался как трамплин в будущее. Большевики считали себя продолжателями дела французских революционеров, но с определенной двусмысленностью перед давлением аналогии «большевики-якобинцы»: слыть якобинцами-террористами и буржуазными революционерами было не только не лестно, но и недопустимо для пролетарских революционеров. В то же время культ революции включал в себя пиетет перед предшественниками.

По мере укрепления советской власти и ее пропагандистского аппарата превосходство Октября над всеми буржуазными революциями приобретало характер очевидности. На этом стали особенно сильно настаивать к 1927-му г., на который пришелся апогей борьбы с аналогиями, отождествлявшими НЭП с Термидором. Резолюция XV съезда осудила троцкистов за термидорианство, положив конец спорам о конце революций: термидорианского конца Октябрьской революции не будет, потому что она по своей классовой природе радикально отличается от французской. Отличия стали подчеркивать и профессионалы в своих исследованиях. В 1927 г., по случаю празднования десятилетнего юбилея, событие, ранее известное как «октябрьский переворот», получило официальное наименование «Великая октябрьская социалистическая революция». В тридцатые годы, когда историки-марксисты завершили разработку ленинской концепции именно такой революции, история французской революции подверглась пересмотру. Ее трактовка в 1941 г. в коллективном труде *Французская буржуазная революция* под редакцией В.П. Волгина и Е.В. Тарле попала в зависимость как от величия Октябрьской социалистической революции, так и от уже утвердившегося в советском историографическом дискурсе учения об общественно-экономических формациях. В соответствии с буквой этого учения французская буржуазная революция не могла быть ни Великой, ни прототипом Великого октября. Она должна была представляться ее антиподом, так как только в этом качестве хорошо встраивалась в схему формаций, придавая ей весомость для обоснования научного коммунизма.

В течение нескольких десятилетий марксистско-ленинская схема революций казалась убедительной и направляла исторические исследования по двум революциям не только в Советском Союзе, но и во всем мире среди коммунистов и всех, разделяющих ценности революционной культуры. В противоположном лагере, контрреволюционном и консервативно-либеральном, особенно набравшем силу в Гарвардском

университете вслед за Бжезинским, разведенная пара оказалась воссоединенной тоталитарной теорией. В свете этой теории между якобинской диктатурой и сталинизмом подчеркивалось сходство, а то и тождество, восходящее к идеям Просвещения, в частности к идее «тоталитарной демократии» Руссо.

В 1960—1970-х годах идеологическая биполярность лагерей в интерпретации революций и господствующий научный позитивизм переживают начало кризиса. Политические перемены в Советском Союзе (от оттепели к диссидентству) и трудности международного коммунистического и рабочего движения (группа интеллектуалов *Socialisme et Barbarie* во Франции, Мао, еврокоммунизм) подрывают традиционный политический дискурс холодной войны. В контексте этих перемен социальные науки в Западной Европе и Северной Америке приступают к деконструкции идеологизированных дискурсов и развенчанию мифов (Бурдье, Фуко, Барт и лингвистический поворот — *Linguistic Turn*). В итоге и либерально-тоталитарная, и марксистско-ленинская концепция революций подвергаются пересмотру. Решительному, с далеко идущими последствиями в работах американских ревизионистов во главе Леопольдом Хаймпсоном. Не менее смелому во Франции: по отношению к Октябрьской революции в исследовании Марка Ферро и по отношению к Французской революции в трудах Франсуа Фюре. По-своему тоже смелому в силу известных обстоятельств со стороны М.Я. Гефтера и ленинградской группы историков Октября.

В результате этого пересмотра к концу 1980-х годов аргументация по разводу двух Великих революций не выдерживает критики. Трактовка одной через призму другой признается данью идеологии и политике и потому становится неприемлемой во Франции уже перед двухсотлетием, а в Советском Союзе с призывом к «новому мышлению». Буржуазный характер одной и социалистический другой уже не воспринимаются как очевидные. П.В. Волобуев так зафиксировал изменившуюся ситуацию в середине 1990-х годов: *Ныне не только публицисты, но и часть обществоведов ставят под сомнение социалистический характер третьей русской революции. Предлагаются другие определения : якобинская, пролетарско-якобинская, солдатская, крестьянская и т.п., но только не социалистическая*[3].

Как только гласность позволила, в сравнения революций, ранее подчинявшиеся правилу «в отличие от...», включилось правило «подобно тому как», по определению тоже присущее всякой аналогии. В какофонии перестройки стали слышными запрещенные ранее голоса Устрялова, Троцкого, меньшевиков. К ним с удивлением и энтузиазмом прислушивались не только историки. Круглые столы, новые журналы, мемуарные и архивные публикации вызывали споры об альтернативах известному ходу советской истории. Часто вопросы ставились по аналогии с Французской революцией: почему после Февраля не удались реформы, было ли так же в XVIII в.? почему демократические партии отступили перед диктатурой якобинского типа? на какие препятствия натолкнулась социалистическая альтернатива меньшевиков и эсеров, на такую же радикализацию масс, как во Франции? был ли НЭП термидорианской или социалистической альтернативой? совершился ли Термидор? Для многих ответ на этот последний вопрос был положительным. Неважно, с каким прилагательным: «русский», «советский», «сталинский», — Термидор виделся уже позади, в прошлом. Но некоторые, с недоверием относящиеся к призыву Горбачева продолжить революцию, считали его инициативу путем к Термидору. Последняя, 2017 г., публикация бесед Глеба Павловского с М.Я. Гефтером *Неостановленная революция* привлекает, как всегда, оригинальностью: *Для Октября 1917 года свой термидор все никак не наступит, и важно понять:* ***что*** *именно удалось, когда русский термидор не удался?*[4]

Несколько перестроечных лет (1987—1993) были временем открытых возможностей, когда свобода, равенство, братство, права человека, демократия, правовое государство перестали быть формально-буржуазными и, став общим достоянием двух Великих революций, обозначили горизонт ожидания в качестве общечеловеческих ценностей. Время, когда к этим ценностям, обращенным к индивидууму, прибавилась от Октября социальная справедливость, обращенная к социуму. В это время Хантингтон еще не опубликовал свой фундаментальный труд, Данилевский, Трубецкой и Бердяев еще не вышли из забвения, Гумилев, Панарин, Дугин не знали славы, а революционные потрясения 1917 г. еще не были «глобальным цивилизационным проектом мирового масштаба».

После распада Советского Союза все яснее проявляются утверждения о несравнимости революций. Конечно, всегда найдется кто-нибудь, кто удивит претензией на особо проницательный анализ, как, например, профессор МГУ С.Ф. Черняховский. В начале 2000-х годов он все еще пытался привлечь читателей журналов *Полис* и *Политический класс*, расставляя знаки тождества между Генеральными штатами 1789 г. и Съездом народных депутатов 1989-го, Варенским кризисом 1791 г. и путчем 1991-го, между падением Бурбонов и утратой власти КПСС, 9 Термидора 1794 г. и ельцинским разгоном парламента в 1993-м, Директорией и «семибанкирщиной» и, наконец, 18 Брюмера и приходом Путина к власти.

Однако магистральное направление историографического дискурса — иное, оно изменилось и набрало силу в последние 15 лет. Экономический развал 1990-х годов и несостоявшаяся интеграция в Европейский союз, унижение от потери былого величия страны привели к тому, что перестроечная эйфория, обращенная к западному свободному миру, сменилась недоверием, а потом и неприятием этого мира. В России многое не так, как на Западе, у нее своя особая цивилизация, и революция в ней совершилась совсем не такая, как во Франции.

Сегодня пара снова оказывается в разводе. Расхождение между исследованиями историков и публичной историей работает на вторую, а она продолжает поддерживать или создавать мифы вокруг событий 1917 г., революционные, контрреволюционные, советские, эзотерические. Обширная продукция, не только публицистическая, но и заверенная учеными степенями и институтами, подменила в воображении широкой публики понятие «революция» представлениями о «заговоре», «национальной катастрофе», «большевистском перевороте», а то и о «преступлении всемирного масштаба». Это последнее суждение, высказанное весной 2016 г., принадлежит не человеку с улицы, а начальнику сектора исторического анализа и оценок Российского института стратегических исследований[5].

Пример французов, которые сумели, по мнению А.О. Чубарьяна, примирить жителей Вандеи с якобинцами, замыкается на весьма ограниченное пространство зала, в котором он выступал. За пределами же этого зала, где 20 мая 2015 г. со ссылкой на пример французов было предложено «осмысление во имя консолидации», мнения о революционном прошлом, как вы знаете, расходятся. Однако превалирует то, которое формируется посредством школы, прессы, телевидения при экспертном участии профессиональных историков.

В этой ситуации позволю себе обратить внимание на судьбу интересующей меня пары на Первом заседании Оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 100-летию революции, потому что именно здесь прозвучали призывы к консолидации исторического сообщества вокруг общей концепции Великой русской революции. И также потому, что доведение этой концепции до сведения всех участников мероприятий по празднованию столетия было объявлено одной из главных задач Оргкомитета.

В эпистемологическом плане такой подход мне напоминает Первый съезд историков-марксистов в конце 1928 г., где его обосновывали как единственно правильный. Но если в то время телеология соответствовала позитивистской научности, то сегодня она явно не учитывает поле возможностей в истории, неопределенность, имманентно присущую профессии историка, и принцип историчности, которым он руководствуется.

В концептуальном плане, по-моему, речь идет об очередной расстановке революций по своим местам. С одной стороны европейские революции нового и новейшего времени, среди которых и французская, но не Великая, с другой, в противовес, — Великая русская революция, по определению Оргкомитета, «уходящая своими корнями в цивилизационную специфику России с ее общинной основой, с ее стремлением сравняться с Европой, войти в нее на равных, и в то же время опаской чрезмерной вестернизации». И в продолжение этой цитаты: «Поверхностный взгляд может усмотреть в ней некий аналог французской революции, но представляется, что дело не столько в этом, сколько в современном переосмыслении того, что произошло с Россией в 1917—1921 гг. XX века, тех событий, которые определили грандиозный исторический проект»[6].

Переосмысление, о котором идет речь, происходит, судя по современной геополитической ситуации, в условиях, когда «опаска чрезмерной вестернизации» переросла в серьезное опасение. Именно это опасение, вероятно, и придает революционным потрясениям значение событий, «положивших начало новому глобальному цивилизационному проекту мирового масштаба»[7].

Назвав марксизм «заблудшим детищем Просвещения и идейным оружием вестернизации», председатель Оргкомитета позволяет констатировать, что переосмысление прошлого в терминах Великой русской революции возвращается на круги своя. Иначе говоря, в свете единой концепции весь маршрут аналогий с конца XVIII в. предстает как один из активных компонентов многовекового противостояния России и Запада. Отбросив «вульгарно понятую большевиками марксистскую парадигму общественного развития» — это снова цитата, историографический дискурс — это уже мое мнение, — снова сделал из противоположности революций два кита, на которых держится единая идейно-геополитическая концепция.

Для меня является весьма неубедительным утверждение, что русская революция задала вектор развития всему миру, а французская задала вектор развития Западу. И та, и другая — Великие по своей универсальности. После прослушанных вчера выступлений, я задаюсь вопросом: был ли народный бунт, «скрывавшийся за яркой и потому видимой ширмой демократии», антизападным? Скорее он был просто извечно русской формой борьбы за справедливость и лучшую жизнь, а в конкретной обстановке октября 1917 года — революцией за мир, как это доказывает Харуки Вада.

В то время, как историки работают над многоплановостью и сложностью явлений, которые изучают, а в случае двух Великих революций над пересмотром марксистско-ленинской и либерально-тоталитарной концепций, публичная история тяготеет к упрощениям. Адресуя социальный заказ историкам, она ожидает подтверждения эмоциям, фантазмам, устойчивым представлениям. И если историки следуют по линии наименьшего сопротивления, то историографический дискурс скорее пополняется конструкциями такого рода, чем знаниями, позволяющими обществу проделать ***работу*** над коллективной памятью.

Не все жители Вандеи перевернули страницу истории якобинского террора. Не так давно для части французской публики документальный фильм *Робеспьер — палач Вандеи?* со знаком вопроса и утвердительным ответом оказался вполне приемлемым, в отличие от историков, которые его с возмущением раскритиковали. Не все жители России

перевернули страницу Великой социалистической революции, красного или белого террора, сталинизма. Понимая природу взаимоотношений между историей и коллективной памятью, историк сегодня относится к своей дисциплине как месту постоянных дебатов, необходимых для постановки новых вопросов, диктуемых ему настоящим временем. Ответы в виде единых концепций или «национальных романов» для него антиисторичны.

1 Например: Очерки истории исторической науки XX века / отв. ред. В.П. Корзун. Омск, 2005.

2 *Гордон А.В.* : 1) Великая французская революция как явление русской культуры: (к постановке вопроса) // Исторические этюды о французской революции: памяти В.М. Далина. М., 1998 ; 2) Власть и революция: советская историография Великой французской революции, 1918—1941. Саратов, 2005 ; 3) Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

3 *Волобуев П.В.* Исторические корни Октябрьской революции // Анатомия революции. М., 1995. С. 37.

4 *Гефтер Михаил*. 1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. М., 2017. С. 14. (Разговоры с Глебом Павловским). Напомню, что М.Я. Гефтер скончался в начале 1995 г., то есть беседы с ним велись, когда Октябрь считали бесславно погребенным и как выразился Павловский, «над Лениным ржали, на Революцию снимали фильмы-памфлеты Говорухин и Бортко, и глупым казалось к ней относиться серьезно».

5 См.: URL: exclav.ru - 25.04.2016.

6 Единая концепция озвучена в выступлении А.В. Торкунова. См. Первое заседание оргкомитета, посвященное 100-летию Революции 1917 года (URL: rushistory.org, 24.01.2017).

7 URL : http//www.pravmir.ru/osmyislenie-vo-imya-konsolidatsii-k-100-letiyu-revolyutsii-1917-goda

P. Dukes

The Russian Revolution and Scotland: Aberdeen and Northern Scotland

All history is both global and local, especially in times of revolution. In 1979, I investigated this relationship in my book *October and the World: Perspectives on the Russian Revolution*. This included discussion of events in such remote places as the Cook Islands in the South Pacific[1]. In the present paper, with the same idea in mind, I shall focus on the town of Aberdeen and Northern Scotland. Scotland in general played a not insignificant part in the wider ramifications of the Russian Revolution. At the centre of events, and most subsequent discussion, has been Glasgow's 'Red Clydeside'led by John Maclean, who was nominated first Soviet consul by Lenin and had a street named after him in Leningrad. However, other cities and regions were also involved. For example, developments in Dundee have been carefully monitored by Murray Frame, who comes to the conclusion that 'the radical left in Dundee was unable to capitalise on the example of the Russian Revolution (in particular the Bolshevik Revolution)'. Frame finds no influence of any significance in Dundee between 1917 and 1921, adding: 'There was no 'Red Tay' to match 'Red Clydeside', no Dundee 'Soviet' to emulate the one in Aberdeen'[2].

Indeed, on 27 December 1918, the *Aberdeen Weekly Journal* reported a meeting to form an 'Industrial Council or Soviet' chaired by a 'stranger' from Glasgow. It received a three-word telegram from John Maclean in Glsagow: 'Aberdeen workers! Unite!' The meeting discussed 'the necessity for an Industrial Council or Soviet, in view of the revolutionary activity on the Continent'. The newspaper commented: 'The action taken in Aberdeen was only part of a movement all over Britain'. According to the author Lewis Grassic Gibbon, he and a fellow 'cub reporter' were elected to a 'Provisional Committee' or 'Soviet Council'. When asked to give an account of the meeting by their seniors, the two comrades responded that 'they could not report the meeting being good sovietists'. Unfortunately, Grassic Gibbon says nothing more about the Aberdeen So-

viet in his voluminous writings. But fifteen years later, he wrote, his fellow 'cub reporter' and himself 'were so young and full of dream we could not sleep o' nights'. He continued: 'We prowled Aberdeen all the hours of the night, seeking not amorous adventure, but talking the moon into morning about jolly and heartsome and splendid things, life, death, the Revolution and the great green-cheeseness of the moon'[3]. Yet, while such youthful exuberance died down, Grassic Gibbon continued until the end of his short life to believe in 'a shock brigade of writers'[4].

By the end of the year 1920, the first flush of enthusiasm for the Russian Revolution died down in Aberdeen and NE Scotland. We can investigate this process by looking at the accounts of two individuals, William Leslie and John Paton. Leslie's career has been investigated by the historian William Kenefick, while Paton tells his own story in two books, *Proletarian Pilgrimage* and *Left Turn*!

Born in the NE Scottish city of Elgin in 1889, William Leslie had a varied career before moving to Glasgow in 1917, where he was probably sentenced to a term in jail for his conscientious objection, sharing a cell with the 'Red Clydesider' Emmanuel Shinwell. Leslie's experience in Glasgow and Clydeside, in John Brown's shipyard for example, prepared the way for his determination to promote the cause of 'World Communism' in the North of Scotland when he moved to Aberdeen to help found the local Communist Group in September 1919. He became actively involved in the 'Hands Off Russia' campaign and other activities in Aberdeen, travelling to Glasgow and London in pursuit if his aims. In the late summer of 1920, he set off via Finland and Petrograd to Moscow, declaring himself to be a delegate of the British Communist Party. On 7 September, he wrote to the Third International concerning his intention to speak to ex-soldiers in Sutherlandshire on his return to Northern Scotland, where, he asserted, 'the spirit of the Highlander could be roused to fight for his class instead of the noble sacrifice they blindly gave to the lying bourgeoisie'.

Leslie declared that 'according to the percentage of its population... Aberdeen was more Red than Glasgow'. His return journey to that city from Moscow having been punctuated by arrest in Norway and Newcastle, Leslie addressed a meeting in the Picturedrome on 7 November. 'REVOLUTION OPENLY ADVOCATED IN ABERDEEN' ran the headline in the *Aberdeen Daily Journal*, which wrote of the 'communist wild talk of Mr Leslie', in which he 'urged his hearers to follow the lead of the Russian working-classes, and take matters into their own hands'. Observing that he did not believe in the Great War, which was purely capitalist, he went on to declare that 'he was a soldier of the revolution and when the time came he was prepared to die for the cause'. The newspaper reported that these last remarks produced loud applause. However, from 1920 onwards, the Aberdeen left-wing parties and groups, including the communists, gave their attention to unemployment and housing rather than revolution[5].

Support for the argument that the end 1920 marked a decline in revolutionary enthusiasmin Aberdeen and Northern Scotland may be found in two books by John Paton, *Proletarian Pilgrimage* and *Left Turn*! There is much else in them, too, rounding out the account of the impact of the Russian Revolution in Aberdeen and Northern Scotland given above.

Proletarian Pilgrimage is an evocative personal account beginning with his birth in 1886 and terminating with a new political departure in 1919. Paton's description of his early years in Aberdeen and Glasgow is quite detailed. Therefore, we should perhaps register some surprise at the fact that, apart from brief references to Kropotkin and Bakunin as he was going through an anarchist phase in his political apprenticeship, Paton makes no reference to Russia or anybody or anything Russian before the outbreak of the First World War, when he remarks that 'Socialists had no illusions about Britain's new ally': they had seen how the Tsar had suppressed the Duma, and many members of the opposition had been strangled by Stolypin's 'necktie', as Russia joined in the contest for empire leading to showdown in 1914. Again somewhat surprisingly, there is no further mention of Russia before 1917.

Then, suddenly, Paton recalls, 'the news of the Russian Revolution burst on me. I was informed by an old comrade whom I met accidentally in the street. He was almost choking with excitement as he told me. It was almost incredible that it could be true. We stood together in the darkened street, half delirious with joy while tears mingled with our laughter'. Ever since the abortive Revolution of 1905, he goes on to say, the 'amazing courage and fortitude' of men like Stepniak and women like Spiridonova had taken hold of his imagination, while 'The Czar and his tyranny had become something real and personal to me: it was almost impossible of belief that at last he was overthrown'. Soon, Paton was to speak in public on the Russian Revolution for nearly two hours.

He decided to devote his life to politics in the Independent Labour Party or ILP. He joined forces with the 'Bolshevist' A. Fraser Mackintosh, whom he describes as a colourful ex-boxer and granite worker now devoted to the common cause. Both of them made many public speeches as well as attending meetings of the ILP. Nearly every Sunday morning, Paton himself addressed a crowd of about a thousand people on the Aberdeen Links about recent political developments. 'There was no lack of material', he tells us, since 'we'd recently received a gift of great value when the Bolsheviks, who'd made the successful second revolution in Russia, raided the official archives and published to the world the secret treaties'.

Moreover, when a socialist conference for peace was to be held in Petrograd, Ramsay MacDonald was among those attempting to pass through Aberdeen *en route*, since wartime sailings for Russia from Britain were normally via Stockholm from Aberdeen. Paton and his comrades attempted unsuccessfully to assist the allegedly 'pro-German' Macdonald at the beginning of this difficult passage. In the inward direction, similarly, Paton's group helped some continental socialists from Stockholm on their way to London, including Camille Huysmans, secretary of the Second International. Huysmans was difficult to locate, extremely dejected and weary, partly because he was being harangued by a man he hurriedly introduced as 'Comrade Goldberg, courier for the Russian Government' on his way to Litvinov in London. Paton comments on Goldberg: 'As I watched the progress of the shabby figure of this little Jew, with his ancient black bowler, cleaving the crowd of notables he was leaving behind, I was conscious that the workers' revolution had indeed come to Britain'. Certainly, their meetings with such figures as Macdonald, Huysmans and Goldberg gave Paton and his comrades encouragement to carry on their party work in Aberdeen and further afield[6].

Paton himself contrasts the '*private* life' of *Proletarian Pilgrimage* with the 'public life' of *Left Turn*! He begins his second book in June 1919 as he becomes Northern Organiser of the ILP, covering all the area from Angus to John o' Groats in theory but limited in fact by the sparse distribution of party branches. Paton notes that 'Almost everywhere Socialist speakers were assured of large audiences of eager listeners.... There was observable an unfamiliar air of independence'. Although the Glasgow strike had failed, Paton continues, 'it had afforded a demonstration of mass strength that sent a thrill of excitement through all working-class Scotland. The old subservience to the boss was a half-forgotten memory.... There was a feeling of expectancy in the air — a sense that great things were about to happen'.

When Paton turns his attention to describing his activities in Northern Scotland during the years 1919 and 1920, he finds a considerable amount of political enthusiasm, even if intermixed with that for religious revival. Some meetings are well attended, and a large amount of literature sold. But then Paton himself gives his support to the now moderate Ramsay MacDonald, and his own revolutionary days come to an end as Bolshevik zeal dies down in Northern Scotland as a whole[7].

To conclude, this paper has concentrated on the years 1917—1920 during which the Russian Revolution made a considerable impact throughout the whole world, not least in Aberdeen and Northern Scotland. Developments since 1920 should not blind us to the deep conviction with which political activists at the time believed in the possibility of a new direction for the workers' cause.

Fifty years on, in the late 1960s, discussion of the Russian Revolution as part of a world revolution was heated in Aberdeen, as it was elsewhere. However, a century later in 2017, the subject had almost disappeared from debate, replaced largely by 'green issues'.

1 Paul Dukes, *October and the World: Perspectives on the Russian Revolution*, London, 1979, especially pp. 109—10, 121—2, 134—41. On Scotland, see most comprehensively William Kenefick, *Red Scotland: The Rise and Fall of the Radical Left, c. 1872 to 1932*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2007.
2 Murray Frame, 'Dundee and the "Grand Purveyor": An Aspect of Scottish-Russian Relations", Cornwall M. and Frame M., *Scotland and the Slavs: cultures in contact, 1500—2000,* Newtonville, MA, 2001, p. 206.
3 Lewis Grassic Gibbon and Hugh MacDiarmid, *Scottish Scene or The Intelligent Man's Guide to Albyn*, London, 1934, p. 243.
4 William K. Malcolm, *Lewis Grassic Gibbon: A Revolutionary Writer*, Edinburgh, 2016, p. 26.
5 William Kenefick, ' "Aberdeen Was More Red Than Glasgow". The Impact of the First World War and the Russian Revolution beyond Red Clydeside', in Frame and Cornwall, *Scotland and the Slavs*, pp. 159—89.
6 John Paton, *Proletarian Pilgrimage*, London, 1935, pp. 207, 221, 246—7, 271—2, 279—83, 288—9, 292—4.
7 John Paton, *Left Turn*, London, 1936, pp. 13—5, 25, 86.

Е.Г. Кострикова

Влияние революционных событий в России на положение русского военного контингента на Салоникском фронте

Несмотря на то, что в Первой мировой войне Восточной фронт был для России главным, русское военное командование на всех этапах боевых действий уделяло серьезное внимание Салоникскому фронту. И не только потому, что Балканы традиционно входили в сферу геополитических приоритетов российской внешней политики. Во время войны Салоникский (Македонский) фронт играл важную роль в отвлечении сил противника с основного театра военных действий в Центральной Европе.

В Российском государственном военно-историческом архиве хранится значительный комплекс материалов, связанных с боевыми операциями на Салоникском фронте. Этот колоссальный массив документов представляет несомненный научный интерес, но исследован пока недостаточно.

В общей трагедии мировой войны наиболее тяжелая участь была уготована Сербии, которой пришлось в кровопролитной борьбе отстаивать свое право на независимое существование. Сербия вступала в войну в самых неблагоприятных условиях. Последствия Балканских войн не были преодолены. Тем не менее, на начальном этапе войны Сербия выполнила свою миссию, но потери были огромны. Без помощи союзников страна не могла противостоять мощному противнику.

В январе 1915 г. английский премьер Д. Ллойд-Джордж поставил вопрос о немедленной посылке на помощь Сербии объединенного корпуса в составе войск Англии, Франции и России. В дипломатическом отношении этот акт должен был повлиять на нейтральные страны: Грецию, Румынию и Болгарию, побудив их примкнуть к Антанте. Однако в тот момент решение вопроса было отложено из-за позиции французского правительства, считавшего более целесообразным сосредоточить силы на основном театре войны[1].

Колебания внутри Антанты, отсутствие согласованных действий в конечном итоге спровоцировали выступление Болгарии на стороне Тройственного союза. В ночь

с 30 (13) сентября на 1 (14) октября 1915 г. Болгария напала на Сербию. Это был удар в спину. Сербам пришлось сражаться на два фронта. Для Сербии это закончилось катастрофой. 6 (19) ноября сербский премьер Н. Пашич обратился к союзным державам за помощью, так как Сербия «изнемогает и находится на конце полной гибели перед более сильным врагом»[2].

В середине октября 1915 г. началась высадка союзных войск в Салониках. Однако к концу месяца там находилось всего 80 тыс. союзнических войск вместо обещанных 150 тыс. Этого было недостаточно, чтобы предотвратить разгром Сербии. Сербская армия, с огромным трудом пробивавшаяся через горы к побережью Адриатического моря, терпела страшные лишения. Даже скупые строки официальных донесений красноречиво свидетельствуют о масштабе драмы, разворачивавшейся в те дни на глазах всей Европы. Русский посланник в Сербии Г.Н. Трубецкой, получивший инструкцию «разделить участь сербского правительства» и прошедший весь путь отступления, свидетельствовал: «Это было начало исхода целого народа... Я чувствовал себя свидетелем великой исторической драмы, одного из самых трагических эпизодов»[3].

Несмотря на то, что державам Антанты не удалось предотвратить оккупации Сербии, значительная часть ее армии сохранила боеспособность и сыграла в дальнейшем существенную роль в военных операциях на Салоникском фронте.

Русское военное командование разрабатывало планы по спасению сербской армии. Но ситуация в целом складывалась таким образом, что любая форма поддержки Сербии ставилась в зависимость от поведения Румынии. 24 октября 1915 г. начальник Штаба верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев писал министру иностранных дел С.Д. Сазонову: «Без нарушения в той или другой форме нейтралитета Румынии мы не будем в состоянии упрочиться на Балканском полуострове»[4]. Однако на все обращения русского правительства румынские власти упорно отвечали отказом, ссылаясь на объявленный нейтралитет

В 1916 г. Россия, выполняя свой союзнический долг, направила на Салоникский фронт вторую и четвертую Особые пехотные бригады под командованием генерал-майора Дитерихса и генерал-майора Леонтьева (первая и третья бригады уже сражались во Франции). Поскольку переброска войск осуществлялась по морю, то русские войска смогли прибыть из Архангельска в Салоники только летом 1916 г. Русский военный контингент, численностью 18 тыс. человек, был включен в состав французской Восточной армии, которой командовал генерал М. Саррайль. Множество архивных документов отражают разные стороны контактов по оперативным вопросам между союзниками.

Условия службы на Салоникском фронте для русских солдат и офицеров были тяжелы. Боевые действия велись в горах, климат, особенно в осенне-зимний период, был непривычным. Личный состав бригад нес потери не только в ходе военных операций, но и из-за болезней. Осенью 1916 г. русский представитель при Штабе главнокомандующего союзными армиями генерал В.А. Артамонов сообщал: «...Русская бригада, как и прочие части Восточной армии, очень страдает от малярии в тяжелой форме и иногда со смертельным исходом»[5].

Отношения с союзниками, которые поначалу казались вполне дружескими, со временем стали осложняться. Для этого было несколько причин. Снабжение русских бригад боеприпасами и продовольствием целиком лежало на французской стороне. Однако от наших солдат стали поступать жалобы на несправедливое отношение к ним. Даже в те периоды, когда на Салоникском фронте не велись активные боевые действия, личному составу бригад приходилось очень тяжело. Они не имели полноценного отдыха, находясь бессменно на позициях, под обстрелом противника.

Детальное описание условий, в которых были вынуждены сражаться русские войска, содержится в записке, подготовленной Дитерихсом в мае 1917 г.: «За 8 месяцев самой тяжелой боевой службы бригада ни одного дня не была вне сферы огня, вследствие чего нервное напряжение оставшихся людей достигло предела». Генерал напомнил, что за этот срок бригада потеряла убитыми и контуженными свыше 4400 человек. Кроме того, более 8 тыс. человек были отправлены в госпитали из-за болезни. Дитерихс прямо обвинил представителей французского командования в негуманном отношении к его подчиненным: «Утверждаю, что эксплуатация ими людей боевого состава частей для различных тыловых тяжелых работ чрезмерна... Сознавая свои союзнические обязательства, бригада старалась добросовестно выполнить все, что от нее требовало французские начальство как в чисто боевом, так и в рабочем отношении, причем солдаты видели, что соседние французские части работали далеко не с таким напряжением, какое предъявлялось нами, начальниками, к ним»[6].

Однако призывы дать солдатам передышку не находили отклика. Французское командование далеко не всегда считалось с мнением командиров русских бригад. Генерал Саррайль, чьи способности как военачальника не вызывали сомнений, имел довольно сложный характер. Он порой не ладил даже с собственным руководством. Дитерихс докладывал: «На Салоникском фронте в организационном и административном отношениях бригады состоят исключительно в ведении ген. Саррайля, который не считает себя связанным какими-либо отношениями в организационном смысле с Парижем»[7].

В конце 1916 г. французское командование предложило объединить две Особые пехотные бригады в дивизию для более четкой координации боевых действий и улучшения снабжение бригад артиллерией, техническими и санитарными средствами. Но решение вопроса было отложено до весны.

Февральская революция очень сильно повлияла на моральное состояние русского экспедиционного корпуса. Длительное время оторванные от Родины, не только солдаты, но и офицеры плохо представляли себе, что же происходит в России. Русский представитель при Штабе главнокомандующего союзными армиями генерал В.А. Артамонов 4 марта 1917 г. телеграфировал в Петроград: «Желательно скорейшее официальное осведомление наших войск на Македонском фронте о происходивших в России событиях, сведения о коих достигают до войск исключительно из иностранной печати, освещающей эти события, может быть, не вполне правильно». Он предупреждал, что отсутствие официальных сведений «может внести в войска беспокойство и волнение»[8].

Одновременно Артамонов сообщил и о тревоге, охватившей сербское Верховное командование вслед за известиями о революционном перевороте в России: «...Сербы скорбят об удалении от власти государя императора, защитника сербского народа». Эти настроения усугублялись недоверием к новому министру иностранных дел П.Н. Милюкову, которого сербы обвиняли в болгарофильстве: «Это обстоятельство вызывает у всех сербов, начиная с королевича Александра, опасения за будущее»[9].

Что касается настроения личного состава русских бригад, то на первых порах командиры старались не акцентировать внимание на негативных моментах. Во всяком случае, их донесения в те дни были проникнуты оптимизмом. 17 марта Артамонов докладывал в Ставку: «В бригаде генерала Леонтьева поддерживается строгий порядок и переход к новым политическим условиям, по-видимому, не вызовет никаких брожений. Вообще генерал Леонтьев проникнут горячим желанием сделать все возможное, чтобы русские войска на отдаленном фронте поддерживали до конца честь русского оружия. Такими же чувствами исполнен и генерал Дитерихс, в бригаде коего также полный порядок»[10]. Сам Дитерихс поспешил заверить генерала Саррайля: «что бы ни происходило в России, он может быть

уверен, что вверенная мне бригада, пока я стою во главе ее, будет спокойно выполнять свою национальную задачу по борьбе с немцами и рядом со своими союзниками»[11].

Но так продолжалось недолго. Первые тревожные известия пришли из четвертой бригады, которой командовал Леонтьев, человек старой закалки, не готовый перестраиваться под новые условия. 18 апреля 1917 г. русский генеральный консул в Салониках передал в Ставку просьбу Саррайля как можно скорее отозвать Леонтьева, «в войсках коего заметно брожение и сильное недовольство солдат и офицеров против генерала». Королевич Александр, со своей стороны, опасался деморализации сербских войск, сражавшихся бок о бок с бригадой Леонтьева. Саррайль вернулся к предложению объединить обе бригады в дивизию, поручив командование Дитерихсу[12].

Это пожелание было исполнено. Однако обстановка продолжала накаляться. 5 мая 1917 г. Артамонов телеграфировал: «Генерал Дитерихс просит меня донести, что, как последствие революции, в его бригаде создается брожение среди солдат, вследствие отчужденности от России, беспокойства за то, что там делается, отсутствие официальных сведений из России при массе слухов, распространяемых из Салоник неизвестными лицами, в связи с очень тяжелой боевой службой и недовольством солдат — французами как боевыми соседями, а также недоверием по привычке прежних лет к своим начальствующим лицам, в то время как младшие офицеры, готовые на самопожертвования в бою, крайне далеки от способности влиять на солдат. Все это делает возможным эксцессы»[13].

Был еще один важный фактор, который оказывал влияние на моральное состояние русского контингента на Салоникском фронте. Солдаты, возвращавшиеся после лечения во французских госпиталях, делились добытыми новостями со своими товарищами. Командир маршевого батальона четвертой Особой пехотной бригады Пахуцкий жаловался, что прибывшая из Франции команда выздоровевших солдат в количестве 500 человек является крайне нежелательным и опасным элементом: «Между солдатами батальона стали распространятся какие-то слухи о дарованных свободах, которые начальство скрывает». Полковник просил начальство принять меры к тому, чтобы изолировать команду выздоравливающих, «как вносящих нравственное разложение и подрыв дисциплины между солдатами, что препятствует нормальной жизни и службе батальона»[14].

К лету 1917 г. события во Франции приняли драматический оборот. В середине июля дело дошло до того, что министр иностранных дел М.И. Терещенко потребовал «восстановить в этой части порядок самыми решительными мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной силы и руководствуясь только что введенным положением о военно-революционных судах с правом применения смертной казни»[15].

На Салоникском фронте командование, несмотря на принятые меры, постепенно теряло рычаги влияния на солдатскую массу. В сентябре 1917 г. генерал И.М. Тарбеев, возглавлявший в то время вторую Особую пехотную дивизию, был вынужден признать: «...Под влиянием освободительных идей, привезенных товарищами из Франции, которые... успели посеять семя бунтарства, можно ожидать в будущем самых непозволительных эксцессов»[16].

К осени положение настолько ухудшилось, что высшее военное руководство приняло решение отозвать вторую Особую пехотную дивизию в Россию. Военный министр А.И. Верховский телеграфировал в Ставку: «По имеющимся у меня сведениям, положение наших войск на Салоникском фронте очень тяжелое. Настроение напряженное. ...Под влиянием увода войск из Франции, явившемся в результате бунта, настроение македонских войск сильно повысилось. Я уверен, что в случае оставления этих войск повторится французская история»[17].

Намерение срочно увести русские войска с Салоникского фронта встревожило сербов. Королевич Александр просил русское командование оставить дивизию в Македонии «для поддержки духа сербской армии, возлагающей все свои надежды на Россию». Французское командование также было против такой меры. 12 октября генерал Артамонов телеграфировал в Ставку: «...Всякое ослабление фронта, и в частности уход отсюда сохранившей боевую способность Второй дивизии, нежелателен. Генерал Сарайль также против ухода отсюда русских»[18].

Однако в Петрограде на положение дел смотрели иначе. 18 октября на имя Артамонова пришло следующее разъяснение: «Сообщается для личной Вашей ориентации. Причиной предполагаемого увода нашей дивизии являются соображения преимущественно внутренне-политического характера, основанные главным образом на неудовлетворительности морального состояния наших войск, что засвидетельствовано прибывшими с Салоникского фронта депутатами»[19].

Известие о событиях, происшедших в Петрограде 25 октября 1917 г., пришло в Салоники с опозданием на три дня. В сообщениях Петроградского телеграфного агентства говорилось: «Власть в руках большевиков. Министры арестованы. Керенский скрылся; смертная казнь отменена. ... Правительство формируется из максималистов и социал-революционеров». Французское командование попыталось скрыть эту новость от русского военного контингента. Генерал И.М. Тарбеев был предупрежден: «Генерал Саррайль указал на нежелательность ознакомления солдат с помещенными в них (телеграммах. — *Е.К.*) сведениями, почему эти сведения в русском “Вестнике” напечатаны не были. В издаваемых в Салониках иностранных газетах сведения эти также не появлялись»[20].

После победы в России Октябрьской революции Советское правительство провозгласило Декрет о мире. Россия вышла из войны, и русский контингент за границей перестал существовать как боевая единица. Большинство солдат и офицеров потребовали возвращения на родину.

Однако французское командование заявило, что Декрет о мире не распространяется на русские войска за границей. Русское командование было отстранено от руководства бригадами. К концу февраля 1918 г. русские части фронта были разделены на 3 группы. Одна была отправлена во Францию, другая — в Северную Африку. О судьбе тех, кто остался в Салониках, рассказал уполномоченный Российского отделения Красного Креста при армии союзников на Салоникском фронте приват-доцент С. Софотеров.

14 апреля 1918 г. он направил российскому посланнику в Греции записку о положении русских после отъезда Штаба из Салоник в Афины. Софотеров обвинял бывшего командующего дивизией ген. Тарановского и его подчиненных в том, что они ничего не сделали для тех, за кого они должны были отвечать: «Солдаты, уволенные от службы — остались на улице: без средств и без всяких прав. Они ходят в консульство и ко мне в госпиталь за помощью. ...Теперь при эвакуации инвалидов — стон идет у меня в госпитале! Все они без гроша денег, о которых должен был озаботиться наш Штаб!».

Участь тех, кто был принят на службу во французскую армию, тоже была незавидной. Их рассматривали как дармовую рабочую силу, пригодную если не для фронта, то для тяжелой тыловой работы. Софотеров писал: «В данное время все сидят в полном изолировании от всех и вся! К ним ничего не допускают». Самого врача не пустили к ним даже на Пасху. Весь документ — в буквальном смысле крик души человека, который вынужден ежедневно наблюдать трагедию, не будучи в силах оказать людям реальную помощь: «Правда, нет возможности перечислить всю ту ежедневную нужду, безвыходность и тяжесть положения, в которых очутились наши тысячи солдат. В кон-

сульстве и в госпитале бесконечный ряд просьб, еще больше жалоб и протестов!!!». Записка Софотерова дошла до адресата лишь через два месяца, 14 июня 1918 г.

В начале 1919 г. судьбой русских военных, оказавшихся не по своей вине вдали от Родины, занялось правительство Советской России. 16 января 1919 г. правительству Франции была направлена нота. В ней говорилось: «До нас дошли полученные от очевидцев совершенно достоверные сведения, проливающие свет на невыносимые условия, в которое французское военное командование поставило русский контингент, сражавшийся в Македонии, когда Россия входила в Антанту. С русскими солдатами... обращались как с пленными, и, более того, французское командование подвергло их всякого рода насилиям, чтобы заставить сражаться против России... Многие из русских солдат находятся еще на Балканском полуострове, где их заставляют выполнять самые тяжелые работы и подчиняться самой жестокой дисциплине; остальные вывезены в Алжир и другие французские колонии, где они подвергаются жестокостям военно-каторжной системы, применяемой там в настоящее время». Советское правительство потребовало немедленной репатриации своих граждан на Родину.

Французское правительство не спешило откликнуться на этот призыв. Более того, оно выставило встречные требования. В результате возвращение домой участников войны на Салоникском фронте затянулось на несколько лет. А многим так и не довелось увидеть Родину.

1 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003 (Штаб верховного главнокомандующего). Оп. 1. Д. 1126. Л.35.
2 Там же. Д. 1130. Л. 517.
3 *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914—1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 244.
4 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 293.
5 Там же. Д. 1195. Л. 98.
6 Там же. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 10. Л. 56—59.
7 Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1195. Л. 243.
8 Там же. Ф. 15237 (Представитель русских армий при штабе союзных армий в Салониках). Оп. 1. Д. 10. Л. 205.
9 Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1195. Л. 224.
10 Там же. Д. 1151. Л. 117.
11 Там же. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 10. Л. 202.
12 Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1151. Л. 146.
13 Там же. Д. 1230. Л. 2.
14 Там же. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 10. Л. 80.
15 Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1151. Л. 166.
16 Там же. Ф. 15230 (Вторая Особая пехотная дивизия). Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
17 Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1230. Л. 4.
18 Там же. Л. 6.
19 Там же. Л. 7.
20 Там же. Ф. 15230. Оп. 1. Д. 11. Л. 24, 29.

Чжан Цзяньхуа

От негативного к позитивному: Изменение образа китайского рабочего и Китая в послеоктябрьской России

Хотя Россия находилась под монголо-татарским игом на протяжении более двух веков, сравнительно долгое время россияне мало знали о Китае — отдаленной восточной стране. В русском образованном обществе XIX — начала XX в. образ Китая, как и Востока в целом, был скорее негативным. Публицисты писали о «восточном греховном сознании», акцентировали утвердившиеся на

Востоке деспотические формы правления, экономическую отсталость, малоподвижность, инертность и бедность местного населения, его культурно-идеологическую неразвитость, военную немощь восточных государств. Собственная отсталость России по сравнению с передовыми странами Запада трактовалась как прямой результат монголо-татарского завоевания и влияния восточной культуры и «азиатской мысли, запуганной, бессильной, унижающей человека, той мысли, которая создана Востоком, в печальных условиях его бытия поработила его и ныне отдает в плен и власть европейского капитала»[1]. В «Апологии сумасшедшего» философ-западник П.Я. Чаадаев рассматривал Запад и Восток как антиподы. Востоку, утверждал он, «присуща... плодотворная идея, которая в свое время обусловила громадное развитие разума, которая исполнила свое назначение с удивительной силою, но которой уже не суждено снова проявиться на мировой сцене»[2]. В полемике с ним славянофил Иван Киреевский не преминул связать российскую отсталость с китайским влиянием: «До сих пор наш национальный характер является необразованным, грубым и китайски неподвижным»[3]. В.Г. Белинский, о котором британский философ И. Берлин отозвался как о родоначальнике традиции социальной критики в русской литературе XIX в., проложившей дорогу, приведшая к революционным событиям в России, именовал «азиатский» образ жизни отсталым, темным и сермяжным; Китай, по его словам — «гадкое государство»[4]. Великий писатель А.П. Чехов, посетив летом 1890 г. остров Сахалин, писал о бескультурье японцев и китайцев, под влиянием которых для коренных обитателей региона русский образ жизни чужд, а история и культура России неведомы: «...Мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами»[5]. Даже М. Горький, названный В.И. Лениным «буревестником революции», в статье «Две души» объяснял образ Китая «именно этой подавленностью личности, запутанностью ее, ее недоверием к силе разума, воли». «Жестокость к рабам и раболепие пред владыками», свойственное русскому дворянству, и даже такое явление, как «обломовщина», он выводил из влияния Востока[6].

Русские китаеведы Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев, С.М. Георгиевский и др. много сделали для ознакомления русского общества с Китаем и его культурой, интерес к которой демонстрировали такие литературные титаны, как А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой. Вместе с тем, в восприятии большинства россиян Китай продолжал ассоциироваться с такими понятиями, как «отсталость», «невежество», «застой», «желтая опасность», а также с историческим культурным образом. Очевидцы признавали, что из китайцев выходят отличные столяры, каменщики, кузнецы[7], что они трудолюбивы, бережливы и скромны, однако в сознании российского общества образ китайцев и китайских рабочих чаще складывался из таких качеств, как грубость и трусливость. Кроме того азиатских мужчин с длинной косой или женщин с забинтованными ногами воспринимали как разносчиков опасных заболеваний.

Изменение образа Китая и китайцев началось в России с победой Октябрьской революции и переходом к политике пролетарского интернационализма в интересах мировой революции. Еще в июле 1912 г., ознакомившись в брюссельской социалистической газете “*Le Peuple*” со статьей Сунь Ятсена «Социальное значение китайской революции», В.И. Ленин отметил, что «каждую строчку платформы» временного президента Китайской республики пропитывает «боевой, искренний демократизм»[8]. В статье «Обновленный Китай», опубликованной газетой «Правда» 8 ноября 1912 г., Ленин подчеркнул: «Передовая и цивилизованная Европа не интересуется обновлением Китая. Четыреста миллионов отсталых азиатов добились свободы, проснулись к политической жизни. *Четвертая* часть населения земного шара перешла, так сказать, от спячки к свету, движению, борьбе»[9].

Более полувека китайские рабочие в России терпели гнет царского правительства и эксплуатацию капиталистов. Китайские и российские рабочие отдавали равный труд, но зарабатывали по-разному. В 1911 г. средняя зарплата российского рабочего на Дальнем Востоке составляла 2,43 руб. в день, или 58,27 руб. в месяц, тогда как китайского — лишь 1,59 руб. и 38,08 руб. соответственно (в Амурской области заработная плата китайских рабочих была чуть выше: китайцы в среднем получали 2,15 руб. в день, 50,17 руб. в месяц, но ниже, чем у российских рабочих — 2,89 руб. в день, 68,45 руб. в месяц)[10]. Руководитель организации китайских эмигрантов в России Лю Цзэжун[11] сообщал в докладе Бэйянскому правительству: «Русские не соблюдают условий трудовых договоров, плохо обращаются с китайскими рабочими. Подрядчики их жестоко эксплуатируют, охрана предприятий самовольно пытает, жестоко избивает китайских рабочих. Невозможно подсчитать, сколько их уже убито и искалечено таким образом»[12].

В таких условиях большинство китайских рабочих искренне приветствовало революцию в России, ожидая изменений в своем положении. Под воздействием Октябрьской революции и при поддержке советской власти китайские эмигранты устраивали собрания, защищая свои права. Начал меняться образ китайцев, складывавшийся в сознании российского общества в течение нескольких веков.

18 апреля 1917 г. в Петрограде Лю Цзэжун и его единомышленники организовали Союз китайских граждан в России, Лю занял пост его председателя. Союз ставил целью «предоставление помощи и защиты китайским эмигрантам в России — студентам, коммерсантам и рабочим»[13]. Союз договорился с Временным правительством, Министерством внутренних дел и Советом рабочих и солдатских депутатов о ликвидации неравенства в оплате труда российских и китайских рабочих и о создании приюта для последних. За два месяца приют принял более тысячи человек, предоставил нуждающимся бесплатную медицинскую помощь. На создание приюта было истрачено свыше 80 тыс. руб., 10 тыс. руб. выделил Союз по руководством Лю Цзэжуна. Помимо этого этот Союз помогал китайцам найти в России работу, эвакуировал на родину инвалидов и безработных соотечественников. К маю 1918 г. 30 тыс. китайских рабочих смогли вернуться в Китай.

24 декабря 1918 г. Союз китайских граждан в России был переименован в Союз китайских рабочих в России. Сообщив о поддержке большевистского правительства, председатель Союза Лю Цзэжун заявил, что его задачи заключаются в трудоустройстве китайских рабочих, в пропаганде среди них идей коммунизма, в содействии их возвращению на родину. На собрании Союза 30 декабря 1918 г. в Москве был утвержден Устав, избраны исполком и представители в Московском совете. Для пропаганды идей коммунизма было решено выпускать альманах «Великое равенство». Появились отделения Союза в Самаре, Саратове, Екатеринбурге и Верхнеудинске.

Заявление Бэйянского правительства о непризнании советского правительства и отзыв им своих дипломатов из России сделали Союз китайских рабочих единственным представителем китайских интересов в России. В его распоряжение была передана бывшая китайская дипмиссия в Петрограде. Ленин предложил наладить связь с Сунь Ятсеном с помощью китайских рабочих-эмигрантов. В марте 1919 г. Лю Цзэжун в качестве представителя «Трудовой социалистической партии Китая» участвовал в работе первого конгресса Коммунистического Интернационала, был принят Лениным, который тепло приветствовал его деятельность в китайской рабочей среде. На мандате Лю Цзэжуна Ленин собственноручно приписал: «прошу все советские учреждения и власти оказывать всяческое содействие»[14].

В начале 1919 г., по поручению Союза, несколько китайских рабочих тайно вернулось с Дальнего Востока в северо-восточный Китай для распространения больше-

вистских идей среди китайского населения и даже в войсках[15]. 15 июня 1920 г. исполняющий обязанности горного инженера угольной шахты Кайлуань Лай Мо сообщал, что «многие кули, возвратившиеся из Франции и России, распространяют среди шахтеров радикальные идеи, близкие большевизму»[16]. По просьбе большевистского правительства, Союз китайских рабочих направил нескольких своих членов в провинцию Гуандун для налаживания связи с Сунь Ятсенем и южно-китайской властью.

На третьем съезде Союза, который состоялся в июне 1920 г., был подтвержден его курс на дальнейшее революционизирование китайских рабочих. 25 июня было создано Центральное Организационное бюро китайских коммунистов, утвержденное 1 июля ЦК РКП (б) как единственный центральный орган китайских коммунистических организаций в России. К тому времени Союз объединял уже 10—60 тыс. человек[17] и играл заметную роль в защите законных прав китайских рабочих в России, содействуя их сплоченности. Следствием его деятельности стало улучшение имиджа китайцев и Китая в России.

В послеоктябрьский период около 60 тыс. китайских рабочих вступили в Красную Армию[18] и самоотверженно, ценой своей жизни, защищали завоевания Октября на фронтах Гражданской войны, сражались с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией от Петрограда и Кольского полуострова на севере, от Украины до Кавказа на юге страны, от западного фронта до Урала и Сибири[19]. «Китайские подразделения известны своей твердостью, настойчивостью. Они являются лучшим отрядом Красной Армии на нашем фронте», — писала газета «Уральский рабочий» 1 сентября 1918 г. Классовую стойкость и верность китайских солдат идеалам коммунизма в октябре того же года отмечала и газета «Коммунист». Сунь Фуюань, Жэнь Фучэнь, Чжан Фужун, солдаты из отрядов Фулунчжи, Бао Чисань, Сан Фуян, Хань Сишуньи и других были удостоены боевых наград. Так, командир китайской части Жэнь Фучэнь погиб в бою в возрасте 34 лет и был похоронен на уральской станции Выя. На встрече с его вдовой и детьми, состоявшейся в Кремле в 1921 г., Ленин назвал его выдающимся командиром и настоящим большевиком. Жэнь Фучэнь был посмертно награжден высшим боевым орденом Красного Знамени.

«В желтой груди мужественное сердце бьется одним ритмом с пролетарским сердцем, желтые руки высоко держат международное красное знамя» — писала советская печать в сентябре 1919 г.[20]

Тысячи китайских интернационалистов своим мужеством и стойкостью снискали себе огромное уважение всего советского народа[21], что, в свою очередь, способствовало появлению в советской России нового образа Китая.

Итак, в конце XIX — начале XX в. в России сложилась многочисленная китайская диаспора, основу которой составляли рабочие. Их взаимодействие с коренным населением представляло собой редкий по своим масштабам межнациональный и межкультурный феномен. Вместе с тем, в восприятии китайцев в дореволюционной России скорее преобладали негативные черты. Октябрьская революция способствовала радикализации китайских рабочих, которые приняли активное участие в борьбе с контрреволюцией в годы Гражданской войны. Благодаря этому в советской России/СССР стал складываться позитивный образ Китая и китайцев.

1 Сборник М. Горького / сост. Юй Ичжун. Шанхай: Изд-во Восточной Азии, 1997. С. 295.
2 *Чаадаев П.Я.* Философические письма / пер. с рус. Лю Вэньфэй. Пекин: Илинь, 1998. С. 204—205.
3 *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. М., 1991. С. 60—61.
4 Русские мыслители / сост. И. Берлин; пер. на кит. яз. Пэн Вэйдон. Пекин, 2001. С. 202.
5 См.: Московские лицемеры / пер. на кит. яз. Тянь Давэй. Ляонинское просветительное изд-во, 1997. С. 43, 44, 121.
6 Сборник М. Горького. С. 289—290, 299.

[7] *Унтербергер П.Ф.* Приморская область, 1856—1898 гг. / пер. на кит. яз. Хэйлунцзянский ун-т, Фак-т рус. яз. Коммерческое изд-во, 1980.
[8] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 401.
[9] Там же. Т. 22. С. 189.
[10] Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. СПб., 1912 . Вып. 2: 1. Рабочий рынок Приамурья в 1911 г. — 2. Амурская область. С. 58.
[11] Лю Цзэжун (или Лю Шаочжу, 1892—1970), лингвист, дипломат, общественный деятель. Родился в уезде Гаояо провинции Гуандун. В возрасте пяти лет уехал с отцом в Россию. Окончил Петербургский университет. В апреле 1917 г. в Петрограде организовал Союз китайских граждан в России (в декабре 1918 г. переименованный в Союз китайских рабочих в России), был избран его председателем. Делегат первого и второго конгрессов Коминтерна; неоднократно встречался с Лениным. В конце 1920 г. вернулся в Китай и получил назначение на КВЖД. Работал в Северо-восточном, Пекинском и Южно-западном университетах. В 1940 г. стал советником правительства Гоминьдана, в 1944 г. — Синьцзянский уполномоченный Министерства иностранных дел. В социалистическом Китае работал в Министерстве иностранных дел КНР, советник МИД. Член второго, третьего и четвертого Национальных комитетов Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). В 1956 г. вступил в КПК, заместитель главного редактора крупного книжного издательства. Составитель первого «Большого китайско-русского словаря» (Шанхай, 1960).
[12] Документы по истории китайско-американских отношений / сост. Институт новой истории Тайваньской центральной академии. Чунцинское издательство, 2007. С. 164.
[13] *Лю Цзэжун.* Мои испытания в России до и после Октябрьской революции // *Лю Цзэжун.* Избр. соч. по истории и литературе. Издательство китайской литературы, истории и философии, 1989. Т. 60. С. 201.
[14] Там же. С. 202.
[15] Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918—1922). М., 1961. С. 42.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Газета «Шэньбао» в номере от 26 сентября 1921 г. сообщала, что в Красную Армию вступили свыше 50 тыс. китайских рабочих и не менее тысячи солдат и офицеров.
[19] *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. М., 1948. С. 23—25.
[20] Цит. по: Там же. С. 179.
[21] Подробнее об этом см.: *Ли Юнчан.* Китайские рабочие в России и Октябрьская революция. Хэбэйское просветительное издательство, 1988; *Суе Сяньтянь, Хуан Зилянь.* Поддержка народами Китая Октябрьской революции // Всемирная история. Пекин, 1987. Т. 5.

Ван Гуйсян

Влияние Октябрьской революции 1917 года на китайскую революцию и образование КНР

В 2017 г. мы отмечаем столетний юбилей Октябрьской революции 1917 года. Как в свое время и само это событие, этот юбилей вызвал огромный интерес во всем мире, во многих странах, включая и западные, состоялись посвященные ему научные конференции, вышло множество книг. Прошло сто лет, а согласованная и разделяемая всеми оценка событий Октября 1917 года остается сложной философской задачей. Как говорят, история — это зафиксированная реальность, а реальность – течение истории. Невозможно разорвать память народа и традицию.

Октябрьская революция 1917 года коренным образом изменила Россию и оказала огромное влияние на ход мировой истории, в том числе Китая. Это влияние ощущается по сей день и в политике, и в других областях жизни человечества. Особое значение Октябрьская революция 1917 года имеет для истории коммунистического движения в Китае и китайской революции.

Как известно, в современной России оценки Октября различны. Для нас, китайцев, не подлежит сомнению, что Октябрь принес в марксизм-ленинизм в Китай в то время, когда многие наши интеллектуалы искали пути спасения и развития Родины.

Как было подчеркнуто на состоявшейся 26 сентября 2017 г. конференции «Октябрьская революция и социализм с китайской спецификой», марксизм-ленинизм пришел в Китай только благодаря этой революции, и если бы не она, создание компартии Китая в 1921 г. стало бы невозможно[1].

С марксизмом, который появился в Европе в 40-е годы XIX в., в Китае смогли познакомиться лишь в конце этого столетия, да и то лишь немногие. Между тем, в те годы лучшие умы Китая искали пути спасения своей страны. Синьхайская революция 1911–1912 гг. под руководством Сунь Ятсена привела к свержению монархии и провозглашению в Китае демократической республики. С началом в 1914 г. Первой мировой войны (1914 г.) западные империалистические государства сделали все, чтобы прервать дальнейшее развитие Китая, превратив его в свою колонию. Столкновения между империалистическими державами и национальными интересами Китая, феодальными пережитками и нарождавшейся китайской демократией явились в то время главными противоречиями китайского общества.

В такой непростой обстановке китайский народ искал пути дальнейшего развития своей страны. Откровенно говоря, в то время марксизм еще не получил распространения в Китае, имел слабое влияние в обществе. Многие представители китайской интеллигенции по-прежнему считали предпочтительным путь реформ, а не вооруженной борьбы. По этой причине в первое время после прихода к власти большевиков китайская пресса была скупа на положительные оценки Октября, однако с весны – лета 1918 г. ситуация начала меняться. Марксизм начал быстро распространяться в Китае, становясь все более популярным. Сложилось общественное движение «идем по пути русских», народилось более 300 марксистских обществ и клубов, которые выпускали свыше 400 журналов. В Шанхае вышло первое издание «Коммунистического манифеста» в переводе на китайский язык. Особенно много для распространения марксизма в китайском студенчестве и интеллигенции сделал один из первых китайских марксистов Ли Дачжао (1888–1927), под руководством которого с учением Карла Маркса познакомились Мао Цзэдун и Цай Хэсэнь, создатель общества «Новая демократия». Будучи уже профессором Пекинского университета, Ли выступал перед членами «Общества пробуждения сознания», созданного в Тянцзине Чжоу Эньлаем в 1919 г., читал лекции в пекинском Женском институте и на вечерних курсах для рабочих, выступил в прогрессивной печати Китая со статьями «Сравнительное изучение французской и русской революций», «Победа большевизма», «Мой взгляд на марксизм» и др. Постепенно в Китае начало складываться новое марксистское мировоззрение, побуждавшее китайскую студенческую молодежь думать о судьбах своей страны, активно участвовать в патриотическом и антиимпериалистическом Движении 4-го мая.

Китайская революция прошла несколько этапов. Первый, именуемый в китайской историографии «старой» демократической революцией, продолжался с первой Опиумной войны 1840 г. по май 1919 г., или почти 60 лет. Второй этап, или «Новая» демократическая революция, проходил с 4-го мая 1919 по 1949 г. – до образования Китайской Народной Республики. Именно в эти годы, в результате распространения в Китае марксизма, помощи со стороны советской России и созданного Лениным в 1919 г. Коминтерна, появилась Китайская коммунистическая партия. Ее первый съезд, который нелегально работал 23–31 июля 1921 г. в Шанхае, следуя примеру большевиков, провозгласил конечной целью партии построение в Китае социализма, а своей социальной опорой рабочих, крестьян и солдат. Вскоре организации китайских коммунистов появились и начали активно работать в Пекине, Ухани, Гуаньчжоу, Цзинани и других крупных городах. Коммунистическая печать способствовала еще большему распростране-

нию марксистских идей в Китае. Как и в России, базой китайского коммунистического движения и последовавшей революции стали рабочие и беднейшие крестьяне.

Огромную помощь КПК оказывали Советский Союз и Коминтерн, без поддержки которых создание партии китайских коммунистов оказалось бы отсрочено на годы. В СССР шла подготовка кадров китайской компартии, ее руководители часто посещали Москву, принимали участие в съездах ВКП (б), в подготовке важнейших партийных документов. В свою очередь, советские коммунисты оказывали КПК материальную поддержку для развертывания ею широкой агитационно-пропагандистской работы. Таким образом, Москва участвовала в подготовке китайской революции.

Итогом углубленной теоретической разработки Мао Цзэдуном вопросов применения марксизма-ленинизма к китайской действительности и, исходя из этого, перспектив китайской революции стала его книга «Китайская революция и китайская компартия», вышедшая в 1939 г. Главными врагами китайского народа и грядущей китайской революции лидер КПК считал сговор реакционных сил империализма и феодализма. Учитывая китайскую специфику, китайская революция, писал он, сможет победить в национальном масштабе лишь в результате вооруженной борьбы трудящихся крестьян под руководством коммунистов[2].

Советское правительство оказывало помощь компартии Китая и во время войны против японской агрессии. Как известно, в первые годы после образования КНР советские специалисты помогали в строительстве нового Китая, особенно в сфере тяжелой промышленности.

Октябрьская революция 1917 г. явилась претворением в жизнь великих идей Маркса. В этом грандиозном социальном эксперименте были победы и поражения, которые сегодня необходимо беспристрастно учесть. Прошло сто лет, но изучение революции продолжается, ученым еще предстоит осмыслить ее итоги. Важно, чтобы новые поколения не отрывали историю от реальности и могли дать взвешенную оценку российскому Октябрю.

[1] См.: http://sh.qihoo.com/pc/detail?check=c1b1e9e17310f4e2&sign=360_e39369d1&url=http://gov.eastday.com/node2/shds/n218/n221/u1ai26409.html

[2] 毛泽东：《中国革命与中国共产党》， 1939年12月。

С.В. Листиков

Американские дипломаты и наблюдатели в революционной России

Статья посвящена тем американским дипломатам и наблюдателям, которые информировали Вашингтон о России в революционном, переломном для нее 1917 г. и играли значительную роль в принятии президентом США важнейших решений на «русском направлении». Отметим, что проблемы внешней политики В. Вильсон считал сферой компетенции главы исполнительной власти.

Много сказано о том, сколь вдохновенно восприняли американское общество и политическая элита, включая президента, его ближайшего советника Э. Хауза, госсекретаря Р. Лансинга и доверенных специалистов по «русской проблеме» — профессора Чикагского университета С. Харпера, крупного бизнесмена и филантропа,

друга президента Ч.Р. Крейна, ученого и журналиста Дж. Кеннана — весть о падении малопривлекательного для них самодержавного режима. До Февраля он казался американцам весьма устойчивым, высказывались осторожные надежды на его либерализацию посредством долгих, тягучих реформ «сверху»[1].

Эти заокеанские ожидания олицетворяла фигура посла Д. Фрэнсиса. Россия считалась спокойным и достойным местом службы. И чтобы держать подальше энергичного, оказавшего немалые услуги демократической партии бизнесмена и политика, Вильсон в апреле 1916 г. отправил Фрэнсиса в «почетную ссылку»[2].

Но весна, как и все в России, случилась неожиданно. В своих посланиях Фрэнсис укреплял ставший главным за океаном образ русской революции. Ее считали следствием широкого, во многом стихийного, народного возмущения. Оно было вызвано угрозой голода в столице, реальной или мнимой. Но эти представления, как сообщал военно-морской атташе Н. Мак-Калли, обросли версиями заговора. То ли англичан, пытавшихся не допустить сепаратной сделки правых во власти с Германией. То ли думских либералов, стремившихся убрать плохих министров. То ли как раз их задумкой вызвать народные волнения и под этим соусом разгромить оппозицию, но не рассчитавших силы народного протеста. Положение нового либерального правительства американским дипломатам в России казалось устойчивым, надежды на ее более активное участие в войне в одном строю с союзниками превалировали[3].

Но звучали в марте — апреле и тревожные нотки. Тот же Д. Фрэнсис доносил, что положение в армии и на флоте было не самым благополучным. Широкие «социальные слои» требовали мира, а законное Временное правительство контролировал самочинный социалистический Петроградский совет, где особенно опасны были леворадикалы. В ушах вильсоностов звучали мнения людей сторонних, но работавших в России и знавших ее — Т. Уиттемора из Международной лиги реконструкции, Ф. Вандерлипа из «Нэшнл сити бэнк». Они предрекали этой стране хаос и междоусобицу и даже диктатуру правого или левого толка[4]. Вильсон — ученый и опытный политик, имевший непростой опыт отношений с революционной Мексикой, пребывал в сомнениях и подумывал о том, как купировать угрозы.

Дальше, однако, случился Апрельский кризис, падение знаковых для благополучия американской политики в России фигур — П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова. Состояние поглощавшегося смутой общества вполне адекватно передавали донесения американских военных и дипломатов.

Отметим консулов: в Петрограде — Н. Уиншипа, в Москве — М. Саммерса, нашедших свои темы. Уиншип начал работу в России в 1913 г. Вживанию в новую среду помогало знание русского языка — явление, нетипичное для большинства заокеанских дипломатов. Для них, смотревших на мир с американской колокольни, странной казалась сила левых тенденций в общественно-политической жизни России. Уиншипа увлекла тема «социалистического и радикального движения» во всем многообразии — борьбы течений и идей, фигур лидеров, съездов и базовых документов. Все же Уиншип считал русских левых более радикальными, чем их западных коллег. И вполне допускал, что случись настоящая схватка за власть между Советом и Временным правительством, приверженцы Ленина и «умеренные» объединятся[5].

М. Саммерс начал работу в России в 1916 г. Но скорый брак с дочерью дворянина Н. Горяновой ввел его в круг либеральных деятелей, из которых был создан первый состав Временного правительства. «Многих из них Вы лично знаете», — поздравил коллегу Д. Фрэнсис[6]. Саммерс представлял поведение интеллигентных, состоятельных слоев русского общества со всеми неприглядными сторонами — готовностью

многих «на переломе» спасаться в одиночку, политической пассивностью. И в то же время дипломат отмечал консолидацию тех сил, которые были готовы «с открытым забралом» встретить «левый марш». Уже в мае определив вектор развития России как движение к хаосу и гражданской войне, Саммерс воспринял поражение Л.Г. Корнилова как утрату страной шанса на спасение[7].

Уиншипа и Саммерса дополняли их коллеги с мест: консулы — в Риге Д. Дженкинс, в Одессе Дж. Рей, в Тифлисе У. Смит. Да и в посольстве служили люди, создававшие ауру интересных мнений: атташе по торговле У. Хантингтон или прекрасно владевший русской темой, но вечно занятый черновой работой секретарь посольства Дж. Райт.

К этому добавим штат американских военных специалистов: генерала У. Джадсона, майора Ф. Паркера, лейтенанта Ф. Риггса, упомянутого Н. Мак-Калли и ряд других. Они профессионально оценивали сильные и слабые стороны русской армии и флота, фиксируя в 1917 г. в донесениях Офису военной разведки усиливавшееся их разложение. По мнению американцев, это было вызвано в немалой степени вовлечением военных в политические процессы, выдвижением социалистами малопонятных простому солдату «революционно-оборонических» инициатив и большевистской антивоенной пропагандой. После провала июньского наступления американские военные не закрывали глаза на процесс «выпадения» России из войны вследствие потери армией и флотом боеспособности[8].

Признаем, что работа дипломата в революционной России имела большие сложности. Остро стояла проблема достоверности информации, а также учета позиции начальства в Вашингтоне, когда для выражения мысли приходилось выбирать слова. Но в целом заокеанские дипломаты и военные, с весны 1917 г. «вдруг» окунувшиеся в новые обстоятельства, встретили вызов весьма достойно.

Но Вильсон их не услышал. С 6 апреля он был безмерно занят проблемами участия США в войне, включая и мировые. Среди них «русская политика» занимала место подчиненное. Главу внешнеполитического ведомства Р. Лансинга Вильсон видел в первую очередь как поставщика информации и исполнителя своих решений; к его мнению Белый дом прислушивался, не более. Государственный департамент Вильсон считал ведомством рутинным, чуждым новаторского духа. В нем «русское направление» в отдельное в 1917 г. еще не было выделено. Русское бюро во главе с серьезным специалистом Б. Майлзом возникло позднее, в июне 1918 г. А годом ранее русскими делами ведали 2—3 человека — в частности, третий секретарь Б. Лонг и помощник госсекретаря У. Филлипс. Пяти-десятистраничные донесения того же Уиншипа просто некому было анализировать, тем более, что приходили они в Вашингтон через неделю-две после отправки, не поспевая за развитием событий в России[9].

Так что президенту оставалось довольствоваться телеграммами Фрэнсиса. Да и то после тщательного отбора их госсекретарем для представления главе государства. Таких случаев за 1917 г. в документах В. Вильсона, изданных крупным ученым А. Линком, нам удалось найти не более двух десятков.

Надо отдать Фрэнсису должное. Он искренне хотел разобраться в «русских событиях» и включал мнения коллег — того же Джадсона или Саммерса — в донесения. Из них следовало, что социалисты прибирали к рукам власть, а сменявшие друг друга по ходу политических кризисов коалиционные министерства и их лидеры, в том числе Керенский, оказывались слабыми. Пользовавшиеся же непонятным попустительством более умеренных «товарищей» леворадикалы, несмотря на временные поражения, набирали силы.

Столь краткая информация о стране, где события приобретали все более неблагоприятную для американских интересов направленность, не могла удовлетворить

Вильсона. Он был кровно заинтересован в участии России в войне, поскольку единственной ее полноценной заменой могли стать только США, а участие их армии в боевых действиях в Европе повлекло бы утрату тысяч жизней американских солдат. Думается, с сотрудничеством «двух демократий» президент связывал самые амбициозные планы — вхождения США в клуб великих держав, а в перспективе, глобального лидерства. Эти соображения объясняют, почему официальную дипломатию Вильсон и Хауз решили дополнить личной.

В Россию весной отправились доверенные Харпер и Крейн. Вояж первого прошел как-то незаметно. А вот Крейну, прибывшему в Россию в конце апреля, по данным всеведущих британских дипломатов, была уготована роль спецпосланника, более важная, чем у Д. Фрэнсиса. Сообщения «друга президента» ложились на его стол через сына Крейна Ричарда — личного секретаря Р. Лансинга. Будучи объективным наблюдателем, Крейн понял, что события в России определялись революционными, разрушительными тенденциями. А той точки опоры в обществе, которая могла бы перевернуть ситуацию, не нащупал. Журналист А. Буллард, направленный в Россию Э. Хаузом летом, вынес Крейну суровый приговор: тот обнаружил полную беспомощность в понимании ситуации, потерял себя в революционной круговерти, как и его многочисленные русские друзья-либералы[10].

Вот почему Белый дом привлек для оценки «русских событий» людей, знакомых с революционными процессами и левыми политическими течениями как в России, так и в других странах. Вместе с Крейном в Россию отправился ранее наблюдавший мексиканскую революцию журналист Л. Стеффенс. 26 июня в Белом доме он одним из первых изложил президенту весьма радикальную версию «русских событий». Был нарисован образ верставшей судьбу страны революционной народной вольницы, сочетавшей в действиях демократическое, анархистское и социалистическое начала, по наитию создававшей неведомую ранее форму социальной справедливости. Заложником этой силы был мастер компромисса Керенский, пытавшийся сохранить Россию в войне. Сильное впечатление на Стеффенса произвел человек, «которого звали Ленин» и который верил, что будущее за его партией[11].

Позволим себе отметить небезинтересный факт. Весной 1919 г., во время работы Парижской мирной конференции, Стеффенсу случилось посетить Советскую Россию. Вернувшись в Париж, он испросил аудиенцию у Вильсона. Но Вильсон сознавал, что у западных элит запрос на диалог с большевиками еще не созрел; впечатления журналиста президенту были не нужны. И Стеффенса он не принял[12].

В 1917 г., нередко в силу личных предпочтений, президент не замечал полезных людей, владевших «русской темой». Военный корреспондент С. Уошборн еще в 1914 г. отправился на Русский фронт для работы на британскую «Таймс» по предложению лорда Нортклифа. Но Вильсон его не принимал, и Уошборну путь в Белый дом был заказан. То же случилось с лидерами Американской миссии Красного Креста — финансовым магнатом У.Б. Томпсоном и его помощником Р. Робинсом. В дополнение к основной деятельности они попытались организовать пропагандистскую кампанию для противодействия влиянию большевиков через Комитет гражданского просвещения Е.К. Брешко-Брешковской. Томпсон вложил в проект личный миллион долларов. Но Вильсон жертвы не оценил. Он не терпел излишней самодеятельности, особенно в обход Белого дома. Томпсон был связан с верхами республиканской партии, а Р. Робинс имел хорошие отношения с бывшим президентом Т. Рузвельтом — «заклятым другом» Вильсона. И он отсек от себя и Томпсона, и Робинса[13].

А вот эмиссару Э. Хауза А. Булларду позволено было резать «правду-матку» по самым острым вопросам. Он почти открыто признавал, что Россия выходит из войны. А ведь этого могло не случиться, размышлял журналист, критикуя Вашингтон за отсутствие гибкости. Вильсону следовало поверить русским и немецким социалистам, с весны 1917 г. искренне выступавшим за справедливый «мир без аннексий и контрибуций», и не искать германской интриги в этой инициативе левых, а поддержать их. По мысли журналиста, лидеру США необходимо было убедить союзников переосмыслить цели войны на основе отхода от секретных соглашений и в демократическом ключе. Такой подход германский милитаристский режим едва ли принял бы. А для русских участие в войне обрело бы высокий антиимпериалистический смысл[14].

А ведь Буллард почти предвосхитил действия президента. В сентябре 1917 г. тот собрал команду экспертов — знаменитое «Инквайри» для подготовки обращения к миру. Но к концу года произведение еще не было завершено и дискутировать «14 пунктами» от 8 января 1918 г. Вильсону пришлось уже с большевиками[15].

Особо отметим миссию видного сенатора-республиканца Э. Рута в июне — июле 1917 г. Миссия была задумана Вашингтоном еще весной для демонстрации сближения «двух демократий», а также противодействия пацифистским тенденциям в России. У нас об этом много написано. Но стояла и скрытая задача политической разведки — для определения ориентиров «русской политики» Вашингтона. Не случайно в состав миссии вошли профессионалы самой высокой пробы от политики, военного дела, бизнеса, рабочего движения: начальник штаба армии Х. Скотт, контр-адмирал Дж. Гленнон, крупный предприниматель С. Мак-Кормик и финансист С. Бертрон, правый социалист Ч.Э. Рассел, секретарь Международной комиссии Американской ассоциации христианской молодежи Дж. Мотт и ряд других. Они справились с задачей, показав в итоговом документе пораженное кризисом общество и бедственное состояние Русского фронта[16].

Главный вывод, который могли сделать в Белом доме из поступавшей по разным каналам информации, — Россия сваливалась резко «влево», ситуация там становилась непредсказуемой. Лучшей политикой было ее внимательно отслеживать, не вкладывая в Россию тех сил и средств, которые могли поставить под угрозу решение главной задачи — победы в мировой войне.

Донесения дипломатов и наблюдателей не оставляли Вильсону иной альтернативы, кроме как поддерживать Временное правительство. Ибо социалистам он не доверял. А от сторонников Корнилова повеяло духом военной диктатуры и реставраторства. Для Временного правительства Вильсон сделал немало — дипломатическая поддержка, работа в России миссий железнодорожной Дж. Стивенса и Красного Креста У.Б. Томпсона, открытие кредитов на сумму от 325 млн. до 450 млн. долл., покупка на них и доставка в Россию товаров военного назначения[17]. На фоне раздражения союзников неудачами, с лета 1917 г. преследовавшими правительство Керенского в тылу и на фронте, Вашингтон демонстрировал выдержку. «Рок событий», однако, нес Россию к большевистскому перевороту.

Как тут не вспомнить размышления А. Булларда об источниках силы и роста влияния большевиков, которым он предавался в послании Э. Хаузу от 22 августа? Главным слагаемым успеха он считал «страстную, почти апостольскую веру» их незаурядных вождей в правоту своего дела. Затем назывался фактор немецких денег, позволявших крепить организацию и вести широкую пропаганду. Наконец, большевики умело использовали промахи оппонентов во власти, прежде всего умеренных социалистов[18]. Приход Ленина и соратников к власти обещал России сепаратный

мир, невиданный ранее социальный эксперимент, новые, неприемлемые для лидеров западных демократий ориентиры во внешней политике, замешанные на идеях классовой борьбы. Открывалась другая глава русско-американских отношений.

1 *Ганелин Р.Ш.* Россия и США, 1914—1917: очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969. С. 154—177; *Filene P.* Americans and the Soviet Experiment, 1917—1933. Cambridge, 1967. P. 10—16; *Kennan G.F.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1961. P. 18—19; *Lasch Ch.* The American Liberals and the Russian Revolution. New York, 1962. P. 27—30, etc.

2 О работе Д. Фрэнсиса в России см.: *Foglesong D.* A Missouri Democrat in Revolutionary Russia: Ambassador David Fransis and the American Confrontation with Russian Radicalism, 1917 // Gateway Heritage. 1992. Vol. 12, no. 3. P. 22—45; *Poteat G.* An Analysis of the Role of David Fransis in American-Russian Relations (May, 1917 — March, 1918) // New Scholar. (Fall 1964). 1. P. 200—236, etc.

3 D. Fransis to the Secretary of State, March 18, 1917 // National Archives. Record Group 59. 861.00/284 (Далее: NA. RG); D. Fransis to the Secretary of State, March 29, 1917 // Ibid. 861.00/310; N. McCully to War College Division, April 3, 1917 // NA. RG 165. F. 6497-23. Box 130; etc.

4 R. Lansing to W. Wilson, with enclosure, April 11, 1917 // The Papers of Woodrow Wilson / Ed. A.S. Link. Princeton, 1983. Vol. 42. P. 36—37; Th. Whittermore to Ch.R. Crane, March 14/27 // Bakhmeteff Archive. Columbia University (New York). Ch.R. Crane Papers. Box 2; S. Harper to R. Willyams, April 18, 1917 // Ibid. Box 2.

5 N. Winship to the Secretary of State, April 3, 1917 // NA. RG 59. 861.00/345; N. Winship to the Secretary of State, April 23, 1917 // Ibid. 861.00/371; N. Winship to the Secretary of State, June 5, 1917 // Ibid. 861.00/437; etc.

6 Цит. по: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 164.

7 M. Summers to the Secretary of State, May 18, 1917 // NA. RG 59. 861.00 /406; M. Summers to the Secretary of State, Sept. 14, 1917 // Ibid. 861.00/602. См.: *Листиков С.В.* Американский дипломат о революционной России: события февраля — октября 1917 г. глазами М. Саммерса // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: сб. ст. / отв. ред. А.В. Голубев; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М., 2000. С. 247—270.

8 F. Parker to War College Division, May 5, 1917 // Manuscript Division, Library of Congress. F. Parker Papers. Box 1. (Далее: MD LC); N. McCully to War College Division, May 15, 1917 // NA. RG 165. F. 6497-21. Box 21; W. Judson to War College Division, Aug. 1, 1917 // NA. RG 165. F. 8806-67. Box 362; etc.

9 См.: *Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 г.: к вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006. С. 22—25, 50; *Allison W.* American Diplomats in Russia: Case Studies in Orphan Diplomacy, 1916—1919. Westport, Conn., 1997. P. 3—5, etc.

10 A. Bullard to G. Creel, Dec. 9, 1917 // Mudd Library Archives, Princeton University. A. Bullard Papers. Box 6; *Листиков С.В.* «Загадочная» миссия Чарльза Крейна в Россию в 1917 г. // Американский ежегодник, 2001. М., 2003. С. 163—185; *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914—1921. Lawrence, 2001. P. 99, 100, 128—130, 138—140, etc.

11 См.: *Листиков С.В.* Журналист и внешняя политика В. Вильсона: Линкольн Стеффенс и «русский вопрос» // Американский ежегодник, 1999. М., 2001. С. 208—224.

12 Л. Стеффенс побывал в Советской России вместе с молодым сотрудником госдепа У. Буллитом. За ним стояли В. Вильсон и Д. Ллойд Джордж, искавшие контакты с лидерами большевиков ради прекращения Гражданской войны (оба политика, однако, скрывали свое участие в организации миссии). См. подробнее: *Steffens L.* Autobiography. N.Y., 1931. P. 790—802; *Mayer A.* Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles 1918—1919. L., 1967. P. 450—487, etc.

13 Между тем, С. Уошборн уже в конце марта называл три альтернативы развития событий в России: следование демократическому выбору; приход к власти фанатиков-радикалов, сопряженный с вероятностью выхода страны из войны; наконец, восстановление дореволюционных порядков (S. Washburn to Lord Northcliffe, March 23, 1917 // MD LC. S. Washburn papers. Box 1). О составе и деятельности миссии Американского Красного Креста в России в 1917 г. см.: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 324—403; *Hard W.* Raymond Robins Own Story. L., 1920. P. 10—52, etc.

14 A. Bullard to E. House, [June, 1917] // Sterling Library, Yale University. E. House Papers. F. 670. Box 21. (Далее: Yale-Sterling); A. Bullard to E. House, Aug. 22, 1917 // Ibid. F. 671. Box 21. О пребывании А. Булларда в России в 1917 г. см. также: *Мальков В.Л.* Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 — март 1918 гг.) // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 125—128.

15 См. подробнее: *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 123—125; *Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 73—92; *Gelfand L.* The Inquiry: American Preparations for Peace, 1917—1919. New Haven, 1963; *Link A.* Woodrow Wilson. Revolution, War and Peace. Arlington Heights, Ill., 1979. P. 72—103.

16 См.: *Иоффе А.Е.* Миссия Рута в России в 1917 г. // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 87—100; *Schield G.* Between Ideology and Realpolitik: Woodrow Wilson and the Russian Revolution, 1917—1921. Westport, 1995. P. 29—33; *Weeks C.J., Baylen J. O.* Admiral James H. Glennon's Mission to Russia, June — July, 1917 // The New Review. 1973, December. XIII. P. 14—31, etc.

[17] *Stevens J.* Russia during the World War // Engineers and Engineering. 1927, Jan. N. 44. P. 17—23; *Лебедев В.В.* Русско-американские экономические отношения (1900—1917 гг.). М., 1964. С. 309—311, 314—315; *Fike C.* The Influence of the Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relations, 1917—1919 // Journal of Modern History. 1959. N 2 (June). P. 94—95, 101—103; *Shuman F.* American Policy toward Russia since 1917. N.Y., 1928. P. 47—48, etc.

[18] A. Bullard to E. House, Aug. 22, 1917 // Yale-Sterling. E. House papers. F. 671. Box 21.

Н.Е. Быстрова

Россия на «дипломатическом фронте» после Октября 1917 года

Проблема взаимоотношений Советской России и стран Запада после Октябрьских событий 1917 года столь многомерна, что несмотря на большой комплекс посвященной ей литературы, она остается по-прежнему актуальной. Возникший с падением военной и экономической мощи России после свержения монархии, «русский вопрос» особую остроту получил именно с Октября 1917 года, став вопросом о советском государстве. С мнением и политикой России всегда считались ведущие участники мирового процесса. Г. Киссинджер отмечал в книге «Дипломатия», что Россия, независимо от того, кто ею правит, располагается на территории, называемой «геополитической сердцевиной», и представляет собой страну, которая «является наследницей одной из самых могучих имперских традиций»[1].

Появление Советской России, приступившей к формированию новых основ внешней политики и международных отношений, стало переломным моментом не только российской истории. Несмотря на то, что Россия была союзницей стран Антанты, «сердечной» близости между ними никогда не было. Ни Англия, ни Франция, ни США сильной России не желали и, стремясь использовать ее в своих геополитических и стратегических интересах, предпочли бы уход ее из мировой политики как влиятельной силы — великой державы. Министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков в свое время справедливо говорил о том, что у государства есть свои жизненные, насущные интересы, независимо от того, управляют ли Россией либералы, социалисты или царские чиновники. Советская Россия, выросшая на обломках сражавшейся в рядах победившей коалиции Российской империи, своими внешнеполитическими задачами считала выход из изоляции и восстановление отношений со всеми государствами. Однако уровень развития как политических, так и экономических отношений ограничивали идеологические установки как с советской стороны, так и со стороны западных стран.

Информационной основой статьи послужили материалы Архива внешней политики Российской Федерации из фонда Отдела печати НКИД, фондов Г.В. Чичерина, М.М. Литвинова, Л.М. Карахана, других членов Коллегии и ответственных сотрудников НКИД, информационные материалы по странам; а также официальные публикации американских, британских внешнеполитических документов[2], российские сборники документов[3]. Весьма ценны для раскрытия темы мемуары, такие, например, как воспоминания дипломатов, находившихся в 1917—1918 гг. в России[4], а также введенная автором статьи в научный оборот незавершенная работа Иосифа Петровича Гольденберга[5] «Книга о взаимоотношениях между странами Антанты и Россией в 1917—1918 гг.». Исторические исследования, посвященные данному периоду российской истории как в

отечественной, так и в зарубежной историографии, весьма многочисленны. Так, работы В.И. Голдина, демонстрируя особенности, которыми характеризуется генезис интервенции и Гражданской войны на региональном уровне (на Русском Севере), раскрывают тем не менее общероссийские тенденции. Автор отводит интервенции роль катализатора развернувшейся летом 1918 г. «широкомасштабной гражданской войны»[6]. Переоценке проблемы роли интервенции в российской Гражданской войне посвящены работы Л.Г. Новиковой[7]. Можно согласиться с ее выводом о том, что интервенция на севере России — геополитически важном регионе, где сталкивались интересы многих государств, в годы Гражданской войны выглядит значительным, но крайне противоречивым эпизодом, не оказавшим решающего воздействия на исход политического и военного противостояния. Правомерными в связи с этим представляются слова английского дипломата Дж. Бьюкенена о том, что интервенция оказалась на практике столь неудачной, что была осуждена в принципе всеми как ошибочная политика, и затраченные на нее деньги были выброшены на ветер; союзные же правительства, не имея ясно определенной политики, прибегли к полумерам, неудача которых была почти предрешена. Ряды Красной Армии усилила, таким образом, не интервенция, а опасение того, что союзники намерены расчленить Россию[8]. Политике стран Антанты по отношению к Советской России в конце 1917 — начале 1918 г. посвящена работа Р.Ш. Ганелина[9]; международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны рассмотрена А.Ю. Ватлиным[10]. Вопрос о соответствии национальным интересам России геополитического аспекта ее политики в отношении Европы ставит в своих исследованиях В.А. Зубачевский[11]. Он справедливо отмечает, что хотя Советская Россия и провозгласила новый подход к внешней политике, но в 1917—1923 гг. прослеживается и традиционная для Российского государства преемственность в обеспечении национальной безопасности. Л.Н. Нежинский обстоятельно проанализировал доктринально-концептуальные и конкретно-практические основы советской внешней политики[12]. В.А. Шишкин, говоря о «советской» или «социалистической» оболочке национально-государственных интересов, показал преемственность национальной и геополитической традиции в политике России[13]. Лучше понять, почему интервенция, развиваясь по чрезвычайно сложному сценарию, завершилась серьезной внешнеполитической и военной неудачей стран-участниц, во многом определив на долгие годы конфронтационный характер отношений западных держав с Советской Россией, помогают работы С.В. Листикова[14].

Раскрывая историю дипломатии в начальный период русской революции, зарубежные исследователи, в частности, Р. Уорт, пытались ответить на вопрос, как страны Антанты из союзников России превратились в ее врагов[15]. Феномен России «под большевиками» изучили такие исследователи, как Р. Пайпс, Дж. Кеннан, Дж. Томсон, Ф. Шуман и др.[16]

Готовя партию к завоеванию власти, Ленин и другие большевистские лидеры рассчитывали в 1917 г. на революцию в других странах как важное условие победы революции в России. Но в отличие от выстраданных подавляющим большинством населения России требований мира, земли и свободы, тезис о возможной мировой пролетарской революции стал скорее продуктом утопических, интеллектуально-доктринерских увлечений большевистской верхушки, нежели следствием серьезного научно-политического анализа действительности[17]. Западный пролетариат оказался не настолько классово сознательным, как ожидалось большевиками, да и русскому рабочему мессианские компоненты сознания были навязаны позднее[18].

Октябрьский переворот в странах союзников был встречен с ужасом и возмущением, «но с неполным осознанием его огромного значения»[19]. Первоначальный шок

был смягчен широко распространенным мнением, что большевики обязаны своей победой лишь случайному стечению обстоятельств и вскоре будут отстранены от власти. 8 ноября в английском посольстве в Петрограде состоялось первое собрание всего дипломатического корпуса, созванное, по словам посла США Д.Р. Фрэнсиса, по инициативе французского посла для обсуждения вопроса о безопасности иностранцев и принявшее решение о самостоятельных действиях каждой миссии. Судя по всему, послы не обошли вниманием последнюю обращенную к ним просьбу министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского не признавать Советского правительства, переданную им накануне, утром 7 ноября, Фрэнсису через секретаря американского посольства Ш. Уайтхауза. Дж. Бьюкенен в своих мемуарах писал о том, что эта просьба была обращена ко всем союзным послам[20].

Державы Антанты новую власть не признали. Вместе с тем они и не отзывали послов из Петрограда, сохраняя канал для диалога с большевиками, которых безуспешно пытались убедить продолжать войну с Германией. Главный тон в этом задавала пресса Великобритании. Так, 8 ноября проконсервативная газета “Daily Express”, после получения известия о перевороте, писала о том, что любое вмешательство в события в России лишь ухудшит ее положение, и предлагала Англии предоставить Россию на время самой себе. В тот же день консервативная “Morning Post” выдвинула своего рода лозунг интервенции, сообщив, что последователи Ленина являются врагами Антанты и открытыми друзьями Германии, никаких дел поэтому с ними быть не может. Словно следуя совету либеральной “Westminster Gazette” (9 ноября) «не делать ничего, что дало бы возможность максималистам (этим термином называли большевиков. — *Н.В.*) сказать, что мы, а не немцы являемся врагами, что мы покушаемся диктовать им», правительство и общественные круги Великобритании решили держаться выжидательно. В газетах страны в течение двух недель наблюдалась определенная сдержанность: большинство статей ограничивалось сопоставлением информации о событиях в России; о признании советского правительства речь в них не шла. Ожидание господствовало и в английском парламенте. 12 ноября на запрос о положении дел в России министр иностранных дел А.Дж. Бальфур ответил, что никаких сообщений, помимо того, что появилось в прессе, он сделать не может. Первым официальным лицом в Англии, употребившим термин «русское правительство» по отношению к советской власти, был депутат от лейбористов Ноэль Бэкстон, спросивший Бальфура о том, какие сведения поступили от русского правительства относительно условий соглашения, якобы имевшего место между русским и немецким правительствами. Не удовлетворившись ответом Бальфура, который не имел на этот счет никакой информации, Бэкстон послал запрос по поводу не появившегося в английской прессе декрета советского правительства о мире. 21 ноября на запрос ответил министр внутренних дел Дж. Кейв, который сообщил, что слухи о том, что заявление о русских условиях мира было запрещено цензором к опубликованию, не соответствуют действительности.

Декрет о мире, принятый 8 ноября 1917 г. II Всероссийским съездом Советов, напугал союзников, указав на готовность нового российского правительства вступить в мирные переговоры со всеми странами, в том числе и с Германией. Декрет был направлен 21 ноября послам союзных держав первым народным комиссаром иностранных дел Советской России Л.Д. Троцким, который просил рассматривать его как формальное предложение перемирия на всех фронтах и открытия мирных переговоров. Ленин и его сторонники, конечно, сознавали, что условия мира не будут приняты ни одной из воюющих сторон, но еще более остро они сознавали необходимость заключения перемирия. Закладывая основы государственно-пропагандистского механизма, декрет противопоставлял народы различных стран их правительствам. Адресуя предложение мира ко всем пра-

вительствам и народам всех воюющих стран, советское правительство особо обращалось к рабочим трех наиболее передовых стран мира — Англии, Франции и Германии. Позднее, 3 января 1918 г., американский президент В. Вильсон в беседе с английским послом отметил, что Декрет о мире, в Италии несомненно, а в Англии и во Франции вероятно, оказывает свое воздействие; в Соединенных Штатах ведется активная агитация, и если ничего не делать для ее нейтрализации, влияние ее будет возрастать[21].

Как известно, все правительства воюющих держав проигнорировали и сам Декрет, и содержавшиеся в нем предложения.

По точному замечанию Р.Ш. Ганелина, что если в Англии при отсутствии единства взглядов на политику в «русском вопросе» шел ясно различимый процесс ее выработки, то правительство Соединенных Штатов в течение некоторого времени позволяло себе как бы не замечать Октябрьский переворот, надеясь на недолговечность советской власти[22]. Попытка выработать межсоюзническое соглашение о непризнании новой власти в России была предпринята Францией, пославшей 24 ноября в связи с этим запрос США. Формула этого запроса — «никакого нового русского правительства» — означала, что советское правительство считалось не только непризнаваемым, но и неупоминаемым. Соединенные Штаты отказались связывать себя подобным курсом. Однако в тот же день госсекретарь США Р. Лансинг заверил Б.А. Бахметева, посла Временного правительства в Вашингтоне, что и впредь будет считать его послом России в Америке[23]. Как справедливо заметил А.И. Уткин, можно было любить или ненавидеть большевиков, но их выход на международную арену давал новый старт мировой политике, и, «согласное начать тур мировой дипломатии заново, вильсоновское руководство надеялось укрепить свои позиции в Европе»[24].

Союзники полагали невозможным признать советский режим, хотя наркоминдел Л.Д. Троцкий и стремился установить с ними партнерские отношения. В иностранных державах в течение нескольких лет продолжали еще функционировать старые дипломатические и консульские представительства.

24 ноября лордом Сесилем было сделано первое официальное заявление от имени английского правительства о непризнании советской власти; лорд сообщил, что хотя и невозможно полностью избежать деловых отношений с правительством, подстрекавшим солдат арестовывать своих же генералов и открывать мирные переговоры с врагами, «не может быть и речи о дипломатическом признании и сношениях с ними»[25]. 24 ноября 1917 г. историки называют днем, когда английское правительство в первый раз заявило о своем принципиальном согласии на интервенцию[26]. Таким его считал и И.П. Гольденберг, подметивший тот факт, что Дж. Бьюкенен назвал несвоевременной столь ясно выраженную мысль Р. Сесиля. Принятая 28 ноября 1917 г. в Париже на конференции стран Антанты формула подтверждала непризнание советской власти: каждое правительство должно было сообщить своему послу в Петрограде о готовности союзников к пересмотру целей войны с участием России, как только она будет иметь стабильное правительство, с которым они могли бы сотрудничать[27].

Если в правительственных заявлениях ведущих стран говорилось только о непризнании Советской России, то в европейской официозной и правой печати уже ставился вопрос об интервенции. Однако в целом заметна определенная тенденция, особенно в Англии, — как можно меньше говорить о России, выжидая результатов открывшихся 3 декабря 1917 г. в Брест-Литовске переговоров. «Русский вопрос» если и поднимался, то трактовался в основном в рамках максимального нейтралитета по отношению к советскому правительству и максимального дружелюбия по отношению к русскому народу[28].

Принимая решение об открытии переговоров с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске, советские руководители исходили из убеждения, что воюющие государства, прежде всего Германия и Австро-Венгрия, находились на пороге революции, поэтому рассчитывали использовать переговоры о мире для ускорения революционного процесса. Само начало переговоров стало событием чрезвычайным, так как означало фактическое признание легитимности нового российского правительства участвовавшими в переговорах государствами. Пока шла мировая война, германская угроза в глазах союзников оставалась опаснее угрозы большевизма. Брестский мир, подписанный 3 марта 1918 г. Советской Россией с державами Четверного союза на предъявленных ей тяжелейших условиях, стал ударом для союзных держав. Между тем, не вступая в официальные отношения с советским правительством, они продолжали контактировать с ним на неофициальном уровне. Их представители (Р. Робинс — США, Б. Локкарт — Великобритания, Ж. Садуль — Франция) пытались помешать ратификации договора, обещая поддержку со стороны своих правительств, однако их влияние на политику союзников было весьма ограниченным. 15—16 марта 1918 г. в Лондоне состоялась конференция премьер-министров и министров иностранных дел Англии, Франции и Италии (Соединенные Штаты воздержались), на которой была принята декларация о непризнании Брестского договора. До сих пор историками выдвигаются различные версии о причинах заключения договора, даются неоднозначные трактовки его внутри- и внешнеполитического значения.

Своеобразным противовесом Брестскому миру должен был стать розыгрыш союзниками «мурманской карты». Идея интервенции в Россию «по приглашению» или «с согласия» советского правительства активно обсуждалась в марте — апреле 1918 г. в военно-политических кругах стран Антанты. Пытаясь расширить социально-политическую опору для действий в России, державы Антанты поддерживали в этот период контакты с большевистским правительством и с его противниками. Советские же руководители для сохранения нейтралитета России в мировой войне соглашались на оккупацию как Германией Севастополя, так и Англией Мурманска. Сложность и противоречивость мурманских событий, уклончивость политики союзников вынуждала советское руководство к политическому лавированию. Каждая из сторон вела свою политическую игру. Советские руководители считали вполне допустимой в тот момент помощь бывших союзников при условии невмешательства в их внутренние дела. Так, подразделения англо-французских войск вместе с советскими отрядами и красными финнами приняли участие в боях, отражая наступление белофиннов на Мурмане и в Карелии в конце марта — начале апреля, а также в совместной борьбе против немецких подводных лодок.

Политика большевистского правительства строилась в надежде на социальную революцию в обоих лагерях: в англо-французском и германском. Именно в Берлине, как считал Ленин, лежал ключ к новой системе международных отношений. Советское представительство выполняло там не только дипломатические функции, но и выступало в роли координатора революционных сил, что не могло не вредить работе российских дипломатов. Но надежды большевиков на пролетарский переворот в Германии и других странах Европы оказались тщетными. Не могла долго продолжаться и политика лавирования со стороны советского правительства. Требования Германии, заинтересованной на время войны в сохранении большевистского режима, соблюдать условия Брест-Литовского договора, который страны-союзницы восприняли как одностороннюю капитуляцию России, оказались весомее пожелания стран Согласия расширить их военное присутствие в стране. В странах Антанты в итоге верх взяли сторонники жесткой линии в отношениях с Советской Россией, сделавшие ставку на

антисоветские силы. Своеобразным инструментом международной политики стало чехословацкое войско, втянутое союзниками в орбиту российской Гражданской войны. Между тем в критический момент выступления чехословацкого корпуса в июне 1918 г. Германия оказала большевистскому правительству косвенную, но весьма существенную военную помощь. Вильгельм II лично отдал 2 июня распоряжение, чтобы немецкие войска не предпринимали никаких военных операций в России, а советскому правительству было сообщено, что оно может спокойно отвести свои войска от Петрограда и использовать их против чехословаков[29]. Так как в Германии сохранение власти большевиков рассматривали в то время как равносильное отсутствию Восточного фронта, вероятность ее падения не могла не беспокоить немцев.

В Советской России создалось невиданное в дипломатической истории положение: в стране находились официальные представители держав, пользовавшиеся полной неприкосновенностью, а страны, которые они представляли, открыто высаживали вооруженные отряды для борьбы с правительством, с которым не порывали связи[30]. Правительства Антанты не только не объявили о военных действиях против Советской России, но и всячески отрицали, что ведут против нее войну. Рассматривая усилившуюся после заключения Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. интервенцию стран Антанты, основным мотивом которой стало не создание Восточного фронта, а борьба с властью большевиков, как необъявленную войну, советские руководители в последние месяцы 1918 г. предлагали бывшим союзникам открыть переговоры о заключении мира[31]. Однако ответных шагов со стороны держав Антанты не последовало.

На рубеже 1918—1919 гг. Россия оказалась в полной дипломатической изоляции. Оккупация российской территории союзниками с наступлением мира превратилась в прямое вмешательство в дела России. В отличие от американской, английской, французской и итальянской, японская интервенция на Дальнем Востоке была вполне реальной и длительной, а просуществовавшая до 1922 г. Дальневосточная республика служила буфером против войны Советской России с Японией.

Итак, в начальный период существования Советского государства высокая идеологизированность внешнеполитической активности его руководителей для обеспечения выживания страны не исключала применения ими различных дипломатических приемов, таких, как использование противоречий между великими державами. Заигрывая то с одним, то с другим блоком государств, большевистские руководители пытались создать возможности для геополитического утверждения Советской России.

Советская Россия, не приглашенная на Парижскую мирную конференцию в 1919 г., не признала для себя обязательным Версальский договор. Однако великие державы сознавали невозможность создания стабильного международного порядка, полностью игнорируя российские интересы. Союзники не отрицали вклад России в победу в мировой войне, предоставив ей право на репарации. Было очевидно, что окончательное европейское территориально-государственное урегулирование возможно лишь после стабилизации положения в России и окончания там Гражданской войны, исход которой и должен был определить ее место в послевоенной системе международных отношений. Большевики сумели воспользоваться разногласиями между великими державами и предотвратить всеобщее наступление против них, в этом им помогли разобщенность и реакционность белого движения. Для ограждения Европы от большевизма у западных стран после военных поражений белых и вывода союзных войск с российской территории появились другие методы: экономическая и дипломатическая блокада Советской России, «санитарный кордон» и надежда на эволюцию советского режима. Однако продолжая оставаться актуальной *политически*, идея «санитарного

кордона» *экономически* становилась все менее рентабельной. В январе 1920 г. Верховный Совет Антанты принял резолюцию, согласно которой разрешался обмен товарами между Россией, союзными и нейтральными странами, то есть фактически отменялась экономическая блокада. Тактика западных держав заключалась в признании большевиков фактическим правительством России при одновременном проведении линии на дискриминацию РСФСР и ограничения ее роли в международных отношениях.

Для Новой России, оказавшейся в сфере сложнейших межгосударственных отношений, начался период полублокады-полумира. Победа большевиков в Гражданской войне заставила страны Запада считаться с новой реальностью: советская власть в России закрепилась надолго, и в таких условиях политика непризнания представлялась бесперспективной. В марте 1921 г. с подписанием англо-советского торгового соглашения, выходившего за рамки экономических отношений, Великобритания признала Советскую Россию де-факто. Она же первая из держав Антанты признала Советский Союз де-юре в 1924 г., за ней последовала широкая «полоса признаний» западным странами. Международное признание власти большевиков было приближено образованием СССР, ставшим первым важнейшим шагом к возрождению России в исторически сложившихся границах на новой социальной основе. Если в первый год существования советского государства союзники принимали совместные «формулы непризнания» его, то к середине 1920-х годов каждая страна вырабатывала с учетом своих геополитических особенностей собственную «формулу признания», а Советская Россия стремилась к тому, чтобы все это не противоречило ее национально-государственным интересам.

1 *Киссинджер Г.* Дипломатия: пер. с англ. М., 1997. С. 742.

2 См., напр.: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1917. Suppl. 2. Wash., 1932. Vol. 1; 1918. Russia. Wash., 1931. Vol. 1. (Далее: FRUS); Documents on British Foreign Policy. First Series. Vol. 1; Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. 29.11.1917, vol. 99, col. 2191.

3 См., напр.: Документы внешней политики СССР. М., 1957—1958. Т. 1—2. (Далее: ДВП); Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1; Документы международных отношений и внешней политики СССР (1917—1945 гг.). М., 1996; Системная история международных отношений: события и документы, 1918—2000: в 4 т. М., 2000. Т. 2: Документы 1910—1940-х гг.; Коминтерн и идея мировой революции: документы. М., 1998; Москва — Берлин. Политика и дипломатия Кремля, 1920—1941: сб. док.: в 3 т. М., 2011. Т. 1: 1920—1926; и др.

4 Заброшенные в небытие: интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск, 1997; *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 2001; и др.

5 И.П. Гольденберг (Мешковский) (1873—1922) — литератор, член РСДРП с 1903 г. С 1910 по 1914 г. был в ссылке, с марта по октябрь 1917 г. — член редакции «Известий» и Исполкома Петросовета. После Октябрьской революции был стокгольмским корреспондентом «Новой жизни», в 1920—1921 гг. работал в советском Бюро по делам военнопленных в Берлине, в начале августа 1921 г. заступил на должность заведующего Отделом печати и информации НКИД.

6 *Голдин В.И.* : 1) Революционный пролог и гражданская война в России на историографическом рубеже конца XX — начала XXI в. // Проблемы новейшей истории России: сб. ст. к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева. СПб., 2005. С. 196—197 ; 2) Интервенты или союзники?: мурманский «узел» в марте — июне 1918 года // Отечественная история. 1994. № 1. С. 74—88.

7 См., в частности: *Новикова Л.Г.* Интервенция и Гражданская война на Русском Севере: к переоценке проблемы // Отечественная история. 2007. № 4. С. 113—126.

8 См.: *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 395—396.

9 *Ганелин Р.Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975.

10 *Ватлин А.Ю.* Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 72—82.

11 См., напр.: *Зубачевский В.А.* Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917—1923 гг.). Геополитический аспект. Омск, 2005.

12 *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им?: советская международная политика в 1917—1933 годах. М., 2004.

13 *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917—1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб., 2002.

[14] *Листиков С.В.* : 1) Белые дипломаты о «русской политике» западных держав // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг.: сб. ст. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 153—169 ; 2) «Русский след» в американской интервенции // Российская история. 2012. № 5. С. 139—151.
[15] *Уорт Р.* Антанта и русская революция, 1917—1918. М., 2006.
[16] См.: *Пайпс Р.* Русская революция: в 3 кн. М., 2005. Кн. 3: Россия под большевиками, 1918—1924; *Вильямс А.Р.* Путешествие в революцию; Россия в огне Гражданской войны, 1917—1918. М., 2006; *Kennan G.F.* Russia leaves the war. Princeton, © 1956; *Schuman F.L.* American policy toward Russia since 1917. L., 1928; *Rothwell V.H.* British War Aims and Peace Diplomacy, 1914—1918. Oxford, 1971; *Thompson J.H.* Russia, Bolshevism, and the Versailles peace. Princeton, 1966 [© 1967]; и др.
[17] *Нежинский Л.Н.* Указ. соч. С. 14
[18] *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 102.
[19] *Уорт Р.* Указ. соч. С. 185.
[20] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 356.
[21] См.: *Уткин А.И.* Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004. С. 41.
[22] *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 38.
[23] *Schuman F.L.* Op. cit. P. 56.
[24] *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 40.
[25] АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 10.
[26] См., напр.: *Мальцев Д.А.* Антанта и боевые действия на юге России в 1918—1920 гг. // Военная интервенция и гражданская война в России (1918—1920 годы). М., 2009. С. 93
[27] FRUS. 1917. Suppl. 2. Vol. 1. P. 352.
[28] АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 23.
[29] Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). М., 1995. С. 31.
[30] История дипломатии. М.; Л., 1945. Т. 2. С. 389.
[31] ДВП СССР. Т. 1. С. 549, 556.

А. Босяцки

Наследие русской революции за пределами России. Политико-правовые аспекты

По сегодняшний день тема революции является важной, требующей более тщательного изучения и осмысления событий, несмотря на факт, что прошло сто лет с тех пор, как она произошла. Согласно популярному мнению, на тему коммунизма, в форме, которую он получил после Октябрьской революции, было написано больше, чем на тему всех вместе взятых политических систем в истории. Большевистское государство было первым государством в истории, которое не имело аналогов в прошлом. Система, созданная большевиками, была, по выражению Михаила Геллера и Александра Некрича, первой в истории человечества «утопией у власти», системой, которая могла реализовать свои концепции на практике. Т.н. Октябрьская революция была не только первым полностью успешным переворотом: ее поняли несвоевременно. В начале революции большевики декларировали только четыре общие, неясные цели: создать единую, казалось бы нецентрализованную систему власти (согласно лозунгу: вся власть советам), дать всем крестьянам землю, установить рабочий (рабоче-крестьянский) контроль над производством и назначить новое правительство (рабоче-крестьянское). Таким образом, был завершен процесс получения большевиками власти, института, который мотивировал всю мысль Ленина. В социологическом плане партия большевиков была беспрецедентным в российской действительности образованием: она захватила власть уже через 14 лет после ее создания.

Известно, что Ленин как лидер движения долгое время не был воспринимаем серьезно. Но он создал большевистскую партию и, несмотря ни на что, привел ее к

победе. Ричард Пайпс писал по этому поводу: *политическая система, родившаяся в октябре 1917 года, стала как бы воплощением его личности. Партия большевиков была ленинским детищем; как ее творец, он создавал ее по своему образу и подобию и, подавляя всякое сопротивление извне и изнутри, вел по пути, который определил сам. (...) Коммунистическая Россия с момента своего появления была диковинным отображением сознания и воли одного человека: его биография и история слились и растворились друг в друге*[1].

В кратком, в силу необходимости, тексте я хотел бы остановится на ряде новых важнейших институтов, созданных русской революцией, которая не только победила как первая в истории человечества «утопия у власти» (термин, конечно, как упоминалось выше, Михаила Геллера), но и получила возможность создать новую политическую и социальную реальность, в том числе и правовую систему.

Русскую Октябрьскую революцию 1917 года часто называют великой, это название активно использовалось коммунистической пропагандой и окончательно закрепилось в выражении: «Великая Октябрьская социалистическая революция», хотя первоначально даже большевики называли ее «ноябрьским» или «октябрьским переворотом» (например Троцкий).

Говоря о Русской революции, нужно иметь в виду и Февральскую революцию 1917 года, и т.н. первую российскую революцию 1905 года. Но только большевистский переворот получил в истории такое большое значение, и именно он прежде всего является предметом изучения (анализа) и рецепции в других государствах или системах.

Подобно Французской революции, большевистский переворот был скорее «великим» с точки зрения радикальных идей и радикальных форм их применения. Радикальный эгалитаризм революции требовал якобы таких радикальных форм, но принципы эти, однако, нарушались в течение революции самым бесцеремонным образом.

Хотя достижением Французской революции является окончательное равенство перед правом, возникает вопрос, можно ли назвать позитивным все наследие большевистской революции 1917 года (например: идея экономического равенства). С точки зрения двух самых великих революций появляется всегда вопрос соотношения теории и практики.

С точки зрения теории: программа большевиков с 1917 г. пропагандировала идеи, которые после захвата власти, как выражался Ленин, были отвергнуты. Говорилось тогда о «переходном периоде», с самого начала действия большевиков противоречили дореволюционной программе, в качестве примера можно привести обещание выборных органов местного самоуправления, отказ от насилия и пр.

Формально-правовые институты революции должны были установить государство, которого человечество еще не знало раньше. В этом государстве провозглашалось не только широко используемое Лениным выражение о его «отмирании», но и ограничения власти «правовые, но без одновременных формально-юридических гарантий», как выразился народный Комиссар Юстиции Дмитрий Иванович Курский[2].

Лозунг «Вся власть советам» не подразумевал разделения властей. Институт разделения властей был вначале признан непригодным для нового государственного строя[3]. В наброске *Десять тезисов о советской власти*, который был представлен на Седьмом экстренном съезде РКП (б) в начале марта 1918 г., Ленин считал это одной из особенностей новой системы: *Уничтожение парламентаризма, как отделение законодательной работы от исполнительной; соединение законодательной и исполнительной государственной работы. Слияние управления и законодательства*[4].

Через месяц после представления ленинских тезисов на тему разделения властей, теоретически наиболее обоснованно выступил один из высших чиновников Народного комиссариата юстиции Михаил Андреевич Рейснер (1868—1928). На Первом Всероссийском Съезде Комиссаров юстиции о разделении властей он сказал, что хотя принцип разделения власти: *был принят почти везде за рубежом, в том числе в некоторых демократических республиках, но является неприемлем в Российской Республике. (Он имеет. — А.Б.) в первую очередь политические задачи: в буржуазном государстве основное внимание уделяется балансированию основных политических сил, с одной стороны, классы имущих, а с другой — массу трудящихся. Буржуазное государство представляет собой принудительный компромисс эксплуататоров и эксплуатируемых, повсюду требуя выравнивания и разделения властей: разделения (институция. — А.Б.) представительства и управления государством, как и обществом и, по сути, разделение властей.* По словам Рейснера, *в советской системе ни один из этих факторов не существовал, что отрицало необходимость какого-либо разделения власти*[5].

Система, основанная на принципе разделения властей, была в большевистском государстве заменена единой государственной системой власти[6], согласно лозунгу *Вся власть советам*[7], который Ленин выдвинул после возвращения в Россию в 1917 г. Такая концепция отвергла любые промежуточные институты власти (такие, как институт местного самоуправления).

Несмотря на желание отменить институты дореволюционной системы, большевики не смогли создать новую согласованную доктрину законодательной власти. Что касается центральной администрации, единственной оригинальной особенностью был своего рода двухступенчатый новый парламент (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет — съезд Советов). Роль законодательной власти, строго говоря, выполнял Всероссийский исполнительный комитет. В вышеупомянутой схеме компетенции съезда Советов, номинально неограниченные, сводились к декларативной и консультативной, а не нормативной функции.

Следовательно, в новой системе управления большевики ничего больше теоретически не придумали. Таким образом, Съезд «советов», представителей рабочих, крестьян, солдат и казаков, действовал только как суперпарламент, построенный на принципе прямой демократии. Было очевидно, что этот тип органа не может выполнять свои функции. Следовательно, настоящим парламентом был Всероссийский исполнительный комитет и правительство, сосредоточившее с самого начала революции основные компетенции.

В практике выбора парламента нельзя забывать, что с самого начала избирательного права (активного и пассивного) не было у многих групп населения. Согласно Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. (статья 23) *Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции.* Эти группы перечисляет статья 65 конституции: *а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой.* Фактически, такие лица (лишенные прав, или лишенцы) были лишены также других субъективных прав, или, о чем еще будет сказано, лишенные каких-либо прав.

С начала революции отвергалась понятие независимость судов и независимость судей. Суды с самого начала не были независимыми (потом об этом не писали, как и не упоминали). В дополнение к общим судам, основанным на революционной совести и революционном правосознании, была создана система революционных трибуналов: военных, железных дорог и самая известная Всероссийская комиссия для борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляциями. Во всяком случае, название комиссии не было определено в каком-либо акте закона.

Вероятно, самое раннее определение компетенции ВЧК происходит от второго заместителя Дзержинского Мартина Яновича Лациса (настоящее имя — Ян Фридрихович Судрабс, 1888—1938)[8]. Лацис также может считаться первым летописцем этого учреждения. Из опубликованной в декабре 1920 г., хотя и завершенной — по словам автора — двумя годами ранее работы, мы узнаем, что Чрезвычайная Комиссия это — не следственная комиссия и не суд. И не трибунал. Это — орган боевой, действующий по внутреннему фронту гражданской войны, пользующийся в своей борьбе приемами и следственных комиссий, и судов, и трибуналов, и военных сил. Он врага не судит, а разит. Не милует, а испепеляет всякого, кто с оружием в руках по ту сторону баррикад и кто ничем не может быть использован для нас[9].

Позже в книге мы узнаем о типах кар, применяемых комиссией. По словам заместителя Дзержинского — ЧК *уничтожает без суда, застав на месте преступления, или изолирует от общества, заключая в концентрационный лагерь, или передает трибуналу, когда дело требует подробного исследования и широкой гласности*[10].

Из мнения Лациса ясно, что, вскоре после своего создания, ЧК объединило полномочия прокуратуры, суда и исполнительного органа. Возможность последней указанной прерогативы включала, как это видно, не только физическую экзекуцию противника (такой термин последовательно используется в его работе в качестве заместителя председателя ВЧК), но и возможность отправки в концентрационный лагерь, в ведении комиссии. Следует также отметить, что ЧК не ограничивали какие-либо формальные требования к проведению разбирательства. Это привело, как писал Пайпс, к отказу от необходимости подчиняться каким-либо даже самым поверхностным процедурам[11]. По этой причине ЧК стало органом, который, по словам автора цитаты, для Ленина имел первостепенное значение.

Военные трибуналы имели с ЧК ряд общих черт, что иногда приводило к дублированию и необходимости демаркировать компетенции обоих учреждений. В отличие от ЧК, военные трибуналы выступали в качестве *юридического инструмента репрессий*[12] (курсив наш. — *А.Б.*). Тем не менее, как и чрезвычайные комиссии, это назначенные органы, предназначенные: *в первую очередь органы уничтожения, изоляции, обезвреживания и терроризирования врагов Рабоче-Крестьянского отечества и только во вторую очередь — это суды, устанавливающие степень виновности данного субъекта*[13].

Основными задачами обоих учреждений было также *уничтожение на месте преступления живой силы противника*[14]. Как и в случае других чрезвычайных органов, деятельность военно-революционных трибуналов служила в основном политическими целями. *Военно-революционные трибуналы* — писал в 1920 г., первый президент РСФСР, — *это прежде всего органы для уничтожения, изоляции, нейтрализации и терроризирования врагов рабоче-крестьянской родины, и только во вторую очередь — это суды, устанавливающие степень виновности данного субъекта*[15].

Однако, по словам Данишевского, революционные военные трибуналы обладали *властью еще более исключительной, чем обычные революционные трибуналы, которые проникли в общую судебную систему*[16]. Военно-революционные трибуналы остаются

вне судебной системы (в том числе и экстраординарной) с самого начала их существования. Аналогично функционировали железнодорожные трибуналы и ряд подобных учреждений, также организованных *ad hoc*.

Система репрессий часто функционировала в совершенно внесудебном режиме, помимо формально судебных институтов в форме революционных трибуналов. Террор применялся очень быстро, и надо добавить, что его спровоцировали большевики. Ленин настаивал на его использовании с самого начала и воплотил, формально после убийства Моисея Урицкого и покушения на его жизнь. С другой стороны, террор допускали компетенции государственной власти и неопределенные нормативные акты.

Темой обсуждения также является т.н. социальный аспект большевистских государств. Теоретически государство осознало полный суверенитет народа; практически люди или социальные группы действовали без политических прав, при наличии декларированных социальных прав, от которых номинально зависела сущность революции.

Конечно о каком-то наследии русской революции можно говорить с точки зрения политической системы победившего политического строя в широком аспекте, а не в узком. Т.н. Венгерская Республика Советов или попытки создать государство наподобие большевистской системы таким образом не являются предметом рецепции (они не имели влияния). Не так просто уже с рецепцией политической мысли большевиков у представителей радикальной «левизны» Франции.

Рецепция, называемая номинально советской, была в основном в т.н. странах народной демократии (не только в Европе в 1944/48—1991 гг.) и касалась следующих политических и правовых институтов:

а) конституции, вводящие идентичные институты, как сталинская конституция 1936 г.;

б) псевдопарламентаризм и псевдонародовластие (в форме национальных советов, в Польше);

в) социальный аспект государства, где есть много экономических прав (даже право на отдых, закрепленное, вероятно, в каждой социалистической конституции). Стоит отметить, что права были связаны с обязанностью, такой, как трудовая повинность или социальная дисциплина труда. Ничего похожего раньше не существовало. После падения социалистической системы (и конечно раньше) появилась бедность и деградация. Система не являлась демократической, хотя и были отдельные случаи попыток восстановления компетенции советов. Прямая демократия (съезд депутатов, раньше рабочие представительства) не имела возможности изменить подобную систему;

г) террор — существовал всегда во всех социалистических странах, хотя не был так распространен, как в Советском Союзе эпохи сталинизма. Диктатура пролетариата делала возможным широкое использование террора. Относительно большие репрессии на территориях, оккупированных СССР в 1939—1941 гг. и в период сталинизма (1944/45—1956 гг.). Стремились сломать традиции национальных государств формой «народной демократии». После 1956 г. террор существовал в значительно узком смысле, исключением было чрезвычайное положение в Польше 1981 г. или политические убийства, происшедшие в стране в 1981—1989 гг.

Политические убийства в большей или меньшей степени также были совершаемы в других странах до краха коммунистической системы.

В заключение необходимо подчеркнуть, что рецепция коммунистической системы отрицательно сказывается на многих социальных институтах государств, некогда находящихся под влиянием такой системы (посткоммунизм): функционируют в них разные формы олигархизма, социальные аспекты посткоммунистических государств даже присутствуют в актуальных конституциях, а партийная система нестабильная.

Таким образом, наследие русской революции является в основном отрицательным. Существенен также экономический фактор. В России и странах народной демократии возникло явление пауперизации социалистического общества. Бедность общества показала, что революции не достигли своих целей. На «Западе» «социальный» либерализм оказался более результативный.

Политический тоталитаризм должен был функционировать как анти-абсолютизм, не-деспотизм и т.п. Существовало, однако, «неправовое государство»: действия органов государственной власти были вне юридических норм, принципов конституционализма и т.п., даже несмотря на очевидную эволюцию коммунистической системы в направлении верховенства закона.

На сегодняшний день можно заметить негативные тенденции в посткоммунистических странах: юридические (потому что можем заметить остатки деспотизма, значительные компетенции удерживает исполнительная власть), социальные: господство олигархизма, или отсутствие политической стабильности. Стоит также отметить, что конституции и нормативные акты бывших коммунистических государств обращают внимание на негативные тенденции этого режима.

1 Пайпс Ричард — *Русская революция*, *Книга 2*, *Большевики в борьбе за власть 1917—1918*, Москва 2005.

2 Д.И. Курский, Гарантии правосудия и правосудие без гарантий, «Пролетарская революция и право» 1918 № 7.

3 Здесь и дальше на тему разделения властей: A. Bosiacki, *Utopia, władza, prawo. Doktryna i koncepcje prawne bolszewickiej Rosji 1917—1921*, wyd. II, Warszawa 2012.

4 Ленин В.И., *Полное собрание сочинений* [Электронный ресурс]. *Том 36. Март — июль 1918*, Москва 1974. URL: *http://uaio.ru/vil/36.htm* (дата обращения: 31.10.2017). Фрагменты высказываний председателя Совета народных комиссаров цитируются в книге: O. Znamienski, W. Szyszkin, *Lenin*, *ruch rewolucyjny i parlamentaryzm*, Warszawa 1981, s. 151—152.

5 Цит. по: *Основные тезисы доклада М.А. Рейснера на Всероссийском съезде комиссаров* юстиции, [в:] *Материалы Народного Комиссариата юстиции*, т. I, Москва 1918, с. 51.

6 S. Ehrlich, *Ustrój Związku Radzieckiego*, Warszawa 1954, s. 38 i 257; K. Sójka-Zielińska, *Historia prawa*, wyd. V, Warszawa 1995, s. 358.

7 S. Ehrlich, *op. cit.*; ibidem; M. Sczaniecki, *Powszechna historia państwa i prawa*, *Opracowanie K. Sójka-Zielińska*, wyd. VIII, Warszawa 1995, s. 491.

8 Официальная биография Лациса на польском языке: *Encyklopedia Rewolucji Październikowej,* Warszawa 1977, s. 213. Интересные, но не такие хвалебные детали об этом человек представляет, в частности, Б. Бажанов (B. Bażanow *Byłem sekretarrem Stalina*, Warszawa 1985, s. 124—125).

9 М.И. Лацис [Судрабс], *Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией*, Москва 1921, s. 8.

10 Ibidem.

11 Р. Пайпс, *op. cit.*, s. 633.

12 К.Х. Данишевский, *Революционные военные трибуналы*, Москва 1920, s. 8. Цит. по: A. Bosiacki, op. cit.

13 Ibidem, s. 5. А. Солженицын, *Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956* [Электронный ресурс]: *Опыт художественного исследования*, т. 1, глава 8 *Закон ребенок*. URL: https://litlife.club/br/?b=105131&p=68 (дата обращения: 31.10.2017).

14 М.И. Лацис [Судрабс], *Чрезвычайные комиссии…*, s. 8.

15 К.Х. Данишевский, *Революционные*, с. 5.

16 Там же, с. 6; А. Солженицын, *Архипелаг ГУЛАГ*.

Раздел 9
Революция: проблемы историографии и исторической памяти

Р.Р. Хайрутдинов

Изучение Великой российской революции как научная и идейно-политическая традиция: от «социалистического переворота» до «цивилизационного срыва»

Представляя на этой «октябрьской» конференции 2017 г. Казанский университет, исторически связанный с персоной Ульянова-Ленина, трудно удержаться от соблазна воспроизвести что-то из его стейтсментов относительно феномена революции. Тем более что с «Лениным в башке» (хотя и без «нагана в руке») поневоле пребывают все казанские университарии, поелику перед главным зданием КФУ красуется памятник молодому Ленину, что изваял Владимир Цигаль.

Так вот, в послесловии к первому изданию «Государства и революции», какое датировано тридцатым ноября 1917-го, Владимир Ильич проникновенно так отметил, что «приятнее и полезнее “опыт революции” проделывать, чем о нем писать». Хочется верить, что наши гуманитарии рассуждают в массе своей все же прямо противоположным образом, поскольку за эти сто лет было время во всей полноте осознать цену нашей революции. Уместно вспомнить, что вопрос о цене революции первым в послевоенное время поставил — пусть и в эвфемистическом модусе, как ценность революции, — советский социальный философ М.А. Селезнев в работе 1971 г.[1]

Конечно, с ценой революции многое было уже ясно ее современникам. Кто скажет, что — как это называется — утратил актуальность не лишенный иронии ответ И.А. Бунина на вопрос о том, в чем он видит главный урок большевистской революции? «Главный урок, — ответил писатель, — состоит в том, что погуляли мы за очень дорогую цену, и в следующий раз надо быть несколько поосторожнее»[2].

Между тем революциоцентризм, широко представленный в мировом историознании, упорно продолжает свою работу, занимаясь апологетикой революции как метода исторического действия. По-прежнему звучат, как в трудах известного и переведенного в нашей стране профессора Национального автономного университета Мехико Карлоса Рохаса, положения о переходе мирового капитализма в финальную стадию своего существования со всеми вытекающими последствиями. Это никак не отменяет его интересные и глубокие трактовки развития историографии в т.н. «долгом XX-м веке»[3].

Страшен сон, да милостив бог. По большому счету, история зависит от историков так же, как экономика от экономистов. Но и преуменьшать роль историописания не приходится. Дискурсивно организованное знание об истории посредством различных каналов коммуникации споспешествует производству исторической культуры — пространство взаимодействия общественного сознания с научным и вненаучным знанием, где формируются готовность и способность людей к тому или иному типу участия (или же не участия) в общественно-политических практиках.

Историография русской революции служит здесь примером и назиданием. Поколения советских людей воспитывались, если уж, строго говоря, не в духе самой революции, то по крайней мере готовности защищать ее завоевания и отстаивать ее идеи, определенным образом понятые, в различных частях земного шара, выполняя т.н. интернациональный долг.

Есть и другая сторона. Историография революции позволяет нетривиально рассмотреть вопрос о соотношении рационально-научного и идеологического, заостренно идейно-политического подходов в историческом познании. Этот вопрос является для истории фундаментальным, поскольку историографический дискурс историков сам относится к истории, в которой социальное и культурное неразделимы.

Известный историк и методолог (кстати, избежавший сильного воздействия левой идеологии) Антуан Про в книге «Двенадцать уроков по истории» рассуждает о том, что все историки обречены определять свое место как по отношению к собственным предшественникам и современникам, так и по отношению к соседним научным корпорациям, с какими история постоянно и неизбежно соревнуется за лидерство на научном и социальном поле. Более того, они должны учитывать состояние общества в целом, а также тех его сегментов, к которым обращаются и для которых создаваемая ими история имеет смысл или же не имеет смысла.

Отсюда вывод французского историка: поэтому-то история — это прежде всего социальная практика, а уж потом научная. Или, точнее, потому, что научные цели истории являются в то же время способом выражения своего мнения и своего смысла в данном конкретном обществе, а эпистемология истории сама является отчасти историей[4]. Вот как-то так. Поэтому категорически отрицать оценочные суждения в исторических нарративах по меньшей мере наивно.

Особое место в ряду исторических событий, вокруг коих происходит суггестия вненаучных ценностей, естественно, занимает революция. Поэтому понятие «революция» является не только и не столько техническим термином, но и ценностно-нагруженным и играет важную роль в системе исторической смысловой ориентации человека. Действительно, споры вокруг революции расходятся, как круги по воде, в культурных, и не только, слоях, поскольку индивидуальная, а равно социальная память современных обществ видит в революции рубеж, принципиально разделяющий порядок «до» и «после» этого события[5].

Историография в известном смысле — это тоже память, только более упорядоченная и разветвленная. Здесь действуют те же, скажем так, «неслучайности», что в индивидуальной и социальной памяти — забвение, аберрация, актуализация, обновление и т.д. Разумеется, нереально окинуть взором всю столетнюю традицию «революциологии», даже взятую в каком-то определенном ракурсе. Поэтому обозначенная мною тема — это, скорее, постановка вопроса с попыткой обозначить некоторые ее узловые пункты.

С тем, чтобы нагляднее представить удельный вес идейно-политического компонента в историографии революции, обратимся к одному, едва ли не самому удачному, опыту систематизации подходов к революции и большевизму. Она была предпринята накануне пятидесятилетия Октября видным исследователем истории и культуры России Дж. Биллингтоном в статье «Шесть точек зрения на русскую революцию»[6].

В самом схематичном виде эта систематизация выглядит так. Первый фундаментальный подход — эмоционально-случайностный, для него характерны слова «катастрофа», «бедствие», метафоры «наводнение», «буря» и т.п. Второй и противоположный ему подход — героически-неизбежный, он и был положен в основу официальной версии революции и большевизма.

Далее следует еще одна пара противоположных интерпретаций — ностальгически-традиционалистский и провидчески-футуристический подходы (к этому последнему Биллингтон относит в том числе А. Блока, Л. Троцкого и Р. Роллана). От первых двух эта пара подходов отличается тем, что их приверженцы трактуют революционный период «с истинной идеологической страстью» и измеряют его значимость, со-

относя с воображаемым общественным строем, который для исследователя важнее реальных типов общества, порожденных революцией.

Остаются еще два подхода — трагическая и ироническая интерпретации. Трагический взгляд разделяют те, кто принимает ленинскую идею о необходимости решительной попытки начать все заново и в то же время считает, что ее обрекла на провал некая высшая неодолимая сила. А иронический взгляд — это то, что в революции всегда все происходит, если воспользоваться выражением М.Я. Гефтера, «невпопад». Согласно Биллингтону, правда иронического подхода заключается в том, что Монтескье предложил в качестве обобщающей максимы: «Предсказанная революция не выполняет поставленных перед нею задач».

Понятно, что в ироническом формате степень научности значительно выше, поскольку иронической перспективы придерживается историк, который считает себя не предсказателем и не судьей, критически относясь и к самому себе, и к историческим документам и склонен скептически воспринимать как «охватывающие законы», порожденные в девятнадцатом веке, так и «толкования событий в духе всеобщего абсурда, столь модного в двадцатом». Биллингтон относил себя как раз к этому направлению, да так оно и есть.

За последующие полвека историографическая ситуация, конечно, изменилась, главным образом, за счет мобилизации получивших «права гражданства» теории модернизации, социокультурного и цивилизационного подходов. Революция предстает в этом свете как модернизационный/цивилизационный срыв или же как пролог диктатуры для развития. Впрочем, эти новые представления, во-первых, так или иначе перекликаются с предшествующими системами идей, а во-вторых, с неизбежностью несут на себе печать мировоззренческих и идеологических пристрастий.

Диалектика (позвольте употребить это старое доброе слово) такова, что в истории революции собственно научные позиции, то есть отвечающие критериям научности и правдоподобия, формируются внутри идейно-политической оболочки, рядом с идеологемами, во взаимосвязи с ними. По-другому не бывает.

Это хорошо прослеживается на комплексе исторических работ 1920-х годов, то есть на начальном этапе изучения революции. Первые историки-марксисты, как их принято называть, ощущали себя визионерами, носителями единственно верного и всепобеждающего учения. Характерной чертой их творчества является активное участие в, так сказать, идейном разоблачении противников большевизма, от всех представителей, как когда-то ее называли, «социалистической семьи», включая левых эсеров и меньшевиков, до тех, кто числился по разряду «генеральской контрреволюции». В этих писаниях не было даже намека на признание каких-то позитивных черт «враждебной литературы», отрицалось все без исключения.

В штыки был принят фундаментальный труд одного из лидеров Белого движения А.И. Деникина «Очерки русской смуты». Здесь «революцией призванные» историки следовали за вождями большевизма. На полях одной из страниц деникинской книги Ленин написал, что автор подходит к классовой борьбе как слепой щенок. Так закладывались основы огульной, неконструктивной критики носителей иных взглядов и идей, а это тоже наша традиция.

К беспощадной критике, разумеется, вовсе не сводилась историография 20-х годов. Историки предшествующего поколения, такие, как Е.Н. Городецкий, А.И. Алаторцева, Г.Д. Алексеева, А.Г. Черных и другие[7], немало сделали, чтобы вернуть в историографию труды и достижения первых советских историков. Конечно, тогда, в 60—70-х годах, историки науки далеко не все могли сказать, а может быть, и не все осознавали, — все мы у времени в плену.

Скажем, историография двадцатых отмечена своего рода творческим феноменом — концепцией «двух революций», или «двуликого Януса». В работах М.Н. Покровского, С.А. Пионтковского, С.М. Дубровского и целого ряда других историков[8] сформировалось представление, согласно которому в России произошла не одна, единая для всего общества социалистическая революция, «походя, мимоходом» решавшая демократические задачи, а две революции — социалистическая, пролетарская в городе и буржуазная, крестьянская в деревне. Отсюда сравнение Октября с «двуликим Янусом» — божеством из древнеримской мифологии, которое изображалось с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны (к прошедшему и будущему). По существу, речь идет о попытке уйти от одномерного пейзажа революции, отразить ее сложносоставной, внутренне противоречивый характер, в соответствии с пониманием российской экономики как многоукладного явления.

В конце 20-х «две революции» были возведены в ранг антиленинской концепции, намертво сопряжены с оппозиционными — реальными или мнимыми — течениями в партии (главным образом, с бухаринской группой). Тем более, что после появления осенью 1924 г. работы Троцкого «Уроки Октября» (в качестве введения в собрание его сочинений) внутрипартийная борьба стала прямо проецироваться на историю революции. Разгром «двух революций» послужил преддверием т.н. «революции сверху», осуществленной сталинским руководством в начале тридцатых годов. В тридцатые годы почти все первые историки-марксисты были репрессированы (Городецкий говорил о шестистах уничтоженных историках, в основном, это как раз первые марксисты).

Мне представляется, что историки 20-х все же недооценены, а ведь порыв этой генерации можно в каком-то смысле сопоставить с русским художественным авангардом, это, если хотите, наш «красный квадрат». В их лице мы имеем дело со своеобычным проявлением «энциклопедизма» как социально-культурного явления, свойственного периодам крупных социальных сдвигов. В его основе — стремление литературных групп, нацеленных на общественные перемены, подвергнуть фронтальной атаке главенствующую картину мира в пользу новой констелляции воззрений и ценностей.

Молодые гуманитарии «стального поколенья» (Михаил Светлов) эмерджентно пытались возродить идеал универсального знания на основе классовоцентризма. Тон в развертывании синтезированного дискурса задавали вожди большевизма, включая в круг своих теоретических упражнений историю, философию, этику, искусство, военное дело и прочее. Новые «энциклопедисты», каждый из них в той или иной мере публицист, теоретик, литератор, экономист, утверждали революционные принципы в духовной сфере.

Показательно, что та же идея «двух революций» разрабатывалась в сочинениях экономиста Л.Н. Крицмана, в будущем директора Аграрного института Коммунистической академии, заместителя председателя Госплана СССР[9]. А образ Октября как «двуликого Януса» впервые использовал в 1920-м г. питерский литературовед и литкритик Г.Е. Горбачев[10], который, к слову, в 1930-м, за четыре года до своего ареста, сдал в Пушкинский дом рукопись предсмертного стихотворения Сергея Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья», полученную им от поэта Вольфа Эрлиха.

По мере утверждения госмонопольной системы собственности и власти никаких вольных интерпретаций революции уже не допускалось, и с 1927 г., с 10-летней годовщины Октября, складывается канон — «Великая Октябрьская социалистическая революция». Понятие «октябрьский переворот», которое до этого широко использовалось, утрачивает легитимность, но все же не приобретает резко отрицательного значения. Еще Биллингтон в середине 1960-х годов с недоумением отмечал, что

«русские, говоря о революции, до сих пор дают ей своеобразные названия, например, “переворот” или “перелом”»[11].

Термин «переворот» обретает негативную коннотацию с конца 1980-х годов, когда любая революция, а большевистская в особенности, освещались как исключительно негативный процесс. Тогда и получила распространение характеристика революции 17-го года как «переворота» в значении мятежа леворадикалов, которые разрушали великое государство. Даже в первом варианте культурно-исторического стандарта единого учебника фигурировало как ключевое понятие «октябрьский переворот», — так были настроены многие историки. Ныне, слава богу, наша революция опять обрела статус революции, да и потом, можно ли, так сказать, «обидеть» революцию сменой вывески?

«Обидеть» революцию нельзя, а вот приблизиться к истинному ее пониманию можно, даже и в неподходящих для того условиях, хотя это дело рискованное. Об этом свидетельствует опыт «нового направления», представителями которого были П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин и другие. «Новое направление» затрагивало широкий круг острых проблем — типичен или нетипичен путь России в истории, закономерна ли сама Октябрьская революция — является ли она результатом «пролетарской революции», а не совместного выступления против власти всех рабочих и всех крестьян? Или же революция специфична, поскольку она — продукт многих факторов, которые явно не укладывались в прокрустово ложе «империализма как высшей и последней стадии капитализма»?[12]

Можно сказать, что эти ученые пробивались к пониманию революции через свои собственные марксистско-ленинские представления. А проблема многоукладности экономики объективно сближала их с теми, кто в 1920-е годы через призму «двуликого Януса» стремились осмыслить революционный процесс в стране. Складывалась прерывистая, штрихпунктирная интеллектуальная линия, которая подготавливала современное развитие историографии революции.

Видный польский и французский историк и философ Б. Бачко в своей известной книге «Как выйти из Террора? Термидор и революция» заметил, что революции стареют довольно быстро, но все же стареют плохо из-за того, что одержимы стать воплощением вечной молодости мира[13]. Пусть не стареет «юный Октябрь», но не как «образец тактики для всех», а как духовный порыв к вечному обновлению бытия. А что, может быть, революция и прислушается к этому совету?

1 См.: *Селезнев М.А.* Социальная революция: (методологические проблемы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 339—344.

2 Цит. по: *Кара-Мурза А.А.* Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре // *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Русские о большевизме: опыт аналитической антологии. СПб.: РХГИ, 1999. С. 389.

3 *Рохас К.* Историография в XX веке: история и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008. С. 117.

4 См.: *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 12—13.

5 См.: *Куренной В.* Перманентная буржуазная революция // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе. СПб.: Алетейя, 2008. С. 216—217.

6 *Биллингтон Дж.* Шесть точек зрения на русскую революцию // *Биллингтон Дж.* Работы по истории и культуре России. М., 2001. Т. 2: Россия в поисках себя: статьи и выступления. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2011. С. 157—170.

7 См.: *Городецкий Е.Н.* Ленин — основоположник советской исторической науки: история советского общества в трудах В.И. Ленина. М.: Наука, 1970. 550 с.; *Алаторцева А.И.* Журнал «Историк-марксист», 1926—1941 гг. М.: Наука, 1979. 291 с.; *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М.: Наука, 1968. 305 с.; и др.

8 См.: *Пионтковский С.А.* Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход: попул.-ист. очерк. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 124 с.; *Покровский М.Н.* Контрреволюция за 4 года. [М.]: Гос. изд-во, [1922]. 14 с.; *Дубровский С.М.* Очерки русской революции. М.: Изд-во Наркомзема «Новая деревня», 1922. Вып. 1: Сельское хозяйство. 124 с.; и др.

[9] См.: *Крицман Л.Н.* О русской революции // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1. С. 8—16.
[10] *Горбачев Г.* Движущие силы русской революции: конспект лекции, прочит. политрукам Петрогр. гарнизона. Пг.: Полит-просвет. Упр. Петрогр. воен. окр., 1920. 36 с.
[11] *Биллингтон Дж.* Указ. соч. Т. 2. С. 271.
[12] *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945—1991. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. С. 481.
[13] *Бачко Б.* Как выйти из Террора? Термидор и революция. М.: BALTRUS, 2006. С. 335—336.

О.В. Волобуев

Великая российская революция: проблема периодизации

Постановка вопроса

В связи с подготовкой и выходом в 2014 г. «Нового учебно-методического комплекса по отечественной истории», включающего «Историко-культурный стандарт» для создания очередного поколения школьных учебников, возникла историографическая потребность осмысления такого понятия, как «Великая российская революция». Это было непривычное понятие для многих преподавателей, чьи представления о 1917 г. формировались на основе концепции двух противопоставленных друг другу революций — Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической. Не только ученики, но и преподаватели путались теперь в трех революциях 1917 г., подтверждая актуальность фразеологизма «заблудились в трех соснах». То есть сразу же возник вопрос об интерпретации понятия «Великая российская революция» в ее соотнесении с Февралем и Октябрем.

Великие революции — это социальные революции, которые втягивают в смуту широкие массы населения. Именно они самые масштабные, разрушающие старый порядок и созидающие новый, имеющие долговременные последствия. Социальная революция влечет всестороннее, коренное изменение исторической реальности, всех сфер жизнедеятельности общества (от власти и идеологии до экономики и социальной структуры), которое характеризуется сконцентрированном во времени насильственным разрушением старого общественного строя. Соответственно такая революция не может ограничиваться месяцами, она проистекает в течение ряда лет, имеет определенную периодизацию, включает в свою периодизацию зачастую гражданскую войну. Так, Английская революция XVII в. продолжалась с созыва Долгого парламента в 1640 г. до реставрации Стюартов в 1660 г., включая две гражданские войны и протекторат Кромвеля. Великая Французская революция, начавшись в 1789 г., продолжалась до, как считают одни историки, термидорианского переворота 1794 г., или, как считают другие историки, до переворота 18 брюмера 1799 г. В ходе этой революции произошли два народных восстания в Париже — 10 августа 1792 г. и 31 мая — 2 июня 1793 г. Сложившееся же в советской историографии искусственное отделение революции в России от гражданской войны вызывает сомнение в научности данного подхода и нарушает принцип применения единых критериев к феномену социальной революции, к ее моделированию.

Каждую социальную революцию, с нашей точки зрения, следует рассматривать как дискретно-непрерывный процесс, который заключает в себе две тенденции:

преемственность и разрыв на основе дискретности. В преемственности сохраняются глубинные причины, задачи и акторы революции — инициативное меньшинство, разделенное на политические группировки, и активизированные народные массы, жаждующие кардинальных перемен. При смене меняющихся, но внутренне связанных между собой исторических ситуаций происходит новый расклад социально-политических сил, новое положение власти по отношению к борющимся силам (лагерям, партиям) и борющихся сил по отношению к власти. И в этом проявляется дискретность развития революционного процесса, состоящего из чередующихся фаз. В то же время, несмотря на меняющиеся ситуации, сохраняется и непрерывность революционного процесса как такового.

Если рассматривать революционный процесс в России 1917 г., то он имеет два вектора развития («либерально-демократический» и «социалистический»), которые вступают в противоречие друг с другом. В ходе их столкновения сменяется доминанта, и стихия революции находит новое русло; соответственно меняется целеполагание революционного процесса. При таком подходе речь идет не о двух разных революциях, а о двух этапах одной социальной революции.

В данном очерке Великая российская революция предстает в схематическом видении. Автор исходит из того, что у всех специалистов есть достаточно полные представления о событийном наполнении революционного процесса, а стоящая перед ним задача сводится к обоснованию предлагаемой периодизации. При этом не даются ссылки на использованную тематическую литературу, хотя — вполне понятно — историко-теоретические построения опираются на имеющуюся историографическую базу.

Либерально-демократический этап революционного процесса

Народное восстание в Петрограде и падение монархии Романовых (23 февраля (8 марта) — 2 (15) марта) — с этого события начинается Великая российская революция. Какой же день 1917 г. считается начальным для восстания в Петрограде? Для одних историков это 23 февраля по новому календарному стилю и 8 марта по старому, и тогда народное восстание в Петрограде продолжалось 6 дней. В учебнике для 10 класса издательства «Дрофа» так и называется рубрика «Восстание: шесть решающих дней» в параграфе, посвященному данному событию. Для других историков это 27-е, день, когда к манифестирующим рабочим присоединились солдаты петроградского гарнизона. И сторонники такого отсчета говорят о трех решающих днях, сокрушивших 300-летнюю империю Романовых. В Советской исторической энциклопедии (СИЭ) первый день революции 23 февраля. Не согласуются между собой и конечные даты восстания в Петрограде: одни считают ею чуть ли не 27 февраля («по существу царизм был свергнут 27 февраля» (СИЭ), и «революция уже победила» 28-го), другие (более распространенная датировка) — 2 марта. Наиболее убедительная хронология народного восстания в Петрограде, на наш взгляд, — 23 февраля (8 марта) — 2 (15) марта 1917 г.

Немало страниц исписано историками, а еще больше публицистами и писателями о предфевральских дворцовых, военных, масонских заговорах и их революционных последствиях. Но почти все серьезные историки считают главной решающей силой народного восстания солдат петроградского гарнизона. Такой точки зрения придерживается и писатель А.И. Солженицын как автор «Красного колеса» и очерков «Размышления о Февральской революции». И эта точка зрения в отличие от по-

исков заговоров достаточно обоснована источниками. Известие о падении монархии Романовых страна приняла чуть ли не как благую весть. В.Б. Станкевич, избранный в состав Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (Петросовета РСД) и ставший комиссаром Временного правительства в армии, писал о солдатах: «Кто вел их, когда они завоевывали Петроград, когда жгли Окружной суд? Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт. А стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: в городах и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений». Он, мемуарист и офицер-фронтовик, подчеркивал эту независимость революционной стихии: «Ведь не только офицеры прибежали через пять минут после того, как солдаты вышли на улицу, но лишь через пять минут прибежали и деятели прогрессивного блока, и меньшевики, и большевики»[1]. Конечно, «пять минут» в данном контексте следует понимать как «спустя какое-то время», «после того, как событие состоялось».

Народное восстание в столице заканчивается созданием Временного правительства, Петросовета РСД и отречением императора Николая II от престола. Но завершается ли этим Февральская революция, если ее понимать и трактовать как часть Великой российской революции, то есть как социальную революцию? Вряд ли можно в свете концепции единого революционного процесса согласиться с тезисом советской историографии о том, что «созданием Временного буржуазного правительства Февральская буржуазно-демократическая революция фактически закончилась, поскольку власть в государстве перешла в руки нового класса, класса буржуазии»[2]. Поэтому для структурирования революционного процесса необходимо выделение его фаз, каждая из которых является новой социально-политической ситуацией. При таком подходе революция рассматривается в одной оптике, как непрерывный процесс, проходящий ряд фаз, то есть перетекающих друг в друга состояний, а в другой оптике, как дискретный процесс, то есть распадающийся на отдельные существенно отличающиеся друг от друга части (исторические ситуации).

Время существования первого Временного правительства (3 (16) марта — 4 (17) мая) падает на начальную фазу Великой российской революции. Вектор революционного процесса — пока еще либеральный. Эта начальная фаза характеризуется общественной эйфорией, разрушением прежнего административно-управленческого аппарата, включая силовые ведомства, и попытками создания новых органов управления, формированием механизмов двоевластия (Временное правительство «управляет» страной, а социалистический Петросовет РСД его поддерживает в рамках демократических преобразований), началом отторжения тыловых гарнизонов армии от Временного правительства (апрельский политический кризис). Первый состав Временного правительства спотыкается на отношении к империалистической войне (нота Милюкова от 18 апреля с подтверждением странам Антанты готовности России вести войну до победного конца). В общественном движении зарождается антивоенный и антиправительственный фронт, включающий часть воинских частей (Центробалт) и большевиков (7-я Всероссийская конференция РСДРП (б) с выдвижением лозунга «Вся власть Советам!»). На авансцену начинает выходить и национальный вопрос: манифест о восстановлении автономии и конституции Финляндии, признание независмости Польши, возникновение Центральной Рады в Киеве.

С образованием первого коалиционного Временного правительства (5 (18) мая — 2 (15) июля) наступает следующая фаза трансформирующегося революционного процесса. Ее можно охарактеризовать как попытку консенсуса между либералами и умеренными социалистами. В правительство вошли 6 министров-социалистов

и 10 либералов. На этой фазе вектор революционного процесса начинает раздваиваться на либерально-социалистический и радикально-социалистический. Причем радикально-социалистическое движение все время усиливается. На Всероссийской конференции РСДРП (о) происходит раскол на «оборонцев» и «интернационалистов». На III съезде ПСР оформилось течение левых эсеров. На 1-м съезде флотских комитетов Балтфлота его высшим органом объявлен руководимый большевиками Центробалт. Повышается активность анархо-коммунистов. В июне — демонстрация кронштадтских матросов под большевистскими лозунгами в Петрограде, волнения черноморских матросов в Севастополе, массовая демонстрация в Петрограде под лозунгами «Долой министров-капиталистов» и «Вся власть Советам». Консенсус дает трещину. В отставку уходят министры-кадеты, не признавшие правомочным подписание Керенским и Центральной Радой протокола об автономии Украины.

Наконец, наступает июльский кризис, знаменующий переход к новой фазе революционного процесса (3—4 (16—17) июля — 31 августа (13 сентября)). Это фаза обострения внутренних противоречий революционного процесса в условиях второго коалиционного правительства. В новое правительство вошли 7 социалистов и 8 либералов. Эту фазу характеризует борьба за власть с использованием силовых методов. Она начинается одним вооруженным конфликтом в начале июля и заканчивается другим вооруженным конфликтом в конце августа. Как пробольшевистское июльское выступление солдат и матросов против Временного правительства, так и августовская попытка установления военной диктатуры со стороны генералитета провалились. Вектор развития революционного процесса трансформируется то в сторону леворадикального уклона, то в сторону уклона праворадикального, контрреволюционного, выходящего за пределы либерализма (выступление генерала Л.Г. Корнилова).

Последняя фаза демократического этапа революционного процесса (1 (14) сентября — 24 октября (6 ноября)) характеризуется тем, что в треугольнике власть—народ—армия происходит достаточно освещенная в советской историографии большевизация Советов и войсковых частей как тыловых, так и фронтовых. Большевики почти открыто готовятся к свержению Временного правительства вооруженным путем. После кратковременной Директории сформировалось третье коалиционное правительство, которое возглавил А.Ф. Керенский. Сосредоточение государственной власти в руках А.Ф. Керенского не приводит к ее укреплению. Наступила фаза социально-политического вакуума Временного правительства.

О создании вокруг Временного правительства ситуации социально-политического вакуума ярко свидетельствует обстановка сложившаяся 24 октября (6 ноября). Созыв Демократического совещания с последующим созданием Предпарламента являлось последней попыткой подвести социальную базу под расшатанное революционными ветрами Временное правительство. Но усилиями Керенского полномочия Предпарламента были сужены до совещательного органа (аналога Булыгинской думы). Картину краха этой попытки демонстрирует последнее заседание Предпарламента 24 октября. Начинается оно с выступления министра внутренних дел А.М. Никитина о мерах борьбы с осенней анархией на внутренних водных путях. Развал транспортных связей на речной системе Европейской части страны наступил после развала таковых на железных дорогах, где охрана давно уже оказалась бессильной перед разгулом солдат, уголовников и ситуативно присоединяющейся к ним толпе. Выступление министра — развитие тезиса о том, что расстройство коммуникационных связей гибельно для такой обширно пространственной страны, как Россия.

Никитина неожиданно сменил на трибуне Керенский, выступивший с заявлением от имени Временного правительства. Суть речи премьера: осуждение опасных призывов к ниспровержению существующего государственного строя путем вооруженного восстания со стороны большевиков. Керенский упоминает в связи с этим «Письма к товарищам» Ленина, выступления Троцкого, большевистские газеты «Рабочий путь» и «Солдат». Он сообщает, что дал распоряжение о закрытии этих газет. Но перечисление того, что было сделано для предотвращения большевистского восстания, свидетельствовало не столько о действенных мерах, сколько о бездействии власти в чрезвычайных обстоятельствах. Заключение Керенского о положении в стране прозвучало горестно: оно объявлялось «на языке судебной власти и закона» состоянием восстания[3]. Однако призывы премьера к бдительности и поддержке повисали в воздухе.

Настроение Керенского в этот день описывает приехавший с фронта в Петроград Станкевич. Керенский встретил гостя словами: «А у нас тут вооруженное восстание». О нем премьер, по свидетельству Станкевича, говорил «несколько иронично», «хотя и озабоченно», выражал уверенность, что справится и расправится с большевистским восстанием[4].

Только к 7 часам вечера возобновилось заседание Предпарламента и только в полночь делегация депутатов в составе Авксентьева, Дана и Гоца посетила резиденцию Керенского. Результаты дискуссии по обращению премьера к Предпарламенту о доверии правительству были плачевными. За доверие проголосовало 102 депутата, против 123, 26 воздержалось. Поддержка обусловливалась рядом условий, но дело было не в условиях, а в том, что было упущено время для противодействия большевикам. Резолюция была уже бесполезной бумагой.

Ночь с 24-го на 25-е Керенский провел в разговорах с делегатами о персоналиях нового правительства и в телефонных переговорах из штаба военного округа с воинскими частями. Утром он выехал навстречу войскам, вызванным в Петроград для защиты революции. Но не обнаружил их и взял курс на штаб Северного фронта.

Социалистический этап революционного процесса

Начало социалистического этапа революционного процесса связано с большевистским восстанием в Петрограде и ниспровержением Временного правительства. Октябрьско-ноябрьское большевистское восстание отличается от Февральско-мартовского народного восстания отсутствием внезапности. О том, что большевики готовят свержение Временного правительства, говорили уже в августе. В октябре знали и о времени предполагавшегося восстания.

На длительном временном протяжении социалистического этапа так же, как и на предшествующем этапе, необходимо выделение взаимосвязанных фаз. Хронологически первую фазу нельзя ограничить несколькими днями самого восстания. Несомненно, что восстание в Петрограде невозможно отделить от распространения власти Советов на всей государственной территории России. В предлагаемой периодизации это время от Октябрьско-ноябрьского восстания в Петрограде до заключения Брестского мира (25 октября 1917 г. — март 1918 г.), то, которое в советской историографии именовалось Триумфальным шествием советской власти. Для краткости и образности выделяемую фазу назовем «Октябрь против Февраля».

Вопрос о конечной дате этой фазы дискретно-непрерывного революционного процесса весьма сложен. В его решении возможны два варианта. Первый: считать ее

завершением разгон Учредительного собрания. Второй: отнести дату к середине марта 1918 г. После раздумий и сопоставления аргументов и контраргументов я склоняюсь к последней точке зрения. Прежде всего исходя из того, что заключение Брестского мира и его ратификация IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов во многом изменили две взаимно переплетающиеся линии развития, определившиеся после Октября. Одна из них отражает строительство нового государства и нового общества. Другая — соотношение двух поляризаций — ультрареволюционной и контрреволюционной динамики (эти определения не несут позитивной или негативной коннотации) Гражданской войны, начало которой, с нашей точки зрения, положило Октябрьско-ноябрьское восстание в Петрограде. Знаковым событием первой линии развития является выход левых эсеров из коалиции с большевиками, что привело к «вечному» закреплению «руководящей и направляющей роли» большевиков в советской истории. Знаковыми событиями второй линии развития стало переформатирование всей военной географии Гражданской войны, вобравшей в себя два фактора: наряду с национальным и региональным сепаратизмом иностранную военную интервенцию со стороны соперничающих блоков (австро-германо-турецкого и стран Антанты).

К наиболее значимым событиям этой фазы следует в первую очередь отнести разгон Учредительного собрания, провозглашение РСФСР, первые репрессивные акции советского правительства и учреждение ВЧК, организацию РККА, перенесение столицы РСФСР в Москву. Эти и другие факты вписываются в историю становления социалистического государства.

Если первые всплески гражданской войны хронологически совпадают с исходной фазой социалистического преобразования России, то следующая фаза революционного процесса — это уже полноценная гражданская война, с такими ее событиями, как высадка войск Антанты в Мурманске, Архангельске, Владивостоке; мятеж Чехословацкого корпуса, образование Комуча и открытие Восточного фронта; оборона Царицына.

Хронологически — это время от заключения Брестского мира до начала вывода немецких войск с территории России после Ноябрьской революции в Германии (апрель — 17 ноября 1918 г.). По существу пространство Советской России оказалась распахнутой настежь для агрессии стран Четверного союза. В конце апреля — начале мая немецкие войска оккупируют пространство Донецко-Криворожской республики и Советской республики Тавриды, вторгаются в район Области войска Донского, захватывают Таганрог и Ростов-на-Дону. В июне германские войска вводятся в Грузию, в ноябре — в Дагестан. В Закавказье, особенно в Азербайджане, вместе с ними пытаются хозяйничать и турецкие войска. И только 17 ноября начинается вывод германских войск с оккупированных территорий, что хронологически совпадает с омским переворотом адмирала А.В. Колчака. И уже с ноября начинается следующая фаза революционного процесса и многофронтовой Гражданской войны.

В данной публикации автор ограничивается в предлагаемой периодизации Великой российской революции той ее фазой, которая приходится на время Гражданской войны от заключения до денонсации Брестского мира. В целом же вопрос о периодизации и ее критериях нуждается в обсуждении и коррекции.

[1] *Станкевич В.Б.* Воспоминания, 1914—1919 / В.Б. Станкевич. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. / Ю.В. Ломоносов; сост., вступ. ст., примеч. А.С. Сенина. М.; РГГУ, 1994. С. 37—38.
[2] Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. Стб. 906.
[3] *Руднева С.Е.* Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт ист. реконструкции. М., 2006. С. 212.
[4] *Станкевич В.Б.* Указ. соч. С. 138.

Д. Вульф

Война и революция в Евразийской России: взгляд из Северо-Восточной Азии

В рамках мегапроекта «Россия в великой войне и революции» планируется публикация 22 книг, подготовленных под руководством международной редакционной коллегии, состоящей из 36 ученых. Автору этих строк выпала честь войти в ее состав. Результатом работы станет подготовка к печати свыше 300 статей, охватывающих период от начала Первой мировой войны до конца Гражданской войны в России. В рамках этого же проекта совместно с профессорами С. Йокотэ (университет Кейо, Япония) и У. Сандерлендом (университет Цинциннати, США) мы подготовили том, посвященный событиям, коренным образом изменившим ситуацию в Северо-Восточной Азии — регионе, наиболее динамично развивавшемся в конце XX в. и в наибольшей же степени дестабилизированном[1]. С окончанием «холодной войны» именно здесь наблюдается самый быстрый рост производства, однако к началу XXI в. в этом же регионе сложилась наибольшая опасность массового уничтожения. Книга, в которой рассматривается процесс консолидации Северо-Восточной Азии как региона, выйдет в свет до конца 2017 г. под названием «Первая мировая война и русская революция на Дальнем Востоке: новый взгляд на Северо-Восточную Азию периода 1914—1922 гг.». Позволю себе подробнее остановиться на ее содержании.

Усилиями группы японских авторов в томе представлен подробный очерк японской историографии этого периода, но главным результатом явилось рассмотрение многогранных транснациональных контактов, которые интенсифицировались на фоне все возрастающего понимания исторического процесса как процесса глобального. Как известно, с началом Первой мировой войны к странам Антанты присоединились сначала Япония, а позднее Китай. Однако единственной страной, которая вела широкомасштабные боевые действия на Западе и одновременно владела территориями в интересующем нас регионе, была Россия. Япония, как союзница Англии, вступила в войну уже 23 августа 1914 г., превратившись, таким образом, в союзницу и России. Это стало естественным результатом сближения двух стран после русско-японской войны — в межвоенный период Россия и Япония один за другим подписали три двусторонних соглашения[2].

Последующее развитие трансграничных контактов включало в себя торговлю (в результате в годы войны на вооружении русской армии находилось свыше 800 тыс. японских винтовок) и перемещение значительных людских контингентов. Более 100 тыс. китайских рабочих, нанятых российскими предпринимателями, после революции остались в стране. В ходе четырехлетней интервенции свыше 100 тыс. японских военных находились в Сибири. Один из авторов нашей книги, российский историк Д.Б. Павлов, основываясь на архивных источниках, изучает разные стороны российско-японских отношений в 1914—1918 гг. Его весьма содержательная глава открывает том. Привлеченные Павловым военные, дипломатические, правительственные и придворные материалы перспективны для дальнейших исследований. Высокопоставленные представители обеих стран, генералы и дипломаты, курсировали по Транссибирской магистрали протяженностью в 9 тыс. км. Взаимные визиты членов царствующих домов еще более укрепили отношения двух монархий. Автор вводит в научный оборот новые архивные материалы, в том числе недоступные для исследователей в советский период, — как известно, коммунистический режим заботился о том, чтобы сюжеты Первой мировой войны не затмили событий ре-

волюционных. Ныне эти архивные материалы находятся в свободном доступе, что лишний раз показывает, как сочетание личных и институциональных отношений осложняет международные и транснациональные дела[3]. «Армейские» сюжеты Павлова рассказом о сражениях в восточных морях дополняет его соотечественник Я.А. Шулатов.

Но военно-историческими темами проблематика тома не ограничивается. Работами японских историков в книге широко представлены вопросы интеллектуальной истории. Из русского опыта, особенно трагедий войны и революции, в Японии сумели извлечь важные уроки. В то время, как одни японские офицеры открывали для себя сложности асимметричной войны, активно взаимодействуя с казаками, сражавшимися с красными партизанами, другие все более осознавали необходимость национальной мобилизации в наступавшей эпохе тотальных войн. Те из них, кто сотрудничал с белой армией, нередко заражались антисемитизмом, привозя с собой пресловутые «Протоколы сионских мудрецов» в переводе на японский язык. В 1921 г., пообщавшись с главой Временного правительства Приамурья С.Д. Меркуловым, сотрудник токийской Военной академии Е. Хигучи даже выступил с докладом в верхней палате японского парламента на тему о еврейской угрозе.

Те же, кто оказался в среде колониальных меньшинств, будь то индусы или мусульмане, стали с симпатией относиться к большевизму как антиимпериалистической идеологии либо к паназиатизму как, напротив, инструменту империализма. Японцы восприняли и Первую мировую войну, и русскую революцию как насильственный процесс, охвативший Европу в 1914—1922 гг. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что финансирование участия в Первой мировой войне и в сибирской интервенции проводилось в Токио по одной бюджетной линии. Не случайно, что наш том охватывает именно эти восемь ключевых лет.

Не менее важна роль микрокосмов — на первый взгляд незначительных исторических событий, повлекших, однако, масштабные последствия. Это хорошо демонстрирует ситуация во Внутренней Монголии, где небольшой монгольский отряд под командой генерала Бабуджаба (в Зимнем дворце о нем знали по крайней мере с 1915 г.[4]) сыграл решающую роль в поддержке атамана Семенова в его противостоянии с адмиралом Колчаком. После бегства Семенова барон Унгерн «унаследовал» монголов и с помощью отряда Бабуджаба на непродолжительное время захватил Ургу (нынешний Улан-Батор). Результатом последовавшего советского ответа стало коммунистическое правление, утвердившееся на монгольской земле на долгие 70 лет. Другими словами, оказавшись в ключевой момент на месте главных событий, горстка вооруженных монголов под предводительством Бабуджаба фактически предопределила дальнейшее развитие всей Внешней и Внутренней Монголии.

Еще один интересный сюжет нашей книги связан с противостоянием между генералом Д.Л. Хорватом и главой харбинского Совета рабочих и солдатских депутатов М.Н. Рютиным за контроль над Харбином, на тот момент самым значительным российским владением за пределами бывшей империи, «столицей» КВЖД — дороги, связывающей Забайкалье и Приморье через Маньчжурию. В годы Первой мировой войны Харбин приобрел большое значение для Петрограда, поскольку через него из Владивостока для русской действующей армии шел поток поставленных союзниками оборонно значимых грузов. Другими словами, к тому времени Харбин представлял собой тыловую базу России и ее главный железнодорожный узел на Дальнем Востоке. Представители союзных дипмиссий следили за тем, чтобы железная дорога функционировала надлежащим образом.

Ответственность за планомерную работу дороги и состояние ее подвижного состава, а также за все стороны жизни многонационального города долгое время лежа-

ла на управляющем КВЖД генерале Хорвате. Руководящие должности на дороге он занимал еще с 1903 г., в 1905 г. успешно пережил революцию, сумев провести своих ставленников в местный стачечный комитет. Благодаря его усилиям даже в условиях забастовок КВЖД продолжала исправно функционировать, условия и оплата труда железнодорожников в «счастливой Хорватии» заметно превосходили общероссийские стандарты. Даже к ссыльным политическим власти города относились вполне лояльно, заботливо предупреждая о готовящихся полицейских облавах. Хорвату удавалось ладить и с местной политической оппозицией, и с влиятельными общинами евреев и поляков, в которых, как и везде в империи, господствовали левые настроения. Не будет преувеличением назвать Харбин самым толерантным русским городом, власти которого одинаково обходительно обращались и с евреями, и с китайцами[5].

Потомственный дворянин, по материнской линии Хорват восходил к князю М.И. Кутузову — его мать приходилась герою Отечественной войны 1812 г. правнучкой. Несмотря на свои монархические взгляды, после свержения царского режима Хорват был назначен комиссаром Временного правительства и продолжил управлять КВЖД. Ситуация повторилась в октябре — после прихода к власти большевики отстранили всех комиссаров свергнутого правительства, и Хорват оставался единственным, кто не был лишен должности.

В 1917 г. судьба столкнула его с председателем харбинского Совета М.Н. Рютиным. Рютин родился в 1890 г. в иркутской деревне в семье деревенского плотника, с 1908 г. работал школьным учителем[6]. Еще в юные годы он увлекся чтением марксистской литературы, затем организовал подпольный кружок, в 1913 г. вступил в большевистскую партию. С началом войны 24-летний Рютин встал на ленинские, пораженческие, позиции. Будучи мобилизованным, он окончил иркутскую школу прапорщиков, военную службу проходил в Харбине, в 1917 г. возглавил местный Совет.

Рютинско-хорватовское соперничество за власть в Харбине обострилось в конце 1917 г. Стороны отлично понимали, что их конфликт сыграет на руку китайцам[7], однако под давлением извне были вынуждены оставить попытки договориться. По требованию Ленина, Рютин провозгласил в Харбине власть Советов, а Хорват под давлением союзников выставил против него китайские войска. На горизонте замаячила перспектива ввода в город и японских отрядов. В общем Харбин превращался в поле трехстороннего конфликта, разрешить который могло либо военное столкновение, либо очередная революция.

В такой нестабильной ситуации Рютин запросил инструкций из центра, и 4 декабря 1917 г. в Харбин пришла ленинская телеграмма с требованием к председателю Совета немедленно взять власть, отстранить Хорвата и обеспечить поставки продовольствия в Россию. Однако Рютин какое-то время опасался китайского либо японского вторжения, на котором настаивали западные дипломаты. Если верить британскому послу, контактов с Хорватом до поры до времени он не прерывал и даже однажды обедал с ним в клубе железнодорожников[8].

Напуганные большевистской угрозой, союзные послы постарались убедить руководителей внешней политики Поднебесной начать интервенцию раньше японцев. Инициатором этого демарша явился бывший царский посол в Пекине князь Н.А. Кудашев, который сохранил аккредитацию при дворе богдыхана. 5 декабря российский и английский послы нанесли визит в МИД Китая и призвали руководство страны ввести в Харбин войска, дабы предотвратить арест Хорвата большевиками. Предложение дипломатов Антанты позволяло Пекину быстро восстановить утраченные Китаем позиции в регионе и потому уже на следующий день войска провинции Хэйлунцзян получили приказ министра обороны направить подкрепление Цзилиньскому гарнизону[9]. 7 декабря китайский кабинет министров утвердил это решение.

На рассвете 26 декабря 1917 г. китайские отряды окружили одно из подразделений вооруженных сил харбинского Совета — 618-й батальон охранной стражи КВЖД. Батальон сдался, был разоружен и отправлен в сопровождении военного конвоя в Россию. В суматохе Рютину с наклеенной фальшивой бородой и усами удалось скрыться. Вскоре затем по поддельным документам и с солдатским мешком за плечами он перешел российскую границу. Следующие четыре года Рютин посвятил разгрому интервенции в Сибири, первую стадию которой он только что непреднамеренно развязал. Спустя три дня после харбинских событий, в канун наступления 1918 г., безоружные депортируемые русские отряды подошли к границе, где атаман Семенов, который впервые выступил здесь на стороне белых, снял с них обмундирование и обувь, чтобы одеть своих собственных солдат. Маньчжуро-сибирская интервенция началась, на следующие три года Харбин погрузился в хаос. Китайцы, освободившись от российского влияния, лавировали между красными и белыми, американцами и японцами. Сам Хорват в 1920 г. переехал в Пекин. Таким образом, в условиях великой смуты периода Первой мировой войны и русской революции эра «русского» Харбина покатилась к закату.

1 Автор выражает глубокую признательность директору ИРИ РАН, его заместителям и сотрудникам Института за приглашение на конференцию. Считаю долгом поблагодарить также Фонд Шлайкер-Макинтер (Schlaikjer/McIntyre Foundation / NPT-UK), при поддержке которого был подготовлен настоящий доклад.

2 Подробнее см.: *Шулатов Я.А.* На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905—1914 гг. М.; Хабаровск: ИВ РАН, 2008.

3 *Павлов Д.Б.* Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2014.

4 См.: Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917 гг. Серия III. М.; Л., 1935. Т. 7. С. 134.

5 О политике толерантности на КВЖД в предвоенный период подробнее см.: *Wolff D.* To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898—1914. Stanford, 1999. Ch. 4.

6 У Хорвата и Рютина было мало общего, разве что умерли они одновременно — в 1937 г., первый — в Пекине от приступа аппендицита, второй — в Москве от рук НКВД. Биографию Хорвата см.: *Glatfelter E.R.* Dmitrii Leonidovich Horvath // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Gulf Breeze, 1983. Vol. 14. P. 82—90; биографию Рютина: *Старков Б.А.* Мартемьян Рютин: «На колени не встану». М.: Политиздат, 1992.

7 Подробнее о внутриполитическом положении Китая в этот период, о противостоянии Севера и Юга и приходе к власти Чжан Цзолиня см.: *Gladeck F.R.* The Peking Government and the Chinese Eastern Railway Questions, 1917—1919: Diss. Ph. D. Pennsylvania Univ., 1972.

8 The National Archives (UK). FO 228/2739.

9 Zhonge guanxi shiliao: Zhongdong tielu, 1917—1919. Taipei, 1960. Vol. 1. P. 2—4.

Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе

Новый взгляд на 1917 год: Международный проект «Великая война и революция в России»

Я живу в Канаде. К сожалению, мы, ученые в Северной Америке, как правило, слишком далеки от наших коллег в остальном мире. Кажется, что мы живем на собственной планете и говорим на собственном языке. Сейчас стало гораздо легче путешествовать. Но мы все еще не так часто, как хотелось бы, общаемся с учеными из других стран. По-моему, это вредно как для нашей профессии, так и для науки в целом. И это была одна из причин замысла международного проекта «Великая война и революция в России»[1].

Некоторые из вас знают об этом крупном проекте, некоторые даже участвуют в нем. Но я все же хотел бы объяснить его новизну. Наш подход к проблеме восходит к 2000 г., к инициативе международной группы из 25 историков, решивших продолжить проект, посвященный 100-летию Русско-японской войны, названной нами, с легкой руки историка Дэвида Вольфа, «мировой войной номер ноль».

Основными организаторами тогда выступили Йокоте Синдзи из Японии, Джон Стейнберг и Брюс Меннинг из США, а также скромный голландец из Канады, ваш покорный слуга. Объединив ученых из Японии, Северной Америки, России и остальной Европы, мы стремились представить различные взгляды историков из разных стран на Русско-японскую войну, а также разные подходы в рамках исторического познания — военной истории, социальной, экономической, политической, истории искусств, дипломатической истории, культурной и т.д.

Кстати, у нас не было никаких грантов на организацию этого проекта. В Америке военная история не очень модна среди ученых. Только в 2005 г. японский фонд и газета «Емиури симбун» дали деньги для собрания в Токио. Результатом стала крупная международная конференция «Мировая война номер ноль» в Университете Кейо в Токио с участием ученых из разных стран мир, а затем и публикация сборника из двух томов[2]. Конференция была отличной практикой для старта нынешнего проекта. Через год после Токио Джон Стейнберг решил, что пришло время думать о столетии еще более важной войны.

У проекта «Великая война и революция в России» три задачи: во-первых, отметить столетие Первой мировой войны и Революции. Во-вторых, объединить российский опыт и международное наследие в понимании Первой мировой войны. Для нас очень важным представляется международный диалог, разговор о двух самых важных событиях в истории мира прошлого века. И в-третьих, пересмотреть трактовку исторического периода 1914—1921 гг. Мы не можем разделить эти два события. Точнее, три события: Великая война, Великая революция 1917 года и Гражданская война с 1918 по 1921 г. Это семилетний кровавый, разрушительный, страшный период, полный насилия, горя и бед.

На протяжении XX в. большинство историков России в первую очередь интересовались 1917 годом. Мало кто обращал внимание на Первую мировую войну. В Советском Союзе это была, конечно, «забытая война». На Западе людей интересовал только Западный фронт Первой мировой. Все знают Ипр, Арденны и Верден, но когда заходит речь о Танненберге, Сарыкамыше или Брусиловском прорыве, у них пустые взгляды. В тематическом каталоге Библиотеки Кембриджского университета вы найдете 1365 упоминаний темы «Русская Революция», 179 — «Первая мировая война — Восточный фронт» и 55 — «Россия — Гражданская война».

Концептуально проект «Великая война и революция в России» берет начало от книги Питера Холквиста «Делать войну, ковать революцию»[3]. Автор доказывает, что весь период с начала Первой мировой войны до конца Гражданской войны был единым континуумом кризиса. Как и все страны, участвовавшие в войне, царский режим мобилизовал общество на борьбу. Однако в России эта мобилизация развивалась и после 1918 г. Что более важно, эта мобилизация была гораздо более жесткой, чем в остальной Европе.

Согласно тезису Холквиста, большевики лишь усилили мобилизационные процессы военного времени, чтобы построить социализм. А значит, чтобы понять Советский Союз, нам нужно понять не только революцию, но и Великую, и Гражданскую войны. Поэтому главный вопрос проекта «Великая война и революция в России» заключается в том, как континуум кризиса (1914—1921) сформировал ранний период истории Советского Союза.

Проект получается огромным. Участвуют в нем более 250 авторов со всего мира. Наша задача — опубликовать 25 томов, по содержанию делящихся на десять тем. Для нас важно, чтобы издание было доступным не только для ученых, но и для студентов. Поэтому тома публикуются в виде недорогих книг в мягкой обложке. Издатель — *Slavica*, которая также публикует журнал *Kritika*. Материалы глав доступны в электронном виде через *Project Muse*. Мы публикуем тома только на английском языке, поскольку, к сожалению, у нас нет бюджета для перевода издания на русский язык.

Большой проект требует большой команды. Во-первых, есть тройка главных редакторов: англичанин Тони Хейвуд, канадец Дэвид Макдональд и американец Джон Стейнберг. Каждая из десяти частей имеет по четыре редактора (один или два американца, по крайней мере, один британец и обязательно один русский).

Подобно «Мировой войне номер ноль», «Великая война и революция в России» изучает тему с разных подходов. Вот десять основных тем: культура (2 тома); империя (1); тыл (2); Дальний Восток (1); война (5) — Первая мировая война (2), Гражданская война (2), повседневная жизнь на фронте (1); международные отношение (2); Россия и ее враги (2); дуга революции (1); более широкая дуга революции (2); наука, технологии, окружающая среда, медицина (1); гендерные вопросы, как сказал бы великий Гоголь, о «дамах, приятных во всех отношениях» (1).

График публикации составляет пять лет (2014—2019). Пять книг уже опубликованы. Главное состоит в том, что мы, участники, очень надеемся, что наш проект расширит диалог между историками Старого Света и Нового Света.

1 “Russia’s Great War and Revolution”. URL: http://russiasgreatwar.org/index.php
2 The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden; Boston: BRILL, 2005—2007. 2 vols.
3 *Holquist Peter.* Making War, Forging Revolution: Russia’s Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2002.

А. Косески

Историческая память о революции 1917 года в России

Если предположить, что цель революции должна привести к радикальному изменению *status quo*, большевистская революция, определяемая названием ленинской или Великой Октябрьской социалистической революции, имела и, как я думаю, имеет сегодня важное значение как для глубоких преобразований в России и СССР, так и для влияния на общественные отношения в европейских и неевропейских странах, а также на баланс сил в глобальном масштабе. Разногласия среди историков и политиков относительно ее оценки существовали и существуют по-прежнему. Историческая память о революции в России 1917 года требует точного анализа сложного прошлого, объективной интерпретации событий, способствующей не исторической политике, но истине, традициям гуманизма, соглашения, несмотря на все различия.

Существует почти всеобщее мнение, что Первая мировая война, называемая также Великой Войной, окончила, хотя и несогласно с хронологией, XIX столетие. Это

был трагический конец «Прекрасной эпохи» — эпохи пара и электричества — и начало XX столетия, со всеми его последствиями. Первая мировая война не решила политических, экономических, социальных, национальных, религиозных или даже мировоззренческих проблем, которые привели к ее началу. Тем самым она создала почву для конфликтов, протестов, бунтов, восстаний и революций. Она имела огромное влияние на октябрьскую революцию 1917 года и приход к власти большевиков, которые выступали за создание бесклассового социалистического общества, ликвидацию классовой эксплуатации, ограничение роли государства и его постепенное отмирание.

Тем не менее, они не осуществили лозунги свободы, равенства, братства, самоопределения наций, с которыми начинали борьбу за власть, но построили диктаторскую державу, особенно в области внутренних отношений в России (с декабря 1922 г. — СССР). Нужно, однако, помнить, что ни одна революция, как писал Шарль Токвиль (1805—1859), не останавливает непрерывность исторических процессов, ни одна не является столь же инновационной, как считают ее авторы, ни настолько разрушительной, как думают ее противники.

Русская революция не закончилась в октябре 1917 г., но продолжалась и закреплялась в столкновениях с контрреволюционными силами. Решающее влияние на ее ход оказали личность и взгляды Ленина. Трудно себе представить, как она бы развивалась, если бы после его смерти к власти не пришел Сталин.

Большевики, не исключая Ленина, были убеждены в том, что завоевание ими власти позволит реализовать концепцию «мировой пролетарской революции», провозглашенной Третьим Интернационалом (Коминтерном), созданным в 1919 г. Поражение Красной Армии под Варшавой в августе 1920 г. в польско-большевистской войне перечеркнуло шансы на «экспорт революции» на Запад. Победившие державы, в частности Франция, Великобритания и США, а также государства, которые обрели независимость после Великой Войны, были безусловно против коммунистического движения, управляемого из Москвы при поддержке III Интернационала.

Не удалось перенести пролетарскую революцию в Германию. Неудачей завершилось создание Белой Куном Венгерской Советской Республики (март 1919 г.). Поражение потерпело также, организованное болгарскими коммунистами, сентябрьское восстание в 1923 г. В подавляющем большинстве европейских стран коммунистические партии оказали незначительное влияние на политическую жизнь. Они действовали нелегально, были объявлены вне закона, а их члены и сторонники репрессированы. Большевистский эксперимент все более отпугивал левым доктринерством, несмотря на то, что первоначально находил последователей и сторонников, особенно в побежденных странах, которые стали подходящим пространством для революционной фразеологии (Германия, Австрия, Венгрия, Болгария). Для левых, и даже левоцентристской части западноевропейских обществ, Москва и III Интернационал символизировали идеи мира, братства, интернационализма. Большевистский эксперимент, довольно долго, одобряли такие выдающиеся творцы, как Ромен Роллан, Анри Барбюс, Эрих Мария Ремарк и даже Бернард Шоу.

Анализируя наиболее важные исторические события, нужно подчеркнуть, что кровавые революции по всему миру, как например в XVII в. — английская, французская конца XVIII и начала XIX столетия, или особенно большевистская — октября 1917 года, победили без внешней поддержки, собственными силами, часто в столкновениях с интервенцией европейских держав. Упомянутые революции, английская и французская, за исключением большевистской, кровавые и жестокие, создали благоприятные условия для экономического развития, улучшения, хотя и не сразу, условий жизни и работы миллионов людей, ограничения эксплуатации, расширения прав человека и граждан-

ских свобод. Американская революция, в войне с Великобританией (1775—1783), защитила независимое от нее государство — Соединенные Штаты, которые были провозглашены в 1776 г. Свержение царизма оказалось весьма эффективным, несмотря на продолжительное, ожесточенное сопротивление контрреволюционных группировок и попытки вмешательства западных держав. Китайская революция Мао Цзэдуна после «Великого марша» победила почти исключительно собственными силами, хотя ее противники имели за собой политическую и военную поддержку Соединенных Штатов.

Победе революции способствовало также осознание кризиса среди значительной части старого режима, а его представители понимали, что невозможно сохранить старый порядок. Это означало, что ожидаемые результаты революции, главным образом, зависят от масштаба и дальности бунта угнетенных социальных групп, но ее успех ускоряет раскол среди правящих до сих пор властей. Общественный бунт должен быть глубоким, чтобы охватить наиболее слабые, «неполноценные», многочисленные слои населения, обеспечить себе, по крайней мере, нейтралитет сил полиции и армии, иметь четкое и хорошо организованное руководство.

Молодежный бунт в Париже в мае 1968 г. не превратился в революцию, однако можно его определить названием мятежа. Трудно признать, что переворот, путч, восстание, бунт, мятеж или массовые беспорядки, стачки это мутации революции. Иногда они становятся очагом, искрой, от которой, как писал Ленин, «вспыхивает ярким пламенем» революционное движение и оно приведет к радикальным преобразованиям. На мой взгляд, трудно таким названием определить события в Португалии в 1974 г., называемые «революцией гвоздик», свержение правительства президента Януковича в Украине, которое описывается и интерпретируется как «оранжевая революция» (2004—2005), или также столкновения за власть в Грузии (2003), то есть т.н. «революция роз».

Падение авторитарных режимов в Испании (1975) или Греции (1974) привело к демократизации общественных и политических отношений, чему способствовало членство этих стран в НАТО, а затем в Европейском Союзе. Бунты, путчи и перевороты имели место на Ближнем Востоке, но трудно говорить о революционной волне в Ираке, Ливии, Афганистане, Тунисе, Алжире, Египте и Сирии. Т.н. арабская весна не привела в них к демократизации, а репрессивные режимы были заменены, столь же деспотичными, хунтами, поддержку которым давали великие державы. Примером может служить высказывание президента США Дональда Трампа, хвалящего «фантастическую работу» президента Сиси в Египте. В странах Ближнего Востока нет достаточно сильной общественной базы для радикальных революций, а интервенция углубляет в них хаос и анархию. Невозможным кажется также быстрый переход от диктаторских, бюрократически-полицейских правительств, к правительствам парламентской демократии, учитывая, что общество для этого, ментально и культурно, не подготовлено.

В планах Ленина большевистская революция должна была привести к постепенному исчезновению государства, в соответствии с тем, что писал Маркс о его отмирании, по мере укрепления социализма. Лидер вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 г. считал, что после победы возможно существование государства «без бюрократии, без полиции, без постоянной армии», пролетариат сможет править и управлять экономикой, а советами народных депутатов может осуществляться законодательная и исполнительная власть. Эта концепция оказалась оторванной от реалий и действительности уже в первые месяцы после, практически бескровного, захвата власти в октябре 1917 г. Однако уже на рубеже первого и второго кварталов 1918 г. стало очевидным, что большевистская революция без бюрократии, полиции и постоянной армии существовать не может.

Продолжающаяся Великая Война и нарастание сопротивления против Совета Народных Комиссаров, его указам и распоряжениям, угрожали большевикам потерей власти. В этой ситуации Ленин решил, что противодействие дезорганизации и анархизации общества требует введения диктатуры большевистской партии. Таким образом взяла свое начало политическая и экономическая программа, известная под названием «военного коммунизма», которая ввела т.н. Красный террор, чтобы победить контрреволюционные группировки и противостоять иностранной интервенции. Произошла централизация производства, национализация промышленности, ликвидация частной торговли и свободного рынка, реквизиция сельскохозяйственных продуктов у крестьян. Это вызвало катастрофические экономические последствия, протесты и бунты населения. В 1921 г. политика «военного коммунизма» была заменена новой экономической политикой (НЭПом), но после смерти Ленина в январе 1924 г. и укрепления позиции Сталина перестали ее осуществлять.

Свержение царской бюрократически-полицейский системы и репрессивные методы правления большевиков не помешали ни Ленину, ни Сталину использовать знания и умения прежних элит и чиновничьих кадров, военных специалистов в различных отраслях народного хозяйства. Во многих случаях эти группы служили верно советской власти и, в меньшей степени, по сравнению с партийными товарищами Сталина, были репрессированы им.

Большевистская политическая система смогла удержаться, так как осуществила три предпосылки своего функционирования, то есть абсолютную силу, власть и, постепенно, снискала и укрепляла свой авторитет. Революция диктовала свойственные для себя решения и вымогала послушание при помощи административных органов и ведомств общественного порядка и репрессии, не учитывая прав и свобод граждан. Силу и принуждение большевики применяли в опасных для них ситуациях, когда авторитет власти не воздействовал уже на общество. Революционные идеалы быстро претерпели девальвацию и началось введение и укрепление большевистского тоталитаризма.

Крестьяне не получили обещанную землю, они были загнаны в колхозы и, на несколько десяток лет, стали гражданами второго сорта без права на удостоверение личности (паспорт) и лишены возможности изменить место работы. Не лучше было и положение рабочих, а вместо отмены капиталистической эксплуатации произошло их порабощение. Государственная собственность на средства производства и репрессивная система занятости заставляли, теоретически социалистическую, экономику подчинять работников распоряжениям власти и строгому порядку трудовой дисциплины. Не осуществили, и даже не пробовали привести, как писал Карл Маркс, к освобождению труда, тем самым — дать возможность человеку развивать все свои способности. Не испытали мирной жизни солдаты, которые дезертировали из царской армии. Они оказались в рядах Красной Армии, но также зачислялись в отряды контрреволюции. В результате гражданской войны погибли сотни тысяч солдат и гражданских лиц. Красная Армия готовилась перенести революцию на штыках на Запад, а генеральной репетицией этого плана была польско-большевистская война 1920 г.

Укрепление государственной бюрократии, особенно партийной, означало отход от лозунгов, с которыми началась революция. Партия полностью доминировала государственный аппарат на всех уровнях. Была создана иерархия партийных комитетов: от окружных комитетов (окружкомов) по центральный комитет, исполнительным органом которого было политбюро. На практике, особенно после вступления Сталиным в должность генерального секретаря, оно стало самым важным центром власти в СССР. Ему предоставлялось неоспоримое право решать в пределах партийных структур. Ему не нужно было

занимать ни пост премьер-министра, ни президента (главы государства). Генеральный секретарь руководил правительством, армией, спецслужбами, решал о социальной, экономической, культурной и внешней политике. Он также признал, что тезис об отмирании государства может быть осуществлен только после победы социализма в мировом масштабе.

После физического устранения своих противников и критиков, участников Октябрьской революции, Сталин пришел к власти в качестве единоличного диктатора. В 1929 г. он навязал индустриализацию и, разрушительную для деревни и крестьянства, коллективизацию. Сталин заложил основы диктаторской сверхдержавы, которая сыграла ключевую роль во Второй мировой войне. Достижения Сталина, не без оснований, определяются в историографии как вторая русская революция. Она стоила русскому народу и народам, составляющими СССР, больше крови и страданий, чем Октябрьская революция. Этот процесс метко оценил Максим Горький, написав в письме Екатерине Пешковой: «История перекрашивается в новые цвета только кровью». Большевистская партия под руководством Сталина изменила историю и России и мира, создала сверхдержаву, которая, после Второй мировой войны, расширила свое влияние на страны Центральной и Юго-Восточной Европы, поддерживала в них т.н. народно-демократические революции, инспирировала революционные процессы в Азии и национально-освободительные движения в Африке, привела к отмене колониальной системы.

В западной историографии, по отношению к преобразованиям в государственном и политическом строе в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, использовали т.н. теорию экспорта революции, то есть введения в них силой советской модели. Присутствие Красной Армии, несомненно, способствовало приходу к власти сил левого общественного крыла и сопротивлению правым группировкам. СССР, вплоть до событий в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., не вмешивался с оружием в руках в защиту народно-демократических правительств. Вооруженная интервенция зато имела место в Греции, где британские войска победили левые силы, борющиеся против монархии и буржуазных правительств.

Установление и закрепление власти левых сил в 1944—1949 гг. в странах, известных под названием народно-демократических или народной демократии, имело поддержку Сталина. Он также несколько раз давал указания Георги Димитрову, руководителю Болгарской коммунистической партии (а до 1943 г. председателю III Интернационала), что должно определять характер народной демократии. На V Съезде партии, в середине декабря 1948 г., Димитров доказывал, что народно-демократическое государство определяется следующими четырьмя признаками, а именно:

a) народно-демократическое государство представляет собой власть работающих масс, подавляющего большинства народа, учитывая руководящую роль рабочего класса,

b) народно-демократическое государство является государством переходного периода, призванным обеспечить развитие страны в направлении социализма,

c) народно-демократическое государство создается в сотрудничестве и дружбе с Советским Союзом, страной социализма,

d) народно-демократическое государство принадлежит к единому демократическому антиимпериалистическому лагерю.

Итак, воздействие Октябрьской революции привело к созданию блока государств, называемого западными политиками и историками коммунистическими, что совсем не точно определено. Крайне редко подчеркивается, что лозунги свободы, равенства, справедливого распределения национального дохода, демократии, невыполненные в СССР, ускорили улучшение быта рабочего класса, городского и сельского населения в западных странах. После революций в Англии и Франции эти страны оказались лучше подготов-

ленными к экономическому прогрессу, улучшили, хотя не сразу, условия жизни и труда миллионов людей, увеличивались в них права человека и гражданские свободы.

Запад внимательно следил за последствиями большевистской революции и фактически предотвратил введение ее модели. Советская модель не могла справиться с конфронтацией с социалистическими лозунгами, осуществляемыми социал-демократическими и либеральными партиями. Ортодоксальная привязанность к громким фразам и лозунгам препятствовала коммунистическим и рабочим партиям реагировать на изменяющуюся действительность и научно-технический прогресс. Настойчивая приверженность тезисам о диктатуре пролетариата как залога победы социализма (коммунизма) не сработала. Наглядно показали это события на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века: распад СССР и т.н. Осень народов.

Выдающийся польский поэт Владислав Броневски (1857—1962) в стихотворении «Слово о Сталине» писал: «Революция, локомотив деяний, хвала твоим машинистам». Добавил также, что революция стала началом нового столетия: «Мчится история дальше, Век семафором открыт». Наверное, можно согласиться с тем, что революция является движущей силой истории, хотя ее машинисты часто сводят локомотив деяний в тупик. Трудно, однако, без колебаний утверждать, что большевистская революция была Великой Октябрьской социалистической революцией и начала новое столетие.

Хуан Лифу, Чжао Сюйли

Октябрьская революция и изучение истории России в Китае (1917—2017)

В данной статье, главным образом, рассматривается влияние Октябрьской революции, расцвета и падения советского социализма, созданного Октябрьской революцией, на исследование истории России в Китае.

Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм и путь социализма. И с тех пор волны развития СССР и новой России оказывали сильное воздействие на китайский путь развития, а также на исследование истории России в Китае. Изучение истории России в Китае продолжает многовековую хорошую традицию китайской традиционной историографии — «Наука должна быть полезна для нации», и цель исследования — получать опыт и извлекать уроки из истории развития советского государства, найти ответы для актуальных вопросов китайского развития. На исследование истории России в Китае, как историческую науку, повлияли база архивных документов, методология и взгляды исторической науки СССР и новой России. Именно поэтому два крупных поворота пути развития Китая, расцвет и падение советского государства, догматизм советской официальной историографии, процветание исторической науки новой России — всё это бросало огромные тени на процесс столетнего развития исследования истории России в Китае. Таким образом, китайская историография истории России четко разделяется на три стадии развития. На каждой стадии обсуждаются разные тематики, соответствующие отдельной эпохе, и поэтому каждая имеет свою явную специфику развития исторической науки.

1. 1917–1949

Поиски пути национального спасения посредством социализма.
Переводческая деятельность — главное направление

Вследствие серьезных поражений Китая в Опиумной войне во второй половине XIX в., в начале XX в. Китай являлся полуфеодальной и полуколониальной отсталой страной. Прогрессивные китайцы, остро осознав отсталость китайского феодального общества, обратились к Западу в поисках пути национального возрождения. В 1917 г. в России произошла Октябрьская революция, которая принесла в Китай марксизм-ленинизм. В 1921 г. была создана Коммунистическая партия Китая. Китайский народ начал искать пути национального спасения посредством социализма, взяв в качестве примера для подражания опыт Советской России. Передовые люди в Китае с огромным энтузиазмом принялись за работу по изучению и популяризации советского государственного строя, появился целый ряд переводов советских изданий.

Гоминьдановское правительство в Китае, установив в 1932 г. дипломатические отношения с СССР, для того, чтобы получить от СССР помощь на ведение войны сопротивления японским захватчикам, обратило внимание и на исследование проблем истории СССР. В этот период некоторые крупные политические деятели и известные ученые организовали исследовательские общества по вопросам истории СССР, выпускали специальные издания, ставили исследовательскую работу по изучению России/СССР на службу проводимого правительством курса. Так, в 1930 г. в Нанкине было создано Общество по изучению России, и в том же году 25 февраля появился ежемесячный журнал «Исследования России». В 1935 г. в Нанкине была организована Ассоциация китайско-советской культуры[1]. В начале 1936 г. эта Ассоциия возглавила одноименное печатное издательство, которое выпускало ежемесячный журнал «Китайско-советская культура»[2].

Исходя из количества публикаций, можно сказать, что 1930-е годы в Китае были пиком поднявшегося интереса к изучению СССР. При этом в исследованиях по проблемам истории СССР приняли участие многие известные деятели, даже те, кто не был специалистом в этой сфере. К примеру, в 1935 г. была опубликована «История социального движения в России», автором которой был, ныне ушедший из жизни, известный китайский писатель, председатель Союза писателей Китая — Ба Цзинь[3]. В этот период начали переводиться на китайский язык труды В.И. Ленина. По неполным данным, в 1930-е годы также были изданы в переводах с английского, немецкого и японского зарубежные исследования, главным образом, по вопросам экономики и вопросам вооружения СССР. К примеру, было опубликовано: «Как СССР вырос и крепнул»[4] и т.д.

2. 1949–1978

От образования Нового Китая до начала реформ и открытости:
СССР рассматривался как учитель строительства социализма в Китае.
Главные подходы основывались на Кратком курсе истории ВКП (б).
Количество исследовательских работ приблизилось к количеству переводных

После основания нового социалистического Китая СССР рассматривался как учитель. Китайский народ с чувством глубокой дружбы относился к «Старшему брату», с энтузиазмом перенимая опыт Советского Союза. КПК и руководство страны

уделяли очень большое внимание проблемам исследования СССР. 29 января 1953 г. было создано Бюро переводов при ЦК КПК, которое осуществляло переводы трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина, что предоставило теоретическую базу для систематизации знаний и практического приложения этой теории к исследованиям по проблемам истории России/СССР.

Для того, чтобы воспитать профессионалов в области истории России, государством в 1950-х годах были направлены студенты на обучение в Советский Союз. Студенты и аспиранты изучали историю России. Они стали первым поколением ученых, кто в Новом Китае изучал историю России, получил подготовку в СССР, что имело важное значение для взлета интереса к изучению истории России.

В целях распространения основных знаний об истории СССР, в 1949—1950-х годах были переведены многочисленные краткие учебники, курсы и научные монографии об истории России и СССР.

1950-е годы ознаменовали собой второй пик интереса к исследованиям в области советской истории. За эти 10 лет изданные работы, включая переводную литературу, составили около 60% всех изданий, выпущенных за рассматриваемый период. Было сделано множество переводов по истории России, в том числе кратких и развернутых (учебных. — *Ред.*) курсов по истории СССР и России, а также научно-исследовательских трудов. Например, многотомный труд «История СССР» под ред. М.В. Нечкиной[5], Курс по истории СССР под ред. А.М. Панкратовой и др.[6] Эти переводы заложили хорошую научную базу для систематизации представлений о России/СССР, углубленного понимания истории этой страны и подготовки первой плеяды отечественных историков — специалистов в области истории России/СССР.

Краткий курс истории ВКП (б) систематически излагал опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ЦК КПК и председатель Мао Цзэдун придавали Краткому курсу большое значение. Председатель Мао и ЦК КПК руководствовались Кратким курсом как учебником для всех членов партии и кадров в Китае. В 1953—1955 гг. было выпущено в общей сложности 860 000 экземпляров его перевода на китайский[7]. Краткий курс повлиял на умы многих поколений китайцев.

Ключевым шагом в развитии изучения истории России/СССР явилось образование специальных исследовательских учреждений. В начале 1960-х годов в международной обстановке произошли большие изменения. В связи с этим, в 1963 г. по указанию Мао Цзэдуна были созданы первые исследовательские институты, занимающиеся международной проблематикой, включая институты, занимающиеся исследованиями современного положения и истории СССР: Институт мировой истории, Институт по проблемам СССР и Восточной Европы, Институт мировой экономики и политики. Создание этих научных структур способствовало сосредоточению научных сил и их профессиональному росту, что заложило базу для последующего взлета в период 1980-х годов в интересах развития научной работы.

В период с 1960 по 1970 г. в бурном развитии изучения истории России произошел перелом: полемика и пограничный конфликт между Китаем и СССР и особенно «культурная революция», т.н. «10 лет смуты», когда научно-исследовательские институты были расформированы, ученые отправлены «в низы», научно-исследовательские материалы уничтожались, — все это повлекло за собой серьезные последствия для научно-исследовательского развития. По неполным данным, за эти 20 лет значительно уменьшилось число изданий по российской/советской проблематике, основное место среди них заняла критика советского ревизионизма и царской агрессии в Китае. Опубликованные в период 1960—1970-х годов «История агрессии царизма в Китае», «Агрессия и

экспансия царской России» (1979 г.), «Экономика советского социмпериализма: статистика и комментарии» (1977 г.)[8] и др. несли на себе отпечаток тех лет, когда идеологическая полемика между СССР и КНР перерастала в пограничный конфликт.

Но мы не можем сказать, что за эти 20 лет изучение истории России в Китае было в полном застое — были опубликованы в большом количестве издания для служебного пользования в форме «кожаных книг». Т.н. «кожаные книги» представляли собой книги с одноцветными обложками: серыми, белыми, зелеными, на обложке книги были напечатаны только заглавие, имя автора и гриф: «для критики» (чтение данной книги для критики). «Кожаные книги» не поступали в открытую продажу, выпускались только для руководства. «По некоторым данным, с начала 60-х гг. XX века до конца “культурной революции” в 1977-м году, приблизительно было выпущено 2 тыс. кожаных книг о зарубежных общественных науках и литературе». «Среди “кожаных книг” большую часть составляли политические труды», большинство из них касалось проблем истории СССР, например, труды диссидентов с критикой сталинизма в СССР и странах Восточной Европы, среди них были «Новый класс» Джиласа (1963; Югославия); «Теория перманентной революции» Троцкого (1966) и т.д.[9]

В то же время «кожаные книги» сыграли немалую роль в плане сбора материалов.

3. После 1978 г.: после реформы и открытости в Китае

Почерпнуть полезный опыт из истории реформ в СССР.
1992 — Вынести уроки из распада СССР.
Взлет в области исследований.
2000 — Всесторонное изучение и трактование.
Плюрализм взглядов

В 1978 г. закончилась культурная революция, на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва был взят курс на реформы и открытость, благодаря чему произошло оживление во всех сферах, в том числе и в исследованиях по российской/советской проблематике. В это время китайское общество надеялось почерпнуть полезный опыт из истории реформ в СССР.

На базе аккумулированного за 70 лет с начала века опыта и материалов, на базе 30 лет (с начала основания Нового Китая) усиленной работы, в 1980-е годы действительно произошел взлет в области изучения российско-советской проблематики — за этот десятилетний период объем отечественных научно-исследовательских работ впервые с начала XX в. превысил объем переводной литературы.

Ведущей силой этого периода стали ученые — выпускники советских вузов 1950-х годов, а также подготовленные Новым Китаем специалисты, находившиеся в расцвете творческих сил. В 1980 г. увидела свет «История Октябрьской революции»; вышли в 1984 г. «Краткая история покорения Россией Сибири», в 1986 г. — «Общая история России: краткое изложение» и «Л. Троцкий — биография с комментариями», в 1987 г. была опубликована «Краткая история народов Сибири», в 1988 г. — «Биография Бухарина», в 1991 г. — «История СССР, 1917—1937 гг.», «История Сибири» и др. Это были первые объемные труды китайских ученых, вышедшие после образования КНР.

С распадом Советского Союза в 1991 г. в российском обществе произошли большие перемены. В это время Китай продолжал следовать курсу на социалистические преобразования, китайское общество продолжало интересоваться Россией и происходящими в ней сдвигами и изменениями. В области исследований России/СССР сохранялся подъем.

В период с середины 1990-х и примерно по 2000 г., благодаря почти за век накопленным знаниям и материалам, китайскими научными кругами был создан потенциал для углубленных исследований по различным вопросам. Старшее поколение ученых не прекращало работу, заявили о себе и молодые ученые, обратившиеся к научной деятельности после начала реформ, что внесло оживление в исследования по истории России/СССР.

Распад СССР в 1991 г. и массовое рассекречивание исторических архивов в 1992 г. имело большое влияние для исследований по истории СССР. Эти события повлекли за собой изменения в теории и методологии, в источниковой базе, проблематике исследований, историографической работе. Начиная приблизительно с 2000 г. китайские историки все сознательнее стали стремиться к сближению с передовой международной наукой. Благодаря все более тесным международным контактам, а также всемирной сети Интернет, китайские историки могут следить за новыми достижениями в изучении истории России и, учитывая вместе с тем реалии своей страны, своевременно корректировать направление собственных исследований, что придает многонаправленность и плюрализм научной проблематике и научным подходам.

С одной стороны, часть историков продолжает делать акцент на вопросах сталинской политико-экономической системы, политических репрессий и чисток, причинах распада СССР, что вызывает ожесточенную полемику. Другая часть исследователей стремится, как никогда прежде, расширить горизонты исследований, пытаясь разобраться в таких проблемах, как: истоки русской нации, путь модернизации России, история различных политических партий и биографии их лидеров, судьба русской интеллигенции, история политической мысли, социальная структура СССР, национальные проблемы и национальная политика СССР, миграция и освоение Сибири и восточной части России, война в Чечне, народные волнения в СССР, проблемы миграции, советские диссиденты и т.д.

Кроме того, китайские историки своевременно использовали возможность доступа к рассекреченным советским архивам для расширения источниковой базы и в 2002 г. выпустили 36-томное издание «Избранные материалы рассекреченных советских исторических архивов».

4. Главные направления исследований о Русской революции

Первое, о Русской революции

Вопрос о русской революции — одна из горячих точек в китайской исторической науке. За долгое время исследователи сосредоточили внимание на теоретических и принципиальных вопросах революции и мало касались ее исторических фактов.

В 2013 г. была издана книга «Русская революция»[10]. Автор этой монографии Яо Хай, профессор русской истории Гуманитарного института Университета Сучжоу науки и технологии. По словам автора, главная задача этой монографии — правдиво воспроизвести историю Русской революции, восполнить лакуны и исправить недостатки в ее познании, пересмотреть оценки явлений, событий и людей в ходе революции.

Выводы автора: «Октябрьская революция была революцией в особых условиях России в 1917 году, отсталость и война России (мировая война) были условиями Октябрьской революции».

Второе, причины Гражданской войны и Белая гвардия

Раньше китайские ученые, основываясь на Кратком курсе истории ВКП (б), считали, что Гражданская война является продолжением Октябрьской революции.

В 2017 г. Цзинь Янь, профессор Китайского университета политических наук и права, предложила, что роспуск Учредительного собрания, то есть отмена конституционализма, является главной причиной гражданской войны.

«Белая гвардия в период Гражданской войны Советской России — исследование на основе российских рассекреченных архивных документов»

Что касается Белой гвардии, то до недавнего времени в распоряжении китайских историков не было обобщающего исследования. В 2015 г. молодой историк Чжоу Го-Чан защитил докторскую диссертацию — «Белая гвардия в период Гражданской войны Советской России — исследование на основе российских рассекреченных архивных документов». В диссертации, опираясь на российские рассекреченные архивные документы, всесторонне рассмотрена эта важная тема. Автор прорвал пределы прежних методов классового анализа, когда социальная база Белой гвардии в основном сводилась к помещикам и буржуазии, а Советская власть представляла справедливость и она непременно побеждала.

Чжоу Го-Чан считает, что военные — офицеры и казаки, воевавшие в годы Первой мировой войны, составляли главные силы Белой гвардии, в большей степени они были патриотами с великорусским духом.

Что касается причин неудачи Белой гвардии, он считает, что военные вопросы не были решающим фактором, а именно социально-экономическая и национальная политика определили итоги борьбы обеих сторон. На самом деле Белая гвардия унаследовала политику Временного правительства, то есть не осуществляла решения в таких самых беспокоящих областях, как земельный вопрос, государственное устройство и независимость пограничных народов, все эти вопросы были отложены до созыва Учредительного собрания.

Белая гвардия в основном находилась в приграничных районах, каждая армия была изолирована друг от друга из-за Советской власти, которая захватила центр Европейской России. Каждая гвардия с трудом устанавливала связь друг с другом, не могла скоординировать военную стратегию. Поэтому разобщенная и изолированная Белая гвардия не смогла избежать участи неудачи.

Третье, от общинного самоуправления к коллективизации сельского хозяйства

Причины коллективизации сельского хозяйства являются одним из горячих споров китайских ученых, и были опубликованы многие научные труды и статьи, авторы этих публикаций, главным образом, трактовали коллективизацию с точки зрения народного хозяйства, а также борьбы разных путей развития сельского хозяйства в СССР. В последние два года Чжао Сюйли, доцент Шэньсиского педагогического университета, используя рассекреченные архивные документы и материалы советского периода, опубликовал ряд научных статей.

В этих статьях, посредством анализа самообложения крестьянской общины, с точки зрения борьбы советской власти и крестьянской общины за контроль над крестьянством, Чжао Сюйли показал, что после Октябрьской революции, для того, чтобы заменить крестьянские общины, и таким образом, взять крестьянство в свои руки, советская власть основала сельсоветы.

До 1928 г. крестьянская община одерживала победу над сельсоветом и оставалась фактической управленческой силой в советской деревне потому, что община имела финансовое обеспечение в форме самообложения, а большинство сельсоветов не имело независимых бюджетных средств.

После кризиса хлебозаготовок в 1927—1928 гг. крестьяне на основе решений сельского схода восстали против насильственных хлебозаготовок. Это вынудило советское руководство во главе с И.В. Сталиным рассмотреть вопрос о ликвидации земельного общества (общины). Самые суровые меры, предпринятые советским правительством, — это политика огосударствления самообложения крестьянской общины и таким образом принудить крестьян сдавать хлеб государству.

При сильном вмешательстве государственной машины самообложение вынужденно превратилось в местный налог, и в конце концов, это привело к потере финансовой власти, развалу экономической основы, и наконец, гибели крестьянской общины. Таким образом были преодолены экономические и организационные преграды коллективизации, советская власть раз и навсегда решила проблему контроля над крестьянством и деревней[11].

Четвертое, влияние Октябрьской революции на национальное развитие, на процесс национального единства государства

В прошлом большинство китайских ученых считало, что СССР был тоталитарным государством и не дал права, обещанные Конституцией, союзным республикам, что привело к отделению союзных республик от Союза. Это была главная причина распада СССР. Профессор Китайской академии общественных наук Хуан Лифу предположила, что национально-территориальная автономия, основанная на «праве народов России на свободное национальное самоопределение», является причиной распада Советского Союза. Причина в том, что эта политика привела к тому, что «культурная нация или этно-нация» при царской России превратилась в «политическую нацию (*nation*)» при Советском Союзе. «Политическая нация» и есть государственная нация, которая имеет 4 основных элемента: определенная территория, поселившиеся народы, определенные органы государственной власти, суверенитеты.

Советский Союз, руководствуясь политикой национально-территориальной автономии, осуществлял национальное распознавание наций, разграничил территорию национальной автономии, определял уровни национальной автономии, организовал политические органы на территориях национальной автономии. Поэтому союзные республики имели 3 основных элемента «государственной нации», кроме дипломатических и военных ведомств, которые имел только Союз, и поэтому они не имели только суверенитеты. Это создало материальную основу для разделения на независимые государства в 1991 г. Поэтому 25 января 2016 г. В.В. Путин сказал, что политика национально-территориальной автономии В.И. Ленина «заложила мину замедленного действия под российскую государственность».

* * *

В общем, два крупных поворота пути развития Китая, расцвет и падение советского государства, догматизм советской официальной историографии, процветание исторической науки новой России — всё это бросало огромные тени на процесс столетнего развития исследования истории России в Китае, в свете столетней ретроспективы китайских исследований истории России можно сказать — китайская историография истории России шла и идет вперед по своему пути!

1 Чжан Сяоман. *О проф. Чжан Симан и Ассоциации китайско-советской культуры, начиная с монографии «В поисках твердости»,* Журнал «*Исторические материалы новой культуры*», № 1 (Январь 1994).
2 *Первый номер журнала «Советская культура»*, Газета «*Шэньбао*», 15 мая 1936.
3 Ба Цзинь. *История социального движения в России*. Издательство шанхайской культуры, 1935.
4 Ху Мин. *Как СССР вырос и крепнул*. Издательство «*Гуанхуа*», 1948.
5 Нечкина М.В. *История СССР*, Издательство «*Санлянь*», 1959.
6 Панкратова А.М. *Курс по истории СССР*, Издательство высшего образования, 1959.
7 Чжу Баоцзян. *Издание и распространение Краткого курса истории ВКП (б)*, «*Исследование и обучение партийной истории*», 2012, № 4, стр. 48—56.
8 Редакция Народного издательства. *Экономика советского социмпериализма: статистика и комментарии*, Народное издательство, 1977.
9 Шэн Чжаньюн. *Серая книга, желтая книга*, Гуандунское народное издательство, 2007.
10 Яо Хай, *Русская революция*. Издательство «*Народ*», Пекин, 2013.
11 Чжао Сюйли, *Потеря финансовой власти советской крестьянской общиной и ее влияние*, Журнал «*Мировая история*», 2016, № 6; *От автономной крестьянской общины к колхозам: реформа модели управления крестьянством и социальная стабильность*, Журнал «*Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии*», 2017, № 2.

В.В. Вострикова

Российские либеральные политики и идеологи о революции 1917 года

«Русская революция есть великая историческая проблема ...почти — загадка», — писал П.Б. Струве в 1921 г.[1] В идейной жизни как самого Струве, так и других либеральных политиков и идеологов желание осмыслить происшедшее в 1917 г. занимало одно из определяющих мест, ведь революция 1917 года стала переломным событием не только в истории страны, но и в их личных судьбах. Вопрос о смысле русской революции являлся для либералов основополагающим вопросом практики, ибо ответ на него предопределял позицию каждого, его политическое кредо и отношение к политическим процессам, происходившим в России. Мощный интеллектуальный потенциал — либеральные политики и идеологи принадлежали к интеллектуальной элите России начала XX в. — позволил им предложить такие оценки различных аспектов событий 1917 г., которые дают современным историкам богатую пищу для размышлений.

В отечественной историографии существует пласт исследований, в которых анализируются взгляды отдельных представителей российского либерализма на революционный процесс 1917 г.[2] Помимо того, обозначенная проблематика затрагивается в качестве сюжетов в ряде обобщающих монографических исследований[3]. С учетом современной историографической ситуации, весьма актуальным представляется анализ оценки либеральными политиками и идеологами событий 1917 г., чем и обусловлена источниковая база работы, которую составили мемуары, публицистика, переписка либералов, а также их научные исследования.

Взятые в совокупности, эти источники позволяют выявить динамику позиции либералов по различным аспектам истории русской революции 1917 года, включая ее предпосылки, стадии, характер, движущие силы, взаимодействие политических институтов, итоги и т.д. Однако исходя из достаточно ограниченного формата статьи, в настоящей работе предпринимается попытка анализа восприятия либеральными политиками и идеологами революционных событий 1917 г. как единого процесса, дис-

куссий в либеральных рядах по поводу выделения его стадий, а также итогов революционных потрясений.

Либералы говорили о едином революционном процессе начала XX в. в России, включавшем революцию 1905—1907 годов и события 1917 г., проводя идею их имманентной связи, тождественности глубинных причин. Так, Е.Н. Трубецкой отмечал, что события 1917 г. есть «продолжение и развитие *единого исторического процесса, объединяющего обе революции»*[4]. П.Н. Милюков называл революцию 1905 года «пробной», а 1917 года — «окончательной, настоящей»[5]. А.С. Изгоев, П.Б. Струве в сборнике «Из глубины» трактовали революцию 1905 г. как «первое предостережение», обозначившее контуры грядущей «моральной и политической катастрофы», разразившейся в 1917 г.[6] «Немногие поняли тогда грозный для государства смысл открывшихся предзнаменований, — с сожалением констатировал Изгоев. — Нынче нас постиг второй удар, неизмеримо более сильный сравнительно с первым»[7]. В.А. Маклаков писал В.В. Шульгину в 1922 г.: «...понять 1905 год, суметь найти в нем связь событий, обнаружить те мотивы деятельности левых и правых, которые на самом деле ими руководили, значит получить в руки надежный реактив, чтобы разобраться и в 1917 году»[8].

Либералы высказывали мнение о продолжении русской революции после прихода к власти большевиков. «Время от марта до ноября 1917 года было только предисловием к Русской Революции», — отмечал, в частности, Изгоев[9]. Об этом же у Милюкова: «...Революция 25 октября не есть что-то новое и законченное. Она есть лишь одна из ступеней длительного и сложного процесса русской революции... Большевистская победа... лишь продлила общий процесс русской революции. Она только открыла новый период ее»[10].

Анализируя непосредственно события 1917 г., либералы признавали наличие тесной взаимосвязи между Февралем и Октябрем. «...Духовно, морально-культурно и политически революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс», — настаивал Струве[11]. «Кн. Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью. Кн. Львов так же повинен в Керенском, как Керенский в Ленине», — писал П.И. Новгородцев[12].

Либералы разошлись во мнении о правомерности выделения двух стадий в революции 1917 года. Так, И.В. Гессен настаивал на единстве и непрерывности революционного процесса на протяжении всего 1917 г. «Никаких двух революций не было, а была одна революция — большевистская и был подготовительный в ней период, в течение которого она раскачивалась и который длился месяцев восемь... народное движение развивалось непрерывно и прямолинейно от Марта к Октябрю и дальше»[13]. Эта позиция во многом совпадала с оценками Струве. К 10-летию Февраля им была опубликована статья с характерным названием «Исторический выкидыш», в которой он прямо писал, что «эта революция в истории России и всего мира не имеет никакого самостоятельного значения... она явилась прелюдией к большевистской революции, ... Февральская революция не есть просто неудача, а именно — *исторический выкидыш* со всеми чертами, присущими такого рода явлениям»[14]. В самостоятельном значении Февралю отказывал и Маклаков. «...Я с ненавистью и презрением отношусь к “великой” мартовской революции», но «Октябрьская революция — настоящая революция. Не будь ее, мартовская прошла бы как маленький эпизод, который скоро кончился бы реставрацией», — писал он[15].

Милюков четко делил революционный процесс 1917 года на два этапа, говоря о «бескровной», «национальной», «разумной», объединившей все части нации и политические группы в борьбе «с устаревшей политической формой» Февральской революции, и «интернациональной», разъединившей нацию и ставшей сигналом

длительной гражданской войны, в которой были применены худшие виды насилия, — Октябрьской[16]. Цели революций, по Милюкову, существенно разнились: если Февральская имела «национальное задание» «спасти Россию от поражения», то цели Октября «были явно утопическими — коммунизм в России и во всем мире»[17]. Аналогично мнение кадетов Г.А. Линда, Г.И. Виленского, Н.С. Тимашева, считавших первый этап — мартовский — «творческим», несшим потенции для дальнейшего созидания в либерально-демократическом направлении, а второй этап — большевистский — отрицанием всех начинаний мартовского периода. Причем Тимашев указывал, что большевистский переворот лишил общество не только завоеваний Февраля, но и достижений революции 1905 года, отбросив страну «далеко вглубь веков»[18].

Следует отметить, что оценка Февральской революции, данная Милюковым, Тимашевым, Набоковым, Изгоевым в эмиграции, была выдержана в той же тональности, как и по «горячим следам». Тогда, в феврале 1917 г., падение монархии было встречено подавляющим большинством либералов с воодушевлением. Либеральная пресса пестрила сравнениями революции с «грозой», «ураганом», «стихией», причем подчеркивалось, что разрушение в данном случае было не самоцелью, но необходимым условием уничтожения препятствий для последующего созидания[19]. Февральская революция, позиционировавшаяся либералами как политическая, по их убеждению, смела отжившую, чуждую народу, власть, разорвала «сеть векового рабства», положила начало «новой эпохе русской истории», тем самым создав предпосылки для реализации либеральной программы переустройства страны[20].

В событиях Февраля либералам виделся логический результат освободительного движения, завершающий акт глобального политического преобразования, начатого в период Первой революции. По их мнению, вторая революция сделала не только возможным, но и правомерным осуществление прав и свобод граждан, которые были юридически сформулированы в 1905 г.[21] За «восстановление значения человеческой личности», проявлявшееся, в том числе, и в «отмене унизительных, оскорбляющих человеческое достоинство национальных и вероисповедных ограничений», Февральская революция «может быть названа великой», — писала «Речь» 22 марта 1917 г.

Либеральные идеологи и политики настаивали на определении Февральской революции как «народной» и «надпартийной». «Все участвовали в этой революции, все ее делали — и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство... все ... живые общественные силы страны. ... Это — революция всенародная, в высшем значении слова», «национальная революция», — писал Трубецкой[22]. 3 июня 1917 г. на частном совещании членов Госдумы Милюков, отвечая на им же поставленный вопрос: «Какова наша революция», заявил: «Она есть революция *национальная*, революция всенародная, т.е. она объединяет в себе все классы и все общественные группы и ставит пред собою задачи, которые должен осуществить весь народ, которые только *весь* народ и может осуществить»[23].

Подобно другим, с энтузиазмом встретил Февраль Струве: «величайшее мировое событие», «историческое чудо», которое «прожгло, очистило и просветлило»[24]. «Теперь Россия пойдет семимильными шагами», — говорил он в те дни[25]. Однако впоследствии оценки Струве стали диаметрально противоположными: «великое национальное несчастье», «злосчастная революция», родившаяся, как и Октябрь, «в массовом ослеплении»[26].

В феврале — марте 1917 г. одним из тех, чей голос «выпадал» из общего восторженного настроя либералов, был Маклаков. Его скептицизм базировался на опасении, что события пойдут не по тому сценарию, на который рассчитывают политики,

ибо Маклаков не верил в способность общественности, не имевшей опыта, управлять страной.

Оценки либералами событий Октября 1917 года и «по горячим следам», и впоследствии были отрицательными, причем преобладающей тенденцией можно признать усиление негативизма по мере выявления социально-экономических, политических, духовных последствий политики большевиков[27].

Анализируя события 1917 г. в эмиграции, либеральные идеологи и политики вынуждены были внести коррективы в свои теоретические представления о революции, в частности, отказаться от тезиса о расчлененности двух составляющих понятия революции — политической и социальной. Февральская революция не остановилась на предполагаемой кадетскими теоретиками мартовской, политической «зарубке», а пошла «вглубь», приобрела характер масштабного социального переворота. В реальности обе «половинки» революции оказались слитыми в единое целое.

Либералы пытались понять, почему революция не остановилась на первой стадии — мартовской. С одной стороны, признавалось существование некого «общего закона» развития революций, согласно которому, указывал Милюков, все «настоящие» революции проходили две стадии: начинались они «сравнительно скромно и сдержанно, — и все развивали крайние тенденции по мере того, как власть ускользала из рук умеренных групп, захвативших ее первоначально, и попадала в руки импровизированных вождей неорганизованных масс»[28]. Происходило это потому, что массы не хотят останавливаться на достигнутом — замене старой власти известными лидерами, а жаждут идти дальше в надежде, что получат больше. «Революция есть сложный и длительный процесс: постепенная смена настроений в широких социальных слоях», — писал Милюков. Она «должна следовать своему неизбежному курсу и не может остановиться на середине. Революционный пожар *должен* выжечь до тла все, что уцелело от низвергаемого порядка, — не только все учреждения, но и все пережитки психологии... она успокаивается на социальных и политических достижениях, не допускающих реставрации и наверное не имеющих связи с прошлым»[29].

Вместе с тем, либералы находили ряд субъективных моментов в событиях 1917 г., которые сделали фактически неизбежным развитие революции по такому сценарию. Одним из них стала политика Временного правительства, исходившая, по мнению Новгородцева, из глубоко ошибочного и опасного для самого существования государства посыла о том, что ключевым принципом государственного управления должна стать «система свободы», предполагавшая не только «добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти», но и предоставлявшая массам право самим определить «меру завоеваний революции»[30]. Такая позиция была официально провозглашена в воззвании Временного правительства к населению от 26 апреля 1917 г. В этой же тональности выдержаны многие публикации кадетской «Речи» в марте — апреле 1917 г. Так, 10 марта газета сообщала о «могучем развитии общественной самодеятельности» как в столице, так и в провинции, что, по ее мнению, свидетельствовало о том, что «население... в полной мере сознает свои права и чувствует лежащую на нем ответственность»[31]. На практике, отмечал Новгородцев, установка «все должно быть предоставлено свободе... все образуется», проистекавшая из убеждения, что «освобожденный от старых пут народ проявит ...свою мудрость и обнаружит чудеса патриотизма, мужества и справедливости», привела к тому, что революция была отдана «на произвол стихийных сил», а Временное правительство «в своем стремлении как можно менее походить на старую власть... и вовсе перестало быть властью. Это была не столько демократия, сколько узаконенная анархия»[32].

Аналогично мыслил Набоков, отмечавший, что идеология Временного правительства была «сродни идеологии анархизма»[33].

По мнению Милюкова, Временное правительство запаздывало с решением затрагивавших интересы большинства народа социальных проблем, прежде всего, аграрной. На это наложилась неспособность найти выход из войны. Милюков выделил три фазиса бездействия власти, увязав их с именами лидеров революции: «бездействия... бессознательного и наивного» — кн. Г.Е. Львов; «бездействия, основанного на убеждении» — И.Г. Церетели, и «бездействия, прикрывающегося фразой» — А.Ф. Керенский[34]. «Коренные проблемы революции остались нерешенными, хотя и были теперь поставлены во весь рост». «Фатально государственный корабль несло течением к крутому обрыву», — констатировал лидер кадетов[35].

Политика Временного правительства объективно играла на руку деструктивным силам, для которых «Россия была лишь костром для мирового пожара», указывал Новгородцев[36]. Большевики чутко уловили настроения масс, своими демагогическими обещаниями, апеллировавшими к «грубым инстинктам, буйным и слепым страстям» последних, сумели снискать их поддержку, и страна «с неудержимой силой катилась к торжеству большевизма»[37]. Временное правительство, указывал Струве, недооценивая опасность большевизма, не приняло адекватных пропагандистских и силовых мер для его подавления. «Не сила противогосударственного нападения со стороны большевиков и полубольшевиков обусловила собою успех удара, т.е. возможность крушения государства, а *бессилие* государственного *сопротивления* или отражения со стороны противобольшевиков», — писал либерал[38].

Таким образом, по мнению либералов, реализацию в 1917 г. в России объективных закономерностей развития революционного процесса сделала возможной комбинация трех субъективных факторов: политика Временного правительства[39], активная деятельность большевиков и особенности менталитета масс. «Революция с самого начала была обречена на тот конец, к которому она пришла», — настаивал Новгородцев[40].

Важнейшим вопросом в процессе осмысления революции 1917 года для либералов была оценка ее значения для судеб России. Милюков и его единомышленники, кроме разрушения — бросающегося в глаза зла, находили в революции и завоевания — некое новое добро, за которое она могла быть оправдана и принята. Они считали, что революция 1917 года настолько глубоко перепахала почву, что «возврата к царской России уже быть не может»[41]. По П.П. Гронскому, революция заложила «основу будущего национального раскрепощения и оздоровления страны»[42]. «Наше отношение к революции может быть... только положительным», — утверждал Милюков[43]. Проявление ее созидательного начала он видел в рождении «российской демократии на руинах прошлого»[44]. «Народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта и решивший для себя бесповоротно свой главный жизненный вопрос: вопрос о земле», — писал Милюков в «Истории второй русской революции»[45]. Либералы считали, что под скорлупой большевизма зреет новая Россия — народ почувствовал себя субъектом исторического процесса и скоро начнет реализовывать это — освободится от власти большевиков.

Милюков находил сходство русской революции 1917 года с английской XVII в. и Великой французской революцией в том, что все они были неизбежным, а потому оправданным «кратчайшим средством покончить с устарелыми политическими и социальными учреждениями отжившего строя»[46].

Однако милюковская формула «приятия революции» имела немало противников в либеральных кругах. В частности, Струве определил ее как «преклонение перед

пагубным и злым фактом только за то, что он произошел», «религиозно моральную ложь, и исторически фактическую неправду, самообман и обман»[47]. «“Приятие революции” есть потому ложная и лживая формула, что реально никаких других плодов или завоеваний революции, кроме разрушений и смертей, не имеется», — настаивал он[48]. Маклаков, в принципе допуская возможность позитивной оценки революции 1917 года потомками («Суд истории и суд современников разный, и должен быть разным») настаивал, что для ее современников, «которые видят, как эта революция делалась и куда она привела Россию... считать обязательным преклоняться перед этой революцией значит грешить моралью», ибо «революция была только крушением старого, разрушением»[49]. Маклаков, как и Струве, считал неоправданным с точки зрения результатов и Февраль, поскольку даже в случае успешного осуществления его программы Временным правительством «получилось бы только то, к чему Россия шла и без того эволюционным путем, к чему она пришла бы и без революции, хотя и позднее, но с меньшими жертвами»[50].

Сторонники такой точки зрения обозначили итоги революции 1917 года множеством ярких метафор, отражавших ее различные негативные аспекты: крушение российской государственности, «беспримерный государственный разгром»[51], «национальное банкротство и мировой позор»[52], «величайшее потрясение всех нравственных устоев русского народа»[53] и т.п. По словам Новгородцева, революция, приведшая Россию на край гибели, являла собой «не завоевание, не победу, не торжество нравственной идеи, а кару, страдание и трагедию», «только самые черные дни» прошлого могут сравниться с происходящим[54].

Революция уподоблялась Смуте начала XVII в. По словам Новгородцева, всякий раз, когда он перечитывал «замечательное изображение Смутного времени в курсе Ключевского», он находил «множество сходств того времени» с событиями 1917 г.[55] «В смуте XVII в. есть удивительно много черт, сходных с современными событиями: то же духовное шатание не только народных масс, но и высших классов, то же использование чужеземцами внутренней борьбы», — писал Струве, называя также революцию «пугачевщиной во имя социализма»[56]. Смутой именовал революцию и Изгоев[57].

Напротив, аналогии с Великой французской революцией отвергались. «По существу, т.е. по содержанию и по смыслу, русская революция нисколько не подобна и даже не похожа на французскую», — утверждал Струве[58]. Последняя не только на словах провозгласила, но и на деле провела свободу промышленности и торговли, а русская революция «есть прежде всего натурально-хозяйственная реакция против капитализма, насильственное упрощение и обеднение всей хозяйственной жизни страны во имя и ради экономического равенства»[59], тогда как «хозяйственное и административно-правовое содержание французской революции в большей его части было осуществлено в России так называемым “старым порядком”»[60].

Подводя итог, следует отметить, что события 1917 г. заставили российских либеральных идеологов и политиков в значительной мере пересмотреть их представления о революции, базировавшиеся на опыте классических «буржуазных» революций в Европе XVIII—XIX вв.

В частности, было опровергнуто положение о том, что основная опасность демократическому строю исходит «справа» (угроза контрреволюционной диктатуры и последующей реставрации монархии), а не «слева» (опасность установления диктатуры якобинского типа). «Главный урок, который мы извлекли из нашего опыта, — писал Струве, — заключается в том, что всякие движения, таящие в себе опасность большевизма, должны вызывать своевременный, решительный... максимальный отпор...»[61].

Помимо того, либералы считали необходимой корректировку представлений «о пределах возможности для индивидуальной человеческой воли управлять такими массовыми явлениями, как народная революция»[62], а также о способности прогнозирования ее хода и результатов. «Революционный процесс вышел более стихийным и менее сознательным, чем хотелось бы непосредственным деятелям революционной эпохи», — отмечал Милюков[63]. В итоге, указывал Струве, «...подлинный лик революции оказался совсем не тем, о каком мечтала русская интеллигенция, даже социалистическая. Логичен в революции, верен ее существу был только большевизм, и потому в революции победил он»[64]. Да и сама либеральная интеллигенция, подчеркивал Новгородцев, обнаружила «свою политическую незрелость и ... неспособность к власти и к управлению»[65]. В итоге революция оказалась гибельной для самой интеллигенции.

Милюков предлагал также пересмотреть мнение о пассивности народных масс. Они «принимали от революции» только то, что соответствовало их потребностям, «но тотчас же противопоставляли железную стену пассивного сопротивления, как только начинали подозревать, что события клонятся не в сторону их интересов», — писал он[66]. Новгородцев отмечал окончательное крушение в революции веры в созидательную силу масс[67].

В русле современной социологии революции лежит трактовка либералами начала XX в. революции как духовного кризиса.

Либеральные идеологи и политики настаивали на том, что русская революция имеет всемирно-историческое значение, ибо «она есть практическое опровержение ... эгалитарного социализма», отрицающего два начала, «на которых зиждется всякое развивающееся общество: идеи ответственности лица за свое поведение вообще и экономическое поведение в частности, и идеи расценки людей по их личной годности, в частности, по их экономической годности»[68]. Осознание справедливости этой оценки революции 1917 года в России пришло к нам только в конце XX в.

1 *Струве П.Б.* Размышления о русской революции // *Струве П.Б.* Избранные труды. М., 2010. С. 441.

2 *Дорохов В.Н.* Исторические взгляды П.Н. Милюкова. Сергиев Посад, 2005; *Макаров Д.А.* Общественно-политическая деятельность И.И. Петрункевича: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Орел, 2003; *Нехамкина Н.В.* Общественно-политическая деятельность и взгляды Е.Н. Трубецкого: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Брянск, 2006; *Пайпс Р.* Струве: правый либерал, 1905—1944. М., 2001. Т. 2; и др.

3 *Антоненко Н.В.* Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20—30-е гг. XX в.). Мичуринск, 2011; *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции, 20—30-е гг. XX в. М., 2009; *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. СПб., 2017; *Омельченко Н.А.* В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме, будущих судьбах российской государственности: (историко-политический анализ). СПб., 1996; *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; и др.

4 *Трубецкой Е.Н.* Старое и новое (вместо предисловия) // *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 1994. С. 299.

5 *Милюков П.Н.* Россия на переломе: большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 1: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. С. 2.

6 *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 361; *Струве П.Б.* Предисловие издателя // Там же. С. 209.

7 *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм. С. 361.

8 Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка, 1919—1939 гг. М., 2012. С. 87.

9 *Изгоев А.С.* Рожденное в революционной смуте (1917—1932) // Труды по россиеведению: сб. науч. тр. М., 2009. Вып 1. С. 344.

10 *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Т. 1. С. 41. См. также: *Струве П.Б.* Эволюция революции // *Струве П.Б.* Дневник политика (1925—1935). М., 2004. С. 574.

11 *Струве П.Б.* Прошлое, настоящее, будущее: (мысли о национальном возрождении России) // *Струве П.Б.* Избранные труды. М., 2010. С. 484.

12 *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь // *Новгородцев П.И.* Сочинения. М., 1995. С. 428.

13 Руль. 1924. 14 февр.

14 *Струве П.Б.* Исторический выкидыш // *Струве П.Б.* Дневник политика (1925—1935). М.; Париж, 2004. С. 242.

15 «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка, 1919—1951: в 3 т. М., 2001. Т. 1: Август 1919 — сентябрь 1921. С. 478.

16 *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Т. 1. С. 39.
17 Там же. С. 39—40.
18 Руль. 1922. 8 июня. См. также: *Струве П.Б.* Знаменательное 25-летие // *Струве П.Б.* Дневник политика (1925—1935). М.; Париж, 2004. С. 568; *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1. С. 9—10; *Изгоев А.С.* 5 лет // Там же. Берлин, 1923. Т. 10. С. 13.
19 См., например: *Трубецкой Е.Н.* Народно-русская революция // Речь. 1917. 5 марта.
20 Там же; Государственный переворот, 27 февраля — 2 марта 1917 года // Вестник Европы. 1917. № 2. С. V.
21 Речь. 1917. 9 марта.
22 *Трубецкой Е.Н.* Народно-русская революция.
23 Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы. М.; Л., 1932. С. 108.
24 *Струве П.Б.* : 1) Освобожденная Россия // Русская мысль. 1917. № 2 ; 2) Наша задача // Русская свобода. 1917. № 1. С. 3—5.
25 *Франк С.Л.* Воспоминания о П.Б. Струве // *Франк С.Л.* Непрочитанное. М., 2001. С. 481.
26 *Струве П.Б.* : 1) Два великих несчастия // *Струве П.Б.* Дневник политика (1925—1935). М.; Париж, 2004. С. 107—108 ; 2) Не политическая борьба, а безответственность // Там же. С. 269.
27 См., напр.: Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии, 1915—1920. М., 1998. Т. 3. С. 409.
28 *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Т. 1. С. 40.
29 Там же. С. 40—41; *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь. С. 428.
30 *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь. С. 427—428.
31 Ответственность демократии // Речь. 1917. 10 марта.
32 *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь. С. 427—430.
33 *Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 65.
34 *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 208.
35 Там же. С. 201.
36 *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь. С. 427.
37 Там же. С. 428, 433.
38 *Струве П.Б.* Ключ к пониманию прошлого // *Струве П.Б.* Дневник политика (1925—1935). М.; Париж, 2004. С. 458.
39 Набоков, в частности, признавал политику Временного правительства решающим фактором в процессе «углубления революции», отмечая, что большевистский переворот «стал возможным и таким удобоисполнимым только потому, что исчезло сознание существования государственной власти, готовой решительно отстаивать и охранять гражданский порядок» (*Набоков В.Д.* Указ. соч. С. 39).
40 *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь. С. 429.
41 Последние новости. 1924. 24 мая.
42 Там же. 1923. 31 марта; 12 апр.
43 Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии, май 1920 г. — июнь 1921 г. М., 1996. С. 412. (Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 — середина 1930-х гг.; т. 4).
44 Цит. по: *Пайпс Р.* Указ. соч. М., 2001. Т. 2. С. 376.
45 *Милюков П.Н.* История второй русской революции. С. 13.
46 *Его же.* Россия на переломе. Т. 1. С. 29.
47 *Струве П.Б.* Прошлое, настоящее, будущее. С. 484, 487.
48 Там же. С. 487.
49 «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков ... Т. 1. С. 470, 472.
50 *Маклаков В.А.* Из прошлого // Современные записки. 1929. Кн. 38. С. 292.
51 *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм. С. 362.
52 *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 459.
53 *Котляревский С.А.* Оздоровление // Там же. С. 401.
54 *Новгородцев П.И.* : 1) Восстановление святынь. С. 429; 2) О путях и задачах русской интеллигенции // *Новгородцев П.И.* Сочинения. М., 1995. С. 434.
55 *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь. С. 435—436.
56 *Струве П.Б.* Размышления о русской революции. С. 443, 453.
57 *Изгоев А.С.* Рожденное в революционной смуте (1917—1932). С. 354.
58 *Струве П.Б.* Этапы крушения // *Струве П.Б.* Дневник политика. (1925—1935). М.; Париж, 2004. С. 424.
59 Там же.
60 *Струве П.Б.* Россия // *Струве П.Б.* Patriorica: политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 417.
61 *Струве П.Б.* То, о чем должно помнить и напоминать // *Струве П.Б.* Дневник политика (1925—1935). Париж, 2004. С. 245.
62 *Милюков П.Н.* История второй русской революции. С. 12.
63 Там же.
64 *Струве П.Б.* Размышления о русской революции. С. 452.
65 *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь. С. 430.
66 *Милюков П.Н.* История второй русской революции. С. 12.
67 *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь. С. 431.
68 *Струве П.Б.* Размышления о русской революции. С. 439.

И. Гилязов

События 1917 г. в оценках историографии Татарстана

О великой российской революции 1917 года написано огромное количество исследований как в масштабах всей России, так и отдельных регионов. Охватить даже региональную историографию в рамках небольшой по объему публикации дело практически невозможное. Поэтому в данной публикация я поставил скромную задачу — выявить некоторые существовавшие и существующие в историографии тенденции, то есть в общих чертах выявить, с каким багажом подошла историческая наука Татарстана к 100-летию революции.

Совершенно очевидно, что в современном обществе на сегодняшний день нет устоявшейся и однозначной точки зрения на события октября 1917 г. В определенной мере ясность во многие спорные, дискуссионные вопросы призван внести и настоящий форум.

Революционные события 1917 г. в Татарстане, конечно же, изучались очень активно в советское время. Это было престижно, это было политически целесообразно, но и было это в рамках конкретных идеологических установок. Историки Татарстана в целом шли в русле основной идеологической линии, разработанной на основе Краткого курса ВКП (б). За 50—60 лет вышли десятки, если не сотни монографических работ, защищались многочисленные кандидатские и докторские диссертации. Имена таких исследователей, как Р.М. Валеев, И.М. Ионенко, М.К. Мухарямов, И.Р. Тагиров, Р.Г. Хайрутдинов были широко известны в республике[1]. Они были активны, они были популярны, и с профессиональной точки, в целом, советские историки действительно сделали очень многое в осмыслении событий 1917 г. — в научный оборот были введены сотни новых архивных источников, детально изучались биографии отдельных политических деятелей, давались разъяснения по узловым событиям революции и анализировались их результаты.

Назову только некоторые темы исследователей советского периода: хроника событий 1917 г. от февраля до октября, участие народных масс, участие мусульман в революционных процессах, женское и студенческое движение, борьба большевиков с буржуазными партиями, борьба с буржуазными националистическими организациями (Милли Шура, Харби Шура и др.) и т.п.

Сделано было немало, но, понятно, полного удовлетворения у историков не было, они брались за новые темы, критиковали друг друга за недостаточное внимание к отдельным проблемам и даже, порой, за неточную интерпретацию исторического прошлого. Так, в 1962 г. в одной из своих историографических статей, я бы даже назвал ее в определенной степени программной, — «Об изучении Октябрьской революции в Поволжье и Приуралье» И.М. Ионенко[2] отмечал, что «работы, написанные до XX съезда по истории Октября в Поволжье и Приуралье в большинстве случаев не раскрывали специфику революции на местах, в них факты и события, как правило, подгонялись под определенную общую схему, выводы часто носили декларативный характер». По мнению И.М. Ионенко, перемены к лучшему произошли в исторической науке только после XX съезда КПСС и празднования 40-летия Октября, что проявилось в следующем: «была проведена большая работа по выявлению и публикации источников, сбору воспоминаний и т.д. Был сделан значительный шаг в расширении источниковедческой базы и созданы условия для глубоких исследова-

ний Октябрьской революции на местах». В то же время отмечались те направления, которые по мнению историка, нуждались «в известном переосмыслении в свете новой Программы КПСС в духе материалов XXII съезда КПСС».

Это — экономические предпосылки Октябрьской революции, национальный вопрос («вопрос формирования боевого союза революционных сил народов России»), «революционная борьба солдатских масс крупнейшего в России Казанского военного округа».

Статья И.М. Ионенко носила действительно программный характер. И именно указанные направления в последующие советские десятилетия стали основными для историков Татарстана. Результатом этих изысканий стали, например, можно сказать, классические работы самого И.М. Ионенко (его докторская диссертация 1966 г. на тему «Революционная борьба и национально-демократическое движение солдатских масс Поволжья и Приуралья накануне Великого Октября»; его совместная монография с И.Р.Тагировым «Октябрь в Казани», вышедшая к 50-летнему юбилею революции; его работы, посвященные участию солдатских масс в революционных событиях 1972 и 1982 гг.). Монография И.М. Ионенко и И.Р. Тагирова, на мой взгляд, является наиболее солидным и качественным изданием об октябрьских событиях, написанным с позиции советских идеологических установок и в то же время опирающимся на очень богатую источниковую базу.

В постсоветский период интерес собственно к истории Октябрьской революции заметно угас — политическая конъюнктура заметно изменила тематику исследований. Историки увлеклись сюжетами, которые в советскую эпоху трактовались однообразно или же вообще замалчивались. С конца 1980-х — начала 1990-х годов в историографии, например, одно из ведущих мест занимала переоценка деятельности небольшевистских партий и общественных движений в революционных процессах 1917 г. В Татарстане это выразилось в проявлении интереса к татарскому национальному движению, деятельности всероссийской либеральной организации «Иттифак аль-муслимин», всероссийских мусульманских организаций «Милли Шура», «Харби Шура», национального парламента Миллэт Меджлиси и их лидеров С. Максуди, И. Алкина, С. Атнагулова, Г. Шарафа, Ф. Туктарова и др.[3]

И это был очень плодотворный в исследовательском плане период. В научный оборот были введены десятки новых документов и материалов

Обращу внимание, что в работах известного татарского историка И.Р. Тагирова изменились акценты в оценке событий октября 1917 г. в Казани. В 2003 г. он опубликовал весьма содержательную статью с символичным названием «Октябрь в Казани. Новое прочтение»[4]. И вот какими словами он начал свою статью: «Полная правда об октябрьских событиях 1917 г. еще не сказана. Эти события освещались с политических позиций, в определенном идеологическом спектре. Любой труд в рамках официальной историографии не мог обойтись без того, чтобы не показать ведущую роль рабочего класса, руководящую роль большевиков, их Центрального комитета и местных организаций. Сам Октябрьский переворот должно было представлять как строго продуманное и централизованное событие.

Резолюция ЦК РСДРП (б) от 10 октября была превращена в главный документ, который будто бы содержал указание местным организациям о повсеместном проведении вооруженных восстаний. Но для таких утверждений нет никаких оснований».

На основании документов, которые ранее не вводились в научный оборот, И.Р. Тагиров показал в данной статье, например, что в историографии «утвердилась ничем не обоснованная точка зрения о получении руководящих указаний из цент-

ра», что впоследствии многие участники событии, а также и многие исследователи намеренно фальсифицировали изложение событий и роль отдельных военных и политических фигур в организации вооруженного восстания в Казани: «Выигрышная схема с обязательной, организаторской ролью в восстании большевистского комитета оказалась гораздо важнее. Документы же отражали разбушевавшуюся стихию и ни одной из сторон не предусмотренный ход событий. Сработало старое правило: если факты не вписываются в их концепцию, тем хуже для самих фактов».

В заключении своей статьи историк сделал выводы, которые фактически полностью перечеркивают все сделанное ранее советской историографией. Во-первых, он отмечает, что на основании анализа источников можно утверждать, что в октябре 1917 г. в Казани вообще можно было избежать военных действий; во-вторых, по мнению И.Р. Тагирова, восстание в Казани в октябре 1917 г. вспыхнуло в гарнизоне, поначалу оказалось исключительно стихийным и лишь постепенно обрело политический характер. Получилось, что большую роль в событиях октября в Казани играли далекие от революционных идеалов люди. В статье описывается личность явного авантюриста, некоего подпоручика Гроздова, который стал инициатором конфликта между отдельными леворадикальными офицерами и командованием Казанского военного округа.

По констатации И.Р. Тагирова, события в Казани «начались несколько раньше, чем в Петрограде и Москве, и не являлись осуществлением какого-либо плана и тем более указаний со стороны большевистского ЦК».

В последние годы, как известно, в исследованиях все более широко применяются мультидисциплинарные подходы, эпоха рассматривается с позиции специалистов различных социальных и гуманитарных направлений. Можно сказать, популярным стало изложение больших событий через преломление их в сознании обычного человека-обывателя. Человек привлекает интерес не как винтик, как часть исторического процесса, часть событий, а как отдельная и самодостаточная единица исследования. В Татарстане в этом отношении особо выделяются работы, проводимые Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ. Одним из конкретных проявлений такого нового подхода является двухтомный сборник статей коллектива авторов «Человек в революции: Казанская губерния» (первый том посвящен революции 1905—1907 годов, второй — событиям 1917 г.)[5]. Авторы сборника — практически все молодые люди, историки нового поколения — представили свое видение места и роли человека в революции, представлена жизнь людей в переломный момент истории, их взаимоотношения с органами официальной власти, изменения в сознании, социальные реакции на массовые трудности, взаимоотношения в различных социальных и профессиональных группах, сельской общине. Очень большое внимание авторами уделено новым источникам, в первую очередь источникам личного происхождения, прежде всего дневникам и мемуарам.

Совсем недавно, в сентябре 2017 г., в Казани тем же Институтом им. Ш. Марджани была организована конференция на тему «Частные миры русской революции». Ее заявленная проблематика и подготовленный к конференции сборник статей показывают новизну и многообразие подходов новейшей историографии к событиям октября 1917 г. Хотел бы упомянуть названия основных направлений конференции, они явственно показывают, насколько изменилось сегодня восприятие революции 1917 года, насколько многообразно стремление понимания сущности тех событий, насколько далеко современные историки ушли от стереотипных установок недавнего прошлого: частная жизнь в эпоху революции: быт, брак, семья, неформальные связи; неофициальные биографии исторических личностей; эго-документы эпохи революции (письма, дневники, воспоминания); человек и профессия в

экстремальных условиях: призвание и долг; революция в культурном измерении: наука, искусство, сохранение наследия в 1917—1918 гг.; частная собственность и буржуазная революция (февраль — октябрь 1917 г.); материальные аспекты повседневности (доходы населения, коррупция, продовольственный кризис); образы и лица власти 1917 г.: мотивы, поведение, восприятие обществом; малые группы, корпорация, деревня, город в экстремальных условиях: проблемы взаимодействия; этнос и религия в эпоху революции; мистическое восприятие времени: духовные учения, суеверия, религиозные секты начала XX в.; последствия эпохи социальных катастроф: проблемы демографии, семьи и детства.

Хотелось бы охарактеризовать и те работы, которые посвящены событиям 1917 г. в Казани и Среднем Поволжье и вышли из-под пера татарских интеллектуалов-эмигрантов (историками их можно назвать с некоторой натяжкой)[6].

Непосредственными участниками событий 1917—1920 гг. в Поволжье и Приуралье был, например, Абдулла Баттал-Таймас. Его работы носят явственно мемуарный характер, построены на личном восприятии событий и соответственно практически не имеют ссылок на источники. Два его труда затрагивают и события 1917 г. и содержат довольно любопытные наблюдения и выводы. В его книге «Казанские тюрки», написанной в 1922—1923 гг., впоследствии неоднократно переиздавалась, несколько схематично представлены происходившие в среде татар процессы[7]. «Воспоминания о русской революции»[8] написаны в более свободной форме. Автор отмечает, что одной из слабых сторон национального движения в 1917 г. было отсутствие в нем взаимопонимания и единства. А. Баттал-Таймас считал, что большевизм оказал разрушительное влияние не только на развитие национальных движений в России, но и на естественное развитие государственной демократии. Характеризуя психологию большевизма, Баттал-Таймас приписывал ему маниакальность, примитивность логики и идеологии, отчужденность от общеевропейских культурных традиций и идентифицировал ее с психологией русского крестьянина. Национальное движение он рассматривал как попытку мусульман противостоять большевизму.

Тамурбек Давлетшин, до Второй мировой войны начальник юридического отдела Президиума Верховного совета ТАССР, во время войны оказался в плену и на родину не вернулся. Он много занимался историей Советского Татарстана и опубликовал очень интересное исследование, которое не раз становилось объектом жесточайшей критики со стороны советских историков — «Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики»[9]. Профессиональный юрист, Т. Давлетшин очень внимательно отнесся к проблеме становления советской государственности. Он подробно проанализировал события после февраля 1917 г., когда началась стихийная самоорганизация татарского народа. На обширном фактическом материале, документах национальных организаций и их форумов автор представил широкую панораму социального и политического движения татарского народа. Многие из документов, которые использовал Давлетшин, были закрыты для отечественных исследователей.

Из работ современных татарских историков выделю монографии Надира Давлета, проживающего и работающего в Турции. Его работы «Национальная борьба тюрок в России в 1905—1917 гг.», «Современный тюркский мир», «Октябрьская революция 1917 г. и Национальное собрание тюрко-татар», «Между нацией и Советами: Октябрьская революция 1917 г. и борьба российских тюрок за выживание»[10] рассматривают в первую очередь проблемы национального движения в 1917—1920 гг. Для Н. Давлета особенно интересна была эволюция идеи государственности у татар от культурно-национальной автономии до Волго-Уральского штата. Особенностями ис-

следований Н. Давлета является, во-первых, представление истории татар в контексте истории всех тюркских народов; во-вторых, большое внимание к фактору личности и ее роли в историческом процессе; в-третьих, использование и анализ многих публикаций западных исследователей по близкой ему проблематике.

Актуальность работ Надира Давлета заключается в стремлении автора показать национальное движение как один из важных и закономерных этапов в развитии нации. Для него основным двигателем национального движения в годы революции являлась идея национального государства. При этом Надир Давлет считает, что национальные амбиции, нацеленные на обретение некоей самостоятельности, не были реализованы из-за отсутствия объединяющей идеологии.

Современное состояние исследований о событиях 1917 г. в Татарстане во многом можно назвать все еще переходным. Мы, кажется, отошли от идеологических клише советского времени, хотя и не без труда, но в то же время единой оценки тех противоречивых событий еще не сформировано. Историография Татарстана демонстрирует сказанное в полной мере.

[1] См., например: *Валеев Р.К.* : 1) Революционное движение в Среднем Поволжье (июль — октябрь 1917). Казань: Тат. кн. изд-во, 1972 ; 2) Назревание общенационального кризиса и его проявление в Поволжье и на Урале в 1917 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979; *Ионенко И.М.* : 1) Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября: (по материалам Казан. губ.). Казань: Тат. кн. изд-во, 1957 ; 2) Солдатские массы в Октябрьской революции: по материалам Поволжья и Урала. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982; *Ионенко И.М., Тагиров И.Р.* Октябрь в Казани. Казань: Тат. кн. изд-во, 1967; *Мухарямов М.К.* : 1) Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917 — 1920 гг.). М.: Наука, 1969 ; 2) В те годы огневые: В.И. Ленин и борьба за власть Советов в Татарии. Казань: Тат. кн. изд-во, 1985; *Тагиров И.Р.* В борьбе за власть Советов: (Октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, июль 1917 — март 1918 г.). Казань, 1977; *Хайрутдинов Р.Г.* : 1) Осуществление коммунистической партией ленинской программы по национальному вопросу в 1917—1920 гг.: по материалам Поволжья и Приуралья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976 ; 2) Трудное возрождение (февр. 1917—1920 гг.): образование Татар. АССР. Казань: Тат. кн. изд-во, 1992.

[2] *Ионенко И.М.* Об изучении Октябрьской революции в Поволжье и Приуралье // Ученые записки Казанского государственного университета. 1962. Т. 122, кн. 2. С. 163—178.

[3] Например: Илиас Алкин — общественный деятель, военачальник, ученый: документы и материалы / сост.: И.Р. Тагиров, Д.Р. Шарафутдинов. Казань: Гасыр, 2002; *Тагиров И.Р.* : 1) Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань: Тат. кн. изд-во, 1999 2) История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Тат. кн. изд-во, 2000; Садри Максуди: наследие и современность = Садри Максуди: тарих һәм хәзерге заман: материалы Междунар. науч. конф. Казань: Ин-т истории АН РТ, 1999; *Хабутдинов А.Ю.* : 1) Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX веков. Казань : Идеал-Пресс, 2001 ; 2) Лидеры нации. Казань: Татар. кн. изд-во, 2003.

[4] *Тагиров И.Р.* Октябрь в Казани. Новое прочтение // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2003. № 1/2. С. 73—86.

[5] Человек в революции. Казанская губерния: в 2 т. / науч. ред. Л.Р. Габдрафикова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2016—2017. 2 т.

[6] См. об этой сюжетной линии подробнее: *Галиахметов А.К.* Зарубежная историография национального движения в Поволжье и Приуралье в 1917—1918 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2011.

[7] *Battal-Taymas A.* Kazan Türkleri: Türk tarihinin hazin yapraklari. Ankara: Türk Kültürünü Araştirma Enstitüsü, 1966.

[8] *Idem.* Rus ihtilalinden hatiralar. Istanbul: Turan kültür vakfi, 2000.

[9] *Давлетшин Т.* Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Казань: Жиен, 2005.

[10] *Devlet N.* : 1) Rusya Türklerinin Milli Mücadele tarihi (1905—1917). Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1985 ; 2) Çağdaş türk dünyasi. Istanbul: MÜ Yayınları, 1989 ; 3) 1917 Ekim İhtilali ve Türk-Tatar Millet Meclisi. İç Rusya ve Sibirya Müslüman Türk Tatarlarının Millet Meclisi (1917—1919). Istanbul: Ötüken Neşriyat, 1998; *Дәүләт Н.* Милләт белән Совет арасында. 1917 елгы Октябрь инкыйлабы: Русия төркиләренең яшәеш өчен көрәше. Казан: Җыен, 2014.

С.И. Алиева

Азербайджан и Северный Кавказ в период русской революции 1917 года: историография

Учитывая, что современное пространство бывшей Российской империи и СССР спустя 100 лет снова столкнулось со сложными проблемами, интерес к событиям, трактовкам и плюрализму мнений по этому поворотному событию в истории возрос в разы. Наибольший интерес вызывает историография темы и ее конъюнктурность.

Почти все исследователи пришли к единому мнению, что свержение самодержавия на Кавказе было воспринято с большим воодушевлением. Усилилась активность общественных организаций и политических партий.

Историографию по истории Азербайджана и Северного Кавказа по истории русской революции в целом можно разделить условно на четыре периода:

1. Период установления и упрочения советской власти на Кавказе (1920—1934). Первые работы по рассматриваемому вопросу вышли из-под пера непосредственных участников процесса. Характерной чертой этого периода является изложение истории без глубокого исторического осмысления событий. В 1934 г. состоялся XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) («Съезд победителей»), на котором был идеологически обоснован культ Сталина.

2. Период культа личности (1934—1956), характерной чертой которого являются жесткие идеологические установки, изложенные в учебнике по истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) «История ВКП (б): краткий курс», составленном при участии Секретаря ЦК ВКП (б) Сталина и опубликованном в 1938 г. Работы этого периода отличались обличением врагов советского государства и вражеских агентов. Продолжался до XX съезда КПСС, на котором был осужден культ личности Сталина.

3. Период хрущевской оттепели и брежневского застоя (1956—1985), характерной чертой которого является отказ от многих сталинских установок и т.п. Вплоть до «перестройки» Горбачева, провозглашения «гласности» и «нового политического мышления», введения многопартийной системы и объявления предыдущего периода как «застойного». Этот период завершился распадом Восточного блока, прекращением холодной войны, ликвидацией Организации Варшавского договора.

4. Современный период, который начинается с момента распада СССР и продолжается до наших дней. Характерной чертой этого периода является отказ от идеологических установок при оценке исторических событий и личностей, открытие повсеместно всех секретных фондов из бывшего Центрального партийного архива при ЦК КПСС и его филиалов в республиках, появление возможностей у исследователей максимально объективно реконструировать исторические процессы и исследовать их и т.п.

К первому относятся сочинения и произведения, написанные современниками и участниками событий. Ко второму и третьему — исследования советских авторов, а к четвертому — работы современных ученых (1991—2017).

Работы авторов 1920-х годов отличаются эмоциональностью, детализацией, открытым выражением собственного отношения к излагаемым событиям. К ним относятся труды А. Раевского, Я. Ратгаузера, С. Иткина, С. Сефа, А. Стеклова,

С. Эфендиева и др.[1] В произведениях эмиграции А.М. Топчибашева, М.Э. Расулзаде, А. Зиядхана, Р. Векилова, Дж. Гаджибейли, Ю.В. Чеменземинли рассматривается политическая ситуация на Южном Кавказе до 1917 г., политика великих держав в период I Мировой войны на Кавказе, роль политических партий в борьбе за власть в Азербайджане и взаимоотношения между ними, деятельность Закавказского комиссариата и Закавказского Сейма и участие в них азербайджанских делегатов[2].

Интерес представляют также произведения лидеров северокавказской эмиграции, белогвардейских и большевистских деятелей: А.И. Деникина, А. Авторханова, И. Борисенко, М. Павловича, Н.Н. Пчелина, Н. Самурского и др.[3]

В публикации «Горская контрреволюция и интервенция» содержится переписка Горского правительства относительно его признания Германией и Грузией в мае — июне 1918 г. и Англией в ноябре 1918 г. и апреле 1919 г. и др.[4] С 1930-х годов публиковались сборники документов по истории революции и Гражданской войны[5].

Основная цель советской историографии заключалась в выявлении фактов участия азербайджанских трудящихся в борьбе за установление советской власти[6]. 1917—1920 гг. преподносились как история победы Великой Октябрьской социалистической революции, установления власти рабочих и крестьян, Гражданской войны, интервенции, победы большевиков над буржуазно-клерикальной «кликой» и «контрреволюционной» властью «мусаватистских» беков. Обращается внимание на многовластие в регионах с октября 1917 г. Дальнейший период вплоть до окончательного утверждения большевистской власти называется гражданской войной, а антисоветские выступления — антисоветскими, бандитскими мятежами. Подчеркивалось, что Баку первый город Закавказья, поднявший «Красное знамя Октября». Все дальнейшие события преподносились как противодействие «буржуазно-помещичьих националистических контрреволюционных элементов и их вдохновителей — иностранных империалистов» укреплению советской власти на Кавказе. Героизировалась деятельность созданного 25 апреля 1918 г. Совнаркома Бакинской губернии — Бакинской коммуны. Период провозглашения и существования независимых демократических государств на Кавказе преподносился как период диктатуры буржуазно-демократических партий: грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов, которые в феврале 1918 г. по указке иностранных держав создали Закавказский Сейм, провозгласивший отделение Закавказья от Советской России. Подчеркивалось, что правительства «буржуазных националистов» отдавали народы Закавказья «в кабалу сначала германо-турецких, а затем английских интервентов»[7].

С усилением партийного диктата считалось недопустимым использование фактов о кровавом противостоянии в 1918 г. и антисоветских восстаниях. События марта 1918 г. назывались «Бакинским октябрем». Объяснялось, что трудности прихода к власти большевиков были связаны с особенностями национальных взаимоотношений между тюркским и армянским населением. Если азербайджанские национальные деятели утверждали, что не было никакой советской власти и гражданской войны, в действительности была установлена армянская диктатура в лице дашнаков и большевиков-армян, учинивших армяно-татарскую резню, то советские авторы говорили обратное. Некоторые из них при этом признавали малочисленность большевиков, однако отмечали, что необходимость снабжения пролетариата продовольствием диктовало необходимость утверждения большевиков в Баку. Падение Бакинской Коммуны они объясняли «бесчестной и продажной» политикой «соглашательских» и националистических партий. По мнению советских авторов, мартовские события 1918 г. носили характер гражданской войны[8]. В то же время из-за участия армянских националистов

погибли якобы отдельные азербайджанцы. А победу «Мусавата» на выборах в Баксовет объясняли политической безграмотностью азербайджанских рабочих. В советской историографии геноцид, учиненный дашнаками и большевиками против мирного мусульманского населения в Баку, Кубе, Кюдамире, Шамахе и др. городах, трактовался в интерпретации народного комиссара по военно-морским делам Бакинского Совнаркома Г.Н. Корганова, который назвал события марта — апреля в Азербайджане — подавлением восстания «бекской партии “Мусават”»[9].

Установление культа личности Сталина и тоталитарного режима, поддерживаемого репрессиями и массовым террором, привело к особо жесткому идеологическому подходу.

А в послевоенное время в связи с тиражированием идеи турецкой «угрозы» для СССР появляются работы о германской и турецкой интервенции на Кавказ[10]. Из одного издания в другое кочевала концепция о слаженности действий мирового империализма, который вел «демагогическую игру с лозунгом самоопределения народов» против советской России. В угоду этой концепции ошибочно отмечалось, что Германия всячески поощряла наступление турецких войск на Кавказ, однако документы, опубликованные в советское же время, свидетельствовали об обратном. Ни о какой слаженности действий мирового империализма не было и речи, напротив, соперничество германской и британской политики наглядно отразилось в борьбе за Кавказ, в частности, за выход к Баку. Объединение по одну сторону баррикад всех «иностранных интервентов» и «внутренних контрреволюционеров» свидетельствует о подтасовке фактов. На самом деле Германия, Турция, Великобритания и др. державы имели как общие, так и противоположные интересы в регионе, соперничали между собой, неоднозначной была и позиция Правительства АДР к ним. Если к турецким войскам относились как к освободителям, то с британской оккупацией национальным силам пришлось смириться, противники подали в отставку[11].

После XX съезда КПСС (14—25 февраля 1956) был развенчан и осужден культ личности Сталина, произошло некоторое оживление в исторической науке. В работах конца 1940-х — 1950-х годов азербайджанское национальное движение вновь рассматривалось однобоко и предвзято, в то же время азербайджанское национальные организации и их лидеры были представлены как ярые враги своего народа и слуги империализма[12].

В 1950—1980-е азербайджанские ученые отрицали факт национального движения в Азербайджане и существования АДР[13]. Они обходили стороной темы, связанные с национальным вопросом, межнациональными отношениями и порицали т.н. буржуазную историографию (Л. Тиллет, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже и др.) в противопоставлении мусульман немусульманам. Работы, посвященные межнациональным отношениям, окружал ореол интернационализма. Основное место отводилось рассмотрению выступлений азербайджанских и дагестанских большевиков против белогвардейцев и иностранных интервентов. В 1970—1980-е большинство работ о революции связано со стремлением региональных историков изучить ход и особенности революционного движения и установления советской власти в своем регионе, а также с догматизмом исторической конъюнктуры при изучении и преподавании истории КПСС[14].

Из полярных исследований ученых на Западе интерес представляют работы профессора Йельского университета США, этнического азербайджанца Фируза Кязимзаде и польского историка Тадеуша Свентоховского[15]. Они в свое время причислялись советскими учеными к фальсификаторам истории и назывались буржуазными историками.

В 1991 г. в провозгласившей независимость Азербайджанской Республике начался бум исследований и публикаций по истории общественных движений и политических партий и истории АДР. Это монографии Дж. Гасанова (Гасанлы), Н. Джафарова, Р.С. Мустафазаде, И.С. Багировой, Ф.Ф. Ахмедовой, А. Искандерова, А. Балаева и др.[16] Некоторые бывшие советские авторы изменили свои взгляды[17].

При этом наряду с новым характером к написанию национальной истории, появились работы с крайними взглядами и выводами, направленными на резкое отрицание роли и значения большевиков в истории Азербайджана. Перемены в Азербайджанской Республике оказали влияние на дух и почерк новых работ.

Еще в 1989 г. Сулейман Алиярлы в статье «О Т. Свентоховском и его книге» впервые осудил нападки на этого историка и отметил его достижения, несмотря на некоторые недочеты, в изучении АДР. В статье «Республика Азербайджан: заметки о государственных границах в прошлом и настоящем» С. Алиярлы поднимает тему создания независимых республик на Южном Кавказе, актуализирует проблему территориальных споров и межнациональных отношений в 1917 г. — 1920-е годы. Это было связано с возникновением армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта в 1988—1994 гг., истоки которого уходили в период после распада Российской империи[18].

Джамиль Гасанлы в серии своих монографий на основании огромного пласта вводимых им впервые в научный оборот архивных источников восстановил историю Азербайджана периода 1917—1920 гг. и после советизации. В 1991 г. вышла в свет его книга «Тени над “белыми пятнами”», где автор раскрыл исторические условия провозглашения АДР, описал политическую борьбу того времени, британскую оккупацию Баку и кровавые столкновения с дашнаками в марте 1918 г. В этой же работе Гасанлы выразил отношение к установлению советской власти в Азербайджане и последующим репрессиям деятелей АДР и сторонников национальной независимости, тем самым впервые наметив приоритеты азербайджанской национальной историографии современного периода. Именно этой концепции придерживаются и сегодня азербайджанские ученые[19].

Одновременно на Северном Кавказе историки обратили внимание на историю Горской Республики (1918—1919) и Северокавказского эмиратства Узун-Хаджи (1919)[20]. Стоит выделить исследования Т.М. Музаева, С. Исхакова, В. Дзидзоева, Х.М. Доного, Д.И. Месхидзе, Н.З. Нахибашева, Р. Джамбулатова и др.[21] На Северном Кавказе национальные ученые акцентировали внимание на деятельности Н. Гоцинского и других антироссийских и антисоветских деятелей. В Азербайджане подняли тему мартовских событий 1918 г., красного террора, антибольшевистских восстаний, сталинских репрессий и депортаций[22].

Итак, распад Российской империи в результате революционных потрясений 1917 г. привел к провозглашению на Кавказе различных государств, их борьбе за независимость. Однако окончательная победа большевиков вначале пресекла развитие данной тенденции, а затем и существенно изменила весь политический и социально-экономический уклад кавказского общества. Вместе с изменением государственного строя, произошли существенные сдвиги в идеологии, появились штампы, рамки, дежурные формулировки и клише, одинаково используемые учеными. В зависимости от политической конъюнктуры они менялись, вместе с ними вновь и вновь менялся характер и вектор научных работ. Вместе с тем, несмотря на привязанность научных работ идеологии — как неотъемлемой части могущества страны, и догмам времени, многие из них отличаются информативной насыщенностью, глубоким анализом и проблемностью постановки

вопроса, опираются на широкий пласт письменных источников и вполне могут служить серьезной базой для изучения истории и последствий русской революции в будущем.

1 *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватское правительство: из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927; *Ратгаузер Я.А.* К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928; *Иткин С.* Очерки по истории профдвижения в г. Баку и его районах, 1917—1920 г. Баку, 1927; *Сеф С.Е.* Революция 1917 года в Закавказье: (документы и материалы). [Тифлис], 1927; *Аркомед С.Т.* Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис, 1923.

2 *Çəmənzəminli Y.V.* Biz kimik və nə istəyirik. Bakı, 1919; *Vəkilov R.Ə.* Azərbaycan Respublikasının yaradılması tarixi. Bakı, 1998; *Rəsulzadə M.Ə.* Azərbaycan Cümhuriyyəti. Bakı, 1990; *Topçubaşov Ə.M.* Azərbaycanın təşəkkülü. İstanbul, 1918; *Rəsulzadə M.Ə.* Azərbaycanın təşkilində müsavat. Bakı, 1920; *Ziyadxanl A.* Azərbaycan. Bakı, 1919; *[Hadjibeyli Djeyhoun Bey].* La première République musulmane: l'Azerbaidjan // Revue du monde musulman. Paris: Éditions Ernest Leroux, 1919. T. XXXVI: 1918—1919; *Topçubaşov Ə.Ə.* Azərbaycan Cümhuriyyətinin yaradılması. Bakı, 2013.

3 *Ставровский А.* Закавказье после Октября: взаимоотношения с Турцией в первой половине 1918 г. М.; Л., 1925; *Стеклов А.* Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928; *Столяров Н.* Борьба Красной Армии в Дагестане в 1920—[19]21 гг. М.; Л., 1928; *Эмиров Н.[П.].* Установление советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917—1918 гг.). М., 1949; *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе: в 2 т. Ростов н/Д, 1927. 2 т.; *Шахдин И.* Дашнакцутюн на службе русской белогвардейщины и английского командования на Кавказе, Тифлис, [1931]; Памяти 26 бакинских комиссаров // Красный архив. 1938. Т. 4/5 (89/90).

4 Горская контрреволюция и интервенты / [сообщил А. Иванов] // Там же. 1935. Т. 1 (68).

5 К деятельности Г.К. Орджоникидзе в годы гражданской войны: (из документов Центрального архива Октябрьской революции и Центрального архива Красной Армии) // Там же. 1936. Т. 5 (78).

6 *Atakişiyev A.* Oktyabr inqilabı Azərbaycan fəhlə sinfinə nə verdi. Bakı, 1957.

7 *Гурко-Кряжин В.А.* Английская интервенция в 1918—1919 г. в Закаспии и Закавказье // Историк-марксист. 1926. № 2; *Гусейнов Т.* Октябрь в Азербайджане: (к семилетию Апрельской революции). Баку, 1927; *Гусейнов М.Д.* Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. [Тифлис], 1927; *Багиров Ю.А.* Из истории советско-турецких отношений в 1920—1922 гг. (по материалам АзССР). Баку, 1965; *İbrahimov Z.İ.* Sosialist inqilabı uğrunda Azərbaycan zəhmətkeşlərinin mübarizəsi (1917—1918-ci illər). Bakı, 1957; *Азизбекова П.А.* Руководство В.И. Ленина социалистическим строительством в Азербайджане в 1920—1923 гг. Баку, 1960; *Кочарли Т.* Против фальсификаторов истории. Баку, 1972.

8 *Qazıyev M.* Azərbaycanda vətəndaş müharibəsi qəhrəmanları. Bakı, 1941.

9 Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане: документы и материалы, 1917—1918 гг. Баку, 1957. С. 415—420.

10 *Токаржевский Е.А.* Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957; *Гусейнов И.А.* Баку в захватнических планах английских империалистов в 1918 г. // Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП (б). Баку, 1947. Т. XIII; *Искендеров М.* Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку, 1958; *Азизбекова П.А.* Братская помощь великого русского народа победе Советской власти в Азербайджане. Баку, 1954; *Кузнецова С.* Крах турецкой интервенции в Закавказье // Вопросы истории. 1951. № 9.

11 *Базиянц А.П.* Захватническая политика англо-американского империализма в Баку и Азербайджане (ноябрь 1918 — апрель 1920). М., 1950; *Киреев Е.П.* К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталистов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного (1893—1917 гг.) // Известия / Грозненский областной краеведческий музей. Грозный, 1953. Вып. 5; *Мнацаканян А.* Правая агентура немецко-турецких захватчиков на Кавказе: (канун первой мировой войны). Ереван, 1948; *Разгон И.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть советов на Северном Кавказе, 1917—1920. М., 1941; *Гаджиев И.* Антисоветская интервенция Англии на Кавказе (1918—1920). Махачкала, 1958; *Бербеков Х.М.* Борьба трудящихся Кабарды и Балкарии за власть Советов. Нальчик, 1957; *Гиоев М.И.* Деятельность революционных комитетов в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1957.

12 Azərbaycanda Sovet hakimiyyəti qurulmasının 38-ci ildönümü // Azərbaycan kommunisti. 1958. № 4.

13 *Шахгельдиев Г.* Помощь русского народа победе советской власти в Азербайджане. Баку, 1960; *Мадатов Г.* Победа советской власти в Нахичеване и образование Нахичеваньской АССР. Баку, 1968; История Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1963; *Əlimirzəyev X.* Sovet Azərbaycanı Böyük Oktyabr sosialist inqilabının yetişdirməsidir. Bakı, 1958; *Гулиев Дж.Б.* Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970; *Сумбатзаде А.С.* Социально-экономические предпосылки победы советской власти в Азербайджане. Баку, 1972; *Кочарли Т.К.* Исторический поворот в судьбах азербайджанского народа. Баку, 1980; *Азимов Г.С.* Бакинская коммуна. Баку, 1983.

14 *Абдулова Е.А.* Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа, 1917—1937 гг. Ростов н/Д, 1984; *Амирханова-Кулиш А.С.* Красная Армия в социалистическом строительстве на Северном Кавказе в 1920—1923 гг. Махачкала, 1976; *Волков Ф.Д.* Тайны Уайт-

холла и Даунинг-стрит. М., 1980; *Гаджиев И.* Антисоветская интервенция Англии на Кавказе (1918—1920). Махачкала, 1958; *Гиоев М.И.* Антиденикинский фронт на Кавказе. Орджоникидзе, 1984; Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983; *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975; *Екати Б.П.* Большевики Терека во главе борьбы против интервентов и внутренней контрреволюции (лето 1918 — начало 1919 гг.). Орджоникидзе, 1964; Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988.

15 *Кязимзаде Ф.* Борьба за Закавказье (1917—1921 гг.) // Литературный Азербайджан. 1993. № 3/4; *Святоховский Т.* Русский Азербайджан, 1905—1920 гг. // Хазар. 1990. № 2.

16 *Məmmədzadə M.B.* Milli Azərbaycan hərəkatı. Bakı: Nicat, 1992; *Bünyadov Z.M.* Qırmızı terror. Bakı, 1993; *Cəfərov N.* Milli — ictimai fikir tariximizdən (1914 — fevral 1917) B., 1993; *Baykara H.* Azərbaycan istiqlal mübarizəsi tarixi. Bakı, 1992; *Qasımov M.* Xariçi dövlətlər və Azərbaycan (aprel işğalından SSRİ yaradılana qədərki dövrdə diplomatik-siyasi münasibətlər). Bakı, 1998; *Həsənov C.* Azərbaycan beynalxalq münasibətlər sistemində (1918—1920-ci illər). Bakı, 1993; *Əhmədova F.* Nəriman Nərimanov — İdeal və gerçəklik (1920-ci il). Bakı, 1998; *Süleymanov M.* Azərbaycan Ordusu (1918—1920). Bakı, 1998; *İsgəndərov A.C.* Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti, 1918—1920. Bakı: 2003; *Балаев А.Г.* Азербайджанское национально-демократическое движение, 1917—1920 гг. Баку, 1990; *Nəcəfov B.* Azərbaycan Demokratik Respublikası: Daxili və xarici siyasəti. Bakı, 1992; *Məmmədzadə M.B.* Azərbaycan milli hərəkatı. Bakı, 1992; Azərbaycan Cümhuriyyəti, 1918—1920. Bakı, 1998; Azərbaycan Demokratik Respublikası. Azərbaycan hökuməti (1918—1920). Bakı, 1990.

17 *Азизбекова П.А.* АДР и межнациональные отношения (1918—1920 гг.) // Известия АН АР. Серия «История, философия и право». 1991. № 1.

18 *Əliyarlı Süleyman* : 1) T. Svyatoxovski və onun kitabı haqqinda // Azərbaycan. 1989. № 11 ; 2) Республика Азербайджан: заметки о государственных границах в прошлом и настоящем // Tariximiz açıqlanmamış mövzulari ilə. Bakı, 2012.

19 *Həsənli C.* Ağ ləkələrin qara kölgəsi. 1920-1930-cu illərdə Azərbaycanda Sovet totalitarizmi. Bakı, 1991; *Гасанли Дж.* Русская революция и Азербайджан. Трудный путь к независимости, 1917—1920. Москва, 2011.

20 История горских народов Кавказа (1917—1920 гг.) и независимая Горская республика 11 мая 1918 г.: сборник материалов 1-й науч.-практ. конф., 18—19 мая 1992 г. Махачкала, 1992.

21 *Музаев Т.М.* Союз горцев: русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 г. М., 2007; *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004; *Доного Х.М.* Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века. М., 2008; *Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917—1920). СПб., 2006; *Джамбулатов Р.* Революция и гражданская война в Терской области (февраль 1917 — апрель 1920 гг.). Махачкала, 2009; *Нахибашев М.З.* Узун-Хаджи Салтинский — общественно-политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни. Махачкала, 2006; *Дзидзоев В.Д.* Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917—1918 годах. Владикавказ, 2000.

22 Azərbaycan Demokratik Respublikası. Bakı, 1992; *Qafarov V.V.* Türkiyə-Rusiya münasibətlərində Azərbaycan məsələsi (1917—1922). Bakı, 2011; *Назарли А.* Народное образование в Азербайджанской Республике (1918—1920). Баку, 2008; *Бутбай Мустафа.* Воспоминания о Кавказе: записки турецкого разведчика. Махачкала, 1993; *Коцев П.* Свободы без жертв не бывает: пер. с англ. // Сказания о Дагестане. Махачкала, 2000; *Джабагиев В.-Г.* Революция и гражданская война на Северном Кавказе, конец XIX — начало XX века // Наш Дагестан. 1994. № 167/168.

И. Багирова

Азербайджан во время революции 1917 года: компаративный анализ советской и современной историографии

Период отечественной истории, связанный с Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, представляет большой интерес в связи с его эпохальной значимостью для Российской империи и всех населяющих ее народов. Наступил качественно новый этап и в общественно-политической жизни Азербайджана. Появляются новые органы власти, представлявшие в Закавказье как Временное правительство, так и Совет рабочих депутатов. Это прежде всего общий для

всего Южного Кавказа орган власти — Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ), в состав которого вошли многие думские депутаты; Исполнительный Комитет общественных организаций, являвшийся исполнительной властью в Баку; Комитет мусульманских общественных организаций и Советы рабочих депутатов в разных городах. По мере укрепления полномочий Советов и ослабления Временного правительства в центре идентичные процессы происходили и в Азербайджане. Специфика Азербайджана в этот период заключалась в том, что двоевластие здесь продолжалось на протяжении всего 1917 и первой половины 1918 г. В частности, в Баку господствующие позиции занял Бакинский Совет, а в Тифлисе до мая 1918 г. находился Закавказский комиссариат, а затем Закавказский Сейм, осуществлявший законодательные функции на территории всего Южного Кавказа. Как известно, после распада Сейма 28 мая 1918 г. была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика, просуществовавшая 23 месяца и павшая под натиском советских войск в апреле 1920 г.

Первые труды, посвященные событиям того времени, были написаны еще его современниками — политическими и общественными деятелями, творящими эту историю. Наряду с воспоминаниями большевиков М. Азизбекова, Н. Колесниковой, С. Шаумяна, С.М. Эфендиева, Н. Нариманова и др.[1], ставшими источниками для многочисленных трудов советских историков, в 1990-е годы достоянием исследователей стали произведения деятелей Азербайджанской Демократической республики — А.М. Топчибашева, М.А. Расулзаде, А. Зиятханова, Дж. Гаджибейли, М.Б. Мамедзаде и др., открывших новые, замалчивавшиеся до сих пор страницы истории 1917—1920 гг.[2] В них нашли отражение вся сложность и противоречивость событий, политических течений и кровавых столкновений 1917—1920-х годов на Кавказе и в Азербайджане. Для современного исследователя эти труды представляют интерес и с точки зрения диаметрально противоположных позиций на происходящее, выраженных представителями различных политических лагерей. Сопоставляя и анализируя их взгляды и позиции по самым актуальным вопросам, можно составить более или менее объективную картину, сложившуюся в Кавказском регионе в исследуемый период.

Буквально с первых дней Советской власти, установившейся в Азербайджане окончательно в апреле 1920 г., начался процесс идеологизации исторической науки. Старая профессура либо эмигрировала на Запад добровольно, либо высылалась насильственно. Оставшиеся историки, а также новое поколение в исторической науке вынуждено было создавать свои труды уже по готовым схемам. И, тем не менее, в 1920-е годы, в частности, в Азербайджане стали появляться наряду с многочисленными воспоминаниями большевиков труды историков Р. Гусейнова, Я. Ратгаузера, А. Раевского, С. Сефа, партийных деятелей М.Д. Гусейнова, С.М. Эфендиева и др.[3] Хотя эти работы писались с целью разоблачения «контрреволюции», о чем свидетельствуют их названия, в них еще чувствуется влияние старой исторической школы. Кроме возвеличивания роли большевистской партии и ее роли в революциях 1917 года, здесь изложены и позиции других партий и течений — меньшевиков, эсеров, мусаватистов, в некоторых из них приводятся даже программы этих партий. Наиболее слабой стороной работ этого периода являлась идеологическая заданность, под которую подгонялась документальная база исследований, преследующая цель воспитания нового поколения на героических традициях Октября.

Уже к концу 1930-х годов кадры старой школы, большинство из которых становятся жертвами сталинских репрессий, постепенно исчезают из исторической науки. Именно в это время, в марте 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О работе Комакадемии», а в октябре в журнале «Пролетарская революция» появилась

статья И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма»[4]. После этого появляется новая терминология в обозначении революций, февральская позиционируется как «буржуазно-демократическая», а октябрьская как «Великая Октябрьская социалистическая революция»[5].

В 1940-х годах начинается формирование новой исторической школы, где руководящим и направляющим был Краткий курс истории ВКП (б). В работах, написанных в 1940-х — начале 1950-х годов, вся политическая история Азербайджана начала XX в. рассматривалась в качестве предвестника революций 1917 года и в аспекте бакинского периода революционной деятельности Сталина. Однако несмотря на такую установку, в трудах М.А. Казиева, З.И. Ибрагимова, М.Т. Гусейнова и др. в научный оборот вводилось много фактического материала, не исследованного до того времени[6]. В их работах Февральская революция рассматривалась как прелюдия революции октябрьской, свергнувшей власть буржуазии и приведшей к власти пролетариат.

Очередная установка в ориентации исторической науки была дана после XX съезда КПСС, разоблачившего культ личности Сталина. В исторических исследованиях 1950—1960-х годов начинает доминировать тема обличения культа личности и в то же время полного замалчивания роли И.В. Сталина в революционных событиях как начала века, так и 1917 г. Тем не менее, эти труды внесли большой вклад в изучение рабочего, революционного движения, неизменно отводя при этом роль руководящей силы большевистской партии[7].

В 1970—1980-х годах внимание историков больше привлекают социально-экономические аспекты истории Азербайджана начала XX в., делаются первые шаги в изучении антагонистического пролетариату класса — буржуазии, изучается история азербайджанских эсеровских и социал-демократических организаций, их роль в революциях 1917 года, вообще, наблюдается тенденция к углубленному изучению узких областей политической и экономической истории исследуемого периода[8]. В этих работах идеологическая составляющая носит как бы обязательно-сопутствующий характер, не являясь основным объектом изучения. Исключением в этом ряду может быть первый том новых «Очерков истории Коммунистической партии Азербайджана», изданный в 1985 г. под редакцией директора Института партии Д. Гулиева и ставший последним из могикан старой школы политической истории[9]. Начало горбачевской перестройки положило конец эксклюзивному изучению истории коммунистической партии, и второй том этого издания так и не увидел свет.

Еще одной особенностью этого периода является появление публикаций, разоблачающих т.н. «буржуазных фальсификаторов» истории Азербайджана. В настоящее время наблюдается обратная тенденция идеализировать все работы, написанные за рубежом, без их глубокого анализа, хотя многие их положения остаются спорными до сих пор. Из авторов, чьи работы посвящены истории Азербайджана исследуемого периода, политическим течениям и национальному вопросу в этом регионе, особо следует выделить американских исследователей Т. Свентоховского, Ф. Каземзаде, С. Шварца, О. Альштадт, французов А. Беннигсена, Ш. Лемерсье-Келькеже, С. Барро, англичан Ч. Хостлера, Л. Хеймсона, турецких историков А. Джафероглу, Н. Курата и др.[10] Объектом внимания западноевропейских и американских исследователей был национальный вопрос на фоне происходивших в 1917—1920 гг. событий, образование национальных республик на Южном Кавказе, вклад азербайджанской интеллигенции в завоевание национальной независимости. Главным недостатком работ зарубежных авторов являлась ограниченная источниковая база, что объяснялось невозможностью работы в советских архивах и стало причиной недостаточно

обоснованных утверждений. Эта проблема была устранена после распада СССР, и современные зарубежные исследователи достаточно широко используют архивные документы, хранящиеся в постсоветских республиках.

Что касается турецких исследователей и азербайджанской эмигрантской литературы, сосредоточенной большей частью в Турции, здесь в центр исследований поставлены азербайджано-турецкие отношения в конце мировой войны, кавказская политика Османской империи, вопросы образования первой Закавказской федерации и демократических республик в 1918 г., непосредственно связанных с политикой Турции в регионе[11].

Распад СССР привел к отказу от принятого в течение 70 лет изложения истории, привязанной к идеологическим догмам. Этот процесс давался историкам нелегко, особенно учитывая обилие появившихся в 1990-е годы сенсационных выступлений различных публицистов и обнародования большого количества засекреченных ранее документов. В результате этого появилось большое количество исследований, полностью изменивших представление о достаточно хорошо известных темах, в числе которые были и все три российских революции начала XX в. Большинство книг, написанных в начале 1990-х годов, носит популистский характер, рассчитанный на широкую аудиторию читателей и рассматривающих историю того времени в контексте современных событий, что идет в ущерб глубине исследований[12]. Понадобилось около десяти лет, чтобы произошло полное переосмысление исследуемого периода истории, и этот процесс все еще продолжается.

В азербайджанской историографии последнего времени обе революции 1917 года рассматриваются как важнейшие вехи на пути образования Азербайджанской Демократической Республики (1918—1920 гг.). Именно этой теме посвящено большинство исследований, оставляя несколько в тени события февраля и октября 1917 года. Этот период изображался как предыстория образования республики и соответственно ему уделялась вступительная или заключительная часть многих монографий и статей[13]. Интерес к этому периоду усилился в 2000-х годах, когда происходившие в 1917—1920 гг. процессы подверглись более глубокому изучению не только в Азербайджане, но и за рубежом. Большой вклад в процесс дальнейших исследований истории революции 1917 года и АДР послужила публикация в конце 90-х годов прошлого столетия значительного количества неизвестных ранее документов и материалов и проливающих свет на историю Азербайджана 1917—1920 гг. В 1998 г. в честь 80-летия республики была издана в деталях излагающая историю АДР коллективная монография, где первые две главы были посвящены революциям 1917 года[14]. Обобщающим трудом, который можно считать своеобразным подведением итогов исследований 1990-х годов, можно считать 5-й том семитомной «Истории Азербайджана», подготовленной Институтом истории Академии наук Азербайджана в 2001 г.[15] В этой коллективной монографии подробно и глубоко изложены все перипетии периода 1917—1920 гг., охарактеризованы те кардинальные преобразования в политической, экономической жизни и национально-культурном строительстве, которые произошли после крушения монархии в России и привели к созданию первой республики в Азербайджане в мае 1918 г. Еще одним фундаментальным изданием стала Энциклопедия АДР в двух томах, изданная под редакцией Я.М. Махмудова, в которой отражены все важнейшие события 1917—1920 гг., изложены биографии наиболее известных политических деятелей и деятельность политических партий этого периода[16].

В начале 2000-х годов появились труды азербайджанских историков, прямо или косвенно затрагивающие тему февраля — октября 1917 года в Азербайджане. Наи-

более интересными в этом отношении являются работы А. Балаева и Дж. Гасанлы, которые стояли у истоков постсоветских исследований и продолжили их, опираясь уже на новый массив источников[17]. У А. Балаева события в Азербайджане после Февральской революции изложены в контексте усиления национального движения и армяно-азербайджанского противостояния. Автор особо подчеркивает, что и после прихода к власти Временного правительства, с недоверием относившегося к мусульманам, в отношении азербайджанцев продолжалась дискриминационная политика[18].

В книге Дж. Гасанлы «Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости (1917—1920)» дается краткий экскурс в 1917 г., описывается создание новых органов власти после Февральской революции. Основной акцент в данной работе сделан на съезды мусульман Кавказа в Баку в апреле 1917 г. и общероссийском мусульманском съезде в Москве в мае того же года, где по предложению М.Э. Расулзаде большинством голосов был принят проект национально-территориальной автономии Кавказа[19].

Процесс становления и прихода к власти партии «Мусават» («Равенство») и ее лидера Мамед Эмина Расулзаде нашел отражение в работах Н. Ягублу, С. Сулеймановой, Ш. Гурбанова и др.[20] Авторами подчеркнуто, насколько большое значение в выходе «Мусавата» из подполья и превращения его в легальную, а затем и в правящую партию имела февральская революция 1917 года. Как ни странно, но самым непримиримым оппонентом «Мусавата» была не большевистская партия, с которой поначалу складывались даже союзнические отношения, а партия панисламистского толка «Иттихад», считавшая национально-демократические идеи враждебными мусульманам. Именно эта партия в немалой степени способствовала захвату власти большевиками в апреле 1920 г. Основным исследователем истории этой партии является А. Геюшев, в определенной степени идеализирующем ее деятельность[21].

Отдельной темой, широко обсуждаемой и исследуемой в последние годы, стала деятельность т.н. Бакинской коммуны. Следует отметить, что ее роль в событиях 1917—1918 гг. в современной азербайджанской историографии полностью пересмотрена. Как известно, буквально через несколько дней после провозглашения советской власти в Петрограде и Москве, в Баку 2 ноября 1917 г. власть взял в свои руки Бакинский совет и его Исполнительный комитет с преобладающим количеством большевиков и возглавляемый С.Г. Шаумяном. Воспеваемая в советской историографии деятельность Бакинской коммуны (ноябрь 1917 — июнь 1918 г.) как островка советской власти на Кавказе была подвергнута резкой критике историками последнего двадцатилетия прежде всего из-за своей преступной политики в отношении азербайджанского населения. Указом президента Г. Алиева от 1998 г. 31 марта отмечается как день геноцида азербайджанского народа, в результате которого было уничтожено более 12 тыс. человек только в Баку[22]. Этим трагическим событиям посвящены многочисленные публикации Института истории Академии наук Азербайджана, А. Искендерова, С. Рустамовой-Тогиди и др.[23] На основе введенных в научный оборот новых материалов в этих публикациях была опровергнута советская интерпретация этих трагических событий, изображавшая их как мусаватский мятеж, подавленный большевиками. В реальности большевики, воспринимая находившуюся в городе азербайджанскую часть Дикой дивизии как угрозу своей власти, начали ее разоружение, что привело к ответному сопротивлению, а после вмешательства дашнакских отрядов — к резне азербайджанского населения Баку и уездов Азербайджана.

Проблемы революций 1917 года и их влияния на Азербайджан косвенно затрагиваются в ряде работ, вышедших в последнее десятилетие. В частности, в книге Г. Гасанова показаны процесс выстраивания новой власти в постмонархической России и Кавказе,

становление в этих условиях азербайджанских политических партий, заложивших основу для будущих органов законодательной и исполнительной власти в АДР[24]. Проблемы интеграционных процессов на Южном Кавказе, политика Временного правительства на окраинах, формирование национальной идентичности и другие вопросы исследуемого периода рассматриваются в публикациях И. Багировой[25]. Проблемам взаимоотношений Азербайджана с Горской республикой, образованной также в мае 1918 г., и народами Северного Кавказа в период 1917—1920 гг., посвящена книга С. Алиевой[26].

В последнее время, наряду с возрастающим количеством публикаций местных историков, наблюдается заметное снижение интереса зарубежных исследователей к событиям 1917—1920 гг. На этом фоне интерес вызывают работы немецкого историка Йорга Баберовски[27]. В его фундаментальной монографии исследуется история Азербайджана с середины XIX в. до конца 30-х годов XX в., то есть периода большого террора. Две главы книги посвящены событиям 1917—1920 гг. Здесь автор попытался беспристрастно воссоздать картину исторических катаклизмов, происходивших на Кавказе, и в частности, в Азербайджане в то время, позицию различных политических партий как в национальном вопросе, так и во вновь созданных органах власти.

Подытоживая историографию вопроса, можно сделать вывод о том, что, несмотря на достаточно большой интерес, который всегда вызывал данный период истории, в последнее время, в отличие от советского, специальных исследований, посвященных теме двух революций в кавказском регионе, не так уж много. Азербайджанских и зарубежных историков больше привлекают сюжеты, связанные с разрешением национального вопроса в 1917—1918 гг. и оказавшие влияние на образование первой демократической республики. В целом, сравнительный анализ советской и современной историографии позволяет сделать вывод о том, что труды современных историков выгодно отличаются отказом от упрощенного и политизированного подхода к судьбоносным событиям того времени, характерного для работ советского периода. Вместе с тем, вне зависимости от политических убеждений и методологических установок, авторы исторических исследований отразили весь драматизм эпохи двух российских революций, оказавшей неоспоримое влияние на судьбы населяющих империю народов и всех последующих поколений.

1 Мешади Азизбеков — пламенный борец за власть Советов: речи, документы, материалы. [Изд. 2-е]. Баку: Азернешр, 1976; *Колесникова Н.Н.* По дорогам подполья: (из воспоминаний). Баку, 1973; *Эфендиев С.М.* Из истории революционного движения тюркского пролетариата // Из прошлого. Баку: Азернешр, 1923; *Шаумян С.Г.* Избранные произведения: в 2 т. 2-е изд., доп. М., 1978. 2 т.; *Нариманов Н.* Избранные произведения: в 3 т. Баку: Азернешр, 1988. Т. 1.

2 *Топчибашев А.М.* : 1) Образование Азербайджана. Стамбул, 1918 ; 2) Дипломатические беседы А.А. Топчибашева в Стамбуле: (записи чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики), 1918—1919 гг. Баку, 1994; *Мамедзаде М.Б.* Национальное движение в Азербайджане. Берлин, 1938; [*Hadjibeyli D.].* La première République musulmane: l'Azerbaïdjan // Revue du monde musulman. Paris: Editions Ernest Leroux, 1919. Vol. XXXVI; *Чеменземинли Ю.В.* Автономия Азербайджана. Баку, 1917; *Расулзаде М.Э.* : 1) Азербайджан и независимость. Париж, 1930 ; 2) Азербайджанская Республика. Баку, 1990; *Мамедзаде М.Б.* Национальное азербайджанское движение. Баку: Ниджат, 1992. Азерб.

3 *Гусейнов Р.* Очерки революционного движения в Азербайджане. Баку, 1926. Вып. 1; *Ратгаузер Я.* Борьба за Советский Азербайджан: к истории апрельского переворота. Баку, 1928; *Раевский А.* Большевизм и меньшевизм в Баку в 1904—[190]5 гг. Баку, 1930; *Сеф С.* Революционный пролетариат в борьбе за власть. Баку, 1934; Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. Баку, 1924.

4 *Сталин И.В.* Собр. соч. М., 1951. Т. 13. С. 84—102.

5 *Кучкин А.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года. М., 1938.

6 *Казиев М.А.* Из истории революционной борьбы бакинского пролетариата (1905—1910), Баку, 1956; *Ибрагимов З.И.* Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане. Баку, 1955.

[7] *Искендеров М.С.* Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку: Азернешр, 1958; Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку: Азернешр, 1963; *Токаржевский Е.А.* Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1957.

[8] *Сумбатзаде А.С.* Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. М., 1972; *Гулиев Дж.Б.* Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970; *Сеидзаде Д.Б.* Из истории азербайджанской буржуазии в начале XX века. Баку, 1978; *Исмаилов М.А.* Социально-экономическая структура Азербайджана в эпоху империализма. Баку, 1982; *Кочарли Т.К.* Исторический поворот в судьбах азербайджанского народа. Баку, 1980.

[9] Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку: Азернешр, 1985. Т. 1.

[10] *Swietochowski T.* Russian Azerbaijan, 1905—1920. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1985; *Kazemzadeh F.* The struggle for Transcaucasia (1917—1921). N.Y., 1951; *Schwarz S.M.* The Russian Revolution of 1905: the worker's movement and the formation of bolshevism and menshevism. Chicago, 1967; *Suny R.G.* The Baku Commune, 1917—1918. Class and Nationality in the Russian Revolution. Prinston, 1972; *Altstadt A.L.* The Azerbaijani Turks: power and identity under Russian rule. Stanford, 1992; *Bennigsen A.*, *Lemercier-Quelquejay Ch.* Islam in the Soviet Union, London, 1967; *Barrot J.* Communisme et question Russe. Paris, 1972; *Hostler Ch.* Turkism and the Soviets. London, 1957; *Baykara H.* Azerbaycan İstiklál Mücadelesi Tarihi. İstanbul, 1975; *Caferoğlu A.* Kafkasya Türkleri. Ankara, 1976.

[11] *Baykara H.* Op. cit.; *Caferoğlu A.* Op. cit.; *İzzet Süleyman.* Büyük Harpte (1918) Piyade Tümeninin Azerbaycan ve Şimali Kafkasya'dakı Hareket ve Muharebeleri. İstanbul, 1936; *Unuvar V.* İstiklal Harbi'nde Bolşeviklerle Sekiz Ay, 1920—1921. İstanbul, 1948; *Halil Paşa.* İttihat ve Terakki'den Cumhuriyet'e. İstanbul, 1972.

[12] *Насибзаде Н.* Азербайджанская Демократическая Республика. Баку, 1990. Азерб.; *Ягублу Н.* Мамед-Эмин Расулзаде. Баку, 1991. Азерб.

[13] *Гасанлы Дж.* Азербайджан в системе международных отношений (1918—1920). Баку, 1993. Азерб.; *Балаев А.* Азербайджанское национальное движение, 1917—1918 гг. Баку, 1998; *Насибзаде Н.* Внешняя политика Азербайджана (1918—1920). Баку, 1996; *Багирова И.* Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. 1900—1917. Баку, 1997; *Ягублу Н.* История партии «Мусават». Баку, 1997. Азерб.

[14] Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920). Баку: Элм, 1998.

[15] История Азербайджана. Баку: Элм, 2001. Т. 5. Азерб.

[16] Азербайджанская Демократическая Республика: энциклопедия: в 2 т. Баку: Лидер, 2004. 2 т.

[17] *Балаев А.* Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. М.: Флинта, 2008; *Гасанлы Дж.* Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости (1917—1920). М.: Флинта, 2011.

[18] *Балаев А.* Февральская революция и национальные окраины ... С. 7.

[19] *Гасанлы Дж.* Русская революция и Азербайджан ... С. 54—55.

[20] *Ягублу Н.* История партии «Мусават». Азерб.; *Сулейманова С.* Общественно-политическое движение в Азербайджане (конец XIX — начало XX вв.). Баку, 1999. Азерб.; *Гурбанов Ш.* Мамед Эмин Расулзаде. Баку, 2001. Азерб.

[21] *Геюшев А.* Иттихадизм в Азербайджане. Баку, 1997.

[22] Азербайджан. 1998. 27 марта (№ 73).

[23] Геноцид азербайджанского народа весной 1918 г. Палачи и организаторы. Баку, 2013; *Махмудов Ягуб.* Геноцид азербайджанского народа в 1917—1920 годах // Современная научная мысль. М., 2015. № 3. С. 5—31; *Рустамова-Тогиди С.* Март. 1918 г. Баку. Азербайджанские погромы в документах. Баку, 2009; *Искендеров А.* Историография проблемы тюрко-мусульманского геноцида в Азербайджане. Баку, 2006. Азерб.

[24] *Гасанов Г.* На пути к первой республике: очерки истории Азербайджана с февраля 1917 года до мая 1918 года. Баку, 2010.

[25] *Bagirova I.* Integration Processes in the Southern Caucasus and the great power policy: a historical excursion back to the 20th century // The Caucasus and Globalization. Sweden, 2007. Vol. 1, no. 2. P. 89—100.

[26] *Алиева С.И.* Азербайджанская Демократическая Республика и государственные образования Северного Кавказа в 1918—1920 годы. Горская Республика. Северо-Кавказское Эмиратство. Имамат Гоцинского. Ростов н/Д, 2017.

[27] *Баберовски Йорг.* Враг есть везде: сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010.

З.Г. Сактаганова

Октябрь 1917 года и Казахстан: историографический дискурс

Революция живет в истории не только как «прошлый катаклизм», но и как «живой миф», под который подстраивается сознание современных исследователей. Нельзя не согласиться с мнением российского историка, что российская историография революции сегодня определяется коммеморативными импульсами, задаваемыми властью и политиками[1]. Думаю, что этот концепт в полной мере можно отнести и к казахстанской историографии событий Октября 1917 года. Достаточно отследить очередной «вал» публикаций в историографии (в частности, в казахстанской), и он, как правило, приходится на 7-й или 8-й год каждого десятилетия (в целом только в казахстанской советской историографии обозначено более 15 тыс. книг, брошюр и статей по проблеме «Октябрь 1917 года и Казахстан»).

В целом, если вести речь об историографических пластах во всем комплексе исследовательской литературы об октябрьской революции в Казахстане, то следует выделить три наиболее крупных среза научных публикаций. Первое — условно названное нами радикальное (немарксистское) — направление, к нему можно отнести публикации авторов, которые были относительно свободны от необходимости приспосабливать эти события к определенным схемам и интерпретировали их в зависимости от своего наблюдения, видения и оценки событий 1917 г.; второе — официальные, ортодоксально-большевистские исследования, выстроенные на марксистско-ленинской методологии; и третье — работы в рамках исторического ревизионизма, предлагавшие ревизию, пересмотр сложившихся исторических концепций в отношении Октября 1917 года, но в чем-то сохранившие позиции советской историографии. Сразу же хотим отметить, что для казахстанской историографии характерны публикации в контексте всех трех направлений или срезов. И каждый из данных пластов так или иначе проявлялся в разные хронологические отрезки времени.

Что же касается этапов казахстанской историографии, то следует выделить три основных этапа изучения проблемы «Октябрь 1917 года и Казахстан»: первый этап — 1920-е — середина 1930-х годов; второй этап — середина 1930-х — 1991 г., третий этап — 1991 г. по настоящее время.

Первый этап — с 1920-х до середины 1930-х годов, когда основная часть публикаций была написана свидетелями, очевидцами, а чаще всего, непосредственными участниками этих событий. В силу этого доминирующего, как мы считаем, обстоятельства (когда очевидцы этих событий еще присутствовали на исторической сцене, иногда в качестве главных персонажей), отмечается весьма разнообразная палитра таких трудов. Причем следует отметить скорее публицистический или пропагандистский, чем научный характер работ. На данном этапе проявляется четыре четко очерченных и различных по методологии группы публикаций. Это ни в коей мере не означает, что в 1920-е годы наблюдалась «деполитизация или деидеологизация научных или околонаучных публикаций». Руководство большевистской партии пыталось внимательно следить за ситуацией и контролировать идеологическую сферу общественной жизни, используя разнообразный набор приемов и методов для установления тотального контроля. И все же до середины 1930-х годов в Казахстане (этот период несколько затянулся на национальной периферии в силу занятости центра) степень государствен-

но-политической опеки над общественными науками была относительно невелика (особенно в сравнении с последующими годами). Об этом свидетельствовали публикации и дискуссии 1920-х — начала 1930-х годов. В эти десятилетия в условиях отсутствия профессиональных историков в Казахстане авторами работ по истории Октября 1917 года выступали либо партийные, государственные деятели, поэтому их небольшие по объему публикации, вызванные политическими, идеологическими потребностями, имели не только прикладной характер, но являлись своеобразным продолжением их политической деятельности; либо представители национальной интеллигенции.

К первой группе можно отнести публикации авторов (как правило, большевиков, устанавливавших власть советов в крае), оценка событий 1917 г. которых полярно отличается от ставшей впоследствии официальной — ортодоксально-большевистской. Появление таких работ закономерно, эта оценка стала проявлением присутствия или участия этих людей в октябрьских событиях, а партия еще не начала тотальную борьбу за «чистоту умов», поэтому они описывали события на основе собственных впечатлений и представлений. Среди публикаций данной группы можно назвать работы Сафарова, Борисова, Федорова, Тогжанова и др.

Одним из первых анализ событиям 1917 г. был дан Г.И. Сафаровым; его работы написаны на основе материалов, собранных на месте особой комиссией ЦК РКП (б) по делам Туркестана и личных наблюдений самого автора. Сафаров утверждал, что «до революции 1917 г. никакой революционной идеологии, связанной с условиями Туркестана, даже никакой объединяющей связи в слабых намеках на революционное движение в среде русского населения, никакой революционной организации масс, никакой революционной традиции — нет. Между толщей угнетенных наций и русским пришлым населением — непроходимая стена взаимного непонимания на почве национального неравенства». И более того, автор отмечает, что в революцию 1917 года «Туркестан вступил вполне “первобытно”»[2].

Февральскую революцию, Сафаров обозначает как «телеграфную». Излагая события осени 1917 г. в Ташкенте, Сафаров отмечает, что краевой совет Туркестана всячески избегал «бремени власти». И только 2 ноября из-за отказа взять единолично власть в свои руки, краевой совет предложил организовать временный краевой Туркестанский исполнительный комитет. А спустя 2 недели (19 ноября) на III съезде советов Туркестана была принята Декларация-резолюция, по которой мусульманское население было лишено права участия в органах высшей краевой власти. Исходя из этих и последующих событий Сафаров делает вывод: «в то же время — политически — был закреплен колонизаторский характер новой советской власти в Туркестане»[3]. Далее он отмечает, что «партия большевиков здесь не руководила событиями. Ее не было... В Туркестане не партия большевиков создала советскую власть, а советская власть, необходимость утверждения власти Советов создала здесь партии большевиков и левых эсеров»[4].

«К октябрьской революции восточные окраины не были подготовлены, отсталые полупролетарские и крестьянские массы жаждали прежде всего национальной свободы и шли за своими верхами»[5]. Эта мысль звучит в публикациях других авторов.

Об отсутствии среди казахов массового революционного и пролетарского движения, о неучастии казахского населения в событиях октября пишут и казахские коммунисты. Г. Тогжанов в ряде своих работ повторяет мысль об отсутствии предпосылок социалистической революции. «До революции кроме националистических движений других движений не было...»[6].

Вторая группа публикаций 1920-х — середина 1930-х годов — труды национальной алашской интеллигенции. Позиция авторов данной группы отражена в тезисе А. Бай-

турсынова: «Насколько понятна была киргизам (казахам. — З.С.) Февральская революция, настолько же непонятной показалась им Октябрьская... Первая революция была правильно понята и с радостью встречена киргизами потому, что, во-первых, она освободила их от гнета и насилий царского правительства, и, во-вторых, подкрепила у них надежду осуществить заветную мечту — управлять самостоятельно...»[7]. А. Букейханов (лидер западнического либерально-демократического движения в крае) октябрьские события 1917 г. воспринял крайне негативно: «Власть была захвачена демагогами, которые хотели установить в Российской республике диктатуру пролетариата»[8]. Его реакция также была обозначена в докладе на II Всеказахском съезде: «в конце октября пало Временное правительство. Российская республика лишилась власти, пользующейся доверием народа и моральным авторитетом, что при отсутствии всякой власти в стране возможно возникновение гражданской войны, что анархия растет с каждым днем и угрожает распространиться на территории тех областей, где живут казак-киргизы, анархия угрожает опасностью жизни и имуществу населения областей казак-киргизского народа»[9]. А оценивая в целом власть большевиков, уже в декабре 1917 г. Букейханов категорично утверждал: «Ульянов-Ленин, Председатель народных Комиссаров, распоряжается единолично, как царь Николай, не желая давать отчета ни перед кем, контроль народа над распоряжением правителей называет “буржуазным предрассудком”... Запомните крестьяне, рабочие и солдаты, большевики считают: 1) Ответственность перед народов правителей, 2) Свободу слова, свободу печати, свободу собрания, 3) Всеобщее, прямое, тайное голосование, 4) Неприкосновенность граждан депутатов, 5) Власть народа буржуазным предрассудком... с лица большевика спала красная маска революционера и обнажила его сущность черносотенца»[10]. М. Чокаев отмечал, что в Туркестане местное население не имело никакого отношения к «октябрьскому перевороту», а собственно сам переворот был осуществлен небольшой группой рабочих[11].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что в публикациях алашской интеллигенции об октябре 1917 года отрицается наличие предпосылок «социалистической революции», ведущая роль пролетариата и большевиков; вывод таков: захват власти был осуществлен небольшой группой зараженных колонизаторством рабочих и солдат, не представлявших интересы местного населения. Несмотря на полярные идеологические установки, лейтмотив публикаций авторов этих двух групп имеют значительные области общего звучания. Все авторы утверждают, что революции в Казахстане как таковой не было, и «активное участие трудящихся народных масс в революционных событиях» никоим образом в этих работах не отслеживается.

Что же действительно касается «широкого участия населения в октябрьской революции» в Казахстане (как это обозначено в советской историографии), то в большей степени этот вывод — результат советского мифотворчества, достаточно вспомнить сюжет из воспоминаний С.С. Пестковского о встрече с В.И. Лениным, где вождь советует председателю Киррекома в 1919 г. закупить граммофоны, записать на пластинки доклады и «положить начало вашей агитации и пропаганде среди широких масс кочевников»[12]. О каком массовом участии казахов в революции 1917 года можно вести речь, если спустя 2 года лишь поднимается вопрос о начале большевистской пропаганды и агитации среди казахов-кочевников (в 1917 г. они составляли, по данным М. Тынышпаева, более 76% населения степного края)!

С конца 1920-х годов начинаются репрессии по отношению к национальной алашской интеллигенции, инакомыслие стало жестко подавляться. Публикации радикального направления в советском Казахстане не появлялись, а все вышеназванные авторы, равно как и их труды, оказались репрессированными.

С начала 1930-х годов теория и методология пробольшевистских исследований становятся классикой жанра, занимают монопольное положение (официальное, ортодоксально-большевистское направление). Доказательства о закономерности социалистической революции выстроены на основе ленинского учения в контексте теории «о триумфальном шествии советской власти в Казахстане». В этих работах безапелляционно заявляется тезис о наличии объективных и субъективных предпосылок социалистической революции, о ведущей роли пролетариата и его авангарда — большевиков, о едином революционном потоке русских рабочих и казахского населения, о широком участии всех трудящихся масс в революции. Третью группу исследований представляют статьи, доклады, выступления представителей партийно-государственной элиты Туркестана и Казахстана (Т. Рыскулов, У. Исаев, У. Джандосов и др.). В качестве классической советской парадигмы позволим себе привести фрагмент публикации У. Исаева: «Как часть огромной страны наш край, несмотря на отсталость, располагал немногочисленным, но боевым отрядом пролетариата, в составе которого имелось немало выходцев из аульной бедноты...»[13].

Но в выступлениях, докладах, публикациях партийно-советских деятелей отслеживается несколько расходящихся с официальной концепцией моментов. В 1922 г. Т. Рыскулов пишет: «Революция всколыхнула дотоле сонный Туркестан, затронув все стороны его жизни. Она застала наш край неподготовленным к коренным ломкам социального переустройства...», «октябрьский переворот вручил верховную власть в руки пролетариата»[14].

Четвертая группа публикаций в историографии 1920-х — середины 1930-х годов связана с появлением статей первого секретаря Казкрайкома Ф.И. Голощекина. Суть его тезисов такова: «октябрьский ураган пронесся мимо аула, не задев его», «Октябрь миновал казахский аул»[15]. Отрицая существование в казахском ауле советской власти до 1925 г., Ф.И. Голощекин поставил под сомнение масштабность охвата социалистической революции всего Казахстана и установление советской власти в казахском ауле. Как бы мы не относились к деятельности Голощекина в Казахстане, необходимо отметить, что в своих выводах Ф. Голощекин был абсолютно прав, неслучайно 1 декабря 1924 г. ЦК РКП (б) обратился с письмом к партийной организации Казахстана, в нем отмечалось, что «ЦК учитывая, что в Кирреспублике... фактически в аулах советов нет, — считает необходимым принять все меры к действительному созданию советов в аулах...»[16]. Данное письмо, написанное за год до выводов Голощекина, предваряет его тезис о том, что «дыхание Октября миновало казахский аул». Академик М.К. Козыбаев называл тезис об «отсутствии в ауле советов и партийного строительства» «глубоко ошибочным» и считал, что он перекликается с тезисом И. Сталина о том, что «коммунизм на Востоке нашей страны зародился недавно... »[17]. Мы же согласны с выводами Ф.И. Голощекина и думаем, что события октября 1917 года действительно миновали казахский аул, не затронув его. Однако после ухода Голощекина из Казахстана, этот «зигзаг» в казахстанской историографии о месте и роли октябрьской революции в ауле исчез из историографических обзоров до конца 1980-х годов, так же, как и упоминание о его роли в новейшей истории Казахстана.

События с конца 1920-х до середины 1930-х годов в Казахстане (аресты представителей национальной интеллигенции, «заказная» дискуссия об Алаш-Орде), положившие конец плюрализму мнений, завершают первый этап и окончательно устанавливают монополию марксистско-ленинского подхода в отечественных исторических исследованиях. С середины 30-х годов XX в. начался процесс тотального партийно-государственного вмешательства в науку. Таким образом, исследование процесса ста-

новления советской историографической традиции в 1920—1930-е годы, его основных черт и особенностей позволяет указать на причины негативных явлений, характерных для последующего развития советской исторической науки, главной из которых является административно закрепленный монополизм одного из научных направлений[18].

Второй этап казахстанской историографии — с середины 1930-х и до 1991 г. — включает исследования казахстанских советских историков. Как уже отмечалось выше, для историографии Октября 1917 года были характерны коммеморативные практики в исторической науке, задаваемые властью. И уже, как знаковые события, к каждому юбилею «Великого Октября» выходили документальные сборники, сборники статей, защищались докторские (С.Б. Бейсембаев, Т. Елеуов, С.Б. Жантуаров, М.П. Ким, С.Н. Покровский и др.) и кандидатские (А.А. Джургенов, С.В. Жантуаров и др.) диссертации[19]. В целом за период 1935—1991 гг. (исходя из данных библиографического указателя докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам) было защищено: 97 диссертаций по данной или тесно увязанных с ней проблемами, из них непосредственно по октябрьской революции и установлению советской власти — 15 докторских и 21 кандидатская диссертации; по темам «гражданская война», «укрепление советской власти» — 3 докторские и 58 кандидатских диссертаций[20]. Каждые десять-двадцать лет этого этапа отличали особенности изучения этой темы: 1940—1950-е годы — выходили обзорные, как правило, небольшие статьи с несколько ограниченной источниковой базой и отсутствием обобщений и теоретического анализа; 1960—1970-е годы — наиболее плодотворный период, когда появляются крупные фундаментальные монографические работы, расширяется документальная основа исследований, проблематика исследований. Среди казахстанских авторов следует выделить монографии С.Н. Покровского, Т. Елеуова, П. Пахмурного, В. Григорьева, К. Нурпеисова и др.[21] В первой половине 1980-х годов интерес к проблеме Октября 1917 года стал постепенно гаснуть, обновление исторической проблематики в годы перестройки для казахстанской историографии не характерно.

На третьем этапе (современная казахстанская историография с 1991 г. по настоящее время) интерес к проблемам Октября 1917 года возвращается. Проблематика октябрьских событий 1917 г. расширяется: в диссертационных исследованиях и монографиях изучается деятельность национальной интеллигенции (М. Койгельдиев, К. Нурпеисов, О. Озганбай), общественно-политическая жизнь и политические процессы в период февраля — октября 1917 года (Б.А. Кощанов, А.Е. Абылгазина, С.К. Рустемов и др.), проблемы национально-государственного строительства (Л.М. Хасанаева, К. Кулматов), октябрь 1917 года и судьбы национальных автономий (Е.Е. Сайлаубай, Х.М. Турсын), персоналии этого периода (С. Аккулы) и т.д.[22]

В современной историографии усиливается процесс замены советских мифосказаний о «триумфальном шествии советской власти» современными мифотворческими конструкциями «о заговорщической концепции Октября» и т.п. Из казахстанских исследователей, обращающихся к теоретическим проблемам, считаем необходимым выделить труды Ж.Б. Абылхожина. Автор отмечает, что в современной историографии все больше доминирует трактовка октябрьских событий как «переворота», что зачастую это скорее «модные» тенденции исключительно для демонстрации «новых» теоретических подходов, которых на самом деле нет. Автор выносит вопрос о понятийном обозначении октябрьских событий 1917 г., считает, что «вся история Октября 1917 г. и последовавших за ним событий говорит о том, что это была именно революция, но никак не переворот. Более того, учитывая, что революция эта своей данностью оказывала во многом определяющее влияние на динамику всемирно-исторической эволю-

ции на протяжении всего XX в., с полным основанием к ней можно отнести эпитет “великая”»[23]. Но назвать ее еще и возможно, считает автор, «варварской» не только по методам и средствам осуществления, но и по своим трагическим последствиям. Соглашаясь с советской историографией в вопросе о предпосылках революции, автором отмечается нейтральность крестьян к событиям 1917 г. Он подчеркивает, что «пауперлюмпенская стихия, помноженная на массовые явления маргинализации (маргиналом в данном случае выступал «переходный человек» — крестьянин, ставший рабочим, солдатом или матросом, бывший горожанин, оказавшийся беженцем, мелкий буржуа, облачившийся в тогу профессионального революционера и т.д.) и послужила социальной базой революции»[24]. Абылхожин придерживается версии о городском характере революции в Казахстане, деревня в гораздо меньшей степени была охвачена их влиянием, привычная модель самоуправления в сельской местности продолжали сохраняться, несмотря на «ветры перемен»[25].

В целом следует отметить, что в последнее двадцатилетие в казахстанской историографии доминирующим становится радикальное направление, причем происходит смена полюсов в оценке революции 1917 года и его последствий; эта полярность носит абсолютную конъюнктурно-механическую смену знаков с «плюса» на «минус». Для казахстанской историографии последних двух десятилетий характерны ряд особенностей: 1) происходит концептуальное полярное изменение отношения к событиям октября 1917 года; 2) идет расширение источниковой базы и проблематики: исследуются темы, которые были табуированы в советское время (национальное движение, политические партии, деятельность национальной интеллигенции, партия «Алаш» и т.д.); 3) активное переиздание работ 1920—1930-х годов, оказавшихся под запретом советской цензуры; 4) значительная часть публикаций выходит на казахском языке. Но в то же современная казахстанская историография содержит ряд проблемных моментов: 1) мифотворчество в исторических исследованиях не исчезает, на смену советским мифам приходят мифы «национал-радикалов»; 2) отсутствует обращение казахстанских историков к исследованию теоретико-методологических проблем, эта ниша оказывается незаполненной, что обуславливает слабость, неразработанность методологического инструментария, категориального аппарата и т.д.; 3) сохраняется и даже усиливается оторванность казахстанской исторической науки от зарубежной историографии, когда работы западных и даже российских исследователей оказываются вне исследовательского поля, эта тенденция продолжает угрожающе разрастаться, что чревато ограниченностью исторического знания.

К сожалению, ограниченность объема статьи позволила лишь наметить общие тенденции в казахстанской историографии в изучении проблемы «Октябрь 1917 года и Казахстан».

1 *Булдаков В.П.* Октябрьская революция: современная судьба старых мифов [Электронный ресурс] // Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М., 2008. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/buldakov.htm

2 *Сафаров Г.* Колониальная революция: опыт Туркестана. [М.], 1921. С. 89.

3 Там же. С. 107.

4 Там же. С. 115.

5 Там же. С. 161.

6 *Тогжанов Г.* : 1) Наше прошлое и настоящее // Кзыл-Казахстан. 1927. 15 сент. (№ 5/7) ; 2) О казахском ауле. Кзыл-Орда, 1927.

7 *Байтурсынов А.* Революция и киргизы // Жизнь национальностей. 1919. 3 авг. (№ 29 (37)).

8 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 144. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 66.

9 Алаш-Орда: сборник документов / сост. Н Мартыненко. Алма-Ата: Айкап. 1992. С. 68—69; Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 21. Л. 1—2

10 *Букейхан А.* Памятка крестьянам, рабочим и солдатам // *Букейхан А.* Избранное. Алма-Ата: Казак энциклопедиясы, 1995. С. 414.

[11] *Чокаев М.* Туркестан под властью советов. Алма-Ата: Айкап, 1993. С. 5.
[12] Казахстанская правда. 1935. 23 апр.
[13] *Исаев У.* Октябрьская революция и строительство социализма. Алма-Ата; Москва, 1932. С. 24.
[14] *Рыскулов Т.* Речь на I конференции мусульманских организаций РКП Туркестана// Собрание сочинений: в 3 т. Алма-Аты, 1998. Т. 3. С. 150.
[15] *Голощекин Ф.И.* Партийное строительство в Казакстане: сборник речей и статей (1925—1930 гг.). М.; Алма-Ата, 1930. С. 10.
[16] Там же. С. 23—24.
[17] *Козыбаев М.К.* Из историографии Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане и др. // История и современность. Алма-Ата, 1991. С. 165—166.
[18] *Сидоров А.В.* Теоретико-концептуальные основы отечественной историографии в 1920-е годы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1998. С. 22.
[19] Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахской АССР: сборник документов. Алма-Ата, 1947; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане: сборник документов. Алма-Ата, 1957; Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий. Алма-Ата, 1967; Великий Октябрь в Казахстане: (сборник, посвященный 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Алма-Ата, 1977; Великий Октябрь и социально-экономический прогресс Казахстана. Алма-Ата, 1987; *Бейсембаев С.Б.* Ленин и Казахстан (1890—1924 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1968; *Елеуов Т.* Установление и упрочение Советской власти в Казахстане (март 1917 — июнь 1918 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1961; и др.
[20] Подсчитано автором по: Библиографический указатель докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам (1935—2002). Алма-Ата, 2003.
[21] *Покровский С.Н.* Ленин и победа Советской власти в Казахстане. [Алма-Ата, 1970]; *Елеуов Т.* Установление и упрочение Советской власти в Казахстане (март 1917 — июнь 1918 года). Алма-Ата, 1961; *Пахмурный П., Григорьев В.* Октябрь в Казахстане. Алма-Ата, 1978; и др.
[22] *Койгельдиев М.К.* Алаш козгалысы. Алматы: Санат, 1995; *Кощанов Б.А.* Большевики в Туркестане, 1917—1922 гг.: (доктрина и реальность): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 1994; *Раджапов А.О.* Онтустуқ Казақстан 1917 ж. қос революция тусында: дис. канд. ист. наук. Алматы, 1998; *Аккулы С.Х.* Алихан Букейханов. Алматы, 2016; и др.
[23] *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В.* Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. С. 234.
[24] История Казахстана и Центральной Азии / М.Х. Абусеитова, Ж.Б. Абылхожин и др. Алматы, 2001. С. 437.
[25] Там же. С. 449.

В.П. Любин

Итальянская историография революции в России 1917 года

По теме «Русская революция и Италия» опубликовано немало работ не только итальянских, но и российских историков. Это, например, монография К.Э. Кировой «Русская революция и Италия»[1], книга К.В. Кобылянского «Великий Октябрь и революционное движение в Италии»[2]. Вклад в разработку темы внесли представительницы советской итальянистики К.Ф. Мизиано, И.В. Григорьева, З.П. Яхимович, Н.П. Комолова[3]. А.С. Корнеев приводил отзывы газеты «Аванти»: «Русская революция представляет собой первый акт мировой революции», и оценка А. Грамши: «Именно в России начинается история будущего, именно в России зарождается жизнь нового мира»[4].

В монографии Б.Р. Лопухова «Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919—1929 гг.» говорилось о воздействии ситуации в России на ситуацию в Италии, опасениях со стороны правящих классов повторения того, что случилось в России в 1917 г. Затронутые сюжеты решались в другом ключе, чем в работах предшественников. Он

отмечал, что под влиянием Октябрьской революции в Италии началось мощное революционное движение с его лозунгом «Сделать как в России!», за установление в Италии по примеру России диктатуры пролетариата. Происходил захват фабрик рабочими и земли крестьянами, росло забастовочное движение, шел рост численности социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда, «всё это расшатывало основы либерального государства»[5].

В Италии еще в 1960-е годы начали выходить фундаментальные исследования по истории страны 1914—1922 гг., а затем и 1922—1943 гг. Главным застрельщиком выступил Ренцо Де Феличе, в 1965 г. вышел первый том его многотомной биографии Муссолини. Новые подходы Де Феличе привели к тому, что его объявили ревизионистом[6]. В СССР Лопухов в 1970—1980-е годы продолжил изучение предфашистского и фашистского периода[7]. Так шла перекличка двух историографий.

В 1970—2000-е годы после названных замечательных отечественных историков итальянистов исследования по данной теме довелось продолжить и мне самому. Их результаты представлены в разных статьях и двух монографиях. На основе документов показано, что развитие событий и политический курс правящих классов неминуемо вели к кризису и краху либерального государства и, как следствие, приходу к власти фашизма[8]. Влияние русской революции 1917 года на Италию рассмотрено в моей монографии об итальянских социалистах[9]. Отмечается, что революцию в России итальянские массы принимали как социальную, а не как политическую. Движение под лозунгом «Сделать как в России!» началось еще в 1917 г. в окопах на фронте и в тылу среди рабочего класса, его поддержали левые социалисты, которые в январе 1921 г. создали КПИ, ставшую одной из главной сил Коминтерна. Захват предприятий рабочими в августе — сентябре 1920 г. был расценен Лениным и большевиками как революционная ситуация, они считали, что реформисты в ИСП — «единственное препятствие на ее пути», после их изгнания путь революции будет открыт. Руководитель ИСП Дж.М. Серрати полемизировал с Лениным и Зиновьевым, объясняя, что «захват власти осенью 1920 г. невозможен»[10]. Умудренному политику Дж. Джолитти удалось сбить накал рабочего движения и удержать власть. Рабочее, профсоюзное и социалистическое движение пошло на спад. Оно уступило позиции агрессивному фашистскому движению, обрушившему на противников откровенное насилие. В октябре 1922 г. после оказанного на правящие круги давления в результате «похода на Рим» фашисты взяли власть, установив на более чем 20 лет свою диктатуру в стране[11].

В итальянской историографии начиная с 1970-х годов выходили фундаментальные труды, посвященные революционным событиям 1917 г. в России. Многие авторы анализировали их отзвуки и влияние в Италии. Сюжеты русских революций 1905—1907 годов и в особенности 1917 года разрабатывали С. Каретти[12], Э. Чинелла[13], Дж. Петракки[14], А. Вентури[15], В. Страда[16], А. Грациози[17], М. Росси[18] и другие. Так как мне пришлось опубликовать рецензии и обзоры на многие эти книги[19], то я лишь сошлюсь на них, и постараюсь кратко обобщить здесь выводы некоторых работ, в которых речь идет об эхе русской революции 1917 года и событиях того времени в России и Италии.

В послевоенные десятилетия в итальянской историографии ощущалось сильное присутствие, если не доминирование марксистской историографии. Работы итальянцев по теме революции в России публиковались и в СССР. Так, один из лидеров ИКП Умберто Террачини в статье «Великая Октябрьская социалистическая революция и Италия» отмечал, что революция «оказала решающее влияние не только на моральное состояние трудящихся масс, а затем и солдат, но и на политику западных держав в отношении России». «Итальянские трудящиеся в утверждении Советской

Республики черпали веру в успех своих грядущих битв за власть»[20]. Воспоминания об эхе Октябрьской революции в Италии итальянских политиков, ученых и общественных деятелей оставили Л. Бассо, Р. Битосси, О. Лиццадри, Г. Мариоттини, А. Оберти, Б. Сантья, обучавшийся тогда в Италии советский архитектор Б.М. Иофан[21]. О влиянии революции 1917 года писали Ф. Ферри, Дж.Д. Торричелли, М. Симонетти и др.[22]

В работах современных итальянских историков больше исследуется проблематика самой России, событий революций 1905 и 1917 годов. Тематика воздействия событий в России на Италию в 1917 г. была поставлена в качестве главной, пожалуй, лишь в монографии С. Каретти 1974 г. и в определенной мере в книге А. Вентури 1979 г. Каретти пишет о влиянии событий революции 1917 года на итальянских социалистов, изменение их политической линии в 1917—1921 гг. По его мнению, когда в начале 1917 г. из России стали приходить известия о февральской революции, «итальянские социалисты имели довольно ограниченное представление о русском революционном мире вообще, и о Ленине и о большевиках»[23]. В одной из листовок, распространявшихся в мае 1917 г. среди рабочих и крестьян в провинциях Новара и Алессандрия, сообщалось, что буржуазные правительства и печать распространяют ложь, что русский народ совершил революцию ради войны, но русские солдаты и крестьяне выступают не за продолжение войны, а за осуществление собственных идеалов и интересов[24]. Ослабление социалистического движения в Италии привело к тому, что организации рабочих, несмотря на их «благородное, но бесплодное сопротивление», не смогли остановить приход к власти фашизма, заключает Каретти[25].

В исследовании А. Вентури отражено не только прямое воздействие революционных событий 1917 г. в России на ситуацию в Италии, но и непосредственная деятельность в стране представителей русских революционных партий, большевистского и коминтерновского руководства. Автор делает вывод о заметном влиянии партии русских социалистов-революционеров, недооцененном прежней историографией. Их влияние, как и влияние большевиков, осуществлялось через эмигрантов, которые оставались жить в Италии, давшей им прибежище еще во времена царизма. С 1919 г. к ним добавились специальные посланцы Коминтерна. Особенно заметен был большевик Н.М. Любарский, который действовал в Италии под псевдонимом Николини[26].

В работах В. Страды анализируются идейные истоки русской революции, обращается внимание на соотношение гуманизма и терроризма в русском революционном движении[27].

Публиковавшиеся начиная с 1970-х годов исследования профессора Флорентийского университета, а затем Университета в Удине Джорджо Петракки, участника многих советско-итальянских, затем российско-итальянских и российско-ватиканских конференций историков, затрагивали прежде всего дипломатические отношения России и Италии. Одновременно немалое внимание в них уделялось и анализу хода событий в России 1917 г. Автор давал оригинальные для тогдашней итальянской историографии оценки революционных событий, расходившиеся с доминировавшими в левых кругах марксистскими подходами. Все работы этого итальянского ученого глубоко фундированы и опираются на документы итальянских и других западноевропейских архивов.

В монографии Петракки «Дипломатия войны и революция: Италия и Россия от октября 1916 г. до мая 1917 г.» отмечалось, что итальянский министр иностранных дел Соннино и вместе с ним весь итальянский кабинет министров поддержали Временное правительство в Петрограде. Министр вполне осознавал, насколько слабые позиции имеет это правительство и был озабочен тем, чтобы не навредить ему неуклюжими действиями с итальянской стороны. Все это происходило в мае 1917 г.,

когда, как пишет Петракки, по замечанию одного дипломата, «в сумерках сомнений революция зажгла две ярких звезды, которыми были Милюков и Керенский, и тут же без основания погасила одну из них». Ленин же в представлении итальянской дипломатии был не более чем метеор, неизвестный «утопист», намеревавшийся дать свободу, к которой русский народ был не готов[28].

В книге «Революционная Россия в итальянской политике 1917—1925 гг.», автором предисловия к которой выступил Ренцо Де Феличе, Петракки расширил рамки предыдущего исследования. Темами новой монографии стали: Октябрьский переворот 1917 года, вызов большевиков Европе, итальянское вмешательство в гражданскую войну в России. Автор не отошел и от магистральной линии своих исследований — политические, дипломатические, экономические взаимоотношения либеральной, затем фашистской Италии с Советской Россией и СССР, показал, как Муссолини искал сближения с СССР, чтобы занять место протагониста на международной политической арене[29].

В еще одной монографии Петракки русско-итальянские отношения и события 1917 г. в России рассматриваются в рамках более широкой исторической перспективы, охватывая хронологически период с 1861 по 1941 г. Оценивая роль Ленина среди других лидеров революционных партий в событиях 1917 г., он пишет, что итальянская дипломатия открыла для себя деятельность вождя большевиков лишь в мае 1917 г., но полностью игнорировала его идеи и его программу. «То же самое можно сказать по поводу отношения к другим большевикам и большевизму как теоретическому и революционному феномену»[30].

В 2006 г. в Италии был издан сборник под названием «Писатель “горький” в стране “сладкой”: Максим Горький между Капри, Сорренто и Москвой» с участием российских и итальянских ученых. Уже упомянутый нами известный специалист по России, профессор Венецианского университета Витторио Страда отметил в предисловии, что в период пребывания Горького на Капри в 1906—1913 гг. ему противостоял Ленин, во время его пребывания в Сорренто в 1924—1933 гг. — Сталин. Страда пишет о дистанцировании Горького от Октябрьской революции, о том, что его второе пребывание в Италии уже в годы советской власти было «своего рода ссылкой»[31].

В комплексном исследовании по истории Центральной Азии под названием «Перевернутая революция: Центральная Азия от краха царской империи до создания СССР» итальянский историк Марко Буттино рассматривает влияние революционных событий в Петрограде на развитие ситуации 1917—1922 гг. в Средней Азии, на Персию и Афганистан. Он посвятил свою книгу Туркестану, во второй половине XIX в. завоеванному Российской империей. В 1917 г. правительство и краевой совет в Ташкенте пытались затормозить начавшийся административный хаос в деревне, который был вызван восстанием 1916 г. и Февральской революцией, отмечает Буттино. Декреты Временного правительства, нацеленные на аграрную реформу, оказались на практике неосуществимыми. В Ташкенте после Октябрьского переворота 1917 года в Петрограде был образован Временный исполком Туркестана, в который вошли все политические организации. Мятеж генерала Дутова в Оренбурге, через который шла железнодорожная линия в Туркестан, затормозил революционный процесс в Центральной Азии. Революционное правительство в Петрограде отменило выборы в Учредительное собрание и попыталось править силой в колониях империи. Три года спустя присланный центром большевистский комиссар Сафаров напишет, что «диктатура пролетариата в Туркестане, начиная с первых шагов, приняла типично колонизаторское обличье»[32].

Дата проведения выборов в Учредительное собрание была назначена на середину декабря, потом перенесена, а 19 января 1918 г. из Петрограда пришло известие о

роспуске Учредительного собрания. После этого В.П. Наливкин, бывший символом Временного правительства в Туркестане и выступавший за соглашение с мусульманами, покончил с собой на могиле своей жены. «Эпоха надежд закончилась»[33].

Революционеры в Ташкенте, исходя из установок Ленина, объясняли, что необходимо «подчинить принцип самоопределения народов принципу самоопределения трудящихся классов»[34]. Из Ташкента были направлены войска в Коканд, на подавление сформированного там автономного мусульманского правительства как альтернативы Совнаркому. Начался вооруженный конфликт, распространившийся по всему краю. Революционные воззвания достигли деревень, где родились советы крестьян как выражение интересов колонистов, вовлеченных в борьбу с мусульманами.

Красная армия штурмовала в январе 1918 г. Коканд и подавила сопротивление центральной власти. После этого на сцену вышло басмачество. Бандитские отряды басмачей под руководством Мадамин бека, насчитывавшие 16 тыс. человек, называли себя «белой гвардией мусульманского войска»[35]. Другую группировку возглавлял Иргашбай. Оба этих лидера поначалу пытались сохранять дружественные отношения с советской властью.

Вскоре на первый план вышел еще один мусульманский лидер — Турар Рыскулов. В конце 1918 г. он возглавил комиссию по борьбе с голодом. Учитывая его возникшие еще в 1916 г. связи с социал-демократами, революционная власть доверяла молодому лидеру, давала ему самые трудные задания. На борьбу с голодом в 1919 г., когда число голодающих в Туркестане достигло почти 1 млн. человек, Рыскулов потребовал 300 млн. рублей. Комиссия по борьбе с голодом стала органом власти мусульман, игравшим все возрастающую роль. Автор особо отмечает роль, которую сыграли в те годы в проведении большевистской линии в Центральной Азии В.В. Куйбышев и М.В. Фрунзе.

Буттино констатирует, что в новых условиях компромисс Москвы с национальными коммунистами, который был необходим в наиболее мрачные годы гражданской войны, стал ненужным. «Курбаши» Мадамин бек был таинственно убит, и вместе с ним исчезли проект мусульманской Красной армии и пантюркистский проект государства Туран. Советская власть подвергла репрессиям колонистов и казаков, поднявших против нее мятеж, и расправилась с басмачами, подвергая население кишлаков жесточайшей расправе, отстранила от власти национальных коммунистов, удалив их лидера Рыскулова. После укрепления советской власти мусульман стали снова привлекать к управлению, «руководить ими, воспитывать и модернизировать их». Тем самым была установлена «новая колониальная власть, продолжавшаяся до 1991 г.», считает Буттино[36].

В последние годы вышли труды, в которых даются новые трактовки, более глубоко исследуются причины и последствия революционных событий 1917 г. Одна из таких работ — капитальное исследование профессора Пизанской Нормальной школы Этторе Чиннеллы «Трагедия русской революции, 1917—1921 гг.»[37], во втором издании вышедшее под заглавием «Русская революция»[38].

В посвященной русской революции 1917 года новой книге Чиннеллы, критически настроенного к результатам революции, тема ее влияния на Италию напрямую не затронута. Автор отмечает, что читатель здесь встретит тех же протагонистов, как и в его вышедшей четырьмя годами ранее книге «1905 г.: настоящая русская революция»[39]. Накануне 1917 г. Россия представляла собой вулкан, готовый к извержению. Большевики представили себя «выразителями народного гнева», убежденные в том, что за ними стоит большинство населения. Но несмотря на первые радужные результаты, революция 1917 года привела Россию к экономической и политической катастрофе. После подавления большевиками последних искр револю-

ции — восстания моряков и рабочих в Кронштадте и крестьян в Тамбове в 1921 г., на Советскую Россию «опустилась долгая ночь коммунизма», пишет Чиннелла[40].

В изданной в 2016 г. на русском языке монографии А. Грациози «История СССР» двум революциям 1917 года посвящены главы «Война и революция, август 1914 — июль 1917 г.», «Революция, война и победа, август 1917 — октябрь 1919». С его точки зрения, в результате революции в конце 1917 г. положение бывшей царской империи радикально изменилось. «На место отсталой, но находившейся в эволюции системы пришел зачаток упрощенной и обедненной системы, от которой отделялись значительные территории, города которой теряли свое население, промышленные предприятия которой закрывались, господствующие слои и самодержавие которой были изгнаны, буржуазия которой была уничтожена и сёла которой утонули в революционной волне, отличавшейся ярко выраженными архаическими чертами. В центре находился, однако, призрак нового государственного ядра, с малой, но молодой и очень агрессивной элитой»[41]. Эта агрессивность была направлена в декабре 1917 г. против Украинской социалистической республики, и начавшийся конфликт между Россией и Украиной ознаменовал собой формальное начало гражданской войны. Жестокие уроки последствий революции и гражданской войны привели к кризису и голоду 1920—1922 гг., заключает Грациози.

В монографии профессора Миланского университета Джулии Лами исследуется история Украины на рубеже XIX—XX вв. Одна из частей книги посвящена анализу событий 1917 года на Украине. После того, как в России разразилась Февральская революция 1917 года с последующим отречением от трона Николая II и созданием Временного правительства, остававшимся у власти до взятия власти большевиками в октябре 1917 года, пишет Лами, все это нашло быстрый отклик на Приднепровской Украине, где тут же возникли три различных организации. Одна из них — Исполнительный комитет объединенных социальных организаций, в который вошли бывшие царские чиновники, представители политических партий и национальных ассоциаций — поддержала Временное правительство. Вторая включала в себя возникшие в разных городах Украины многочисленные рабоче-крестьянские Советы, созданные по образцу Советов в России. Третьей стала Центральная Рада, которой было суждено стать главным представительным органом политических интересов Украины. «Ситуация на Украине не отличалась от ситуации, создавшейся в России и других частях империи, где крестьяне, рабочие и солдаты пришли в движение и часто оставались вне контроля»[42].

Финансированию итальянских левых из Москвы посвящена книга известного итальянского журналиста Валерио Рива. В книге опубликованы 240 документов советских архивов, ставших доступными после 1991 г. «В Италию золото Москвы стало поступать более-менее регулярно уже с 1917 г.», — считает автор[43]. Рива пишет, что Ленин и Троцкий посылали деньги на подготовку грядущей мировой революции в такие страны, как Франция, Швейцария и прежде всего Италия. Посредником, по его мнению, служила русская революционерка, занимавшая ранее посты заместителя главного редактора газеты социалистов «Аванти» и члена ЦК ИСП А. Балабанова. Но конкретных доказательств этого автор за отсутствием документов не приводит. Первая документально засвидетельствованная передача денег итальянским максималистам из ИСП имеет дату 20 мая 1919 г.[44]

В работах современных итальянских историков представлен широкий спектр разных взглядов. От позитивного отношения к русской революции, представленного в работах антифашистской, марксистской историографии 1950—1960-х годов, почти ничего не осталось в национальной историографии. В трудах современных историков со-

держатся в основном критические подходы. В перспективе следует ожидать работы с новыми подходами, так как школа русистики в итальянской историографии, представленная во многих университетах, продолжает существовать и успешно развиваться.

[1] *Кирова К.Э.* : 1) Русская революция и Италия. М., 1968 ; 2) Западная Европа. Год 1917. М., 1977.

[2] *Кобылянский К.В.* : 1) Великий Октябрь и революционное движение в Италии. М., 1968 ; 2) Забастовка солидарности с Советской Россией 20—21 июля 1919 г. // Россия и Италия. М., 1968. С. 340—350. Кирова и Кобылянский авторы главы «Италия в период первой мировой войны 1914—1918 гг.»: *Кирова К.Э.* : 1) Италия в период ее нейтралитета (август 1914 — май 1915 г.) // История Италии: в 3 т. М., 1970. Т. 2. [Гл.] 5. С. 415—435 ; 2) Вступление Италии в мировую войну. Италия в 1915—1917 гг. // Там же. С. 435—482; *Кобылянский К.В.* Италия в последний год войны (ноябрь 1917 — ноябрь 1918 г.). Созревание революционного кризиса. Первые отзвуки в Италии на Великую Октябрьскую социалистическую революцию // Там же. С. 482—492.

[3] См.: *Мизиано К.Ф.* Итальянское рабочее движение на рубеже XIX—XX веков. М., 1976; *Григорьева И.В.* : 1) Г.В. Плеханов и итальянское социалистическое движение // Россия и Италия. М., 1968. С. 259—285 ; 2) Италия в XX в. М., 2006; *Яхимович З.П.* Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма, конец XIX — начало XX вв. М., 1986; *Комолова Н.П.* Новейшая история Италии. М., 1970.

[4] *Корнеев А.С.* Италия в Первой мировой войне // Очерки истории Италии. М., 1959. С. 386. См. также: *Грамши А.* Тюремные тетради. М., 1991. Ч. 1. С. 36, 57, 90, 105, 123.

[5] *Лопухов Б.Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 5.

[6] *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario, 1883—1920. Torino, 1965. См. также его книги: *De Felice R.*. : 1) Intervista sul fascismo. Roma; Bari, 1975 ; 2) Rosso e nero. Milano, 1995; в них он отстаивал свои позиции в трактовке фашизма, они противоречили подходам антифашистской марксистской историографии в Италии.

[7] См.: *Лопухов Б.Р.* : 1) История фашистского режима в Италии. М., 1977 ; 2) Эволюция буржуазной власти в Италии, первая половина XX века. М., 1986.

[8] *Любин В.П.* Италия накануне вступления в первую мировую войну: (на пути к краху либерального государства). М., 1982. С. 178.

[9] *Его же.* Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892—2006. М., 2007.

[10] О позиции Серрати см. специальный номер журнала “Movimento operaio e socialista” (Roma, 1972. N 4).

[11] *Любин В.П.* Социалисты в истории Италии ... С. 213, 217, 227—229, 235.

[12] *Caretti S.* La rivoluzione russa e il socialismo italiano (1917—1921). Pisa, 1974.

[13] *Cinnella E.* 1917: La Russia verso l’abisso. Pisa; Cagliari, 2012; см. его же работы: *Cinnella E.* La vera rivoluzione russa. Pisa; Cagliari, 2008; *Чиннелла Э.* Как была воспринята революция 1905 г. в Италии // Путешествие в Италию — Путешествие в Россию. М., 2014. С. 35—43; а также его книги: *Cinnella E.* : 1) La rivoluzione bolscevica: Partito e societa’ nella Russia sovietica. Lucca, 1994 ; 2) La tragedia della rivoluzione russa (1917—1921). Milano; Trento, 2000 ; 3) La rivoluzione russa. Milano, [2005].

[14] *Petracchi G.* Russia rivoluzionaria nella politica italiana, 1917—1925. Roma; Bari, 1982.

[15] *Venturi A.* Rivoluzionari russi in Italia, 1917—1921. Milano, 1979.

[16] *Страда В.* Россия как судьба. М., 2013.

[17] *Graziosi A.* Histoire de l’URSS. Paris, 2010. Рус. перевод: *Грациози А.* История СССР. М., 2016.

[18] *Rossi M.* I prigionieri dello Zar (1914—1918). Milano, 1997; etc.

[19] См., например: *Любин В.П.* Итальянские историки о революционных событиях в России // 1917 год. Россия революционная. М., 2009. С. 175—187.

[20] *Террачини У.* Великая Октябрьская социалистическая революция и Италия // Россия и Италия. М., 1968. С. 329, 338.

[21] Там же. С. 351—371.

[22] *Ferri F.* La rivoluzione d’ottobre e le sue ripercussioni nel movimento operaio italiano // Società. Milano, 1958. Gennaio. P. 73—100; *Torricelli G.D.* La rivoluzione russa e i socialisti italiani // Studi storici. Roma, 1966. N 4. P. 727—765; *Simonetti M.* Storici italiani e rivoluzioni in Russia // Il movimento di liberazione in Italia. Milano, 1968. Luglio — settembre. P. 35—82.

[23] *Caretti S.* Op. cit. P. 23.

[24] Ibid. P. 47.

[25] Ibid. P. 273.

[26] *Venturi A.* Op. cit. P. 196—258.

[27] *Страда В.* Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // *Страда В.* Россия как судьба. М., 2013. С . 209—267.

[28] *Petracchi G.* Diplomazia di guerra e rivoluzione: Italia e Russia dall’ottobre 1916 al maggio 1917. Bologna, 1974. P. 107.

[29] *Idem.* Russia rivoluzionaria nella politica italiana, 1917—1925. P. 262.

[30] Ibid. P. 176.

31 Uno scrittore “amaro” nel paese dolce: Maxim Gorkij fra Capri, Sorrento e Mosca. Capri, 2006. P. 13—14.
32 *Buttino M.* La rivoluzione capovolta: L’Asia centrale tra il crollo dell’Impero zarista e la formazione dell’URSS. Napoli, 2003. P. 230.
33 Ibid. P. 234.
34 Ibid.
35 Ibid. P. 307.
36 Ibid. P. 399.
37 *Cinella E.* La tragedia della rivoluzione russa (1917—1921).
38 Idem. La rivoluzione russa / Pres. di V. Zaslavsky.
39 Ibid. 1905: La vera rivoluzione russa.
40 Ibid. 1917: La Russia verso l’abisso. P. 378.
41 *Грациози А.* Указ. соч. С. 39.
42 *Lami G.* La questione ucraina fra ‘800 e ‘900. Milano, 2005. P. 138.
43 *Riva V.* Oro da Mosca: I finanziamenti sovietici all PCI: dalla rivoluzione d’Ottobre al crollo dell’URSS: Con 240 documenti inediti dagli archivi moscoviti. Milano, 1999. P. 10.
44 Ibid. P. 11.

В.И. Мусаев

Историография 1917 года в Балтии и Финляндии

В Финляндии основным объектом рассмотрения истории революции 1917 года вполне объяснимо были и остаются вопросы обретения страной независимости, а общий ход событий в России является преимущественно фоном этих процессов. Изучение проблем 1917 года началось в 1920-е годы. Первыми публикациями, увидевшими свет в этот период в Финляндии, были в основном работы мемуарного характера, авторами которых были непосредственные участники и очевидцы событий. В частности, это был вице-канцлер Гельсингфорсского университета профессор Э. Ельт. Позднее, в 1950-е годы были изданы воспоминания известного финляндского политика, занимавшего в 1917 г. пост министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, К. Энкеля, позднее ставшего министром иностранных дел независимой Финляндии, и юриста доктора К.Г. Идмана[1]. Два последних деятеля в декабре 1917 г. вместе с председателем финляндского сената и будущим первым главой правительства независимой Финляндии П.Э. Свинхувудом приезжали в Петроград за получением признания независимости Финляндии от советского правительства. Все названные авторы сходятся во мнении относительно того, что февральские события 1917 г. для финляндцев оказались большой неожиданностью. Э. Ельт, в частности, вспоминал, что политический строй в России подданным Великого княжества казался стабильным, и то, что смена власти произошла так быстро, без особой внутренней борьбы и большого кровопролития, было сюрпризом. Так или иначе, ликвидация прежнего режима, ассоциировавшегося с угнетением Финляндии, среди финляндской общественности вызывала симпатии и давала надежду на перемены к лучшему[2]. К.Г. Идман также писал о внезапности февральских и мартовских событий в России для финляндцев и о появившихся надеждах на положительные изменения[3]. Авторы воспоминаний не пытались глубоко проанализировать и обобщить события 1917 г. и последующих лет. Однако их работы ценны тем, что в них описываются события, которые происходили на их глазах и в которых они сами непосредственно участвовали. Например, представляют немалый интерес рассказы Энкеля и Идмана о визите их делегации в Петроград, встре-

чах с представителями советского руководства и лично с В.И. Лениным и о процедуре официального признания независимости Финляндии правительством Советской России. Краткий обзор процесса суверенизации Финляндии содержится также в первом томе изданной в 1920-е годы, параллельно на финском и шведском языках, многотомной истории гражданской войны в Финляндии в 1918 г. (тогда она в финляндской историографии официально именовалась «войной на независимость»)[4].

Систематическое научное изучение процессов 1917 г. началось только после второй мировой войны. Одним из наиболее обстоятельных исследований, опубликованных в Финляндии в первые послевоенные годы, была двухтомная монография Ю. Паасивирта «Вопрос о независимости Финляндии в 1917 г.»[5]. Автор обстоятельно рассматривает как внутренние процессы, протекавшие на протяжении года в Финляндии, так и перипетии отношений с российским руководством. В другой своей работе, изданной позднее и посвященной истории Финляндии в 1918 г., Ю. Паасивирта, перед тем как перейти к изложению событий финляндской гражданской войны и ее последствий, описал, как происходил процесс непосредственного обретения Финляндией независимости в ноябре — декабре 1917 г.[6] В ряде исследований больше внимания обращалось на международный контекст процессов, происходивших в Финляндии на протяжении 1917 г. Одной из первый работ такого рода стала книга Ю. Нурмио «Достижение Финляндией независимости и Германия»[7]. Как явствует из названия, в книге особое внимание уделяется отношению Германии к процессам и событиям в Финляндии и контактам финляндских деятелей и германского руководства. Еще один автор, Э.В. Юва, писал о событиях 1917 г. в контексте своей двухтомной работы, посвященной биографии одного из ведущих финляндских государственных деятелей 1910—1930-х годов. П.Э. Свинхувуда, главы первого правительства независимой Финляндии, а в 1930-е годы — президента страны. В книге события 1917 г. описываются в контексте деятельности П.Э. Свинхувуда в качестве прокурора и затем председателя финляндского сената и его роли в процессах, связанных с оформлением финляндской независимости[8]. Тот же исследователь, в соавторстве с М. Юва, выступил автором «Истории финского народа» в нескольких томах. О событиях 1917 г. речь идет в пятом томе этого издания (подзаголовок тома — «Путь к независимости и период независимости»). Указанные авторы первыми обратили внимание на то значение, которое имело для Финляндии провозглашение России республикой 2 (15) сентября 1917 г. В Финляндии держались того мнения, что Финляндия была связана с Россией личной унией в лице российского монарха. Формальная отмена монархии в России расценивалась как ликвидация юридического основания для политической связи Финляндии и России[9].

Процессы 1917 г. также всесторонне рассматриваются в вышедших почти в одно время — в 1967 г. — первом томе двухтомного труда еще одного видного финского историка Т. Полвинена «Российская революция и Финляндия 1917—1920 гг.» (первый том охватывает период с февраля 1917 г. до мая 1918 г., то есть до окончания гражданской войны в Финляндии)[10] и книге Й.Т. Лаппалайнена «Рождение независимой Финляндии»[11]. Ценность обеих работ заключается в том, что в них детально рассматриваются взаимоотношения между различными политическими течениями и группировками в Финляндии, влияние политических процессов в России на обстановку в Финляндии, финляндско-российские контакты, политика Временного правительства в Финляндии и отношение к финляндским событиям различных политических сил в России. Много внимания также уделяется внешнеполитическим обстоятельствам процессов суверенизации Финляндии, позиции различных европейских держав в этой связи — как членов обоих враждебных военно-политических блоков в ходе мировой войны, так и нейтральных государств, в

первую очередь Швеции. Отмечалось, что если социал-демократы считали, что Финляндия должна получить независимость от нового российского правительства, буржуазные политики добивались признания независимости на Западе. Авторы обратили внимание на то, что позиция европейских держав в вопросе о признании независимости Финляндии обусловило обращение финляндского руководства за официальным признанием к правительству Советской России: державы ставили условием своего признания предварительное получение формального признания от российской власти, другого же правительства в России, кроме Совета Народных Комиссаров, тогда не было. Дискуссионным в финской историографии оставался вопрос о том, какую дату следует считать днем независимости. Официальным таким днем, как известно, с 1919 г. считается 6 декабря: именно в этот день (по новому стилю) парламент одобрил принял предложенную сенатом декларацию о независимости. Высказывалось, однако, мнение о правомерности считать таким днем и другие даты. В частности, речь шла о 16 (3) ноября, когда парламент объявил себя преемником государственных прерогатив и носителем верховной власти в Финляндии. С другой стороны, высказывалось мнение и о более поздней дате — 31 (18) декабря, когда финская делегация в главе с П.Э. Свинхувудом получила в Смольном от СНК акт о признании независимости Финляндии[12].

Особо следует выделить работы авторов левой ориентации, объектом исследования которых были рабочее движение в Финляндии, история финляндской левой социал-демократии, биографии финских революционеров и связи финляндских и российских леворадикальных организаций. К их числу относились, например, С.-К. Килпи, А. Хювенен, Э. Саломаа (последний, в частности, обратился к биографии одного из лидеров левых финских социалистов, в дальнейшем — члена финляндского «красного» правительства и деятеля финской коммунистической эмиграции в Советской России / СССР Ю. Сирола)[13]. Вполне понятно, что эти авторы больше внимания уделяют роли леворадикальных финляндских организаций и их деятелей в процессах и событиях 1917 г., их контактам с российскими социалистами, в том числе с большевиками, и влиянию последних на развитие ситуации в Финляндии. При этом надо заметить, что деятельность русских организаций в Гельсингфорсе (Хельсинки), включая, в частности, Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих, и в целом Финляндии в 1917 г. остается слабо изученной в финляндской историографии. Эти пробелы, впрочем, отчасти заполняются благодаря работам советских/российских авторов[14]. При упоминании отечественных исследователей следует, кстати говоря, отметить, что в последние десятилетия XX в. более активный характер приобрели научные контакты и сотрудничество финских и советских/российских историков. Это проявлялось в осуществлении ряда совместных проектов при изучении различных проблем, в том числе истории событий 1917 г. в Финляндии, публикации статей отечественных авторов в финских периодических изданиях и тематических сборниках и наоборот. Можно, в частности, упомянуть публикацию в журнале «Historiallinen Arkisto» в переводе на финский язык статьи видного ленинградского / петербургского ученого Г.Л. Соболева «Октябрьская революция и независимость Финляндии»[15] (в том же номере упомянутого журнала была опубликована статья Т. Полвинена примерно на ту же тему, отражающая финский взгляд на этот вопрос — «Октябрьская революция и достижение Финляндией независимости»)[16]. В качестве обратного примера можно привести участие финского исследователя Э. Кетола в работе международного коллоквиума «Анатомия революции», проводившегося в начале 1990-х годов в С.-Петербурге, и включении текста его доклада, посвященного событиям 1917 г. в Финляндии, в сборник материалов данного коллоквиума[17].

Э. Кетола явился автором одного из самых основательных исследований по истории 1917 г. в Финляндии, вышедшего за несколько лет до проведения упомянутого коллоквиума: «К национальной демократии: финляндские социал-демократы и российская революция 1917 г.»[18]. Как и следует из названия, автор уделил особое внимание роли Финляндской социал-демократической партии и различных группировок внутри нее в процессе суверенизации Финляндии в 1917 г. В частности, в его работе подробно рассматриваются позиции различных деятелей социал-демократии по отношению к способу достижения политической власти в Финляндии — парламентским или вооруженным путем, и связи ФСДП с политическими силами в России. Важно отметить, что автор, владея русским языком, был одним из немногих финляндских исследователей, который имел возможность в своих исследованиях использовать не только финские документальные источники и литературу, но и соответствующие русскоязычные материалы. Данная монография явилась существенным вкладом в историографию истории 1917 года в Финляндии.

Одной из последних по времени книг, изданных в Финляндии и связанных с историографией 1917 года, была биографическая работа, посвященная О.В. Куусинену, одному из лидеров финляндской социал-демократии, который после гражданской войны 1918 г. в Финляндии оказался в эмиграции в Советской России и позднее играл далеко не последнюю роль в советском партийно-государственном руководстве. Авторство этой книги принадлежит А. Уйтто[19]. Совсем недавно эта книга вышла в русском переводе[20]. В книге, что вполне объяснимо, особое внимание уделяется действиям и взглядам ее главного героя, О.В. Куусинена, однако имеется информация и об общем ходе событий 1917 г. В частности, упоминается о пребывании В.И. Ленина осенью 1917 г. в Финляндии — в Гельсингфорсе и Выборге — и его влиянии на финских левых. Прослеживается также то, как отношение левых социал-демократов к вопросу о борьбе за достижение политической власти постепенно становилось все более радикальным, трансформируясь от предпочтения мирных способов политической борьбы к установке на вооруженное восстание.

В странах Балтии первые работы, посвященные революционному периоду 1917 г., появились в первый период независимости — в 1920—1930-е годы. В целом в этот период таких работ было немного. Можно вспомнить книгу латвийского политика доктора М. Валтерса, одного из лидеров Крестьянского союза, занимавшего в течение некоторого времени пост министра внутренних дел Латвии, «Латвия, ее трансформация в государство и балтийский вопрос»[21].

В советское время в Прибалтийских республиках местная историография 1917 года развивалась в рамках общесоюзной исторической науки и ничем особо из нее не выделялась. Событиям 1917 г. были посвящены соответствующие разделы в историях Литовской, Латвийской и Эстонской ССР[22]. Как и в других советских республиках, издавались работы, специально посвященные революционным процессам 1917 г. в своих республиках[23]. Особенность Латвии заключалась в том, что здесь особое внимание уделялось истории красных латышских стрелков, что вполне объяснимо, если учесть роль, сыгранную ими в событиях революции и гражданской войны в России[24]. Обобщающих трудов по истории всей Прибалтики в период революции и гражданской войны долгое время не издавалось. Лишь незадолго до распада Советского Союза, в конце 1980-х годов, была выпущена коллективная монография «Иностранная военная интервенция в Прибалтике», в которой рассматривались, в том числе, и процессы 1917 года. Эта работа была издана в Москве, но в ее подготовке принимали участие и авторы из Прибалтийских республик[25].

После обретения республиками Прибалтики независимости в 1990-е годы в исторической науке соответствующих Балтийских государств начался процесс пересмотра идеологических и методологических подходов. Новых исторических трудов за период независимости издано пока не очень много. Одна из таких работ — «История Латвии. XX век», изданная в 2005 г., в том числе, и на русском языке[26]. Революционные события 1917 г. оцениваются в ней уже не в таком ключе, как в советское время, хотя и достаточно взвешенно. Прибалтийские авторы не устраняются от сотрудничества с российскими коллегами, в частности, в рамках тематических периодических сборников «Россия и Балтия», в некоторых из которых затрагивались, в том числе, и вопросы, связанные с революционным периодом.

1 *Hjelt E.* : 1) Från händelserika år: Upplevelser och minnen. Helsingfors, 1920. I—II ; 2) Itsenäinen Suomi. Unelmasta todellisuuteen. Helsinki, 1921; *Idman K.G.* Maamme itsenäistymisen vuosilta. Muistelmia. Porvoo; Helsinki, 1952; *Enckell C.* Poliittiset muistelmani. Helsinki, 1956. I—II.

2 *Hjelt E.* Från händelserika år. I. S. 19.

3 *Idman K. G.* Maamme itsenäistymisen vuosilta. S. 113.

4 Suomen vapaussota. Helsinki, 1921. 1: valmistelut ja esihistoria; Finlands frihetskrig. Helsingfors, 1921. 1: Förberedelser ja forhistoria.

5 *Paasivirta J.* Suomen itsenäisyyskysymys 1917. Porvoo, 1949. I—II.

6 *Idem.* Suomi vuonna 1918. Porvoo; Helsinki, 1957.

7 *Nurmio Y.* Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo; Helsinki, 1957.

8 *Juva E.W.* P.E. Svinhufvud. Porvoo; Helsinki, 1957. I: 1861—1917; Porvoo; Helsinki, 1961. II: 1917—1944.

9 *Juva E.W., Juva M.* Suomen kansan historia. Helsinki, 1967. 5: Tie itsenäisyyteen ja itsenäisyyden aika.

10 *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917—1920. Porvoo; Helsinki, 1967. I: Helmikuu 1917 — toukokuu 1918.

11 *Lappalainen J. T.* Itsenäisen Suomen synty. Jyväskylä, 1967.

12 См., напр.: *Paasivirta J.* Suomen itsenäisyyskysymys 1917. II. S. 130.

13 *Kilpi S.-K.* Lenin ja suomalaiset. Helsinki, 1957; *Hyvönen A.* : 1) Suomen vanhan työväenpuolueen historia. Helsinki, 1959 ; 2) Suurten tapahtumien vuodet 1917—1918. Helsinki, 1977; *Salomaa E.* : 1) Yrjö Sirola sosialistinen humanisti. Helsinki, 1966 ; 2) Työväenliike ja Suomen itsenäisyys. Helsinki, 1967.

14 См., напр.: *Рошаль М.Г.* Большевики Гельсингфорса в дни революции 1917 г. // Исторический архив. 1956. № 5; *Боровков Г. А.* Борьба финских социал-демократов за самоопределение Финляндии (апрель — декабрь 1917) // Скандинавский сборник. Таллин, 1968. Т. 13.; *Дубровская Е.Ю.* Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 г. (март — октябрь). Петрозаводск, 1992.

15 *Sobolev G.L.* Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäisyys // Histroriallinen Arkisto. Helsinki, 1980. 75.

16 *Polvinen T.* Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäistyminen // Ibid.

17 *Кетола Э.* Русская революция и независимость Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

18 *Ketola E.* Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen sosialidemokraatit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki, 1987.

19 *Uitto A.* Suomensyöjä Otto Wille Kuusinen. Juva, 2013.

20 *Уитто А.* «Финноед» Отто Вилле Куусинен. СПб., 2017.

21 *Walters M.* Lettland, seine Entwicklung zum Staat und die baltischen Fragen. Rom, 1923.

22 История Литовской ССР: с древнейших времен до наших дней. Вильнюс, 1978; История Латвийской ССР. Рига, 1954—1958. Т. 2—3.

23 Октябрьская революция в Латвии: документы и материалы. Рига, 1957; *Дризулис А. А.* Великая Октябрьская социалистическая революция в Латвии. Рига, 1957; *Siilivask K.* Veebruarist Oktoobrini 1917. Tallinn, 1972; Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Таллин, 1977; Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии (1917—1920). Таллин, 1988.

24 *Кайминьь Я.* Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции. Рига, 1961; История латышских стрелков (1915—1920). Рига, 1972.

25 Иностранная военная интервенция в Прибалтике. М., 1988.

26 История Латвии. XX век. Рига, 2005.

Н.В. Усманов

События 1917 г. в Башкирии в трудах ее историков

Революционные события 1917 г. в Башкирии (Башкортостане), которая в административном отношении тогда входила преимущественно в состав Уфимской губернии и отчасти Оренбургской, конечно, не остались без внимания местных историков. Первые попытки написать историю революции в крае были предприняты непосредственными ее участниками еще в 20—30-е годы прошлого века. Это были небольшие брошюры, предназначенные для массового читателя. В основном они касались национального движения в крае после свержения самодержавия и Октябрьской революции и не претендовали на широкий анализ событий. Значительное внимание в них уделялось достаточно сложным и противоречивым событиям гражданской войны и участия в них башкирского населения.

Первой, по-настоящему научной работой, посвященной названной теме, стала сравнительно небольшая по объему книга Г.И. Гужвенко «Башкирия в борьбе за Октябрь». Она была подготовленная к печати в 1940 г.[1] Автор постарался осветить в ней социально-экономическое положение в Уфимской губернии накануне Февральской революции, период между февралем и октябрем 1917 г., сами события Октября и последовавшую за ними гражданскую войну. Значительное место в книге было уделено деятельности в это время местных большевиков. В частности отмечалось, что после свержения царя «нечеткая линия» Уфимского комитета РСДРП привела к тому, что в губернском Совете ведущую роль заняли эсеры и меньшевики. Также указывалось на ряд «больших и малых ошибок» Уфимской организации большевиков, основной из которых названа та, что социал-демократическая организация была «объединенной». Этому вопросу в книге Г.И. Гужвенко посвящен целый раздел. В то же время в работе подчеркивалась решительная позиция рабочих-большевиков южноуральских заводов, которые неоднократно указывали на ошибки своего руководства. В конечном счете, как писал автор, в результате разрыва уфимских большевиков с меньшевиками и развернувшейся энергичной пропаганды положение резко изменилось. После получения из Петрограда сообщения о свержении Временного правительства большевики сравнительно легко взяли под свой контроль Уфимскую губернию. Состоявшийся 15 декабря губернский съезд Советов окончательно утвердил установление новой власти[2]. В своей работе Г.И. Гужвенко затронул и национальное движение в крае. Он утверждал, что в 1917 г. местная организация РСДРП не придавала значения башкирскому национальному движению, в результате чего, по его признанию, буржуазным националистам удалось увлечь за собой часть башкирского народа[3]. Следует отметить, что наряду с событиями 1917 г. в книге значительное место было уделено событиям Гражданской войны в крае. В приложении к основному тексту приводилась хроника важнейших событий из истории Октябрьской революции в Башкирии, составленная на основе материалов, собранных местным Истпартом, и на основе документов Башкирского центрального архива.

Следующая заметная научная работа о революционных событиях в крае вышла лишь через десять лет. Книга под названием «Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 году» была написана Ф.А. Александровым на достаточно обширном документальном материале. Автор более подробно описал создание местных органов Временного правительства и местных Советов после Февральской революции[4]. В работе так-

же значительное место было уделено критике уфимских большевиков, входивших в объединенную с меньшевиками социал-демократическую организацию. В частности, обращалось внимание на допускавшую много ошибок газету местных социал-демократов «Вперед». Это издание некоторое время поддерживало лозунг «Война до победы» и даже агитировало за т.н. «Займ свободы». Основную вину за подобную позицию Ф.А. Александров возлагал на «примиренцев» во главе с Б.М. Эльциным[5]. В то же время в этой работе отмечалось, что в Уфимской организации было немало последовательных ленинцев, которых особенно поддерживали большевики заводов Южного Урала. Автор утверждал, что после Апрельской конференции РСДРП (б) все большевистские организации Башкирии одобрили ее решения и «приняли их как боевую программу борьбы за социалистическую революцию»[6], что не соответствовало действительности. Ф.А. Александров в своей книге подчеркивал, что после VI съезда партии большевики Уфимской губернии решительно готовили народные массы к вооруженному восстанию и накануне Октября «создали крепкую вооруженную силу пролетариата»[7]. Он также отмечал решающую роль в октябрьских событиях местных боевых дружин. Они, по распоряжению Уфимского военно-революционного комитета, взяли под контроль почту, телеграф, заняли правительственные учреждения, вокзал[8]. Созданные после Февраля башкирские и татарские национальные организации автор обвинил в стремлении разжечь национальную рознь и задушить революционное движение народных масс башкир и татар. Книга А.Ф. Александрова, по сути, остается единственной относительно крупной работой, посвященной именно 1917 г. и не выходящей за рамки этого периода. Позднее историки, как правило, стремились объединить события революции и гражданской войны, что, впрочем, было вполне правомерно.

Примерно в это же время в Москве вышла в свет обстоятельная монография башкирского историка Р.М. Раимова «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики»[9]. В ней так же, как в работах предыдущих авторов, давалась характеристика социально-экономического положения края накануне революционных событий 1917 г. Критикуя т.н. «объединительный угар» местной большевистской организации, автор, однако, обращал внимание на то, что подавляющее большинство социал-демократической организации Уфимской губернии придерживались большевистских взглядов и после известных июльских событий большевики окончательно размежевались с меньшевиками. Основное внимание в своей работе Р.М. Раимов уделил национальному движению в крае. Он утверждал, что непосредственная работа большевиков среди башкирских и татарских крестьян способствовала тому, что, в значительной мере, башкирские трудящиеся были вырваны из-под влияния буржуазных националистов и сплотились вокруг советов[10]. Достаточно подробно Р.М. Раимовым охарактеризованы два основных течения в национальном движении Башкирии — унитаризм и национал-федерализм. На примере одной из волостей Уфимской губернии автор не вполне обоснованно, на наш взгляд, позволял себе утверждать, что башкирское, татарское и русское крестьянство «решительно высказывалось за советскую власть»[11]. Работа Р.М. Раимова опиралась, главным образом, на опубликованные прежде источники и местные газеты за 1917 г.

Вышеназванные исследователи выявили и сделали доступным достаточно обширный документальный материал по теме и в целом вполне научно подошли к изложению событий 1917 г. Однако надо отметить, что их работам были присущи определенные недостатки, характерные для того времени. После XX съезда КПСС историки Башкирии стали писать о революции более свободно, получили возможность глубже изучать тему и значительно расширить источниковедческую базу. Среди авторов, писавших о собы-

тиях 1917 г. в Башкирии и давших им вполне объективный анализ, прежде всего, следует выделить З.А. Аминева. В год 40-летия Октября в центральном журнале «Вопросы истории» вышла его статья «Борьба за установление Советской власти в Башкирии»[12]. Интересно отметить, что в ней содержится упрек в адрес упомянутых выше работ в том, что они «не уделяют должного внимания показу деятельности народных масс и руководящей роли Коммунистической партии»[13]. В том же 1957 г. вариант этой статьи вошел в книгу «Советская Башкирия: исторические очерки»[14]. В ней З.А. Аминев утверждал, что к октябрю 1917 г. большинство рабочих, солдат и крестьян края было завоевано большевиками на свою сторону[15]. Национальному движению в данной публикации было уделено меньше места. В основном давалась оценка этого явления уже после октябрьских событий. По мнению автора, провозгласившая в том же 1917 г. национально-территориальную автономию «байская и буржуазно-интеллигентская верхушка ... выносила решения от имени башкирского народа, узурпировав его права»[16].

В книге Б.Х. Юлдашбаева «Образование Башкирской АССР», вышедшей в следующем году[17], башкирское национальное движение оценивалось уже как более сложное явление, чем у предыдущих авторов. Признавая, что оно, с одной стороны, отрывало башкирский народ от русского пролетариата, автор подчеркивал, что после Февраля оно объективно «расшатывало основы господства великодержавной буржуазии, ослабляло позиции буржуазного Временного правительства...». В этом смысле, по его мнению, это движение «послужило резервом пролетарской революции»[18].

В 1959 г. вышла в свет вторая часть I тома «Очерков по истории Башкирской АССР»[19]. В ней содержался раздел «Башкирия в период Февральской буржуазно-демократической революции». Следующий том Очерков, посвященный советскому периоду истории автономной республики, вышел через семь лет[20]. Он включал в себя раздел, где описывались события в крае накануне и в период Октябрьской революции. В этом коллективном труде авторы однозначно негативно оценивали национальное движение, во главе которого, как они отмечали, оказались представители имущих «верхов» башкир и татар. В то же время в книге делалось существенное замечание, что в национальном движении участвовали также представители революционно-демократической интеллигенции, а на национальных съездах присутствовали, хоть и в небольшом числе, делегаты революционных рабочих, солдат, крестьян[21].

Накануне 50-летия Октябрьской революции вышел фундаментальный труд упомянутого выше историка З.А. Аминева «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.)»[22]. Автор также обращал внимание на неустойчивую позицию уфимских большевиков, вошедших в объединенную социал-демократическую организацию. В результате, например, они достаточно долго не решались выразить свое отношение к известным резолюциям Апрельской конференции РСДРП (б). Тем не менее, большевики края смогли после VI съезда своей партии порвать с меньшевиками-оборонцами, что, по мнению автора, укрепило организацию. Достаточно подробно З.А. Аминев описывал национальное движение башкир и татар края. Оценивая решения первого съезда башкир, состоявшегося в июле 1917 г. и нацелившего коренное население края на создание территориально-национальной автономии, автор отмечал, что они «носили ярко выраженный антинародный характер»[23]. В частности, в его работе указывалось на то, что принятие этим съездом постановлений о выселении из Башкирии русских переселенцев способствовало разжиганию национальной вражды между пришлым и местным населением края. В то же время в данной работе автор ушел от крайне негативных оценок башкирского национального движения, которые можно было найти в его предыдущих публикациях. В своей монографии

З.А. Аминев, так же, как прежде Б.Х. Юлдашбаев, счел нужным подчеркнуть мысль о том, что в период между февралем и октябрем 1917 г. башкирское национальное движение, несмотря на то, что во главе его стояли буржуазные интеллигенты, играло положительную роль. Оно, по его мнению, по сути дела усиливало общий фронт борьбы против Временного буржуазного правительства. После же победы Октября, как отмечал автор, башкирские националисты встали на путь открытой вооруженной борьбы против Советской власти[24]. В этом он частично винил и местных большевиков, работа которых среди трудящихся масс башкир и татар, по его мнению, была недостаточной.

В 1973 г. вышли «Очерки истории Башкирской организации КПСС»[25]. В работе была показана и деятельность уфимской организации РСДРП в 1917 г. Здесь также отмечалось примиренческое отношение к меньшевикам некоторых руководителей уфимских большевиков, но особо эта линия не выделялась. В книге признавалось, что местные большевики не сразу приняли линию Апрельской конференции РСДРП (б) и отношение к ней было поставлено в зависимость от решения конференции меньшевиков. В то же время подчеркивалось, что после VI съезда партии произошло окончательное размежевание с меньшевиками. К октябрю 1917 г., по заявлению авторов Очерков, большинство рабочих Башкирии стояло на стороне большевиков и «было готово к самой решительной борьбе с буржуазией». В книге была показана работа партии в среде башкирских и татарских трудящихся, однако, здесь же отмечалось, что этой деятельности мешало отсутствие национальных кадров партийных работников. Признавалось и то, что руководители местных большевиков порой недооценивали важность национального вопроса.

Из обобщающих работ советского периода, где описывались события 1917 г. в крае, можно также отметить «Историю Уфы», вышедшую в 1981 г.[26] Достаточно места в этой работе было уделено тому, что происходило в рассматриваемое время в губернском центре. Знаменательной датой в жизни Уфы было названо 26 октября 1917 г., когда после получения сообщения из Петрограда о свержении Временного правительства на совместном заседании Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского Совета крестьянских депутатов приветствовался переход власти к Советам и был создан губернский революционный комитет как орган новой власти.

Во второй половине 80-х годов XX в. у башкирских историков, впрочем, как и у многих других отечественных исследователей, появились новые взгляды на революционные события. Прежде всего, конечно, они касались национального движения. Специальных же работ, касающихся 1917 г., в это время издано не было. Нельзя сказать, что 70-летие Февральской и Октябрьской революций осталось без внимания местных историков, но солидных публикаций, где рассматривались бы эти события, вплоть до второй половины 1990-х годов так и не появилось.

Из значимых работ последних десятилетий XX в. можно отметить лишь небольшую книгу Г.В. Мордвинцева «Март 1917 г. в Башкирии: (хроника событий)»[27]. Как видно из названия, автор сосредоточил внимание на событиях в крае после получения здесь известий о свержении самодержавия. В этой работе приводилось достаточно много новых документальных свидетельств, которые позволяют более четко представить ситуацию в губернии в указанное время. Правда, автор избегал давать какие-либо конкретные оценки событиям, почти нет у него сведений о развитии национального движения башкир и татар. Книга Г.В. Мордвинцева была издана мизерным тиражом, но отметим, что на нее часто можно встретить ссылки в последующих публикациях башкирских историков, где описывались события весны 1917 г. Специальных же работ посвященных Октябрьской революции в Уфимской губернии, не появилось и во второй половине 1990-х годов. В то же время были опубликованы новые обобщающие работы по исто-

рии Республики Башкортостан, в которых были предприняты попытки по-новому оценить события 1917 г. Прежде всего, надо отметить появившуюся в них резко негативную оценку Октябрьской революции и прихода к власти большевиков, а также радикальный пересмотр взглядов на национальное башкирское движение и реабилитацию некоторых ее лидеров, в частности А.-З. Валидова. Среди первых подобных трудов можно отметить книгу для учителей упомянутого выше Б.Х. Юлдашбаева «Новейшая история Башкортостана», вышедшую в 1995 г.[28] Можно заметить, что в данной работе критикуемая ранее позиция Временного правительства по национальному вопросу на этот раз оценивалась автором как вполне разумная в тех условиях. Касаясь революционных событий октября и последующих месяцев 1917 г. в «нашем крае», Б.Х. Юлдашбаев утверждал, что здесь «затея большевиков встретила упорное сопротивление»[29]. Через два года после публикации этой книги был опубликован другой обобщающий труд «История Башкортостана (1917—1990 годы», изданный Башкирским госуниверситетом в качестве вузовского учебного пособия[30]. События Февраля в данной книге отражения не нашли, а приходу к власти в крае большевиков была посвящена целая глава. Отмечая, что представители этой партии в Уфимской губернии пришли к власти «без особого усилия», авторы учебника объясняли это тем, что они придерживались «агрессивно-наступательной тактики». Некоторое внимание было уделено, как отмечено в книге, сопротивлению «насаждению антидемократической большевистской диктатуры». Отдельно в этом издании рассматривался национальный вопрос в Башкортостане. Указывалось, что значительная часть коренного народа не приняла идей большевизма. Башкиры, как отмечали авторы, коммунистов считали «прежде всего, выразителями земельных интересов русских переселенцев»[31]. Можно заметить, что в двух упомянутых выше изданиях, на наш взгляд, башкортостанскими историками была дана наиболее негативная оценка Октябрьской революции, приходу к власти большевиков и их отношению к коренному населению края. В более поздних публикациях местные исследователи, все же, более взвешенно оценивали события 1917 г. и старались избегать крайних оценок.

В 2004 г. вышел первый том «Истории Башкортостана, 1917—1990-е годы», подготовленный сотрудниками Уфимского научного центра РАН. Первая глава этого труда была названа «Поворотный 1917 год»[32]. В данном разделе работы отмечалось, что в целом общество приняло положительно свержение самодержавия, показывалось заметное оживление общественной жизни после Февраля. Отмечалось, что исход дальнейшей борьбы за власть во многом зависел от позиции солдат местных гарнизонов. Что касается Октябрьской революции, то в работе показывалось, что она в отличие от Февраля вызвала более неоднозначную общественно-политическую реакцию. Признавалось, что смена власти в губернском центре в октябре 1917 г. прошла безболезненно, в других же местах это проходило по-разному. Авторы сочли нужным подчеркнуть, что «популярность большевиков среди местного населения была низка»[33]. В разделе о национальном движении они отмечали, что после Февраля представители всех политических партий от большевиков до кадетов были далеки от понимания чаяний угнетенных и бесправных народов, в том числе и башкир. Провозглашение в середине ноября 1917 г. автономии Башкортостана новыми властями не было утверждено, что впоследствии, как утверждали авторы, «привело к небывалому осложнению и многочисленным человеческим жертвам»[34]. Среди других подобных работ историков первого десятилетия XXI в. можно также назвать вузовский учебник «Историю Башкортостана в XX веке», изданный в 2007 г.[35] После февраля, подчеркивалось в этой книге, размежевание на левое и правое крыло среди эсеров и социал-демократов хотя и имело место, но не было столь резким, как в центре, наоборот, было единение всех социалистических сил против либералов. Также авторами отмечалось, что

оппозиционность местных большевиков властным структурам Временного правительства, была меньшей, чем в центре. Созданный ими 26 октября губернский революционный комитет, например, некоторое время не принимал решительных мер против местного комиссара Временного правительства, опасаясь раскола в среде «революционной демократии». Мирный переход власти к Советам объяснялся в данном труде, главным образом, пробольшевистской позицией Уфимского гарнизона и тем, что уже с сентября 1917 г. все ключевые властные посты в губернии фактически находились в руках большевиков[36]. В книге обращалось особое внимание на большевистско-левоэсеровский союз в крае, который, как можно понять, также способствовал успеху Октября.

Среди последних серьезных работ о революции 1917 года следует отметить пятый том семитомного издания «История Башкирского народа», где описывался период с 1900 по 1940 г.[37] В разделе «Революция 1917 г. и башкирский народ» авторы М.Н. Фархшатов и А.Д. Казанчеев рассматривали Февральскую революцию, а М.М. Кульшарипов — Октябрьскую. Очерки о событиях 1917 г. в крае и участии в них башкирского народа были сделаны с опорой на различные публикации предыдущих лет, главным образом конца XX — начала XXI в. В работе отмечалось, что башкирское население безоговорочно поддержало падение самодержавного режима, а лидеры национального движения восприняли Временное правительство как законный орган власти. В период между Февралем и Октябрем произошло стремительное выделение башкирского национального движения из общемусульманского. Особое внимание в указанном разделе книги было уделено разногласиям башкир-федералистов со сторонниками культурно-национальной автономии, представленными главным образом, как это подчеркивалось авторами, татарскими деятелями. Авторы также утверждали, что не следует преувеличивать роль татаро-башкирских социал-демократических групп Башкирии, которые, по их мнению, не имели достаточного влияния на коренное население. Одной из важнейших причин отрицательного отношения значительной части башкир к Октябрьской революции в данной книге называлось то, что земельные интересы башкирского населения, обладавшего прежде вотчинным правом, не совпадали с большевистской аграрной программой. Декрет о земле, по мнению башкир, открывал дорогу для новой колонизации их земель[38]. Установление советской власти в уездах и волостях Уфимской и Оренбургской губерний происходило, как отмечалось в книге, «не столько по инициативе башкирского населения, сколько благодаря революционным действиям большевиков» среди которых представителей коренного населения «почти не было». В то же время авторы утверждали, что свою лепту в дело организации большевистского захвата власти внесли левые эсеры из башкир. Не отрицалось и то, что большевистские позиции заняли немногочисленные рабочие из башкир, башкирская беднота и солдаты-фронтовики. Они, как признавалось в книге, не разделяли взгляды руководителей национального движения, считая их выразителями интересов башкирских баев, мулл и т.п.[39]

Среди значимых публикаций постсоветского периода о событиях 1917 г. в Башкирии следует также упомянуть статьи «Февральская революция» и «Октябрьская революция», помещенные в краткую энциклопедию «Башкортостан»[40], а также статью «Революция 1917 года», включенную в пятый том многотомной «Башкирской энциклопедии»[41]. Из первого издания заслуживает упоминания утверждение о том, что Советская власть на большей части Башкортостана утвердилась мирным путем к середине ноября 1917 г. Решающую роль в этом, по мнению автора энциклопедической статьи, «сыграл переход на сторону революции гарнизонов Уфы, Белебея, Стерлитамака»[42]. Во втором издании можно обратить внимание на то, что события 1917 г. здесь показаны как единый процесс, разделенный на два этапа. Здесь также

подчеркивалось значение перехода военных гарнизонов, размещенных на территории Уфимской губернии, на сторону большевиков. Именно это, как заметил автор статьи в энциклопедии, сыграло решающую роль в утверждения советской власти «относительно мирным путем»[43]. Нельзя не обратить внимания и на то, что в обоих изданиях в названных статьях не упоминалось участие башкирского народа в революционных событиях.

Подводя итоги обзору исследований историков Башкирии, посвященных революционным событиям 1917 г., можно отметить следующее. В 1920—1930-е годы был собран достаточно обширный документальный материал по этой теме. Первые обобщающие работы ученых носили вполне солидный характер, хотя не были вполне объективными. Заметный рост публикаций специалистов по теме Октябрьской революции начался в связи с ее 40-летним юбилеем. В последующем можно отметить публикации, вышедшие к 50-летию Октября. Теме Февральской революции внимания советскими историками Башкирии уделялось заметно меньше. Определенный поворот во взглядах на революционные события в крае наметился в конце 80-х — первой половине 90-х годов прошлого столетия. Однако публикации этих и последующих лет были отмечены определенной тенденциозностью. В ряде случаев прежние оценки просто менялись на противоположные. Иногда это делали одни и те же авторы. Если свержение самодержавия все же показывалось как вполне положительный акт, принесший возможность для свободного развития коренного народа края, то приход к власти большевиков в ряде публикаций оценивался крайне негативно. Подчеркивалось неприятие большевиков большей частью коренного населения и желание башкирского народа идти своим самобытным путем. В целом изучении темы революционных событий 1917 г. в Башкирии местными исследователями последнего времени, на наш взгляд, нельзя считать вполне удовлетворительным. Необходимо отойти от некоторых крайних суждений, которые еще имеют место в оценке революции, и продолжить дальнейшее изучение темы на основе непредвзятости и максимальной объективности.

1 *Гужвенко Г.И.* Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941.
2 Там же. С. 31.
3 Там же. С. 24.
4 *Александров Ф.А.* Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 году. Уфа, 1951.
5 Там же. С. 33.
6 Там же. С. 46.
7 Там же. С. 128.
8 Там же. С. 156.
9 *Раимов Р.М.* Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952.
10 Там же. С. 97.
11 Там же. С. 118.
12 *Аминев З.А.* Борьба за установление Советской власти в Башкирии // Вопросы истории. 1957. № 9. С. 17—36.
13 Там же. С. 18.
14 Борьба за установление Советской власти в Башкирии. Образование БАССР // Советская Башкирия: ист. очерки. Уфа, 1957. С. 23—81.
15 Там же. С. 45.
16 Там же. С. 73.
17 *Юлдашбаев Б.Х.* Образование Башкирской АССР. Уфа, 1958.
18 Там же. С. 14.
19 Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1, ч. 2.
20 Там же. Уфа, 1966. Т. 2.
21 Там же. С. 29.
22 *Аминев З.А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966.
23 Там же. С. 93.
24 Там же. С. 95.

[25] Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973.
[26] История Уфы: крат. очерк. Уфа, 1981.
[27] *Мордвинцев Г.В.* Март 1917 г. в Башкирии: (хроника событий). Уфа, 1997.
[28] *Юлдашбаев Б.Х.* Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995.
[29] Там же. С. 27.
[30] История Башкортостана (1917—1990 годы): учебник для студентов ВУЗов РБ. Уфа, 1997.
[31] Там же. С. 48.
[32] История Башкортостана, 1917—1990-е годы: в 2 т. Уфа, 2004. Т. 1: 1917—1945. Гл. 1.
[33] Там же. С. 36.
[34] Там же. С. 68.
[35] История Башкортостана в XX веке: учебник для студентов вузов. Уфа, 2007.
[36] Там же. С. 53.
[37] История Башкирского народа: в 7 т. Уфа, 2009. Т. 5.
[38] Там же. С. 91.
[39] Там же. С. 89.
[40] Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа, 1996, С. 447, 604.
[41] Башкирская энциклопедия: в 7 т. Уфа, 2009. Т. 5. С. 280—281.
[42] Башкортостан: краткая энциклопедия. С. 447.
[43] Башкирская энциклопедия: в 7 т. Т. 5. С. 280.

А.В. Сидоров

Советская историческая наука и публичная история в первое постреволюционное десятилетие

Революция 1917 года на много лет вперед определила тенденции развития отечественной исторической науки. Это в полной мере осознавалось представителями профессионального сообщества историков, современников тех событий. Завершая опубликованную в 1920 г. статью, посвященную научному творчеству А.С. Лаппо-Данилевского, А.Е. Пресняков отмечал, характеризуя переживаемый период: «Это момент не только кризиса, но прямого распада старой культуры: распада в смысле гибели иных ее ценностей, изжитых по содержанию или по форме его воплощения, а кризиса — в смысле испытания и отбора ее наиболее жизнеспособных факторов и элементов. Среди последних на первом месте, конечно, основы научной культуры. Все минется, одна правда останется»[1]. Эти «основы научной культуры» и являлись тем оселком, на котором представители «старой профессуры», историки-профессионалы, определяли принадлежность к своему слою. Владение этими «основами» становилось предметом гордости и пренебрежительного отношения к набиравшему силу марксистскому направлению в российской историографии, научная подготовка представителей которого, с точки зрения «старой профессуры», оставляла желать лучшего. Ощущая себя носителями подлинного научного знания, дореволюционные профессионалы-историки не только в силу новых политических обстоятельств отстранялись от обращения к обществу, но и обосновывали свою позицию идеалами прошлого. Уже упомянутый мной А.Е. Пресняков в своей работе о В.О. Ключевском отмечал: «Ключевский сложился во внутреннем укладе своем в эпоху шестидесятых годов. Но едва ли кто назовет его “шестидесят-

ником". Он остался сам по себе, вне общественных течений, вне интеллигентских и университетских кружков. Стоит он в стороне от них, но в большой к ним близости, острый и чуткий наблюдатель, крепко переживая сам в себе наблюдаемое и кругом происходящее»[2]. О такой же «особой» позиции историка писал С.Ф. Платонов в статье о К.Н. Бестужеве-Рюмине: «Характеризуя и оценивая научные круги и направления, Бестужев, однако, не примыкал ни к одному из них; он оставался только критиком научных мнений и повествователем-прагматиком»[3].

В историографии традиционно идеалом признавалось исследование, лишенное всяких вненаучных влияний. Как писал А.Е. Пресняков, особо отмечая эту черту в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского, «зависимость сознательной мысли от иррациональных элементов человеческой природы ощущалась А.С. (Лаппо-Данилевским. — *А.С.*), как моральный дефект перед долгом свободного от "всяких предрассудков" искания чистой истины»[4]. Этот, казалось бы, общепризнанный долг исследователя, требующий отвлечения ученого от всего, что не связано с чистым научным поиском, воспринимался поколением ученых, пережившим мировую войну, революцию и гражданскую войну, не столь однозначно. И дело было не только в политических пристрастиях и антипатиях. Осмыслить в полной мере те глубокие социальные потрясения, происшедшие в России, с расстояния в несколько лет было почти невозможно, как, впрочем, и не учитывать их, пытаясь отвлечься от окружающей реальности.

Это явление вполне осознавалось историками в начале 1920-х годов. Е.В. Тарле писал, что «мы наблюдаем, что поколениям, пережившим большие катаклизмы, свойственно именно стремление даже не рассказывать, а доказывать и обманывать себя мыслью, будто они хотят беспристрастно выяснять причины происшедшего, когда на самом деле они либо по-прокурорски ищут корней и нитей преступления, либо по-адвокатски хотят возвеличить подвиг»[5]. Результатом этого, по мнению Тарле, является появление «псевдоисторий». Он в данном случае воспользовался термином, предложенным Б. Кроче[6]. Излагая свое понимание этого явления в исторической науке, Тарле писал: «Условимся понимать под псевдоисториею такой исторический труд, создавая который автор имеет, собственно, в виду изложить в этой как бы аллегорической или криптографической форме другую историю, историю своего собственного времени или той ближайшей к нему эпохи, которая идейно еще является для него современностью. Он не может, конечно, изменить внешний рисунок, фактическую канву, но он подставляет современную ему самому, а не излагаемым событиям мотивацию, он модернизирует то, о чем пишет»[7]. В качестве наиболее яркого примера псевдоистории он приводит историографию Великой Французской революции первой половины XIX в., в которой зачастую вся история Франции рассматривалась как введение к драме революции. Опасность подобной ситуации в послереволюционной отечественной исторической науке казалась Тарле вполне вероятной[8]. Историография французской революции была для ученых 1920-х годов одним из наиболее ярких примеров, иллюстрировавших влияние политических факторов на развитие научной мысли. Н.И. Кареев в своем фундаментальном труде убедительно доказал то положение, что «развитие историографии революции во Франции зависело от хода политических событий»[9].

Но особым вопросом для традиционной историографии в начале 1920-х годов явилась проблема взаимоотношений с набиравшим силу и влияние марксистским направлением, получившим мощную политическую поддержку в тот период. Конечно, большинству историков казалось разумным вообще не замечать это направление в исторической науке, поскольку его серьезная научная критика становилась все менее возможной на страницах периодических изданий. И все же историографическое

осмысление марксистского направления отмечается в исследованиях начала 1920-х годов. При этом марксизм не рассматривался чем-то принципиально отличным от экономического материализма. В этом плане представляет интерес рецензия Я.Л. Барскова на книгу С.Ф. Платонова «Борис Годунов». Опираясь на ряд положений работы М.Н. Покровского «Экономический материализм»[10], автор рецензии приходит к выводу, что «книга С.Ф. Платонова отвечает требованиям “марксизма”, как научного метода»[11]. Этот вывод он обосновывает тем, что Платонов «дает ясно понять, что “трагедия” Бориса заключалась не только в его одиночестве после разрыва “заключительного союза дружбы”, но и в противоречиях его политики, которые, в свою очередь, были обусловлены противоречиями социально-экономического строя в Московском государстве XVI века»[12]. Выделение экономического фактора в качестве основополагающего в историческом развитии представлялось многим немарксистским историкам вполне достаточным, чтобы говорить о марксистском методе, пусть даже и в кавычках.

Таким образом, не только политическая поддержка марксистского направления в исторической науке, но и самоощущение историков старой школы предопределили в 1920-е годы ограничение их практики сугубо научной сферой и уход из сферы публичной истории, отказ от форм, предназначенных для широкой публики. Эта сфера оказалась в руках представителей марксистского направления.

Формированию марксистской публичной истории способствовала деятельность образовавшегося в 1925 г. Общества историков-марксистов (Устав Общества утвержден НКВД 15 февраля 1926 г.). К середине апреля 1927 г. в составе Общества уже насчитывалось 177 членов: 90 действительных членов и 87 членов-корреспондентов. Большинство из них проживало в Москве. В других городах жило лишь 11 действительных членов и 21 член-корреспондент. В Обществе были объединены, прежде всего, коммунисты: среди действительных членов их было 68, а среди членов-корреспондентов — 66. Большинство членов Общества работало преподавателями вузов: 59 человек из 90 действительных членов[13]. К концу 1927 г. в Обществе насчитывалось уже 205 человек (106 действительных членов и 99 членов-корреспондентов)[14]. Результаты исторических исследований марксистского направления широко публиковались в журнале «Историк-марксист», вклад которого в формирование сферы публичной истории 1920-х годов был весьма значителен.

Материалы этого журнала свидетельствуют о тематике марксистских исторических исследований в середине 1920-х годов. Выступая на общем собрании Общества историков-марксистов с отчетом о журнале в апреле 1927 г., его ответственный редактор А.В. Шестаков привел статистику о помещенных в первых томах журнала материалах. «Мы имеем, — говорил он, — почти 50% статей по русской истории, 33% — по всеобщей (все они исключительно по истории Франции) и 17% — по истории Востока. Вполне нормально, что в русском историческом журнале мы имеем 50% статей по истории России, но совсем ненормально, что по всеобщей истории мы имеем материал только по истории Франции... Между прочим, у нас не удалась статья юбилейного характера в связи со 150-летием независимости Америки, потому что мы не могли найти ни одного историка-марксиста, знающего, как следует, историю Америки»[15].

Об особом значении публикаций для формирования сферы публичной истории свидетельствует и обсуждение требований к журнальным публикациям, выдвинутых в «Историке-марксисте». В очередном обзоре публикаций отечественных исторических журналов А.В. Шестаков обратил внимание «на еще одну общую особенность нашей текущей исторической журналистики — это “сырость” печатающегося в ней материала: недостаточную его обработку, отсутствие целевых установок, низкое

качество в литературном отношении и т.д., в связи с чем вполне своевременно поставить вопрос о необходимости “рационализации” исторической литературы, о более кратких и сжатых статьях, в которых, применяя старую русскую литературную поговорку, “словам было бы тесно, а мысли свободно”»[16].

В выступлении на общем собрании Общества историков-марксистов в апреле 1927 г. М.Н. Покровский по этому поводу говорил, что «с точки зрения чисто технической, скажем, американский исторический журнал является для нас пока образцом, почти недосягаемым, потому что мы имеем там чрезвычайно сжатые, бьющие в самую точку небольшие статьи, с одной стороны, и великолепную библиографию, с другой стороны. У нас есть хорошая библиография... Но мы не научились до сих пор писать, как американцы... Найдет человек в архиве интересный материал, настрижет оттуда, затем наклеит в своей статье, снабдит переходными периодами, вот вам и статья готова. Она интересна, если хотите, но она страшно сырая. Это по существу не есть та концентрация мысли около данного сюжета, которая желательна, а просто изложение сырого материала, на основании которого человек думающий может притти к тем или иным определенным выводам»[17]. Но идея готовить журнальные статьи «американского» типа не получила однозначной поддержки на собрании Общества историков-марксистов. Раздавались голоса о нецелесообразности подобных подходов, что заставило Покровского еще раз выступать по этому вопросу[18]. Но его призыв «работать по-европейски»[19] казался историкам-марксистам слишком несовместимым со ставшими уже привычными стереотипами представлений об особой роли и месте марксистской науки в мировой науке в целом.

Об областях научных интересов советских историков определенное представление могла дать и выставка советской исторической книги, приуроченная к исторической неделе в Берлине в июле 1928 г. На этой выставке было представлено более 2000 книг по различным областям исторического знания. Как справедливо отмечал в своей статье, посвященной этому событию, И.И. Минц, «для советского читателя все эти цифры до смешного малы, но они, тем не менее, правильно передают пропорции»[20]. Книги этой выставки были разбиты на 16 отделов, наиболее крупными были отделы: русская история с подотделами истории революции, компартии и III Интернационала (625 книг, среди которых по истории революционного и рабочего движения XVIII—XIX вв. — 174, революции 1905—1907 гг. — 91, Октябрьской революции и гражданской войны — 174, по истории партии и о Ленине — 111), всеобщая история (440), история литературы (143), истории национальных меньшинств (66), методология истории (60), архивоведение и библиография (40)[21].

Еще одной формой воздействия науки на сферу публичной истории является проведение «юбилеев». О массовости юбилейного литературного вала свидетельствует хотя бы тот факт, что до марта 1926 г. вышло 650 «библиографических единиц» к столетию восстания декабристов[22]. Каков же научный результат столь массированной интеллектуальной атаки на проблемы истории декабризма? М.В. Нечкина отвечала на вопрос так: «Основное богатство, приобретенное нами от юбилея — новые документы... Бесспорно одно: большинство работ о декабристах, изданных до юбилея, после юбилея устарело. Юбилейная литература изменила все старые постановки вопроса, опротестовала многие выводы и наметила большое количество новых проблем»[23], хотя новой концепции декабризма и не было выдвинуто.

«Юбилеи» помогали сосредотачивать исследовательскую работу ученых на узловых проблемах изучения прошлого и внедрять научные знания в публичную сферу. В своем выступлении на открытии общего собрания членов Общества историков-марксистов 29 апреля 1927 г., посвященном обсуждению итогов работы Общества со

времени его создания, М.Н. Покровский говорил: «Деятельность нашего Об-ва выразилась, — над этим можно, если угодно, издеваться, — главным образом, в организации празднования целого ряда юбилеев. Над этим, повторяю, можно издеваться, но по существу дела, эта работа была очень полезна, она оценена высшими инстанциями именно, как полезная работа, поскольку юбилей представляет собой наиболее простой и ясный способ пропаганды среди очень широких масс новых взглядов на те или другие исторические события»[24].

Среди юбилеев середины 1920-х годов выделялись 150-летие пугачевщины (1925), 20-летие первой революции в России (1925), 100-летие восстания декабристов (1925), юбилеи М.А. Бакунина и А.П. Щапова, 10-летие Октябрьской революции (1927). Осмысление литературы, вышедшей из печати в период юбилейных торжеств, позволяло уяснить то новое, что появлялось в отечественной, прежде всего, конечно, марксистской историографии по данной проблеме. Уже в выступлении 29 апреля 1927 г. М.Н. Покровский попытался вычленить это новое: «...Мы в связи со 150-летним юбилеем перетряхнули всю эту сырую массу материала, оставшуюся после Пугачевщины и открыли новые стороны и в самой личности Пугачева и в самом движении»[25]. О «переоценке ценностей» говорит Покровский и в отношении первой революции в России. Заслугой историков-марксистов, по его мнению, стало доказательство того, что «диктатура пролетариата в крестьянской революции, которая казалась некоторым, по правде сказать, фразой из партийной резолюции, есть просто реальный факт»[26].

Вполне естественно, что одной из центральных проблем марксистской исторической науки, тесно связанной со сферой публичной истории 1920-х годов, стало изучение проблем революции, значительное оживление которого наблюдалось в периоды подготовки к юбилеям. Формулируемые при этом задачи исследовательской деятельности отражали самой конкретизацией проблематики понимание достигнутого исследовательского уровня. На IV совещании истпартотделов в январе 1927 г., посвященном подготовке к 10-летию Октябрьской революции, исследовательские задачи были сформулированы таким образом: «Разработка вопросов должна идти в следующих трех направлениях: выявление движущих сил, выяснение роли советских организаций и ВКП в Октябрьской революции и работа контрреволюционных сил и организаций. В тех местах, где было сильно национальное движение, дается его краткая характеристика»[27].

Каждое из указанных направлений конкретизируется по узловым проблемам. Под выявлением движущих сил понимались «анализ особенностей экономического развития данного района, картины массового рабочего движения, отражения в данном месте больших политических событий центра, крестьянского движения, движения в армии и во флоте». Изучение истории большевиков рекомендовалось начинать с предреволюционного периода (с периода первой мировой войны). При этом особое внимание следовало уделять борьбе большевиков за влияние на массы в советах и органах местного самоуправления, в военной организации, фабзавкомах, профсоюзах и др. организациях, а также подготовке Красной гвардии. Исследование контрреволюционных сил должно было включать «изучение работы отдельных контрреволюционных партий, отношение к органам Временного правительства, подготовка боевых сил, вооруженное сопротивление»[28]. При этом, естественно, подчеркивалась задача выделения местной специфики развития этих процессов в различных регионах.

Справедливости ради необходимо отметить, что ожидания значительного скачка в изучении истории Октября в связи с 10-летним юбилеем революции оказались явно завышенными. «Ко дню юбилея, — писал в обзоре исторических журналов конца 1927 г. А.В. Шестаков, — вышло много разного рода сборников документов по разным вопро-

сам Октябрьской революции, — больше, впрочем, краевого, чем центрального значения. Появилось несколько сборников статей, посвященных Октябрю, и совсем слабо оказалось дело с “научно-исследовательскими работами”. Исторические журналы, “питающиеся” от такого рода работ, вполне естественно и не могли дать достаточно солидного материала, который хотелось бы видеть на их страницах в дни юбилея»[29]. И тем не менее, «юбилеи» становились важными этапами в развитии и публичной истории, и исторической науки, актуализируя внимание историков к «юбилейной» проблематике.

Отечественная историография 1920-х годов обращалась и к анализу состояния исторических исследований в научных центрах союзных республик. Особое внимание уделялось украинской исторической науке, имевшей дореволюционные традиции своего развития. В этой связи интересен обзор М.В. Нечкиной «Украинская юбилейная литература о декабристах», посвященный разбору научных публикаций украинских историков, вышедших в свет в связи со 100-летием восстания декабристов. Отмечая, что «научная жизнь на Украине кипит и выливается в разнообразные формы», М.В. Нечкина считала, что «по отношению к юбилею декабристов в ней заметны две основные тенденции: правильная — изучать не отдельные личности декабристов, а массовые движения и жизнь организаций; неправильная — стремление украинизировать декабристов»[30]. Последняя выражалась в распространившейся на Украине «концепции южного декабризма», связывающей это движение с идеей украинского возрождения. Справедливо отмечая документальную недоказанность этой концепции[31], М.В. Нечкина полагала, что дискуссия по этому вопросу «будет способствовать оживлению изучения декабристов»[32].

Таким образом, в первое постреволюционное десятилетие активно проходил процесс формирования марксистских представлений о прошлом в публичной сфере. При этом следует отметить решающую роль марксистской исторической науки в этом процессе. Последующие десятилетия кардинально переставят акценты: публичная история будет определять границы научных исследований.

1 *Пресняков А.Е.* А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 96.
2 *Его же.* А.Е. Ключевский (1911—1921) // Там же. 1922. Кн. 8. С. 222.
3 *Платонов С.Ф.* Константин Николаевич Бестужев-Рюмин († 2 января 1897 года) // Там же. С. 227.
4 *Пресняков А.Е.* А.С.Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель. С. 86.
5 *Тарле Е.В.* Очередная задача // Анналы. Петербург, 1922. № 1. С. 13.
6 См.: *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998. С. 18—31.
7 *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 14.
8 Там же. С. 15.
9 *Кареев Н.И.* Историки Французской революции. Л., 1924. Т. 1. С. 14—15.
10 *Покровский М.Н.* Экономический материализм. Пб., 1920. С. 15.
11 *Барсков Я.Л.* [Рец. на:] Акад. С.Ф. Платонов. Борис Годунов. Пг., 1921 // Русский исторический журнал. Петроград, 1921. Кн. 8. С. 290.
12 Там же.
13 Общее собрание членов общества историков-марксистов (29 апреля 1927 г.) // Историк-марксист. 1927. Т. 4. С. 272.
14 В обществе историков-марксистов // Там же. Т. 6. С. 297.
15 Общее собрание членов общества историков-марксистов (29 апреля 1927 г.). С. 276.
16 *Шестаков А.В.* Русские исторические журналы конца 1926 и начала 1927 г. // Историк-марксист. 1927. Т. 4. С.224.
17 Общее собрание членов общества историков-марксистов (29 апреля 1927 г.). С. 270—271.
18 Там же. С. 277.
19 Там же. С. 271.
20 *Минц И.И.* Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 86.
21 Там же. С. 86—87.

[22] *Нечкина М.В.* Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825—1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. Т. 2. С. 238.
[23] Там же. С. 249.
[24] Общее собрание членов общества историков-марксистов (29 апреля 1927 г.). С. 268—269.
[25] Там же. С. 269.
[26] Там же. С. 270.
[27] Четвертое совещание Истпартотделов при ЦК ВКП (б) (4—8 января 1927 г.) // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 247.
[28] Там же.
[29] *Шестаков А.* Русские исторические журналы конца 1927 г. // Историк-марксист. 1927. Т. 6. С. 264.
[30] *Нечкина М.В.* Украинская юбилейная литература о декабристах // Там же. Т. 3. С. 195.
[31] Там же. С. 187—189.
[32] Там же. С. 195.

Л.А. Сидорова

Первые советские историки-марксисты: революционные идеалы и профессиональная деятельность

Первые советские историки-марксисты входили в науку на волне победившей пролетарской революции. Октябрь во многом определил их приоритеты в жизни и в профессии. Среди них были люди, непосредственно участвовавшие в событиях революции 1917 года и Гражданской войны. Степень включения в революционную деятельность была различной. Это могли быть нелегальные кружки учащихся, как, например, у Д.А. Баевского, или длительный опыт революционной работы, начавшейся еще в годы Первой русской революции 1905—1907 годов, который имел за своими плечами А.П. Кучкин, большевик с 1912 г., прошедший царскую тюрьму и ссылку, в 1918—1920 гг. начальник политотдела 2-й армии и военком 27 дивизии 5-й армии Восточного фронта. Или это была, как у А.М. Панкратовой, подпольная большевистская работа в Одессе в период французской военной интервенции и захвата города армией генерала А.И. Деникина.

Стаж революционной и большевистской партийной работы был одним из решающих условий для приема во вновь образуемые высшие учебные заведения. Выпускники этих марксистских учебных заведений — коммунистических университетов, Института красной профессуры и др., составили костяк первого поколения советских историков-марксистов. Их отличительной чертой был пиетет перед революцией и победоносной большевистской партией, что напрямую сказалось на тематике исследований: в центре внимания оказались сюжеты, связанные с народными движениями и революционной борьбой или посвященные социально-экономическим проблемам, порождавшими, в свою очередь, классовую борьбу. Апологетика революционности предопределяла конечные исследовательские выводы.

Героизации российской революции и ее деятелей отдали дань не только историки-марксисты, имевшие отношение к ее осуществлению. Не избежала ее, например, и М.В. Нечкина, которая никогда не состояла в партии и не участвовала в революционной деятельности. Первоначальный интерес к свершавшейся социальной револю-

ции, о котором свидетельствует ее дневниковая запись от 2 марта 1917 г.: «Теперь так хочется больше видеть и слышать»[1], постепенно перерос в нечто большее.

2 ноября 1920 г. она описала, как «третьего дня» на большом поэтическом вечере, устроенном молодыми казанскими поэтами, в числе которых была и она сама, «познакомилась с председателем Чека Ивановым». «У Иванова удивительное лицо — бледное, очень серьезное и очень усталое. К нему подошли бы латы и шлем. Это лицо средневекового рыцаря», — подвела итог своим впечатлениям Милица Васильевна[2]. Она разделила владевшее многими молодыми историками-марксистами увлечение революционной тематикой. Его М.В. Нечкина перенесла на предшествовавшую эпоху, посвятив свой исследовательский талант изучению движения декабристов и первой революционной ситуации в России. В декабристах Милица Васильевна также отмечала благородство и рыцарственность помыслов[3].

Однако столкновение с революционными мерами не в мире абстрактных ценностей и не в исторической ретроспективе, а в жизни, когда под угрозу были поставлены судьбы близких ей людей, не могло не отразиться на отношении М.В. Нечкиной к революции. В ночь на воскресенье 6 ноября 1921 г. был арестован ее отец, В.И. Нечкин, директор Казанского промышленного училища. Весь день, сообщила Милица Васильевна в дневнике, она «бегала из-за его ареста по своим знакомым коммунистам и разным влиятельным людям». «Полумертвая от усталости», она рассказала о легших на ее плечи хлопотах по прояснению ситуации и организации передач еды, а также о реакции людей, к которым ей пришлось обращаться за помощью. «Все обещают, успокаивают. Но сделают ли что-нибудь? Они все любят со мной встречаться, смеяться, болтать, говорить как с “поэтессой”, провожать до дому, — писала М.В.Нечкина и восклицала: — Господи, как страшно чувство бессилия»[4].

Отчаянно стараясь повлиять на судьбу отца, она не оставляла своих попыток добиться его освобождения. В ночь на 9 ноября 1921 г. Милица Васильевна заносит в дневник: «Весь день бегала. Была в Чека, у Гнатовского, у Земмлера. Еще ничего не известно. Следствия как будто еще не было. Дождь льет, сыро, холодно, темно. А папа — в тюрьме. Папа, папа в тюрьме. Когда мы спросили, топят ли в тюрьме, тепло ли там, отвечали: “Надышат”»[5]. Обаяние рыцарей революции осталось, по-видимому, в прошлом.

10 ноября В.И. Нечкин был выпущен из заключения и вернулся домой, «сильно похудевшим и ослабевшим». Описывая его эмоциональное состояние, Милица Васильевна подчеркнула, что он «весь наполнен чувством обиды, что был в тюрьме». Одновременно она заметила, что это было «чувство, свойственное людям прежнего времени и уже чуждое нам»[6]. Примирение с издержками революции было неизбежной платой за возможность успешной карьеры историка-марксиста. Страх репрессий, которым были отягощены многие советские историки этого поколения, в том числе и М.В. Нечкина, был причиной многих компромиссов и определенного конформизма, которые проявлялись и в исследовательской деятельности.

Интересно, что даже А.М. Панкратова, до мозга костей преданный революционным идеалам и большевистской партии историк-марксист, переживала разрушение романтики революции. В феврале 1922 г., находясь на партийной работе на Урале, она писала с Каслинского завода: «Когда-то, помню, девочкой, читая впервые “Историю Парижской коммуны”, я пламенно мечтала о ней и завидовала тем, кто жил и боролся тогда»[7].

Однако дальнейшее содержание письма показало, что эти иллюзии Анны Михайловны при соприкосновении с действительностью рассеялись. «Теперь я увидела, что революция — далеко не так героична и красива вблизи, как это казалось тогда, что она жестока, сурова, неприглядна», — признала она[8]. И все же интерес к

основной силе революции (в большевистской трактовке) — пролетариату — она не утратила. Начав с истории фабрично-заводских комитетов, которую она изучала по материалам заводских архивов[9], А.М. Панкратова поставила перед собой задачу создания обобщающего труда по истории пролетариата СССР, который был ею начат, но не завершен[10]. Основной смысл своей жизни — личной и профессиональной — она всегда определяла как «революция, работа для нее, РКП»[11]. Свою убежденность в правоте сделанного ею в юности большевистского выбора А.М. Панкратова сохранила, несмотря на выпавшие на ее долю испытания в период сталинских репрессий и последующие годы.

Понимание революционных идеалов не было идентичным даже в пределах одной генерации историков. Среди историков-марксистов первого поколения была не редкостью полемика вокруг сложившихся в 1920—1930-е годы канонов освещения событий Октябрьской революции и изображения ее лидеров.

В качестве одного из многих возможных примеров остановимся на рассмотрении ситуации, возникшей в Институте истории АН СССР в октябре 1948 г. во время обсуждения работы Э.Б. Генкиной, посвященной государственной деятельности В.И. Ленина[12]. На этом заседании Э.Б. Генкина спорила со своими коллегами по Институту о том, каким должен был быть образ вождя революции — В.И. Ленина и как его следовало передавать в исторических исследованиях, построенных на достоверных свидетельствах эпохи. Один из основных участников полемики — И.А. Хренов[13] — был убежден, что использование Э.Б. Генкиной воспоминаний А.В. Луначарского, в которых содержалось описание манеры поведения В.И.Ленина во время заседаний Совнаркома, снижало образ вождя революции.

Отметив, что Э.Б. Генкина привлекла интересный материал, характеризовавший работу большевистского лидера, он высказал ей упрек в том, что «в погоне за обилием большого материала приводятся факты, которые не могут явиться типичными и ни в какой степени не могут характеризовать работу Ленина как председателя Совета народных комиссаров»[14].

И.А. Хренов считал, что ряд приведенных свидетельств не согласуется с принятой в партии и исторической науке трактовкой его образа как вождя. Он привел цитату из рукописи Э.Б. Генкиной, в которой говорилось, со ссылкой на А.В. Луначарского, о том, что Ленин боролся за дисциплину во время заседаний Совнаркома, предлагая записывать всех запоздавших, и дал свой комментарий. Приведем его выступление полностью, несмотря на значительный объем.

«Все это правильно, предположим», — сказал И.А. Хренов, не оспаривая авторитета первого советского наркома просвещения. Но Э.Б. Генкиной не следовало, по его мнению, брать эти факты, хотя в их достоверности он не сомневался. «Надо ли говорить, — продолжал И.А.Хренов, — что Ленин выговаривал за неточность, которую себе позволяли докладчики, а иногда подшучивал над ними и сам принимался добродушно хохотать и веселый, бодрый смех всех присутствующих оглашал тогда зал заседаний СНК». По его мнению, «“бодрый смех оглашал зал заседаний СНК”, — этого указывать не следовало бы». Дальнейшие слова разъяснили его позицию: «Я думаю, что для характеристики работы СНК, где присутствует вождь, едва ли стоит указывать, что смех оглашал зал. Я бы против этого возражал, потому что факт не типичный и ни в какой степени не может характеризовать работу вождя. Смех очень хорош в театре и в другом месте, но во время напряженной работы в [19]21 г. в работе СНК вряд ли это было типично, и я с этим не могу согласиться»[15].

Данный факт нарушал представления историка о работе первого в мире революционного правительства рабочих и крестьян. Картина его деятельности могла слагаться исключительно из работы на износ, и работали так суровые и строгие коммунисты.

Следует упомянуть еще об одном замечании, которое было сделано Э.Б. Генкиной в ходе того обсуждения. О.Н. Чаадаева[16] предложила Э.Б. Генкиной «подчистить» беседу В.И. Ленина с крестьянином Соколовым. Этот эпизод, по ее мнению, не согласовывался с концепцией «Ленин-вождь». Как не отвечал, по всей видимости, и ее собственным представлениям о том, как следовало отображать вождя революции. «Кто читал эту беседу, то, вероятно, обратил внимание на то, что в беседе с Соколовым Ленин выглядит чуть ли не учеником, Соколов поучает Ленина, как надо делать, как подойти к крестьянам, какую политику проводить. Это очень нехорошо звучит. Это место, может быть, надо изъять и передать это содержание своими словами», — рекомендовала О.Н.Чаадаева автору[17].

Надо заметить, что Э.Б. Генкина не стала спорить и согласилась устранить из рукописи почти все, что вызвало сомнения или нарекания рецензентов. «Но одним я не поступлюсь — это ленинским смехом, — твердо сказала Э.Б. Генкина. — Я поступлюсь Соколовым, вычеркну его, но я не хочу выбросить из работы всю интимную прелесть живой истории, что Ленин смеялся громко и заразительно, и Сталин вместе с ним смеялся»[18]. В подкрепление своей позиции она сослалась на воспоминания М. Горького о Ленине. «О ленинском смехе пишут все, кто его знает. И многие побывавшие у нас в СССР рассказывают, что на заседаниях СНК или Совета Министров вожди нашей партии и Правительства заразительно смеются. И это неплохо. Этим поступиться я не хочу», — стояла на своем Э.Б. Генкина[19].

Упорство Эсфири Борисовны в отстаивании ленинского и, заметим, сталинского смеха как неотъемлемой части образа этих двух вождей революции, думается, было связано с индивидуальностью Э.Б. Генкиной как человека и историка. В своих оценках и суждениях она, насколько можно судить по отрывочным свидетельствам знавших ее историков, не была скора на перемены. Подтверждение этому можно обнаружить хотя бы в таком рассказе о Э.Б. Генкиной, слышанном мною от старших коллег. В середине 1950-х она жила летом на государственной даче в поселке Кратово по Казанской железной дороге. Дача была предназначена для двух семей, и во второй половине дома жила семья Е.Н. Городецкого. Мирное сосуществование двух авторитетных историков нарушал портрет И.В. Сталина, который Эсфирь Борисовна отказывалась снять со стены в своей половине дачного дома, несмотря на все звучавшие разоблачения бывшего лидера партии и страны.

Но в целом жертвовать фактами в пользу теоретических построений для советских историков первого марксистского поколения было делом обыденным. Революционные идеалы, владевшие представителями этой генерации, отстаивание ими принципа партийности исторической науки создавали благоприятную почву для продуцирования ими мифов о революции. Их позицию в профессиональной деятельности с предельной ясностью и прямотой сформулировала А.М. Панкратова. В период хрущевской «оттепели», объясняя причины допускавшихся историками-марксистами отступлений от исторических фактов, она сказала: «Товарищи считали, что выполняют свой партийный большевистский долг, когда они в известной мере прикрашивают историю»[20].

Убеждениям «красных профессоров» противостояла точка зрения советских ученых «старой школы». Ее достаточно точно выразил М.М. Богословский, утверждая, что научные «методы не поколеблешь общественным движением»[21]. Действительно,

исследовательские принципы «старой профессуры», в основе которых находилось требование сбора и анализа максимально возможного числа исторических фактов, не были так подвержены политико-идеологическим влияниям и конъюнктуре. Однако приоритет фактов нередко оказывался чреват отсутствием обобщения в исследованиях и вел к созданию работ, намеренно не претендовавших на установление или подтверждение исторических закономерностей. Эта черта «профессорской» исторической науки вызывала неприятие нового поколения историков, которые пришли в историческую науку на волне революционных событий начала XX в.

В ноябре 1919 г. будущий академик М.В. Нечкина, в то время изучавшая историю в Казанском университете, сначала довольно осторожно, а затем с полной определенностью выступила против методологии, предлагавшейся студентам. Ее сомнения были вызваны тем, что «тот метод, который преподносят нам, дает возможность доказать противоположное»[22]. «Я все это еще очень смутно сознаю, но знаю, что меня не удовлетворяет он, что мне хочется чего-то другого», — признавалась М.В. Нечкина в дневнике[23].

В ней родилось желание «эмансипироваться от университета», так как она все глубже убеждалась, что «уже ничего не сможет приобрести на университетских практических занятиях». По ее словам, семинары давали ей лишь «растущее убеждение в шаткости их исторического метода и необходимости работать как-то иначе»[24]. Поиски исследовательского метода привели М.В.Нечкину к марксизму. 1 июля 1920 г. она сделала такую запись: «Для меня открылся в истории целый мир после знакомства с экономическим материализмом. Я как будто прозрела. Я поняла, что такое процесс, и увидела его там, где раньше видела или пустоту, или личность»[25].

Путь от марксистской теории к историческим фактам и их интерпретации, которым следовали молодые историки-марксисты, был неприемлем для большинства историков «старой школы». Р.Ю. Виппер признавался, что этот исследовательский метод ему не давался. «У студента получается, а у меня, профессора, ни черта не получается, — сетовал ученый и прибавлял: — Правда, студенту ничего не мешает, он мало знает, ему схему строить легко, мне труднее, но это люди, для которых история не то, что была для нас в свое время — мешок с фактами”»[26]. Маститый историк подметил специфику подготовки молодых историков-марксистов — вооружение их в первую очередь теорией, а потом уж фактами, которыми можно было и пожертвовать во имя идеологических интересов.

Казалось бы, напрашивается вывод о безусловном приоритете позиции «старой профессуры» как в наибольшей степени отвечающей требованию объективного исследования прошлого. Однако, как ни странно это может показаться на первый взгляд, на помощь историкам-марксистам может быть призвана русская классическая литература. В ней поставлена важная нравственная проблема — всегда ли правда является истиной и как ее знание может отразиться на судьбе человека. Так, в стихотворении А.С. Пушкина «Герой» (1830) есть такие строки:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

Эта же мысль была вложена М. Горьким в уста Луки, персонажа его пьесы «На дне»:

Не всегда правдой душу вылечишь.

Великие русские писатели дают, таким образом, повод для раздумий над феноменом *«прикрашивания»* истории, получившим распространение в советской исторической науке. Революционные идеалы, исповедуемые молодыми историками-марксистами, их ощущение себя участниками строительства нового социального порядка способствовали оправданию допускавшихся ими отступлений от исторической правды. Стремление дать широким мазком образ новой, преобразующейся России не оставляло места фактам, по своему содержанию выпадавшим из кумачовой палитры эпохи.

У молодых историков-марксистов, еще не остывших от революционных баталий, оно было настолько сильно, что можно ставить вопрос не столько о сознательном искажении изучаемых ими проблем, сколько о бессознательном отборе фактов, которые казались им наиболее важными в контексте их взгляда на историческое прошлое. «*Прикрашиванию*» истории в значительной степени также способствовала партийно-государственная политика в области исторической науки, делавшая особый акцент, особенно с середины 1930-х годов, на ее воспитательно-патриотической роли в обществе.

1 «...И мучилась, и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной / отв. ред. Е.И. Пивовар; сост., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М., 2013. С. 87.
2 Там же. С. 117—118.
3 *Нечкина М.В.* : 1) А.С. Грибоедов и декабристы. М., 1947 ; 2) Движение декабристов. М., 1955. Т. 1—2; 3) Встреча двух поколений. М., 1980; и др.
4 «...И мучилась, и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. С. 131.
5 Там же. С. 132.
6 Там же. С. 133.
7 Историк и время, 20—50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000. С. 264.
8 Там же.
9 *Панкратова А.М.* Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923; а также: *Панкратова А.М.* : 1) Политическая борьба в российском профдвижении 1917—1918 гг. [Л.], 1927 ; 2) Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года. М.; Л., 1927.
10 *Ее же.* Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII вв.). М., 1963.
11 А.М. Панкратова — В.А. Домбровскому, 28 декабря 1921 г. // Историк и время, 20—50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000. С. 262. Личный архив М.Г. Панкратовой.
12 Над этой темой Э.Б. Генкина работала в течение ряда лет. Ею была написана обобщающая монография «Государственная деятельность В.И. Ленина в 1921—1923 гг.» (М., 1969).
13 Иван Александрович Хренов (1906—1975) — историк. Окончил Московский институт философии, литературы и истории (1938). В 1948—1949 гг. работал в Институте истории АН СССР. В 1949—1953 гг. — сотрудник ЦК ВКП (б). С 1953 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (заместитель директора, директор, старший научный сотрудник).
14 Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Д. 388. Л. 77.
15 Там же.
16 Ольга Нестеровна Чаадаева (1897—1973) — историк. Окончила Институт красной профессуры (1926). С 1927 г. на преподавательской работе в вузах Ростова-на-Дону и Москвы. Работала в Институте истории Комакадемии, Институте истории АН СССР. Являлась сотрудником Комиссии по истории Великой Отечественной войны (с 1942 г.) Кандидат исторических наук. В 1950-е годы преподавала на истфаке МГУ.
17 НА ИРИ РАН. Д. 388. Л. 97.
18 Там же. Л. 121.
19 Там же.
20 Архив Российской академии наук. Ф. 697. Оп. 2. Д. 70. Л. 303.
21 *Богословский М.М.* Дневники, 1913—1919: из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 323.
22 «И мучилась, и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. С. 103.
23 Там же.
24 Там же. С. 102—103.
25 Там же. С. 113—114.
26 Цит. по: Стенограмма совещания авторского коллектива IV т. «Очерков истории исторической науки в СССР», 1 декабря 1959 г. // Архив Научной комиссии по историографии и источниковедению РАН.

В.В. Тихонов

Революционный миф и политика памяти в СССР в эпоху «оттепели»

Политика памяти[1] являлась важнейшим и, до поры до времени, одним из самых эффективных инструментом легитимации советской власти. Центральным событием советской истории признавалась Октябрьская революция, игравшая функцию мифа основания нового государства, общества и начала новой исторической эпохи, долженствующей закончиться победой коммунизма во всем мире. На протяжении всего существования революционный миф[2] трансформировался в зависимости от политической конъюнктуры[3].

Смерть И.В. Сталина и начавшиеся процессы десталинизации[4] не могли не отразиться и на символическом наполнении образа Октябрьской революции. Шаг за шагом происходило «очищение» революционных символов от фигуры Сталина. Наглядно это проявилось в праздновании 40-летнего юбилея Октября в 1957 г., прошедшем сразу после XX съезда КПСС, на котором был разоблачен «культ личности». В противовес культу Сталина выдвигался «человечный» Ленин. Именно на «оттепель» пришлась новая волна увлечения ленинским наследием, в котором искали альтернативу сталинизму.

Многим избавление от сталинского наследия виделось именно через разрушение многочисленных исторических мифов. Особое значение история революции 1917 года приобрела в свете 40-летнего юбилея. Оценка этих событий становилась и очередной формой выбора пути дальнейшего развития советского общества.

Большое значение имела деятельность советских профессиональных историков. Особую роль сыграла деятельность редколлегии журнала «Вопросы истории» во главе с А.М. Панкратовой и ее заместителем Э.Н. Бурджаловым. Издание старалось публиковать статьи, позволявшие отойти от жестких канонов, навязанных Кратким курсом истории ВКП (б)[5]. Особый резонанс получила статья Э.Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года», в которой автор показал колебания в рядах большевиков в ходе революционных событий, а также сотрудничество местных партийных ячеек с меньшевиками и эсерами. Эти факты нарушали миф о монолитности партии и беспощадной борьбе с другими политическими силами. 9 марта 1957 г. вышло специальное постановление ЦК КПСС, осуждавшее линию журнала[6]. Главный редактор и его заместитель лишились своих должностей.

Тем не менее, изучение революции 1917 года в 1957 г. получило сильный импульс. В декабре был создан Научный совет АН СССР по комплексной программе «История Великой Октябрьской социалистической революции», возглавляемый И.И. Минцем[7]. В 1958—1968 гг. совет провел 30 научных сессий[8]. На этот же год пришелся пик публикаций архивных документов по истории революции[9]. Впрочем, приходится учитывать явную тенденциозность в отборе и археографической подготовке этих публикаций. Многие из них издавались в извлечении, когда части документов, не вписывающиеся в миф об Октябре, просто изымались. На порочность такой практики указывалось еще в советское время[10].

В июне 1957 г. была разгромлена т.н. «антипартийная» группа — В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Л.М. Каганович и «примкнувший к ним» Д.Т. Шепилов. Непосредственно накануне юбилея в отставку был отправлен Г.К. Жуков. Не менее насыщенны-

ми были внешнеполитические события. С одной стороны, приоткрывался «железный занавес», что, в частности, выразилось в проведении летом 1957 г. в Москве Всемирного фестиваля молодежи и студентов, а с другой — происходило брожение в социалистическом лагере, о чем свидетельствовало недавнее венгерское восстание. Наконец, в октябре на орбиту был выведен первый в истории искусственный спутник Земли.

Все это так или иначе нашло отражение в официальных тезисах «К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957)», опубликованных от имени Отдела агитации и пропаганды и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС[11]. В новых условиях они должны были стать не только отчетом и подведением итогов, но и программой на ближайшее будущее. В них уже традиционно подчеркивались небывалые успехи развития СССР по сравнению с Российской империей 1913 г. Оставив далеко позади главный критерий прошлых лет — царскую Россию, партия устанавливала новый ориентир — догнать и перегнать Америку по ВВП на душу населения. Главным итогом Октябрьской революции называлось построение социализма, что предполагало скорый переход к строительству коммунизма.

Великая Отечественная война объявлялась важнейшей проверкой на прочность строя, началом которого стала революция. Важно отметить, что, помимо акцента на роли СССР во Второй мировой войне, признавались заслуги и союзников — США и Великобритании. Это был своеобразный жест дружбы бывшим соратникам по антигитлеровской коалиции, который свидетельствовал о курсе на разрядку, начавшуюся после Женевских соглашений 1955 г. Более того, утверждалось, что «в наше время война не является фатально неизбежной». Это было как внешнеполитическим посланием, так и сигналом для граждан СССР, снимавшим напряжение мобилизации последних десятилетий.

Ситуация в партии, связанная с «антипартийной группой», была выражена в пространном напоминании о борьбе партии против разнообразных уклонистов за свое единство. Врагом объявлялся и современный ревизионизм, искажающий социалистическую идею. Как пример был назван бывший премьер-министр Венгрии Имре Надь.

Итак, тезисы задавали идеологическое наполнение юбилея. Но написание коммеморативного сценария и его воплощение столкнулись с рядом проблем, вызванных отсутствием четких указаний. Не совсем было ясно, что делать с фигурой Сталина. На всякий случай было рекомендовано вынести некоторое количество портретов Сталина во время торжеств[12]. Одновременно звучали призывы максимально показать народный характер революции, а не концентрироваться на вождях.

Важно указать, что в год 40-летия революции 1917 года не забыли и о Февральской революции[13]. Подчеркивалось, что она была реализована силами большевиков. Но, с другой стороны, Февральская революция как символ демократизации хорошо вписывалась в «оттепель».

Международная программа юбилея занимала особое место. СССР стремился продемонстрировать свою открытость и готовность стать лидером «прогрессивного человечества». Советская пресса оказалась открыта для публикаций теоретических статей представителей коммунистических и социалистических партий других стран, в том числе и бывших противников, вроде Югославии. 6 ноября на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР присутствовали делегаты десятков стран мира[14]. Юбилей стал еще и смотром сил социалистического лагеря. По инициативе нового главы Венгерской Народной Республики Я. Кадара (ему было важно продемонстрировать лояльность Кремлю) в параде приняли участие военные стран народной демократии[15].

«Оттепель» в политической и культурной жизни подпитала возрождение революционного мифа в советском обществе. 40-летний юбилей революции стал одним из

мощнейших толчков к этому. Не меньший вклад внесла кубинская революция и ее харизматичный лидер Фидель Кастро, который в 1961 г. заявил о стремлении строить социализм. Для советских граждан кубинская революция стала символическим продолжением Октябрьской, возродив в Советском Союзе неподдельный интерес к собственному революционному прошлому. Одновременно Кубинская революция, отличавшаяся демократичностью, антимперскостью и романтизмом, являлась своеобразной метафорой «оттепельной» либерализации СССР[16].

Именно на 1960-е приходится время подлинного, неформального обращения к образам революции. В театре на Таганке с аншлагами идет спектакль «Десять дней, которые потрясли мир», написаны пьесы М.Ф. Шатрова «Именем революции», «Большевики» и др. Революционные метафоры охотно используются в стихах А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко и многих других. Вышел на экраны под названием «Неуловимые мстители» ремейк фильма 1920-х годов «Красные дьяволята», целиком и полностью построенный на романтике революции и гражданской войны.

В то же время можно было наблюдать, что революция и лозунги верности ее идеалам продолжали оставаться ареной негласной борьбы между властью и простым народом. Радикальное расхождение между пропагандой и реальностью, особенно повышение цен на продукты питания, привели к тому, что люди начинали ностальгировать по прошлому, а символом прошлого являлся Сталин. В этом случае показательны массовые волнения, происшедшие на демонстрации в честь Октябрьской революции в Сумгаите 7 ноября 1963 г., когда местные власти запретили приносить на парад портреты Сталина. Попытки отобрать принесенные изображения вождя привели к волнениям и столкновениям с милицией. Портрет Хрущева забросали камнями. Наиболее активные участники были арестованы и получили сроки[17].

В 1964 г. Хрущева сместили. Новая политическая обстановка отличалась сложной гаммой различных тенденций и идейных поисков. С одной стороны, продолжалась инерция «оттепели», а с другой — наблюдались попытки осторожной реабилитации Сталина[18]. Публикация письма историков Е.М. Жукова, В.И. Шункова и В.Г. Трухановского[19], в котором ставилась под сомнение правомерность использования термина «культ личности», вызвала ответную реакцию в виде «письма 25-ти», выражавшего протест замалчиванию сталинских преступлений[20].

Инерция «оттепели» проявлялась и в стремлении ряда интеллектуалов отказаться от некоторых основополагающих мифов об Октябрьской революции. Большой резонанс вызвала публикация в 1966 г. в журнале «Новый мир» (№ 2) статьи В. Кардина «Легенды и факты», где доказывалось, что легендарного залпа крейсера «Аврора» не было. Это, впрочем, не помешало сделать «Аврору» одним из центров юбилейных торжеств в 1967 г. Она даже дала холостой залп по Зимнему дворцу.

4 января 1967 г. появилось постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». План мероприятий по празднованию 50-летнего юбилея включал массированное использование интеллектуальных ресурсов страны для пропаганды революции. Писателям, поэтам и драматургам настоятельно рекомендовалось написать произведения к юбилею[21]. Кроме того, проводилось множество спортивных, культурных, научных и др. мероприятий, приуроченных к знаменательной дате. Оптимизм руководства был настолько велик, что всерьез обсуждался вопрос об альтернативе Нобелевской премии — премии к 50-летию Октября[22].

Историческая наука отреагировала на юбилей появлением ряда выдающихся исследований революционных событий 1917 года. Например, коллективной монографии ленинградских историков «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадца-

тый год в Петрограде» и фундаментального труда Э.Н. Бурджалова «Вторая русская революция»[23].

Но публикация в журналах «История СССР» (главный редактор — Ю.А. Поляков) и «Неделя» (главный редактор — А.Л. Плющ) некоторых глав воспоминаний известного консервативного политика начала XX в. В.В. Шульгина, возвращенного во время Второй мировой войны в СССР и осужденного за «антисоветскую деятельность» (досрочно освобожден в 1956 г.), вызвала скандал, дошедший до генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева[24].

50-летний юбилей стал демонстрацией возросшей технической мощи СССР. Накануне юбилея были введены в эксплуатацию Останкинская телебашня, грандиозная гостиница «Россия». Над Москвой была устроена огромная инсталляция: над Государственной библиотекой им. В.И. Ленина на дирижабле был подвешен гигантский плакат с изображением В.И. Ленина, который подсвечивался в сумерках. Также прошли традиционные парады и митинги. Хитом по кассовым сборам стала приуроченная к юбилею кинокартина «Свадьба в Малиновке», показывающая гражданскую войну в опереточном стиле. Таким образом, трагедия все больше приобретала черты романтико-героического эпоса.

Но настоящим прорывом в «присвоении» Октябрьской революции не помнившим ее поколением стала постановка О. Ефремовым пьесы «Большевики» М. Шатрова в театре «Современник». «Вершина режиссуры Олега Ефремова — хором с залом петь “Интернационал”», — записал в своем дневнике сценарист Г.А. Елин[25].

Насколько эффективным в плане идеологической мобилизации стало празднование 50-летнего юбилея Октября, можно судить по сохранившимся дневникам. Как это часто и бывает, сохранились противоположные отклики. Люди в возрасте, особенно представители интеллигенции, реагировали часто сдержанно и даже критически. Например, А.И. Кондратович, заместитель главного редактора «Нового мира» А.Т. Твардовского, в ноябре 1967 г. (очевидно, уже после юбилея) сделал следующую запись: «Праздники прошли неинтересно. Праздновали потому, что не работали. Не дата веселила, а возможность выспаться, погулять, выпить. Праздничный шум глушил людей весь год. И оглушил. К нему не просто привыкли, а стали равнодушными. В праздник было больше, чем раньше, флагов, транспарантов, иллюминаций, но оставалось впечатление, что все это оболочка, внешнее, не затрагивающее душу людей»[26].

Иначе настроения описывала ленинградская студентка, член ВЛКСМ З.С. Лелянова: «На демонстрацию пошли с энтузиазмом. Но пока дошли до Дворцовой площади, ноги начали заплетаться. А всё равно было замечательно. Особенно понравилось, как наши студенты для согрева плясали летку-еньку... В одном доме на верхнем этаже бабуля выглядывала в открытое окно, а рядом на подоконнике сидел кот, и бабуля ему рассказывала о демонстрации, показывала на нас пальцем, и кот вертел головой в том направлении, куда она показывала, смотрел на нас с умным выражением на “лице”.

Около Военно-морского музея на ступеньках стоял в толпе мальчик лет восьми и на маленькой гармошке играл революционные песни. Да так здорово играл, что все подхватывали их.

А вечером на стене Петропавловки зажглись пятьдесят факелов. Стреляла “Аврора”. Были такие салюты, каких я никогда не видывала и навряд ли увижу когда-нибудь.

Через Дворцовую площадь мы с Люсей и Наташей направились к вокзалу. На площади у многотысячной толпы воистину был “единый дух”. Под аркой Главного штаба все кричали, свистели. Идет лавина народа, все орут, смеются — просто так, от полноты чувств»[27].

Очевидно, что перед нами два полюса восприятия. Один со стороны человека, принадлежавшего к интеллектуальной элите, к тому же оказавшегося в напряженной ситуации, связанной с цензурными запретами и давлением на журнал «Новый мир». Естественно, что это не способствовало оптимистическому восприятию действительности. Другой принадлежит оптимистичной молодой девушке, для которой происходящее — настоящий праздник и источник позитивных эмоций. Здесь же важно отметить, что для простого человека в юбилее тесно переплетались идеология и быт, и последнего становилось все больше.

1967-й г. запомнился широким массам и курьезным, но напрямую связанным с юбилеем случаем в истории советского футбола. Дело в том, что по итогам сезона из высшего дивизиона вылетал ленинградский футбольный клуб «Зенит». Ленинградская общественность и местная партийная элита подняли большой шум, вопрошая, неужели клуб из города — «колыбели революции» вылетит в низшую лигу в год юбилея Октября. В итоге было решено спасти «Зенит», увеличив количество клубов в высшей лиге на один. Неудачник сезона из Ленинграда автоматически в ней оставался[28].

Итак, политика в отношении памяти революции 1917 года вписывалась в противоречивые тенденции развития советского государства и общества периода «оттепели». Так же, как и раньше, революционные годовщины должны были способствовать мобилизации населения. Но теперь они все больше приобретали черты просто праздника, скорее профанационного, чем героического. Уже в это время был запущен механизм «гипернормализации»[29] восприятия «священной Октябрьской революции», приведшей в конечном счете к потере ею эмоционально-идейного заряда и привлекательности.

1 О концепциях политики памяти / исторической политике см.: *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 17—125.

2 В данной работе используется понятие «революционный миф», подразумевающее синтез идеального и реального в репрезентации истории Октябрьской революции. О понятии миф см.: *Осадченко Ю.С., Полозова И.В.* Миф // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 518—521.

3 Краткий очерк см.: *Тихонов В.В.* Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92—112

4 *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. Гл. 1.

5 *Сидорова Л.А.* : 1) Оттепель в советской исторической науке: советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997 ; 2) Феномен «санкционированной свободы»: «Вопросы истории» академика А.М. Панкратовой // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 532—561; Ключевое событие «оттепели» в советской исторической науке: выступления по докладу Э.Н. Бурджалова на читательской конференции редакции журнала «Вопросы истории», 20 июня 1956 г. / публ. Л.А. Сидоровой // История и историки, 2009—2010: историогр. вестник. М., 2012. С. 316—363; *Савельев А.В.* Номенклатурная борьба вокруг журнала «Вопросы истории» в 1954—1957 годах // Отечественная история. 2003. № 5. С. 148—162; и др.

6 Справочник партийного работника. М., 1957. [Вып. 1]. С. 381.

7 О времени и обстоятельствах создания совета см.: *Исхаков С.М.* Из опыта изучения Октябрьской революции (1957—1985 гг.) // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века: сборник материалов всерос. науч. конф. М., 2007. С. 132—138.

8 *Городецкий Е.Н.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября, 1930—1960-е гг.: очерки. М., 1982. С. 93. См. также: Великая Октябрьская социалистическая революция: библиогр. указ. документальных публикаций / сост. В.В. Филагина, И.Л. Геллер, Л.А. Котельников и др. М., 1961.

9 *Городецкий Е.Н.* Указ. соч. С. 218.

10 Там же. С. 213—214.

11 Правда. 1957. 15 сент.

12 *Махнырев А.Л.* Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР (1945—1964 гг.): дис. ... канд. ис. наук: 07.00.02. М., 2015. С. 191.

13 Там же. С. 193—194.

14 Там же. С. 280 (Прил. В).

15 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Ед. хр. 235. Л. 81—83.
16 *Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. М., 2013. С. 78.
17 *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск, 1999. С. 392—396.
18 *Богдюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 65.
19 *Жуков Е., Шунков В., Трухановский В.* Высокая ответственность историков // Правда. 1966. 30 янв. С. 2.
20 См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945—1991. Новосибирск, 2000. С. 255.
21 Все это происходило на фоне кризиса в Союзе писателей СССР, вызванного письмом А.И. Солженицына против цензуры. См.: *Соколов К.Б.* Художественная культура и власть в постсталинской России: союз и борьба (1953—1985 гг.). СПб., 2007. С. 270—273.
22 *Брежнев Л.И.* Дневники и записи. URL: http://prozhito.org/notes?date=%221967-01-01%22&diaries=%5B354%5D (дата обращения: 22.09.2017).
23 *Бурджалов Э.Н.* : 1) Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967 ; 2) Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.
24 *Поляков Ю.А.* Минувшее. Фрагменты: (воспоминания историка). М., 2011. Кн. 2. С. 171—186.
25 *Елин Г.А.* Дневник. 7 ноября 1967 г. URL: http://prozhito.org/search/diaries/[328]/date/1967-01-01/dateTop/-/keywords/-/locations/-/mentioned_persons/-/tags/-/langauges/[0]/ (дата обращения: 23.09.2017).
26 *Кондратович А.* Новомирский дневник, 1967—1970. URL: http://prozhito.org/notes?date=%221967-01-01%22&diaries=%5B509%5D (дата обращения: 23.09.2017).
27 *Лелянова З.С.* Все станет прошлым: дневник Лыковенко (1962—1968). URL: http://prozhito.org/notes?date=%221967-01-01%22&diaries=%5B969%5D (дата обращения: 23.09.2017).
28 *Прозуменщиков М.Ю.* Большой спорт и большая политика. М., 2004. С. 354—355; *Вартанян А.* ЛЕТОПИСЬ Акселя ВАРТАНЯНА [Электронный ресурс] // Спорт-Экспресс. URL: http://www.sport-express.ua/football/rest1/news/285624-letopis-akselja-vartanjana-dva-ochka-za-shestsot-rublej.html (дата обращения: 14.02.2017).
29 Под этим А. Юрчак подразумевал стандартизацию, нормализацию идеологии: *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М., 2014. Гл. 2.

П.П. Марченя

Февраль и Октябрь 1917 года в исторической памяти и политическом календаре России

Полярность оценок Февраля и Октября 1917 года, сохраняющаяся даже в рамках узкого круга историков, специализирующихся на исследовании именно Революции (не говоря уже о публицистах, политиках и широкой общественности вне специализированного экспертного сообщества) свидетельствует об актуальности этой проблемы не только в академическом смысле, но и в контексте национальной безопасности[1] и цивилизационного суверенитета России[2]. Острые дискуссии на всех научных мероприятиях, посвященных вековому юбилею Великой Российской революции, несмотря на официально провозглашенный курс к «народному согласию» и «примирению сторон», демонстрируют не утратившую за целый век злободневности принципиальную непримиримость наследников Февраля и Октября. Сегодняшние условные «февралисты» и «октябристы», спустя столетие продолжающие одновременно взывать к духам «освободительной» весны и «очистительной» осени 1917 г., не просто вновь и вновь «пытают на разрыв» историческую память и цивилизационную идентичность российского общества[3], но и ставят на повестку дня возможность актуализации аналогичных событий в политическом кален-

даре современной России, воспроизводя ситуацию гражданского противостояния «белых» и «красных», чреватую очередными великими потрясениями.

Увы, на сегодняшнем Столетнем рубеже для России и всего мира нет оснований ни для признания невозможности повторения социальных катаклизмов, происшедших век назад (пресловутой «исчерпанности лимита на революции»), ни для отмены грозного диагноза, поставленного современности полвека спустя (к Пятидесятилетию Революции): «Проклятие несовершившихся перемен написано огненными буквами на стенах этого мира. Вот откуда растет отрицательный потенциал, сделавший современность *эпохой страха*...»[4].

Значимость непредвзятого — *sine ira et studio* (*«без гнева и пристрастия»*, — как сформулировал священный долг каждого добросовестного историка еще Публий Корнелий Тацит в самом начале знаменитых «Анналов»[5]) — осмысления событий Февраля — Октября, казалось бы, признается всеми — политиками и учеными, левыми и правыми, русофобами и русофилами, либералами и консерваторами, советологами и россиеведами. Вот только всякие попытки «беспристрастного» разговора о революции немедленно возбуждают страсти[6] и раскалывают аудиторию на гневливых «революционеров» и «контрреволюционеров». В ожесточенных спорах, которые ведутся в залах ученых советов и научных конференций, на трибунах, «судах», «дуэлях» и «рингах» теле- и радиоэфиров, на страницах печати и бесчисленных сайтах Мировой Паутины, отчетливо различимы отголоски гражданской войны (дай Бог, чтобы лишь давно прошедшей, а не снова грядущей). Даже обычно самые мирные и пацифично настроенные ученые резко теряют академическую невозмутимость, стоит лишь зайти речь о месте Февраля и Октября в нашей истории. На любом «круглом столе», посвященном Революции, сразу же обозначаются болезненно жгучие «острые углы», явно несовместимые с «округло-застольным» спокойствием сообщества профессионально равнодушных к добру и злу летописцев, — и никак не удается достигнуть не только единства, но хотя бы компромисса даже работающим в одних и тех же архивах и заседающим в одних и тех же кабинетах историкам. А для публицистов и политиков оценочная интерпретация Февраля и Октября и вовсе остается одним из главных критериев партийной дифференциации и идеологической демаркации социума на потомков и преемников «красных» и «белых»: «наших» и «не наших» и прочих «своих» и «чужих».

И приходится признать, что отношение к Февралю и Октябрю ставшего нарицательным «Семнадцатого года» прошлого столетия — уже в новом веке и новом тысячелетии — все еще способно служить не только банальной «разменной монетой» в политических играх, но и подлинной мерой междоусобного размежевания, актом реального выбора «боевого знамени» и принципиального определения «народа» и «врагов народа» («братоубийственного» распределения «целей») в расколотом российском обществе.

Так вопрос об исторической оценке вековой давности событий наглядно показывает, как и поныне невелика потенциальная дистанция от «круглых столов» к революционным баррикадам. Приходится констатировать: «топор гражданской войны» в России пока не зарыт. «Пепел» героев и жертв революции все еще «стучит» в наших сердцах, призраки «красных» и «белых» неупокоенными бродят по российской земле, потрясая взаимно попранными отеческими святынями и взывая к отмщению все новым поколениям своих кровных и духовных наследников. И пока обсуждение «Смуты» остается «полем брани», «смутное время» российской истории преждевременно объявлять законченным[7].

Проблема сделанного «старой» Россией сто лет назад выбора между Февралем и Октябрем, легшего в основу главного конфликта отечественной истории Новейшего

времени, породившего Советскую Империю и оспоренного пришедшей ей на смену «новой» Россией, сегодня не решена — и в известном смысле России суждено исторически оставаться во все еще не закончившемся для нее XX в. до тех пор, пока она не сумеет определиться в продолжающемся споре Февраля и Октября.

Длящаяся разорванность России на *«Россию Февраля» и «Россию Октября»* обращает «Февраль» и «Октябрь» из исторически памятных вех в полюса общественно-политической жизни современной России и маркеры исторической идентичности, задающие смысловые координаты, в рамках которых строится проективное россиеведение, вычерчиваются различные варианты траектории «Русского пути», генерализуются альтернативные потоки модернизационно-революционных устремлений элит и масс — не столько «старой», сколько «новой» России.

Как и сто лет назад, российские либералы зовут всю «думающую публику» под знамя *Февраля*, печалясь о «несправедливой» гибели «демократической альтернативы», похороненной «темными массами», которые всем либеральным обещаниям предпочли большевистский «кровавый» *Октябрь*.

Для противников такого подхода, напротив, *Февраль* является наглядным воплощением политической недееспособности либерализма в России, а *Октябрь* служит зримой антитезой пустой *февральской* болтовне оторвавшихся от народных корней партийных функционеров и образцом выхода из катастрофического системного кризиса государства и общества, утративших органическое единство и преемственную «связь времен».

Перманентная ситуация «исторического выбора» России — в ситуации глобальных вызовов-угроз современности — превратила академическое изучение Февраля и Октября (которое само по себе «является *своеобразным индикатором... состояния российской историографии*»[8]) в исключительно значимую в контексте информационных войн проблему цивилизационной идентичности и исторического самоопределения. Попытки «подвести, наконец, итоги» Революции и обрести «национальное согласие» («единство» или хотя бы «примирение») из ставшего уже традиционным предмета пристального и пристрастного внимания ученых, политиков и публицистов переросли в жизненно важный для самого существования российского общества и всей российской цивилизации вопрос.

Более того, исследование Российской революции становится необходимой смыслообразующей предпосылкой для ответа на самый главный вопрос россиеведения: *«Что такое Россия?»*.

В свое время на аналогичный вопрос «Что такое Франция?», сформулированный Ф. Броделем[9], П. Нора ответил: «Франция — это память»[10]. Согласно взглядам Нора и его сподвижников на значение «исторической памяти» в социальной жизни нации, такие явления, как «История» и «Память», выступают не только не тождественными, но и прямо противоборствующими по отношению к оценкам фактов прошлого в общественном сознании. *«Память»* освящает, сакрализует минувшее, превращает его в «исторический памятник» (придает ему застывшую, «окаменевшую» форму некого монумента). *«История»* же стремится демонтировать, сознательно разрушить этот стихийно сложившийся монумент, она десакрализует события, лишает «памятники» их священной неприкосновенности.

Но где-то на стыке Истории и Памяти каждая нация имеет (создает и непрерывно воссоздает) собственные т.н. *«места памяти»*. Последние выступают как особые знаки «в чистом виде», двойственные по природе. С одной стороны, они герметичны, самодостаточны, закрыты в себе самих (в своем прошлом), с другой — порождают новые (актуальные для настоящего и устремленные в будущее) значения и смыслы, активно

выходящие за пределы исторической памяти и способные существенно расширять ее относительно тех событий, которым были посвящены изначально.

В этом смысле *Февраль* и *Октябрь* для России оказывается такими общесоциальными «местами памяти», от которых действительно зависит очень многое. И дело даже не в масштабах этих событий в прошлом, а в их значимости для настоящего и будущего. И здесь нельзя не согласиться с В.П. Булдаковым, 20 лет назад написавшим: «Понять “красную смуту” — значит понять будущее России. В конечном счете, это значит понять, наконец, место России в будущем человечества»[11].

Несмотря на непримиримую амбивалентность и принципиальную антагонистичность исследовательских выводов и оценок, большинство скрещивающих полемические копья и перья исследователей все-таки сходятся в одном: отношение к Февралю и Октябрю остается мерой понимания России, краеугольным камнем выбора ее пути и своего места в ней. В ее прошлом, в ее настоящем и в ее будущем.

И в этой связи попытаюсь предельно редуцированно высказать собственную исследовательскую позицию, основанную на многолетнем личном опыте изучения поставленной проблемы и обобщающую целый комплекс авторских научных публикаций (значительная их часть доступна в Сети Интернет, в том числе в коллекции авторского научного проекта «Народ и власть»)[12].

В прошлом веке осевые идеологические крайности *Февраля* и *Октября* привычно можно обозначить как *либерализм* и *большевизм*. Разумеется, партийно-политический спектр Февраля — Октября богаче этих двух полюсных вариантов, но в хаосе Смуты все остальные партийные «альтернативы» могут быть интерпретированы по отношению к идеально-типическому противостоянию февральского либерализма и октябрьского большевизма как «*недо-либералы*» и «*недо-большевики*».

Соответственно, в редуцированной объяснительной модели в качестве «партийных аватар» *Февраля* и *Октября* уместно рассматривать прежде всего две антагонистических институционально-политических силы, которые обе номинально позиционировали себя в духе времени — как *«демократические»*. Это, ставшая в итоге всенародно ненавистной, *Конституционно-демократическая партия*, которая, словно в насмешку над историческими реалиями и собственной политикой, до конца именовала себя *«Партией народной свободы»*. И это *Российская социал-демократическая партия (большевиков)*, поставившая финальную точку в недолгой истории оксюморонной «февральской демократии».

Причем первая партия — кадетов — первоначально была действительно «*первой*» партией Февраля в том смысле, что, выражаясь современным политическим языком, являлась авангардом «креативного класса», намного превосходя противников по уровню образованности, авторитетности и известности. Но именно она очень скоро — и очевидно неслучайно — превратилась в «козла отпущения» для всех остальных политических элит и в воплощение «образа врага» для масс. Более того — сыграв разрушительную роль и в судьбе российского самодержавия, и в судьбе российской «демократии» — эта партия поставила под большой вопрос саму возможность конструктивного бытования в отечественном политическом процессе и либерализма вообще, и многопартийности в частности[13].

Вторая же партия — большевиков — при февральском открытии общеимперского конкурса на замещение оказавшегося вакантным места Власти — фактически попросту *отсутствовала*: ни по степени количественного участия в формировании нового режима, ни по качественному уровню влиятельности она не могла тогда составлять даже намека на конкуренцию. Однако, будучи аутсайдерами на старте, на финише

большевики оставили за бортом российской государственности заведомых фаворитов, так как, в отличие от своих оппонентов, действовали адекватно массам и массовому сознанию, реальному контексту истории России, ее социокультурной «почве».

В этом смысле *Россия Октября* одержала «победу» над *Россией Февраля*. И эту — хотя и горькую — победу нечестно сводить к «пирровой». Ее плоды до сих пор питают многие великие достижения и надежды не только российской, но и всемирной истории.

Непредвзятый анализ «победы» Октября над Февралем показывает, что ее не объяснить лишь готовностью первого к насилию. Причины кроются глубже, и их осмысление исключительно актуально для российской публичной сферы сегодня.

Необходимо, в частности, понять, что *Империя* как способ политического бытия Российской цивилизации в истории есть особая форма единения власти и народа — то есть форма организации не столько пространства, сколько массового сознания. И «смутные времена» в *Имперской* истории есть периоды своеобразной «переоценки ценностей», связанной с необходимостью обновления базового комплекса идеологем и воссоединения живой психологической связи между обществом и властью.

В таком контексте *Февраль* олицетворяет идеологическое банкротство государства и психологическое отчуждение масс от властной элиты, утратившей в их сознании имперско-историческую легитимность. А *Октябрь* знаменуется приходом к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам, изоморфной Имперской традиции.

Победить Смуту было нельзя: ее можно было либо *предотвратить*, либо *возглавить*. И возглавив, преодолеть — то есть превратить в полноценную *Имперскую* революцию, способную предложить «новые» ценности, адекватные массовому сознанию (которое и было подлинной доминантой политической истории смуты и революции[14]), и восстановить жизненно необходимое Империи идейное и психологическое единение народа и власти.

Первый шанс — предотвратить смуту — был упущен. И *Февраль* в российском политическом календаре символизирует этот упущенный исторический шанс.

Реализация второго шанса — возглавления Смуты и преодоления Смуты Революцией — неразрывно связана с *Октябрем*.

И вся т.н. «Февральская демократия», на деле оказавшаяся пустой юридической фикцией и доктринальной химерой «беспризорной» российской интеллигенции, совершенно не готовой остаться без «царских сатрапов» и «императорского караула», один на один с собственным народом, в конце концов была сметена стихией народного гнева, политически оформленной большевиками.

Важно понять, что наша история не умещается в «прокрустовы» схемы «циклично-сезонной» смены «авторитаризма-демократии», «реформ-контрреформ», «модернизаций-застоев» и прочих календарно-политических циклов: «смена времен» в истории происходит не по календарю, а по «принципу наступления на грабли»; если власть не желает быть родной своему народу, то она рождает смуту — и тогда «за Февралем следует Октябрь»[15].

Хочется верить, что политическая элита современной России учтет этот «месседж» истории. И что выбор России не сводится лишь к двум изведанным ею крайностям: либо уже не раз демонстрировавший свою несостоятельность в российских реалиях бессильный бес либерализма, либо куда более эффективный грозный дьявол верховного беспредела.

Давно подмечено, что без «концепции, которая органично сочетала бы в себе элементы либерализма и приверженность самоценной российской государственно-

сти» современная российская власть «не сможет возглавить политическое преодоление “смуты”. И тогда новый узел русского традиционализма завяжет другая — нелиберальная — власть, причем на пути к этому Россия может испытать еще весьма ощутимые утраты»[16]. Вот только для создания «новой национальной схемы» необходимо заново «изучать историю России, любовно вглядываться в ее черты, вырывать в ее земле закопанные клады» — и преодоление смуты возможно, если «будущее сомкнется с прошлым в живую цепь»[17].

1 *Марченя П.П.* Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? М., 2017.
2 Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. М., 2017.
3 *Марченя П.П.* «Февраль» и «Октябрь» в современном россиеведении // Великая российская революция 1917 года: историко-философский анализ. Балашиха, 2017. С. 66—69.
4 *Лифшиц М.А.* Нравственное значение Октябрьской революции // Скепсис: науч.-просвет. журн. [сайт]. http://scepsis.ru/library/id_184.html
5 *Тацит Публий Корнелий.* Анналы // Сочинения: в 2 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 7.
6 См., напр.: *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.
7 *Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к...? // Россия и современный мир. 2010. № 4. С. 48—65.
8 *Поляков Ю.А.* Октябрь 1917 года в контексте российской истории // Россия в XX веке: реформы и революции: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 16.
9 *Braudel F.* L’Identité de la France. P., 1986. T. 1: Espace et histoire. (В рус. пер. см.: *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1994).
10 Les Lieux de Mémoire / sous la dir. de Pierre Nora. P., 1984—1993. 7 vols. (В рус. пер. см.: Франция — память. СПб., 1999).
11 *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 373.
12 Народ и власть [Электронный ресурс] // Соционет. URL: http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvuj
13 *Марченя П.П.* Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 41—52.
14 *Его же.* Массы и партии в 1917 г.: массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2. С. 64—78.
15 *Смирнов А.* За Февралем идет Октябрь // Российская газета. 2007. 10 марта.
16 *Аверьянов В.В.* Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского? // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 103.
17 *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. СПб., 1991. С. 66, 45.

А.А. Талызина

1917 год глазами современного российского школьника

Каждое поколение создает свою историю. Это обусловлено не только существенным обновлением *instrumenta studiorum* современных исследователей, но, главным образом, изменениями в самом обществе, в той среде, в которой творит историк. Вместе с тем, историческая память — это, очевидно, не память историков, а память общества об истории. И насколько подвержено изменениям во времени и пространстве само общество, настолько должна меняться не только оценка тех или иных событий прошлого, но и сам «набор» того, что французский исследователь Пьер Нора определил как «места памяти»[1].

Проблемы исторической памяти, различий в поколенческом восприятии истории заняли прочное место в исследованиях современных историков, социологов, психологов[2]. Своеобразной лакмусовой бумажкой, диагностирующей и состояние современного российского общества, и уровень его исторической осведомленности, стало отношение к событиям 1917 года. 100-летний юбилей того, что ныне принято называть «Великой российской революцией», ознаменовался многочисленными конференциями, выставками, публикациями и передачами в масс-медиа, наконец, опросами общественного мнения. Итог последних весьма неутешителен. «Социологи ВЦИОМа в ходе опроса, проведенного в связи со 100-летием революции 1917 года, протестировали знания россиян по истории и выяснили: они фрагментарны настолько, что «у большинства граждан не может быть полноценного понимания исторических процессов»[3]. Подобное положение вещей не может не волновать, ведь «уроки истории» должны извлекать и те, кто управляет государством, и рядовые граждане[4].

Особое значение в этой связи приобретает проблема восприятия/ неприятия событий, как казалось бы нам, историкам, относительно недавнего прошлого молодым поколением. Ведь именно от сегодняшних школьников напрямую зависит отношение российского общества к нашей новейшей истории в самом ближайшем будущем. Вспоминается весьма любопытная история, случившаяся лет 10 тому назад в одной из московских школ в мою учительскую бытность. Мы рассуждали с ребятами-девятиклассниками о Владимире Ильиче Ленине, пытались вспомнить, кто и что ранее (вне школы) слышал об этом человеке. Один мальчик припомнил, что когда он был совсем маленьким, то увидел памятник Ленину и спросил родителей: «Кто это?» На что получил ответ: «Пойдешь в школу, там тебе все объяснят». Стоит добавить, что мальчик был, как принято говорить, из приличной интеллигентной семьи, и уровень образования родителей вполне позволял как-то удовлетворить интерес шестилетки. Однако ответа на свой вопрос малыш так и не получил... Что стояло за такой позицией родителей? Думается, отсутствие у них самих внятного понимания значения личности Ленина и нежелание брать на себя в этой ситуации некую моральную ответственность за формирование у ребенка определенного отношения к событиям почти 100-летней на тот момент давности.

Что же думают современные старшеклассники о Великой российской революции? Какую оценку они дают тем событиям, и на чем основана эта оценка? Поиск ответов на данные вопросы привел меня, вузовского преподавателя, в недавнем прошлом школьного учителя, в настоящем руководителя Подготовительных курсов исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, к идее реализации данного исследования. **Цель работы** — определить отношение сегодняшних старшеклассников к 1917 году, и через это отношение рассмотреть проблему эволюции исторической памяти в современном российском обществе.

Основу источниковой базы исследования составили опросные листы анкеты. Анкетирование проводилось среди учащихся 10—11 классов Москвы, Московской области, Татарстана[5], слушателей Подготовительных курсов исторического факультета МГУ, а также среди студентов 1 курса биологического факультета МГУ. Важно отметить, что никакого специального отбора и инструктажа участников анкетирования не проводилось. Основной задачей было определить именно представления, а не уровень знаний о революции. Всего было опрошено около 200 человек; сопоставление результатов опроса в разных группах (по отдельным школам, регионам и т.д.) показывает, что процентное распределение голосов везде совпадает с незначительным расхождением в несколько процентов, что позволяет сделать вывод о репрезентативности представленной выборки. Дополнительно (для сравнения) привлекались эссе

участников различных этапов Всероссийской олимпиады школьников по истории, тематически связанных с проблематикой российских революций. Всего было проанализировано около 50 работ.

Перейдем непосредственно к результатам анкетирования. Учащимся было предложено ответить на 8 вопросов. 7 из них представляли собой вопросы тестового характера закрытого типа, то есть участник мог выбрать один или несколько готовых вариантов ответа или предложить свой вариант ответа. Сразу отметим, что 99% школьников предпочли выбор готовых вариантов. Несколько человек попытались в отдельных случаях предложить свои формулировки; почти всегда это касалось слушателей Подготовительных курсов истфака. В 8-м вопросе участники должны были сами предложить варианты ответа.

Результаты обработки данных опроса в программе *Excel* представлены в таблицах.

ВОПРОС № 1

Какое название событий 1917 года, на ваш взгляд, наиболее точно:	**Количество респондентов**	**%**
а) Великая Русская (российская) революция	34	18
б) Февральская буржуазная революция и Великая Октябрьская Социалистическая революция	140	76
в) национальная катастрофа	11	6

На основе представленных материалов можно сделать следующий вывод: новые термины, принятые во ФГОС, пока не очень приживаются. Школьные учителя, а вслед за ними и ученики предпочитают общепринятые наименования. Вопрос терминологии полностью в учительской компетенции — это очевидно. Школьники привыкли называть события так, как их называет учитель[6]. Мало кто вдается в смысл термина и пытается понять, почему то или иное событие получило соответствующее наименование-маркер. Лишь единицы попытались внести небольшие (но сущностные!) изменения в привычные наименования, скажем, вместо Февральской буржуазной и Великой Октябрьской Социалистической революций, использовать просто Февральскую и Октябрьскую революции. Свой вариант «Бунташный год» предложил только один участник.

ВОПРОС № 2

Какая из позиций Вам наиболее близка:	**Количество респондентов**	**%**
а) «главная причина революции — кризис, вызванный Первой мировой войной»	59	31
б) «главная причина революции — кризис, вызванный неспособностью Николая II решить существующие в стране проблемы»	103	54
в) «главная причина революции — кризис, вызванный подрывной деятельностью революционеров и либералов»	28	14
г) «никакого кризиса в стране не было вообще, революция — результат рокового стечения обстоятельств»	2	1

Вопрос о причинах революции представляет принципиальную важность с точки зрения понимания отношения молодых россиян к событиям 1917 года. Так была ли

революция (революции) случайна или закономерна? Обращаем внимание на то, что участник мог выбрать несколько вариантов ответа на этот вопрос.

Как мы видим, 99% опрошенных убеждены: кризис в стране был! При этом свыше половины участников склонны считать последнего российского императора Николая II лично в том повинным. Лишь треть опрошенных связывает кризис с тяготами военного времени (при этом многие называют одновременно две причины: и Николая II (на первом месте!), и войну). В «заговор» либералов и (или) революционеров верят 14% респондентов. Особенно любопытно то, что начисто исчез интерес к немецким деньгам как «катализатору русской революции». Об этом весьма невнятно упоминает только один учащийся.

ВОПРОС № 3

Как 1917 год повлиял на судьбы нашей страны:	Количество респондентов	%
а) негативно: распалась великая империя, огромные жертвы ничем не были оправданы, Россия так и не смогла в XX в. вернуть себе статус Великой державы	37	21
б) позитивно: новая власть смогла решить те задачи модернизации страны, которые были не под силу царскому режиму: было преодолено нараставшее отставание от Запада в промышленной сфере, свергнуто архаичное самодержавие; разрешены противоречия в сфере межнациональных отношений	53	29
в) нельзя однозначно оценивать эти события; есть и негативные последствия, и позитивные	91	50

Как видим, современные школьники не спешат ни линчевать революционеров, ни активно одобрять их действия, а главное, результаты этих действий. Половина опрошенных склонна занимать взвешенную позицию, около трети видит, скорее, положительные последствия 1917 года, пятая часть опрошенных убеждена в преобладании негативных последствий. При сопоставлении с другими данными можно предположить, что почти 80% опрошенных склоняются, скорее, к положительной, нежели отрицательной оценке последствий 1917 года.

Еще более красноречивы ответы на 4-й вопрос.

ВОПРОС № 4

Как 1917 год повлиял на судьбы всего человечества:	Количество респондентов	%
а) влияние огромно: распад Российской империи и революционные события в России в целом повлекли за собой и другие революции, привели к распаду еще несколько империй, изменили ход и повлияли на итоги Первой мировой войны, новая Советская Россия, а потом СССР вернули нашей стране статус Великой державы, влияющей на судьбы мира	111	62
б) влияние огромно: примеру нашей страны последовали многие другие страны и народы, идея построения нового справедливого общества оказалась очень популярной	52	29
в) никак особо не повлиял	10	6
г) Ваш вариант ответа	5	3

Как видим, 91% опрошенных признает колоссальное значение 1917 года для судеб всего человечества! При этом в понимании ребят, как правило, любые события, показывающие значение нашей страны для всего мира, заслуживают, скорее, положительной оценки.

ВОПРОС № 5

Насколько события 1917 года представляются Вам лично интересными и актуальными:	Количество респондентов
а) разумеется, события 1917 года всегда актуальны, ведь они навсегда изменили жизнь нашей страны, повлияли на судьбы всего человечества	121
б) события 1917 глжа интересны и актуальны лично для меня, ведь они изменили жизнь моей семьи	13
в) особой актуальности не вижу; думаю, интерес искусственно подогревается в связи с юбилеем	24
г) я люблю историю, поэтому мне все интересно	33
д) я вообще не люблю историю, поэтому никакого интереса не испытываю	4

Историю в нашей стране, может быть, и не знают, но ЛЮБЯТ! Это регулярно подтверждают данные различных опросов. Наш не стал исключением: лишь 2% участников отметили, что история для них неинтересна. По сути ответ на 5-й вопрос во многом подтвердил то, что выяснилось уже в предыдущем случае: значение 1917 г. огромно. Более того, эти события воспринимаются как вполне актуальные: 86% опрошенных признали это по тем или иным причинам. А вот сами причины заслуживают значительного внимания. Лишь 7% опрошенных испытывают личный интерес, связанный с историей своей семьи. Только один респондент сослался на мемуары прабабушки, то есть продемонстрировал реальную осведомленность в этом вопросе. Для большинства 1917 год значим и интересен не более, чем, скажем, Куликовская битва, Смутное время или Отечественная война 1812 г. А ведь по историческим масштабам прошло не так много времени, хотя бы по рассказам старших ребята могли бы что-нибудь узнать о жизни своих предков в тот период. Но, видимо, это не совсем тот сюжет, по поводу которого старшие сегодня спешат поделиться семейными преданиями.

ВОПРОС № 6[7]

Главные «уроки» 1917 года:	Количество респондентов
а) власть не должна забывать об интересах народа, в противном случае народ может забыть об интересах власти	116
б) власть никогда и никому не должна доверять	4
в) судьба страны в руках самого народа	34
г) судьбы страны определяют яркие личности; народ становится орудием достижения цели в их руках	52
д) Ваш вариант ответа	1

На наш взгляд, чрезвычайно симптоматичны ответы на 6-й вопрос. Участники могли выбрать одновременно несколько вариантов ответа. Более половины опрошенных убеждены: **власть не должна забывать об интересах народа, в противном случае народ может забыть об интересах власти**! Думается, такая позиция свидетельствует о высоком протестном потенциале молодежи. Ведь таким образом за народом признается полное право забыть об интересах власти, более того, молодые россияне автоматически уверены, что интересы народа и власти, как правило, не совпадают, они различны. Как написал один из участников опроса, «между государством и гражданином должен быть честный диалог и готовность к мирным переменам с обеих сторон». Еще один важнейший вопрос: соотношение роли личности и народа в истории.

Применительно к 1917 году мнения наших респондентов разделились: почти 25% отдали предпочтение решающей роли личности, 16% настаивают на том, что «судьба страны в руках самого народа».

ВОПРОС № 7

Основные источники информации про события 1917 года лично для Вас (можно выбрать несколько вариантов ответа, но обязательно конкретизировать):	Количество респондентов
а) художественная литература (назвать произведения и авторов)	48
б) кинематограф (назвать фильмы)	32
в) исторические документы (мемуары, письма, дневники — что конкретно)	45
г) телепередачи, документальные фильмы, публичные лекции (что конкретно)	38
д) учебники	106
е) я мало что знаю об этих событиях, специально не интересуюсь	24

Большинство ссылается на учебники как основной источник информации. Выбирая другие варианты ответа, учащиеся, как правило, не могут назвать конкретных произведений, а упомянутые названия часто усиливают гнетущее впечатление отсутствия серьезного культурного бэкграунда у современного старшеклассника. Конкретные названия литературных произведений, художественных или документальных фильмов, передач, имеющих непосредственное отношение к 1917 году, смогли вспомнить не более 10% опрошенных. Приведу один наиболее одиозный пример — американский мультфильм «Анастасия», содержание которого имеет весьма опосредованное отношение к 1917 году, а к истории точно не имеет никакого отношения, назвали четыре опрошенных, а «Октябрь» С. Эйзенштейна, «Ленин в Октябре» М. Ромма, «Тихий Дон» С. Герасимова по одному респонденту.

Дополняет красноречивую картину ответ на вопрос № 8. Казалось бы, мы уже убедились в том, сколь велика роль выдающихся личностей в событиях 1917 года, с точки зрения участников опроса. Теперь осталось узнать, кто же все эти люди, которым удалось «поднять Россию на дыбы».

ВОПРОС № 8

Если бы Вам пришлось писать историческое сочинение про 1917 год, о каких личностях Вы бы вспомнили в первую очередь?	Количество респондентов
Ленин	112
Керенский	31
Николай II	72
Львов	8
Троцкий	29
Милюков	12
Краснов	3
Родзянко	3
Алексеев	2
Корнилов	15
Колчак	6
Другие	6
Сталин	2
Чхеидзе	2

У ребят наблюдается некоторая путаница в голове: личности, участвовавшие в событиях 1917 года, смешиваются с участниками событий Гражданской войны. Особенно замечателен раздел «Другие» (по 1 голосу), в который наряду с видными деятелями партии большевиков, проявившими себя именно в 1917 году, Каменевым, Зиновьевым, Рыковым, Дзержинским, попали уже покойный Григорий Распутин, а также малопримечательные в контексте событий 1917 года Деникин, Тухачевский, Фрунзе, Чапаев и Молотов. Вряд ли остался бы удовлетворен результатами опроса И.В. Сталин, о существовании которого в историческом контексте 1917 года вспомнил лишь 1% опрошенных (столько же голосов у меньшевика Чхеидзе). А вот Л.Д. Троцкий может быть более-менее спокоен: он среди большевиков на второй позиции, хоть и с явным отрывом от В.И. Ленина (29 голосов у Троцкого и 112 у Ленина). В целом деятелей, связанных с Октябрем, знают около 70% опрошенных, а с Февралем не более 20%. Таким образом, Февраль явно оказался «в тени» у Октября. Почти 40% респондентов вспомнили Николая II, при этом некоторые полагают, что последний император и его семья были расстреляны в 1917 г. Даже Ленина не смогли назвать около 40 % респондентов.

Примечательно, что перед нами ответы 10-классников, то есть тех школьников, которые весь прошлый год посвятили изучению истории именно XX в., и 11-классников, занимающихся повторением всего школьного курса!

Ограниченность конкретно исторических сведений, которыми обладают респонденты, позволяет сделать важный для нас вывод: ответы на все предыдущие вопросы отражали именно представления (форму исторической памяти), а не знания современных молодых россиян!

Подводя общие итоги, заметим: ничтожно малая часть опрошенных резко негативно относится к событиям 1917 года Лишь 6% считают эти события «национальной катастрофой». Общество еще не пришло к консенсусу, но количество явных противников революции падает. Приход революционного 1917 года выглядит в глазах подрастающего поколения закономерным итогом деятельности царского правительства и лично Государя императора Николая II. Подобные подходы и оценки в основном разделяются и участниками олимпиад. Авторы большинства работ, написанных в юбилейном 2017 г., сочли возможным в основном согласиться с позицией А.И. Солженицына: «Все царствование Николая II состоит как бы из двух повторенных кругов, каждый по 11 лет. И в пределах каждого круга он имел несчастный дар свести страну из твердого процветающего положения — на край пропасти: в октябре 1905 и в феврале 1917.... В своем дремотном царствовании, когда бездействие избирается удобнейшей формой действия, наш роковой монарх дважды поспешествовал гибели России»[8].

Вместе с тем большинство опрошенных, как и авторов эссе, слабо ощущает личную связь с событиями 1917 года. Если в арсенал «мест памяти» советского общества прочно вошли и «Ленин на броневике», и «залп Авроры», и «штурм Зимнего», то за последние 30 лет ситуация в корне изменилась. Прежние «места памяти» явно утратили свою актуальность, но на их месте пока не появились новые.

Итак, «игра памяти и истории формирует места памяти, взаимодействие этих двух факторов приводит к их определению друг через друга. Прежде всего необходимо желание помнить»[9]. В настоящий момент данное желание применительно к событиям 1917 года у значительной части российской молодежи отсутствует. Вернется ли Великая российская революция в национальную память будущих поколений — вопрос времени, политической воли руководства страны (пример Великой Отечест-

венной войны, на наш взгляд, вполне убедительно доказывает, что такое возможно в результате целенаправленных действий власти, средств массовой информации и системы образования), и, безусловно, тех оценок событий 1917 года, которое призвано дать современное историческое сообщество. Гордость за прошлое своей страны, своего народа — естественная потребность человека. «Гордиться славою предков не только можно, но и должно», — писал А.С. Пушкин. «Местами памяти» в нашей стране чаще становятся «места славы» (даже если это одновременно «места скорби»), нежели «места позора». Это совершенно естественно. Молодые россияне устали, образно выражаясь, «посыпать голову пеплом», каяться в несовершенных, недоказанных или же имевших место, но совершенно не имеющих к ним прямого отношения преступлениях прошлого. Подобно тому как «Великая Октябрьская Социалистическая революция» была «местом памяти» для большинства советских людей, именно в силу ее «ВЕЛИЧИЯ», у «Великой российской революции» есть несомненный шанс пополнить арсенал национальной памяти, а вот у «национальной катастрофы» его нет!

[1] Напомним, что под «местом памяти» подразумевается любое историческое или культурное событие, жизнь человека, любые объекты (в том числе географические), которое воля людей или время превратило в символической элемент исторической памяти некоторой общности.

[2] См. об этом подробней, в том числе, библиографию: *Репина Л.П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое = The new past. 2016. № 1. С. 82—99.

[3] Россияне путаются в датах и личностях // Коммерсантъ. 2017. 14 сент. (№ 170 (6164)).

[4] Там же.

[5] Хотелось бы выразить искреннюю признательность моим коллегам-учителям за оказанную помощь.

[6] Пример для сравнения. Почти никто из знакомых школьников уже не употребляет термин «Киевская Русь», все дружно и организованно перешли на «Древнерусское государство».

[7] Еще раз подчеркну, что все опросы проводились анонимно, и карающая длань учителя не могла настичь ученика!

[8] Предлагалась в качестве одной из тем эссе на Заключительном этапе Всероссийской олимпиады школьников по истории в 2017 г.

[9] *Нора П.* Как писать историю Франции? // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 40.

Раздел 10
Революция 1917 года в собраниях и коллекциях музеев и архивов

С.Л. Спиридонов

Изменение подходов к музейной интерпретации истории Российской революции 1917—1922 годов (на примере экспозиционной практики Музея политической истории России)

Государственный музей политической истории России был основан 9 октября 1919 г. по решению Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов как Государственный музей Революции (ГМР), поэтому вполне естественно, что ядром его коллекции стало собрание экспонатов по истории Революции 1917 года и Гражданской войны. Тема Революции была основной профильной темой музея в течение всего советского периода, она продолжила оставаться таковой и в Музее политической истории России. В год столетия начала Российской революции уместно будет проследить, как в нашем музее менялись подходы к созданию экспозиции по истории Революции за истекший период.

Здесь нелишне будет сказать, что научные проекты экспозиции нашего музея всегда опирались на точку зрения официальной исторической науки по тому или иному вопросу, принятую в данный конкретный момент. А точка зрения официальной исторической науки менялась не только благодаря работе исследователей, но и в связи с изменениями политической ситуации в стране. История издавна была мощным средством политической пропаганды, поэтому вполне объяснимо желание каждого нового руководителя государства «подкорректировать» историю, исходя из текущих политических задач. И Государственный музей Революции, занимавшийся вопросами собственно политической истории, в огромной степени зависел от «генеральной линии» Коммунистической партии и правительства. Основные изменения в экспозиции музея были обусловлены именно этим обстоятельством.

Большую и интересную коллекцию реликвий Революции и Гражданской войны музей собрал уже в свои самые первые годы. Параллельно с собирательской работой сотрудники Музея Революции занимались и проектированием экспозиции. Залы Зимнего дворца, часть которых и занял Музей Революции, давали для этого большие возможности.

Первые выставки Музея Революции открылись в ноябре 1922 г., они были посвящены некоторым сюжетам из истории революционного движения и Гражданской войны[1].

К 1927 г. уже работали постоянные экспозиции всех отделов музея, в том числе и отдела, который назывался «Февральская революция, Великая Октябрьская революция и Гражданская война»[2]. Надо сказать, что в 1920-е годы сотрудники Музея Революции при создании экспозиций и выставок во многом опирались на свои собственные научные разработки (разумеется, в рамках марксистско-ленинской теории) и на свой собственный опыт (многие из них сами были участниками революционных событий и Гражданской войны), поскольку историография Революции еще только формировалась, а культ личности И.В. Сталина также еще находился в стадии формирования. Но из названия отдела музея понятно, что события февраля 1917 г. и октября 1917 г. тогда уже стали считаться разными революциями.

Экспозиция 1920-х годов показывала в хронологическом порядке все сколько-нибудь важные события Российской революции. Интересно, что зал, в котором разместился тогда раздел «Октябрьское восстание», сам по себе был, в определенном значении, мемориальным. Именно в него попал снаряд, выпущенный из орудия с Петропавловской крепости, и об этом напоминали оконные стекла, вставленные после октябрьских событий, — простые, а не зеркальные, как в других залах дворца. Реальные следы т.н. «штурма Зимнего» (заплаты на пробитых пулями окнах) сохранялись в то время и в других помещениях, занятых под экспозицию[3].

В экспозиции 1920-х годов все политические силы, участвовавшие в Революции, были представлены подлинными экспонатами — документальными и вещевыми. Причем была введена система цветовой маркировки экспозиционных материалов по политическому признаку. Большевистские материалы давались на красном фоне, розовый цвет соответствовал материалам «соглашательских» партий (по всей видимости, меньшевиков и эсеров), на желтом фоне экспонировались материалы «буржуазных группировок» (вероятно, кадетов и октябристов), черный цвет был символом «реакционных группировок» (монархистов)[4]. Думается, что такой прием позволял очень четко и эффектно визуализировать весь спектр политических сил, боровшихся за власть над страной в то время. А с точки зрения исторической науки, это был, пожалуй, наиболее полный и наиболее объективный показ истории Революции за весь советский период существования музея.

В 1932 г. экспозиция была существенно перестроена[5]. Она по-прежнему отражала, в общем-то, все ключевые события 1917—1922 гг. начиная с событий февраля 1917 г. и заканчивая образованием СССР в декабре 1922 г. И по-прежнему концепция экспозиции основывалась на подходе к Февральским и Октябрьским событиям, как к разным революциям. Гражданская война же, в таком случае, тоже подавалась как отдельный процесс, который начался уже после победы Октябрьской революции на всей территории России. Помимо этого, экспозиция, в соответствии с требованиями времени, стала восприниматься, в первую очередь, как наглядное пособие по истории партии большевиков. Конечно, агитационно-пропагандистскую функцию экспозиция музея выполняла и раньше, но теперь эта функция стала главенствующей, со всеми вытекающими отсюда последствиями: на первый план были выдвинуты схемы, диаграммы, цитаты и лозунги, а подлинные экспонаты, которых в экспозиции стало меньше, лишь подкрепляли всю эту наглядную агитацию[6]. Не мог не сказаться на экспозиции ГМР и растущий культ личности И.В. Сталина: в залах появились цитаты из трудов Сталина, раздел по Гражданской войне «украсился» барельефом «Ленин — Сталин»[7].

22 мая 1935 г. по решению бюро Ленинградского горкома ВКП (б) музей был закрыт на полгода для исправления методологических ошибок, найденных в экспозиции комиссией горкома. Музейная экспозиция в ту пору вошла в противоречие с новыми официальными взглядами на историю коммунистической партии и революционного движения[8] и должна была быть перестроена в соответствии с Кратким курсом истории ВКП (б) и фактически стать иллюстрацией этого учебника[9].

Но самое главное, что необходимо было сделать коллективу музея, — усилить экспозиционный показ роли И.В. Сталина в истории ВКП (б) и Революции. Для выполнения этой задачи в экспозицию вводились новые темы, изымались материалы, отображавшие деятельность других лидеров революционного движения, в экспозиции появлялись большие живописные полотна с изображением И.В. Сталина и т.д. и т.п.[10]

Отделы по истории Революции и Гражданской войны были перестроены только к 1937 г., к 20-летию Октября. Теперь они назывались «Партия большевиков в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции» и «Партия больше-

виков в период гражданской войны»[11]. Уже из названий мы видим, что новая экспозиция показывала не просто историю Революции и Гражданской войны, а роль только одной политической силы — коммунистической партии — в данном историческом событии, что соответствовало всему духу той эпохи, да и официальным установкам «сверху».

Небольшевистские материалы из экспозиции исчезли полностью, зато многочисленными материалами была показаны В.И. Ленин и И.В. Сталин (внедрение в экспозицию «теории двух вождей»). Различные экспонаты и материалы были посвящены деятельности верных соратников Сталина во время Революции[12]. Те же участники революционных событий, кто к концу 1930-х годов были объявлены «врагами народа» и уничтожены, в экспозиции, естественно, никак не упоминались — хотя, как мы понимаем, среди них были известные члены партии большевиков, входившие в ближайшее окружение Ленина и оставившие в истории Революции большой след.

В эти же годы музей начал нести потери в своей коллекции — по причинам идеологического характера. 15 декабря 1937 г. в музее была принята инструкция «о порядке изъятия из фондов отделов, хранении и учете материалов, подлежащих передаче в особый фонд»[13]. В ней, в частности, говорилось, что «...все политически вредные материалы подлежат изъятию из фондов отделов и либо уничтожаются... либо передаются на хранение в особый фонд...»[14].

Чистки фондов от «политически вредных материалов» продолжались, с некоторыми перерывами, до 1954 г. Фотографии, документы и вещевые экспонаты, рассказывавшие об истории небольшевистских партий и Белого движения, а также связанные каким-либо образом с «врагами народа» — бывшими видными советскими деятелями, репрессированными при Сталине, изымались из фондов музея и уничтожались в огромных количествах — буквально, десятками тысяч[15].

Все это привело, в числе прочего, к тому, что теперь в Музее политической истории России подлинные материалы, отражающие деятельность небольшевистских сил в Революции, можно пересчитать по пальцам! То же самое можно сказать и о материалах многих известных деятелей Коммунистической партии — членов первого Советского правительства, соратников В.И. Ленина, знаменитых советских военачальников периода Гражданской войны.

6 января 1945 г. Музей Революции был выдворен из Зимнего дворца и был открыт вновь только в 1957 г. в стенах бывших особняков М.Ф. Кшесинской и В.Э. Бранта уже под другим названием: «Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции».

Как следует из видоизмененного названия музея, в его экспозиции тема «Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции» должна была стать основной, главной[16].

Тематический план новой экспозиции был разработан еще в 1955 г. Теперь она должна была состоять из трех больших разделов. Первый раздел «Борьба рабочего класса России в союзе с крестьянством против царизма, помещиков и капиталистов» должен был рассказывать о революционном движении на протяжении 1870—1910-х годов, и заканчивался он «Февральской буржуазно-демократической революцией». Второй раздел, важнейший, получил название «Рабочий класс России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством партии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Здесь речь шла о победе новой революции и о первых мероприятиях Советской власти по строительству социализма. Третий раздел назывался «Советский народ под руководством коммунистической партии в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны.

Образование СССР». То есть, по сути, новая экспозиция также строилась на основе Краткого курса, и музей, в общем-то, рассказывал только о деятельности партии большевиков в революционных событиях[17].

Но, конечно же, И.В. Сталина в тех количествах, в каких он был представлен в предыдущей экспозиции, теперь быть не могло — в стране началась хрущевская «оттепель», в обществе шли процессы «десталинизации».

Тематико-хронологическая по своему принципу экспозиция строилась, в основном, на сугубо плоскостном материале — фотографиях, документах, живописи. В больших количествах были запланированы (и действительно помещены в экспозицию) фотокопии документов и газет, которыми не располагали фонды музея, но которые были необходимы для раскрытия того или иного сюжета[18].

В 1960-е годы в экспозиции был сделан ряд изменений. От музея требовалось повысить «идейный уровень» экспозиции, и, в частности, усовершенствовать раздел по истории Гражданской войны: полнее и шире отразить организующую роль КПСС в разгроме интервентов и белогвардейцев, полнее раскрыть военную деятельность В.И. Ленина в годы Гражданской войны и т.п.[19]

Стоит отметить, что в 1964 г. в экспозиции появились фотографии репрессированных при И.В. Сталине военачальников Красной армии, участников Революции и Гражданской войны: И.П. Уборевича, М.Н. Тухачевского, П.Е. Дыбенко, В.К. Блюхера — не менее значимых, чем, скажем, С.М. Буденный и К.Е. Ворошилов, которые были очень хорошо представлены во всех экспозициях музея. А вот небольшевистские силы, участвовавшие в тех событиях, в данной экспозиции показывать было уже практически нечем, да и невозможно тогда[20].

К концу 1970-х годов руководству музея стала ясна необходимость коренной перестройки всей экспозиции, поскольку она к этому времени уже устарела «морально и физически». Работы над новой экспозицией, согласно приказу министра культуры СССР, начались в 1981 г.[21]

Проект новой экспозиции разрабатывался научным коллективом музея долго и тщательно. В его основу легли новейшие в тот период исследования советских историков, к слову сказать, достаточно качественные с точки зрения фактологии, а также, конечно же, документы КПСС, труды В.И. Ленина и Л.И. Брежнева[22] — в соответствии с условиями того времени.

Первая очередь новой экспозиции, отражавшая события революционного 1917 года, была завершена к октябрю 1987 г. Данный раздел — тогда центральный, основной для музея — получил название «Коммунистическая партия — организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции»[23]. Он строился по тематико-хронологическому методу, рассказывал обо всех основных событиях 1917 г. в Петрограде и был оборудован самыми новыми для того времени техническими средствами. Естественно, что во главу угла ставилась именно история партии большевиков в 1917 г. — как и следует из названия раздела. Событиям 25—26 октября отводился самый большой зал музея: значительную его часть занимала диорама «Штурм Зимнего», а на стенах зала были размещены металлические конструкции красного цвета с вмонтированными в них и подсвеченными изнутри фотопортретами всех участников этого т.н. «штурма». В силу объективных причин зал сохранялся в таком виде до 2009 г., и даже в реалиях XXI в. производил на посетителя большое впечатление.

В рамках подготовки этого варианта экспозиции были созданы историко-мемориальные залы «Секретариат ЦК РСДРП (б)» и «Рабочая комната В.И. Ленина». Здесь были воссозданы интерьеры помещений особняка М.Ф. Кшесинской по состоянию на

апрель — июнь 1917 г., когда в здании размещались Центральный и Петербургский комитеты партии большевиков и другие революционные организации. Они сохраняются в музее и поныне, вызывая большой интерес у разных категорий посетителей. Обновленные и дополненные в 2010-е годы, мемориальные залы стали своего рода «изюминкой» современной экспозиции музея, о которой речь пойдет несколько ниже.

Когда открылась первая очередь новой экспозиции, в стране уже шла т.н. «перестройка». Эта новая государственная идеология позволила научному коллективу уже тогда показать в экспозиции материалы, не выставлявшиеся в музее с 1930-х годов. Так, например, в комплексе, посвященном «Апрельским тезисам» Ленина, была показана газета «Единство» со статьями Г.В. Плеханова, критиковавшими ленинские взгляды на развитие революции. А в одном из залов и вовсе поместили «Сравнительную таблицу русских политических партий», изданную в 1917 г., которая рассказывала буквально обо всех политических силах первого революционного года[24]. Кроме того, в экспозицию были помещены фотопортреты таких деятелей Революции, как Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.И. Рыков и Л.Д. Троцкий. Надо понимать, что помещение в экспозицию материалов такого рода, кажущихся совершенно нормальными и обычными сегодня, даже во время «перестройки» потребовало от научных работников определенной смелости.

В новой экспозиции должна была получить определенное освещение и тема Гражданской войны. Предполагалось, что данный раздел будет построен по проблемному методу[25]. Он должен был называться «Коммунистическая партия во главе народа за защиту завоеваний Великого Октября (1918—1920 гг.)» и занять два зала. В первом зале должна была раскрываться подтема «Партия — руководитель защиты социалистического отечества в гражданской войне». Во втором зале планировалось отразить подтему «Партия — вдохновитель массового героизма и победы в гражданской войне». То есть планировалось показать историю Гражданской войны в России, опять-таки, исключительно через призму истории КПСС, исключая какие-либо иные аспекты данной темы. Показа по годам и фронтам (по тематико-хронологическому принципу) не планировалось. Во втором зале, из двух отведенных под тему Гражданской войны, предполагалось при помощи фотографий, вещевых экспонатов и, возможно, живописных картин создать что-то вроде пантеона героев Гражданской войны — выдающихся командиров Красной армии[26].

Данный проект так и не был осуществлен до конца в связи с падением власти КПСС и распадом СССР. Буквально накануне августовских событий 1991 г., руководство музея и его коллектив полностью поменяли концепцию музея, и в связи с этим предложили для него новое название — Государственный музей политической истории России. Целостная экспозиция, уже больше неактуальная, была заменена системой проблемных выставок.

Начался период поиска новых подходов к теме Революции. Так, в 1991—2002 гг. в музее работала большая выставка «Демократия или диктатура?», посвященная истории многопартийности в России, значительная часть которой была посвящена истории Революции и Гражданской войны. На данной выставке история Революции трактовалась как борьба за власть в России между различными политическими партиями, и такой подход был новаторским для того времени. В 2000—2010-е годы несколько выставок, различных по своим масштабам, были посвящены событиям Февральского восстания 1917 г. и падению монархии в России. Начальный период Гражданской войны в нашей стране всесторонне освещался на выставке «Война проклятая, гражданская» (выставка работала в музее в 2008—2014 гг.). Подготовка данных выставок позволила, помимо всего прочего, оценить возможности коллекции музея по освещению революционной тематики[27].

Темы свержения монархии и Гражданской войны в России также нашли свое место и в новой постоянной экспозиции музея «Человек и власть в России в XIX—XXI столетиях». В процессе ее создания научный коллектив музея существенно продвинулся в деле осмысления феномена Российской революции. Это стало хорошим подспорьем для разработки концепции новой постоянной экспозиции, целиком посвященной только истории Революции. Такая работа была проведена в 2013—2014 гг., а осенью 2015 г. новая постоянная экспозиция Государственного музея политической истории России «Революция в России. 1917—1922» приняла первых посетителей. Расскажем о ней немного подробней.

Совершенно очевидно, что Российская революция — одно из ключевых событий не только российской, но и мировой истории. Интерес к этой теме остается стабильно высоким среди разных слоев населения. Истоки нынешнего состояния России в значительной мере находятся в 1917—1922 гг., поэтому разобраться в этих событиях чрезвычайно важно для российского общества, а Музей политической истории может и должен способствовать этому.

Основная цель, которую поставил перед собой авторский коллектив при работе над новой экспозицией: помочь посетителям музея, а особенно обучающейся аудитории (школьникам и студентам), сформировать объемный, комплексный взгляд на историю Революции[28]. При этом мы ставили задачу подать исторические сведения максимально объективно, не вставая на сторону какой-либо политической силы. Кроме того, авторам экспозиции хотелось напомнить посетителям о том, что Революция была великой трагедией для всех жителей России, независимо от их принадлежности к тому или иному политическому лагерю. Итоги Революции, в целом, весьма противоречивы. В их числе были и положительные, но населению нашей страны пришлось заплатить за них слишком дорогую кровавую цену. И последствия этой трагедии ощутимы до сих пор.

В основу научной концепции экспозиции была положена идея о том, что Революция была единым многолетним процессом, не делившимся на две разные революции, и именно так ее воспринимали сами участники Революции и ее современники. Она началась в феврале 1917 г. с восстания в Петрограде, а закончилась в результате Гражданской войны полной победой большевиков на территории бывшей Российской империи и закреплением этой победы путем создания нового государства, Союза Советских Социалистических Республик, в декабре 1922 г. В рамках данной концепции и Февральское восстание, и Октябрьский переворот, и Гражданская война не рассматриваются нами как отдельные, не связанные друг с другом события, а становятся естественными этапами Революции. Именно такой подход авторы экспозиции посчитали наиболее убедительным и оправданным.

Отметим, что такой подход к Революции, как единому неделимому процессу, разрабатывается профессиональными историками еще с 1990-х годов[29], хотя вопрос о том, сколько революций было в 1917 г., и остается дискуссионным[30].

Для создания архитектурно-художественного проекта экспозиции и для воплощения экспозиции непосредственно в музейных залах был привлечен талантливый петербургский художник-дизайнер А.Л. Менус. Предложенное им художественное решение экспозиции оказалось весьма нестандартным для данной темы. Экспозиция обрела не просто современный и эффектный дизайн, а дизайн, наполнивший ее дополнительными смыслами, сделавший ее более глубокой, многослойной, воздействующей не только на сознание, но и на эмоции.

При построении экспозиции было применено сочетание тематико-хронологического, проблемного и ансамблевого принципов организации экспозиционного пространства. Именно такое совмещение позволило решить поставленные перед экспозицией задачи и внесло в нее определенную динамику.

Экспозиция отображает весь процесс развития Российской революции, от ее начала в феврале 1917 г. до победы партии большевиков в Гражданской войне и образования на месте Российской империи нового государства — СССР, и показывает все основные политические силы, участвовавшие в революционном процессе. Конечно, по уже изложенным выше причинам материалов для отображения в экспозиции небольшевистских или антибольшевистских сил было явно недостаточно. И тут на помощь музею пришел Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), который в этом проекте выступил в качестве нашего основного партнера, предоставив необходимые документы, фотографии и плакаты в достаточном количестве (причем многие из них раньше были известны только узкому кругу исследователей).

В пяти музейных залах размещено около 900 наименований экспонатов и экспозиционных материалов. Документы и фотографии, плакаты и открытки, живопись и графика, необходимые для раскрытия сути революционных событий и их конкретно-исторического содержания, показаны в копиях, что естественно именно для постоянной экспозиции. В то же время экспозиция в достаточной степени наполнена и подлинными музейными предметами: представлено более 150 первоклассных вещевых экспонатов, которые расположены по всей экспозиции в специальных витринах или шкафах, сразу привлекающих к себе внимание, за счет чего она не выглядит «плоскостной» и «копийной». Многие из этих экспонатов носят уникальный характер, и увидеть их можно только в нашем музее.

Как уже говорилось, в новую экспозицию органично «вплелись» историко-мемориальные залы «Секретариат ЦК РСДРП (б)» и «Рабочая комната В. И. Ленина», оставшиеся «в наследство» от Музея Великой Октябрьской социалистической революции. Сохраняя свое мемориальное значение, данные залы в контексте современной экспозиции вводятся в более широкий историко-событийный контекст: с их помощью мы показываем особняк Кшесинской, как один из основных политических центров революционного Петрограда, в котором творилась история революции 1917—1922 годов, где решалась дальнейшая судьба всей страны[31]. Такой интерпретации мемориальных залов способствуют новые экспозиционные стенды с плоскостными материалами, рассказывающими о ходе революционного процесса в стране весной — летом 1917 г.

Историко-антропологический подход, столь важный для более глубокого погружения в историю, реализован посредством экспонатов, имеющих мемориальный характер. Также данный подход представлен специально подготовленной аудиовизуальной программой «Гражданская война в России. Дневники и воспоминания», которая демонстрируется на особом прозрачном мониторе в отгороженном пространстве. Здесь собраны фрагменты из дневников и воспоминаний как «красных», так и «белых», как мужчин, так и женщин, которые были озвучены известными драматическими актерами.

Экспозиция вообще насыщена современными техническими средствами. Так, по всей экспозиции расположилось множество специально оформленных дизайнером мониторов с кинохроникой периода 1917—1922 гг. Малоизвестные документальные кинокадры «живой» истории позволяют окунуться в гущу революционных событий, увлекая посетителей самых разных категорий. Имеется и специальная аудиопрограмма с песнями Гражданской войны, которые пели и «красные», и «белые» на один и тот же мотив, но с разным текстом. А на большом сенсорном дисплее в центре финального зала можно ознакомиться с подробной хронологией событий Революции, проиллюстрированной документами и фотографиями. Рядом, на дисплее поменьше, можно проверить свои знания по истории Революции с помощью специально разработанной викторины, ответить на вопросы которой, не осмотрев материалы экспозиции, довольно нелегко.

Экспозиция также включает в себя оригинально оформленную зону для проведения музейно-педагогических занятий, разработанных научно-просветительским отделом музея.

Новая постоянная экспозиция Музея политической истории России «Революция в России. 1917—1922» вполне соответствует последним достижениям исторической науки и музеологии. Она получила высокую оценку ведущих специалистов по истории Революции, работающих в Санкт-Петербурге, и стала номинантом конкурса Комитета по культуре Санкт-Петербурга «Музейный Олимп-2016».

Экспозиция нашего музея постоянно менялась вместе со всей страной. На сегодня мы пришли, пожалуй, к наиболее объективному и всестороннему показу такого сложнейшего явления, как Российская революция. Надеемся, что в нашей будущей экспозиционной работе мы не утратим этих достижений.

1 *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории Ленинградского музея революции // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. III. С. 63—64.
2 Там же. С. 64, 68—69.
3 Государственный музей революции. Краткий путеводитель по музею. Составлен научными сотрудниками музея. Л., 1928. С. 48.
4 Там же. С. 37.
5 *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 69.
6 *Артемов Е.Г.* К вопросу о периодизации истории Музея Великого Октября (1919—1988 гг.) // Первый историко-революционный: материалы конференции, посвящ. 70-летию музея. Л., 1989. С. 25, 27—28; Государственный музей Революции в Ленинграде. Краткий путеводитель по отделам: империализм и Империалистическая война, февральская революция, Октябрьская революция, гражданская война / сост. Е. Яковлева, С. Чухман, В. Лейкина. М.; Л., 1933. С. 19—32.
7 Государственный Музей Революции в Ленинграде. Краткий путеводитель ... С. 27.
8 *Артемов Е.Г.* Указ. соч. С. 31.
9 Там же. С. 34; Научный Архив Государственного музея политической истории России (НА ГМПИР). Д. 58. Л. 70.
10 *Артемов Е.Г.* Указ. соч. С. 32—33.
11 *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 78.
12 НА ГМПИР. Д. 58. Л. 73—73 об.; Д. 68. Л. 17—18.
13 *Калмыков А.Г.* Технология «исправления истории»: судьба «политически вредных» материалов в фондах Государственного музея политической истории России) // Английская набережная, 4: ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 324.
14 Цит. по: Там же. С. 324.
15 Там же. С. 332—335.
16 *Артемов Е.Г.* Указ. соч. С. 36—38.
17 НА ГМПИР. Д. 244.
18 Там же. Д. 245; Д. 246; Д. 264.
19 Там же. Д. 341. Л. 3—5.
20 Там же. Л. 17; Д. 626. Л. 7—11, 33, 39, 49.
21 Там же. Д. 950. Л. 24, 1—3.
22 Там же. Д. 959. Л. 2—4.
23 Там же. Д. 950. Л. 105—106.
24 *Потифорова М.П.* Сегодняшний день музея // Первый историко-революционный: материалы конференции, посвящ. 70-летию музея. Л., 1989. С. 11.
25 НА ГМПИР. Д. 950. Л. 12.
26 Там же. Д. 959. Л. 120—129; Д. 960.
27 Подробнее об экспозиционно-выставочной работе ГМПИР в 2000-е годы см.: Новый музей: от замысла до воплощения. СПб., 2013.
28 Тематико-экспозиционный план постоянной экспозиции III-й и IV-й частей постоянной экспозиции «Революция 1917—1922 гг.» «Октябрьский вооруженный переворот 1917 г.» и «Гражданская война в России» / Н.Д. Данько, А.Г. Калмыков, Л.В. Кудзеевич, Е.А. Лысенко, В.В. Петров, С.Л. Спиридонов. СПб., 2014. (Личный архив автора).
29 См., например: *Измозик В.С.* Сколько революций было в России?: к методологии вопроса // Россия в XX в. : сб. ст. М., 2003.
30 *Ерофеев Н.Д.* Современная отечественная историография Русской революции 1917 года // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 100—101.
31 *Спиридонов С.Л.* Научная концепция и расширенная тематическая структура экспозиционного решения историко-мемориального комплекса «Кабинет ЦК и ПК РСДРП (б). Рабочая комната В.И. Ленина». СПб., 2013. (Личный архив автора).

А.А. Бойко

Отражение революционной ситуации в художественном кинематографе 1917 г. (на основе фонда афиш ГМПИР)

Революционные события начала XX в. оказали исключительное влияние не только на все мироустройство, но и все виды искусства. Еще задолго до массовых политических выступлений художники грезили о революции. Идея о необходимости переворота в мире виделась художникам авангарда как нечто космическое, вселенское, их влекло стремление к новому миру. Поэтому многие художники откликнулись своим творчеством на политические события и стали частью этих событий. Уже в 1917 г. появляются первые романтизированные образы революции и ее движущей силы — «большевика». Б. Кустодиев в работе над плакатом «Заем свободы»[1] создал образ силы оружия, одновременно ужасающей и привлекательной, — гигантская фигура в военном мундире с винтовкой в руках стоит на ящике как на пьедестале, а за ним движется толпа с красными знаменами. Похожий «бородатый персонаж» появляется в живописной работе художника 1920 г. — «Большевик», но на этот раз он возвышается уже и над зданиями и сам несет в руках красное знамя, перешагивая через улицы и толпу. Также романтично и идеалистично, даже восторженно Февральскую революцию встречают деятели русского кинематографа.

В России до 1917 г. существовали только частные кинопредприятия. Вследствие этого в русском дореволюционном кинематографе и, соответственно, киноплакате коммерческая функция была определяющей. Посетители кинотеатров находились на периферии высокой культуры, поэтому и для кино, и для киноплаката такая публика стимулировала развитие элементов, определявших ее.

К 1917 г. в России действовало несколько десятков кинематографических компаний, основанных как отечественными, так и зарубежными предпринимателями: фирма «А. Дранков и К°» (1907); компания «А. Ханжонков и К°» (1908); «военно-кинематографический отдел Скобелевского просветительского комитета» (1914); «Г. Либкен и К°» (1913) и др.

Фирмы перемещают своих операторов с фронта военных действий на улицы и площади городов, снимая на пленку многотысячные демонстрации и митинги. Так, в Петрограде оператор акционерного общества «А. Дранков и К°» вместе с артистом Л.Н. Вернером в революционные дни совершили объезд мест наибольшего скопления народа и зафиксировали много интересных моментов[2].

Пытаясь не отставать, московские операторы следуют этому примеру. В результате 26 марта зрители смогли увидеть хронику, объединенную в документальный фильм «Великие дни революции в Москве» (режиссер М.М. Бонч-Томашевский). Фильм запечатлел события с 28 февраля по 4 марта и имел большой успех, владельцы всех крупнейших кинотеатров закупили право на его прокат.

3 марта комитет Союза отечественной кинематографии постановил все фильмы, отражавшие февральско-мартовские дни 1917 г., смонтировать в единую ленту под названием «Великие дни Российской революции от 28 февраля по 4 марта 1917 г.» (операторы А.А. Левицкий, П.К. Новицкий, режиссер В. Висковский).

События 28 февраля в Петрограде были представлены в фильме довольно скудно и однообразно. Несколько больше фрагментов было снято в Москве. Кадры фильма были полны оптимизма — повсюду можно было видеть радостные лица людей, заполонивших улицы[3].

23 марта Скобелевский комитет выпустил новый фильм-хронику «Похороны жертв революции» (оператор Юрий Желябужский). Здесь перед зрителем проходили картины нескончаемого шествия с транспарантами, лозунгами и знаменами.

1 мая в Петрограде оператор А.Г. Лемберг впервые снял на кинопленку В.И. Ленина. По воспоминаниям Лемберга[4], ему, как сотруднику фирмы «Кино-Альфа», было поручено закупить сырую негативную пленку в Петрограде. Тогда, купив пленку, он захотел ее проверить и решил для этого произвести хроникальные съемки празднования 1 мая. Утром 1 мая Лемберг снимал большевистский митинг на Марсовом поле и снял трибуну «Правды», где находился В.И. Ленин. Но глава фирмы Ломашкин уничтожил большую часть этого материала и вычел из гонорара оператора деньги за «испорченную» пленку. Часть этих киносъемок сейчас хранится в ЦГКФФА — там представлены кадры, запечатлевшие митинг на Марсовом поле (общий план) и выступление вождя[5].

После Февральской революции в деятельности Скобелевского комитета наступил новый этап. Из монархического комитет превращается в меньшевистско-эсеровский; вместо картин типа «За веру, царя и отечество» начинают выпускаться псевдопатриотические картины, агитирующие за войну «до победного конца». Произведена реорганизация комитета, и для политического надзора над ним в Петроградский и Московский Советы назначены комиссары: эсер Д. Мартьянов и меньшевик Н. Иков. Киносъемки можно было проводить только с их разрешения.

В Москве на выборах в Учредительное собрание впервые в России была применена агитация[6], в том числе средствами кинематографа. На одной из площадей перед народом 29 ноября 1917 г. демонстрировалась большая картина «К народной власти» (режиссер В.А. Старевич, авторы сценария Г.М. Болтянский, А.С. Бухов). В фильме сопряжены драматическая фабула и иллюстрация всего хода выборов в Учредительное собрание.

«...на канве личной драмы героя показаны все стадии выборов в Учредительное Собрание. Точность всей избирательной техники и показательный характер ее делают из этой ленты лучший и полезнейший способ инструктирования избирателя в важнейших вопросах предстоящих выборов... В соответствующих местах имеются также снимки групп важнейших кандидатов всех партий...»[7].

«Просмотрев один раз картину и заинтересовавшись ее драматическим содержанием, зритель одновременно легко и ярко запоминает всю выборную процедуру и, наверное, не ошибется при отдаче своего голоса»[8].

В соответствии с запросом времени в кинематографе появились новые злободневные темы, которых жаждал зритель. Кинематографические дельцы наводняют экраны фильмами о «тайнах самодержавия», то и дело на афишах мелькают имена бывшего военного министра В.А. Сухомлинова, полковника С.Н. Мясоедова и недавнего фаворита царствующего двора Г.Е. Распутина.

Наиболее популярным сюжетом стала тема жизни и смерти Григория Распутина, занявшая центральное место в игровом кино. Первым на эту тему снял фильм Г. Либкен, который еще 5 марта начал анонсировать картину «Темные силы — Григорий Распутин и его сподвижники». Зрители смогли увидеть фильм уже 12 марта и неоднозначно отреагировали, однако сборы кинотеатров, закупивших ленту, были высоки[9]. Привлекала сама возможность увидеть недавнего фаворита, внушавшего когда-то многим трепет.

В газете «Петроградский листок» писали: «У ворот домов по Невскому расклеены огромные плакаты с изображением “старца”. Публика облепила их, как мухи сладкое. У касс кинематографов, где идет сенсационная драма “Темные силы — Григорий Распутин”, целые хвосты. В кинематографе показывают Распутина в натуральную величину. И показывают скверно. Не кинематографическая лента, а рекламная дребедень»[10].

Следом А.О. Дранков снимает игровой фильм «Смерть Гришки Распутина»[11], включив в него значительные по метражу съемки реальных исторических достопримечательностей: например, дворца Юсупова, резиденции самого Распутина, мест, где производились поиски трупа, и т.д. На афише представили необычный образ новой России и смерть старого, царского — труп Распутина, попираемый женщиной в национальном русском костюме с красным знаменем в руках.

29 июля 1917 г. торговый дом «Кино-Альфа» выпустил фильм «Торговый дом Романов, Распутин, Сухомлинов, Мясоедов, Протопопов и К°»[12] (возможно, режиссер Н.А. Салтыков). На афише он анонсируется как драма в 4 частях: «Распродажа России оптом и в розницу; Палачи народа; Чем больше тьмы, тем ярче солнце; Крах торгового дома». К данной ленте подписи были сделаны на русском, немецком и финском языках — предполагалось устроить выгодный прокат ленты за границей. На афише изобразили всех героев фильма за барной стойкой, на фоне полок с бутылками. Тема продажи царем и его «приспешниками» водки была актуальна и востребована в это время, даже В.В. Лебедев создал в 1917 г. лубок «Вот так по Руси растекалась водка!»[13]. Лубок в карикатурной манере изображал Николая II сидящим за столом с бутылками.

Эти фильмы были далеки от непредвзятости, а стремление сделать картину сенсационной заставляло создателей идти даже на нарушение нравственных норм.

Так, например фильм «Позор дома Романовых»[14], выпущенный товариществом «Обновление», вульгарно изображал интимную жизнь Николая II[15]. Хотя на афише изображены трое полицейских, которые вылавливают из проруби тело Распутина.

Имя полковника С.Н. Мясоедова появилось еще в одном фильме — «Предатели России — Мясоедов»[16]. Афиша была выполнена известным художником М.С. Кальмансоном[17]. Афиша должна была привлечь зрителя черным силуэтом на виселице и ярким фоном.

«Содержание всех этих картин, рассчитанных на нездоровую сенсацию, было приблизительно одинаковым. Окружение царя и его семьи изображалось как шайка темных дельцов и авантюристов. Политическое разоблачение подменялось во всех этих фильмах без исключения уголовной сенсацией»[18].

Стремление раскрыть всевозможные «тайны» и «секреты» легло в основу и других фильмов, например: «Тайна австрийского дома (Мария Вечера)»[19]. Фильм был посвящен романтической и трагической истории любви юной баронессы Мария Александрины фон Вечера (нем. *Maria Alexandrine von Vetsera*) и австрийского кронпринца Рудольфа. Тела любовников нашли мертвыми в замке Майерлинг — таковы факты, а причины остались окутаны тайной. По одной из версий они совершили совместное самоубийство, а по другой это было тщательно спланированное политическое убийство наследника австрийского престола.

От «раскрытия тайн» кинематограф переходил и на откровенное поругание царской династии. Таким был один из последних фильмов, изданных Скобелевским комитетом, — фильм «Царь Николай второй, самодержец всероссийский»[20], снятый оператором Л. Левицким по сценарию Л. Вознесенского режиссерами Л. Ивониным и Б. Михиным.

Показать угнетение народа царской властью было главной задачей фильма, и для этого режиссеры использовали необычный прием, соединив документальные съемки

царской семьи, хронику первой мировой войны и событий Февральской революции с художественными, постановочными кадрами. В частности, были использованы подлинные документальные съемки придворного кинофотографа графа К. Фон-Гака (Яильского)[21]. Вместе с тем, подчинение игровой части фильма дидактической задаче — истолкованию подлинных документальных кадров — создало для актеров большие трудности в передаче характеров своих героев.

Фильм вышел на экран 22 октября 1917 г. В главных ролях снялись известные актеры: Петр Бакшеев, Вера Орлова, Н. Голосов, М. Кемпер. В фильме рассказывалась история жизни крестьянского мальчика Петра Горелова (П. Бакшеев), который переезжает в город и становится революционером.

Фильм получил одобрение вождя Октябрьской революции — В.И. Ленина. А в начале 1918 г. Наркомпрос по указанию В.И. Ленина напечатал специальный тираж этого фильма — 10 копий — для отправки за границу. Несмотря на это фильм не сохранился ни в одном из архивов.

Афиша была, по всей видимости, выполнена одним из профессиональных художников киноплаката — Г.Д. Алексеевым[22]. Автор помещает традиционный, почти иконный портрет монарха в овал на красном, кровавом фоне, с виселицами и избиением толпы. Рисунок детализирован и важен во всех деталях — если всмотреться, то лицо Николая II выражает скорбь и смирение.

В ГМПИР афиша была впервые продемонстрирована публике на выставке в рамках проекта «Вокруг трона» (2013).

Еще одной важной и скандальной темой времени стал антисемитизм, и кинофирмы снимают фильмы об угнетении евреев. Наиболее скандальным и даже получившим после выхода запрет на показ был фильм, который выпустила киностудия «Светотень» (г. Киев), — «Процесс Бейлиса»[23].

Фильм был снят режиссером Н.Н. Брешко-Брешковсковским и состоял из пяти частей, но сохранилось только три части. В съемках фильма участвовали лучшие силы Соловцовского театра: С. Кузнецов (полицейский), Ю. Яковлев (Мендель Бейлис) и артистка Е. Малкевич-Ходаковская (Вера Чибиряк). Основой для фильма послужил судебный процесс по обвинению еврея Менделя Бейлиса в убийстве (март 1911 — октябрь 1913 г.). Процесс известен большим общественным резонансом в печати.

Кадры фильма, рассказывающие об убийстве, сняты в тех самых местах, где фактически и проходили события. Фильм дополнен субтитрами, которые комментируют судебный процесс.

В год выхода фильма в печати отмечалось: «Теперь, когда разбиты цензурные цепи, явилась возможность художественно и объективно воскресить такое кошмарное дело старого человеконенавистнического режима, как дело Бейлиса. Явилась возможность коснуться закулисных пружин и нитей этого “средневекового процесса”»[24].

На афише фильма неизвестный автор поместил, по-видимому, перерисованные кадры из фильма с изображением зала суда, подсудимого и волнующейся толпы.

Проблеме антисемитизма также был посвящен фильм, который осенью 1917 г. выпустила фирма «Торговый дом А.Г. Талдыкин и К°» — «Евреи»[25]. Режисер А.И. Иванов-Гай снял социальную драму в 5 частях по пьесе Е.Н. Чирикова. Зритель смог увидеть страшные кадры еврейского погрома. В картине снимались Т. Павлова, М. Тамаров и др.

Афиша представляет тихую картину из семейной жизни еврейской семьи. Шрифт текста стилизован под шрифт идиша.

На тот же сюжет Ателье «Эра» выпустило социальную драму режиссера М.М. Бонч-Томашевского «В их крови мы неповинны»[26] (по пьесе Е.Н. Чирикова «Евреи»).

Для этой кинофирмы афишу исполнил М.С. Кальмансон, который решил передать на афише все ужасы еврейских погромов, изобразив на черном фоне кровоточащую голову еврея, насаженную на кинжал. Чувство ужаса усиливают застывший на лице убитого оскал и кровь, крупными тяжелыми каплями стекающая с кинжала.

Такая экспрессия в эмоциях персонажей и выборе цвета становится одной из главных отличительных особенностей кинорекламы этого периода[27].

Революционные события нашли свое отражение не только в документальном кинематографе, но и в художественном. Акционерное общество «А. Ханжонков и К°» выпустило фильм «Революционер»[28], снятый одним из лучших режиссеров того времени Евгением Бауэром. Фильм рассказывал историю вернувшегося из ссылки благодаря указу Керенского старого революционера-народовольца (актер Иван Перестиани), который встретился со своим внуком-большевиком (актер Владимир Стрижевский) и смог переубедить его в отношении войны, после чего оба отправились добровольцами на фронт.

Афиша фильма исполнена П. Житковым, одним из немногих профессиональных художников, регулярно работавших в киноплакате. Художник представил радостную встречу выпущенного из тюрьмы старика, изображение выполнено в контрастных цветах с резкой светотенью.

«Киноафиши П. Житкова отличались лаконизмом графического языка, четкостью композиции, яркостью и насыщенностью красок»[29].

Следом, в том же апреле киностудия «А. Ханжонков и К°» выпустила фильм «Провокатор»[30] (возможно режиссер Н.В. Туркин). Афишу к фильму выполнил также П. Житков. Художник выбрал диагональ как основу композиции листа, контрастный свет из верхнего правого угла направлен на фигуру красного цвета с резкой черной светотенью.

«Картины “Революционер”, “Провокатор”, поставленные наспех в два-три дня, не блещут ни сюжетом, ни оригинальностью постановки. Содержание этих картин как бы вышло из-под одного штампа. “Революционер” является ярким образчиком агитационной картины. Демонстрация картины сопровождалась аплодисментами; содержание ее оставляет впечатление, но художественная часть оставляет желать многого»[31].

Следом в постановке и издании акционерного общества «А. Ханжонков и К°» выходит фильм режиссера Н.В. Туркина «Карьера жандармского ротмистра»[32]. Этот фильм рассказывал о произволе охранников, жандармов и полиции.

«Фильм должен был убедить зрителей, что главное достижение революции — это уничтожение “охранки”...»[33].

Афиша фильма, выполненная художником П. Житковым, изображает сцену спора жандармов в кабинете. Лист решен в свойственной художнику манере детализированности и контрастности.

Таким образом, всему киноплакату этого времени было характерно: условность, обобщенность, лаконичность форм, доступность в восприятии художественных образов. В эти годы в данной области графического дизайна отчетливо проступали черты, получившие развитие в будущем: тесная связь образного строя киноплаката с фильмом; метафора; гипербола; монтаж.

Кинематограф быстро отреагировал на совершившуюся революцию, сделав предметом постановок самые актуальные темы, исходя, прежде всего, из коммерче-

ского расчета. Истинные ценители сетовали на то, что кинематограф попал под влияние толпы, и главной задачей ставил не художественность, а зрелищность фильмов.

В журнале «Вестник кинематографии» писали: «наш теперешний “шабаш”, повальное почти пренебрежение самых элементарных правил простой корректности, игра на вкусах толпы и беззастенчивая реклама — понижают художественную ценность этого искусства в глазах публики и, безусловно, тормозят самое развитие этого нового дела»[34].

В целом же революционные события так и не стали доминирующей темой в новых кинопостановках. Согласно каталогу художественных фильмов В. Вишневского[35], среди 245 отечественных фильмов, снятых в 1917 г., лишь 53 были так или иначе связаны с революционной тематикой. В остальных же развивались «проверенные» на дореволюционном зрителе сюжеты, в первую очередь любовная или салонно-психологическая драма.

1 Государственный музей политической истории России (ГМПИР). Ф. 5-7433.
2 Обозрение театров. Пг., 1917. 16 марта. С. 11.
3 *Рос[с]оловская В.* Русская кинематография в 1917 году: материалы к истории. М.; Л., 1937. С. 77—78.
4 Искусство кино. 1937. № 10.
5 См.: *Гинзбург С.С.* Кинематография дореволюционной России. Москва, 2007. С. 417.
6 В ГМПИР сохранились уникальные плакаты, изданные к выборам в Учредительное собрание (ГМПИР. V-9498 — ГМПИР. V-9508; V-8280).
7 Проектор. 1917. № 17/18. С. 268.
8 Вечерний час. Пг., 1917. 29 нояб.
9 *Гинзбург С.С.* Указ. соч. С. 400.
10 Петроградский листок. 1917. 19 марта. С. 5.
11 ГМПИР. Ф. 7-4882.
12 Там же. Ф. 7-4884.
13 Там же. Ф. 5-510.
14 Там же. Ф. 7-4725.
15 См.: *Аксенов В.Б.* Революция и кинематограф. 1917 год: социальные реалии и киносюжеты // Отечественная история. 2003. № 6. С. 8—21.
16 ГМПИР. Ф. 7-812.
17 Михаил Сергеевич Кальмансон — известен как владелец мастерской и автор киноплакатов. Один из первых художников, профессионально занимавшийся киноплакатом.
18 *Гинзбург С.С.* Указ. соч. С. 431.
19 ГМПИР. Ф. 7-4883.
20 Там же. Ф. 7-802.
21 *Гинзбург С.С.* Указ. соч. С. 424.
22 Георгий Дмитриевич Алексеев (1881—1951) — советский график и скульптор. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. С 1915 г. работает в жанре плаката (политического, благотворительного и киноплаката). В 1920-е годы сотрудничает в «Окнах РОСТА».
23 ГМПИР. Ф. 7-669.
24 Театральная газета. 1917. № 16.
25 ГМПИР. Ф. 7-800.
26 Там же. Ф. 7-809.
27 См.: *Ерохина Ю.В.* Из истории отечественного киноплаката // Время дизайна: IV Петерб. биеннале дизайна «Модулор-2003»: материалы науч. конф. СПб., 2005. С. 67—71.
28 ГМПИР. Ф. 7-806.
29 *Охочинский В.К.* Театральная афиша и кино-плакат // Театрально-декорационное искусство в СССР, 1917—X—1927: сб. ст. / под ред. Э.Ф. Голлербаха, А.Я. Головина и Л.И. Жевержеева. Выставка в залах Академии художеств: каталог. Л., 1927. С. 195—218. Владимир Константинович Охочинский (1887—1940) — искусствовед.
30 ГМПИР. Ф. 7-668.
31 Театр. 1917. № 2001. 10.
32 ГМПИР. Ф. 7-1066.
33 *Гинзбург С.С.* Указ. соч. С. 436.
34 Вестник кинематографии. 1917. № 123. С. 11.
35 *Вишневский Вен.* Факты и даты из истории отечественной кинематографии (март 1917 — декабрь 1920 гг.) // Из истории кино: материалы и документы. М., 1958. Вып. 1.

И.П. Петухов

Левые эсеры в органах государственной власти в Петрограде после октября 1917 г.

Взаимодействие политических партий традиционно является одной из тех составляющих в истории Российской революции, которые привлекают исключительное внимание исследователей. Особое место в этой теме принадлежит блоку партий большевиков и левых социалистов-революционеров в первые месяцы после Октября. Роль левых эсеров в Октябрьском перевороте, их деятельность в различных органах власти и вклад в становление Советской власти в целом не раз становились предметом научных работ.

Наиболее изученным вопросом, конечно, представляется совместная деятельность большевиков и левых социалистов-революционеров в Совете народных комиссаров. Проблемы правительственной коалиции с «мелкобуржуазной» партией (причины, характер, значение и др.) интересовали многих советских ученых, которые посвятили ей свои работы. Стоит отметить, что основной интерес советских историков всё же был прикован к тактике («левого блока»), применявшейся большевиками по отношению к другим социалистическим партиям и течениям[1]. Тем не менее, к безусловным достижениям советской историографии стоит отнести установление подробностей процесса складывания правительственного блока с левыми эсерами[2].

Так получилось, что присутствие левых эсеров в советском правительстве совпало по времени с последним периодом, когда столицей страны был Петроград. Осуществленная в 2006 г. публикация протоколов заседаний СНК за ноябрь 1917 — март 1918 г.[3] обеспечила возможность изучения участия представителей партии левых социалистов-революционеров в правительстве для всех желающих. Она же позволяет ознакомиться с решениями о введении левых эсеров в некоторые другие общенациональные учреждения, например, в состав руководства Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Если продолжать речь об общенациональных органах власти в «петроградский» послеоктябрьский период, то деятельность левых эсеров в них и взаимодействие с большевиками также не раз становились предметом научных изысканий. Кроме работ советского времени, посвященных Второму и Третьему Всероссийским съездам Советов рабочих и солдатских депутатов и ВЦИК 2 и 3 созывов[4], и соответствующих документальных публикаций, можно выделить современные исследования П.П. Волохина, В.И. Грубова, В.М. Лаврова, М.И. Люхудзаева, О.Г. Поповой[5]. Особое место в современной историографии занимают многочисленные статьи, а также монография и докторская диссертация Я.В. Леонтьева[6]. Левые эсеры обладали второй по численности фракцией во ВЦИК, занимая ряд ключевых позиций. О степени сотрудничества двух революционных партий говорит, например, такой факт: в декабре 1917 г. во ВЦИК 2 созыва каждый из 13 отделов возглавляли большевик и левый эсер[7].

В меньшей степени изучен региональный аспект участия левых социалистов-революционеров в органах государственной власти в Петрограде в период после октября 1917 г. При рассмотрении примеров этого участия представляется продуктивным иметь в виду, о каком периоде (до или после переноса столицы из Петрограда в Москву в марте 1918 г.) и о каких органах власти (чрезвычайных, то есть временных, или же постоянных) идет речь.

Левые эсеры занимали важные посты в руководстве чрезвычайных (временных) органов власти, действовавших в Петрограде в революционный период. Самым известным и наиболее изученным случаем является их работа в Петроградском Военно-революционном комитете. Благодаря публикации документов и материалов ПВРК[8] можно оценить ту роль, которую они сыграли в момент Октябрьского переворота. Достаточно напомнить, что первым формальным руководителем ПВРК был левый эсер П.Е. Лазимир, а в состав Бюро ПВРК, состоявшего первоначально из 5 человек, вместе с Лазимиром вошел еще один левый эсер, Г.Н. Сухарьков[9]. Активными членами ПВРК были левые эсеры В.А. Алгасов, Г.Д. Закс, А.М. Устинов, Я.М. Фишман и др.

Участие левых эсеров и представителей других политических течений в ПВРК подтверждало в глазах населения, что действия последнего ведутся от лица Петроградского Совета в целом. Их деятельность способствовала тому, что воинские части и группы населения Петрограда, которые не желали идти за одними лишь большевиками, ратовали за однородное социалистическое правительство и т.д., поддерживали или занимали позицию благожелательного для восставших нейтралитета. Левые эсеры активно проявили себя не только в ходе переворота. ПВРК просуществовал до декабря 1917 г., выполняя много функций, в том числе и по защите новой власти от сил контрреволюции. Всё это время в его состав и руководство входили представители левых эсеров. Отметим здесь также, что сразу же после Октября во главе обороны Петрограда от сил Керенского — Краснова стоял подполковник М.А. Муравьев, примыкавший к левым эсерам.

Революционная эпоха изобиловала разными чрезвычайными органами, время действия которых было довольно ограничено. Приведем несколько «петроградских» примеров. Вскоре после Октябрьского переворота был создан Комитет по борьбе с пьянством и погромами, в котором ответственный пост товарища председателя занял Я.М. Фишман. Членами бюро Комитета революционной обороны Петрограда (его документы см. в ф. 2421 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга), образованного при Петросовете 21 февраля 1918 г. в связи с немецким наступлением, от левых эсеров стали тот же Я.М. Фишман и М.А. Левенсон (Левинсон).

Редко упоминается исследователями партии левых эсеров такой чрезвычайный орган (по сути центральной власти, но с явным «региональным применением»), как Чрезвычайная комиссия по разгрузке Петрограда. Это учреждение возникло после принятия 22 февраля 1918 г. СНК предложенного левым эсером Н.Н. Алексеевым декрета[10]. Возглавил комиссию другой левый эсер, входивший в конце 1917 — начале 1918 г. в состав партийной верхушки, В.А. Алгасов[11]. Уже 4 марта 1918 г. для объединения мероприятий по разгрузке и эвакуации Петрограда СНК была создана Центральная коллегия по разгрузке и эвакуации Петрограда, в состав которой наряду с тремя большевиками вошли Алгасов и Лазимир[12].

Перечислим еще некоторые местные органы власти в Петрограде, в руководство которых входили левые эсеры. Осенью 1917 г. они имели свою фракцию в Петроградской городской думе, а Г.Д. Закс был избран товарищем председателя думы[13]. В январе — феврале 1918 г. Петроградский революционный трибунал печати возглавлял левый эсер А.А. Шрейдер, который одновременно выполнял обязанности заместителя наркома юстиции[14]. Материалы этого трибунала хранятся в ф. 337 Государственного архива Российской Федерации.

Конечно же, особое значение имела деятельность левых эсеров в Петроградском Совете. Они активно себя проявляли на фоне развала и опустения эсеровской фракции. Перед Октябрем примерно ее треть, а это несколько десятков человек, явно принадлежала к левой части партии[15]. 27 ноября 1917 г. на пленуме Петросовета были огла-

шены итоги выборов в реорганизованный Исполком: большевики получили 34 места, левые эсеры — 10. В президиум из 7 человек вошли 5 большевиков и 2 левых эсера. 13 декабря 1917 г. был избран новый президиум, так как многие члены старого перешли на работу в другие правительственные учреждения. В него вошли 7 представителей большевиков и 2 от левых эсеров (Л.И. Диасперов, М.А. Левенсон)[16].

Если документы Петросовета за 1917 г. опубликованы, то с вовлечением в научный оборот его материалов (которые хранятся в больших фондах 1000 и 7384 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга) за последующие годы дело обстоит сложнее. Имеются работы, специально посвященные составу Петроградского Совета после октября 1917 г., в том числе и в партийном отношении. По данным М.Н. Потехина, в июне 1918 г. левые эсеры получили 82 места в Петросовете из 677, в декабре 1918 г. — 7 мест из 1206[17]. По данным А.В. Гоголевскго, после июньских 1918 г. выборов в Петросовете оказалось 102 левоэсеровских делегата (из 1147). В декабре того же года — всего лишь 8 (из около полутора тысяч). А последний левый эсер (в единственном числе) был избран на выборах в декабре 1919 г. (весь состав Совета насчитывал более 2 тыс. человек)[18]. У М.С. Молодцовой почти те же данные, но цифры также немного отличаются от приводимых другими авторами[19].

Столь резкое снижение представительства левых социалистов-революционеров в Петросовете вызвано последствиями июльских событий 1918 г. После них левых эсеров снимали с ответственных постов, исключали из состава Совета и др. До этого партия стабильно занимала второе место после большевиков, ее представители проходили в состав руководящих органов. Например, 1 июля 1918 г. на первом заседании военной секции Петросовета (после роспуска в апреле солдатской секции) в президиум секции было избрано два левых эсера (и пять большевиков)[20].

Несмотря на наличие работ, в которых рассматривается работа левых эсеров в районных Советах Петрограда[21], эта тема еще требует дальнейшего изучения. В целом же в первой половине 1918 г. большевики имели большинство во всех районах Петрограда над умеренными социалистами именно благодаря блоку с левыми эсерами (кроме Рождественского района, где преобладали сами левые эсеры). Сильные позиции до июля 1918 г. были у левых эсеров в масштабах Петроградской губернии: они преобладали в губернском Исполкоме Советов крестьянских депутатов (декабрь 1917 г.), на 3 съезде Советов губернии (февраль 1918 г.), а на 4 съезде (апрель 1918 г.) имели вторую по численности фракцию в 56 человек (при 99 у большевиков из 236 делегатов). Но уже на 5 губернском съезде Советов в августе было всего 2 левых эсера из 147 делегатов[22].

После образования Петроградской трудовой коммуны левые эсеры получили предложение возглавить комиссариаты земледелия, путей сообщения и внутренних дел. Правительственный блок на региональном уровне был заключен в мае 1918 г., когда в ЦИК Северной области было избрано 25 большевиков и 14 левых эсеров. Левые эсеры вошли в состав Совета комиссаров Союза коммун Северной области. Комиссариат внутренних дел Северной области возглавил П.П. Прошьян, почт и телеграфов — Л.Л. Беклешов, земледелия — Н.М. Корнилов (К. Коренев), государственного контроля — М.Д. Самохвалов. Чуть ли не единственным историком, который не просто упомянул этот факт, но и попытался дать оценку деятельности некоторых левых эсеров (Прошьяна и Корнилова) на своих постах, является А. Рабинович[23].

Материалы архивных фондов Совета комиссаров СКСО (ф. 143 и 144 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга) и комиссариатов (внутренних дел — ф. 142, почт и телеграфов — ф. 9347, земледелия — ф. 8957 того же архива) свидетельствуют, что левые эсеры довольно активно участвовали в проведении в жизнь

мероприятий Советской власти. По оценке А. Рабиновича, влияние левых эсеров превышало их численность в составе Совета комиссаров (4 из 13). Однако всё изменилось в связи с событиями 6 июля в Москве: в Петрограде 7 июля левые эсеры были отстранены с постов комиссаров, началось выдавливание членов этой партии из Советов.

Таким образом, в Петрограде левые эсеры плодотворно сотрудничали с большевиками в течение всего периода с октября 1917 по июль 1918 г. Одним из наиболее ярких проявлений этого сотрудничества было участие представителей левых эсеров, обычно лидеров партии или ее Петроградского комитета, в органах Советской власти, размещавшихся в городе на Неве. Несмотря на возникшие весной 1918 г. противоречия и последовавший выход левых эсеров из СНК, в мае левые эсеры вошли в состав регионального правительства — Совет комиссаров Союза коммун Северной области. Они внесли свой вклад в установление, распространение и укрепление Советской власти, проведение в жизнь ее мероприятий.

1 См., например: *Басманов М.И., Гусев К.В., Полушкина В.А.* Сотрудничество и борьба: из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями. М., 1988; *Спирин Л.М.* О тактике большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям в годы гражданской войны // Исторический опыт Великого Октября: к 80-летию лауреата Ленинской премии акад. И.И. Минца. М., 1975; *Шестак Ю.И.* Тактика большевиков по отношению к левым течениям мелкобуржуазной демократии (1917—1922 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01. Л., 1982; и др.

2 *Разгон А.И.* : 1) К вопросу о складывании блока большевиков и левых эсеров в октябре 1917 — январе 1918 г. // Банкротство мелкобуржуазных партий России (1917—1922 гг.). М., 1977. Ч. I ; 2) О составе левоэсеровской группы в Совете народных комиссаров, ноябрь 1917 г. — март 1918 г. // Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны: материалы конф. М., 1982; *Ирошников М.П.* Создание центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и комиссариаты (октябрь 1917 — январь 1918 г.). М.; Л., 1966; *Тумаринсон В.Х.* : 1) К вопросу о платформе правительственного соглашения большевиков и левых эсеров // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями: материалы конф. М.; Калинин, 1983 ; 2) К вопросу о соглашении большевиков с левыми социалистами-революционерами // Банкротство мелкобуржуазных партий России (1917—1922 гг.). М., 1977. Ч. I; и др.

3 Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР, ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006.

4 *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства, 1917—1918 гг. [М., 1965]; *Разгон А.И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977; *Смирнов Н.Н.* Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа. Л., 1988; и др.

5 *Волохин П.П.* Политическая деятельность левых эсеров во ВЦИК Советов (июнь 1917 — июль 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 1999; *Грубов В.И.* Пасынки Октября: умеренная социалистическая оппозиция большевизму в центральных органах власти Советской России (октябрь 1917 — июль 1918 г.). М., 2007; *Лавров В.М.* «Крестьянский парламент» России: (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917—1918 годах). М., 1996; *Попова О.Г., Люхудзаев М.И.* Левые эсеры и формирование советской государственности // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2.

6 *Леонтьев Я.В.* : 1) «Скифы» русской революции: партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007 ; 2) Левоэсеровское движение: организационные формы и механизмы функционирования: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2009.

7 *Леонтьев Я.В.* Предисловие // Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917—1925 гг. М., 2000. Т. 1. С. 13.

8 Петроградский Военно-революционный Комитет: документы и материалы: в 3 т. М., 1966—1967. 3 т.

9 Там же. М., 1966. Т. 1. С. 58.

10 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. Разд. 1, № 318. С. 495.

11 Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР, ноябрь 1917 — март 1918 гг. С. 362.

12 Декреты Советской власти. Т. 1. Разд 1, № 334. С. 521.

13 Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917—1925 гг. М., 2000. Т. 1. С. 731.

14 Там же. С. 710.

15 *Злоказов Г.И.* Протоколы фракции эсеров Петроградского Совета как источник по истории краха соглашательства // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями: материалы конференции. М.; Калинин, 1983. С. 199.

16 *Потехин М.Н.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в первый год диктатуры пролетариата: дис. ... д-ра ист. наук: 571. Л., 1968. С. 121—123.

[17] *Его же*. Первый Совет пролетарской диктатуры: очерки по истории Петрогр. Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917—1918 гг. Л., 1966. С. 69.
[18] *Гоголевский А.В.* Петроградский Совет в годы гражданской войны. Л., 1982. С. 56, 62.
[19] *Молодцова М.С.* Борьба Петроградской организации РСДРП (б)-РКП (б) с меньшевиками, эсерами и анархистами (ноябрь 1917 — 1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Л., 1983. С. 196—197.
[20] Красная газета. Пг., 1918. 2 июля.
[21] *Молодцова М.С.* Указ. соч. С. 106—118, 198—201.
[22] Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии (1917—1918): очерки и документы. Л., 1972. С. 28, 35, 331.
[23] *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008. С. 393, 409—410.

И.В. Белозерова

Разложение российской армии в 1917 г. глазами очевидца (по материалам ОПИ ГИМ)

1917 год стал годом разложения и гибели старой императорской армии. Февральская революция послужила тем рубежом, за которым этот процесс принял необратимый характер. Русская армия, еще недавно одна из самых мощных в мире, на глазах современников буквально за несколько месяцев превратилась в неуправляемую толпу вооруженных людей и в марте 1918 г. прекратила свое существование. Данный феномен на протяжении многих лет привлекает внимание исследователей[1]. Важную роль в изучении этого явления играют сохранившиеся исторические источники: мемуары, дневниковые записи, письма очевидце тех событий. Одним из современников был сотрудник Российского Исторического музея (РИМ), выдающийся русский археолог В.А. Городцов (1860—1945). События Мировой войны и революций 1917 года нашли отражение в его личных дневниках. Они хранятся в отделе письменных источников Исторического музея в личном архиве ученого[2]. Их особая ценность заключается в том, что писал их профессиональный военный — в прошлом бывший кадровый офицер, более четверти века прослуживший в армии (в 12-м Астраханском, 11-м Фанагорийском полках) и ушедший в отставку в звании подполковника.

Мировая война вплотную коснулась всей большой семьи Городцовых. Сам ученый, как хранитель археологического отдела РИМ, был освобожден от призыва на военную службу, но поставлен на учет в ополчение, как отставной штаб-офицер. В начале войны вместе с сотрудниками музея он собирал денежные средства для раненых, в 1915 г. исполнял должность секретаря попечительского совета госпиталя при Музее изящных искусств. Его жена и дочь работали в лазаретах, старшие сыновья, окончившие 2-й Московский кадетский корпус, в начале войны ушли на фронт. Один из них уже в первые месяцы боев, будучи все время на передовой, был представлен к двум Георгиевским крестам, а за сражение на р. Ангерапп получил первый офицерский чин. В ходе Восточно-Прусской операции, когда 20-й армейский корпус генерала П.И. Булгакова попал в окружение, он оказался в самой гуще трагических событий, был тяжело контужен и попал в плен, три года находился в лагерях

для военнопленных в Германии. Другой сын в 1914 г. прошел курс Александровского военного училища, на фронте получил тяжелое ранение головы. В середине 1916 г. на фронте оказался третий сын. Он был контужен и отравлен удушливыми газами. Жених дочери, офицер XXII-го стрелкового Сибирского полка, был ранен, а затем погиб в 1916 г. Позже, уже в годы Гражданской войны, без вести пропал самый младший сын, сгинув в пучине безвременья и кровавой междоусобицы. Не удивительно, что Великая война, не пощадившая никого из семьи Городцова, стала главным событием в его жизни, поэтому он особенно остро переживал все происходившее, внимательно следя за ходом военной кампании, стараясь по возможности во всех подробностях отразить ее в своих записях.

Одна из особенностей дневников Городцова — помимо собственных впечатлений, в них имеются свидетельства очевидцев: участников боевых действий, сыновей и их однополчан, бывших полковых сослуживцев, его учеников и сотрудников РИМ. Некоторые сведения он получал от лично знакомых ему офицеров из штаба Московского военного округа (где служил в 1903—1906 гг.). В годы войны в музее было открыто специальное общежитие для офицеров-фронтовиков — их рассказы также нашли отражение в дневниковых записях. Понимая ценность документов военного времени, он переписывал к себе в тетради выдержки из подлинных фронтовых писем и дневников, случайно попавших в его руки, вклеивал газетные вырезки. В результате из-под его пера вышел оригинальный исторический источник, полный ценнейших свидетельств очевидца важнейших исторических событий.

Многие страницы дневников посвящены проблемам российской армии, ее постепенную деградацию на протяжении войны можно проследить по записям ученого. То, что в армии не все в порядке, Городцов начал понимать уже в самом начале войны. Как отмечал в своих первых записях Городцов, началась военная кампания с волны воодушевления и патриотического подъема: быстро и организованно прошла общая мобилизация, было немало добровольцев. Записи первых дней войны передают атмосферу воодушевления и патриотического подъема. Интересны детали жизни Москвы военного времени: манифестации, шествия «флажников», выступления ораторов. Городцов описывает картину посещения императором Николаем II с семьей Иверской часовни, — которую он наблюдал из окон РИМ (4.08.1914). Патриотический порыв был настолько силен, что на фронт один за другим добровольцами уходят сыновья Городцовых. Он сам пишет: «Мне и самому иногда (в дни неудач наших войск) хочется поступить снова на военную службу, в надежде хоть сколько-нибудь пригодится русскому воинству, бьющемуся в защиту отечества)»[3]. Первые два месяца в обществе была распространена уверенность в быстром и успешном завершении войны. Вместо этого война начала приносить России колоссальные человеческие и материальные жертвы.

Материальное обеспечение армии оказалось недостаточным, российская промышленность не справлялась с потребностями фронта. Приехавшие с фронта военные указывали на плохое обустройство их быта: повсеместно ощущались проблемы с одеждой и обувью, питанием, санитарным обеспечением. Городцов записывает, что «с театра военных действий приехало много заболевших от простуды и с отмороженными конечностями... С некоторых полуобмерзших людей товарищи едва могли снять обледеневшие одежду и обувь. В армиях чувствуется большая нужда в теплой одежде. На улицах развешены объявления, приглашающие сапожные мастерские к поставке обуви в военное ведомство. Но где найдешь столько сапожников, чтобы обуть несколько миллионов человек»[4].

Отмечался недостаток не только боеприпасов, но и винтовок и пулеметов, а появление на фронте безоружных людей, ожидавших винтовок от убитых, вызывало огромное возмущение у солдат. Поручик Кузьминский (бывший музейный библиотекарь) сообщал, «что полки сражаясь, имели три батальона с ружьями, а четвертые батальоны без ружей; эти четвертые батальоны дожидались, пока освободятся ружья в трех батальонах, благодаря убыли раненых и убитых людей и тогда они, собрав освободившиеся ружья, вступали сами в бой. Более жалкого положения армии едва ли когда-либо видела Россия!»[5].

Неудачи на фронте, «великое отступление» русской армии в 1915 г. из Восточной Пруссии, где была потеряна хорошо обученная кадровая армия, а на смену кадровым солдатам и офицерам пришло необученное и неподготовленное пополнение, усугубляли ситуацию в армии. Многомесячное окопное противостояние на западных рубежах России, вне ее исторических пределов, притупляло изначальный боевой энтузиазм. Очевидцы отмечали постепенное падение дисциплины не только среди солдат, но и в офицерском корпусе. Кроме того, набирала силу пропаганда антимонархических, пацифистских и революционных идей, все популярнее становился лозунг о «ненужности войны». Среди солдат зарождается антивоенное движение. Особенно были распространены такие виды протеста, как дезертирство, добровольная сдача в плен, самострелы, отказ выполнять боевые приказы, братания и другие нарушения воинской дисциплины.

В феврале 1915 г. Городцов получил сведения о первых фактах дезертирства в армии, приведя пример прапорщика Соколова, отправлявшего на фронт маршевую роту из Калуги и сообщавшего, «что довез свою команду благополучно; убежало солдат только 30 человек. На мой взгляд, — записал Городцов — это вовсе неблагополучно; но, судя по тону письма, такая убыль, как 30 на 250 остается для маршевых рот нормальной. Говорят, что более 150 000 беглых солдат скитается по всем западно-русским железным дорогам. Их перехватывают и отправляют в свои части. Если это верно, то не очень хорошо»[6].

Тогда же появляются первые слухи о добровольной сдаче русских солдат в плен. Городцов записывает в дневнике: «В одном московском лазарете рассказывали раненые, что много русских солдат сдается добровольно в плен. Я это слышал и ранее. По таким перебежчикам приказывают стрелять и из них многих убивают»[7]. Приехавший на побывку однополчанин сына Городцова подтвердил эти слухи, рассказав о случаях добровольной сдачи в плен запасных солдат 53-й пехотной дивизии, набранных из москвичей. В частности Городцов записал: «идя по призыву в военную службу, солдаты сговариваются, как лучше всего сдаваться в плен... Солдат отойдя подальше от своих окопов, начинает немцам махать белым платком, чтобы по нем не стреляли, и бежит к ним. Для того у них (москвичей) приготовлены даже белые платки... Горе России в том, что народ ее, выйдя из рабства, остался без образования, единственной силы, способной развить патриотизм»[8].

Кроме того война породило такое явление, как германофобию. Причины поражений русской армии многие военные, по свидетельству Городцова, видели либо в неспособности, либо в прямом предательстве командиров, главнокомандующих армиями, многие из которых носили иностранные фамилии (Сиверс, Мартос, Холмсен, Эверт, Ренненкампф, Плеве и др.). Слова «измена», «провокация» не сходят со страниц дневника Городцова, равно как и слухи о предательстве офицеров и генералов Генерального штаба. Он отмечает: «Штабные офицеры в русских армиях держатся отвратительно: окружили себя роскошью, проводят время в совершенной праздности и сильно тормозят успехи дела. Очевидно, эти господа перешли к режи-

му Японской кампании. Русский генеральный штаб — это великое несчастье русской армии. Он дает прекрасных мужей актрисам, примадоннам, замоскворецким и невским купчихам, но очень плохих воинов, а тем более стратегов»[9]. Со временем Городцов фиксирует постепенное психологическое утомление общества от войны, с досадой отмечает, что во многих семьях сыновья, ушедшие в начале войны на фронт, постепенно переходят в тыловые службы, а «дочки не бегут играть в милосердие».

Все формы антивоенного движения в армии Городцов фиксировал в течение всей войны, но именно после Февральской революции на фронте они приобрело массовый характер и армия, превратилась из орудия защиты родины в орудие политической борьбы. Нужно отметить, что В.А. Городцов сочувствовал идеям революции и февральские события поначалу воспринял восторженно. 12 марта 1917 г. он отметил: «Мне думается, что демократическая республика в настоящее время является великолепным государственным строем не только для России, но и для всех вообще государств»[10]. Однако постепенно на смену восторгу от краха самодержавия приходит отрезвление и разочарование в «обновленной России»: на его глазах рушились нравственные устои российского общества, имеющие глубокие исторические корни, происходили люмпенизация общества и развал армии. Ему, привыкшему во время службы в армии к соблюдению традиционных устоев армейского порядка, особенно больно было видеть, как на его глазах идет разрушение основ военного бытия, а такие понятия, как честь, храбрость, воинский долг, патриотизм, исчезают.

Вскоре после Февральской революции в армии резко возросло дезертирство. Солдаты бывшей российской армии на 90% состояли из крестьян, потянулись в свои деревни к «черному переделу» земли. Безо всяких разрешений огромными потоками они направлялись на побывку домой, заполняли все железные дороги, совершая насилия над администрацией, выбрасывая пассажиров, становясь общественным бедствием. Попытки справиться с потоком дезертиров оказались бесполезными. Городцов записал впечатление сына, дежурившего на вокзале и видевшего, как многие солдаты убегали из Москвы в села. «Удержать их было невозможно, так как некому было держать»[11]. Находясь летом 1917 г. в Нижнем Новгороде, Городцов узнает, что все нижние чины маршевой роты в количестве 200 человек, отправленные 15 мая из города на фронт, полностью разбежались, офицеры возвращаются назад одни. Из газет Городцов узнавал, что «На фронте целые дивизии позорно бежали, изменив отечеству и открыв гостеприимно для германцев фронт на 120 верст»[12].

Кроме того, подрывалась сама основа дисциплины — доверие солдат к офицерам. Противостояние солдат и офицеров уже с марта 1917 г. стало реальностью, и Городцов регулярно записывает в дневник случаи расправы над командирами и офицерами. Например, записывает рассказ музейного сотрудника, сообщавшего, что знакомая «привезла тело своего мужа, командира полка, убитого взбунтовавшимся гарнизоном в Свеаборге. По ее словам в Свеаборге происходило что-то ужасное. Солдаты, с озверелыми лицами каждую ночь производили избиение своих офицеров. Будто бы убито до 300 офицеров»[13].

Полковник Н.К. Горбатов (бывший сослуживец Городцова по Фанагорийскому полку), прибывший в Москву с фронта рассказывал: «Много убито офицеров своими солдатами и у нас. ... мы все время чувствуем себя, как в жерле вулкана. Одно извержение — и нет нас. Положение офицеров на фронте совсем незавидно. Авторитет уничтожен окончательно. Офицер — это пешка в руках разнузданных, необученных солдат... от смерти и ужаса от своих же солдат никто из офицеров не гарантирован. Убийства совершаются беспрерывно и нередко беспричинно... старшие офицеры, сознают, что для восстановления дисциплины в армиях нужно большое время и огромная работа»[14].

Среди бездействующих столичных и провинциальных гарнизонов, в атмосфере неслыханной свободы, военная дисциплина регулярно падала. Солдаты начинают представлять опасность для города и горожан. В записях зафиксированы сцены воровства и мародерства, которым занимаются солдаты на улицах Москвы. «... в 11 часов вечера близ храма Христа началась стрельба... слышал рассказ, что стреляли милиционеры по солдатам, лезшим воровать. Воображаю, какой грабеж начнется осенью, когда удлинятся темные ночи!... Когда в толпе передавали, что стреляли близ храма Христа Спасителя по солдатам то публика мрачно молчала, свидетельствуя о своем внутреннем согласии с милицией, что стрелять по этим прохвостам следует. То же самое отношение наблюдается к распоряжению Городской думы, запретившей солдатам ездить на трамваях бесплатно. Это распоряжение месяц тому назад было бы немыслимым, так велико было тогда обаяние "солдатика", и так противен он стал в наши дни»[15].

Известно, что Городцов регулярно дежурил со своими учениками из Университета им. А.Л. Шанявского у стен РИМ, держа оборону около него, боясь, что музей разгромят. Для иллюстрации послереволюционной обстановки характерна такая запись из дневника: «Сегодня в Российском Историческом музее разыгралась следующая сцена. В открытые залы музея вошел солдат-малоросс и начал кричать: «Вот куда наши трудовые гроши тратят: строят миллионные домы для хранения поганых черепков и никуда негодных бумаг! Товарищи! — обратился солдат к сбежавшейся публике, — весь этот навоз нужно выбросить вон, а в доме устроить фабрику!»[16].

Так же он регулярно описывает картины развала армии, наблюдаемые им на центральных улицах Москвы, где солдаты «занимаются разгулом, пьянством, и даже нищенством»[17]. Летом 1917 г. он записал: «За последнее время некоторые уголки Москвы сделались ареной специальных солдатских дебоширств и для определенных войсковых частей. Так, например, сквер храма Христа и Пречистенский бульвар является ареной юнкерских подвигов, вокзалы, Александровский сад и Девичье поле — ареной солдат»[18]. По дороге на службу в Александровском саду он ежедневно наблюдает солдат, которые потеряли «всякий воинский образ и представляются бандой хитровцев, бродяг и мазуриков»[19], лежащих на газонах, торгующих подсолнухами и папиросами, у памятника Романовской династии, жгут костры, играют в карты, лото, орлянку, везде «бренчат гармонии и балалайки». До него доходят слухи, что для водворения в армии порядка в Москву прибыли три батальона французов, а в Сибирь японские войска. «Если это верно, то до какого позора довели Россию сумасшедшие социалисты, ищущие для себя популярности и славы!..» — заметил Городцов[20].

Падение дисциплины в армии В.А. Городцов наблюдал также во время своих командировок в провинцию. Так, в мае 1917 г. в Нижнем Новгороде он отмечает разницу во внешнем виде между двумя противоборствующими сторонами. Австрийские пленные солдаты и офицеры сумели сохранить воинский строй и безукоризненно опрятную одежду даже в плену. Это резко контрастирует с видом русских воинов: «одни идут в шинелях, другие в суконных рубашках, одни — в фуражках то с козырьком, то с обрывком козырька, то совсем без козырета, другие — в теплых шапках, надетых то боком, то задом наперед, но особенно разнообразна обувь — она представляет вид или рваных (обязательно нечищеных) сапог или полусапожек, или котов (кенег)»[21]. Встреченный им караул также представлял собой беспорядочную толпу, «шедшую кто как попало. Ружья неслись как кому хотелось... Шинели стары и грязны. Обувь различна, как и у гуляющих солдат. Я видел одного караульного даже в желтых туфлях... В руках они несли какие-то чайники, узелки, — мешки, перекинутые за спину. Большинство грызло подсолнухи, но многие также жевали хлеб, точно их не кормили дня два. Один

солдат, очевидно, по пути купил сухую селедку и, обирая ее зубами... Более отвратительной солдатской организации я нигде и никогда не видывал. Это что-то гадкое, развращенное, это — настоящий и вместе ужасный распад армии. Мне кажется, что армия в таком виде для государства более вредна, чем полезна». «Дисциплинировать и привести в надлежащий вид такую армию едва ли возможно», — заключает Городцов[22].

Виновными в таком положении дел в армии он считал Временное правительство, «не сумевшее сохранить меру в предоставлении свобод армии», в частности министры А.И. Гучков и А.Ф. Керенский, штатских министров, взявшихся за дело, требующего специального прохождения всего курса военной науки. «За такую дерзость эти люди заслуживают самого жестокого наказания, так как благодаря им, гибнет сила русского государства»[23].

Дневники Городцова завершаются 11 сентября 1917 г. Далее была Октябрьская революция и взятие большевиками власти, окончательная гибель армии, бесславный выход России из Мировой войны, унизительный для России Брестский мир, создание Рабоче-крестьянской красной армии и другие события. К сожалению, дневники, рассказывающие об этом, не сохранились — ученый Городцов сжег более 60 тетрадей в 1930 г., когда наступили также трудные для России времена. Несмотря на не полностью сохранившийся текст, 19 дневников за 1914—1917 гг. являются ценнейшим историческим источником, содержащим разнообразный материал для осмысления событий периода Великой войны и последовавших за ней революций, открывшей для России период тяжелых испытаний и общественных потрясений, под знаком которых прошел XX в.

1 *Базанов С.Н.* : 1) К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество, 1900—1941 годы: статьи, документы. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 51—76 ; 2) Разложение русской армии в 1917 году: (к вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // Военно-историческая антропология: ежегодник. М.: РОССПЭН, 2002. 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. С. 282—290 ; 3) Великая война: как погибала Русская армия. М.: Вече, 2014. 404 с.; *Гончаров В.Л.* 1917. Разложение армии. М.: Вече, 2010. 512 с. (Военные тайны XX века). Кроме того в настоящее время в интернете можно найти огромное количество ресурсов, посвященных Мировой войне, революциям 1917 года и развалу российской армии. Серьезным источником, на котором хранятся около 200 опубликованных книг, в том числе художественных, мемуаров, дневников, исследований, первоисточников, может служить сайт «Военная литература» (URL: http://militera.lib.ru/1/cats/wars/20/1914-1918.html).

2 ОПИ ГИМ. Ф. 431 (В.А. Городцов).

3 Там же. Ед. хр. 340. Л. 108 об.

4 Там же. Л. 191—191 об. (29.10.1914).

5 Там же. Ед. хр. 341. Л. 60—61 (24.08. 1915).

6 Там же. Л. 107—107 об. (24.02.1915).

7 Там же. Л. 80 об. (9.02.1915).

8 Там же. Ф. 431. Ед. хр. 342. Л. 265 об. (15.08. 1915).

9 Там же. Ед. хр. 341. Л. 108 об.—109 (27.02. 1915).

10 Там же. Ед. хр. 344. Л. 61.

11 Там же. Л. 40 об. (1.03.1917).

12 Там же. Л. 175 об. (11.07.1917).

13 Там же. Л. 62 об. (13.03.1917).

14 Там же. Л. 83—83 об. (15.04.1917).

15 Там же. Л. 137—138 (9.06.1917).

16 Там же. Л. 26 об. (28.04.1917).

17 Там же. Л. 117 об. (20.05.1917).

18 Там же. Л. 132 об. (3.06.1917).

19 Там же. Л. 131 об.—132.

20 Там же. Л. 117 об.

21 Там же. Л. 106 (11.05.1917).

22 Там же. Л. 107 об.

23 Там же. Л. 165 (6.07.1917).

А.В. Лялин

Революционные события 1917 г. в документах историков (по личным фондам историков из собрания ОПИ ГИМ)

Начало XX в. стало для Российской империи настоящим испытанием: неразрешенный ни реформой 1861 г., ни Первой русской революцией земельный вопрос, рост напряженности в отношениях между предпринимателями и неуклонно пополняющим свои ряды пролетариатом, стремительная утрата авторитета императором и органами центральной власти, неудачи России на фронтах Первой мировой войны и ряд иных экономических и социальных факторов вылились в две следующие друг за другом революции, в результате которых Российская империя прекратила свое существование. Несмотря на то, что со времени тех событий минуло уже сто лет, до сих пор не утихают споры об их значении, необходимости и последствиях, что лишний раз свидетельствует об их непреходящей актуальности для дня сегодняшнего, и не иссякает интерес исследователей к свидетельствам прошлого, оставленным его современниками.

В распоряжении отдела письменных источников Государственного Исторического музея находится немало документов периода буржуазно-демократической и социалистической революций. Большая их часть собрана в тематическом фонде (ф. 454), посвященном событиям 1917 г., однако немалая часть свидетельств революционных лет отложилась и в личных фондах, наибольший интерес из которых представляют, пожалуй, персональные фонды российских историков. Будучи хорошо образованными и, в большинстве своем, социально активными людьми, историки, обыкновенно, вели переписку с широким кругом лиц, особенно со своими коллегами, что позволяло им оперативно получать информацию о текущих событиях из разных концов страны, а профессиональные навыки давали возможность делать обобщения, выходящие за рамки обывательского взгляда на происходящее. Отложившиеся в личных собраниях документы можно условно разделить на несколько категорий: корреспонденция, дневниковые записи и заметки, печатная продукция — газеты, листовки, прокламации и проч., охватывающие существенную часть наиболее актуальных социальных вопросов 1917 года. Приступая к работе с этими документами стоит, однако, держать в памяти слова В.Б. Кобрина о том, что «...сам историк — дитя своего времени, человек с определенными политическими взглядами и идеологическими пристрастиями — всегда рискует: либо, пусть невольно, пусть незаметно для себя, но погрешить против истины ради своих взглядов, либо перенести свои сегодняшние представления о людях на недавнее или далекое прошлое»[1].

В обширной корреспонденции и личных записях историков нашлось немало места свидетельствам тягот и невзгод, обрушенных революционной стихией и войной на Российскую империю. Одной из центральных тем становится продовольственный вопрос, он обсуждается в Думе, на улицах, в прессе. Добыча дров, хлеба, сахара превратилась в каждодневный ритуал. Жена П.К. Симони писала из Москвы мужу в апреле 1917 г.: «Вчера я встала в 6 ч. утра, чтобы занять очередь за пшеном, а по-

том меня Таня сменила т.е. в 8 ¼. Это было все на Донской около монастыря, а через 1 час опять я пошла, стояла до 14, а бедной Тане пришлось... до 4 ¼ стоять. И получила, слава Богу, 10 ф. Хоть не напрасно...»[2]. С началом продовольственного кризиса появились и хлебные карточки; в фонде Станкевича А.И. (ф. 351, ед. хр. 25) имеются сведения о выдаче таких карточек на право покупки хлеба и сахара в Москве 1917 г. Сообщения о нехватке продовольствия можно обнаружить почти в каждой переписке тех лет. «Тоска и безнадежность, культурное одичание. Где бы ни собрались люди — везде разговоры о том, как доставали тот или иной жизненный продукт...» — писал В. Боголюбов (возможно, В.А. Боголюбов, историк, литературный критик) Н.Н. Фирсову[3]. В Москве не было ни масла, ни хлеба, ни керосина. На Черноморском побережье дела с провизией обстояли не лучше: «Три дня вся Евпатория взбудоражена и возмущена обысками, учиненными бабами в сопровождении солдат и депутатов. Приходили и к нам, но ничего не взяли, увидев несметное количество кастрюль на плите, доказывающих лучше чего другого, что мы имели провизии только для себя, но самый факт возмутил и конечно не способствовал к утверждению нового строя», — пишет А.В. Левицкая графине Уваровой[4]. В фонде Щербатовых можно обнаружить такое письмо из Ялты: «На днях черноморские моряки устроили себе развлечение, разграбили ряд магазинов на набережной и выпустили по стоящим гражданам один снаряд, но т.к. теперь свобода, то никто этому и не удивился», — сообщает Н.С. Щербатову Л.М. Савелов[5]. Это, к счастью, не единственный савеловский документ в собраниях ГИМ. После 1917 г. в собрание музея поступила его библиотека и личный архив, а несколько лет назад были изданы и мемуары, написанные этим архивистом, историком и генеалогом в эмиграции.

Неудачи России в войне, ее затянувшийся характер сделали армию одной из основных движущих сил революции. «Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным. Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против “пораженчества”, поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой и самой варварской царской монархии и начала революционного пожара», — писал В.И. Ленин в марте 1917 г.[6] Начавшийся незадолго до Февральской революции, процесс демократизации армии после нее неимоверно ускорился, особенно с изданием Петроградским Советом солдатских и рабочих депутатов приказа № 1, подорвавшим принцип единоначалия власти в армии. Однако власть на тот момент уже принадлежала солдатским массам, приказ лишь закрепил это на бумаге. Как пишет в своих воспоминаниях В.Б. Станкевич, военный инженер и будущий начальник кабинета военного министра А.Ф. Керенского: «И дело не в приказе № 1-2, не в тех или иных мерах, не в тех или других выражениях воззваний. Дело было в том, что солдаты, нарушив дисциплину и выйдя из казарм не только без офицеров, но и помимо офицеров, а во многих случаях против офицеров, даже убивая их, исполняющих свой долг, оказалось, по официальной, повсеместной, всенародной и обязательной для самих офицеров терминологии, совершили великий подвиг освобождения... Пусть некоторые из офицеров прибежали и присоединились через пять минут после выхода солдат. Все равно, тут солдаты вывели офицеров, а не офицеры солдат, и эти пять минут составили непереходимую пропасть, отделяющую от всех глубочайших и основных предпосылок старой армии»[7]. Этим воспоминаниям

вторит и письмо С. Данилова А.А. Станкевичу от 30.07.1917 с попыткой разобраться в сложившейся ситуации: «Если мы возьмем самое храброе войско, проникнутое духом героизма и отнимем дисциплину — оно превратится в современную русскую “Армию” в немного лучшем виде. В русском солдате давно нет духа, потому, что слишком плохо было до войны наше профессиональное офицерство... Армию укоряют в том, что она не любит, продает родину. Это объясняется некультурностью, потому, что у нас 80% неграмотных... Очень много, конечно, попортили большевики, но даже если бы их не было, разложение армии было бы»[8]. О функциях и полномочиях новых центров власти в действующей армии можно узнать из материалов заседаний полковых комитетов. В персональных фондах историков сохранилось 2 таких журнала (ф. 137, ед. хр. 466; ф. 504, ед. хр. 3), а одно из писем этнографу и антропологу А.Н. Харузину от племянника с фронта 12.11.1917 г. говорит и о силе решений, принимаемых подобными комитетами. «Теперь здесь спокойно и кроме того, я, так сказать, под защитой новой власти и принимаю деятельное участие во всем, что происходит — я председатель нашего дивизионного комитета и даже временный военный комиссар дивизиона... Большевизм и анархизм развивается, хотя пока еще и в глубинах. Более трех недель я веду энергичную борьбу т. ск. на всех фронтах — на всех съездах, комитетах, собраниях — все, что было в моих силах и средствах сделано, но ведь один в поле не воин, перекрашиваться я не могу и прекрасно понимаю, что мое дело проиграно и знаю, что сижу только потому, что спихнуть выборного офицера не так-то легко...»[9]. Письма, освещающие положение на фронте, можно найти также в фондах Орешникова (ф. 136), Щербатова (ф. 270), Фирсова (ф. 449), Уваровых (ф. 17). Прасковье Сергеевне Уваровой, к слову, писали не только из армии, но даже из плена, в фонде отложились письма военнопленных с различными просьбами, в основном, о присылке еды и денег (ед. хр. 590, 749).

Существует распространенное мнение о том, что еще немного и Россия с союзниками выиграла бы войну и встала в один ряд со странами-победительницами, однако современники тех событий смотрели на такую перспективу весьма скептически. Генерал-лейтенант, историк и краевед Н.Ф. Окулич-Казарин оценивал сложившееся к концу марта положение следующим образом: «...для достижения этой светлой цели (создания переднеазиатского общества по проекту гр. Уваровой. — *А.Л.*) необходимы прежде всего два условия: 1) победоносное окончание войны 2) сохранение единой целокупной России. Надеяться на первое нет решительно ни одного разумного основания; а если так, то немцы нас обкорнают и навалят на нас такую чудовищную контрибуцию, что нам будет не до Палестины и Месопотамии. Но допустив даже сверхъестественное чудо — победу, мы все равно и после победы рассыплемся, словно карточный домик, на свои составные части, а что из этого получится — неизвестно: будем ли мы вроде Швейцарии, Америки, Германии, Австрии или еще что-нибудь новое?»[10].

Новое, между тем, прокладывало себе дорогу. Невозможность разрешить накопившиеся в стране проблемы в рамках самодержавной системы привела общественное мнение к тому, что революция стала рассматриваться как необходимость. Революцию ждали. Еще летом 1913 г. Ленин написал, что весь ход правительственных реформ доказал, что в России нет мирного выхода из тупика, «нет и быть не может. Все это знают, понимают и чувствуют». Страна переживает «состояние плохо прикрытой *гражданской войны*. Правительство не управляет, а воюет»[11]. В фонде Н.Н. Фирсова — преподавателя Казанского университета и специалиста по истории российского города, торговли и промышленности XVIII в. имеются письма от его друга, А. Ершова, весьма ироничного человека либеральных взглядов: «Не могу

утерпеть, чтобы не послать тебе хоть нескольких строк — приветствовать тебя и поздравить с осуществлением того, о чем мы мечтали и к чему стремились по мере сил в течение всей жизни. Царизм сам себе выкопал яму, а народный гнев его столкнул в нее. Интересно, что будет дальше, сумеет ли русский народ закрепить приобретенное. Я присматриваюсь и прислушиваюсь, чтобы выяснить, чего хочет "народ", чего хочет общество (царя, севрюги или республики)»[12]. Фирсов живо интересовался революцией. В его записной книжке можно обнаружить текст его первомайской вступительной речи на «Празднике революции», куда он был приглашен, а в списках литературы то и дело появляются фамилии Плеханова, Струве и даже Н.А. Рожкова, будущего директора ГИМ (1926—1927 гг.). Имеется в его фонде и журнал заседаний Временного правительства, а также два протокола заседаний органов местного самоуправления — 1-го Каймарского волостного собрания. Кроме того, печатные материалы по истории Октябрьской революции: листовки о студенческих выступлениях в Петрограде. Печатная продукция подобного содержания, впрочем, сохранилась во многих фондах. Брошюры периода Февральской революции, материалы по выборам в Учредительное собрание, постановления и решения рабочих организаций и пр. можно найти в фондах П.Н. Миллера (ф. 137), И.М. Тарабрина (ф. 204), Н.С. Щербатова (ф. 270), А.И. Станкевича (ф. 351), В.Н. Нечаева (ф. 480).

Многие ждали перемен. А.Н. Харузин также ждал; 4 марта 1917 г. он записал в дневнике: «Я желал конституц. монархию; слово "свобода" для меня было свято. Отчего же я не могу радоваться? Верить? Отчего общий подъем толпы меня не снимает с берега, как морской прилив? Я не верю в светлые дни грядущего... С каждым часом... из рук умеренных выпадает руководство, безумие левых все распаляется и непоправимое уже свершилось. Речь Милюкова с извинениями за имена министров, по-моему, позор»[13]. Ощущение неправильности, постыдности происходящего стало общей чертой в рассуждениях многих историков: «Действительность оказалась много ужаснее, чем я думал; позорнейшие разгромы армий и крепостей, потерю четверти России, я ощущал как оплеухи самому себе и спрятался от людей... Всякие чувства притупляются, даже стыд. Да и как его сознавать в те времена, когда родина и мы с ней погружены в бездну позора, никогда, ни у кого не бывалого, исторически не известного... Кучки буйных сумасбродов оказалось достаточно, чтобы разрушить то жалкое ничтожество, которое мы звали пышным именем своей родины... все обратили в исконный русский идеал — Пугачевщину...» — писал Орешникову исследователь Крыма, археолог и нумизмат Бертье-Делагард[14]. Не менее критично оценил события и Окулич-Казарин: «И вот, перед нами Россия сама себя разрывает на мелкие составные части: самоубийство в истории невиданное. Как бы ни был плох данный порядок вещей, но, если он существует очень долго — это значит, что в нем есть нечто хорошее, заслуживающее уважения и охраны. А вот наш порядок жил более 1000 лет!

Радуются, что нет больше деспота — какое недомыслие! Неограниченность вовсе не составляет исключительной принадлежности чистой монархии; это есть непременное свойство и условие всякой верховной власти, и перемена формы правления есть только перенесение этого свойства из одних рук в другие»[15], а позже добавил: «Дело вкуса: я предпочел бы Нерона, Калигулу, Ивана Грозного и какого угодно восточного деспота, чем такую "свободу", в которой мы теперь купаемся»[16]. Иначе подходил к осмыслению природы власти Н.Н. Фирсов: «Две формы правления были излюбленными с первой поры в Русской земле: коллективная и единоличная, вече и князь, собор всей земли и царь, Рада и гетман, казачий круг и атаманы. В разных комбинациях, с разным значением, в зависимости от соотношений общественных

классов, эти формы — коллективная и единоличная и осуществлялись в разных частях России на протяжении более, чем тысячелетий ее истории»[17]. Отношение к новой власти было разное и нередко от восторга начала марта через несколько месяцев не оставалось и следа, место привычной «твердой руки» заняло подвижное состояние, непрекращающаяся борьба различных организаций и учреждений. Если в Петрограде речь шла в основном о противостоянии Временного правительства и Петроградского Совета, то на местах, порой, появлялось столько претендентов на власть, что кн. Трубецкой вынужден был констатировать за пределами столицы «десятивластие»[18]. Рост преступности, а кроме того, упразднение Департамента полиции Временным правительством принуждало граждан к самоорганизации. В фонде В.Н. Нечаева имеется протокол собрания жильцов д. 12 по Баскакову пер. г. Петроград от 08.03.1917 г. для обсуждения мероприятий в целях охраны дома. Обстоятельства революционной поры позволяют предполагать, что подобные собрания проводились повсеместно.

Сознание, искаженное бурным временем, подталкивало к особому «объяснению» причин всех неурядиц, понятному для каждого: во всем виноваты предатели и немецкие агенты. Русский историк, специалист в области источниковедения, дипломатики и сфрагистики, будущий академик АН СССР Н.П. Лихачев писал: «Бывшая Россия управляется “советами” немецких агентов, натравливающих чернь на интеллигенцию. Мы дожили до того, что все мысли надо сосредоточить, как достать пищи себе и детям, как оградить себя, чтобы вас не выгнали и не избили, как кн. Вяземского...» В этом же письме затронута и еще одна животрепещущая тема — наука и культура: «Но кому теперь нужна наука? — пишет Лихачев. — При правовом строе социалистических папуасов нужны только листовки о распределении чужой собственности. При папуасском понятии о свободе — все буржуйские газеты будут закрыты, а научные события не будут печататься, как не партийные, не углубляющие революцию и потому бесполезные»[19]. Будущее оказалось не столь мрачным: собранные Лихачевым коллекции сталнут основой собрания документов и старопечатных книг, хранящихся ныне в Научно-историческом Архиве СПбИИ РАН, а сам Лихачев, в рамках т.н. «Академического дела», будет осужден «папуасами», все-таки позаботившимися о сохранении его коллекций и развитии науки. Это, впрочем, произойдет позже, а пока наука, по мнению историков, пребывала в крайне плачевном состоянии. Востоковед, библеист и родоначальник русской ассириологии М.В. Никольский в начале апреля посетует П.С. Уваровой на положение гуманитарных наук: «“Товарищам” эти науки не нужны, но ведь нельзя же допустить варварского их выбрасывания из системы знания»[20]. Всего через 2 месяца А.В. Орешников получит от Н.П. Лихачева известие о смерти Никольского: «Царство Небесное Михаилу Васильевичу... Теперь в России нет ассиролога. По-старому судя очень горько, а по-новому — для обращающегося в первобытное... народа — жалеть нечего — наука и культура — предмет роскоши, ни рабочим, ни солдатам, ни крестьянам ненужный и непонятный»[21]. Но что было сделано для того, чтобы эти самые солдаты, крестьяне и рабочие — «чернь», как называл их Лихачев, понимали и нуждались в культуре? Культурная жизнь, тем не менее, шла своим чередом, газеты печатали сообщения о театральных премьерах, балетных спектаклях, операх. А рядом с этим реклама, политика, некрологи. В фондах историков в собрании ОПИ ГИМ во множестве отложились газетные вырезки и статьи столичных, местных и зарубежных изданий различной направленности, содержащие целый тематический калейдоскоп; от политических карикатур до рекламы табачной продукции. Газеты контрреволюцион-

ных организаций хранятся в фонде В.Н. Смольянинова (ф. 7), местные газеты в фонде Уваровых (ф. 17); в фондах А.В. Орешникова, Н.С. Щербатова, К.Н. Любарского (ф. 315), А.И. Голубцова (ф. 504) также отложились газеты и газетные вырезки революционного года.

Актуальной проблемой для исследователей той поры стало сохранение исторических памятников, архивных ценностей и личных коллекций, как от действий революционно настроенных масс, так и от немцев, названных русским публицистом и коллекционером А. Жиркевичем «культурными варварами XX века»[22]. Большая часть подобных писем адресована П.С. Уваровой, как главе Комиссии по сохранению древних памятников, но не только ей. К Александру Васильевичу Орешникову обращались с просьбой принять свои коллекции в Исторический музей Александр Бертье-Делагард[23] и археолог Н. Репников[24].

Сотрудниками ОПИ ГИМ непрерывно ведется работа по введению в научный оборот источников, хранящихся в личных коллекциях историков. Наиболее существенной их частью является переписка, подробнее и более систематизированно информация изложена в дневниковых записях. Опубликованы дневники Городцова, Орешникова, Богословского, ведется работа над дневниками барона де Бая и Ю.В. Арсеньева. Наибольший интерес рассматриваемые документы могут представлять для исследователей процессов демократизации и разложения армии, быта в условиях военного и революционного периода, исследователей русской интеллигенции. Материалы этих коллекций отражают многие аспекты и нюансы революционного периода в России, освещают широкий круг вопросов и событий той поры, а также содержат личные оценки современников. Справедливы эти оценки или нет — рассудит время, но какими бы критическими они ни были, ответ на них уже давно дан А.С. Пушкиным: «...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал».

1 *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М.: Моск. рабочий, 1992. С. 218.
2 ОПИ ГИМ. Ф. 37. Ед. хр. 118. Л. 88—90.
3 Там же. Ф. 449. Ед. хр. 31. Л. 70.
4 Там же. Ф. 17. Ед. хр. 559. Л. 63—64.
5 Там же. Ф. 270. Ед. хр. 92.
6 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 15.
7 *Станкевич В.Б.* Воспоминания, 1914—1919 / В.Б. Станкевич. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. / Ю.В. Ломоносов М.: РГГУ, 1994. С. 35.
8 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Ед. хр. 45. Л. 76—77.
9 Там же. Ф. 81. Ед. хр. 49. Л. 60—66.
10 Там же. Ф. 17. Ед. хр. 556. Л. 40—40 об.
11 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 396; Т. 25. С. 65.
12 ОПИ ГИМ. Ф. 449. Ед. хр. 33. Л. 102—102 об.
13 Там же. Ф. 81. Ед. хр. 83. Л. 52.
14 Там же. Ф. 136. Ед. хр. 9. Л. 166—169.
15 Там же. Ф. 17. Ед. хр. 556. Л. 36—37.
16 Там же. Л. 43.
17 Там же. Ф. 449. Ед. хр. 27. Л. 331 об.
18 *Герасименко Г.А.* Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия: сб. науч. тр. М., 1994. С. 115.
19 ОПИ ГИМ. Ф. 136. Ед. хр. 32. Л. 8—9.
20 Там же. Ф. 17. Ед. хр. 562. Л. 320—321.
21 Там же. Ф. 136. Ед. хр. 32. Л. 3.
22 Там же. Ф. 17. Ед. хр. 552. Л. 72.
23 Там же. Ф. 136. Ед. хр. 9. Л. 166—169.
24 Там же. Ед. хр. 41. Л. 10.

Н.К. Миско, А.И. Свинаренко

Российская православная церковь в эпоху революции 1917 года в дневниках Ю.В. Арсеньева

В своей статье мы хотели бы обратиться к теме отображения в дневниках Ю.В. Арсеньева — хранителя Оружейной Палаты в 1898—1919 гг.— важных событий в истории Церкви в тяжелейшую для России эпоху революции 1917 года. Стоит отметить, что ценность дневников как источника по данной теме состоит в первую очередь в том, что принадлежат они авторству не иерарха Церкви, а обычного мирянина, хоть и знакомого лично со многими деятелями Церкви благодаря своему положению в обществе. Таким образом, в дневниках есть информация не только о самых важных эпизодах в истории Церкви, которых в 1917 г. было немало, но и о ежедневных, можно сказать, рутинных событиях — богослужениях, молебнах, крестных ходах, которые и составляли основу жизнь набожного православного христианина конца XIX — начала XX в. Благодаря скрупулезности, свойственной автору, на страницы дневника попали даже мельчайшие подробности, вплоть до повестки очередных богослужений, что является уникальным источником информации для всех, кто интересуется историей повседневности.

Стоит отметить, что не только сам Арсеньев, но и многие его родственники были близки к церковным кругам. Его отец, Василий Сергеевич Арсеньев, был масоном и известен, в том числе, своими богословскими сочинениями. Двое братьев Юрия Васильевича были священниками: Иоанн стал настоятелем Храма Христа Спасителя в январе 1918 г., и, по словам Арсеньева, его назначение было делом «личного выбора Патриарха Тихона»[1], другой брат, Николай, служил там же. Их двоюродная тетя — игуменья Магдалина (М.В. Орлова-Давыдова) — была основательницей и настоятельницей общины «Отрада и Утешение» в с. Добрыниха. Арсеньев лично знал и поддерживал приятельские отношения со многими деятелями Православной церкви. В их числе — московский митрополит (а потом и патриарх) Тихон (Беллавин), митрополиты Арсений (Жадановский), Владимир (Богоявленский) и Анастасий (Грибановский), епископ Нестор (Анисимов) и Иоасаф (Каллистов); протоиереи Иоанн Восторгов (настоятель храма Василий Блаженного), Владимир Марков (настоятель храма Христа Спасителя до 1917 г.), Василий Металлов (настоятель Казанского собора на Красной площади). Арсеньев близко знал преосвященного Антония (Михаил Флоренсов), последние годы жившего в Донском монастыре, а также настоятеля храма святителя Николая в Кленниках Алексея Мечева, который был духовником Ю.В. Арсеньева. В дневниках Арсеньева также фигурируют другие лица, связанные с Церковью: министр исповеданий Временного правительства А.В. Карташев, А.Д. Самарин, П.Б. Мансуров, М.А. Новоселов, Н.Д. Кузнецов, протопресвитер Успенского собора Николай Любимов, митрополит Антоний (Храповицкий). Кроме этого, Арсеньев и его семья являлись активными членами московской церковной общины: жена Юрия Васильевича, Ольга Львовна (урожд. Волкова), а также сестры Арсеньева — Мария и Надежда, являлись членами Братства Святителей Московских.

Арсеньев подробно записывал свои беседы с церковными деятелями, а также то, что происходило на заседаниях Братства Святителей, зная об этом, в основном, со

слов своей жены. Так, в дневниках отражены все те изменения, которые были вызваны революционными событиями и остаться в стороне от которых Церковь не могла: смещение митрополитов в марте 1917 г. и выбор новых, работа Поместного собора и вопрос о возрождении патриаршества. Стоит подчеркнуть, что эти перемены, взволновавшие основы церковной организации и получившие название «церковной весны», были вызваны не только стремлением священнослужителей быть вместе со своей паствой в тяжелое для нее время, но и внутренней готовностью самой церковной организации к переменам, необходимость которых была осознаваема всеми.

Радикальные попытки к реформированию Церкви были предприняты еще в середине XIX в.[2], но власть так и не решилась пойти на уступки. Этому не способствовала даже революция 1905 года — вплоть до февральских событий 1917 г. существенных изменений в устройстве церкви не происходило, а разговоры о необходимости церковных преобразований были уже повсеместными. В дневниках Арсеньева, относящихся к дореволюционному периоду, встречаются записи его бесед с различными представителями духовенства, касающиеся желаемых церковных перемен: необходимости Церковного собора, реформ Синода и прихода.

Самой важной проблемой для Церкви после Февральской революции стало решение вопроса о будущем церковном управлении. Желая восстановить автономное положение от власти, Церковь, тем не менее, пыталась, по возможности, предотвратить процесс превращения России в светское государство, будучи сильно зависимой от него, в том числе, и в финансовом плане. Вполне закономерно, что с падением монархии и в условиях отсутствия сильной власти церковь начала самореформироваться, но в условиях революционной неразберихи и бессистемности изменений, в первые месяцы после свержения монархии в церковных делах царил беспорядок. Первым значимым изменением стало смещение промонархически настроенных иерархов, а также тех, кто запятнал репутацию Церкви связью с личностью Григория Распутина. Так, уже 6 марта Арсеньев, одобряя действия нового обер-прокурора В.Н. Львова, записывает: «В газете хорошее известие о назначении двух новых митрополитов: в Москву — Трифона, а в Петроград — епископа Андрея Уфимского (Ухтомского) <...> Прежние митрополиты Макарий и Питирим, а также епископ Исидор, отпевавший Распутина, уволены на покой»[3], на деле новые митрополиты будут выбраны значительно позже — Вениамин выбран Петроградским архиепископом 24 мая, а Тихон — Московским 21 июня, хотя Синод утвердил законодательное оформление выборного начала в Церкви лишь 5 июля 1917 г.[4]

Всеобщая свобода, оказывающая влияние и на православных иерархов, усиливает разногласия внутри самой церковной общины: «в Московском духовенстве происходит что-то очень неладное: оно раскололось на какие-то фракции: священников, псаломщиков и пр., которые намерены при участии мирян избрать митрополита, не ожидая ухода прежнего», — записывает Арсеньев[5]. В середине марта делегаты от Московского духовенства и мирян (в их числе — А.Д. Самарин) отправляются в Петроград к митрополиту Макарию, чтобы заставить его уйти на покой, или, по крайней мере, планируют назначить ему местоблюстителя. Арсеньев, соглашаясь с позицией Братства Святителей, считает это «неканоническим актом»[6]. Одобряя необходимость изменений, консервативно настроенный Арсеньев не может согласиться с методами, которыми эти изменения совершаются и вскоре начинает говорить о том, что «решение церковных дел, пока мы в периоде красных флагов <...> едва ли может быть удачным»[7] и что «Революционный принцип к церковной жизни не подходит и может иметь дурные последствия»[8].

Скептически к предстоящему избранию нового митрополита московского настроен и его брат Ваня, который, будучи выборщиком, отказался принимать участие в выборах митрополита: «Он не сочувствует тому, что делается в церковных сферах Москвы, и на съезде духовенства, начавшегося сегодня в присутствии обер-прокурора Львова он не был избран делегатом, чего и не желал. Съезд этот не обещает ничего хорошего под руководством священников так называемого "объединенного духовенства". От всего этого лучше держаться подальше, сохранять свою свободу совести и религиозных убеждений», — заключает Арсеньев[9].

Кроме этого, Арсеньев в некотором роде шокирован возможностью избрания митрополитом мирянина: он с осуждением отмечает, что «между священниками проявились ярые революционеры: какой-то священник, весьма неблагообразный, выступил с требованием избрания митрополитом мирянина мирянами, ссылаясь на такой пример, бывший в Новгороде в XII веке»[10], а через 5 дней записывает слух о том, что «духовенство Успенского собора желает избрания митрополитом мирянина А.Д. Самарина»[11], и не может поверить в это, добавляя, что «Самарин во всяком случае стремится только к хорошему и честному служению Церкви и Родине»[12].

В какой-то момент Арсеньев начинает сочувствовать уволенному митрополиту Макарию, обвиняя новые власти во вмешательстве в церковные дела, а московское духовенство в солидарности со столь радикальными мерами: «мне думается, и новое избрание митрополита незаконно и признавать его православные москвичи не обязаны. Жаль, что московский клир поддается этому грубому вмешательству в церковные дела Львова и пренебрег апостольскими правилами, не поддержав своего архипастыря, подвергшегося несправедливому гонению со стороны революционного обер-прокурора...»[13].

Про выбранного митрополита Тихона Арсеньев саркастически отмечает: «говорят, что он человек мягкого характера и податливый. Казалось бы, не такого нужно избрать теперь первосвятителя. Впрочем, теперь самостоятельных архипастырей скоро и без церемоний выпроваживают и арестовывают солдатские и рабочие депутаты!»[14]

Тем не менее, впоследствии, лично узнав Тихона, Арсеньев поменял о нем мнение и стал относиться благожелательно: «Митрополит Тихон чрезвычайно симпатичный, отличается какой-то особенной добротой и простотой и общительностью, сразу привлекающей к нему», — записывает Арсеньев после знакомства с Тихоном 21 сентября[15].

Однако, несмотря на скептицизм Арсеньева по поводу выборов митрополитов, он возлагает все надежды по восстановлению порядка не только в Церкви, но и в стране на предстоящий Церковный собор и выборы патриарха: «Все это обещает важные решения, которые должны повлиять на судьбы Церкви и Государства. Дай Бог, чтобы это было началом действительной свободы и концом разбойного засилья, которому мы подпали», — записывает он 9 августа[16]. Арсеньев присутствовал на открытии Поместного Собора в Успенском соборе 15 августа, на первом заседании в Храме Христа Спасителя 16 августа, а также на торжестве интронизации Патриарха 21 ноября, о чем подробно записывает в дневниках. На избрании патриарха 5 ноября Арсеньев быть не смог: во время октябрьских боев он был фактически блокирован в Кремле и записал об этом событии со слов сестры Марии, которой удалось передать брату записку с описанием избрания. «Замечательно, что это важнейшее событие Русской Церкви произошло в то самое время, когда все силы ада, казалось, обрушились на несчастную нашу Родину», — записывает он 6 ноября[17].

Кроме вопросов реформирования в Церкви эпохи революции, в дневниках Арсеньева есть место и теме попыток дискредитации Церкви путем различных хулиганских выходок против духовенства радикально настроенными элементами, что стало

частым явлением после Февральской революции, а после октябрьского переворота — чуть ли не официальной политикой большевиков. Уже в начале марта Арсеньев пишет о слухах, «будто под многими церквями нашли склады скрытой муки»[18], и это — в условиях тяжелой продовольственной ситуации в стране. Учащаются случаи, когда люди врываются в храмы и мешают богослужению, в некоторых церквях это заканчивается изгнаниями или даже убийствами священников. Агрессия против духовенства шла не только от городских хулиганов, но и от солдат и крестьян. Так, диакон, заведовавший хозяйством в одном из имений Арсеньевых, был вынужден отказаться от своей работы, так как, по его словам, «положение духовенства стало невыносимым, крестьяне подозревают их в расположении к помещикам и старому режиму, и на Пасхе солдаты даже арестовали семьи церковнослужителей, пока те объезжали приход, и обыскивали их квартиры, нет ли у них оружия, пулеметов и царских портретов»[19].

В дневниках также затрагивается тема взаимоотношений церкви и новой власти. Как уже упоминалось, Арсеньев вначале одобрял действия нового обер-прокурора Львова, но вскоре разочаровался в его деятельности, обвиняя его в чрезмерном радикализме и самоуправстве. На страницах дневников упоминается конфликт Львова с Синодом и его «неприлично грубое обращение с духовными лицами»[20]. Однако если со стороны Временного правительства можно говорить только о мнимых репрессиях, которые заключались в том, что внимание новой власти было несколько отвлечено от церковных проблем, а также в том, что Керенский «по слухам» в Бога вообще не верит, то после октябрьского переворота можно говорить о зарождении осознанной политики власти против Церкви и веры. Так, если даже не учитывать события в Москве в октябре — ноябре 1917 г., когда от орудийного обстрела пострадали Кремлевские соборы (по слухам, большевики обстреливали их специально), то уже в начале 1918 г. принимается декрет об отделении Церкви от государства, которое воспринимается как начало «открытого гонения на Церковь»[21]. Объявление всего имущества церкви собственностью государства осмысляется в качестве попытки «сделать невозможным само существование церквей, церковных учреждений и духовенства» и стремления уничтожить «самую возможность церковного Богопочитания и богослужения»[22]. В обществе циркулируют слухи об убийстве священников и разграблении церквей в провинции. Церковь обвиняется в поддержке старой власти, а также в приверженности идеи продолжения кровопролитной войны. Введение нового революционного праздника — «1 мая», воспринимается как попытка замены Пасхи (которая по старому календарю выпала в 1918 г. на этот день). Церковь сопротивляется как может — патриарх Тихон призывает верующих выйти на Крестный ход в защиту церкви и поруганных святынь, который объявляется властью контрреволюционным, поскольку «сознательные солдаты и рабочие и крестьяне туда не пойдут. Они могут молиться в церквах или дома»[23], а на крестный ход пойдут только представители помещиков и буржуазии. Все эти события, в подробностях записанные Арсеньевым в дневник, освещают первые столкновения Церкви с советским государством, когда Церковь еще способна себя защитить, а власть еще настолько слаба, что пока не готова противопоставить себя многомиллионной общине верующих.

Дневники Арсеньева являются также любопытным источником по истории богослужений в революционное время. Как было уже сказано, Арсеньев присутствовал на торжественных заседаниях первых дней работы Поместного Собора, а также на интронизации Патриарха и оставил подробные описания происходившего. Как правило, Арсеньев заносил в дневник подробности каждого посещенного им богослужения, нередко записывая содержания проповедей. Он оставил записи о богослужени-

ях, проводимых протопресвитером Н. Любимовым, протоиереями И. Восторговым, В. Марковым и Н. Боголюбским, митрополитом Арсением (Стадницким), Арсением (Жадановским), Анастасием (Грибановским) и др.

В заключение добавим, что в данный момент дневники Ю.В. Арсеньева, хранящиеся в ОПИ ГИМ, готовятся к публикации.

1 Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 43. Ед. хр. 102. Л. 9 об.
2 *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года: высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. СПб., 2008. С. 8.
3 ОПИ ГИМ. Ф. 43. Ед. хр. 100. Л. 47.
4 *Рогозный П.Г.* Указ. соч. С. 149.
5 ОПИ ГИМ. Ф. 43. Ед. хр. 100. Л. 59 об.
6 Там же.
7 Там же. Л. 54.
8 Там же. Л. 55 об.
9 Там же. Л. 118.
10 Там же. Л. 59 об.
11 Там же. Л. 62 об.
12 Там же.
13 Там же. Л. 134.
14 Там же. Л. 132 об.
15 Там же. Л. 192.
16 Там же. Л. 163.
17 Там же. Ед. хр. 101. Л. 23.
18 Там же. Ед. хр. 100. Л. 46.
19 Там же. Л. 88 об.
20 Там же. Л. 101.
21 Там же. Ед. хр. 102. Л. 18.
22 Там же.
23 Там же. Л. 21 об.

Е.В. Неберекутина

1917 год в дневнике историка М.М. Богословского

Дневник Михаила Михайловича Богословского — выдающегося историка, академика (с 1921 г.), ученика и преемника В.О. Ключевского на кафедрах русской истории в Московском университете и Московской духовной академии, хранится в его личном архивном фонде[1] и был опубликован в 2011 г.[2]

Систематические записи велись Богословским с июля 1915 г. по 6 ноября 1917 г. Эти даты говорят сами за себя, они охватывают один из самых драматичных отрезков истории России, включая годы Первой мировой войны и двух революций: Февральской и Октябрьской.

Ценность любого дневника — в непосредственном воспроизведении действительности и в передаче колорита эпохи. Но особую ценность дневнику М.М. Богословского добавляет тот факт, что его автор предстает как настоящий мыслитель, в записях которого поражает глубина анализа сиюминутных событий.

На страницах дневника запечатлен широчайший спектр проблем, волновавших ученого. Данная статья позволит взглянуть на революционные процессы в России 1917 г. через призму восприятия М.М. Богословского.

В 1916 г. обострение предреволюционной ситуации ощущалось многими, накапливались усталость от войны и общее недовольство ростом цен, нехваткой продовольствия и промышленных товаров. Анализируя это недовольство, которое он сам связывает с экономическими причинами, Богословский приходит к выводу, что неизбежно в основной массе народа это недовольство объективируется с правительством и даже царем. «Но никто не хочет понять, что против стихийных явлений мирового рынка, мировой экономики всякое правительство так же бессильно, как против стихийных явлений в природе»,— замечает он 10 февраля 1917 г.[3]

Сторонник сильной власти, Богословский с горячностью протестует против всего, что ведет к ослаблению России как великой державы, поэтому борьба с властью, подрыв ее авторитета представляются ему прямым преступлением. В отличие от многих современников он считает, что «во время войны нужно поддерживать ту власть, какая есть, лишь бы она была сильна и деятельна»[4], а не заниматься «перестройками и переделками в горящем доме, вместо того, чтобы заняться тушением пожара»[5].

По мнению Богословского, во многом эту ситуацию порождает политиканство Думы, заседания которой наполнены хлесткими политическими заявлениями и разглагольствованиями, вместо реальной законотворческой деятельности. 5 марта 1916 г. (после известия о приостановке наступления немцев под Верденом) появляется такая раздраженная запись: «А наши государственные кухарки в Думе продолжают свою бесконечную перебранку, по поводу сметы министерства внутренних дел, не говоря при этом ни слова о самой смете, но выливая друг на друга целые ведра самых грязных помоев. Это есть борьба за власть, ведомая политиканами “блока”»[6]. (Имеется в виду Прогрессивный блок, по поводу создания которого несколькими днями раньше Богословский не без сарказма заметил: «Много несчастий терпела ты многострадальная Русь — но не была еще никогда подымаема при помощи блоков!»[7].)

Не снимает ответственности за происходящее Богословский и с интеллигенции, подчеркивая, что она «всегда была нигилистической: не знала ни веры в Бога, ни патриотизма. Эти ее свойства способны разлагать и разрушать, а не создавать что-либо положительное»[8].

В декабре 1916 г. Михаил Михайлович с горечью отмечает: «Внутри гниль, уныние, дряблость и революционная лихорадка»[9].

Однако скептические и трезвые оценки Богословским революционной ситуации в стране находили немного сторонников даже в его ближайшем окружении. Он вынужден был признать, что революционные настроения «это теперь общий психоз», и проводит параллель с Англией XVII в., где в то время «...все общество было охвачено религиозной манией», а в России — «...мания политическая. Там говорили тексты из Библии и пели гнусавыми голосами псалмы. У нас вместо текстов и псалмов — политические резолюции об ответственном министерстве и политические клеветы, высказываемые гнусными голосами и надежды на переворот, с близорукими взорами в будущее. Ослепление состоит в том, что кажется, что введи ответственное министерство — и вот устранится продовольственный кризис, и мы будем одерживать победы. Наивно! А сколько лжи и клеветы!». И завершает свои рассуждения общим, во многом провидческим выводом (подчеркнем, что эти строки писались 4 января 1917 г.): «Не понимают, что революции в цивилизованных странах проходят по цивилизованному, как в 1688 г. или 1830. А ведь у нас политическая революция, как в 1905 повлечет за собой экспроприации, разбои и грабежи, потому что мы еще не цивилизованная страна, а казацкий круг Разина или Пугачева. У нас и революция возможна только в формах Разиновщины или Пугачевщины»[10].

Необходимо отметить, что часто Богословскому удавалось верно предсказать события. Но не всегда. Так, он, как и большинство людей его круга, недооценивал большевиков, категорически не верил в возможность их прихода к власти, и тем более в их способность управлять государством. Советы рабочих и солдатских депутатов он называл не иначе, как «Советы невежд и псевдонимов», а также «сбродом неизвестно кем выбранных проходимцев, шпионов, темных невежественных людей»[11].

Политические взгляды Богословского четко определяются с первых же страниц дневника. Будучи убежденным монархистом и государственником, Богословский главную опасность для страны во время тяжелой войны видел именно во внутренних распрях, борьбе партий, не могущих обеспечить достижения победы над врагом.

Идеальной формой правления в России ему представлялась сильная монархическая власть, способная беспристрастно выситься над партиями. Историк вполне разделяет мнение М.К. Любавского, что «...монархия много все же сделала для Руси: собрала громадные земли, дисциплинировала общество, содействовала накоплению в нем большого запаса духовных ценностей»[12]. Развивая это положение, Богословский приходит к выводу, что, во-первых, «Монархия в России не доделала своего, м[ожет] б[ыть], жестокого и неблагодарного, но необходимого дела, которое было доделано ею ко времени Революции во Франции. Она не закончила еще слияния частей России в одно национальное целое», и, во-вторых, что «Русский народ не приобрел еще такого характера, выдержки и развития, чтобы те партии, на какие он теперь распадается во взаимной своей борьбе, могли обойтись без “верховного арбитра”, голос которого был бы уже окончательным и безапелляционным» [13]. «Да, — отмечал историк, — революция хороша, когда она сменяет старый порядок новым, лучшим; но хороша ли она, когда сменяет старый порядок полным беспорядком, полнейшим хаосом и развалом!» [14].

Учитывая это, становится понятным, почему Богословский не принял не только Октябрьскую, но и Февральскую революции, а записи его дневника наполнены критикой деятельности и Государственной думы, и Временного правительства, и большевиков.

После отречения Николая II и образования Временного правительства наибольшее раздражение Богословского вызывала даже не сама смена государственной формы правления, а полнейшая неспособность нового правительства распоряжаться полученной властью.

То, что Временное правительство при всех громогласных его заявлениях не обладало всей полнотой власти с первых же дней своего существования, Богословский с тревогой отметил уже 1 апреля, записав: «Значит, действительно в России теперь два правительства, которые действуют пока согласно. А дальше?» [15].

В то же время прослеживается двоякое отношение Богословского к Временному правительству. С одной стороны, он прекрасно осознает его бессилие и неспособность управлять огромной страной, называет его «властью без власти»[16], а министров «незлобивыми голубями», которые все прозевали, упрекает их в том, что «вся их правительственная энергия была направлена на месть деятелям старого порядка»[17]. С другой стороны, видит во Временном правительстве все же некоторый последний устой и символ порядка[18].

Особенно тяжело Богословский переживал развал армии и, как следствие, неудачи на фронте.

С неподдельной горечью он пишет о вопиющих фактах дезертирства, буйствах и беспорядках, убийствах офицеров, элементарном отсутствии дисциплины, возмущается итогами пропаганды в армии, где идеи свободы привели к возможности вести дебаты

по поводу исполнения воинского долга. «Было войско, и нет его!», — восклицает Богословский[19]. Развал армии он связывает, в первую очередь, с пропагандистской деятельностью большевиков, которой никак не противодействовало Временное правительство, а в лице А.Ф. Керенского даже способствовало. После катастрофического поражения русской армии под Тарнополем в июле 1917 г. Богословский записал: «Полки, развращенные большевиками, собирались на митинги и дебатировали вопрос, выступать им или не выступать, и затем разлетались как воробьи или сдавались целыми отрядами в плен. Немцы нас разгоняли, действительно, как воробьев или брали живыми. Позор. Вот, г. Керенский, плоды вашей “Декларации прав солдата” и вашего “демократического устройства армии”, которыми вы хотели удивить всю Европу. Вот плоды вашего применения отвлеченного принципа свободы слова в армии, свободы слова для немецких шпионов-большевиков. Пожинайте их, несчастный идеолог! Вы больше всех виновны в случившемся, в том разложении и гниении, которое сгубило нашу армию!»[20].

Многие страницы дневника посвящены и происходящим по всей стране грабежам и экспроприациям, которые остаются безнаказанными.

«Свобода сказалась у нас, между прочим, и в полной свободе грабежа!»; «Россия теперь — первобытное, естественное состояние людей», — констатирует историк[21]. И в этом случае значительную долю вины Богословский возлагает на новую власть, начавшую свою деятельность с выпуска из тюрем не только «противников старого режима», но и откровенно уголовных элементов.

Многим деятелям Временного правительства Богословский дает ярко выраженные саркастические характеристики. Так, записывая свои размышления при известии о начале фактического отделения Украины, он пишет: «В ответ на эти угрозы оружием кн. Львов обратился к “братьям-украинцам” с благодушнейшим воззванием в сентиментальном тоне. Колпаки! Горемыкина упрекали за то, что он правит Россией в туфлях и в халате, а кн. Львов еще и в колпаке. У правительства не только ушла из рук власть, но, видимо, и из голов их исчезло самое понятие о власти, и они полагают должно быть, что все дело правительства в составлении разных воззваний и убеждений. Убеждать может каждый из нас, а дело власти *принуждать* силой, когда не слушаются слов»[22].

«Речь Керенского в Государственном совещании произвела на меня, — записал Богословский 15 августа 1917 г., — впечатление танца, исполненного канатным плясуном, жонглировавшим в то же время высокими государственными понятиями. Где же были ваши дела за 5 месяцев? Была ли у вас хоть капля той власти, о которой вы говорите, когда вы ходили на задних лапках перед Советом рабочих и разных других депутатов?»[23].

Бурные политические события выбивали Богословского из колеи, нередко в дневнике появляются записи о том, что неотвязчивые тяжелые думы о происходящем давят и не оставляют его даже ночью. И в эти моменты только занятия наукой наполняли его жизнь истинным смыслом. В 1917 г. ученый упорно продолжал работать над составлением подробнейшей биографии Петра I, «Петриадой», как он ее называл. Именно она давала ему опору в жизни, служила надежным якорем посреди неустроенности, неразберихи и неизвестности будущего. 28 июля 1917 г. он записал в дневнике: «Для меня большая отрада, что я, работая, живу в 1697 г. в Голландии и, таким образом, хоть на несколько часов в день могу покидать русскую действительность XX века с ее “товарищами”, “эсерами”, “линиями поведения” и всем этим прочим словесным навозом и с ее небывалым позором»[24]. Но самое главное, составляемая биография Петра I наглядно демонстрировала, что только сильная власть и мощная воля позволяли России «проявлять бодрость и энергию»[25].

В августе 1917 г. Богословский подводит неутешительный итог деятельности Временного правительства: «Итак, денежное обращение — хуже, продовольственное дело — хуже, о военном деле — и говорить нечего, суда и полиции совсем нет. Что же стало лучше после переворота? Свобода? Но министры получают право закрывать газеты, запрещать съезды и собрания, и, наконец, министр юстиции Зарудный... вносит законопроект о предоставлении двум министрам — внутренних дел и юстиции — по соглашению без суда арестовывать в административном порядке и *ссылать* в определенные местности лиц, действующих контрреволюционно или опасных для революции! Где же эти свободы, что от них остается и чем все это отличается от старого порядка?»[26].

Приведенные записи дневника М.М. Богословского наглядно показывают, что события 1917 г. он воспринял как катастрофу, разрушившую страну, и главную причину всех бед видел в подрыве власти. Это подтверждает, в частности, последняя дневниковая запись от 6 ноября 1917 г. С осознанием бессилия что-либо изменить, Богословский писал: «Мысли о том, как гг. Родзянки, князья Пав. Д. и Петр Д. Долгорукие, Базилевские, Сухотины, Коноваловы, Челноковы, Рябушинские etc., фрондируя против Николая и учиняя поход против “власти”, рубили сучок, на котором сидели. Вот и расплачивайся теперь имениями и фабриками за свое легкомыслие. Два последние перед революцией года “власть” поносилась и проклиналась, и при том не именно Н[иколай] II, а “власть” вообще. Только и слышалось в думских речах: “позор власти”, “безумие власти”, Шингарев вопил: “Во имя борьбы с властью”. Вот она и рухнула, эта ненавистная власть, а поди-ка найди ее теперь. Будут не только руки, а сапоги целовать у Михаила или другого кого-либо, чтобы только взял ее. И не то же ли самое дворянство в лице графа Льва Толстого так старалось о пропаганде идеи социализации земли... Что же плакать о том, что эти идеи, брошенные с таким талантом в народную массу, привились и дали ростки? Пожинайте, что посеяли сами. Если потеряли идею собственности, что же удивляться потере самой собственности»[27].

Подводя итог далеко не полному обзору интереснейшего дневника М.М. Богословского, отметим, что оценки его, безусловно, субъективны, зачастую надежды его иллюзорны, но дневник историка открывает нам человека искренне и горячо переживавшего за судьбы родины, понимавшего всю судьбоносность для России происходивших событий.

1 Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 442. Ед. хр. 3—4.
2 *Богословский М.М.* Дневники, 1913—1919: из собрания Гос. Исторического музея / отв. ред. С.О. Шмидт; вступ. ст. С.О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой. М.: Время, 2011. Биографическая справка: с. 790—794.
3 Там же. С. 304.
4 Там же. С. 156. 5.03.1916.
5 Там же. С. 60. 24.07.1915.
6 Там же. С. 156.
7 Там же. С. 150. 25.02.1916.
8 Там же. С. 389. 19.07.1917.
9 Там же. С. 278—279. 16.12.1916.
10 Там же. С. 288.
11 Там же. С. 375, 390. 25.06.1917, 21.07.1917.
12 Там же. С. 320. 5.03.1917.
13 Там же. С. 395—396. 27.07.1917.
14 Там же. С. 357. 10.05.1917.
15 Там же. С. 336.
16 Там же. С. 346. 21.04.1917.
17 Там же. С. 380. 7.07.1917.
18 Там же. С. 346. 21.04.1917.
19 Там же. С. 357. 10.05.1917.

[20] Там же. С. 382. 10.07.1917.
[21] Там же. С. 345, 428. 20.04.17, 25.09.17.
[22] Там же. С. 373—374. 19.06.1917.
[23] Там же. С. 404.
[24] Там же. С. 396. 28.07.1917.
[25] Там же. С. 447. 25.10.1917.
[26] Там же. С. 400. 4.08.1917.
[27] Там же. С. 455—456.

Е.Е. Николаева

Октябрь 1917 года в Москве по дневникам барона Жозефа де Бая (из собрания ОПИ ГИМ)

Тема этого краткого обзора — отражение революционных событий в Москве октября 1917 г. в дневниках барона Жозефа де Бая[1], хранящихся в фондах Отдела письменных источников Исторического музея, а точнее, в фонде его директора, князя Николая Сергеевича Щербатова[2]. Как же случилось, что известный археолог, историк-публицист, член Комитета по устройству в Москве Музея 1812 г. и потомственный аристократ барон Жозеф де Бай оказался в роли неангажированного летописца и невольного свидетеля краха российской монархии и рождения из хаоса и анархии нового пролетарского миропорядка?

В последние годы, после многих десятилетий забвения, судьба этого незаурядного ученого и общественного деятеля, пламенного публициста, последовательного сторонника франко-русского союза, вновь заслуженно привлекла внимание исследователей как во Франции, так и в России, которую он сам считал своей второй родиной[3]. Сегодня его по праву можно назвать одним из крупнейших иностранных дарителей Исторического Музея. Во многом именно благодаря его усилиям создана основа французской части музейной коллекции ГИМ по эпохе наполеоновских войн и фатальной для императора Наполеона «русской кампании» — Отечественной войне 1812 г. В Отделе письменных источников Исторического музея вот уже несколько лет проводится работа по дешифровке и переводу сохранившейся в фонде Н.С. Щербатова дневниковой части личного архива Ж. де Бая[4], к которому, кроме дневников за 1914—1918 гг., можно отнести фрагменты семейной переписки, отдельные изданные им брошюры, например, «Souvenez-vous» («Помните») — о зверствах немецкой армии в Европе в период первой мировой войны, рукописные выписки из французских периодических изданий, а также отдельные листы из обширной коллекции пропагандистской печатной продукции (афиши, листовки, воззвания), собираемой им на улицах Москвы и Петрограда в 1914—1920 гг. для пополнения фондов создаваемого в эти годы во Франции по инициативе общественности музея Великой войны[5]. В качестве промежуточного результата этих исследований на Забелинских чтениях 2014 и 2016 гг. мною был предложен вниманию слушателей источниковедческий анализ и обзор дневников барона Ж. де Бая с 1914 по 1917 г. как источников по истории первой мировой войны и февральской революции в Петрограде и представлен их автор[6]. Поэтому в этой статье я ограничусь кратким напоминанием, что барон Жозеф де Бай, французский археолог,

чья профессиональная деятельность на протяжении 30 лет была связана с Россией (он производил раскопки и этнографические исследования в Крыму, на Кавказе, в Поволжье и Сибири), оказался на многие годы отрезанным от своей родины и семьи мировой войной, а затем революционными событиями в России.

В годы вынужденной эмиграции, как и во время своих предыдущих, едва ли не ежегодных посещений России, он пользовался гостеприимством ряда знатных русских семейств, и в первую очередь семьи Шереметевых, благодаря которым приобрел массу полезных знакомств, был принят в свете и при русском императорском дворе. Судьба распорядилась так, что де Бай встретил известие о начале первой мировой войны в загородном имении кн. Сергея Дмитриевича Шереметева[7] в Михайловском, февральскую революцию 1917 года, обитая в родовом гнезде Шереметевых на Фонтанке, 34 в Петрограде, а октябрьскую революцию — в Москве, в знаменитом «наугольном» доме Шереметевых на Воздвиженке, 8, где в свое время состоялась свадьба графа Николая Петровича Шереметева и Прасковьи Ивановны Жемчуговой.

В Москву семья Шереметевых, а вместе с нею и их гость перебираются из охваченного беспорядками Петрограда в 20-х числах марта (согласно дневниковым записям де Бая, они садятся на поезд вечером в понедельник 23 марта / 10 апреля 1917 г.)[8].

По сравнению с пораженным революционной заразой Петроградом более консервативная древняя столица поначалу явно выигрывает: «воздух в Москве чище и здоровей. Местные жители критикуют дурные нравы, которые царят в Петрограде... Все солдаты отдают приветствия своим командирам, не видно, как в Петрограде, красных флагов и нет митингов», — констатирует вскоре по приезде де Бай[9]. Однако первое впечатление часто бывает обманчивым.

«На обломках России вчерашней, в крови, пролитой в одном лишь Петрограде, возникла новая Россия, чей характер не до конца ясен...» — продолжает он несколькими страницами далее[10]. Многие представители правящего класса, крупные сановники, в том числе и обитатели дома на Воздвиженке, пользовавшиеся еще недавно неограниченным влиянием, в одночасье стали никем. Столь быстро происшедшие радикальные перемены дезориентируют и поселяют чувства глубокой тревоги и неуверенности в будущем. «Я окружен людьми, которые терпеть не могут обсуждать, либо слушать разговоры об актуальных политических событиях, это выводит их из себя и они недолюбливают тех, кто поднимает подобные темы», — с горечью пишет де Бай[11]. Русские, по его мнению, в целом настроены пессимистично и предсказывают несчастья. Они предвидят, что «Архангельск будет оккупирован англичанами, Сибирь — Японией... а в Петроград войдут немцы!»[12]. Находятся, по словам де Бая, и такие, кто ждет от них, как от новых варягов, наведения порядка[13], ибо русская армия деморализована и не способна более не только на наступление, но и на защиту своих собственных рубежей! Войска активно братаются с вчерашним противником, и десятками и сотнями солдаты покидают окопы, чтобы поспеть к обещанному разделу помещичьих земель, так что число дезертиров превышает 2 миллиона штыков[14]. Грядет серьезный разлад между союзниками. Но и сама Россия разделена, так как после революции де-факто существует два правительства — Советы рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство, которое явно уступает ему в силе и в влиянии. Как следствие, подытоживает де Бай, «русские более не управляются никем, а для них необходимо, чтобы кто-то ими правил. Доказательств — то, что все стало гораздо хуже, чем было при предыдущем режиме, все позволено, отсутствие полиции позволяет злоумышленникам умножать их “подвиги”, растет число ограблений и прочих преступлений»[15]. Многие, очень многие желают диктатуры и считают, что это единственный способ восстановления порядка.

Москва переполнена праздными солдатами, воспринимающими свободу, как полное отсутствие дисциплины, по самым скромным оценкам их число достигает 100 тыс. человек. Они бесцельно шатаются по улицам, заполняя трамваи, на которых имеют право ездить бесплатно, осложняя таким образом жизнь мирным гражданам, не имеющим лишних денег на извозчиков. Последние задрали такие немыслимые цены, что также пробуждают своим видом не самые лучшие чувства. «Когда я вижу этих непомерно, неестественно толстых — по здешней моде кучеров, я вспоминаю кучера моего дедушки Вилкинсона, некоего Равана, который считался самым толстым кучером Парижа», — иронизирует барон[16]. Однако приходится раскошеливаться, ведь де Бай сразу по приезде включается в московскую общественную деятельность, он счастлив, что Комитет по устройству в Москве Музея 1812 г., членом которого он является, «подает признаки жизни», и ревностно посещает его заседания в Арсенале[17], также готовит конференцию по немецким бомбежкам Реймса.

Между тем, колеся по городу, он нередко становится свидетелем довольно любопытных сценок: «Сегодня утром перед церковью Казанской Божьей матери на углу Никольской остановился автомобиль, тут же собралась толпа любопытных зевак. В машине женщина произносила горячую речь, в то время как мужчина, весь в красном, в костюме дьявола, бил в цимбалы. Эти люди собирали деньги для Комитета рабочих и солдатских депутатов. Сборщики пожертвований перемещаются по всему городу», — пишет де Бай[18]. А в это время в Петрограде Ленин выступает с балкона особняка бывшей царской любовницы танцовщицы Кшесинской со своими Апрельскими тезисами![19]

Пройдет совсем немного времени, и барон де Бай станет очевидцем совсем иных, драматичных событий, итогом которых будет падение Временного правительства и установление красной, большевистской диктатуры.

25 октября / 7 ноября утренние газеты приносят весьма противоречивые известия о революционном перевороте в Петрограде, в Москве также опасаются беспорядков. На следующий день (как отмечает де Бай, «в день рождения кн. Н.С. Щербатова»), в Москве выходит лишь одна газета, которая подтверждает факты[20]. В городе по-прежнему все спокойно, все замерло в ожидании, но это спокойствие перед схваткой. Закрыт доступ в Кремль, выставлена охрана из юнкеров Александровского военного училища у дверей Московской казенной палаты, которая расположена напротив усадьбы Шереметевых на Воздвиженке, 5 (в бывшей усадьбе Талызиных — где ныне находится Музей архитектуры имени А.В. Щусева), де Бай получает дружеский совет не выходить на улицу.

Вечером 9 ноября / 27 октября, когда пришли первые известия о вооруженных столкновениях в районе Думы и Красной площади, вынужденный затворник делает приписку на полях дневника: «Началась гражданская война». С 10 ноября / 28 октября, когда вокруг со всех сторон заговорили пушки и затрещали пулеметы и вплоть до 16/3 ноября, когда де Бай, выглянув из окна своей комнаты, увидел убегающих юнкеров, бросающих наземь винтовки, дом на Воздвиженке и его обитатели оставались в опасности, находясь в одном из самых неспокойных кварталов Москвы, где постоянно шли бои и возникали перестрелки. По соседству, отмечает де Бай, в доме, где прежде находилась типография газеты «Московский листок», расположился большевистский опорный пункт, что-то вроде импровизированного арсенала[21]. Арбат, Знаменская, Никитская и Тверская, где в доме генерал-губернатора заседает штаб восстания[22], становятся ареной ожесточенной борьбы, от храма Христа Спасителя, где установлено артиллерийское орудие, и с других сторон доносятся звуки оглушительной канонады, длящейся часами, с Воробьевых гор обстреливают Кремль, есть

разрушения, один снаряд крупного калибра попадает в библиотеку Ивана Забелина в Историческом музее[23], в результате ночного обстрела пробита и крыша «наугольного» дома. Все его обитатели, кроме барона де Бая, из предосторожности укрываются в комнатах, выходящих во двор. Выглядывая на свой страх и риск из окна спальни, он видит снующие по Воздвиженке бронированные автомобили, перевозящие боеприпасы и раненых, бредущих гурьбой пленных большевиков, затем отступающие в беспорядке отряды противников новой власти. Бесчисленные стаи голубей и ворон, вспугнутые пальбой, носятся в густом тумане днем, а ночью виднеется гигантское, багровое зарево пожаров в районе Никитских ворот. Со всех сторон приходят самые противоречивые слухи, но достоверно ничего неизвестно... Каждый новый день видится переломным в ожесточенной борьбе, но в итоге оказывается страшнее предыдущего. К тому же закрыты банки, не ходят трамваи, не работают почта, телеграф, телефон. В гостеприимном доме Шереметевых подходят к концу запасы продовольствия — давно уже нет ни молока, ни сахара, остается только немного хлеба (не более чем на один день) и картофель. «Что может быть грустнее и ужаснее, чем стать свидетелем гражданской войны», — подводит де Бай печальный итог переживаемых событий.

Только лишь через шесть дней, когда наконец затихает стрельба, а точнее, 17/4 ноября, в субботу, после завтрака, де Бай решается нанять за немыслимую сумму в 13 руб. извозчика и едет на разведку в город[24]. Он заезжает на почту и отправляет несколько писем родным и близким во Францию, посещает французского консула месье Бертрана[25], чтобы убедиться, что он, вопреки тревожным слухам, не отбыл в Финляндию вместе с послом Франции Морисом Палеологом[26], а находится на своем рабочем месте и готов защищать по мере сил членов многочисленной французской колонии в Москве. Но основная цель этой поездки — проведать давних друзей, Щербатовых, телефонная связь с которыми прервалась во время боев и до сих пор не восстановлена. Известно лишь, что музей полон раненых. Но предоставим слово де Баю: «Покинув консульство, я пересек те части города где особенно свирепствовала гражданская война. Сколько следов от пуль на стенах домов и пробитых двойных рам! Но отметины от попадания снарядов оставили более чувствительные раны. Я был особенно поражен состоянию, в которое обстрелом превращен отель “Метрополь”, нет ни одного целого стекла, балконы разрушены, повреждены мозаики и сами стены. Этот памятник весьма дурного вкуса в стиле модерн послужил мишенью большевикам, поскольку в нем размещалось некоторое количество офицеров. На улице Камергерской, где проходили лечение раненые офицеры, они были выброшены на улицу и расстреляны»[27].

Но, возвращаясь к Отелю «Метрополь», продолжает де Бай, «он обстреливался с Большого Театра, где большевики разместили пулеметы и пушку, оттуда они обстреливали также ратушу, выходящую углом на театральную площадь, повреждения там значительны, на площади перед Думой (ратушей) еще видна баррикада.

Всюду, где я проезжал, на улицах кишела весьма разношерстная толпа. Так называемая полиция состоит из людей, испытывающих ненависть к тем, кто проезжает в повозке и к пешеходам, похожим на буржуа[28], проявляющим спокойное любопытство при виде грустного спектакля, который предстает перед их взглядом.

Московские разбойники вооружены. Они чувствуют себя хозяевами положения и держатся очень заносчиво. В этой пестрой толпе встречаются и вооруженные солдаты-большевики, их растерзанный вид нимало не напоминает блестящую выправку русского солдата до революции... Что касается офицеров, то их нет вовсе, поскольку все эти вооруженные апачи и деморализованные солдаты испытывают к ним такую острую ненависть, что готовы убивать их на месте.

Когда всматриваешься внимательней в толпу, вышедшую на улицы, приходишь к выводу, что во всех этих пришедших в движение народных массах гораздо больше дурных, чем добрых элементов. Мне все время приходят на ум слова нашего консула, сказанные при нашей последней встрече: “В такой стране как Россия, может произойти все что угодно, надо быть готовым ко всему, и мы не знаем, что будет завтра”.

Я спрашиваю себя — а есть ли в этой толпе люди, которые вспоминают о войне и обращают свой взор к границам своей Родине, которой угрожает враг? Есть ли среди них люди, способные сурово осудить тех, кто не пожелал сражаться с противником и предпочел драться друг с другом? Они говорят, что хотят мира, а сами убивают своих братьев. “Мы хотим мира с врагом и войны со своими братьями” — так можно сформулировать чувства некоторых русских...

Мы в углу площади у начала Тверской. ...Повернувшись спиной к Тверской мы оказываемся перед часовней Иверской Божией Матери, глубоко почитаемой всеми русскими, кроме, разумеется, тех, кто стрелял в ее сторону. Мы видим, что к ней притекает еще больше верующих, чем обычно. Горят многочисленные свечи. С обеих сторон часовни находятся арки, дающие проход к Красной площади. Прежде, чем пройти дальше, поднимем глаза, чтобы убедиться, что старое здание, к которому прислоняется часовня, испещрено следами от картечи. Из одного из окон свешивается белый флаг, вывешенный в четверг вечером вынужденными сдаться малочисленными защитниками Кремля. Проход через эти две арки был перекрыт со стороны Красной площади баррикадами из мешков с песком, досками и проч., оставлен был лишь узкий проход, рассчитанный на одного человека. На Красной площади собрались большие группы лиц вокруг ораторов, которые не только выступают, но и дискутируют. От одного такого импровизированного митинга отходит женщина, по виду из простого народа со словами: “Опять они чешут языками, ох, не доведет это до добра!”

Мы находимся напротив Никольких ворот — названных по имени возвышающейся над ними Никольской башни, уничтоженной Наполеоном в 1812 году и восстановленной Николаем I в псевдоготическом, малохудожественном стиле. Эти ворота очень сильно пострадали от большевиков... тем не менее то, что от них осталось, препятствует проходу в Кремль. К тому же, они находятся под надежной охраной. Икона, выполненная в виде фрески, которая была расположена над входом со стороны Красной площади, была уничтожена, как и окаймлявший ее орнамент... грустное зрелище![29] Справа от ворот, преграждая улицу, спускающуюся вниз вдоль Кремлевских стен, прорыта широкая траншея, она осталась нетронутой, как и земляной вал. На углу этой улицы стоят прислоненные к стене Исторического музея носилки, вся ткань которых пропитана кровью — жуткое свидетельство бойни, которая здесь разыгралась. (Я забыл отметить что меня уверили, будто проход в Кремль закрыт из-за того что там находится много убитых).

В Историческом Музее я имел счастье обнять князя Щербатова, которого я нашел целым и невредимым. Целы остались, к счастью и картины из Эрмитажа не тронуты и прочие художественные ценности, складированные в ящиках[30]. Однако в Историческом музее, спасенном по воле провидения, разбито стекол на общую сумму в 4.800 руб.»[31].

Надо сказать, что в октябрьские дни Исторический музей оказывается буквально в эпицентре многих решающих событий — ожесточенных перестрелок и штурма Кремля, торжественных похорон жертв революции на Красной площади[32], немного позже — многочисленных манифестаций в защиту Учредительного собрания и против большевистской диктатуры, религиозной процессии в честь интронизации ново-

го патриарха Тихона, за которой де Бай наблюдал из окон квартиры Щербатовых и описал затем в своем дневнике[33]. Что касается хозяина квартиры, князя Щербатова, то он как-то сказал де Баю: «Если у вас возникнут какие-либо трудности... приходите ко мне, в Исторический музей и я вас оставлю у себя, так как считаю вас сотрудником музея». В сложившихся непростых условиях оба они, как могли, продолжали заниматься комплектованием — де Бай, собирая для Исторического музея вырезки из зарубежной прессы, посвященные России, и сдирая со стен, рискуя быть задержанным, революционные афиши и прокламации, которые он по большей части отправлял в музей Великой войны во Францию; Щербатов, пытаясь собрать и сохранить для будущего живую память о случившемся. Не случайно он по горячим следам обращается с просьбой описать пережитое к врачу Верчанскому, постояльцу гостиницы для раненых офицеров, открытой в стенах музея, чудом спасшемуся во время штурма Кремля[34], думаю, не случайно именно он сберег для нас и часть архива барона де Бая с его дневниками.

Не являясь деятельным участником революционных событий, будучи иностранцем, проживающим в доме Шереметевых на положении гостя, не вполне, по собственному признанию, владея русским языком и нередко испытывая трудности в интерпретации событий, очевидцем которых он являлся, де Бай в своих дневниках фиксирует детали, оставшиеся за кадром официальной историографии и мемуаристики. Детали эти, являясь второстепенными по своему историческому значению, позволяют, тем не менее, более образно и зримо увидеть повседневную жизнь окружающих его людей, оказавшихся, помимо своей воли, вовлеченными в круговорот трагических событий 1917 года и, именно благодаря скрупулезной детализации, косвенным образом подтвердить либо опровергнуть свидетельства более фундаментальных источников.

И пусть эти, исписанные неровным почерком книжечки не перевернут наши представления о вооруженном восстании в Москве в октябре 1917 г., тем не менее они дают нам представление о своем авторе — всегда искреннем, часто недоумевающем, не всегда понимающем суть происходящего — и дарят нам крупицы драгоценных знаний о драматичном времени, в котором ему довелось жить, о людях, которые встречались на его пути, и о России, стране, которую он полюбил как вторую родину, и в славное будущее которой продолжал непоколебимо верить вопреки всем выпавшим ей на долю испытаниям. Позволю себе в заключение еще раз процитировать де Бая, его запись декабря 1917 г.: «Часто, слишком часто приходится мне слышать из уст русских людей, любящих однако свою страну, речи, которые меня глубоко огорчают, мне кажется, что я люблю Россию сильнее и глубже, чем они, и больше верю в Россию, чем они. Они не видят всех недостатков своих врагов»[35].

1 Амур Огюст Луи Жозеф Бертло, барон де Бай (1853—1931) — потомок знатного французского дворянского рода, археолог и путешественник, президент Общества антикваров Франции (с 1906 г.), член Парижского географического общества, почетный член Уральского общества любителей естествознания, член Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 г. и проч.

2 Николай Сергеевич Щербатов (1853—1929) — князь, морской офицер, историк, археолог, директор Исторического музея в Москве. В ОПИ ГИМ в составе его фонда (ф. 270) хранятся личные дневники барона де Бая за 1914—1918 гг. (оп. 1, ед. хр. 98—102), а также письма к нему жены Мари де Бай и дочери Иоланды периода первой мировой войны и др.

3 См.: *Букреева Е.М.* : 1) Корреспондент особого комитета Музея 1812 г. барон де Бай (1853—1931): материалы к биографии // Эпоха 1812 год: Исследования. Источники. Историография. М., 2009. С. 241—257 ; 2) Русские струны французской души барона де Бая // Золотая палитра: информ.-аналит. журн. М., 2010. № 2; и др., а также интереснейшие исследования, посвященные разным периодам деятельности де Бая российских и зарубежных историков Л.И. Зориной. Н.А. Ореховой, О.С. Даниловой, Ж.-Ж. Шарпи; и др.

4 ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 98—102. Отдельные материалы барона де Бая имеются также в фондах П.И. Щукина, И.Е. Забелина, В.Н. Городцова, А.П. Бахрушина и др., хранящихся также в ОПИ ГИМ.

[5] Значительная часть из собранных бароном Ж. де Баем в России агитационных материалов ныне находится в фондах Библиотеки Международной Современной Документации в Париже (BDIC, Нантерр).

[6] См.: *Николаева Е.Е.* Первая мировая война в дневниках и письмах барона Жозефа де Бая: (по материалам ОПИ ГИМ) // Забелинские научные чтения — год 2014-й: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2017. С. 138—155. (Труды / ГИМ; вып. 204), вторая обзорная статья — «Революционные события 1917 года в дневниках барона Ж. де Бая», в настоящее время готовится к печати в следующем сборнике трудов ГИМ.

[7] Сергей Дмитриевич Шереметев (1844—1918) — русский общественный деятель, историк, коллекционер; граф; крупнейший землевладелец. Ему принадлежали усадьбы Кусково, Михайловское, Введенское, Остафьево. Исполнял с 1904 г. обязанности Обер-егермейстера императорского Двора. Был личным другом и покровителем барона Ж. де Бая.

[8] Не одни только Шереметевы покинули Петроград вскоре после отречения императора Николая II. Еще до переезда в Москву барон де Бай писал: «Я констатирую что представители знати жизнь которых вращалась вокруг двора склоняются к тому чтобы оставить Петроград. Их единственная надежда в том, что в качестве конституционного монарха будет избран в. к. Михаил... Если же Учредительное собр. выберет Республику это будет конец великой Руси» (ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 1).

[9] Там же. Л. 172—173.

[10] Там же. Л. 192.

[11] Характерно, что в поисках ответа на внезапно поставленные жизнью «проклятые» вопросы, образованные люди из окружения де Бая обращаются к опыту Великой французской революции, сравнивая ее с революционными событиями в России, что, в свою очередь, выводит из равновесия барона, находящим между ними мало аналогий. Он считает, что, в отличие от революции французской, начавшейся по воле народных масс, российская была инспирирована действиями высших слоев общества и началась с убийства в доме Ф. Юсупова, при участии членов императорской семьи, Г. Распутина, а всем этим самозваным русским «народным комиссарам» никогда не удастся, как бы им этого ни хотелось, уподобиться деятелям революции французской. Де Бай приводит мнение князя Петра Кропоткина, высказанное им некоему знакомому лицу о том, что то, что он наблюдает в России, это не революция, а смута. Де Бай констатирует, что «при виде форм, в которые выливается русская революция, здоровая часть населения ужасается...». В конце декабря он подводит в своем дневнике своеобразные итоги 1917 г.: «В настоящее время несчастная Россия погружена в анархию... Нет ничего печальнее, чем это завершение года вдали от моих [близких], вдали от Франции, в стране, погруженной в братоубийственную войну, где никто не уверен в завтрашнем дне...» (Там же. Л. 618). Особенно беспокоила де Бая судьба его любимой дочери, Иоланды, получившей тяжелое ранение во время обстрела передвижного госпиталя в Витри, который она организовала и которым руководила совместно с матерью, Мари де Бай.

[12] Там же. Л. 162, 166, 234.

[13] «В России, предоставленной самой себе, все вызывает удивление; она вновь начинает свою историю с того момента, когда варяги нашли ее, погруженной в анархию. Но я не вижу сегодня варягов, которые могут привнести порядок там, где он утрачен. Кто восстановит порядок в России? Увы, мне приходилось слышать от русских, что это будет Германия! Страдать затем под немецким игом, какое безумие!» (Там ж. Л. 574).

[14] «Результатом этой (февральской. — *Е.Н.*) революции», — пишет де Бай, — «явилась полная дезорганизация и деморализация армии... Те солдаты, кто еще остается на фронте», продолжает он, ссылаясь на свидетельства французских офицеров, «отправляются в немецкие траншеи и говорят — мы братья, немцы напаивают их и отправляют назад уже пьяными...» (Там же. Л. 208).

[15] Там же. Л. 235.

[16] Там же. Л. 238.

[17] Там же. Л. 202.

[18] Там же. Л. 213.

[19] Упоминания о будущем вожде мирового пролетариата встречаются несколько раз на страницах дневника де Бая в промежутке с февраля по октябрь 1917 г. среди новостей второго плана, причем Ленин у де Бая, как правило, немецкий агент, социалист-анархист либо бланкист. «Этот социалист-анархист Ленин, прибывший из Швейцарии через Германию, выступил с речью с балкона дома той самой танцовщицы, что была когда-то любовницей императора, а потом и других членов императорской семьи; эта танцовщица, уже немолодая, спаслась бегством, и там поселили искомого анархиста...» (Там же. Л. 175).

[20] Доподлинно неизвестно, что за газета была в распоряжении де Бая в этот день. Из воспоминаний Н.П. Окунева (*Окунев Н.П.* Дневник москвича (1917—1924). Paris, 1990. С. 98—99) мы узнаем, что «26-го октября газеты наши, т.е. “Русские ведомости”, “Русское слово”, “Утро России”, “Раннее утро” и более правые... не вышли. Читаем произведения большевиков и меньшевиков, т.е. “Социал-демократ”, “Известия Советов”, “Вперед”, “Труд” и т.п. газеты». 27-го вышли в Москве только «Социал-демократ», «Власть народа» и «Солдат и гражданин». Типографии и редак-

ции других газет захвачены большевиками. В типографии, где печатались «Московский листок», «Фонарь» и «Сигнал», работает новая газета «Анархия».

21 Редакция журнала «Московский листок» была захвачена анархистами, а не большевиками, как пишет де Бай, о чем уже 26-го октября 1917 г. сообщает газета «Анархия» (автор выражает благодарность своему коллеге, Н.К. Миско за внесенные уточнения).

22 Дом Московского генерал-губернатора, где впоследствии расположился Моссовет.

23 По некоторым данным знаменитая библиотека директора Исторического музея, видного историка И.Е. Забелина во время описываемых событий находилась в помещении Мосгордумы.

24 «Немыслим вид улиц и ворчание возбужденной толпы. ...испытываешь два противоположных чувства. 1-е — облегчение после дней ужаса и тревоги, когда раздавался лишь зловещий голос орудий, 2-е немного нетерпеливое ожидание того, что за всем этим последует. Это ожидание выражается для одних в надежде, для других в опасениях, и для всех в беспокойстве» (ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 562).

25 Жан Батист Бертран (1887—1917) — политик, дипломат. Генеральный консул Франции в Москве. Социалист. Об обстоятельствах его избрания на этот пост см.: La première guerre vue de Paris: La correspondance d'Etienne de Nalèche, directeur du Journal des Débats, à Pierre Lebaudy, 1914—1919. Письмо от 21—22 июня. URL: https//naleche.hypotheses.org

26 Жорж Морис Палеолог (1859—1944) — видный французский политик, дипломат, писатель-публицист. С января 1914 г. находился в Санкт-Петербурге, где исполнял обязанности посла Франции в России. Автор ряда книг, в т.ч. интереснейших мемуаров, опубликованных в России впервые в 20-х годах XX в. в двух томах: «Царская Россия во время Мировой войны» (М.; Пг., 1923) и «Царская Россия накануне революции» (М.; Пг., 1923).

27 Как потом выяснится, в здании Метрополя во время обстрела укрывались также французские офицеры, оставшиеся лишь свидетелями схватки.

28 Де Бай поясняет: «слово буржуа (по русски — буржуй), хотя и заимствовано из французского языка, в России имеет совсем иное значение. Для русских буржуи — это все те, кто опрятно одет, образован, ездит на извозчике...» (ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 559).

29 Эта надвратная фреска, уничтоженная лишь частично, в настоящее время полностью восстановлена.

30 Речь идет о ценностях, эвакуированных по распоряжению Временного правительства из Петрограда, когда существовала опасность захвата города немецкими войсками.

31 ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 545—555.

32 В дневнике есть краткое описания церемонии «красных похорон» (де Бай наблюдал процессию из окон дома на Воздвиженке) и отпевания представителей «белой гвардии» в церкви «Большого Вознесения» у Никитских ворот, где венчались А.С. Пушкин и Н.Н. Гончарова. С большой долей вероятия можно утверждать, что де Бай был среди очевидцев этой церемонии, как и его современник поэт Александр Вертинский, написавший об этом драматичном событии: «Я не знаю зачем, и кому это нужно, кто послал их на смерть не дрожащей рукой...». Кроме того, де Бай счел нужным привести в дневнике гуляющую по Москве легенду о появляющихся над могилами красногвардейцев, похороненных на Красной площади, «маленьких язычках пламени, которые затем, увеличиваясь в размерах, уже в виде огромных языков пламени, напоминающих чертей, штурмуют стены древнего Кремля», снабдив ее ремаркой: «в России обожают все мистическое» (Там же. Л. 517).

33 «Из окон квартиры Щербатовых в Историческом музее я видел, как стоя в повозке проезжал патриарх, окропляя толпу святой водой... Головной убор, куколь, который был одет... на патриархе, принадлежал Филарету, отцу Михаила Романова, а посох — св. Петру, первому московскому митрополиту; на церемонии интронизации присутствовали все епископы, был представлен дипломатический корпус» (Там же. Л. 590).

В дневнике встречаются ошибки и неточности. Так, де Бай, в целом верно приводя рассказ о посещении митрополитом Платоном (Рождественским) в дни московского восстания членов ВРК, ошибочно называет последнего патриархом, номинированным Советом (Там же. Л. 559). По поводу интронизации патриарха он также пишет: «...этот консилиум епископов, безмятежно продолжающий свою работу и избирающий патриарха во время войны показывает, что в то самое время как гражданские силы терпят крах, могущество духовенства остается великим и непоколебимым... Православная церковь опирается на исторические традиции, в то время как жадные до перемен народные массы с ними порывают...» (Там же. Л. 571, 577).

34 См.: *Белозерова И.В.* Семья Щербатовых: материалы к биографии, 1914—1995 // Забелинские научные чтения — год 2014-й: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2017. С. 116—137. (Труды / ГИМ; вып. 204). (Текст воспоминаний Верчанского «Из московских дней 27 октября — 4 ноября 1917 г.» приведен на с. 127—137 приложения к статье).

35 ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 482, 482 об.

А.А. Петров

Документы епископа Камчатского Нестора (Анисимова) периода революции 1917 года в фонде Московского отделения Православного Камчатского братства в собрании ОПИ ГИМ

История многих документальных памятников, попавших в отечественные архивохранилища в революционные годы, часто полна случайных поворотов. В полной мере это относится к личному архивному комплексу епископа Камчатского Нестора (Анисимова) в собрании Отдела письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Согласно учетным документам, в истории появления этих материалов в музее много неясного. Впервые в книге поступлений Сектора архива Отдела рукописей ГИМ «Архив Нестора — епископа Камчатского и Петропавловского» был зарегистрирован в 1932 г. и получил № арх. 1900. Источник и время поступления при этом указаны не были. В 1939 г. документальный комплекс, получивший название фонда епископа Камчатского Нестора и № 132, был обработан договорной сотрудницей ОПИ ГИМ С. Жекулиной, ею была составлена весьма краткая опись в количестве 10 единиц хранения. В фонде, кроме личных и деловых документов самого титульного фондообразователя, присутствовали также материалы архива Московского отделения Православного Камчатского братства, причем все они были перемешаны между собой. События Великой Отечественной войны помешали введению этих документальных источников в научный оборот. Затем в начале 1950-х годов весь фонд № 132 полностью был передан во вновь созданный коллекционный фонд № 112 (Материалы к истории церковного управления в России), став, таким образом, формально неописанным и закрытым для изучения. 25 августа 1955 г. весь комплекс за № арх. 1900, не имевший инвентаря ГИМ, был записан в Главную инвентарную книгу вместе с другими безномерными комплексами и получил № 86049. В 2016 г. при описании фонда № 112 вышеуказанные документы, как не имеющие непосредственного отношения к административным органам Русской Православной Церкви и не укладывающиеся в целом в тематические рамки фонда № 112, были выделены в самостоятельный фонд № 604. Этот фонд был заново описан, документы в нем пересистематизированы — в первый раздел описи выделены материалы Московского отделения Православного Камчатского Братства, как главного фондообразователя (ед. хр. 1—17; 363 док., 619 л.), а документы из архива епископа Нестора (Анисимова) помещены во второй раздел (ед. хр. 18—30; 193 док., 652 л.)[1].

Соединение в один комплекс во время поступления в музей документов этих двух разных архивов проясняет, как кажется, источник их поступления. С нашей точки зрения, указанные документы были переданы из закрытого в 1918 г. Чудова монастыря. В Исторический музей через Оружейную палату после 1918 г. поступило немало облачений, икон и других церковных предметов, часть из них по всей вероятности происходит из монастырской ризницы. Поступили также и некоторые документы из монастырского архива (например, описи церковного и ризничного имущества за XIX в.)[2]. Но это далеко не все. Дело в том, что во время Первой мировой войны

чудовский наместник епископ Серпуховской Арсений (Жадановский) предоставил в стенах управляемой им обители приют эвакуированному духовенству Минской и Гродненской епархий. В частности, в монастырских кельях проживал архиепископ Гродненский и Брестский Михаил (Ермаков). В монастыре были складированы и архивы некоторых церквей и церковных учреждений вышеназванных епархий. Эти документы также были перевезены из закрытой обители в Исторический музей[3].

Следует иметь в виду, что заседания Совета Московского отделения Камчатского братства всегда проходили в Чудовом монастыре, здесь же, вне всякого сомнения, хранился и братский архив. Поэтому нет ничего невероятного в том, что владыка Нестор, покидая Москву в августе 1918 г., оставил часть своих бумаг, которую не мог захватить с собой, именно чудовскому наместнику, бывшему председателю Московского отделения Братства Арсению (Жадановскому). А последний логично присоединил бумаги основателя Камчатского братства к бумагам его Московского отделения. Образовавшийся таким образом комплекс после вынужденного оставления епископом Арсением Чудова монастыря (вероятно в конце 1918 г.) вместе с упоминавшимися нами выше документами был передан в Исторический музей.

Иеромонах Нестор (Анисимов) в 1907—1909 гг. проповедовал камчадалам в Гижигинском уезде. Ранее на Камчатке миссионерская деятельность велась слабо, школ для коренного населения не было, а само население подвергалось эксплуатации со стороны русских и зарубежных торговцев. У отца Нестора возникла идея создания Православного Камчатского братства, которое смогло бы сдвинуть с мертвой точки дело материальной помощи Камчатской миссии. Он разработал устав Братства. Для его утверждения весной 1910 г. он отправился в Санкт-Петербург, где, проявив энергию и инициативу, а также заручившись поддержкой императорской семьи и других влиятельных лиц, смог добиться удовлетворения своих ходатайств в Синоде[4].

Главной целью Православного Камчатского братства во имя Нерукотворенного образа Всемилостивого Спаса стало материальное обеспечение миссионерской и просветительной деятельности на Камчатке. Значительная часть необходимых средств формировалась благодаря вступительным взносам желавших принять на себя звание членов Братства. Исходя из величины вступительного взноса (25, 50, 75 и 300 рублей), вступавшие получали звания действительного члена, почетного члена, члена-учредителя и почетного попечителя. Лица, делавшие регулярные небольшие пожертвования в пользу Братства, могли стать его членами-соревнователями. Главный Совет Братства находился во Владивостоке (бессменным председателем его был протоиерей Владивостокского кафедрального собора Александр Муравьев), а отделения располагались в различных городах России[5].

Важную роль в деятельности Братства играло его Московское отделение. В силу ряда обстоятельств открытие его произошло не сразу после организации Братства, а только 27 октября 1911 г., прежде всего, благодаря стараниям наместника Московского кафедрального Чудова монастыря архимандрита Арсения (Жадановского), который и стал его первым председателем. Отец Арсений призывал к пожертвованиям не только лично или через проповедь, но и размещал соответствующие статьи и воззвания в издаваемом им журнале «Голос Церкви». Однако широкий круг обязанностей вынудил его 13 января 1914 г. уйти с поста председателя. Дальнейшее расширение деятельности Московского отделения (или отдела) Братства произошло благодаря трудам следующих его председателей: архимандрита Московского Златоустовского монастыря Феодосия (Ганицкого, в должности с 13 января 1914 г. по 23 мая 1915 г.), помощника наместника Московского Чудова монастыря архимандрита Серафима

(Звездинского, в должности с 23 мая 1915 г. по 1 сентября 1916 г.) и, наконец, протоиерея Николаевской церкви при Странноприимном доме князей Куракиных Димитрия Васильевича Тихомирова (в должности с 1 сентября 1916 г. до прекращения деятельности отделения в связи с событиями революции)[6].

Возведенный 25 мая 1914 г. в сан игумена Нестор (Анисимов) после начала Первой мировой войны добровольно отправился в действующую армию. В 1914—1915 гг. служил фронтовым священником в лейб-гвардии Драгунском полку и был начальником санитарного отряда «Первая помощь под огнем врага». 14 июня 1915 г. пожалован саном архимандрита[7].

В конце 1915 г. архимандрит Нестор был отозван архиепископом Владивостокским и Камчатским Евсевием (Никольским) с фронта для продолжения миссии на Камчатке. В августе 1916 г. императором Николаем II был утвержден доклад Св. Синода об учреждении викариатства в Камчатской области и о назначении архимандрита Нестора епископом Камчатским и Петропавловским, викарием Владивостокской епархии. Его епископская хиротония состоялась во Владивостоке 16 октября 1916 г.[8]

На архипастырское поприще владыка Нестор вышел в период, когда страна стояла на пороге крутых перемен. Едва только он взялся налаживать епархиальное управление, как произошла Февральская революция, и новые начала стали входить в церковную жизнь. Именно к этому периоду относится основной массив документов, сохранившийся в той части архива епископа Нестора (Анисимова), которая ныне хранится в ОПИ ГИМ. На указанных документах и хотелось бы остановить внимание.

О положении камчатских церквей дает представление ряд рапортов благочинного протоиерея Петропавловского собора Николая Диаталовича и других священников за первую половину 1917 г.[9], а также сводные документы по личному составу и материальному обеспечению причтов и церквей Камчатской епархии за 1916—1917 гг.[10]

Начавшаяся в феврале 1917 г. революция усугубила материальные и финансовые трудности камчатских церквей и причтов. В рапорте от 24 мая 1917 г. владыка Нестор представлял архиепископу Приморскому и Владивостокскому Евсевию (Никольскому) о необходимости выделения денег камчатскому духовенству на прогоны хотя бы 1000 рублей. Однако определением Владивостокской духовной консистории это ходатайство было отклонено, о чем камчатский епископ был уведомлен рапортом от 6 октября 1917 г.[11] Подведомственное духовенство также неоднократно обращалось к своему владыке в связи с денежными затруднениями. Так, протоиерей Петропавловского собора Валентин Кох в июле 1917 г. просил епископа Нестора исходатайствовать у Православного Камчатского братства 5000 рублей на постройку колокольни и покрытие соборных долгов[12]. В начале июля владыка выдал из своих собственных денег заимообразно в счет задержанных жалования от казначейства и пособия от Камчатского братства священникам и псаломщикам камчатских церквей несколько сот рублей[13]. Далее положение только ухудшалось. В рапорте патриарху Тихону от 26 марта (8 апреля) 1918 г. владыка писал о бедственном материальном положении 11 причтов Камчатского полуострова. На следующий день епископ Нестор подал патриарху новое прошение, в котором отмечал, что он сам «остался совершенно без средств к существованию»[14].

Первоначально революция породила надежды на изменение к лучшему церковной жизни. Надежда на это чувствуется в донесении викарного епископа Нестора архиепископу Приморскому Евсевию от 21 мая 1917 г. с предположениями по проведению выборных начал духовенства, учитывая миссионерский характер Камчатской епархии, и об обеспечении селений, где есть школы, священниками-учителями[15]. В копии донесения от 23 июля 1917 г. содержится уведомление епископом Нестором

архиепископа Евсевия об избрании духовенством и мирянами Областного съезда Камчатской епархии духовным комиссаром протоиерея Валентина Коха[16].

Иногда недостаточная ясность вновь проводимых в управлении принципов, а также необоснованные амбиции отдельных лиц приводили к неприятным казусам епархиального управления, примером чего могут послужить документы о снятии с должности настоятеля Наяханской церкви иеромонаха Алексия[17].

Владыке Нестору пришлось самостоятельно принимать решение о проведении съезда духовенства и мирян для избрания делегатов на предстоявший Всероссийский Поместный собор. Это начинание благополучно осуществилось благодаря тому, что в Петропавловске оказалось более половины всего духовенства викариатства и там же одновременно проходил Областной съезд. Подлинные протоколы трех собраний духовенства и мирян Камчатской епархии по вопросам обновления церковной жизни в духе провозглашенных свобод и согласно особенностям местной жизни от 5—7 июля 1917 г. находятся среди документов епископа Нестора[18]. 5 июля епископ Нестор открыл первое собрание своей речью[19]. На заседании 7 июля владыка Нестор сделал доклад по вопросу о самостоятельности Камчатской епархии, проводя мысль о насущной необходимости этого преобразования[20]. По результатам баллотировки избранными на Всероссийский поместный церковный собор оказались от мирян гражданин г. Петропавловска Иван Трофимович Новограбленов, а от белого духовенства сам епископ Камчатский и Петропавловский Нестор[21].

После своего избрания владыка Нестор выехал сначала пароходом во Владивосток, а потом по железной дороге в Москву. После торжественного открытия Собора 15 августа 1917 г. камчатский епископ деятельно включился в работу Отдела внешней и внутренней миссии. В частности, имеется черновик и копия его доклада в Комиссию по внешней миссии от 29 сентября 1917 г. о целесообразности присоединения Охотского уезда к Камчатской епархии[22]. В дальнейшем епископ Нестор участвовал в выработке Устава о внешней миссии — сохранились автографы его поправок и замечаний к тексту этого документа[23].

Обычное течение соборных заседаний было прервано 25 октября — 3 ноября 1917 г., когда в ходе вооруженного восстания власть в Москве перешла в руки большевиков. 27 октября командующий войсками Московского военного округа полковник К.И. Рябцев объявил город на военном положении. В связи с этим 1 ноября 1917 г. домовой комитет Московской духовной семинарии, в здании которой проживал епископ Нестор, выдал ему удостоверение для свободного пропуска по улицам на все время военного положения[24]. С вечера 29 октября по 2 ноября подчиненные Военно-революционному комитету войска обстреливали из артиллерии укрепившихся в Кремле юнкеров. Это привело к значительным повреждениям кремлевских зданий, в том числе церковных святынь. 2 ноября владыка Нестор вместе с другими членами Собора воочию увидел разрушения в Кремле и не мог, конечно, остаться к ним равнодушным. Уже на следующий день он стал одним из инициаторов создания Комиссии по осмотру и приему Кремлевских святынь. Удостоверение, выданное епископу Нестору Священным Собором Православной Российской Церкви от 3 ноября 1917 г. с уполномочием его на участие в вышеназванной комиссии, было подписано митрополитом Московским Тихоном[25]. Результаты этого первого осмотра послужили основанием для образования 8 ноября 1917 г. Особой комиссии Собора для протокольного описания и фотографирования повреждений кремлевских святынь под председательством митрополита Петроградского Вениамина. Одним из членов новой комиссии стал Нестор (Анисимов). Об этом свидетельствует выписка из протокола заседания Собора от 11 ноября, адресованная на его имя[26]. По материалам работы комиссии Камчатским владыкой

была написана брошюра «Расстрел Московского Кремля» с приложением фотографий кремлевских разрушений. 9 декабря она была одобрена Собором и вскоре напечатана. Епископ Нестор с большой душевной болью переживал кровавые события в Москве, 13 ноября он участвовал в заупокойной литургии по павшим в Октябрьском перевороте юнкерам, студентам и курсисткам в Храме Христа Спасителя, и в тот же день — в отпевании юнкеров в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот[27].

В конце 1917 — начале 1918 г. владыка продолжил свою деятельность как член Поместного Собора. Неоднократно выступал он с докладами о Камчатской миссии. Например, 10 декабря 1917 г. он докладывал о Камчатской миссии на общем собрании Православного Миссионерского общества[28]. Часто свои доклады епископ Нестор сопровождал световыми картинами (слайдами). Сохранилось 5 счетов на его имя Фотографической лаборатории З.И. Шубской-Корсаковой «Фотоглобус» за 14 ноября 1917 — 29 июня 1918 г. на приобретение и раскраску большого количества подобных световых картин[29]. Среди документов владыки сохранилась машинопись «Очерков о Камчатской области» с его авторской карандашной правкой. Этот текст, местами буквально совпадающий с другими сочинениями замечательного миссионера, но в то же время и содержащий новые для того времени сведения (например, о большом землетрясении на Камчатке 17 января 1917 г.), несомненно, представляет собою вариант одного из докладов, с которыми он неоднократно выступал в Москве[30].

Проявляя себя как деятельный и преданный Церкви архипастырь, епископ Нестор (Анисимов) естественным образом вошел в ближайшее окружение патриарха Тихона. Одним из свидетельств высокого доверия святителя Тихона к владыке служит подлинный патриарший указ от 31 декабря 1917 г. с поручением передать епископу Кариону (Садзаглишвили), избранному на соборе Грузинской Церкви в Тифлисе каталикосом-патриархом Грузии, грамоту на имя епископов Грузинских епархий[31]. Но поездка епископа Нестора в Закавказье не состоялась.

Несомненно, что издание «Расстрела Московского Кремля» обратило внимание новых властей на «контрреволюционера» Нестора. Как указывает О.В. Косик, главным образом власти подозревали владыку в связях с монархически настроенными офицерами[32]. В ночь на 16 февраля (1 марта) 1918 г. камчатский епископ был арестован отрядом красногвардейцев и заключен в Московскую губернскую тюрьму на Таганке. У владыки сохранились: копия ордера начальника Центрального штаба Красной гвардии в Москве Я.Я. Пече старшему отряда товарищу Зиле с предписанием произвести обыск и арест в лазарете Гродненской крепости по Большому Трехсвятительскому переулку и копия протокола обыска по указанному адресу у «священника Нестора» с указанием, что «при обыске ничего не обнаружено, нелегальных предметов, оружия и литературы не найдено»[33]. 2 марта Поместный собор в своей специальной резолюции потребовал «немедленного освобождения Преосвященного узника»[34]. Вечером того же дня епископ Нестор при отношении начальника Московской губернской тюрьмы настоятелю Новоспасского монастыря был препровожден в этот монастырь под домашний арест «для содержания впредь до особого распоряжения»[35]. Поддержку арестованному владыке выразила широкая православная общественность. В его архиве сохранились адрес приходского совета Иоанно-Предтеченской под Бором на Пятницкой улице церкви и резолюция общего собрания прихожан Алексиевской на Глинищах церкви[36]. Также со словами сочувствия и поддержки к арестованному обратился в своем письме от 1 (14) марта 1917 г. будущий мученик епископ Орловский и Севский Серафим[37]. К периоду заключения епископа Нестора относится черновик его заявления начальнику Московской губернской тюрьмы с просьбой истребовать от доктора Гвоздева принадлежавших ему

наперсного креста на Георгиевской ленте и денег. В заявлении владыка пояснял, что крест и деньги были переданы им Гвоздеву на сохранение в момент совместного их заключения в помещении Александровского училища до отправки в тюрьму[38]. 12 (25) марта 1918 г. начальник Московской губернской тюрьмы направил предписание наместнику Новоспасского монастыря игумену Иакову об освобождении епископа Нестора[39]. 7 (20) апреля 1918 г. в Канцелярии Священного собора Православной Российской Церкви владыке Нестору было выдано удостоверение, что он «во время проживания в Москве был подвергнут в феврале с. г. аресту и, пробыв в заключении 24 дня, после допроса, был освобожден, при чем было объявлено ему, что никакой вины за ним не найдено»[40]. После освобождения епископ Камчатский принял участие в дальнейшей работе Собора.

Представление о литургической жизни владыки в Москве дает список храмов с обозначением дат богослужений, в которых он принимал участие. Судя по тому, что он сам сделал к этому списку карандашом многочисленные дополнения, список этот далеко не полный[41]. В документе неоднократно упоминаются богослужения перед Державной иконой Божией Матери, в том числе совместно с патриархом Тихоном. В архиве владыки присутствует также отношение к нему Совета Николо-Куракинской религиозной общины (Николаевской церкви при Странноприимном доме князей Куракиных) от 21 апреля 1918 г. с пасхальным приветствием и приглашением на храмовый праздник 8—9 мая[42]. В это время, с 17 апреля, камчатский владыка находился в Казани, где жили его мать, отец и старший брат Иларий. Это было его последнее свидание с семьей[43]. Во время посещения города своего детства и юности епископ Нестор живо интересовался местной православной общественной жизнью. Об этом, в частности, свидетельствует привезенная им в Москву листовка Казанского братства защиты Православной веры «Борьба за религиозное воспитание в школах»[44].

Находясь вдалеке от своей камчатской паствы, епископ Нестор, тем не менее, продолжал по возможности входить в вопросы епархиального управления. Среди бумаг владыки находится 12 телеграмм к нему от управлявшего Камчатским архиерейским домом игумена Николая и протоиерея Петропавловского кафедрального собора Валентина Коха за 22 августа 1917 — 29 апреля 1918 г. по различным организационным вопросам[45]. Следует упомянуть также телеграмму гражданина селения Малка Иннокентия Дуринина от 20 февраля 1918 г. с просьбой разрешить вступить в законный брак с сестрой жены брата; здесь же на телеграфном бланке отпуск-автограф телеграммы епископа Нестора протоиерею В. Коху о позволении патриарха повенчать этот брак[46].

Из сугубо личных документов, хранящихся в фонде, следует упомянуть два письма к епископу Нестору его матери, Антонины Евлампиевны Анисимовой, от 6 и 15 августа 1918 г.[47] В первом письме она пишет сыну: «Очень беспокоимся за тебя, за твое здоровье. Очень болит душа за Ларюшу, известий нет, пароход не дошел до места, беспокоимся за дальнейшее путешествие, как Бог помог добраться до местности, за здоровье страшно, небогатое оно... Мы физически здоровы, но душа болит, вся надежда на Бога и Его милосердие. Крепко целуем тебя оба и просим взаимных молитв и благословения... Хламишко кой-какой продали, но в общем не много, кому сейчас надо, продовольствие дорогое, не до того уже». Указанные письма являются по времени одними из самых поздних документов в сохранившемся архиве камчатского владыки.

Примерно в конце августа 1918 г., Нестор (Анисимов) передал, как мы предположили выше, значительную часть бывших при нем бумаг епископу Серпуховскому Арсению (Жадановскому) и вскоре покинул Москву. Он проехал кружным путем через Петроград, Киев, Одессу, Крым, Константинополь, Суэц, через Индийский и Тихий океаны на Дальний Восток[48].

Камчатскому владыке предстояли долгие годы эмиграции в Харбине, поездки в Японию, Югославию и Индию, заключение в советских лагерях в 1948—1956 гг., многотрудная епархиальная работа в сане митрополита в Новосибирске и Кировограде, и, наконец, упокоение в ноябре 1962 г. на кладбище подмосковного Переделкина[49].

Неизвестные ранее исследователям документы из архива епископа Нестора (Анисимова) в ОПИ ГИМ позволяют уточнить сведения о его жизни, а также содержат интересные данные по истории Православия на Камчатке в сложный революционный период.

1 ГИМ. Главная инвентарная книга № 15. Л. 30 (Книга поступлений Отдела Архива № 2. С. 95) // *Петров А.А.* Историческая справка к фонду № 604.
2 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 803. Л. 41—44; Ф. 65. Ед. хр. 12—19.
3 Там же. Ф. 606 (Церкви Минской и Гродненской епархий).
4 *Косик О.В.* Жизнеописание // Вернувшийся домой: жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова) / авт.-сост. О.В. Косик. М., 2005. Т. 1. С. 15—18, 21.
5 Там же. С. 18—19; Устав Православного Камчатского братства во имя Нерукотворенного образа Всемилостивого Спаса и Положение о братском кресте. Владивосток, 1916. С. 1—8 // ОПИ ГИМ. Ф. 604. Ед. хр. 16. Л. 1—5.
6 ОПИ ГИМ. Ф. 604. Ед. хр. 1. Л. 1—14; *Косик О.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 19—20.
7 *Косик О.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 21—24.
8 Там же. С. 24.
9 ОПИ ГИМ. Ф. 604. Ед. хр. 19. Л. 3—23.
10 Там же. Ед. хр. 20. Л. 1—21.
11 Там же. Л. 48, 49.
12 Там же. Л. 50.
13 Там же. Л. 51—53.
14 Там же. Л. 56, 57.
15 Там же. Ед. хр. 19. Л. 24—25.
16 Там же. Л. 28.
17 Там же. Ед. хр. 20. Л. 25—46.
18 Там же. Ед. хр. 21. Л. 1—8.
19 Там же. Л. 9—11.
20 Там же. Л. 12—14.
21 Там же. Л. 8.
22 Там же. Ед. хр. 24. Л. 21, 22—23.
23 Там же. Л. 30, 31.
24 Там же. Ед. хр. 28. Л. 1.
25 Там же. Ед. хр. 24. Л. 65.
26 Там же. Л. 66.
27 *Косик О.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 26—28; *Нестор, еп. Камчатский.* Расстрел Московского Кремля (27 октября — 3 ноября 1917 г.). М., 1917. С. 7, 9 // ОПИ ГИМ. Ф. 604. Ед. хр. 28. Л. 3.
28 ОПИ ГИМ. Ф. 604. Ед. хр. 24. Л. 29.
29 Там же. Ед. хр. 28. Л. 4—8.
30 Там же. Ед. хр. 29. Л. 2—49.
31 Там же. Ед. хр. 24. Л. 17.
32 *Косик О.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 31.
33 ОПИ ГИМ. Ф. 604. Ед. хр. 27. Л. 1, 2.
34 *Косик О.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 31.
35 ОПИ ГИМ. Ф. 604. Ед. хр. 27. Л. 3.
36 Там же. Л. 5, 6—7.
37 Там же. Л. 4.
38 Там же. Л. 8.
39 Там же. Л. 9.
40 Там же. Л. 10.
41 Там же. Ед. хр. 28. Л. 3.
42 Там же. Л. 11.
43 *Косик О.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 32.
44 ОПИ ГИМ. Ф. 604. Ед. хр. 30. Л. 56—57.
45 Там же. Ед. хр. 19. Л. 29—36, 38—41.
46 Там же. Л. 37.
47 Там же. Ед. хр. 28. Л. 14—15, 16—17.
48 *Косик О.* В Указ. соч. Т. 1. С. 33—35.
49 Там же. С. 36—97.

Ф.А. Петров

Первый премьер демократической России князь Г.Е. Львов и судьба его потомков в СССР

Несколько лет тому назад нам со старшим научным сотрудником Л.И. Смирновой удалось побывать в семье княгини Екатерины Юрьевны Львовой — внучатой племянницы того самого Г.Е. Львова. Она сохранила фамильные черты — вытянутое лицо, длинный нос, черные волосы — явно восточные черты проскальзывают у всех князей Львовых. Это один из древнейших княжеских родов, Рюриковичи. Предки Г.Е. отличились и в Казанском походе Ивана Грозного, и в народном ополчении 1612 г. (нижегородский воевода А.М. Львов был сподвижником самого Пожарского), и в русско-польской войне середины XVII в., и в Северной войне (только в битве под Нарвой погибло шестеро князей Львовых), и в Отечественной войне 1812 г. Князь Дмитрий Семенович Львов сформировал сводный полк ополченцев Перемышльского уезда Калужской губернии. Во время заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. он командовал дивизией, отличившейся при осаде Модлина и Данцига. Выйдя в отставку в чине генерал-майора, он увлекся коллекционированием картин западноевропейских мастеров. Владимир Семенович Львов также отличился в боях с наполеоновской армией, в составе Московского ополчения был на Бородинском поле, также увлекался живописью, да и сам рисовал акварельными красками. Владимир Владимирович Львов был детским писателем, автором многочисленных очерков, повестей, сказок и рассказов — давно, впрочем, забытых. В начале 1850-х годов он был цензором Московского цензурного комитета и уволен за разрешение издать «Записки охотника» И.С. Тургенева. В своих имениях В.В. Львов устроил и содержал за свой счет ряд школ и больниц для крестьян. Дмитрий Владимирович Львов в 1859 г. в Лейпциге выпустил брошюру об освобождении помещичьих крестьян[1]. Георгий Владимирович Львов принимал участие в реорганизации Морского министерства, которое возглавлял один из главных деятелей Великих реформ великий князь Констатин Николаевич. Наконец, Евгений Владимирович Львов участвовал в подготовке Крестьянской реформы как алексинский (Тульская губерния) предводитель дворянства. Он был близок славянофилам, дружил со своим соседом по имению графом Л.Н. Толстым. Дети Е.В. сделали неплохую карьеру. Старший сын Алексей имел чины действительного статского советника по гражданской части и гофмейстера по придворной, в 1896—1917 гг. был директором Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Второй сын Владимир был дипломатом, состоял при посольствах России в Гааге, Мадриде и Бухаресте, в 1901—1916 гг. служил директором Московского главного архива МИД. Третий сын, Сергей Евгеньевич, стал предпринимателем, владельцем железоделательного, прокатного и чугуноплавильного заводов в Пермском крае[2].

Но, конечно, наибольшую известность получил младший сын Е.В. Львова — Георгий Евгеньевич Львов (1861—1925), первый глава Временного правительства. По окончании Московского университета он вместе с братом Сергеем занялся предпринимательством. Родовое алексинское имение (свыше 900 дес. земли) Г.Е. превратил «в высокопродуктивное хозяйство (на полученные доходы братья Львовы провели

водопровод, открыли лавку, построили новое здание школы и дома для крестьян)»[3]. Он служил в Тульском губернском по крестьянским делам присутствии, в 1893 г. вышел в отставку в знак протеста против использования воинских команд для усмирения «крестьянских беспорядков». Князь Львов неоднократно встречался с графом Львом Николаевичем Толстым, обсуждая с ним вопросы оказания помощи голодающим, устройства детских приютов и т.п. Львов был активным деятелем земского либерального движения. Напомню, что по реформе 1864 г. органы земского самоуправления были введены лишь на уровне губерний и уездов, и лозунг допущения земских гласных в высшие эшелоны власти, или, как говорили тогда, «увенчания здания», стал идеей фикс на многие десятилетия для тогдашних либералов. Возглавляя Тульскую губернскую земскую управу, Г.Е. стал участником кружка либеральных земцев рубежа XIX и XX вв. — «беседы» (в кружок главным образом входили князья, графы, бароны, на худой конец, местные предводители дворянства, девизом которых было «сочувствие земству и борьба с произволом демократии»). Сам Георгий Евгеньевич связывал процветание России в славянофильском духе «союза народа с властью», уповал на «народную душу» и «народную мудрость», которая **«сама собой**, без ярма правительственной опеки, устроит общественную жизнь на справедливых началах». Идеалом князя была конституционная монархия.

Тверская губерния была оплотом земского либерализма. Сначала тверские земцы выступили с конституционными проектами в период подготовки и проведения Великих реформ 1860-х годов. Результатом стало отстранение А.М. Унковского, друга М.Е. Салтыкова-Щедрина (который тогда был тверским вице-губернатором), Алексея и Ильи Бакуниных (младших братьев знаменитого анархиста «Мишеля» Бакунина) от всякого участия в общественной жизни губернии.

В конце 1870-х годов, в период кризиса самодержавия, земский либерализм охватил уже большинство губерний центральной России. Известно, что после освобождения Болгарии от османского ига ей была дана конституция. И земцы стали просить Александра II: «Всемилостивейший Государь! Дай своему верному народу... то, что Ты дал болгарам»[4]. В это время участились теракты, прежде всего против Царя-Освободителя. В поисках союзников император решил привлечь на свою сторону либеральную общественность, и ставшему фактически вторым лицом в государстве графу М.Т. Лорис-Меликову было поручено разработать преобразования Государственного Совета с допущением ряда земских гласных, по назначению правительства, к обсуждению ряда вопросов с правом законосовещательного голоса (законодателем оставался сам император). Однако убийство 1 марта 1881 г. Александра II народовольцем Игнатием Гриневицким на 13 лет положило конец всяким надеждам на конституционные преобразования.

Умер Александр III. На престол взошел 26-летний Николай II — кумир нынешних экзальтированных религиозно-монархических дам. У либералов возродились надежды на нового царя, и они заговорили о необходимости реформ. Однако последний Романов — верный ученик К.П. Победоносцева (своего мнения у Николая Александровича никогда не было) — сразу же дал отпор земцам-демократам за «бессмысленны мечтания»:

Принахмурив очи строгие,
Чтобы с корнем зло пресечь,
Коноводам демагогии
Царь сказал такую речь:

За благие пожелания
Всех я вас благодарю,
Но бессмысленны мечтания
Власть урезать Мне, Царю!
Эх, калики перехожие,
либералы, дикари,
Робеспьеры толстокожие,
Санкюлоты из Твери!
Или вы воображаете,
в самом деле — как умно! —
Что собою представляете
Вы парламента зерно?
Далеко зерну до колоса —
Не пришла еще пора.
Дам пока вам право голоса
Лишь для возгласов: «Ура».

В отличие от многих других участников «банкетных кампаний», Г.Е. Львов отнюдь не был либеральным болтуном и, несмотря на грозный окрик безвольного монарха, продолжал свою неутомимую деятельность. В 1904 г., с началом русско-японской войны, князь возглавил комиссию Красного Креста по организации врачебно-продовольственных отрядов, и сам выехал начальником отряда из 360 добровольцев в Маньчжурию, «где руководил работами по созданию передвижных медицинских и питательных пунктов»[5].

По возвращении в Тулу Львов продолжал публичные выступления за создание законосовещательного представительного органа при монархе. Он входил в состав делегации земских деятелей, которая 6 июня 1905 г. обратилась к Николаю II с призывом немедленно созвать «народных представителей» и во имя «внутреннего спокойствия» (революция 1905 г. бушевала вовсю!) заключить мир с Японией. Обе цели были достигнуты, а сам Георгий Евгеньевич вступил в кадетскую партию, откуда, впрочем, вскоре вышел. С.Ю. Витте («граф Полусахалинский»), тогдашний председатель Совета министров, предложил князю портфель министра земледелия, но это не было осуществлено. Зато князь был избран в I Государственную думу. Уникальный экспонат продала Государственному Историческому музею Екатерина Юрьевна — икону св. Георгия Победоносца, которой благословлял народного избранника один из его товарищей по Тульскому земству.

Обратил внимание на Львова и его товарища-земца Д.Н. Шипова и не менее всесильный премьер П.А. Столыпин, который, однако, не согласился на поставленные ими условия — предоставление общественным деятелям не менее половины мест в правительстве, скорейший созыв новой Думы и внесение на ее рассмотрение закона о земле; прекращение смертных казней и амнистия политзаключенным. А Львов продолжал собирать пожертвования в помощь голодающим, малоимущим, погорельцам и др. С 1907 г. Львов сблизился с масонскими ложами «Возрождение», «Полярная звезда» и «Малая медведица».

В 1913 г. Львов баллотировался на пост московского городского головы, однако его кандидатуру не утвердил министр внутренних дел Н.А. Маклаков — черносотенец и родной брат одного из российских лидеров ложи «Le Grand Orient» В.А. Маклакова.

В 1914 г. к 50-летию введения Положения о губернских земских учреждения в России князь Львов вместе с неким Полнером выпустил брошюру «Наше земство и

50 лет его работы»[6]. (У меня дома хранится 12-е (!) издание этой брошюры (правда, страницы не разрезаны), выпущенное в 1916 г. издательством «Задруга».)[7]

19 июля 1914 г. началась Первая Мировая война. С 1915 г. князь Львов возглавил Земгор (союз земств и городов), координировал деятельность по формированию и оснащению санитарных поездов, отправке лекарств и перевязочных средств и другого имущества для фронта. Во многом благодаря личной инициативе Г.Е. за два года (1915—1916) через фронтовые госпитали Земгора прошло свыше 320 тыс. человек. Сам князь активно участвовал в различных либеральных совещаниях, и на одном из них — в апреле 1916 г., проходившем на квартире Е.Д. Кусковой («мадам Кускова, душечка»), — был назначен главным кандидатом на пост премьер-министра в случае радикальных перемен в правительстве. Всемирное ли братство «каменщиков», понимание ли общего развала в стране, но весьма умеренный Львов с конца 1916 г. занял крайне оппозиционную позицию в отношении правительства, заявив, что «страна ждет полного обновления, перемены самого духа власти и приемов управления», и только новое, «ответственное перед страной правительство» способно сохранить монархию и вывести страну из кризиса. Конечно, по сравнению с такими председателями Совета Министров, как «вытащенный из нафталина» Горемыкин или ограниченный немец Штюрмер, Львов выглядел просто великолепно.

Но вот грянула Февральская революция. Царь «признает за благо отречься от престола». 2 марта 1917 г. оформляется Временное правительство, главой которого (точнее, министром-председателем и министром внутренних дел) становится 56-летний Г.Е. Львов. Сам экс-самодержец и ряд одиозных его присных оказались под арестом, но «война до победного конца», во имя интересов Антанты продолжалась. Введение 8-часового рабочего дня на заводах и земельная реформа откладываются до созыва Учредительного собрания. В стране — хозяйственная разруха, на которой обогащаются крупные промышленные монополии: им Временное правительство щедрой рукой предоставляло многомиллионные ссуды и субсидии. Принятый 25 марта закон о передаче хлеба в распоряжение государства по твердым ценам саботировался, и к июню 1917 г. положение с продовольствием вновь стало крайне напряженным. Участились случаи захвата крестьянами помещичьей земли. Уже 16 апреля князь Львов разослал циркулярное распоряжение губернским комиссарам — не допускать «самочинных захватов» земель, а в случае неповиновения «применять все меры, вплоть до вызова воинских команд»[8].

18 апреля министр иностранных дел П.Н. Милюков обратился к правительствам союзных армий с нотой о том, что Россия остается верной союзническим обязательствам, что вызвало массовые антиправительственные демонстрации.

Тем не менее, 18 июня 1917 г. на Юго-Западном фронте было предпринято плохо подготовленное в военном и материально-техническом отношении наступление русских войск, закончившееся поражением и гибелью 60 тыс. человек, зато отвлекло 11 немецких дивизий из Франции и 3 австро-венгерских — из Италии. Линия фронта передвинулась на восток. 3 июля в Петрограде, Москве и других городах прошли многотысячные демонстрации рабочих и солдат с требованиями «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов», «Долой Временное правительство» и т.д. 4 июля у Литейного моста, на Невском и Садовой произошли вооруженные столкновения. В столицу были вызваны верные Временному правительству войска, начались аресты, разоружение рабочих и расформирование участвовавших в манифестации воинских частей. Из Краткого курса истории ВКП (б): «Закончился мирный период развития революции, и на повестку дня был поставлен штык!».

Впрочем, в «Российском архиве» доцент Российского медицинского университета им. Н.И. Пирогова в 1992 г. опубликовал хранящийся в ОПИ ГИМ дневник находившегося при Львове прапорщика П.Е. Якушкина (внука декабриста), который записал слова Георгия Евгеньевича с 13 по 27 июня 1917 г., то есть накануне Июльского кризиса.

Вот, например, запись беседы с либеральным земцем Ю.А. Олсуфьевым: «Все дело должно решиться недели в две. Если не разовьется наступление, тогда надо сознаться — конец. Если разовьется — выплывем ...По-моему, все-таки Вы мало власти показываете. Стосковались по власти»[9]. Четырех месяцев «свободы» не прошло, а уже «стосковались по власти». Весьма циничные слова человека из видного дворянского рода (фонд Олсуфьевых хранится в ОПИ), который также знаком был с семьей Льва Николаевича Толстого (кстати, Юрий Адамович остался в СССР и в 1939 г. был расстрелян: «не выплыл»).

«13-го по поводу разгона Петроградской Городской думы Георгий Евгеньевич сказал, что голосовал против» (его поддержали два известных деятеля кадетской партии — А.А. Мануйлов и А.И. Шингарев). При этом он соглашался с тем, «что нужно было разогнать, но нельзя было выполнять в таком порядке. Нужно было создать временную управу». Закона министра юстиции П.Н. Переверзева «о внесудебных арестах он не подпишет, т.к. этот закон против самих основ его совести. Что же такое у нас тогда будет? Тогда упраздняется Временное Правительство, не нужно и Учредительного собрания — абсолютная монархия. Шли, шли и пришли к деспотизму. К чему же тогда революция была?»[10]. Риторический вопрос... (А зачем было потомку древнего княжеского рода выступать против императора, которому он присягал, и якшаться с популистами, типа того же Милюкова или Керенского.)

Запись от 14 июня разговора Львова с обидой на министров внутренних дел Д.Н. Церетели и труда М.И. Скобелева за то, что они «столько времени сидели, и ничего не сделали. Да правда: в области земледелия — ничего, в финансах — ничего, в продовольствии ничего, в труде — ничего. Теперь на них наседают — требуют скорейшего созыва Учредительного собрания». Товарищ (то есть заместитель министра внутренних дел) Н.Н. Авинов считал, что раньше конца октября этого сделать не удастся. Львов: «Надо скорей, а то не доживешь. Только и ждешь, чтобы хозяин поскорее пришел»[11].

15 июня. Запись беседы с организатором Всероссийского Совета торговли и промышленности С.Н. Третьяковым, который протестовал против введения подоходного налога в 130%. Инфляция шла страшная. Третьяков: «Вы убиваете промышленность». Львов: «Ничего мы не убиваем, а от всех жертвы нужны ...Конечно, в этом году они, может быть, и ничего не получат. Так ведь теперь революция. А в прошлом году нажились. Все-таки кровопийцы в своем роде форменные»[12].

В тот же день: «Родзянко приезжал. Совсем выдохся пузырь. Они что-то там такое постановили в Думе. Дума не является государственным учреждением, но сохраняется. Он так возмущен, что и передать не мог. Но свою десятку (10 тыс. руб. — *Ф.П.*) они получать хотят»[13].

18 июня. Львов с удовольствием цитирует слова известного меньшевика Церетели о необходимости ареста «анархистов без санкции Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов»[14].

В июне 1917 г. буржуазно-националистическая Центральная Рада, спекулируя на национальных традициях и опираясь на отряды гайдамаков (прообраз нынешних «правосеков») и «вольных казаков из кулаков» стала требовать «самостийности»

Украины. «По поводу украинской комиссии Георгий Евгеньевич: «Слаба комиссия, очень слаба. Нельзя кадет на живое дело пускать, никуда нельзя. Владимир Иванович ведь никуда не годится»[15]. Да, В.И. Вернадский, член ЦК кадетской партии, был великим ученым, но не великим политиком. А насчет Украины, с моей точки зрения, трудно не согласиться с Лениным: «Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся»[16].

21 июня. «Союзники дали нам тяжелую артиллерию — брак...»[17].

24 июня за обедом Георгий Евгеньевич сказал удивительные слова о дворянских собраниях: «Никогда не мог без содрогания входить в залу. Вот где вся самая сволочь собралась. С 1861 года ведь губили Россию. Вот на ком грех за теперешнее. Ведь полвека жили своими личными мелкими интересами. Нигде такого хамства и раболепия не было, как среди дворян»[18].

25 июня утром Георгий Евгеньевич страшно ругал кадет: «Они сейчас ведут себя как прежде самая черносотенная сволочь. <...> Все их стремления сводятся к тому, чтобы не дать, застопорить, помешать: совсем как прежде. И такая глубокая ненависть и к революции, и ко всем не кадетам, и ко всему. И все по мелочам, никакой государственной мысли”». Особенно досталось министру земледелия Андрею Шингареву: «Вчера 55 минут говорил по вопросу, который всем был ясен. Не хочет человек с чужим временем считаться. Как же при этом возможен тот темп работы, который нам нужен?»[19].

В тот же день Львов поведал о разговоре с В.М. Черновым, одним из лидеров партии эсеров, министром земледелия во Временном правительстве: «Чернов говорит, что надо вместо захвата стихийного создать (?) захват организованный. А мы думаем — что нельзя до Учредительного собрания ... Чернов негодяй и мерзавец, а что с ним будешь делать». О министре труда, меньшевике М.И. Скобелеве: «Скобелев как был дураком, так и остался...». А на логичный вопрос одного из сотрапезников, «зачем вы такого министра брали?», Георгий Евгеньевич ответил: «Брали, брали, вы нам его дали, общественное мнение, страна, демократия. А почему? Потому все — от крестьян и кадет — спят. Один большевик и работает ...А все остальные проспали ведь революцию, не участвовали в ней, а кто проспал, на том и вина»[20].

А вот запись телефонной беседы Г.Е. Львова с М.В. Родзянко 7 июля 1917 г. о причинах подачи в отставку. Прежде всего, князь заявил о принципиальном несогласии с законопроектами Чернова, «немедленном объявлении демократической республики, упразднении Государственной Думы и Государственного Совета, сокращении жалованья министрам до 7000». Что же касается подавления революции, то теперь уже от репрессивных мер Львов не отказывался. Главным он считал «подавить мятеж и в корне очистить Петроград от анархистов и большевиков... арестовать всех вожаков восстания, до Ленина включительно, войска, участвовавшие в беспорядках, разоружить и солдат отправить на Мурман на черные работы». Львов не возражал против передачи своих полномочий Керенскому и новому составу Временного правительства: «Я прав, моя совесть чиста перед Россией. Как они поступят, это не мое дело». Он радовался, что в ночь с 3-го на 4 июля «был разгром; захватывают сотнями всяких мерзавцев ... началось разоружение войск (участвовавших в «беспорядках»), то есть демонстрации рабочих, солдат и кронштадтских матросов под лозунгом «Долой Временное правительство» и «Вся власть Советам»[21].

Львов понимал, что «программа Керенского программа полудиктатора», но верил: «очистка Петрограда будет доведена до конца ... общая линия ведет к спасению: армия оздоровлена, большевизм теперь будут душить в стране»[22].

Красиво было написано заявление Львова Временному правительству о выходе в отставку в знак протеста против «осуществления чисто партийных социалистических целей ...выбрасывания массам во имя демагогии и удовлетворения их требований мелкого самолюбия государственных, моральных ценностей»[23]. Государство Романовых Львова не устроило, «моральные ценности» Временного правительства — вопрос расплывчатый. Конечно, самочинные захваты помещичьей земли крестьянами были страшной вещью, горели помещичьи усадьбы вместе с ценнейшими библиотеками, архивами, уничтожали картины, старинную мебель — все шло на растопку. Но в отличие от великого Блока, у которого в Шахматове было также все сожжено и разграблено, горе-премьер князь Львов обиделся: народ «не той системы» оказался. Все идеалы — побоку: в князе заговорил крупный помещик, для которого интересы сельских тружеников по сравнению с собственными, когда его самого тронули, оказались мелкими.

Свыше четверти века шел князь Георгий Евгеньевич вместе с другими земскими либералами к власти, искренне веря в возможность создать новую Россию. А пребывание его на вершине этой власти продлилось чуть больше четырех месяцев. Именно тогда Львов выступал «за решительные меры борьбы и рабочим и крестьянским движением»[24]. Как видим, реальное столкновение с «народной душой» оказалось неудачным.

И тут же личное признание одного крупного помещика другому: «Истории, Михаил Владимирович, не продиктуешь, все по-Вашему вышло: пиф-паф было...»[25].

Львову удалось оказаться в эмиграции: наверное, масонское братство помогло, как и Керенскому, Милюкову, да и Чернову тоже. Доживая свои дни в Париже, он бедствовал, зарабатывал ремесленным трудом, писал мемуары (они были опубликованы в России в 1998 г.[26]). Умер князь в 1926 г.

Судьба оставшихся на Родине потомков князей Львовых оказалась предсказуемо трагической. Почти все они «погибли в Гражданскую войну или были репрессированы в 1920-х—1930-х гг.»[27]. Дедушка и бабушка Екатерины Юрьевны Львовой (напомним, внучатая племянница Г.Е.) были после убийства С.М. Кирова высланы из Ленинграда в Самару. Выслан был и родной отец Екатерины Юрьевны вместе с женой и маленькими детьми. Инженер по образованию, он поменял множество профессий, кончая механиком при куйбышевском ЦПКиО. В 1937 г. Юрий Сергеевич Львов был арестован и осужден на традиционные «10 лет без права переписки» по статье УК 58[1]. Е.Ю. передала нам страшные письма 1930-х годов. Последние из них были написаны на бланках товарных отправлений матерью Ю.С. З.П. Львовой, которые в декабре 1941 г. из Куйбышева (почему — наверное, объяснять не надо) выслали на Алтай. Еще страшнее читать ответ З.П. Львовой из прокуратуры Саратовской области об отказе в пересмотре уголовного дела. Документ датирован сентябрем 1939 г. Как выяснилось впоследствии, пересматривать было бесполезно, ибо в марте 1938 г. 41-летний Юрий Сергеевич Львов был расстрелян. Его мать и жена остались с маленькими детьми на руках, и Екатерина Юрьевна вспоминает, как ее, малютку, мама на руках несла, в том числе и в мороз для предъявления местным органам НКВД. Письма московским Львовых от Львовых парижских были, естественно, конфискованы. И лишь в 1990-е годы в Россию вернулись из Франции письма Львовых московских. Теперь все материалы князей Львовых составили личный фонд в ОПИ ГИМ (ф. 594)[28].

[1] *Львов Д.В.* Освобождение помещичьих крестьян через посредство ликвидационных уездных контор. [С предисл. издателя]. Лейпциг: [Изд. авт.], [1859?]. 24 с. — *Примеч. ред.*

[2] Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М., 1996. Т. 3. С. 415—417.

[3] Там же. С. 409.

[4] См.: *Петров Ф.А.* Нелегальные общеземские совещания и съезды конца 70 — начала 80-х гг. XIX в. // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 176.

[5] Отечественная история. История России ... Т. 3. С. 410.

[6] *Львов Г.Е., Полнер Т.И.* Наше земство и 50 лет его работы. [М.]: тип. П.П. Рябушинского, 1914. 64 с. — *Примеч. ред.*

[7] «Задруга» — это известное московское издательство, находившееся на М. Никитской, ставило своей целью «издавать книги хорошие, по возможности, дешевые, и в то же время поднять оплату труда». Просуществовало оно недолго: в 1922 г. было закрыто большевиками. На обороте обложки читателям рекомендовались книги, предназначавшиеся для народа, в том числе по истории Отечественной войны и начавшейся Первой Мировой — ее ведь тоже первоначально называли Отечественной. Выходили в свет переводные с французского книжечки, такие, как «Новобранец 1813 года» (стрелявший в русских, между прочим) и «Конец Наполеона» (имелось в виду Ватерлоо). В качестве методического пособия для городских и сельских училищ рекомендовалась брошюра «Смута Московского государства» (!). Народу (особенно солдатам на фронте или деревенским бабам) очень интересно было читать такие «популярные и народные издания» как «Агрономическая помощь населению в Италии» (не отсюда ли — «Я хату покинул, пошел воевать...») или ««Картины из жизни государства Афинского в 5 в. до Р.Х.».

Вернемся к земству. Губернские и уездные земства были созданы для решения вопросов, «касающихся местных польз и нужд». И доныне в уездных городах и селах можно встретить здания земских школ и больниц, столь добротно построенных, что в них уже при советской власти располагались райбольницы и фельдшерские пункты, начальные и даже средние школы. Говоря о земском враче, достаточно вспомнить рассказы А.П. Чехова и его самого. А учителя просвещали на $^{2}/_{3}$ неграмотный русский народ (хотя не будь советского ликбеза, еще долгое время шло бы русское общество к всеобщей грамотности). Несколько меньшую, но все же существенную роль сыграли земства (как уже говорилось, сам Львов был ярким примером) и в благотворительной помощи бедному сельскому населению организацией различных артелей, агрономических мероприятий, устройством врачебно-санитарные пункты для борьбы с всевозможными эпидемиями, страхованием от пожаров и т.п.

[8] Ведущий научный сотрудник ОПИ ГИМ канд. ист. наук Е.В. Неберекутина выступила на этой конференции с замечательным докладом о событиях 1917 г. по хранящемуся в ОПИ ГИМ дневнику М.М. Богословского, который она опубликовала в 2011 г. Она любезно предложила мне цитаты из дневника этого историка-мыслителя, который, как человек правых взглядов, отнюдь не пребывал в эйфории по поводу внезапно наступившей в стране «народной свободы». Вот запись от того же 16 апреля: «В газетах циркуляр князя Львова к губернским комиссарам, чтобы пресекли, начавшееся самовольные экспроприации земель немедленно, энергичнейшим образом, под своей ответственность; но что они могут сделать и где у них средства? Это выстрел, сделанный в воздух».

[9] Российский архив. М., 1992. Вып. II—III. С. 319.

[10] Там же.

[11] Там же. С. 320.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же. С. 321.

[16] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 436.

[17] Российский архив. Вып. II—III. С. 320.

[18] Там же. С. 322.

[19] Там же. С. 315.

[20] Там же. С. 323. Насчет крестьян богатый либеральный помещик конечно «загнул»: как могли крестьяне спать летом в «страду деревенскую».

[21] Там же. С. 326.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стб. 826.

[25] Российский архив. Вып. II—III. С. 326.

[26] *Львов Г.Е.*, *кн*. Воспоминания. М.: Рус. путь, 1998. 2-е изд., испр. и доп.: 2002. — *Примеч. ред.*

[27] Отечественная история. История России ... Т. 3. М., 1998. С. 416.

[28] Личный фонд князей Львовых в дальнейшем будет предметом специального исследования сотрудниками ОПИ ГИМ.

Т.А. Цапина

Русские военнопленные Первой мировой войны и Февральская революция 1917 года по материалам ОПИ ГИМ

Первая мировая война запомнилась многим ее участникам не только как тяжелейшие военные будни, но и как томительные месяцы, годы, проведенные в плену. Проблемы дезертирства и плена стали бичом русского военного командования чуть ли ни с первых месяцев войны. Из мобилизованных 15,7 млн. человек в лагерях военнопленных в Австрии и Германии побывало, по разным подсчетам, около 3 млн. российских воинов, то есть почти $^1/_5$[1]. К решению проблем такого количества военнопленных, обустройству их жизни в заключении не было подготовлено ни российское правительство, ни отвечавшие за их содержание ведомства центральных держав. Русское правительство отчасти намеренно не оказывало своим пленным необходимой помощи ввиду настояний военного министерства, которое надеялось таким путем сократить число сдающихся в плен[2]. Русская власть всячески избегала касаться проблем военнопленных в прессе, практически не информировала общество об их количестве и катастрофических условиях выживания в плену. Данная ситуация привела к невероятным страданиям российских узников военного времени, проведших в лагерях от нескольких месяцев до 8 лет. Около 2 млн. военнопленных оказались вдали от России в пору свершения в ней Февральской революции 1917 года. Проследить, как восприняли ее русские военнопленные, изменилось ли к ним отношение в обществе, можно по материалам Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. В первую очередь, это материалы Лозаннского комитета помощи русским военнопленным (ф. 424), материалы Музея Всероссийского союза городов (ф. 84), рукописные журналы военнопленных офицеров лагеря Оснабрюк (ф. 504).

Поскольку из России снабжение военнопленных было крайне недостаточно, на помощь стремились прийти различные зарубежные русские организации. Одной из таких организаций был Лозаннский комитет помощи русским военнопленным, снабжавший их одеждой, продовольствием, книгами, помогавший налаживать контакты с родными. В деятельности Лозаннского комитета, состоявшего, в том числе, из политэмигрантов, принимали участие известные эсеры, такие, как Н.А. Ульянов, генерал-майор К.М. Оберучев. К деятельности комитета был близок и известнейший популяризатор книг Н.А. Рубакин, проживавший в годы войны в Швейцарии и помогавший снабжать книгами военнопленных

Одним из активных деятелей комитета была семья Альшванг, состоявшая из Сигизмунда Яковлевича, его жены Киры Дмитриевны и их дочери Валентины. Именно семье Альшванг адресованы преимущественно письма военнопленных, отложившиеся в ф. 424. Живая, сердечная регулярная переписка военнопленных с этой семьей давала многим пленным силы переносить невзгоды заточения на чужбине. Большинство писем датировано 1915—1916 гг. Письма за 1917 г. встречаются реже, возможно, потому, что некоторые военнопленные думали, что Альшванги уже находятся в пути на Родину. Также надо отметить, что большая часть материалов Лозаннского комитета оказалась в ГАРФе в составе Пражского архива: порой письма одного и того же пленного находятся и в ОПИ, и в ГАРФе, в ф. 6169.

Переписка велась с разными категориями пленных, как с солдатами, так и с офицерами, однако преобладают письма солдат. Условия жизни солдат в плену требовали большего участия извне. Также солдаты представляли для комитета больший интерес с точки зрения их развития и приобщения к общественным идеям, близким сотрудникам Лозаннского комитета. В какой-то степени работа комитетов помощи военнопленным в годы Первой мировой войны представляла собой последний всплеск деятельности на ниве народнических идеалов, стремление отдать долг и просветить народные массы. Корреспонденты из солдатской среды представлены, как правило, унтер-офицерами и вольноопределяющимися, членами комитетов, выбранными самими заключенными для распределения поступающей в лагеря помощи и упорядочения внутрилагерной жизни.

Лозаннский комитет активно снабжал пленных книгами. Многие пленные стремились использовать столь длительный вынужденный досуг в целях самообразования. Преимущественно они были заинтересованы в русской классике и учебных пособиях. Однако часть военнопленных запрашивала у комитета литературу социально-политического и экономического содержания. Автор монографии о русских военнопленных 1914—1922 гг. О.С. Нагорная отмечает, что «при активном участии русских политических организаций в эмиграции, сделавших ставку на развитие революционного потенциала пленных, лагерные библиотеки снабжались агитационной литературой»[3]. Взгляды семьи Альшванг, судя по всему, были близки партии эсеров, однако известно, что военнопленные многих лагерей, патронируемых Лозаннским комитетом, получали литературу и из других источников, в том числе от эмигрантов-большевиков[4].

Реакция на Февральскую революцию начинает появляться в письмах военнопленных с конца марта 1917 г. Проведя собрание 26 марта, лагерный комитет лагеря Сольтау слал поздравления Лозаннскому комитету и Временному правительству с просьбой передать их приветствия Чхеидзе и Керенскому[5]. На общем собрании комитета старших команд и выборных представителей, состоявшемся в лагере Шпротау 1 апреля, «всеми присутствующими была выражена бесконечная радость по поводу совершившегося обновления дорогой нашей России...»[6]. Из лагеря Дюроц приходит поздравление с революцией и приветствие «тем нашим гражданам, которые судьбой были загнаны в прекрасную, но не родную Швейцарию, с надеждой на объединение всех в Свободной Руси»[7]. Многие корреспонденты сетуют на невозможность принести свои силы на пользу дорогому отечеству, досадуют, что не могут быть не только их участниками, но даже зрителями.

Политические платформы корреспондентов Лозаннского комитета разнообразны. Так, из лагеря Лангензальц постоянный корреспондент П. Парамонов в апреле 1917 г., приветствуя революцию и Керенского, сообщает, что его товарищи по плену смотрят на совершившийся переворот уверенно и оптимистически и, вернувшись на Родину, будут способствовать достижению окончательных результатов идей трудовиков[8]. Из этого же лагеря постоянный корреспондент Куковенко просит прислать бюллетени школы анархистов, а Барышников, тоже постоянный корреспондент, характеризует взгляды большинства содержавшихся в лагере как меньшевистские. Подпоручик Варпаховский из офицерского лагеря Бад-Бленхорст интересуется литературой партии социалистов-революционеров, а также книгами, относящимися к истории революционного движения в России, в частности, в русской армии[9].

Более просвещенные заключенные стремились разъяснить своим товарищам идеи революции, как, например, в лагере Сольтау, где в августе 1917 г. был организован «кружок интеллектуальной помощи», целью которого было «воспитание сознательного от-

ношения к событиям»[10]. Военнопленный Поцейкович из лагеря Лангензальц, отмечая, что громадное большинство его товарищей встретили с великой радостью весть о падении царского режима, замечает, что он со своей стороны способствует разъяснению положения во внутренних делах России[11]. Военнопленные просят Лозаннский комитет присылать им литературу, освещающую задачи текущего политического момента, а корреспондент Семенов из лагеря Альтен-Грабов сообщает, что существует намерение передать после войны лагерную библиотеку Совету рабочих депутатов[12].

Надо сказать, что и в новой России были заинтересованы в том, чтобы пленные вернулись на обновленную Родину сознательными участниками дела преображения страны, «достойными названия русского гражданина». Чтобы создать возможности самообразования русским военнопленным, а заодно и предотвратить австро-венгерское и германское влияние, Всероссийский Земский Союз обращается в мае 1917 г. в свои губернские, областные и уездные комитеты, а также в книжные издательства и магазины Москвы и Петрограда с призывом жертвовать для этих целей книги русским военнопленным. Правда, к рекомендованной для пересылки литературе относятся только учебные пособия и отечественная классика[13].

В Февральской революции 1917 года многие заключенные офицерского лагеря Оснабрюк также увидели стимул для обновления русской жизни, что видно из хранящегося в ОПИ в ф. 504 4-го номера рукописного журнала «На чужбине», выходящего под редакцией подп. А.К. Смысловского, который, кстати, послужил прототипом одноименного героя романа А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого». Выпуск, составлявшийся с апреля по июнь 1917 г., отразил благотворное влияние революции на моральное состояние пленных офицеров, оживление лагерной жизни: заработала студия живописи, было создано Бюро для организации лекций и даже целых курсов, затрагивающих, в том числе, и социально-политические проблемы. Так, например, один из авторов выпуска, П. Покровский, в статье «Белый уголь», посвященной электрофикации, отмечает технологическую отсталость России, но выражает «надежду, что с наступлением весны политической жизни России у нас на родине пойдет все по-новому»[14]. Однако существовали, судя по всему, и разногласия: не случайно при написании этого номера редакция сочла необходимым оговориться, что в дальнейшем приниматься будут любые статьи, кроме политических, статей о современных военных событиях и др., способных «внести раздор в нашу среду». Тем не менее в номере был помещен сатирический рассказ «Революционеры», где рассказывается о детях рабочего, которые в то время, как их отец ходит на митинги, готовят революцию дома под лозунгами: «Сам знаю, когда учится», «две копейки за четверки, за пятерки дороже», «за уши не драть» и т.п. Видимо, такое иронично-снисходительное отношение к событиям не задевало за живое ничьи взгляды.

Заключенные, более далекие от политики, видели в событиях февраля силу, способную обновить страну, покончить с мещанством, бюрократизмом, влить свежие идеи в дальнейшую динамику ее развития. Революция принимала порой образ сакрального очищения от всех язв, пороков предыдущей жизни, ассоциировалась с зарей новой эры, весной, Пасхой и т.п.[15]

Постепенно на смену эйфории приходит более утилитарная оценка происходящего. Барышников из лагеря Лангензальц, отвечая на вопросы Альшванг о настроениях в лагере летом 1917 г., пишет, что всем политическим событиям дается единственная оценка, в зависимости от влияния их на ход военных событий и их собственное положение. Они, военнопленные, просят Лозаннский комитет информировать их о процессе интернирования, обмене пленными, возвращении в Россию больных и семейных военнопленных.

Дальнейшее развитие событий в России, неясность и неоднозначность политических процессов, постепенно рождает беспокойство даже в душах тех корреспондентов, кто восторженно встречал революцию. На фоне смены кабинетов министров, провала июньского наступления, июльских антиправительственных выступлений письма практически всех военнопленных становятся более тревожными.

Уже 8 июня 1917 г. председатель комитета лагеря Мюнстер подпр. Я. Куликов пишет, что «если первое впечатление было восторженное, то теперь на фоне радости от возможности обновления родины, теперешнее положение вызывает тревогу»[16].

По замечанию другого военнопленного, события июньских/июльских дней произвели очень удручающее впечатление; даже настроили пессимистически по отношению ко всей революции вообще. Он пишет, что «более осведомленная часть совершенно теряется перед разноречивостью и чудовищностью получаемых сведений и, не имея никакой помощи извне пасует давать объяснения другим»[17].

Военнопленный Берденников из лагеря Лангензальц пишет, что «события 15—20 июля в Петрограде так печальны, что я при всем моем оптимизме не могу без страха думать о будущем... Я не малюю себе черта из “Анархии”, а боюсь, что наша матушка устанет, обессилит, сделается сначала предметом попрания чужих, а затем чрез них и старых своих!»[18].

В ряде писем отмечается стремление пленных вообще уйти от обсуждения политических проблем. Долговременная оторванность от жизни, путаница событий сделали людей раздражительными, озлобленными, не способными к спокойному, взвешенному диалогу. Военнопленные, ожидающие возвращения в Россию, отмечают в письмах, что прежде возвращение на Родину виделось им в более радужном свете. Заметим здесь, что и семья Альшванг, с энтузиазмом откликнувшаяся на Февральскую революцию, в итоге так и осталась в Швейцарии, приняв активное участие в создании и деятельности образованной в 1918 г. «Лиги возрождения России», ставившей своей целью избавление страны от большевистского ига.

Однако практически все военнопленные, независимо от политических пристрастий, равно как и те, кто не имел их вовсе, связывали смену власти в феврале 1917 г. с улучшением отношения к ним со стороны правительства, надеялись на увеличение поступающей из России помощи.

Новая Россия признавала положение русских военнопленных в лагерях одним из самых больших грехов царской власти. Печатный орган Московского городского комитета «Русский военнопленный» помещает на первой странице всех номеров в качестве эпиграфа призыв: «Граждане, став свободными, не забудьте томящихся в неволе ваших братьев военнопленных». Первый, июньский номер 1917 г. этого журнала посвящен разъяснению того факта, что в «новой России иное отношение к военнопленному ее гражданину. С него решительно снято всякое подозрение, к нему — сострадание, любовь и признательность. Уже не будут скрыты от глаз русского народа его великие страдания, материальные и моральные. Русский народ должен знать во всей полноте и эту жестокую правду...» [19].

Вскоре после Февральской революции в России возникают новые организации помощи военнопленным как государственные, так и созданные на общественных, благотворительных началах. Военнопленные, которым посчастливилось к этому времени вернуться на родину, озаботились самоорганизацией. В апреле 1917 г. было напечатано «Воззвание бежавших из плена солдат и офицеров», в котором сообщалось о катастрофическом положении их товарищей по плену и необходимости незамедлительной помощи. В мае 1917 г. образовался «Союз родных и близких военно-

пленных», целью которого было выяснение и удовлетворения нужд военнопленных путем «повсеместного широкого оповещения населения о действительном, ужасном положении военнопленных, гибнущих от голода, болезни, истощения, непосильной работы и варварского обращения»[20].

Однако несмотря на смену режима и усилия разнообразных обществ и союзов, положение военнопленных продолжало ухудшаться. В мае 1917 г. Отдел помощи военнопленным при Главном комитете Всероссийского Земского союза, серьезно обеспокоенный продолжавшимся ухудшением положения русских военнопленных, разослал обращения в губернские, областные и уездные комитеты о необходимости срочного принятия мер для спасения от голода русских военнопленных, в том числе сборе сухарей, заготовок на местах посылок с продуктами, регистрации нуждающихся военнопленных[21]. Из отчета комитета вспомоществования русских военных в лагере Шпротау, датированном началом апреля 1917 г. явствует, что многие военнопленные, получавшие ранее поддержку от родных, теперь ее лишились, поскольку из-за затянувшейся войны хозяйства их пришли в упадок[22]. В июне в Лозаннский комитет приходит письмо из лагеря Кёнигсбрюк с просьбой взять на попечение комитета еще 50 пленных и с известием, что коллективные отправки посылок из России совсем прекратились[23]. В письмах из лагерей высказываются недоумения сокращением помощи из российских комитетов, тогда как, казалось бы, должно быть наоборот.

Сетования пленных на продолжавшееся ухудшение их положения имели под собой объективные основания, бывшие результатом ряда факторов. Несмотря на то, что революция вызвала к жизни всплеск общественного участия к их судьбам, организационный хаос, нараставший в стране, а также постепенное оскудение ресурсов России вели к сокращению продовольственной и материальной помощи. Нарастал продовольственный кризис и в самой Германии. Один из пленных офицеров в письме к родным в Россию сообщал, что рядом с их столовой стоит очередь немцев за картофельной шелухой. Продовольственный кризис имел место и в других европейских странах, посредством которых так же шло снабжение русских военнопленных. Имея непосредственные свидетельства с мест, Лозаннский комитет направил эмоциональное «Обращение к Временному правительству»[24], в котором говорилось, что никакие усилия разрозненных комитетов не спасут от голодной смерти и болезни русских военнопленных, если за дело не возьмется Русское правительство.

Ситуацию оказания помощи из России усугубило и июньское отступление, в результате чего ряды военнопленных пополнили новые кадры, обвиненные в намеренном дезертирстве. В обществе возник вопрос о целесообразности помощи предателям Родины. Журнал «Русский военнопленный», вышедший в сентябре (№ 4), посвятив этому явлению отдельную статью, призывал общество не оставлять без поддержки два миллиона неповинных людей из-за нескольких тысяч изменников. Чтобы оградить себя от подозрений в помощи дезертирам, журнал начал публиковать списки лиц, чья добровольная сдача в плен была подтверждена, чтоб отвести подозрения от других пленных, все более остро продолжавших нуждаться в самом необходимом.

Забегая вперед, заметим, что заключение Брестского мира также способствовало дальнейшему ухудшению снабжения военнопленных, поскольку из-за несоблюдения Россией союзнических обязательств страны Антанты перестали помогать русским военнопленным. По словам одного военнопленного, «Англия ... из-за наших милых правителей нам в помощи отказала, теперь и Франция, кажется, тоже...»[25].

Подводя итоги, можно сказать, Февральская революция не оправдала надежды военнопленных, встретивших ее с таким энтузиазмом. Наступившая в России сво-

бода постепенно оборачивалась новыми трудностями и испытаниями, нарастающим гражданским противостоянием, что отражалось на настроениях и взаимоотношениях среди военнопленных, следивших за ситуацией на Родине. Несмотря на изменение статуса военнопленных после февраля 1917 г., жизнь их в плену не претерпела изменений в лучшую сторону.

После заключением Брестского мира пленные далеко не сразу получили возможность вернуться в Россию, а путь некоторых из них к себе домой растянулся еще на долгих 4 года. Тех же, кто возвращался на Родину, ждали новые испытания. Трудности начинались еще в дороге, так как немецкая сторона не обеспечивала приемлемые санитарные условия проезда в поездах, особенно на фоне многочисленных эпидемий. Пленные умирали прямо в поездах или совершали путь домой пешком плохо одетыми в условиях холода и сырости. В России же советская власть на фоне развала всех сторон жизни страны не могла справиться со стихийным наплывом сотен тысяч пленных, обеспечить их продовольствием и медицинским обслуживанием. К тому же, пленные, с точки зрения советской власти, представляли собой и политическую угрозу. Далеко не все они разделяли идеи большевизма, а также могли быть заражены ложными идеалами западной демократии. Нежелательным элементом в новой России представлялось офицерство, которое стремились побыстрее выслать из столиц. Не рад пленным был и простой обыватель, боровшийся за собственное выживание. И уж совсем диким казалось людям, отвоевавшим и проведшим мучительные месяца или годы в плену, быть вновь мобилизованными на фронты гражданской войны.

Русские пленные Первой мировой войны — это русская Голгофа десятков тысяч солдат и офицеров.

1 Россия в мировой войне 1914—1918 в цифрах. М., 1925. С. 4.
2 См.: *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии первой мировой. М., 2014. С. 118 и др.
3 *Нагорная О.С.* Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914—1922 гг.). Другой военный опыт. М., 2010. С. 309.
4 См.: *Мальков А.А.* Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915—1919). Казань, 1971.
5 ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 273. Л. 12 об.
6 Там же. Л. 20.
7 Там же. Л. 69.
8 Там же.. Ед. хр. 276. Л. 47.
9 Там же. Ед. хр. 275. Л. 28.
10 Там же. Л. 34.
11 Там же. Ф. 424. Ед. хр. 276. Л. 59.
12 Там же. Ед. хр. 273. Л. 55 об.
13 Там же. Ф. 84. Ед. хр. 64. Л. 246, 264.
14 Там же. Ф. 504. Ед. хр. 275. Л. 191.
15 См.: *Нагорная О.* Указ. соч. С. 312.
16 ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 273. Л. 43.
17 Там же. Ед. хр. 275. Л. 10 об.
18 Там же. Л. 25.
19 Там же. Ф. 84. Ед. хр. 65. Л. 322.
20 Там же. Ед. хр. 64. Л. 116.
21 Там же. Л. 264.
22 Там же. Ф. 424. Ед. хр. 273. Л. 19 об.
23 Там же. Л. 67.
24 Там же. Ед. хр. 274. Л. 10. См. также: *Петров Ф.А., Фалалеева М.В.* Солдатские письма с фронта и из плена Первой мировой войны: новые материалы из собрания ОПИ ГИМ // Война и оружие: новые исследования и материалы: труды Пятой междунар. науч.-практ. конф., 14—16 мая 2014 г. Ч. 3. С. 453.
25 ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 276. Л. 112 об.

И.Г. Шевелев

События 1917 г. на фронте по дневниковым записям поручика 168-го Миргородского полка Георгия Александровича Перротте

Эго-документы эпохи Первой мировой войны — особо изучаемые объекты в современной отечественной исторической науке: письма и дневники и приравненные к дневникам воспоминания «по горячим следам» участников боев и фронтовой жизни. Долгое одностороннее изучение данного периода в советской историографии привело к тому, что по большей части были опубликованы воспоминания участников, поддержавших Октябрьскую революцию, воевавших на стороне большевиков в гражданской войне, будущих полководцев Великой Отечественной войны. Эти материалы широко использовались в научно-исторических исследованиях.

100-летний юбилей начала Первой мировой стал катализатором публикаций эго-источников участников войны, за последние годы вышло множество как сборников, так и отдельных документальных публикаций. Но все-таки часть дневников данного периода остается исследована поверхностно либо не исследована вовсе.

Исследуя дневники участников Первой мировой войны, можно прийти к выводу, что большая часть сохранившихся текстов относится к периоду 1914—1916 гг. События 1917 г. фиксируются крайне редко. Тому могут быть несколько причин: потеря интереса к ведению записей к концу 1916 г. из-за однообразия позиционной жизни; отсутствие лишнего времени, в связи с началом активного общественно-политического движения на фронте после Февральской революции; и также можно предполагать умышленное уничтожение дневниковых записей в 1920—1930-е годы.

Ранее неопубликованный дневник поручика 168-го Миргородского полка Георгия Александровича Перротте из собрания Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки являет собой интереснейший эго-источник по событиям 1917 г. на Западном фронте[1]. Умело запечатленный калейдоскоп событий и их эмоциональный анализ делают данный документ ценным для изучения как фронтовой повседневности, психологии участников войны, так и истории военных формирований, в которых состоял автор дневника.

Георгий Александрович Перротте родился 16 октября 1885 г. в Валуйском уезде Воронежской губернии в семье отставного лейтенанта. Незадолго до войны окончил Императорский Новороссийский университет. В ноябре 1914 г. призван по мобилизации как ратник 1-го разряда. В январе 1915 г. произведен в унтер-офицеры и в феврале 1915 г. командирован во Вторую московскую школу прапорщиков, после окончания которой 3 мая назначен в 52-й пехотный запасной батальон прапорщиком с дальнейшем повышением 14 мая до младшего офицера. 1 июня 1915 г. вошел в состав 168-го Миргородского полка. 7 июня был ранен, вернулся в строй в ноябре того же года. В 1915—1916 гг. командовал ротой, занимал множество общественных и военно-судебных должностей: был делопроизводителем полкового суда, состоял в санитарной комиссии, был хозяином офицерского полкового собрания. После февраля 1917 г. избирался членом полкового офицерского комитета и председателем полкового комитета. 7 июня 1917 г. был назначен заместителем начальника команды связи, в

октябре становится временно исполняющий обязанности начальника команды связи. Был награжден орденами святого Станислава 3 степени с мечами и бантом, святого Станислава 2 степени с мечами и бантом и святой Анны 3 степени[2].

Дневник представляет собой две тетради с описаниями фронтовой жизни в период с 8 апреля 1917 г. по 20 февраля 1918 г. Видимо, были еще две первых тетради, так как оставшиеся обозначены римскими цифрами III и IV. Озаглавлено произведение: «Беглые заметки на войне».

На III тетради в обложку инъектированы три звездочки с погон поручика. Текст дневниковых записей предвосхищает своеобразное метафорическое введение, в котором обыгрывается название реки Ведьмы, на которой находились позиции Миргородского полка в 1917 г., называя офицеров своей дивизии «Каторжными Ведьмаками».

Описывает почти каждый день. Т.н. «демократизация» армии является стержневым в повествовании автора. И как последствия этого процесса: дезертирство, братание, нежелание подчиняться приказам, распущенность и общее разложение в Российской армии.

По тексту можно проследить, как менялось положение офицерства в течение всего 1917 г. В апреле Георгий Александрович отмечает: «эта общая психология подчинила себе умы, нарушая остатки дисциплины, и ставит наивных [офицеров] в безвыходно-ложное положение. Оскорбление за оскорблением»[3].

В мае 1917 г. в соседнем 514 полку 129 дивизии по отношению к командному составу происходят следующие вещи: «Всем там орудует один поручик, по-видимому провокатор самого скверного пошива. Он воротит всем полком, говорит зажигательные речи против начальства, помещиков и прочее. Возбудил страшную ненависть. К каждому офицеру приставили по два солдата, и он лишил [их] возможности говорить друг с другом. Поручика же этого носят на руках и после него трое часовых, охранявшие их особу. В тот день он на митинге говорил особенно возмутительным образом. Один из офицеров выступил против управы, почему именно он неправ. Тот, пользуясь словом [?] же натравил толпу на него. [...] набросились, руками за плечи, побили, и он вышел оттуда избитый с разорванной одеждой, без погон. На его товарища и друга прапорщика Зарубина это произвело сильное впечатление, он дошел до дома и застрелился»[4].

Как Георгий Александрович видит отношение к себе и своим сослуживцам уже в июле месяце: «Вот уже три месяца, как все мы — паразиты, буржуи, старый режим, и в общем несчастные [...], унижаемые на каждом шагу, подвергаемые оскорблениям и принужденные воздействовать словом и только словом и еще личным примером. А какое воздействия может быть на подлецов, трусов и шкурников? Они ведь правы, их много, и все воздействие — мыльный пузырь. Что же остается? Личный пример?»[5]

Войска в революционный год начинают пользоваться всевозможными, ранее невиданными гражданскими свободами. Впервые на фронте открыто отмечают Первомай, и поручик Перротте особое внимания уделяет рассказу о его праздновании: «С утра [...] торжественное празднество всех дивизий (без боевого состава нас и Луцких). [...] 3 оркестра музыки, все офицеры, тысячи солдат — все Ровенцы, Суражцы, саперы, много артиллеристов и наши и Луцкие хвосты. 2 депутата Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов говорили речи. Отдали долг убитым — были они на всех трех кладбищах. И все было очень хорошо. Энвальд хотел говорить и расплакался. Потом дивизионное собрание. [...] Днем приехали делегаты от трех сел Васильковского уезда [...]и все они привезли 2 вагона харчей: картофель, хлеб, яйца, сало и прочее. Завтра собираем в Подлесье полковой комитет для дележки»[6].

Интересны редко фиксируемые в официальных источниках этого периода отдельные организационно-бытовые моменты из жизни военнослужащих. Так, в середине мая 42-я пехотная дивизия устроила благотворительный концерт в пользу семей убитых солдат Миргородского полка. Это мероприятие организует, в том числе, и Георгий Александрович. Едет в Минск и договаривается о помощи в проведении с представителями партии эсеров: «Подружился здесь с ядром партии СР и приступили уже к началу по устройству концерта. Ядро помещается в [...] отделе Всероссийского земского союза Западного фронта. Состоит из разных лиц. [...] Энергичные дельные люди с очень светлыми и трезвыми головами. Но удивительна прямо их неосведомленность, совершенно не имеют понятия, что делается на фронте»[7]. Все прошло успешно, и было собрано всего 4719 рублей.

Постоянные пертурбации в военных комитетах, увеличение бюрократического аппарата также не проходят мимо внимания автора дневника. 31 мая: «Полный паралич армии, [...] распущенность, безделье и паразитизм. Зато бумажная деятельность разрастается, и пишут всякие и пишут друг другу усиленно»[8].

Как известно, июньское наступление 10-й армии (в которую как раз входил 168-й пехотный Миргородский полк) было провалено. Хорошей иллюстрацией этого служит запись Перротте от 18 июня: «Нам во что бы то ни стало нужно двинуть армию, а она уже разложилась — это какое-то стадо. Я говорю по психику, хотя есть еще некоторые части, сохранившие свое лицо. Трудно до такой степени, что нет силы терпеть. И главное — как смешны люди, возложили теперь все надежды на наши (офицерские комитеты. — *И.Ш.*), и только смотрят в глаза с жалостью и надеждой»[9].

1 августа Георгий Александрович отбывает в командировку в г. Симферополь, там же проводит отпуск, в течение этого времени записей не ведет. Возвращается в часть только 26 октября. После почти трехмесячного отсутствия, он замечает кардинальные перемены, окончательное падение нравов и глубочайший кризис в рядах армии: «офицеры поражают бледно-желтыми лицами с запавшими щеками и подавленным состоянием. В солдатах наблюдается сильная распущенность, часто наглое и вызывающе-дерзкое отношение. [...]Занятий нет, подчинения никакого в массе. [...] Школы уже нет, театр разгромлен солдатами, лекций и бесед никаких не ведется. Развивается ненависть, культивируют ее большевики, и расцвела она пышными цветами»[10].

Информирование Западного фронта о событиях в столице было налажено из рук вон плохо. Известие о перевороте 25-го октября доходит до части только поздно вечером 27-го. Армия питается только слухами и обрывочными телеграммами: «Получаются приказания из Петрограда и от Керенского. Первые: “Вся власть советам с приказанием надзора за командным составом, арестовав их, и ближайшего мира и раздачи земли”. Вторые — сохранять спокойствие, не поддаваясь провокации и прочее»[11]. Газеты за 26 октября приходят лишь в ночь на 29, да и те из Киева, и также краткая телефонограмма: «“В Петрограде льется кровь”. Очевидно, там идет драка, и кто одержит верх неизвестно»[12]. Дезинформация продолжается и далее. Сообщение, полученное полком 30 числа: «“Петроград взят Керенским — большие потери с обеих сторон”, — таково сообщение. Слухи, что Корнилов ударил. То-то будет буча!»[13] Да и к ноябрю ситуация не меняется: «Нет ни газет, ни сообщений, ни писем. Никаких известий от правительства. Как будто все умерло и мы одни здесь остались на свете. Главное — политическая неизвестность, что творится, есть ли центральная власть или нет. Что делается на Юге, как смотрят союзники, будет ли наконец замирение, обещанное Лениным»[14].

В соседнем 167-м Отрожском полку в октябре вся полнота власти уже находилась в руках комитета во главе с большевиками. Нежелание этого полка идти на позиции, общее настроение в его рядах также описывается в данном дневнике. «По дороге встречные сменившиеся острожцы кричали: “буржуи!”, “война до победного конца!”, “бей их!”, и прочее». «У острожцев два батальона отказались идти на позицию, остались в Ведьме и собираются в Несвиж спасать революцию»[15].

Точкой невозврата к старой системе военного управления становится установление полной власти военно-революционных комитетов на местах в ноябре 1917 г. Перроте делает очень эмоциональную запись: «Тр-р-р-ах! Наконец-то! Все комитеты переделаны в военно-революционные и вся власть передана им. Теперь все упрощается. Вся власть, значит и вся ответственность. Наше дело маленькое — техники военного дела»[16].

Братания на фронте часто становятся объектами описания во многих эго-источниках участников Первой мировой. Не обходит их вниманием и Георгий Александрович. 13 ноября он практически по часам описывает моменты встреч на нейтральной полосе и констатирует: «Братание идет полным ходом по всему фронту. Да здравствует Ленин и его головотяпы!»[17] «Один из немецких офицеров сказал солдатам 6-ой роты, которые стали строить переправу: “Вам нужно еще 40 лет быть полком, чтобы чему-нибудь научить”. Они продают кольца и часы, продают по дешевке, дают водку», — продолжает рассказ[18].

В результате остановки боевых действий стало возможным свободное перемещение в нейтральной полосе. Производился сбор останков и их захоронение: «Хоронили кости, собранные в нейтральной полосе. Собирали их, преимущественно черепов, кучу высотой в человеческий рост. Доктор поехал туда и я дал ему [фото]аппарат снять этот памятник. Потом выкопали яму и засыпали ее костями»[19].

Помимо братаний дезертирство стало бичом последнего периода войны. Перротте пишет, что отпуска были разрешены с 1 октября, и приводит следующие данные по своему полку: «С тех пор и до 23 ноября, то есть за 53 дня не явилось из отпуска 305, не возвратилось из командировок 225 и убыло в госпитали 415. Уезжающие теперь прямо говорят, что не вернутся»[20]. В полковом комитете уже и не рассчитывали на возвращение однополчан и обсуждали вопрос: «как отпускать, с винтовками и гранатами или же без них. Очевидно скоро демобилизовать и опускать будут с оружием»[21]. Но офицеры все еще оставались верны своему долгу, и говорится только об одном не вернувшемся офицере и одном задержанном в Новочеркасске. Хотя жизнь офицерства к этому моменту становится просто невыносимой: «Комитет занимается исключительно вопросами, как бы унизить офицерство, как бы побольше их прижать»[22]. Еще в ноябре пытались сохранить хотя бы минимум необходимых вещей: «Офицеры спешат отправлять свои вещи, оставляя себе по две пары белья. В Луцком полку идет реквизиция: солдаты забирают себе все вещи, принадлежащие офицерам и оставляя им по две смены белья, больше кажется ничего. Конечно, одна смена или вернее комплект одежды»[23]. А к декабрю лишаются даже банальных удобств: «Наконец попадем в баньку отмыть все грехи. [...]Баня буржуям не полагается, и бани не будет»[24]. Ну и как вывод из сложившегося настроения: «Из Главного штаба пришел запрос, сколько офицеров в полку остается на службе после демобилизации. У нас 114. Ответ: в Миргородском полку желающих не имеется»[25].

К декабрю 1917 г. уже каждый день наполнен беспределом, неподчинением, абсурдом. Разворовывалось и растаскивалось всё, что можно было. «В контрольную комиссию при цейхгаузе [...] давно уже попал большевик Панков — личность со-

вершенно невозможная в смысле ведения дела. На него давно уже у солдат было подозрение. И вот ночью сделан у него обыск: нашли несколько пар брюк, посуды и 4 пары сапог, все с иголочки и приписано на него. По самым скромным оценкам на сумму до 1000 рублей»[26]. Позиции пришли в упадок, руинировались: «Только что передают телефонограмму: принять строжайшие меры к прекращению разборки позиции на дрова, вычистить ходы сообщений и привести окопы в порядок. Хватились, нечего сказать! Позиции у нас уже не существует. Так, одни земляные норы, в которых живут люди»[27].

Бесславно заканчивается боевой путь поручик Перротте 19 декабря: «Команда решила меня совсем притеснить, согнуть в бараний рог, и чтобы я униженно перед ними вымаливал себе право на существование. А полевой командир затруднился дать мне аттестацию, то есть отпустить меня, мол, неизвестно мое политическое credo. Нужно, дескать, чтоб я пришел к ним и опять просил»[28]. В итоге ему пришлось упрашивать начальника дивизиона, и в итоге получает назначение казначеем в дивизионную эксплуатационную комиссию. 20 февраля 1918 г. окончательно уволен из рядов армии и исключен из списков полка: «У меня есть копия послужного списка, и это все, что я имею»[29]. Такими словами завершается дневник.

Так пережил бурю 1917 г. поручик Георгий Перротте. Это только одна из множества судеб людей этой эпохи. Вышеприведенные записи не только подтверждают выводы многих историков о событиях на фронте в 1917 г., но и позволяют посмотреть на эти события глазами участника, понять его и сопереживать ему.

1 НИОР РГБ. Ф. 538. Кор. 1. Ед. хр. 5, 6.
2 Там же. Ед. хр. 2. Л. 1—4 об.
3 Там же. Ед. хр. 5. Л. 4—4 об.
4 Там же. Л. 15—15 об.
5 Там же. Л. 28 об.
6 Там же. Л. 6 об.—7.
7 Там же. Л. 17.
8 Там же. Л. 20.
9 Там же. Л. 22.
10 Там же. Л. 36 об.
11 Там же. Л. 37 об.
12 Там же. Л. 39 об.
13 Там же. Л. 40.
14 Там же. Л. 45 об.
15 Там же. Л. 37.
16 Там же. Л. 45.
17 Там же. Ед. хр. 6. Л. 3.
18 Там же. Л. 4.
19 Там же. Л. 13.
20 Там же. Л. 11 об.
21 Там же.
22 Там же.
23 Там же. Ед. хр. 5. Л. 47.
24 Там же. Ед. хр. 6. Л. 19.
25 Там же. Ед. хр. 5. Л. 46.
26 Там же. Ед. хр. 6. Л. 21.
27 Там же. Л. 20.
28 Там же. Л. 21—21 об.
29 Там же. Л. 33.

В.В. Пономарева

Институт московского дворянства в 1917 г. по материалам фондов Отдела письменных источников Исторического музея

Основа женской образовательной системы России была заложена закрытыми женскими институтами, первый из которых, Воспитательное общество благородных девиц, был учрежден в 1764 г., как часть грандиозного просвещенческого проекта Екатерины II. Женское образование стало особым направлением государственной политики Российской империи. Сжатые сроки, в которые проходила модернизация страны, требовали участия образованной матери, жены, наставницы. В течение первой половины XIX в. создавалась не имевшая аналогов в мире система среднего женского государственного образования. В начале XX в. в России число женщин, получивших среднее образование, превышало число мужчин со средним образованием, и этот фактор сыграл свою роль в революционных событиях той эпохи[1].

Последним из русских женских институтов был учрежден институт московского дворянства (или Дворянский институт, как его часто называли), первый набор в который был проведен уже в 1906 г. Институт московского дворянства явился детищем кружка московских дворян во главе с графом Сергеем Дмитриевичем Шереметевым и был обязан ему не только своим основанием[2], но и дальнейшим существованием. На обустройство института, учреждение бесплатных вакансий и пр. делали крупные пожертвования московские «тузы» — Орловы-Давыдовы, Бобринские, фон Мекк, Юсуповы, Апраксины, Трубецкие, Олсуфьевы. Сам Шереметев опекал институток, предоставлял для их летнего отдыха свое поместье. Постоянно посещал институт и был посвящен во все подробности его жизни губернский предводитель дворянства Александр Дмитриевич Самарин.

Институт московского дворянства стоит особняком в общем ряду русских женских институтов. Он был основан в переломное для истории России время. Не случайно отцы-основатели дали институту очень длинное, декларативное название — Институт московского дворянства для девиц благородного звания имени императора Александра III в память Екатерины II. В самом названии крылся своеобразный вызов времени. Консервативное крыло дворянства, опиравшееся на крупных землевладельцев и земских деятелей, признавало необходимость перемен в политической и общественной жизни страны, однако желало направить эти перемены в приемлемое русло. Обучение московских дворянок в институте, их и культурная, и профессиональная подготовка должны были стать важной мерой в поддержке потомственного российского дворянства, «оскудение» которого осознавалось как серьезная, болезненно воспринимавшаяся дворянским сословием проблема. По замыслу создателей, в институт зачислялись исключительно дочери потомственных дворян, тогда как социальный состав учащихся в остальных институтах (за исключением Воспитательного общества благородных девиц) заметно демократизировался.

Самый обширный комплекс документов, относящихся к истории института, хранится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (отдельные документы находятся также в Центральном государственном архиве

г. Москвы и Российском государственном историческом архиве). Хотя архив института сохранился лишь частично, представленные в нем материалы отражают все основные стороны жизни института. Архив был обработан Ф.А. Петровым, главным научным сотрудником ОПИ ГИМ. Согласно его предположению, институтский архив был передан перед отъездом в эмиграцию Л.М. Савеловым его другу Н.С. Щербатову, который являлся в то время директором музея. Савелов был тесно связан дружескими отношениями с основателями института московского дворянства, и его дочери получили институтское образование. Возможно, однако, что документы архива оказались в распоряжении жены Щербатова, графини С.А. Щербатовой, квартиру которой арендовал институт в 1918 г. До сих пор этот архив не стал объектом специального исследования.

Шереметеву и его сподвижникам удалось за короткое время сделать свой институт одним из лучших. Воспитанниц института Елизавета Голикова впоследствии вспоминала в своих мемуарах: «не могу не отметить, что наша учебно-воспитательная работа была поставлена отменно и основательно. Учительский состав был первоклассный. Впоследствии, после революции, почти все стали профессорами, а А.И. Некрасов — академиком»[3].

Среди документов институтского архива сохранились материалы, характеризующие его жизнь в революционное время, — это «Ежедневник» института за 1917 г., несколько сохранившихся страниц протоколов заседаний Правления Совета института и хозяйственные записи за 1917—1918 гг.

Институтский «Ежедневник» — официальный дневник, который поочередно велся старшими воспитанницами, каждый день записывавших в нем наиболее значимые события. В архиве Отдела Письменных источников сохранился «Ежедневник» за 1912—1917 гг.

Впервые о нарушении привычного распорядка дня упоминается на страницах «Ежедневника» 28 февраля, когда был отменен концерт Рахманинова «по случаю беспорядков в Москве и забастовки трамваев», — «до неопределенного срока»[4]. Однако в среду, 1 марта, отмечалось, что несмотря на то, что трамваи не ходят, «преподаватели все пришли».

Спустя несколько дней всех воспитанниц собрали в Большом зале института, и начальница прочла им «манифест Государя имп. Николая Александровича об отречении от престола»[5]. На следующий день воспитанниц вопреки обычаю не отпустили домой на выходные «по случаю забастовки трамваев». Институтские «старшие» устраивали периодические чтения газет для воспитанниц, начальница «объясняла воспитанницам I класса[6] ход политических событий в данное время».

9 марта в «Ежедневнике» появляется привычно лаконичная запись о том, что в институте убрали из Большого зала портреты императорской четы[7]. В мемуарах Голиковой этот эпизод описан подробнее: «Вечером Ольга Анатольевна вызвала нас в зал и предложила вынести портреты царя и царицы. И когда мы их понесли, она сказала: “Это уже похороны”. И действительно, мы шли молча, настолько были ошеломлены. Вопросов не задавали, а поставили портреты в церкви, на хорах»[8].

Спустя неделю в институте появился комиссар Временного правительства по средней школе Александр Данилович Алферов (известный педагог, совладелец известной женской гимназии, расстрелян вместе с женой в 1919 г.). К его приезду все воспитанницы, классные дамы, часть учителей собрались в Большом зале. Комиссар поздравил всех с «переживанием великих исторических событий», а затем, как записывает институтка, заговорил о том, «что невозможно сразу переменить свои привя-

занности и убеждения, поэтому понятно, что некоторые из нас могут относится не совсем сочувственно к происшедшим переменам». Он «объяснял значение данной народу свободы, указывая нам на то, что она дана для того, чтобы люди с бóльшим вниманием и ответственностью относились к своим поступкам, не злоупотребляя этой свободой». После этого визита весь остаток дня начальница провела с воспитанницами, расспрашивая, как они поняли слова комиссара[9].

Спустя месяц, 11 апреля в институт явился уже другой комиссар Временного правительства — Евграф Петрович Ковалевский, член Поместного собора (член Государственной думы, с 1919 г. в эмиграции, умер в Париже в 1941 г.). После разговора в «советской» (комнате для собраний) комиссар вместе с начальством института и губернским предводителем П.А. Базилевским, кн. В.В. и В.А. Голицыными, бароном В.Д. Шеппингом и другими представителями московского дворянства направился в Большой зал, где выступил с речью. Комиссар поздравил девиц «с новым строем и новыми порядками, сказал о том, что теперь женщине открыты все дороги и что она должна много работать». При всей сдержанности ведущих дневник, отсутствии прямых оценок происходящего, можно отметить проскальзывавшее между строк отношение институток к событиям 1917 г. Молчаливый протест выражался прежде всего в том, что девушки продолжали именовать уже бывших императора и императрицу прежним титулом, написанным, как было принято прежде, прописными буквами, тогда как «Временное правительство» писалось строчными. После замечания комиссара о единодушной и «трогательной» поддержке восстания со стороны «московских обывателей» в условиях хлебного кризиса, не вполне уместно было добавлено: «но все же хлеба пока нет в Москве»[10].

В апреле стало известно, что обычных экзаменов в этом году проводиться не будет. Перед девицами выступил Александр Дмитриевич Самарин, «свой» человек в институте. Его речь, как и обращения комиссаров, была оптимистичной: бывший губернский предводитель московского дворянства и обер-прокурор Святейшего Синода провозгласил, что сейчас все они переживают «трудное, но хорошее время, о котором потом с удовольствием вспоминаешь всю жизнь». (Впоследствии А.Д. Самарин пережил несколько арестов, тюрьму и ссылку, в 1932 г. умер в Костроме.)

7 мая праздновался выпуск: к выпускницам обратился с традиционным напутственным словом институтский батюшка Д.С. Дмитревский (среди выпускниц была и его дочь Лидия, закончившая курс института с золотой медалью). В речи батюшки, как и всех других выступавших, многократно повторялось слово «свобода». Дмитревский сказал институткам, «свободу, дарованную России, мы не должны понимать как полную беспечность и безделие, а как ответственность перед родиной и как необходимый долг перед родиной, что теперь, покидая Институт, мы больше чем когда должны проникнуться этим значением свободы, понять, какую огромную ответственность она накладывает на нас именно в это тяжелое время. Женщинам открываются все более широкие, все более ответственные пути в государственной жизни и, сознавая какой огромный долг они несут перед родиной, они должны поступать добросовестно, понимая, что данная нам свобода не есть распущенность, а — долг перед Отечеством»[11].

Обычно выпускной класс со своими классными дамами и в сопровождении некоторых учителей после торжественного акта и награждений отправлялся в дальние экскурсии. Одни выпускницы прошлых лет посетили Соловецкий монастырь, другие — Южный Урал. Однако в 1917 г. подобную экскурсию провести оказалось невозможным, и ограничились поездкой в Троице-Сергиеву лавру. На этом записи в институтском «Ежедневнике» заканчиваются.

На лето в институте остались немногие воспитанницы, которых некому было взять домой. Их точное количество неизвестно, и в других архивохранилищах документов, относящихся к этому времени, нет. В это время в московских и губернских институтах размещали девочек из институтов, находившихся рядом с театром военных действий. Начиналась в августе — сентябре эвакуация из Петрограда из-за «продовольственного вопроса». В петроградских институтах оставляли лишь тех институток, которых можно было перевести в статус «приходящих», то есть посещавших занятия, а проживавших у своих родных или родственников в Петрограде. Из данных губернских архивов известно, что создавалась драматическая ситуация, когда родителям было непросто добраться до своих детей, особенно сложным было положение сирот.

Далее историю института московского дворянства можно проследить по данным нескольких протоколов заседаний Правления и кратким финансовым записям, сделанным помесячно. На заседаниях Правления обсуждались преимущественно денежные дела, прежде всего, прошения родителей, которые не имели средств платить за обучение и содержание своих детей (например, прошение от «бывшего полковника артиллерии, ныне солдата» М.Р. Гиппиуса)[12], от вдов военных и пр. Красноречивую картину институтской повседневности рисуют хозяйственные записи — помесячные отчеты о расходах за конец 1917 — первые месяцы 1918 г. Почерки ведущих эти записи меняются, становятся все более неразборчивыми, иногда малограмотными, используются уже, как правило, не чернила, а химический карандаш. Сами записи неполны и ведутся довольно небрежно. Согласно счетам за ноябрь и декабрь 1917 г. — полностью изменяется повседневный стол «девиц благородного звания»: главный объем составляют такие продукты, как картофель, ржаная мука, кислая капуста, горчичное масло, ячневая крупа, упоминаются пшеничный кофе, солонина, сало. В начале 1918 г. на столе институток почетное место занимают свекла, чечевица, пшено, конопляное масло, селедка и такая новинка, как сушеный картофель. Ближе к лету рацион девиц был обогащен воблой.

Сложная обстановка в городе вынудила институт нанять охрану: впервые этот расход в размере 100 руб. отмечен в декабре 1917 г., в феврале 1918 г. охрана обходится уже в 150 руб., а в марте — в 300 руб. Затем институтское здание было оставлено: его занял комитет отряда матросов, прибывших из Петрограда[13], а позже здесь разместился Наркомат путей сообщения (ныне — Министерство транспорта). Остатки института разместились на арендованной за 280 руб. квартире княгини Софьи Александровны Щербатовой в Новинском переулке. Плата за домовую охрану теперь обходилась гораздо дешевле — всего 23 руб. Содержать институтское здание, отапливать его, охранять было невозможно, да и не нужно — институтское население резко сократилось. Остались, по всей видимости, лишь те девочки, кого некому было забрать. Институт продолжал существовать как пансион, предоставлявший своим питомицам жилье и питание, а учились они теперь в «частной гимназии Общества преподавателей». Мемуарист, мать которого училась в институте, прямо указывает на то, что последний выпуск состоялся в 1918 г.: «институт моя мать закончила уже после революции; последний выпуск был в 1918 г.»[14]. Однако последние записи в хозяйственных отчетах относятся к маю 1919 г.

Закрытые женские институты (интернаты) доказали свою устойчивость как тип учебного заведения в эти революционные годы. Они продолжали действовать в самых тяжелых условиях, в их существовании были заинтересованы многие, поскольку прежде всего они были рассчитаны на сирот, полусирот, неимущих девочек, для которых получение образования являлось единственным средством устроить свою жизнь.

[1] См.: *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Женщина в семье и обществе // Очерки русской культуры, конец XIX — начало XX в. М., 2011. Т. 2: Власть. Общество. Культура. С. 518—604.
[2] *Белоусова О.В.* К истории создания института Московского дворянства для девиц благородного звания имени императора Александра III в память императрицы Екатерины II // Клио. 2012. № 9 (69). С. 53—58.
[3] *Голикова Е.В.* Мемуары Елизаветы Васильевны Голиковой: (фрагменты) // *Голикова Н.Б.* На перекрестках воспоминаний. М., 2014. С. 207.
[4] ОПИ ГИМ. Ф. 310. Д. 141. Л. 13.
[5] Там же. Л. 13 об.
[6] I класс — старший, выпускной класс в русских женских институтах.
[7] ОПИ ГИМ. Ф. 310. Д. 141. Л. 14.
[8] *Голикова Е.В.* Указ. соч. С. 210.
[9] ОПИ ГИМ. Ф. 310. Д. 141. Л. 15 об.—16.
[10] Там же. Л. 20—20 об.
[11] Там же. Л. 25.
[12] Там же. Д. 142. Л. 3.
[13] По революционной Москве: историко-топографический справочник-путеводитель. [М.], 1926. С. 287.
[14] *Полозов А.* По благословению крестного // Богословский сборник. 2006. № 6. С. 319. Мать Полозова — княжна Н.В. Друцкая-Соколинская. Наталью Друцкую-Соколинскую и ее сестер Веру и Нину, оставшихся сиротами, опекал С.Д. Шереметев, умерший в 1918 г.

А.А. Чернобаев

Документальные публикации в журнале «Исторический архив»: К 100-летию Великой российской революции

Важнейшее значение в осмыслении событий 1917 г. в России имеет публикация новых архивных источников. За последние три десятилетия их издано значительно больше, чем за все предыдущие годы. Посильный вклад в дело введения в научный оборот неизвестных материалов, многие из которых ранее были засекречены или находились в зарубежных архивах, недоступных большинству отечественных исследователей, вносит научно-публикаторский журнал «Исторический архив».

Следует отметить, что документы о революционных событиях в России регулярно публикуются на его страницах. Причем не только в рубрике «Россия на переломе», но и во многих других — «Архив вождей», «Русское зарубежье», «Государство и церковь», «Интеллигенция и власть» и др. Дважды, к 80-летию и 90-летию революций семнадцатого года, были подготовлены тематические номера журнала. В 26 материалах, включенных в них, нашли отражение многие проблемы о происходивших в тот год процессах в политической, социально-экономической, церковной и иных сферах жизни страны[1].

В начале 2017 г. было решено ввести в каждом номере «Исторического архива» рубрику «К 100-летию революций 1917 г. в России». Эту задачу редакционная коллегия журнала, на мой взгляд, успешно реализовала.

Так, в 1-й номер журнала включены три подборки документов о предреволюционной ситуации в стране и периоде непосредственно после свержения самодержавия. Каждая из них убедительно свидетельствует о приближавшемся крахе российской мо-

нархии. Это нашло отражение уже в названии публикации о состоянии общества Восточной Сибири по результатам инспекционной поездки туда в ноябре — декабре 1916 г. жандармского полковника П.П. Заварзина — «Власть атрофирована, и мы находимся на краю бездны»[2]. Донесения опытного офицера в Особый отдел Департамента полиции МВД отражают широкий спектр взаимоотношений региональных бюрократов, представителей духовенства, военных и жандармов, показывают кризисное состояние восточносибирских подразделений политического сыска. Несомненный интерес представляет данная П.П. Заварзиным характеристика бывшего заведующего Енисейским розыскным пунктом ротмистра В.Н. Руссиянова[3], наиболее вероятного автора одной из громких исторических фальсификаций XX в. — «Письма Еремина», из которой следует, что И.В. Сталин являлся осведомителем Департамента полиции МВД[4].

Несколько писем поступило в редакцию «Исторического архива» в связи с публикацией в четырех номерах журнала переписки генерала А.А. Брусилова с женой Н.В. Брусиловой за 1914—1917 гг.[5] В них дается высокая оценка как содержательной, познавательной стороне этого материала, так и высокому научному, археографическому уровню его подготовки. Действительно, эта переписка двух горячо любящих людей позволяет понять, как и почему изменялись в годы войны взгляды прославленного русского полководца и его жены по мере приближения общенационального кризиса. Если в 1914—1915 гг. в письмах А.А. Брусилова, по словам публикатора, «рельефно проступает облик патриота и вместе с тем милитариста, рыцаря войны, для которого война была естественной сферой человеческой деятельности»[6], то в дальнейшем в его мировоззрении происходят существенные изменения. Во время Февральской революции, по-прежнему честно выполняя свой долг перед Родиной, он показал себя «демократом и сторонником политических перемен»[7]. О том, что «вся Россия катится по наклонной плоскости», говорится в одном из писем Н.В. Брусиловой к мужу, написанном в конце 1916 — январе 1917 г.[8]

Октябрьскую революцию А.А. Брусилов не принял, считал большевистский режим болезнью, которую надо пережить. Как человек глубоко верующий, он писал жене 18 сентября 1918 г.: «Господь посылает нам тяжелое испытание, да будет Его Святая Воля, главное — не нужно роптать, а благодарить и за то тяжелое, что ниспосылается нам на пользу и на спасение душ наших»[9]. В 1920 г., в начале советско-польской войны, А.А. Брусилов вступил в РККА. Свой переход на сторону красных он объяснял так: «Я думал, что пока большевики стерегут наши бывшие границы, Красная армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними по пути. Они сгинут, а Россия останется»[10]. Оправдывала решение мужа и Н.В. Брусилова: «А.А. Брусилов не был ни белым, ни красным. Он был русский генерал, защищал русские границы и русский народ. Он любил русскую армию и остался с ней, когда она взбесилась»[11].

Третья публикация в № 1-м журнала в рубрике «К 100-летию революций 1917 года в России» содержит протоколы Сормовского объединенного комитета РСДРП за март — май 1917 г.[12] Эта небольшая подборка документов свидетельствует, насколько глубоки были в то время корни демократических настроений в российском обществе, в том числе в провинции. Несмотря на разгром полицией в 1916 г. социалистических организаций в Нижегородском крае, уже вскоре они не только возродились, но и активно включились в губернскую и общероссийскую общественно-политическую жизнь. Причем характерно, что ведущим центром демократизации в крае стал не столько губернский город, сколько прилегающие к нему промышленные районы. Крупнейшим из них был Сормовский завод (на 1 сентября 1917 г. в нем насчитывалось около 20 тыс. рабочих), среди пролетариата которого, по словам пуб-

ликатора, «большим авторитетом пользовались представители революционной демократии (преимущественно социалисты)»[13].

Источники по истории социал-демократических организаций различных направлений — большевиков, меньшевиков, объединенцев, сторонников плехановского «Единства» — публиковались в 2017 г. и в последующих номерах журнала.

Падение самодержавия в России вызвало широкий международный резонанс. Реакцией на события в нашей стране со стороны ее союзника в Первой мировой войне Великобритании стало их обсуждение на заседании Британского Имперского военного совета 22 марта 1917 г., стенограмма которого опубликована в № 3-м журнала[14]. К этому времени британское правительство «признало» революцию в России. По мнению министра иностранных дел Великобритании А.Дж. Бальфура, ее причиной стали «административные неурядицы в ходе нынешней войны». Пока не ясно, смогут ли «новые люди», пришедшие к власти, управлять огромной страной, «организовать ее силы для использования в период войны и в период мира». Свержение самодержавия, продолжал Бальфур, «удивляет, особенно, если оглянуться в прошлое, и я сомневаюсь, что эти новые люди преуспеют намного лучше, чем старые. В России нет среднего класса. Коррупция глубоко въелась в плоть страны, и мы не должны надеяться на слишком многое»[15].

Российская тема на заседании Британского Имперского военного совета 22 марта возникла при обсуждении территориальных вопросов — польского и раздела Османской империи, «еврейского вопроса», а также, и это главное, перспектив внутреннего положения России в связи с переменами в ее политическом и государственном строе. При этом, справедливо отмечает автор публикации, «британские министры выразили желание использовать революционные события в России себе на пользу»[16].

Вопросы текущей политики, положение в стране и мире волновали в семнадцатом году всех россиян, что также нашло отражение на страницах журнала. С огромным энтузиазмом воспринял Февральскую революцию, первые демократические перемены в стране академик А.А. Шахматов, переписка которого с его ближайшими коллегами публикуется в № 4-м «Исторического архива»[17]. Выдающийся ученый, крупнейший русский славист XX в. приветствовал буржуазно-либеральные начинания и проекты Временного правительства, возлагал большие надежды на будущее Учредительное собрание, от которого ожидали разрешения назревших проблем — завершения войны, проведения университетской и школьной реформ и т.д. Однако перемены к лучшему всё не наступали. Радостная эйфория развеивалась, на национальных окраинах усиливался сепаратизм. Особенно остро переживал А.А. Шахматов события на Украине. В письме к А.Ф. Кони 15 июля 1917 г. поведение официального Киева он расценивал «как предательство украинцев во главе с Грушевским»[18].

В переписке ученых летом семнадцатого года все сильнее звучали ноты безысходности, что видно из письма А.А. Шахматова к В.М. Истрину, вынесенные в заголовок данной публикации: «Россия пропала — это ясно! Совершенно не вижу выхода и возможности спасения». Особое разочарование и горечь вызвали у Шахматова и его корреспондентов события октября 1917 г. В первое время после них, пишут публикаторы, «не принимая новые порядки, представители интеллигенции абстрагировались от политики и искали забвения в работе — продолжали свои научные исследования, преподавали в учебных заведениях, способствовали сохранению библиотек и других очагов культуры и истории». Однако игнорировать новую власть становилось все труднее, контакты с ней, хотя и «не приносили удовлетворения», устанавливались, «российская наука, ее академия и университеты выстояли»[19].

В том же № 4-м журнала теме «Научная интеллигенция и революция» посвящена подборка писем за 1917—1920 гг. уникальной русской женщины Н.М. Субботиной[20]. В детстве после тяжелой болезни она навсегда потеряла возможность ходить без помощи костылей, слышать и говорить. Единственным средством ее коммуникации с окружающим миром были перо и бумага. Несмотря на это, Нина Михайловна, благодаря природному таланту и упорству, с помощью дружной семьи сумела окончить физико-математическое отделение Высших женских Бестужевских курсов, овладела несколькими европейскими языками. В 1910 г. в Санкт-Петербурге была опубликована ее книга «История кометы Галлея: (с картой, рисунками и фотографическим снимком кометы)», удостоенная премии Русского астрономического общества. По словам публикатора, после выхода в свет ряда научных статей Субботина «приобрела в профессиональной среде репутацию компетентного и опытного астронома-наблюдателя»[21].

Февральскую революцию Субботина встретила с восторгом. 14 марта в письме к своему постоянному корреспонденту Н.А. Морозову, известному революционеру-народнику, впоследствии почетному академику АН СССР, который более 20 лет провел в заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, она предложила «срыть Бутырскую тюрьму, эту русскую Бастилию, кажется, самую древнюю московскую тюрьму; срыть и на ее месте воздвигнуть “Дворец свободного народа”, с различными просветительными учреждениями... Как я рада, что и Вы дождались этого времени! Какие неограниченные возможности впереди!»[22]. С энтузиазмом продолжала она научные исследования, участвовала в работе первого Всероссийского астрономического съезда в Петрограде.

Однако в конце 1917 г. в ее жизни произошли кардинальные изменения. Распоряжением местных властей было реквизировано семейное имение Субботиных Собольки (Можайский уезд Московской губернии), где располагалась небольшая обсерватория Нины Михайловны, и она вынуждена была уехать к родственникам в Нижний Новгород. Весной следующего года Субботиным разрешили вернуться в Собольки, но затем вновь выселили. 2 апреля 1919 г. она писала Морозову: «Теперь мы с мамой здесь водворились и немного успокоились, в перспективе предстоит организационная работа для обсерватории сормовского пролеткульта... Итак мы не унываем, продолжаем свою работу временно в другом месте, надеясь на будущее и преодолевая невзгоды настоящего»[23].

Нина Михайловна прожила долгую жизнь, почти 85 лет[24]. В очерке-некрологе «Памяти Н.М. Субботиной», написанном М.Н. Неуйминой (в девичестве Абрамцева), которая знала ее со времени обучения на петербургских Высших женских Бестужевских курсах, говорится: «После революции 1917 г., когда Субботины потеряли имение, Нина Михайловна первая из семьи сумела понять и принять советскую власть... “Как я была счастлива служить народу”, — пишет она в своих воспоминаниях»[25].

Большой научный интерес представляют опубликованные в № 6-м журнала протоколы допросов 30—31 августа 1917 г. участников выступления генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте[26]. Казалось бы, этот сюжет изучен достаточно хорошо. Подробно изложен он в воспоминаниях главнокомандующего фронтом А.И. Деникина[27]. Из новейших документальных изданий по «Делу генерала Л.Г. Корнилова» основополагающим для дальнейшего его исследования стал двухтомный сборник, содержащий 222 документа по данной теме, из них свыше 100 показаний лиц, привлеченных к выступлению и к его подавлению[28]. Однако и в этом фундаментальном сборнике, как и в других изданиях источников, отсутствовали документы следствия в отношении сторонников Корнилова на Юго-Западном фронте. Публикация в «Историческом архиве» устраняет этот пробел.

В результате архивных изысканий в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (США), проведенных автором публикации, в этом архиве в коллекции прокурора Р.Р. фон Раупаха были выявлены подлинные документы расследования по делу об участниках корниловского выступления на Юго-Западном фронте. Среди них протоколы свыше 90 допросов генералов и офицеров штаба фронта. Столь большой комплекс вводимой в научный оборот следственной документации общим объемом свыше тысячи листов, справедливо подчеркивает публикатор, «выводит изучение этой темы (а также сопутствующих сюжетов, не исключая биографические, поскольку в коллекции содержатся материалы, в том числе предшествовавшие корниловским событиям) на принципиально новый уровень детализации»[29].

В настоящую журнальную публикацию включены лишь наиболее значимые 7 документов: док. № 1 — письмо Р.Р. фон Раупаха известному историку и общественному деятелю В.Л. Бурцеву, в котором автор поясняет, каким образом и почему он вывез ценные материалы в конце декабря 1917 г. в Финляндию, где и прожил до самой смерти; док. № 2 — предписание военного комиссара Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта Н.И. Иорданского полевому военному прокурору фронта С.А. Батогу; документы № 3—7 — протоколы допросов А.И. Деникина, С.Л. Маркова, Е.А. Кельчевского, В.В. Колоссовского и Н.И. Иорданского (он был допрошен 14 октября 1917 г.). По мнению публикатора, есть все основания считать сделанную им находку данных документов «одним из главных архивных открытий года столетия российских революций»[30].

Две публикации в № 6 «Исторического архива» посвящены событиям конца октября — начала ноября 1917 г. в Москве. Одна из них — дневниковые записи историка, композитора и пианиста Сергея Петровича Бартенева, сына издателя известного журнала «Русский архив»[31], который в те дни был чиновником по особым поручениям Московского дворцового управления, проживал в Кремле и стал очевидцем вооруженных столкновений юнкеров и большевиков; вторая — речь видного деятеля кадетской партии, гласного Московской городской думы Николая Ивановича Астрова на заседании думы 6 ноября 1917 г.[32]

В обоих документах речь идет об ожесточенной борьбе за власть в древней столице между сторонниками Временного правительства в лице Комитета общественной безопасности и большевистским Военно-революционным комитетом. Эти сюжеты нашли широкое отражение в исторических источниках и литературе. Тем не менее, дневники С.П. Бартенева и речь Н.И. Астрова содержат немало важных деталей, дополняющих и уточняющих наши знания об остроте разгоревшейся борьбы, помогающих понять эмоциональный настрой представителей противоборствующих сторон.

Украшением многих номеров журнала стала публикация в них иконографии историков, посвятивших свое творчество изучению революционного движения в России. В 2017 г. такие материалы были подготовлены о В.П. Булдакове[33] и Е.Н. Городецком[34]. Всего в «Историческом архиве» опубликовано свыше 100 иконографий исследователей прошлого XVIII — начала XXI века.

Подведу итог краткому обзору опубликованных в журнале документов к 100-летию революций 1917 г. в России. За прошедшие десятилетия, включая и настоящий юбилейный год, об этих событиях издано огромное количество источников. Однако в отечественных и зарубежных архивах по-прежнему хранятся ценнейшие документы, выявление и исследование которых еще предстоит. Надеюсь, что материалы, впервые введенные в научный оборот в 2017 г. в «Историческом архиве», будут способствовать дальнейшему изучению Великой российской революции.

[1] См.: Исторический архив. 1997. № 2. С. 4—125; 2007. № 4. С. 4—220; № 5. С. 3—116; № 6. С. 63—81. Подробнее об этих публикациях в журнале «Исторический архив» см. в моем докладе на пленарном заседании Археографической комиссии РАН «Современное состояние изучения и издания архивных материалов о событиях 1917 года» (Археографический ежегодник за 2007—2008 годы. М., 2012. С. 288—292).

[2] См.: «Власть атрофирована, и мы находимся на краю бездны»: о состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П.П. Заварзина, 1916 г. / публ. Д.А. Бакшт, Т.А. Катцина // Исторический архив. 2017. № 1. С. 33—56.

[3] Там же. С. 46, 56.

[4] Подробнее см.: *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880—1917). М., 2013. С. 273—277; *Звягин С.П.* Сотрудник государственной охраны на территории белой Сибири В.Н Руссиянов // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12—13 нояб. 2014 г.) / под ред. Д.И. Петина. Омск, 2015. С. 51—56; *Бакшт Д.А.* «Бездеятельный жандарм»: к биографии В.Н. Руссиянова: (дополнение к докладу С.П. Звягина) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 25—32.

[5] См.: «Я не искал популярности и не ищу, думаю лишь об общем деле России» / публ. Н.А. Родионова // Исторический архив. 2016. № 4. С. 101—137; № 5. С. 130—156; № 6. С. 89—125; 2017. № 1. С. 4—32.

[6] Исторический архив. 2016. № 4. С. 101.

[7] Там же. С. 108.

[8] Там же. 2017. № 1. С. 4.

[9] Там же. С. 26.

[10] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2004. С. 270. Полный текст воспоминаний А.А. Брусилова, вместе со второй, «антисоветской» частью, споры о достоверности которой ведутся до сих пор, был впервые издан в издательстве «РОССПЭН» в 2001 г.

[11] Цит. по: Исторический архив. 2016. № 4. С. 109.

[12] См.: «Положено начало организации»: протоколы Сормовского объединенного комитета РСДРП, март — май 1917 г. / публ. Д.В. Кураков // Исторический архив. 2017. № 1. С. 57—68.

[13] Там же. С. 57.

[14] См.: Вопросы русской революции на заседании Британского Имперского военного совета, 22 марта 1917 г. / публ. В.В. Михайлов // Исторический архив. 2017. № 3. С. 4—11.

[15] Там же. С. 6—7.

[16] Там же. С. 6.

[17] См.: «Россия пропала — это ясно! Совершенно не вижу выхода и возможности спасения»: из переписки ученых с академиком А.А. Шахматовым, март — декабрь 1917 г. / публ. Е.Ю. Басаргина, Е.Н. Груздева, О.А. Кирикова // Исторический архив. 2017. № 4. С. 16—35.

[18] Там же. С. 17.

[19] Там же. С. 18—19.

[20] См.: Немой свидетель, или Великая русская революция глазами астронома: письма Н.М. Субботиной, 1917—1920 гг. / публ. О.А. Валькова // Исторический архив. 2017. № 4. С. 36—53.

[21] Там же. С. 36.

[22] Там же. С. 38.

[23] Там же. С. 43.

[24] Подробнее о Н.М. Субботиной см.: *Валькова О.А.* : 1) Через тернии к звездам: Н.М. Субботина и «История кометы Галлея» // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 2. С. 110—138 ; 2) «Хочу служить людям своей наукой» // Природа. 2011. № 3. С. 91—96 ; 3) Любитель или профессионал: научная биография астронома Н.М. Субботиной // XXII Годичная научная конференция ИИЕТ РАН (2016). М., 2016. С. 375—378.

[25] *Неуймина М.Н.* Памяти Н.М. Субботиной // Астрономический календарь: ежегодник. Переменная часть. 1964. М., 1963. Т. 67. С. 266—267. Благодарю О.А. Валькову за предоставленные сведения о статье М.Н. Неуйминой.

[26] См.: «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...»: документы по делу об участниках выступления генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте в августе 1917 г. / публ. А.В. Ганин // Исторический архив. 2017. № 6. С. 3—34.

[27] См.: *Деникин А.И.* Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1. С. 551—563.

[28] См.: Дело генерала Л.Г. Корнилова: сб. документов. М., 2003. 2 т.

[29] Исторический архив. 2017. № 6. С. 3.

[30] Там же.

[31] См.: Сражение за Московский Кремль в октябре — ноябре 1917 г.: из дневников С.П. Бартенева / публ. М.И. Одинцов // Исторический архив. 2017. № 6. С. 44—50.

[32] См.: «Страна ввергнута в состояние ожесточенной братоубийственной войны и анархии»: речь Н.И. Астрова на заседании Московской городской думы, 6 ноября 1917 г. / публ. О.Г. Малышева, Е.А. Токарева // Там же. С. 51—57.

[33] См.: В.П. Булдаков / публ. А.А. Чернобаев // Там же. № 3. С. 58—73.

[34] Е.Н. Городецкий (1907—1993) / публ. Е.В. Косырева // Там же. № 4. С. 54—69.

А.Г. Калмыков, О.Г. Никонова

На охране «правильного прошлого»: Из истории идеологических чисток коллекции ленинградского Государственного музея Революции

Свою историю бывший Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции, а ныне Государственный музей политической истории России ведет с 9 октября 1919 г., когда в разгар наступления на Петроград войск под командованием генерала Н.Н. Юденича председатель Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов Г.Е. Зиновьев подписал постановление о создании Государственного музея Революции.

Открытием музея считается организованное его сотрудниками торжественное заседание, посвященное памяти декабристов, которое прошло 11 января 1920 г. в нетопленом, но переполненном Николаевском зале Зимнего дворца. Вступительную речь на этом заседании произнес Г.Е. Зиновьев.

Из всего огромного комплекса помещений трехэтажного дворца к десятилетию Октябрьской революции в ведение музея перешли центральные части второго и третьего этажей по северному, невскому, фасаду, первый и третий этажи северо-западной части здания и весь первый этаж на западной стороне дворца, обращенной к Адмиралтейству. Здесь же находился и главный вход в Музей Революции. Всего в Зимнем дворце ГМР занимал 12 747 кв. м, в том числе 8700 кв. м было занято под экспозицию.

Поначалу цели, поставленные перед Музеем Революции, были весьма обширны: «собирание и охранение памятников русской революции в самом широком смысле этого слова — вещественных, книжных, рукописных, архивных и т.д., охрана могил революционеров по всей России, постановка им памятников, установка и прибитие памятных досок»[1]. Он задумывался как главный центр по исследованию и музейному отражению истории не только российской, но и европейской революционной мысли и революционной практики. Планировалось, что кроме экспозиции Музей Революции будет иметь свое издательство, лекторий, театр, кинематограф.

Исполком Петросовета оформил право нового музея собирать во всех советских органах власти и учреждениях материалы как по истории революционного движения, так и по истории строительства социализма в Советской России. Бригады, составленные из студенческой молодежи и сотрудников музея, обходили одно за другим учреждения города, отбирая документы для музейной коллекции. Широким потоком шли они от многочисленных дарителей.

Многие из экспонатов второй половины XIX — начала XX в. были дарами революционеров самых разных направлений и на первых экспозициях мирно уживались друг подле друга, как уживались в Совете музея народовольцы Н.А. Морозов, А.В. Прибылев, А.П. Прибылева-Корба, В.Н. Фигнер, М.В. Новорусский, старые большевики П.Ф. Куделли, Ф.Н. Петров, столь разные по своим политическим взглядам академики Н.Я. Марр и С.Ф. Ольденбург.

В 1920—1921 гг. музей получил в свое распоряжение особый вагон, который был использован при поездках на Украину, в Архангельск и Белоруссию, где только что закончи-

лась гражданская война. На остановках сотрудники музея кипами сносили в него листовки, газеты, агитационные плакаты, а также множество документов, знамена, оружие.

К 1927 г. все четыре отдела ГМР: революционного движения в России до 1917 г.; двух революций 1917 г. и гражданской войны; революций в Западной Европе и Коминтерна; каторги и ссылки — были представлены своими выставками.

В эти годы залы музея изобиловали подлинными уникальными экспонатами. Среди ведущих экспонатов в Кратком путеводителе по музею (1927 г.) указаны и такие, как, например, подлинные автографы приказов А.Ф. Керенского и телеграммы П.Н. Краснова и Н.Н. Духонина (ноябрь 1917 г.); два автографа А.В. Колчака; знамена махновцев и Ижевской дивизии белых; плакат белых с изображением «железного кольца вокруг Советской республики», а также фотопортреты Н.Н. Юденича, М.В. Родзянко, С.Н. Булак-Булаховича и других видных противников Советской власти[2].

Такому характеру экспозиции, когда боровшимся в революционные годы сторонам предоставляли возможность высказаться «своим голосом» (разумеется, при доминировании материалов и смысловых акцентов большевистской направленности), пришел конец сразу же после Первого музейного съезда музейных работников в 1930 г.[3] В новом путеводителе по музейной экспозиции, выпущенном в 1933 г., отражены разительные перемены, происшедшие в подборе экспонатов. Из приведенных выше примеров использования небольшевистских материалов в путеводителе указано только «бандитское (махновское. — *Авторы*) знамя с Украины»[4]. Места многих подлинных экспонатов заняли диаграммы, макеты, картограммы, «цитатные доски», но в то же время на «цитатной доске» можно было увидеть, к примеру, портреты министров Временного правительства и другие фотографии, которые до самого конца 1980-х годов цензоры Леноблгорлита запрещали выставлять в стенах нашего музея.

Как и в других музеях, та часть богатейших фондов ГМР, которая открывалась взору посетителя на экспозиции, была подобна верхней части айсберга. Подводная же его часть, скрытая в запасниках, была в десятки раз больше. Собрав всеми возможными способами колоссальное количество экспонатов, ГМР уже с середины 1920-х годов стал снабжать ими (в основном дублетными экземплярами) нарождавшиеся один за другим провинциальные музеи историко-революционного профиля, московские и ленинградские архивы, музей Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев; библиотеки и т.д. Не всегда эти дары были добровольными, но, покинув Зимний дворец, материалы ГМР все-таки продолжали свою музейную жизнь на новом месте, а если говорить об архивах и библиотеках, то и в новом качестве. Другая же часть запасников музея не меняла адреса, переставала быть востребованной, выводилась из экспозиционного и научного оборота и даже уничтожалась. Происходило это по идеологическим соображениям. Их судьба — главная тема настоящей публикации.

Важнейшей датой в довоенной истории музея стало 12 мая 1935 г., когда бюро Ленинградского горкома ВКП (б) в обстановке широких политических репрессий, начавшихся после убийства С.М. Кирова, провело проверку деятельности музея и констатировало: «В своем настоящем виде Музей революции фактически является музеем народничества, причем материалы, характеризующие последнее, в основном исходят не из ленинской оценки народничества, а из плехановско-меньшевистской. Руководство музея, находившееся в руках сознательно чуждых элементов, привело к тому, что вместо действительной истории революции 1905 и 1917 гг., вместо показа борьбы большевиков со всеми врагами рабочего класса, отделы, посвященные 1905 и 1917 гг., заполнялись немногочисленными, разрозненными материалами, поданными при этом

таким образом, что они искажали в троцкистско-зиновьевском духе действительную историю большевизма, смазывали историческую роль Ленина и Сталина»[5].

В 1936 г. решением того же бюро музей закрыли. Открыли его снова в 1937 г. после коренной переделки и вскоре вновь закрыли, потому что вышел из печати Краткий курс истории ВКП (б), и экспозицию надо было переделывать заново, уже на его основе.

В этой обстановке 15 декабря 1937 г. на совещании заведующих отделами ГМР была утверждена инструкция о порядке изъятия, хранении и учете материалов из фондов отделов, подлежащих передаче в особый фонд. Она декларировала, что «все политически вредные материалы подлежат изъятию из фондов отделов и либо уничтожаются (по акту), либо передаются на хранение в особый фонд... Если материалы, подлежащие изъятию из фондов отделов, имеются в нескольких экземплярах, то все они, начиная со второго, уничтожаются, тоже делается с материалами, признанными директором и заведующим соответствующего отдела ненужными в экспозиционной и научной работе».

Впрочем, еще до образования «секретного фонда», в конце 1920-х и в 1930-х годах, большая часть документов на основании заключений Экспертно-проверочной комиссии архивного отдела Управления МВД по Ленинградской области, стоявшей во главе механизма идеологических чисток музейных фондов[6], была изъята из фондов музея и передана в различные архивы, причем зачастую без всяких описей. В архиве музея сохранилось множество составлявшихся при этом стандартных расписок:

> «Нижеподписавшиеся составили настоящий акт в том, что заместитель директора Государственного музея революции Буткевич П.И. сдал, а архивист ЛОЦИА[7]. Шкипсина Н.П. приняла 69 (шестьдесят девять) пачек документов, отобранных комиссией. Настоящий акт составлен как временный, взамен коего должен быть представлен с подробным перечислением сданных дел и документов».

Таким же образом документы отправлялись не только в ленинградские, но и в московские архивы.

> «6 декабря 1929 г. составлен настоящий акт в том, что Государственный музей революции сдал, а представитель Центроархива А.К. Дрезен принял три ящика с архивными документами для переотправки таковых в Москву».

Бывший сотрудник отдела фондов ГМР М. Карнаухова в 1949 г. описывала в объяснительной записке, каким образом осуществлялась такая передача:

> «В 1929 или 1930 гг. было произведено изъятие документов из фондов музея. В состав комиссии входили следующие организации — ЛОЦИА, ВИЭМ[8], Центроархив, Губархив. Отобранные документы быстро упаковывались и увозились. На протест музея на то, что документы отвозятся без описей, музею было заявлено, что документы будут переписаны по прибытии их на место, и будут высланы описи, но описей не было выслано».

Однако освобождение фондов музея от «идеологически вредных» документов осуществлялось до войны и самими сотрудниками музея, на основании упомянутой выше инструкции об «уничтожении всех экземпляров кроме одного» при помещении таких документов в «секретный фонд». По акту от 27 декабря 1937 г., подписанному временно исполняющей обязанности директора музея М.И. Солодниковой и заведующей отдела социалистического строительства С.Д. Павловой (директором музея в 1950-х годах) на уничтожение из фондов отдела были отправлены «фото с врагами народа»: К.Б. Радека, Н.И. Бухарина, М.М. Лашевича, М.П. Томского, А.И. Рыкова, Г.Л. Пятакова, Белы Куна, Н.Н. Крестинского, Я.Э. Рудзутака, А.С. Енукизде, Л.М. Карахана, Я.Б. Гамарника, А.И. Балабановой и других — всего 70 единиц.

В архиве музея сохранился также Акт от 30 августа 1941 г., составленный директором музея С.Д. Павловой и заместителем директора А.С. Спиридоновой «на предмет уничтожения фотопортретов врагов народа, находящихся в особо секретном фонде Музея Революции». Разрешение на уничтожение, удостоверенное специальным штампом, поставленном на акте, дала Экспертно-проверочная комиссия. По этому акту были уничтожены 1372 фотографии «Троцкого — Зиновьева» (так в Акте. — *Авторы*) и других «врагов народа», «фотоснимки белогвардейцев, портреты белых генералов и их министров 1918—1920 гг.».

Однако главная беда настигла музей уже после войны. Тяжелейший удар, урон от которого восполняется ныне с громадным трудом, был нанесен коллекциям ГМР в 1949—1952 гг.

С 1951 г., когда было принято решение о превращении ГМР в музей только одной, Великой Октябрьской социалистической, революции, начался тотальный разгром его фондов.

Объектом наиболее пристального внимания отборочных комиссий стала обширная коллекция листовок, хранившая свидетельства открытой борьбы в годы Российской революции 1917—1922 гг. самых разнообразных политических партий и других общественных сил. Неудивительно, что листовочный фонд пострадал в музее больше всего.

Пожалуй, самая крупная их передача в архивы была совершена по ордеру № 870 от 26 ноября 1951 г. Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР, в ведении которого находился ГМР. 10 238 листовок с его штампами получил Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства из «неэкспонируемого» «секретного» фонда»: документы практически всех дореволюционных небольшевистских партий страны. В ЛГАОРСС поступили также положение о заградительных постах Наркомпрода, подписанное В.И. Лениным, приказ командующего Петроградским военным гарнизоном генерала Л.Г. Корнилова о торжественных похоронах жертв Февральской революции, листовка 1918 г. «Без царя, а правительство рабочее», написанная Парвусом, и даже студенческие прокламации 1901 г. по поводу демонстрации у Казанского собора.

Кроме того, именно листовки составляли подавляющее большинство среди разнообразных материалов, *уничтоженных* в 1951 г. по 15 (!) отборочным спискам. Одиннадцать из них, с пятого по пятнадцатый, сохранились, как и акт о том, что первые четыре были составлены на 90 листах. Ориентируясь на сохранившиеся списки, где на одном листе помещалось 15—18 наименований, можно утверждать, что общее число уничтоженных в 1951 г. документов, листовок, плакатов достигало огромной цифры в 12 тыс. единиц. Достаточно сказать, что после этой чистки в музее сохранилось немногим больше листовок, чем было уничтожено, — 14 093.

Анализ списков уничтоженных листовок показывает, к примеру, какого громадного корпуса источников по истории гражданской войны лишился музей только потому, что эти листовки были подписаны будущими «врагами народа». Так, были уничтожены приказ о взятии Киева, подписанный М.А. Муравьевым, 102 приказа войскам Московского военного округа за 1921 г. за подписью его командующего Н.И. Муралова, листовка с приказом № 1 по Реввоенсовету, подписанная, по всей видимости, Л.Д. Троцким, и т.д.

1039 листовок было уничтожено по списку № 8. Этот список включал в себя листовки с приказами А.И. Деникина, А.В. Колчака и других военачальников белой армии. Среди утраченных документов из других списков — воззвания патриарха Тихона, письмо Г.А. Гапона к рабочим, написанное сразу же после расстрела демонстрации 9 января 1905 г. и размноженное на гектографе, плакаты с изображениями военачальни-

ков русской армии в русско-японской и первой мировой войнах и пр. Разумеется, были уничтожены плакаты «О том, как немцы большевика на Россию выпускали», «Зловредный паук или рай коммунистов», «Что обещали и что дали большевики народу».

Важно отметить, что в начале 1950-х годов при передаче листовок в Архивное управление (на уничтожение или на отправление в государственные архивы) более чем в 90% случаев изымался только один экземпляр «порочного» документа, что может означать только одно: к этому времени в музее только он и оставался в документальном, листовочном, плакатном и других фондах ГМР. По всей видимости, остальные были уничтожены еще раньше в соответствии с инструкцией о создании в ГМР «секретного фонда».

В отличие от ситуации с листовочным фондом, документов послевоенных лет об уничтожении «порочных» фотографий, начало которому было положено, как было указано выше, в 1937 г., в архиве музея сохранилось мало. Согласно одному такому документу, в марте 1951 г. «по указанию Экспертно-проверочной комиссии Архивного отдела МВД по Ленинградской области отборочной комиссией Музея революции совместно с представителями облгорлита было произведено уничтожение 2688 единиц фотопортретов и портретов плакатного типа, не подлежащих хранению. В списке значатся как уничтоженные портреты Попкова и Кузнецова».

Если учесть, что в 1950 г. музей насчитывал около 100 тыс. фотографий и негативов, а в 1955 г. — 82 тыс., то станет ясно, что и коллекция фотографий музея в эти годы тоже была изрядно «прорежена».

При написании данной статьи авторами были исследованы и документы негативного фонда ГМР. На инвентарной книге этого фонда за 1929 г., на контрольном листе сохранилась запись, сделанная заместителем директора музея М.И. Солодниковой: «Просмотрено на предмет изъятия. 30 марта 1951 г.». Эта запись говорит о том, что и фонд негативов тоже был подготовлен к освобождению нового музея от «ненужных, неэкспонируемых» материалов.

Однако и этому фонду в 1953 г. пришел свой час. Об этом свидетельствует «Акт № 1 об уничтожении материалов. Составлен 25 июня 1953 г. о том, что комиссией в составе зам. директора по научной части тов. Васильева А.А., зам. директора по АХЧ тов. Баранова В.И., зав. кадрами тов. Кушнаренко З.З., и. о. зав. Отделом фондов тов. Ревнивых Н.А. проведена работа по уничтожению негативов, не подлежащих хранению. Всего уничтожено по отборочному списку № 1339 единиц (триста тридцать девять) негативов. Уничтожение произведено путем разбития стекол».

По этому акту были уничтожены по девять фотопортретов Ю. Пилсудского и В.К. Блюхера, восемь — Л.Д. Троцкого, по шесть — Л. Мартова, Б.В. Савинкова и Г.А. Гапона, пять — Н.С. Чхеидзе, по четыре — А.В. Колчака и Н.Н. Юденича, а кроме того, Е.К. Брешко-Брешковской, Н.И. Бухарина, А. Гитлера, А.И. Деникина, А.И. Дутова, С.В. Зубатова, А.Ф. Керенского, Н.И. Махно, П.Н. Милюкова, Б. Муссолини, В.М. Пуришкевича, М.А. Спиридоновой, П.Б. Струве, Р.Ф. Унгерна, Г.Г. Ягоды, И.Э. Якира и многих других.

Этот факт получил отражение и в воспоминаниях А.Н. Цамутали (Санкт-Петербургский институт истории РАН), который работал в музее в 1953—1958 гг. Вспоминая, как в разгар «Ленинградского дела» под руководством директора С.Д. Павловой в музее спешно уничтожались коллекции белогвардейских плакатов и газет 1917 г.: «говорили о трех грузовиках, на которых увезли эти газеты», он отметил: «Последние всплески страха быть обвиненным в хранении запретных предметов были уже на наших глазах. Так, была уничтожена коллекция негативов»[9].

Подведем некоторые итоги. По нашим подсчетам, основанным на изучении архивных документов ГМР, в 1947—1954 гг. только по идеологическим соображениям было передано в архивы и уничтожено 93 626 различных музейных предметов, и эта цифра, в случае нахождения новых актов или отборочных списков, может только расти. Суммарное число музейных предметов, утраченных музеем в эти же годы по другим причинам, составило около 16 600 единиц.

Таим образом, спасши свои коллекции в годы Великой Отечественной войны, ГМР в первое послевоенное десятилетие лишился более 110 тыс. своих экспонатов. Примерно столько же: 120 425 экспонатов — осталось в фондах к 1955 г., когда период «большой чистки» был завершен. Не удивительно, что обновленный музей, экспозиция которого с идеологической точки зрения была стерильно чистой, часто путали с Музеем В.И. Ленина на другой стороне Невы.

Закончить наше небольшое исследование хочется все же на более светлой ноте. Рукописи, конечно, горят, но оказывается, могут оставить след на другом носителе.

Похоже, что «разгрузить» «секретный фонд» от документов, листовок, плакатов, знамен, картин и скульптур было проще, чем просмотреть более трех десятков тысяч (данные на октябрь 1949 г. — время первой сверки фондов ГМР с момента его создания) трудно читаемых негативных изображений на хрупких стеклянных пластинках.

В процессе подготовки выставки «Война гражданская, проклятая...» (2008 г.) ее авторы, после тщательного, но бесплодного поиска необходимых небольшевистских материалов в документальном и фотофондах, случайно обнаружили десятки документов и фотографий 1917—1922 гг., переснятых на стеклянные негативы и хранящихся в фонде негативных материалов. Этот вспомогательный по своим задачам фонд формировался, в основном, из пересъемок экспонатов, сделанных или при их приеме в состав коллекции ГРМ (эта фотофиксация была обязательной, о чем свидетельствует один из протоколов совещания научных сотрудников), или в ходе создания экспозиций и выставок.

На основе этих старых негативов в 2008 г. были воссозданы, казалось, безнадежно утраченные музеем изображения Декларации Добровольческой армии о целях командования вооруженными силами Юга России за подписью А.И. Деникина; листовки «Приказ № 1» Комитета КОМУЧ о низложении советской власти в Самаре; листовки «Спешите к нам!» с обращением Главнокомандующего союзными силами в Северной России к бойцам Красной армии; листовки-лозунга «Да здравствует Всероссийское Учредительное собрание и Верховный правитель Единой России Адмирал Колчак!» и других исторических документов.

Стало очевидно, что, хотя многие записи в инвентарных книгах имеют в последней графе стандартный текст «секретный фонд», тотального уничтожения «порочных материалов» в негативном фонде не происходило. Как говорили нынешнему поколению старые сотрудники музея: «мы стекол не били». Большая часть негативов все же осталась нетронутой.

Даже беглый просмотр авторами в ходе подготовки этой публикации неполной еще компьютерной базы данных по фонду негативных материалов Музея политической истории России выявил такие пересъемки с фотографий, как изображение группы солдат колчаковской армии после службы в церкви в Омске; несколько фотопортретов П.Н. Врангеля и другие.

До сегодняшнего дня факт разгрома по идеологическим причинам богатейшей коллекции материалов по политической истории России в ГМР является малознакомым широкому кругу историков и музейных работников.

Думается, что обращение к этой теме помогает глубже осознать ответственность за полноценное сохранение исторической информации. Очевидно ведь, что сокрытие, а тем более уничтожение всяких следов реальных фактов, «мешающих правильному пониманию прошлого», уничтожает реальные причинно-следственные связи между событиями, и вместо воссоздания исторического процесса во всей полноте появляются труды, отвечающие сиюминутной политической конъюнктуре.

1 *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории ленинградского Музея революции // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. III. С. 56.

2 Государственный музей Революции: краткий путеводитель по музею / составлен научными сотрудниками музея. Л., 1927. С. 49, 54, 56, 58.

3 Подробнее о влиянии решений этого съезда на музеи историко-революционного профиля СССР см.: *Артемов Е.Г.* Опыт прошлого, взгляд в будущее // ГМПИР: 90 лет в пространстве истории и политики, 1919—2009: материалы науч. конф., посвящ. юбилею Гос. музея полит. истории России. СПб., 2010. С. 9.

4 Государственный музей Революции в Ленинграде: краткий путеводитель по отделам: Империализм и империалистическая война, Февральская революция, Октябрьская революция, Гражданская война. М., 1933. С. 30.

5 Из «Справки о фондах Государственного музея Революции в Ленинграде», подготовленной директором музея С.Д. Павловой в июле 1951 г. Отметим, что основная трудность данного исследования заключалась в том, что значительной частью его источниковой базы являлись те архивные дела ГМР, которые никогда не готовились для научного использования, в силу чего однородные сведения в них разбросаны по разным томам, которые зачастую не имеют нумерации страниц и даже названия. Это делает невозможным, в частности, и оформление сносок на приводимые нами здесь и далее выдержки из большинства документов.

6 Подробно механизм проведения идеологических чисток музея до середины 1950-х годов рассмотрен в: *Калмыков А.Г.* Технология «исправления истории»: (судьба «политически вредных» материалов в фондах Государственного музея политической истории России) // Английская набережная, 4: ежегодник С.-Петербургского науч. об-ва историков и архивистов, 2000 г. СПб., 2000. С. 319—340.

7 ЛОЦИА — Ленинградское отделение Центрального исторического архива.

8 ВИЭМ — Всероссийский историко-этнографический музей.

9 *Цамутали А.Н.* Из воспоминаний о Музее Революции в Ленинграде (1950-е гг.) // ГМПИР: 90 лет в пространстве истории и политики, 1919—2009. СПб., 2010. С. 215.

М.В. Зеленов, Н.Ю. Пивоваров

Партия у власти: Аппарат ЦК РСДРП (б)-РКП (б) в октябре 1917 — апреле 1922 г. (структура, функции, штаты, сохранность документов)*

Проблематика исследования. Одной из ключевых проблем отечественной и мировой историографии является определение сути советской политической системы. Истоки этой проблемы заложены политикой большевиков в годы революции и гражданской войны, когда началось формирование партийного и советского (государственного) аппарата. Но до сих пор дискуссионным является вопрос о том, существовала ли параллельная система (партийная и советская)

* Публикация подготовлена по гранту РГНФ № 16-01-00247.

управления обществом и государством или произошло ее сращивание? Теории и концепции (тоталитаризм, реформизм, этатизм), применяемые при изучении советского общества, не дают корректного ответа на этот вопрос. Очевидно, что для ответа на него необходимо изучение истории становления и развития высшего партийного аппарата — аппарата ЦК РКП (б)-ВКП (б)-КПСС.

Предмет исследования. Предметом изучения является аппарат ЦК РКП (б). Задачами исследования являются: 1) определения понятия «ЦК» и «аппарат ЦК» РСДРП-РКП (б) и способов его анализа, 2) определение функций и места аппарата ЦК и ЦК в политической системе советского общества.

Терминологический аппарат. В 1919—1922 гг. термины «аппарат ЦК» и «аппарат Секретариата», «технический аппарат», «организационный аппарат» использовались в разных значениях, определение которых нуждается в специальном изучении. Под аппаратом ЦК подразумевались: 1) в широком смысле — вся структура ЦК (Пленумы, Политбюро, Оргбюро, Секретариат и его составные части, комиссии ЦК и т.п.); 2) в узком смысле — структура отделов Секретариата (СТ) ЦК. Под «властью» подразумеваются отношения подчинения и насилия, характеризующиеся способностью влиять на характер и направление деятельности и поведение людей.

Хронологические рамки отражают переломные моменты в истории ЦК и его аппарата.

Источники исследования. В качестве основных источников, послужили протоколы заседаний Пленумов, Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК и материалы к ним, а также документы отделов Секретариата ЦК за 1919—1922 гг. (РГАСПИ. Ф. 17).

1. Определения понятия «ЦК» РСДРП/РКП (б) и способов его анализа

ЦК РКП (б) нужно рассматривать и как выборный орган, и как учреждение (ведомство). Эти две ипостаси ЦК были закреплены в Уставах РКП (б) 1917, 1919, 1922 гг.

ЦК как выборный орган. Согласно Уставу, Центральный Комитет избирался ежегодно на съезде. Избранный состав ЦК собирался на Пленарные заседания, на первом после съезда Пленуме избирались члены Политбюро, Оргбюро и Секретари ЦК. Заседания этих выборных органов, как правило, оформлялись протоколом (а с конца 1923 г. могли и стенографироваться).

ЦК как учреждение. Естественно, что для оформления протоколов, рассылки постановлений, ведения переписки, учета посетителей и т.п. выборному органу требовался «технический» аппарат. В 1917 г. это было несколько человек, в 1919 г. — около 30. К марту 1922 г. общее количество работников аппарата ЦК возросло до 705 человек. Одновременно возникла парадоксальная ситуация, которую отметил председатель Ревизионной Комиссии ЦК В.П. Ногин на XI съезде (март 1922 г.): «...необходимо прежде всего рассмотреть, есть ли действительно это аппарат, который называется ЦК, есть ли он ЦК, который непосредственно руководит важнейшими отраслями нашей партийной работы, или, наоборот, это аппарат, который является неким средостением между партией и ЦК. К сожалению, пришлось сделать вывод, что именно такое средостение у нас под видом того аппарата, который работает на Воздвиженке. Объясняется это тем, что во главе всех отделов ЦК стоят не члены ЦК, а стоят отдельные товарищи, которым партийный съезд не поручал непосредственно эту работу. [...] Все это хорошие партийные товарищи, но это — партийная бюрократия, партийные чиновники, которые, само собой разумеется, опять-таки подходят к работе не так,

как должны подходить специально выбранные съездом товарищи, поставленные для такой серьезной большой работы»[1].

Функции ЦК. Согласно Уставу, принятому летом 1917 г., «Центральный Комитет представляет партию в сношениях с другими партиями и учреждениями, организует различные учреждения партии и руководит их деятельностью, назначает редакцию ЦО, работающую под его контролем, организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение, распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии». В Уставе 1919 г. функции были расширены таким образом: «Центральный комитет направляет работу ВЦИК, Центрального совета профессиональных союзов и других центральных и общественных организаций через партийные фракции».

Задачи фракций были четко определены: «Во всех внепартийных съездах, совещаниях, учреждениях и организациях (сов., испол. комитетах, профессиональных союзах, коммунах и т. п.), где имеется не менее 3-х в городе и 5-ти в деревне членов партии, организуются фракции, задачей которых является всестороннее усиление влияния партии, проведение ее политики во внепартийной среде н партийный контроль над работой всех указанных учреждений и организаций».

По Уставу 1922 г. расширение функций ЦК произошло за счет более абстрактных формулировок: «24. Центральный Комитет направляет работу центральных советских и общественных организаций через партийные фракции». Задачи фракций были повторены почти дословно.

Таким образом, ЦК создает партийные учреждения и руководит ими (это имманентное свойство любой партии) и при этом направляет работу государственных организаций через их партийные фракции, которые не являлись управленческими структурами.

Какое место в этой системе занимал аппарат ЦК? Он был нужен для руководства партийными или государственными структурами? Какие функции он выполнял? Кто был объектом властных отношений ЦК? Как ЦК организовывал свою власть?

2. Определение функций и места аппарата ЦК и ЦК в политической системе советского общества. Исторический аспект

Как шло становление аппарата ЦК в октябре 1917 — марте 1919 г.

Аппарат ЦК как выборный орган с октября 1917 по январь 1919 г. отсутствовал. После прихода к власти большевиков Центральный комитет их партии отказался от структур, предназначенных для решения тактических задач (Оргбюро и Политбюро). Продолжались заседания членов ЦК (до 1919 г.) и Пленумов ЦК. В ноябре 1917 г. было создано Бюро ЦК, которое заседало до 28 апреля 1918 г. «Ввиду необходимости обсудить все данные за и против и отсутствием времени — этот вопрос (об Украине. — *Авторы*) передается в Бюро ЦК (Сталин, Ленин, Троцкий и Свердлов). Постановляется, что ввиду трудности собирать заседание ЦК этой четверке предоставляется право решать все экстренные дела, но с обязательным привлечением к решению всех членов ЦК, находящихся в тот момент в Смольном».

16 января 1919 г. для организации VIII съезда партии из членов ЦК было образовано Оргбюро ЦК в составе Я.М. Свердлова (председатель ВЦИКа), Н.Н. Крестин-

ского (нарком финансов РСФСР) и М.Ф. Владимирского (член Президиума ВЦИКа). Нужно подчеркнуть, что не члены Оргбюро ЦК становились впоследствии государственными управленцами, а государственные управленцы — членами аппарата ЦК.

Аппарат ЦК как учреждение с октября 1917 по март 1919 г. Еще на пленуме ЦК 6 августа 1917 г. для решения насущных политических задач было принято решение создать Оргбюро и Секретариат ЦК, которые взяли бы на себя основную организационную работу. В Секретариат вошли Ф.Э. Дзержинский, А.А. Иоффе, Я.М. Свердлов, М.К. Муранов, Е.Д. Стасова. Секретариат стал более оформлен функционально и структурно. В его составе был финансист, два секретаря (Е.Д. Стасова и В.Л. Павлова), машинистка. Елена Дмитриевна Стасова вспоминала о тех днях: «Быть секретарем в то время — это значило быть человеком “на все руки”. В мои обязанности входило: во-первых, прием товарищей и ответы на их вопросы по всем областям партийной деятельности, снабжение их литературой; во-вторых, ведение протоколов заседаний Центрального Комитета; в-третьих, размножение и рассылка всех директив ЦК; в-четвертых, финансы». Нагрузка на оставшийся Секретариат ЦК (единственный аппарат ЦК как выборного органа) до марта 1918 г. представлена таким образом: в среднем в день было около 10 посетителей, на месяц приходилось 1402 входящей и 2386 исходящей корреспонденции. После переезда в Москву в марте 1918 г. заведующей аппаратом ЦК и секретарем ЦК в Москве была утверждена К.Т. Новгородцева (Свердлова). Руководил Секретариатом ЦК РКП (б), как и прежде, Председатель ВЦИК РСФСР Я.М. Свердлов. В марте 1919 г. Я.М. Свердлов тяжело заболел, в связи с чем Е.Д. Стасова была срочно вызвана из Петрограда для организации партийного съезда. 12 марта она привезла в Москву весь архив ЦК и вновь стала исполнять обязанности секретаря ЦК. Нагрузка, которая ложилась на секретаря ЦК в конце 1918 — начале 1919 г., выглядит таким образом: входящих бумаг в ноябре 1918 г. — 1483, в январе 1919 г. — 1840 (Стасова отвечала на все письма). Исходящих в ноябре — 268 (из них 68 инструктивных писем), в январе — 461 (из них инструктивных писем 182). В ноябре было 478 посетителей, в январе — 364.

С началом иностранной интервенции и в условиях гражданской войны аппарат ЦК как учреждения стал разрастаться. Из партийных структур, которые были созданы еще в 1917 г., в 1918—1919 гг. были организованы при ЦК РКП (б): 1) Федерация иностранных групп при ЦК РКП (б) (Бела Кун); 2) Центральная Комиссия по пропаганде и агитации среди работниц при ЦК РКП (б) (Инесса Арманд); 3) Бюро печати (библиотечный отдел).

Как был построен аппарат ЦК и Секретариата ЦК в марте 1919 — марте 1922 г.

ЦК как выборный орган в марте 1919 — марте 1922 г. был представлен стабильно Политбюро, Оргбюро и Секретариатом ЦК, состав которых первоначально определялся политической актуальностью и техническими возможностями. Особенностью устройства ЦК как выборного органа (в отличие от его аналогов в других структурах) было то, что должности «председателя» не было, председательствовал на заседаниях ЦК (Пленумов и Политбюро) один из членов ЦК (как правило, В.И. Ленин, в его отсутствии — Л.Б. Каменев). Состав Политбюро с 1919 по 1922 г. почти не менялся (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, сначала Н.Н. Крестинский, а с марта 1921 г. — Г.Е. Зиновьев). Состав Оргбюро ЦК и Секретариата ЦК менялся постоянно. В организационном отчете ЦК о работе с марта по декабрь

1919 г. говорилось: «текучесть состава организационного бюро несколько отражалась на качестве его работы: выносили иногда неодинаковые решения по одним и тем же вопросам [...] и часто отменялись принятые раньше, в другом составе, решения. Ввиду этого, ЦК постарался составить организационное бюро из наиболее оседло живущих в Москве членов...». За 8 месяцев 1919 г. состоялось 164 заседания аппарата ЦК как выборного органа.

Первоначально в секретариате была должность «ответственного секретаря» (Е.Д. Стасова, с ноября 1919 г. Н.Н. Крестинский), с апреля 1920 г. избирались три равноправных секретаря ЦК, а с апреля 1922 г. введена должность «генерального секретаря» ЦК. Поскольку Секретариат ЦК из чисто технического и исполнительного аппарата ЦК превратился в коллегию секретарей и приобрел организационно-политические функции, участвовал в работе ОБ и ПБ, стал разветвленным учреждением, то с 20 марта 1921 г. начались заседания Секретариата ЦК в составе секретарей, заведующих отделами Секретариата, ответственных инструкторов, приглашенных секретарей губкомов и др.

ЦК как учреждение в марте 1919 — марте 1922 г. претерпел значительные изменения.

Основная композиция отделов ЦК оставалась одинаковой, менялись ее составные части. Один блок отделов был посвящен управлению аппаратом ЦК. В него первоначально входил общий отдел и отряд особого назначения. В марту 1922 г. в нем было Управление Делами ЦК, сметно-финансовый отдел, Бюро Секретариата, хозяйственный коллектив и общий отдел.

Вторая группа отделов предназначалась для управления партийными организациями. В 1919 г. это отделы информации, инспекторско-разъездной, организационно-инструкторский, учетно-распределительный. К 1922 г. основные отделы этого блока сохранились (организационный, учетно-распределительный, статистики), хотя их внутренняя структура поменялась.

Третья группа отделов предназначалась для управления идеологией (издательский, школьно-просветительский в 1919 г. и Агитпроп и Истпарт — в 1922 г.).

Четвертая группа отделов в значительной степени ориентировалась на управление социальными отношениями (в 1919 г. — отдел по работу в деревне и отдел по работе среди женщин; в 1922 г. — отдел работниц).

Общее количество работников аппарата ЦК как учреждения возросло с марта 1919 г. от 15 человек к марту 1922 г. до 705 человек.

Созданные в ЦК отделы не дублировали отделы советских органов власти и управления. Большинство из структур аппарата секретариата ЦК предназначалось исключительно для поддержания функционирования аппарата ЦК и партийного аппарата в целом.

Определение функций ЦК и его аппарата в политической системе общества

Очевидно, что структура аппарата ЦК РКП (б) не совпадала со структурой государственных органов власти и управления. Очевидно также, что большинство отделов не было ориентировано на управление государственным аппаратом.

Значит ли это, что у ЦК не было властных функций? Если рассмотреть повестку дня Политбюро в 1921—1922 гг., то распределение внимания «главного органа» ЦК выглядит таким образом:

Вопросы, рассмотренные на Политбюро ЦК РКП (б), декабрь 1921 — август 1922 г. (в %)

Категория вопросов, рассмотренных на Политбюро ЦК	Декабрь 1921 г.	Январь 1922 г.	Февраль 1922 г.	Март 1922 г.	Апрель—май 1922 г.	Июнь—июль 1922 г.	Август 1922 г.
Экономические	20,1	25,9	22,7	51,6	13,5	21,6	14,3
Вопросы по советскому строительству	26,0	25,1	20,9	2,6	24,7	17,4	20,8
Партийный	13,0	9,9	12,7	8,7	10,1	7,0	23,6
Профсоюзные	1,1	0,0	3,6	1,0	0,9	0,7	2,2
Культурно-просветительские	2,3	0,0	4,5	0,0	1,4	3,5	0,0
Военные	0,0	0,0	0,0	4,3	0,0	0,0	2,1
Борьба с оппозиционными группами	1,7	0,0	1,8	3,2	13,8	12,5	10,9
Международные	9,0	28,4	19,4	19,9	8,7	15,7	23,0
Кадровые	20,3	10,7	8,1	0,0	10,1	14,6	0,0
Разные	6,5	0,0	6,3	8,7	17,4	6,9	2,7
Всего рассмотрено вопросов	169	131	220	91	206	143	182

Источник: Отчеты Политбюро ЦК // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 25. Л. 42—127.

Таким образом, мы встречаемся с ситуацией, когда властный орган ЦК — Политбюро — принимает властные решения (например, по внешней политике), но выполнение этих решений не является задачей аппарата ЦК (в нем нет международного отдела), значит, выполнение этих решений должно ложится на государственный аппарат. То же относится к экономическим вопросам, военным, профсоюзным.

Основные выводы:

1. ЦК РСДРП-РКП (б) в 1917—1922 гг. был одновременно и выборным органом партии (общественной организации), и учреждением (корпорацией).

2. ЦК как выборный орган в 1919 г. создал аппарат в форме Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК. Властные функции Политбюро только отчасти реализовывались через аппарат ЦК как учреждения.

ЦК как учреждение в 1919 г. создал аппарат в форме отделов Секретариата и Оргбюро ЦК. Структура и функции того и другого аппаратов ЦК РКП (б) не совпадали со структурой и функциями государственных органов власти и управления. Управленческие кадры аппарата ЦК не стояли во главе государственного аппарата власти и управления.

В нашем понимании «аппарат ЦК» — та часть политической системы, которая играла роль связующего звена между различными элементами общества и государства с одной стороны и высшими партийными органами — с другой.

[1] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март — апрель 1922. М., 1936. С. 65. На переплете загл.: Протоколы одиннадцатого съезда РКП (б).

А.В. Репников

«Россию *подменили*…»: (Русские монархисты накануне и после крушения самодержавия)

Задолго до Февральской революции в среде консерваторов можно было наблюдать рост пессимистических настроений в отношении перспектив существующего строя. Разочарование в возможностях власти сохранить и усовершенствовать существующую систему стало общим местом в рассуждениях значительного числа консервативных теоретиков и практиков начала века. Об этом неоднократно писали С.Ф. Шарапов, К.Н. Пасхалов, Л.А. Тихомиров, Б.В. Никольский, М.О. Меньшиков и многие другие.

В 1906 г. дипломат и публицист Ю.С. Карцов уже сомневался, «справится ли монархия с теми задачами, социальными и политическими, которые выдвинула смута? Достанет ли у нее энергии возродиться и ... в светлом одеянии появиться перед народом? Если же и эта последняя надежда исчезнет, — отрицательные силы возьмут верх над положительными, — распадется Россия и сделается добычею соседей»[1]. Автор фундаментальной работы «Монархическая государственность» Л.А. Тихомиров в дневниковых записях и частных письмах уделял большое внимание политической жизни России и революционным выступлениям; неоднократно пытался сравнить современные ему события с историей Французской революции. Мечтал о любом системном «устроении» страны, которое привело бы к стабилизации, возлагал надежды на диктатуру сильной личности.

Летом 1909 г. М.О. Меньшиков заканчивал статью «Хозяева и работники» печальным прогнозом: «Социализм, вероятно, придется испробовать, как многое дурное, чтобы убедиться, до чего он не отвечает природе общества. Социализм следует рассматривать не как восстание труда против капитала, а как бунт трудовой посредственности против трудового таланта»[2].

Рано или поздно даже у самых убежденных защитников монархии, по сути, положивших на борьбу всю жизнь, опускались руки, и причину кризиса многие из них видели в правительстве и лично в Николае II. В 1912 г. В. Строганов прогнозировал: «Приглядитесь кругом, что у нас делается, каких людей назначают на ответственные посты, какой произвол и самоуправство царят всюду, точно в нас вселились бесы, которые толкают Россию не к лучезарному будущему, а к полной погибели! Какая “охрана” нас может спасти при таких условиях от новой революции!»[3].

Не последнюю роль в падении авторитета самодержца в консервативно настроенных кругах сыграла Первая мировая война. Н.Н. Тиханович-Савицкий 5 мая 1916 г. писал Н.Н. Родзевичу: «Если бы при теперешнем трепете наверху нам удалось добиться лишь предложенных мною небольших изменений, то и тогда мы могли бы умереть спокойно, зная, что высвободили Россию из конституционной петли и поставили ее на путь самобытного развития. “Но не поздно ли”? как спрашивает меня Н.Д. Облеухов (вполне наш), близко стоящий к Пуришкевичу. Пасхалов потерял веру в восстановление самодержавия окончательно, сказать правду, и я в глубине души колеблюсь, а вы знаете, какой я упорный. Л.А. Тихомиров — совсем отошел обескураженный»[4].

Стремительная потеря властью своего авторитета вызвала у многих консерваторов желание объяснить происшедшее действием «темных сил». В числе основных «виновни-

ков» фигурировали: думская оппозиция, представители либерального движения, социалисты, евреи, масоны, Г.Е. Распутин и т.д. Симптоматично, что даже те, кто считал себя убежденными монархистами, не видел ничего зазорного в фиксировании самых грязных слухов, связанные с темой «распутинщины». Тихомиров в 1915 г. описывал сексуальные подробности скандала, связанного с распутинским ставленником Варнавой. В дневниках Тихомирова 1915—1917 гг. целые страницы посвящены Распутину и связанным с ним слухам. Характерно, что Тихомиров верил в существование «темных сил», теории заговора и проч. С другой стороны, он и сам наблюдал развитие политического и экономического кризиса. 10 февраля 1917 г. Тихомиров записывал в дневнике: «Хлеба все меньше, и голодающая публика становится все обозленнее. Рассказывали об одной булочной, где в толпе кричали: “Долой Правительство”, “Долой градоначальника”... Правительство у нас, совершенно беспристрастно говоря, *никуда не годно*. Мне кажется, что *хуже не может быть*. И все идет к перевороту. Но в таком положений страны, и при войне — переворот составляет страшный риск»[5]. Падение монархии Тихомиров воспринял как закономерное событие. 2 марта 1917 г. он записал в дневнике: «Впрочем, ясно, что бесконечно громадное большинство народа *за переворот*. Видно всем уже надоело быть в страхе за судьбы России. Несчастный царь, может быть — *последний*. Я думаю, однако, что было бы практичнее ввести монархию *ограниченную*. Династия, видимо, сгнила до корня. Какое тут самодержавие, если народу внушили отвращение к нему — действиями самого же царя»[6].

Тихомиров возлагал вину и на императрицу Александру Федоровну: «Действительно, — ужасная была власть. Если только Временное правительство окажется прочным (что, по-видимому, несомненно), — то падение Николая II будет встречено радостью по всей России. Я думаю, что основная причина гибели царя — его ужасная жена. Но, конечно, не погибать стране из-за нее... А он был под башмаком. И то удивительно, что так долго терпели. Я приходил к полному разочарованию в России. С этой стороны, конечно, снимается со всех гнетущее чувство, и дух народа может подняться. Но мне жаль, что теперь ведут слишком отчаянную смену лиц, даже низших, вроде полиции. Новая организация требует страшной траты сил и времени. Да и где народа набрать? В этом чувствуется неопытность. Отчего же во Франции, при переворотах, меняются почти исключительно *верхи*, а не масса служащих?»[7].

Семья Тихомирова приветствовала падение монархии, а его сын Н.Л. Тихомиров, вместе с товарищами по электротехническому батальону присоединился к восставшим: «Их рота (2-я), и *он, конечно*, вырвались из казарм и присоединились к восстанию около 5 ч. дня 27 февраля»[8]. В целом Тихомиров поддержал новую власть, первоначально связывал надежды на военную победу и конструктивные преобразования с деятельностью Временного правительства, но постепенно разочаровался в нем.

8 марта 1917 г. Е.Д. Тихомирова сообщила мужу, что их дом посетили два человека, угрожавшие произвести арест Тихомирова. В ответ Тихомиров явился в ближайшее отделение милиции, чтобы показать, что не скрывается. Его перенаправили в городской штаб, где представитель новой власти предложил подписать заявление о признании Временного правительства. Тихомиров дал подписку: «Я, нижеподписавшийся, Лев Александрович Тихомиров, даю сию подписку в том, что Новое Правительство я признаю, и все распоряжения оного исполню, и во всем ему буду повиноваться»[9]. 10 марта 1917 г. Тихомиров сделал в дневнике запись, которая должна была засвидетельствовать его лояльность: «В газетах началось мое поругание. Какую страшную гору несправедливости взваливают на меня революционеры. Ведь я действовал искренне и честно, и притом всегда думал о благе народа и рабочих. Зачем ругать меня служителем реакции, когда я им никогда не был? Не я ли всегда работал на дело орга-

низации рабочих, не я ли первый выдвинул идею созыва Собора, не я ли *первый* обличил Распутина... Дубровин в своем [“]*Русском знамени*[”] называл меня революционером. Глинка в [“]*Земщине*[”] писал, что я как был, так и остался *радикалом*. Вот как ко мне относились реакционные силы. Да и правительство — сколько я вынес борьбы с ним, и оно же меня придушило. И вот меня же поносят, с прибавкой ругатель[ной], реакционером. Эта несправедливая ненависть меня давит, как камень»[10].

В конце мая 1917 г. Тихомиров и его двоюродный племянник Ю.К. Терапиано оказались свидетелями революционного митинга, за которым Тихомиров наблюдал со ступеней крыльца храма Христа Спасителя. «Вся площадь, вся улица, все громадное крыльцо храма были заполнены народом. Толпа напирала, было душно и жарко. Шествие дефилировало бесконечно. Особенное внимание обращали на себя анархисты: они везли гроб, развевались черные знамена. Толпа орала и выкрикивала лозунги; множество солдат, расхлябанных и расхлестанных, без погон и поясов; многие из них были пьяны, шли под руку с девицами. В манифестацию влилась вся муть и накипь тогдашней революционной толпы. Оторвавшись на минуту от зрелища, я взглянул на Льва Александровича: никогда не забуду выражения страдания на его лице, как будто погибало что-то самое для него дорогое. Он был страшен. Работая локтями... с большим трудом я вывел из толпы Льва Александровича и усадил его на извозчика. Всю дорогу Тихомиров не проронил ни одного слова и лишь входя в дверь квартиры вдруг обратился ко мне: — Я вспомнил, там, на площади <...> мое прошлое <...>, то, что было с нами <...> ради этого <...>»[11]. Терапиано намекал, что из высказываний за время общения с Тихомировым «вынес впечатление, что в душе он так и остался до конца революционером, что царский режим он считал обреченным даже тогда, когда решил поддерживать его, что разочарование касалось методов революционного движения и людей, принимавших в нем участие — особенно заграницей, но не самой идеи»[12].

Правые, за редким исключением, отнюдь не мечтали после Февральской революции о возвращении свергнутому императору престола, не стремились организовать освобождение царской семьи, а пытались приспособиться к новым условиям. 4 марта 1917 г. бывший председатель Русского монархического союза С.А. Кельцев направил представителям московских городских властей телеграмму «о полной поддержке революционных событий». В ней, в частности, было написано: «Да благословит Господь новое правительство, да поможет излечить ему внутреннюю разруху государства, созданную прежним правительством, единодушно осужденным в преддверии настоящих великих народных дней в заключительных февральских беседах Русского монархического союза, силою вещей прозревшего вместе со всей страной ... и ныне обратившему остаток своего состава для честного и не за страх, а за совесть [служения] благу родины и новому правительству, разрушившему темные силы и темноту России. Ура главам правительства. ...Постараюсь служить посильно новому правительству, с усердием, безвозмездно испытанным в былые годы московским земством ... Искренно преданный статский советник Сергей Кельцев, бывший председатель правления упразднившегося Монархического союза»[13].

Не менее определенную антимонархическую позицию заняли в этот период Синод и подавляющее число представителей высшей церковной иерархии. Современный историк верно отмечает, что «отказ церкви от “стояния за Царя” во многом предопределил фактический сход с российской политической сцены монархического движения. У монархистов моментально ушла из-под ног идеологическая почва»[14]. У некоторых из них это привело не только к критике монархии, но и к корректировке отношения к православию.

М.О. Меньшиков пытался понять причины популярности революционных идей в российском обществе. Он связывал это явление с общей деградацией российского

общества, в том числе, с физическим вырождением; подчеркивал психологические и психопатологические корни революции и насилия, обращал внимание на сочетание в действиях революционеров суицидальности и героизма «с ревностью христианских мучениц»[15]. Он полагал, что в Европе, «укрепившись в самой конструкции государств» в конце XVIII в., революция не исчезла, а перешла в скрытое состояние. Был выдвинут новый «деятель в истории» — демократия. «У нас многие не подозревают, до какой степени горячее участие принимает в русской смуте западный социализм»[16]. Меньшиков связывал революцию с тем, что впоследствии было обозначено термином «глобализация», предрекая затяжной период мировых изменений: «Долго ли продлиться нашествие на Россию этой чертовщины? Я думаю, очень долго. Не одна Россия, весь мир охватывается той же болезнью: расстройством власти — всякой власти, и прежде всего моральной. Исчезает сцепление в человечестве, химическое сродство. Элементы не хотят уже составлять системы, они хотят быть сами по себе... Когда земная поверхность покроется перемешанным населением, когда постепенно сольются (как отчасти в Индии) всевозможные расы, верования, языки, то общая смесь, может быть, выработает когда-нибудь крайне пестрое “единое стадо”. Но мне сильно сдается, что такое стадо будет уже не человеческим обществом, а опять звериным»[17]. Обращал внимание на наличие в революционных рядах значительного числа городских и сельских люмпенов («хулиганов»), людей с отсутствием культуры, «вандалов и гуннов» современности. «Бешенство разрушения начинает овладевать массами... дикая природа ополчается на культурную, рассасывает ее в себе, глушит. По какому-то первобытному закону равновесия средний уровень неодолимо тащит все выдавшееся к своей норме»[18]. Движущей силой революции, по Меньшикову, «у нас, как и всюду в свете... явилась интеллигенция — разночинный, междусословный класс, у которого историческое миросозерцание было заменено философским, притом дурного сорта»[19]. Помимо интеллигенции, в революцию влились «народные отбросы в союзе с инородцами», которые «терроризируют власть»[20].

Меньшиков критически оценивал состояние Православной церкви накануне революции, писал о политическом непрофессионализме органов государственного и общественного управления. В целом позитивно оценивая деятельность Думы накануне революции, («это — сам народ в его ежедневной жизни»), прогнозировал усиление кризиса.

Важной для понимания позиции Меньшикова после Февральской революции является статья «Жалеть ли прошлого?», в которой отмечалась неопределенность ситуации, когда Россия «не монархия и не республика». Такое положение будет существовать до тех пор, пока не начнет работу Учредительное собрание, выбор которого должен остановиться на лучшей форме правления. До этого момента Россия должна считаться «народоправством», так как ей управляют представители народа[21]. Указывая на связь между войной, переустройством мира и Америкой, выступившей на «оборону рода человеческого» против «скрытого деспотизма» (то есть монархий. — *А.Р.*), Меньшиков отмечал, что крушение монархии в России было предопределено в 1914 г. и «для русского цезаризма война эта в неожиданном ее развитии все равно обещала гибель. Может быть, это и служило одною из главных причин, парализовавших нашу подготовку к войне и энергию ее ведения. Пушечные удары под Верденом и Соммой звучали как похоронный колокол вообще всякому цезаризму на земле, в том числе и русскому, и турецкому, хотя они почти невольно были вовлечены в поединок двух мировых принципов — британского и германского... стоит ли нам жалеть прошлое, если смертный приговор ему был подписан уже в самом замысле трагедии, которую переживает мир? И не один, а два приговора, ибо, в самом деле, не мог же несчастный народ русский простить... того позора, к которому мы были подведены параличом власти... Жалеть ли

прошлого, столь опозоренного, расслабленного, психически-гнилого, заражавшего свежую жизнь народную только своим смрадом и ядом?... Весь свет поражен внезапностью русского переворота и взволнован радостью, взволнована радостью и вся Россия»[22]. Самодержавная Россия «задерживала политический и с ним общий прогресс человечества», а ее «грозная сила» мешала завершить «во всем человечестве» политическую реформацию, начатую Соединенными Штатами в 1776 г. и Францией в 1879 г.[23] Меньшиков предсказывал: «Нет ни малейшего сомнения, что теперешнее падение монархии в России окажется смертельным ударом для австрийского и германского цезаризма», а значит, в ближайшее время с мировой карты исчезнут крупнейшие монархии и республиканский принцип восторжествует. Нужно ждать воли Учредительного собрания, и поскольку «не у нас одних идет процесс перестройки», присмотреться к иностранному опыту, пытаясь использовать полученную свободу во благо, поскольку «старый порядок рухнул от неуважения к свободе, то же неуважение подрывает и всякий порядок, который наследует эту язву. Побольше свободы, побольше равенства отношений, побольше братства и тогда мы выйдем на широкий простор истории...»[24]. Весной 1917 г. Меньшиков был уволен из «Нового времени» как «слишком правый». Отверг предложение главы Временного правительства Г.Е. Львова о содействии выезду за границу. 8.6.1917 переселился с семьей в г. Валдай, где имел дачу. Лишенный возможности публиковаться, вел дневниковые записи, иногда принимавшие форму небольших статей. Например, написал цикл «проповедей» от лица вымышленного «сельского священника»[25]. 5 августа 1917 г. в записи «Христианство не удалось» Меньшиков писал: «Социализм есть христианство, освободившееся от мистики... Хотите блаженства — достигайте его сами, пользуясь своим разумом и своей любовью. Бог через свое осуществление — мир — даст для этого могучую поддержку и могучие препятствия. От разума человеческого зависит пользоваться поддержкой и обходить препятствия. Начинайте же сами свое спасение! ... Я глубоко уверен, что социализм есть та машина для счастливой общественности, которая уже изобретена, но еще не введена в употребление... Нынешняя мировая война есть всеобщее крушение, после которого должна начаться всеобщая перестройка. Окончательное крушение средневековой цивилизации...»[26]. Утверждал необходимость сильной власти, которая должна заставить всех подчиняться единому закону; предполагая это осуществимым, если бедняки всего мира объединятся и откажутся от войн друг против друга, которые ведутся «по команде богатых, управляющих народами классов». Допускал установление всеобщего мира при создании единого «мирового парламента».

7 ноября 1917 г. в записи «Путь спасения» Меньшиков утверждал, что «социализм есть возвращение к общему рабству и посредством урегулированного рабства обеспечение максимума свободы. Человечество вообще склонно к рабству, — оно в истории — правило, свобода — исключение, и это исключение через несколько десятилетий после отмены крепостного права — уже наскучило массам. Свобода в смысле права самообуздания повела к повышению преступности... Народные массы воочию видят, что новый строй, так называемый *буржуазный*, менее удовлетворителен, нежели крепостной — не потому, чтобы он был хуже крепостного, а потому, что он менее удовлетворяет повышенным требованиям освобожденного народа. В старину критерий жизни был низок, теперь — высок, и ответить на нынешний критерий гораздо труднее, чем прежде. Крепостной строй предполагал деление нации на отдельные миры, границы между которыми были так же непереходимы, как между флорой и фауной. Замкнутое в наследственно-неизбежных условиях, крестьянство считало его нормальными... Социализм есть эволюция религии. Чтобы не пожелать чужого, нужно, чтобы все было общее, чтобы отдать свое, нужно, чтобы оно было не свое. Такова реальная психика человеческого рода»[27].

Известный философ и публицист В.В. Розанов встретил начало Февральской революции 1917 года неоднозначно. Его дочь Т.В. Розанова вспоминала: «В то время мы уже жили на Шпалерной ... Мы могли наблюдать, что происходило, так как на нашей улице впервые затрещали пулеметы... картечь падала вдоль улицы, кто стрелял — нельзя было разобрать, обвиняли полицейских, искали их на чердаках домов, стаскивали вниз и расправлялись жестоко. Однажды к нам ворвалось в квартиру трое солдат, уверяя, что из наших окон стреляют. А когда они ушли, была обнаружена пропажа с письменного стола у отца уникальных золотых часов»[28]. В конце февраля Розанов, по воспоминаниям дочери, звонил П.Н. Милюкову: «Отец берет трубку и вдруг говорит: “Что же ты братец Милюков, задумал, с ума что-ли сошел. Это дело курсисток бунтовать, а не твое. Опомнись, братец!” Мы дети... в испуге оттаскиваем его от телефона»[29].

9 марта 1917 г. Розанов пишет Н.П. Лихачеву: «Я не сплю ночи, и, верно, из серьезных людей не спит никто эти ночи. Апокалипсис, начавшийся с 19 июля 1914 года, вдруг переменил все цвета, сделавшись из оранжево-красного — черным»[30]. 3 марта 1917 г. Розанов делился впечатлениями в письме к Н.П. Лихачеву: «Всемирная история кончилась. Разом и вся... Как ужасно идет история. Но главное отчаяние в ней: показывается Лицо Идиота. Европейское лицо явно идиотизируется»[31]. 23 марта 1917 г. в письме к Н.А. Архиповой Розанов вспоминал, что после начала революции он: «Сперва — негодовал. “Как они смеют”. “Как смеют ломать план русской истории”. Был болен. Почти с ума сошел»[32].

Мыслитель был поражен стремительным крушением старого стоя: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей»[33]. Весной 1917 г. он писал П.Б. Струве: «Душа так потрясена совершившимся, так полна испуга за Россию и за все, *чем она жила до сих пор*, что отходит в сторону все личное, все памятки и “зазнобки души” перед великим, страшным и тоскливым... Бросим счет личному и обратимся к России»[34]. Предрекал приход на место хотя и порочных, но все же «живых» тканей государственного организма «низкого, грубого, деревянного социализма».

По словам Э.Ф. Голлербаха, после Февральской революции Розанов «тревожился, волновался, но вместе с тем восхищался событиями, уверял, что все будет прекрасно, “вот теперь-то Россия покажет себя” и т.д.»[35]. В письме к Голлербаху он писал: «Я разовью большую идеологию революции и дам ей оправдание, какое самой революции и не снилось»[36]. В одной из статей Розанов обратился к Временному правительству с предложением провести реформу закона о браке, передав решение бракоразводных процессов из ведения церковных консисторий в гражданские суды.

Отсутствие масштабных кровопролитий в первый период революции вселило в Розанова надежду и заставило сравнить на Светлую Пасху февральскую революцию, с воскресением, но без «кровавой жертвы»[37]. Он радовался освобождению заключенных из тюрем, раскрепощению народов и предрекает возможность мирного развития народовластия. 11 апреля 1917 г. в письме к П.А. Флоренскому Розанов предсказывает «великолепные горизонты в будущем»[38]. Первоначально мыслитель восхищался А.Ф. Керенским «справедливым министром юстиции, и вместе народным другом и предводителем народных масс», которого «народ угадал себе в вожди»[39]. Но потом Розанов разочаровался в нем: «Керенский много ездит и говорит, но не стреляет; и в положении “нестрелятеля” не напоминает ни Наполеона, ни диктатора»[40].

Розанов опасался роста влияния большевиков, и углубление революции ввергло его в отчаяние: «Совершенно ясно, что социализм, одно из интеллигентских течений, узурпирует себе власть над всею Россиею, не спросясь России»[41]. В конце мая Розанов

писал Флоренскому: «Революция опять мне мерзит: не спал ночь и возненавидел русских крестьян: из какой-то деревни эти живодеры прислали в Петроград коллективное требование, чтобы Николая II посадили в Петропавловскую крепость»[42].

Характерно, что значительная часть статей Розанова отвергалась «Новым временем» по политическим мотивам; выходившие (всего в этот период он поместил в газете 22 статьи)[43] печатались без подписи или под псевдонимом «Обыватель».

29 июня 1917 г. Розанов предрекал: «Россия будет раздавлена Германиею физически, после того как она была раздавлена ее духовно. Россия (и славяне) — действительно слабая страна. Слабо рождена, слабо и крещена. Наша судьба — поболеть и умереть. Радикалы, социалисты — только этапы отчаяния... Ничего не можем. Но всему бессильны»[44]. 10 августа 1917 г. в «Новом времени» вышла последняя статья Розанова «Запоздалое горе...» о революционной литературе.

В конце августа 1917 г. Розанов переехал в Сергиев Посад и поселился в снятом для него доме священника А.А. Беляева на Красюковке. После ряда негативных замечаний о Николае II, сделанных после отречения императора, в мировоззрении мыслителя вновь усиливается монархическое начало. Так, 24 марта 1917 г. Розанов записывает: «Помолимся о Царе нашем несчастном, который в заключении встречает Пасху. И о наследнике Алексее Николаевиче, и о дочерях Ольге и Татьяне (других не знаю, кажется, Анастасия)... О немке — нет... Бедный наш царь был некрасив. Но мы должны любить его и некрасивым. Отношение к царю вообще должно быть безумным... Он бог. Земной и на земле, если бог — то все-таки чрезмерен»[45]. В конце сентября 1917 г. Розанов определял ситуацию так: «Сижу и плачу, сижу и плачу как о *совершенно* ненужном и о всем мною написанном ... Никогда я не думал, что Государь так нужен для меня: но вот *его нет* — и для меня как нет России. Совершенно нет, и для меня в мечте не нужно всей моей литературной деятельности. Просто я *не хочу*, чтобы *она была*. Я не хочу ее для республики, а для царя, царицы, царевича, царевен. Никогда я [не] думал, чтобы “без царя был нужен и народ”: но вот для меня вполне не нужен и народ. *Без царя я не могу жить.* Посему я думаю, что царь непременно вернется, что без царя не выживет Россия, задохнется. И даже — не нужно, чтобы она была без царя»[46]. Отречение начинает восприниматься иначе: «Царь выше духовенства. Он не ломался, не лгал. Но, видя, что народ и солдатчина так ужасно отреклись от него, так предали... и тоже — дворянство... и “господа купцы”, — написал просто, что, в сущности, он отрекается от такого подлого народа. И стал (в Царском Селе. — *А.Р.*) колоть лед. Это разумно, прекрасно и полномочно»[47].

Психологические потрясения и физические лишения подорвали здоровье Розанова и без того не слишком крепкое. Его дочь Н.В. Розанова записывала: «Отец сошел с ума. Глаза безумные, речи бессвязные, ходит все время, руки дрожат. И раздирающим душу голосом он кричит, стонет, мучит себя и других»[48]. 15 июля 1918 г. Розанов признавал: «Я пережил нечто ужасное с октября и по сейчас»[49].

Осенью 1917 г. Розанов задумал новое издание «в языческом духе» под общим названием «Троицкие березки» («прокудливая» береза неоднократно трактовалась Розановым как символ подавленного христианством язычества). «Однако есть все основания полагать, что в Сергиевом Посаде языческие настроения Розанова первоначально не носили столь резко выраженного антихристианского характера, как в начале века. Изменения в настроениях писателя пришли вместе со страшной, голодной зимой 1918 года»[50]. В окончательном виде сборники вышли под общим названием «Апокалипсис нашего времени» (1917—1918). Всего выпусков было 10. Первый вышел в свет не позднее 24 ноября 1917 г., последний не позднее 16 (29) октября 1918 г. В начале первого выпуска Розанов писал: «Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в

том, что в европейском (всем, — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пусто́ты от былого христианства; и в эти пусто*т*ы проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства. Всё потрясено, все потрясены. Все гибнут, всё гибнет. Но всё это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания»[51]. Христианство не смогло научить человека бороться, не предупредило ни войны, ни революции, ни голода, оказалось бессильно в решении социальных противоречий. Поэтому в России «переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно “в баню сходили и окатились новой водой”. Это — совершенно точно, это действительность, а не дикий кошмар... Можно уважать труд и пот, а мы не потели и не трудились. И то, что мы не трудились и не потели, и есть источник, что земля сбросила нас с себя, планета сбросила»[52]. Нигилизм стал чертой русской национальной психологии, но он восторжествовал не только в России: «В самой Германии — тот же нигилизм; помягче, получше, поделикатнее — но все-таки нигилизм. Нигилизм же в религиозном отношении я считаю полным *оструплением*. Европа есть *религиозный труп*. С фразами, модами, диссертациями — но труп. Всё — умерло. Небес и даже чердака нет. Ломанье, актерство — еще отвратительнее»[53]. Для Розанова теперь стали *едины* в своей разрушительной деятельности герои февраля и октября 1917 года: «Хороши же социалисты и вообще всероссийская демократия: скормить все отечество... лютейшему врагу... хороши и “лучшие люди России”, начинавшие революцию в такую роковую войну и, как оказалось потом, ничего решительно не предвидевшие. Ленин и социалисты оттого и мужественны, что знают, что их некому будет судить, что судьи будут отсутствовать, так как они будут съедены. (*Октябрь*)»[54]. Революция не имеет будущего, в ней нет глубины, и в итоге «всякая революция есть могила самой себе»[55].

К написанию «Апокалипсиса» Розанова подтолкнули не только общероссийские события, но и переосмысление религиозных вопросов. Исследователь В.Г. Сукач, отметил, что переход к написанию «Апокалипсиса» с критикой христианства был связан, в том числе, со скупостью богословов Сергиева Посада («единомышленников-консерваторов» Розанова периода 90-х годов), «у которых “зимой снега не выпросишь”, но детонатором взрыва было наблюдение у одного из них ключа от сейфа вместе с нательным крестом. Это — причина его так называемого Сергиево-посадского антихристианства»[56].

В письме Розанова к Д.Л. Рубинштейну звучит скорбь о невозвратном прошлом: «И мысль, что нет на Руси у нас Государя, что он в Тобольске, в ссылке, в заключении — так обняло мою душу, охватило тоской, <...> что болит моя душа, болит и болит. Я знаю, что правление было ужасно, и ни в чем не оправдываю его. Но люблю и хочу любить Его. И по сердцу своему я знаю, что Царь вернется на Русь, что Русь без царя не выживет. [Но без царя] <...> Страшно сказать: но я не хочу такой России, и она окаянна для меня. Для меня “социал-демократическая Россия” — про́клята»[57]. По мнению Розанова «Россию *подменили*... Вставив на место ее свечу с другим огнем, с другим пламенем, с нерусским светом, и от которого изба русская не согревается... Кто его принес, давно ли — декабристы или Герцен, Белинский ли? Может быть, Петр? Но с 60-х годов уже явно света русского не стало... Теперь остатки горячего сала на шандале, расплывшиеся, неблагообразные... Но когда та чужая свеча догорит (а она тоже догорит по законам истории), мы соберем с шандала остатки прежнего русского сальца. Сделаем уже тоненькую свечку, в две копейки. Все-таки подержим ее в руках, дрожащую, старенькую. И пусть это будет нашей соборованной свечой, которую держит больной в руках. И подержим и умрем»[58]. Трагедия Меньшикова и Розанова была не только в том, что они отказались от прежних консервативных убеждений, но в итоге перешли и к критике самих христианских основ. Оставленные без монарха монархисты были подобны детям, привыкшим к постоянной опеке родителей и внезапно осиротевшим и выброшенным на улицу.

В эмиграции монархист Н.Д. Тальберг объяснял причины поражения правых: «В 1917 г. не могла создаться Вандея; Вандея во время опаснейшей внешней войны была бы явной изменой России. Отречение Государя Императора и Великого Князя Михаила Александровича и признание Временного правительства многими Великими Князьями лишало монархистов даже формального права начинать в то время гражданскую войну — ради восстановления Монархии»[59].

Диапазон русского консерватизма был необычайно широк, включая в себя и крайних охранителей, и либералов-консерваторов, и «черносотенцев». Консервативный спектр русской политической жизни эволюционировал. В 1917 г., когда эта эволюция была прервана, она далеко еще не закончилась. Казалось, что после падения самодержавия правая идеология навсегда исчерпала себя в России, но этого не произошло. Идеям не свойственно исчезать бесследно. Будь это либеральная, консервативная, или социалистическая идея, она не пропадает после того, как ее апологеты покинут политическую сцену. Идея «засыпает», или трансформируется. Начиная с 1990-х годов XX в. в научном и политическом мире значительно возрос интерес к русскому консерватизму и его представителям, хотя, безусловно, многое из того, что предлагали консерваторы на рубеже XIX—XX вв., кажется сейчас архаичным. Тем не менее, консерватизм не только остается предметом научных исследований, но и популярен в российской политике.

1 *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке, 1879—1886: воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 392.
2 *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. М., 1999. С. 162.
3 *Строганов В.* Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997. С. 27—28. Обнаружить среди националистических публицистов В. Строганова не удалось. Возможно, что книга была выпущена под псевдонимом.
4 Правые партии, 1905—1917 годы: документы и материалы: в 2 т. М., 1998. Т. 2: 1911—1917 годы / сост., авт. введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов. С. 552.
5 *Тихомиров Л.А.* Дневник Л.А. Тихомирова, 1915—1917 гг. / сост., авт. вступ. ст., коммент. и примеч. А.В. Репников. М., 2008. С. 337. Здесь и далее курсив оригинала. — *А.Р.*
6 Там же. С. 348.
7 Там же. С. 349.
8 Там же. С. 351.
9 Русское слово. 1917. 10 марта.
10 *Тихомиров Л.А.* Указ. соч. С. 354.
11 *Терапиано Ю.К.* Встречи, 1926—1971. М., 2002. С. 20.
12 Там же. С. 19.
13 Февральская революция 1917 года: сборник документов и материалов / сост. О.А. Шашкова; отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 303.
14 *Бабкин М.А.* «Священство» против «царства»? // Родина. 2007. № 3. С. 32.
15 *Меньшиков М.О.* Национальная империя. М., 2004. С. 46—48.
16 Там же. С. 93—94.
17 *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. С. 52.
18 *Его же.* Национальная империя. С. 45—46.
19 *Его же.* Письма к русской нации. С. 27.
20 Там же. С. 35.
21 Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914—1918: в 4 т. М., 2014. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А.В. Репников; [сост., предисл. и коммент. А.В. Репников, А.А. Иванов]. С. 538.
22 Там же. С. 539—540.
23 Там же. С. 540.
24 Там же. С. 541—542.
25 *Меньшиков М.О.* Проповеди отца Михаила / публ. Н.А. Филаткиной // Московский архив. М., 2006. Вып. 4. С. 9—38.
26 *Орлов А.С.* «Христианство не удалось»; «Путь спасения»: фрагменты дневников М.О. Меньшикова // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 294—295.
27 Там же. С. 296.
28 *Розанова Т.В.* «Будьте светлы духом». М., 1999. С. 75—76.
29 Там же. С. 76.

[30] Цит. по: *Сукач В.Г.* Василий Васильевич Розанов: Биографический очерк. Библиография, 1886—2007. М., 2008. С. 69.
[31] Там же. С. 74—75.
[32] Там же. С. 69.
[33] *Розанов В.В.* Собр. соч. М., 2000. Т. 12: Апокалипсис нашего времени. С. 6—7.
[34] Цит. по: *Николюкин А.Н.* Розанов. М., 2001. С. 463.
[35] В.В. Розанов: pro et contra: личность и творчество в оценке русских мыслителей и исследователей: в 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1. С 235.
[36] Там же.
[37] *Розанов В.В.* Собр. соч. М., 1994. Т. 2: Мимолетное. С. 340—342.
[38] Цит. по: *Сукач В.Г.* Указ. соч. С. 70.
[39] *Розанов В.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 341.
[40] Там же. С. 390.
[41] Там же. С. 360.
[42] Цит. по: *Сукач В.Г.* Указ. соч. С. 70.
[43] Там же.
[44] *Розанов В.В.* Собр. соч. М., 2000. Т. 11: Последние листья. С. 247.
[45] Там же. С. 244.
[46] Там же. С. 251.
[47] *Розанов В.В.* Собр. соч. Т. 12. С. 6.
[48] Цит. по: *Сукач В.Г.* Указ. соч. С. 72.
[49] Там же.
[50] *Фатеев В.А.* Жизнеописание Василия Розанова. СПб., 2013. С. 960—961.
[51] *Розанов В.В.* Собр. соч. Т. 12. С. 5.
[52] Там же. С. 8—9.
[53] Там же. С. 63.
[54] Там же. С. 12.
[55] *Розанов В.В.* Собр. соч. М.; СПб., 2007. Т. 23: На фундаменте прошлого. С. 205.
[56] *Его же.* О себе и жизни своей / сост., предисл., коммент. В.Г. Сукача. М., 1990. С. 784.
[57] Там же. С. 785.
[58] *Розанов В.В.* Собр. соч. Т. 12. С. 330.
[59] *Тальберг Н.Д.* О Вере, Царе и Отечестве. М., 2004. Кн. 1. С. 552.

О.А. Шашкова

Истпарт и формирование в СССР концепции Революции 1917 года

XX в. в истории мировой исторической науки стал революционным во многих отношениях. В СССР, пожалуй, впервые на официальном уровне сохранение памяти о крупных деятелях и событиях стало рассматриваться как государственная задача и в качестве доктринальной основы общественного развития. Осуществлять ее была призвана целая сеть вновь созданных общественных и государственных организаций. Важнейшим механизмом новой системы стала Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б), с легкой руки М.С. Ольминского получившая название «Истпарт». Пропаганда нового строя и его идеологическое обеспечение — принципиально новое явление во внутренней политике начала XX в. — было воспринято вождями большевиков как свое кровное дело. 5 июня 1918 г. ЦК РКП (б) выпускает обращение «Ко всем партийным организациям» с призывом собирать любые партийные материалы и присылать их в Секретариат — «для будущего историка Великой Российской революции»[1]. Посреди массы забот и трагических поворотов Гражданской войны идея не только не заглохла, но все время получала новые импульсы. В августе 1919 г. В.И. Ленин заметил в беседе с М.Н. Покровским: «...Мы сами успели позабыть теперь массу важнейших фактов, сопровождавших возникновение Со-

ветской власти, первые шаги ее учреждений и т.д., в особенности, когда эти факты происходили вне Петербурга и Москвы ... Растет поколение, которое об этих фактах совсем ничего не знает. Кто-то должен ему об этом рассказать...»[2]. В непосредственной связи с этим 20 августа 1920 г. при Госиздате организуется Комиссия по истории РКП (б), в состав которой вошли многие деятели Главного Управления архивным делом, но уже декретом СНК 21 сентября 1920 г. Комиссия «для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и РКП (б) ставится в подчинение Наркомпросу»[3], а 3 декабря того же года становится отделом ЦК партии. Фактически подразумевалось, что Комиссия будет собирать не только документы по истории партии, но станет ее основным архивом.

* * *

Сегодня, вместе с переменой общественного строя, многие исторические явления, служившие столетие назад для идеологического обоснования теории развития, получают возможность научного исследования. В том числе — изучение истории и деятельности Истпарта.

Складывание историографии этой уникальной организации пережило несколько этапов. Самый первый связан с 10-летием организации Комиссии, когда она уже была слита с Институтом Ленина. Вспоминая прошлое, ветераны партии отдавали дань многообразной деятельности Истпарта, делая некоторый акцент и на зачатках проводившихся исследований[4]. Сегодня мемуарно-пропагандистское звучание этих статей, вполне в духе самой Комиссии, интересно, скорее, с точки зрения «саморефлексии». Атмосфера последующих лет не стимулировала интереса к теме, учитывая, что издававшийся Истпартом журнал «Пролетарская революция» был закрыт летом 1941 г. Тем самым косвенно была закрыта и сама тема.

С середины 1950-х годов на волне т.н. обновления исторической науки, и в рамках прежней идеологии, изучение истории Комиссии не претерпело существенных и сущностных перемен. Изучение шло по принципу количественного наращивания материалов о ее деятельности. Однако с учетом того, что фонд был фактически закрыт для широкого использования, этот момент важен. Добротные, в рамках дозволенной научной свободы, труды Н.С. Комарова, Л.В. Ивановой, В.А. Пересветова, Т.В. Ивницкой (Батаевой), Е.Н. Городецкого, Н.Р. Андрухова и некоторых других[5] стали, по сути, идейной основой для целого ряда региональных исследований, проводившихся затем на местном материале. Поскольку местная сеть Истпарта была чрезвычайно развита и именно она являлась главным «транслятором» его идей и планов, очень важны диссертационные исследования Б.И. Кашкина, Е.Т. Лейкиной, О.Ю. Шамаевой[6]. Они не вскрывали важных механизмов формирования общественного сознания, внедрения идеологических постулатов в исторические исследования, что, однако, было общим свойством исторической науки того времени. Своеобразным итогом советской исследовательской традиции Истпарта можно считать статью Г.Д. Алексеевой, написанную по вновь открытым архивным материалам, где прочитывался невысказанный более объективный взгляд на деятельность Комиссии[7].

Постсоветский период с присущим ему критическим отношением к советскому опыту почти не стимулировал широкого изучения целого ряда феноменов «историко-партийной науки» в СССР, среди которых Истпарт занимает видное место. Можно назвать всего несколько статей (в частности, М.Ю. Дишинимаевой, С.В. Сливко, Е.А. Калинкиной), которые тяготеют к региональным проблемам изучения деятельности Комиссии. Единственной основательной работой является труд В.Г. Мосолова, не лишенной предвзятости в общей оценке деятельности ИМЭЛ и конкретно — Истпарта[8].

Безусловно, огромным и слабо изученным сегодня резервом являются документальные издания самого Истпарта, которые были лишь частично отражены в некоторых выпускавшихся им каталогах. Это многие сотни изданий. Первостепенную роль в исследовании играют фонды Комиссии, — как центральной (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1—4), так и региональных, а также фонд редакции журнала «Пролетарская революция».

Таким образом, вопросы взаимодействия исторической науки и идеологии, формирования концептуального видения пройденного страной пути через призму «государственного заказа» — на примере Истпарта, по-прежнему остаются актуальными.

* * *

Истпарт, несмотря на новаторство в области сращивания исторической науки с пропагандой, в известной степени был наследником предшествующих дореволюционных инициатив по мемориализации памяти о важных для потомков событиях. По своей сути — это важная миссия любой власти. В дореволюционной России среди целого ряда официально институализированных дат и лиц легко найти целые направления, связанные с сохранением воспоминаний, например, о Петре Великом, Пушкине, Крымской войне, конечно, Отечественной войне 1812 г. На другом полюсе общественной памяти находились люди и события, которые были дороги либералам разных классов: декабристы и их мятеж, народовольческое движение. Но уже в годы Революции 1905—1907 гг. оппозиционные слои перешли от эмигрантских полупрофессиональных изданий и движения отдельных групп к целенаправленному собиранию материальных источников. Именно тогда и возникает идея организации будущего «Музея революции», где собрались бы многие реликвии противоправительственной борьбы в России[9]. Хотя период был не столь протяжен во времени, он укрепил традицию, активно развернувшуюся после Февральской революции. Теперь этот некогда «андерграундный» слой начал концентрировать вокруг себя сначала подпольно (но подобно официальному) — общества и учреждения, документы и реликвии. Эта когорта чуть позже сыграла решающую роль в исторической науке после событий Октября 1917 года.

Представление о том, что только единая идеология, единая система координат в культурной области могут сохранить результаты Октябрьского восстания, существовало фактически изначально. Именно это предопределило директивную организацию целой системы государственных и общественных структур, ответственных за создание новой идеологии, сами методы их работы. Истпарт, Институт Ленина, Институт Маркса — Энгельса, Комакадемия — все они появились фактически одновременно, в 1918—1919 гг. Чуть позже к ним присоединились Общество старых большевиков, Общество историков-марксистов и др.[10] Несколько особняком стояло Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, также успешно формировавшее «свой» образ прошлого России[11]. Большинство этих организаций и обществ способствовало также становлению нового типа советского интеллигента-универсала, обладавшего «классовыми» представлениями о прошлом. Среди носителей этого типа исторического мышления преобладали недавние подпольщики, профессиональные революционеры, однако подлинными ее организаторами стали интеллигенты с дореволюционным оппозиционным стажем и своим пониманием методов пропаганды и/или исследования.

Уже вскоре после прихода к власти большевиков стало ясно, что подпольное существование партии может дать немного шансов на сохранение ее документов и ее истории. Распылялась сама основа будущей историографии. Ценный Краковско-Поронинский архив с материалами большевиков периода Первой мировой войны был в руках польского правительства; документы Петербургского Комитета РСДРП (б) за

1917—1918 гг. находились у бывшего подпольщика Ю.В. Белова; целый ряд важных источников хранился в личных архивах историков Н.А. Рожкова, М.К. Лемке, П.Е. Щеголева, тяготевших к меньшевикам, кадетам; ничего не было известно о нахождении материалов Циммервальдской и Кинтальской конференций, значительной части архива Заграничного Бюро ЦК РСДРП, Комитета Заграничных организаций партии, партийной школы в Лонжюмо, сотнях работ Ленина периода эмиграции, оставшихся в черновиках, и т.д.[12] Это были лишь самые первые неприятные «открытия».

Истпарт деятельно начал исправлять ситуацию. Уже в середине января 1921 г. член Истпарта Пионтковский вместе с Адоратским поставили вопрос о необходимости подготовить план коллективной работы по истории партии и начать собирание материалов и выработать план «коллективной работы» по истории Октябрьской революции; речь идет о том, чтобы «немедленно приступить к выработке этого плана-собирания источников»[13]. Самая первая программа 1922 г. содержала четыре пункта, — в соответствии с четырьмя хронологическими разделами будущих исследований (хроник, монографий, публикаций): до Октябрьской революции, борьба за диктатуру пролетариата, советское строительство, события «на местах». К ней были приложены рекомендации о подготовке материалов «с возможной полнотой, беспристрастием и с оценкой строго марксистской»[14] (последнее автоматически нивелировало первые положения).

Вопросы ставились, решались либо снимались весьма оперативно. Так, 26 января 1921 г. (прот. № 16) предлагается организовать экспедицию в Крым, а также в Сибирь (просить выделить для этого специальный вагон от Музея революции) для сбора материала как архивного, так и музейного характера. Одновременно упоминается, что идет розыск документов по истории Кавказа, Украинской Рады — через Кавказское бюро. Последнее получает еще задание поиска материалов первых социал-демократических кружков в Казани в Поволжье. Но вскоре выясняется, что в Крым поехать на данный момент нельзя (по причине войны), а в Сибири уже слаженно работает отделение по сбору документов. В июне того же года ставится вопрос об откомандировании сотрудника в Ферганскую область для собирания материалов. На заседании коллегии Истпарта 3 октября 1921 г. (журнал № 37) решено поддержать ходатайство Дейча перед Политбюро о его командировке для разбора архива Плеханова[15].

Начиная с зимы 1921 г. центральный Истпарт ведет активную переписку о передаче с мест в Москву, Петроград лишних подшивок газет и журналов дореволюционного периода (журнал «Коммунистический путь», «Социал-демократ», «Новая жизнь», «Пролетарий» и др.), копий прокламаций, листовок. Перечисление дальнейших подобных контактов заняло бы немало места, так как они шли постоянно и активно осуждались как на заседаниях коллегии центрального Истпарта, так и на его совещаниях. Впрочем, и центральный Истпарт также нередко служил «банком данных» для местных организаций.

Сразу же начала расти местная сеть Истпарта, что и предусматривалось декретом. В 1920 г. появились бюро в Москве, Петрограде, Казани, Нижнем Новгороде, Перми. В следующем году — в Харькове, Екатеринославе, Ташкенте, Семипалатинске и др. Этот рост шел настолько бурно, что к 1922 г. насчитывалось 72 отделения по всей стране, 58 из которых было губернскими. Далеко не все они действовали реально, что было связано с особенностями финансирования, наличием кадров. Собственный бюджет имел лишь центральный Истпарт, а его местные отделения передавались на попечение местных партийных организаций, которым вменялось в обязанность не только организовывать работу бюро, выделять сотрудников (не освобожденных от основной работы), но и выплачивать им определенное вознаграждение. Таким образом, работу Истпарта сопровождала известная доля «партийного энтузиазма».

Огромную роль в становлении Комиссии сыграл М.Н. Покровский, в 1920-е годы являвшийся руководителем или членом всех исторических учреждений страны. Не без его влияния Комиссия сразу взяла крайне энергичный темп работы, собираясь на свои заседания каждую неделю и обсуждая по 5—10 вопросов.

Довольно скоро Истпарт начинает выполнять функции научно-популяризаторского отдела партии, а ближе к концу своей деятельности — даже научного учреждения. В основе этой деятельности лежала огромная собирательская работа: уже в 1923—1924 гг. при Истпарте был образован историко-партийный архив, где концентрировались наиболее ценные документы, но помимо этого формировался и общий архив, который начал функционировать в 1924 г.

В работе Комиссии можно выделить несколько довольно значимых направлений:

1) поиск и концентрация документов по истории русского революционного движения начиная со второй половины XIX в., большевистской партии и революции 1917 года, причем речь шла и о создании фактически новых источников: анкетировании участников, стенографировании «вечеров воспоминаний», анкетирования, — то есть нынешняя «устная история» была одним из действенных способов работы и в самые первые годы советской власти;

2) публикация документов, главным образом сборников научно-популярного и даже популяризаторского типа; подготовка хроник событий и монографий;

3) увековечивание памяти В.И. Ленина: создание «ленинских уголков», музеев;

4) популяризация истории оппозиционного и протестного движения, связанного исключительно с деятельностью большевиков, что и осуществлялось в форме лекций, семинаров, выставок, тех же «вечеров воспоминаний»;

5) создание инструкций, различных методических писем, циркуляров и разработок, целью которых было внедрение научных форм работы с текстами, документами; эта организационная работа велась Истпартом начиная с 1921 г., прежде всего путем оперативной связи с местными бюро (отделениями).

«Визитной карточкой» Истпарта стала его публикаторская и издательская деятельность. Однако подготовленное им значительное количество научно-популярных изданий далеко не всегда отвечало критериям научности. Вместе с тем, эта литература заполнила объективно существовавшую нишу, формируя не только спрос читателей, но и «конструируя» интересы профессиональных историков в заданном направлении.

За годы своего существования только центральный Истпарт издал материалы всех съездов и конференций большевистской партии с 1898 по 1921 г. Хотя публикации как бы «закрыли тему», но фактически они давали текст, не всегда отвечавший критериям научности. Этому способствовал специфический отбор документов. Например, в 1926 г. при переиздании протоколов ЦК руководитель Ленинградского истпарта П.Ф. Куделли поставила вопрос о включении в книгу выступления Ленина перед рабочими Питера 9 ноября 1917 г., — когда перед угрозой наступления германцев большевики были готовы идти даже на соглашение с атаманом Калединым, за которым стояла реальная военная сила. Увы, документ был признан неудобным и в печать не пошел, хотя именно из-за этого был задержан выход книги[16]. Нередко сами составители сборников, не стесняясь, озвучивали методы работы с документами. Так, Б.Я. Наливайский писал в предисловии к сборнику «Петроградский Совет Рабочих и Солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И. К.» (М.; Л., 1925), что материалы «подбирались». Однако наиболее частым было прямое редактирование документов, сведения о чем рассыпаны в протоколах заседаний Истпарта, хотя этот момент составители стремились затушевать даже в

среде единомышленников. Так деформировалась «картинка» прошлого партии, к истории которой стремились как бы подверстать всю историю России.

Большое значение придавалось переизданию только и исключительно большевистских газет: «Искры», «Вперед», «Пролетария», «Новой жизни», «Правды», вопрос о чем был поставлен уже в 1923 г.[17]

Апофеозом усилий Истпарта в порученном ему направлении деятельности стало празднование 20-летия Революции 1905—1907 годов — именно здесь, в отличие от событий февраля 1917 г., большевики проявили себя особенно энергично. Сотни сборников и монографий, мемуаров и хроник в итоге украсили полки магазинов, однако в целом качество их было таково, что накануне празднования 10-летнего юбилея Октябрьской революции состоялось специальное закрытое совещание заведующих истпартотделами, где было признано, что «перепроизводство и недоброкачественность материала привели к затовариванию рынка»[18].

Важнейшим направлением усилий Комиссии стало увековечивание памяти В.И. Ленина, что началось еще при его жизни, осенью 1923 г., в связи с ухудшением здоровья. 23 августа 1923 г. губисполком Петрограда ходатайствует перед НКВД о национализации домика Ленина на ст. Саблино, где он жил в 1904 г. перед побегом за границу. Одновременно говорится о необходимости устройства «уголка Ленина» на Всероссийской сельскохозяйственной выставке и помещении там двух фотографий домика Елизарова[19]. Вопрос об устройстве «ленинских уголков» едва ли не на каждом предприятии был настолько важным, что обсуждался на XIII партсъезде, когда было организовано всесоюзное совещание истпартов по этому поводу. Тогда же была разработана и примерная схема их «построения» (детство; подпольная работа; война; подготовка Октября; Октябрьская революция; Коминтерн; последние дни Ильича; траурные дни; отзвуки на смерть Ленина за границей; рост компартии)[20]. Так сохранение памяти превращалось в сакрализацию, а учитывая размах этой работы по всей стране, можно говорить о перекройке исторических представлений буквально по народнической схеме «героя и толпы».

Методическая деятельность Истпарта была тесно связана с представлениями о важности научных подходов и так или иначе обсуждалась на большинстве его совещаний и внутренних заседаний. Нередко проблемой становились вопросы обработки собранных архивных материалов, причем здесь сотрудники Истпарта могли вполне аргументированно спорить с Главархивом.

К моменту логического завершения деятельности Истпарта им была создана солидная база источников, которые ныне составляют десятки фондов в архивах (прежде всего, в РГАСПИ). Нередко в ущерб другим направлениям и периодам именно эти документы проходили первыми архивную обработку и сразу же вовлекались в научный оборот. Научно-популярные сборники активно использовали пропагандисты во всех уголках СССР (почему была так важна его региональная сеть), а подготовленные Комиссией сборники партийных материалов цитировались буквально во всех изданиях по истории партии большевиков, а, значит, и по истории СССР. Даже древнейшие времена находили себе базу в изданиях Истпарта. Это активное внедрение его продукции в историческую науку формировало общепринятые взгляды на прошлое России, представляя его как непрерывный кризис, способом разрешения которого могла быть только революция в октябре 1917 г. Основой здесь был широко рекламировавшийся «партийно-классовый подход», который лежал в основе всей деятельности Истпарта. И хотя собранные в огромной степени благодаря деятельности Комиссии документальные комплексы были много важнее и шире проблематики его публикаций, на долгие годы они выпали из поля зрения исследователей.

Определенный параллелизм и трения между Истпартом и Институтом Ленина завершились их слиянием в 1928 г. (в том числе, по причине экономии средств), хотя местная сеть Истпарта продолжала существовать до 1939 г. Объединение в 1931 г. с Институтом Маркса — Энгельса привело к объединению под одной крышей архива с исследовательским институтом, а по сути — к завершению подготовительного этапа в формировании общепринятой концепции развития СССР, закрепленной в Кратком курсе истории ВКП (б). Институт Маркса — Энгельса — Ленина (затем и Сталина) стал цитаделью советской «историко-партийной науки». Этот крупный исследовательский институт более чем на полвека был непререкаемым авторитетом не только в области изучения истории партии и мирового коммунистического движения, но и отечественной истории в целом.

1 Правда. 1918. 6 июня; после выхода в свет книги Л.В. Ивановой «У истоков советской исторической науки» (1968) в исторической среде появилась традиция относить этот партийный документ к марту 1919 г., когда он был еще раз озвучен на VIII съезде партии.

2 *Покровский М.Н.* О возникновении Истпарта // Пролетарская революция. 1930. № 7/8. С. 138—139.

3 Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 80, ст. 386.

4 *Елизарова А.И.* Ретроспективный взгляд на Истпарт и на журнал «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. 1930. № 6. С. 156—162; *Адоратский В.* Воспоминания о возникновении Истпарта // Там же. С. 163—164; *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 138—140 и др.

5 *Комаров Н.С.* Создание и деятельность Истпарта (1920—1928 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1958. № 5. С. 153—165; *Ивницкая Т.В.* Археографическая деятельность института Маркса — Энгельса — Ленина в предвоенные годы // Труды / Московский историко-архивный институт. М., 1962. Т. 15: Вопросы архивоведения и археографии. С. 53—80; *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки: (подготовка кадров историков-марксистов в 1917—1929 гг.). М.: Мысль, 1968; *Городецкий Е.Н.* Из истории первых шагов деятельности Комиссии по истории партии и Октябрьской революции (ИСТПАРТ) // История и историки, 1973 год: сб. ст. М., 1975; *Волин М.С.* Истпарт и советская историческая наука // Великий Октябрь: История. Историография. Источниковедение: сб. ст. М.: Наука, 1978. С. 189—206; *Андрухов Н.Р.* У истоков историко-партийной науки: (краткий очерк деятельности Истпарта, 1920—1928 гг.). М.: Знание, 1979.

6 *Кашкин Б.И.* Создание и деятельность Истпарта ЦК КП(б)У, 1921—1929: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1970; *Лейкина Е.Т.* Ленинградский Истпарт, 1920—1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Л., 1980; *Шамаева О.Ю.* Создание и деятельность московского Истпарта (1921—1934): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. М., 1984.

7 *Алексеева Г.Д.* Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 17—29.

8 *Мосолов В.Г.* ИМЭЛ — цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921—1956 / Междунар. ин-т социальной истории (Амстердам). М.: Новый хронограф, 2010.

9 *Шумная Т.Г.* От Февральской революции к Музею революции // 1917 год в судьбах России и мир. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 218—224; *Шашкова О.А.* «Люди Фронды» меж двух революций 1917 г.: из истории собирания наследия Февраля // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: сб. ст. / сост. С.М. Исхаков; отв. ред. Ю.А. Петров; ИРИ РАН; Науч. совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций. М.: Наука, 2014. С. 244—274.

10 *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001.

11 *Юнге Марк*. Революционеры на пенсии: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921—1935. М., 2015.

12 В результате длительных переговоров в СССР к 1933 г. поступила некоторая часть архива и личных вещей В.И. Ленина, однако большая часть его была передана лишь в 1945 и 1954 гг. — более 1000 документов (из которых почти четверть составляли ленинские). При этом выяснилось, что частично архив утрачен. Также см.: О розыске документов В.И. Ленина // Исторический архив. 1955. № 2. С. 174—185.

13 Российский государственный архив социально-политической партии (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

14 Темы для работы по истории Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1922. № 5. С. 323—324.

15 РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 20. Л. 28—28 об.

16 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 416. Оп. 1. Д. 139. Л. 32—33, 57.

17 РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

18 Там же. Д. 139. Л. 80; Д. 140. Л. 10—11.

19 Там же. Д. 35. Л. 5, 9.

20 Там же. Д. 62. Л. 8—9.

Сведения об авторах

Аксенов Владислав Бэнович — кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Аксютин Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный областной университет.

Алиева Севиндж Исрафил кызы — доктор исторических наук, Институт истории Национальной академии наук Азербайджана.

Аманжолова Дина Ахметжановна — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Архипова Татьяна Григорьевна — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва).

Асташов Александр Борисович — кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Москва).

Багирова Ирада — доктор исторических наук, Институт истории Национальной академии наук Азербайджана.

Базанов Сергей Николаевич — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Батырбаева Шайыркул Джолдошовна — доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет.

Бахтурина Александра Юрьевна — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва).

Белозерова Ирина Валентиновна — кандидат исторических наук, Государственный исторический музей (Москва).

Беспалов Сергей Валериевич — кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва).

Бессолицын Александр Алексеевич — доктор экономических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва).

Бойко Алексей Алексеевич — кандидат искусствоведения, Государственный музей политической истории России (С.-Петербург).

Босяцки Адам — доктор юридических наук, профессор, директор Института наук о государстве и праве, Варшавский университет.

Брюггеманн Карстен — профессор, Таллиннский университет.

Бугай Николай Федорович — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Булдаков Владимир Прохорович — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Буховец Олег Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет (Минск).

Быстрова Нина Евгеньевна — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Вада Харуки — профессор, Токийский университет (Япония).

Ван Гуйсян — профессор, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии при Китайской академии общественных наук (Китай).

Венков Андрей Вадимович — доктор исторических наук, профессор, Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону).

Вихавайнен Тимо — профессор, член-корреспондент Финской академии наук и литературы (Финляндия).

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна — доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

Волобуев Олег Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный областной университет.

Вострикова Влада Владиславовна — кандидат исторических наук, Орловский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Вульф Дэвид — профессор, Центр славяно-евразийских исследований университета Хоккайдо (Япония).

Гайда Федор Александрович — кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Гилязов Искандер Аязович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Татарстана, Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Поволжского) федерального университета.
Голубев Александр Владимирович — кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Гросул Владислав Якимович — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Грузинов Алексей Станиславович — кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Деннингхаус Виктор — доктор исторических наук, профессор, Нордост-Институт при Гамбургском университете (Германия).
Дроздов Константин Сергеевич — кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Дьюкс Пол — профессор, Абердинский университет (Великобритания).
Егоров Андрей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Череповецкий государственный университет.
Жанситов Осман Асланович — кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарской республики (Нальчик).
Жиромская Валентина Борисовна — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Зарубин Вячеслав Георгиевич — Комитет автономной Республики Крым по охране культурного наследия (Симферополь).
Зеленов Михаил Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).
Иванов Анатолий Евгеньевич — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.
Иванова Наталья Анатольевна — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Исхаков Салават Мидхатович — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Калмыков Александр Георгиевич — кандидат исторических наук, Государственный музей политической истории России (С.-Петербург).
Касперавичус Альгис Повилас — профессор, Вильнюсский университет (Литва).
Катцер Николаус — профессор, директор Германского исторического института в Москве.
Керов Валерий Всеволодович — доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).
Козодой Виктор Иванович — доктор исторических наук, профессор (Новосибирск).
Кокоулин Владислав Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный университет.
Кондратьева Тамара — профессор, университет г. Валансьен (Франция).
Кондрашин Виктор Викторович — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Косески Адам — доктор исторических наук, профессор, ректор Гуманитарной академии им. Александра Гейштора (Польша).
Кострикова Елена Гавриловна — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Красовицкая Тамара Юсуфовна — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Леонов Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, Московский педагогический госуниверситет.
Леонтьева Татьяна Геннадиевна — доктор исторических наук, профессор, Тверской государственный университет.
Лизунов Павел Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Архангельск).
Листиков Сергей Викторович — доктор исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук (Москва).
Локшин Александр Ефимович — кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Лукоянов Игорь Владимирович — доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.
Любин Валерий Петрович — доктор исторических наук, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва).

Лялин Артем Вадимович — Государственный исторический музей (Москва).
Мамаев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Марченя Павел Петрович — кандидат исторических наук, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
Мерль Штефан — профессор, Билефельдский университет (Германия).
Миско Николай Константинович — Государственный исторический музей (Москва).
Морозов Константин Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва).
Морозова Алла Юрьевна — кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Мусаев Вадим Ибрагимович — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.
Назария Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доктор политических наук, Государственный институт международных отношений Молдовы (Кишинев).
Нарышкин Сергей Евгеньевич — доктор экономических наук, Председатель Российского исторического общества (Москва).
Неберекутина Елена Васильевна — кандидат исторических наук, Государственный исторический музей (Москва).
Ненароков Альберт Павлович — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).
Николаев Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (С.-Петербург).
Николаев Михаил Георгиевич — главный эксперт Департамента исследований и прогнозирования Банка России (Москва).
Николаева Елена Евгеньевна — Государственный исторический музей (Москва).
Никонова Ольга Григорьевна — Государственный музей политической истории России (С.-Петербург).
Орловски Дэниэл — профессор, Южный методистский университет (США).
Петров Алексей Анатольевич — Государственный исторический музей (Москва).
Петров Федор Александрович — доктор исторических наук, Государственный исторический музей (Москва).
Петров Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор, директор Института российской истории Российской академии наук (Москва).
Петухов Иван Павлович — Государственный музей политической истории России (С.-Петербург).
Пивоваров Никита Юрьевич — кандидат исторических наук, Российский государственный архив новейшей истории (Москва).
Пихоя Рудольф Германович — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН, главный редактор журнала «Российская история» (Москва).
Пономарева Варвара Витальевна — кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Пуговкина Оксана Геннадьевна — кандидат исторических наук, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан).
Рабинович Александр — профессор, университет Индианы (США).
Репников Александр Витальевич — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).
Сактаганова Зауреш Галимжановна — доктор исторических наук профессор, Карагандинский госуниверситет им. Е.А. Букетова (Казахстан).
Сенин Александр Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва).
Свинаренко Александра Игоревна — Государственный исторический музей (Москва).
Семенова Анна Владимировна — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Сергеев Евгений Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Институт всеобщей истории Российской академии наук (Москва).
Сидоров Александр Валентинович — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва).
Сидорова Любовь Алексеевна — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).
Скшипек Анджей — доктор исторических наук, профессор, Гуманитарная академия им. Александра Гейштора (Польша).
Смирнова Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный радиотехнический университет.

Солдатенко Валерий Федорович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, Институт политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса (Украина).

Соловьев Кирилл Андреевич — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Рссийской академии наук (Москва).

Спиридонов Сергей Леонидович — Государственный музей политической истории России (С.-Петербург).

Суряев Валерий Николаевич — кандидат исторических наук, Научно-исследовательский институт вооруженных сил Республики Беларусь (Минск).

Суханова Наталья Ивановна — доктор исторических наук, профессор, Московский государственный областной университет.

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Дэвид — профессор, университет Брока (Канада).

Талызина Анна Аркадьевна — кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Тихонов Виталий Витальевич — кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Туманова Анастасия Сергеевна — доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).

Ульянова Галина Николаевна — доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Усманов Наиль Вакилович — кандидат исторических наук, Башкирский госуниверситет (Уфа).

Филиппова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Институт востоковедения Российской академии наук (Москва).

Хайлова Нина Борисовна — кандидат исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Хайрутдинов Рамиль Равилович — кандидат исторических наук, директор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

Хоскинг Джеффри — профессор Лондонского университета, почетный доктор Института российской истории Российской академии наук.

Христофоров Василий Степанович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Хуан Лифу — профессор Института мировой истории Китайской академии общественных наук (Китай).

Цапина Татьяна Александровна — Государственный исторический музей (Москва).

Циунчук Рустем Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

Чернобаев Анатолий Александрович — доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, главный редактор журнала «Исторический архив» (Москва).

Чжан Цзяньхуа — профессор, директор Центра новой и новейшей мировой истории Пекинского педагогического университета (Китай).

Чжао Сюйли — доктор исторических наук, доцент Шэньсиского педагогического университета (Китай).

Шайде Кармен — доктор исторических наук, Исторический институт Бернского университета (Швейцария).

Шашкова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

Шевелев Иван Геннадьевич — Государственный исторический музей (Москва).

Шелохаев Валентин Валентинович — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук (Москва).

Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук (Москва).

Эскиндаров Михаил Абдурахманович — доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва).

Научное издание

Великая российская революция, 1917:
сто лет изучения
Материалы Международной научной конференции

Редактор
О.А. Пруцкова

Макет и оформление
Ю.В. Балабанов

Подписано в печать 25.12.17. Формат 70×100/16. Заказ №
Тираж 500 экз. 50,5 п.л. 65,0 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80